

**MODERN SOCIOLOGICAL
THEORY**

IN CONTINUITY AND CHANGE

edited

H. Becker* and *A. Boskoff

NEW YORK, 1957

ГОВАРД БЕККЕР И АЛВИН БОСКОВ

**СОВРЕМЕННАЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ
В ЕЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
И ИЗМЕНЕНИИ**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

В. М. Карзинкина и Ю. В. Семенова

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ И ПОСЛЕСЛОВИЕ

проф. Д. И. Чеснокова

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1961

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

В. М. ЛЕОНТЬЕВ И И. И. ЦЫГАНКОВ

УДК

Редакция литературы по философским наукам

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящее время вопросы марксистско-ленинской критики буржуазной идеологии приобретают особое значение. Как указано в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, в условиях мирного сосуществования и соревнования двух противоположных социально-экономических систем, в условиях стремительного роста могущества и международного влияния мировой социалистической системы, в обстановке активного процесса распада колониальной системы под ударами национально-освободительного движения, нарастания классовых битв в капиталистическом мире, дальнейшего упадка и разложения мировой капиталистической системы на мировой арене все более проявляется перевес сил социализма над империализмом, сил мира над силами войны¹. Социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества. Однако капиталистический мир не уступает без боя ни одной позиции. Более того, он пытается сохранить свои силы и защитить свои интересы. Несмотря на глубокий кризис буржуазной политики и идеологии, теоретики капиталистического мира продолжают разрабатывать все новые и новые рецепты спасения и даже «развития» капиталистического общества, сопровождая это традиционной критикой и «опровержениями» марксизма-ленинизма. В области общественных наук идеологи капитализма пытаются создать видимость глубокой разработки теоретических проблем, в частности проблем, относящихся к истолкованию наиболее общих закономерностей развития общества.

Бесспорно, что знание концепций современных буржуазных социологов, равно как и тенденций развития идеалистической социологии, необходимо для философов и работников в области других общественных наук в целях еще более аргументированной, глубокой и многосторонней критики буржуазной идеологии.

Предлагаемая вниманию специалистов книга «Современная социологическая теория», вышедшая в американском издании под общей редакцией Г. Беккера и А. Боскова, является с рассмотренной выше точки зрения весьма показательным и интересным коллективным произведением ряда видных буржуазных социологов. Оно заслуживает внимательного изучения и критики.

Авторы, основываясь на идеалистическом представлении о законах общественного развития, пытаются противопоставить историческому материализму все «богатство» буржуазной социологиче-

¹ См. «Правда», 6 декабря 1960 г., № 341 (15465).

ской мысли, которая, по их мнению, если и не разрешила задачи, стоящие перед социологией как наукой, то, во всяком случае, ищет «объективных» путей к такой науке, накапливает для нее материал.

Книга построена таким образом, чтобы создать у читателя представление, что многовековое развитие социологической мысли подвело к появлению современной эмпирической социологии.

При этом рассматривается широкий круг проблем, начиная от анализа предшествующих социологических теорий и до защиты методологии тех или иных влиятельных школ в современной буржуазной социологии.

Представляют известный интерес попытки авторов указать на социологическую проблематику в некоторых общественных науках и обзоры состояния социологической мысли в главных капиталистических государствах. Вполне понятно, что все усилия авторов доказать возможность научной социологии на основе идеалистической методологии беспочвенны. Они не могли привести к плодотворным результатам, а безуспешность таких усилий косвенно свидетельствует о величии и глубине научного диалектико-материалистического понимания общества.

Подробный критический анализ содержания данной книги, а также разъяснение точки зрения исторического материализма читатель найдет в Послесловии к данному изданию (стр. 828).

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ

«Мы не знаем, куда мы идем, но мы находимся в пути». Это ощущение, высказанное или невысказанное, отражает многие виды нашей повседневной деятельности не только здесь, в Соединенных Штатах, но и во всем мире. Этим ощущением отнюдь нельзя пренебрегать; тем, кто пристально вглядывается в хрустальный шар, редко удастся заняться чем-либо другим, и их видение будущего не является достоверным. Даже если мы будем говорить о «тенденциях», мы все же сможем, к сожалению, ошибиться, что и доказывалось предсказаниями в отношении роста народонаселения Америки, сделанными в начале сороковых годов.

Данная книга, «Современная социологическая теория в ее прее́мственности и изменении», не является попыткой предсказания. То, что мы подразумеваем под «прее́мственностью», является «прее́мственностью в силу ретроспективного взгляда»; наши авторы обращают свои взгляды назад, на период, приблизительно соответствующий первой мировой войне, и, отправляясь от этого пункта, они пытаются проследить развитие различных областей социологии, не утверждая, что это развитие, некоторые стороны которого идут по довольно определенным линиям, будет продолжаться без прерывов, постепенных отклонений или даже резких поворотов. Действительно, некоторые из авторов, по-видимому, пытаются оживить определенные направления в социологическом исследовании, которые никогда на деле не стали тенденциями; они не прослеживают многообещающие направления, или же когда они, по-видимому, это делают, то у них отсутствует ясное признание заслуг их предшественников. Эти пробелы в том, что могло бы быть непрерывным развитием, встречаются поразительно часто с начала второй мировой войны и до настоящего времени. На всем протяжении, начиная с весьма общей «систематической социологии» и кончая весьма детальным анализом «малых групп», к сожалению, все чаще встречается полное пренебрежение к важным работам предшественников или же полное невежество в этом отношении. Поэтому слово «прее́мственность» на нашей обложке чаще относится к области «того, что могло бы быть», чем того, что действительно существует. По-видимому, внимание к тому, что могло бы быть, придаст большую социально-научную ценность тому, что фактически есть, но, во всяком случае, многие из участников данного сборника учитывали «прее́мственность» в этом несколько пиквическом смысле.

Отсюда следует, что интерес к «изменению» в данном случае выходит за пределы исчерпывающего предположения, что, поскольку мы явно находимся на пути, нам нет нужды, по-видимому, обращать

внимание на то, куда мы идем. Отвергая возможность предсказания, мы тем не менее чувствуем, что тщательное рассмотрение явных изменений, имевших место за последнее время в интересах социологов, в свете неполной или фактической преемственности может помочь проложить наш курс не столь слепо, по крайней мере в ближайшем будущем. Нам, может быть, никогда не удастся освободиться от личных склонностей и оппортунизма; ученые, даже, увы, ученые-естественники, иногда поддаются соображениям, которые не являются строго научными. Тем не менее гильдия трезвых и ответственных научных работников-социологов может по временам обнаружить, что полезно, если они могут признать невежество, обскурантизм, случайное или преднамеренное забвение предшественников, карьеризм и шумную рекламу за то, чем они действительно являются. Большинство авторов данного сборника не считали нужным тщательно разъяснять частную направленность их работ, но, читая между строк, принимая во внимание сноски в каждой главе и отобранную библиографию, можно понять, какова эта направленность.

Однако мы отнюдь не хотим создать в этом предисловии впечатление, что наш сборник является только случайным рядом комментариев нелестного характера к современной социологии. В нескольких широко рекламированных книгах мы достаточно и даже слишком часто видели это, иногда чаще, чем это допускается справедливостью. Каждая без исключения глава нашей книги представляет собой тщательное обозрение какой-либо области, причем прилагались постоянные усилия к наиболее беспристрастному изложению, насколько это вообще в человеческих силах. Мы думаем, что был охвачен достаточно широкий материал и, если учитывать ограниченность места, было дано довольно глубокое изложение. Все авторы были весьма тщательно отобраны с точки зрения их эрудиции и научной компетенции, а также их свободы от той или иной «школы» социологии. Когда выбор был сделан, задача редакторов заключалась главным образом в рациональном распределении труда: расположении глав в соответствующей последовательности, распределении мест в соответствии с интересами автора, учете требования равномерного представительства. Нигде мы не пытались повлиять на конкретное содержание любой из глав.

Может быть, было бы уместным сказать несколько слов о том, как возник этот сборник. Когда Флориан Знанецкий был избран, к сожалению с запозданием, президентом Американского социологического общества, он начал составлять план повестки дня для очередного ежегодного съезда Общества в 1954 году согласно принципам, несколько отличным от тех, которые применялись на ряде предыдущих съездов в период после второй мировой войны. Соответственно осенью 1953 года он попросил ряд лиц, включая старшего редактора этого сборника, провести секционные собрания, на которых различные доклады были бы в достаточной степени координированы. Задачей старшего редактора было обеспечить для всех пяти секций доклады по социологии периода, начинаю-

щегося с первой мировой войны, и многие из глав данной книги возникли на этих секционных собраниях. Таким образом, поистине Знанецкий является одним из наших авторов, хотя его имя и не стоит в начале ни одной из глав. Было очень жаль, учитывая труд всех участников, что многие превосходные доклады остались неиспользованными или в лучшем случае были опубликованы с большими сокращениями в отдельных специальных журналах. Благодаря особому соглашению с издательством «Драйден Пресс» было обеспечено опубликование данного сборника.

В результате большинство докладов, представленных на вышеупомянутых секциях, было опубликовано в данной книге. Было также включено несколько дополнительных работ, случайно не вошедших в первоначальный план или же не законченных ко времени проведения съезда. Почти всем авторам была дана возможность переработать, дополнить или внести какие-либо другие изменения в свою первоначальную версию, и они были поставлены в известность о том, что делают их соавторы. Как всегда бывает при коллективной работе, время представления окончательных вариантов было весьма разнообразно и требования редакторской работы, а также планы издателей не позволили полностью добиться единой даты сдачи всех работ. Приблизительные даты, когда непосредственные авторы закончили работы над рукописями, были следующие: осень 1954 года — главы 13, 14 и 20; весна 1955 года — главы 2, 5, 8, 10, 11, 15, 19, 21, 25; лето 1955 года — глава 7; осень 1955 года — главы 1, 3, 4, 12, 18, 23, 24; зима 1955 года — главы 16, 17, 22; весна 1956 года — глава 9 и осень 1956 года — глава 6.

Из оглавления видно, что сборник в основном посвящен социологической теории в Соединенных Штатах Америки и что другие страны представлены значительно меньше, если сравнить, например, с количеством стран, упомянутых во втором томе книги Беккера и Барнса «Общественная мысль от предания к науке» («Social Thought from Lore to Science»; 2-е издание, 1952, Нью-Йорк, Довер Пабליкейшнз, переизданное в 1956 году). Ввиду того что книга предназначалась в первую очередь для американских студентов, мы решили не включать отдельную главу о Соединенных Штатах Америки, ибо большая часть книги может с полным основанием рассматриваться как выполняющая функцию подобной главы. Что же касается других стран, мы должны частично оправдаться недостатком места и желанием не быть поверхностными. Учитывая количество страниц, возможных в учебном пособии, состоящем из одного тома и продающемся по умеренной цене, казалось более целесообразным тщательно подвергнуть рассмотрению пять стран, чем поверхностно коснуться десятка или более. Однако даже и пять отобранных стран не рассматриваются так полно, как хотелось бы. Мы надеемся, однако, что рекомендованная литература поможет восполнить этот недостаток.

К счастью, в известной степени социологическая теория в Соединенных Штатах подверглась сильному влиянию ведущих мыслите-

лей и исследователей других стран, что подтверждается текстом отдельных глав и примечаниями к ним. Отсюда и некий повторяющийся на протяжении всех глав лейтмотив «у нас и за границей». Кроме того, хотя со времени второй мировой войны отмечается серьезное возрождение интереса к социологической теории за границей, иногда в направлении, далеко отходящем от более ранних проявлений, значительная часть этой теории учитывает последние американские достижения. Следовательно, внимание к вышеупомянутому *лейтмотиву* приведет к признанию того факта, что, даже когда отдельные главы в первую очередь посвящены авторам, издающим свои произведения в Соединенных Штатах, вклад прошлых и современных социологов других частей света широко использован в этой книге. А эти «другие части света» отнюдь не ограничиваются пятью странами, для которых мы смогли найти место. Польша, например, достаточно представлена Флорианом Знанецким, который, как мы уже отмечали, обратился к старшему редактору с просьбой, вылившейся впоследствии в план данной книги.

До сих пор мы говорили только о различных авторах и старшем редакторе, но большая часть фактической работы по редактированию машинописных рукописей и печатных листов книги проводилась младшим редактором. Действительно, в критический период перед выходом книги в свет, с августа 1956 года вплоть до окончания составления указателя в феврале 1957 года, старший редактор был в исследовательской командировке, субсидировавшей Американским философским обществом и Висконсинским университетом. Часть этого времени он использовал на изучение крестьян Германии, а остаток посвятил обработке материала. Поэтому наиболее тяжелая работа пала на плечи младшего редактора. Более того, в период, когда книга находилась в работе, несколько его предложений (о приглашении авторов для глав, первоначально не запланированных и предназначенных для заполнения пробелов) были тщательно рассмотрены и в одном или двух случаях приняты. Разница между младшим и старшим редактором, следовательно, заключается лишь в различиях возраста; мы несем одинаковую ответственность и, естественно, в одинаковой степени, за то, что мы сделали, и за возможную критику или похвалу.

Главы Шермерхорна и Хинкла, в которых младший редактор выступает как соавтор, были в основном напечатаны в том виде, как они были представлены первоначально авторами. Роль младшего редактора была совершенно незначительной, особенно в главе Шермерхорна, где его перу принадлежат только части вводного раздела, связывающие эту главу с предшествующей, и два абзаца заключительной части. В главе Роско Ч. Хинкла мл. младший редактор играл несколько большую, но все же второстепенную роль. Он написал около шести страниц о ранних европейских источниках (стр. 418—424). Поскольку не представилось возможности переслать гранки авторам, вышеуказанное объяснение является вполне достаточным, чтобы установить ответственность каждого из авторов.

Мы надеемся, что сборник окажется полезным, ибо, хотя он и имеет много блестящих предшественников, ссылки на которых встречаются на протяжении всей книги, когда это оказывается необходимым, мы предлагаем в данной работе освещение таких областей и такого периода времени, которые значительно отличаются от излагавшихся в какой-либо другой книге. Одна только эта разница не является сама по себе заслугой. Следовательно, читатель сам должен решить, насколько хорош был наш выбор. Мы можем только прибавить, что изложение современной социологической теории могло охватить издания не позже 1957 года, ибо все книги неизбежно ограничены во времени.

Кстати, авторы должны быть освобождены от ответственности за длинноты. Несколько превосходных глав были значительно сокращены. Мы надеемся, что от этого нигде не пострадало основное содержание, но это, в конце концов, только наше личное мнение. В большинстве случаев оказалось невозможным переслать главы авторам, после того как было произведено сокращение, так что, возможно, имеются случайные, непоследовательные или неоправданные изменения или даже опущения. Мы только можем надеяться, что читатели не строго отнесутся к недостаткам, неизбежным при сокращении 425 тысяч слов до 275 тысяч, но если суждение будет строгим, то оно должно относиться исключительно к редакторам.

Однако, быть может, сжатость изложения оказалась полезной, если иметь в виду назначение этой книги как учебного пособия. Студенты неблагоприятно относятся к длинным спискам имен, обсуждению мельчайших отклонений, имеющих значение только для специалистов, отклонениям, не имеющим значения, когда закончено изложение, перечислению неясных или устарелых статей и громоздким сносам. Мы полагаем, что наш сборник в его настоящей форме окажется вполне приемлемым и полезным для курса, читаемого студентам. Студенты с хорошим знанием основ смогут читать его с интересом и пониманием.

Более того, мы полагаем, что тщательно составленное и полное обозрение современной социологической теории в том виде, как это дано здесь, может быть с большой пользой прочитано даже хорошо подготовленными аспирантами. Но наиболее полезным будет, в частности, использование этой книги в качестве основы для курсов социологии, в которых преподаватель желает подчеркнуть наиболее важные современные проблемы и направления. Таким образом, например, работа студентов по «принципам социологии», основанная на твердых элементарных знаниях, приобретет больший смысл, чем это бывает в некоторых случаях. Как однажды при обсуждении этого положения заметил Фрэнк Хэнкинс: «Мало что достигается простым повторением одних и тех же положений и материала, которые слегка усложняются благодаря большей степени абстракции, систематизации и полноты»¹. Поэтому преподавателю предлагается эксперимен-

¹ H. E. Barnes, Howard Becker and Frances Bennet Becker (eds.), *Contemporary Social Theory*, New York, 1940, p. XVI.

тировать, используя этот сборник в качестве учебного пособия при чтении курса, подобно курсу в вышеупомянутых «принципах социологии». Уверенный в том, что студент имеет обширный материал для чтения по многим ключевым темам, преподаватель может посвятить время, отведенное на лекции, широкому и глубокому изложению нескольких, отобранных им аспектов; и он и его студенты могут обнаружить, что это окажется приятным и полезным.

Из того, что было сказано, следует, что редакторы рассматривают этот сборник как самостоятельное произведение; сборник трактует современную социологическую теорию как таковую, определяя «современное» как «имеющее значение сегодня». За небольшим исключением, авторы явно разделяют точку зрения редакторов; они интересуются не только историей социологической теории со времени первой мировой войны. Тем не менее преподавателям, читающим курсы по развитию современной социологии, стоит подумать об использовании книги, подобной нашей, ибо большинство преподавателей, особенно принадлежащих к младшему поколению, проявляют мало интереса к прошлому, а их студенты — и того меньше. Историей, имеющей значение для них, несомненно, должна быть история, которая, совершенно очевидно, имеет значение для настоящего. Однако для преподавателя не будет слишком трудным, отнюдь не нарушая общей направленности курса, обратить внимание студентов на этот сборник так, чтобы по крайней мере наиболее непосредственные истоки социологической теории, имеющие важное значение сегодня, были соответственно освещены. В своей лекции, если преподаватель пожелает, он может осветить или более отдаленное прошлое, или более близкие к нам по времени детали, которые при общем изложении могут остаться не вполне ясными.

В общем наша книга может быть использована по крайней мере в двух направлениях: в курсах, посвященных основной теории, и в курсах, подчеркивающих те направления, в которых развивается эта теория.

В заключение мы хотели бы выразить нашу горячую признательность Флориану Знанецкому за проявленную им инициативу и одобрительное к нам отношение, другим авторам — за их дух коллективизма и готовность дать простор редакторам, а также директору издательства «Драйден Пресс» и его сотрудникам за деловое отношение к работе. Мы также благодарны нижеупомянутым издательствам и журналам за разрешение использовать ряд цитат: «Американский социологический журнал» («American Journal of Sociology»), «Американское социологическое обозрение» («American Sociological Review»); издательствам Харпер энд Бразерс, Гарвард Университи Пресс, Мэк Грау-Хилл Бук Компани, Философикал лайбрани, Рэндом Хауз, Университи оф Чикаго Пресс и Университи оф Джорджия Пресс.

Март 1957 года

*Говард Беккер,
Алвин Босков*

Ч А С Т Ь I

ВВЕДЕНИЕ

ОТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Алвин Босков

Для широкой публики, которая за последние 50 лет слышала или читала о социологии, она является нечетким, но устойчивым обозначением исследований социальной жизни. Если настоять на уточнении, большинство людей определяет социологию в терминах «прикладных» областей — населения, социального обеспечения, борьбы с преступностью, консультации для вступающих в брак и т. д. Эта тенденция привела к невозможности хотя бы в какой-то мере понять основную *специфику* современной социологии в том виде, как она практикуется во многих частях света, а также ее способность к *развитию*. Прямо или косвенно различные главы данной книги посвящены выяснению этих двух характерных черт современной социологии. Но, поскольку авторы в первую очередь интересуются специальными аспектами современной социологии, не всегда ясны главные темы, лежащие в основе всей книги. Поэтому целью этой вводной главы является определение этих наиболее важных черт путем исследования двух связанных между собой вопросов. В какой степени современная социология является новым и специфическим подходом к социальной жизни? Какую роль играет современная социология в наших усилиях расширить наши знания, а также понимание людей и их проблем?

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ

То, что мы теперь называем социологией, развилось невероятно поздно, если подходить с трезвой и всеохватывающей исторической точки зрения. Поздно даже для того короткого сознательного периода в пять тысяч лет, который мы называем «цивилизацией». Насколько нам позволяют судить археологические данные об истории человеческого общества, люди всегда были так или иначе озабочены проблемами совместной жизни и труда. В общих чертах культуру можно истолковать как более или менее сознательное решение этих проблем, но некоторые стороны культуры, особенно религия, родствен-

ные отношения и управление, вероятно, содержат зародыш все более специализирующегося стремления наблюдать и истолковывать людей как объединенных в общество.

Общественная мысль и социальная философия

Это стремление становится все более явным по мере того, как культуры усложняются, и оно было воплощено в *общественной мысли* в виде обобщающих положений и суждений, охватывающих множество социальных явлений — преступление и наказание, войну, половые отношения, социальную ответственность, отношения между группами и т. д. Большая часть этой ранней общественной мысли содержала предписания, оценки и этические цели, которые, когда они сведены в законы или учения авторитетных индивидуумов, могут быть названы *социальной философией*¹. Эта область социальной мысли, по существу, состояла в проповедничестве, описании желаемых форм человеческого опыта и построения конгениальных императивов социального действия, короче говоря, это скорее являлось оценкой, чем наблюдением, суждением, чем знанием.

Социальная теория

Хотя было бы неправильным рассматривать социальные философские учения древних цивилизаций как чисто фантастические и нереалистичные, тем не менее правильно положение, что эти учения в конечном счете были ограничены. Подобно современному цивилизованному человеку и его неграмотным современникам, древние хорошо умели анализировать эмпирические стороны своей жизни и приспособлять некоторые из своих идеалов к реальной жизни. Но рациональные достижения обозначились только тогда, когда под влиянием критических культурных контактов с культурами других народов, обладающих различным опытом и несходными идеалами², исчезла относительная изоляция общества. Следовательно, хотя социальная философия продолжала доминировать в общественной мысли, наблюдение и сравнение, конфликт того, что считалось абсолютами, с растущим сомнением и скептицизмом привели к появлению первых проблесков *социальной теории*. Отнюдь не случайно, что греки, особенно ионийцы и их интеллектуальные наследники, были первыми социальными теоретиками, ибо они жили и мыслили на перекрестке культур античности.

Социальная теория возникает как вспомогательная область общественной мысли, когда социальные явления рассматриваются

¹ См. ценные обобщения общественной мысли, данные Говардом Беккером и Г. Э. Барнсом (Howard Becker and H. E. Barnes, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, 1952), а также Дж. О. Герцлером (J. O. Hertzler, *The Social Thought of the Ancient Civilization*, New York, 1936, vol. I, chapt. I—13).

² Becker and Barnes, *op cit.*, *passim* и особенно гл. 4, 6 и 11.

с какой-то степенью объективности и когда мыслители и философы занимаются обобщенным описанием и объяснением социальных явлений *так, как они на самом деле происходят*, а не так, как им «следовало бы быть». В этом смысле социальная теория преследует научные цели, в то время как социальная философия оценивает и указывает пути социального поведения в будущем. На практике, однако, эти задачи часто смешивают, поскольку каждая служит удовлетворению настоятельной нужды человека размышлять об его отношении с другими. Если мы принимаем элементы социальной философии и социальной теории в качестве постоянных течений в общем развитии общественной мысли, важно отметить изменение отношений между ними на протяжении человеческой истории. С развитием мысли у греков социальная теория бурно вторгается в область социальной жизни, но явно в качестве второстепенного элемента. За последующие 2200 лет преобладание социальной философии почти несомненно, хотя труды, подобные трудам Ибн Хальдуна или Макиавелли, можно интерпретировать как первые отголоски нового развития общественной мысли. Но во второй трети XIX столетия социальные теории начинают лихорадочно расти и впервые превращаются в серьезный вызов социальной философии благодаря временному союзу с развивающимися физическими и биологическими науками.

Очевидно, что дать полную историю социальной теории отнюдь не входит в задачи этой главы. Заинтересованный читатель должен обратиться к таким ценным работам, как «Общественная мысль от предания к науке» Говарда Беккера и Гарри Элмера Барнса и «Современные социологические теории» («Contemporary Sociological Theories») Питирима Сорокина. Задачей этой главы является наметить основные черты развития этой истории интеллекта, анализируя роль социальной теории как *переходной фазы* в трансформации ранней социальной мысли в современную социологическую теорию и исследования, что будет обсуждено в последующих главах.

Типы социальной теории. Можно подытожить развитие социальной теории, разбив ее на две относительно самостоятельные группы. С самого возникновения этой области общественной мысли вплоть до настоящего времени мыслители пытались объяснить наблюдаемые ими социальные явления ссылкой на такие факторы, как географические условия, климат, физические и химические отношения и сверхъестественные силы. В «Современных социологических теориях» Сорокин дает превосходное изложение и критику этих теорий. В качестве общей черты многие из этих *несоциальных, редуционистских* объяснений социальных явлений отражают горячее стремление к научному знанию, но их тесная зависимость от установленных дисциплин неизменно препятствовала появлению соответствующих категорий в области общественных отношений. Хотя многие из этих теорий имели перед собой замечательные с научной точки зрения цели и, таким образом, представляют собой явный шаг вперед по

сравнению с вкладом социальной философии, их концептуальные средства были недостаточны для того, чтобы дать достоверные обобщения. С нашей теперешней, обладающей преимуществами точки зрения, этот вид социальной теории послужил для ясного обозначения, подобно подробной карте, некоторых весьма извилистых путей, которых отныне следует избегать. Поэтому мы в дальнейшем не будем уделять внимания этому виду социальной теории, хотя, несомненно, верно, что некоторые из ее главных черт продолжают проявляться в более полезных теоретических формулировках.

Социальная теория и протосоциология. Возникновение второго варианта социальной теории может быть приблизительно отнесено к середине XIX столетия, к трудам Огюста Конта. Эта фаза общественной мысли, которую можно назвать «протосоциологией», имеет две характерные черты. Первой и крайне важной является постепенно увеличивающееся освобождение от большинства понятий физических и биологических наук и ориентаций на них. Это означало коренное отличие духа и метода науки вообще от содержания конкретных наук. Постепенно социальные явления стали описываться в специфически социальных терминах, например согласие, общество, социальная группа. Но за этой вновь обретенной интеллектуальной свободой вскоре последовали попытки поставить старые социальные дисциплины (политическую экономию, историю и т. д.) в совершенно неоправданную зависимость от возникающей, но крайне честолобивой социальной науки — социальной физики, или социологии. В том виде, как она была разработана первыми теоретиками — Контом, Спенсером, Марксом и Уордом, — эта протосоциология мыслилась как интеллектуальный *синтез* данных и обобщений, полученных из специальных общественных дисциплин*. Ставка на энциклопедизм и интеллектуальный *tour de force* была настолько велика, что новая наука в значительной степени пренебрегала существенной черновой работой, необходимой для установления системы точно обработанных данных. В результате эта навязываемая дисциплина и ее последователи потеряли из виду ее границы, возбудили враждебность к себе со стороны родственных дисциплин и породили ряд интересных, но незрелых теорий, которые привели к тому, что более тщательные попытки построить систематическую социальную теорию неизменно вызывали враждебную реакцию.

* Автор разделяет здесь общую для буржуазных социологов ненаучную точку зрения, согласно которой научная социология разработана впервые не К. Марксом, а Контом, или Спенсером, или другим представителем идеалистической социологии в зависимости от направления, к которому принадлежит тот или иной историк социологии. В действительности же научную социологию создали К. Маркс и Ф. Энгельс, открыв материалистическое понимание истории, в основе которого лежит объяснение общественных идей из общественного бытия людей. — *Ред.* (Так и впредь будут помечаться редакционные примечания Издательства иностранной литературы.)

В течение последнего десятилетия XIX столетия протосоциология начала вытесняться более скромным, узким направлением, которое является основным для современной социологической практики в качестве *аналитической* социальной науки. Однако корни этого развития лежат в трудах нескольких протосоциологов, которые поочередно и совместно внесли вклад в современное социологическое мышление и исследование. В этой главе мы рассмотрим концепции группы теоретиков, отобранных с точки зрения их соответствующего вклада в возникающую социологию во время подготовительного периода с 1850 года до первой мировой войны. В изложении основных моментов этого развития приходится опустить взгляды ряда теоретиков, которые, конечно, заслуживают того, чтобы их подвергли более подробному рассмотрению. Приходится также опустить систематическое изложение трудов любого теоретика, хотя, без сомнения, правильно, что специфические аспекты теоретического направления становятся более понятными, когда их рассматривают в таком контексте. Контекст, выбранный нами, является коллективно составляемой возникающей системой, представляющей основные черты современной социологии. В заключение, для того чтобы показать существенную преемственность между социальной теорией и социологией, наш обзор должен включать труды протосоциологов, первых современных социологов и тех, кто может быть с некоторым основанием отнесен к одной из этих категорий.

КОНТ, МАРКС И СПЕНСЕР

Конт (1798—1851)

Француза Огюста Конта обычно рассматривают как человека, который пытался построить интеллектуально стройную систему знания о физических, биологических и социальных явлениях. Но поскольку его идеи о социальных явлениях были несколько разбросаны и часто на них лежит отпечаток интенсивных поисков принципов социального преобразования, первоначальные попытки Конта в области протосоциологии не были вполне систематическими. В результате его часто вспоминают по двум или трем легко цитируемым концепциям и теориям, что отнюдь не способствует установлению подобающего ему места в развитии социологии.

С внешней стороны Конт дал социологии имя и программу, которую он проповедовал, но которой сам не следовал. Эта программа, однако, настолько укоренилась в нашем мышлении, что ее ранние формулировки часто кажутся скучными и не заслуживающими тщательного рассмотрения. Тем не менее ее основные черты заслуживают внимания, несмотря на ее спекулятивные элементы, которые, к несчастью, повредили репутации Конта в социальной науке.

Хотя понятия прогресса и социального телезиса побудили Конта заняться социальной теорией, он проводил резкое различие между социальной философией и научным изучением социальных явлений, как аналитически самостоятельной областью. Этой до сих пор еще не существовавшей дисциплине он дал имя *социальной физики*, или *социологии*, хотя она иногда называлась *политикой* в очень широком смысле этого слова. Вместо того чтобы полагаться на одни догадки, он требовал при установлении социальных фактов тщательного использования наблюдений, экспериментов и сравнения как базы для соответствующих обобщений. Затем Конт наметил довольно спорное разделение проектируемой социологии на социальную статику и социальную динамику. Под социальной статикой Конт имел в виду исследование ограниченного во времени ряда социальных явлений в терминах *существования* или взаимосвязи компонентов, согласно нашей современной терминологии, *социальной структуры*. Социальная динамика, или, правильное, социальная кинетика, означает, с другой стороны, анализ изменений или последовательных состояний взаимосвязанных социальных фактов. Однако социальная динамика в значительной степени отождествлялась у Конта с прогрессом и вследствие этого стала преобладать в его мышлении. Несмотря на эту неправильность, Конт настаивал, что статику и динамику можно разделить друг от друга исключительно в целях анализа и что это отличие не должно предполагать наличие двух классов фактов, а скорее являться двумя аспектами единого подхода к социальным явлениям³. Многие современные социологи не обратили внимания на это предостережение, так же как сам Конт на практике пренебрегал тем, что может вскоре рассматриваться как один из его наиболее важных принципов.

Социальная статика. Хотя трактовка Контом социальной динамики обычно рассматривается как его главный вклад в теорию, несмотря на многочисленную критику, направленную против нее, его несистематический анализ социальной структуры весьма ценен для создания прочной основы будущей социологической мысли. Он подходил ко всем социальным явлениям с точки зрения общего понятия «общества», в котором он видел *функциональную систему*, основанную на *разделении труда*. Одним из основных постулатов Конта была *взаимосвязь* социальных элементов, частей или подразделений. Однако Конт не утверждал, что самый факт взаимосвязи является ключом к структуре общества. Вместо этого он предвосхитил концепции Тённиса, Дюркгейма и других, сконструировав два основных типа социальных систем — *семейную ассоциацию* и *политическое общество*. В первом устойчивые системы связей

³ August Comte, *The Positiv Philosophy*, translated and condensed by Harriet Martineau, London, 1886, vol. II, pp. 216—218, 228; [имеются также неполные переводы этой работы на русский язык («Курс положительной философии в шести томах», тт. I—II. СПб, 1899—1901 и другие издания).— *Ред.*]; McQuirk in DeGrange, *The Method of August Comte*, in S. A. Rice (ed.), *Method in Social Science*, Chicago, 1931, pp. 23—36.

в первую очередь основаны на чувствах солидарности и согласия. По мере того как общества приближаются ко второму типу, резко выраженное разделение труда между институциональными секторами и сложной организацией экономических функций (индустриализация в западных обществах) рассматривается как угроза стабильности. Государство, высоко развитая политическая форма, служит для объединения специализированных функций составных частей, но оно дополняется системой *социальных классов*, которая отражает доминирующий институциональный сектор общества⁴. Таким образом, Конт стал провозвестником подлинно социологического подхода к социальной структуре, выделив три взаимосвязанных момента. Первостепенное значение имеет его настаивание на том, что описание и анализ структуры должны производиться в *социальных терминах*, то есть в явлениях ассоциации и ее специфических продуктов. Кроме того, Конт признавал эмпирическое разнообразие социальных систем, которое он пытался упростить, разработав пару структуральных типов, что, однако, не привело его к путанице, которая получилась позднее с эволюционными догмами Моргана или Спенсера. Наконец, он дал очерк основных проблем социальных институтов, институциональных взаимоотношений и стратификации, хотя его увлечение «динамикой» помешало ему правильно концептуализировать институты и социальные классы.

Социальное изменение. Что касается социального изменения, Конт, вероятно, сделал очень небольшой вклад в развивающуюся сокровищницу социологии. Довольно странно, что он, будучи одним из первых, кто отделил понятия прогресса и усовершенствования от нейтрального понятия *развития*, тем не менее не свободен в своих рассуждениях об изменении от моральных и политических интерпретаций. Часто цитируемый «закон трех стадий» является, по существу, анализом интеллектуального развития (теологическая, метафизическая и позитивистская, или научная, стадия). Как правильно указал Дегранж, этот закон был дополнен общей теорией социального развития, в которой Конт утверждал, что коллективная деятельность последовательно проходит через стадии завоевания, обороны и промышленности⁵. Хотя Конт никогда не уточнял связи между этими двумя развитиями, возможна интерпретация их отношений как зародыша социологии познания, что и было сделано Шелером. В важной области социальной причинности и социальных изменений Конт отметил такие главные факторы, как раса, климат и политическое действие (косвенно социальные процессы), сосредото-

⁴ August Comte, op. cit., passim; H. E. Barnes, *The Social, Political Philosophy of Auguste Comte*; H. E. Barnes (ed.), *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, 1948, pp. 90—91. Исправленное и расширенное издание опубликовано Беккером (Bekker and Barnes, op. cit., vol. I, pp. 568—593).

⁵ DeGange, op. cit., pp. 23—24. См. также последнее толкование трудов Конта Дегранжем (McQuilkin DeGange, *The Nature and Elements of Sociology*, New Haven, 1953).

точив свое внимание на политическом действии, поскольку оно одно, по-видимому, поддается воздействию людей. Не входя в анализ динамических факторов или сил социального процесса, он указал направление, в котором мыслил Уорд, и, вероятно, упущения Конта в области теории могут быть приписаны частично развитию социологии, ориентирующейся на психологию в конце XIX столетия.

Маркс (1818—1883)

Определение роли Карла Маркса в превращении социальной теории в социологию является весьма трудной задачей по крайней мере по трем причинам. Очевидно, что его деятельность в качестве экономиста, пропагандиста и революционера затемняет и затушевывает специфические социологические элементы его трудов. По-видимому, в силу того, что Маркс работал, испытывая давление как научных, так и политических целей, ему, к сожалению, была свойственна неясность в определении терминов, и он не мог избежать противоречия с самим собой в процессе переформулировки своих идей в политических и интеллектуальных спорах, сопутствовавших ему на протяжении всей его жизни. Более того, интерпретация его трудов усердными учениками была настолько неосторожной, что сам Маркс был вынужден заявить: «...я не марксист». В то же время, точно так же как Конт символизирует собой завершение знаменательного развития в общественной мысли Франции, работа Маркса может рассматриваться как вершина и синтез некоторых течений европейской мысли, которые мы привыкли отождествлять с *экономической интерпретацией* истории, или *историческим материализмом*. Место Маркса в социологической мысли, возможно, было менее видным, хотя вполне реальным и неуловимо устойчивым, чем огромное влияние его политических и экономических доктрин.

Организация общества. Концепция общества была сформулирована Марксом уже в 1859 году и с некоторыми оговорками является заметным улучшением и дальнейшей разработкой взглядов Конта. Там, где Конт дает довольно туманный анализ *состава* общества, Маркс определил его как *органическую совокупность* социальных отношений между людьми, подразумевая под социальными отношениями ассоциации для сотрудничества или связи между людьми. Однако, в то время как Конт видит сущность социальных явлений в семье, а позднее в религии, Маркс предпочитал исследовать функционирование общества, сосредоточившись на его экономической структуре. Таким образом, общество далее было определено как *организованная совокупность производительных сил*. К сожалению, термин «производительные силы» никогда не был ясно определен Марксом. Но важно отметить, что интерпретация социальных отношений как производительных сил указывает на наличие и значение нематериальных факторов в экономической структуре.

В соответствии с этой точкой зрения Маркс анализировал далее экономическую структуру как *социальный институт*, характеризуемый основным способом производства, или техникой производ-

ства, серией социальных отношений с целью сотрудничества, развивающихся в связи с этой техникой, и общественным разделением труда, выражающимся в формах собственности на орудия производства и соответствующей классовой структуре. Согласно Марксу, вся эта структура в целом является детерминированным отражением одного компонента — способа производства, а экономическая структура в свою очередь определяет развитие и организацию других институциональных секторов⁶.

Социальное изменение. Если структура общества определяется способом производства, то социальные изменения должны основываться на развитии способа производства. Тем не менее Маркс был вынужден подойти к социальному изменению гораздо более сложным способом, чем предполагается этой логической дедукцией. Можно было бы ожидать тщательного анализа факторов материальных и технических нововведений, но, будучи левым гегельянцем, Маркс пренебрег этой проблемой и сразу перешел к весьма спорному изложению социальных изменений как *диалектического социального процесса*. Маркс утверждал, что изменения в способе производства вступают в конфликт с установившимися отношениями собственности. Но является ли это конфликтом логического порядка (в смысле *последовательности*) или практического порядка (связанного с *интересами* соответствующих групп)? Маркс допускал, что каждая социальная система содержит противоречия (отставание?) между экономической и другими сферами, и все же он настаивал, что эти противоречия вызывают классовую борьбу и что, следовательно, социальные изменения являются функцией *социальной революции*. Из уважения к фактам Маркс был вынужден признать решающее различие между *объективными* изменениями в способе производства и *субъективной* реакцией людей в виде *идеологии*. И хотя он пытался показать причинную связь между объективными условиями и идеологией, он все же признавал неудобные эмпирические исключения как проявление «ложного сознания»⁷. В *социологическом* мышлении Маркса социальным изменениям не хватает, следовательно, той неизбежности, которая обычно приписывается им марксистами. Мы могли бы суммировать его взгляды на процесс как потенциальный конфликт между различным образом привилегированными группами, связанными с развитием соответствующего признания («сознания») «истинного» смысла изменений в способе производства.

Социологическая мысль Маркса. Сущность социологической мысли Маркса заключается, по-видимому, не в его теориях, которые в основном неприемлемы, а в некоторых *проблемах и понятиях*,

⁶ Karl Marx, A Contribution to the Critique of Political Economy, translated by N. I. Stone (1 st. ed. 1859) New York, 1904, pp. 11—12. (См. К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 7—8. — *Ред.*.)

⁷ Karl Marx and Friedrich Engels, The German Ideology 1 st. ed. (1846), New York, 1939, pp. 20, 39 (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 30 и др. — *Ред.*.)

которые постоянно занимают социологов. В своем анализе экономических систем Маркс показал удобство институционального подхода и, может быть даже не желая этого, подчеркнул значение неэкономических факторов в экономической сфере. Его попытки вскрыть основное положение экономического института во всей социально-культурной структуре привели его к классическому, но ошибочному решению проблемы *институциональных взаимоотношений*. В результате такого институционального подхода Маркс вслед за Контом подчеркивал значение стратификации для общества и ее связь с *фокальными* социальными институтами, хотя он и предполагал, что экономический институт неизбежно должен быть центральным. Марксистская теория социальных изменений, хотя в общем и ошибочная, подчеркивает два важных положения: 1) изменение — это *процессуальное* явление, которое можно исследовать, анализируя реакции участвующих в нем групп, и 2) изменение часто сопровождается напряжениями, неприспособленностью и групповыми конфликтами физического и идеологического порядка. Наконец, Маркс отмечал явления различных групповых оценок как важных факторов в социальном действии, признавая, таким образом, значение волевого элемента и тем самым теоретическую связь между проблемами социальных изменений и социальной причинности.

Спенсер (1820—1903)

В начале XX столетия никто не мог предполагать, что Герберт Спенсер, плодовитый английский проповедник новой социальной науки, превратится в интеллектуальный курьез, о котором вспоминают, но которого не читают. Сейчас, все еще из почтения к традиции, ссылаются на его эволюционную теорию, аналогию с организмом и обширное собрание этнологических фактов, но прежний авторитет автора и его работа в качестве спенсерианца полностью утратили свое значение. Подобно Конту и Марксу, Спенсера в первую очередь широко интересовали социальные изменения. Парадоксально, что в наши дни все, что сохранилось из наследия Спенсера, относится к области *социальной структуры*.

В основном Спенсер пытался показать, что человеческие общества представляют собой уникальную форму порядка или организации (высшей по сравнению с органической) в биофизическом мире. Аналогия с организмом, которая указывает на сходство (и различие) между обществами и биологическими сущностями, была использована им как прием для объяснения в более понятных терминах нематериальной (*intangible*) природы человеческих отношений. Будучи частью природы, человеческие общества вовлечены в борьбу за существование с другими обществами и не человеческой окружающей средой. В этой борьбе общества развивают дифференцированные и специализированные «органы», называемые *институтами*. Спенсер различает три основных типа институтов: *продолжающие род* институты (брак и семья) (*Kinship*); *распределительные* (или экономические) институты и *регулирующие* институты (религия,

политические системы)⁸. Социальная структура (общество), следовательно, мыслилась как некий вид равновесия, поддерживаемого благодаря взаимосвязанному функционированию составляющих его институтов. Однако, хотя Спенсеру принадлежит большая заслуга в стимулировании интереса к институтам в современной социологической мысли, он нигде не дает ясного определения институциональных явлений.

ГУМПЛОВИЧ, РАТЦЕНГОФЕР, СМОЛЛ И САМНЕР

К 1880 году широкий интерес к «обществу» уступил место его анализу как *постоянного процесса*, характеризуемого отношениями между составляющими его частями. Институциональный подход Конта и Спенсера был также основан на понятии взаимосвязанных частей. Но концептуально они сосредоточивали свое внимание главным образом на *выполняемых функциях* и только во вторую очередь — на обобщенных отношениях между личностями и динамикой групп. Хотя Маркс в какой-то степени занимался изучением классов, он не предпринимал глубоких исследований природы групп вообще*. Современная социологическая мысль, вероятно, начинается там, где основой социологического исследования становятся три проблемы: 1) природа социального процесса или процессов, 2) структура и классификация социальных групп и 3) взаимоотношения между индивидуумом, группой и социальными процессами.

Гумплович (1838—1909)

Оригинальные труды австрийского социолога Людвиг Гумпловича несколько затемняются его дискредитированной полигенетической теорией рас и его догматическим подчеркиванием *конflikта* в социальных явлениях. Все же Гумплович одним из первых достиг полной эмансипации социологии от несоциальных наук, настаивая, что социальные явления специфичны и могут быть поняты только благодаря социальным причинам. Специфичность социальных явле-

⁸ Herbert Spencer, *Principles of Sociology*, 1st ed. 1876—1893, New York, 1923, 3 vols., vol. I, parts 1 and 2; vol. II and III, passim (есть русский перевод: Герберт Спенсер, Основания социологии, Т. I—2, СПб., 1898. — *Ред.*); см. также Becker and Barnes, *op cit.*, vol. I, pp. 664—667, 680—681. Спенсеровская классификация институтов широко представлена у Парсонса; см. Talcott Parsons, *Essays in Sociological Theory, Pure and Applied*, Glencoe, Illinois, 1949, pp. 44—51.

* Вопреки мнению автора данной главы следует сказать, что именно К. Маркс и Ф. Энгельс впервые дали глубокую научную разработку проблемы классов и классовой борьбы. Они подошли к этой проблеме с точки зрения материалистического понимания истории, взяв за основу определения понятия класса отношение той или иной большой группы людей к средствам производства. Глубокий анализ классов и классовой борьбы дан основоположниками марксизма в произведениях «Манифест Коммунистической партии», «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Капитал» и др. — *Ред.*

ний, как он утверждал, возникает не столько из поведения индивидуумов, абстрагированных от влияния постоянной ассоциации и диссоциации, сколько из наблюдаемых фактов *взаимодействия между человеческими группами*.

Социальный процесс и социальные группы. Исходя из положения, что обобщения в социологии являются «законами становления», а не законами происхождения или установившихся систем, Гумплович подчеркивает значение социального процесса, анализируя контакт и взаимодействие более или менее ясно очерченных групп. Благодаря своему интересу к специальным явлениям в сложных обществах Гумплович не дал систематического анализа или классификации групп. Однако он проводил различие, с одной стороны, между простыми ограниченными группировками, создавшимися на основе кровного родства или общности культуры, и, с другой стороны, такими *сложными* группировками, как государство, образовавшимися в процессе объединения первоначально отдельных групп. Именно во втором типе социальные процессы *конфликта* (которым он приписывал исключительную важность), *приспособления*, *ассимиляции* и *внутренней дифференциации* отождествлялись с динамикой человеческой ассоциации⁹.

Таким образом, Гумплович перенес социологические исследования от общества вообще к отношениям между специфическими обществами, а затем частично — к взаимодействию дифференцированных групп в политических организованных обществах. В таких обществах социальный процесс в первую очередь состоит в поглощении этнически отличных групп путем завоевания. При этом внешние конфликты становятся внутренними и социальный процесс находит себе выражение в организации новой социальной единицы. Возникают два дополнительных процесса: развитие *юридических норм*, регулирующих взаимоотношения между группами по мере того, как принуждение постепенно заменяется моральными обязательствами, и дифференциация социальных классов, первоначально основанная на этнических различиях, а в конечном счете на разделении труда¹⁰.

Хотя Гумпловича часто причисляют к социал-дарвинистам в силу подчеркивания им конфликта, он фактически был одним из первых социальных детерминистов. В его системе индивидуум и его мотивы становятся бесполезными абстракциями и материальные нужды оказывают значительное влияние на поведение. Согласно Гумпловичу, индивидуум — это продукт группового опыта; его *мораль* имеет своим источником отношения в «простых» группах, в то время как его понятие о *праве* восходит к нормам, возникшим в результате борьбы групповых интересов в его обществе¹¹. Гумплович, следовательно, предвосхитил основные теории Самнера, Болдуина,

⁹ Ludwig Gumplowicz, *Outlines of Sociology*, Philadelphia, 1889, pp. 68, 82—83. (Есть рус. перевод 1885 года. — *Ред.*)

¹⁰ Там же, стр. 82—87, 146—149.

¹¹ Там же, стр. 156—160, 168—169.

Кули и Мида, хотя эти четыре мыслителя не придерживались столь детерминистских взглядов на отношения индивидуумов к социальным группам.

Ратценгофер и Смолл

Идея социального процесса была полностью принята в начале столетия, но постепенно пересматривались специальные взгляды Гумпловича. По существу, Ратценгоферу (1842—1904) и Смоллу (1854—1926), из которых первый был австриец, а второй американец, можно приписать идею уменьшения (но не отрицания) роли конфликта и завоевания в социальных явлениях и разработку в их соответствующих работах теоретического значения «интересов», которое Гумплович только наметил в своем рассуждении о политических партиях. Ратценгофер благодаря тому, что он в известной степени подчеркивал явления внутри общества, обращал гораздо больше внимания, чем Гумплович, на превращение конфликта в процессы *социализации* (термин, использовавшийся в смысле, отличном от современного), в которых эгоистические интересы подчинены благу группы (социальному интересу). Поскольку Ратценгофер рассматривал общество как независимую структуру, за исключением его взаимоотношения с другими обществами, он стремился поместить главные элементы социального процесса *внутри* общества. Центральное значение, придаваемое интересам, которые определялись строго биологически, сводило социальные явления к качествам индивидуумов. Эта атомистическая концепция группы особенно подчеркивала роль индивидуума, что резко противоречило взглядам Гумпловича. Однако Ратценгофер суммировал функционирование социального процесса как постепенную дифференциацию новых подгрупп и гармонизацию или интеграцию существующих подгрупп, которые он объяснял врожденными интересами индивидуума и конкретными интересами каждой социальной структуры¹².

Смолл в свою очередь интерпретировал социальный процесс как сужение диссоциативных процессов. Пользуясь более социализированной концепцией интереса, он отмечал приблизительное развитие социального процесса, при котором интересы индивидуумов все больше и больше переплетаются. Смолл считал эмпирически невозможным как крайний конфликт интересов, так и тесное их соединение. Вместо этого у него социальный процесс отражает постепенный переход конфликта в согласие. Следовательно, он предполагает «постепенное образование [социальных] групп вокруг интересов и постоянное воздействие взаимного влияния благодаря групповому действию». Интерес или цель, групповая структура и функция, а также социальный процесс переплетаются, таким образом, с концептуальной точки зрения весьма реалистически. Позднее Смолл заново истолковал интересы как *оценки*, руководя-

¹² Эта дискуссия в основном базируется на ценной работе А. У. Смолла (A. W. Small, *General Sociology*, Chicago, 1905, part. 4, 5, особенно гл. 13—17, 25, 26).

шие поведением. В результате социальный процесс был заново определен как процесс образования оценок, поисков средств их реализации, изменения оценок в связи с трудностями и т. д.¹³ Следует отметить, что в этой пересмотренной концепции Смолл подытожил кардинальные социологические проблемы, связанные с структурным и функциональным аспектами *группы*.

УОРД, ТАРД, ГИДДИНГС И РОСС

При этом преобладании социально-процессуального подхода несколько уменьшилось прежнее внимание к социальной структуре, хотя оно отнюдь не исчезло. В результате около 1900 года социологи прямо или косвенно признавали наличие теоретического разрыва между *процессом* и *структурой*. Во многих случаях их работа была попыткой создать поясняющую связь между социальными явлениями, рассматриваемыми как постоянные переплетения взаимодействия (процесса), и абстрагируемыми закономерностями, или моделями ассоциации (структуры), которые являлись как результатом, так и основой социального процесса. По существу, это проявилось в попытках интерпретировать социальный процесс в психологических терминах или в попытке связать индивидуум с единицами социальной структуры посредством таких понятий, как *мотивы*, *желания*, *нужды* или *социальные силы*.

Уорд (1841—1913)

Лестер Ф. Уорд, вероятно, первый с успехом перенес это течение на почву американской социологии, и, хотя сегодня мало что осталось от его общей социологической системы, этот специальный аспект, как мы увидим дальше, сохранился на протяжении многих изменений. Определяя социологию как изучение человеческих *достижений* (культуры) — скорее функции, чем структуры, Уорд подчеркивал важность чувств, эмоций, желаний, нужд и т. д. как мотивов человеческих действий и причин, порождающих человеческую ассоциацию. Эти *психические силы*, ставшие *социальными силами* благодаря взаимодействию индивидуумов, классифицировались на существенные, или физические, силы (воспроизводящие и сохраняющие) и духовные силы (эстетические, моральные и интеллектуальные)¹⁴, в современном сомнительном употреблении «основные» и «производные» потребности. Параллельно с взаимодействием возникает типичная последовательность социальных процессов, из которой возникают социальные структуры (группы, общества). Уорд называет это *социальным кариокинезисом* — термин, который

¹³ A. W. S m a l l, *op. cit.*, pp. 198, 202—204, 209, 240; *The Meaning of Social Science*, Chicago, 1910, pp. 145, 193—195, 203.

¹⁴ F. W a r d, *Psychic Factors of Civilization*, New York, 1892; *Outlines of Sociology*, New York, 1898 (есть в русском переводе: Л. Ф. Уорд, Психические факторы цивилизации, СПб, 1897 и Л. Ф. Уорд, Очерки социологии, М., 1901.—Ред.), pp. 144, 148—149; *Pure Sociology*, New York, 1903, p. 183.

обычно отвергается в социологии как слишком биологический, — и объясняет динамику процесса принципом *социальной синергии*, последующим объединением дискретных сил. В этой последовательности Уорд различает стадии коллизии, конфликта, антагонизма, оппозиции, антитезиса, конкуренции, взаимодействия, компромисса, сотрудничества, кооперации и организации¹⁵, то есть он наметил процессуальный подход, развитый позднее Зиммелем, Парком и Визе.

Тард (1843—1904)

Тем временем современник Уорда, француз Габриэль Тард, подошел к той же проблеме с иным психологическим уклоном. Для Тарда основные социальные процессы, характер социальных фактов и структура общества — все зависело от психологического принципа *подражания*, который Тард определял довольно широко. Таким образом, социально-культурная структура объяснялась искусно упрощенным процессом-серией — выдумка, оппозиция, повторение (подражание) и адаптация¹⁶. Тард несколько большее значение придавал выдумке, которую он в основном объяснял как умственную способность, но именно подражание и его причины и последствия дали возможность Тарду подвергнуть пересмотру основные социологические проблемы.

Если подражание — это ключ к социальным явлениям, утверждал Тард, тогда типичным социальным отношением является отношение «учителя — ученика» в ряду ситуаций. Но чем определяется подражание или его противоположность? Здесь Тард объединяет подход с точки зрения социальных сил с квазиструктурным анализом, ибо он считает причины подражания в основном внутренними, хотя они видоизменяются или дополняются групповой ситуацией. Таким образом, Тард объясняет *желания*, однако в основном он сосредоточивается явно на социальных факторах — престиже, повиновении и практичности. Эти желания подразумевают какую-то уже существующую социальную структуру и показывают, что подражание в значительной степени является социально обусловленным процессом. Далее, подражание мыслится не как автоматическая реакция, а как процесс, которому часто предшествует *колебание* (оппозиция) при принятии или отвержении какого-то образца¹⁷. (Здесь, кстати, может быть, заключается предвосхищение понятия «определение ситуации» Томаса и Знанецкого, «динамической оценки» Макивера и последнего «открытия» «социальной перцепции».)

Для развития социологии первым выводом из анализа Тарда является косвенное и неполное признание *процесса социализации*, интернализации норм через социальное взаимодействие. С нашей

¹⁵ Ward, *Pure Sociology*, pp. 183—184, 205—216.

¹⁶ Gabriel Tarde, *Social Laws*, 1st ed., 1899, New York, pp. 38—41, 133—135.

¹⁷ Gabriel Tarde, *Social Laws*, p. 83; *The Laws of Imitation* (русский перевод: Г. Тард, *Законы подражания*, СПб., 1892.—*Ред.*), translated by Elsie C. Parsons, 1st ed., 1890, New York, 1903, pp. 78—79, 141, 165.

современной точки зрения явное подчеркивание Тардом подражания являлось, в сущности, концептуальной основой, исходя из которой он смог исследовать главные социологические проблемы: процесс, в котором индивидуум объединяется в социальные группы и общества. Подобно своему великому противнику Дюркгейму, он хотел избежать как атомистического подхода, так и понятий, относящихся к организму Конта и Спенсера. Тард объяснял социальную структуру индивидуальным поведением (подражанием), отражающим общие образцы или ценности, хотя он и не делал такого упора на последние, как некоторые из его современников или преемников. Подобным же образом он различал приблизительные стадии (или типы) социальной структуры на базе дифференцированных оснований или мотивов подражания. В относительно простых групповых структурах подражание главным образом связано с *желаниями* (биологическими потребностями), в то время как социальное развитие его сложности и дифференциации сопровождается ростом *убеждений* (ценностей, организационных принципов и производных потребностей), служащих руководством для индивидуального поведения¹⁸. Таким образом, хотя Тард едва только наметил важную проблему дифференцированных отношений между индивидуумом и группой, которую Теннис, Дюркгейм, Зиммель и другие исследовали при его жизни, все же можно сказать, что Тард предсказал направление мысли, которое вскоре было принято Болдуином, Россом, Кули и Дьюи, а также социальной психологией нашего времени.

Гиддингс (1855—1931)

В этом обзоре становления социологии особенно трудно определить место Франклина Г. Гиддингса в силу его продолжительной деятельности, которая охватывает как стадию формирования американской социологии, так и позднейшие взгляды периода после первой мировой войны, а также благодаря его замечательному синтезу различных социологических течений. Своеобразным способом он, например, охватил и психологический подход и важность социальной структуры социальных отношений, в значительной степени учел социальный процесс и общественные изменения и дал убедительный исторический анализ, а также энергично защищал как объяснительный (*interpretative*), так и количественный методы. Странно, что в наши дни мало кто из социологов ссылается на труды Гиддингса, и можно с достоверностью предположить, что к его книгам редко обращаются. Все же он остается фигурой первостепенного значения в переходный период, а также наиболее недооцениваемым американским социологом за последние пятьдесят лет.

Подобно Уорду и Тарду, Гиддингс пытался найти элементарный принцип или метод, на основе которого можно построить всеохватывающую социологическую схему. Принципом, которым он пользовался, была его концепция *сознания рода*, под которым он подразу-

¹⁸ G. Tard e, The Laws of Imitation, p. 147.

мевал чувство тождества, испытываемое одними индивидуумами по отношению к другим¹⁹. Но оказалось, что понятие сознания рода имеет очень ограниченную ценность для социологического анализа и, к счастью, безболезненно может быть изъято из трудов Гиддингса. В свете последующего развития его величайшим достижением было то, что он сделал социологию строго социальной наукой, показав природу взаимосвязей четырех предыдущих положений — социальной структуры, социального процесса, социальных сил и субъективных аспектов социальных явлений.

Общество определялось Гиддингсом как взаимосвязанный ряд дифференцированных групп и ассоциаций, в которых можно наблюдать постоянный социальный процесс производства социальных отношений и сложных организаций. Основная динамика человеческой ассоциации была выражена в виде двух типов «сил» — силы социализирующие и силы социальные. Социализирующие силы включают условия, внешние или тангенциальные по отношению к социальной структуре, которые порождают ассоциацию, развивают организацию и способствуют социализации. Примером таковых могут служить почва, климат, стремления и страсти индивидуумов. Под социальными силами Гиддингс подразумевал влияния группы или происхождение общества, которые направляют поведение к достижению групповых целей любого характера; примером таковых являются общественное мнение и законодательство. Вследствие этого Гиддингс с большим неодобрением относился к разделению статике и динамике Контом, которые он более правильно называл статикой и кинетикой. Гиддингс убедительно показал, что проблемы социологии являются не статическими и не кинетическими, а статико-кинетическими. Таким образом, он предварил на тридцать лет точку зрения Знанецкого по этому вопросу²⁰.

Этот синтез ориентаций сопровождался коренным различием между объективным и субъективным (волевым) аспектами социальных явлений. В своих ранних работах Гиддингс занимался субъективными аспектами главным образом как средствами разработки изменяющихся социальных проявлений сознания рода. Он часто упоминал о взаимосвязи мотивов и социальных сил и даже в одном месте интерпретировал социальный процесс как взаимодействие сознательных мотивов (волевой ассоциации) и физических сил²¹. Несколько позже Гиддингс выдвинул статистический подход к социальным явлениям²², и его взгляды нужно также рассматри-

¹⁹ F. H. Giddings, *The Principles of Sociology*, New York, 1896, pp. V, XI (есть на русском языке: Ф. Г. Гиддингс, *Основы социологии*, М., 1898. — *Ред.*).

²⁰ F. H. Giddings, *The Principles of Sociology*, pp. XV, 3—5, 56—60; Florian Znaniecki, *The Method of Sociology*, New York, 1934, pp. 16—20; там же см. замечание Знанецкого в кн. Герберта Блюмера (Herbert Blumer, *An Appraisal of Thomas and Znaniecki's «The Polish Peasant in Europe and America»*, New York, 1939, pp. 95—98).

²¹ F. H. Giddings, *Principles of Sociology*, pp. 13, 75.

²² F. H. Giddings, *The Scientific Study, Human Society*, Chapel Hill, 1924.

вать как одни из первых, в которых содержалась проповедь в этой стране того, что мы довольно неточно называем методом понимания (*Verstehen*), заключающимся в понимании основных аспектов социальных явлений.

СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ: ТЁННИС, ДЮРКГЕЙМ, САМНЕР И РОСС

Хотя социологическая теория и не развивалась вполне гладко, тем не менее она была относительно свободна от тех непоследовательностей, которые отражают интеллектуальный хаос. В период исследования «социальных сил» и психологического подхода дополнительное течение в социологии, представленное главным образом трудами четырех исследователей, стало выделяться гораздо больше, чем какое-либо другое соперничающее с ним направление. Коротко говоря, его значение заключается не в непосредственной переориентировке внимания на *динамику социального строя* путем анализа причин различных форм и последствий *социальной сплоченности*. Источник этого направления можно найти в скромной работе, опубликованной уже в 1897 году, ровно два года спустя после того, как Гумплович появился на социологической сцене.

Тённис (1855—1936)

Фердинанд Тённис, чья вполне справедливо признанная знаменитой работа «Общность и общество» (*Gemeinschaft und Gesellschaft*) представляла собой поворотный пункт в немецкой социологии, а также возвестила новую эру в мировой социологии, внес то, что может рассматриваться как наиболее плодотворный и полезный вклад «основных понятий» в общий социологический анализ. До Тённиса в узкой социологической области такие понятия, как общество, группа и социальные отношения, употреблялись неточно и непоследовательно. Введение биологических, космических, экономических и политических терминов было совершенно обычным, как это видно из работ Конта, Спенсера, Маркса, Уорда, Гумпловича и других. Сам Тённис в своих ранних работах не вполне был свободен от такой тенденции, но его использование понятий «*Gemeinschaft*» («общность») и «*Gesellschaft*» («общество») помогло установлению чисто социологического подхода, который мог быть применен к любому социальному явлению. Эти понятия выступали в многообразных «формах» или «типах», при помощи которых исторические и современные социологические данные могли плодотворно классифицироваться и интерпретироваться путем сравнения. Поэтому Тённиса считали основателем «формальной» школы в социологии²³. Его труды ясно показывают, что не обязательно должна существовать связь между «формальной» социологией и содержанием.

²³ P. A. Sorokin, *Contemporary Sociological Theories*, New York, 1928, p. 491.

Проблемы, которые Тённис надеялся выяснить при помощи своих основных понятий, были следующие: какова, по существу, природа человеческих групп? Благодаря каким процессам происходят изменения и существуют варианты человеческих группировок? В интерпретации Тённиса объединения людей отражают различные проявления двух аналитически различных общественных связей: связей общности (*Gemeinschaft*) и связей общества (*Gesellschaft*). *Gemeinschaft* основан на сентиментальной точке зрения и чувстве близости, что в свою очередь проявляется в ситуациях длительного социального контакта или кровного родства. В этих отношениях, которые, как говорят, создаются и поддерживаются желанием участников, подчеркиваются согласие, традиция и отношения скорее как самоцель, чем как способ достижения специфических целей. В противоположность этому отношения в *Gesellschaft* вытекают из специфически рациональных целей, поставленных участниками, и, таким образом, интимность заменяется официальностью, чувство — расчетом и договоренностью, а относительная постоянность объединения — целесообразностью и ограниченным участием²⁴.

В двадцатые годы нашего столетия Тённис использовал эти понятия в детальном анализе трех основных типов социальных сущностей (социальные круги, социальные коллективы и социальные корпорации). Но даже в его ранних формулировках и применении этих основных понятий содержится ряд важных выводов для социологии. Во-первых, социальные явления рассматриваются как отражение обусловленных *межличных связей*; характер групп и структурные различия между ними могут, следовательно, быть объяснены ссылкой на относительное наличие общественных и ассоциативных отношений между людьми. Во-вторых, изменения в структуре групп могут быть прослежены в процессе, в течение которого устанавливаются новые конфигурации этих типов социальных отношений. В-третьих, дихотомия индивидуума и группы была в основном отброшена ради понятия взаимных отношений, согласно которому, с одной стороны, люди активно формируют и переформируют группы, а с другой стороны, групповые структуры, установленные таким образом, способствуют развитию характерных моделей поведения у ассоциированных индивидуумов. Таким образом, предвзято знаменитые теории Кули, Мида и других, неразрывно связываются личность и социальная среда. В-четвертых, Тённис, подчеркивая объединяющую функцию типичных социальных связей, также различал в каждом виде социальной связи *референциальную систему ценностей* (*referential value-system*), лежащую, по-видимому, в основе организации группы. Наконец, этот тип анализа мог применяться к явлениям сплоченности в простых социальных отношениях (например, дружбе), социальных группах (например, семье) и организациях взаимосвязанных групп (общества).

²⁴ Ferdinand Tönnies, *Fundamental Concepts of Sociology*, translated and supplemented by C. P. Loomis from «*Gemeinschaft and Gesellschaft*», 1st ed., 1887, New York, 1940, Book 1.

Дюркгейм (1858—1917)

Озабоченный той же социологической проблемой и даже пользуясь вначале такими же понятиями, французский социолог Эмиль Дюркгейм разработал подход к социальной сплоченности, дополняющий, а в некоторых отношениях и расширяющий формулировку Тённиса. По мере того как развивалась его мысль, Дюркгейм начинал видеть основную взаимосвязь между соответствующей теорией, методологией, приложимой к социальным явлениям, и проведением тщательно отобранных эмпирических исследований. Уже только благодаря этому можно считать, что Дюркгейм достиг вершины в интеллектуальной драме социологического исследования и открытий, хотя можно возражать против некоторых его теорий и толкований. В его трудах, например, мы находим поучительное обсуждение и иллюстрации следующих моментов: функциональный подход; природа социальных фактов; значение для теоретических формулировок изучения важных случаев проявления культуры; необходимость изучения социальных фактов от «внешнего» к «внутреннему», от проявления в поведении и артефактов к значению их для участников и наблюдателей; связанную также с этим проблему анализа «неуловимых» социальных явлений путем выбора важных показателей (*indices*).

Сущность социальной сплоченности. Изучение Дюркгеймом социальной сплоченности началось с предварительного установления различий между *социетальными типами* — простым, охватывающим группу, основанную на кровном родстве, и вторичным — сложной группой, основанной на специализированных функциях²⁵. Эта работа во многих отношениях похожа на «Общность» и «общество» Тённиса, *социальный состав* и *социальную конституцию* Гиддингса и *органическую обычность* и *механическую одновременность* Зиммеля. Каждый тип предварительно описывался в терминах *характерной для него солидарности*; простая группа достигает сплоченности благодаря однородности (механическая солидарность), в то время как сложная группа функционирует благодаря менее ощутимой солидарности, основанной на взаимосвязи специализированных функций (органической солидарности). Эти формы солидарности разделялись Дюркгеймом аналитически, ибо он признавал, что аспекты каждой могут встречаться в любом конкретном обществе. Но своеобразный вклад Дюркгейма в социологию заключается в его попытках (1) связать солидарность и сплоченность с руководящими правилами и нормами, а также (2) показать изменяющиеся отношения между индивидуумом и этими нормами.

Согласно свидетельству Парсонса²⁶, работа Дюркгейма по этим

²⁵ Émile Durkheim, *The Division of Labour in Society*, translated by George Simpson, 1st ed., 1893; Glencoe, Illinois, 1947, Chapt. 2 and 3. (Имеется русский перевод: Э. Дюркгейм, *О разделении общественного труда*, Одесса, 1920. — *Ред.*)

²⁶ Talcott Parsons, *The Structure of Social Action*, New York, 1936, Chapt. 8 and 10.

родственным проблемам характеризовалась постепенным изменением формулировок и толкований, ибо Дюркгейм, по-видимому, не был удовлетворен выводами в своих ранних работах («О разделении общественного труда» и «Метод социологии»). Интересующиеся *эволюцией* мысли Дюркгейма могут найти в критическом обзоре Парсонса удобную отправную точку зрения для изучения. Но в своей зрелой форме теория социальной сплоченности включала убеждение, что все организованные группы и общества функционируют благодаря «коллективному сознанию» (*conscience collective*), или, как это иногда интерпретируется, благодаря референциальной системе ценностей; убеждения, что различные типы организации отражаются в различных видах коллективного сознания и что в конечном счете все социальные явления имеют значение для социологов благодаря их связи со специфическими формами коллективного сознания.

Дюркгейм первый отметил разновидности коллективного сознания, проведя различие между элементами *репрессивного закона* и *реституционного закона*, предполагая, что закон является соответствующим показателем солидарности. Но только после своего глубокого анализа самоубийства как социологического явления Дюркгейм смог отбросить формальный легалистический подход к солидарности ради более обобщенной классификации явлений сплоченности. С помощью простого статистического сравнения многочисленных случаев самоубийства Дюркгейм показал, что самоубийства могут быть с успехом разбиты на три типа соответственно определенным формам социальных группировок и соответствующего проявления социальной солидарности. *Альтруистическое самоубийство* связывалось с группами, для которых характерна система ценностей с преобладанием коллективных целей перед индивидуальными потребностями, в то время как *эгоистическое самоубийство* связывалось с коллективным сознанием, которое приписывает большее значение индивидуальности и свободе выбора в периоды личного кризиса. В *аномическом самоубийстве* Дюркгейм, однако, смог показать существование групп со слабыми, неразвитыми или хаотичными системами ценностей²⁷. Таким образом, было доказано, что солидарность обладает крепкой *культурной* основой, хотя Дюркгейм и пытался в *формах ассоциации* отыскать более глубокие и прочные условия для солидарности. Согласно анализу в его «О разделении общественного труда» основное объяснение было биосоциальным: однородность в механическом типе, концентрация населения и вытекающая из этого интенсификация социальных отношений (динамическая плотность) в органическом типе. Но более подходящее социологическое объяснение солидарности и ее вариан-

²⁷ Durkheim, op. cit., pp. 71—80, 105—110, 113—120, 129—131; Suicide (есть русский перевод: Э. Дюркгейм, Самоубийство.— *Ред.*), translated by J. A. Spaulding and George Simpson, 1st ed., 1897; Glencoe, Illinois, 1951, Book II.

тов включалось в рубрику «вторичных» факторов. Здесь Дюркгейм, хотя и с значительным опозданием, подчеркивал относительное развитие общественного разделения труда и степеней социальной мобильности как источников видоизменений в общей структуре (но не в *содержании*) групповых ценностей. Он, например, рассматривал роль разделения труда в стимулирующей системе ценностей, характеризующей постоянно возрастающей абстрактностью и, таким образом, дающей большую возможность индивидуальных видоизменений; вместе с тем он также осветил процесс, при помощи которого увеличивающаяся социальная мобильность ослабляет влияние традиционных ценностей²⁸.

Хотя Дюркгейм первоначально подходил к социальным явлениям с точки зрения их влияния на индивидуума — через понятие внешнего и понятие принуждения, он постепенно пришел к признанию решающей роли аффективных реакций индивидуума. Истинная основа солидарности, заключил он, лежит не в принудительном принятии (принуждении) и не в принятии полезного (интереса), но в интернализованном моральном долге по отношению к нормам группы и в чувстве «уважения» к диктатам группы. Таким образом, социальная солидарность возникает под давлением группы, создающим самодисциплину, проявляющуюся в нравственности и совести. В этом основном чувстве уважения Дюркгейм открыл общий деноминатор для общества и «религии». Таким образом, «религиозный» элемент, но не обязательно *религиозная система* может истолковываться как субструктура общества, в то время как ее упадок ведет к разрушению норм (normlessness)²⁹ (см. гл. 6 данной книги).

Самнер (1840—1910)

Народные обычаи и нравы — это термины, которые проникли в обычный повседневный язык, доказав тем самым, что язык науки полезен и для непосвященных. Все же полное значение этих терминов неизбежно затемняется, когда они берутся в отрыве от трудов их создателя или от их роли в развитии социологии. С нашей более выгодной позиции, используя преимущества ретроспективного обзора, эти понятия могут истолковываться так, что они, вероятно, вызвали бы протест Уильяма Г. Самнера. Иначе говоря, общая теория народных обычаев и нравов может рассматриваться как дополнение и расширение основного вклада, сделанного Теннисом и Дюркгеймом. Самнера, подобно Уорду, интересовали функциональные, процессуальные аспекты общества, скорее то, что люди делают, чем те запутанные социальные отношения, происходящие из человеческого поведения и обуславливающие его. Для Самнера общество в каком-то отношении было организацией, характеризующейся сотрудничеством и специализацией, но его «наука об обществе»

²⁸ Durkheim, *The Division of Labour*, pp. 256—262, 287—295.

²⁹ Там же, стр. 51, 169, 203, 376, 398; *The Elementary Forms of the Religious Life*, translated by J. W. Swain, 1st ed., 1912, Glencoe, Illinois, 1947, pp. 36—42, 206—214, 420—424.

была в основном посвящена деталям *последовательности ценностей*, разработанной как ответ на три основных интересующих его вопроса, — тому, что мы назвали бы сейчас «институциональными областями»³⁰. Самнер по-своему вернулся к социологии Спенсера. В результате все четыре тома его опубликованной посмертно работы «Наука об обществе» («Science of Society») (с Келлером в качестве *alter ego*) в наши дни полностью затмеваются первыми двумя главами книги «Народные обычаи» («Folkways»), в которых рассматриваются происхождение и функции народных обычаев и нравов.

В своих ранних работах Самнер подходил к обществу как творческому процессу, в котором контроль над окружающей средой достигается развитием, изучением и изменением общих ценностей. Однако контроль над средой сопровождается принудительным давлением на членов общества посредством этих ценностей. Таким образом, индивидуум отождествляется с группой или обществом не благодаря тому, что он является их членом, а благодаря его участию в деятельности группы и принятию ее норм. Самнер в основном пренебрегал процессом, при помощи которого эти нормы интернализуются, и интересовался возникающей в результате сплоченностью, так как она проявляется в понятиях «Мы — группа» и явлениях *этноцентризма*³¹. Его характерным вкладом, однако, является различие типов или степеней коллективного давления. Народные обычаи, которые основаны в первую очередь на традициях, оказывают относительно слабое давление в стремлении к конформизму (Иногда Самнер использует термин *народные обычаи* весьма неопределенным образом.) Вторым источником давления в направлении сплоченности посредством системы ценностей являются нравы, включая обычаи с приписываемыми им представлениями группового благосостояния и выживания группы. Нравы содержат эмоционально насыщенные указания индивидуумам (положительные и отрицательные). Следовательно, с этими ценностями связываются чувства и глубокая вера, и их нарушение вызывает широкое возмущение в группе. Нравы порождают третью и высшую форму группового давления — институты и законы. Самнер истолковывает институты как зрелые или формализованные нравы, дополненные каким-то аппаратом для *обеспечения* конформизма. Но эти три социальных механизма, способствуя конформизму, не достигают солидарности. Основной момент солидарности является побочным продуктом конформизма, общими доминирующими представлениями о том, что «правильно», «истинно» и «хорошо»³². Таким образом, Самнер показал, что в основе процесса поддержания общественного порядка лежит «разделение труда», явление, аналитически отличающееся от взаимосвязи специализированных институциональных функций.

³⁰ W. G. Sumner, H. G. Keller and M. R. Davie, *The Science of Society*, New Haven, 1927, 4 vols.

³¹ W. G. Sumner, *Folkways*, Boston, 1906, pp. 12—15.

³² Там же, стр. 2—7, 27—38, 53—60 и гл. 2.

Явления группового давления составляли основной интерес Эдварда А. Росса в начале его социологической деятельности. Но в отличие от Самнера Росс интересовался природой социального порядка и солидарностью в относительно сложных обществах. По существу, Росс рассматривал разделение труда и иерархическую организацию, характерные для сложных социальных организаций, как отражение «высшей» степени социального порядка, которые встречаются в обществах, характеризующихся механической солидарностью. Возможно, в результате этой сосредоточенности Росс пришел к подчеркиванию *проблем*, связанных скорее с поддержанием социального порядка, чем с его *последствиями*. Таким образом, понятия солидарности и сплоченности рассматривались как второстепенные по отношению к *социальному контролю* — социальным процессам, которые координируют функции, индивидуумы и группы в одно организованное целое. Более того, этот интерес к сложным обществам привел к тому, что Росс подходил к проблеме социального порядка не только с точки зрения индивидуума, противопоставляемого группе, но так же как к процессу, в котором отдельные составляющие его группы противостоят друг другу³³.

Типы социального контроля. Хотя позднее Росс уделил значительное внимание интересам как социальным силам, его анализ социального контроля может рассматриваться как отдельная и все еще представляющая ценность работа. По-видимому, подходя к этой проблеме, Росс руководствовался Дюркгеймом, а не Тардом, поскольку в основном было найдено, что роль психологических факторов ограничена и даже принцип подражания в объяснении процессов контроля порождает больше проблем, чем решений. Согласно Россу, ключ к контролю заключается в явлении повиновения, которое тождественно дюркгеймовскому понятию морального обязательства. С развитием обществ возникают два *контекста повиновения* — лично-неофициальный и безлично-официальный. В первом порядок основывается на *согласии*, «механической солидарности», коренящейся в единокровии и однородных ценностях (коллективный порядок). Во втором социальная дифференциация ослабляет согласие и порядок достигается путем *контроля* (общественного порядка). С другой стороны, *механизмы* контроля распадаются на два типа: *внутренний* (основанный на соответственно развитых чувствах) и *внешний* (использование силы и авторитета). Первый является *этическим* контролем, второй — *политическим*. Первый подчеркивает цели в жизни группы; для второго характерен аппарат *средств* (например, законодательство, образование)³⁴.

Росс утверждал, что сложное общество использует и нуждается как в этическом, так и в политическом механизме контроля, хотя он соглашался с Дюркгеймом, что основным и наиболее эффективным

³³ E. A. Ross, *Social Control*, New York, 1901, pp. 2, 52.

³⁴ Там же, стр. 10—13, 411—412, 432.

видом контроля в современном обществе является этический. Следовательно, предваряя анализ первичной группы Кули, теорию социальных ролей Линтона и идеи Кардинера об основной структуре, Росс рассматривал семью как морального агента передачи основных идей и ценностей всему поколению. Таким образом, семья и другие группы рассматривались как факторы контроля, поскольку они разрабатывали и внедряли *модели* (поведения, соответствующего общим обязательствам или положениям более широкой социальной конфигурации). Когда эти ценности интернализируются в качестве *личных идеалов*, они превращаются в основу для послушания, которое есть сущность действительно эффективного социального контроля³⁵.

ЗИММЕЛЬ, МАКС ВЕБЕР И КУЛИ

В период 1890—1905 годов теоретики, которых мы уже обсуждали, значительно способствовали различению чисто социологических понятий и проблем и постепенному признанию «социального» как законного с научной точки зрения аспекта опыта. В последующее десятилетие социология возникает в качестве автономной и быстро растущей дисциплины с рядом проблем, понятий, теорий и методов, которые мы можем признать «современными», несмотря на изощренность и специализацию, которые они претерпели за последние 30 лет. Благодаря сотрудничеству и другим видам взаимодействия со стороны многих социологов социология приобрела значительную степень связности, но, вероятно, можно особо выделить трех человек как гигантов в это особенно плодотворное десятилетие — Зиммеля, Макса Вебера и Кули. Парадоксально, что ни один из них не дал вполне законченную и подробную теорию, подобно Конту, Спенсеру или Уорду; впрочем, Вебер мог бы сделать это, если бы не умер относительно рано. Но каждый из них по-своему переработал, осветил или дополнил существующие направления в социологии, подготовив, таким образом, социологию к обширным исследованиям, произведенным следующим поколением.

Зиммель (1858—1918)

В работе немецкого социолога Зиммеля мы встречаемся с необычным случаем, когда философ отказался от нормативных, относительно неэмпирических категорий философии ради более специальных понятий, относящихся к человеческому поведению и взаимодействию. Хотя он и «сменил шкуру» только на короткий период своей интеллектуальной деятельности, Зиммель неоднократно показывал путем сжатого анализа социальных явлений возможности социологии, основанные на ряде определенных понятий. Подходя к обществу как постоянному процессу «становления», проявляющемуся в кинетических отношениях и взаимной деятельности людей,

³⁵ E. A. Ross, *Social Control*, pp. 181, 218—225, 252.

Зиммель поместил сущность всех социальных явлений в *социации* (охватывающей и ассоциацию и диссоциацию), а также в контакте и взаимном влиянии чувствующих существ. Таким образом, он поставил перед социологами задачу определения классификации и анализа различных социативных типов или форм, используемых людьми для построения и поддержания существования общества. Ясно, что Зиммель рассматривал свою работу в качестве введения к такому анализу. Поэтому он не интересовался разработанными схемами, а вместо этого дал ряд блестящих, глубоких очерков, кратких и часто весьма заманчивых благодаря содержащейся в них недоговоренности. Эти очерки касаются двух главных аспектов социации — социальных отношений и некоторых аспектов социальных групп.

Формы социации. Необычным в этих очерках является внимание, которое уделяется более мелким полуинститутированным формам социации, которыми несколько пренебрегали раньше. Таким образом, Зиммель пытался показать важную функцию, выполняемую более тонкими отношениями в обществе, которые обычно игнорировались при исследовании институтов, а также отношениями между людьми, легче поддающимися классификации. Хотя он дал анализ таких отношений, как конфликт, конкуренция и повеление-подчинение, которые никогда не потеряют своего значения, оригинальным вкладом Зиммеля в социологический анализ могут стать его исследования таких мелких форм социации, как *сочувствие, благодарность, зависимость, общительность и секретность*³⁶. Зиммель также ограничился тем, что вскрыл важные аспекты социации в относительно малых группах. Эти аналитические аспекты следующие: влияние числа; дифференциация, иерархия и разделение труда; централизация; стойкость и сплоченность группы; степень, в какой члены группы знают друг друга; вступление в группу и степень индивидуального³⁷.

Хотя Зиммель проводит резкое различие между *формами* социации и ее *содержанием* (желания, ценности, интересы), его работы показывают, что это было аналитическим различием дополнительных аспектов. Формы социации абстрагировались от соответствующего содержания, для того чтобы получить концептуально достаточно стабильные опорные пункты. Зиммель хотел ускорить создание и использование понятий, которые можно было широко применить к социальным явлениям. Только таким образом, утверждал он, социология может стать наукой, а также преодолеть «персональные» социологии одаренных людей, которые не смогли установить истинную дисциплину в этой смеси клик и школ. Таким образом, формы социации нельзя просто характеризовать как нереальные, пустые

³⁶ Georg Simmel, *The Sociology of Georg Simmel*, translated and edited by K. H. Wolff, Glencoe, Illinois, 1950, passim; N. J. S p y k m a n, *The Social Theory of Georg Simmel*, Chicago, 1925, pp. 27, 31—32, 38—42. Последняя работа является *важной*.

³⁷ Georg Simmel, op. cit., pp. 87—117, 181—306, 361—375.

или неэмпирические, ибо они возникли из анализа эмпирических явлений и их полезность может всегда быть проверена тем, насколько они помогают разъяснить и упорядочить теоретически важные аспекты различных социальных явлений.

Макс Вебер (1864—1920)

Макс Вебер является, вероятно, социологом, о взглядах которого за последние пятьдесят лет возникло наибольшее количество споров. С момента его преждевременной смерти в 1920 году не менее девяти томов в более или менее адекватном английском переводе с немецкого сделали его труды доступными для читателей и несколько томов еще находится в печати. Ни один социолог столь упорно и в общем успешно не старался разрешить основные проблемы социологического анализа. Вооруженный поразительной эрудицией, знаток истории экономики и юриспруденции, Вебер работал над самой сущностью современной социологии, уделяя серьезное внимание концептуализации, проблемам методологии и исследованиям по крайней мере в трех главных институциональных областях. Ввиду такой широты тем в настоящей главе трудно отдать должное его трудам, поэтому здесь будут даны только основные пункты его мысли, поскольку они связаны с возникновением современной социологии.

Значимые идеальные типы. Концептуальная схема Вебера продолжила и в некоторых отношениях дополнила «формальный» подход Тённиса и Зиммеля, ибо Вебер признавал, что социология не могла развиваться без соответствующих обобщенных понятий. Но Вебер, особенно чуткий к неоднородности природы социальных данных, сформулировал свою концепцию в виде сознательно подчеркнутых аспектов человеческого поведения в знаменитых *идеальных типах*. (Эти типы, так же как и *конструированные типы*, рассматриваются в главе 7, стр. 259—263 в порядке их появления в современной социологии.) Вебер исходил из своего взгляда на социологию как науку, занимающуюся «интерпретативным пониманием» значимого человеческого поведения. Его идеальные типы, следовательно, отражают это подчеркивание «субъективного», или значимого, наряду с «объективным» аспектом социальных явлений. Таким образом, на основе сознаваемого или несознаваемого значения для индивидуума, которое Вебер интерпретировал как непостоянное отношение между *средствами* и *целями* в поведении, *социальное действие* анализировалось посредством четырех идеальных типов традиционного, ценностно-рационального, намеренно-рационального и аффективного. Подобным же образом Вебер разработал идеальные типы *социальных отношений* (конфликт, первичная группа, вторичная группа и ассоциативная группа), а также *законных порядков* (*legitimate orders*) (рационального, традиционного и харизматического)³⁸. В результате социология стоит ныне перед необходимостью вскры-

³⁸ Max Weber, *The Theory of Social and Economic Organization*, translated by A. M. Henderson and Talcott Parsons, New York, 1942, pp. 88—103, 112—132.

вать *намерения* индивидуумов, по мере того как они сталкиваются с различными социальными ситуациями. Таковой является знаменитая и спорная операция, называемая *Verstehen* (локализация значения); в современной терминологии *Verstehen* тесно связан с анализом «определения ситуации»³⁹ (см. гл. 4, стр. 106—109).

Институциональная динамика. Эти понятия не использовались случайным образом, ибо Вебер в отличие от Зиммеля в первую очередь занимался анализом и концептуализацией *институциональной структуры* общества как важного контекста поведения, имеющего социологическое значение. Институты более или менее явно рассматривались как сложные сети социальных отношений и интересов или как функции, связанные с какой-то структурой повиновения, обязанности или, если использовать терминологию Вебера, законности. Именно этот аспект — природа законного порядка — стимулировал большую часть исследований и теоретических формулировок Вебера. Его труды об авторитете, власти, дисциплине, бюрократии, социологии закона и стратификации можно истолковать как попытки исследовать различные стороны законного порядка. Более того, Вебер был одним из первых, кто признал решающую роль законности и ее разновидностей для действительно социологического подхода к социальным изменениям⁴⁰, показав таким образом недостаточность экономических, психологических и эволюционных теорий.

Именно сюда мы можем отнести хорошо известные работы Вебера по религии и религиозной кинетике. С одной стороны, Вебер старался дать тщательный анализ институциональной кинетики как процесса, при помощи которого специфические законные порядки замещаются или изменяются. Согласно Веберу, в развитии религии в момент кризиса *традиционный* авторитет подрывается авторитетом *харизмы* благодаря процессу *пророчества*. Само пророчество распадается на два идеальных типа — пророчество посланца и пророчество примера. В то же время развитие пророческих систем может способствовать или *аскетическим*, или *мистическим* средствам религиозной организации. Трансформация харизматического авторитета в более твердые системы (традиционные и рациональные или только рациональные) зависит от социального равновесия сил; в этом смысле религиозное развитие есть, по существу, борьба за законность⁴¹.

Но Вебер интересовался также взаимосвязью легитимных порядков с явлением взаимозависимости институтов. Так, в своих трудах он подчеркивает функциональную природу общества. По существу, он рассматривает взаимосвязь трех институциональных секторов —

³⁹ Max Weber, *The Theory of Social and Economic Organization*, pp. 96—100; W. I. Thomas, *The Unadjusted Girl*, London, 1923, pp. 42—43, 81—82.

⁴⁰ Max Weber, *op. cit.*, pp. 324—386; From Max Weber: *Essays in Sociology*, translated by H. H. Gerth and C. Wright, New York, 1946, pp. 196—264.

⁴¹ Gerth and Mills, *op. cit.*, chap. 11 and 13.

экономического, политического и религиозного. Его общая недооценка структуры родства и брака связана, вероятно, с его интересом к сложным обществам, в которых эта структура вопреки возражениям многих наблюдателей играет важную, но вторичную роль. Большая часть трудов Вебера в этой области служит для того, чтобы показать господствующее влияние политических институтов в социальной организации и социальных изменениях⁴² в качестве коррективы экономического детерминизма Маркса*. Однако его обширное, хотя и незаконченное исследование связей между религией и экономической структурой является еще одним ярким отрицанием превалирующего господства в человеческой истории какой-либо одной институциональной области. При помощи детального сравнения различных культур Вебер смог выявить значение некоторых протестантских этических систем в возникновении экономической этики, лежащей в основе современного капитализма. Однако он не пытался «вывести» капитализм из протестантизма. Хотя он признавал важность техники и материальных ресурсов, его исторические сравнения, по-видимому, указывают на то, что внутренний аскетизм некоторых протестантских групп в отличие от других экономических систем является *главным дифференцирующим фактором* в современном капитализме⁴³. Основной вывод из этого исследования институтов подтверждает, таким образом, главное положение Дюркгейма. И Вебер, и Дюркгейм раскрыли сущность общества в явлениях морального обязательства или законности. Но Вебер делает дальнейшее определение социальной структуры как известной конфигурации *законных порядков* (институтов), взаимодействие которых является основной проблемой для социологического анализа.

Кули (1864—1929)

Несмотря на выдающийся вклад таких людей, как Дюркгейм, Зиммель и Вебер, социологии не хватало важного раздела в теории, который мог бы установить достоверную связь между институтами, социальными группами, социальными процессами и индивидуумами.

⁴² Max Weber, General Economic History, translated by Frank Knight, Glencoe, Illinois, 1950, pp. 45—46, 316—321, 324—331, 337; Max Weber, On Law in Economy and Society, translated by Edward Scils and Max Rheinstein, Cambridge, Massachusetts, 1954, chapt. 4—6.

* Здесь у автора настоящей главы обнаруживается шаблонная для буржуазных социологов характеристика исторического материализма как «экономического детерминизма», вопреки тому, что, подчеркивая первичность базиса, или экономического строя общества, марксизм признает громадную активную роль надстройки, идеологии в общественной жизни и создал стройное учение о базисе и надстройке. — *Ред.*

⁴³ Max Weber, The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism, translated by Talcott Parsons, London, 1930; The Religion of China, translated by H. H. Gerth, Glencoe, Illinois, 1951; The Hindu Social System, translated by H. H. Gerth and Don Martindale, Minneapolis, Minnesota, 1950, mimeographed; Ancient Judaism, translated by H. H. Gerth and D. Martindale, Glencoe, 1953.

Короче говоря, нужна была *социальная психология*, способная дать концептуальное объединение индивидуумов в группы и институты. Чарлз Кули в трех скромных работах дал большую часть этого анализа. Одна работа является главным образом социально-психологической, а другие в основном социологическими. Они могут считаться наиболее выдающимся анализом социологических проблем в Америке в течение первых двух десятилетий двадцатого столетия.

Подобно Веберу, Кули утверждал, что социальные явления обладают значением, которым нельзя пренебрегать. Но Кули уделял, может быть, больше внимания *личному*, сосредоточиваясь на мелких группах: 1) их влиянии на своих членов и 2) их отношении к более широким группировкам. Поскольку Кули рассматривал жизнь общества как развивающийся органический процесс, в котором отдельные лица связаны друг с другом «методом пробы», он не видел иного пути, чем интимное, сочувственное, умственное участие социолога с целью открыть ценности и желания участников, а также процесс, при помощи которого эти ценности и желания возникают и проявляются. Этот метод *сочувствующей интроспекции*⁴⁴ внешне сходен с методом *Verstehen*, хотя Вебер обеспечивает себе большую страховку, чем Кули.

Первичная группа и социальная организация. В понятии *первичной группы* Кули наметил процесс, при помощи которого индивидуум приобретает основные ценности, идеалы и точки зрения, лежащие в основе социальной солидарности, а также моральные обязательства по отношению к законному порядку. Следовательно, он считал, что, по существу, социальная структура зависит от *социализации* функций малых интимных групп, даже в обществах, для которых характерно широкое разделение труда⁴⁵. Таким образом, Кули отверг раннюю теорию Дюркгейма о сплавляющей функции взаимозависимости *самой по себе* и обнаружил социальное происхождение более позднего и полезного понятия морального обязательства Дюркгейма.

Однако Кули признавал некоторое несоответствие между опытом первичной группы и атмосферой более сложных *добровольных* группировок в более крупной социальной организации. В интерпретации Кули это, по существу, является соперничеством систем ценностей в опыте индивидуумов первичных идеалов с институциональными оценками. Вместо неофициальных контактов и контроля, характерных для первичных групп, начинает преобладать безличное, специализированное и частичное взаимодействие, выражающееся в явлениях коммуникации, общественного мнения, социального класса и институтов⁴⁶. Но особое значение этих явлений для Кули состояло в изменении характера социального контроля. В некоторой степени Кули, подобно Конту, рассматривал институты как социаль-

⁴⁴ C. H. Cooley, *Social Organization*, New York, 1909, p. 7; *Social Process*, New York, 1918, pp. 8, 397, 400.

⁴⁵ C. H. Cooley, *Social Organisation*, pp. 23—32.

⁴⁶ C. H. Cooley, *Social Organisation*, pp. 53—54; *Social Process*, p. 7.

ные механизмы, которые функционируют благодаря дифференциации *функционально специализированных социальных классов*, один из которых в первую очередь несет ответственность за толкование и внедрение специфических институциональных ценностей⁴⁷. Таким образом, по мере того как первичный контроль вытесняется институциональными установлениями, в безличных отношениях вместо морального обязательства и глубоко заложенных общих ценностей начинает выступать личное и групповое поведение, направленное на *средства* контроля (власть, манипуляции, политика) от *морали к эффективности*.

СОЦИОЛОГИЯ НА ПОРОГЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

К 1920 году накопившийся материал отдельных исследователей определил основные черты специальной социальной науки, посвященной анализу основных аспектов коллективного человеческого существования. В отличие от ранних представлений Конта и Спенсера эта развивающаяся дисциплина была не просто синтезом уже установившихся социальных наук, но новой неисследованной областью в научном разделении труда. Предшествующее развитие социальной мысли от Конта до Кули может истолковываться как относительно непрерывный процесс, в котором социальное и общественное постепенно выделялось как аналитически самостоятельная область эмпирических явлений. Это повлекло за собой создание специального ряда понятий, удобных для ясного изложения и анализа ряда специфических проблем. Что такое общество и как оно функционирует? Каковы главные единицы общества? Как они объединяются для удовлетворения различных настоятельных потребностей? Какие процессы поддерживают его стабильность или угрожают ей? Каким образом отдельные лица входят в общественные структуры? Какие факторы отличают общества или их составные части друг от друга? К 1920 году, если взять только наиболее общие социологические понятия, имелся довольно полный концептуальный набор: общество, социальная группа, социальный институт, социальный процесс, социальные отношения, социальное взаимодействие, социальные мотивы, общественное разделение труда, социальная стратификация, социальный контроль и социальное изменение.

При помощи этих специальных понятий и проблем социология достигла чего-то вроде единства. Правда, некоторые жгучие проблемы оставались к концу первой мировой войны все еще не решенными. Весьма важно было уточнить, изменить и дифференцировать социологические понятия в свете многочисленных и разнообразных эмпирических исследований. Теория и эмпирическое исследование были в значительной степени чужды друг другу просто потому, что на первой стадии, вполне понятно, социологические проблемы еще

⁴⁷ C. H. Cooley, *Social Process*, pp. 292—302, 336.

не определились и, таким образом, настоящих *социологических* данных в современном значении этого слова еще не было. Также понятно, что с этим была связана и методологическая трудность. Социологи все еще не были способны разрешить явную дилемму выбора между неуместной объективностью и ненадежной субъективностью, относительной ограниченностью методов физических наук и по временам блестящим, но не поддающимся проверке проникновением личного наблюдения и истолкования. Более того, социология еще не разработала адекватной специализации внутри самой дисциплины, которая соответствовала бы различным эмпирическим проявлениям социальных явлений. Наконец, в своих длительных поисках идентичности социологи не очень были озабочены тем, чтобы согласовывать свои исследования с другими социальными науками и, таким образом, обмениваться взаимно полезными данными, понятиями или обобщениями. Сотрудничество между дисциплинами отнюдь не было в моде. Социологов даже подозревали в том, что они незаконно заимствуют понятия из смежных специальностей.

Несмотря на эти трудности, возникновение социологии как *дисциплины* впервые в истории человечества сделало вполне возможным получить достоверное сравнительное знание организованного характера общего или частного в человеческом поведении. Это не означает, что социология в качестве «грамматики социальной науки» может или должна взять на себя функции других социально важных областей, таких, как искусство, религия, философия и история. Каждый подход к людям как человеческим существам имеет свою собственную конкретную цель, которая состоит (1) в выделении какого-либо аспекта или сходящегося ряда переменных в человеческом опыте и (2) в выводах в отношении будущего поведения из каждого направления исследований. Но после революционных преобразований в социальной теории социология превратилась в специальную науку, то есть стала необходимым дополнением к любому серьезному изучению человека. Однако, в то время как роль этих областей заключается в понимании и предписании, социология в своем стремлении к знанию и пониманию все больше ограничивалась точным описанием и проверенным обобщением, в основном пренебрегая опасным искушением превратить завоеванную с таким трудом теорию в панацею для многочисленных социальных проблем.

Этот отказ вступить на политическую арену не должен истолковываться как недостаток интереса или отказ от социальной ответственности. Это просто означает, что социология признает свою ограниченность в качестве *непосредственного* участника в определении политики и что она считает действительное понимание гораздо более «практическим», чем какая-нибудь наспех составленная программа, основанная на плохо усвоенных фактах и непроверенных фантазиях. Этот косвенный подход к проблемам социальной жизни конкретно проявился в процессе *внутренней специализации* в основном начиная с 1920 года. Этот процесс превратил предварительную общую ориентацию в ряд социологических отделов, кишащих проб-

лемами теоретического и практического характера. Специализированная социология за короткий срок своего существования значительно способствовала нашему пониманию, (1) установив и определив важные проблемы, (2) собрав и классифицировав ряд достоверных, конкретных фактов, (3) указав на пробелы в нашем знании конкретных проблем, а также подчеркнув взаимосвязь между проблемами, которые обычно считались дискретными и самодовлеющими. Результаты этих специальных исследований, которые постоянно нуждаются в исправлении, поскольку наука в отличие от религии и философии не может устанавливать абсолютов, часто скрыто или явно содержат руководство к действию для тех, кто может оценить скрытые указания. Но хотя нет недостатка в социологических толкованиях, не существует социологических пророков. Действительно, этот добровольно выбранный курс привел социологию к несколько трудному положению. Он разочаровывает встревоженные массы, которые ищут готовых ответов, преподнесенных с полной уверенностью, и он раздражает целый ряд заинтересованных лиц, которым ненавистна свобода толкования и которые предпочитают, чтобы минимальное количество отобранных фактов «говорило само за себя».

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- B a r n e s H. E. (ed.), *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, University of Chicago Press, 1948.
- B e c k e r H o w a r d, *Systematic Sociology on the Basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese*, New York, John Wiley, 1932; reissued, with a new preface, Gary, Lnd., Norman Paul Press, 1950, Part IV, «Historical Postscript».
- B e c k e r H o w a r d and H. E. B a r n e s, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, Dover Publications, 1952, 2 vols.
- H o u s e F. N., *Development of Sociology*, New York, McGraw-Hill, 1936.
- P a r s o n s T a l c o t t, *The Structure of Social Action*, New York, McGraw-Hill, 1937.
- S o r o k i n P. A., *Contemporary Sociological Theories*, New York, Harper, 1928.
- T i m a s h e f f N. S., *Sociological Theory*, New York, Doubleday, 1955.

РАЗВИТИЕ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Говард Дженсен

Исследователи социальной теории весьма поздно стали применять технику социологического анализа в своей дисциплине. Это особенно поражает, если принять во внимание положение Конта, «что новую науку надо изучать исторически»¹, а также специальную подготовку в этой области большинства основателей американской социологии. Даже сам Албион Смолл, бывший профессор истории и экономики, за два лишь года до смерти писал, что тот факт, что он и его коллеги пренебрегали вначале всем, что было сделано в этой области, отражает «жалкий любительский подход». Он признавал, что только за последние годы он пришел к заключению, что исторический подход является «лучшим способом установить, что такое социология и чего она стоит», но что только «в 1917 году он стал следовать этому» в читаемых им курсах².

Смолл, по-видимому, рассматривал историческую часть своей ранней работы «Общая социология» («General Sociology» Chicago, 1905) как вклад скорее в социальную теорию, чем в ее историю, а свою книгу «Камералисты» («The Cameralists»), написанную несколько позже, — как «исследование только одного фактора социального процесса в германских государствах... имевшего значение в качестве одной из формирующих сил того периода»; но он считал, что, поскольку «основной задачей этой работы является дать в распоряжение государства готовые средства», она не может представлять собой главу в истории социологии³.

ОБЩЕЕ ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К РАННЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Прошло почти столетие со времени первой лекции Конта по данному предмету и первой попытки Богардуса⁴ проследить возникновение человеческих идей о более общих формах межличного

¹ Auguste Comte, *The Positive Philosophy*, London, 1863, vol. 1, p. 22.

² A. W. Small, *Origins of Sociology*, Chicago, 1924, pp. 4, 6.

³ A. W. Small, *The Cameralists*, Chicago, 1904, pp. VII—VIII.

⁴ E. S. Bogardus, *A History of Social Thought*, Los Angeles, 1922 и позднее *The Development of Social Thought*, 1st ed., 1940; 3rd ed., New York, 1955.

и коллективного поведения, являющегося непосредственным фоном современной социологии. Заслугой Богардуса также является то, что он поместил историю западной социальной мысли в соответствующее окружение социальных легенд первобытных народов и ранних цивилизаций. Он, таким образом, установил традицию, которой следовали Беккер, Барнс и Фёрфи, но которой пренебрегли Зелигман, Лихтенбергер, Хауз, Элвуд, Бич, Барнс, Миханович, Кильзер и Росс, а также Тимашев⁵.

Социологи до сих пор уделяли мало внимания значению доконтковского периода в изучении происхождения и развития своей науки. Уже в 1900 году Келлер обратил внимание на то, насколько полезно было бы социологам, если бы они «имели под рукой отдельные монографии, в которых совершенно объективно был бы собран и систематизирован социологический материал таких документов, как Веды, Зенд-Авеста, обе Эдды, Талмуд, Калевала, Песнь о Нибелунгах, поэмы Гомера и т. д.»⁶ Келлер считал, что в этом отношении поэмы Гомера превосходят всю другую раннюю литературу, поскольку они являются описанием, данным непосредственным наблюдателем, социальных условий, а также мысли, действий и чувств людей в век, который, как предполагается, эти поэмы описывают. Он считал, что они полностью свободны от религиозных и других предрассудков, а также позднейших добавлений, приобретенных в процессе передачи, и, следовательно, являются исключительными в том отношении, что они отражают «совершенно однородную культурную стадию», которая действительно существовала в историческую эпоху, когда они были созданы⁷.

Шестнадцатью годами позднее Барнс утверждал, что «со времени Платона мыслители приближались, а в некоторой степени и успешно формулировали основные проблемы социологии» и что, следовательно, не существует «никаких оснований отказываться от возвращения обратно к Конту в поисках источников социологической мысли»⁸.

Но этими советами долгое время пренебрегали. Общие трактаты, когда они не пренебрегают доконтковским периодом или значи-

⁵ H o w a r d B e c k e r and H. E. B a r n e s, *Social Thought from Lore to Science*, 1st ed., Boston, 1938; 2nd ed., New York, 1952, 2 vols.; P. H. F u r f e y, *A History of Social Thought*, New York, 1946; E. R. A. S e l i g m a n (ed.), *Encyclopedia of the Social Sciences*, New York, 1930, vol. 1; Introduction and pp. 3—228, 231—249; J. P. L i c h t e n b e r g e r, *Development of Social Theory*, New York, 1923; F. N. H o u s e, *The Development of Sociology*, New York, 1936; C. A. E l l w o o d, *A History of Social Philosophy*, New York, 1938; W. G. B e a c h, *The Growth of Social Thought*, New York, 1939; H. E. B a r n e s (ed.), *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, 1948; C. S. M i h a n o v i c h (ed.), *Social Theorists* Milwaukee, 1953; E. F. K i l z e r and E. v a J. P o s s, *Western Social Thought*, Milwaukee, 1954; N. S. T i m a s h e f f, *Sociological Theory*, Garden City, 1955.

⁶ A. G. K e l l e r, *Sociology and the Epic*, *AJS*, 6 (September, 1900), p. 26.

⁷ A. G. K e l l e r, *Homeric Society*, New York, 1902.

⁸ H. E. B a r n e s, *Sociology before Comte, A Summary of Doctrines and an Introduction to the Literature*, *AJS*, 23 (September, 1917), p. 174.

тельно преуменьшают его значение в области интеллектуальной истории, редко поднимаются над уровнем обычного учебника. Они содержат краткие биографические и исторические описания людей и событий, и только Барнс и Беккер подвергли этот материал глубокому социологическому анализу, необходимому для того, чтобы показать динамические взаимосвязи личности и культуры и возникновение социальной мысли как общего продукта ее автора и эпохи. Этот период все еще остается не затронутым социологическими исследованиями, за исключением работы Беккера и Барнса, а также ранней монографии Келлера об обществе эпохи Гомера, выборочных исследований Беккера отдельных культур в его неопубликованной докторской диссертации и его проекта трехтомного труда о социальной мысли Греции, монографии Герцлера о ранних цивилизациях Ближнего, Среднего и Дальнего Востока и Гиттлера о греках до Платона; сюда также относятся обзор в учебнике Шамблисса, охватывающий период от Хаммурапи до Конта⁹, и несколько различных по ценности статей разных авторов, касающихся отдельных узких проблем, которые можно найти в периодической литературе, а также в предисловиях к книгам авторов доконтовского периода¹⁰.

Антиисторическая позиция Смолла

Это пренебрежение можно частично приписать влиянию Смолла, чье руководство социологическим движением в силу его положения, как признавал Одум, во многих отношениях было значительно больше, чем влияние любого из его современников¹¹. Смолл питал мало почтения к любому из социальных мыслителей до XIX столетия. «Существует, — писал он, — только различие в степени между человеком с улицы древнего Рима, жившим две тысячи лет тому назад, который верил, что мир покоится на плечах Атласа, и профессорами, которые читали лекции по истории литературы, праву, теологии, политике и экономике в 1800 году в европейских университетах». Он считал, что, за немногими исключениями, «тот набор традиционных представлений, который выдавался за социальную

⁹ Н. Р. В е с к е r, *Ionia and Athens: Studies in Secularization* (неопубликованная докторская диссертация, Чикагский университет, 1930); *Mind on the Looms of Greece* (рукопись, 3 тома); автор познакомился с первым томом благодаря любезности проф. Беккера; *Church and State in the Cosmos of Crete*, «*International Review of Social History*», 1, 2 (Fall, 1956), pp. 253—295; J. O. H e r z l e r, *The Social Thought of Ancient Civilizations*, New York, 1936; J. B. G i t t l e r, *Social Thought Among the Early Greeks*, Athens, Georgia, 1941. За исключением краткого введения и еще более краткого описания трех исторических периодов, на которые разбит материал, этот том состоит только из выдержек по разделам из трудов предшественников Платона. R o l l i n C h a m b l i s s, *Social Thought from Hammurabi to Comte*, New York, 1954.

¹⁰ Особого внимания заслуживает предисловие М. Г. Фиша к последнему английскому переводу «*The Autobiography of Giambattista Vico*», Ithaca, 1940, pp. 1—106.

¹¹ О влиянии Смолла см. Н. W O d u m, *American Sociology*, New York, 1950, pp. 94—96.

науку до 1800 года, является упрощенным, ненадежным [и] безответственным»¹². Он сосредоточил свое внимание на критических историках, политиках и экономистах начала XIX века в Германии, считая их наиболее достоверными предшественниками социологии.

Это ограничение масштабов и исторической перспективы происхождения социологии было принято многими из современников Смолла и его последователей более серьезно, чем он это предполагал сам¹³. Его концепция явного разрыва преемственности между социальными науками и ранее проводившимися исследованиями под названием социальной философии укрепила в умах наиболее примитивных эмпириков необоснованное убеждение, что резкое различие между наблюдением и теоретизированием отличает науки от философии. Это было интеллектуальной аберрацией, которую не разделял сам Смолл. В связи с этим стало модным относиться пренебрежительно к социальному философу, как «кабинетному социологу, который не особенно усердно работает». Упускалось из виду то, что критическое размышление требует по крайней мере не меньше труда, чем поиски фактов, и что социологи, сидящие в кабинетах, весьма плодотворно находят факты для большинства своих целей.

Смолл признавал, что интеллектуальное брожение, которое привело в первой половине XIX столетия к выделению социологии, не было «чисто немецким движением», но являлось частью «эволюции, происходившей параллельно во всем западном мире». Но он оправдывал ограничение рамок своего исследования немецкими источниками тем, что «связь быстро развивающихся социальных наук друг с другом более очевидна в трудах немецких ученых» и что, следовательно, они являются наиболее удобными для изложения. Он также защищал свой отказ от более широкой исторической перспективы, утверждая, что значение социальной науки содержится не в важности ее проблем или ее содержания, а в достоверности ее методов и что последние возникли только после 1800 года.

Но Смолл не вполне последователен в своих взглядах. Он иногда прибегал к оговоркам вроде следующей:

«[Если на вопрос], что сделали социальные науки в XIX столетии для создания надежного метода интерпретации человеческого опыта, нужно было бы ответить подробно, было бы необходимо обратиться к эволюции философии и психологии со времени Локка

¹² A. W. Small, *Origins of Sociology*, pp. 12—13. См. также его «*Sociology and Plato's Republic*, *AJS*, 30, pp. 513—534, 683—702, где он утверждал, что «как пример диалектики «Государство» представляет собой поразительный пример того, чем не является социология».

¹³ Хауз, бывший ученик Смолла, включал себя в число «современных историков социальной мысли», историческая перспектива которых «совершенно неоправданно подверглась влиянию концепции Конта и немецких предшественников современной социальной науки или испытала на себе его увлечения великими французскими пионерами в этой области, особенно Контом и Дюркгеймом». См. его рецензию на статью Gladys Bryson, *Man and Society*, *ASR*, 11 (1946), p. 373.

в Англии, Декарта во Франции и Вольфа в Германии. Мы вынуждены опустить этот раздел... В качестве основного ключа к созданию социологии мы используем значительные изменения в эволюции социального самосознания в Германии. Немецкий фактор в эволюции европейского самосознания был выбран не потому, что немецкая фаза опыта исключительна по своему значению, а потому, что звенья в цепи опыта могут быть легче прослежены в Германии, чем... [в] любой другой стране»¹⁴.

Отклики на позицию Смолла. Блестящий анализ развития критической истории, политической науки и политэкономии в Германии, данный Смоллом, и его труды, посвященные истолкованию для американского читателя этих вкладов в методологию социологии, имели выдающееся значение. Но ни один из его доводов за ограничение своей работы о происхождении социологии рамками Германии начала XIX столетия не выдерживает критики. Брайсон показал, что развитие философии здравого смысла в XVIII столетии в Шотландии может быть подтверждено документами в такой же мере и что социальные науки, особенно социология, в значительной степени предвосхищали взгляды философов этой школы и оказали на них сильное влияние. Это так же правильно даже в отношении методологии, на которой особенно останавливается Смолл. Во многих отношениях эти философы являются прямыми продолжателями той интеллектуальной традиции, из которой возникла современная социология. Это проявляется в их концепции человека и общества как частей природы, которые должны исследоваться как физические системы, в их взглядах на единство всех наук, которое не допускает исключительного развития одной из них, и в их страсти к применению математики в научной деятельности.

Брайсон также показал, что частью основного вклада, сделанного этими философами в развитие современной социологической традиции, вклада, которым не может пренебрегать опытный исследователь истоков социологии, является их ньютоновское убеждение, что природа должна объясняться механистически и что правильность научных теорий должна доказываться экспериментально, а не одним рассуждением; что в природе существует порядок и зависимость, на которые может полагаться человек; что целью науки является открытие общих принципов, или законов, природы, полезных для предсказания и управления явлениями, и что в науке о человеке эти принципы должны быть обнаружены не путем дедуктивных выводов из априорных предположений, а путем наблюдения природы человека и его поведения¹⁵.

Взгляды Сорокина были по крайней мере на целое столетие шагом вперед в направлении к той точке зрения, из которой надо исходить при рассмотрении истоков социологии. Он показал, что скептическое отношение к традиционному взгляду на изучение

¹⁴ A. W. Small, *Origins of Sociology*, pp. 15, 29, 31.

¹⁵ L. Bryson, *op. cit.*, pp. 16—25, 242—245.

социальных процессов и принятие новых методов определения того, как достигаются наблюдаемые результаты, по крайней мере так же стары, как социальные физики XVII столетия. В своих попытках исключить «субъективные» оценки, заменить механистические концепции антропоморфическими, телеологическими и моралистическими, а также изучить социальные явления объективно и рационально с помощью геометрических и количественных методов, применяемых при изучении физических систем, социальные физики преследовали цели, являвшиеся, по существу, одинаковыми по плану и намерению, если не по выполнению и реализации с точками зрения и методами, которые многие рассматривают как характерные для современности¹⁶.

Особенность точки зрения Смолла и его оговорки, указанные выше, не дают основания заключить, что его точка зрения на истоки социологии отличается «только по направленности» от взглядов Брайсона, Сорокина и других. О различии только по направленности можно судить лишь по ее последствиям. Ее непосредственное влияние на учеников и последователей Смолла заключалось не в том, что социологи XIX и XX столетий отличались от своих предшественников по социальной философии только по степени, а в том, что последние отличались лишь по степени от легковверного сознания масс. Какое бы значение ни придавал Смолл этой своей точке зрения, он не развил ее в своих трудах, и, насколько я, будучи его студентом, могу вспомнить, он не касался ее в своих курсах и семинарах по истории социологии, за исключением своей трактовки Адама Смита. Относительно Смита он писал:

«Если бы кто-нибудь знакомый с общим социологическим подходом к взглядам на общество, но не знающий экономической литературы, впервые встретился с «Исследованием о природе и причинах богатства народов», он ни на минуту не затруднился и не поколебался бы отнести эту книгу к исследованиям специальной области — социологии»¹⁷.

Возврат к теории

Другой причиной запоздалого развития истории социальной мысли является невысокое мнение о теории, господствовавшее в период между двумя мировыми войнами. Споры, порожденные первоначальной теоретической ориентацией на позитивизм, органицизм, эволюционизм, номинализм, реализм и различные экономические, расовые, географические, технологические и прочие виды детерминизма, соперничающие между собой, дали весьма незначи-

¹⁶ P. A. Sorokin, *Contemporary Sociological Theories*, New York, 1928, pp. 5—13. Сорокин интересовался критической оценкой различных вкладов в социологическую теорию, сделанных за период в 60 или 70 лет, предшествовавший выходу его книги, а не историей этих вкладов. Тем не менее он дает превосходное краткое изложение концепций предшественников Конта.

¹⁷ A. W. Small, *Adam Smith and Modern Sociology*, Chicago, 1907, p. 1.

тельные результаты, если судить по затраченным времени и труду, и привели к широко распространенному отождествлению теории, как таковой, с априоризмом и безудержной спекуляцией. Расчет вошедших в моду прагматизма, бихевиоризма, операционализма и логического позитивизма с их упором на эксперимент и квантификацию поставил в центре внимания исследователя накопление эмпирически установленных фактов. Но в сороковые годы это в свою очередь привело к разочарованию и к более ясному пониманию того, что если ранее социальная теория, не подкреплённая проверенными наблюдениями, была беспочвенной, то поиски фактов, не направляемые теорией, являются бесцельными, а их накопление без теоретического обобщения — бессмысленным.

В результате вновь возродился интерес к социальной теории и к ее роли в современных дискуссиях о проблемах обучения социальным наукам. Наилучшая работа этого рода была выполнена экономистами. Особенно характерны две монографии, опубликованные в качестве приложения к «Америкэн экономикс ревью» («Американское экономическое обозрение») в декабре 1910 и сентябре 1953 года. Автор второй из этих монографий рекомендует специалистам-экономистам в качестве минимума, если они хотят понять друг друга, совместное систематическое обучение теории по крайней мере в течение четырех семестров, причем не просто той экономической теории, которой можно мимоходом научиться у компетентного лектора, читающего специальный курс в этой области.

Наряду с признанием важности теории как таковой соответственно растет понимание необходимости исторического подхода для соответствующего уяснения злободневных теоретических проблем и вопросов. Выводом из этого исследования, проведенного экономистами, явилось то, что университеты не должны ограничивать свое внимание лишь гуманитарными науками, но должны предоставить место изучению социальной теории на протяжении всего курса и экономисты должны требовать от своих студентов или по крайней мере убеждать их, особенно тех, кому суждено преподавать в высшей школе, уделить «известную долю своего внимания этому предмету». Ученость, определяемая как «достижение широкого и точного знания истории человеческого разума, отраженного в письменных документах», должна стать «одним из необходимых элементов подготовки опытных специалистов в такой области, как политическая экономия». Профессора аспирантских курсов должны «считать своим долгом пробуждать интерес студентов к учебе» в этом смысле. «Это ценное предложение может быть претворено в жизнь только путем ознакомления студентов с историей экономического учения»¹⁸. То, что говорится здесь относительно политической экономии, в равной степени относится ко всем социальным наукам.

¹⁸ H. R. Bowen, Graduate Education in Economics, «American Economic Review», 43, pp. 109—110, 115—116.

Конечно, не предполагается, что каждый научный работник в области социальных наук должен превратиться в историка своей дисциплины и погрузиться до такой степени в исторические исследования, что у него может не остаться времени для эмпирических исследований современных проблем в его области. Важно, однако, чтобы несколько исследователей, знакомых с основами социальной теории в каждой специальности, усиленно изучали ее историю и чтобы все их коллеги специалисты были в известной степени знакомы с результатами этих исследований.

Проблема определения области социальной мысли

Наконец история социальной мысли запоздала в своем развитии вследствие трудности определить специальную область социологических исследований и вследствие развития системы понятий и приемов, необходимых для этой задачи. Помимо истории и политической теории, обладающих почтенными предками, социальные науки только в наши дни стали превращаться в самостоятельную область критического исследования. В качестве самостоятельной дисциплины политическая экономия возникла только в XVII столетии, в то время как у социологии, антропологии и социальной психологии историческое развитие вдвое короче. Историки этих дисциплин должны, следовательно, извлекать значимые факты из их общей матрицы фольклора, моральной и социальной философии, теологии, истории, политической экономии и политической теории, которые составляют общий результат постепенно возрастающего осознания человеком значения его жизни совместно с другими людьми. Для ученого, занимающегося политикой, и для экономиста это не является слишком трудной задачей, ибо структуры, процессы, способы и методы, необходимые для поддержания порядка внутри общества и обеспечения товарами и услугами, необходимыми в качестве основы для его материального существования, могут быть установлены относительно легко.

Но при помощи какой карты и какого компаса сможет историк социальной мысли определить свой путь в этом лабиринте идей? Каким критерием будет он пользоваться при отборе нужных фактов из общей массы материалов, имеющих отношение к его задаче? И как он вообще определит, что является его задачей? Из-за невозможности сформулировать адекватные критерии отбора общим трактатам по истории социальной мысли, за некоторыми исключениями, не хватает единства и концептуальной ясности. Некоторые авторы определяют эту область настолько широко, что включают в нее интеллектуальную историю человечества. Так, например, Гиттлер пишет, что «...социальная мысль — это размышления людей о человеке в какие-либо данные время и место». Социальная мысль как таковая «не проводит различия между политическим, экономическим и этическим». Он добавляет, что, «поскольку автор является

профессиональным социологом, очевидно, что его интерес сосредоточивается на социологическом». Но при этом не предпринимается никакой попытки в целях более точного определения этого интереса¹⁹.

В одинаковой степени неясным является заявление Герцлера, что «он в основном интересуется историей социальной мысли как общей основой социологии». Однако впоследствии он дает список тем, интересных для социологов, которые он обнаружил в своем исследовании. Среди них находятся следующие:

«...развитие общественного сознания; признание трудностей, возникающих в жизни группы при личных контактах; размышление об отношениях людей в группах; обсуждение человеческих и социальных ценностей и различных видов философии жизни; глубокие размышления о социальном контроле, особенно о регулирующих институтах, таких, как государство, семья и собственность; трактовка некоторых аспектов социальной организации; озабоченность плохими социальными условиями и результатами, ими порождаемыми; разработка обширных сводов законов, охватывающих почти все аспекты жизни группы; глубокое размышление о важности и природе общественного долга и обязательств человека, особенно в отношении нравственного кодекса и общественного приличия; мысли о подготовке к жизни в группе, особенно об образовании, его теории и методах, а также других средствах внедрения институциональных знаний; природа человеческого характера; случайные мысли в виде эффективной, хотя и поверхностной общественной критики и предсказания, а также рассмотрение социальной дифференциации, особенно классовых отношений и социального неравенства»²⁰.

Лихтенбергер определяет свою работу как попытку «вскрыть основания, на которых была воздвигнута современная структура [социологии], и установить процессы, без которых она совершенно не смогла бы быть построена на протяжении столетий». Богардус считает социальную мысль «абстрактной. Она дополняет практическое мышление относительно социальных проблем и иногда резко расходится с обычным мышлением»²¹. Хотя это определение исключает социальную мысль народов, не обладающих письменностью, поскольку она ограничивается практическим и конкретным, тем не менее в своем трактате Богардус отводит главу этому виду социальной мысли. Это определение исключает также большую часть современной общественной мысли, поскольку она возникает во время дискуссий, происходящих в гостиницах, клубах и на улице. Оно исключает также газеты и журналы, радио и телевидение и другие средства массового воздействия, которые оказывают весьма значительное влияние на ход социальной политики.

¹⁹ J. B. Gittler, *op. cit.*, pp. 1—4.

²⁰ J. O. Hertzler, *op. cit.*, pp. 1, 340—341.

²¹ J. P. Lichtenberger, *op. cit.*, p. IX; E. S. Bogardus, *The Development of Social Thought*, 3rd ed., p. 4.

Только Эллвуд определил границы области своего исследования, приняв с самого начала определенные критерии для отбора материала, и эти критерии он постоянно применял таким образом, что читатель может ясно установить связь между вкладом каждого отдельного социального теоретика и тем, что предшествовало ему и что имело место после него. Кратко отметив те факты биографии, которые могли бы повлиять на мышление каждого из авторов, о которых он пишет, и очертив общую социальную и культурную среду, которая оказывала воздействие на его работы, Эллвуд описывает свои методы, или, скорее, их отсутствие, поскольку «мышление всегда ограничивается, если не определяется, используемым методом». Затем он дает очерк «учения мыслителя, если таковое у него имеется», относительно социального происхождения, социального развития, социальной организации и функционирования и, наконец, социального строя и прогресса. Но он признает, что «у большинства мыслителей социальное мышление настолько фрагментарно, что оно редко охватывает всю область проблем, указанных выше»²². Таким образом, он не считает свой план некоей стандартной рамкой, в которую должен быть втиснут материал.

Этот подход полностью отражает общую социологическую ориентацию Эллвуда. Будучи социологом-культуроведом, он подчеркивает преемственность традиции и пытается показать, как социальная мысль определялась развитием своей собственной традиции. Будучи одним из пионеров американской социальной психологии, он подчеркивает роль в общественном процессе индивидуального разума как центра творчества и истинного становления и, таким образом, избегает опасностей, подстерегающих культурного детерминиста и приверженцев индивидуалистических теорий, или теорий «великого человека», признавая, что духовная продукция гения, хотя она и обуславливается культурой, однако не является полностью детерминированной ею.

Современные очерки по истории общественной мысли

В результате общего недостатка в адекватных критериях отбора многие из современных очерков по истории социальной мысли в значительной степени подвергают новому толкованию материалы, уже анализировавшиеся историками философии и политики. Другие авторы, особенно при рассмотрении данных о народах, не обладавших письменностью и древней цивилизацией, социальная мысль которых должна выводиться скорее из их образа жизни и из их поступков, чем из их слов, не смогли провести точного различия между самими *событиями* и *идеями о событиях* и, таким образом, в значительной мере дублировали работы по социальной истории,

²² С. А. Ellwood, op. cit., p. XI.

истории культуры и культурной антропологии. То, что требуется для истории социальной мысли, должно быть не обзором социальной структуры и институциональной практики народов, не имевших письменности и ранних цивилизаций, а также классификацией их фольклора, священных писаний, юридических кодексов и других сохранившихся документов, а социологическим анализом этих материалов для установления заключающейся в них социальной мысли.

При наличии в современных эмпирических исследованиях тенденции недооценивать значение социальной мысли до Конта и даже до Самнера только большой энтузиазм, испытываемый к «тому, что думали мудрецы в прошлом», может поддерживать социологические исследования в этой области. Отсюда возникла противоположная тенденция переоценки социальных преданий народов, не имевших письменности, и общественной мудрости минувших цивилизаций. Это различие в оценке также частично вызвано тенденцией эмпирических исследователей использовать метод, а историков социальной мысли подчеркивать проблемы и содержание в качестве критериев, определяющих происхождение социальных наук²³. Блестящая интуиция, значительное проникновение в глубь явлений и непревзойденная способность к обоснованному рассуждению так же широко распространены, как и человечество, и старше, чем история. Но им не хватает точности формулировок, что свидетельствует о том, что они нуждаются в проверке на эмпирических фактах. Они не подтверждаются документацией, контрольными наблюдениями и экспериментом, который допускает точное предсказание и надежный контроль явлений, на которых основана как «истинная ценность» чистой науки, так и ее «утилитарная ценность» в применении на практике. Нужна реалистическая оценка того, каким образом это одновременное проникновение в источники межличного и коллективного поведения возникло, расширилось и все более уточнялось благодаря трудам последующих поколений, каждое из которых усовершенствовало объективные методы проверки, применявшиеся их предшественниками, настолько постепенно, что наиболее выдающиеся из современных ученых резко расходятся в своих суждениях даже о том, к какому столетию следует отнести появление социальной науки из лона социальной мысли.

Гиттлер разбил различные концепции о происхождении социологии на пять групп:

«...1) теория, что социология восходит к древним временам, и в частности к грекам. Этот взгляд поддерживается Шпанном, Богардусом, Лихтенбергером, Менцелем, Эллвудом и Хэнкинсом; 2) концепция о происхождении социологии в XVII и XVIII столетиях. Этот взгляд разделяется такими учеными, как Зомбарт, Бринк-

²³ Ср. отрицательный отзыв Смолла о Платоне (сн. 12) с определением «Государства» Р. М. Макивером как «первого и величайшего трактата по социологии» в его работе «Общность» («Community», London, 1920, p. 54). См. также критику Герцлера Беккером, данную ниже, в сн. 28.

манн и Тённис; 3) взгляд, что социология возникла в романтический период около 1800 года. Этого представления придерживались Смолл, фон Белов и Бакса; 4) идея, что XIX столетие является периодом, породившим социологию. Эта мысль имеет таких приверженцев, как Барт, Оппенгеймер, Макс Вебер, Готхейн, Фрейер, Сквиллейс, Штейн и Моль; 5) теория, относящая происхождение социологии к XX столетию. Эту теорию энергично поддерживает Визе»²⁴.

Рациональный элемент в социологическом анализе социальной мысли

Эти соображения заставили тех, кто был наиболее склонен к позитивизму, отбросить историю социальной мысли как область, имеющую чисто антикварный интерес, являющуюся предметом дилетантских очерков; она дает возможность честолюбивым людям показать свою эрудицию, но не имеет ценности для ученого, пытающегося поставить такие вопросы относительно человеческой ассоциации, на которые можно ответить. Но другие, настроенные менее позитивистски, дают более глубокое понимание того, что многие из основных идей и систем ценностей с их нерешенными проблемами и противоречиями, которые в наши дни превратились в живые силы в мире, коренятся в историческом и доисторическом прошлом человека. Они признают, что важно получить, насколько это возможно, глубокое знание о всей интеллектуальной истории человека, знание, необходимое для адекватного понимания современного общества. Они признают историю социальной мысли как законную область научных исследований. Но они охотно передали бы ее историкам философии, этики и политической теории, а сами ограничились бы ее развитием в последнее время.

Но идеи об общественном процессе являются сами частью этого процесса, и, если только к этим идеям не подходить социологически, важная фаза человеческой культуры полностью выпадает из сферы социологического анализа. Только социолог обладает широким взглядом на историю идей, взглядом, которого так часто не хватает современной социальной теории, и только он обладает средствами заставить эту историю создать основу для дальнейшей социальной теории, как это покажет сравнение экскурса Макса Вебера в эту область с экскурсами Шпенглера или Тойнби.

Если история социальной мысли должна оправдать себя как социологическая дисциплина, она должна дать больше для социальной теории, чем это было до сих пор. Проблема социологического исследования отнюдь не состоит в первую очередь в том, чтобы подытожить то, что думали другие. За последним мы можем обратиться к уже имеющимся работам по истории мысли. Задачей социологии является обнаружить, почему они так думали.

²⁴ J. B. G i t t l e r, op. cit., pp. 3—4.

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ

Работы наших современников, однако, являются по своему характеру описательными и экзегетическими²⁵. С различным успехом они описывают возникновение и накопление основных идей относительно группового фактора в человеческом обществе, а также постепенное изменение и усовершенствование методов их обработки. Они переполнены ссылками на исторические условия, в которых работали отдельные авторы, а также на значительные события в их жизни. Но они лишь помещают свой материал в исторический континуум. Им не удается подойти вплотную к тому порядку и взаимозависимости явлений, которые для социолога являются сущностью их значения. Они не связывают органически порождение ума с соответствующей исторической эпохой и не прослеживают связи между культурой и личностью в процессах становления, дающие нам возможность интерпретировать идеи любого века с точки зрения его социально-культурного контекста. Таким образом, они не подтверждают выдвигаемого ими положения, что общественная мысль — это попытка людей сделать понятными окружающие социальные условия.

Для доказательства этого положения необходимо использовать при анализе общественной мысли методы социологии знания. Эти методы должны использовать для анализа социальной мысли как комплекс идей, относящихся к социальной ситуации не как к сущности, существующей вне нас, но как к неотъемлемой части той социально-культурной среды, в которой осуществлялось размышляющее и творческое сознание, породившее эти идеи. Только когда при помощи этих методов тщательно изучается общественная мысль писателя или века, можно оценить степень ее нерациональной и экзистенциальной детерминированности, а также выделить те ее элементы, которые ограничены в своем применении культурой истории, от тех более рациональных и универсальных элементов, которые дают возможность сравнить ее с идеями других времен и культур.

Социологическая теория не развивается в силу того, что отыскиваются эквиваленты современных идей в древних источниках, устанавливаемые на основе внешнего или словесного сходства, без учета важных различий этих глубоко отличающихся друг от друга видов интеллектуальной среды по их влиянию на изучаемые проблемы, принимаемые постулаты, искомые цели и социо-культурные значения решений, предлагаемых отдельными теоретиками. Возьмем, например, эту в высшей степени ошибочную историческую интерпретацию Яши, в которой он совершенно необоснованно сопостав-

²⁵ Эта процедура вполне законна, если она применяется сознательно. Так, Сорокин (op. cit., p. XVII) ясно говорит, что целью его обзора основных типов социологических теорий на протяжении 60—70 лет до 1928 года является «установить их ценность с научной точки зрения. Любой другой подход к изучению этих теорий, как, например, почему данная теория выдвигается данным автором, или почему она стала популярной, или что представляет собой автор, сознательно исключается».

ляет платоновское государство с советским государством: «...Идеальное государство Платона и государство русских коммунистов имеют многочисленные общие элементы: оба ненавидят торговлю и денежное хозяйство; оба рассматривают частную собственность как единственный источник зла; оба хотели бы устранить богатство и бедность; оба благоприятно относятся к коллективному воспитанию детей, изъятых у родителей; оба рассматривают искусство и литературу только как средство государственного воспитания; оба хотели бы контролировать всю науку и идеологию в интересах государства; оба обладают строгой основной догмой, чем-то вроде государственной религии, которой должны быть подчинены все индивиды и вся общественная деятельность»²⁶.

И все это вопреки той плохой репутации, которой Платон пользовался у К. Маркса и его современных верных последователей! В «Капитале» К. Маркс только один раз упоминает Платона, и то только затем, чтобы отмежеваться от «характерного буржуазного инстинкта», общего для Платона, Фукидида и Ксенофонта²⁷.*

Но эти «многочисленные общие элементы», якобы свойственные и Платону и Марксу, не являются ни основными, ни глубокими. Они вытекают из совершенно противоположных постулатов, служащих для совершенно различных целей, каждый в своем специфическом социально-культурном контексте. Основные постулаты в «Государстве» Платона являются постулатами теории идей, а не диалектического материализма. Преследуемая цель заключается не в том, чтобы добиться гармонии между классовой структурой и структурой власти в обществе и его «производительными силами», а в том, чтобы реализовать понятие справедливости, основанное на предполагаемой аналогии между тройственной индивидуальной психологией Платона и идеальной классовой структурой. Коммунистическое [по Платону] решение имело в виду не орудия производства, а потребительские товары. Оно применялось не ко всему обществу в целом, для того чтобы добиться равного распределения продуктов первой необходимости, а только к классам граждан — воинов и стражников, чтобы обеспечить их бескорыстное служение общему благу, упрочить структуру власти, опиравшуюся на достоинство, и предотвратить коррупцию, вызываемую двумя, по мнению Платона, наиболее вредными влияниями, а именно наследственным правлением и частной собственностью. В свете социально-культурных

²⁶ O s c a r J á s z i, Introduction Geza Engelman, *Political Philosophy from Plato to Jeremy Bentham*, New York, 1927, pp. 4—5. Этот отрывок с одобрением цитируется в кн. E l l w o o d, *op. cit.*, p. 34.

²⁷ K a r l M a r x, *Capital*, New York, pp. 401—402. (См. К. М а р к с, *Капитал*, т. I, стр. 374.—*Ред.*.)

* Действительно, нет никаких оснований сопоставлять советское государство с «идеальным государством» Платона, вместе с тем следует обратить внимание, что К. Маркс цитируется здесь не точно. На указанной странице К. Маркс говорит лишь о Ксенофоне «с характерным для него буржуазным инстинктом», не относя непосредственно эту характеристику к Платону или к Фукидиду. Далее, К. Маркс в т. I «Капитала» на ряде страниц несколько раз, а не один раз упоминает Платона.— *Ред.*

условий нет ничего общего между основной теорией платоновской утопии и марксистской диктатуры пролетариата. Даже в параллельном использовании слов в тех деталях, которые приводит Яши, различия больше, чем сходства.

Другие истории общественной мысли, также на совершенно ложных основаниях, видели в Платоне источник фашизма и «управленческих» («managerial») идей нашего времени²⁸ Именно католический писатель, священник Поль Фёрфи, отметил, что современным социологам, дискутирующим о «Государстве», «несколько не хватает воображения», поскольку они «часто увлекаются этими второстепенными [коммунистическими] идеями и не замечают главного момента книги». Фёрфи отмечает, что «католическое духовенство достигает тех же самых результатов, поскольку у них общая собственность и благодаря обету целомудрия нет жен и детей»²⁹.

Беккер и сконструированные типы в анализе общественной мысли

Один Беккер сделал попытку истолковать историю общественной мысли как вклад в социологическую теорию. В тех частях его книги «Общественная мысль от предания к науке», которые принадлежат непосредственно его перу, а также при редактировании материалов Барнса он придал им некое подобие системы, используя специфические, социологические понятия и методы анализа. Пользуясь методами социологии знания (Wissenssoziologie) и методом сконструированных типов, он органически связал общественную мысль с соответствующей социально-культурной средой. Он показал, как возникают социальные идеи и как они приобретают определенный характер в различных культурах благодаря действию специфических факторов, способствующих развитию критической способности в процессах перехода общества от священного к светскому типу.

Беккер подвергся критике за то, что «в своих положениях он отдавал предпочтение одной определенной концепции социологии и... [конструктивной типологии] в социологических исследованиях». Но не обязательно принимать теоретические и методологические положения Беккера, для того чтобы признать необходимость введения *некоторых* социологических понятий и методов в этой области, если рассматривать ее как социологическую дисциплину и оценить значение этой первой попытки в указанном направлении. При настоящем положении социальной теории социологическая критика может извлечь пользу из замечаний Сальвемини о роли «конструктивного использования предубеждений» при определении значения

²⁸ Barnes, An Introduction to the History of Sociology, p. 7 Подобное же неправильное толкование китайской социальной мысли отмечается Беккером в его рецензии на книгу Герцлера (Herzler, op. cit., ASR, I (December, 1936), pp. 1020—1022).

²⁹ P. H. Furfey, op. cit., p. 117

и недостатков соперничающих школ благодаря интенсивному использованию в социальных исследованиях их понятий и приемов ³⁰.

Но даже Беккер строго применял свой метод только в тех главах своей книги «Общественная мысль от предания к науке», относящихся к Древней Греции, которые основаны на его собственном тщательном изучении культуры, а также в главах, касающихся преданий бесписьменных народов и общественной мудрости древних цивилизаций Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, в которых он подверг критическому анализу результаты исследований Дюркгейма, Дави, Море, Макса Вебера, Майреса, Тревера, Брестеда, Дж. М. П. Смита, Гране, Крила и других. Беккер признавал этот недостаток и заявлял, что «следовало бы попытаться дать более последовательное толкование, если бы он был лучше знаком с деталями *«Wissenssoziologie»* на ранней стадии подготовки к написанию этой книги» ³¹.

Но первоначальные идеи Беккера содержат и другие возможности для исследователя, которыми он сам не воспользовался. В его ранней работе понятия «священное» и «светское» используются главным образом для обозначения обществ. Закрытое священное общество—это такое общество, в котором «обычай отцов окружены чем-то вроде эмоционального ореола и таким образом предотвращается их профанация благодаря изменению... Не применяется какое-либо обычное сравнение, классификация, анализ или абстракция, все является единственным, конкретным и личным, ибо все контакты являются первичными». В закрытом обществе существует максимум неофициального и интернализованного социального контроля, осуществляемого благодаря традиционным образцам поведения, и заметное эмоциональное сопротивление изменению как в мыслях, так и в поведении. Открытое светское общество в противоположность этому является таким, в котором социальные отношения обезличились благодаря таким социальным факторам, как миграция, средства сообщения, и другим способам культурного контакта. Духовная мобильность, привычная абстракция, рационализм и индивидуация составляют его *modus vivendi*. Социальный контроль ограничивается и принимает строго официальные формы. Новые способы мышления и поведения охотно принимаются ввиду их «чисто эффективной рациональности». Когда это происходит, «социальная мысль не только становится отчетливой, но стремится также к высокой степени обобщения; когда этого не происходит, одерживают верх скрытые или традиционные тенденции» ³².

В качестве конструированных типов священное и светское общества представляют собой противоположные понятия, никогда

³⁰ См. рецензию Ч. У. Харта на работу: Becker and Bannier op. cit., ASR, 3 (August, 1938), pp. 581—585; Gaetano Salvemini, *Historian and Scientist*, Cambridge, Massachusetts, 1939, pp. 69—84; W. B. Cannon, *The Way of an Investigator*, New York, 1945, pp. 97—107.

³¹ Howard Becker and H. E. Barnes, op. cit., vol. 1, Предисловие.

³² Howard Becker and H. E. Barnes, op. cit., pp. 10, 16, 39, and passim.

не описывающие точно эмпирическую реальность. Они являются типами, которым с различной степенью приближения соответствуют различные аспекты реально существующих обществ. В качестве эвристического приема они никогда точно не соответствуют той эмпирической социальной реальности, к которой относятся. Тем не менее вряд ли оправданна критика теории конструированных типов на том основании, что эти типы «недостаточно эмпиричны». Научные понятия и законы не описывают события в том виде, как они происходят в природе, но так, как они схематизируются в теории. Абсолютный вакуум, совершенная эластичность, движение, лишенное трения, в физике являются также эвристическими приемами. Подобным же образом различные формы кривых распределения выводятся из абстрактных математических уравнений, которым в большей или меньшей степени соответствуют эмпирические данные. Главное отличие состоит в том, что в этих областях эмпирические данные располагаются вокруг какой-нибудь специально определенной центральной тенденции в измерениях рассеивания, статистически определяемых для каждого количественного атрибута, использованного в качестве критерия понятия, в то время как конструированные типы, созданные социологом, являются ограниченными понятиями, от которых в заметной степени отклоняются качественные атрибуты и для которых могут существовать или не существовать количественные изменения ³³.

В своей более поздней работе Беккер признал, что эта дихотомная классификация обществ на священные и светские не является достаточно точной, чтобы ею можно было пользоваться для строгого анализа в социальных исследованиях. Поэтому он определяет более тщательно подтипы священного и светского обществ, полезные для такой цели. Он также делает более ясное признание, что термины «священный» и «светский», собственно, обозначают присутствие или отсутствие у членов общества эмоционального сопротивления изменению, а также социальных явлений, по отношению к которым оно проявляется ³⁴ (см. главу 6 данной книги).

Общественная мысль и процесс секуляризации. Понятие секуляризации представляет собой заманчивую возможность для исследователя, возможность, которую автор в течение нескольких лет исследовал в своих семинарах по истории общественной мысли. Переход от священного к светскому является сложным, весьма неоднородным процессом. Он отнюдь не происходит правильно и организованно. Он различается по интенсивности и темпу в различных комплексах одной и той же культуры, а также в различных классах и других социальных группировках, составляющих социальную организацию. Каждое общество, как бы священо оно ни было, имеет

³³ Cp. Anatol Rapoport, *Operational Philosophy*, New York, 1953, pp. 20 ff.

³⁴ Howard Becker, *Through Values to Social Interpretation*, Durham, N. C., 1950, pp. 264—278. Howard Becker and H. E. Barnes, *op. cit.*, 2nd ed., vol. 1, Приложение, p. VI.

свою светскую прослойку, в которой к проблеме подходят с весьма практической точки зрения. Физическое выживание требует того, чтобы к некоторым сторонам природы и человеческого характера подходили с полным реализмом. В этом случае детальное и точное наблюдение служит для установления по методу проб и ошибок процессов, которые ведут к постепенной неметодической разработке обширных запасов эмпирического знания, технических навыков и практических процедур, посредством которых достигается соответствующее приспособление человека к среде, — процессов, приводящих в отчаяние наших современников, когда им внезапно приходится сталкиваться лицом к лицу с грубой природой. Подобным же образом каждое общество, каким бы светским оно ни было, обладает священной сердцевиной, благодаря которой в нем придерживаются установленных образцов жизни настолько крепко, что это иногда граничит с мученичеством. С одной стороны, в большинстве обществ, если не во всех, имеются индивидуумы, которые хотя и выражают уважение к свяшенным традициям, однако делают это чисто внешне³⁵. С другой стороны, во всех обществах, включая наше собственное, имеются лица, считающие подавляющую массу традиционных и принятых убеждений и практики священной.

Исследование этой священной сердцевины весьма важно для истории социальной мысли, а также социальной науки, ибо именно эта вездесущая и священная социальная легенда препятствовала возникновению и развитию критических мыслей в отношении дел человеческих на протяжении всей истории. Ее сторонники все еще пытаются изъять из сферы научного исследования значительные области важных социальных проблем и добились того, что задержали на десятилетия применение научных данных к проблемам социальной политики. В нашем современном обществе это находит себе выражение в сильном увлечении многочисленными ограничительными дополнениями к конституции, в охоте за ведьмами в университетах и других учебных заведениях и в преследовании отдельных лиц, чьи взгляды на проблемы социальной политики отклоняются несколько влево от взглядов неандертальского человека. Уже одно это обстоятельство должно показать значение для современных социальных исследований социологического анализа, связанного с священной сердцевиной.

В равной степени важным является исследование светской прослойки, ибо напряженные отношения между ней и священной сердцевиной определяют типы проблем, подлежащих критическому изучению, и создают интеллектуальную среду, которая обуславливает нюансы общественной мысли, неповторимые для каждого века и культуры. Только когда эти нюансы анализируются и тщательно изучаются при помощи выборочного метода изучения культуры, можно изолировать более субъективные и культурно-ограниченные

³⁵ С p. P a u l R a d i n, *Primitive Man as a Philosopher*, New York, 1927, pp. 53—62.

«центральные теоремы» общественной мысли от более объективных универсальных элементов, «которые можно с полным основанием перевести в различное окружение, в некоторых случаях радикально отличное от того, в котором действует современный социолог»³⁶. Только таким образом можем мы оправдать трату времени и денег на историю социальной мысли в аспирантских курсах.

Общественная мысль и социально-культурная структура. Эти нюансы дают нерациональные и экзистенциальные детерминанты социальной мысли, которые являются законной областью социологии знания³⁷. Таким образом, социологическое исследование истории социальной мысли тесно переплетается с исследованием других теоретических проблем, особенно проблем социологии знания и исторической социологии³⁸ благодаря их общей зависимости от изучения культуры. Со времен греческих софистов и до логических позитивистов ряд теоретиков подвергали сомнению независимость человеческого интеллекта в области социального и пытались свести все обобщения человека относительно его совместной жизни с другими людьми к культурному релятивизму, лишенному объективной ценности в качестве рационального знания. Крайней формой этого редукционизма является «Закат Европы» Освальда Шпенглера (Нью-Йорк, 1926—1928, 2 тома). Шпенглер утверждает, что каждая культура обладает единственным свойственным ей стилем, настолько неповторимым, что он не сводим к какому-нибудь другому, что, как указывает Тимашев³⁹, делает невозможным для людей различных культур понять друг друга, а для Шпенглера — написать свою книгу.

Другая плеяда выдающихся мыслителей, от Платона до Тойнби и Сорокина, пыталась из исторических данных вывести общие законы социального развития, создающие возможность объяснить или по крайней мере описать происхождение, расцвет и упадок обществ и культур. Если когда-нибудь будет разрешен конфликт гипотез в этой области, это произойдет благодаря интенсивному изучению историй культур, которое необходимо для развития истории общественной мысли как действительно социологической дисциплины.

Как метко заметил Хауз, «между теорией социальной эволюции и эволюцией социальных теорий существует связь более тесная, чем простая игра слов», поскольку обе включаются в общую матрицу социальных изменений⁴⁰. Но является ли в таком случае связь между ними чисто причинной, как это думает Хауз? Если это так, то развитие общественной мысли является просто словесным отраже-

³⁶ H o w a r d B e c k e r, *Vitalizing Sociological Theory*, ASR, 19 (August, 1954), pp. 379—380.

³⁷ См. гл. 13 настоящей книги.

³⁸ К несчастью, некоторые авторы пользуются термином «историческая социология» как синонимом термина «история социологии». См., например, H. W. O d u m, *op. cit.*, p. 95, и J. B. G i t t l e r, *op. cit.*, p. 4. Этого употребления следует избегать, так как оно ведет к путанице.

³⁹ N. S. T i m a s h e v, *op. cit.*, p. 267.

⁴⁰ F. N. H o u s e, *The Range of Social Theory*, New York, 1929, p. 545.

нием эволюции самого общества, а ее ценность будет целиком зависеть от той точности, с какой она отражает век, породивший ее. С этой точки зрения проблемы исторической социологии настолько тесно связаны с проблемами социологии знания и историей общественной мысли как причина и следствие, что решение первого ряда проблем влечет за собой решение также второго и третьего ряда.

Но взаимосвязи этих трех областей отнюдь не так просты и непосредственны. Специфические проблемы, относящиеся к этим областям, сильно отличаются по своему характеру и сложности. С одной стороны, историческая социология, поскольку она занимается формулировкой единых или по крайней мере поддающихся сравнению аспектов жизни обществ и культур (если не обобщениями, касающимися их будущего), достигает более высокой степени абстракции, чем две другие области. С другой стороны, при определении степени, в которой идеи отдельной личности или целого века обуславливаются социально-культурными и, следовательно, нелогическими и исторически относительными факторами, понимание социологии знания является существенным для полного понимания концептуальной системы каждой отдельной личности, внесшей свой вклад в интеллектуальное наследие, и, таким образом, является основой для всякой дисциплины, которая пытается реконструировать историческую последовательность идей в любой области.

Действительно, все три дисциплины черпают свои данные из общей исторической матрицы, но их связь не является в этом случае причинной, поскольку главный поток событий, описание которого является содержанием истории любого века, сходен с кривой на диаграмме, которая обобщенно отображает развитие социальных идей и от которой во все стороны дивергируют вклады, внесенные отдельными гениальными личностями. Отдельные мыслители находятся в зависимости от исторического процесса в отношении (1) проблем, которые надо разрешить, и (2) основных данных, являющихся отправной точкой для идей. Они зависят от интеллектуальной среды в отношении (3) системы символов и первоначальных постулатов, категорий, понятий и (4) логических и математических приемов, при помощи которых эти данные описываются, обрабатываются и обобщаются. Наконец, они зависят от того (5), каким образом их мысль связана с господствующими теоретическими и практическими культурными течениями, угаснет ли их идея в зародыше или превратится в часть развивающегося комплекса мысли и действия человека. Но гениальный человек также является центром оригинальной и творческой деятельности. Он может уточнить проблемы, изобрести новые системы символов, постулаты, категории и понятия и разработать новые логические и математические приемы, при помощи которых новые данные обнаруживаются, описываются, обрабатываются и обобщаются, приводя иногда к новым и революционным результатам.

Ограниченность культурного детерминизма. Как показал Гольденвейзер, положение культурологов *omnis cultura ex cultura*

является чистой догмой. Культура не является продуктом действующих автоматически внешних сил; это вклад творческого ума человека, действующего в связи с внешними силами. Следовательно, не может существовать точного детерминистского соответствия между общественной мыслью и историческим процессом: преемственность в области общественной мысли только приблизительно соответствует исторической преемственности. Более того, единство, характерное для обоих процессов, является в каждом случае единством отношений различного порядка. Историческое единство — это связь экзистенциальной зависимости между событиями, единство же общественной мысли является логической зависимостью между идеями. Первое «неразрывно связано с происхождением события или каким-нибудь качественным изменением в пределах события»⁴¹. Второе связано с тождеством и отсутствием противоречия между идеями, их последовательностью и значимыми отношениями между ними. Причинная связь событий поэтому нетождественна логической связи идей. Разрыв первой является нарушением порядка в природе, разрыв же второй — нарушением логической последовательности. Первое является чудом, второе — абсурдом. Задача историка общественной мысли состоит в том, чтобы внести свежий и очень ценный вклад в социальную теорию. Побочные продукты его труда помогут получить материалы для более точного определения пути или путей (если таковые имеются), которыми следовало историческое развитие, и ту степень, в которой «человек благодаря знанию может стать более чем рупором определенного класса или той провинциальной культуры, в которой он очутился благодаря обстоятельствам»⁴².

Изучение отдельных случаев проявления общественной мысли

Макс Вебер направил историческую социологию по правильному пути благодаря широкому использованию изучения культур. Дюркгейм оказал подобную же услугу социологии религии, используя аналогичное изучение отдельных институтов в их социально-культурных контекстах, хотя, к несчастью, выбранные им материалы были недостаточно точны, чтобы дать возможность прийти к достоверным объясняющим обобщениям, которых, как он полагал, ему удалось достигнуть. Исследования Зиммелем конфликтного цикла и исследования Парето последовательности «спекулянт—рантье» доказали эффективность этого метода, поскольку он, без сомнения, устанавливал существование ритмов, тенденций, моделей последовательности, циклов или периодичности в социальных изменениях. Позднее аналогичные явления были открыты Богардусом в его обзоре отношений между расами тихоокеанского побережья, а также Пар-

⁴¹ Н. Е. Goldenweiser, *Psychology and Culture*, PASS, 19 (1924), pp. 15—23; Maurice Mandelbaum, *The Problem of Historical Knowledge*, New York, 1938, p. 229.

⁴² F. S. C. Northrop, Введение к работе: J. J. Maquet, *The Sociology of Knowledge*, Boston, 1951, p. XIX.

ком и его учениками в их исследованиях развития коллективов, а также забастовок, революций и других социальных движений на американском континенте.

Но такие исследования охватывают слишком ограниченный круг социальных явлений и слишком короткий исторический период, чтобы привести к более широкому взглядам и более органичным историческим концепциям, необходимым в действительно критической социологической трактовке временной последовательности. Научное исследование, в котором явления не могут быть повторены по желанию, вынуждено обращаться к прошлому для подтверждения своих гипотез. Но чем глубже проблема и чем продолжительнее и сложнее рассматриваемые исторические циклы, тем меньше возможностей для обобщения. Приходится в полной мере и весьма тщательно использовать случаи, существующие в данное время.

Для того чтобы использовать существующие в данное время случаи, историческая социология нуждается в том, чего еще нет, а именно в интенсивном изучении отдельных проявлений культуры в возможно большем количестве исторических эпох, доступных анализу. Социология стремится к какому-либо виду обобщения. Проблема социальной динамики нуждается в этих данных, если мы хотим найти значение и смысл в потоке событий и понять закономерные процессы или законы социальных изменений. Но если не существует принципов объяснения, приложимых к культурам, глубоко разнящимся друг от друга, и если генезис и развитие цивилизации навсегда останутся за пределами научного социологического анализа, то доказать факты можно только такими методами, как изучение отдельных случаев проявления культуры.

Изучение отдельных случаев и культурный релятивизм

Наконец, тщательный анализ духовной продукции каждого мыслителя в связи с его эпохой, местом и положением в социальной структуре, что является *sine qua non* для истории социальной мысли как социологической дисциплины, повлияет в свою очередь на развитие социологии знания, обнаруживая дополнительные данные, необходимые для проверки существующих противоречивых гипотез относительно того, в какой степени социальная мысль определяется бытием. Этот анализ подвергает проверке историческими фактами заявление, подобное тому, которое сделал Маннгейм, а именно что все социальные и исторические суждения являются «перспективистскими», то есть что они с внешней стороны определяются социальными и историческими условиями, в которых они были сформулированы и нашли свое выражение⁴³. Мы можем проверить гипотезу, состоящую в том, что идеи любого социального мыслителя прошлого определялись бытием только в том случае, если мы обладаем неза-

⁴³ Karl Mannheim, *Essays on the Sociology of Knowledge*, New York, 1952, pp. 84—133.

висимым, неперспективистским знанием о состоянии социальной системы, к которой относится его идея. В этом случае гипотеза должна быть пересмотрена, чтобы допускать возможность такого знания исторических фактов. Она должна быть пересмотрена таким образом, чтобы допускать признание того, что мыслители любого века хотя бы в незначительной степени обладают способностью к социальному анализу, который не навязывается материалу, а символически отражает его закономерность, и ценность этого анализа заключается не в установлении положения, занимаемого мыслителем в социальной структуре определенной культуры в определенное время, а в том, какое соответствие имеется между независимо существующей закономерностью социальных явлений и их символизированием у мыслителя, что и является задачей выборочных исследований проявлений культуры. Мы можем знать, в какой степени общественная мысль отражает интересы социальных групп только на основе объективного знания как ситуаций, выраженных в символах, так и интересов, которым они служат. Иначе говоря, гипотеза или остается неподтвержденной догмой, или погружает в трясину культурного релятивизма, что делает тщетными поиски абстрактной и обладающей объективной ценностью науки об обществе.

Маннгейм пытается избежать обвинения в релятивизме, рассматривая историю как реальный процесс, не испытывающий влияния перспективы, с которой он рассматривается и который, следовательно, содержит все возможные перспективы, могущие в нем возникнуть. История подобна ландшафту, который содержит в себе все те перспективы, с которых его можно рассматривать или рисовать⁴⁴. Аналогия, конечно, не выдерживает критики, потому что перспектива, с которой рассматривается ландшафт, не включает и не определяет самого обозревающего субъекта. Маннгейм же настаивает как раз на этом детерминировании субъекта. Если бы, например, мы поняли, что Макиавелли заявил относительно своего времени, то мы должны были бы соотнести его заявление с тем временем, в которое он жил. Но Маннгейм никогда не понимал, что для этого мы вынуждены обратиться к подобным же образом «ограниченному перспективой» обозревателю, заявления которого относительно эпохи Макиавелли должны быть в свою очередь связаны с той эпохой, в которой он живет, и так далее и так далее в бесконечной регрессии. Если, следовательно, социология знания должна дать рычаг, при помощи которого можно исправить мир социального и исторического знания, она должна также найти, подобно Архимеду, некую точку опоры вне себя — некую степень, хотя бы и очень малую, рациональной автономии, не определяемую бытием, при помощи которой можно преодолеть эту регрессию.

Более того, Маннгейм в конечном счете терпит неудачу в своих попытках заменить проблемы онтологии и эпистемологии проблемами социологии знания, подменяя сам исторический процесс

⁴⁴ Karl Mannheim, *Essays on the Sociology of Knowledge*, p. 120.

вневременным абсолютом в качестве высшей социальной реальности и заменяя старую «статическую концепцию» истины «динамической», которая включает все возможные перспективы в пределах «развивающейся тотальности всей психической и интеллектуальной жизни [человека]». Его попытки привели лишь к тому, что эти проблемы вновь возникли, только в новой форме. Ибо с этой точки зрения сама история становится новым абсолютом и вместо статического взгляда на истину, отброшенного, поскольку он содержит в себе попытку рассматривать социальную и историческую реальность вне времени, как бы «в глазах бога», социология знания превращается сама в «глаза бога», через которые мы в наши дни можем, наконец, видеть реальность в тех формах, за которые «развивающаяся тотальность всей психической жизни» потеряла способность проникнуть!

Логические основы социологии знания у Дюркгейма

В логическом обосновании своей социологии знания Дюркгейм преуспел больше, чем Маннгейм, но добился он этого только за счет того, что в конечном счете принял ту эпистемологическую точку зрения, отказ от которой являлся целью его теоретических трудов, ибо, хотя он особо подчеркивал факт, что «основные идеи, которые доминируют во всей нашей интеллектуальной жизни», являются продуктом группы, он не ограничивал их значение только группой. Он приписывал им объективность и автономность, которые выходили за пределы их социального происхождения. Он считал, что понятия в отличие от восприятий обязаны своей стабильностью и обезличенностью коллективному происхождению, но что они обладают «правом на существование только при условии, что они истинны, то есть объективны». «То, что они гармонируют с природой вещей», важнее, чем их роль в установлении гармонии среди умов. Эволюция научных понятий шла в направлении более адекватной символизации этого соответствия, так что «понятие, которое вначале считалось истинным, поскольку оно было коллективным, имеет тенденцию перестать быть коллективным, если только оно не считается истинным; мы требуем от него доказательств, прежде чем оказываем ему доверие».

Правда, говорит Дюркгейм, значительное большинство понятий, которыми мы пользуемся, не были созданы таким образом; мы получаем их из языка, то есть из коллективного опыта, не подвергая их какой-либо критике. Тем не менее между теми понятиями, «которые черпают весь свой авторитет из того факта, что они являются коллективными», и «тем незначительным меньшинством» понятий, которые были «научно разработаны и подвергнуты критике... имеется только различие в степени», ибо коллективное представительство, характерное для первого типа понятий, должно также являться гарантией объективности последнего. Эта гарантия заключается в самом факте коллективности первого типа понятий, «ибо не без основания этот тип понятий способен обобщать и прочно сохраняться. Если бы он не согласовывался с природой вещей, он никогда

бы не приобрел широкого и длительного влияния на интеллект». Будучи продуктом коллективной жизни, он «по необходимости подвергается контролю, который повторяется бесконечно; люди, которые принимают его, проверяют его на своем собственном опыте. Следовательно, он не мог бы быть полностью не соответствующим своему объекту»⁴⁵

Таким образом, отнюдь не находя в социальном генезисе логической мысли доказательства в конечном счете иррационального характера концептуальных систем, Дюркгейм находит в этом происхождении основы их рациональности. Идеи налагаются на индивидуума извне и «заклучают в себе некую силу или моральную власть... Следовательно, индивидуум, хотя и смутно, осознает тот факт, что над его частными идеями существует мир абсолютных идей, согласно которым он должен создавать свои; он мимолетно видит целое интеллектуальное царство, в котором он присутствует, но которое больше, чем он. Это является первым интуитивным проникновением в царство истины». Но по мере распространения социальной жизни расширяется и коллективный горизонт, до тех пор пока с возникновением международной жизни общество, которое вначале мыслилось как единственное целое, становится частью более широкой социальной сущности с бесконечно расширяющимися границами. По мере того как примитивные понятия подвергаются трансформации, чтобы соответствовать новой социальной реальности, они также подвергаются реорганизации, согласно своим собственным принципам. В этом процессе «логическая организация дифференцируется от социальной организации и становится автономной», пока разумная мысль наконец не становится «мышлением, которое налагается на все разумные существа», и, следовательно, перестает быть экзистенциально детерминированной с помощью специфической культурной среды.

Итак, дюркгеймовская социология знания вопреки его первоначальным намерениям заканчивается общей эпистемологией. Она принимает теорию соответствия истины в силу ее коллективных представлений, независимо от того, в какой степени они подвергались критической разработке. Достоверность терминов коллективного представления зависит не от их группового происхождения, а от того, насколько адекватно они символизируют свои референты. Истинность предложений, в которые они входят, является функцией их способности представлять или портретно отображать объективный порядок или последовательность событий. Коллективные представления в общем отличаются от представлений, подвергшихся научной разработке, только тем, что символы, при помощи которых они выражают это соответствие, несовершенны, поскольку «сами научные символы всегда являются лишь приблизительными».

⁴⁵ Émile Durkheim, *The Elementary Forms of the Religious Life*, Glencoe, Illinois, 1947, pp. 9, 437—438, 445.

Таким образом, законной задачей социологии знания является не подыскание замены для общей эпистемологии, а создание социологического анализа ее истории и современного ее состояния. Социология знания, которая не признает автономности логических принципов и возможности того, что концептуальные системы могут выйти, по крайней мере до известной степени, за пределы культурной относительности, подрывает основу своей собственной достоверности. В самом начале своего исследования она должна видеть то, что Дюркгейм признал в конце: «Как далеко от истины положение, что понятию не хватает объективности только потому, что оно социального происхождения!» Ее настоящей задачей является иметь дело не с *эволюцией* логических принципов, но с теми историческими процессами, благодаря которым человечество их осознало. Ее задача состоит в том, чтобы открыть, в какой степени специфическое содержание скорее, чем форма основных категорий мысли, определяется социально-культурным контекстом той исторической эпохи, в которой они были сформулированы. Она не пытается свести их к функции их культуры, но пытается понять возможно точнее функциональные отношения между ними и культурой. Иначе говоря, правила логики теряют всю автономию, и сам разум становится если не служанкой индивидуальных страстей человека, то по крайней мере прислужницей противоречивых групповых интересов.

Более адекватная история общественной мысли должна, следовательно, ожидать дальнейшего развития социологии знания. Конечно, это развитие еще не позволяет достигнуть того, чтобы история общественной мысли смогла быть полностью выражена в ее терминах, но сделано уже достаточно для создания здоровой основы. Стало совершенно ясным, что ни одна фаза истории интеллекта не может быть написана изолированно от той социально-культурной среды, в которой были сделаны индивидуальные вклады. Она также не может быть полностью сведена к системе экзистенциально детерминированных положений. Поскольку превращения, которые предметы и события претерпевают в процессе восприятия, образования понятий и символизации, заложены в отношении бытия к знанию, и это отношение оказывает воздействие на исследователя в любой области. Поскольку предметы и события, относящиеся к обществу и человеческому поведению, особенно подвержены такому превращению благодаря воздействию прошлого и настоящего, личного и культурного опыта наблюдателя, социолог должен быть особенно настороже в отношении этой постоянной опасности. Но можно заметить, что мы начинаем осознавать наличие этого превращения только с помощью научных методов, которые предполагают как автономию логических принципов, так и познавательную достоверность получающихся в результате концептуальных систем в качестве приблизительного соответствия объективному порядку событий; эти концептуальные системы подвергаются изменению только тогда, когда дальнейшие

исследования позволяют нам делать формулировки с еще более высокой степенью точности.

Но после того, как в наших исследованиях проанализированы до мельчайших деталей наличные данные, еще много проблем в истории общественной мысли останутся нерешенными. Имеется слишком много пробелов в сочинениях по истории и еще больше таких мест в биографиях мыслителей. Как однажды сказал Смолл: «Если бы каждый автор в области социальной науки был также и Пипсом или если бы за ним постоянно следовал Босуэлл, стали бы гораздо яснее причины, в силу которых мышление в социальной науке стало следовать тем самым путем, которым оно следовало» ⁴⁶. Но то, что многие из проблем не допускают окончательных решений, отнюдь не является причиной, по которой историк общественной мысли должен был бы отказаться возделывать свой сад.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- B a r n e s H. E., *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, Press, 1948.
- B e c k e r H o w a r d and H. E. B a r n e s, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, Dover Publications, 1952, 2 vols.
- B o g a r d u s E w o r y S., *The Development of Social Thought*, 3rd ed., New York, Longmans, Green, 1955.
- C h a m b l i s s R o l l i n, *Social Thought from Hammurabi to Comte*, New York, Dryden Press, 1954.
- E l l w o o d C. A., *A History of Social Philosophy*, New York, Prentice-Hall, 1938.
- F u r f e y P. H., *A History of Social Thought*, New York, Mackmillan, 1942.
- H e r z l e r J. O., *The Social Thought of the Ancient Civilization*, New York, McGraw-Hill, 1936.
- H o u s e F. H., *The Range of Social Theory*, New York, Harry Holt, 1929.
- L o w i e R. H., *The History of Ethnological Theory*, New York, Farrar and Rinehart, 1937.
- S o r o k i n P. A., *Contemporary Sociological Theories*, New York, Harper, 1928.
- T i m a s h e f f N. S., *Sociological Theory*, New York, Doubleday, 1955.

⁴⁶ A. W. S m a l l, *Fifty Years of Sociology in the United States*, *AJS*, 21 (May, 1916), p. 722.

АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

***Ричард А. Шермерхорн
и Алвин Босков***

В Соединенных Штатах история социологии является предметом специального изучения. Тем не менее в качестве обязательного курса для студентов, специализирующихся по социологии, она часто преподается весьма поверхностно, рассматривается студентами как неизбежное зло и соответственно забывается, когда они не видят ее связи с эмпирическими исследованиями современной социологии. В аспирантских курсах ее теоретические выводы подвергаются более тщательному анализу и довольно часто служат источником тем для диссертаций. Тем не менее курс по истории социологии относительно мало влияет на молодых социологов, если только он не затрагивает их специальные интересы, порожденные другими источниками. Довольно часто старшее поколение социологов пользуется историей социологии как возможностью преподнести свои воспоминания о давно прошедших днях своим невольным слушателям.

Но в этой в целом мрачной картине имеются и светлые стороны. Ряд социологов знает, как превратить историю социологии в средство пробудить научные интересы студентов. Это положение имеет свою параллель в естественных науках, где студент быстро приходит к современным теориям атомной энергии и генетики, не прослеживая того длинного и сложного пути, каким они развивались. Все же творческие умы среди сторонников чистой науки хорошо знакомы с методологическими и теоретическими проблемами своих предшественников, делают соответствующие выводы из них и даже для расширения умственного горизонта студентов старших курсов знакомят их с трудами Зингера или Сартона. Вместо того чтобы считать, что это годится только для более любознательных студентов, нельзя ли прийти к выводу, что при соответствующем подходе раннее знакомство с историей такого предмета, как социология, даст возможность подготовки специалистов, «людей с широкими взглядами, сосредоточившихся на узкой проблеме»? Ответ на этот вопрос содержится, конечно, в этом с виду невинном выражении «при соответствующем подходе».

Общественная мысль и социология

Различие между «общественной мыслью» и «социологией» является важным. Под общественной мыслью подразумевается любая система идей об отношениях человека с его ближними. Эти идеи, хотя они более или менее систематизированы, в большинстве случаев не подвергаются своими сторонниками строгой эмпирической проверке. Социология, с другой стороны,— это наука о взаимоотношениях людей, которая пытается найти систематические доказательства существования детерминированных отношений между различными видами социальных фактов с целью разработки обобщений, являющихся истинными при определенных условиях. Поскольку эти обобщения или гипотезы образуют логическую независимую систему, социология является наукой зрелой¹.

Превращаясь в науку, социология проходит через первоначальную стадию, иногда известную под названием «энциклопедическая социология». Для целей настоящего обсуждения мы будем считать, что энциклопедическая социология представляет собой некоторые ранние попытки построить систему широких обобщений о социальном взаимодействии, следовавших за прогрессом физических и биологических наук в XVII и XVIII столетиях. Цели этой социологии обычно являются более научными, чем их претворение, ибо ее общие принципы слагаются из выводов, получаемых из других отраслей знания, некритических заимствований из «духа века», личных склонностей и спекуляции. Со времени Конта и Спенсера энциклопедическая социология становится все более и более эмпирической; такие социологи, как Дюркгейм, принадлежат к обоим этим лагерям. В целях исторического анализа общественная мысль, энциклопедическая социология и собственно социология могут рассматриваться как конструированные типы непрерывной серии. В этом случае можно рассматривать первые две как становящиеся все более и более научными, поскольку они ведут к все более точному наблюдению, дают плодотворные гипотезы для исследований и обладают внутренней последовательностью. Говоря об истории социологии, мы будем исходить из описания теоретических систем со времени Конта, а также обзоров наиболее достоверного научного знания, которые составляют нашу постепенно развивающуюся науку. Поскольку социология еще не достигла идеала, данного в нашем определении, будет правильным рассматривать ее в этой книге как постепенное приближение к этому идеалу.

ПОДХОД К ТЕОРИИ СОЦИОЛОГИИ

Тщательный анализ литературы после 1918 года не позволяет обнаружить какую-нибудь четкую периодизацию, имеющую особое значение. Многие труды выходят даже за пределы основной тенден-

¹ Cp. R o n a l d F r e e d m a n et al., *Principles of Sociology*, New York, 1952.

ции, идущей от обобщенных исторических работ к критическому и оценочному анализу. Однако восемь типов, на которые распадаются различные труды, могут служить введением к различным точкам зрения в этой области.

1. *Монографические анализы трудов ведущих социологов или центральных понятий, таких, как «прогресс» и «социальные силы».* Это главным образом очерки по истории идей, авторы которых в основном не интересуются тем, что является живым и что мертвым в этой науке².

2. *Учебники описательного характера, имеющие целью дать начинающему студенту простое, ясное и краткое изложение идей выдающихся общественных мыслителей от античности до периода систематической социологии.* Поскольку целью этих книг является ясность и упрощение, они содержат минимальный критический анализ и сознательно стремятся к популяризации, широко используя детали биографии. Три выдающимися работами этого типа являются: «Развитие общественной теории» («Development of Social Theory», 1923) Джеймса П. Лихтенбергера, три издания работы Эмори С. Богардуса — последнее издание озаглавлено «Развитие общественной мысли» («The Development of Social Thought», 1940) и «История социальной философии» («A History of Social Philosophy», 1938) Чарлза А. Эллвуда.

3. *Обзор социальных наук, их методов и взаимозависимости, и также оценка специальных областей, развивающихся внутри самой социологии.* Хотя эти работы не всегда пишутся с исторической точки зрения, они исключительно важны для оценки развивающегося научного метода. Четыре из этих работ заслуживают специального внимания. Первая, под редакцией Г. Э. Барнса, «История и перспективы социальных наук» («History and Prospects of the Social Sciences», 1925), представляет собой десять очерков о различных научных дисциплинах и их развитии, принадлежащих перу десяти различных авторов. В наши дни два из них, о биологии и этике, не были бы включены в эту книгу в своей первоначальной редакции. Но на протяжении всего тома имеется ощущение логической и исторической взаимозависимости, которая показалась бы современной для ученых, работающих на грани нескольких дисциплин, а именно чувство единства социальной науки как целого.

² Среди них J a y R u m n e y, Herbert Spenser's Sociology, London, 1934; M a r s e l W e i n r e i c h, Max Weber: L'homme et la savant, Paris, 1938; G. C. H o m a n s and C. P. C u r t i s, Jr., An Introduction to Pareto, New York, 1934; N. J. S p y k m a n, The Social Theory of George Simmel, Chicago, 1925; H. E. B a r n e s, The Doctrines of W. G. Sumner, AJS, 25 (July, 1919), pp. 1—23; The Doctrines of Lester F. Ward, там же, pp. 150—170; A. W. S m a l l, The Category «Progress» as a Tool of Research in Social Science, AJS, 28 (March, 1923), pp. 554—576; F. N. H o u s e, The Concept «Social Forces in American Sociology», AJS, 31 (September, November, 1925; January, May, 1926), pp. 145—172, 347—365, 507—525, 763—799; A. F. B e n t l e y, Simmel, Durkheim and Ratzel, AJS, 32 (September, 1926), pp. 250—256; G. H. M e a d, Cooley's Contribution to American Social Thought, AJS, 35 (March, 1930), pp. 693—717.

Также заслуживает внимания «Психология и социология: критико-библиографический очерк» («Psychologie et Sociologie: Essai de bibliographie critique», Париж, 1927) Даниэля Эссертье. Рассматривая исходные предпосылки Дюркгейма, Тарда и Ле-Бона, Эссертье приходит к тем же выводам, что и Кули, а именно что дуализм противопоставления индивидуальной психологии коллективной устарел. Он предвосхищает культуроведческий и биографический подход нашего времени, настаивая, что один из важных способов изучения социальных явлений состоит в изучении формирования личности. Здесь также содержится требование большего сотрудничества между социологией и психологией.

В Соединенных Штатах Америки в сборнике под редакцией Джорджа А. Лундберга, Риды Бэйна и Нелса Андерсона, под заглавием «Течения в американской социологии» («Trends in American Sociology», Нью-Йорк, 1929), сделана попытка дать очерк границ и методов социологии. Хотя сейчас нам кажется незначительным и упрощенным внутреннее деление социологии, включающее социальную психологию, культуру, городскую и сельскую социологию, социологию образования, благотворительность и различные формы прикладной социологии, это, вероятно, было типичным для той эпохи. Заявление Лундберга о естественнонаучном методе социологии может служить в наши дни основой для *сближения* во взглядах: «Границы знания всегда будут в основном субъективными и философскими. Качественные и количественные методы должны развиваться параллельно. В конце концов, разница между ними заключается только в степени объективности. Количественный подход не означает, что все социальные отношения должны или могут описываться в виде математических символов, используемых в наши дни в других науках. Каждая наука должна разработать свои собственные понятия, символы и подробную логику. Только поскольку опыт показывает, что орудия одной науки могут быть полезны для другой, мы имеем право применять те же самые орудия и методы... Все вопросы метода связаны с конкретными целями, к которым стремятся... Чем шире цель, тем сложнее должны быть применяемые методы... Во же время мы имеем право использовать любые методы, дающие результат. Постепенно мы сможем стандартизировать наши методы на основе того, что, как показывает опыт, является наиболее выгодным подходом»³.

Еще больший исторический интерес представляет собой работа, изданная Советом по исследованиям в социальных науках, под редакцией Стюарта А. Райса⁴. Эта книга является огромным шагом вперед в изложении различных методов благодаря приведенным примерам, а не описанию или обсуждению, а также софистической изощренности категорий, использованных для классификации результатов. Мало кто из социологов в своих исследованиях в наши

³ Lundberg et al., op. cit., pp. 404, 415, 416.

⁴ S. A. Rice (ed.), *Methods in Social Sciences*, Chicago, 1931.

дни не может почерпнуть что-нибудь из этой книги. В то же самое время эта книга страдает двумя важными недостатками: 1) примеры, взятые из таких различных областей, как политэкономия, политическая наука, общественный труд, психология, право, социология, география, антропология, история и филология, производят без единых поясняющих выводов нечеткое впечатление; 2) большей частью методы рассматриваются в качестве технических приемов, *специально построенных для данного случая*, тесно связанных с фактами и обладающих непосредственной эмпирической ценностью; они не выводятся из обширной области теории или методологии, обладающей большей обобщенностью. Знаменательно, что Карл Маннгейм восхищался индуктивным методом в полевых исследованиях, но признавал, что он разочарован скудостью результатов, полученных в отдельных случаях ⁵.

4. *Критические оценки социологических теорий и тенденций, главным образом в области систематической социологии.* Вероятно, первым, чьи взгляды в Америке были выше по уровню элементарного учебника, был Флойд Н. Хауз. Следуя интересам своего учителя Смолла, он дал анализ вклада германских социологов и пытался интерпретировать их труды в свете современных ему социальных и исторических сил ⁶. Он только частично преуспел в этом из-за недостаточного развития своей социологии знания. Его очерк французской социологии не включает такие фигуры недавнего прошлого, как Симиан, Хальбваск и Мосс.

Ранняя фундаментальная работа Сорокина, имеющая дело с социологическими теориями двух или нескольких предшествовавших поколений, является более широкой и более критической в своих оценках ⁷. Эта книга, вероятно, расширила горизонт американской социологии больше, чем какая-либо другая, написанная до 1928 года. Его эрудиция и богатство языка дали ему возможность обозреть большое количество работ на романских, германских и славянских языках, недоступных в то время на английском. Благодаря своей философской подготовке и интересам он обратился к широким очеркам современных теорий и их предпосылкам. Его критика односторонности некоторых концепций была позитивной и острой, еще не вполне определившейся даже тогда, когда она граничила с догматизмом. Это было началом тенденции рассматривать понятия и исследования прошлого как признаки и зародыш обобщающей науки, находящейся в процессе становления. Однако его классификация теорий была весьма своеобразной и у него не было последователей. Хотя его обсуждение теорий и носит многосторонний характер, Сорокин уделяет меньше внимания методу («идеальные типы» Макса Вебера даны только в подстрочном примечании) не потому, что он

⁵ K a r l M a n n h e i m, Review of Rice, op. cit., AJS, 38 (September, 1932), pp. 273—282.

⁶ F. N. H o u s e, The Development of Sociology, New York, 1936.

⁷ P. A. S o r o k i n, Contemporary Sociological Theories, New York, 1928.

незнаком с ним, а потому, что он принимает его как нечто само собой разумеющееся.

В одной категории с Хаузом и Сорокиным находится и очерк Визе о развитии социологии, хотя он гораздо короче и проще⁸. Его анализ начал социологии у Конта и Спенсера проникновенен и рассудителен⁹, а анализ развития социологии от энциклопедизма до эмпирической науки содержит некоторые из самых лучших отрывков во всей литературе. Остальная часть работы неоднородна. Французским и американским социологам уделяется меньше внимания, чем немецким. Вормсу отводится столько же места, сколько Дюркгейму. Далее, Визе исключительно чутко относится к репутации Макса Вебера и относится с большим вниманием к его нелюбви к мелкой работе (Kleinarbeit) и систематизации. Подобно многим европейским ученым Визе оценивает свою собственную работу, теорию социальных отношений («Beziehungslehre»), как вершину и венеч социологического движения.

5. *Обзор развития социологии конкретной нации.* Несколько работ будет достаточно, чтобы представить этот тип трудов по истории социологии. Краткий обзор социологии во Франции, принадлежащий Бугле¹⁰, имеет второстепенное значение; автор следует позитивистской традиции, но выказывает значительную самостоятельность, особенно в резкой критике Леви-Брюля. Он отводит значительное место проникновению социологических методов и целей в историю, но уделяет сравнительно мало внимания развивающейся системе знаний собственно социологии. Вклад Жоржа Дави¹¹ отличается скорее глубиной, чем широтой. Он состоит из серии монографий о спорах Дюркгейма и Тарда, о социологическом анализе ценностей Бугле, о теории и методе Ле-Плея и длинного рассуждения об эволюции семьи на основе исследований Губерта и Мосса. Наиболее ценной частью книги является анализ развития семьи, который, конечно, заслуживает перевода. Но книга отнюдь не является тщательным обзором социологических тенденций во Франции¹².

Другой тип исторического подхода к социологии в конкретных странах представлен исследованием Арома о немецкой социологии¹³.

⁸ Leopold von Wiese, *Soziologie: Geschichte und Hauptprobleme*, 1st ed., 1926; 4th ed., Berlin, 1950. Ср. адаптацию на английском языке: Howard Becker, *Systematic Sociology on the Basis of «Beziehungslehre» and «Gebildelehre» of Leopold von Wiese*, New York, 1932, part 4, «Historical Postscript».

⁹ Он представляет собой главным образом сокращение более ранней работы «Zur Grundlegung der Gesellschaftslehre: Eine kritische Untersuchung von Herbert Spencers System der synthetischen Philosophie», Jena, 1906.

¹⁰ Celestin Bouglé, *Bilan de la sociologie française contemporaine*, Paris, 1935.

¹¹ Georges Davy, *Sociologues d'hier et d'aujourd'hui*, 2ed., Paris, 1950.

¹² Заслуживает упоминания описание взаимозависимости обеих дисциплин: Marcel Mauss, *Sociologie et anthropologie*, Paris, 1950.

¹³ Raymond Aron, *La sociologie Allemande contemporaine*, 1ed., 1936, Paris, 1950.

В своих взглядах французский социолог не следует полностью ни одной школе. Арон дает критический и здравый обзор развития социологии в Германии, оказывая большее предпочтение историкам, таким, как Фиркандт и Альфред Вебер, чем социологам-систематикам. Он пишет, что обилию теорий в Германии способствует стремление к самооправданию (*l'inquiétude d'autojustification*). Сравнивая механическое и органическое общества Дюркгейма с *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* Тённиса, он отмечает, что Дюркгейм предпочитал более дифференцированное общество, так как оно освобождает индивидуум, в то время как предпочтение, отдаваемое немцами *Gemeinschaft*, как это ни парадоксально, привело к большей тирании, чем та, против которой оно было направлено, то есть к механизму и грубым экономическим силам. Его обзор концепций Макса Вебера является трезвым и положительным, хотя он отмечает, что Вебер излагал свои основные концепции наперекор другим и что он не рассматривает психологию как основную науку в изучении культуры.

Еще одним обзором немецкой социологии, написанным иностранцем, является более узкая работа Теодора Абеля, американца европейского происхождения¹⁴. Он ограничивается только Зиммелем, Фиркандтом, Визе и Максом Вебером. В момент своего опубликования (1929) это было наиболее полным и дискурсивным описанием взглядов этих авторов на английском языке, приписывающим им широкое влияние в американской социологии. Хотя эта работа и потеряла значение благодаря позднейшим более конкретным исследованиям, она все еще остается одной из самых главных вторичных источников сведений о развитии немецкой социологии. В центре ее стоит положение, что социология является специальной и автономной дисциплиной среди социальных наук.

История социологии в Соединенных Штатах Америки была в первую очередь описана Албионом Смоллом, обоими Бернардами и Говардом Одумом. Работа Смолла¹⁵, вероятно, больше, чем какая-либо другая, связывает американскую социологию с ее европейскими источниками, хотя она и не посвящена в основном американской социологии. Однако вкупе с его журнальными статьями история Смолла сосредоточивается на Соединенных Штатах. Он описывает первоначальные разочарования американских ученых в более традиционных подходах к социальному строю — экономике и политике и кисло замечает, что американская социология вначале представляет собой в основном лишь серьезное стремление стать чем-то. Вначале это стремление было удовлетворено «старомодным узколюбием», выступавшим под видом науки. Благодаря своей учебе в Германии Смолл приписывал историкам и экономистам тевтонского мира наибольшее значение в подготовке к тому, чтобы социология преврати-

¹⁴ Theodore Abel, *Systematic Sociology in Germany*, New York, 1929.

¹⁵ A. W. Small, *The Origin of Sociology*, Chicago, 1924.

лась в науку. Хотя его стилю свойственны беспорядочность, отрывочность и легкость, тем не менее в нем отражается личность, которая производила огромное впечатление на студентов.

В сороковых годах супруги Бернард предприняли более широкое изучение происхождения американской социологии из так называемого движения «социальной науки», от которого позднее, в XIX столетии, отпочковались объединения специалистов-социологов¹⁶. Авторы гораздо больше интересуются национальными чертами американской социологии, чем ее европейскими корнями, и уделяют особое внимание социологии как движению, находящему свое выражение в организации. Их интерес к теории является, следовательно, второстепенным.

Самое последнее исследование об американской социологии¹⁷, написанное Говардом Одумом, является работой *sui generis*, которая, вероятно, более понятна занимающимся социологией в Америке, чем за границей. Его произвольный выбор президентов Американского социологического общества до 1950 года в качестве фигур для биографического и теоретического обсуждения привел к тому, что были опущены такие авторы, как Бэйн, Барнс, Беккер, Кэвэн, Дэйви, Мертон, Сорокин и многие другие. В то же самое время работа включает несколько второстепенных фигур, занимавших посты международного значения, но без харизмы. Правда, многим из великих имен уделено внимание в обзоре социологических специальностей, который является весьма ценным разделом этой книги. Может быть, только здесь была так ясно выявлена пестрота американской социологии. Выводы ясны и откровенны и окрашены истинно американским оптимизмом. Оценка и критика, однако, находятся явно на втором плане, читатель должен их искать в другом месте.

6. *Панорамные истории.* Первой в этой категории стоит двухтомная монументальная работа Барнса и Беккера, второе издание которой является своеобразной вехой в этой области. Ее главным автором является Беккер, и им же написаны многочисленные приложения¹⁸. Немногие книги заслуживают названия необходимых, но данная книга, несомненно, этого заслуживает. Ее широта охвата, ясность и мастерство обращения с историческим материалом установили новый стандарт. Социология знания никогда еще так широко не применялась как средство интерпретации идей социальных мыслителей в историческом контексте. Однако сами авторы были бы первыми, кто настаивал на некоторых недостатках первого труда в этой области. Написанный на высоком уровне, он более ценен для специалистов или студентов старшего курса, чем для неспециалистов или первокурсников. Она построена согласно особому внутреннему порядку, который нелегко увидеть непосвященному.

¹⁶ L. L. Bernard and Jessie Bernard, *Origins of American Sociology*, New York, 1945.

¹⁷ H. W. Odum, *American Sociology*, New York, 1951.

¹⁸ Howard Becker and H. E. Barnes, *Social Thought from Lore to Science*, 1st ed., 1938, 2nd ed., New York, 1952, 2 vol.

Описание социологических течений в различных странах мира является более чем полным, хотя оно и озадачивает читателя своим разнообразием. Эта часть книги более полезна в качестве справочника, чем летописи непрестанно развивающейся науки. Тем не менее время от времени делаются намеки на развитие науки. Например, описывая взгляды Хальбвакса, авторы ясно показывают его успехи в изучении самоубийства по сравнению с более примитивными результатами Дюркгейма¹⁹.

В наши дни эти анализы становятся все более и более необходимыми, если считать, что изучение истории социологии не должно отрываться от научной работы нашего поколения. В то время как Беккер и Барнс, хотя и не полностью, пренебрегали проблемами метода и исследования, тем не менее они настолько сосредоточивали свое внимание на исторической задаче, и в частности на ведущих конструированных типах, что огромное разнообразие методов и результатов (часто затемненных интеллектуальным содержанием) показано у них недостаточно ясно. Конечно, несправедливо жаловаться, что авторы опустили аспекты исследований, находящиеся за пределами их целей. Можно только пожелать, чтобы в наши дни появилась новая форма исторических описаний — вопрос, к которому мы вернемся позднее.

Вторым примером панорамной истории является сборник под редакцией Барнса, опубликованный в 1948 году²⁰. Будучи меньшим по размеру, чем двухтомник, он начинается с беглого обзора древней, средневековой мысли, а также мысли доконтовского периода, а после этого посвящает отдельные монографии ведущим энциклопедистам-социологам XIX столетия, за которыми следуют главы, посвященные европейским, британским и американским социологам. В качестве справочника этой книжкой легче пользоваться, чем работой «Общественная мысль от предания к науке». По замыслу и организации, однако, она менее оригинальна и более традиционна. Привлечение большого количества авторов ведет к неравномерному распределению материала. Авторам-французам после Дюркгейма уделяется мало внимания, а недюркгеймианцы вовсе не включаются, как, например, Фиркандт в Германии. Некоторые из критических оценок совершенно бесспорны. Например, особо следует упомянуть главу, написанную Миллзом, о Вестермарке, анализ взглядов Тойнби Барнсом и толкование концепций Сорокина Шпейером.

7. *Монографические исследования, ведущие к совершенствованию теории метода.* Хотя мы можем упомянуть их здесь лишь вкратце, эти монографии имеют большое историческое и научное значение. Труды Парсонса, Блумера и в более позднее время Фолькарта

¹⁹ Howard Becker and H. E. Barnes, op. cit., vol. 2, p. 844.

²⁰ H. E. Barnes (ed.), *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, 1948.

²¹ Talcott Parsons, *The Structure of Social Action*, 1st ed., 1937. 2nd ed., Glencoe, Illinois, 1949; Herbert Blumer, *An Appraisal of Thomas and Znaniecki's «The Polish Peasant in Europe and America»*, New

являются примером этой тенденции²¹. Значительным вкладом Парсонса является открытие некоторых общих понятий или предположений в таких разнородных социологических системах, как системы Маршалла, Парето, Дюркгейма и Макса Вебера. Однако остается вопросом, является ли волюнтаристская теория действия такой, как ее описывает Парсонс, единственным общим показателем, или же другой теоретик, обладающий такой же эрудицией, смог бы открыть другой тип единства, что признавал и сам Парсонс. Но, конечно, Парсонс своим историческим и логическим анализом поставил существенные вопросы относительно способов, какими исторические данные могут способствовать унификации теории в качестве руководства в наших современных исследованиях. В отличие от многих других он усовершенствовал и систематизировал свою концепцию в позднейших работах. Интересно представить себе возможные результаты, в случае если бы Парсонс обратил свое внимание на ряд крупных фигур в Америке, вместо того чтобы заниматься исключительно европейцами.

Анализ Томаса и Знанецкого Блумером слишком хорошо известен, чтобы его стоило обсуждать здесь. Но в историческом контексте данной книги он важен не только потому, что привел к более строгому отбору социальных, психологических понятий и методов, но и потому, что он убедил самих Томаса и Знанецкого, что нужны изменения и усовершенствования. Исследование Фолькартом работ Томаса и его неопубликованных бумаг не только разъяснило некоторые из основных понятий и показало их в процессе развития, но также установило связь этих понятий с изучением личности и культуры в современной антропологии и социальной психологии. Однако, по-видимому, роль Знанецкого недостаточно оценена. Эта постоянная переоценка прошлых вкладов в свете современных исследований является весьма важной, для того чтобы сделать исторические исследования полезными и придать им значение.

8. *Критическая оценка теорий и методов в специальных областях или областях, связанных с ними.* Эти оценки включают такие работы, как теоретические труды Барнса и супругов Беккер, сборник Гурвича и Мура и недавно выпущенный сборник под редакцией Джона Гиллина о смежных социальных науках²². Компиляция Барнса и супругов Беккер является не только оценкой различных специальных вкладов, но также и обзором влияния социологической теории на другие дисциплины или области прикладного зна-

York, 1939; E. H. Vol k a r t (ed.), *Social Behavior and Personality: Contributions of W. I. Thomas to Theory and Social Research*, New York, 1951. Знаменательно, что вторая и третья из этих книг были написаны по поручению Исследовательского совета по общественным наукам.

²² H. E. B a r n e s, *Howard Becker and Frances B. Becker* (eds.), *Contemporary Social Theory*, New York, 1940; *Georges Gurvitch and W. E. Moore* (eds.), *Twentieth Century Sociology*, New York, 1945; *John Gillin* (ed.), *For a Science of Social Man*, New York, 1954. Также следует упомянуть: L. L. B e r n a r d (ed.), *The Fields Methods of Sociology*, New York, 1934.

ния, такие, как экономика, политическая мысль, юриспруденция, криминология, филантропия, образование, религия и этика. Семнадцать авторов дают довольно полное обозрение развития теории недавнего прошлого, хотя недостаточно места уделяется сельской социологии, а анализ общественных процессов и структур намеренно не включается в план книги. Впервые в труде подобного рода уделяется большое внимание Фрейду. Более того, социальной психологии здесь уделяется явно больше внимания, чем в работе «Общественная мысль от предания к науке».

Подобная же попытка дать обзор различным специальностям оказалась несколько менее успешной в книге Гурвича и Мура, где вся география человека сводится к нескольким строкам в главе об экологии, а развивающемуся статистическому направлению уделяется мало внимания и лишь мимоходом упоминается о совпадении культурной антропологии с социологией. Однако имеются действительные успехи в других отношениях: описание социологии групп Логаном Уилсоном, очерк Макивера о социальной причинности, обсуждение Парсонсом систематической теории и анализ Мура социологии экономической организации являются значительным вкладом. Более того, синтез результатов исследований Вударда, методология и теория социальной психологии заслуживают отдельного опубликования для социальных психологов. Заключительная часть о социологии в европейских странах и в Америке написана очень неравномерно. Наиболее полно описывается французская, немецкая и американская социология.

Недавно вышедший том под редакцией Гиллина является попыткой показать, как науки, родственные антропологии, а именно социология и психология, совпадают по своим методам и теории. Каждый из семнадцати авторов сосредоточивает свое внимание на концептуализации двух из трех наук; двое авторов — Беккер и Хэллоуэлл — уделяют больше внимания историческому развитию, чем теоретическим проблемам в этих областях. Другие — Мердок, Смит, Парсонс, Ньюком и Гиллин — подчиняют исторические проблемы методологическим. И Парсонс, и Ньюком все больше пользуются понятием уровней, «макроскопически-микроскопического ранга» или «макроструктуры и микроструктуры». Стоит повторить слова Парсонса по этому поводу: «Только когда социологическая и психологическая теория и различные уровни системы-референта (system reference levels) внутри каждой станут рассматривать себя и друг друга как выражение весьма важных *специальных случаев*, относящихся к более общей теории, будет достигнут в наших областях высший уровень теоретической зрелости. Утверждение, что любая из этих областей или «уровней» дает «основы», на которых *должно* быть построено все остальное (в противном случае придется признать неизбежность вечного бессилия науки), является только симптом болезни роста весьма юной семьи научных дисциплин»²³.

²³ Gillin, op. cit., p. 101.

Социологический пантеон

Хотя эти обзоры социологов и их теории не являются вполне однородными по своим целям и направленности, тем не менее возможно обнаружить возникающую тенденцию, которая, может быть, является настолько же характерной для современной социологии, как и для ее столь разнообразного прошлого. Эта тенденция, которая недавно стала весьма заметной, состоит в критическом пересмотре, находящем свое отражение самым различным образом. Основное изложение и подытоживание теорий все чаще сопровождается попытками их толкования, установлением связи с другими теоретическими трудами и оценкой возможностей конкретных гипотез, включая родственные концепции и методологические понятия в свете последующих исследований. Все больше и больше проявляется интерес к методическим предпосылкам, их природе и достоверности у отдельных теоретиков. Действительно, критический подход значительно облегчается хаосом, существующим в анализе социологических теорий. Как мы уже упоминали, например, последние обзоры посвящались отдельным теоретикам, методологическим проблемам, теоретическим направлениям отдельных наций и взаимосвязи между социологической теорией и смежными дисциплинами. Общий результат этих попыток и оценок составляет неофициальный социологический пантеон, временный Зал Славы, который является источником вдохновения, резервуаром концепций и гипотез, а также звеном, соединяющим ранние социальные теории и высоко специализированное техническое развитие современных эмпирических исследований.

Некоторые негативные суждения. Однако в отношении этой группы выдающихся теоретиков явно отсутствует единство мнений. В силу пренебрежения или неправильного суждения по отношению к различным теоретикам, ранее пользовавшимся славой, они были частично или полностью отнесены к категориям почти не признаваемых и пользующихся еще меньшим влиянием авторитетов. Но у них продолжают оставаться сторонники, которые относят основные черты современной социологии к их ранним формулировкам или приписывают их теориям решающее значение в развитии принятых концепций и принципов. Так, имеются интересные попытки показать значение Адама Смита и Адама Фергюсона²⁴. Дегранж с значительно большим упорством, но гораздо меньшим успехом пытался убедить целое поколение социологов Соединенных Штатов Америки серьезно заняться социологической системой Огюста Конта. В своей опубликованной позднее работе «Положительное государственное устройство» («Positive Polity») ²⁵ Дегранж, помимо интерпретации

²⁴ A. W. Small, *Adam Smith and American Sociology*, Chicago, 1907; Albert Salomon, *Adam Smith as a Sociologist*, SR, 12 (February, 1945), pp. 24—42; W. C. Lehmann, *Adam Ferguson and the Beginnings of Modern Sociology*, New York, 1930.

²⁵ McQuilkin DeGrange, *The Method of August Comte in Rice*, op. cit., pp. 23—87; *The Nature and Elements of Sociology*, New Haven, 1913; *The Curve of Societal Movements*, Hanover, 1930.

метода и системы понятий «Курса положительной философии» Конта, подчеркнул то новое, что дал Конт для развития социологической теории, обычно неприемлемой для социологов из-за содержавшегося в ней отказа от научного подхода ради религиозно-политической ориентации, напоминающей философские утопии Платона.

Герберту Спенсеру повезло немного больше, чем Конту, с критическими обзорами за последние тридцать лет. Почтение к Спенсеру все еще является одной из традиций английской социологии, хотя европейские социологи от Дюркгейма до Визе склонны рассматривать его чисто социологические труды как серию поучительных ошибок в методике и интерпретации. За последние годы только Знанецкий дал благоприятный отзыв о концептуальной схеме Спенсера в работе о социальной организации и институтах²⁶. Знаменитые «Основания социологии», вышедшие в нескольких изданиях перед первой мировой войной, не переиздавались на протяжении свыше тридцати лет. Несколько лет назад они явно были неходким товаром во многих американских букинистических магазинах. И все это несмотря на пространное изложение структуры и функции, содержащееся в этом сочинении.

Самнера, интеллектуального наследника Спенсера, в настоящее время почитают больше как пионера, особенно за его анализ народных обычаев, нравов внутренней группы (in group) и его этноцентризм. Через несколько лет после его смерти ряд его очерков был собран и опубликован издательством Йельского университета²⁷. Но некоторые из его основных теорий и выводы из них, а также его общий подход подверглись серьезной критике. Кули, Барнс и Сорokin представляют собой различные направления в критике Самнера, на которую до сих пор еще никто эффективно не возразил²⁸. Десять лет тому назад Мюрдаль и его сторонники предприняли наступление на те идеи в теории нравов, которые они считали консервативными, особенно в ее связи с проблемой расовых отношений в Соединенных Штатах Америки²⁹. В наши дни посмертная книга Самнера «Наука об обществе» («Science of Society») является, по существу, забытой работой, а у классической работы «Народные обычаи», вероятно, найдется мало читателей, которые обратят на нее серьезное

²⁶ Florian Znaniecki, *Social Organization and Institutions in Gurgvitch and Moore, op. cit.*, pp. 174—178.

²⁷ Sumner, *The Challenge of Facts and Other Essays*, New Haven, 1914; *War and Other Essays*, New Haven, 1913; *Earth Hunger and Other Essays*, New Haven, 1913; *The Forgotten Man and Other Essays*, New Haven, 1918; а также *Essays of William Graham Sumner*, New Haven, 1934, 2 vol.

²⁸ C. H. Cooley, *Sociological Theory & Social Research*, New York, 1930, pp. 325—327; H. E. Barnes, *William Graham Sumner, Spencerianism in American Press*, in Barnes, *op. cit.*, chap. 6; Sorokin, *op. cit.*, pp. 698—700.

²⁹ Gunnar Myrdal, *An American Dilemma*, New York, 1944, pp. 1031—1032.

внимание, за исключением разве ее первых двух и наиболее важных глав.

Возвышение и падение Парето. Приблизительно двадцать лет назад казалось весьма вероятным, что одним из важных добавлений к списку группы «избранных» социологов станет ранее недооцененный Вильфредо Парето, умерший в 1923 году. За исключением пространного и в общем хвалебного обзора, данного Сорокиным в 1928 году³⁰ (первого обзора на английском языке), трудов Парето, они не привлекали к себе большого внимания до середины тридцатых годов, когда его «Трактат по общей социологии» («Trattato di sociologia generale»), переведенный на английский под заглавием «Разум и общество» («Mind and Society»), вспыхнул, подобно четырем римским свечам, в американской социологии. По какой-то причине профессора Гарварда нашли излучаемый этим трактатом свет исключительно привлекательным. Физиолог Гендерсон и социологи Хоумэнс и Кёртис поспешили сократить эти четыре огромных тома до более удобочитаемого размера. В частности, они подчеркивали анализ Парето логико-экспериментального метода, понятия общественной системы, роли пережитков и деривации и процесса изменений в элите³¹. В это время Парсонс был занят работой над книгой интерпретативного характера, одной из частей более обширного труда, в которой он пытался установить основные точки соприкосновения между концепциями Парето, Дюркгейма и Макса Вебера. Еще один гарвардский профессор, историк Бринтон, пытался применить понятие пережитков и дериваций при сравнительном анализе четырех великих революций, однако без заметного успеха³².

Поиски примеров дериваций на некоторое время стали чем-то вроде спортивной игры в закрытом помещении. К 1940 году, или что-то около этого, мыльный пузырь лопнул; критические очерки Асколи, Беккера, Фэриса и других³³ помогли обнаружить ошибки, скрытые под заимствованной харизмой посмертной славы Парето. Несмотря на его кажущуюся защиту научного метода, Парето, согласно единодушному мнению критиков, на практике часто отходил от него, выказывая явные политические предубеждения и лежащий в основе их антиинтеллектуализм; он пользовался «психоло-

³⁰ P. A. Sorokin, op. cit., p. 39—62.

³¹ L. J. Henderson, *Paretos General Sociology*, Cambridge, Massachusetts, 1935; *Homans and Curtis*, loc. cit., Franz Borkenau, *Pareto*, New York, 1936; H. E. Moore and Bernice M. Moore, *Folk Implications in Pareto's Sociology*, SF, 14 (December, 1935), pp. 293—300.

³² Talcott Parsons, *The Structure of Social Action*, Chap. 5—7; Crane Brinton, *The Anatomy of Revolution*, New York, 1938.

³³ Ellsworth Faris, *The Nature of Human Nature*, New York, 1937, chap. 16; Max Ascoli, *Society Through Pareto's Mind*, SR, 1 (February, 1936), pp. 78—79; Becker and Barnes, op. cit., vol. 2, pp. 1016—1023; Morris Ginsberg, *Pareto's General Sociology*, «Sociological Review» (British), 28 (July, 1936), pp. 221—245; W. R. Crawford, *Representative Italian Contributions to Sociology*, in Barnes, op. cit., pp. 555—568; M. S. Handman, *The Sociological Methods of Vilfredo Pareto*, in Rice, op. cit., pp. 139—153.

гией инстинкта», полностью дискредитированной в тридцатых годах, и мало внес в социологию того, что уже не содержалось в трудах Маркса, Фрейда, Моска и других*. В настоящее время слова Кроуфорда относительно Парето, по-видимому, с предельной точностью предсказывают будущее идей Парето: «Его работа, вероятно, сохранится как памятник, а не как вежа»³⁴

За последние три десятилетия историки социологии и значительная часть социологов, в основном занимавшиеся злободневными проблемами, высоко оценили ряд теоретиков социологии. Эта коллективная оценка подтверждается такими знаками уважения, как частое включение этих теоретиков в обзоры современного развития социологии, широкие переводы их главных трудов в основном (но не исключительно) на английский и, что, может быть, является наиболее важным, постоянное применение их концепций и гипотез в современных теоретических формулировках и эмпирических исследованиях. Но следует добавить, что каждый теоретик в этой избранной элите также подвергался критике в отношении отдельных разделов своих трудов, так что фактически мы говорим здесь об общей оценке критиков. Конечно, эти теоретики явно расходятся во многих отношениях. Однако их труды содержат основное сходство, которое, может быть, объясняет их славу независимо от признанной ценности их конкретных вкладов. Ибо каждый теоретик на свой собственный лад и в различной степени уделял внимание скорее (1) соответствующей концептуальной психологической схеме, чем априорным системам, а также (2) методологическим проблемам, свойственным социологии, (3) собиранию и использованию исторических и современных данных и (4) поискам обобщений, единства и гипотез, поддающихся проверке.

Зиммель. Георг Зиммель, который подвергся значительной критике за то, что, казалось, его взгляды носили явно формалистические черты³⁵, обычно считается пионером построения четкой концептуальной схемы, обеспечивающей научной социологии независимый статус. Парк и Бёрджесс включили ряд выдержек из Зиммеля в свой текст, широко распространенный в двадцатых годах, а в 1925 году Спайкман дал полное и сочувственное описание взглядов Зиммеля, за которым вскоре последовал весьма эрудированный анализ идей Зиммеля как систематического мыслителя, осуществ-

* Автор данной главы совершенно неправомерно ставит в один ряд Маркса с такими эпигонами идеалистической мысли, как пресловутый Фрейд или Моска. Разумеется, что вклад Маркса в социологическую мысль не сравним ни в какой степени с теориями названных рядом с ним идеалистов, так как Маркс, открыв материалистическое понимание истории, создал подлинно научную социологию — исторический материализм, а Фрейд и Моска являлись всего лишь авторами отдельных разновидностей социологических концепций, не выходящих за рамки антинаучного, идеалистического понимания истории. — *Ред.*

³⁴ Crawford, op. cit., p. 568.

³⁵ Cp. Sorokin, op. cit., p. 501—502; Hans Freyer, *Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft*, Leipzig, 1930, S. 46—54.

вленный Абелем³⁶. Реакция на теории Зиммеля в Европе в двадцатых годах была не столь благоприятной. Например, Сорокин, который покинул Россию в 1922 году, рассматривал Зиммеля как «талантливое человека» в социологии. Тем не менее за последние годы вышли два перевода его трудов на английский язык, снабженных предисловиями, в которых дается их истолкование³⁷. Весьма вероятно, что его «Философия денег» («Philosophie des Geldes») также будет переведена, чего она, конечно, заслуживает. Современное положение Зиммеля среди социологов, может быть, хорошо иллюстрируется тем, что, помимо его выдающегося положения среди теоретиков, его труды служили источником экспериментальных гипотез для крайне эмпирически настроенных практиков, сторонников исследования «малых групп» (см. гл. 9 данной книги).

Дюркгейм. Хотя концепции Эмиля Дюркгейма все еще являются предметом значительных споров, он занимает особо выдающееся положение среди критических историков социологии. Его неоднократно критиковали за такие недостатки, как чрезмерный социальный реализм, по временам почти неотличимый от понятия группового ума, и за пренебрежение психологическими аспектами социальных явлений³⁸. Но обычно признается, что его анализ самоубийства, аномии (normlessness), социальной интеграции, религиозных убеждений и обрядов, а также его функциональный подход постоянно будят мысль и содержат полезные идеи, хотя в то же время некоторые из его формулировок неприемлемы. Наиболее тщательная и плодотворная критика его работы Парсонсом и Алпертом³⁹ была опубликована в тридцатых годах. Интересно было бы посмотреть, насколько подробный современный критический анализ его трудов мог бы повлиять на выдающееся положение Дюркгейма.

Тённис. Несколько парадоксально, что труды Фердинанда Тённиса, которого обычно считают, выражая тем самым ему большое уважение, одним из подлинных пионеров социологии, еще не

R. E. Park and E. W. Burgess, *Introduction to the Science of Sociology*, Chicago, 1921; N. J. Spykman, *The Social Theory of Georg Simmel*, Chicago, 1925; Abel, op. cit., chap. I.

³⁷ Georg Simmel, *The Sociology of Georg Simmel*, edited, translated by K. H. Wolff, Glencoe, Illinois, 1950; *Conflict* (на русском языке: Г. Зиммель, *Конфликт современной культуры*), Пр. 1923.—Ред.), translated by K. H. Wolff and Reinhold Bendix, Glencoe, Illinois, 1955. Читателю следует ознакомиться с переводом Смолла в *AJS* (с конца 90-х годов XIX века и позднее).

³⁸ P. A. Sorokin, op. cit., pp. 463—518; Becker and Barnes, op. cit., vol. 2, pp. 829—839; Emile Benoit-Sully, *The Sociologism of Emile Durkheim and His School*, in Barnes, op. cit., pp. 499—516; Howard Becker, *Systematic Sociology on the Basis of the «Beziehungslehre» and «Gebildelehre» of Leopold von Wiese*, New York, 1932, 2nd ed., with a new preface, Gary, Indiana, 1950, pp. 703—704.

³⁹ Parsons, op. cit., chap. 8—11; Harry Alpert, *Emile Durkheim and his Sociology*, New York, 1939. Также полезные обзоры: C. F. Gellike, *Emile Durkheim's Contribution to Sociological Theory*, New York, 1915; Robert Marjolin, *French Sociology — Comte and Durkheim*, *AJS*, 42 (March, 1937), pp. 693—704; Harry Alpert, *Emile Durkheim and Sociologismic Psychology*, *AJS*, 45 (July, 1939), pp. 64—70.

подверглись подробной интерпретативной критике. Знаменитая книга «Общность и общество», впервые опубликованная Тённисом в 1887 году, по-видимому, является основным объектом критики в благожелательных обзорах Беккера, Лумиса, Парсонса, Саломона и других, а также в отрицательных обзорах Арона, Гайгера, Сорокина и Визе⁴⁰. Ведь Тённис жил и работал до 1936 года, опубликовав важные труды с 1909 по 1926 год по таким вопросам, как социальные группы, общественное мнение и социальные нормы. Только Хеберле, Лумис и Саломон пока уделили внимание его позднейшим теоретическим формулировкам, но и они косвенно рассматриваются как второстепенный, а не его главный вклад. Поскольку не появилось нового или значительного толкования трудов Тённиса за последние пятнадцать лет, мы, по-видимому, можем ожидать такого в ближайшем будущем.

Вебер. Если нам пришлось бы выбрать одного и только одного гиганта современной социологической теории, наш выбор, несомненно, пал бы на Макса Вебера. При наличии все увеличивавшегося количества исследований и толкований, относящихся к его трудам, Вебер превратился во внушительную, почти легендарную фигуру, известную своей необычайной эрудицией, тщательностью в выборе методов и благодаря плодотворным теоретическим формулировкам, касающимся различных аспектов социальной структуры Запада. Конечно, его методологические и теоретические положения подвергались значительной критике⁴¹, но даже эта критика часто умерялась истинным уважением к его всестороннему вкладу в социологию. Несколько десятилетий назад его теория о роли протестантизма в современном капитализме явилась источником горячих споров, но, за исключением ценных поправок, внесенных в нее Тоуни и другими, она, по существу, стала неотъемлемой и постоянной частью современной социологии⁴². Значительно позднее работы Вебера по стратификации, бюрократии, анализу институтов и развитию

⁴⁰ Parsons, op. cit., p. 686—694; Becker and Barnes, op. cit., vol. 2, pp. 888—889; Albert Salomon, German Sociology, in Gurvitch and Moore, op. cit., pp. 592—596; Rudolph Heberle, The Sociological System of Ferdinand Tönnies, in Barnes, op. cit., chap. 10; C. P. Loomis, Introduction, in Ferdinand Tönnies, Fundamental Concepts of Sociology, translated and supplemented by C. P. Loomis, New York, 1940; Louis Wirth, The Sociology of Ferdinand Tönnies, AJS, 32 (1926).

⁴¹ Alexander von Schelling, Max Webers Wissenschaftslehre, Tübingen, 1934; Talcott Parsons, Weber's Methodology of Social Science, in Max Weber, The Theory of Social and Economic Organisation; translated by A. M. Henderson and Talcott Parsons, New York, 1947, pp. 8—29; Reinhold Bendix, Max Weber's Interpretation of History, AJS, 51 (May, 1946), pp. 518—526.

⁴² См. Ephraim Fischhoff, The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism: The History of a Controversy, SR, 11 (February, 1944), pp. 53—77; Parsons, Max Weber's Sociological Analysis of Capitalism and Modern Institutions, in Barnes, op. cit., chap. 13; Sорокин, op. cit., pp. 643—684; Parsons, The Structure of Social Action, Chapt. 14—15. Ценным подтверждением теории Вебера является: R. K. Merton, Science, Technology and Society in Seventeenth Century England, «Osiris», 4 (1938), pp. 360—597.

религии получили в целом весьма благоприятную оценку⁴³. Более того, они послужили в качестве идейных путеводителей для мышления и исследований. В настоящее время большая часть работ Вебера стала доступной на английском языке, и, поскольку появляются переводы его других трудов, можно с уверенностью утверждать, что последующее десятилетие подтвердит его репутацию без каких-либо особых изменений.

ПРОГРАММА ОБЗОРОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Что мы можем сказать о перспективах, ожидающих историка социологии на ближайшее десятилетие? Он должен быть хорошо знаком с современным состоянием нашей науки как практически, так и теоретически; желательно, чтобы он внес выдающийся вклад в обе эти области. При занятиях своим историческим предметом его целью должно быть изложение наследия Конта, Спенсера, Дюркгейма, Тенниса, Вебера, Самнера, Уорда, Росса и всех других, так чтобы стало ясным их значение для современной социологии. Он может предпочитать следовать этой цели, сосредоточившись на истории специальных областей, вместо того чтобы рассматривать прошлое в биографической перспективе. Каков бы ни был его критерий отбора, его выбор должен быть подчинен основной цели — показать вклад, внесенный прошлым в прогресс современной науки. Он должен быть беспощаден, обнаруживая бесплодность, ошибки и заблуждения научной работы прошлых лет, и достаточно изобретательным, чтобы обнаружить те же недостатки в современности. Он должен показать высшие достижения той или иной области социологии. Он должен обнаружить гипотезы, все еще не признанные из-за отсутствия подтверждения, гипотезы, которые могут стать особенно ценными для наших современных исследований. Таким образом, он должен уметь формулировать многие из прошлых проблем, по словам Луи Вирта, «таким образом, чтобы их можно было или доказать, или опровергнуть скорее при помощи фактических доказательств, чем авторитетными заявлениями».

Историк социологии должен ясно ощущать, что некоторым специальным областям свойственны свои собственные методологические проблемы, но в своем анализе он не должен позволять себе считать их совершенно независимыми от всей логики науки. Он должен быть достаточно беспристрастным, чтобы ясно показать, что *логический* характер естественных и социальных наук одинаков, несмотря на различие в применении метода и технических приемов. Он должен разоблачить «беспланный и беспредметный эмпиризм» с той же

⁴³ Большинство из этих работ издано на английском языке в двух томах: «From Max Weber, Essays in Sociology», translated and edited with an introduction by H. H. Gerth and C. Wright Mills, New York, 1946; Weber, The theory of Social and Economic Organization. Весьма ценной является тщательно собранная библиография по Веберу: H. H. Gerth and Hedwig I. Gerth, Bibliography on Max Weber, SR, 16 (March, 1949), pp. 70—89.

самой беспощадностью, какую он выказал бы по отношению к систематическому теоретизированию, не оплодотворенному эмпирическими исследованиями. Он должен разоблачить многочисленные отдельные, несвязанные между собой исследования, которыми заполнена наука, и проследить цикличность интереса и апатии во многих видах исследования. Короче говоря, он должен описать модные течения в социологических исследованиях, а также те неисчислимые потери, которые они порождают. Он должен попытаться показать, «что является фактом и что является фактологией» в нашем научном знании, или, грубо говоря, то, что мы знаем, и то, чего мы не знаем. Такая история может привести к получению все большего количества проверенных обобщений, которые в настоящее время не могут еще быть сообщены студентам. И он может возбудить вновь тот потерянный интерес, о котором мы упоминали раньше. Все это придает больше уверенности в том, что социология — это наука, а не набор фактов.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Barnes H. E. (ed.). *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, University of Chicago Press, 1948.
- Barnes H. E., Howard Becker and Frances B. Becker *Contemporary Social Theory*, New York, D. Appleton-Century, 1940.
- Becker Howard, *Systematic Sociology on the Basis of the «Beziehungslehre» and «Gebildelehre» of Leopold von Wiese*, New York, John Wiley 1932; reissued, with a new preface, Gary, Indiana Norman Paul Press, 1950, Part IV: «Historical Postscript»
- Becker Howard and H. E. Barnes, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, Dover Publications, 1952, 2 vols.
- Bernard L. L. (ed.), *The Fields and Methods of Sociology*, New York, Ray Long and Richard R. Smith, 1934
- Gillin John (ed.), *For A Science of Social Man*, New York, Macmillan, 1954.
- Gurvitch Georges and W. E. Moore (eds.), *Twentieth Century Sociology*, New York, Philosophical Library, 1945.
- Hinkle R. C., Jr., and G. J. Hinkle, *The Development of Modern Sociology*, New York, Doubleday, 1954
- Odum H. W., *American Sociology*, New York, Longmans, Green, 1951
- Parsons Talcott, *The Structure of Social Action*, New York, McGraw-Hill, 1937
- Rice S. A. (ed.), *Methods in Social Science*, Chicago, University of Chicago Press, 1931.
- Sorokin P. A., *Contemporary Sociological Theories*, New York, Harper, 1928.
- Sorokin P. A., *Society, Culture, and Personality*, New York, Harper, 1947.

ОБЩИЕ СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

*Престон Вэлиен
и Бонита Вэлиен*

Термин «общая социология» заслуживает краткого объяснения. Он, естественно, противопоставляется «специальной социологии», и введение обоих этих терминов в социологию приписывается Гиддингу, который писал, что «социологию можно разделить на общую, или фундаментальную, социологию и специальную социологию. Общая социология — это изучение универсальных и основных явлений в обществах». Гиддингс применял термин «специальная социология» к исследованиям, «детально изучающим какую-нибудь одну фазу социальной организации, общественной деятельности или общественного развития». Общая социология пытается дать всеобщую систематизацию социологической теории, особо подчеркивая один или несколько основных факторов или сил во всем общественном процессе. Она пытается также разработать или дать единые принципы, общие методы анализа и широкие общие понятия. Поскольку она пытается разработать единую интегрированную систему социологической теории, общая социология часто называется систематической социологией.

Любая попытка изложить историю общей социологии встречается с трудностью, заключающейся в том, что существует много различных понятий «социологической теории». Мертон указал на «соблазнительное смешение социологической теории с историей социологической мысли»¹. В другом месте он дает оценку положительных черт и недостатков, характерных для шести видов деятельности, которые часто объединяются вместе как составные части социологического направления; 1) методология; 2) общие социологические направления; 3) анализ социологических понятий; 4) социологическое толкование *post factum*; 5) эмпирические обобщения в социологии и 6) социологическая теория².

¹ Р. К. Мертон о кн.: Parsons, *The Position of Sociological Theory*, ASR 13 (April, 1948), p. 165. Яркое выражение подобной же позиции см. кн.: Howard Becker, *Vitalizing Sociological Theory*, ASR, 19 (August, 1954), pp. 379—380.

² Merton, *Social Theory and Social Structure*, Glencoe, Illinois, 1949, p. 84.

Значение этих шести типов социологической деятельности для общей социологии заключается в их связи с проблемой построения системы и развития фундаментальных социологических принципов. На ранней стадии выдающиеся деятели социологии были энциклопедистами широкого масштаба, которые изучали происхождение человеческого общества, жизнь групп, развитие и выражение общественных интересов, виды социальной дисциплины и социального контроля и основные причины культурного отставания и социального прогресса. Сравнительно недавно американская социология пыталась разработать основные принципы, исследуя весьма специальные темы путем изучения индивидуума и группы, посредством мелких эмпирических исследований, полагая, что увеличение количества отдельных исследований и составляет прогресс науки.

Именно это течение от энциклопедического синтеза к анализу, по-видимому, побудило Гарри Элмера Барнса написать в 1948 году в «Истории социологии» («History of Sociology»), что «книга... доводит историю социологической мысли до той эпохи и стадии, когда энциклопедизм постепенно, но основательно вытеснялся специализацией в какой-нибудь более ограниченной области исследования и анализа». Он далее предсказывал, что «эра энциклопедической социологии, по-видимому, заканчивается... С этого времени социологические труды в основном будут специальными формами социальной теории»³.

ТЕЧЕНИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В своей работе «Американская социология» («American Sociology», 1951) Говард Одум отметил три течения в развитии социальной теории американской социологии. Одно из них заключалось во вторичном пробуждении интереса к систематической теории в Европе, что выразилось в работах Толкотта Парсонса о Вебере, Парето и Дюркгейме, в систематической теории Говарда Беккера, основанной на взглядах Визе и Вебера, и в повсеместном внимании, уделяемом трудам Тённиса и Дюркгейма⁴. Следует отметить, что это вторичное пробуждение интереса выражалось не только в хвалебных оценках, ибо Парсонс, так же как и другие, среди всего прочего критикует социальную психологию Дюркгейма и запрет Вебера применять психологию в социологии. Касаясь этого общего пункта, Беккер заявляет: «Для социологической теории отнюдь не полезно, когда «модернизуют» древних, приписывая им идеи, которых они просто не могли иметь в тот век, когда они жили. Можно оживить историю социальной мысли для построения существенных социологических теорий, только подвергнув ее анализу социологии знания»⁵.

³ H. E. Barnes (ed.), *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, 1948, p. 7.

⁴ H. W. Odum, *American Sociology*, New York, 1951, pp. 266—267.

⁵ Becker, *op. cit.*, p. 379.

Вторая тенденция, согласно Одуму, заключалась в том, что некоторые американские социологи разрабатывали систематическую теорию в учебниках или специальных работах, а третья тенденция находит себе отражение в попытках разработать теорию, систематизируя результаты эмпирических исследований. Примерами этих двух тенденций являются труды Говарда Беккера, Джорджа А. Лундберга, Роберта М. Макивера, Роберта К. Мертон, Толкотта Парсонса, Питирима Сорокина и Флориана Знанецкого. Беккер, Макивер, Парсонс и Знанецкий систематически изучали теорию социального действия. Этот аспект их работы будет обсуждаться дальше. Беккер внес важный теоретический вклад своей методологией конструированных типов и применением теории социального действия к изучению социальных изменений. Вклад Парсонса состоит из структурально-функционального метода анализа и других важных понятий и определений. Макивер занимался проблемой социальной причинности, анализируя отношения ценностей и мотивов. Знанецкий подчеркивал то, что он называет «гуманистическим коэффициентом» социологии, а также необходимость использования личных документов в противовес количественным методам для понимания отношений, мотивов и ценностей. Лундберг, с другой стороны, рассматривал количественный метод как высшую и непререкаемую основу науки. Труды Сорокина следовали традиции философии истории, а Мертон пытался связать теорию с эмпирическими исследованиями с помощью того, что он называет «теориями среднего ряда» (*theories of the middle range*). Эти имена, конечно, не исчерпывают списка современных теоретиков-систематиков, а являются просто примером таковых.

Два события, может быть, больше, чем какие-либо другие, в период вскоре после первой мировой войны положили начало течению, отходящему от индивидуального энциклопедизма. Одним являлось опубликование работы «Польский крестьянин в Европе и Америке» («*The Polish Peasant in Europe and America*», 1918—1921) У. И. Томаса и Флориана Знанецкого, а другим было появление в 1921 году «Введения в науку социологии» («*Introduction to the Science of Sociology*») Роберта Е. Парка и Эрнста У. Бёрджеса. «Польский крестьянин в Европе и Америке» — первое социологическое исследование крупного масштаба, в котором излагался весь метод и совокупность всех данных. Эта работа ввела новый метод изучения выборочных случаев, личных документов, метод, который все еще используется и все еще служит предметом ожесточенных споров среди социологов-методологов. Эта книга, а также рост подготовки социологов после первой мировой войны, исследований и публикаций все больше и больше привлекали внимание к исчерпывающему изучению узкой темы. Роберт Э. Л. Фэрис заявляет, что после первой мировой войны «для социолога стало уже не модным быть создателем школы мышления. Это был период становления американской социологии. Ее развитие перестало направляться логикой классификации наук или индивидуальным мнением, а определялось робкими проб-

ными исследованиями во многих направлениях, некоторые из которых увенчались успехом. На этой стадии отдельные школы мышления с трудом продолжают свое существование, а школы, когда-то характерные для американской социологии, постепенно исчезают, или, может быть, лучше было бы сказать, что постепенно стираются различия между ними⁶. «Введение в науку социологии» Парка и Бёрджеса, которую называли «Учебником, пользовавшимся наибольшим влиянием в истории американской социологии», сыграла важную роль в уничтожении социологических различий в этот период. Она фактически узаконила такие понятия, как социальное взаимодействие, коммуникация, социальный процесс, конкуренция, конфликт, ассимиляция, приспособление, личность и коллективное поведение, а также дала большой толчок тенденции к мелким эмпирическим исследованиям. Узаконение этих понятий значительно затруднило развитие социологических школ мышления, поскольку теперь от социологов требовалось, чтобы они учитывали эти понятия, даже когда у них имелись возражения по теоретическим основаниям. Фактически эта неспособность использовать обычные понятия была одним из главных пунктов резкой критики «Социальной системы» («The Social System») Парсонса, содержащейся в обзоре Элсуорта Фэриса⁷.

Европейское влияние

Поскольку и «Польский крестьянин в Европе и Америке» и «Введение в науку социологии» подверглись сильному влиянию европейской общественной мысли, может быть, своевременно указать на некоторые основные европейские влияния в современной социологической теории Америки.

За последние годы в социологической теории в Америке заметно возрождение влияния тех европейских мыслителей, чьи труды в области теории совпадали с предположениями, проблемами и интересами современных американских социологов. Беккер считает, что наиболее серьезное влияние на американскую социологию оказывали Тённис, Парето, Дюркгейм, Макс Вебер, Знанецкий и Визе⁸. К этому списку следует добавить Зиммеля, чье влияние осуществлялось через Парка и других представителей Чикагской школы. Мы дадим краткий обзор работ этих европейских ученых, которые связаны с современной социологической теорией в Америке.

⁶ R. E. L. Faris, *American Sociology*, in Georges Gurvitch and W. E. Moore (eds.), *Twentieth Century Sociology*, New York, 1945, p. 546.

⁷ Ellsworth Faris, *Review of Parsons' «The Social System»*, ASR, 18 (February, 1953), pp. 103—106. Интересен ответ Парсонса, где он рассказывает о своих личных взглядах как социолога и об источниках, которые оказали наибольшее влияние на его теоретические взгляды (см. Parsons, *Some Comments on the State of the General Theory of Action*, ASR, 18 (December, 1953), pp. 618—619).

⁸ Odum, *op. cit.* p. 50.

Фердинанд Тённис (1855—1936). Тённис был создателем того типа социологического анализа, который мы сейчас называем систематической социологией, или аналитической социологией. Его главным вкладом в социологию была типология, возводящая в категорию социальные отношения в виде *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, или «общности» и «общества». Значение трудов Тённиса было двояким. Во-первых, он заложил основу типологии социальных групп, которая все еще пользуется влиянием в общественных науках в Америке в несколько измененной форме в виде «народного общества», «городского общества» и других категорий. Во-вторых, что, может быть, является более важным, Тённис подчеркнул тесную связь между личностью и социальной структурой, различая то, что он назвал двумя типами человеческой воли, основной для всех общественных отношений, — общественную волю и произвольную волю. Он определяет общественную волю как нерациональную и полностью основанную на чувстве, являющуюся объединяющим звеном в коллективных структурах, преобладающих в жизни крестьян, ремесленников и простых людей. С другой стороны, произвольная воля является сознательной, рациональной и эгоцентричной и в результате приводит к обществу типа *Gesellschaft*, которое является способом достижения какой-то конкретной цели. Более того, Тённис, указывая, что *Gemeinschaft* неизбежно предшествует *Gesellschaft*, предвосхитил современные попытки поместить общества в «народно-городскую» и другие подобные дихотомии.

Тённис подвергся критике за то, что отождествлял существенную волю с инстинктами и биологическими тенденциями, а также за упрощение, выражавшееся в его дихотомном представлении об обществах. Но критики скорее занимались разработкой, а не отбрасыванием формулировок, на которых основывалась его дихотомная концепция⁹.

Георг Зиммель (1858—1918). Зиммель обычно считается основателем социологии как независимой университетской дисциплины в Германии, и, будучи преподавателем, он оказал влияние на многих ведущих американских социологов своего времени. Он отверг положение о том, что социология должна быть наукой, охватывающей все, что связано с человеком, и настаивал, что социология должна сосредоточиться на *формах* социального взаимодействия. В этой связи он изучал такие формы, как супраординация и субординация, конкуренция и разделение труда, а также чужак. Оставляя «содержание» взаимодействия другим дисциплинам, он определял социальную психологию как ответвление общей психологии и не отводил места в социологии изучению мотивации.

Хотя мало кто согласится сегодня с теми ограничениями, которые Зиммель ввел в социологию, его формулировки форм социального взаимодействия значительно повлияли на социологические исследования при его жизни и продолжают оказывать влияние благодаря

⁹ Ср. стр. 32—33 данной книги.

трудам и авторитетам таких социологов, как Визе, Беккер, Парк и Бёрджес¹⁰.

Вильфредо Парето (1848—1923). Сомнительным достоинством Парето является то, что значение его трудов было переоценено слишком восторженными учениками и недооценено слишком критически настроенными неучениками. Однако обычно признается, что труды Парето оказали значительное влияние на американскую социологию благодаря его концепции общества как системы, находящейся в несовершенном равновесии, его попытке разработать метод социологических обобщений, который согласовался бы с математическим идеалом современной науки, и его вниманию к роли нелогических поступков в общественной жизни. Его теория циркуляции элиты больше служила предметом споров, чем оказала влияние на американскую психологию, поскольку, по-видимому, она в основном базировалась на предубеждении против современных концепций и идеалов демократии.

Концепция Парето относительно социологии как «логико-экспериментальной науки» привлекла большое внимание. Он настаивал на том, что социология должна руководствоваться строго научными положениями и рекомендовал логико-экспериментальный метод в качестве процедуры исследований, подходящей для достижения этой цели. Согласно этому методу, обобщения и абстракции достигаются индукцией, а наблюдения проводятся так, чтобы не затрагивать оценок и не делать попыток доказать заранее данные положения. Критики Парето быстро обнаружили, что он сам не следовал своим собственным предписаниям, но тем не менее его предписания оказали известное влияние¹¹.

Хотя большинство трудов Парето заключается в анализе сил, лежащих в основе человеческого поведения в общественной¹ жизни, которые он назвал *пережитками* и *деривациями*, его наиболее значительным вкладом является концепция социальной системы и его подчеркивание роли нерациональных моментов в человеческом поведении.

Эмиль Дюркгейм (1858—1917). Влияние Дюркгейма на американскую социологию в значительной степени проистекает из его подчеркивания необходимости эмпирических исследований конкретных тем и его анализа роли групп в определении человеческого поведения. Дюркгейм рассматривал социологию как изучение социальных фактов и настаивал, что социальные факты надо рассматривать как вещи, то есть предметы внешнего мира. Согласно Дюркгейму, социальные факты внешни по отношению к индивидууму и оказывают на него давление. Дюркгейм рассматривал общество как социальный факт, как нечто существующее в себе. Супруги Хинкл в своем превосходном кратком изложении развития американской социологии указали, что большинство американских социологов отказались

¹⁰ Ср. стр. 39—40 данной книги.

¹¹ Ср. стр. 91—92 данной книги.

встать на эту точку зрения вследствие того, что Хинкл называли «волюнтаристическим номинализмом» американской социологии¹². Под волюнтаристическим номинализмом они понимают «предположение, что структуры всех социальных групп являются следствием объединения отдельных их составляющих индивидуумов и социальные явления в конечном счете порождаются мотивацией этих знающих, чувствующих и обладающих желаниями индивидуумов»¹³. Другими словами, с этой точки зрения общество — это сумма индивидуумов во взаимодействии, что противоречит точке зрения Дюркгейма на общество как отдельный и реальный социальный факт¹⁴.

Хотя Дюркгейма и критиковали за его приятие некоторых эволюционных доктрин, в основном критика была направлена на то, что, по-видимому, является преувеличением роли группы в человеческой жизни и преуменьшением общественного значения индивидуализма. Тимашев, признавая правильность этой критики Дюркгейма, суммирует важный вклад, сделанный Дюркгеймом, в следующих словах: «Он убедительно показал, что социальные факты являются фактами *suí generis*. Он ярко описал социальное и культурное значение разделения труда. Он проанализировал природу и многие из последствий общественной солидарности. Он указал на роль общественного давления в различных областях человеческой деятельности, где оно прежде оставалось незамеченным. Совместно с Максом Вебером он привлек внимание социологов к значению ценности и идеалов в общественной жизни. Он поставил сложные проблемы методологии и доказал на деле необходимость эмпирических исследований для науки об обществе».

Макс Вебер (1864—1920). Вряд ли можно сомневаться, что за последние годы в американской социологии наибольшее влияние из европейских ученых оказал Макс Вебер. Он рассматривал социологию как науку об общественном действии, как изучение поведения индивидуумов, поскольку это поведение ориентировано на то, что ожидается другими индивидуумами. Он считал, что общественные действия проявляют независимость и закономерность, как это происходит в несоциальных явлениях, но общественные действия отличаются от других явлений тем, что «доступны пониманию». Вебер утверждал, что законы общественного действия могут быть выведены путем процедуры *Verstehen* или интерпретации действия других людей наблюдателем.

Вебер разработал методику «идеального», или «чистого», типа как наиболее подходящий способ изучения социальных действий. Согласно взглядам Вебера, идеальный тип обладает тремя первичными характерными чертами: 1) он был сформулирован в терминах субъективных категорий; 2) он сознательно усиливал или чрезмерно

¹² R. C. Hinkle, Jr. and Gisela J. Hinkle, *The Development of Modern Sociology*, New York, 1954.

¹³ Там же, стр. VII.

¹⁴ Ср. стр. 34—36 данной книги и указатель (под рубрикой «волюнтаристический номинализм»).

подчеркивал отдельные аспекты конкретных ситуаций, и 3) он являлся орудием, а не целью науки об обществе. В большинстве своих эмпирических исследований он дал примеры применения идеального типа.

Вебер также подчеркивал, что наука не имеет нормативной ценности и что научная работа должна быть свободна от оценочных суждений. Наука, он говорил, может определить средства, используемые для получения конкретных результатов, но наука не может определить, являются эти результаты желательными или нет. Тем не менее Вебер явно не запрещал научной социологии изучать ценности в качестве данных.

Перечислим все наиболее важное в работах Вебера: 1) разработка методов для изучения специфических социальных ситуаций для достижения большей точности научных понятий; 2) отстаивание того тезиса, что наука, свободная от ценностей, может, однако, использовать эти ценности как данные; 3) разработка идеального типа как орудия науки, а также признание того, что разработка типов не является целью науки, и 4) установление связи социальной причинности со значением при объяснении человеческого поведения.¹⁵

Флориан Знанецкий (1882—1958). В течение многих лет Знанецкий являлся ведущим социологом как в Европе, так и в Соединенных Штатах Америки, и, хотя в течение некоторого времени он был несколько оттеснен У. И. Томасом, его соавтором по книге «Польский крестьянин в Европе и Америке», его зрелые и глубокие идеи завоевали ему признание. В 1953 году он был избран президентом Американского социологического общества. С течением времени, а также благодаря его работе, проделанной в прошлом и в последнее время, значение книги Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» еще больше возросло.

Последние работы Знанецкого посвящены анализу структуры и процесса социального действия. Его книга «Социальные действия» («Social Actions», 1936), по-видимому, еще не получила признания, которого она заслуживает. Знанецкий определяет единицу социологического анализа как «действие». Социальное действие — это поведение, которое стремится воздействовать на сознательных людей или коллективы. При помощи того, что он называет «гуманистическим коэффициентом», он подчеркивает роль человеческого сознания в жизни как индивидуума, так и общества. Это привело Знанецкого к энергичной защите использования личных документов для изучения социологией человеческого поведения. Его классификация социальных действий с точки зрения оценки актером установок социального объекта к личным целям актера является глубоким и значительным теоретическим вкладом.¹⁶

Леопольд фон Визе (род. в 1876 г.). Сильное влияние на Визе оказал Зиммель. Визе можно считать последователем Зиммеля, так

¹⁵ Ср. стр. 143—148, 209—210 и 259—263 данной книги.

¹⁶ Ср. стр. 114—117 и 121—128 данной книги.

как он старался сделать социологию независимой общественной наукой. Визе подчеркивал необходимость естественноисторического подхода к изучению общества и считал, что социология должна освободиться от попыток реформы и оценочных суждений. Он видел в социологии изучение отношений между людьми и посвятил большую часть своих трудов анализу процессов ассоциации и диссоциации. Его концепция процессов ассоциации (продвижения, приспособления, согласования и слияния) и диссоциации (конкуренция, нарушение правил и конфликт) привлекли внимание к необходимости создания ясных концепций в социологии. Это, а также его систематизация типов плюральности (толпы, группы и абстрактные коллективы) породили ценные мысли и создали базу для исследований, принадлежащих как самому Визе, так и его многочисленным ученикам. Влияние Визе в американской социологии осуществлялось через Говарда Беккера, который адаптировал и дополнил его основные труды, пытаясь привести их в большее соответствие с американской точкой зрения¹⁷. В той же самой работе Беккер ввел ряд моментов, которых не было у Визе, в особенности в отношении социального действия и конструктивной типологии, свидетельствуя, таким образом, о влиянии на него Макса Вебера.

СОЗДАНИЕ ТЕОРИИ В АМЕРИКЕ

Вновь возродившийся интерес к теориям европейских социологов значительно стимулировал процесс построения теорий в американской социологии. Этот процесс шел в двух главных направлениях, одним из которых являлся неопозитивизм, а другим — развитие теории социального действия.

Социологический неопозитивизм

Социологический неопозитивизм имеет свои исторические корни в трех элементах: в количественном подходе, в бихевиоризме и прагматизме¹⁸. Количественный подход делает упор на перечисление и измерение в качестве существенных факторов научных исследований в любой области. Бихевиоризм утверждает, что «сознание» недоступно для «объективного» наблюдения и что общественная наука должна ограничиться изучением поведения, доступного наблюдению.

Эти элементы представлены в работе Джорджа А. Лундберга, являющегося наиболее влиятельным представителем неопозитивизма в американской социологии. Однако он больше всего интересовался количественными методами. Хотя Лундберг настаивал, что роль ученого, выступающего в качестве ученого, должна всегда отделяться от роли ученого, выступающего в качестве гражданина, он рассматривал науку как орудие человеческого приспособления. Однако он

¹⁷ Ср. стр. 211—212 данной книги.

¹⁸ N. S. Timasheff, *Sociological Theory*, New York, 1955, p. 137

считал, что цели приспособления относятся к области оценочных суждений и, следовательно, лежат за пределами науки. Социология должна указать на последствия различной социальной политики, но в качестве науки она не может указать, какие последствия являются более желательными.

Бихевиористский подход Лундберга подвергся энергичным нападкам сторонников теории социального действия. Лундберг считал, что для социолога является «ненаучным» и «мистическим» иметь дело с мотивами, ценностями, чувствами и целями, ибо их толкование будет варьироваться в зависимости от предрассудков и предрасположений наблюдателя. Он утверждал, что интроспекция не может быть источником научного знания. Он считал, что основной целью является включение социологии в область физических и биологических наук; он пользовался физикой в качестве образца, и в этом ему с энтузиазмом помогал его коллега Стюарт Ч. Додд.

Согласно своей эпистемологии, Лундберг настаивает, что понятия должны определяться в терминах операций, при помощи которых добываются данные. «Умственная способность — это то, что измеряется тестом умственных способностей». «Пространство — это то, что измеримо линейкой». Операционализм Лундберга подвергся орудийному обстрелу со стороны его критиков, но даже их он стимулировал на поиски определения эмпирических референтов для своих понятий.

Теория социального действия

Теория социального действия была разработана группой социологов, которые в значительной степени работали независимо друг от друга, но объединялись общей целью построить единую, логически последовательную и всеобъемлющую теорию человеческого поведения с *социальным действием* в качестве центрального понятия. Супруги Хинкл выделяют четырех социологов: Флориана Знанецкого, Роберта Макивера, Говарда Беккера и Толкотта Парсонса — в качестве главных фигур в разработке теории социального действия в Америке. Хотя только Беккер и Парсонс открыто признают влияние Макса Вебера, все четверо полностью соглашались с веберовской концепцией социального действия. Все они согласны, что интроспекция является соответствующим и необходимым источником научных данных в отношении человеческого поведения, и все они возражают против применения в социологии бихевиоризма, редукционистской психологии, а также неразборчивого использования количественных методов. Все четверо принимают цели, средства, условия и нормы в качестве основных компонентов системы социального действия. Поскольку Макс Вебер дал теоретическое обоснование теории социального действия, мы вкратце коснемся концепций Парсонса и Беккера, остановившись подробнее на влиянии идей Вебера на их работы.

Говард Беккер (род. в 1899 г.). Беккер внес важный и существенный теоретический вклад в социологию. Будучи учеником Роберта Э. Парка, он расширил и разработал понятия священного и светского обществ, предложенные ранее Парком. Тимашев приписывает Беккеру важную роль в ознакомлении американских социологов с работами Зиммеля благодаря его расширенной адаптации основных трактатов Визе¹⁹. Привлекая внимание американских социологов к Зиммелю, Беккер продолжал дело, начатое Парком. Он выказывал постоянный интерес к истории общественной мысли и развитию социологической теории, написав учебники о семье и проведя исследования юношеского движения в Германии и крестьян в селах Германии. Он особенно занимался применением теории социального действия к изучению социальных изменений.

Беккер внес важный вклад в методологию, доказав полезность конструктивной типологии в социальных науках. Разделяя точку зрения Макса Вебера на идеальный тип, Беккер в то же время предупреждает, что сконструированный тип является только орудием. Он утверждает, что сконструированный тип предоставляет широкую возможность для применения важных количественных процедур и делает возможным предсказание, если условия являются точно определенными²⁰.

Теория действия Беккера использует некоторые аспекты работ Макса Вебера, Д. Г. Мида, Знанецкого и Томаса. Он адаптирует типологию средств-целей Вебера, толкование Мидом роли символа, анализ Знанецкого, ситуации действия и четыре пожелания Томаса, направленных на то, чтобы добиться анализа социального действия. Применяя теорию социального действия к общественным изменениям, Беккер сделал важный вклад, связав личность с социальной структурой. В этом случае он использует сконструированные типы священного и светского обществ и описывает противоположные типы личностей, порожденные этим обществом. Беккер избежал критики за допущенное им упрощенчество, и критика была направлена против Зиммеля благодаря тому, что он разделил священное и светское общества на подтипы и расположил их в континууме святости и светскости. Таким образом, стало возможным объяснить влияние конкретных социальных изменений благодаря увеличению святости или светскости, которые они порождают. Подтипы, разработанные Беккером, основаны на степени готовности и способности к изменению: 1) proverbially священное общество, представленное многими дописанными обществами и некоторыми сельскими коллективами на Юге; 2) prescriptively священное общество, представленное нацистской Германией или фашистской Италией; 3) принципиально-светское общество, представленное средним классом городского общества в Америке, и 4) светское

¹⁹ N. S. Timasheff, *Sociological Theory*, p. 102.

²⁰ Becker, *Through Values to Social Interpretation*, Durham, N. C., 1950, Chapt 2 and 4.

проаномическое общество, представленное современными «эмансипированными» кругами космополитических городских центров. Своим последним терминологическим изменением от «аномического» к «проаномическому» Беккер признает даже более явно, чем ранее, что имеется предел, за который не может выйти даже наиболее крайнее светское общество в отрицании норм и оставаться все же обществом.

Толкотт Парсонс (род. в 1902 г.). Вклад Парсонса в социологию был широким и значительным. В 1950 году Босков указал на несколько областей, в которые, он считал, Парсонс внес значительный вклад: разъяснение роли теории в исследованиях; структурально-функциональный метод анализа; важные понятия и определения, такие, как единица действия, функция, институт, статус и роль; анализ институтов; очерк систематической теории социологии; волюнтаристическая теория действия; анализ специфических структур и ролей (родство, занятие и профессия); анализ некоторых современных проблем (агрессия, фашизм, антисемитизм) и анализ трудов Вебера, Дюркгейма и Парето ²¹.

В своей работе Парсонс систематически подчеркивал социальное действие, анализируя его в терминах актера, ситуации, состоящей из физических, культурных и социальных объектов, и ориентации актера на ситуацию. Ориентации на мотивы и ценности служат для Парсонса основой для формулировки общественной системы, системы личности и культурной системы. Более того, Парсонс, рассматривая поведение как неизбежно включающее ориентацию на ценности, подчеркивает тем самым нормативный аспект общественной жизни²².

Труды Парсонса породили многочисленные замечания в кругах социологов и послужили основой для значительной работы его учеников. Работа одного из его ранних учеников Роберта К. Мертон справедливо рассматривается как независимое исследование. Мертон придерживается той же самой концепции науки, и, подобно Парсонсу, его теория основывается на схеме средства — цели социального действия. Но он отличается от Парсонса своими взглядами на уровень, на котором, он считает, могут быть разработаны полезные теории. В то время как усилия Парсонса были направлены на интегрированную или всеобъемлющую схему концепции, Мертон ограничил себя тем, что он называет «теориями среднего уровня», теориями, применимыми только к ограниченному ряду фактов.

Мертон разработал полезную аналитическую парадигму, в которой он четко проводит, помимо всего прочего, различие между явными и скрытыми функциями. Мы уже упоминали о его попытке дать оценку достоинствам и недостаткам, характерным для шести типов деятельности, каждый из которых иногда смешивается с социологической теорией. Мертон особенно удачно подчеркнул взаимосвязь между исследованием и теорией.

²¹ Alvin Boskoff, *The Systematic Sociology of Talcott Parsons*, SF, 28 (May, 1950), pp. 393—400.
Ср. обсуждение на стр. 132—133, 136—144 и 146—151 настоящего тома.

Положение общей социологии можно кратко описать в ее проявлениях в двух из шести типов активности, которые, как Мертон указал, часто рассматриваются как аспекты «социологической теории». Первым из них является методология. Хотя Мертон настаивает, что мы должны проводить четкое различие между социологической теорией, которая является существенной и имеет в качестве своего предмета изучения некоторые аспекты взаимодействия между людьми, и методологией или логикой процедуры, но даже он признает, что инструменты и процедуры, используемые в научных исследованиях, логически предполагают наличие субстантивных теорий²³. Это явствует из того внимания, которое уделяется методологии такими теоретиками, как Знанецкий, Макивер, Лундберг, Беккер, Парсонс и сам Мертон, а также из простого перечисления методологических проблем социологии: редукционизма, противопоставляемого *Verstehen* бихевиористской психологии, противопоставляемой социальной; различия в мнениях относительно роли измерения и статистики и роли проникновения противопоставляемого анализу внешнего поведения. Во всяком случае, если история общей социологии после первой мировой войны и обладает какой-либо последовательностью, то она в основном сосредоточивалась вокруг дебатов о методологии, причем многие проблемы все еще остаются нерешенными.

Анализ социологических понятий является социологической деятельностью, которая имеет значение для общей социологии. В одном смысле это еще одна сторона споров относительно методологии. Необходимость концептуального анализа имеет своих сторонников среди лиц, которые придерживаются таких различных точек зрения, как, например, Блумер и Лундберг. Блумер находит основной недостаток социальной теории в двусмысленном характере социологических понятий, который он определяет как «ощутительные» понятия в противовес «определятельным понятиям». Блумер проводит следующее различие: «К определятельному понятию относится именно то, что является общим для класса предметов благодаря ясному определению в терминах — атрибутах или определенных показателях... Ощутительное понятие не обладает такой спецификацией атрибутов или определенных показателей и, следовательно, не позволяет использующему его двигаться непосредственно к цели и его содержанию. Вместо этого оно дает использующему общее ощущение направления и референта в виде все постепенно приближающихся эмпирических проявлений. В то время как определятельные понятия дают предписание того, что следует видеть, ощутительные понятия просто подсказывают направление, в котором следует смотреть. Сотни наших понятий, подобно культуре, институтам, общественной структу-

²³ Merton, *Social Theory and Social Structure*, note 2, chap. 2.

ре, нравам и личности, не являются определительными понятиями, а лишь ощутительными по своей природе»²⁴.

Блумер приписывает существование ощутительных понятий в социологии не незрелости или отсутствию научной изощренности, но природе того эмпирического мира, который социологи пытаются изучить и анализировать²⁵. Он предполагает, что социологи принимают ощутительный характер социологических понятий и стремятся к их постепенному уточнению путем соответствующего изучения эмпирических фактов, к которым они относятся. Подобно Блумеру, Лундберг сокрушается о двусмысленном характере социологических понятий, но он призывает к операционному определению концепции, то есть к принятию определения, которое разрабатывается в процессе исследования²⁶. Другие считают, конечно, что упор должен делаться не на понятия, а на гипотезы и их подтверждение.

Современная тенденция в общей социологии заключается в сближении теории и эмпирических исследований, она идет к тому, чтобы превратить здоровую социальную теорию в основную базу практической работы, и к разработке такой теории и систематизации результатов фактических исследований. Говард Беккер утверждает: «Оживление социологической теории обязательно требует насыщения ее эмпирическими данными... Оживленная социологическая теория может быть создана только теми социологическими теоретиками, которые сами являются также квалифицированными эмпирическими исследователями...»²⁷

Беккер далее доказывает необходимость сосуществования аналитической индукции и индукции исчислительной, а Мертон пишет следующее: «Стереотип социального теоретика, парящего высоко в эмпиреях чистых идей, не запятнанных низкими фактами, так же быстро устаревает, как и стереотип социолога-исследователя, воору-

²⁴ Herbert Blumer, What is Wrong with Social Theory?, ASR, 19 (February, 1954), p. 7. См. также Merton, Social Theory and Social Structure, pp. 85—90.

²⁵ Другой взгляд на причины существующих недостатков социологической теории см. G. P. Murdock, Sociology and Anthropology in John G. Gillep (ed.), For Science of Social Man, New York, 1954, pp. 23—26. Автор считает, что одна из причин, почему культурная антропология обладает более единой теорией, чем социология, заключается в том, что антропологические культуроведы, изучая неамериканские культуры, уделяют основное внимание моделям поведения. Социологи же, с другой стороны, при изучении американской культуры предполагают, что им известны главные нормы культуры, и переходят к изучению нестандартного поведения и отклонения от норм. Мердок приводит и другие причины существующих недостатков социологической теории, одной из которых является то, что очень мало социологических положений получают оценку в культурном плане.

²⁶ См. о дискуссии об операционных определениях в элементарном тесте: G. A. Lundberg, C. C. Schrag and O. N. Larsen, Sociology, New York, 1954, pp. 32—35.

²⁷ Becker, Vitalizing Sociological Theory, p. 381. В этой работе Беккер также энергично требует точности языка для социологов, чем весьма пренебрегают при современной подготовке социологов.

женного анкетой и карандашом, который высунув язык гонится за изолированными и бессмысленными статистическими данными. Ибо при построении здания социологии за последнее десятилетие теоретик и эмпирик научились работать совместно. Более того, они научились разговаривать друг с другом за этим занятием. Иногда это означает только то, что социолог научился разговаривать сам с собой, поскольку все больше и больше один человек занимается и теорией и исследованием. Специализация и интеграция развиваются параллельно»²⁸.

Хотя следует признать избитый характер вышеуказанных замечаний, их повсеместное приятие социологами имеет значение само по себе, ибо социологи так же легко поддаются при исследовании социальных норм давлению группы, как и объекты их изучения. Можно ожидать, что направление общей социологии будет все больше отдаляться от индивидуума, энциклопедических усилий и великих теоретических вождей с их верными учениками и приближаться к открытию закономерностей в обществах путем исследования конкретных проявлений. Согласно Дюркгейму, этот период открытия закономерностей неизбежно предшествует теоретизированию в широком масштабе социологии. Если и когда этот период теоретизирования и наступит, история общей социологии повторится и, что весьма примечательно, в обратном направлении.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Becker Howard, *Systematic Sociology on the Basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese*, New York, John Wiley, 1932; reissued, with new preface, Gary, Indiana, Norman Paul Press, 1950.
- Becker Howard, *Through Values to Social Interpretation*, Durham, N.C., Duke University Press, 1950.
- Becker Howard, *Man in Reciprocity*, New York, Frederick A. Praeger, Inc., 1956.
- Durkheim Emile, *Division of Labour in Society*, translated by George Simpson, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1947.
- Durkheim Emile, *Elementary Forms of the Religious Life*, translated by J. W. Swain, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1947.
- Durkheim Emile, *The Rules of Sociological Method*, translated by Sarah A. Solovay and John H. Mueller, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1938.
- MacIver R. M., *Society*, New York, Farrar and Rinehart, 1937 (with C. H. Page, in a revised edition, New York, Rinehart, 1949).
- Merton R. K., *Social Theory and Social Structure*, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1949.
- Pareto Vilfredo, *Mind and Society*, translated by A. Bongiorno and Arthur Livingston, New York, Harcourt, Brace, 1935, 4 vols.

²⁸ Merton, *Social Theory and Social Structure*, p. 97.

- Parsons Talcott, *Essays in Sociological Theory, Pure and Applied*, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1949.
- Parsons Talcott, *The Social System*, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1951.
- Parsons Talcott, *The Structure of Social Action*, New York, McGraw-Hill, 1937.
- Simmel Georg, *The Sociology of Georg Simmel*, Chicago, University of Chicago Press, 1925.
- Spykman N. J., *The Social Theory of Georg Simmel*, Chicago, University of Chicago Press, 1925.
- Tonnies Ferdinand, *Fundamental Concepts in Sociology*, translated and supplemented by C. P. Loomis, New York, American Book Company, 1940.
- Weber Max, *From Max Weber, Essays in Sociology*, translated and edited by H. H. Gerth and C. Wright Mills, New York, Oxford University Press, 1946.
- Weber Max, *The Theory of Social and Economic Organization*, translated by A. M. Henderson and Talcott Parsons, New York, Oxford University Press, 1947.
- Znaniecki Florian, *Cultural Sciences*, Urbana, University of Illinois Press, 1952.
- Znaniecki Florian, *The Method of Sociology*, New York, Farrar and Rinehart, 1934.
- Znaniecki, *Social Actions*, New York, Farrar and Rinehart, 1936.

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Уильям Л. Колб

История любого социологического понятия, относящегося к современной систематической теории, требует тщательного отбора фактов. Конечно, историк неизбежно подвергается риску обнаружить порядок там, где такового не существует, или навязать *свой собственный порядок* там, где имеется нечто весьма отличающееся от того, что он предполагает. Тем не менее такой риск неизбежен. Без периодического пересмотра сложившихся понятий какой-либо дисциплины существующий порядок в теории может исчезнуть и теоретики будут все время совершать, а затем вновь обнаруживать те ошибки, которые уже были совершены и обнаружены неоднократно в прошлом. Но историки социологии не должны быть антикварами.

Центр теории ценностей: область нормативного

К счастью, в американской социологической теории имеется точный стандарт отбора при рассмотрении современной истории понятия ценности. Почти все написанное о ценностях, представляющее интерес для социолога, относится к природе и функции нормативных правил и основных нормативных убеждений в анализе социального порядка, социальной интеграции и социальных изменений. Реалист и номиналист, волюнтарист и позитивист, историк-теоретик и функциональный теоретик — все имеют дело с нормами и ценностями или в качестве способов объяснения, или же в качестве вещей, требующих объяснения. Это отнесение понятия ценностей к области нормативного явилось сплачивающей силой, объединяющей целый ряд противоречивых определений и объяснений природы и функций ценностей. Более того, оно явилось центроостремительной силой, все больше приближающей определение и объяснение к *отождествлению* ценностей с нормами и нормативными убеждениями и постепенно приведшей к единству мнений относительно функционального значения, приписываемого таким нормативным элементам. Исходя из этой основной тенденции, можно различить какой-то порядок и установить ясность в этом хаосе понятий.

РАЗВИТИЕ И УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЦЕННОСТИ В ПЕРИОД ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Теория ценностей в работе «Польский крестьянин в Европе и Америке»

В 1918 году был опубликован первый том исследования, которому суждено было стать плодотворным источником теории и метода в социологии на протяжении многих лет. Это был труд «Польский крестьянин в Европе и Америке» Томаса и Знанецкого¹. В «методическом примечании» к первому тому дается первый систематический обзор понятия ценностей в американской социологической литературе. Ценности определяются авторами в связи с психологическим понятием *установки* (attitude) и в противопоставлении с ним. Для авторов ценностью является *любой предмет*, обладающий поддающимся определению содержанием и значением для членов какой-либо социальной группы. Установки являются субъективной ориентацией членов группы по отношению к ценностям².

Их определение ценности и установки явилось, однако, лишь отправным пунктом для развития социальной теории, ибо они были заинтересованы в специфическом явлении, которое «за последние пятьдесят лет... составляло центральную область интересов различных исследований, называемых *социологией*». В центре внимания были «более или менее ясные и формальные *правила* поведения, при помощи которых группа старается удержать, регулировать, а также сделать более общими и более частыми соответствующие виды действий ее членов». Эти правила являются ценностями, и именно теми ценностями, в которых в первую очередь заинтересован социолог.

Ясно, что эти нормативные элементы общественной жизни являются ценностями для Томаса и Знанецкого не потому, что они нормативны, а потому, что они являются данными человеческого опыта, обладающими содержанием, поддающимся определению и обладающими значением для человеческой группы. Как бы то ни было, для социолога такие *правила* являются наиболее важными ценностями, и авторы книги «Польский крестьянин в Европе и Америке» строят свою теорию общественной организации скорее на *пра-*

¹ W. I. Thomas and Florian Znaniecki, *The Polish Peasant in Europe and America*, Boston, 1918—1920, 5 vol. Об участии Знанецкого в этой работе см. H. O. W. a r d B e c k e r and H. E. B a r n e s, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, 1952, pp. 1075—1077.

² W. I. Thomas and Florian Znaniecki, *op. cit.*, vol. 1, pp. 21—22. Томас и Знанецкий признают существование индивидуальных ценностей наряду с общественными ценностями, но они интересуются в первую очередь последними.

вилах, чем на ценностях вообще³. От определения ценностей как предметов, обладающих значением для субъектов с подчеркиванием правил в качестве ценностей, важных для социологов, произошло постепенное изменение понятий ценности для социологов так, что элемент *нормативности*, характерный для правил, превратился скорее в критерий определения, чем в элемент *объективности*. При обосновании развития этого понятия необходимо в целях ясности использовать слово «ценность» для обозначения этого нормативного элемента и отказаться от определения, данного Томасом и Знанецким. Слово «предмет» будет использовано для обозначения важных элементов общественной жизни, по отношению к которым члены социальной группы проявляют свою установку, поскольку этот термин подразумевает существование ориентированного субъекта или субъектов. (См. гл. 6 о другой трактовке «ценности», схожей с трактовкой Томаса и Знанецкого.)

Ценности в качестве элементов ориентации и объектов ориентации. Хотя определение ценности, рассматривающее социальные правила как ценности, потому что они являются нормативами, а не потому, что они являются объектами интереса, и отходит от определения, данного Томасом и Знанецким, необходимо помнить, что для них правила были объектами, а не элементами ориентации актеров. Вопрос о том, являются ли ценности *объектами* ориентации или ее *элементами*, преследовал историю этого понятия с момента опубликования работы «Польский крестьянин в Европе и Америке», ибо аргументы, при помощи которых Томас и Знанецкий проводят различие между установкой и объектом, а затем используют это различие для установления объективного статуса социальных правил, обладают недостатками. Трудность заключается в том, что это различие не выдерживает критики, когда оно применяется к правилам.

На первый взгляд аргумент вполне убедительный. Каждая социальная группа обладает системой правил, которые выступают в опыте членов группы как объекты. Эти объекты порождают установки. Одно правило может породить много установок, и одна установка может проявляться в отношении многих правил. Так, например, конкретная норма, такая, как «мужья должны любить своих жен и должны выражать свою любовь поступками, доказывающими это чувство», может породить установку уважения, обиды, конформизма и т. д., и, наоборот, установка уважения может быть проявлена ко всему комплексу правил социальной группы.

Общественные правила, однако, не только порождают установки, согласно Томасу и Знанецкому, они также их выражают. Их можно рассматривать как показатели того, что предполагаемая установка существует, потому что она проявляется соответствующим

³ W. I. Thomas and Florian Znaniecki, op. cit., vol. I, pp. 32—33.

щим действием и разделяется теми, кто соблюдает это правило. Вопрос, который немедленно возникает при рассмотрении любого конкретного правила, такого, как, например, относительно мужей и жен, — это вопрос о природе и содержании выраженной установки. Какая общая установка, проявляемая в соответствующих действиях, обозначается нормой «все мужья должны любить своих жен и выражать эту любовь частым проявлением чувства»? Таковыми не могут быть установки уважения, обиды или конформизма, поскольку они порождаются правилами и явно невозможно, чтобы правило возникло как проявление обобщенных установок, которые оно вызывает, поскольку его способность вызывать их зависит от его предыдущего существования.

Вторая возможность, к которой склоняются Томас и Знанецкий, заключается в том, что правило выражает ту же самую центральную ненормативную установку, которая, вероятно, выражается соответствующим действием, в данном случае тенденцией со стороны мужей любить своих жен и выражать эту любовь соответствующими действиями. Эта возможность является более сложной, чем первая, и от нее нельзя так легко отмахнуться. Многие мужья, которые соглашались с правилом любви и проявления любви и принимают его, действительно любят своих жен и обладают ненормативной тенденцией выражать эту любовь. Эта установка была, вероятно, фактором, способствующим созданию правила, и является основой его сохранения и мотивом для следования ему. Исследования, однако, показывают, что не все те, кто соглашались с этим правилом, разделяют эту установку, следовательно, она не может быть таковой, как это было указано. Существуют жены, которые принимают это правило и проявляют установку ожидания действий, выражающих это чувство; имеются неженатые мужчины и незамужние женщины, которые ожидают, что другие будут действовать согласно этому правилу, а также мужья, которые не любят своих жен, но полагают, что им следует это делать, и которые пытаются производить соответствующие действия, иначе они чувствуют себя виновными. Все эти люди, а также мужья, которые действительно любят своих жен, согласно Томасу и Знанецкому, обладают этой тенденцией, но это не может быть тенденция любить и ее выражения.

Во всей теории, предлагаемой Томасом и Знанецким, нет возможности обнаружить вышеуказанную установку, потому что для них правила являются объектом и только объектом. Однако при отказе от этого ограничения возможно представить себе правило не только в качестве объекта, но также и в качестве элемента нормативной ориентации, нормативной установки, помещенного в пределах структуры личности. В этом случае обнаруживаются новые возможности для исследования. Таким образом, в данном примере правило будет существовать как элемент ориентации, поскольку оно является тенденцией со стороны актера чувствовать и полагать, что мужья должны любить своих жен и выражать свою любовь соответствующими поступками. Эта нормативная установка, проявляе-

мая в отношении собственного я, может укрепить ненормативную тенденцию предпринимать соответствующие действия, а также породить тенденцию предпринимать соответствующие действия или же вызвать чувство виновности при невыполнении действия в предписанной форме. Актер, ориентирующийся на него, может судить о действии других или соответственно ожидать действия с их стороны. При таком подходе ценности существуют *одновременно* как объекты и установки, ибо в применении этого подхода в исследовании системы социального взаимодействия нужно проследить оба аспекта, если хочешь понять место и функцию ценностей в данной системе.

Ценности как установки

После опубликования работы «Польский крестьянин в Европе и Америке» последовал период значительного развития теории, особенно у социологов Чикагского университета. Формулировка новых основных понятий развивалась быстрыми темпами, так же как и исследование и переформулирование старых. В этом сыграло важную роль развитие понятия ценности, поскольку постоянно уделялось внимание той роли, которую системы нормативных правил и моральных идеалов играют в общественной жизни. Однако это внимание было непостоянно соответственно тому, интересовались ли теоретики теорией общественной организации или теорией личности и общественного порядка. В таких областях, как человеческая экология, теория урбанизма, или общая теория общественной организации, основная объективная концепция ценностей в качестве руководящих и интегрирующих правил остается неизменной, и эта концепция связывалась с новыми идеями процесса непосредственных изменений, дезорганизации и урбанизации⁴.

С другой стороны, для социальных психологов, пытающихся разъяснить отношения личности к обществу и проблему о том, являются ли действия человека заученными или инстинктивными, понятие ценности явилось вызовом и удобной возможностью, при условии что его можно было бы концептуализировать в качестве элемента личности. В своем понятии социальной установки Томас и Знанецкий дали основу для таких концептуализирующих ценностей, хотя они и не пользовались этим понятием для этой цели. Для социального психолога в десятилетие, последовавшее после первой мировой войны, для того чтобы использовать это понятие, нужно было сперва перенести упор с социальных установок, вызываемых объективными ценностями, к тем социальным установкам, которые в них выражались. Большой заслугой теоретиков социальной психологии этого периода было то, что они поняли, что некоторые из социальных установок личности были субъективным аспектом объ-

⁴ См., например, R. E. Park, E. W. Burgess and R. D. McKenzie (eds.), *The City*, Chicago, 1925 и E. W. Burgess (ed.), *The Urban Community*, Chicago, 1926.

активных ценностей и что интернализация этих ценностей являлась функцией процесса социализации внутри человеческой группы.

Вклад Фэриса и Мида. Эллсуорт Фэрис и Джордж Герберт Мид были двумя наиболее важными фигурами, которые ввели и разработали эту новую концептуализацию ценностей как элементов личности. Трудно переоценить значение очерков, которые Фэрис написал в это время. Два из них особенно важны для наших целей — это «Социальные установки» («Social Attitudes») и «Понятие социальных установок» («The Concept of Social Attitudes»)⁵. В них заключается переход от рассмотрения норм как ситуационных элементов для всех актеров социальной группы к их рассмотрению как социальных установок.

Имеются два важных теоретических аспекта этого перехода. Первый из них делает возможным рассматривать ценности как обладающие и объективным аспектом, в направлении которого актеры как индивидуально, так и коллективно могут ориентировать свои установки и действия, и установочным (attitudinal) аспектом, являющимся элементом ориентации. Другими словами, социальные установки являются частично субъективным отражением социальных правил, которыми, как это подчеркивали Томас и Знанецкий, должна в первую очередь интересоваться социология.

Если бы социальные психологи занялись этим, можно было бы избежать значительного количества трудностей в понятии ценности. Но Фэрис идет дальше: не только имеются индивидуальные установки, но имеются также групповые установки, которые тоже являются социальными. Групповые установки — «это коллективные явления, которые не представляют собой простой суммы индивидуальных установок». Старое противопоставление ценностей как объектов ориентации элементам ориентации заменяется противопоставлением коллективных установок как «объективной культуры», несколько дифференцированной «субъективной» установкой отдельной личности, им соответствующей. «Групповые установки отбираются в индивидууме; общественное мнение отражается в индивидуальном мнении, и личность является субъективным аспектом культуры»⁶.

Если Фэрис был выдающимся защитником ценностей как установок, Мид был теоретиком, который сформулировал принципы, согласно которым нормативные установки стали центром человеческой личности⁷. Согласно Миду, в процессе создания я имеются две ступени. На первой ступени я «...состоит просто из организации конкретных установок других индивидуумов по отношению к нему и друг к другу в конкретных социальных действиях, в которых они совместно участвуют». На второй стадии я «...является не только

⁵ Статьи Фэриса собраны в работе «Сущность человеческой природы» («The Nature of Human Nature», New York, 1937, pp. 127—131, 132—143).

⁶ Там же, стр. 135.

⁷ Лекции Мида опубликованы в работе «Разум, я и общество» («Mind, Self and Society», Chicago, 1934).

организацией этих частных индивидуальных взглядов, но также организацией социализированных установок обобщенной или социальной группы как целого». Социальные установки, входящие во вторую стадию, охватывают все от частных нормативных установок в отношении конкретных действий в конкретных типах ситуаций до общих нормативных установок основной ориентации, составляющих общественный характер личности. Эти установки являются принципами данного лица и признанными общими ценностными ориентациями членов коллектива в отношении мира, самих себя и их общего дела⁸.

В теоретической системе Мида нет ничего, что мешало бы актеру воспринимать эти нормативные установки как объекты ориентации и реагирования. Фактически это обеспечивается всей динамикой системы. Это особенно ясно из разговоров, которые актер ведет сам с собой, обдумывая возможные действия. Если, например, человек подвергается искушению украсть, он, вероятно, вызовет в себе, если он достаточно социализирован, нормативную установку, осуждающую воровство. Мид подчеркивает, что в подобном случае человек становится на точку зрения другого по отношению к себе, но также правильно и то, что человек реагирует на свою собственную нормативную реакцию и, следовательно, ориентируется на нее как на объект.

Трудности, возникающие при переоценке установок. Тут, однако, понятие общественной установки ведет к трудностям в области социальной психологии. Из-за придания большего значения объективным аспектам ценностей, чем установочным аспектам, и благодаря настаиванию на том, что ценности являются установками, и пренебрежении тем, что они являются чем-то *большим*, чем установки, невольно возникает подозрение, что актеры, воспринимающие эти установки как объекты, все еще продолжают концептуализировать их как свои собственные установки или установки других. Точка зрения актера в этом отношении считается тождественной точке зрения научного наблюдателя.

Эта уязвимость не сразу заметна в работах самого Мида, но она проявляется в социально-психологической теории сознания, моральных нормах и социальных правилах, разработанных позже. Правда, в сочинении «Разум, я и общество» нет тщательного обсуждения ценностей в их объективных аспектах, они рассматриваются лишь как установки, на которые реагирует актер, но это скорее вопрос подчеркивания и контекста, а не прямого отрицания в теории, что такие взгляды существуют. Мид писал в момент, когда понятие нравов стояло еще в центре внимания всех, кто писал о социологической теории. В этом аспекте Мид предлагал социально-психологическую теорию общественных установок и их интернализации. Эта теория явилась противовесом теории общественной организации, подчеркивающей объективный характер нравов и институтов. Тем

⁸ «Mind, Self and Society», p. 162.

не менее определение Фэриса и пренебрежение объективными аспектами ценностей, не имеющими установочного характера, со стороны Мида привели к отрицанию этих аспектов позднейшими авторами. Таким образом, образовался все увеличивающийся разрыв между социологической теорией нравов и социально-психологической теорией общественных установок.

Все это еще усугублялось тем фактором, что социологическая теория нравов не развивалась, но застыла, в то время как теория социальной психологии быстро развивалась. Даже в 1933 году теория ценностей как объективных нравов была, по существу, такой же, как в 1907 году, когда была опубликована работа «Народные обычаи» Самнера. Это была эволюционная бихевиористская теория, позволявшая теоретикам рассматривать обычаи и нравы в качестве *иррациональных* элементов общественной жизни, которые необходимы на примитивных стадиях человеческого развития, но которые постепенно замещались рационально достигнутыми и принятыми правилами в век более научный. С этой точки зрения народные обычаи являются адаптивными видами поведения, которые со временем постепенно меняются одновременно с изменениями условий жизни общества. Нравы возникают, когда общество стоит перед выбором и должно решать, какие виды поведения необходимы для благосостояния и сохранения общества. Разрабатываются правила поведения, поддерживаемые санкциями, рассматриваемыми актерами как реальные, или, следовательно, вызывающие уважение и почтение. Такие правила также подкрепляются религиозными убеждениями, которые, по существу, иррациональны по своей природе и отомрут, когда человек будет знать больше о самом себе. Если на место медленно приобретенных обычаев человек поставит научные знания, то нравы и религия могут быть заменены рационально выработанными правилами, понимаемыми как проявление общих установок⁹. Таким образом, теория нравов не являлась в действительности крупным препятствием прогрессу социальной психологии.

Тенденцию считать, что люди, рассматривающие ценности объективно, видят в них согласованные и общие установки, а не реальности, выходящие за пределы установок, можно легко обнаружить в том, как дискуссия социальных психологов о возникновении «обобщенного другого» сопровождалась дискуссией о книге Пиаже «Моральное суждение ребенка» («The Moral Judgement of the Child»). Линдсмит и Штраус, например, сопровождают свое изложение «обобщенного другого» описанием данных Пиаже. На основании того, что юный женевец является «моральным реалистом» до пятилетнего возраста и что после этого ребенок «...понимает, что моральные предписания не являются объективной реальностью, но отражают

⁹ Ср. Kingsley Davis, *Human Society*, New York, 1949, pp. 510—518, где дается описание теории религии с вышеупомянутым рационалистическим предрассудком.

групповые ценности», они заключают, что «Пиаже в *общем* показал, что представления ребенка о моральных правилах идут от убеждения, что эти правила абсолютны, к знанию того, что они согласованы»¹⁰.

Самое удивительное в этих словах то, что Линдсмит и Штраус не видят, что здесь ставится проблема в свете теории нравов. Если мы что-нибудь и знаем из общественной истории, так это то, что почти на протяжении всего существования человечества люди рассматривали моральные ценности и нравы как нечто реальное. Если, то, что говорит Пиаже о женевских детях, является истинным, тогда источник их концепции как представителей швейцарской или современной западной культуры является проблемой, все еще требующей своего разрешения.

Ценность как излишнее понятие

Несмотря на недостатки понятия ценностей у социальных психологов, это понятие все еще остается для них основной идеей, важной для понимания поступков людей. Для другой группы социологов-позитивистов, или, как они иногда предпочитают называть себя, естественников-социологов, это понятие имеет небольшое значение или вовсе его лишено. Действительно, они рассматривают его как название некоторых установившихся отношений между непосредственно наблюдаемыми явлениями, которые ничего не добавляют к объяснению этих отношений, или же они рассматривают его как еще одну из воображаемых сущностей, созданных социологами благодаря чудовищному хаосу и невежественности в их научных методах. Наиболее полное выражение этой точки зрения можно найти в одной из последних работ Адлера, хотя эта точка зрения возникла уже в конце двадцатых и начале тридцатых годов¹¹.

Основную часть критики Адлер начинает со следующего обвинения: «Социологам-интерпретаторам понятие ценности нужно для специальной цели, то есть они хотят в умственном поведении людей открыть сущности, при помощи которых они могут «объяснять и понимать», а не просто «описывать» поведение... Это ощущение квазиэстетического удовлетворения является конечной целью интерпретативной социологии. В этом она отличается от социологии естествознания, которая видит свою главную цель в предсказании и не ищет эмоционального удовлетворения ради него самого»¹².

Это обвинение оправданно. Без больших трудностей можно доказать, что большинство социологов-интерпретаторов действительно полагают, что люди обладают мыслями, стремлениями, эмоциями.

¹⁰ A. R. Lindesmith and A. L. Strauss, *Social Psychology*, 2nd ed., New York, 1956, p. 399 (курсив автора). См. также Muzaffer Sherif, *An Outline of Social Psychology*, New York, 1948, pp. 258—259.

¹¹ Franz Adler, *The Value Concept in Sociology* (unpublished paper presented at the annual meeting of the «Southwestern Sociological Society», April, 1954).

¹² Там же, стр. 16.

Они склонны рассматривать все человеческие действия, внутренние и внешние, как нечто более важное, чем непосредственно наблюдаемые аспекты действия, и они искренне желают понять возможно больше человеческого опыта. *Однако эти намерения отнюдь не обязательно означают слабоумие.* Основной целью социолога-интерпретатора может быть объяснение и понимание, но он так же хорошо, как и позитивист, знает, что одним из главных доказательств правильности объяснения является успешное предсказание. Различие в этом случае состоит в подчеркивании, а не в способе подтверждения в конечном счете того или иного научного понятия. Это так же справедливо и в отношении понятия ценности. Социолог-интерпретатор согласен принять или отвергнуть концепцию, судя по тому, помогает ли она объяснить и понять общественное действие, и доказательство этого заключается в том, что некоторые предсказания, доступные проверке относительно действия, могут быть сделаны при помощи действия и не могут при его отсутствии.

Согласно Адлеру, это положение является ложным. Ценности являются подытоживающими обобщениями относительно некоторых действий, доступных наблюдению и происходящих при известных наблюдаемых условиях; в этом случае они не объясняют, но могут быть использованы для целей предсказания (если можно найти наблюдаемое условие для данного частного случая то можно предсказать будущие действия), или же они являются воображаемыми сущностями, которые только препятствуют поискам условий, при которых происходит общественное явление.

Согласно Адлеру, ошибка социолога-интерпретатора заключается в убеждении, что обобщенный принцип добавляет нечто к объяснению отношения между ситуацией и действием, в котором воплощается принцип. Фактически, продолжает Адлер, принцип просто подытоживает отношения между условием и действием, которые существуют в каждом отдельном случае. Но недостаток анализа Адлера заключается в том, что фактически социолог-интерпретатор не использует понятия ценности таким образом. Если ему встречается ряд исследований коллектива, в которых исследователь пытается описать посещение людьми церкви, он, вероятно, благодаря включению в понятие ценности своих теоретических построений припишет членам коллектива некую ценность вроде следующей: «Люди должны ходить в церковь по воскресеньям». Он, вероятно, полагает, что то, что матери говорят своим сыновьям о необходимости ходить в церковь, является проявлением этой ценности; что люди ощущают эту ценность, так же как объект находит свое выражение в заявлениях и действиях священнослужителей и банкиров, и что они разделяют эту ценность как динамический взгляд, они осознают, что они обладают этой ценностью, и приписывают ей трансцендентальную реальность, как божьей заповеди. Он полагает, что он может наблюдать эту ценность в словах и открытых действиях людей, взаимодействующих друг с другом, и он

может считать ее ненаблюдаемым элементом ориентации и объектом опыта в тех внутренних разговорах, которые каждое лицо ведет само с собой. Таким образом, независимо от того, прав он или нет в своих наблюдениях или выводах, он не просто пользуется описательным обобщением непосредственно наблюдаемых данных как упущенностью.

Возрождение понятия ценности: Знанецкий

Несмотря на позицию позитивистов, понятие ценности остается основным в американской социологической мысли. В середине тридцатых годов оно продолжало быть связанным в своем объективном аспекте с понятием нравов в том виде, как оно было сформулировано Самлером. В своих *субъективных* аспектах оно стало элементом новой социальной психологии, в которой, как мы видели, оно имеет тенденцию отделяться от своего собственного объективного характера в качестве реальности, выходящей за пределы взглядов. Однако до истечения этого десятилетия было суждено возникнуть новой и в то же время старой концепции ценности, которая вновь объединила объективный и взглядовый аспекты этого понятия и сделала его основным понятием социологической теории.

Возрождение понятия ценности во всех своих аспектах, как динамического, установленного непостоянного и как объекта ориентации, не порождено американской социальной психологией: оно скорее возникло из мышления тех теоретиков, которые рассматривали ценности в первую очередь как объекты переживаний актера. Одним из результатов этого было то, что социологическая теория ценностей все еще не в полной мере использует возможности социальной психологии. Обратите внимание на то, что один из двух авторов, которые в основном способствовали развитию систематической теории ценностей, Знанецкий, отрицал значение для социологии теории личности как организованной системы взглядов и действий, а другой, Парсонс, объединил социологическую теорию ценностей с психологической теорией, но, вместо того чтобы черпать из символически-интеракционистской традиции Мида и Фэриса, искал убеждения у Фрейда. Обращаясь вначале к Знанецкому, мы видим, что он исходит из тех же самых основных понятий, которые использовали Фэрис и Мид, когда закладывали основы современной социальной психологии, а именно установок и действий¹³.

¹³ См. следующие работы Знанецкого: «Метод социологии» («The method of Sociology», New York), «Социальные действия» («Social Actions», (New York, 1956) и «Науки о культуре» («Cultural Sciences», Urbana, 1952). Изложение теории Знанецкого, данное ниже, взято из последней книги, поскольку она представляет наиболее полное изложение его позиции. Нужно помнить, однако, что Знанецкий применяет термин «ценность» к любому значимому объекту; так, он считает свою теорию теорией норм и стандартов, а не теорией ценностей. Для единства терминологии термин «объект» будет использован в этой книге вместо его термина «ценность», а термин «ценность» будет обозначать понятие ценности. См. в гл. 6 использование терминологии, сходное с тем, как ею пользуется Знанецкий.

Благодаря тому, что Знанецкий пользуется понятием данных культуры, которые всегда относятся к объектам переживания актера, объекты, которые должны всегда восприниматься ученым-наблюдателем в том виде, в каком они выступают для актера, он придает меньше значения взглядам как динамическим компонентам ориентации актера и большее значение — содержанию опыта агента. При этом исчезает личность актера, как динамическая система мотивации. Все, что остается на ориентационной стороне уравнения, — это сознательный агент, все остальное относится к объекту, включая образ личности и идеологические установки, организованные в системы правил и норм.

Установки как ситуационные определения. Знанецкий полагает, что простые установки, такие, как волевые, аффективные и познавательные элементы личности, бесполезны, когда пытаются сделать обобщение, относящееся к действиям человека. «Если нужно сохранить понятие установки в смысле «установки агента», оно должно быть использовано одновременно с понятием «определение ситуации агентом». Определение ситуации — это процесс, а также результат размышлений агента. Эта организация простых психологических установок, следовательно, и является сложным психологическим явлением. Это также культурное явление, поскольку ситуация, согласно определению, данному выше, включает данные всего человеческого общества; выбор и оценка актером этих данных может также разделяться другими¹⁴.

Один тип определения ситуации является результатом размышлений актера, находящегося в реальной ситуации. Это неотъемлемая часть действия актера, выступающего в данной ситуации. Знанецкий называет эти определения «реалистическими установками». Второй тип определения ситуации состоит в том, что он выражается актерами вербально, когда они не выступают в ситуации, к которой он относится. Ситуация в этом случае не является реальной, а ретроспективной или перспективной, или она даже может быть ситуацией другого агента, действительной или воображаемой. Сложные установки, составляющие эти определения, являются социальными, а также культурными и психологическими, поскольку они выражаются в коммуникации, являющейся общественным процессом. Они культурны, поскольку используемые словесные символы являются продуктами культуры, а выражаемые оценки могут разделяться другими агентами. Они имеют психологическое значение, поскольку выражаемое определение является отражением идей, чувств и желаний агента. Тем не менее эти явления не аналогичны первому типу определений, описанному выше: «Установка, проявляемая агентом во время его действия, и установка автора в словесном заявлении — это совершенно отличные явления». Первая может изучаться только на действиях агента данной ситуации, в то время как вторая может изучаться в своей словесной форме, а имен-

¹⁴ Z p a n i e c k i, Cultural Sciences, pp. 238—240, 242—248.

но это и есть установки, которые люди выражают, общаясь друг с другом. Определения второго типа называются «идеациональными» установками, поскольку они воздействуют непосредственно не на действия, к которым они относятся, а на мышление об этих действиях и поскольку они могут входить в опыт тех, кто никогда их не применяет¹⁵.

Знанецкий называет те идейные установки, которые включают стандарты, нормы суждения об объектах и нормы руководства действием, «идеологическими моделями установок», иначе говоря, эти идейные установки являются примерами правильного мышления относительно тех ситуаций, к которым они относятся. Они должны приниматься не только теми, кто находится в ситуациях, с которыми они связаны, но также и всеми членами социальной группы. Принятие этих моделей может считаться более важным, чем действительное следование им при действии, и они могут приниматься людьми, которые фактически не следуют им и не собираются следовать. Тем не менее многие люди пытаются действительно следовать им в своих действиях, а действия в согласии с ними составляют «реалистические модели действия». Эти действия сливаются с другими действиями благодаря следованию объединенным системам идеологических моделей и установок: таким образом, действия взаимно помогают друг другу и не являются противоречивыми. Этот принцип организации, который Знанецкий называет «принципом функциональной взаимозависимости», делает возможным существование систем действия¹⁶.

Критика понятия «определение ситуации». Имеется несколько слабых мест в доводах Знанецкого. Почти все они являются результатом того, что он преуменьшает значение психологического аспекта установок и воспринимает все социальные и культурные явления в том виде, как их переживает актер. Эти слабые места можно разбить на две группы: первая относится к определениям ситуации, а вторая — к проблемам конформизма.

Нужно помнить, что Знанецкий считает установку «определение ситуации» психико-культурным явлением. Это — психологическое явление, поскольку оно содержит элементы аффективности, воли и познавательности. Это — явление культурное в том смысле, что объекты ориентации являются данными, общими для всего человеческого опыта, и они могут разделяться другими актерами, согласно тому, как их организует актер. Это, конечно, культурное явление только в одном смысле данного термина, но отнюдь не в том смысле, что оно существует первично, как объект в опыте актера. Его первичное существование — это организованная ориентация актера на ситуацию, ориентация, которая отнюдь не обязательно возникает в сознании актера. Другими словами, это в первую очередь система волевых познавательных, аффективных и оценоч-

¹⁵ Z n a n i e c k i, Cultural Sciences, pp. 248—260.

¹⁶ Там же, стр. 268—270, 310—311.

ных элементов, через которые актер ориентируется на ситуацию. Вышеопределенная ситуация не является определением ситуации. Если актер реагирует на свое определение ситуации как именно на определение, тогда оно становится объектом его опыта, но не раньше. Следовательно, его нельзя брать исключительно в том виде, в каком оно выступает в опыте актера, оно должно также восприниматься в своем динамическом, психологическом аспекте, так как его наблюдает и толкует ученый-наблюдатель.

В чем значение подхода к реалистическому определению ситуации актером как к элементу ориентации установок в структуре личности актера, а не как к объекту его опыта? По существу, оно заключается в том, что актер может вступить в ситуацию с уже сформулированным определением ситуации. Знанецкий отрицает это, утверждая, что реалистическое определение ситуации возникает только тогда, когда человек размышляет о ситуации, и что она может быть исследована только как один из элементов действия. Чтобы защитить свою позицию, ему приходится признать, что люди могут действовать, *не* определяя ситуации¹⁷. Это может быть правильно в том смысле, что иногда отсутствует размышление, но не будет ли более разумным предполагать, что актер вступает в ситуацию с уже существующим определением? Тогда он может действовать, не размышляя, или, наоборот, если опыт противоречит его определению, он может размышлять и сформулировать новое определение. Если он сформулирует новое определение, процесс создания нового определения может устранить некоторые из существующих элементов установок, породить новые и реорганизовать целое, но, несомненно, некоторые из элементов первоначального определения будут все еще присутствовать в новом. Если это правильно, тогда, может быть, возможно сделать некоторые выводы относительно определения, с которым актер вошел в ситуацию. Затем, наблюдая ситуацию так, как она выглядит для научного наблюдателя, вероятно, можно прийти к выводам относительно того, в каком направлении актер склонен дать новое определение ситуации, а отсюда к тому, какими, вероятно, будут его действия.

В качестве последнего критического замечания о трактовке Знанецким определения ситуаций как организованных установок мы можем сказать, что то, что правильно относительно идейных установок вообще, должно быть правильным и в отношении идеологических моделей установок. Актер слышал выражение этих нормативных установок и выражал их сам. Эти модели существуют как объекты его опыта, требующие в качестве реакции уважения и обязательного им следования, именно благодаря их *действительности*. Социальные психологи склонны пренебрегать этим важным аспектом ценностей. Однако также правильно, что эти нормы являются частью системы идейных установок актера и, если они являются идейными установками, они могут стать элементами реалистиче-

¹⁷ Z n a n i e c k i, Cultural Sciences, p. 243.

ского сложного определения ситуации в момент действия. Когда актер вступает в ситуацию, к которой относятся эти ценности, он приступает к определению ситуации через них. Противоречащие определения, которые уже имеются налицо или которые вводятся противоречивыми элементами в ситуации, могут вызвать размышление, в котором ситуация заново определяется.

Ограничения теории конформизма. Рассмотрим теперь теорию конформизма Знанецкого. Конформизм он объясняет, по существу, как нормативные правила, составленные заранее, с тем чтобы достичь сознательных целей, объединяя действия членов группы. Люди должны следовать этим правилам потому, что это единственный путь для достижения поставленных целей. Этот вывод Знанецкого диктуется тем, что он рассматривает систему норм только как *объекты* опыта актера и в то же время настаивает, что в социологической теории причины конформизма и требования конформизма должны браться так, как они выступают в опыте актера¹⁸. Даже в этом плане его объяснение конформизма не адекватно, поскольку оно подразумевает чисто инструментальное основание (эффективность) ценности норм, приобретенной в опыте. В то время как во многих реальных случаях, особенно в случае высших моральных норм, норма требует повиновения не как средство достижения цели, а повиновения ради него самого.

Более того, теория эта inadequate, поскольку она пренебрегает *установочным* и *функциональным* основаниями для конформизма. Норма может оказывать сильное влияние в пользу конформизма сама по себе благодаря тому, что она существует как динамическая установка. Она может быть таким доминирующим элементом в определении ситуации, что актер может ей следовать без всякого размышления. Конформизм может быть, далее, подкреплен другими, несознательными функциональными потребностями актера, получающими свое удовлетворение благодаря конформизму. Актер не обязательно должен осознавать свое желание, чтобы его одобрили другие или чтобы его одобрила его собственная совесть, но тем не менее это важные мотивы в пользу конформизма.

Несмотря на эту критику, теория ценностей Знанецкого остается одним из двух главных вкладов в систему современной социологической теории ценностей. Он настаивает на том, чтобы рассматривать нормы как объекты опыта, и это имеет свои недостатки, но его взгляды способствовали сохранению в центре внимания того факта, что ценности являются не только установками, но и *объектами*.

Возрождение понятия ценности: Дюркгейм

Постоянно публикуемые работы Знанецкого, значение роли понятия нравов в социологических текстах и теория интернализации норм социальных психологов свидетельствуют о том, что в тридцатых годах придавали важное значение понятию ценностей. Одна-

¹⁸ Z n a n i e c k i, Cultural Sciences, pp. 310—311.

ко требовалось нечто большее, чтобы уяснить установочный и ситуационный аспекты ценностей и придать им то доминирующее положение в социологической теории, которое они сейчас занимают. Это было достигнуто благодаря возвращению части американских социальных теоретиков к европейским истокам американской теории, к переоценке, при помощи которой пытались открыть у таких теоретиков, как Вебер и Дюркгейм, соответствующие идеи, которые остались незамеченными и могли бы помочь осветить современные теоретические проблемы заново. Это возвращение имело место в тридцатых годах и было связано с большим количеством теоретических и методологических понятий¹⁹. Мы, однако, особенно заинтересованы понятием ценности и его двойной природой, как элемента и объекта ориентации. В отношении этой проблемы самым выдающимся предшественником будет, по-видимому, Дюркгейм, а Толкотт Парсонс — тем человеком, который, вероятно, энергичнее всего призывал обратить на нее большее внимание²⁰.

Коллективное сознание и разделение труда. Согласно Парсонсу, Дюркгейм постоянно интересовался нормативными аспектами общественной жизни²¹. В его понятии *conscience collective* содержится идея о разделяемых убеждениях и основных ценностях, но это понятие используется при описании недифференцированного общества механической солидарности. В обществе, обладающем органической солидарностью вследствие развития сложного разделения труда, источник обязательных правил обнаруживается в привычном образе действия²². Так, в книге «О разделении общественного труда» Дюркгейм делает шаг вперед по сравнению с утилитаристами, признавая необходимость системы норм для упорядочения разделения труда, но он мало или почти ничего не говорит относительно природы этих правил в опыте актера и совершенно не может объяснить их обязательный характер.

¹⁹ См., например, Becker and Barnes, op. cit., vol. 1, pp. 743—790 (в основном Беккера; см. оглавление).

²⁰ Talcott Parsons, *The Structure of Social Action*, New York, 1937, pp. 301—470.

²¹ О других взглядах см. Émile Benoît-Smullyan, *The Sociology of Emile Durkheim and His School*, in H. E. Barnes, *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, 1948, pp. 499—537. Толкование Дюркгейма Бенуа-Смุลльяном больше подчеркивает социальный реализм Дюркгейма, чем его описания нормативных элементов человеческого поведения. Следует также отметить замечание Беккера по поводу важной роли Дюркгейма в борьбе клерикализма и лаицизма во Франции («clericalisme-laïcisme») и его последующих усилий заменить бога обществом. См. John Gillin (ed.), *For a Science of Social Man*, New York, 1954, pp. 110—113.

²² Parsons, op. cit., pp. 318—324. Парсонс признает, что термин «*conscience collective*» может быть переведен скорее как «коллективное сознание», чем как «коллективная совесть», но он полагает, что первый перевод в действительности применим только тогда, когда Дюркгейм сосредоточивает свое внимание не на общих ценностях, а когда он подчеркивает «внешность» социальных фактов благодаря своему позитивистскому подходу. Ср., однако, Howard Becker, *Anthropology and Sociology*, in Gillin, op. cit., pp. 111—112.

Еще один намек содержится в словах Дюркгейма относительно того, что он рассматривает в качестве вторичного источника разделения труда. Первая причина заключается в росте населения, сопровождаемом большим и более частым контактом между составляющими его индивидуумами. Помимо этого, она заключается также во «все растушей неопределенности *conscience collective*». В обществе механической солидарности общественные действия также подвергаются тщательному контролю общих ценностей и убеждений, но, по мере того как общество развивается, ценности отрываются от конкретных действий и принимают форму общих принципов. Таким образом, остается место для возникновения разделения труда и сопровождающих его правил контактных отношений на основе привычки. Имеется также намек, что разделяемые моральные ценности, несомненно, играют всю роль в развитии сложных обществ и, следовательно, являются чем-то большим, чем «простой привычкой, превратившейся в обязанность», хотя и это описание соответствует правилам договора.

Коллективное сознание, ценности и типы самоубийства. Во втором эмпирическом исследовании, «Самоубийство» («*Le suicide*»), содержание понятия *conscience collective* становится центром внимания Дюркгейма²³. Пытаясь объяснить число самоубийств при различных социальных системах, Дюркгейм разрабатывает теорию, основанную на природе общих основных ценностей и убеждений и на разрушении таких систем и вытекающих из них норм.

В социальной системе, где основная система ценностей подчеркивает значение группы и подавляет индивидуума, встречается *альтруистическое самоубийство*, характеризующееся жертвенностью и незначительностью жизни индивидуума. Этот тип социальной системы обладает характерными чертами механической солидарности, но скорее это вопрос групповой дисциплины, а не отсутствия групповой дифференциации. Однако для современного общества все более и более характерным становится *эгоистическое самоубийство*, являющееся результатом, во-первых, чрезвычайного давления на личность, требующего ответственности за свои действия, и, во-вторых, значительной степени изоляции от других членов общественной группы. Это в свою очередь вызывается системой ценностей, которая принуждает индивидуума быть свободным и придает высокую этическую ценность индивидуальной личности.

Третий тип, *аномическое* (с отсутствием норм) *самоубийство*, встречается там, где нормативная система разрушается или неспособна регулировать действия общества. В этом случае цели, к которым стремятся люди, становятся безграничными и цельностью личности разрушается, потому что действующее лицо неспособно упорядочить свою жизнь. В этом анализе имеется намек на то, что *conscience collective* организует и объединяет не только общественные действия, но и человеческую личность.

²³ Parsons, op. cit., pp. 324—338.

Социальные правила как ограничения и объект уважения. В «Методологии социологии», опубликованном раньше, чем книга «Самоубийство», Дюркгейм заинтересован не в правилах или ценностях, а прежде всего в определении природы «социальных фактов» согласно взглядам позитивистов того времени. По Парсонсу, Дюркгейм считает, что действующее лицо рациональным образом стремится к субъективным и случайным целям, но среди других ситуационных объектов ему приходится учитывать некоторые общественные явления в качестве внешних и ограничительных условий своего действия²⁴. В этом пункте у Дюркгейма внешний характер и ограничительная сила моральных правил представляют собой чисто эмпирическое явление, доступное наблюдению как со стороны актера, так и со стороны научного наблюдателя. Моральные правила существуют еще до того, как они принимаются индивидуальным актером, и они навязываются ему угрозой или наложением санкций²⁵.

Парсонс обнаруживает совершенно другую точку зрения в «Нравственном воспитании». В этой работе Дюркгейм приходит к тому, что видит ограничительный характер моральных норм в том, что актеры вынуждены повиноваться им в силу тех установок уважения и обязательности, которые они вызывают. Элемент внешности, согласно Парсонсу, сводится только к тому, что моральные нормы являются «...системой ограничительных норм, свойственных не данному индивидууму, а общим для всех членов общества». Помимо этого нового определения природы внешности и ограничительности, Дюркгейм теперь утверждает, что моральное правило не является истинно моральным, если только повиновение ему не считается *желательным*, а не только делом долга, то есть счастье индивидуума и его самопроявление неразрывно связаны с таким повиновением²⁶.

Согласно Парсонсу, Дюркгейм, таким образом, пришел к теоретической позиции, в которой моральные ценности и нормы были «...согласно термину Фрейда, «интроецированы», образуя один

²⁴ Parsons, op. cit., pp. 343—375. Как показало углубленное чтение «Метода социологии», Дюркгейм не считал, что личность лишена индивидуальных моральных ценностей, но он проводил резкое различие между ними и ценностями как общими элементами общественного действия и настаивал на внешнем характере и ограничительной силе последних.

²⁵ Парсонс различает в этом аспекте две стадии дюркгеймовской мысли. Первая встречается в «Методологии»; это стадия, в которой эмпирическая внешность и принуждение совершенно независимы от воли человека. Вторая встречается в сочинении «Нравственное воспитание» («L'Education morale») и показывает, что внешность и принудительный характер моральных правил в основном заключаются в том, что они заранее даны актеру и поддерживаются санкциями. Мое чтение этой книги не подтверждает этого различия. Внешний характер, выражающийся в существовании этих правил еще до их принятия индивидуумом, и их ограничительный, внешний характер, зависящий от существования санкций, оба упомянуты в вводном абзаце относительно этой проблемы; см. стр. 1—10, изд. «Фрн Пресс».

²⁶ Parsons, op. cit., pp. 378—390, 407.

из элементов самой личности индивидуума»²⁷. Таким образом, Парсонс в своем анализе Дюркгейма торжественно приходит к тому же самому теоретическому положению, к которому на десять лет раньше пришли Фэрис и Мид. Моральные ценности являются центральными составными частями человеческой личности и, таким образом, по существу, нормативными установками. Имеется, однако, существенное различие в том, что Парсонс сохранил то подчеркивание установок уважения, обязательства и желания в отношении моральных норм, которое было характерно для первоначального подхода Томаса и Знанецкого.

Религиозный аспект моральных ценностей. Дюркгейм в своем мышлении никогда не доходил до утверждения того, что моральные ценности обладают внешним характером только потому, что они общи для всех членов общества. По его мнению, ценности являются внешними для всех членов общества и обладают свойством морального принуждения, постольку поскольку зависят от реальности и являются ее частью, выходящей за пределы индивидуума. Эта реальность эмпирически существует и для научного наблюдателя и для актера, ибо актер является вместилищем морального авторитета, требующего почтения, долга и повиновения, что, присутствуя внутри актера и одновременно будучи внешним по отношению к нему, создает желание самопроявления повиновением²⁸.

Характерные установки, порождаемые этой реальностью, не могут быть порождены я или другими в качестве индивидуумов или коллектива индивидуумов. Существо, которое может вызвать эти взгляды, должно обладать более богатой или более сложной жизнью, чем отдельные люди. Дюркгейму известны только две сущности, отвечающие этому требованию: общество, рассматриваемое как реальность, трансцендентная по отношению к своим членам, а также сверхъестественное. «Выбор лежит между богом и обществом».

Хотя Дюркгейм и признавал, что большей частью и в большинстве случаев люди представляли себе эту реальность как божество, он видит в «...божестве только общество, преображенное и получившее символическое выражение»²⁹. Таким образом, хотя актер не может переживать реальность, в которую помещены внешние ценности, как неэмпирическую, сверхъестественную реальность, он фактически, согласно Дюркгейму, связан моральным авторитетом общества, которое внушает ему почтение.

Однако в этой конечной формулировке позиции Дюркгейма имеется неразрешимая дилемма. Общество может добиваться

²⁷ Parsons, op. cit., p. 388. Это сходство между идеей Дюркгейма и Фрейда приблизительно в то же самое время отмечалось и другими. См. Vescey and Barnes, op. cit., pp. 930—931.

²⁸ Émile Durkheim, *Sociology and Philosophy*, translated by D. F. Pocock, Glencoe, Illinois, 1953, pp. 44—45, 54—55. Важный аргумент дается в работе «Детерминация нравственных фактов» («The Determination of Moral Facts», pp. 35—62).

²⁹ Там же, стр. 49—52.

морального уважения со стороны личности только в том случае, если оно является или кажется актеру чем-то большим, нежели организованная система частей, борющихся просто за то, чтобы сохранить себя. Для Дюркгейма оно представляет собой нечто большее: «Одним словом, общество — это природа, достигшая высшего пункта в своем развитии, сосредоточившая всю свою энергию, чтобы пре-
взойти, так сказать, саму себя».

Это пример одного из наиболее откровенных заявлений Дюркгейма о социальном реализме. Первичная функция общества — быть источником и хранителем высших человеческих ценностей и центром нравственной жизни. Если это так, тогда общество внушает к себе уважение, поскольку в глазах актера оно представляет собой моральное явление, а не потому, что оно является средоточием авторитета моральных ценностей³⁰. В свою очередь, если моральным ценностям все еще требуется трансцендентная реальность для придания им действительности, эта реальность не может быть обществом, она может быть только сверхэмпирической.

Где мы находим у Парсонса описание некритической области, которую мы считаем внешнимместилищем моральных ценностей? Оно заключается в критике теории религии Дюркгейма, критике, которая до известной степени похожа на его критику отождествления Дюркгеймом моральных ценностей с обществом, но которая, помимо этого, охватывает и понятие неэмпирической реальности. Согласно Парсонсу, Дюркгейм в своей теории религии, как и в теории моральных ценностей, пытается ассимилировать познавательные ориентации актера и ученого. В результате в глазах Дюркгейма религиозные идеи стоят над социальной реальностью, а святые объекты (эмпирические и неэмпирические) являются символами общества³¹. Святые объекты эмпирического характера не обладают ничем, чтобы их можно было отождествить как класс предметов, за исключением уважения, почитания, почтения и долга, которые выказываются по отношению к ним. Таким образом, для Дюркгейма они обладают этим атрибутом потому, что представляют какую-то эмпирическую реальность, способную внушить эти установки. Поскольку установки, внушаемые религиозными объектами, такие же, как и те, которые внушаются моральными ценностями, весьма

³⁰ Émile Durkheim, *Sociology and Philosophy*, pp. 54—55, 80—97; Parsons, *op. cit.*, pp. 390—391. Хотя Парсонс осознает этот факт, он не использует его в данном случае для установления внешнего характера ценностей в глазах актера.

³¹ Parsons, *op. cit.*, pp. 413—414, 417. Я предпочитаю здесь слово «holy» (святой) парсоновскому термину «sacred» (священный) из-за более широкого смысла, придаваемого последнему слову; так что оно включает все предметы, к которым относятся с чрезвычайным уважением, а не только такие предметы, которые основываются на опыте актера вне эмпирической реальности. См. Howard Becker, «Sacred and Secular Societies», *Through Values to Social Orientation*, Durham, N. C., 1950, pp. 249—250, сноска 2. См. также очерк «1951 Commentary on Value-System Terminology» in Becker and Barnes, *op. cit.*, vol. 1, pp. I—XXII и гл. 6 данной книги.

вероятно, что за обоими видами явлений стоит общая реальность. Поскольку Дюркгейм настаивает на том, что эта реальность является эмпирической, остается только общество как единственная сущность, ее составляющая. Однако, если общество внушает почтение только потому, что оно является центром нравственной жизни или само состоит из моральных норм, оно не может быть той реальностью, которая придает моральный авторитет нормам или эмпирическим и неэмпирическим религиозным объектам, являющимся его символами³².

МЕСТО ПОНЯТИЯ ЦЕННОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Интегративная функция ценности

В то время как исследователи и преподаватели социологии в основном занимались «социальными проблемами», теоретики социологии уделили свое внимание более важным проблемам общественной организации, общественного строя и общественных изменений. Хотя можно утверждать, что ранние социологи — от Конта до Парка — рассматривали возникновение городского индустриального строя как социальную проблему саму по себе и, конечно, как источник, породивший другие социальные проблемы, следует признать, что все они ощущают необходимость в основополагающей теоретической концепции о природе общества, условий его существования, типов структуры и динамических процессов, а также процессов изменения. Именно в этом аспекте понятие ценности с самого начала рассматривалось как один из элементов теории общественного строя, а позднее — и теории социальной интеграции.

Ценности как средство контроля. Вспомним, что Томас и Знанецкий считали ценности, в которых заинтересованы социологи, «...более или менее явными правилами поведения, при помощи которых группа сохраняет, регулирует и распространяет соответствующие типы действия среди ее членов»³³. Таким образом, в начале интересующего нас периода мы обнаружим, что основное внимание уделяется функции контроля, осуществляемого ценностями в общественной жизни. Однако более важным является тот факт, что вышеуказанная цитата ясно определяет границы использования понятия ценности в американской социальной теории до тридцатых годов и даже позже, как уже указывалось в данной главе.

В цитате из Томаса и Знанецкого правила рассматриваются не как неотъемлемый элемент действия, создающего и направляющего весь поток действий, а скорее как нечто внешнее и соответствующее действию, служащее просто для обеспечения большего конформизма с уже установившимся типом поведения. Создание моделей действия, их гибкая функциональная связь друг с другом являются,

³² Parsons, op. cit., pp. 414—417.

³³ Thomas and Znaniecki, op. cit., vol. I, p. 31.

как предполагают, уже решенными проблемами. В этом случае проводится различие между действием и символическими элементами действия-ориентации, что уже не подтверждается современной социальной теорией.

Прежде чем приступить к детальному рассмотрению использования понятия ценностей в американской теории до 1937 года, необходимо на некоторое время возвратиться к Дюркгейму, Спенсеру и Самнеру, ибо относительно малая роль, приписываемая ценностям в двадцатых и тридцатых годах, коренится в трудах этих авторов. Для Парка и других американских теоретиков послевоенного периода величайшим вкладом Спенсера, вероятно, являлась его теория функциональной дифференциации, организации и интеграции. Согласно Спенсеру, общество, по существу, является экономической системой, в которой люди совместно живут и работают, потому что они приносят пользу друг другу. Из соревнования, являющегося основным общественным процессом, возникает социальный порядок. Этот порядок характеризуется ростом структуры, большей сложностью взаимосвязанных функций и большей степенью интеграции, по мере того как процесс соревнования охватывает все большее и большее количество людей³⁴. Стабильность системы обеспечивается благодаря переплетению эгоистических интересов и привычек, заключающихся в этих интересах.

Мы уже видели, что в своей работе «Об общественном разделении труда» Дюркгейм критиковал эту точку зрения, утверждая, что отношения, основанные на договоре, предполагают существование свода законов, отражающегося в моральных постановлениях; при этом он указывал на проблему, которая интересовала его больше всего, — проблему нравственного единогласия, происходящую от Конта и смутного времени, в которое он жил. Но надо помнить, что в этой ранней работе Дюркгейм выводит разделение труда из конкуренции и динамической плотности населения. Правила, регулирующие взаимодействия в этой системе, становятся обязательными благодаря привычке и осуществляются через нее. Таким образом, хотя его интересы сосредоточивались на другом, в этом месте мысль Дюркгейма и мысль Спенсера имеют точки соприкосновения.

У Самнера завершается связь между борьбой за существование, возникновением интегрированных систем социальных привычек и, наконец, народными обычаями и нравами. Теоретически синтез взглядов Конта и Спенсера, таким образом, завершается в той точке зрения, что конкуренция — это процесс, который порождает общественный порядок и его интеграцию, причем требуемые действия становятся привычными, привычки становятся общественными, а общественные привычки — обязательными перед угрозой стабиль-

³⁴ В этом случае интерес сосредоточивается снова на периоде после первой мировой войны. Изложение теории Спенсера взято из его американских толкователей; см. R. E. Park, «Sociology, Community and Society», Human Communities, Glencoe, Illinois, 1952, pp. 178—209, и особенно 180.

ности системы. По существу, теоретик послевоенного периода работал в пределах этого синтеза, хотя его слабые места обнаруживались каждый раз, когда пытались подойти к динамике морального единогласия и ее месту в организации жизни общества.

Наиболее серьезная попытка тщательно систематизировать эту точку зрения в связи с понятием ценности была предпринята Рейтером и Хартом, в то время как остальные авторы основное внимание продолжали уделять человеческой экологии, в которую они не считали нужным вводить элемент ценности³⁵. Заявление этих двух авторов представляет собой окончательную формулировку теории ценности в социологии (хотя, как мы видели, и не в социальной психологии) вплоть до конца 1937 года, когда появление «Структуры социального действия» («The Structure of Social Action») явилось основным стимулом для полного пересмотра этой теории.

Ценности в качестве продуктов и конфликтов интересов. Для Рейтера и Харта, а также для других, следовавших описанной выше теоретической традиции, первоначальный порядок, возникающий среди конгломерата людей, порождается процессом конкуренции. «Борьба за существование и конкуренция среди людей неизбежно порождают какой-то порядок». Это порядок Спенсера, порядок людей, «которые действуют независимо друг от друга, конкурируют и борются друг с другом за то, чтобы просто существовать, и обращаются друг с другом, насколько это возможно, как с полезностями»³⁶. Из борьбы возникает разделение труда, сложность которого зависит от численности населения и уровня технического развития; его функциональная интеграция и сплоченность также зависят от переплетения эгоистических мотивов и приспособления к условиям естественной среды.

Стабильность системы, развившейся так, как это было описано выше, достигается процессом создания привычек. Пока люди могут удовлетворить свои потребности в пределах системы переплетающихся эгоистических действий, необходимые действия имеют тенденцию стать привычными. Ребенок, родившийся в пределах этой системы, обнаруживает, что его потребности удовлетворяются созданием привычек, которые соответствуют привычкам других. Однородность привычек, общих для членов общества, образует народные обычаи, или привычки группы.

Поскольку люди вступают в общение и склонны ожидать привычного в своем стремлении избежать того, чтобы выделяться или стать предметом насмешки, нужно искать дополнительные мотивы следования народным обычаям. Однако, в сущности, народные обычаи — это просто общие ненормативные модели поведения, оформив-

³⁵ E. B. Reuter and C. W. Hart, Introduction to Sociology, New York, 1933, pp. 114—172. Наиболее последовательное изложение экологии человека см.: A. M. S. Hawley, Human Ecology, New York, 1950.

³⁶ Reuter and Hart, op. cit., p. 134; Park, Human Communities, p. 180.

шиеся в борьбе за существование и ставшие привычными благодаря успеху.

Порядок, первоначально установленный конкуренцией и поддерживаемый привычкой, неизбежно обладает различной степенью стабильности, зависящей от изменения условий. Основными условиями угрозы социальному порядку служат, во-первых, появление чужих и чуждых моделей поведения в обществе, а во-вторых, тот факт, что во многих случаях «старинные обычаи становятся постепенно все менее приспособленными к потребностям изменяющейся группы».

В результате воздействия этих двух факторов возникает конфликт, а из конфликта — моральное единогласие, содержащее нормы, поддерживаемые санкциями и рассматриваемые членами общества в качестве моральных обязательств их действий. Эти нормы, или ценности, являются просто привычками и народными обычаями или, во всяком случае — теми из них, которые стали обязательными и считаются теперь необходимыми для благосостояния группы³⁷.

Критика утилитарной теории ценностей: Парсонс и функциональная теория ценностей. Эту теорию ценностей все еще можно обнаружить в элементарных учебниках, но она подверглась за последнее время суровой критике со стороны нескольких авторов. Характер этой критики, может быть, лучше всего выражается в словах Парсонса о том, что «социальный порядок, покоящийся исключительно на переплетении интересов и, значит, в конечном счете на санкциях, вряд ли может существовать на практике, хотя его, по-видимому, и можно себе представить теоретически, принимая порядок в качестве первоначального предположения»³⁸. Ценности, таким образом, являются функционально необходимыми при создании и поддержании социального порядка.

Согласно сторонникам этого взгляда, основным недостатком теории Рейтера и Харта о происхождении и поддержании порядка является непонимание того, что ненормативно ориентированное взаимодействие между людьми в действительности не аналогично или неоднородно с биологической конкуренцией среди животных. Животные обладают ограниченными биологическими потребностями, и при отсутствии непосредственного контакта, ведущего к конфликту, безличная биологическая конкуренция может стать господствующим процессом во взаимодействии, но человек, занятый поисками определенных культурных целей, участвует в общественной жизни, а цели, если они являются нормативно не ограниченными, имеют тенденцию превратиться в ограниченные.

Порожденный этой критикой подход к порядку в социальных системах, отразившийся в работах Парсонса, Дэвиса и других, не является по своему характеру эволюционным или историческим.

³⁷ Reuter and Hart, op. cit., pp. 133—136, 144—157.

³⁸ Parsons, op. cit., p. 404.

а представляет социальную систему как действующее предприятие³⁹. Единицей социальных систем является социальная роль, комплекс элементов ориентации на действие и действия, находящиеся всегда во взаимосвязи, по крайней мере с еще одной другой социальной ролью еще одного другого социального актера. Таким образом, прототипом социальной системы может служить взаимодействие двух социальных актеров, играющих социальные роли, связанные друг с другом, хотя единственной цельной социальной системой служит общество — социальная система, отвечающая всем требованиям на протяжении длительного времени посредством своих собственных ресурсов.

При анализе взаимодействия актеров в социальной системе сторонники функциональной теории ценностей используют понятие *action frame of reference* (исход из действия). Считают, что актер ориентируется на эмпирические объекты собственной ситуации средствами, мотивированными необходимостью удовлетворения потребностей, или связывает себя с ними. Процесс ориентирования всегда содержит два основных аспекта: первый, познавательный аспект, при помощи которого актер различает и познает качество и действие объекта, поскольку они относятся к его потребностям и интересам; второй аспект — это тенденция реагировать на объект как источник удовлетворения или неудовлетворения, «катектическая» (*cathectic*), конативная, или желательная, тенденция. В любой ситуации, однако, объекты предоставляют различные возможности удовлетворения и знания, так что ориентация всегда включает элемент выбора или «оценки»⁴⁰.

Тем не менее действия редко происходят изолированно, они скорее образуют цепи или системы, развивающиеся со временем. Если эти системы или цепи действия одного актера должны быть упорядочены, то они обязательно упорядочиваются оценочной ориентацией со стороны того же актера. Если они упорядочиваются целью, которая должна быть достигнута этой цепью действий (инструментальное упорядочивание), то актер использует свои познавательные идеи и свои стандарты правильного знания согласно норме эффективности. Если, с другой стороны, в пределах ограниченного ситуационного контекста актер заинтересован прежде всего в непрерывном удовлетворении, он может организовать свои действия согласно шкале предпочтений, пользуясь оценочными ценностями как стандартными для своих суждений⁴¹.

³⁹ Последующее описание структурно-функционального анализа социальных систем взято из: *Parsons, loc. cit.*; *Kingsley Davis, Human Society*, New York, 1949; *Talcott Parsons, The Social System*, Glencoe, Illinois, 1951; *Talcott Parsons and E. A. Shils, Values, Motives and Systems of Action*, in *Parsons and Shils (eds.), Toward a General Theory of Action*, Cambridge, Massachusetts, 1951, pp. 45—275.

⁴⁰ *Parsons, The Social System*, p. 6—7. Использование термина «катексис» указывает на фрейдистские взгляды Парсонса.

⁴¹ Там же, стр. 48—49.

У актера, однако, имеется дополнительная проблема интеграции всей системы ориентаций и действий, которые составляют его личность⁴². Удовлетворение, непосредственное или отдаленное, а также средства достижения должны выбираться или отвергаться в зависимости от их значения для сохранения личности как работающего предприятия. Таким образом, действие должно ориентироваться еще на одну категорию ценностей, а именно моральных ценностей, функция которых заключается в том, что они приводят к единству личности. Эти моральные ценности, способствующие интегрированию личности, определяют идеальный способ интеграции личности. Следование самой идеальной норме личности определяется как удовлетворяющая цель и сосуществует в одинаковой степени со всеми другими основными целями. Эти основные цели служат для того, чтобы объединить (1) *порядок*, при котором стремятся к второстепенному удовлетворению, и (2) *средства*, используемые для этого. Это предполагает отказ от средств и целей, нарушающих достигнутую интеграцию.

До сих пор мы пренебрегали контекстом социального взаимодействия ориентаций актера; социальные предметы, однако, часто присутствуют в ситуации. Присутствие этого класса эмпирических объектов вводит то, что Парсонс называет элементами двойной случайности, то есть зависимость удовлетворения потребностей актера от действий социальных объектов и в свою очередь значительную зависимость последних от действий первичного актера. Если эти действия должны быть организованы в стойкую систему, каждый актер на основе своих собственных действий может предсказать действия других, особенно в отношении к его собственным предполагаемым действиям. Но здесь имеется нечто большее, чем момент предсказания, ибо цели, к которым стремятся, средства, при помощи которых они достигаются, и удовлетворение, к которому непосредственно стремится каждый актер, должны быть выражены в согласии и созмещаться с действиями и целями других членов системы. Здесь опять требуется отказ от некоторых ориентаций на эмпирические объекты ситуаций, включая социальные объекты, и должны быть применены другие средства. Хотя некоторые области такой социальной системы могут быть интегрированы ориентацией на инструментальные стандарты и оценочные стандарты, направляющие общие ориентации на средства и цели, с одной стороны, и упорядоченные серии общего удовлетворения — с другой, полная интеграция системы может быть получена только благодаря всеобщей ориентации на общие и моральные стандарты ценностей. Для социальной системы эти ценности выполняют ту же функцию, что и ценности, способствующие интеграции личности, для отдельной личности. Они определяют способ интеграции социальной системы как идеал и, учитывая фактически существующий уровень организации, — как санкционированную достижимую цель. Более

⁴² Davis, op. cit., pp. 238—241.

того, ценности определяют идеальные и ожидаемые права и обязанности актеров в их непосредственных отношениях друг с другом, и они контролируют и ограничивают частные цели и средства, используемые для их достижения, поскольку эти цели и средства мешают интеграции социальной системы⁴³.

Мотивированное соблюдение моральных ценностей на уровне действия обеспечивается институционализацией ценностей. На самом глубоком уровне это происходит благодаря интернализации ценностей, так что у актера возникает мотивированная потребность, получающая непосредственное удовлетворение благодаря соблюдению ценностей. Более того, первичный актер может обнаружить, что конформизм способствует достижению других целей не только непосредственно, но также и косвенно, вызывая действия, возбуждающие интерес других участников ситуации. Наконец, у актера есть некоторый интерес к удовлетворению, непосредственно связанный с реакцией одобрения или неодобрения других членов этой системы⁴⁴.

Источник моральных ценностей: некоторые непризнаваемые выводы функционализма. Все же источник моральных ценностей остается неразрешенной проблемой, которой весьма неохотно занимаются теоретики-функционалисты. Дэвис также весьма неопределенно высказывается по этому вопросу. «Следовательно, — говорит он, — они должны возникнуть как порождение культуры. Они должны возникнуть из динамики коммуникативного взаимодействия в группе, которая поддерживается культурной адаптацией»⁴⁵. Эти заявления правильны в отношении того, что они говорят, но говорят они, конечно, очень мало. Несмотря на нежелание теоретиков-функционалистов заняться этой проблемой конкретно, в их работах, особенно в работах «Человеческое общество» (*Human Society*), «Структура социального действия» и «Социальная система», встречаются в разных местах конкретные заявления, а иногда только косвенные намеки, из которых можно попытаться вывести теорию «источника». Может быть, теоретики-функционалисты не согласятся с выводами из их теории, но эти выводы существуют и являются единственным подходящим ответом на вопрос об источнике, если отвергается старая теория «нравов».

Ценности и неэмпирическая область. Качества моральных ценностей, которые вызывают чувства почтения, почитания, обязательства и послушания, тесно связаны в умах актеров с их ориентациями на неэмпирические объекты. Чувствуется, что эти ценности действительны, поскольку они коренятся в области неэмпирического. Так, Дэвис говорит: «В общем, по-видимому, правильно, что религиозные убеждения объясняют и делают реальными общие

⁴³ См. P a r s o n s, *The Social System*, pp. 10—11, 50—52.

⁴⁴ Cp. D a v i s, *op. cit.*, pp. 37—38, 53—54, 144, 526.

⁴⁵ P a r s o n s and S h i l s, *op. cit.*, pp. 171—172; D a v i s, *op. cit.*, p. 144, 526.

конечные цели и что религиозный ритуал укрепляет и обновляет эти цели в умах участников... Невидимый мир, конечно, фиктивен, но он должен казаться реальным актеру, для того чтобы он мог выполнить свою функцию рационализации и оправдания конечных групповых целей актера»⁴⁶. Однако необходимо рассмотреть природу неэмпирической области. Согласно Парсонсу, имеются некоторые проблемы познания, «которые не могут быть разрешены методами эмпирической науки». Пытаясь найти ответ на них, человек вынужден создавать концепции неэмпирических сущностей или качеств эмпирических объектов, не поддающихся эмпирическому определению⁴⁷. Существуют также проблемы эмоционального приспособления к человеческой немощи и беспомощности перед космосом, а после институционализации системы ценностей — к разрыву между выполнением и нормативными ожиданиями.

Уровни неэмпирической оценки. Хотя к проблемам, изложенным выше, можно подойти познавательно, они имеют внутренне катектическое значение для актеров, поскольку являются в первую очередь проблемами приспособления к вселенной и к превратностям жизни. Когда убеждениям сопутствует катектический аспект, они в некоторых отношениях и на некоторых уровнях становятся оценочными или религиозными. Первый уровень оценки, включающий неэмпирическое, состоит из непосредственных экспрессивных ориентаций на неэмпирические объекты и инструментальных ориентаций, направленных к достижению трансцендентальных целей⁴⁸. Поскольку первичной характеристикой этих неэмпирических сущностей является то, что они порождают почтение, долг, почитание и уважение, они также характерны и для непосредственных катектических ориентаций и инструментальных ориентаций, направленных на неэмпирическое. Но нужно помнить, что неэмпирические сущности — это отнюдь не обязательно божества в обычном значении данного слова. Они являются предметами, выделяемыми посредством уважения, почитания и обязанности. Их, может быть, рассматривают скорее как доестественные, чем как сверхъестественные, но они вызывают к себе почти то же самое отношение.

Имеется, однако, и второй уровень оценочной ориентации по отношению к неэмпирическому. Этот уровень характеризуется связью между неэмпирическим и первым уровнем оценки, с одной стороны, и моральными нормами, служащими для повседневного интегрирования комплексов действий в общественную систему, — с другой. «Следовательно, религиозные убеждения являются убеждениями, относящимися к моральным проблемам действий человека и характерным чертам человеческой ситуации, а также к тем местам людей и общества в космосе, которые больше всего связаны с его моральными взглядами и типами ориентации на ценности».

⁴⁶ Davis, op. cit., p. 527.

⁴⁷ Parsons, The Social System, pp. 329, 360—361.

⁴⁸ Там же, стр. 367—368; Davis, op. cit., pp. 128—129.

Как показательный, так и катектический аспекты оценочной религиозной ориентации имеют значение для системы моральных норм, регулирующих человеческое поведение. Познавательный аспект оправдывает и рационализирует систему моральных ценностей, связывая их с областью неэмпирического, сверхъестественного или доестественного, а также с активной ориентацией актеров на неэмпирическое. Раз эта связь установлена, моральные нормы насыщаются неэмпирическими качествами, вызывающими уважение, почтение, трепет и обязательства⁴⁹. Таким образом, сами моральные нормы становятся привязанными к области неэмпирического и из этого черпают свою способность внушать почтение и обязанности.

Моральные нормы, основанные на приписываемых значениях. По мнению автора, именно в этой области теории-функционалисты не могли сделать выводов из своей теоретической позиции. Функциональные предпосылки общественных систем и личностей и интересы людей к объектам эмпирического мира создают необходимость интеграции и ограничения изменяемости возможных видов интеграции. Но мы видели, что эти предпосылки не создают и не могут создать условий, которые порождают моральные ценности или их содержание. С другой стороны, если познавательная ориентация человека на неэмпирический мир ведет к тому, что он приписывает этому миру систему значений, и если катексис этих значений у человека определяется его почтением, почитанием и уважением к неэмпирическим объектам, тогда эти значения могут породить систему норм и стать основой их принудительного характера.

Вероятно, теории-функционалисты избегали такого объяснения источников ценностей в силу его явно эманационного характера; может показаться, будто это означает, что общество является просто продуктом религиозных идей. Фактически единственное, что утверждают сторонники этого взгляда, заключается в том, что рождение и содержание систем ценностей коренится в ориентации человека на неэмпирический мир. Признается, что мирские интересы и функциональные предпосылки личности и общества ограничивают возможные способы интеграции и что повсюду такие интересы сталкиваются с процессом религиозного мышления, религиозным чувством, созданием ценностей и их институционализацией.

⁴⁹ P a r s o n s, The Social System, pp. 368—369. По-видимому, он выводит священный характер неэмпирических сущностей из священного характера моральных норм. Эта позиция противоположна той, которую он занимает в работе «Структура социального действия», где в анализе взглядов Вебера, например, законность моральных норм рассматривается как «*институциональное* применение или воплощение харизмы». А харизма определяется как «качество, которое приписывается людям и вещам в силу их связи с «сверхъестественным», то есть с неэмпирическими аспектами реальности, поскольку они придают телеологическое «значение» действиям людей и мирским событиям» (pp. 668—669).

Ценности и социальные типы

Если ценности определяют и самый факт и способ интеграции в социальных системах в пределах, устанавливаемых функциональными предпосылками социальных систем и систем личности, тогда в значительной степени все ценности, определяющие доминирующий вид социальной интеграции в обществе, должны оказаться полезными для классификации общества. Эти ценности, можно описать, по Парсонсу и Шилзу, в виде пяти «типовых переменных», представляющих пять выборов между парами несовместимых альтернатив (дилемм действия), которые должен сделать любой актер в любой ситуации при ориентировании на любого другого актера⁵⁰

Аффективность — аффективная нейтральность. Первая дилемма, с которой сталкивается актер, ориентирующийся на другого актера, состоит в том, следует ли ему стремиться к непосредственному удовлетворению в данной ситуации, не обращая внимания на оценочные соображения, инструментальные или моральные. Эта типовая переменная называется «аффективность — аффективная нейтральность». Ценность, обязывающая актера принять во внимание оценочные соображения, нейтральна в аффективном отношении; ценность, требующая от актера стремления к немедленному удовлетворению, является аффективной.

Самоориентация — коллективная ориентация. Вторая дилемма заключается в конфликте между собственными интересами актера и интересами других в данной ситуации или интересами, разделяемыми и актером и другими. Этот тип переменной называется «самоориентация — коллективная ориентация». Ценность, требующая или позволяющая актеру преследовать некоторые определенные частные интересы, является самоориентированной; ценность, требующая, чтобы актер учитывал интересы группы или отдельных ее членов, является коллективно ориентированной.

Универсализм — партикуляризм. Третья дилемма связана с проблемой, должен ли актер рассматривать социальный объект с точки зрения какого-то частного отношения к нему или же как член какого-то универсально определенного класса объектов. Это явно вопрос второстепенный, поскольку для любой ситуации взаимодействия в известной степени важно то, что другая личность связана с этим актером и в то же самое время является членом класса объектов. Этот тип называется «универсализм — партикуляризм».

Приписывание — достижение. Четвертая дилемма связана с вопросом о том, должен ли актер ориентироваться на объект в связи с *действием* последнего или на основе какого-нибудь *атрибута*, такого, как возраст, пол, цвет или положение. Этот тип называется «приписывание — достижение», а в последнее время — «качество—

⁵⁰ P a r s o n s and S h i l l s, op. cit., pp. 76—79, 84. В своей статье «Некоторые замечания о состоянии общей теории действия», ASR, 18 (December, 1953), pp. 618—631). Парсонс упоминает шестую типовую переменную, но этот тип еще до сих пор не был подробно описан.

выполнение». Моральная ценность, требующая, чтобы актер подходил к социальному объекту в свете атрибутов последнего, является приписывающей. Ценность, требующая, чтобы актер ориентировался на действия объекта, является ориентированной на достижения.

Диффузность—конкретность. Последняя дилемма состоит в том, в какой степени социальный актер затронут социальным объектом. Эта типовая переменная называется «диффузность — конкретность». Моральная ценность, требующая или позволяющая, чтобы актер был связан многочисленными ожиданиями, правами и обязанностями по отношению к другим, является диффузной; ценность, допускающая очень ограниченный круг интересов, является конкретной.

Конечно, следует отметить, что эти типовые переменные выражают идеи, являющиеся в течение долгого времени общим достоянием социологической теории. Конкретность типовых переменных и связанных с ними ценностей заключается в *предположении*, что они полностью исчерпывают все дилеммы действия на высшем уровне обобщения и, следовательно, могут служить в качестве основы для исчерпывающей классификации и описания на этом уровне*.

Социетальные типы в терминах типовых переменных

Парсонс сводит количество социетальных основных типов к двум типовым переменным, приписыванию—достижению и универсализму—партикуляризму, поскольку они более непосредственно определяют интеграцию ролей между актерами. Таким образом, получаются четыре основных типа: партикуляристически-аскриптивный, партикуляристически-достижительный, универсалистически-достижительный и универсалистически-аскриптивный.

Вместо того чтобы пытаться дать подробно описание характерных черт этих типов общества, может быть, было бы более полезно показать их источники в системе религиозных убеждений. Хотя автор «Социальной системы» эту сторону почти целиком игнорирует, совершенно очевидно из «Структуры социального действия»⁵¹, что эти типы в основном заимствованы из социологии религии Макса Вебера.

* Здесь и далее автор главы выдвигает субъективно-идеалистическую классификацию типов обществ, он основывает ее на произвольно устанавливаемых сочетаниях взаимодействия личности и социальных систем, исходя из формальных, несущественных признаков. Объективная, научная классификация типов общества возможна лишь с позиций исторического материализма, который кладет в ее основу учение об общественно-экономической формации. Основным, определяющим моментом общественной формации является характер и уровень развития производительных сил, обуславливающий соответствующие производственные отношения, образующие базис общества, на котором возвышается обслуживающая его надстройка. И только познание законов развития формаций и перехода от низшей к высшей формации дает возможность понять развитие общества. — *Ред.*

⁵¹ Parsons, The Structure of Social Action, pp. 563—575.

Партикуляристически-аскриптивный тип. Этот тип главным образом основан на родстве и локальной структуре. Нормативные типы подобных обществ являются полностью традиционными и имеют тенденцию концентрироваться на опасностях, свойственных неограниченным экспрессивным ориентациям и на некоторых ситуациях, опасных для стабильности группы. Члены общества склонны активно ориентироваться и пассивно приспособляться к элементам приписывания или к любым другим предписываемым сверху структурам власти и авторитета⁵².

Парсонс в качестве примера данного социетального типа приводит общества Латинской Америки, однако ясно, что в эту категорию входят наиболее примитивные общества, а более сложные общества этого типа представляют собой процессы имманентного развития более простых типов, организованных на той же самой основе. Эти более простые типы в свою очередь тесно связаны с концепцией «примитивной религии» Вебера. Вебер представляет себе «примитивную» религию как всеобщую точку отправления для всех более высокоразвитых религий, характеризующихся относительно недифференцированным комплексом религиозных идей, интересов, оценочных установок и действий по отношению к вещам и неэмпирическим сущностям, обладающим качеством харизмы⁵³.

Отношение между религией и качествами, способствующими конформизму партикуляристически-аскриптивных систем ценностей, ясно, но более важный вопрос о том, каким образом эти ценности имеют своим источником религию, отнюдь не ясен. Частично это результат того, что Вебер пользовался своим понятием примитивной религии и тем традиционализированным обществом, которое она порождает, как исходным моментом для анализа того, каким образом более высоко рационализированные системы религиозных убеждений порождают другие типы социетальных структур. Парсонс также интересуется тремя другими социетальными типами. Однако по крайней мере в одном отношении происхождение партикуляристически-аскриптивных систем ценностей крайне важно, поскольку оно опять ставит проблему о возможности существования социального порядка до возникновения системы ценностей — возможности, которая отрицается современными сторонниками теории ценностей, поскольку они подчеркивают необузданное стремление человека к достижению цели и неспособность этого стремления самого по себе создать интегрированную систему порядка.

Как мы видели, партикуляристически-аскриптивные общества возникают вокруг центров биологической и территориальной связи. Решающая проблема, однако, связана с переходом человека от состояния, в котором его потребности, подобно потребностям других животных, ограничиваются биологическим выживанием, к состоянию собственно человека, где потребности становятся потенциально

⁵² Parsons, *The Structure of Social Action*, pp. 198—199.

⁵³ Там же, стр. 564—566, 666—667.

неограниченными и одновременно с ними возрастают средства их удовлетворения. Таким образом, с возникновением человека как собственно человека возникает и потребность морального порядка и в то же самое время появляется источник системы ценностей вместе с возникновением области неэмпирического. Если мы представим себе, что в этот момент человек будет очень медленно разрабатывать понятия, единственный возможный порядок будет таким, который уже сложился вокруг существующих ограниченных центров порядка животных. На первый план неизбежно выступит ограниченность экспрессивных и инструментальных интересов, проявляющихся как потенциальные и существующие разрушительные элементы, воздействующие на отношения родства и территориальности, а также превращение существующих элементов животного порядка в систему морального порядка.

Партикуляристически-достижительный тип. Согласно Парсонсу, Вебер интересовался ролью религиозных идей как дифференцирующих элементов в социальном развитии, как факторов, участвующих в подрыве или укреплении традиции в структуре общества. Эти возможности возникают, когда системы религиозных идей движутся в направлении превращения в рационально систематизированные взгляды на значительные аспекты жизни. В определенном пункте этот процесс приводит к подрыву традиций, и нарушающий традиции, выступая от имени этих изменившихся религиозных представлений, является харизматическим пророком. В этом случае развитие религиозной мысли может пойти по одному из двух путей в зависимости от характера пророчества и характера той неэмпирической области, к которой оно относится. Имеются два главных типа пророчества: *этическое* (или апостольское) *пророчество* и *пророчество примером*, и оба они соответственно связаны с трансцендентными, личными концепциями неэмпирического и имманентными пантеистическими концепциями. В любом случае может подчеркиваться в качестве средства обрести спасение или *аскетизм*, или *мистицизм*, которые в свою очередь могут быть *мирскими* или *потусторонними* по характеру⁵⁴. Из сочетания этих непостоянных могут возникнуть новые виды социальной интеграции.

Согласно Веберу, пророчество примером и имманентная концепция неэмпирического тесно связаны. Такая ориентация на область неэмпирического не может создать этические нормы, подрывающие традиционный порядок, но она может заставить своих последователей занять определенную позицию по отношению к традиционному порядку. Если установки являются отрицательными по отношению к повседневному миру, они могут принять форму потустороннего аскетизма или потустороннего или мирского мистицизма. В этом случае они могут оставаться пассивной адаптацией к правилам повседневной жизни или превратиться в полный уход от нее. Если, с другой стороны, это мирской аскетизм, идеалы на

⁵⁴ Parsons, The Structure of Social Action, pp. 566—570.

вершине традиционного порядка, определяющие соответствующие отношения между людьми, могут превратиться в объект, которого стремятся достигнуть⁵⁵. В любом случае ориентация роли остается партикуляристической и некоторые аскриптивные статусы все еще продолжают играть важную роль. Могут возникнуть, однако, новые роли способов достижения, и для мирского типа *действие* в областях приписывания становится более важным, чем аскриптивные *качества*. В случае потусторонней ориентации возникающие роли являются ролями мистика или потустороннего аскета. При мирской ориентации это роль человека, который старается приспособиться и усовершенствоваться в своих обязанностях как по отношению к родным и местности, где он живет, так и по отношению к более крупным структурам власти и авторитета, также организованным на партикуляристической основе.

Хотя этот анализ был взят исключительно из книги «Структура социального действия», описание типов весьма похоже на описание общества, ориентированного на партикуляристически-достижительное, в работе «Социальная система», особенно такого общества, которое можно было бы назвать «партикуляристически-достижительным обществом, ориентированным на мирское». Парсонс приводит в качестве примера партикуляристически-достижительного общества классическую социальную структуру Китая, которую Вебер считал обществом, возникающим из имманентной мирской системы религиозных идей, ориентированной на пророчество примером. Хотя в своей «Социальной системе» Парсонс не описывает потусторонний тип партикуляристически-достижительно-ориентированного общества, следует отметить, что Вебер приводит Индию как пример этого типа общества в «Структуре социального действия»⁵⁶.

Универсалистически-достижительный тип. Другим важным направлением религиозного развития является направление, объединяющее трансцендентную концепцию неэмпирического и *этическое пророчество*. Неэмпирические сущности рассматриваются как стоящие вне природы, истории и космоса. Этический пророк провозглашает ряд этических норм, подрывающих традиционный порядок⁵⁷ во имя истинно-сверхъестественного. Такие нормы являются универсалистическими, поскольку они в основном происходят из отношения всех людей, или всех членов общества, к трансцендентальному неэмпирическому, и они ориентируются на достижения, так как определяют неэмпирические и/или эмпирические цели.

Если цели, определенные таким образом, являются чисто трансцендентальными, как, например, необходимость для индивидуума бороться за свое спасение в потустороннем мире, влияние трансцендентальной этической религии на мирские дела может быть срав-

⁵⁵ P a r s o n s, The Structure of Social Action, pp. 570—574.

⁵⁶ Там же, стр. 542—563, 573—574; P a r s o n s, The Social System, pp. 195—198.

⁵⁷ Там же, стр. 568.

нительно небольшим. Если, с другой стороны, стремление или достижение неэмпирических целей тесно связано с мощными этическими императивами, требующими изменения мирских порядков, универсалистически-достижительные ориентации становятся характерными для систем ролей повседневного социального взаимодействия. Становится явным врожденный индивидуализм достижительной ориентации: человек побуждается к стремлению к частным экономическим целям в пределах строгих универсалистических моральных норм, определяющих границы этого стремления. Обширные области социальной структуры организуются вокруг инструментальной рациональности, и институты стремятся ограничить возможность и мобильность лишь в пределах, установленных такими функциональными областями общества, как, например, родство, которые должны оставаться партикуляристическими и аскриптивными. Более того, имеется сильная тенденция свести эти области, насколько это возможно, к наименьшим элементам ролевой структуры таким образом, что небольшая семья стремится вытеснить более широкие структуры родства⁵⁸.

Универсалистически-аскриптивный тип. К последнему типу общества, обрисованному Парсонсом, универсалистически-аскриптивному обществу, нужно подходить иначе, чем к трем другим. В этом случае отсутствует связь между веберовской типологией религии и типом ориентации на ценности, так что описанию этого типа должно предшествовать выяснение того, можно ли вообще что-нибудь сказать о природе его, возможно религиозного, происхождения.

Присутствие универсалистического элемента в ориентации на ценности ведет к такому же подчеркиванию сферы инструментального действия, как и в случае универсалистически-достижительного общества. Но наличие элемента приписывания видоизменяет характер этого подчеркивания, который переходит на *статус* актера, а не на его действие. Достижения актера являются ценностями лишь постольку, поскольку они связаны с коллективной целью, которая может заключаться в сохранении авторитарного порядка или достижений, по существу, тоталитарного порядка в будущем. Общество имеет тенденцию стать в высокой степени политическим и агрессивным в своих отношениях с другими обществами. В качестве примера консервативной формы этого типа

⁵⁸ Parsons, *The Social System*, pp. 178—183. Хотя основные черты универсалистически-достижительного типа общества были взяты из описания возникновения капитализма, данного Вебером, а также из анализа других моментов, которые, как считают многие авторы, характерны для городского индустриализма западных государств, эти характерные черты и их отношение к трансцендентальным этическим религиозным убеждениям недавно нашли свое подтверждение в исследованиях Гольдшмидтом культуры индейских племен юрок, хупа и карок в северо-западной Калифорнии. См. Walter Goldschmidt, *Ethics and the Structure of Society; An Ethnological Constitution to the Sociology of Knowledge*, AA, 53 (October — December, 1951), pp. 506—524.

приводится старая Германия, а примером радикальной формы является нацистская Германия⁵⁹.

Каковы возможные религиозные истоки этого типа общества? Здесь в полной мере должно быть использовано функциональное определение религии. Как мы видели, существуют три основных аспекта этого определения. Во-первых, религиозные убеждения должны относиться к неэмпирическим сущностям или неэмпирическим качествам эмпирических объектов, то есть объекты или качества объектов должны быть «...недоступны для научного метода или должны быть эквивалентным познавательным стандартом ценностей данной культуры»⁶⁰ Во-вторых, религиозные убеждения должны отвечать на вопросы о смысле существования человека и связывать эти ответы с моральными проблемами человека. В-третьих, неэмпирические объекты (смысл существования человека и космоса и этические или моральные стандарты ценностей) все должны обладать способностью вызывать установки почитания, уважения и обязанности — качество харизмы⁶¹.

Неэмпирические объекты универсалистически-аскриптивных систем убеждений не являются ни трансцендентными, ни имманентными в том смысле, в каком мы ранее пользовались этими терми-

⁵⁹ P a r s o n s, *The Social System*, pp. 191—194.

⁶⁰ P a r s o n s, *The Social System*, p. 359. Следует отметить, что Беккер в своих последних работах строго ограничивает содержание термина «религия» поведением, руководимым сверхъестественным. В случае некоторых имманентных, а не трансцендентных ориентаций, конечно, трудно провести границу между естественным и сверхъестественным.

⁶¹ В первой части этого очерка мы говорили о качестве святости; в данной части мы чаще пользуемся термином «харизма»; по-видимому, второй из этих терминов включает и первый, поскольку святость, по существу, применима только к трансцендентному, сверхъестественному, в то время как харизма является качеством, внушающим трепет, качеством, которым обладает имманентное или трансцендентальное, неэмпирическое или же естественное. Священное — более широкая категория, чем святое или харизматическое, поскольку имеются иные источники установок уважения и лояльности, чем те, которые исходят из качеств неэмпирических или эмпирических объектов, обладающих, как полагают, естественными атрибутами. Итак, мы можем принять во внимание заявление Беккера, что простые люди могут проводить тонкое различие между святым и несвятым, примером чего является способность некоторых немецких крестьян проводить различие между богом как трансцендентным и Гитлером как естественным харизматическим вождём и, таким образом, отвергать Гитлера как источник религиозного предписания. Для данного анализа подходит это различие, но естественный Гитлер будет являться объектом, связанным с неэмпирическим объектом немецкого народа, дающим ответы на вопросы о значении жизни и навязывающим эти ответы, а также и вытекающую из них этику, в силу своего естественного-харизматического качества. Другими словами, и бог, и Гитлер являются центрами систем священных убеждений, но поскольку христианский бог сверхъестествен и трансцендентен, он обладает святостью, которой нет у Гитлера. Ср. H o w a r d B e c k e r, 1951 *Commentary on Value-System Terminology*, in B e c k e r and B a r n e s, *Social Thought from Lore to Science*, pp. VIII—X. (Прим. редакторов-составителей: см. попытку разъяснить это различие в гл. 6—«Современная теория священного и светского и ее развитие».)

нами. Однако, по-видимому, существует тип исторической имманентности: эмпирическим объектам или процессам в истории придают естественные и даже неэмпирические черты, которые превращают их в объекты уважения и долга. Возникновение этих объектов и процессов может быть связано с упадком влияния трансцендентных и космических имманентных систем убеждений и из вытекающей отсюда потребности найти новые источники значений и ценностей. Этот процесс можно в известной степени понять благодаря легкости, с которой смешиваются неэмпирические и эмпирические убеждения, относящиеся к истории, так что естественные или неэмпирические качества могут приобретать статус научного или по крайней мере эмпирического, основанного на здравом смысле знания.

Однако требуется нечто большее, чем исторически имманентные объекты и процессы, для описания универсалистически-аскриптивных систем ценностей, ибо объекты и процессы этого рода развились в западной цивилизации как поддержка универсалистически-достижительным ценностям, что подтверждается такими священными концепциями, как учение о прогрессе или о нации как образе жизни. Только когда эти процессы или сущности становятся объектами глубокого почитания, требующими жертвы мирских интересов, они могут стать источником универсалистически-аскриптивных ценностей. Таким образом, нация, как образ жизни, остается священной в силу традиции и в качестве таковой поддерживает ценности, унаследованные из прошлого, но «нация», или «народ», или «диалектика истории» становятся мистическими сущностями, парящими над или вне жизни членов общества, через которых они могут проецировать цели, требующие полного подчинения всех интересов инструментальноориентированному усилию, направленному к цели во имя этой мистической сущности. Некоторые убеждения подобного рода, хотя они являются явно идеологическими, содержат в себе основные элементы священного убеждения, которое может служить источником универсалистически-аскриптивных ценностей⁶²

⁶² Парсонс в своем единственном подробном объяснении развития универсалистически-аскриптивных ценностей склонен ассоциировать их с функциональными требованиями, стоящими перед общественным движением, ориентированным в мирском направлении, но коренным образом отвергающим существующий институциональный порядок, как движением, которое становится господствующим в более крупной социальной системе и пытается разрешить проблему дисциплины и интегрирования в социальной структуре («The Social System», p. 383, 525—529).

Однако время от времени делаются намеки, что эти системы остаются организованными вокруг универсалистически-аскриптивных ценностей и обладают в свою очередь системами убеждений, в которых присутствуют вышеописанные священные или даже святые элементы. Таким образом, «даже, может быть, в мыслях марксиста существует попытка объединить эти элементы, проецируя «сверхъестественное» в концепцию «диалектического развития истории» (там же, стр. 370). «Нацизм же, с другой стороны, представляет себе идеальное государство как политический идеал будущего, являющийся эманацией мистически идеальных качеств германского Volk'a» (там же, стр. 193).

Одной из главных проблем сравнительного и исторического анализа систем большого масштаба (или обществ) является вопрос линейного или теоретически установленного направления в изменении. Однолинейные эволюционные теории общественного развития, циклические теории истории и другие виды развития создавались только для того, чтобы подвергнуться критике, а затем быть отброшенными. Функциональные теории, развившиеся на основе действия, представляют собой гораздо более скромную концепцию, но это тем не менее концепция, которая дает логическую основу для анализа общественных изменений широкого масштаба. Она заключается в том, что существует врожденная тенденция к рационализации познавательных систем убеждений (культура) и, вероятно, также существует соответствующая тенденция в типах экспрессивного символизма⁶³.

Общепринятая доктрина теории культуры заключалась в том, что эмпирические познавательные системы убеждений (наука и техника) проявляют кумулятивную тенденцию. Функционалисты вслед за Максом Вебером утверждают, что тенденция к *рационализации* также присутствует в неэмпирических системах убеждений (философии и религии). Более того, эта тенденция к рационализации и введению новшеств в системы убеждений рассматривается не как механический культурный процесс, а как процесс действия, для которого характерно доминирование познавательных и оценочных ориентаций. Наконец, эта тенденция рассматривается не как эмпирическое свойство любой социальной системы, а, подобно «энтропии» в физике, как врожденная склонность к изменению, существующая до тех пор, пока она не встречается с целым рядом препятствий⁶⁴.

Если в наши дни, как и в XIX столетии, считается, что основной проблемой является развитие современного городского индустриального общества в его универсалистически-достижительной форме, то эту проблему можно рассматривать как один из видов процесса рационализации в сферах эмпирических и неэмпирических убеждений. Из долгого неравномерного развития эмпирических убеждений в системах возникли наука и техника современного мира, делающие возможным сложное профессиональное разделение труда. Из такого же долгого и запутанного развития систем религиозных убеждений, ориентированных на трансцендентальные неэмпирические объекты и этическое пророчество, объединяющее в себе элементы греческой и иудейской традиций, возникли совре-

⁶³ Parsons, *The Social System*, pp. 496—503. Анализ этой возможности в типах экспрессивного символизма еще настолько несовершенен, что он мало пригоден для анализа социальных изменений, данного ниже.

⁶⁴ Там же, стр. 336, 499—502.

менные универсалистически-достижительные ориентации на ценности, охватывающие основные структурные комплексы современного общества, включая и те области деятельности, которые направлены на получение научного и технического знания. Величайшим вкладом Макса Вебера в социальные науки явилось открытие существования процесса рационализации в сфере религии и философии и доказательство значения этого процесса для возникновения этики, которая делает возможным существование современного общества.

Не представляется возможным рассмотреть этот вклад здесь, но, может быть, было бы поучительным коснуться связи четырех типов общества Парсонса с процессом рационализации и другими источниками изменения. Для этого полезно установить соответствие четырех типов-переменных Парсонса со священно-светскими типами Говарда Беккера в их развитии с 1928 года, оба священно-светских типа в особенности сконцентрированы в проблеме связи типов общества с социальным изменением. При этом мы будем редко ссылаться на часто цитируемые слова Беккера о том, что «путь от одного полярного общественного типа к другому отнюдь не лежит в одном направлении», но будем часто иметь их в виду⁶⁵.

Провербальное общество и сопротивление изменению. Партикуляристически-аскриптивное общество является подходящей точкой отправления, поскольку оно соответствует беккеровскому провербальному типу. Беккер определяет священное общество как общество, требующее от своих членов «...образа поведения, обеспечивающего наибольшее сопротивление изменению». Согласно этому определению, препятствия на пути процесса рационализации весьма велики. В основе препятствий лежит сама партикуляристически-аскриптивная система ценностей с ее акцентированием родства и географическое местоположение. Диффузный характер партикуляризма или функциональности ключевых ролей общества препятствует инструментальной специализации повседневных задач, а также росту специализированных ролей в областях познавательной ориентации. Дополнительные препятствия этому развитию заключаются в отсутствии письменности и местной, «общественной» и умственной изоляции общества⁶⁶.

В обществе подобного рода до известной степени возможно имманентное развитие. Вероятно, возникнет система дифференцированных наград и привилегий, то есть система социальной стратификации, а также и центр власти, но они будут основаны на той же самой партикуляристически-аскриптивной модели и не будут сами

⁶⁵ Для наших целей наилучшее описание священно-светской типологии можно найти в кн.: H o w a r d B e c k e r, *Values as Tools of Sociological Analysis, Through Values to Social Interpretation*, pp. 3—92. Приведенная выше цитата находится на стр. 91. (Прим. редактора-составителя: в терминологическом отношении гл. 6 данной книги заменяет этот отрывок.)

⁶⁶ P a r s o n s, *The Social System*, pp. 44, 46—49, 52—53.

по себе являться источниками дальнейших изменений. Изменение, конечно, может возникнуть в любом элементе системы, и обществу, может быть, придется приспособиться к увеличению или уменьшению количества населения или к изменению естественных условий. Но если история является каким-либо доказательством, то такие изменения не могут сокрушить гнет традиции, если же они достаточно радикальны, то могут привести общество к нищете. Более того, нет доказательств, что изменения в этих элементах сокрушат партикуляристически-аскриптивную систему.

Если правильна теорема о процессе рационализации, то единственный выход из традициональности проverbsиального общества лежит в рационализации системы религиозных убеждений, а это в свою очередь зависит от ряда условий, при которых разрешение неэмпирических проблем познания становится неотложным. Согласно Парсонсу, Вебер полагал, что это, возможно, было бы имманентным процессом, когда «примитивная религия» достигает уровня символических формулировок. Беккер, с другой стороны, обнаруживает источники секуляризации (в смысле тенденций к рационализации системы убеждений) в разрушении изоляции и развитии культурных контактов. При этом может наступить период все большего разрушения норм, но это также может привести к появлению новых объединяющих ценностей или к возрождению старых ценностей.

Прескриптивное общество и санкционированная рациональность. Процесс рационализации может и не зайти так далеко, если неэмпирическая система убеждений движется к потусторонней трансцендентальной религии или к потусторонней или мирской имманентности. В любом из этих случаев новая религия в основном будет достоянием элиты. В случае потусторонней трансцендентальной религии развивается система универсалистски-достижительных ценностей в религиозной сфере, но основная масса общества может обрести новую традицию партикуляристически-аскриптивного типа. В случае развития имманентной, пантеистической концепции сверхъестественного, мирского или потустороннего характера тип партикуляризма и достижения, вероятно, определит роли элиты, а массы снова останутся на уровне «примитивной религии» и партикуляризма-приписывания⁶⁷

По-видимому, социальные изменения в любом из этих направлений приведут к подтипам беккеровского *прескриптивного общества*. В этом типе священного общества развивается подробная система догм, порождающая санкционированную рациональность действия, то есть действия в согласии с остальными моральными правилами, подкрепленными авторитарными или тоталитарными санкциями⁶⁸.

⁶⁷ Parsons, The Social System, p. 363; The Structure of Social Action, pp. 566—567; Becker, Values as Tools of Sociological Analysis, pp. 68—69, 76—79.

⁶⁸ Becker, op. cit., p. 57.

В данном случае санкционированная рациональность будет главным образом относиться к группам элиты, а массы в обществе все еще будут находиться под гнетом традиционных правил. Такие общества, хотя, может быть, и доступные территориально и в известной степени грамотные, будут сохранять барьеры, обеспечивающие социальную и умственную изоляцию. Наука и техника могут в таком обществе быть на несколько более высоком уровне, чем в чисто проverbsиальном обществе, но им все еще будут препятствовать традиционность и религия.

Несколько иначе обстоит дело с потусторонним универсалистически-достижительным типом прескриптивного общества. Этот тип частично превратил в институты ряд универсалистически-достижительных ценностей. Его универсализм придает ему познавательное значение, по крайней мере в области религии и философии, а также представляет некоторый интерес для познания эмпирического мира. Более того, в нем имеется элемент мирской ориентации, возникший как динамический фактор, как, например, в иудейско-христианской традиции.

Принципиальное общество и оформление социальных изменений. Для наших целей также несущественно выяснить, являются ли доступность и культурный контакт необходимыми условиями для дальнейшей рационализации системы. Важно то, что, если происходит дальнейшая рационализация, она ведет к распространению универсалистически-достижительных ценностей на систему ролей, связанных с повседневной жизнью общества. В этом случае наука и техника поддерживаются и институализируются точно так же, как и области религиозной и философской мысли. Институционализация универсалистически-достижительных ценностей допускает возникновение дифференцированной системы инструментально-ориентированных ролей, объединенных в комплекс рыночных отношений, так что разделение труда может все больше и больше усложняться. Индивидуумам разрешается в определенных границах следовать своим частным интересам, и политическая система и система социальной стратификации движутся в направлении большей демократизации. Пока это общество остается интегрированным, оно ориентировано на *принятие и оформление* социальных изменений. Таким образом, возникающее универсалистически-достижительное общество непосредственно соответствует принципиальному обществу Беккера, которое доступно в территориальном, социальном и умственном отношениях и ориентировано на изменение⁶⁸. Но в его основе лежит ряд ценностей и неэмпирических объектов, *священных* в беккеровском значении этого термина, а также *харизматических* в том смысле, в каком этот термин использован здесь.

Сохранение подвижного равновесия в этом типе общества ставит огромные проблемы интеграции, как об этом свидетельствует

⁶⁸ P a r s o n s, The Social System, pp. 335—348; B e c k e r, op. cit., pp. 74—76.

литература, посвященная современной социальной науке. Мы не имеем возможности рассматривать эти проблемы здесь, да это и не требуется. Единственное, что нужно отметить, — это все большую неспособность разрешить эти проблемы, создающую условия, при которых общество может оказаться настолько лишенным норм, что возникнет возможность новой реинтеграции на основе другой системы ценностей. Однако один аспект этих проблем нас непосредственно интересует, поскольку он имеет дело с продолжающимся процессом рационализации в области религиозных убеждений.

Если принципиальное общество должно остаться интегрированным, необходимо одно функциональное условие, а именно сохранение священного и харизматического характера системы основных ценностей. Это в свою очередь связано с последствиями процесса рационализации как в религиозной, так и в эмпирической сфере. Как мы уже видели, возникновение принципиального общества часто заключается в процессе рационализации религиозных убеждений, сосредоточенных на понятии трансцендентального божества, этического пророчества и мирской ориентации. Таким образом, его источник «свят» в специальном значении этого термина. Но два элемента в процессе рационализации стремятся оторвать светскую систему ценностей от ее источника, ибо, поскольку процесс рационализации продолжается в чисто религиозной области, развивающиеся религиозные учения имеют тенденцию утрачивать характер непосредственного символизма, которым они обладали в прошлом. Таким образом, появляется пропасть между системой религиозных убеждений народа и убеждениями слоев религиозной элиты. В то же время системы убеждений как народа, так и религиозных вождей подвергаются давлению продолжающейся рационализации эмпирических систем убеждений. В американском протестантизме по крайней мере реакцией на это давление был или обскурантизм фундаменталистов, или приспособление религиозных убеждений к системам мышления, отрицающим существование важной неэмпирической области.⁷⁰

Для процесса рационализации характерно то, что при снижении его уровня процесс вновь возобновляется на низшем уровне. Старые религиозные системы, обосновавшиеся главным образом в науке и склонные принимать фундаментальные ценности институционализированной структуры — такие, как вера в эволюционный прогресс, нацию как образ жизни, и человека — в значительной степени поддерживали универсалистически-достижительные ценности и породили только слабое качество харизмы в своих неэмпирических объектах. Подобно «примитивной религии», из которой они происходят и вкладом в которую они явились, они служат для законного порядка источником умеренной харизмы.

⁷⁰ P a r s o n s, *The Social System*, pp. 377—378; R e i n h o l d, Niebuhr, *The Self and the Drama of History*, New York, 1955, pp. 109—110.

Провербиально-прескриптивный тип. Но если в социальной системе существуют значительные тенденции к различным типам лишенной норм секуляризации и серии внешних кризисов, может возникнуть функциональное требование вновь оживить систему ценностей или ряд условий, требующих ее изменения. В этом случае единственным источником, способным вызвать установки уважения и обязанности, является мощная харизма. «Примитивная религия», или вера в веру, уже недостаточна, так же как и умеренная харизма старых «натуралистических» эмпирических религий. Снижение уровня рационализации, представляемое фундаментализмом, означает, что такая вера имеет мало отношения к проблемам интеграции универсалистически-достижительного общества, хотя она и важна в этом отношении на *личном* уровне.

Среди натуралистических исторически имманентных религий имеются, однако, некоторые полурациональные системы убеждений, связанные с проблемой интеграции. Это системы, в которых неэмпирические объекты, подобно нации или истории, получают харизматическое значение, когда их ставят над народом или противопоставляют ему в повседневной жизни. Государство, нация, народ и другие объекты могут стать объектами глубокого почитания, уважения и послушания и, следовательно, — источниками интегрирующих ценностей. Но, поскольку все эти объекты являются формами общественной организации, они неизбежно приводят к доминированию мистической социальной группы над другими членами группы, а также к институционализации универсалистически-аскриптивных ценностей. Это, по-видимому, один из главных аспектов перехода общества любой формы к универсализму-приписыванию и особенно перехода универсалистически-достижительного типа к универсалистически-аскриптивному.

Этот возникающий тип представляет собой еще один подтип беккеровского прескриптивного общества. Он отличается от всех других подтипов, которые уже обсуждались, своей попыткой, с одной стороны, строго организовать структуру ролей в обществе на аскриптивной основе, а с другой — сохранить инструментально-ориентированный динамизм в научной и технической сферах. Это по крайней мере правильно в отношении радикальных разновидностей универсалистически-аскриптивного типа. Консервативный тип, стремящийся стабилизировать статус-кво системы, может отказаться от динамизма и изменения во всех областях. Этот тип, консервативный или радикальный, по-видимому, обладает врожденной нестабильностью. Если радикальный тип продолжает делать упор на науку и технику, его универсалистские элементы могут в конце концов породить огромные напряжения, которые сократят существующую интеграцию. То, что возникает, будет зависеть от остаточных элементов других систем убеждений и их способности к рационализации. Консервативный тип и радикальный тип, ставший консервативным, могут постепенно впасть в партикуляризм и приписывание через рационализацию и распространение

остаточных элементов аспектов системы убеждений, поддерживающих такие ценности: «...[прескриптивные] общества никогда не остаются просто... [прескриптивными], если они на какое-то время сохраняются как общества. Скоро возникает то, что может быть названо... [провербиально-прескриптивным] типом»⁷¹.

Возвращаясь к универсалистски-достижительному обществу можно указать, что имеется еще один источник функционально-необходимой харизмы, совместимой с ценностями этого общества. Этим источником в случае современного светского общества является исторически сложившаяся система иудейско-христианской традиции в ее мирской форме. Эта традиция продолжает рационализироваться, но она никогда не отступала от своих основных понятий трансцендентального, неэмпирического, этического пророчества и мирской ответственности. Ее основными ценностями являются универсализм и достижение, хотя они рассматриваются в свете трансцендентальной этики любви, с точки зрения которой о них и нужно судить.

Как социологи, мы не можем судить об истинности или ложности этой веры. Но если функциональная теория связи между высшими ценностями и религией достоверна, можем ли мы, как ученые, сомневаться в ее значении для интегративных проблем современного принципиального общества?

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Becker Howard, *Through Values to Social Interpretation*, Durham, N. C., Duke University Press, 1950.
- Becker Howard, *Man in Reciprocity*, New York, Frederick A. Praeger, Inc., 1956.
- Becker Howard, *A Sacred-Secular Evaluation Continuum of Social Change*, «Transactions of the Third World Congress of Sociology», Amsterdam, 1956, 6, pp. 19—41.
- Camus Albert, *The Rebel*, translated by Anthony Bower, New York, Alfred Knopf, 1954.
- Mukerjee Radhakamal, *The Social Structure of Values*, London, Macmillan, 1949.
- Parsons Talcott, *The Place of Ultimate Values in Sociological Theory*, «Ethics», 45 (April, 1935), p. 282—316.
- Parsons Talcott, *The Social System*, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1951.
- Parsons Talcott, *The Structure of Social Action*, New York, McGraw-Hill, 1937.
- Riesman David, *The Lonely Crowd*, New Haven, Yale University Press, 1950.

⁷¹ Becker, op. cit., pp. 57—63, 66.

- S u m n e r W. G., Folkways, New York, Ginn, 1906.
- T h o m a s W. I. and Z n a n i e c k i F l o r i a n, The Polish Peasant in Europe and America, Boston, Richard G., Badger, 1918—1921, 5 vols (also available in a two-volume edition, Alfred Knopf, 1927).
- W e b e r M a x, From Max Weber: Essays in Sociology, translated and edited by H. H. Gerth and C. Wright Mills, New York, Oxford University Press, 1947.
- W e b e r M a x, The Theory of Social and Economic Organization, translated by A. M. Henderson and Talcott Parsons, New York, Oxford University Press, 1947.
- Z n a n i e c k i F l o r i a n, Cultural Sciences, Urbana, University of Illinois, 1952.
- Z n a n i e c k i F l o r i a n, Social Actions, New York, Farrar and Rinehart, 1936.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ СВЯЩЕННОГО И СВЕТСКОГО И ЕЕ РАЗВИТИЕ

Говард Беккер

В данной главе дается то, что логически следовало бы излагать позднее. Только после того, как будет дан общий очерк современной теории священо-светского, мы перейдем к изложению ее деталей. В связи с этим неизбежны кое-какие повторения, но возможная опасность нагнать скуку на читателей, не заинтересованных в деталях, представляется еще худшей. Выбранный нами порядок изложения позволяет этим читателям прекратить чтение после ознакомления с сущностью теории.

Этого порядка, по-видимому, следует держаться и по следующим причинам: автор даже при изложении существа теории священо-светского будет исходить из того, как она затрагивает его самого, и — к счастью, в весьма небольших размерах — нечто вроде интеллектуальной автобиографии неизбежно будет возникать как фон при изложении деталей. Во многих случаях (будем надеяться, в основном произвольно) выступят многочисленные предрассудки, находящие себе выражение в недоговоренности или многословии, и по временам личный оттенок, свойственный изложению, может показаться раздражающим. Однако принятый здесь способ изложения в известной мере позволяет избежать этого. Еще одно предварительное замечание. Во всех случаях, где возможно, будет использован тот тип английского языка, который встречается в словарях, хотя иногда он будет казаться несколько академическим. В большинстве случаев это послужит своим целям, если учитывать обычное словоупотребление, сосредоточиваясь временами на одном частном значении слова и исключая другие. Кроме этого, автор будет стараться, насколько возможно, излагать свои мысли ясно и понятно. Конечно, у автора не всегда хватит умения для достижения этого идеала простоты и ясности, особенно из-за нехватки места для приведения соответствующих примеров, но по крайней мере он попытается сделать это¹.

¹ Ч. Р. Мэйс, английский психолог, в 1951 году, выступая на секции психологии британской научной ассоциации, сказал: «В своей работе я еще не встречался с фактом или теорией, которые после известного размышле-

Взаимосвязь потребностей и ценностей

Термины «священный» и «светский» являются основными для нашего изложения, однако их обсуждение будет отложено, пока мы не сможем поместить их в соответствующий, более полный контекст. Пока достаточно сказать, что они служат для обозначения определенных типов ориентации на любые объекты или потребности, то есть ценности. Ценность может быть ощутимой и неощутимой, привлекательной или отталкивающей, «частной» или «общественной», «реальной» или «воображаемой», смутной или ясной и т. д. Ее характер как объекта заключается в том, что она определяется как объект организмом, ощущающим связанную с ней потребность. Швейцарский сыр, «царствие небесное», благосостояние, нищета, тайная гордость, дорогая машина, придающая престиж, вражеский солдат, сатана, слава и долг в десять долларов — все они являются объектами некоторых потребностей, а также ценностями в том смысле, в каком мы употребляем данное слово².

Потребности также могут быть многочисленными и разнообразными. Потребности всегда возникают в организме, но отнюдь не всегда для пользы организма, то есть они не всегда способствуют его выживанию, а еще меньше — «правильному функционированию». Другими словами, не существует потребностей, которые не были бы потребностями живых существ, но они могут проявляться таким образом, что существа, проявляющие их, перестают существовать. Потребность посвятить себя христианству как ценности может привести к мученической смерти миссионера. Отец Дамиен не дождал до библейских семидесяти лет; когда он отправился к прокаженным на Молокай, он знал, что это приведет к ранней и мучительной смерти. Отсюда следует, что современные различия, проводимые психологами между «первичными» и «вторичными» потребностями, приносят, по-видимому, мало пользы. Потребности, которым люди *научаются*, часто приводят к последствиям, которые невозможно предсказать, если исследователь рассматривает «биологические потребности» как «первичные».

Более того, взаимосвязь потребностей и ценностей представляет дальнейшие трудности для предсказания. Говорить, что нет

ния нельзя было бы передать языком, понятным неглупому школьнику» (цит. по лондонскому «Дейли Телеграфу» от 16 июля 1951 года, стр. 2). Это несколько преувеличено, ибо многое зависит от выбора «неглупого школьника»; но если автору будет позволено заменить эти слова выраженным «неглупый студент-первокурсник», то смысл, хотя несколько и неясный, будет тем не менее ближе к истине.

² Этот абзац в основном базируется на следующих книгах: R. B. Perry, *A General Theory of Value*, New York, 1925; A. L. von Meining, *Zur Grundlegung der allgemeinen Werttheorie* (posthumous work, ed. by Mally, Gratz, Leuschner and Lubensky, Vienna, 1923); Florian Znaniecki, *Cultural Sciences, Their Origin and Development*, Urbana, 1952, pp. 172—174, 183—185, 238.

ценностей без потребностей и нет потребностей без ценностей, было бы, по-видимому, чистым доктринерством. Может быть и так, но это положение можно несколько смягчить, исходя из внешне бесполезных положений. Точнее, следующее рассуждение о природе предсказания, случайности, повторности, «данных» («givens») и «взятых» («takens») может оказаться полезным, хотя и весьма кратким.

Что случается, может «снова» случиться.

Интерес к предсказанию, конечно, не обязательно является научным. Мы все немножко страдаем от «ненасытного любопытства» к странному или необычному поведению. Действительно, мы часто задаем себе вопрос: «Что же произойдет дальше?» — и даем на него ответ не только тогда, когда встречаемся с необычным, но даже и тогда, когда происходит повседневное. Такое праздное или насыщенное эмоцией любопытство часто сопровождается или подкрепляется более или менее ясно понимаемыми личными интересами экономического, политического и другого характера. Предсказание явно имеет огромное значение также и для общих интересов группы, национальной или какой-либо другой, а может быть, и для человечества в целом: «Сможет ли человек пользоваться атомной энергией, не уничтожив самого себя?» Это, по-видимому, весьма значительный, если не сказать больше, вопрос.

Исследования таких важных вопросов, имеющие целью предсказания, очевидно, тщетны ввиду пробелов нашего знания, но в областях, в которых мы лучше информированы, таких, как большинство технических отраслей и многие науки, точный ответ на вопрос «Что же произойдет дальше?» вполне возможен. Если мы можем предсказывать, то это, вероятно, означает, что мы достаточно знаем о необходимых условиях происходившего, чтобы прийти к тому, что может рассматриваться как повторение данных событий. Короче говоря, когда мы достаточно уверены в том, что может произойти, мы обычно можем произвести какие-то действия, способствующие тому, чтобы это повторилось. Это закономерно, ибо технология и наука сосредоточивают свое внимание на повторении, а не просто на том, что случается. Основной вопрос в отношении любого события следующий: «Насколько вероятна повторяемость?» Такой вопрос во многих отношениях является, по существу, основным для чистой науки. Более того, прикладная наука стремится помешать или вызвать повторение того или иного явления, стремясь к какой-то полезной цели. «Знания ради предсказания, предсказания ради контроля» — старый социологический афоризм, который действительно часто слышится в наши дни³.

³ Более полное обсуждение данного вопроса и библиографию см. в кн.: Howard Becker, *Through Values to Social Interpretation*, Durham, N. C., 1950, Chap. 6. (Этот сборник очерков в дальнейшем изложении будет обозначаться TVTSI). Приведенный афоризм («Savoir pour prévoir, prévoir pour pouvoir») принадлежит, конечно, Огюсту Контю.

Бегство от неповторимого

Такая связь предсказания и контроля не случайна, она скорее неотъемлемое свойство технической и научной деятельности⁴. Так или иначе, даже в чистой науке всегда возникает основной вопрос: «Можно ли контролировать это *«предполагаемое»* повторение, и если да, то как?»

Но зачем вставлять, да еще в кавычках, *«предполагаемое»*? Конечно, это не означает, будто здесь ничего не произошло, а означает лишь, что то, что произошло, как *предполагается*, — «это то», что уже происходило. Было бы, несомненно, оправданным рассматривать одно событие как тождественное другому, но это все-таки остается только предположением. Грубый опыт всегда и всюду одинаков: в буквальном понимании этого слова нет ничего тождественного чему-то другому⁵.

Точка зрения, представляемая словом *предполагаемое*, может быть выражена следующим образом: «*Каждое* повторение есть событие, но *ни одно* событие не есть повторение». Повторяя Гераклита, «все течет» и «в одну и ту же реку нельзя войти дважды». Когда я пишу эти строки, я наблюдаю, как паук с поврежденной ногой с трудом ползет по полу. Этого паука можно классифицировать согласно роду, виду, особи и т. д. и т. д., но он все же будет именно *данным* пауком, и никаким другим, в ситуации, которая никогда не сможет быть точно воспроизведенной. Если я хочу о пауках говорить так, что их деятельность могла быть предсказана и проконтролирована, я буду вынужден отказаться от полной уникальности непосредственного наблюдения⁶.

Пренебрегая здесь теми течениями мысли, которые преобладают в обширной литературе об эпистемологии и философии науки, отметим, что такое предсказание и контроль, проявляющиеся в «законах природы», являются *полностью* результатом деятельности человека. Человек *создает* свои «законы природы», а не просто открывает формулы Божественного Математика. Этот вывод справедлив не только для науки, но и для самой математики, каким бы таинственным ни казалось соответствие между математическими символами и событиями, которые они известным образом представляют, эта таинственность основана только на недостаточном знании человеком своих собственных поступков. Мы *конструируем* инструменты, при помощи которых, хорошо или плохо, овладеваем самими собой и окружающим нас миром⁷. Пользуясь выраже-

⁴ Это использование «предсказания и контроля» как парных терминов требует объяснения, которое, однако, не может быть дано из-за недостатка места. См. TVTSl, особенно стр. 285—290. Здесь уделяется внимание гипотетическому и действительному, ретроспективному и перспективному предсказанию.

⁵ TVTSl, pp. 97—101.

⁶ Там же, стр. 105—108.

⁷ См. John Doby (ed.), Introduction to Social Research, Harrisburg, Pennsylvania, 1954; глава, написанная Д. Ч. Маккинни, содержит обширную библиографию по данному вопросу.

ниями настолько сжатыми, что они, хотя и непреднамеренно, имеют оттенок догматизма, скажем, что в конечном счете мы стоим перед вопросом: «Как, используя события, должны мы создать предполагаемые нами повторения?» Этот вопрос можно теперь обсудить более подробно, рассматривая в то же время кое-что из того, что было ранее под несколько иным углом зрения. (Детали см. в гл. 7 данной книги, написанной Д. Ч. Маккинни.)

Знание никогда не бывает полным

Говоря о «случающемся», мы хотим сказать, что мы пережили, ясно или смутно, в многообразии или единстве, какое-то происшествие или событие. Если нас спросят, почему мы знаем, что мы что-то пережили, то на это может быть готов ответ: «Мы же живы — не так ли?» Но паук со сломанной ногой на полу террасы также жив; знает ли он что-нибудь о человеке, который пишет о нем? Конечно, если только не прибегать к сказкам, автор знает о событиях, которые паук не знает и не может знать. Но знает ли автор то, что знает паук? Нет! Многочисленные глаза паука находятся на огромном расстоянии от нас, и мы не имеем ни малейшего представления, как координируются образы, проходящие через сотни линз, или как они сливаются. Мы вряд ли можем сомневаться, пока нет соответствующих доказательств против этого, что мир паука, видимо, резко отличается от нашего. Подумайте о доказанной способности этой твари жалить некоторые виды других насекомых именно в ту точку, которая вызывает паралич. Мы имеем только самое смутное представление о том (если вообще его имеем), как это происходит. Эти примеры можно продолжить, но основной пункт уже достаточно ясен. Паук может реагировать на явления, недоступные непосредственно нашим чувственным органам. Из того немногого, что нами непосредственно воспринимается, мы делаем выводы, а затем, если мы энтомологи, склонные к эксперименту, пытаемся проверить это прагматически. Можно допустить, что в один прекрасный день мы построим инструменты с циферблатами или какие-нибудь иные, которые восполнят недостатки наших органов чувств, но они никогда не смогут передать нам непосредственного опыта паука. У нас просто нет необходимой для этого природы паука.

Покончив с этим примером и перейдя теперь к недостаткам человека, ограничивающим наши знания, мы можем утверждать, что виной неосведомленности часто является воспитание. Сегодня мы воспринимаем явления, совершенно неизвестные нашим предкам. Там, где когда-то божья воля, дьявол, колдовство, дурной глаз, миазмы, исходящие из болота, ночной воздух и т. д. рассматривались как причины лихорадки и т. п., мы теперь говорим о бактериях и даже нефилтрующих вирусах. Более того, обычный микроскоп позволяет нам непосредственно видеть все, что попадает в нижнюю область световых волн, которые может эффективно воспринимать наш глаз, а при помощи фотоснимков электронный

микроскоп позволяет нам косвенным образом видеть далеко за теми пределами, к которым приспособлено наше зрение. Другими словами, наше современное воспитание, включая приобретенную способность пользоваться сложной культурой, в огромной степени расширило известный нам мир по сравнению даже с тем миром, который был известен предыдущему поколению.

Наряду с этим контрастом между вчерашним и сегодняшним воспитанием и сопровождающим его контрастом в объеме знания мы должны неизбежно признать подобные контрасты между сегодняшним днем и завтрашним. Мир 1970 года, если только не произойдет атомная катастрофа, будет, конечно, совершенно иным, чем наш мир 1957 года.

Мы не можем принять все, что дано

Смысл этого заголовка может быть кратко изложен следующим образом. Сегодня мы имеем дело с «данными», которые мы не в состоянии, по крайней мере пока, превратить во «взятые»⁸. Иначе говоря, все «взятые» являются «данными», но не все «данные» — «взятыми». Мы не берем все, что нам дается, не можем схватить все, что встречается. Только то, что мы не можем схватить, благодаря нашей природе и воспитанию превращается в знание. Другими словами, наш опыт как знание является «взятым», а не «данным». «Взятые» — это «данные», которые так или иначе действительно известны какому-нибудь организму. Когда организмы сильно отличаются друг от друга, соответственно отличается и мир их опыта; «взятые» паука не являются нашими, и наоборот. Основываясь частично на обширном разнообразии организмов и явном росте человеческого знания, позволительно предположить: из того, что может быть безграничным рядом «данных»⁹, мы можем получить только ограниченный ряд «взятых».

Переходим теперь к тесно связанной с этим теме. Все организмы развились в течение длительного процесса естественного отбора. Способность этих организмов ухватить то или иное из окружающих их «данных» определила их природу самым существенным образом, и характерные черты «данных» определили их способность. Неспособность реагировать на происходящее означала устранение организма; каждый выживший организм «знает» мир

⁸ Эти термины («givens» и «takens») являются англоязычными латинскими формами *data* и *capta* и хотя они тяжеловесны, зато ясны. «Datum» происходит от слова, означающего «давать», «предлагать», «дарить», а «captum» — от «схватывать», «понимать», «захватывать», «ловить». «Concept», «percept», «prescept» и т. д. включают в себя смысл слова «capture». См. TVTSl, p. IX. предложение Говарда Е. Дженсена о терминологии.

⁹ Такие «данные», конечно, основаны на выводе. Мы предполагаем, что поскольку «данные» в прошлом являются в настоящее время «взятыми», то сейчас мы имеем дело с «данными», которые впоследствии могут стать «взятыми». Если бы кто-нибудь захотел сказать, что каждое «взятое» — это просто специально созданное «данное», не имевшее предыдущего существования, он мог бы, конечно, это сделать, но в результате получился бы солипсизм.

опыта, который в качестве набора «взятых» позволяет ему выжить. То, что известно, необходимо; что необходимо, известно¹⁰. Хотя в любой данный момент данный организм может реагировать на «взятые» в том смысле, что они для него безразличны, в каком-то пункте эволюционного развития этой общей формы организма такие «взятые» перестанут быть безразличными и станут жизненно важными для него в полном значении этого слова. Влечение и отвращение, истолковываемые в терминах организма, теперь неразрывно связаны или были связаны с самим знанием. Выражаясь специальным языком, познание и конация¹¹ неотделимы; то, что известно, желаемо (позитивно или негативно), а то, что желаемо, известно.

Обычно признают, что не все организмы привлекаются или отталкиваются одним и тем же, но это явная и избитая истина. Далее, имеется большое разнообразие в неясности или ясности, различии или единстве того, что желается. Здесь нам следует только упомянуть о многообразии инстинктивного наследия — от неподвижного и определенного до его полной противоположности, гибкого и аморфного. Человек обладает желаниями всеядных, двуногих, млекопитающих, не впадающих в зимнюю спячку, а также других видов, и в этом отношении он очень похож на своих примитивных родственников, но мы знаем, что все эти желания концентрируются у полюсов гибкости и аморфности.

Действительно, весьма вероятно, что обширное человеческое знание развивалось параллельно с утратой неподвижного и определенного инстинктивного наследия. Более того, весьма возможно, что рост культуры, также идущий параллельно этому, косвенно ответствен за ослабление механических эффективных инстинктов. Неприобретенные, но весьма ловкие движения молодого гиббона, когда он лазает по деревьям или ловит насекомых для пищи, могли быть также движениями детей в далеком прошлом. Но тщательно сделанные корзинки, общественный колодец и координированная тактика при ловле кузнечиков калифорнийских индейцев показывают, что те важные инстинкты, которыми обладали их далекие предки, постепенно стали ненужными для выживания, по мере того как развивалась культура ловцов кузнечиков. Мы признаем, конечно, что такое приписывание ослабления инстинктов культуры

¹⁰ Чтобы не думать, будто это тождественно утверждению, что каждый элемент культуры должен обладать «функцией», иначе он не был бы «частью культуры», обратите внимание на то, что потребности благодаря постоянному новому определению в связи с изменением ценностей могут утратить свою полезность для выживания; они даже могут противодействовать выживанию. Поэтому «потребность» используется здесь в очень широком смысле, и следует помнить о возможном резком контрасте, о том, что требуется данному организму, ставшему человеческим, и что требуется вообще организму *per se*.

¹¹ Этот термин предпочитается «катексису» Фрейда, поскольку последний связан с психоаналитической теорией, по отношению к которой автор настроен весьма скептически. «Желание» эквивалентно конации, позитивной или негативной, и используется исключительно благодаря его удобству.

весьма спекулятивно, но не упомянуть об этой возможности нет оснований. Во всяком случае, большинство современных антропологов и социологов согласятся, что человек, не имеющий культуры, из всех живых существ хуже всего приспособлен для жизни.

Хотя выводы из вышеприведенной точки зрения достаточно явны, не помешает более подробное их изложение. Если знание и желание неразрывно связаны, все объекты, без исключения, являются ценностями. Конечно, способы определения ценностей весьма различны; горькая пилюля, выплюнутая новорожденным ребенком, представляет собой ценность, хотя и негативную, и является таковой потому, что связана со смутной, но тем не менее действительной потребностью. Ясно, что все организмы, человеческие или нечеловеческие, тем или иным образом ориентируются на ценности; они или привлекаются ими, или выказывают к ним отвращение и обладают потребностями, которые тем или иным образом соответствуют им. Единственным имеющим значение для предсказания различием между *человеческим* организмом и всеми другими служит то, что потребности и ценности первого символически выражаются стандартными жестами, включая, согласно Д. Г. Миду, и речь как устный жест. В другом месте автор пытался провести различие между пятью уровнями потребностей-ценностей, причем три из них свойственны всем организмам, а два являются специфической чертой *Homo sapiens*, который во взаимодействии со своими ближними приобрел культуру, а в период своего раннего детства — ориентацию на себя и других¹². Дальнейшие разъяснения бесполезны: литература по этому вопросу обширна и хорошо известна¹³.

Природа ценностей и оценка

Наши отступления сослужили свою службу. Обратимся теперь к ценностям и системам ценностей, рассматриваемых как священные и светские. Наши отступления, может быть, привлекли внимание к тому факту, что в термине «ценность» в том смысле, как мы его использовали, имеется некоторая двусмысленность¹⁴. Из всего того, что известно сейчас о людях, видно, что простое знание и желание не являются специфически человеческими; решающее здесь — ограничение дозволенности, обусловленное культурой. Говоря менее абстрактно, все «взятые» подвергаются суждению (осознанно или неосознанно): правильное — неправильное, хорошее — плохое, приличное — неприличное, удобное — неудобное и т. д., и эти нормативные суждения охватывают больше чем одного актера. Другими словами, количество известных и желаемых ценностей гораздо шире того количества, которое находит выражение в фактическом поведении. Говоря популярно, человек,

¹² Дальнейшее см.: Howard Becker, *Man in Reciprocity*, New York, 1956, далее обозначаемый MIR, Chap. 6 and 7.

¹³ «Символическое взаимодействие» является основным термином.

¹⁴ Это же относится, конечно, и к термину «потребность».

может быть, никогда не делает то, что он *мог бы* пожелать сделать¹⁵.

Обсуждая ценности на человеческом уровне, возможно поэтому говорить о проблемах, часто прибегая к термину «нормы». Действительно, если бы это было не так громоздко, то было бы правильно говорить о деятельности человека как состоящей по существу из «знания-желания-нормирования»¹⁶.

Несомненно, что люди, занятые этой деятельностью, часто не имеют даже и смутного представления о том, что их «взятые» пропускаются через нормативный фильтр. Выбор был сделан за них их предшественниками, и причем таким образом, что не видно никаких действительных альтернатив этому выбору. Только опытный наблюдатель, который, как предполагается, имеет в виду доказательство о существовании большего количества разнообразного поведения, чем то, которое присуще наблюдаемому субъекту, в состоянии сказать о том, что могло или не могло быть выбрано. Возвращаясь к более простой, но отнюдь не менее точной фразеологии, это можно выразить следующим образом: «Эти люди не знают, что для них полезно» или вредно. Природа и воспитание, следовательно, ограничивают «знания-желания-нормирования» так, что иногда в отношении отдельных субъектов эти ограничения становятся весьма жестокими.

Далее, назвать наблюдателя «опытным» не означает предположить, что он всеведущ; он также действует только в определенных границах дозволенного, хотя последние и могут быть весьма широкими, что означает, что он сознательно или несознательно применяет нормативные суждения к тому, что он наблюдает. В случае социолога, ориентирующегося на предсказания *как* ученого, его нормы ведут к устранению эстетических, шуточных, религиозных и других воображений, если только они не обещают способствовать большей возможности предсказания. Он постоянно выносит суждения вроде следующего: «Все суждения ценности, помимо высшего суждения ценности, что предсказание является ценным само по себе, должны отбрасываться социологом в его строго научной роли». Если подтверждается предсказание, полученное в результате деятельности социолога, он все еще не имеет оснований предполагать, что достиг истины в ее полном смысле. Он просто выбрал и соответственно обработал те доказательства, которые имеют решающее значение для достижения его высшей ценности. Различие между опытным наблюдателем-социологом и лицами, которых он наблюдает, заключается, по существу, в разнице между сторонни-

¹⁵ См. TVTSI, p. 21, note 26.

¹⁶ Конечно, вполне возможно подчеркнуть любое действие в «знании-желании-нормировании» так, чтобы выделялся один аспект и *как бы* исключались другие. В первую очередь поведение может быть познавательным, конативным или нормативным. Но нигде нельзя эмпирически найти *чистое* знание, желание или нормирование.

ком системы предсказываемых ценностей и лицами, придерживающимися других взглядов¹⁷.

Заметьте, что в предыдущем абзаце, говоря об *общем* употреблении, мы снова возвратились к «ценностям». В качестве любого объекта, любой потребности ценность представляет собой результат знания-желания-нормирования; то, что известно, есть ценность; то, что желается, — ценность; то, что нормируется, — ценность. Подобным же образом «оценивание», или оценка, может и должно употребляться для обозначения *любой* деятельности человека, которая определяет ценности потребностями, и наоборот¹⁸. Таким образом, мы пришли к тому, с чего начали: ценности и система ценностей опять стали центром нашего внимания.

Всеобъемлющий характер священного и светского

Священные и светские ценности и системы ценностей представляют собой совершенно абстрактный уровень формулировок, хотя индуктивно они выводятся из весьма существенной области эмпирических доказательств. В конце этой главы, касаясь истории некоторых священно-светских построений, мы достаточно ясно покажем тесную взаимозависимость индукции и дедукции; построения возникают постепенно; когда встречаются моменты, вызывающие недоумение, они не устанавливаются заранее. Но здесь автор забегаает вперед; по-видимому, изложение лучше будет продолжать последовательно.

Готовность или нежелание принять или приступить к социальным изменениям дают нам основные линии построения того, что может быть названо священно-светской шкалой или континуумом. Любое общество или часть его, сообщающая или требующая от своих членов оценок, которые могут быть изменены только при наличии определенного эмоционального сопротивления, является священным обществом — сокращенный термин для обозначения общества, обладающего культурной системой, стремящейся к этому вышеупомянутому сопротивлению. Напротив, любое общество или часть его, которая сообщает или требует от своих членов оценок, ведущих к ярко выраженной готовности к изменению, является светским обществом, употребляя тот же краткий термин. Проблемы, связанные с социальными и культурными изменениями (см. гл. 9 данной книги, принадлежащую Алвину Боскову), следовательно, построены в пределах священно-светской шкалы, так же как и в некоторых отношениях соответствующие им проблемы социального контроля.

Исходя из этих соображений и их эмпирических доказательств, священные ценности необходимо поэтому рассматривать как охва-

¹⁷ См. TVTSI, Chap. 6.

¹⁸ В этой трактовке потребности и ценности косвенно присутствуют то, что со времени Макса Вебера стало известно как *схема средств — целей*. См. MIR, pp. 111—136, а также pp. 190—196. Об этом также говорится в TVTSI; см. указатель для «ends» (цели) и «means» (средства).

тывающие нечто гораздо большее, чем область религиозного, духовного, божественного и т. д.¹⁹ Любое поведение может рассматриваться как зависящее от священных соображений, когда оно сопровождается характерным нежеланием изменить ценности или связанные с ними потребности. Другими словами, нежелание или неспособность либо то и другое (связанные со страданием или подобными же признаками напряжения) изменить любой аспект «образа жизни» являются священной оценкой. У лица, дающего такие оценки, некоторые потребности настолько переплетены с определенными ценностями, что оно ощущает и действует ненормально, когда предполагается (не говоря уже о том, что требуется) изменение в этих потребностях и оценках.

Культура—решающий фактор

Будь они священными или светскими, эти ценности определяются в известной степени и известным образом культурой. То, что священо для любого народа в принятии пищи, совокуплении, борьбе и поклонении, является тем, что тем или иным образом учили считать священным. Хотя и отличным, но схожим образом то же самое истинно и в отношении светских ценностей, ибо, хотя светское и не является просто противоположным священному, все же с уверенностью можно сказать, что готовность к изменениям и любовь к ним являются приобретенными. Способность или желание изменений, так же как их противоположности, представляют собой приобретенные способности. Из того, что было сказано выше, ясно, что научиться светскому поведению означает нечто большее, чем просто приобрести признанные или непризнанные нерелигиозные, светские или скептические потребности и ценности²⁰. Они все, конечно, светские, но этот термин значительно шире, чем они. Любой вид поведения может рассматриваться как зависящий от ценностей, определяемых светскими терминами, когда явные потребности обрести эти ценности присутствуют тем или иным образом независимо от связанности с этим изменением. Лица, выносящие такие оценки, научились сосредоточиваться на определенных целях, ощутимых или неоощутимых, так что они даже не в состоянии удержаться от преследования этих целей доступными средствами и вопреки осуждению, как бы сильно оно ни выражалось их ближними.

В этом случае особенно большое воздействие оказывает культура. Ни одно нововведение никогда не лишено «культурной базы», и с этой точки зрения все нововведения обуславливаются культурой, но совершенно ясно, что они, если не исчезают со смертью тех лиц, которые их ввели, должны передаваться другим, которые их принимают или в некоторых случаях даже приветствуют. Иначе

¹⁹ Это подробно обсуждается в TVTSI, pp. 43—44, 248—250, включая примечания, и в MIR, pp. 137—144.

²⁰ См. вышеуказанные ссылки, а также TVTSI, pp. 68—69, 277—278, прим. 47, и MIR, pp. 169—170.

говоря, изменения в культуре должны передаваться по крайней мере одному последующему поколению, чтобы не превратиться в просто частные вариации или отклонения. Передача во времени обязательна. Культурные изменения должны быть переданы, приобретены и разделены в такой же степени, как и любая непрерывность культуры. Священная и светская системы ценностей обе являются продуктами и создателями культуры, особенно когда их рассматривают как воплощение в оценочных действиях, заставляющих последующих актеров производить подобные же оценки.

От нежелания к готовности

Как было отмечено, основной теоретической задачей, подлежащей теперь рассмотрению, служит построение священо-светского континуума, на котором могут быть основаны оценки. Такой континуум, если он получает форму шкалы, должен обладать специфическими конечными целями. Современное состояние нашего знания делает такую спецификацию весьма предположительной и даже несколько произвольной, но этого нельзя избежать. Поэтому расположим различные типы оценок вдоль линии, ведущей от определенного максимального нежелания изменить старые ценности к определенной максимальной готовности стремления к новым ценностям. (Кстати, «старое» и «новое» должны определяться так, как их определяют в данном случае *субъекты*; для наших целей безразлично, каковы эти ценности — «действительно» старые или новые.) До тех пор пока это не ведет к ложной точности, данная шкала может быть построена алгебраически, то есть от плюс-максимума до минус-максимума с нулем или точкой изменения где-нибудь в середине²¹.

Святое должно оставаться святым

Исходя из плюс-максимума как наиболее ярко выраженного эмпирического сопротивления изменениям, мы можем уделить соответствующее внимание частным случаям самомученичества или мученичества других, которое люди с незапамятных времен использовали для сохранения религиозных потребностей и ценностей. Ориентация на то, что они рассматривали как сверхъестественные силы или существа, часто была настолько принудительной, что они скорее готовы были пожертвовать собой или своими ближними, чем допустить изменение в оценке этих ориентаций, или сверхъестественных сил, или и тех и других. Можно признать, что по временам превалирует концепция, что безбожные новаторы наказываются

²¹ Это не вполне подходящее место для обсуждения свойств, которыми должна обладать шкала, но, конечно, одного только простого упоминания о конечных точках явно недостаточно. Автор в этом случае не хочет встать на определенную точку зрения в отношении отсутствия размеров, кумулятивности и т. д., особенно поскольку публикуемая в скором времени работа его коллеги Роберта Б. Мак-Гинниса поднимает ряд вопросов, подвергающих сомнению некоторые из принятых концепций.

сверхъестественной силой, и, следовательно, верующие не должны сами предпринимать каких-либо действий. «Мне отпущение и аз воздам, так говорит господь». В этом случае еретик превращается просто в пария, а в более редких случаях ему разрешают оставаться членом общества, хотя и на низшем уровне. Но, несмотря на это, а также другие исключительные случаи, о которых мы скажем ниже, святая оценка, в той или иной форме влекущая за собой живую жертву, так часто имела место, что с значительным основанием можно поместить ее на полюсе плюс-максимума священо-светской шкалы.

Небольшое замечание о терминологии: согласно установившейся традиции, «святое» ограничено оценками, связанными с верой в сверхъестественное, иначе говоря, с религией, так, как она трактуется в данной книге. В результате возникла значительная путаница, которая, вероятно, будет продолжаться из-за неточного использования термина «религия» для обозначения несверхъестественных оценок обязательного характера, например: «Коммунизм — это религия». Подобная же путаница возникает, когда священное и религиозное рассматриваются как синонимичные термины. Религия сама по себе — только один из аспектов священного. Весьма значительная часть священного поведения почти не была или очень мало была связана с ориентировкой на сверхъестественное, то есть религиозное. С другой стороны, святое (holу) в течение долгого времени ограничивалось в английском языке применением в отношении проявления религиозного в узком, единственно подходящем значении: святая вода, святые дни, святое причастие, святой чин, Святая Земля, Его Святейшество Папа, святая Библия и т. д.²² Внимание к святому как типу оценки, неразрывно связанное с сверхъестественным, принималось как несомненное антропологами и социологами в течение долгого времени после Тайлора, фактически до тех пор, пока Дюркгейм и Самнер, если назвать только самых выдающихся, не перепутали важные различия, используя всеобъемлющие и нечеткие категории. Только во второй четверти нашего столетия с появлением Отто и некоторых других, занимавшихся сравнительным изучением религии, снова стали признавать важность святого. Даже в наши дни лишь несколько исследователей социологов, таких, как Гуд, по-видимому, стоят на уровне самых последних данных и течений²³. Взгляды большей части антропологов, а также социологов нечетки и устарели. Если только религия, иначе говоря, святая оценка, или же поведение, ориентированное на объекты, рассматриваемые как сверхъесте-

²² См. в особенности «The New Century Dictionary», New York, 1940, раздел «Synonyms, Antonyms and Discriminations», p. 2319. Ср. также Howard Becker and H. E. Vagstad, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, 1952 (или переиздание), обозначаемое далее как STFLT (1952); «1951 Appendix on Value-System Terminology», p. III—X.

²³ W. I. Gode, *Religion Among the Primitives*, Glencoe, 1951 и ff.

ственное, не будет при анализе отличаться от других разновидностей священного, она в качестве категории окажется малоценной для предсказания.

Предателя никто не любит

После того как святое было помещено, по крайней мере временно, на место крайнего полюса шкалы оценок, нужно отметить, что основной критерий, действие, включая мученичество или его эквиваленты, также присутствует в нескольких других типах священного. Лояльность, например, включающая верность клану, патриотизм, отождествление себя с той или иной расой, классом, фракцией, партией и тому подобным, — требует ли всего от «альтруистического самоубийства» до убийства или, скажем, «ликвидации»? Нетрудно вспомнить многочисленные примеры проявления ужасающей силы лояльности; тысячи людей погибли благодаря своей преданности или преданности их противников той или иной группе. Эти примеры настолько многочисленны, что, по-видимому, лояльная святость в качестве претендента на положение плюс-максимума в шкале соперничает со святым и иногда даже одерживает над ним верх²⁴.

Историческая летопись отнюдь не чистая, весьма вероятно, что в количественном отношении вера в сверхъестественное не может служить наиболее важным источником «высшей жертвы». Незвестность, которой окутано прошлое, увеличивается благодаря тому, что нередко трудно, если не невозможно, отделить святое от лояльного не только эмпирически, но и аналитически. Даже наиболее эрудированный исследователь не сможет правильно провести границу между религиозными убеждениями индусов, их практикой и чувствами, с одной стороны, и сложным оценочным поведением, составляющим структуру индуистских каст, гильдий, сельских общин и других групп, требующих лояльности, — с другой.

Более того, имеются существенные доказательства того, что иногда гораздо безопаснее отрицать бога, чем утверждать о независимости группы, не говоря уже о том, чтобы стать предателем по отношению к ней. Исследователь, работающий среди племени индейцев виннебаго, обнаружил, что один скептик, смело выразивший презрение к наиболее почитаемому божеству у племени, причем в момент, когда это божество появилось для того, чтобы наслать на племя смертельную болезнь в качестве наказания, остался целым и невредимым. В результате божество, надеясь избежать смешного положения, в которое оно попало, тщетно упрашивало этого человека поддаться болезни. Тот же самый исследователь обнаружил

²⁴ Особенно см. H o w a r d B e c k e r, *Systematic Sociology on the Basis of the «Beziehungslehre» and «Gebildelehre» of Leopold von Wiese* (далее обозначается как WBSS), New York, 1932 and Gary, Indiana, 1950, ed. with preface. Об абстрактных коллективах см. алфавитный указатель, особенно стр. 556—642, а также MIR, pp. 434—443.

также, что несоблюдение или нарушение установленных общественных отношений влекло за собой гораздо более серьезные последствия, чем религиозная ересь. Тем, кто не мог или не хотел придерживаться социального конформизма, угрожало изгнание или смерть. Короче говоря, религиозные еретики иногда оставались при своем мнении, но это никогда не случалось с еретиками социальными²⁵.

Вопреки этим и другим доказательствам, однако, автор полагает, что, хотя лояльно-священное, а также другие разновидности, о которых будет сказано ниже, могут очень походить на святое в отношении дарования жизни или смерти, святое, вероятно, оказывается более сильным в значительно большем количестве случаев. Этот вывод получен в результате тщательного изучения целого ряда важных источников, но его доказательство или опровержение требуют сложных и дорогих изысканий.

Интимные связи

До сих пор мы имели дело только со святым и лояльным, но нужно рассмотреть также и несколько других видов священного, и среди них вид, связанный с тем, что уже давно называется первичными группами. Интимная священность, представляемая связями со своими партнерами по игре, друзьями, товарищами, супругами или компаньонами, встречается на каждом шагу. Интимность после того, как она прочно установилась, обычно не так легко прекращается или даже в незначительной степени изменяется.

Ясно, что основы интимности, как и всех других аспектов священного и светского, все резче и резче отличаются от общества к обществу, но мы встречаем исторические доказательства той высшей преданности, которую она вызывает. В отношении готовности к жертвоприношению преданность часто служит соперником святого. Хвала, которую Кули воздает демократии, имеет фактически очень мало отношения к массовым политическим явлениям, явным даже в его дни для всех, кроме наблюдателей вроде Поллианн^{*}, но то, что он говорил относительно доброжелательной уступчивости, общей ответственности, искренности, желания сотрудничать и добрососедских отношений, подтверждалось тем, что он видел непосредственно в практике относительно малых групп, хотя и несовершенной, нечто вроде сельской версии или версии маленького городка протестантского христианства XIX столетия в Америке. Основой его социологии являлось оптимистическое преувеличение размеров и влияния интимно-священного, но тем не менее он с таким основанием указывал на его значение²⁶.

²⁵ Paul Rodin, *The Method and Theory of Ethnology*, New York, 1933, pp. 42—43, 50—51.

^{*} Героиня произведений американской писательницы Э. Портер, отличавшаяся тем, что во всем и всегда она видела только хорошее.—*Ред.*

²⁶ C. H. Cooley, *Human Nature and the Social Order*, New York, 1902; *Social Organization*. New York, 1909; *Social Process*, New York, 1918.

Спускаясь по шкале оценки, моралистическую священность можно, по-видимому, поместить в следующий раздел континуума. Эта разновидность уже, чем семейные нравы, ибо последний термин с самого начала употреблялся настолько нечетко, что охватывал все, начиная с святого и кончая пристойным, а также применялся для обозначения некоторых аспектов светского поведения. То, что мы здесь подразумеваем под моралью, включает оценки, непосредственно относящиеся к практикуемым или запрещенным типам поведения, намеренно отделяемым от всех лиц, которые оценки выносят. Конкретно: можно считать, что человек недостаточно морален, но это не значит, что он безнадежно плохой человек. Далее, его нравственность может, так сказать, постепенно улучшаться. В противоположность этому серьезные нарушения святого, лояльного и интимного ставят нарушителя во многих случаях вне общества. В этом случае осуждение является полным.

В случае моралистического «обычаи и привычки» настолько глубоко укореняются, что простой намек на их изменение немедленно ведет к заметному возмущению. Тем не менее потенциальный или фактический нарушитель не уничтожается, а изгоняется или предается полному ostracism; существует какая-то возможность искупления вины. Это может быть показано на том факте, что в американском обществе, особенно в почти исчезнувшем сельском типе общества, нарушение половой нравственности не состоящими в браке могло быть исправлено «свадьбой под угрозой дула пистолета». Когда требования нравственности удовлетворялись таким образом, последующее поведение ранее оскорбленного хранителя нравственного кодекса обычно было отнюдь неоскорбительным по отношению к зятю, приобретенному с помощью угрозы, ничто уже не свидетельствовало о том, что произошло грубое нарушение нравственности. Этот пример также явно показывает, что в отдельных случаях нравственно-священное несет за собой высшую санкцию смерти, но обычно в качестве альтернативы, а не как неизбежное.

Поэтому кажется, по-видимому, оправданным помещение моралистического на значительном расстоянии от точки плюс-максимум на шкале. Однако следует сделать оговорку, что между одной и другой культурой существуют довольно большие различия, которые могут вызвать *значительные изменения* в положении на шкале не только моралистического, но и других типов священного.

В отношении этического, рассматриваемого как моралистическое на более общем уровне, следует сделать еще одну оговорку. Как хорошо известно, этическая священность часто поражает экзальтированную и страстную преданность, то есть абстрактные, этические принципы могут приближаться к святому в отношении той страстности, которую они вызывают. Далее, по форме они часто высокорациональны (в формальном, дискурсивном смысле), хотя

по содержанию обычно, по крайней мере в отношении своего происхождения, так же нерациональны, как и моралистические. Более того, этические принципы могут быть настолько сильны, что приведут к отказу от ритуала. Возьмем, например, еврейских пророков, которые заявляли, что Иегова предпочитает справедливость жертвоприношениям. Другими словами, этические требования могут быть тесно связаны с трансцендентными требованиями святого. Следовательно, трактовка этического как просто моралистического на более высоком уровне может дать некоторые основания в пользу нашей процедуры измерения шкалой. Однако нужно понять, что в этой процедуре нет ничего священного; если она оказывается полезной для предсказания, то это хорошо, если же нет, конечно, следует внести изменения.

«Просто неприлично»

Следующим на шкале идет вид оценки, значительно меньшей интенсивности, чем рассмотренные выше; этот вид оценки можно назвать прилично-священным. Он занимает ту неясную область, которая лежит между нравственным и просто приличным. Обозначения поведения, подпадающего под эту область, многочисленны; краткий список включает: приличное — неприличное, «так делают» — «так не делают», «хорошие манеры» — «плохие манеры», пристойный — непристойный, пристойный — вульгарный и т. д. Этот список черпает из широкой области того, что рассматривается как этикет в формальном смысле, но имеются его эквиваленты, также представляющие низкую интенсивность священного для всех других форм приличия. Немногие рассматривают обычай, соблюдаемый в некоторых кругах — не брать немедленно сдачи в баре, когда вас обслужили, — как относящийся к области этикета. Но тем не менее он может рассматриваться как вполне пристойный даже теми, кто незнаком с книгой Эмили Пост*.

Один из наиболее удобных способов отличить пристойно-священное от тесно связанных с ним других разновидностей — это принять во внимание поведение, сопровождающее его нарушение. Нарушения нравственности вызывают возмущение, в то время как несоблюдение приличий возбуждает лишь презрение. Почти незаметное пожатие плечами, приподнятая бровь или кривая усмешка, внезапное и продолжительное молчание, когда назойливый новичок входит в одну из комнат клуба, посещаемого только старыми членами, — все это невыраженные, но тем не менее определенные суждения о том, что произошло нарушение приличий²⁷

* Буржуазный автор, пишущая по вопросам этики. — *Ред.*

²⁷ Нарушение приличий, как указывалось, вызывает негативные санкции. в первую очередь в виде презрения и т. д. Спорно, конечно, является ли презрительный оскал зубов при презрительной усмешке или попытка к этому смягченным выражением тенденции применить физическую силу в защиту приличий, но тем не менее следует упомянуть об этой возможности. Если данное предположение покажется слишком биологическим, то автор задает вопрос: является ли человек бесплотным духом?

Уже упоминалось о низкой интенсивности приличного, однако имеется значительное сопротивление изменению даже в том, что некоторые из нас, склонные к неформальным отношениям, называют «просто манерами». Люди редко умирают из-за приличий, но подвергаются крайним неудобствам и иногда опасности. Те из нас, кто наблюдал англичан, спокойно заканчивавших чаепитие, прежде чем пойти в бомбоубежище, несмотря на то что звуки разрывающихся бомб были слышны в течение всего чаепития, получили некоторое представление о том, что, хотя приличие и не ориентируется на святость, оно представляет собой сопротивление изменению, которое только и можно рассматривать как священное.

«Смокинги были бы к месту»

Священное на грани исчезновения иногда относится к области народных обычаев, но, подобно нравам, народные обычаи охватывают слишком много и священного и светского. Нам кажется, что лучше здесь употребить более узкий термин, такой, как «соответствующее». В этом случае будет минимум контроля с оттенком возмущения или презрения, но не исключается еще обращение к высмеиванию. «Подходящий», «привычный», «обычный», «ожидаемый», «нормальный» и подобные более или менее синонимичные слова часто имеют священный оттенок. Они показывают, что «правильные» и «неправильные» поступки не являются безразличными и что имеется некоторое сопротивление отказу или тому, что другие отказываются от общепринятых видов поведения.

В то же время те, кто сознательно или несознательно совершают несоответствующие поступки, рассматриваются не как люди недостойные, а скорее как невежественные. К их поддающемуся исправлению невежеству, безразличию или нетерпению следует относиться только с умеренным и из вежливости скрываемым удивлением. Предполагается, что человек в ярко-желтых ботинках и ярко-синих носках, зеленом костюме и ярком галстуке научится со временем не появляться в таком виде на официальном приеме, а пока искушение улыбнуться в его присутствии остается только искушением. Защита пристойного, то есть священного, на грани исчезновения сводится здесь только к невольному подергиванию губ²⁸, сдвиг к светскому весьма невелик.

Повсеместность церемониала

Рассмотрение этого сдвига к светскому приходится, однако, отложить, пока не будет освещен аспект священного поведения, который присутствует во всех вариантах — от святого до просто

²⁸ Все, о чем говорилось в предыдущей сноске, относится и к данному положению. Существует много теорий смеха и его производных, некоторые из них подчеркивают квазисадистское наслаждение мучением другого. См. Max Eastman, *The Enjoyment of Laughter*, New York, 1936, особенно примечания. Учитывая эти теории, мы по крайней мере можем высказать предположение, что наш основной критерий нельзя считать неуместным.

приличного — и который можно назвать церемониально-священным. Насколько велико его значение, мы увидим, когда сосредоточим свое внимание на святом, ибо ритуал в смысле религиозного церемониала *per se* является часто наиболее заметным признаком ориентации на сверхъестественное. Действительно, Джейн Гаррисон и другие указывали, что догмата (скорее «совершаемое», чем «то, во что верят») гораздо более заметно в некоторых видах религии, чем догмы веры. Ритуал в узком смысле является установившейся формой поклонения и может совершаться, когда поклоняющиеся имеют самое смутное представление о том, каким сверхъестественным силам и существам они поклоняются. Туманные очертания сверхъестественного объекта могут очень сильно изменяться, как бы в согласии с неясно определенными и, следовательно, нестойкими потребностями поклоняющегося, в то время как ритуал изменяется очень мало или почти не изменяется. Ритуальные восклицания в древних языках, плохо понимаемые, но заучиваемые наизусть формулы, сложные коленопреклонения и пышные процессии могут неоднократно и точно воспроизводиться людьми, которые не пришли к *явной* ориентации на *определенный* сверхъестественный объект.

Церемониал, связанный со святым, что означает ритуал в узком смысле, явно имеет большое значение, но существуют также и другие важные виды церемониала. Этот факт обычно упускается из виду, и, таким образом, создается и возрастает возможность смещения ритуала и других видов церемониала²⁹, потому что у нас не хватает терминов для этих других вариантов, за исключением таких, как «*compensement*» — для обозначения церемонии школьного выпуска, «юбилей» — для церемониала, отмечающего годовщину, и других определяемых временем церемониалов и т. п.³⁰

Юбилейные церемониалы-воспоминания

Поскольку другие разновидности церемониала, для которых у нас нет специфических терминов, не затмеваются воспоминанием, для нашего изложения важно обсудить этот вид церемониала. Необходимость данного обсуждения не связана с тем, что просто существует такой термин, она возникает в связи с большим количеством мемориальных юбилеев, которые имеют место во всех известных обществах. Если вследствие нашего социологического подхода мы отбросим мемориальные празднования «естественных событий», таких, как смена времен года, то нам придется все же

²⁹ К несчастью, это различие не соблюдается в прекрасной во всех других отношениях книге: J. H. S. Bossard and Elinor H. Bale, *Ritual in Family Living*, Philadelphia, 1950. Однако еще в 1955 году и автор данной главы не проводил этого различия; см. Howard Becker and Reabon Hill, *Family, Marriage and Parenthood*, 2nd ed., Boston, 1955, p. 20.

³⁰ См. классическую работу Herbert Spencer, *Principles of Sociology*, II, I (2nd ed. reprinted, New York, 1897), Chap. «Ceremonial Institutions».

встретиться с многочисленными церемониалами, которые, хотя они и определяются временем, не обязательно связаны с явными сезонными, годовыми или другими делениями существующей системы календаря. Древние евреи, например, отмечали каждый сорок девятый год как нечто вроде мораториума, являвшегося воспоминанием о древней племенной общине; во время всеобщего празднования прощались долги и освобождались рабы. Подобные «случаи», как их называл Гране³¹, ничем не обязаны «естественно» происходящим интервалам, за исключением только того, что последние необходимы для установления событий, определяемых культурой, которые встречаются у многих народностей. Гораздо чаще, конечно, существует тесная связь между естественным и культурным; естественное, однако, не рассматривается как таковое, но определяется в терминах культуры. Рамадан, Иом Киппур, Суббота, Пасха, Рождество, День Независимости, День Колумба, свадебные годовщины, от бумажной до бриллиантовой, а также столетие, столятидесятилетие юбилей и многие другие даты служат этому доказательствами.

Святой, лояльный и интимный типы священности в огромной степени подкрепляются юбилеями, ибо простая священная непрерывность получает в этом случае конкретную структуру. Оценочные действия могут быть учтены заранее, взаимосвязь их значения также может быть установлена заранее. Таким образом, устанавливается последовательность, священная не только в своих отдельных частях, но также и в целом.

Связанный с этим аспект воспоминания заключается во влиянии этого церемониала на общество. Исходя из определения Майром культуры как «того, что сохраняется из прошлого людей и воздействует на их настоящее для оформления их будущего³²», возникает такая проблема: что сохраняется из прошлого и как оно воздействует на настоящее? Если усопшие предки, поскольку они сохранились в нашей памяти, поминаются и их добродетели постоянно восхваляются, может сохраниться значительная часть прошлого для воздействия на наше настоящее. Не только родители и другие живые родственники и опекуны непосредственно воздействуют на воспитание детей, но также и масса усопших знаменитостей «активно» принимает участие в социализации.

Американское общество придает известное значение погребальной церемонии, но, за исключением случайных посещений кладбища, не существует какого-либо особого вида поминовения. Социализирующее влияние поэтому является временным и неглубоким; интимная священность, например, в большинстве случаев в отношении эффекта социального контроля должна полагаться только

³¹ Marcel Granet, *La pensée chinoise*, pp. 119, 127, 151—160, 173—208, Paris, 1934.

³² J. O. Myres, *The Political Ideas of the Greeks*, Cincinnati, 1927, p. 16.

на живых представителей³³. Святая и лояльная священность лучше поддерживается, ибо пророки, спасители, святые, революционные герои, а также великие президенты и законодатели не обязательно должны быть в интимных отношениях с людьми, для того чтобы их цитировали как примеры гражданства. Американские социологи уделяют относительно мало внимания поминовению усопших, за исключением случайного упоминания таких явлений, как «почитание предков» в Китае. Это тем более удивительно ввиду широкого интереса к культуре и способам ее передачи.

Подкрепление церемониального через лояльно-пристойное

Обращаясь теперь к церемониалу менее общего характера, отметим то, что он весьма разнообразен в области лояльно-священного. Достаточно одного примера: люди могут давать взаимные обязательства, как это сделали американские пионеры-поселенцы, клянясь «нашими жизнями, нашим имуществом и нашей священной честью». Интимно-священное также имеет свои церемонии, охватывающие все — от обета кровного братства до брака. То же самое относится и к морально-священному; принятие на себя обязательства по договору может быть отмечено простым рукопожатием или в тех случаях, где налицо влияние государства, — подписанием, засвидетельствованием и многочисленными другими большими и малыми традиционными церемониями, имеющими нравственную окраску. Далее, там, где эта окраска слаба и в крайнем случае выражается презрение к нарушителю, как, например, в пристойно-священном, такие церемонии, как уступание места «слабому полу», старшим или высшим по рангу, прыжок проигравшего теннисиста через сетку, для того чтобы поздравить победителя, и другие формальности спорта, вежливость, утонченность и респектабельность являются преобладающими. Даже там, где социальный контроль проявляется в более или менее мягкой форме, например в виде добродушной насмешки, то есть там, где поколеблены соответствующие священные устои, существует многообразный церемониал, который в нашем обществе принимает такие формы, как «светский разговор», нежелание говорить о своей специальности и общепринятые способы «ломать лед» — приветствия, назначение свиданий и прощание. Фактически полный набор того, что рассматривается различными заинтересованными социальными слоями как обычный такт и осмотрительность. Редко существует энергичное сопротивление отклонениям от такого поведения, но наивные, невнимательные или резкие люди могут постепенно прийти к пониманию того, что их поведение является источником скрываемого веселья.

³³ Доказательства этого пункта были собраны Говардом Беккером в работе «Социальная психология тяжелой утраты» («Social Psychology of Bereavement»), неопубликованной диссертации на степень магистра, далее обозначаемой SPOB. Эта диссертация также включает обширную библиографию.

Мы опять пришли к тому, что ранее назвали «священным на грани исчезновения», снова переместили наше внимание от максимального к минимальному сопротивлению изменениям. Теперь мы можем перечислить те несколько произвольные ступени в области сопротивления, которые мы отметили на нашей шкале: святое, лояльное, интимное, нравственное, приличное и достойное и присутствующее в большей или меньшей степени во всех них церемониальное³⁴. Значительное внимание уделялось юбилейному церемониалу, ибо он играет значительную роль в увековечивании многих оценок, которые мы рассмотрели. Нужно, однако, опять подчеркнуть, что это отнюдь не является единственным главным аспектом церемониала, хотя на эмпирическом уровне этот аспект иногда переплетается явным и неразрывным образом с другими аспектами.

Как символизируется священное

Прежде чем идти дальше по шкале, желательно упомянуть о некоторых путях, какими происходит символизация священного сопротивления. Такая символизация может быть имплицитной или эксплицитной, адекватной или inadequate, главным образом благодаря тому, что некоторые виды сопротивления с большим трудом могут быть выражены словами или другими явными символами (если это вообще можно сделать). Очертания ценностей часто очень смутны. Сила или дух, родственная группа, друг или другое лицо, находящееся в интимных отношениях, нравственные требования, приличия или нормативно окрашенная процедура, которой придается та или иная степень священности, могут во многих важных отношениях определяться припадками страха, взрывами радости, приступами тошноты, экстазом, а также нахмуренными бровями, учащенным пульсом, сжатыми губами, блестящими глазами и восторженными глубокими вздохами. Подобные проявления во многих важных отношениях входят в определение священных ценностей и их соответствующих потребностей. Они представляют собой, однако, лишь небольшую часть тех неясных действий (потенциально или действительно символических), которые не только подкрепляют действия, обладающие большей ясностью, но также во многих случаях являются ключом к определению ценностей. Короче говоря, не все эффективные символы являются словесными или визуальными в прямом значении этих слов. Поза, жесты, мимолетное выражение лица и целый ряд подобных элементов поведения, вплоть до уровня слабых кинестетических напряжений, часто играют решающую символическую роль.

³⁴ Рассматривать ли церемониальное как специальную категорию континуума, или как подкатегорию нескольких других, или как присутствующее во всем священном и в некоторой части светского (принципиальном, удобном и захватывающем) — трудная проблема. Третья возможность, по-видимому, является единственно подходящей, но автор в ранних формулировках по заблуждению выбрал первую.

**Провербиальное сопротивление не является
только словесным**

При этих оговорках сейчас и в позднейшем изложении того, что мы назовем провербиальными обществами и их характерными священными системами, будет не вредно говорить о поведении, определяющем ценности, как будто бы оно в основном состоит из «словесного» выражения. Используя термин «провербиальное»³⁵, мы сознательно включаем все, что могло бы быть названо, если бы мы занимались словотворчеством, «пропостуральное», «прожестуральное», «проэкспрессивное», «протенсиональное» и так далее до бесконечности. То же самое, только в другой степени, относится к предписывающему, принципиальному и проаномическому обществу, которые будут детально обсуждены позднее.

Сгустки вербализованного опыта называются притчами в более узком и обычном значении этого слова. Они часто гораздо более содержательны, чем это кажется с первого взгляда. Обычно только продолжительное пребывание в данном обществе дает возможность исследователю узнать, что, собственно, означает та или иная притча для «туземцев». Иначе говоря, притчи полны *скрытого* символизма; их внешний символизм может иметь гораздо меньшее значение. Однако сравнение притч покажет, что они часто противоречивы по содержанию, даже когда полностью учитываются их внешние и внутренние аспекты³⁶. Люди, пользующиеся притчами, охотно повторяют то одну, то другую из них, по-видимому, совершенно не смущаясь тем, что для постороннего кажется явным несоответствием и что рассматривалось бы как таковое также и членами данного общества, если бы они побеспокоились привести все свои притчи в систему, но они не чувствуют потребности в этом: непосредственные нужды удовлетворяются достаточно хорошо, и, в конце концов, склонность к размышлению — это привычка, приобретаемая медленно и с трудом.

Все это равнозначно тому, как если бы мы сказали, что скрытый смысл по крайней мере части притч, рассматриваемых конкретно, сопровождается соответствующим скрытым смыслом, заключающимся в системе связи данной притчи с другими в тех случаях, когда эта связь может быть установлена. Притчи редко сводятся в систему, представляющую собой символ веры или последовательную идеологию. Правда, хаотическая масса притч во многих сравнительно простых опытах хотя и не сведена в кодекс, но тем не менее эти притчи часто переплетаются, совместно развиваются и сливаются. Используя техническую терминологию, можно сказать, что они срастаются таким же образом, как внешние листья

³⁵ Если бы термин «народ» не был связан с таким количеством значений, вкратце упоминаемых позднее (см. сноску 83), мы могли бы говорить о «народной» оценке.

³⁶ См. S. G. C h a m p i o n, *Racial Proverbs*, New York, 1938, где содержится много интересных и забавных примеров, см. также STFLTS (1952), pp. 15—17, а также примечания, т. I, стр. XXXV—XXXVI.

цветка, которые вначале растут отдельно, а затем постепенно сливаются в одно целое³⁷. В общем системы ценностей, состоящие в основном из притч, большей частью эксплицитны по содержанию и связям, первоначально не кодифицированы и почти всегда обладают способностью к срастанию.

Вышеупомянутые характерные черты свойственны этим системам главным образом в силу их традиционного и нерационального характера. Передача культуры в proverbialных обществах является полностью неофициальным процессом в том смысле, что она осуществляется благодаря общению между людьми, связанными интимными узами, а не доверяется специальным инструкторам, работающим в официальных организациях, например школах. Пережитки прошлого в этом обществе неофициально воплощаются и внедряются людьми, связанными интимными узами, и эта традиция, ибо это есть именно то, «что остается от прошлого человека», принимается здесь просто потому, что она *является* традицией. Традиционализм и нерациональность идут рука об руку³⁸.

Большая определенность предписаний

Традиция, конечно, не ограничивается только proverbialными обществами, но она действует иным образом в других типах общества. Возьмем, например, оценочные предписания, такие, как Тора, кодекс Юстиниана, символ веры апостолов, катехизисы всевозможного рода, рыцарские обеты, «правила игры» и бесконечный ряд других, четко выраженных и кодифицированных ценностей и соответствующие им санкционированные потребности; эти предписания также возникли согласно традиции, но они эксплицитны и организованы в кодексы. Различные предписания формулируются возможно точно в данном культурном контексте, но после этого они, так сказать, складываются в более или менее аккуратные стопки, совершенно непохожие на беспорядочные наборы притчей. Такая упорядоченность по крайней мере имеет вид какой-то дедуктивной систематизации, хотя в большинстве случаев это ограничивается чисто внешним подобием. Эта система представляет собой только грубую последовательность каталога, определяемую историческими событиями, удобством запоминания или свойствами метода создания чего-то вроде летописи, если таковой метод существует. Затем, снова говоря метафорически, во многих случаях все это укрепляется тем, что в места соединения закладывается известь дедукции и на это тратится огромная изобретательность. Однако отдельные предписания не сливаются и каждое из них

³⁷ «Срастание» — ботанический термин, означающий отдельные вначале, но позднее настолько сливающиеся части растения, что трудно обнаружить место первоначального соединения. Здесь этот термин заимствован для социологии. «Сращенный» для наших целей является лучшим термином, чем «интегрированный», ибо последний предполагает функциональное единство, а мы не хотим поднимать здесь проблему «функционализма».

³⁸ Это подробно обсуждается в TVTSI, pp. 26—29, и в MIR, pp. 118, 120, 162—166.

является таким же священным, как и любое другое, даже, по-видимому, незначительные фрагменты их остаются нерушимыми. Однако полученная в результате система ценностей эксплицитна и кодифицирована и обладает способностью к сращению³⁹. Несмотря на различие во многих отношениях, и proverbialное и предписывающее общества обладают системами ценностей, считающимися ненарушимыми как в целом, так и в своих мельчайших частях.

Все же, несмотря на такое сращение и часто вторичный характер этой дедуктивной солидификации, прескриптивные системы ценностей являются формально рациональными. Иначе говоря, их сторонники всегда могут найти «уважительные причины» их существования и сохранения как в целом, так и в их частях. Как мы знаем, «уважительные причины» обычно сводятся только к тому, что то, что сложилось, называется рационализацией, или обоснованием *ex post facto*, но это обоснование может проводиться весьма последовательно. Действительно, это может быть задачей, специально возложенной на тщательно подготовленных писцов, жрецов, предсказателей и т. п.⁴⁰ Их эксплицитные изречения составляют резкий контраст с традиционной иррациональностью proverbialной системы, где все проблемы решаются по известной формуле: «Это всегда так делалось и так всегда и будет», что часто мешает даже возникновению проблем.

Короче говоря, proverbialные формулировки имплицитны, не кодифицированы, обладают способностью к непреднамеренному слиянию и традиционно иррациональны. Прескриптивные формулировки эксплицитны, кодифицированы, в некоторой степени обладают способностью к намеренному сращению и по крайней мере формально рациональны и даже кажутся дедуктивными.

Поиски центра безразличия

Теперь, когда мы ознакомились с этим кратким очерком священных разделов нашей шкалы, а также с характерными способами их символизации, мы должны дать очерк светских разделов. Рассматривая готовность к изменению, мы будем идти от минимума к максимуму, но в этом случае гораздо труднее применять критерий оценки степени этой готовности (а именно уничтожения самого себя или других), чем это было в случае сопротивления. Тем не менее этот критерий будет по временам применяться, хотя мы будем редко непосредственно ссылаться на него.

Согласно алгебраической процедуре, мы должны установить нашу нулевую точку. Она представлена теми редко встречающимися видами поведения, которые свидетельствуют о почти полном безразличии к изменению или о его отсутствии. В некоторых обществах иногда можно встретить в том или ином месте несколько лиц, которые не интересуются или мало интересуются поведением своих

³⁹ См. MIR, pp. 166—168.

⁴⁰ Там же.

ближних, направленным на изменение. Но исследование показывает, что обычно такое равнодушие существует только на словах. Когда дело доходит до ситуации, которую можно определить как «или — или», имеющей значение для данного контекста, тогда то, что вначале казалось безразличием, приобретает некоторые черты позитивной или негативной оценки. Большинство членов любого общества, обладающего даже незначительной организацией, активно интересуется поведением, которое на первый взгляд кажется незначительным. Иначе говоря, трудно обнаружить действительную нулевую точку, рассматривая эмпирические доказательства, хотя можно допустить, что в целях анализа необходимо постулировать ее.

Возникновение принципов

Как бы то ни было, когда совершается переход через ноль, начинается светская часть шкалы, иначе говоря, готовность к изменению независимо от его причины вытесняет сопротивление. Они могут почти уравновешивать друг друга, но, конечно, не всегда полностью. При этом имеет место покорность перед изменением, активное согласие на него и даже его поиски. Тем не менее на его природу, скорость или масштаб накладываются некоторые ограничения, исходящие от священного. Как уже отмечалось, священное сопротивление не получает достаточного отражения там, где речь идет о притчах и их невербальных или субвербальных эквивалентах; ясно, что на предписывающем уровне символизация является гораздо более адекватной. И притчи и предписания теряют силу с уменьшением интенсивности священного; это является некоторым образом тавтологическим заявлением. В то же время следует отметить, что значительная часть сохранившегося влияния притч и предписаний может передаваться несколько более абстрактным формулировкам, выступающим как этические, правительственные, профессиональные и другие подобные принципы.

Так же как в известном отношении разница между притчами и предписаниями является вопросом степени, такой же является и разница между ними и принципами. Нельзя провести четкую линию разделения, но, вообще говоря, принципы гораздо более абстрактны и, следовательно, значительно гибче, допуская многочисленные изменения при их применении и не теряя при этом своей ценности⁴¹. В противоположность этому притчи и предписания настолько конкретны, что они тесно связаны со своим непосредственным проявлением в поведении. Поэтому значительное изменение в их применении уничтожает их эффективность. Для того чтобы они могли сохраниться, их содержание должно быть полностью отделено от конкретных действий, поощряемых или запрещае-

⁴¹ См. TVTSl, pp. 74—76, 279, прим. 47 Искусная полемика Карла Поппера в работе «Открытое общество и его враги» («The Open Society and Its Enemies», Princeton, 1952) является, по существу, защитой принципиального, или «открытого», общества, противопоставляемого прескриптивному, или «закрытому», обществу.

мых ими, этому содержанию должно быть придано общее значение. По существу, этот процесс представляет собой именно то, что подразумевают под абстракцией, и когда она успешно получена, то в результате происходит возникновение принципов в области светского. Такие абстрактные принципы все еще рассматриваются как священные, ибо они считаются, по существу, нерушимыми, но случаи, в которых они применяются, настолько многочисленны, что могут произойти поразительные изменения, изменения, которые даже не были или были редко предусмотрены теми, кто сформулировал эти принципы, но которые могут быть предусмотрены в соответствии с весьма неопределенной формулировкой: «Как пойдут дела в будущем». В теории ненарушимое и ненарушаемое, абстрактные принципы, поддаются изменениям, которые со временем могут зайти весьма далеко. Дополнения и изменения постепенно приспособливают принципы, к которым они сами относятся, то есть которым они следуют или от которых происходят.

Целенаправленная светскость как принципиальная оценка

Целенаправленная оценка является светской, ибо изменение считается возможным и желательным, пока сохраняются основные принципы. Обратите внимание на тот факт, что принципы «неотъемлемых прав», такие, как право на «жизнь, свободу и стремление к счастью», вошли в основные документы нашей республики, но в то же время процедура, направленная к претворению этих принципов на практике, рассматривается как подлежащая изменению. Та степень, в которой Верховный суд будет претендовать на применение своей широкой прерогативы толкования законов, не была полностью предусмотрена, но эта прерогатива, хотя она неоднократно подвергалась сомнению, стала рассматриваться как обеспечение претворения в жизнь этих основных принципов*.

Готовность предоставить такую власть толкования законов является частично результатом той дедуктивно-рациональной формы, в которой производится это толкование. Принимая принципы за цель, средства их достижения, как бы новы они ни были в действительности, должны тем не менее все же рассматриваться как стремящиеся к ней и в этом смысле выводимые из нее, прежде чем возникает конкретный случай их применения. Очевидно, это редко бывает возможным. В действительности защитники изменения говорят: «Меры, нами предлагаемые, существуют для нашего всеобщего благосостояния, и, к счастью, они полностью согласуются с теми принципами, которых мы все придерживаемся». Другими словами, целенаправленная рациональность может отли-

* В силу классовой ограниченности своего мышления автор настоящей главы в своей оценке социальной роли верховного суда США исходит из его формального статуса и ничего не говорит о его действительной роли, которая состоит в том, что он является орудием поддержания господства и защиты основных интересов класса монополистической буржуазии, находящегося у власти в США. — *Ред.*

чатся от прескриптивной рациональности только уровнем абстракции; оправдательные аргументы скорее, чем истинная дедукция, могут выступать в обоих. Однако разница в уровне может быть настолько велика, что окажется, что принципы могут быть приспособлены к гораздо более широкому масштабу изменений. Эти принципы могут стать настолько абстрактными, что толкования, связанные с конкретным законодательством, которое эти изменения санкционирует, должны быть весьма изощренными и, таким образом, недоступными для большинства непосвященных. Когда это случается, иногда трудно убедить непосвященных, что принцип все еще соблюдается. отождествление непосвященными этих принципов с системой ценностей, следовательно, суживается до такой степени, что это угрожает сохранению всей системы⁴². Принципиальная рациональность, следовательно, как вид рациональности, предположительно представляющей «первичные принципы» в действии, может благодаря абстракции настолько отдалиться от этих принципов, что произойдет или возврат к более конкретным предписаниям, или отказ от таких абстрактных светских правил, основанных в далеком прошлом на священных соображениях.

Последовательная целесообразность

Когда имеет место упомянутый отказ, это означает, что ограничение соответствующих изменений такими, которые так или иначе могут быть согласованы с принципами, перестало быть императивным. Соответствующая рациональность вступает в свои права. Обратите внимание, что в одном значении «целесообразность» (*expediency*) означает: действовать только таким образом, чтобы освободить, распутать, устранить мешающие ограничения. Конечно, в общепринятом и распространенном употреблении «целесообразность» часто означает то, что непосредственно противоположно «принципу». Для наших целей в этой книге мы исключим это значение; соответствующие изменения могут или согласовываться, или не согласовываться с признанными принципами⁴³. Здесь *нет* *изначального противоречия*. Тем не менее ясно, что изменения, рассматриваемые как целесообразные, наиболее удобные пути как в ближайшей, так и в дальней перспективе изменения того, что так

⁴² См. MIR, pp. 184—188, особенно разделы, озаглавленные «Абстракция необходима принципу, но пагубна для него» («Abstraction Is Necessary for Principle, But Harmful to Principle») и «Что нам неизвестно о пятой поправке» («What We Don't Know About the Fifth Amendment»).

⁴³ Этимологически латинское *expedire* просто означает развязывать ноги, освободить, распутывать. Это значение свободно от нравственных предрассудков, оно также близко к нижеследующему: «Культура эскимосов является продуктом столетий... критерием являлось выживание. Последовательность вариаций, сопровождаемая устранением нецелесообразности и отбором, а также сохранением целесообразного, в значительной степени ее усовершенствовала». «Соответствие или несоответствие большинства черт культуры не является делом непосредственной жизни или смерти. Однако отбор все же продолжается». (Edward M. Wever, Jr., *The Eskimos: Their Environment and Folkways*, New Haven, 1932, pp. 65—66.)

или иначе должно измениться, редко легко согласовываются с целенаправленной рациональностью; на самом деле обычно происходит обратное. Более того, непредвиденные случаи того или иного рода, а также сверхбыстрые изменения, которые, как это можно предвидеть, порождают непредвиденное, могут так ограничить время для приспособления со стороны тех, кто хочет согласовать целесообразность с принципами, что их усилия неизбежно будут сведены на нет.

Результатом является то, что наряду с целесообразной тактикой, так сказать, которая рано или поздно будет приведена в согласование со стратегией целенаправленной рациональности, вводятся другие виды тактики, которые могут в конце концов разрушить все ограничительные связи и подорвать общество, которое первоначально предоставляло им свободу действий. Примером этого могут служить тоталитарные режимы различного рода, которые часто возникают как следствие уступок кризису, неохотно предоставляемых принципиальными режимами, которые иначе не в состоянии достаточно быстро приспособиться к этому кризису. Говоря конкретно, применение параграфа 48 Веймарской конституции в течение последних трех лет ее существования было, по существу и уступкой требованиям диктатуры, и признанием негибкости парламентского правления в Германии, и на созданный таким образом прецедент ссылались при захвате Гитлером власти. Интегралистская Португалия и фалангистская Испания, как и некоторые другие страны, которые можно было бы упомянуть, являются дополнительными примерами этого. Такие тоталитарные системы следовало бы обсудить в дальнейшем, но для этого нет места. Все, что можно сказать здесь, — это то, что они объединяют, по-видимому, абсурдно, но тем не менее эффективно строгие предписания и далеко идущую целесообразность.

Относительно «неограниченные» или «последовательные» усилия достичь цели любыми средствами, поскольку эти цели не рассматриваются лицами, их применяющими, как ведущие к поражению, представляют собой сущность последовательной, целесообразной оценки. Следует, однако, отметить, что оговорка «пока» необходима. Это означает, что неограниченная целесообразность является неограниченной только в отношении *диапазона* возможных средств, хотя даже не существует ограничений в выборе средств как таковых, и, следовательно, любое средство — от газовой камеры для уничтожения до «промывания мозгов» — может быть использовано. Разумеется, правда, что безжалостные планировщики могут избегать применения некоторых средств на том основании, что они, вероятно, окажутся негодными для достижения имеющихся в виду целей или будут противоречить более эффективным средствам. Это сводится к тому, чтобы сказать, что «неограниченная» светскость может фактически подвергнуться рациональному ограничению; только то, что, по-видимому, окажется эффективным, приводится в действие. Последовательная светскость, следо-

вательно, является типом, не ограниченным только в одном отношении, а именно в возможности применения любого эффективного средства. Ограниченная только рациональными суждениями о ее инструментальной эффективности, она находится в резком противоречии с целенаправленной светскостью, которая, хотя и является также рационально ограниченной в используемых ею средствах, еще больше ограничена в целях, на которые эти средства могут быть направлены; требуется совместимость с принципами, которые, как предполагается, являются неизменными.

Ценности последовательно целесообразного типа обычно направляют усилия людей, не связанных священным в виде притчи или предписания и не особенно заботящихся о том, в каком направлении может пойти изменение, или же ориентирующихся на священное только как на аспект абстрактного принципа, поддающийся секуляризации. Изложение целенаправленной светскости до сих пор касалось в первую очередь тех проявлений тоталитаризма, которые вызывают отвращение во многих из нас. Поэтому следует также указать, что большая часть того, что обычно называется прогрессом, может быть непосредственно приписана последовательной светскости. Наука в своем чистом виде и во многих своих прикладных формах последовательно светская; только оценки, связанные с предсказанием и контролем, независимо от других целей имеют научное значение. *Тот факт, что даже наиболее самоотверженные ученые позволяют гуманитарным нормам ограничивать размах опытов (так, например, редко даже возникает вопрос о вивисекции людей), не должен вводить нас в заблуждение.* Наука, как таковая, может быть или ангельской, или дьявольской.

Хотя последовательно целесообразная оценка в научной и других областях порождает то, что можно было бы назвать выгодой прогресса, она также влечет за собой одновременно и многие издержки, связанные с прогрессом. Социальная дезорганизация, являющаяся катастрофой для многих народов, мирно придерживавшихся притчи, предписания или принципа, часто вызывалась усердными последовательными модернизаторами, пришедшими в общество извне, которые быстро сбегали, когда результаты их усилий оказывались не вполне удобными. Тотальная война, использующая услуги ученых для уничтожения стариков и грудных младенцев, в строго последовательном смысле является еще более внушающим тревогу явлением, особенно когда она ведется во имя иррациональных целей. Мы еще недавно были свидетелями научно ведущейся тотальной войны, связанной с фантастическими мечтами о вышших и низших расах, возрождении цезаризма, императоре как потомке богини солнца... Последовательно рациональное использование средств может совмещаться со стремлением к целям, которые социологи назовут по крайней мере бессмысленными⁴⁴.

⁴⁴ Это весьма сжатое повторное изложение более ранних формулировок автора, и ввиду этого оно может быть трудным для понимания. См. TVTSl, pp. 23—24, 32—42, 281—305.

Нерациональная светскость как утешение и возбуждение

Подобные комбинации не являются, конечно, единственными возможностями в светском поведении. Например, и средства и цели могут быть нерациональными. Действительно, они могут быть так далеки даже от формальной рациональности, что фактически невозможно провести различие между ними. Они, так сказать, настолько насыщены эмоцией, что часто являются поразительно иррациональными, что означает скорее *антирациональными*, чем просто нерациональными.

Широкая светская оценка может быть разбита по крайней мере на два типа — утешительный и возбуждающий. Готовность стремиться к любой ценности, приносящей утешение, пока сами поиски ее приносят утешение, без отношения к тому, нарушаются ли проverbsиальные, прескриптивные или принципиальные ограничения изменений, характерна для первого типа. Если бы такая оценка была выражена словами, она приблизительно звучала бы так: «Мне это нравится, потому что это мне нравится, и что мне может помешать?» В переходе от этого типа ко второму — возбуждающей светскости — нет резкой грани, даже если увеличение в степени в виде диаграммы будет походить на резко поднимающуюся кривую. Римский лозунг «Хлеба и зрелищ» выражает и связь и контраст, существующий между обоими типами. Удовлетворения, связанные с достижением возбуждающих светских ценностей, включают в себя почти все, начиная от бешеного спектатарита, как, например, любитель вольной борьбы, до садистского убийства, совершаемого ради него самого. Это, конечно, крайний случай, всюду имеются доказательства существования менее острых возбуждающих оценок, отличающихся от просто утешительного.

Значительное преобладание различных проявлений утешительной и возбуждающей светскости ведет к взаимопроникновению средств и целей до такой степени, что во многих случаях это доходит до полного слияния⁴⁵; различие между ними является трудноустановимым, если это вообще возможно. Более того, лица, полностью отдавшиеся нерациональной погоне за новым как новым, выходят за пределы большинства, если не всех, провербиальных, прескриптивных и принципиальных границ. Действительно, даже рациональные требования последовательно-светского поведения оказывают мало или почти никакого влияния. Это означает, что значительной частью ранее действительных норм, будь они «внешними» или «внутренними», избегают, пренебрегают, их изменяют или нарушают по произволу.

Аномия имеет границы

Относительная аномия выходит за пределы формы и содержания самих норм, поскольку связи, рациональные или нерациональные, связывающие нормы в некое подобие системы, быстро ослабе-

⁴⁵ TVTSJ, гл. 29—32.

вают, колеблются или почти исчезают. Другими словами, нарастающий характер провербиальных и прескриптивных систем ценностей, по преимуществу дедуктивный и обладающий ограниченными целями характер принципиальных систем ценностей и даже рационально ограниченный в средствах характер последовательных систем ценностей настолько основательно подвергаются изменению при случайных поисках преходящего и достижении случайных целей при помощи любых средств, что вряд ли будет оправданным в этом случае применение термина «система».

Следует обратить внимание, однако, на оговорки в отношении размаха и размера анонии, вызванные употреблением слова «относительное» и других подобных слов. Ни одно общество, продолжающее функционировать в течение какого-то периода времени, никогда не является полностью лишенным «общественных» норм того или иного рода, как бы ни были благоприятны в нем условия для их отсутствия. За исключением полного распада общества, которое случается весьма редко, потребности и соответствующие им ценности никогда не бывают полностью дискретными, полностью «частными», совершенно случайными, без функционирующей системы. Более того, при угрозе распада любое общество, которому удастся сохраниться, сохраняется только благодаря «нормативной реакции на аномию», которая по крайней мере сохранит осколки ее системы ценностей, вокруг которых может начаться, так сказать, стабилизирующая кристаллизация. Правда, нужно признать, что иногда завоевание уничтожает почти всех главных носителей ценностей и может стереть с лица земли общество, но это происходит весьма редко. Даже несколько уцелевших женщин и детей могут сохранить или заново создать важные сегменты покоренного общества, вероятно, в виде тайных сказаний и обычаев внешне подавившихся ассимиляции рабов.

Эти оговорки выводят нас за пределы обсуждаемого вопроса. Далее в этой главе будут упомянуты «проаномические» общества, как воплощение системы ценностей; они *благоприятствуют* отсутствию норм, но они фактически не являются полностью лишенными руководящих норм. В этом случае, однако, следует уяснить себе, что хотя аномия, проявляющаяся в возбуждающей и утешительной светскости, редко бывает полной, но она может зайти очень далеко⁴⁶ и аномические общества, в которых аномия постоянно и повсеместно присутствует, имеют тенденцию быть весьма нестабильными⁴⁷.

Теперь мы достигли конца светской части шкалы. Мы сделали обзор от минимальной готовности или способности к изменениям, от изменения, дозволенного только ради принципа, к изменению

⁴⁶ Те, кто, например, были свидетелями карнавала в Рейнской области, видели, до каких удивительных крайностей могут дойти в этот момент обычно солидные и трезвые люди и насколько это все принимается как должное присутствующими. Американской параллелью этому являются «вечеринки в учреждении».

⁴⁷ MIR, pp. 173—180.

ради изменения. Другими словами, мы видели, как целесообразная рациональность может склоняться или в сторону того, кто к ней стремится, или в сторону последовательных вариантов и как эмоционально насыщенные нерациональные поиски нового характеризуются и утешительными и возбуждающими проявлениями

Критерий определения светской оценки

Следует вкратце упомянуть критерий оценки степени готовности к изменению — к истреблению себя или других. Уже отмечалось, что трудно последовательно применять этот критерий даже там, где дело касается сопротивления к изменению. Трудности возрастают при применении его в светской части шкалы.

Вероятно, правильно, что принципы, не отождествляемые, как это обычно бывает, с чем-нибудь конкретным, могут подвергаться изменениям, толкованию и другим видоизменениям, идущим так далеко, что медленно изменяются и сами принципы, причем отсутствует жертвенное стремление к изменению. Последовательная светскость, так же как и связанный с ней образ мышления, могут быть исключительно гибкими в суждении о том, к чему стремиться, и такая гибкость с трудом совмещается с энтузиазмом в пользу изменения, доводящим своих защитников до того, что они жертвуют собой или уничтожают других.

Что же касается последовательной светскости, то часто, например, случается, что ученые проводят эксперименты, которые могут оказаться смертельными для них самих или других, во имя изменений, способствующих более точному предсказанию и контролю. Но такие случаи довольно редки. Более того, когда это случается, то по крайней мере вероятно, что другие оценки скорее, чем оценки последовательно-светского типа, играют значительную роль. Обратимся к нашему примеру, данному выше. В этом случае могут выступить гуманитарные соображения, представляющие собой объединение интимной, моралистической, а также и другой священности. Конечно, другие аспекты последовательной рациональности, такие, как внимание к экономической эффективности и тому подобному, не порождают сами по себе безразличия к выживанию. Так же и последовательная рациональность, когда она связана с тотальной войной, явно не функционирует независимо; высшая преданность стране, классу или расе ставит себе на службу последовательную рациональность, и этим дело ограничивается. В этом случае также, по-видимому, применим наш критерий; «уничтожение» ради последовательной рациональности, *как таковой*, бывает редким, если не минимальным⁴⁸.

⁴⁸ См. TVTSI, pp. 293—305. Критерий «уничтожения» приложим с трудом в случае ценностей научных монотеистов. В этом случае стремление к предсказанию и контролю становится главной или единственной целью жизни, отождествляемой, может быть, с другими попытками достичь нового опыта как ценного самого по себе, является ненаучным. Иначе говоря, эмоциональная нейтральность при выборе средств вытесняется интенсивной эмоциональ-

Там, где мы сталкиваемся с нерациональной светскостью, по-видимому, существует определенный рост корреляции (особенно на том конце шкалы, который относится к возбуждению) между готовностью к изменению и готовностью подвергнуться риску смерти в своем стремлении к нему. Действительно, даже потребность в утешении, когда она несет с собой согласие на сокращение жизни, может соответственно рассматриваться как неблагоприятная для личного выживания или выживания группы и, таким образом, подпадает под наш критерий. Явно, что возбуждение несет за собой значительный риск смерти и иногда ее явное принятие. Можно привести много примеров, начиная от «прыгунов через огонь» и «отчаянных водителей машин» до наркоманов.

Можно допустить, что в этом случае нормы не являются чисто «личными» или эгоцентрическими; многие общества отводят определенное место поискам возбуждения и уделяют этому специальное время. Более того, все, кто рискует жизнью, вызывают возбуждение как в других, так и в себе, и, может быть, то уважение, которым окружен тореадор, рискующий жизнью каждый день, является одним из многочисленных примеров этому. В то же самое время, однако, трудно вообразить себе общество, в котором все регулярно рискуют жизнью при первом удобном случае. Большинство возбуждений, связанных с риском жизнью, не являются непосредственными возбуждениями того, кто ею рискует.

Поиск возбуждения, получаемого, когда другие рискуют жизнью, может тем не менее оказаться разрушительным для многих частей системы ценностей, важной для общей стабильности. Жадное любопытство к гладиаторским боям и требование все большей жестокости в них, например, не рассматривается обычно как один из способов укрепить сплоченность римского общества.

Во всяком случае, достаточно ясно, по-видимому, что критерий «уничтожения» применим, с соответствующими оговорками, не только к священной части шкалы, но и к светской. Может случиться, что в такой же степени применимы и другие критерии, а некоторые из них при эмпирических деривациях пучков на шкале, находящихся в центре анализа, могут оказаться присутствующими во всем, о чем говорилось выше.

Например, несомненно, играет некоторую роль церемониал. Он выступает, однако, в целеустремленной светскости, связанной с сохранением принципа, а также в некоторых аспектах утешительного и возбуждающего. Другими словами, только частично имеется *анти*церемониализм, которому следовало бы быть негативной

ностью в поисках возбуждения, доставляемого новым опытом. Эти поиски усугубляются благодаря широкому набору доступных средств, предоставляемых наукой. Другими словами, некоторые ученые занимаются наукой не ради науки, а ради возбуждающего опыта, доставляемого наукой. Хотя ради такого опыта может быть принесена в жертву жизнь, все же можно сказать, что это не затрагивает обязательно науки, как таковой. Отсюда строго научная деятельность, как последовательная светскость, может все еще согласовываться с нашим критерием; «уничтожение» недалеко отходит от минимума.

частью шкалы, для того чтобы его можно было использовать в качестве полезного критерия. В то же время «церемонии», связанные с поведением актрисы в стриптизе*, например, не являются церемониями *per se*, ибо они могут легко подвергаться изменению, для того чтобы «больше возбуждать пожилых мужчин-зрителей». То же самое относится к церемониалу некоторых «роскошных» ресторанов; один сезон официанты могут быть одеты арабами, а в следующий — спутниками Робин Гуда. Таким образом, «церемониальное» может быть, по существу, антицеремониальным, если оно не имеет провербиального, прескриптивного или принципиального оттенка.

Здесь опять имеется явный сдвиг от конкретного к абстрактному благодаря переходу от провербиального к возбуждающему, только в последнем случае абстракции стали настолько ослабленными, что они фактически исчезли. Опять преобладает конкретное, но в виде нетрадиционного или даже антитрадиционного.

Рассуждение о критерии оценок могло бы также быть сосредоточенным вокруг обычных «изменяющихся моделей» или их эквивалентов⁴⁹. Однако задача данной книги требует внимания к более неотложным вопросам, и к ним мы теперь обратимся.

Использование вех и злоупотребление ими

Хотя мы в основном имели дело с типами сопротивления и готовности к изменениям скорее, чем с обществами, которые их воплощают, тем не менее мы вынуждены были в значительной степени коснуться этих обществ. И действительно, многие из вышеупомянутых обозначений приложимы к ним: провербиальное, прескриптивное, принципиальное и аномическое. Далее, необходимо сделать предостережение, весьма похожее на то, которое было сделано при описании шкалы, а именно: эмпирические проявления данных типов общества можно найти только в их смешении друг с другом.

Это относится даже к провербиальным обществам. Во многих случаях эмпирические проявления приближаются к конструированному типу, но фактически невозможно найти провербиальные общества, лишенные прескриптивных черт, и редко полностью отсутствуют следы аномии, хотя бы и во второстепенных аспектах. Говоря конкретно, исследователь при детальном анализе должен руководствоваться *процентом* обнаруженных провербиальных и других характерных черт; типы служат только общими вехами⁵⁰.

Но вехи служат полезным целям, и в дополнение к перечисленным выше нужно установить еще две вехи, если предсказательная ориентация теории, излагаемая здесь, должна быть не только сохранена, но и более точно применяться в эмпирическом исследовании.

Танец с постепенным раздеванием. — *Ред.*

⁴⁹ Автор уделит внимание этому вопросу в TVTSI, pp. 191—196, комментируя и цитируя издание 1930 года. См. также гл. 5 Л. Колба в данной книге, особенно стр. 120—131.

⁵⁰ Это часто подчеркивалось, см. TVTSI, pp. 106—107, а также гл. 7 Д. Ч. Маккинни в данной книге.

Эти эмпирические вехи давно известны под названием изоляции и доступности. Они относятся к общим ситуациям, в которых обычно находятся общества определенного типа.

Изоляция и доступность как ситуации

И изоляция и доступность обладают по крайней мере тремя определенными аспектами — местным, социальным и умственным.

Физическое отсутствие других обществ в данной местности или изоляция от других обществ составляет местную изоляцию любого общества в данной ситуации. Каждое общество обладает и географическим местоположением, и местной позицией, но первое не имеет ничего общего с присутствием и отсутствием других обществ в данной местности; широта, долгота, высота и т. д. достаточны для его определения. В противоположность этому местная позиция не может быть определена, если нет возможности установить связи данного общества с другими. Это немедленно влечет за собой рассмотрение данного культурного уровня или культур. Жители пустыни Невада в то время, когда даже не было лошадей для транспорта, находились в положении, весьма отличном от того, в котором находятся современные жители этого района, ибо железная дорога, автомобиль и самолет повлекли за собой коренные изменения в том, что может быть названо «усилием преодолеть пространство»⁵¹. В первом случае миссии на побережье Калифорнии могли с таким же успехом быть расположены на южном полюсе в отношении их доступности; во втором случае вождь племени пиуте может за три часа или меньше попасть в киностудию Голливуда.

Такие сдвиги от изоляции к доступности — результат культуры. С появлением самолета географическое местоположение общества отнюдь не изменилось, но его местная изоляция превратилась в местную доступность. Природа дала человеку его географическое местоположение, культура — его местную позицию⁵².

Возможность войти в контакт с другими обществами данной местности остается, однако, только возможностью, когда это относится к местной доступности, как таковой. Тот факт, что легко доступны другие общества, не означает, что будет сделана попытка в этом направлении. Различия в цвете кожи и языке, если взять наиболее яркий пример, могут помешать объединению или даже повести к разъединению до такой степени, что одно общество истребит другое, даже не устаивая называть его членов людьми. В этом случае имеется местная доступность и «социальная» изоляция.

Ясно, что культура играет решающую роль также и в социальной изоляции, например имеются многочисленные доказательства того, что, когда существует явная неприязнь к тому или иному цвету кожи, такая неприязнь является приобретенной. То же самое

⁵¹ Некоторые экологи называют это «ценой времени».

⁵² Этот термин заимствован у Е. Ч. Семпла, который ангажировал термин Ратцела «Lage». См. STFLTS, стр. 47, включая прим. 53, и стр. 68; см. также STFLTS, passim (используя указатель).

относится и к языку. Усвоив одну систему символов, которая во многих отношениях является основой для процессов узнавания-желания-нормирования, которые мы объединили под общим названием оценки, дети, а также и взрослые неизбежно приходят в смущение, когда встречаются с другой системой. Они фактически подвергаются в некоторых случаях шоку начинающейся дезориентации. Их смущение является больше чем моментальным и поверхностным. Результатом этого является нежелание или неспособность общаться конгениальным или даже нейтральным образом с существами, которые в данном случае «не похожи на людей». Таким образом, возникают препятствия общению, и постоянное физическое присутствие людей, чья необычность постоянно подтверждается, усиливает тенденцию социальной изоляции; процесс является круговым. Конечно, существуют многочисленные, менее ярко выраженные случаи, но в основе социальная изоляция коренится в неудачах эффективного общения по той или иной причине⁵³.

Умственная изоляция тесно связана с социальной, тем не менее она достаточно определена, чтобы потребовать специального рассмотрения. Преодоление местной изоляции может позволить людям вступить в физический контакт. Социальная изоляция в значительной степени может уступить место с трудом приобретенной способности общаться, которая, хотя иногда частично и на несловесных и, следовательно, неадекватных уровнях, допускает изоляцию рудиментарного типа. Преодоление этого, однако, недостаточно. Изоляция может оставаться глубокой или незатронутой благодаря более или менее ясно выраженным идеям. Здесь также действует культура.

Возьмем, например, умственную изоляцию цыган от различных народностей, среди которых они живут. Здесь не имеется какой-либо существенной местной изоляции, а социальная изоляция быстро ослабевает, и цыган превращается в специалиста-жестянщика, торговца лошадьми, гадалыщика и т. д., у которого много клиентов. Некоторая социальная изоляция сохраняется, ибо общение является частичным. Цыгане все еще иногда пользуются своим собственным языком в тайных целях, но тем не менее имеется частичное общение, вполне достаточное, чтобы породить романтическое очарование, такое, как описано в старой балладе «Она спит с чернокудрым цыганом, о!». В большинстве случаев, однако, поразительно явной является умственная изоляция. Народы, среди которых живут цыгане, называют их париями, ворами, обманщиками и похитителями, а цыгане в свою очередь высмеивают и презирают эти народы, рассматривая их как объект, обеспечивающий легкую добычу. Эта умственная изоляция начинает исчезать только в наши дни, потому что цыгане, как таковые, исчезают.

Изоляция такого рода особенно интересна, поскольку, в общем говоря, она базируется на proverbialных определениях ценностей.

⁵³ В терминах эффективной я-и-другой дефиниции. См. TVTSI, p. 43, а также MIR, p. 108.

В этом случае нет такой сложной идеологии, как, например, идеология антисемитизма, которая стремится быть прескриптивной. Такая прескриптивная оценка благодаря своему явному характеру, кодификации и формальной рациональности ведет к очень интенсивной умственной изоляции, а с другой стороны, скрытый и неорганизованный характер провербиальной изоляции затрудняет борьбу с ней при помощи контридеологии. Пассивное сопротивление, сопровождаемое временами, так сказать, партизанской тактикой, иногда труднее преодолеть, чем строго дисциплинированную и планомерно организованную оборону.

Положение провербиальных обществ

Как бы то ни было, в провербиальных обществах часто присутствуют в значительной степени все три вида изоляции, и общезвестно, что они с трудом поддаются изменению. Общества, наиболее близко подходящие к провербиальному типу, обычно далеки от путей, проложенных превалирующим уровнем культуры; от них обычно трудно отойти и их трудно достичь.

Правда, некоторые провербиальные общества не отличаются крайней местной изоляцией, но в таких случаях социально-умственная изоляция в значительной степени компенсирует отсутствие местной. Обычные способы взаимодействия и организации настолько сильно противоречат действиям чужаков, которые индивидуально или группой прокладывают себе путь среди туземцев, что эти чужаки *ipso facto* нарушают священные обычаи каждый раз, как только они пытаются шевельнуться⁵⁴. Таким образом, социальная изоляция остается не только такой же непроницаемой, как и раньше, но она еще более усиливается. Даже почти невозможно вести торговлю, не подвергаясь опасности или нападению, не говоря уже о более интимных отношениях. Когда взаимодействие является столь минимальным, имеются все возможности для сохранения и роста умственной изоляции. Легко возникает представление о нечистом, аморальном, враждебном и языческом характере поведения иностранцев; это представление быстро распространяется и рано или поздно обретает свое стандартное провербиальное выражение.

Прескриптивные общества и их ситуационные комбинации

Как неоднократно указывалось, эмпирические границы между нашими основными типами общества редко или почти никогда не бывают определенными. Прескриптивные общества, хотя они обычно больше и культурнее провербиальных, часто сохраняют многие из компонентов последних; эти компоненты просто становятся несколько более явными, приобретают чуть ли не характер кодекса и подвергаются в известной степени формальной рационализации,

⁵⁴ См. TVTSI, p. 47, сноска 54.

все время продолжая увеличиваться. Однако, несмотря на это, можно установить довольно близкое сходство прескриптивных обществ. Обратите внимание на тот факт, что в известные периоды развития древней Греции, и особенно Афин, большинство proverbially преданий было вытеснено прескриптивными законами. Действительно, предписание по временам становится настолько абстрактным, что оно приобретает многие черты, характерные для принципа. То же самое относится и к различным фазам развития Рима, а иногда и ряда крупных государств Ближнего Востока и собственно Азии.

В большинстве приведенных выше случаев развитие предписания значительно облегчается возникновением письменности; многие прескриптивные общества были обществами письменными в прямом значении этого слова. Письмо вытеснило слова, а последние — частично символические эквиваленты. Но поспешим заметить, что не все proverbially общества являются или были бесписьменными и не все прескриптивные общества — письменными⁵⁵. *Ограниченная письменность может вполне существовать при преобладании proverbiallyности*, и хорошо разработанные приемы запоминания и повторения могут сделать общество в основном прескриптивным даже тогда, когда и неизвестно искусство письма. Отсутствие письменности имеет тенденцию идти рука об руку с proverbiallyным, а наличие письменности — с прескриптивным, и только.

Прескриптивные общества с их системами ценностей, сложившимися в результате сложной кодификации и т. п., могут в течение долгого времени сохраниться в условиях значительной местной доступности. Некоторые из тоталитарных режимов вчерашнего и сегодняшнего дня обладают многими культурными возможностями, выходящими за пределы местной изоляции. Тем не менее «железные», «бамбуковые» и другие «занавесы» могут противодействовать человеческим средствам связи и общения. Отказ от выдачи виз на въезд и выезд может повести к тому, что общества, ограниченные в этом отношении, так же эффективно отделены друг от друга, как если бы все автомобили, поезда, суда и самолеты внезапно подверглись атомному распаду. Культура, другими словами, может противодействовать культуре; то, что способствует местной доступности, может быть выведено из строя социальными препятствиями и умственными барьерами. Особенно идеологические конфликты могут привести к местной изоляции прескриптивного общества.

Однако, помимо таких проявлений «холодной войны», в прескриптивных обществах наиболее часто встречаются следующие виды изоляции: (1) местные варианты, порожденные скорее недостаточностью культуры, чем вытеснением одного из ее аспектов другим; (2) социальная изоляция, происходящая, например из-за отсутствия такой вещи, как пиджин инглиш*, или из-за совершенно противо-

⁵⁵ Автор раньше пользовался термином «дописьменный» как синонимом «proverbiallyного», но затем отказался от первого термина как ошибочного. См. STFLTS (1952), Chap. I.

* Англо-китайский жаргон. — *Ред.*

положного и вызывающего нетерпимое отношение к привычкам принятия пищи, а также (3) умственная изоляция, начиная от убеждения сионистов, что они являются избранными богом жителями Палестины, до убеждения испанцев-франкистов, что баптисты являются посланцами дьявола.

Значительная часть социальной изоляции, помогающая сохранению равновесия прескриптивных обществ, порождается или укрепляется, как это показывают предыдущие примеры, правительственными, церковными или другими социальными организациями, достаточно авторитарными, чтобы ввести или силой установить подчинение. Часто правительственная и церковная система настолько тесно связаны, что священник в случае необходимости всегда может обратиться за содействием к полицейскому или солдату, и, подобно солдату, может издавать эдикты по прескриптивной цепи командования, которые доходят до простого прихожанина, являющегося чем-то вроде религиозного рядового (см. обсуждение «церковного» в гл. 15 Пауля Хонигсгейма в данной книге).

Государство и церковь отнюдь не являются единственными институтами, которые издают авторитарные эдикты в прескриптивных обществах, хотя можно признать, что они являются теми институтами, которые чаще всего имеют возможность подкрепить такие эдикты духовным или физическим принуждением. Учебные заведения внедряют многочисленные предписания; так же поступают и экономические институты.

Конечно, издаваемые или внедряемые по временам предписания противоречат друг другу. В современной Франции, например, постановления церковных властей нередко отменяются правительственными чиновниками. Более того, имеются и другие конфликты институционального характера. Во Франции школьный учитель, вероятнее всего, является левым социалистом или даже коммунистом, весьма далеким от того, что представляет собой местный фабрикант, который тем не менее столь же пылок и догматичен. Это указывает на то, что в принципиальном обществе — а вряд ли можно поместить современную Францию в какую-либо иную категорию — многие прескриптивные системы находятся в полном расцвете и функция принципиального режима залючается в первую очередь в поддержании несколько неустойчивого равновесия сил между ними.

Все же здесь мы в основном интересуемся обществами, которые в первую очередь являются прескриптивными по преобладающим в них системам ценностей. Тоталитарные режимы от Египта времен фараонских надсмотрщиков над рабами до фашистской Германии являются наиболее яркими примерами. Крайняя социальная изоляция часто возникает при тоталитарном режиме, где не только не доверяют иностранцам, которые во многих случаях высылаются, но и многие группы внутри общества считаются по крайней мере подрывными и, следовательно, высылаются, заключаются в тюрьму или ликвидируются. Но если умственная изоляция в какой-то степени по тем или иным причинам поддается умственной доступ-

ности, социальная, а также и местная изоляция могут также поддаться этому. Изоляция отнюдь не необратимый процесс.

Для данного анализа вывод, который нужно сделать из этих примеров, уже известен: очень трудно провести четкое различие между социальной и умственной изоляцией. Другим примером того же является запрещение смешанных браков, которое так долго превалировало у правоверных евреев, католиков, кальвинистов-буров и других. Такое запрещение в социальном отношении изолирует одну группу от другой с увеличением умственной изоляции в качестве неизбежного результата, но социальная изоляция, если мы обратимся к анналам истории, по-видимому, в основном являлась результатом умственной. Независимо от того, что было первым, одно воздействует на другое, процесс идет по кругу, и разорвать этот круг, говоря конкретно, по меньшей мере невероятно трудно.

Местная социальная доступность способствует изменению принципа

Переходя к изоляции и доступности среди принципиальных обществ, где переход от священного к светскому достаточно заметен, вполне можно утверждать, что, за исключением периода «холодной» или «горячей» войны, принципы, вероятно, превращаются в предписания и существует значительная местная доступность. Само собой разумеется, что любое общество, ставшее принципиальным, подвергается частым посещениям иностранцев; тем или иным путем благодаря культуре и ее носителям преодолеваются естественные барьеры.

Далее, иностранцы не только легко проникают в общество, но также могут и свободно в нем вращаться, не встречая препятствий. Таким образом, первоначальный чужак приобретает положение своего, и иногда весьма быстро. Говоря современным языком, он получает доступ в частные дома и клубы, так же как в учреждения и гостиницы, и, хотя и сохраняются некоторые ограничения, их никто не принимает всерьез. Случается по временам, что посетители встречают меньше социальных барьеров, чем туземцы, занимающие подчиненное положение, вне зависимости от того, несут ли они на себе этот ярлык или нет, хотя они теоретически являются полноправными членами данного общества. «Очарование экзотики» отнюдь не редко выступает как быстрое средство преодолеть социальную изоляцию.

Умственная доступность и адаптация принципов в Англии

Уже указывалось ранее, что прескриптивные ценности часто кодифицируются, но обычно такая кодификация представляет собой не больше чем «каталог»⁵⁶. Несмотря на используемую формальную

⁵⁶ См. обсуждение кодификации — «каталога»: Marcel Granet, *op. cit.*, особенно гл. 3, «Числа» («Les Nombres»).

рациональность, дедуктивные взаимосвязи являются только мнимыми, прескриптивные же ценности — неразрывно слитыми.

Когда прескриптивная оценка дает основание для разнообразия принципов, вступает в действие целесообразная рациональность. Однако целесообразная рациональность именно только вступает, ибо она все еще ограничивается упорным сопротивлением изменению основного абстрактного принципа или принципов, что фактически во всех случаях в основном проистекает из конкретных предписаний, которые можно проследить исторически. Иначе говоря, целенаправленная рациональность как ограниченный вид целесообразной рациональности возникает в принципиально светских обществах.

В таких обществах всегда имеется нечто такое, на что может быть направлена рациональность. Имеется много примеров, помимо американского принципа «естественных прав», о котором уже упоминалось, и среди них наиболее удобным для наших целей, может быть, является Великобритания. Начав с божественного права монарха, установившегося после длительной династической борьбы, и отказа от юрисдикции папы, многочисленные приспособления к изменяющимся условиям привели к ограниченной конституционной монархии, в которой монарх — это только «символ в человеческом облике». Важные политические заявления, читаемые монархом своим «подданным», фактически составляются министрами, пришедшими к власти путями, мало зависящими или совершенно не зависящими от санкции монарха.

Большая часть церемониала, связанного с коронацией и другими видами высшей символизации, все еще является ритуальной в прямом значении этого слова, ибо она направлена на божество, которое, как предполагают, гарантирует и охраняет божественное право монарха. Тем не менее многие другие аспекты церемониала связаны только с лоялистической и традиционной священностью, а ряд других аспектов, что весьма знаменательно, является целенаправленно светскими.

Светскость проявляется не только в молчаливом принятии монархом таких ограничений, как закон о браке лиц королевского дома, но также и публичном обещании путем принесения присяги строго соблюдать законы королевства. «Согласно Конституции Великобритании», которая хотя и является только частично кодифицированной, но тем не менее рассматривается как единое целое, подчеркивается согласие на изменения, которые привели к ограничениям ранее неоспоримого божественного права монарха. «Король царствует, но не управляет».

Насколько эффективно принцип стал преобладать над предписанием, доказывается отречением от престола Эдуарда VIII, который был вынужден к этому простым коммонером Стэнли Болдуином. Конечно, последовали протесты, исходящие от сторонников как проverbsальной, так и прескриптивной концепции, а также другие протесты, в значительной степени порожденные утешительной и даже возбуждающей нерациональностью, но победило светское начало.

Несмотря на это, однако, любой наблюдатель, вообразивший, что было устранено священное начало монархического принципа, впал бы в серьезную ошибку. Священное начало монархического принципа с успехом пережило отречение монарха, который теперь превратился в легкомысленного герцога Виндзорского, и преданность подданных была обращена на законного и серьезного его преемника, Георга VI, а по его смерти послышался возглас: «Король умер, да здравствует королева!» Ограниченная конституционная монархия, такая, какая существует в Англии сегодня, все еще имеет своим источником священный первичный принцип, но абстрактность самого принципа делает возможным широкое применение целенаправленной рациональности. Общество современной Англии можно лучше всего определить как принципиальное светское общество.

Это означает, что общество, когда-то бывшее закрытой священной системой, частично основанной на провербиальном, но еще в большей степени на прескриптивном, уже в XVI столетии стало доступным для ранее неизвестных принципов. Некоторые из них по крайней мере возводятся к предписаниям и принципам, обнаруженным ранее в странах с противоположной идеологией. Еще только вчера принципиальное секулярное общество в Англии считало возможным проповедовать временно целенаправленную рациональность монархического государственного социализма, который поносили некоторые англичане, хорошо осознававшие, что его исторические корни были в основном чуждыми⁵⁷. Они были правы там, где это касалось государственного социализма, но они упустили из виду тот факт, что в умах обычных граждан монархический принцип настолько стал далеким от обычных повседневных потребностей правления, что он сохранился и продолжает существовать после целого ряда, как предполагается, революционных изменений. Короче говоря, страх перед разрушительными противоречиями оказался необоснованным: коренные нововведения не обязательно ведут к анонии, если принципиальное общество, в котором эти нововведения имеют место, руководствуется принципами абстрактно-священными, но проявляющимися в конкретно-светских изменениях.

Анония в пограничных и сельских обществах

Ранее мимоходом упоминалось о проаномических обществах, то есть обществах с системами ценностей, *благоприятствующими* исключительно свободному, нестесненному положению вещей,—

⁵⁷ Герберт Спенсер правильно называл известный ему вид государственного социализма «бисмарковским». Отметим, однако, что, когда мы здесь, а также и в других местах подчеркиваем значение «культурных контактов», у нас нет намерения ограничить источники социальных изменений только такими контактами. Напряжение, возникающее внутри общества, может вызывать изменения, как это уже указывал автор в TVTSl, стр. 264—278 при рассмотрении эндогенных и экзогенных изменений.

именно в этом смысле эти общества являются проаномическими. Тем не менее, хотя эти общества и нестабильны, они все же обладают достаточной преемственностью, исходящей из установленных проverbsиальных прескриптивных и принципиальных систем ценностей, чтобы эффективно функционировать на протяжении довольно долгого периода времени. Было бы совершенно нереальным назвать их аномическими обществами, без всяких оговорок, а вставлять слово «относительно» не представляется удобным. Префикс «про» для обозначения общества показывает, что в этом случае подчеркивается широкое распространение аномии, а также то, что любое общество, существующее как общество, несмотря на свою нестабильность, никогда полностью не лишено нормативной структуры. Действительно, только когда целесообразная рациональность широко не ограничена, то есть когда последствия фактически не контролируются тем, кто к этому стремится, только тогда утешительная и возбуждающая иррациональность, всегда и всюду в какой-то степени присутствующая⁵⁸, начинает играть такую важную роль в оценке, что возникает серьезная угроза дальнейшему существованию проаномического общества.

В большинстве эмпирических случаев местная доступность проаномических обществ является весьма широкой. Невольно возникает предположение, что все такие общества являются главным образом городскими, поскольку городские центры стоят, так сказать, на перекрестке движения и коммуникации. От такого предположения надо отказаться.

Возьмите, например, многочисленные пограничные общества, отмечающие распространение человека на поверхности нашей планеты. Для большинства из них характерна поразительная степень аномии, но их можно назвать городскими только с очень большой натяжкой. Взаимно разрушительное столкновение систем ценностей не обязательно должно происходить в чем-то отдаленно напоминающем город.

Более того, медленное ослабление ограничений на изменения, в конечном счете приводящее к разрушению норм, может протекать в изолированных сельских обществах, где «потеря культуры благодаря отставанию» завершается какой-либо из многочисленных разновидностей Табачной дороги*. При некоторых обстоятельствах передача, усвоение и общее священное сопротивление не могут быть эффективными; каждое последующее поколение обладает меньшим количеством технических экспрессивных и контрольных возможностей⁵⁹ культуры предков, чем его предшественники, и в результате образуется бесформенная расплывающаяся масса

⁵⁸ Это очень важный пункт; см. MIR, стр. 174—188.

* Табачная дорога (Tobacco Road) — обозначение Юга Соединенных Штатов Америки, обычно употребляется как символ некультурности и отсталости. — Перев.

⁵⁹ J. W. W o o d a r d, A New Classification of Culture and a Restatement of the Culture Log Theory, ASR, 1 (February, 1936), pp. 89—102.

созданий, чье поведение почти не поддается предсказанию даже для них самих, если только оно не выражено в весьма смутных общих выражениях. Они будут есть, пить, спать и спариваться, но вопросы — что, когда, где и как — остаются почти необъяснимыми. Короче говоря, аномия проявляется иногда в сельском окружении⁶⁰

Непостоянство городской жизни

При наличии этих оговорок можно с полным основанием допустить, что многие поражающие примеры аномии имеют место в городах. Более того, «урбанизм как образ жизни» настолько притягателен, что он по крайней мере в некоторых отношениях влияет на жизнь глухой провинции. Частые поездки в Афины превращали во многих отношениях аттического пастуха в представителя городских стандартов поведения, политической жизни, и «Sears and Sawbuck»* и «Monkey Ward» в значительной степени помогают жителям американской провинции подражать, хотя и с некоторым опозданием, стилю жизни в Голливуде и веселом Париже. В городских центрах *per se* обычно бывает много приезжих, и местные жители принимают их без особых колебаний. Члены местного общества свободно путешествуют сами или же при помощи массовых средств общения, доступных для передовой культуры, косвенно участвуют в этих путешествиях и, таким образом, довольно хорошо знакомы со всякого рода иными культурами, что сопровождается ростом релятивизма. Другими словами, имеется значительная, прямая и косвенная местная мобильность.

Помимо этого, имеется высокая степень социальной доступности; приезжие желательны, как источники нового интереса, а также из-за тех денег, которые они привозят. Происходит смешение самого разнообразного характера; светские общества, склонные к отсутствию норм, часто в некоторых отношениях напоминают конгломерации, такие, как трущобы Ливерпуля, Салоник, Алжира, Низр-Норт-Сайда в Чикаго и Репербана в Гамбурге. Социальная доступность преобладает в классах, кастах и других группировках подобного рода, которые в менее текучих обществах не смешиваются. Конечно, в проаномических обществах также есть социальная стратификация, но различные слои так быстро движутся вверх и вниз, что стираются их характерные черты. Короче говоря, существует ярко выраженная социальная мобильность. Планы отдельных районов города, иллюстрирующие социальные явления, это ясно показывают. Кварталы, некогда недоступные для *hoi polloi* (черни), становятся открытыми. На практике преобладает эквилитарианизм

⁶⁰ Эти и другие соображения заставили автора отказаться от дихотомии народа и города. См. TVTSI, стр. 256, включая прим. 19, 20, 21, а также MIR, стр. 154, 168, 176—177, 196 и 349—350.

Эта тема получила интересное косвенное освещение в некоторых произведениях Хемингуэя и, конечно, в большинстве книг Фолкнера, во всей литературной школе «упадка под сенью магнолий».

* Крупнейшее торгово-пересылочное агентство, рассылающее по каталогу фирмы товары во все концы страны. — *Перев.*

не столько в силу концепции «естественного права», сколько благодаря тому, что почти невозможно отличить друг от друга анонимные фрагменты этого почти бесформенного конгломерата.

Широко распространена «непредубежденность», представляющая собой интеллектуальную доступность, ведущую к анонии. Она обычно нерациональна, чем и отличается от готовности к рациональному обсуждению желательности различных методов адаптации, характерной для принципиальных обществ. Другими словами, проаномические общества открывают путь к благодушию и терпимости, отражая этим, по существу, безразличие к принципу. Эта терпимость может дойти до такой степени, когда приобретает привлекательность преступное поведение, поскольку оно доставляет такое же возбуждение, которое дает воображаемое участие в криминальных действиях.

Несомненно, в ходу есть много священных формул, но они рассматриваются как магическое средство «воздействия на массы» или на что-нибудь другое. Они не являются сдерживающим средством для утешительных и возбудительных отклонений от нормы.

Общество также вполне доступно для научных достижений, хотя они и могут оказаться явно разрушительными для сохранившихся остатков некогда действовавших систем ценностей. Обратимся теперь к уже знакомому нам примеру: тотальная война, опрокидывающая все гуманные, проverbsиальные, прескриптивные и принципиальные сдерживающие начала, усердно проповедуется, если она обеспечивает нам победу: «Сбросим атомную бомбу на них, прежде чем они сбросят ее на нас». Не в столь крайних случаях считается, что наука заслуживает всяческой похвалы, но не ради нее самой или ее действительного или предполагаемого стремления к высоким принципиальным целям, таким, как «благо человечества». Наоборот, ее поддерживают, потому что, когда ею пользуются как неким волшебным жезлом, она несет за собой улучшение здоровья, питания, увеличение досуга и больше возбуждений. Широко занимаются проектами в отношении будущего, примером чего являются фантазии о путешествиях в космос. И в этом, как и в других отношениях, умственная мобильность выступает в крайних формах.

В общем наука — эта конденсация последовательной рациональности — считается ценной в первую очередь потому, что она обещает легкое достижение нерациональных и даже иррациональных целей ⁶¹.

Нормативная реакция на аномию

Большинство из только что приведенных примеров в основном относится к современной анонии, но некоторые из них указывают и на ее более ранние проявления. Это было сделано намеренно, ибо часто ошибочно полагают, что крайняя секуляризация — это

⁶¹ Автор считает, что конечные цели являются нерациональными, но в наши дни большинство считает, что некоторые из них являются рациональными в том значении, какое они придают этому термину.

удел современности. Многочисленные примеры, анализированные в деталях, а не просто приведенные для целей иллюстрации, были даны другими авторами, и автор сам привел несколько из них⁶².

Более того, секуляризация в ярко выраженных формах не только присутствует в отдаленном прошлом, но, кроме того, за ней неоднократно следовала и ее противоположность — сакрализация. Неоднократно мы встречаемся с «нормативной реакцией на аномию»⁶³, которая не только кладет предел сверхбыстрой секуляризации, но также порождает или возрождает сопротивление изменению, принимающее скоро или пытающееся принять характерные черты стабилизирующих систем ценностей. Протестантская Реформация, католическая Контрреформация, захват власти фашистами и нацистами, основание и неоднократное возрождение ку-клукс-клана и установление методизма — все они являются частичной иллюстрацией этого.

Одной из причин является то, что общества редко бывают однородными⁶⁴. Аномия может давать удовлетворение в виде утешения и возбуждения некоторым членам, а может быть, даже и большинству, но она неудобна и даже пугающа для других. Для них ослабление или разрушение нормативных оков грозит катастрофой: безрассудное преследование иррациональных целей, когда подвергается риску выживание или вследствие угрозы выживанию, толкает тех, кто не стремится к этим целям, часто к отчаянным попыткам предупредить то, что они рассматривают как вероятные последствия управления своих ближних.

Действительно, последствия могут рассматриваться как не только вероятные, но как уже наступившие. Гибель грозит не только нечестивым, но и праведным. Такая катастрофа не обязательно должна быть доказуема, достаточно того, что значительная часть населения верит в то, что она произошла, произойдет или наступает.

При наличии твердого убеждения следующей фазой является нахождение спасительного решения. Если воспоминания о про-вербальных, прескриптивных или принципиальных формулах все еще живы, почти автоматически возникают требования возврата к доброму старому времени. Считается, что архаизм в той или иной форме является выходом.

Что было хорошего в старое время — это вопрос толкования, и чье же толкование следует принять? Тот же самый вопрос возни-

⁶² См. STELTS (1952) в указателе «секуляризация», а также F. G. Teggart, *Theory and Processes of History*, Berkeley, 1941, *passim*, по таким темам, как «распад систем идей», «освобождение» и т. д. В некоторых отношениях работа А. Дж. Тоупера, *A Study of History* (Oxford, 1934—1952) является исследованием секуляризации — сакрализации во многих обществах.

⁶³ См. краткое изложение в STELTS (1952), pp. 834—836; TVTSL, pp. 76—78, 270; MIR, pp. 182—184, 189.

⁶⁴ Трудно переоценить этот пункт. См. MIR, p. 190 и статью: C. W. M. Hart, *The Sons of Turimpi*, AA, 56 (April, 1954), pp. 242—261.

кает, если выход находят в социальном порядке, который никогда еще не получал конкретного воплощения *in toto*. Другими словами, будущее также должно найти своего авторитетного толкователя. В любом случае на первый план выступает проблема вождя.

Время, место и человек

Поскольку аномические общества являются *ipso facto* хаотическими или по крайней мере синкретическими, то есть характеризуются смешением часто непримиримых систем ценностей, в них пышно расцветают недолговечные учения политического, экономического, морального, религиозного и другого характера. Такие учения возникают действительно в массах, но их последующая культивация обычно завершается какой-нибудь необычной личностью, превосходящей другие, которые хотя и являются тоже необычными, но им не благоприятствует время, место, условия и способности.

Социологи немедленно устанавливают, что здесь имеется в виду харизматический вождь, обладающий не харизмой должности, а харизмой личности. Человек, его миссия и его необычайный дар — все это связано между собой, и из сплава соперничающих решений выходит победителем данная троица-в-единстве. К вождю приходят последователи, возникает культ возрождения, и в случае удачи твердо устанавливается центр успешной сакрализации.

Кто наследует вождю?

Обратите внимание на оговорку «в случае удачи». Для того чтобы основать твердую сакрализующую систему, должна быть обеспечена преемственность после смерти первого вождя. Возникает спорный вопрос о наследовании, что свидетельствует о необходимости разрешения проблемы эффективной передачи необычности, облегчающей дело последователя.

Ранее часто полагались на известное положение «кровь скажется»; биологическая наследственность, как бы ее себе ни представляли, считалась достаточным обеспечением законной харизмы. Другими методами были: прямое назначение преемника (независимо от степени родства) стареющим или немощным вождем; избрание, тщательно контролируемое небольшой группой последователей, причем считалось, что последние выступают от имени вождя в случае его слабоумия или смерти; более официальный и беспристрастный выбор преемника более широким кругом и т. д. Какому бы методу ни следовали, считалось необходимым по крайней мере наличие естественных качеств, то есть таких, которые, как считалось, представляют естественное с необычной силой или в необычной степени концентрации. Во многих случаях, конечно, сверхъестественные черты в строгом смысле этого слова были единственными основаниями для признания преемника.

Возврат к священному

В наши дни, по-видимому, доестественное полностью вытеснило сверхъестественное, но удивительно наблюдать, как часто различие между ними стирается при жизни вождя.

В конечном счете результат этого стирания почти такой же, что и при открытом приписывании сверхъестественной силы вождю.

Во всяком случае, можно сказать с некоторой уверенностью, что далеко идущая секуляризация отнюдь не редко порождает интенсивную сакрализацию; крайности сходятся, новая или пересмотренная священная система по своей ориентации может и не быть святой, но лояльная и другая подобная священность, которую она вызывает и усиливает, настолько сильна, что неосторожные часто начинают говорить о расизме как религии, классовом сознании как религии, национализме как религии, демократии как религии. Отвергая эти заблуждения, нужно все же признать, что хотя системы ценностей и исчезают, но они также и появляются.

Резюме

Закончен беглый обзор священно-светской теории в интерпретации автора. Очерк основной эпистемологии, даваемый в заключение, говорит о том, что знание-желание-нормирование характерно для человека, потому что оно встречается в такой комбинации только в культурных контекстах и представляет действия, взаимосвязывающие потребности и ценности, которые поэтому могут рассматриваться как оценки. Была построена шкала оценок по континууму, ведущая от максимального сопротивления оценкам к максимальной готовности их принять, которая была использована в качестве критерия принесения в жертву жизни ради обоих крайностей («уничтожение», ради предупреждения изменения противопоставляемое «уничтожению» в стремлении к изменению).

При помощи шкалы оценок, а также используя дополнительно ситуационные критерии изоляции и доступности в их местном, социальном и умственном аспектах, были установлены и проанализированы четыре конструированных типа общества: проverbsальное, прескриптивное, принципиальное и проаномическое. Неоднократно производилась ссылка на эмпирическое смешение любого и всех обществ, приближающихся к этим типам. Также подчеркивался тот факт, что ни одно общество не является фактически однородным и, когда общество рассматривается как целое, это сознательно или бессознательно приходится делать при помощи определения. Также обсуждались сдвиги от одного социального типа к другому, но не для того, чтобы доказать последовательность эволюции или прогресса; неравномерное развитие и обратимость не только возможны, но и часто встречаются. Наконец, было уделено внимание тому, что крайняя секуляризация иногда превращается в свою прямую противоположность — крайнюю сакрализацию и в этом процессе комбинация ощущаемого кризиса и харизматического

руководства играет существенную роль. В результате фениксообщество возникает из своего собственного пепла; сегодняшний хаос становится космосом будущего.

ИСТОЧНИКИ СВЯЩЕННО-СВЕТСКОЙ ТЕОРИИ

Мы все обязаны нашим предшественникам

В первой, теперь уже завершенной части данной главы почти не упоминалось о многочисленных источниках излагаемых идей. Вторая часть, хотя и значительно более краткая, дает перечисление и замечания по возможно большему количеству этих источников, насколько это позволяет место. Вначале мы считаем возможным развить то, что уже известно большинству наших читателей, повторив известную жалобу фермера: «Ради того небольшого количества масла, которое я получил, мне пришлось выдоить пятьдесят коров»⁶⁵

Более того, различные концепции, слияние которых дало вышеуказанную теорию священно-светского, сформировались не только в связи с этой теорией. Наоборот, осознание их несомненной ценности возникло в связи с общественнонаучными проблемами разного рода. Естественно, любой исследователь обнаруживает, что большинство его попыток находится в том или ином взаимодействии, но он редко может предвидеть, каковы будут результаты этого взаимодействия. Используя несколько свободно терминологию Канта, мы можем сказать, что представление вызывает понятие, а понятие вызывает представление путем взаимности процесса, не имеющего точно установленных ни конца, ни начала. Большей частью впоследствии ссылка делается на понятия, но это ничего не говорит в пользу фактического приоритета во времени, как это показало ранее обсуждение «данных» и «взятых».

Далее, тот факт, что нам часто трудно вспомнить, когда мы впервые слышали слово, которое впоследствии приобретает для нас содержание и постоянное значение, таким образом превращаясь в истинное понятие, часто заставляет нас думать, что мы можем точно установить дату возникновения такого понятия в нашем обществе. Немногие стали бы отрицать, что соответствующие термины могут вызвать внезапный проблеск понимания; хаотическое скопление фактов, подобно калейдоскопу, может прийти в систему при прикосновении слова, но для этого необходимо, чтобы мы заинтересовались этим хаосом, и должно быть налицо также нечто такое, из чего этот хаос образовался. Каким образом можем мы устанавливать даты для того, что в подобных случаях является накопленным опытом?

Достаточно. Понятия, использованные в первой половине главы, имеют много параллелей и предшественников, но для автора они приобрели значение только благодаря тесной связи с различными

⁶⁵ «Пятьдесят» — это явная недооценка; см. STFLTS (1952).

недоумениями и их пробным разрешением. Поэтому понятия и недоумения будут последовательно обсуждаться совместно, и мы надеемся, что мы ни в коем случае не преуменьшим того, чем мы обязаны понятиям и их создателям.

Траур не такое простое дело

Одно из первых мест среди проблем, вызывающих недоумение, занимают проблемы, возникшие в результате сверхчестолобивого исследования траура по умершим⁶⁶. В литературе не существует общепринятой терминологии, позволяющей без труда различать ритуал, связанный с поминовением, с одной стороны, и поведение, имеющее целью предотвратить или умиротворить злые силы (апо-тропанческое поведение), с другой стороны. Глубокий анализ Малиновского стал известным только после того, как это исследование было закончено⁶⁷. Уважение, набожность, надежда на длительное товарищество и просто любовь затемнялись слишком общими терминами, такими, как благословенный, проклятый, подвергшийся табу и т. д. Смешивались поминовение святого (противоположное поминовению, связанному только с интимными переживаниями) с последующим отвращением магического характера, а также многие другие виды поведения, связанного с поминовением усопших. Нельзя было найти выход из тупика, и исследование не давало полного анализа. Тем не менее значение различий, проводимых Малиновским, в конечном счете стало ясно для автора, так же как и «идея святого», принадлежащая Рудольфу Отто⁶⁸. Далее, анализ Зиммелем малых групп и анализ Кули первичных групп приобрели, хотя и с некоторым запозданием, значение для интимной священности. Короче говоря, начались поиски соответствующих понятий и с течением времени возникло то, что, по-видимому, принесло полезные результаты.

Загадка юношеского движения

Приблизительно в то же время, когда было предпринято изучение обряда оплакивания умерших, а в некоторых отношениях даже ранее было начато изучение юношеского движения в Германии.

⁶⁶ SPOB. Под «сверхчестолобивым» подразумевается «нечто, требующее наличия понятий и возможностей для исследования, намного превышающих имеющиеся».

⁶⁷ Bronislaw Malinowski, *Magic, Science and Religion* in Joseph Needham (ed.), *Science Religion and Reality*, London, 1925. Значительно позднее (точнее, в 1948 году) автор познакомился с важной работой: «Baloma: The Spirits of the Dead in the Trobriand Slands», 1916, напечатанной в труде: Malinowski, *Magic, Science and Religion and Other Essays*, edited by Robert Redfield, Glencoe, 1948.

⁶⁸ Rudolf Otto, *The Idea of the Holy: An Inquiry into the Non-Rational Factor in the Idea the Divine and Its Relation to the Rational*, translated by J. W. Harvey, 2nd ed., London, 1950. Автор ссылается на одно из ранних изданий оригинала в STFLTS (1st ed., 1938), vol. I, p. XXIV of notes. См. также Robert F. Davidson, *Rudolf Otto's Interpretation of Religion*, Princeton, 1947.

В то время автор фактически не обладал социологическими познаниями, но, даже когда несколько лет спустя снова представилась возможность для непосредственного исследования, очень мало подходящих понятий смогло быть использовано; еще не была достигнута необходимая разработанность понятий. Существующая литература, после того как она была перечитана, дала несколько важных понятий, но большинство из них не были еще зарегистрированы в это время. Некоторые «данные» еще не превратились во «взятые».

Более того, даже ограниченное участие автора в движении привело к тому, что он стал отождествлять себя с некоторыми частями системы ценностей этого движения до такой степени, что трудно было сохранить объективность, необходимую для правильных наблюдений. Излишне говорить о том, что словарь наиболее горячих сторонников этого движения был полон «высокодиагностических» слов и выражений и многие из них были записаны автором. Тем не менее автор не понимал в тот момент, что они, так сказать, были симптоматичными. Следовательно, оказалось невозможным классифицировать, не говоря уже о том, чтобы установить связь между преданностью к самозванному, но выбранному вождю, потерей своего я, растворенного в группе, принятием ситуаций в том виде, как они определяются предписанной идеологией, и целым рядом подобных явлений⁶⁹. Соответствующая терминология для вышеупомянутых систем ценностей, а также для тех, которые, вероятно, были бы с этим связаны, конечно, приходила на ум посвященному читателю, но в течение значительного времени у автора не было данных, которыми можно было бы руководствоваться.

Когда эти данные появились, очень полезными оказались мысли Макса Вебера о харизматическом руководстве, выводы о различиях, установленных Трельчем между различными видами социальной структуры (большой и малой), являющейся носителем высших систем ценностей (см. гл. 15 Пауля Хонигсгейма в данной книге), и внимание, уделяемое Шелером унипатии, как одному из способов, при помощи которых происходит самоотождествление с другими. Следы всего этого можно найти в священно-светской теории так, как она изложена здесь, особенно в описании лоялистской и интимной священности, прескриптивных обществ и нормативной реакции на аномию.

Упрямство может быть неправильно понято

Вскоре после того, как исследование юношеского движения было прекращено приблизительно лет на двенадцать или более, общие исследования под руководством Леопольда фон Визе, в которых участвовал автор, привлекли внимание к лютеранству в сельских районах Германии. Особенно важными данными оказались

⁶⁹ См. библиографию в кн.: Howard Becker, *German Youth: Bond or Free* (обозначается ниже в GYBOF), London, 1946, or reissue, New York, Humanities Press. Эта книга также может оказаться полезной в отношении вышеуказанных моментов.

проведенные интервью, доказавшие существование чего-то вроде «эмоционального сияния», окружающего традиционную практику, причем большая часть ее не имела явного сверхъестественного оттенка, по крайней мере для тех, кто ей следовал. Стало явным, что с традиционализмом надо обращаться весьма осторожно, особенно при определении наивными участниками ситуаций по контрасту с определениями, предлагаемыми наблюдателями извне, незнакомыми с культурным контекстом. Медленно возникали проблемки различия между имплицитными и некодифицированными оценками и эксплицитными и кодифицированными, но они были слишком слабы, чтобы их можно было проследить в то время. Следовательно, слишком много приписывалось тогда конкретным историческим событиям и определенной религиозной доктрине⁷⁰; природа сопротивления изменению, основанного на традиции, толковалась неправильно, вызывая чувство неудовлетворения, которое смогло быть рассеяно лишь значительно позже.

Феноменологические проблемки

Приблизительно в то же время, когда изучалось сельское лютеранство, в лекциях и семинарах Макса Шелера впервые упоминается феноменология и социология знания. Его социальная психология, подаваемая под видом феноменологии, много дала для описания анализа типов личности. Проблема лидера получила освещение с нескольких новых точек зрения, и была ясно показана роль, которую играет кризис в возникновении лидера. Другим результатом было более полное понимание разницы между святым и менее интенсивными или другими аспектами священного, а также лучшее понимание соответствующей разницы между земным и светским⁷¹.

Вышеупомянутый термин, однако, еще не привлек тогда внимания автора своим проблематическим значением, поскольку не было ничего такого, в связи с чем смог бы выкристаллизироваться неясный набор эквивалентов или почти эквивалентов. Дальнейшая трудность была языковой; хотя слова и можно было перевести, вызываемые ими представления оставались смутными — частично из-за совершенно различных точек зрения, из которых приходилось извлекать эти слова и вызываемые ими представления, а затем, если это было возможно, приводить их в соответствие друг с другом.

Наступление зари

Работа совместно с Робертом Э. Парком вскоре вызвала новое недоумение, но она также наметила пути к разрешению старых проблем наравне с новыми. Парк использовал в течение значительного времени, как это показывают его работы, с начала двадцатых годов, священное и светское как термины для обозначения обществ

⁷⁰ Howard Becker, Sargasso Iceberg: A Study in Culture Lag and Institutional Desintegration (study of German peasant village, Hunsrüd in the Palatinate), *AJS*, 34, 3 (November, 1928), pp. 492—506.

⁷¹ STFLTS (1952), pp. 906—912, а также WBSS, pp. 186—188.

в аспектах их систем ценностей⁷². Под его внимательным и доброжелательным руководством мне удалось понять, как наиболее эффективно трактовать эти концепции. Конечно, не были предусмотрены все возможности, но многие намеки Парка, рассматриваемые ретроспективно, теперь, по-видимому, показывают, что он предвидел некоторые из этих возможностей. Более того, он уже предложил использование терминов «священное» и «светское» Эверетту Ч. Хьюзу, своему первому сотруднику, насколько это известно автору, использовавшему эти понятия в приложении к эмпирической проблеме⁷³. Более того, Роберт Редфилд воспользовался советом Парка и стал разрабатывать хорошо известную народно-урбанистическую дихотомию⁷⁴. Результаты работы с Парком, имевшие наибольшее значение для священо-секулярной теории в том виде, как она излагается здесь, были следующие: 1) стимулирующий эффект вышеупомянутых понятий; 2) влияние новых доказательств, собранных по предложению Парка и указывающих на связи различных форм изоляции и доступности с умственной мобильностью и иммобильностью и на связь этих последних в свою очередь со священными и светскими оценками; 3) растущее понимание необходимости более резкого различия между многими аспектами священного и светского и 4) поразительно внезапно возникшее понимание значения (для данных проблем) понятий и фактов у целого ряда авторов (упомянутых в примечаниях), с которыми автор был раньше знаком, но значение которых он еще не полностью тогда осознал⁷⁵. Трудно переоценить то, чем он обязан Парку в отношении всех этих четырех пунктов, а также и многих других, не упомянутых здесь. Ум Парка разбрасывал стимулирующие идеи, как точильное колесо разбрасывает искры.

Ретроспективная оценка

Несколько позднее стало невозможным проводить частые совещания с Парком, так как он жил в другом месте, и тогда стали видны общие результаты предыдущей работы автора с Леопольдом фон

⁷² R. E. Park and E. W. Burgess, *Introduction to the Science of Sociology*, 2nd ed., Chicago, 1924, pp. 260—263. Этот же отрывок имеется и в первом издании. Наиболее полная трактовка дается в книге «Раса и культура» («Race and Culture», Glencoe, Illinois, 1950, p. 10—14), относящейся приблизительно к 1933 году.

⁷³ E. C. Hughes, *Personality Types and the Division of Labour*, *AJS*, 33 (March, 1928), pp. 754—768.

⁷⁴ R. E. Redfield, *Tepoztlán, A Mexican Village* (Chicago, 1930) и его многочисленные последующие работы.

⁷⁵ Полный список слишком длинен, чтобы его приводить здесь; см. имена, особо упомянутые в TVTSI (Чап. 3), а также Fustel de Coulanges and John Gillin (ed.), *For a Science of Social Man*, New York, 1954, pp. 115—128, *passim*. К 1938 году накопился внушительный список, см. STFLTS (1952), особенно гл. XX. П. А. Сорокин оказал особое влияние на автора — частично потому, что его полемика против «чувственных» обществ заставила автора поразмыслить об отношениях между принципиальным и проаномическим обществом.

Визе. Задача адаптации и толкования его основных трудов для американских читателей оказалась захватывающей. Она привела к более точному пониманию не только работ Визе, но и многих других социологов, в основном немецких и французских, имена которых до сих пор никому ничего не говорили. Все больше и больше приобретают значение Зиммель, Тард и Дюркгейм, а также Теннис и Макс Вебер. Одновременно, однако, с растущим восхищением перед их искусством создавать понятия и перед их огромной эрудицией появляются оговорки, но, поскольку последние были так или иначе уже учтены, мы не будем на них задерживаться.

Несмотря на оговорки, у Вебера, если выбрать только одного из вышеупомянутых авторов, было заимствовано очень много, в частности понимание необходимости создания монографий, помещающих социальные действия в контексте системы ценностей, а последние в свою очередь в более широкие культурные контексты, определяющие возможные пределы таких систем, то есть необходимость выборочного изучения культур. Помимо этого, появился значительный интерес к проблемам ориентации на себя и других, толкования, конструирования типов, эпистемологии и многих других (см. гл. 7).

Далее, мастерский анализ Визе структуры и функций⁷⁶, конкретных социальных действий и их классификации, ассоциации-диссоциации, малых групп и т. д.⁷⁷ способствовал созданию основ, на которых строилась теория священно-светского.

Французские источники

Хотя мы уже встречались с идеями Дюркгейма относительно решающего значения систем ценностей в его рассуждениях о коллективном сознании (*conscience collective*), тем не менее тесное знакомство с Хальбваксом, Блонделем, Берром и Гране во время пребывания автора за границей укрепило убеждение в значении его работ. Эти люди, которые были верными учениками Дюркгейма и его строгими критиками, оказались незаменимыми в деле правильного подхода к толкованию его трактовок «священного» и «светского». Они сделали возможным применение социологии знания к концепциям Дюркгейма и, таким образом, понимание того, как произошло его возвышение — общества в ранг «сущности *sui generis*». Его попытка найти высшие ценности, лишенные сверхъестественного содержания, была связана с борьбой против церковных школ.

⁷⁶ См. его трактовку структуры и функций, осуществленную еще в 1924 году, независимо от Дюркгейма, Рэдклифф-Брауна и их подражателей в WBSS, pp. IX, 6—7, 11—113, 119, 215, 252—257 и много отдельных замечаний на pp. 364, 401—412, 430, 443, 476, 487, 493—495, 500—501, 502—505, 526—527, 540—541, 578—582, 594, 599—600, 602, 606, 618—619, 649, 650—651, 656, 698—699.

⁷⁷ См. указатель WBSS. Некоторые американские социологи настойчиво избегали упоминания Визе, хотя они в огромной степени ему обязаны. См. H o w a r d B e c k e r, *Systematic Sociology and Leopold von Wiese, «Sociometry and the Science of Man»*, 18, 4 (December, 1955), pp. 262—268.

Он чувствовал, что, если не будет найдена социологическая замена для бога, римско-католическое духовенство, с которым он боролся, окажется победителем. Он нашел эту замену и при этом выкинул из словаря французской социологии термин «*sainte*» (святой) ради «*sacré*» (священного). То же самое произошло в отношении «*profane*» (земной), «*seculier*» (секулярный) и «*laïque*» (светский). Термину «*profane*» было придано значение, дающее полную свободу полемическому искусству Дюркгейма⁷⁸.

Не нужно, однако, думать, что более близкое знакомство с Дюркгеймом дало только негативные результаты, ибо наряду с некоторым другим положительным влиянием его внимание к культуре во всех ее формах, символическим системам и проводимое им различие между социальными контролями, эффективно интернализованными в противовес тем, которые остаются в основном внешними, оставили глубокое влияние. Автор обязан ему многим в своей трактовке провербиального и прескриптивного обществ. Далее, его исследование права в его основных формах, разделения труда и необходимых условий социальной солидарности—все тем или иным способом отражается в описании и анализе принципиальных обществ.

***Лучший способ научиться предмету—
это преподавать его***

Многочисленные стимулирующие и плодотворные идеи, проявившиеся путями, указанными выше, начали выступать в работах автора, но еще более важным оказалась систематизация, вызванная требованиями преподавания аспирантам. Несколько слушателей своей критикой и своими собственными работами значительно способствовали этому⁷⁹. В результате концепция культурного контекста социальных действий, описанная в выборочном изучении культур и построенная с учетом специфических научных социальных проблем и подчеркивания явных систем ценностей или систем как социологически важного аспекта этого контекста, получила дальнейшее развитие. При этом стало ясно, что нельзя эффективно анализировать общества как носители систем ценностей, если не разделить их на большее число типов, чем два общих типа священного и светского. Соответственно была сделана попытка определить несколько менее общие типы, начиная с четырех⁸⁰ и до двадцати двух⁸¹, а затем опять трезво возвращаясь к четырем⁸², доста-

⁷⁸ STFLTS, pp. 750—751, 829—839; Gillin (ed.), op. cit., pp. 109—114.

⁷⁹ См. список в TVTSl, p. 14. Сюда следует прибавить Эндрю Брейнса, Уолтера Бакли, Роберта Доула, Джона Флинта, Витаутаса Каволиса, Джека Лукаса Томаса Матизена, Ватро Мурвара, Роберта Ноутестейна, Юриса Вейдеманиса, Говарда Польского и некоторых других.

⁸⁰ Howard Becker and Reuben Hill, *Family, Marriage, and Parenthood*, Boston, 1948, Chap. I.

⁸¹ В статье 1950 года, содержащейся в несокращенном виде в TVTSl, Chap. 5.

⁸² В лекциях, опубликованных в MIR, Chaps. 3, 10—13.

точным для большинства целей исследования, по крайней мере для первоначальных набросков исследовательских проблем. Терминология четырех типов время от времени значительно изменялась, главным образом чтобы избежать смешения, порождаемого предполагаемыми оценочными суждениями и некоторыми двусмысленностями, наличествующими в общем употреблении⁸³. Можно еще много сказать по этому вопросу. Но первая часть главы подымает многие из вопросов, которые упомянуты здесь, и вполне достаточно упомянуть их в примечании.

Виват Полония!

Влияние Парка было длительным, так же как и влияние, хотя и менее характерное, до сих пор не упоминавшегося Знанецкого. Наиболее важным является его трактовка ценностей как объектов и связанная с этим прагматическая эпистемология. То, что до сих пор было сказано об оценке «данных» и «взятых» и т. д., во многом обязано ему, особенно где это касается идей и формулировок о культурных науках⁸⁴. Конечно, они разбросаны во многих из его ранних работ, и они оказали свое наибольшее влияние только тогда, когда он организовал их в единое целое. Кроме того, то, что он настаивал на таком определении ситуаций, какое им дают

⁸³ То, что здесь обозначается «провербальным», ранее называлось «дописанным», «народным», «народно-священным» и «прецептивным». Последний термин употребляется в кн. «Общества всего мира» («Societies Around the World», сокращенное издание в одном томе; авторы: Ирвин Сэндерс и другие, Нью-Йорк, 1956), раздел, озаглавленный «Взгляд на ценности и системы ценностей». «Правило», однако, слишком часто противопоставляется в обычном употреблении «практике», чтобы быть подходящим.

«Предписывающее» (prescriptive) было «предписанным» и «предписанным-священным». Такая флективная форма представляется наилучшей.

«Принципиальный» было «сделано принципиальным» и «сделано принципиально-священным». Опять-таки наиболее подходящей кажется флективная форма прежде всего потому, что «сделанный принципиальным» почти всегда порождает антитезис «сделанный непринципиальным» и вызывает, таким образом, суждение оценки. «Принципиальный» является неудобным, но его значение «происходящий от первых принципов» представляет собой именно то, что требуется.

По-видимому, требуется дальнейший комментарий термина «народ» (Folk). В MIR, p. 162, была сделана попытка применить этот термин к любому обществу — носителю системы ценностей, которая является в высшей степени традициональной, имплицитной, некодифицированной и прирастающей. Однако такое широкое значение затрагивает такие термины, как фольклор (folklore, folksong, folktale) и т. д. Более того, оно неизбежно ограничивает пользующегося им популярной, но недостоверной народно-урбанистической дихотомией. Если авторы будут пользоваться им, то только в контекстах, где не требуется точности, или когда это относится к крестьянам и подобным им «отсталым» или «неразвитым» контингентам индустриальной цивилизации.

«Целесообразный» ограничивается оценочным суждением, но этот термин сохранен здесь за наименее лучшим (см. прим. 43). Целенаправленная светскость представляет собой целесообразность, ограниченную в принципах; последовательная светскость указывает на целесообразность, ограниченную только рациональными соображениями при выборе средств.

⁸⁴ Florian Znaniecki, *Cultural Sciences, Their Origin and Development*, Urbana, 1952.

участвующие в них субъекты, и на тщательном анализе биографии как средстве установления характера этих определений, стало неотъемлемой частью трактовки знания-желания-нормирования автором.

Однако ясно, что непосредственный стимул к разделению оценки на три аналитически отличных, но эмпирически неразделимых аспекта исходил от Парсонса, который начал с эпистемологических предпосылок, значительно отличавшихся от предпосылок Знанецкого⁸⁵. Тем не менее это троякое деление оказалось полезным, чтобы сделать оценки (термин Парсонса является более узким) значительно более ясными, чем это могло бы быть. В основном, однако, трактовка Знанецкого ценностей как объектов была и остается глубокой.

«Доказательства, господа, доказательства!»

В предыдущей части этого раздела внимание было сосредоточено на концептуальных вкладах ряда социологов в священно-светскую теорию, труды которых имеются в любой хорошей библиотеке. В заключение этого обзора, однако, нужно упомянуть и о впечатлениях от полевой работы.

Эксперименты с «подпольной пропагандой» не дали никаких новых понятий, но они в значительной степени усилили понимание того, что уже имелось у автора⁸⁶. В то же время эти эксперименты привели к большему пониманию необходимости большей насыщенности данных, относящихся к любой теоретической проблеме; в этом случае недостаточно жонглирования понятиями. Если теория священно-светского может быть плодотворно применена в эмпирических исследованиях, то это хорошо, если этого нельзя сделать, то она, к сожалению, будет тщетной попыткой. Переставив слова Канта и включив одно слово, можно сказать «представления без понятий слепы, но понятия без представлений пусты».

Это убеждение подкрепляется последними полевыми исследованиями в Германии и Англии⁸⁷. Для автора становится все более

⁸⁵ Talcott Parsons, *The Social System*, Glencoe, 1951, Chap. 1. Парсонс является критическим реалистом, хотя его приверженность фрейдизму, по-видимому, ведет к некоторым противоречиям.

⁸⁶ См. Howard Becker, *Peoples of Germany*, Chap. 15 in symposium ed. by T. C. McCormick, *Problems of the Postwar World*, New York, 1945, pp. 342—390; *The Nature and Consequences Black Propaganda*, *ASR*, 14, 2 (April, 1944), pp. 221—235; *The Regimented Man. Interview with German Officials under the Nazis*, *SF*, 28, 1 (October, 1949), pp. 19—24; *Intellectuals, Concentration Camps and Black Propaganda*, *American Journal of Economics and Sociology*, 10, 2 (January, 1951), pp. 139—144; *Propaganda and the Impotent German Intellectual*, *SF*, 29, 3 (March, 1951), pp. 273—276; Max Weber, *Assassination and German Guilt*, *American Journal of Economics and Sociology*, 10, 4 (July, 1951), pp. 401—406 and the Epilogue of *GYBOF*.

⁸⁷ Некоторые предварительные результаты, весьма поверхностно описанные, имеются в: Howard Becker, *Field Work Among Scottish Shepherds and German Pensouts: «Wholes» and Their Handicaps*, *SF*, 35, 1 (October, 1956), pp. 10—15.

и более ясным, что без выборочного изучения культуры как документального, так и полевого характера существует опасность, что социологическая теория станет рассматриваться как самоцель, а не как необходимый инструмент научного исследования. Это исследование зависит от того, достигнуто ли доброкачественное знание в целях предсказания, доступное для передачи и распространения. Это единственное, что нужно для социолога.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Arensberg Conrad M., *The Irish Countryman*, New York, Macmillan, 1937.
- Becker Howard, *Processes of Secularisation* «Sociological Review» (British), 24 (April — July and October, 1932), pp. 138—154; 266—286.
- Boskoff Alvin, *Structure and Folk Society*, ASR, 14, 6 (December 1949), pp. 749—758.
- Boskoff Alvin, *Postponement of Social Decision in Transitional Society*, SF, 31, 3 (March, 1953), pp. 229—234.
- Bourne George, *Change in the Village*, London, Duckworth, 1912.
- Carpenter Niles, *The Sociology of City Life*, New York, Longmans, Green, 1931, Chaps. 6—10, 13, 14.
- Cohn Werner, *Jehovah's Witnesses as a Proletarian Movement*. «American Scholar», 24, 3 (Summer 1955), pp. 281—298.
- Davis Kingsley, *The Origin and Growth of Urbanization in the World*, AJS, 60, 5 (March, 1955), pp. 429—437.
- Gadourek I., *A Dutch Community*, Leiden, Stenfert Kroese, 1956.
- Keur John Y. and Dorothy L., *The Deeply Rooted*, Assen, Holland, Van Gorcum, 1955.
- Le Tourneau Roger, *Social Change in the Muslim Cities of North Africa*, AJS, 60, 6 (May, 1955), pp. 527—535.
- Loomis C. P. and McKinney J. C., *Systemic Differences Between Latin-American Communities of Family Farms and Large Estates*, AJS, 61, 5 (March, 1956), pp. 404—412.
- Martindale Don and Monachesi E. D., *Elements of Sociology*, New York, Harper, 1951, Chaps. 7, 13, 14, 21, 22.
- Munch Peter, *Cultural Contacts in an Isolated Community*, Tristan da Cunha, AJS, 53, 1 (July, 1947), pp. 1—8.
- Parsons Talcott, *The Social System*, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1951, Chap. 5.
- Redfield Robert, *The Little Community*, Viewpoints, for the Study of a Human Whole, Chicago, University of Chicago Press, 1955.
- Rose Arnold, *Sociology, The Study of Human Relations*, New York, Alfred A. Knopf, 1955, Chap. 14.
- Sanders Irwin T., *A Balkan Village*, Lexington K., University of Kentucky Press, 1949.
- Sanders Irwin T., et al., Becker Howard, *Societies around the World*, one volume ed., New York, Dryden Press, 1956,

- I a r e M a r s h a l l (ed.), *The Sociology of the Jews in America*, Glencoe,
 Illinois, The Free Press, 1957, selection by Howard Polsky on context
 and construction of a scale designed for the measurement of secularization
 among Orthodox Jews in Milwaukee.
- r o k i n P. A., *Social Mobility*, New York, Harper, 1927, especially Chaps.
 21 and 22.
- r o k i n P. A., Z i m m e r m a n C. C. and G a l p i n C. J. (eds.),
A Systematic Source Book in Rural Sociology, 3 vols, Minneapolis, Uni-
 versity of Minnesota Press, 1930, Vol. I, Readings 11—13, 18, 25, 35, 38,
 39, 41—51, 68; Vol. II, Readings 83, 86, 91, 113, 117, 119, 122.
- s t J a m e s, Plainville, USA, New York, Columbia University Press,
 1946.
- I l i a m s W. M., *The Sociology of an English Village*, Gosforth, London,
 Routledge Kegan Paul, 1956.

МЕТОДОЛОГИЯ, ПРОЦЕДУРЫ И ТЕХНИКА СОЦИОЛОГИИ

Джон Ч. Маккинни

В период после первой мировой войны одним из значительных достижений социологии было усложнение методов, процедуры и техники. Необходимо определить эти три термина с самого начала, ибо «методология» или «метод» иногда употребляется для обозначения всех трех.

Специфика методологии

Методологию можно определить как принципы организации исследований, «нормы», при помощи которых выбираются и оформляются процедура и техника. Надо отличать методологию от *теории социологии*, предметом которой являются некоторые аспекты взаимодействия людей и которая, следовательно, *субстантивна* по своему характеру. Хотя методологическая и субстантивная теории тесно связаны, они все же не тождественны. В большинстве своих аспектов методология не связана с социологическими проблемами, как таковыми, следовательно, она шире, чем субстантивная теория. Большинство ее проблем являются общими для ряда дисциплин, проблемы же более общего характера свойственны любому научному исследованию. Социологи должны владеть методом, поскольку они должны понимать план исследования, нормы процедуры, природу выводов и соответствующее использование теоретических систем. Но методологическая подготовленность не определяет собой *содержания* любой теории или исследования. Короче говоря, методология в основном отвечает на вопрос «как», субстантивная же теория — на вопрос «что».

Не следует также смешивать методологию с философией, эпистемологией и логикой, хотя очевидно, что эти области перекрещиваются. Хотя в известном смысле методология и является «нормативной дисциплиной», она не принадлежит ни к одной из этих трех областей, как практическая наука. Проблемы, с которыми приходится иметь дело в области философии, настолько широки и абстрактны, что они имеют мало отношения к проблемам ученого-исследователя. Это лучше всего подтверждается тем фактом, что философская

дискуссия обычно обращается не вокруг *вопроса процедуры* — «как», а вокруг проблем онтологии и метафизики.

Можно было бы ожидать, что исследователь-социолог получает значительную помощь от логики, но, к сожалению, это не так. Абстрактные и специальные проблемы логики мало применимы в области социологической теории и накопления фактов. Эзотерические символы, силлогизмы, виды доказательства и парадоксы импликаций логиков мало что внесли в методологию социолога. Подобным же образом проблемы эпистемолога в основном не связаны с работой в области методологии. Эпистемолог любой школы и направления исходит из непосредственного опыта индивидуума и, исходя из познанного, пытается достичь области, лежащей вне индивидуума. Методолог же исходит из проблемы, которая лежит внутри несомненного мира предметов и отношений между предметами, то есть того, что поддается наблюдению и контролю при помощи опыта. Методолог делает некоторые необходимые предположения относительно мира, а затем *начинает строить исследование относительно последнего*. С другой стороны, философ, логик и эпистемолог сосредоточивают свое внимание и свои усилия на самих предположениях. В отношении любой важной области исследования методолог более прагматичен: поскольку объектом его исследования является мир, он продолжает пользоваться своими предположениями, до тех пор пока они не подтверждаются.

По вышеизложенным причинам социологу в значительной степени приходится быть своим собственным методологом. Это не означает, что методология, эпистемология, логика и та отрасль философии, которая занимается наукой, не сольются *в конечном счете*; это просто означает, что основные дисциплины, особенно биологические и социальные науки, должны разработать собственную методологию в основном своими собственными усилиями.

Связь процедуры и техники в социологии

Развитие основных дисциплин всегда было тесно связано с совершенствованием *процедуры* и развитием *техники*. Развитие техники само по себе не гарантирует развития науки, но оно является необходимым условием для этого. Рост внимания к процедуре и технике социологии за последние десятилетия является несомненным признаком того, что она начинает становиться зрелой наукой.

Процедуру можно определить как общую форму или систему действия при исследовании. *Техника* отличается от процедуры, как специальная операция установления фактов или манипулирования с ними, выделенная из основной процедуры. Следуя этому различию, можно выделить пять основных процедур, являющихся частью методологии любой науки. Это статистическая, экспериментальная, типологическая, историческая и выборочная процедуры. С другой стороны, существует неисчислимый ряд технических приемов, полученных из этих процедур непосредственно или в комбинации, которые различаются в зависимости от того, узок или широк

характер их применения. Некоторые виды технических приемов связаны только с одной дисциплиной или группой тесно связанных между собой дисциплин. Примерами того, что считается здесь техническими приемами, являются шкала Гуттмана, наблюдатель-участник, свободное интервью и анкета.

Процесс развития технических приемов, а не сами конкретные технические приемы является важной характерной чертой развития современной социологии с точки зрения методологии. Например, были разработаны многочисленные основные «типы», которые впоследствии были забыты, но процесс совершенствования процедуры конструктивной типологии продолжается. Подобным же образом за последние тридцать лет появились, а затем были отброшены бесчисленные «шкалы», но процесс построения шкал усовершенствовался в значительной степени. Нельзя отбросить технические усовершенствования, как «просто усовершенствования», потому что в конечном счете это сказывается на методологии.

В период после первой мировой войны рост эмпирических и количественных исследований был многообещающим.

В связи с введением этого типа исследования социологи вынуждены были заняться техническими приемами. Поэтому для этого периода значительная упорядоченность методологии и систематическое развитие основной теории не характерны. Американские социологи были настолько поглощены превращением своей науки в эмпирическую дисциплину, что, по-видимому, у них не хватило времени для тщательного планирования методологии и разработки ее основных проблем. В 1919 году Бушнелл сделал следующее замечание о состоянии социологии: «...В наши дни рабочее оборудование социологии часто выглядит скорее как музей древностей, чем мастерская, полная инструментов, и это в основном неизбежно, ибо в качестве новой науки социология широко занималась тем, что отыскивала то, что могло бы оказаться полезным для построения лучшего социального порядка, а не тем, чтобы правильно использовать накопленный материал»¹.

Так может показаться в наши дни случайному наблюдателю, но специалист-социолог знает, что его дисциплина значительно продвинулась за это время. Не только социолог обладает мастерской, полной инструментов, при помощи которых он может решить задачи, недоступные в 1919 году, но и в самой социологии также начинает слагаться система организации (методология), которая определенно менее фрагментарна, чем то, что было раньше.

Одним из наиболее значительных симптомов наступления эпохи исключительного развития социологии явилось опубликование книги «Польский крестьянин в Европе и Америке»². Конечно, нельзя считать, что эта работа была единственной причиной успе-

¹ C. J. Bushnell, *Scientific Method in Sociology*, *AJS*, 25 (July, 1919), pp. 45—46.

² W. I. Thomas and Florian Znaniecki, *The Polish Peasant in Europe and America*, 2nd ed., New York, 1927.

хов социологии за последнее время, но тем не менее она знаменует собой разрыв классиков-энциклопедистов со спекулятивной социологией и вступление ее в период эмпирического развития со всем его методическим и техническим оборудованием. Действительно, Томас и Знанецкий сделали следующее замечание: «Наша работа не претендует на то, чтобы дать определенные и универсальные социологические истины, а также она не является постоянным образцом социологического исследования; она просто претендует на то, чтобы быть монографией, насколько возможно в данных обстоятельствах, полной, описывающей ограниченную социальную группу в определенный период ее эволюции, что может натолкнуть на исследование других групп (на исследование более детальное и более совершенное по методу) и, таким образом, помочь изучению современных обществ, поднять это изучение выше уровня журналистских впечатлений и подготовить почву для установления действительно точных общих законов человеческого поведения»³

МЕТОДОЛОГИЯ

Методология не развивалась как нечто единое, напротив, широкие фронтальные движения в этой области значительно расходились. Можно различить несколько определенных направлений, но также обычно и заметны их теоретические «противоположности». Поэтому все направления, рассматриваемые здесь, должны считаться конструированными типами. Вместо того чтобы рассматривать эти направления как единственные и взаимно исключающие друг друга категории, на которые можно разбить людей и идеи, основные тенденции будут рассматриваться как «полярности» в континуумах. Таким образом, хотя эмпиризм является доминирующей чертой, его логическая противоположность — рационализм рассматривается как «тип» на противоположном полюсе континуума. Ни один автор или теория не должны рассматриваться как «чисто» эмпирические или рационалистические во всех отношениях, все они будут находиться на некотором расстоянии от одного из абсолютных полюсов. Таким образом, выделяются важные линии развития «рационалистической» методологии, так же как и достижения более распространенного эмпиризма. Это сделано для того, чтобы подчеркнуть, что эти достижения исходят из весьма различных позиций и что методология обладает многими амбивалентными характерными чертами.

Континуумы, представляющие основные методологические течения, следующие: эмпиризм — рационализм; неопозитивизм — антипозитивизм; индукция — дедукция; количественное — качественное и номотетическое — идеографическое. При анализе может показаться, что сильная тенденция к эмпирическо — позитивистско — индуктивно — количественно — идиографическим полюсам породила

³ Thomas and Znaniecki, *The Polish Peasant...* pp. 1822—1823.

комплекс, объясняющий возникновение нескольких второстепенных тенденций, которые рассматриваются здесь как отдельные подтипы этого комплекса,— бихевиоризма, операционализма и прагматизма.

Рост преобладания эмпиризма над рационализмом

Некоторые из методологических проблем, которые волновали социологов, устарели, но другие продолжают существовать. Одна из сохранившихся «полярностей» соответственно видна из роли эмпиризма и рационализма как подходов к социологическому знанию. Эмпиризм стал господствующим вскоре после первой мировой войны, и рационализм почти полностью капитулировал в двадцатых и тридцатых годах. Однако в середине сороковых годов можно наблюдать возрождение рационализма, которое в наши дни может быть истолковано как определенная модификация радикального эмпиризма.

Эмпиризм — это способ мышления и обработки данных. Он обозначает комплекс взглядов, для которого характерны величайшая вера в чувства, твердое убеждение в эффективности наблюдения, готовность руководствоваться наблюдаемым и убеждение, что научные выводы никогда не должны выходить за пределы экстраполяции и что рациональная вселенная науки является только обычной ассоциацией определенных идей в уме субъекта.

При рационалистическом методе, напротив, критерий истины является не чувственным, а интеллектуальным и дедуктивным. Рационализм предполагает универсальность законов природы; следовательно, он обращается к чувственному восприятию только при поисках частных фактов. Он занимается концептуальными схемами, построениями и логическими манипуляциями. *Рационализм находит свое высшее воплощение в чистой математике.*

Рационализм, представляемый в грубой, нематематической форме «классическими» социологами, господствовал до первой мировой войны. В настоящее время, хотя рационализм и в значительной степени возродился за последние годы, нет более почетного слова во всей американской социологии, чем прилагательное «эмпирический». Это доказывают работы современных представителей социологического рационализма; например, создатели математических моделей и формальных дедуктивных систем постоянно утверждают, что они ведут эмпирическую работу⁴.

Смешанные плоды эмпиризма. Распространение эмпиризма в американской социологии имело весьма важные последствия. Оно привело к искреннему стремлению к объективности и истинной скромности в выводах. Целью являлась точность выводов в отношении данных, которые были собраны при помощи самых надежных инструментов. Делался упор на количественные методы и стандартные способы

⁴ См. Robert Bierstedt, *A Critique of Empiricism in Sociology*, ASR, 14 (October, 1949), pp. 584—592.

исследования, поскольку они обещали объективность и точность. «Грубый факт» стал господствовать за счет *эксплицитной* теории.

Это привело к целому ряду последствий для методологии. Во-первых, освежающий контраст эмпирического исследования с априоризмом классических авторов дискредитировал чисто спекулятивный подход. Во-вторых, эмпиризм доказал необходимость контрольного наблюдения и планирования как неотъемлемых частей научного исследования. В-третьих, обязательное согласование теории с доказательством и согласование с массой накопленных фактов является в основном заслугой эмпиризма. В-четвертых, эмпиризм внес значительный вклад в правила процедуры исследования. Именно те, кто ориентировался на эмпиризм, в значительной степени кодифицировали правила и практику исследования. В-пятых, эмпирики провели огромное количество исследований, многие из них были мелкими, но большинство — интенсивными.

С другой стороны, эмпиризм имел некоторые вредные последствия для методологии⁵. Во-первых, он способствовал возникновению особой формы методологической наивности. Хотя эмпиризм устранил некоторые внешние формы субъективности, он, конечно, не смог устранить некоторые более тонкие и упорные формы. Сосредоточение внимания почти исключительно на областях очевидной объективности уменьшило понимание опасностей: а) субъективности на высших уровнях при использовании эмпирической, а не эксплицитной теории; б) нечеткого разграничения проблем исследования; в) небрежности и неточности в технике и г) ошибочной интерпретации результатов. Недостаточное внимание к предположениям и ограничениям своей собственной теории в значительной степени подрывает ценность и полезность большинства работ эмпириков.

Во-вторых, многие из последних социологических исследований весьма похожи на простой набор фактов и, таким образом, весьма далеки от научного образца, который так усердно проповедуется эмпириками.

В-третьих, в эмпирическом методе по сравнению с обычной научной практикой теория и исследование поменялись ролями. Вместо того чтобы оценивать исследование по результатам его вклада в теорию, эмпирики склонны оценивать теорию исключительно по ее полезности в современном исследовании. Проще говоря, ученые никогда не интересовались частностями ради них самих, но скорее ради их потенциальной связи с общим. Это означает, что исследование и начинается и кончается теорией и проводится на основе методологических принципов. Тенденция поменять традиционные роли теории и исследования не только заметна в работе признанных эмпириков, но также присутствует в заявлениях таких сторонников рациональной традиции, как Мертон: его «*serendipity*» весьма похоже на «доверься счастью».

⁵ Robert Bierstedt, *op. cit.*, см. там же глубокую критику эмпиризма в социологии.

В-четвертых, радикальный эмпиризм привел к случайному, беспорядочному, мелкому, некодифицированному исследованию. Более того, его сторонники скорее подчеркивали непосредственные, чем длительные, результаты, потому что они не доверяют теории как руководству. Их озабоченность непосредственным, по-видимому, неизбежно порождает «практицизм» и, несомненно, уводит от основных исследований.

В-пятых, преуменьшение значения систематической теории ради эмпирического «свободного предпринимательства» увеличило трудность экстрагирования социологических принципов и обобщений из общей массы иднографических фактов. Является общепринятым взгляд, что идеал науки — это создание системы положений, которые объясняют факты в той области абстракции, которой занята наука. Ни изолированные предпосылки, ни наборы фактов не составляют науки. Тенденция американской социологии следовать почти исключительно эмпирической линии не ускорила ее превращения в общепризнанную науку.

Вышеуказанное относится к периоду ползучего эмпиризма двадцатых и тридцатых годов и в меньшей степени к кодифицированным формам эмпиризма наших дней. Рационализм, однако, никогда не был полностью отвергнут как путь к знанию, и после второй мировой войны некоторые факты подкрепили рационалистическую традицию. Хотя преобладающее большинство социологов в двадцатых и тридцатых годах принадлежали к лагерю эмпиризма, тем не менее несколько выдающихся ученых сохранили живой и жизненной рационалистическую традицию. Люди самых разнообразных интересов и направлений, такие, как Знанецкий, Вирт, Блумер, Макивер, Хиллер, Сорокин, Беккер, Хьюз, Парсонс, Мертон, Бирстедт, Лазарсфельд, Лумис, Фёрфи, Гуттман и Додд, среди прочих, боролись теми или иными средствами против радикального эмпиризма.

Современная эволюция эмпиризма. Сопротивление радикальному эмпиризму шло по нескольким различным линиям, но в основном они сводятся к трем. Во-первых, предпочтение *системе* присутствует на всем протяжении работы некоторых авторов, упомянутых выше. Те, кто держались доктрины «системы» в двадцатых, тридцатых и сороковых годах, вели битву за «объяснение» в противоположность «описанию». Установление в конце двадцатых годов систем поведения Знанецким, впоследствии принятых Сорокиным, а затем Парсонсом; превращение «формальной» социологии в структурально-функциональный подход Визе — Беккера в начале тридцатых, который подчеркивал структуральные аспекты, одновременно разработанные с несколько большим подчеркиванием функционализма Парсонсом, и современный интерес к социальным системам, главным образом под влиянием Парсонса, являются примерами этого направления. В каждом случае эти социологи стремились к такому объяснению, которое давало бы концептуальный контекст, внутри которого могли бы быть истолкованы индивидуальные элементы.

Во-вторых, постоянно делался упор на концептуальный аппарат, в первую очередь в виде конструированных типов эмпирических и математических моделей и концептуальных схем. Несколько настойчивых социологов вынуждены были подчеркнуть тот факт, что не существует системы научных фактов без концептуализации и нет системы науки без теории. Символический элемент во всех фактах, концептуальный элемент во всех представлениях и организационная роль теории в любом исследовании подчеркивались социологами-рационалистами. Типичными являются такие различные примеры, как работа Беккера по логике конструированных типов, работа Гуттмана и Лазарсфельда по шкалограмме и анализу латентности структур и определение Парсонса функции концептуальной схемы.

В-третьих, подчеркивалось планирование исследования в пределах логики экспериментального метода. В этом случае к списку авторов можно прибавить таких лиц, как Чэпин и Стауффер, которых обычно считают эмпириками, но в этом отношении они стоят ближе к рациональному полюсу. Экспериментальный метод обычно рассматривается как аспект эмпирической науки. Это является оправданным, но при более тщательном наблюдении нельзя не обратить внимания на огромную роль рассуждения в экспериментальном планировании. Что изучать, какие гипотезы исследовать, какие операции совершать, какие данные собирать и к чему применять планирование исследования — все это вопросы первостепенного значения при ведении исследования. Значительное улучшение планирования исследований за последние годы свидетельствует о рационалистической модификации крайнего эмпиризма.

Слияние теории и практического исследования. Хотя за последнее время у социологов наблюдается некоторая тенденция избегать крайностей эмпиризма или рационализма и хотя обе методологии выказывают значительную тенденцию к слиянию, было бы совершенно неправильно оставаться под впечатлением, что исчезли «коллекционеры» или «логики замкнутых систем». И те и другие, однако, подвергаются огромному давлению, чтобы заставить их объединиться. Например, Парсонс и его сторонники явно чувствуют, что они вынуждены доказать «полезность» их теории. И, напротив, все больше и больше социологов в наши дни склонны задать вопрос: «Ну, а что же дальше?» — в отношении чисто описательного исследования.

Постепенно признается благовидность отделения теории и практического исследования. Во многих отношениях теория была ранее монополизирована специалистами-говорунами, которые проявляли мало интереса к формулировке поддающихся проверке положений. С другой стороны, исследование в социологии находилось в руках тех, кто обладал техническим оборудованием, но благодаря полной некомпетентности в теории был ослеплен голыми фактами. Признавалось, что придется построить мосты, прежде чем может быть улучшено положение в науке. Это означало, что должна быть создана

какая-то промежуточная теория, как, например, теория Мертона. Это также означало, что придется предпринять какие-то эмпирические исследования, требующие рабочей теории, как, например, изучение военных кадров Стауффером и другими⁶. Более того, это означало, что придется приспособить теорию к каким-то операционным процедурам. Свидетельство этому — совпадение в работе Райли и других⁷ методологической линии Лазарсфельда, Гуттмана и Стауффера с теоретической работой Парсонса, Мертона, Мида, Коттрелла и Морено. Кроме того, признание необходимости перекинуть мост означало приспособление теории больших масштабов к эмпирическим проблемам через отбрасывание и сокращение количества моделей; примером этого является использование «социальной системы» Лумисом и другими в отношении проблемы подсказанных изменений в «Турриальбе» («Turrialba»). Эти события подсказывают, по-видимому, что американская социология научилась урокам «факта» «исследования», которые преподавал ей эмпиризм, но что теперь она чувствует необходимость улучшения своих понятий из рациональной традиции, для того чтобы понять ее факты и сознательно вести исследование.

Неопозитивизм и его противники

Позитивизм в современном одеянии был определенной модой в американской социологии. Хотя следы его существования были заметны в течение многих лет, классическое изложение неопозитивизма появилось только тогда, когда Лундберг опубликовал в 1939 году свой труд «Основания социологии» («Foundations of Sociology»).

Неопозитивистский подход двойствен по своему характеру. Во-первых, он методологически ориентируется на положения физической науки, стремящейся к единому взгляду на мир явлений, применяя точку зрения физики ко всем явлениям. В этом отношении он вырабатывает аскетическую методологию, основанную на следующих предпосылках: 1) общественные явления подчиняются законам природы; 2) не существует различия между науками, относящимися к людям, и науками, относящимися к другим явлениям и 3) субъективные аспекты общественных явлений могут изучаться научно только на основе их объективного открытого проявления⁸. Эта методология, хотя она и подвергалась широкой критике⁹, является ясно выраженной.

⁶ См. S. A. Stouffer et al., *Studies in Psychology in World War II*, Princeton, 1949, 2 vol.

⁷ См. Matilda W. Piley et al., *Sociological Studies in Scale Analysis*, New Brunswick, 1954.

⁸ См. G. A. Lundberg, *Contemporary Positivism in Sociology*, ASR, 4 (February, 1939), pp. 42—55.

⁹ Критики неопозитивизма не молчали. См. критику Сорокиным работы Лундберга «Основания социологии», *AJC*, 75, (March, 1940), pp. 795—798; Ethel Shanas, *A Critique of Dodd's Dimensions of Society*, *ibid.*, 48, (September, 1942), pp. 214—230; Florian Znaniecki, *The*

Одним из основных объектов нападок на неопозитивистов было понятие причинности. Нейрат критикует понятие причинности и приводит основание для того, чтобы избегать его¹⁰. Лундберг упоминает о причинности как об «анимистической, теологической» точке зрения. Додд вносит радикальное предложение заменить причинность корреляцией. Франк утверждает, что в социальных науках нельзя достигнуть действительного прогресса, пока не откажутся от идеи причинности¹¹. Возражение против этой крайней точки зрения лучше всего выражено у Макивера, который детально обосновывает причинность¹².

В результате этого спора произошло фактически устранение понятия «причины как силы» и замена его весьма широкой версией причинности. Социологи в наши дни обычно предпочитают придавать единообразия своим заявлениям, связывая событие с условиями, при которых оно совершается. Поскольку это единство является эмпирическим, оно может быть выражено только в терминах вероятности. Следовательно, заявление о вероятности отношений в виде эмпирического обобщения имеет тенденцию заменить причинность в традиционном смысле. Эта методологическая модификация в значительной степени является результатом влияния неопозитивизма.

Вторым фактором, придающим неопозитивизму его двойственную структуру, является типичное сопоставление «моральных» и «практических» соображений, проявляемых позитивистами в их желании добиться научно объясняемого мира. Лундберг делает следующее замечание: «Позитивисты не признают предполагаемую дихотомию между занятиями наукой, с одной стороны, и социальным действием, с другой. Мы же, наоборот, утверждаем, что занятия наукой являются наиболее важными из всех социальных действий»¹³. Слияние науки и действия, однако, не облегчает достижения идеала — естественной науки об обществе. Наоборот, это слияние может выступать как определенное препятствие в результате того, что методологическая строгость физических наук, к которой стремятся неопозитивисты, подчиняется проблемам общества, а не проблемам, имеющим теоретическое значение для данной дисциплины. В результате делается упор на «практическое» и «непосредственное» исследование, полезное для социального действия, но косвенным образом преуменьшающее роль систематической теории.

Proximate, *Future of Sociology*, «Controversies in Doctrine and Method», *ibid.*, 50 (May, 1945), pp. 514—521; Talcott Parsons, *The Structure of Social Action*, 2nd ed., Glencoe, 1949, *passim*.

¹⁰ Otto Neurath, *Foundations of Social Sciences*, Chicago, 1944, vol. 2, pp. 20—22, 51.

¹¹ Lundberg, *Foundations of Sociology*, p. 260; S. C. Dodd, *Dimensions of Society*, New York, 1942, pp. 822—823; L. K. Frank, *Causation, An Episode in the History of Thought*, *Journal of Philosophy*, 31, (1934), pp. 421—428.

¹² R. M. MacIver, *Social Causation*, New York, 1942.

¹³ Lundberg, *Contemporary Positivism in Sociology*, p. 54.

Кризис неопозитивизма. Хотя противодействие неопозитивизму в американской социологии было мощным и эффективным, оно в то же время было настолько различным, что трудно навесить на него ярлык. Несомненно, однако, что наиболее мощным отдельным источником оппозиции являлась традиция интерпретативной (*verstehende*) социологии. Это было открытым восстанием против контровского позитивизма, которое пошло от немецкого понятия *Geisteswissenschaften* и было возглавлено Дильтеем, Риккертот и Виндельбантом, пытавшимися создать методологию, основанную на понимании (*Verstehen*) истории и общества. Согласно антипозитивистской манере, они делали различие между номотетическим или обобщающим характером физико-математических наук и идиографическим или индивидуализирующим характером историко-культурных наук. Более того, они подчеркивали разницу между знанием бытия (*Sein*) и пониманием норм (*Sollen*) и связи с ними. На этом фоне Макс Вебер довел движение до его кульминационного пункта, поставив «идеальные типы» на место механических законов и вероятности неизменности, таким образом усиливая концепцию социологии как номотетической науки. Подчеркивалось *понимание* общественного поведения, что означало, что простая статистическая закономерность должна быть заменена знанием субъективных мотивов, прежде чем причинность могла быть возведена на уровень значения. Существенная разница между теорией *Verstehen* и неопозитивизмом заключается в том, что в первой основное внимание уделяется субъективным категориям действия, то есть действию так, как оно рассматривается с точки зрения актера, и, следовательно, ориентировано на «значение» поведения в том, как оно проявляется, а не в простом единообразии поведения.

За последние двадцать лет в американской социологии теория *Verstehen* стала играть все большую и большую роль. Эта теория проникла различными путями в американскую методологию и превратилась в один из ее рабочих элементов. Первоначально она была привнесена американскими учеными немецкого происхождения или получившими образование в Германии, которым удалось проводить ее в аспирантских курсах нескольких ведущих университетов. В конце двадцатых годов эта группа предприняла ряд переводов и толкований важных работ немецких социологов. Приход к власти Гитлера привел к тому, что Соединенным Штатам Америки повезло, ибо они приняли ряд немецких ученых, беженцев, которые со времени второй мировой войны оказывают значительное влияние на американских аспирантов.

Наиболее выдающимися представителями различных форм социологии *Verstehende* являются такие люди, как Блумер, Хьюз, Лумис, Макивер, Мертон, Парсонс, Редфилд, Сорокин, Беккер и Знанецкий¹⁴. Эта методологическая позиция привела к сосредото-

¹⁴ Howard Becker, *Through Values to Social Interpretation*, Durham N. C., 1950; Talcott Parsons, *The Social System*, Glencoe, 1951; Florian Znaniecki, *The Method of Sociology*, New York.

чению интереса на: 1) значении теории в исследовании, 2) важности понятия системы, 3) потенциале «структурально-функционального подхода», 4) необходимости теории мотивации и инструментов, при помощи которых она может быть проверена, и 5) необходимости уделить внимание качественным аспектам исследования.

В то время, когда писалась данная книга, конфликт уже значительно ослаб. Ни одна сторона не одержала «победы», но методология выиграла благодаря тому, что сторонники различных точек зрения вынуждены были внимательно заняться упомянутыми проблемами. Сохранились метафизические предпосылки как для неопозитивизма, так и для его оппонентов, но определенным изменениям подверглись крайние позиции в области процедуры.

Господство индукции

Одна из основных методологических полярностей возникает между индуктивной и дедуктивной процедурами. В наиболее общем смысле индукцию можно определить как процесс выведения общего положения из наблюдения за рядом частных фактов. Наоборот, дедукция — это процесс аналитического рассуждения от общего к частному или менее общего. Это требует логического вывода заключения из одной или более данных предпосылок. Эти две процедуры не являются взаимно исключающими. Действительно, в определенных ситуациях возможно интерпретировать одну как особый случай другой. Взаимодействие между дедукцией и индукцией — черта, наблюдаемая в проведении любого исследования, и нереально рассматривать ту или другую как «чистую». Тем не менее возможно прийти к заключению, что социология становится все более индуктивной с того дня, как она порвала с классическим энциклопедизмом.

Все еще имеются социологи, которые склонны исходить из чисто абстрактных правил, предпосылок или систем, рационально их разрабатывать и исправлять различным образом — так, чтобы результаты совпадали с действительными фактами. Однако таких социологов становится все меньше и меньше. С другой стороны, преобладают социологи, исходящие из обычных и ограниченных понятий, которые пытаются достичь большего совершенства путем уточнения, устранения противоречий и установления области их применения. Такой исследователь чувствует себя удовлетворенным, если он может прийти к скромному обобщению, применимому к ограниченной вселенной частных фактов. Таким образом, большинство современных социологов пользуются индуктивным методом в одной

1934; R. K. Merton, *Social Theory and Social Structure*, Glencoe, 1949; C. P. Loomis and J. A. Beegle, *Rural Social Systems*, New York, 1950; P. A. Sorokin, *Science and Cultural Dynamics*, New York, 1937—1941; 4 vol.; Herbert Blumer, *Science Without Concepts*, *AJS*, 36 (January, 1931), pp. 515—533; Melver, loc. cit., E. C. Hughes, *Institutional Office and the Person*, *AJS*, 43 (November, 1937), pp. 404—413; Robert Redfield, *The Art of Social Science*, там же (November, 1948), pp. 181—190.

из двух его главных форм — аналитической индукции и индукции путем простого перечисления.

Индукция путем простого перечисления является широко распространенным в социологии методом. Она принимает форму статистического обобщения, основанного на рассмотрении случаев в границах определенной вселенной. Если рассматриваются *все* индивидуальные случаи, на основании которых производится обобщение, этот метод называется *полной* индукцией. Поскольку большинство материала нелегко поддается полной индукции, наиболее обычной формой является *неполная* индукция, основанная на выборочном отрезке вселенной. Именно при использовании этого метода статистические процедуры превращаются в замену индукции в классическом аналитическом смысле.

Специальный комплекс проблем связан с использованием статистических процедур для установления причинных отношений, то есть постоянных единообразий. Все более становится ясным, что в социологии статистический метод начинает приниматься всюду, где неприменимы непосредственные выводы из одного случая к другим случаям, то есть классическая индукция. Наиболее яркой и характерной чертой статистических поисков причинных отношений является то, что этот метод «охватывает вселенные причины и следствия»; помимо элементов причины и следствия, включаются также и другие компоненты, которые не имеют отношения к причинной связи. Более того, статистический метод пренебрегает индивидуальными единицами во вселенной и сосредоточивается на общем или среднем. Однородность вселенной является рабочим предположением, но это не обязательно так в действительности. Короче говоря, это означает, что статистические выводы о причинных связях всегда относятся к области вероятности и не обладают проникновенностью аналитической индукции. Вероятность не основана исключительно на том, что из вселенной берутся выборочные примеры, а не полное ее перечисление, она основана на том, что элементы, будучи связанными, содержат дополнительные концептуальные компоненты, которые не обязательно являются частью этого отношения.

Этот комплекс проблем рассматривается некоторыми социологами, например Знанецким, как слабое место описательной индукции. С другой стороны, его можно также рассматривать, как и сильную сторону этого метода. Статистический метод позволяет нам действовать и устанавливать закономерности, которые, хотя они иногда грубы и часто непостоянны, тем не менее представляют собой прогресс в знании. Применимость метода является таким же показателем его эффективности, как и степень его логического совершенства.

Знанецкий сопоставляет индукцию путем простого перечисления с тем, что он называет истинным научным методом, *аналитической индукцией*¹⁵. После классического изложения Знанецким аналити-

¹⁵ Znaniecki, op. cit., pp. 235—331.

ческой индукции в 1934 году этот подход был применен в нескольких исследованиях¹⁶ и превратился в спорную проблему методологии¹⁷. Знанецкий утверждает, что аналитическая индукция дает универсальные положения вместо простых заявлений о вероятности, основанных на корреляциях, для которых всегда имеются исключения. В противовес индукции путем простого перечисления, которая абстрагирует при помощи обобщения, аналитическая индукция обобщает при помощи абстракции. Индукция путем простого перечисления рассматривает многие случаи поисков подобных характерных черт, которые просты и в силу своего общего характера поддаются абстрагированию. Аналитическая индукция исходит из противоположного, абстрагируя характерные черты из конкретного случая, существенные для него, а затем обобщает эти характерные черты на основе их предполагаемого существенного характера. Согласно Знанецкому, хорошо проведенная аналитическая индукция не оставляет действительных проблем на долю индукции путем простого перечисления. Он утверждает, что аналитическая индукция ведет к истинным законам причинности и исчерпывающему знанию любых изучаемых случаев.

В процедурном отношении аналитическая индукция начинается с объяснительной гипотезы и предварительного определения того, что должно быть объяснено. Гипотеза подвергается проверке при помощи рассмотрения данных, а затем производятся две модификации. Гипотеза модифицируется так, чтобы под нее подпадали *все* факты, и рассматриваемые явления вновь определяются, чтобы исключить любые случаи, которые не объясняются гипотезой. Сфера применимости гипотезы и область вселенной вступают в логическое отношение одного к одному. Гипотеза ограничивается объяснением фактов, которые содержатся в этой вселенной, а вселенная включает только те факты, которые объясняет гипотеза. Другие факты, с которыми встречается исследователь, считаются элементами других вселенных, подпадающих под другие гипотезы.

Робинсон недавно отметил, что различие между индукцией аналитической и индукцией путем простого перечисления является различием степени, а не качества¹⁸. Степень, в которой статистик ограничивает гипотезу наблюдаемыми однородными случаями, и степень, в которой он ограничивает вселенную, чтобы она соответствовала применению объясняющей гипотезы, являются показателями степени его аналитической индукции. И, напротив, если иссле-

¹⁶ См. R. C. Angell, *The Family Encounters the Depression*, New York, 1936; E. H. Sutherland, *Principles of Criminology*, 3rd ed., New York, 1939; A. R. Lindesmith, *Opiate Addiction*, Bloomington, 1947; D. R. Gressy, *Other People's Money*, Glencoe, Illinois, 1953.

¹⁷ См. W. S. Robinson, *The Logical Structure of Analytic Induction*, ASR, 16 (December, 1951), pp. 812—818; R. J. Turner, *The Quest for Universals*, ASR, 18 (December, 1953), pp. 604—611; а также интересные комментарии: Angell and Turner, *Communication and Opinions*, ASR, 19 (August, 1954), pp. 476—478.

¹⁸ Robinson, *op. cit.*, p. 816.

дователю, пользующемуся аналитической индукцией, не удалось достичь совершенства его формулировки отношения, то это показывает наличие неполной индукции, основанной на использовании статистической вселенной.

Вопрос о превосходстве той или иной индуктивной формы не имеет значения. Обе просто служат различным целям в связи с различными проблемами и ситуациями исследований. В тех случаях, когда аналитическая индукция неприменима, это происходит или в силу того, что у нас недостаточно развита система понятий, или же когда в силу природы изучаемого материала явно следует применить индукцию путем простого перечисления. В тех случаях, когда статистик вскрывает отношения, которые он постоянно совершенствует, постепенно устраняя несущественное, он приближается к аналитической индукции. Очевидно, что по крайней мере в наше время индукция путем простого перечисления сохраняется как основной подход. Главное значение аналитической индукции, по крайней мере в настоящем, заключается в том, что она оставляет многих статистиков-практиков не удовлетворенными приблизительными соотношениями и низкой степенью вероятности и, таким образом, заставляет их совершенствовать свои гипотезы и ограничивать свои вселенные во всех случаях, где это возможно. Аналитическая индукция отрицает право статистиков пренебрегать исключительными случаями, ибо они явно требуют объяснения при помощи других гипотез и вселенных.

Дедукция как главное орудие. Хотя индукция господствует в американской социологии, дедукция все еще играет важную роль и, вероятно, будет играть еще более важную роль в будущем. Индуктивный миф о том, что истинный ученый исходит из наблюдения фактов без каких-то предварительных концепций, стал причиной ненужной дискредитации дедукции. Этот миф, иногда называемый заблуждением *tabula rasa*, крепко утвердился в американской социологии. Редко можно найти других ученых, которые чувствуют, что они могут или должны подойти к предмету их изучения без каких-либо сложившихся концепций. С другой стороны, традиционные «книжки по методу» социологии часто убеждали социологов подходить к материалу без каких-либо «предварительных концепций», «теорий», «понятий» или «оценочных суждений». Важно понять, что это логически невозможно и находится в противоречии с действительной историей науки. Без предварительных идей и концептуального направления нельзя знать, какие факты следует искать, и нельзя обнаружить то, что является важным для исследования. Было бы трудно начинать с наблюдения фактов, ибо определение, какие факты являются важными, — это основная цель научного исследования. Дедукция, таким образом, является необходимой частью или орудием исследования.

Дедукция лучше всего выражена в американской методологии концептуальными схемами в виде систематической теории, конструированными типами, которые будут рассмотрены ниже, и математи-

ческими и эмпирическими моделями. Концептуальные построения, подобно построению Парсонса¹⁹, могут выполнять по крайней мере две научные функции. Во-первых, они могут помочь при кодификации нашего постоянно растущего конкретного знания. Это означает, что дискретные гипотезы и наблюдения могут быть объединены в общие категории и предварительно «помещены» в более широкий контекст; следовательно, их «значение» может быть оценено в свете более общих выводов. В известном смысле различие между описанием и объяснением — это различие между фрагментарным знанием и систематическим знанием. Во-вторых, концептуальные построения могут служить руководством при исследовании. Они позволяют нам локализовать и определять сферы нашего знания и невежества, указывая на проблематические области. В свете системы можно «увидеть» интересные проблемы и значения, связанные с гипотетическими «взаимосвязями» или отношениями.

Типология как дедуктивная система. Конструированные типы представляют собой мост между систематической теорией и эмпирическими наблюдениями и, следовательно, обладают некоторыми функциями систематической теории. Фактически конструированные типы — это «системы» небольшого масштаба, и они обычно доступны для эмпирического исследования. Конструированный тип — это целенаправленный плановый отбор, абстракция, комбинация и подчеркивание ряда критериев, имеющих эмпирические референты, которые служат основой для сравнения в эмпирических случаях. Эмпирический тип — это функция модели, остающейся в тесной связи с «взятыми», из которых она происходит. (См. гл. 6, особенно стр. 159—165, 213—214.)

Хотя социологи в течение многих лет пользовались моделями, например типы и системы являются моделями, интерес к эксплицитному построению и толкованию моделей увеличился за последнее время²⁰. Модели могут быть в прозе или в математическом обозначении; они могут быть длинными и короткими, простыми или сложными, но их эвристическая ценность, несомненно, доказана. В общем анализ при помощи моделей включает определение моделей и тест для определения, насколько выборные данные приближаются к модели. Модели как дедуктивному приему придается эмпирическое толкование путем сравнения с данными. Если расхождение между моделью и выборочными данными может быть с основанием приписано случайности, а не факторам вне модели, тогда можно предположить, что данные обладают структурой, схожей с моделью. Социолог-статистик, особенно склонный к «индукции», в действи-

¹⁹ Parson, *The Social System*, passim.

²⁰ См. наиболее полное существующее изложение использования моделей в общественных науках: Paul Lazarsfeld (ed.), *Mathematical Thinking in the Social Sciences*, Glencoe, Illinois, 1954. Также: K. J. Arrow, *Mathematical Models in the Social Sciences*, in Daniel Lerner and H. D. Lasswell (eds.), *The Policy Science*, Stanford, 1951 и M. A. Girsick and Daniel Lerner, *Model Construction in the Social Sciences*, *POQ*, 14 (1950—1951), pp. 710—728.

тельности следует этой процедуре, когда он подгоняет частотность распределения к «нормальной кривой», затем проверяет достоверность этого при помощи квадрата χ . Все «аналитические» статистические приемы включают этот элемент дедукции.

За последнее время в социологии было разработано несколько математических моделей, которые указывают на существование определенной тенденции. Область исследования установок была особенно продуктивной в этом отношении, учитывая, в частности, тот факт, что модели, по-видимому, применимы ко многим элементам поведения, помимо установок. К этим моделям относится шкала Гуттмана и модель «латентной структуры» Лазарсфельда²¹. После второй мировой войны возрос интерес социолога к моделям — тенденция, которая показывает не только эффективность и живучесть дедукции как компонента методологии, но также и рост количественной изощренности американского социолога.

Рост количественных методов

Происходят большие споры о роли и значении количественной техники в социологии. Крайние взгляды на квантификацию были обычно в двадцатых и тридцатых годах, но в последнее время полемический задор значительно угас. В настоящее время имеется тенденция рассматривать количественные приемы как существенную часть концептуального оснащения социолога, а не как самоцель.

В методологической мысли двадцатых и тридцатых годов господствовало убеждение, что социология может стать естественной наукой благодаря статистической процедуре. Совершенно очевидна неопозитивистская ориентация, лежащая в основе этого убеждения. Рассуждали следующим образом: успех естественной науки может быть приписан объективному характеру ее данных и количественной обработке ее результатов. Отсюда, для того чтобы социология достигла этого успеха, она должна изменить свой способ получения и обработки данных. Это означает, что социология должна разработать приемы, обеспечивающие получение объективных данных, подходящих для количественной обработки при помощи статистики. Имелось много сторонников этого тезиса, но он, может быть, впервые был ясно выражен Лундбергом в 1928 году²².

Возражение на этот взгляд в своей наиболее крайней форме было выдвинуто теми, кто был убежден, что человеческое поведение слишком «отличается» от других явлений, чтобы его можно было обработать статистически. Утверждалось, что та часть социологических данных, которая могла быть выражена в количественной форме, была по своему характеру наименее важной из данных, относящихся к поведению, и, более того, настолько незначительной, что она не стоила усилий, затраченных на ее получение. Этот взгляд был характерен для многих из уходящего поколения социологов,

²¹ См. Stouffer et al., op. cit., and Riley et al., op. cit., которые содержат превосходное изложение этих технических приемов.

²² Lundberg, *Social Research*, New York, 1928.

и, что еще важнее, он с успехом защищался такими горячими сторонниками «качественного» исследования, как Сорокин, Макивер, Уоллер и Знанецкий.

Растущее признание ложной дихотомии. Хотя противоположные стороны ясно определились, ряд ведущих социологов был весьма смущен тем, что они рассматривали как ложную дихотомию. Будучи опытными исследователями, эти социологи в своей работе склонялись или к количественной, или к качественной методике, но все же они не могли сочувственно относиться к чересчур упрощенной формулировке «или — или» в спорах. Такие полные энтузиазма и все же консервативные защитники количественного метода, как Огбёрн, Дороти Томас, Тёрстоун и Стауффер, не могли особенно симпатизировать таким оптимистам, как Лундберг, Додд и Бэйн, которые немедленно хотели приступить к измерению социальных явлений со всей точностью, присущей физическим наукам. И, напротив, имелись опытные специалисты качественного исследования, такие, как Беккер, Блумер, Хьюз, Парсонс и Вирт, если упомянуть только немногих, которые не могли симпатизировать тем «интуитивистам», которые отрицали возможность когда-либо квантифицировать человеческое поведение в каком-нибудь важном отношении, а также отрицали то, что квантификация могла помочь пониманию общества.

Эта «промежуточная» группа социологов признавала и все яснее указывала, что обе крайние позиции основаны на явно ложной предпосылке. Это предположение заключалось в том, что социологическое исследование могло проводиться только в терминах *одного определенного* подхода. Все больше признавалось, что количественная шкала являлась *лучшим* ответом на проблемы социологии, чем аналитическая индукция, логические эксперименты, выборочное изучение случаев или любой другой социологический прием. Считают, что некоторые приемы могут обладать большей инструментальной ценностью, чем другие, тем не менее несомненно, что не существует единого ключа или широкой дороги к научному знанию. Существовало много способов ведения систематического исследования в социологии, и их ценность заключалась не в том, что какой-либо из них мог потенциально стать господствующим, а в том, что они выражались в дополнительном и интегрированном наборе инструментов. Эти «промежуточные» социологи открыто признавали пользу перечислительных и измерительных приемов, но в то же время они также признавали, что имеется и много других ценных моментов в исследовании.

Выдвижение таких «промежуточных» ученых, как Анджелл, Беккер, Гуттман, Лазарсфельд, Лумис, Мертон, Стауффер и Зухман, показало, что существует *непосредственная логическая* преемственность между систематическим качественным исследованием и строгими формами измерения. Целая батарея промежуточных приемов заполняет разрыв между количественным и качественным полюсами и, таким образом, скорее создает исследовательский

континуум, а не дихотомию. Социологи этой группы благодаря своему руководству работой по систематическим оценкам, классификациям, ранг-шкалам, конструированным типам, простым количественным индексам, кодификации, планированию исследования, логике доказательства или демонстрации и «преемственности в исследовании» в огромной степени способствовали тому, что современное исследование отвергло логическое разделение количественных и качественных приемов.

Это подчеркнуло тот факт, что применение математики в социологии обеспечивает достоверность результатов не в большей мере, чем применение «догадки» или «интуиции» гарантирует важность результатов. Примером этому является тот факт, что работа «Измерения общества» («Dimensions of Society») Додда не произвела сколько-нибудь заметного эффекта в американской методологии. Эта радикальная формалистическая попытка разработки социологической теории в математическом одеянии может считаться блестящей неудачей, хотя она и заслуживает похвалы благодаря значительным усилиям создать математическую модель. Тем не менее она была презрительно отброшена математиком Е. Т. Беллом и теоретиком Толкоттом Парсонсом в их совместной рецензии²³. Парсонс нашел, что, за исключением главы о теории корреляции, в книге не было ничего математического. Был совершен перевод на эзотерический язык символов, но не было построено уравнения, поддающегося решению. С другой стороны, Парсонс пришел к заключению, что «повсеместное приятие S-теории, конечно, затруднит достижение высших уровней обобщающего анализа, который может быть достигнут при современном развитии науки». Урок, преподанный Доддом, заключается в том, что математика, оторванная от рабочей теории и исследования, достоверность которого можно доказать, сводится к простому жонглированию символами.

Для иллюстрации противоположного аспекта можно привести работу Сорокина. Не подвергая сомнению важность существенного вклада в эту область Сорокина, можно с достоверностью утверждать, что его более чем двадцать томов оказали меньшее влияние на методологию, чем гуттмановский анализ с помощью шкалы, анализ латентной структуры Лазарсфельда, парсонская версия структурально-функциональной теории и беккеровская логика проверки конструированного типа, которые все могут быть изложены в нескольких главах. Одного знания — а труды Сорокина свидетельствуют о его больших знаниях — недостаточно для науки. Пути достижения знания являются существенной частью научного процесса.

Отказ от крайних позиций в этой области в отношении классификации привел к нескольким последствиям. Во-первых, — теперь это уже стало избитым местом — независимо от точности измерений

²³ E. T. Bell and Talcott Parsons, Review of Dimensions of Society, in ASR, 7 (1942), pp. 707—714.

то, что измеряется, остается *качеством*. Квантификация является огромным достижением, поскольку она допускает большую достоверность и точность в измерении *качеств, имеющих теоретическое значение*. Незаменимым рабочим партнером в количественных процедурах явно выступает теория, которая определяет то, что измеряется. Во-вторых,—это также стало общим местом —наиболее полный тип количественного исследования пользуется измерением в ограниченной степени. Использование таких терминов, как «растущий», «увеличивающийся», «подымающийся», «больше» и «меньше», указывает на *латентную* квантификацию. В широком смысле этих терминов общественные явления постоянно «измеряются» и «исчисляются» и теоретиками и практическими социологами. В-третьих, по-видимому, все согласны, что желательна количественная обработка тех данных, которые могут быть теоретически сформулированы в виде единицы. В-четвертых, измерение субъективных явлений *законно*, пока оно сопровождается признанием того факта, что оно производится не непосредственно через объективные индексы. В-пятых, обычно соглашались, что статистика, давая подтверждение или неподтверждение гипотез, только *подсказывает* объяснение. В общем количественные методы теперь приняты в качестве нормального и необходимого аспекта социологического исследования. Споры вокруг них уже более не касаются возможности или невозможности и применения в науках, связанных с поведением. Они теперь превратились в технические споры, относящиеся к применению данных приемов при определенных условиях в отношении определенного вида явления.

Номотетическое и идиографические направления

В принципе американские социологи почти полностью приняли в своей науке номотетический идеал, идеал, который исходит из модифицированной версии первоначальной формулировки Виндельбанда номотетически-идиографической дихотомии. Виндельбанд различает два класса наук: науки, изучающие общее и провозглашающие естественные законы (номотетические), и науки, изучающие частности в их исторически детерминированных конфигурациях (идиографические). Проблема, провозглашает ли социология естественные законы, не является злободневной. Все согласны, что социология изучает *общие, закономерные и повторяющиеся* аспекты явлений и, следовательно, может *обобщать и предсказывать* в пределах доказанной теории. Это делает ее номотетической дисциплиной, несмотря на то что естественные законы заменены эмпирическими обобщениями²⁴.

Подобно всем другим наукам, социология обладает необходимым идиографическим аспектом. Она содержит наряду с обобщениями многочисленные частные положения. Проблема концентрируется вокруг вопроса о том, в какой степени поиски этих частных

²⁴ Ярким сторонником концепции естественного закона является Зия-ецкий.

преобладают над попытками к обобщению, поскольку достижение общего знания является признанной целью этой дисциплины. Социология накопила огромное количество описательных данных относительно конкретных людей, мест и событий. Имеется выборочное изучение конкретных правонарушителей, обзоры конкретных коллективов, экологические описания конкретных городов, наблюдения над конкретными забастовками и т. д. Ценность этих описаний является несомненной, поскольку они служат центром, из которого исходят эмпирические обобщения. Их ценность сомнительна, однако лишь тогда, когда они остаются в виде частных и не приводятся в соответствие с основной теорией. За последние несколько десятилетий была создана многообещающая, хотя и скромная система эмпирических обобщений, и закономерно предполагать, что этот процесс будет продолжаться и в будущем. Тем не менее большинство теоретически ориентированных социологов серьезно озабочены скудостью обобщений по сравнению с массой частных. Короче говоря, их озабоченность связана с тем, что большинство социологов утверждают желательность и необходимость формулировки общего и повторяющегося, а на практике занимаются собиранием данных и накоплением описательных частных²⁵.

Основные источники идиографического направления. Несмотря на цели социологии, в отношении которых имеется явное согласие большинства социологов, на деле существует весьма мощное идиографическое направление. Оно, по-видимому, имеет несколько источников. Одним из источников является контакт между дисциплинами, причем несколько представителей родственных областей делают сильный упор на идиографию. Среди них имеются антропологи-культуроведы, такие, как Боас, Герсковитц, Лауи, Уилли и Уисслер, социальные психологи, как, например, Кантор, экономисты-институтоведы, как Митчелл. Почти все американские историки подчеркивают неповторимость, а следовательно, конкретность любой социальной ситуации. Социологи, подпавшие под их влияние и влияние их процедур, склонны превратиться в идиографических наблюдателей и регистраторов.

Вторым источником идиографического направления является рост за последние годы движения «изучения коллективов». Под мощным влиянием «Миддлтауна» («Middletown») Линда было проведено значительное количество исследований коллективов, ни одно из которых не достигло уровня «Миддлтауна» и большинство из которых были почти полностью идиографическими. По-видимому, уже давно эти исследования стали постепенно терять свое значение; по крайней мере внушает сомнение необходимость в еще большем количестве Миддлтаунов, Плэйнвиллей, Янки Сити и Джонсвиллей. С точки зрения социологии как науки требуется исследование *общих форм* поведения коллектива, но к нему нужно подходить

²⁵ Искусную защиту идиографии см. в работе: N. S. Timascheff, *On Methods in the Social Sciences*, ACSR, 6 (1945), pp. 169—176.

с учетом некоторых общих соображений. Альтернативой служит рост скорее социографии, чем социологии.

Еще одним важным источником идиографического направления является использование статистического метода. Не нужно считать это утверждением, что статистический метод исключительно является идиографическим по характеру. Его номотетические аспекты постепенно завоевывают себе почву, и в настоящее время значение, придаваемое статистической корреляции, вариантности и вероятности, по-видимому, значительно больше, чем значение, придаваемое статистическому описанию. Статистический метод включает значительный номотетический момент, потому что статистическое перечисление редко является исчерпывающим. Доказательством этого является быстрый рост выборочной теории. Тем не менее вначале статистика была главным образом описательной, и это правильно также в отношении большинства современных статистических исследований. Имеется все еще много социологов, которым доставляет удовольствие накапливать статистические данные, не зависящие, как предполагается, от гипотез и общих категорий.

Последний и наиболее важный в методологическом отношении источник идиографического направления, или, более точно, идиографически-номотетического смешения, заключается в проблеме абстракции. Все явления будут уникальными, если их рассматривать на достаточно низком уровне абстракции. Задача науки всегда состояла в концептуализации этих явлений в абстрактных терминах, для того чтобы понять их общий характер. Тот факт, что вторая мировая война была исключительной войной, является не большим препятствием социологическому изучению войн, чем тот факт, что любой данный земляной червь является исключительным, не служит препятствием к изучению общей структуры земляных червей. Абстракция является общей научной проблемой. Правда, что эта проблема сохраняется в социологии, потому что социолог часто интересуется неповторимыми явлениями или происходящими в небольшом количестве случаев. Этот интерес стимулируется благодаря тому, что указанные случаи являются исключительными и, следовательно, «любопытными». Ответ здесь, по-видимому, лежит в применении аналитической индукции Знанецкого или же (в ситуации, относящейся к немногим случаям) в применении разработанной теории ограниченной выборки.

Бихевиоризм и его модификация

Как значительное движение бихевиоризм возник сразу же после первой мировой войны. Хотя сравнительно мало социологов приняло крайние взгляды Уотсона²⁶, это движение тем не менее

²⁶ См. первое изложение в: J. B. Watson, *Psychology from the Standpoint of a Behaviorist*, Philadelphia, 1919, а позднее — в его же работе «Бихевиоризм» («Behaviorism», rev. ed., New York, 1930). Одним из немногих последователей Уотсона среди социологов в наши дни является Франц Адлер, недавно обращенный.

оказало значительное влияние на социологическое мышление, особенно на той периферии социологии, которая известна под именем социальной психологии. Бихевиоризм был неопозитивистской попыткой уподобить изучение человеческого поведения изучению естественных наук. Что же касается самой дисциплины, она отбросила понятие сознательности, ощущения, восприятия, воли, образа, умственного опыта и роли мотивов в определении поведения. Те концепции, которые бихевиоризм сохранил из старой психологии, как, например, мышление и эмоция, он заново определил как формы наблюдаемой или непосредственно логически выводимой деятельности. Упор делался на связь между стимулом и реакцией, и явное поведение приобрело центральное значение.

Этот подход согласовался с растущими эмпирическими и прагматическими тенденциями в двадцатых годах; он, по-видимому, удовлетворял требованиям объективности и механической уверенности в проведении исследования. Благодаря его подчеркиванию механического характера связи между стимулом и реакцией он особенно подходил для классификации, поэтому он обещал освободить социологию от ее субъективизма и, таким образом, превратить ее в «точную науку». Замечание Бэйна, написанное в 1928 году, является примером этого направления: «Развитию социологии как естественной науки препятствовало: 1) подчеркивание ее нормативного, а не дескриптивного аспекта; 2) слишком большое внимание к субъективным факторам, таким, как идеи, идеалы, мотивы, чувства, желания и позиции, и слишком мало внимания к объективному явному поведению...»²⁷.

К несчастью, обещание радикального бихевиоризма не «окупилось» при исследовании. Почти не имеется работ, действительно основанных на этом принципе, — возможно, потому, что те вещи, которые он пытался объяснить, нелегко сводятся, если это вообще возможно, к механической циркуляции стимула-реакции. Не было накоплено ничего напоминающего научные знания в радикально-бихевиористском смысле в отношении таких явлений, как моды, капризы, мании, условности, слухи, общественное мнение, позиции, обычаи, институты и социальные системы. В результате в тридцатых годах гораздо более скромный тип бихевиоризма быстро вытеснил старую разновидность и все еще в ходу «символистически-интеракционистская» версия, которую особенно проповедовал Мид²⁸. Положительное значение модифицированного бихевиоризма заключается в том, что он частично заполнил ту пропасть, которая казалась шире, чем она была на самом деле, между объективизмом и субъективизмом; подчеркнул значение символического взаимодействия, которое привело к развитию социологии коммуникаций; переориентировал на исследование установок, так что установки перестали изучаться в «вакууме», а стали связываться с социальной

²⁷ Read Bain, An Attitude on Attitude Research, *AJS*, 33 (May 1928). p. 940.

²⁸ G. H. Mead, *Mind, Self and Society*, Chicago, 1934.

структурой, и, наконец, в той перспективе, которая содержится в подходе Мида, для роста в будущем специфически американской социологии знания.

Спор об операционализме

Теория операционализма, установленная Бриджменом в физике в 1927 году, была перенесена в тридцатых годах в социологию несколькими наиболее склонными к прагматизму социологами. В тридцатых и сороковых годах это было предметом значительных споров, но проблема несколько утратила свое значение в середине столетия²⁹. Центральная идея теории выражена Бриджменом следующим образом: «В общем под любым понятием мы подразумеваем не больше, чем ряд операций; понятие синонимично соответствующему ряду операций... Значением суждения является его проверяемость»³⁰. Лундберг, в частности, понял это как намек на пересмотр всей системы понятий социологии. Он утверждал, что дальнейшее использование современных социологических символов обречет эту дисциплину на «субъективность». Он указал на то, что не существует единогласия в отношении «значения» даже наиболее простых понятий; понятия обычно используются в самых различных значениях, означают разные вещи для разных людей, а в различных случаях даже разные вещи для тех же самых лиц. Он считал это роковым для научного подхода, и поэтому он также утверждал, что «единственным способом определения чего-нибудь объективного является определение в терминах операций»³¹.

Возражения против операционной социологии сосредоточивались на ограничениях роли понятий и систематической теории, вызываемых этим подходом. Если понимать первоначальное заявление Бриджмена дословно, как оно и было понято некоторыми социологами, оно влечет за собой строгое ограничение понятий, например традиционное значение «величины» как понятия не может быть синонимом «физических операций», связанных с измерением величины. Физическая операция измерения величины всегда определяет только величину данного конкретного объекта. Значение, традиционно приписываемое величине как понятию, однако, определяло операцию измерения, ибо без знания этого значения физик был бы не в состоянии выбрать способ измерения, подходящий для данного объекта. Измерять вспаханное поле термометром и назвать

²⁹ См. L u n d b e r g, *Foundations of Sociology*, pp. 58—61; его же, *Operational Definition in the Social Sciences*, *AJS*, 47 (March, 1942), pp. 727—743, а также ответ Герберта Блумера на стр. 143—145; S. C. D o d d, *Operational Definitions Operationally defined*, *AJS*, 48 (January, 1943), pp. 482—489, with comment by Ethel Shanas, там же, стр. 489—494; F r a n z A d l e r, *Operational Definitions in Sociology*, *ASR*, 3 (December, 1939), pp. 855—861 и H o m e l l H a r t, *Toward an Operational Definition of the Term Operation*, *ASR*, 18 (December, 1953), pp. 612—617.

³⁰ P. W. B r i d g m a n, *The Logic of Modern Physics*, New York, 1927, p. 5.

³¹ L u n d b e r g, *Foundations of Sociology*, p. 69.

полученное «размером» было бы, однако, не более странным, чем измерять умственные способности при помощи теста и назвать это «интеллектом». Операционалисты пренебрегают тем фактом, что понятия всегда «общие», а операция всегда «конкретна» и, следовательно, определяется общим. Радикальный операционализм лундбергского типа не учитывал роли синтезирующей рациональной мысли при создании понятий и, таким образом, превратился в форму грубого эмпиризма.

Операционализм противопоставляется систематической теории. Вторым последствием радикального операционализма явилось преуменьшение роли систематической теории. Такое типичное операционистское заявление, как «интеллект — это то, что тестируется при помощи тестов интеллекта», подразумевает, что может быть так же много «интеллектов», как и «тестов». Если это так, результатом будет крайний эклектизм и станет невозможным создать систему взаимосвязанных понятий общего эмпирического значения.

Хотя операционализм и не был успешно включен в какое-нибудь из важных исследований социологии, он тем не менее оставил свой след. Во-первых, значительная доля операционализма наличествует во многих эмпирических исследованиях, особенно в диссертациях. Во-вторых, и что еще более важно в методологическом отношении, операционализм способствовал развитию и повсеместному принятию более умеренного течения, известного под названием *инструментализма*. Первоначально сформулированный Дьюи, он является теперь основным направлением как теоретиков, так и эмпириков. Инструментализм, часто еще выступающий под маркой операционализма, просто утверждает, что понятия должны подвергаться исследованию и могут быть гипотезой для целей исследования. Более того, инструментализм утверждает, что теории, дискретные или систематические, должны оцениваться с точки зрения их годности, достоверности и плодотворности для исследования. Эта ориентация присутствует в скрытом виде в работе Стауффера и его сторонников, Мертон и Лазарсфельда и даже во всеохватывающей систематической теории Парсонса³².

Прагматическое направление

Прагматизм, хотя и является философским термином, обозначает скорее точку зрения, чем систему идей, поэтому он проявляется во многих различных подходах и системах. Прагматизм выражается в привычке интерпретации идей и событий в терминах их последствий. В результате он тесно связан с логикой эксперимента, который является основой современного научного исследования. Следовательно, прагматизм, по-видимому, не ведет к каким-либо окончательным философским выводам, а является просто выражением тенденции принять все, что является эффективным в проведении

³² Stouffer et al., loc. cit.; R. K. Merton and Paul Lazarsfeld (eds.), *Communities in Social Research: Studies in Scope and Method of the American Soldier*, Glencoe, 1950; Parsons, *The Social System*.

исследования. Он, таким образом, является расширенным эмпиризмом, который учел связь концептуализации и теории с исследованием.

Практическое научное исследование состоит в постоянном подходе к новым проблемам и в связи с этими новыми проблемами к формулировке новых гипотез. Проверка этих гипотез лежит на человеке-исследователе, оснащенном инструментами. Таким образом, тест заключается в самом процессе познания. С этой точки зрения, следовательно, математика, основная теория, инструменты, техника наблюдения и т. д. просто являются аппаратом для разработки гипотез, относящихся к опыту. Прагматизм как теория — это не что иное, как выражение научного метода в том виде, в каком он оказался эффективным в прошлом.

Слишком рано еще устанавливать влияние прагматизма на социологию. Без сомнения, за последнее десятилетие прагматизм сильно продвинулся вперед, и различные аспекты этого направления могут быть обнаружены во многих методологических взглядах, разбираемых здесь. Он проявляется несколькими различными путями, в частности в сокращении догматизма в социологии и растущей тенденции не принимать как окончательное или решающее любой отдельный подход, теорию или инструмент. Прагматическое направление в социологии отождествляет себя с использованием научных методов, поскольку эти методы влекут за собой постоянный анализ проблематических ситуаций, выдвижение и рассмотрение различных гипотез, связанных с этими проблемами, и их проверку опытом.

Имплицитная роль прагматизма в американской социологии. Американская методология пронизана прагматическими взглядами, что характерно не только для работ признанных эмпириков, но также и для наших выдающихся теоретиков. Например, Толкотт Парсонс создал наиболее «рационалистическую» и «дедуктивную» систему современной социологии, тем не менее она сильно окрашена прагматизмом. Считая, что «структурально-функциональный» подход является существенным для развития социологии, Парсонс говорит, что он считает его наиболее «плодотворным» или «полезным». В соответствии со своим утверждением, что каждое эмпирическое исследование проводится в пределах концептуальной схемы, которая или имплицитна, или эксплицитна, Парсонс утверждает, что «единственным оправданием такой концептуальной схемы является ее полезность, та степень, в которой она облегчает достижение цели научного исследования»³³. Согласно Парсонсу, окончательная проверка и оправдание являются, следовательно, прагматическими.

Эта американская тенденция рассматривать и оценивать любой эвристический прием с точки зрения его инструментальной пользы при проведении экспериментального (исследовательского) процес-

³³ P a r s o n s, *Essays in Sociological Theory Pure and Applied*, Glencoe, Illinois, 1949, p. 66.

са придает методологии значительную гибкость и приспособляемость, хотя с этим связаны известные опасности. Эти опасности похожи на те, которые связаны с эмпиризмом, и их можно вкратце изложить как оппортунизм, недостаток направленности и преемственности, колебание при выборе между противоречащими подходами, интерес к непосредственным проблемам и, следовательно, отсутствие перспективных взглядов. Основным вкладом в методологию прагматических взглядов, по-видимому, является его подчеркивание инструментализма, экспериментального планирования (контролируемого опыта) и скромной рабочей теории. В той мере, в какой американская методология извлекла пользу из этого прагматического плана, она скорее стала «тупоголовой», чем «безголовой».

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ И ТЕХНИКА

После первой мировой войны американская социология уделяла особое внимание процедуре и технике. Каждая из первоначальных процедур, статистическая, экспериментальная, типологическая, историческая и изучение выборочных случаев, широко применялась и разрабатывалась. Несомненно, однако, что статистическая процедура с ее многочисленными техническими приемами перечисления и измерения развивалась и применялась более, чем любая другая. Кроме того, постоянный интерес к техническим приемам, приспособленным для конкретного обнаружения фактов и их манипуляции, вызвал необычайное развитие как качественных, так и количественных приемов. Этот интерес к процедуре и технике дал в результате поколение технически опытных социологов и продолжает быть наиболее характерной чертой, быстро развивающейся современной социологии.

Учебники по исследовательской методике

Один из самых быстрых способов понять развитие американской социологии — это просмотреть различные учебники по «методу». Скорость, с какой эти учебники устаревали, дает удовлетворение. Лучшие из учебников по методам двадцатых годов, например, выглядят весьма примитивными по сравнению с современными. В 1920 году Чэпин опубликовал работу о методе, «Полевая работа и социальное исследование» («Field Work and Social Research»), которая представляет собой первую действительную попытку кодифицировать исследовательскую процедуру в социологии. Первым учебником, который превзошел книгу Чэпина, является работа Богардуса, опубликованная в 1926 году. Его короткая слава была немедленно предана забвению при появлении в 1928 году работы Палмера «Полевые исследования в социологии» («Field Studies in Sociology»), представляющей собой описание исследований того времени в Чикагском университете. Затем в 1929 году социология пережила

год своего расцвета. В это время Одум и Йохер опубликовывают работу «Введение в социальное исследование» («An Introduction to Social Research»), а Лундберг — свое «Социальное исследование» («Social Research»). Хотя эти книги несколько различались между собой, они намного превосходили по широте и совершенству все, что было опубликовано ранее. В следующем году появилась еще более пространная работа, чем опубликованные раньше: «Методы и статус научного исследования с частным применением к социальной науке» («Methods and Status of Scientific Research with Particular Application to the Social Science») Спара и Свенсона.

В 1931 году социология достигла важного поворотного пункта. До этого момента все опубликованные ранее книги о методах можно было считать «учебниками». В 1931 году Совет по исследованиям в общественных науках издал «Методы в социальных науках: сборник материалов» («Methods in Social Sciences: A Casebook») под редакцией Райса. Это не было простое руководство, книга состояла из анализа 52 методологических докладов по общественным наукам. Впервые методология выступила на сцену в действительном смысле этого слова. Не похожей на книгу Райса, но тем не менее представляющей те же интересы была книга Знанецкого «Метод социологии» («The Method of Sociology»), опубликованная в 1934 году. Ее можно было бы назвать первой великой работой по методологии в Америке. Знанецкий в этом случае связывается с Соединенными Штатами Америки, хотя Польша и имеет приоритет в этом отношении. Эти две работы могут считаться предшествующими основным достижениям, которые имели место за последующие двадцать лет.

Вернемся же к руководствам; в 1936 году Богардус опубликовал «Введение в социальное исследование»; в 1939 году Полина Янг опубликовала превосходную книгу «Научные социальные обзоры и исследование» («Scientific Social Surveys and Research»); в том же году также появились книга «Социальное исследование» Элмера, «Статистика для социологов» («Statistics for Sociologists») Хэруда и «Элементарная социальная статистика» («Elementary Social Statistics») Маккормика. Второе издание работы Лундберга вышло в свет в 1942 году, а в 1949 году появилось переработанное издание ранней работы Янг. В 1950 году вышла в свет работа «Социально-научные исследовательские методы» («Social Science Research Methods») Ги.

Затем появились современные книги по исследованию, книги с «новыми взглядами» по сравнению с теми, которые были опубликованы ранее. В общем старые книги, за исключением книг Райса и Знанецкого, сосредоточивали свое внимание на практике эмпирического исследования и относительно мало касались обоснования и описания технических приемов в свете логики науки. Современные работы представляют собой значительный сдвиг в сторону технических приемов, хотя они и сохранили интерес, выраженный в ранних работах. «Методы исследования социальных отношений» («Re-

search Methods in Social Relations») Ягоды, Дейча и Кука; «Методы социального исследования» («Methods in Social Research») Гуда и Хатта; «Методы исследования в науке о поведении» («Research Methods in the Behavioral Science») Фестингера и Каца; «Введение в социальное исследование» («Introduction to Social Research») Доби и других; «Сфера и метод социологии» («The Scope and Method of Sociology») Фёрфи; «Планирование научного исследования» («The Design of Social Research») Аккова и «Язык социального исследования» («The Language of Social Research») Лазарсфельда и Розенберга—все они являются замечательным современным обогащением техники в социологии по сравнению с прошлыми десятилетиями, результатом многостороннего значительного развития процедуры и техники со времени первой мировой войны.

Статистическая процедура

Статистическая процедура охватывает теорию и технические приемы, имеющие дело с данными, полученными путем перечисления и измерения. Поэтому проблемы статистического анализа обычно концентрируются на достоверном перечислении измерений единиц рассматриваемых явлений. Вначале к поведению применялись статистические приемы, в которых взаимодействие или коммуникация имели небольшое или никакого значения, например в демографии. С течением времени, однако, социологи стали все больше интересоваться применением статистических приемов к областям поведения, в которых «единицы» не являются явными. Несмотря на длительные споры о «правильном» методе количественной обработки некоторых аспектов поведения и вечной проблеме относительно того, поддается ли вообще значительная часть поведения перечислению и измерению, социологи постепенно все больше преуспевали в применении статистических приемов к своему основному материалу.

Социологи мало что дали для быстро развивающейся статистической теории. Основной вклад в этой области был внесен математиками, генетиками, психологами, педагогами, экономистами и биологами, работающими в сельском хозяйстве. Социологи были заняты тем, что пытались применить приемы, разработанные другими дисциплинами, заимствуя их оттуда. Следовательно, хотя и нельзя назвать важной работу социологов по статистической процедуре, можно указать на значительный вклад, сделанный ими: они впервые применили статистические приемы к социологическому поведению.

Описательная функция статистики. Все статистические приемы можно разделить на две группы: *описательные* и *обобщающие*. Описательные приемы — это приемы, которые конденсируют и обобщают данные по перечисленным или измеренным характерным чертам ряда единиц и таким образом описывают отобранные аспекты этих единиц. Мерами измерения, обычно применяемыми в описательной статистике, являются пропорция, норма, процент, частотность распределения, измерение основной тенденции и распространение. Эти обобщающие приемы дают сжатое изложение массы

фактов в такой форме, которая делает их более понятными и легче поддающимися передаче.

В период первой мировой войны применение статистики в социологии почти целиком ограничивалось описательной функцией. Даже в настоящее время *большинство* случаев применения статистических приемов в социологии находится на уровне описания. Это использование статистики в данной области не подвергается сомнению, за исключением только того факта, что многие теоретики-социологи подвергают сомнению значение большинства данных, собранных таким образом. Это является типичным для одного из самых сильных идиографических направлений в социологии.

В двадцатых — тридцатых годах становилось все более обычным применение описательных приемов в двух направлениях: одно было связано с описанием характерных черт той же самой единицы в различные периоды времени³⁴; другое заключалось в создании сложных не непосредственных способов измерения в виде числовых индексов или отсчета на шкале³⁵. Эти приемы все еще представляют собой описательную функцию, но важно отметить, что они количественно описывают социологические данные, которые раньше давались в строго качественных терминах.

Аналитическая и обобщающая функция статистики. Обобщающие статистические приемы являются приемами, которые социолог неизбежно должен использовать в некоторых типах исследования. Многие исследования неизбежно ограничиваются изучением только части единиц, связанных с данной проблемой. Это ограничение неизбежно ведет к ограничению количества единиц, используемых в качестве *выборки* целой серии, мыслимой как *вселенная*. Теоретически выборка должна быть типичной для вселенной в отношении исследуемых характерных черт. Данные, полученные из выборки, обрабатываются описательными приемами, дающими общее описание самой выборки. Кроме того, имеется система более сложных приемов, которая позволяет социологу делать определенные выводы в отношении более широкой группы, из которой была произведена выборка. Приемы, используемые при этом, могут быть названы обобщающими статистическими приемами. Эти приемы дают возможность вычислить для всей серии явлений (вселенной) данные тех же обобщающих измерений (пропорция, норма, измерение основной тенденции, степень распространения и т. д.), которые для данной выборки служат описательными приемами.

Возможность обобщать, таким образом, связана с двумя факторами, не входящими в простое описание, — вероятностной логикой

³⁴ См. Dorothy S. Thomas, *Social Aspects of the Business Cycle*, London, 1925.

³⁵ Примеры см. Margaret J. Hagood, *Construction of County Indexes for Measuring Change in Level of Living in Farm Operation Families, 1940—1945*, RS, 12 (June, 1947), pp. 139—150; A. L. Porterfield, *Rank of the States in Professional Leadership and Social Well-Being*, SF, 25 (March, 1947), pp. 303—309.

и теорией выборки. Оба необходимы ввиду того, что социолог не в состоянии исследовать *все* случаи, входящие в его исследование. Теория вероятностей при исследовании частоты позволяет социологу производить выборку из его данных с известной степенью уверенности. Теория выборки является конкретной формой вероятностной логики и позволяет социологу изучать важные проблемы, которые иначе остались бы недоступными для него, если бы ему пришлось изучать все единицы данной совокупности объектов. Это дает ему большие теоретические основания для утверждения типичности его наблюдений. Без сомнения, развитие теории выборки, лежащей целиком вне области социологии, сыграло значительную роль в освобождении социолога от чистого описания. Более того, есть все основания ожидать, что социолог будет все больше преуспевать, производя соответствующие выборки из любой группы, которой он интересуется, и, таким образом, возрастет точность социологических знаний. Быстрый рост литературы по различным аспектам произведения выборок в специальных журналах и учебниках, особенно за прошедшие пятнадцать лет, является показателем того, что социолог ясно сознает значение теории выборки и ее методики для своих исследований³⁶.

Важность планирования выборки. Производство выборки все больше становится частью исследований, предпринимаемых социологами. Имеется несколько различных типов выборки, и некоторые из них весьма обычные. Большинство случаев произведения выборки и даже многие из современных способов представляют собой *случайную* выборку. Эта форма не поддается кодификации и может быть описана только после самого факта. Некоторые случаи принимаются за основу для обобщения благодаря их легкой доступности. Невозможно установить влияние этого типа выборки на накопление социологических знаний, но, очевидно, он был источником значительных предрассудков. Примером его применения является отбор «добровольцев» или использование собственных студентов или друзей как основы для обобщения. Социологи были склонны брать легко доступные данные и пренебрегать более недоступными. Однако эта привычка сейчас меньше в ходу, чем раньше. Возможно, что величайшей силой, противодействующей этой тенденции, был тип исследований, проводимых в Чикагском университете в тридцатых годах, где под энергичным руководством Парка студентов поощряли проводить исследования в проблематических областях, которые не были, конечно, легко доступными.

В двадцатых годах выборка большей частью была случайной, но все больше и больше осознавалось, что необходимо провести

³⁶ См., например, F. F. Stephan, *Practical Problems of Sampling Procedure*, ASR, 1 (August, 1936), pp. 569—580; I. G. McCormick, *On the Amount of Error in Sociological Data*, там же, 3 (June, 1938), pp. 328—332; P. H. Furfey, *The Sampling Problem*, ACSR, 8 (1947, pp. 258—265; F. F. Stephan, *Sampling*, AJS, 55 (January, 1950), pp. 371—375; а также трактовку этого вопроса в последних справочниках.

работу по развитию приемов для отбора «фракций» явлений, которые представляли бы большие вселенные этих явлений. Полевые исследования, проводимые сельскими социологами часто под влиянием Гэлпина, были частью этого движения. Одним из первых исследований такого рода было исследование, сообщенное в 1922 году Циммерманом и Тэйлором в книге «Сельская организация; исследование первичных групп в округе Уэйк» («Rural Organization; A Study of Primary Groups in Wake County»). Обзор преступности в штате Миссури, опубликованный в 1926 году, представляет собой попытку больших масштабов дать обзор уголовных дел путем тщательно произведенной выборки³⁷.

В тридцатых годах, главным образом в результате депрессии, федеральное правительство поощряло более широкое применение выборки. Большое количество выборочных обзоров, предпринятое под непосредственным или косвенным руководством федеральных властей, привело к изменениям в технике отбора в этот период. Общее направление этих обзоров всегда шло от субъективного и случайного выбора к *систематическому* и выбору *наугад*. Также в конце десятилетия получили развитие различные типы *стратифицированной* выборки, выборка в определенной области, равно как и другие *смешанные типы* выборки.

Растущая популярность опросов общественного мнения и исследования рынка придали большое значение в тридцатых и сороковых годах *частичной* выборке, хотя этот прием во многих отношениях неприменим для других типов исследования. Частичная выборка является стратифицированной, не случайной и представляет собой единственный обычный прием, для которого не обязательна случайность. Простая случайная выборка неприменима к большинству социологических проблем, но принцип случайности входит во все приемы, которые являются применимыми.

Стратифицированная выборка и *пропорционально-стратифицированная* выборка стали привлекать за последнее время к себе значительное внимание. В основном этому способствовало министерство сельского хозяйства, труда и торговли, бюро по переписи, изучение установок, а также изучение структуры сельских и городских коллективов. Выборка по областям получила свое действительное начало в колледже штата Айовы в конце тридцатых годов. Она была применена бюро по переписи в его обзоре образцов в перенаселенных областях в 1943—1944 годах и полностью оформилась как прием в 1945 году при переписи населения, занимающегося сельским хозяйством³⁸.

³⁷ C. C. Zimmerman and C. C. Taylor, Rural Organization, A Study of Primary Groups in Wake County, N. C., Raleigh, 1922; The Missouri Crime Survey, New York, 1926.

³⁸ См. R. J. Jenson, Statistical Investigation of a Sample Survey for Obtaining Farm Facts, Ames, Iowa, 1942 и A. J. King and R. J. Jenson, The Master Sample of Agriculture, «Journal of American Statistical Association», 40 (March, 1945), pp. 38—56.

События последних двадцати лет показали, что техника выборки является мощным орудием для изучения вселенных, слишком больших, чтобы их можно было изучать во всей их полноте. Техника больше всего развивалась в обширных исследованиях «большого масштаба», посвященных анализу конкретных характерных черт. Все еще чувствуется нужда в более успешном приспособлении теории «малой выборки» (small sampling) к единицам, которые более доступны для «структурно-функционального» или «процессуального» анализа. Тот факт, что выборка неизбежно связана с ошибкой, благодаря своему вероятностному характеру, не является его основным недостатком. Основным препятствием к применению техники выборки, так же как и всех других статистических манипуляций, является то, что с ним связаны неизбежные и надоедающие *проблемы перечисления и измерения единиц* социологических данных.

Статистика и поиски отношений. Помимо описательно-обобщающей классификации статистических приемов, имеется другое двойное деление, основанное на сложности их применения³⁹; во-первых, простые приемы, которые в виде описания или обобщения имеют дело с единичным распределением характерных черт, и, во-вторых, *сложные* приемы, имеющие дело с распределением двух или более характерных черт одновременно путем описания или обобщения. Приемы второй группы предназначены для установления отношения или связи между характерными чертами и могут быть названы статистикой отношений.

Хотя описание сферы действия, или распределения, характерной черты является важным само по себе и многие социологические исследования посвящены этому, тем не менее справедливо, что такое описание не достаточно для исследования социологических *проблем*. Такие проблемы всегда являются проблемами *отношений*, отсюда статистика отношений является существенной для целей социологического исследования. Все больше и больше социологическое исследование пытается установить и точно описать существование, направление, степень и характер связи двух или более факторов. Когда выводы исследования ограничиваются изучаемыми единицами, применяется *описательная статистика отношений*. При обобщении, относящемся к вселенной, из которой взяты образцы, применяется *обобщающая статистика отношений*. Первое гораздо более характерно для современной социологии, чем второе. В настоящее время широкие обобщения становятся весьма редкими.

Особенно после двадцатых годов социологи весьма близко познакомились с некоторыми обобщающими измерениями ассоциации. Они использовали коэффициенты случайности для того, чтобы связать две или более неколичественные характеристики; коэффициенты корреляции (тотальные, частичные и множественные); прямолиней-

³⁹ Классификация Хэгуд применена здесь для удобства. См. Margaret J. Hagood and D. O. Rice, *Statistics for Sociologists*, 2nd ed., New York, 1954, pp. 4—5.

ные и криволинейные корреляции для связи двух или более количественных характеристик. Факторный анализ выступает здесь как потенциальное орудие, но еще не доказана его практическая применимость к социологическим проблемам.

Изобретение анализа *вариантности* и *ковариантности* Р. А. Фишером в сороковых годах дало еще два потенциально мощных орудия для социолога. Еще слишком рано давать оценку их полезности для социологии, но, несомненно, в будущем будет сделана серьезная попытка включить эти приемы в арсенал социологии⁴⁰. Вариантный анализ предназначен для того, чтобы связать одну количественную характерную черту с одной или более не количественных характерных черт. Он, по-видимому, лучше всего подходит для экспериментальных исследований, где приблизительно равным группам приписываются известные ценности экспериментальной переменной. Анализ ковариантности предназначен для установления связи между двумя или более количественными характерными чертами и одной или более не количественной характерной чертой. Полезность ковариантности заключается в том, что она может заменить соответствующую технику строгого сопоставления в исследовании⁴¹. Успешно приспособленная к социологическим данным ковариантность может дать социологу приближение к инструментальному контролю над данными без применения искусственно «задуманных» ситуаций.

Проблемы техники измерения и построения шкалы. Попытка социологов применить статистику к своей дисциплине заслуживает похвалы, хотя история этой попытки сопровождалась крайностями и заблуждениями. Однако был достигнут прогресс, который связан в основном с увеличением возможности перечислять и измерять единицы. *Измерение* предполагает наличие континуума, и для социолога все больше и больше стало полезным представлять себе данные, расположенные вдоль континуумов. Когда предполагается континуум, задача состоит в установлении в нем шкалы, так чтобы можно было провести различие между явлениями, расположенными вдоль него. Проблема, возникающая в связи с применением и построением шкалы, состоит в установлении серии пунктов вдоль континуума, для того чтобы превратить серию качественных атрибутов в некую количественную серию. Социологи начиная с двадцатых годов бились над этой проблемой и достигли многообещающих результатов, они столкнулись с этой проблемой в таких различных областях, как изучение установок, институциональной практики, жилищной проблемы, социального статуса, профессионального престижа, соседств, формирования понятий, личных отношений и социальных систем. За последние тридцать лет было разработано много различных шкал, но большинство из них подпадает под пять

⁴⁰ См. последнее описание в кн.: R. L. A c k o f f, *Design of Social Research*, Chicago, 1954, pp. 229—255.

⁴¹ См. M. J. T a v e s, *The Application of Analysis of in Social Science Research*, ASR, 15 (June, 1950), pp. 373—381.

общих типов: шкалы социальной дистанции (включая социометрические); шкалы нормирования; шкалы ранжирования; шкалы внутренней последовательности и латентно-структурной шкалы⁴². Это, кстати, представляет и хронологический порядок их развития.

Вопрос о возможности создания социологических шкал, использующих количественные числительные, все еще остается на повестке дня. Такая шкала должна обладать двумя особенностями: ее исходной точкой должен быть ноль, и каждый элемент шкалы должен прибавлять равные меры увеличения. Согласно взглядам некоторых социологов, только подобная шкала будет давать «истинные» измерения. Является это правильным или нет, это спорный вопрос. Ни одна из социологических шкал, используемых в настоящее время, не обладает этими особенностями, все они являются *порядковыми* шкалами. Современное социологическое измерение является просто порядковым измерением.

Первые шкалы, которые вошли в широкое употребление, были шкалами социальной дистанции, часто называемые *шкалами Богардуса*, как признание его авторитета в этой области. Само понятие было использовано в начале столетия Парком и относилось к градусам и степеням понимания интимности характерных для дообщественных и общественных отношений. Богардус принял это понятие в начале двадцатых годов и разработал приблизительное измерение, приблизительно потому, что оно предполагало равные расстояния между крайними пунктами шкалы и исходило из предпосылки, что каждый пункт на шкале был выше предыдущего. Кроме того, его достоверность могла быть проверена только применением техники повторного теста, часто оказывающейся неудобной на практике. Тем не менее это было важным достижением, и эта техника получила широкое распространение в изучении различных типов групп, особенно групп меньшинства и профессиональных, а также в изучении ценностей.

В середине тридцатых годов Морено и Дженнингс разработали новую технику, названную *социометрией*, которую можно подвести под рубрику социальной дистанции, хотя она коренным образом отличается от подхода Богардуса⁴³. Социометрия оказалась весьма полезной социологической техникой, поскольку она имела дело со структурой групп в терминах влечений и отвращений, существующих между отдельными лицами, составляющими группу. Социометрия применялась в таких различных областях, как неофициальные группы, институционализированные группы, классы в школе, тюрьмы и военные учреждения, а также для исследования таких проблем, как состояние духа, сродство, интеграция, руководство

⁴² См. W. J. Goode and P. K. Hatt, *Methods in Social Research*, New York, 1953, p. 243.

⁴³ J. L. Moreno, *Who Shall Survive?*, Washington, D. C., 1934; Helen H. Jennings, *Structure of Leadership Development and Sphere of Influence*, «Socm», 1 (July—October, 1934), pp. 93—143.

и изоляция. Эта техника с успехом применялась рядом исследователей, но использование ее Зеленым в его изучении состояния духа и спаянности команд военных самолетов, вероятно, представляет собой наиболее утонченное использование этой техники в том виде, в каком она была первоначально разработана⁴⁴. Единственным примером применения этой техники за ее первоначальными пределами может быть приписано Лумису. Первые социометристы сграничивались выборами и невыборами людей, основанными на понятии «предпочитаемых связей». Лумис и другие расширили эту технику, включив действительно существующие связи (как, например, типы хождения в гости) в области конкретной деятельности, а не просто предпочтений⁴⁵. Этот упор на действительную структуру подчеркнул пользу этой техники в социологии по сравнению с более ранним упором на «терапевтический эффект».

Оценочные шкалы представляют еще один общепринятый подход к социологическим измерениям. После двадцатых годов появились бесчисленные шкалы этого типа, и они значительно способствовали увеличению социологического знания. Техника оценки основана на рабочем определении трех элементов: судей, производящих оценки, оцениваемого субъекта или субъектов и континуума, в котором они оцениваются. Однако ценность этой техники зависит от правильного выбора и установления связей между этими тремя элементами. Оценочные шкалы имели весьма разнообразные формы, из которых наиболее обычными были точечные шкалы, графические шкалы, сложные оценочные шкалы, тест «угадай, кто», проверочный лист и шкалы принудительного выбора. В качестве техники оценки они применялись к таким различным явлениям, как оценка персонала, домашнее и общественное окружение, профессии, эффективность преподавания и социальные системы. Эта техника продолжает быть ценным орудием в руках осторожных исследователей, которые контролируют используемые ими инструменты. Ее большим преимуществом является крайняя гибкость и приспособляемость к ситуациям, в которых она является первым шагом в количественной обработке.

Шкалы ранжирования весьма похожи на оценочные шкалы, за исключением одного фактора. Суждения субъекта не производятся в заранее данном континууме, служащем в качестве абсолютной шкалы, они производятся на основе сравнения самих единиц. Эти сравнения «порождают» шкалу. Техника ранжирования является основной линией в развитии шкал и непосредственно приводит к современным достижениям. Тёрстоун, заимствуя идеи из психологических тестов, был пионером развития шкал в двадцатых и трид-

⁴⁴ L. D. Zeleny, *Sociometry of Morale*, ASR, 4 (December, 1939), pp. 799—806; *Selection of Compatible Flying Partners*, AJS, 52 (March, 1944), pp. 424—431.

⁴⁵ Примеры см. у C. P. Loomis, *Studies of Rural Social Organization in the United States, Latin America and Germany*, East Lousing, 1945; *Studies in Applied and Theoretical Social Science*, East Lousing, 1950.

цатых годах⁴⁶. Его ранняя техника «парных сравнений» и «едва заметных различий» завершилась техникой «интервалов, возникающих на равных расстояниях», которая обычно называется техникой Тёрстоуна.

Эта техника стала основным видом шкалы ранжирования в тридцатых годах. Хотя она и явилась орудием, дающим замечательные результаты при определенных условиях, и была проста в применении и измерении, она тем не менее обладает некоторыми недостатками. Во-первых, ее недостатком является значительная зависимость от судей; во-вторых, усилия, затрачиваемые на построение шкалы, ограничивают ее применимость. Тёрстоун понимал трудности, связанные с его техникой; его собственные предложения по усовершенствованию привели к развитию шкал внутренней последовательности, широко применяемых социологами. Критика Тёрстоуном использования судей и разработка им понятия объективного критерия неуместности были решающими факторами, способствовавшими возникновению шкал внутренней последовательности. Основное различие между этой техникой и более ранней техникой ранжирования заключается в том, что вместо судей выступают субъекты, создающие шкалу из своих собственных реакций. В конце тридцатых годов много авторов участвовали в разработке этой техники. Среди них особенно следует отметить Мёрфи, Ликерта, Рундквиста и Слетто⁴⁷.

Хотя изучение установок было основной областью применения этой шкалы, социологи с успехом применяли ее и к другим явлениям. Одним из таких случаев было нанесение на шкалу различия в социальных ценностях. Шкала социального статуса и участия в делах коллектива Чэпина; шкала сельского социального статуса и шкала адекватности домашнего окружения Лейхи⁴⁸ являются типичными для этой линии развития. Область исследований «предсказания» также основана на идее внутренней последовательности. В своей общей форме эти исследования состоят в выборе групп для критерия, определения различий между ними и комбинации различий на шкале для предсказания поведений других групп. Шкала предсказания применялась к таким проблемам, как вероятность правонарушения, эффективность условного осуждения, поручительство, успех, счастливый брак и приспособление к профессии⁴⁹.

⁴⁶ L. L. Thurstone, Attitudes Can Be Measured, *AJS*, 33 (January, 1928), pp. 529—554.

⁴⁷ Gardner Murphy and Rensis Likert, *Public Opinion and the Individual*, New York, 1938; E. A. Rundquist and Raymond Sletto, *Personality in the Depression*, Minneapolis, 1936.

⁴⁸ Chapin, A Quantitative Scale for Rating the Home and Social Environment of Middle Class Families in an Urban Environment, *JEP*, 19 (February, 1928), pp. 99—111; William Sewell, The Construction and Standardization of a Scale for the Measurement of the Socio-Economic Status of Oklahoma Farm Families, Stillwater, 1940; Alice M. Leahy, The Measurement of Home Environment, Minneapolis, 1936.

⁴⁹ H. A. Weeks and M. G. Smith, Juvenile Delinquency and Bookend Homes in Spokane, Washington, *SF*, 18 (October, 1939), pp. 48—55;

Техника внутренней последовательности вошла в практику социологических исследований.

Шкала Гуттмана и другие достижения. Следующим значительным этапом в разработке измерений было возникновение в сороковых годах «шкалограммного анализа». Гуттман был теоретиком этой техники, и возникшие шкалы названы его именем. Одним из основных критических замечаний о технике внутренней последовательности было то, что построенные шкалы были многомерными и, следовательно, давали только приблизительное измерение факторов, которые они были предназначены измерять. Поэтому Гуттман создал технику, при помощи которой можно было определить «одномерность», а отсюда и «возможность нанесения на шкалу» (scalability). Понятие «одномерной вселенной, поддающееся нанесению на шкалу», привело к значительно более точному измерению явного поведения⁵⁰. Предположения Гуттмана формалистичны и учитывают и слабые и сильные стороны более ранних шкал Тёрстоуна. Эта техника не пытается заранее вынести суждение, строя шкалу на основе содержания. Наоборот, шкала — это функция ее «воспроизводимости». Анкета об установках, например, является шкалой, если вопросы расположены так, что ответы группы людей могут быть реконструированы, исходя из их ранга. Это означает, что имеется только одна-единственная комбинация ответов для каждого ранга, следовательно, тип ответов того или иного лица определяется его рангом. Другими словами, лица с одинаковыми показателями на шкале дают тот же самый тип ответов на все вопросы шкалы. Если вопросы не дают высокую степень воспроизводимости этого типа, считается, что вопросы являются многомерными и не могут быть организованы в шкалу согласно технике Гуттмана.

Техника Гуттмана широко применялась при изучении установок во время и после второй мировой войны, и она постепенно все шире применяется к более общим социологическим проблемам. Например, Уоллин применял шкалу Гуттмана для измерения добрососедских отношений между женщинами, Шмид пользовался ею для установления типов экологических моделей, а Шюсслер и Штраус — для анализа создания понятий у детей. Более того, Райли и его сотрудники недавно описали способы, при помощи которых шкала Гуттмана может применяться к целому ряду теоретических проблем, например к таким общеизвестным социологическим понятиям, как статус, согласие и межличное общение⁵¹. Кроме того,

G. B. Vold, *Prediction Methods* and Pavole, Hanover, N. H., 1931, E. D. Monachesi, *Prediction Factors in Probation*, Hanover, N. H., 1932, E. W. Burgess and L. S. Cottrell, *Predicting Success or Failure in Marriage*, New York, 1939; E. L. Thorndike et al., *Prediction of Vocational Success*, New York, 1934.

⁵⁰ См. детальное описание: Stouffer et al., op. cit., особенно гл. 2—11, написанные Луи Гуттманом и Е. А. Зухманом.

⁵¹ Paul Wallin, *A Guttman Scale for Measuring Women's Neighbourliness*, *AJS*, 59 (November, 1953), pp. 243—246; C. B. Schmid, *General-*

эти авторы пытались применить ее к коллективным данным, относящимся к моделям действий и социальных структур. В качестве своей основной заслуги они рассматривают то, что им удалось доказать: анализ шкал может использоваться для организации групп или объектов группового действия в одномерном континууме. Теперь достаточно ясно, что технике Гуттмана суждено стать важным орудием исследования в социологии.

Другим достижением сороковых годов была обобщенная теория латентной структуры Лазарсфельда, которая рассматривает шкалу Гуттмана как частный случай⁸². Хотя она и является слишком новой и недостаточно испытанной для того, чтобы ее можно было оценить в качестве орудия исследования, весьма вероятно, что в течение будущих лет она будет испытана и применена. Она не только является вызовом традиционным приемам нанесения на шкалу установок, но она заключает в себе также возможность более широкого применения в эмпирических исследованиях будущего. В противовес шкале Гуттмана она не отходит от анализа факторов, а скорее является техникой обработки количественных данных в виде факторов. Она основана на понятии структуры латентных установок, которая при известных условиях может быть получена из явных данных. Эта техника, по-видимому, не противоречит приемам Тёрстоуна и Гуттмана, а является дополнительным орудием анализа.

Экспериментальная процедура

Экспериментальная процедура обычно считается решающей для индуктивной основы науки. Понятие экспериментальной процедуры, однако, применялось весьма неточно в социологии. В двадцатых и тридцатых годах весьма часто делались оптимистические заявления относительно применения эксперимента к социальным данным. Упоминания о «социологической лаборатории» были обычными. Даже сегодня термин часто применяется к эмпирическим исследованиям, к которым он, ясно, не подходит, если исходить из действительно применяемой процедуры. Все больше и больше, однако, социологи встречаются с тем фактом, что человеческое поведение большей частью не поддается тому виду контроля, который является специфичным для экспериментальной процедуры. Это не значит, что социологи утратили веру в *логику* эксперимента; наоборот, они утверждают, что она так же важна в общественных науках как и в естественных. Социологи просто признали, что *непосредственный* контроль, сопутствующий этой логике в естественных науках, отсутствует в социологии. Современное направление принимает эксперимент в качестве *модели* для планирования

sations Concerning the Ecology of the American City, ASR, 15 (April, 1950), pp. 264—284; Karl Schulz and Anselm Strauss, A Study of Concept Learning by Scale Analysis, ASR, 15 (December, 1950), pp. 752—762; Riley et al., loc. cit.

⁸² См. Stouffer et al., op. cit., vol. 4.

исследования; основной проблемой стало согласование процедур наблюдения и собирания фактов с *планом* эксперимента.

Короче говоря, методологическая основа эксперимента состоит в способности изолировать ряд факторов или оградить их от внешнего влияния. Эти факторы являются потенциальными непостоянными внутри определенных «границ» эксперимента. Затем производится решающее изменение в отношении одной переменной, в то время как все остальные потенциальные переменные рассматриваются как постоянные, после чего отмечаются различия в конечном результате. Научная традиция предписывает, что изменение результатов вызывается изменением, происшедшим в переменной. На протяжении всего этого метода ясно виден непосредственный *манипуляционный* контроль, являющийся прототипом экспериментального метода.

В отношении этого прототипа для социолога открыты два пути. Один заключается в попытке применить этот метод в «искусственных» ситуациях. Другой заключается в принятии логики эксперимента, как модели планирования исследования и контроля при помощи наблюдения и статистики вместо непосредственной манипуляции. Социолог следует тому и другому пути, хотя, по-видимому, второй обладает значительно большим значением для будущего.

Со времени первой мировой войны было произведено значительное количество разнообразных исследований под названием «экспериментальных». Они отражают различную степень компетентности, строгости, изобретательности, эффективности и контроля⁶³. Вот наиболее известные примеры этих исследований. В 1920 году Ф. Г. Оллпорт изучал влияние группы на различные виды умственной деятельности. В 1927 году Госнелл исследовал причины неучастия в выборах; в том же самом году Гиллис изучал результат двух различных методов преподавания гигиены. В 1933 году Майо использовал предварительное сообщение при исследовании влияния различных приемов оплаты и физических и социальных факторов на производительность рабочих на заводе «Уэстерн электрик» в Хауторне. Додд в 1934 году проводил эксперимент, сравнивая повседневную гигиену в арабских селах. Ньустетер изучал характер приспособления в группе у подростков в лагере мальчиков в 1937 году. В 1938 году Менефи изучал на студентах эффект типичной пропаганды в пользу и против забастовок. «Эксперименты» организации Групповой динамики под руководством Левина и Липпитта также были предприняты в тридцатых годах в Айове, затем перенесены в Мичиганский технологический институт и в настоящее время проводятся в Мичигане. Вероятно, более известными являются их исследования воздействия «автократической» и «демократической» атмосферы на поведение. В 1940 году появилось сообщение об одном

⁶³ Резюме ряда этих работ см.: Chapin, *Experimental Design in Sociological Research*, New York, 1947, а также Ernest Greenwood, *Experimental Sociology*, New York, 1945.

из наиболее типичных исследований Чэпина относительно гипотезы о том, что переселение семей из трущоб в муниципальные дома приводит к улучшению их общественной жизни⁵⁴.

Эти несколько примеров показывают, что работа, проводимая социологами со времени первой мировой войны, тесно связана с понятием эксперимента. Однако «эксперимент» не способствовал тому, чтобы значительная часть работы, проведенная в прошлом, выгодно отличалась от большинства повседневной работы в других науках. Это отнюдь не преуменьшает работу, проведенную, например, в «лабораториях» Гарварда и Мичигана. Это просто указывает на то, что, несмотря на чрезмерные претензии некоторых энтузиастов эксперимента, в известных отношениях его применение в социологии строго ограничено. Несомненно, большинство важных социальных ситуаций не могут быть «созданы» и построены по желанию социолога, вследствие чего этой попытке суждено остаться одним из вспомогательных приемов социологии.

Логика эксперимента. С другой стороны, ничто не мешает социологу заимствовать логику эксперимента и применять ее к любой проблеме, которую он изучает. За последние годы социологи начали понимать логику эксперимента *в ее применении в социологии*, а не просто ее формальный характер. Обзор современного положения в отношении эксперимента был дан Одумом и Йохер в 1929 году, а в 1931 году Брирли опубликовал свой обзор⁵⁵. Эти обзоры показывают как различие, так и неясность взглядов на эксперимент, которые господствовали в этой области в тот период. С того времени, однако, логика эксперимента спустилась на землю и, таким образом, большее значение приобрела процедура. Повидимому, различные факторы сыграли роль в этом развитии. Первым фактором была эмпирическая работа, которая проводилась в тех случаях, когда пытались приблизиться к экспериментальной модели, как в случае вышеуказанных примеров; вторым — постоянный анализ этих попыток, приведших к накоплению опыта; без

⁵⁴ F. H. Allport, *The Influence of the Group upon Association and Thought*, «Journal of Experimental Psychology», 3 (June, 1920), pp. 159—182; Harold Gosnell, *Getting Out the Vote*, Chicago, 1924; Gillis, *An Experimental Study of the Development and Measurement of Health Practices of Elementary School Children*, JES, 1 (November, 1927), pp. 164—165; Etton Mayo, *The Human Problems of an Industrial Civilization*, New York, 1933; S. A. Dodd, *A Controlled Experiment on Rural Hygiene in Syria*, New York, 1934; W. I. Newstetter, *An Experiment in the Defining and Measuring of Group Adjustment*, ASR, 2 (April, 1937), pp. 230—236; Selden Menefee, *An Experimental Study of Strike Propaganda*, SF, 16 (May, 1938), pp. 754—782; Ronald Lippitt, *Field Theory and Experiment in Social Psychology*, Autocrati and Democratic Group Atmospheres, AJS, 45 (July, 1939), pp. 26—49; F. S. Chapin, *An Experiment on the Social Effects of Good Housing*, ASR, 5 (December, 1940), pp. 868—879.

⁵⁵ H. W. Odum and Katharine Jocher, *Introduction to Social Research*, New York, 1929, pp. 260—283; H. C. Brearly, *Experimental Sociology in the United States*, SF, 10 (December, 1931), pp. 196—199.

сомнения, Чэпин был лидером этого направления в течение многих лет, хотя ему и оказал значительную помощь Гринвуд в 1945 году⁵⁶. Третий фактор состоял в заимствовании европейской методологии (особенно немецкой) с ее подчеркиванием концептуального аппарата, что обогатило методологию американских социологов. И, наконец, четвертым — развитие теории и практики статистики, что обещало больший контроль над данными, и пятым — все растущее внимание к планированию исследования и неизбежное признание того факта, что логика эксперимента пронизывает любое научное исследование и, следовательно, является имплицитной в наиболее плодотворном использовании всех процедур социологом⁵⁷.

Все эти факторы постепенно привели к пониманию того, что логика экспериментальной процедуры для социолога так же важна, как и для тех ученых, которым посчастливилось в том отношении, что они могут непосредственно контролировать и манипулировать своими данными. Логика экспериментальной процедуры является логикой применения статистических, типологических, выборочных и исторических процедур для объяснения. Использование этих процедур для предсказания требует, чтобы их можно было подвергнуть проверке в эмпирических условиях. Это означает, что необходимо производить сравнение в духе эмпирической логики. Тот факт, что большинство этих сравнений по необходимости относится к «естественным» событиям, которые не могут быть вызваны «по желанию», служит препятствием для социолога, но это не лишает его возможности дать научное объяснение.

Как заметил Стауффер в 1950 году: «...центр нашей проблемы лежит в *предварительном* планировании исследования так, чтобы данные не могли подвергаться десятку различных интерпретаций... В основном, я думаю, важно, чтобы мы всегда имели в виду образец контролируемого эксперимента, даже если на практике нам и придется отклониться от идеального образца»⁵⁸.

Типологическая процедура

Процедура конструированных типов играет важную роль во всех науках, хотя она и не всегда открыто признается, строго применяется или правильно истолковывается. Разъяснение «формы» процедуры конструктивной типологии — заслуга социологии, или, конкретнее, ряда выдающихся немецких социологов конца XIX — начала XX столетия, несмотря на то, что сама процедура так же стара, как и наука.

В Соединенных Штатах Америки под влиянием немцев эта процедура впервые была применена под руководством Парка в Чикаго-

⁵⁶ Chapin, *Experimental Design in Sociological Research*; Greenwood, loc. cit.

⁵⁷ См. краткое, сжатое и все же убедительное изложение этой новой точки зрения: R. G. Francis, *Principles of Experimentation*, in J. T. Doby (ed.), *An Introduction to Social Research*, Harrisburg, 1954, pp. 101—122.

⁵⁸ Stauffer, *Some Observations on Study Design*, *AJS*, 55 (January, 1950), pp. 355—361.

ском университете; в конце двадцатых и начале тридцатых годов там было опубликовано несколько превосходных типологических диссертаций. Хьюз и Редфилд продолжили эту традицию в Чикаго, хотя преемственность сохранялась прежде всего под влиянием Беккера в Висконсинском университете. Типологическая процедура в своей наиболее полной форме теперь применяется гораздо шире, чем раньше, и производится гораздо больше компетентных типологических исследований.

Конструктивная типология может быть отождествлена с методологией, поскольку она представляет собой способ обработки и упорядочения данных в любой важной области. Если судить по наиболее успешным попыткам применения типологической процедуры в исследовании, то покажется, что конструированный тип — это целенаправленный плановый выбор, абстракция, комбинация и подчеркивание ряда критериев, имеющих эмпирические референты, которые служат основой для сравнения эмпирических случаев⁵⁹.

Вышеуказанное определение показывает, что конструированный тип — это понятие, в значительной степени определяемое выбором и творческой деятельностью ученого. Основное различие, однако, между ним и другими понятиями заключается в том, что его ценность, как одного из компонентов знания, определяется не точностью его соответствия воспринимаемой реальности, а его *способностью объяснить ее*. Конструированный тип выполняет научную функцию «систематизации» конкретных данных так, что опыт, приобретенный из одного случая, несмотря на его единичность, *может с известной степенью вероятности вскрыть то, что можно ожидать в других случаях*⁶⁰.

Конструированный тип является, следовательно, эвристическим приемом. Это — абстракция, предназначенная для устранения мелочей и для достижения структурного порядка наблюдений, которые легче поддаются формулировкам и проверке. Таким образом, конструированный тип есть средство сведения различий и сложности явлений к единому общему уровню. Он не описывает конкретную структуру или действие. Абстракция отходит от воспринимаемой реальности, поскольку она часто подчеркивает до логической крайности какой-нибудь атрибут или группу атрибутов, важных для проблемы или системы анализа.

Конструированный тип представляет собой созданную систему атрибутов (характерных черт, критериев, свойств, элементов, аспектов и т. д.), *полезную как основа* для понимания эмпирических объектов и явлений. Это конструкция, составленная из абстрагированных элементов, образующих единую концептуальную модель, в которой может подчеркиваться один или несколько аспектов кон-

⁵⁹ См. подробное изложение: J. C. McKinney, *Constructive Typology and Social Research*, in *Doby*, op. cit.

⁶⁰ См. Becker, op. cit., pp. 97, 261—262 — о вероятностной «логике» в том виде, как она изложена здесь.

кретной реальности. Элементы этого типа имеют действительные эмпирические референты или их по крайней мере можно закономерно вывести из существующих данных. Как логический прием, этот тип не претендует на эмпирическую достоверность в том смысле, чтобы сохранить неповторимые аспекты эмпирического мира. Конструированный тип, как концептуальный прием, представляет собой попытку продвинуть образование понятий социологии от описания и строго «эмпирического» обобщения к построению теоретических систем.

Конструированный тип и социологическая теория. Конструированный тип — это особый тип понятия, поскольку в нем сознательно подчеркиваются и выражаются *границы* данного случая. Более того, он является специальным, поскольку состоит из ряда атрибутов, в котором в эвристических целях *отношения между атрибутами считаются постоянными*. Следовательно, конструированный тип сам по себе — это система, он имеет характер *теоретической модели*. В качестве таковой этот тип выступает как *объяснительная схема* и как имплицитная теория. Выведение этой теории приводит к эксплицитному выражению гипотез относительно этого типа. Однако каковы будут эти гипотезы, определяется структурой самого типа, ибо тип является в действительности гипотетической моделью действия, процесса, структуры, сущности и т. д. Когда пользуются конструированным типом, то говорят, что он есть *ожидаемое* поведение «секты», «клана», «члена профсоюза», «ученых», «падающего тела» или того, что изучается. Но в действительности происходит нечто другое. Какие же факторы мешают этому? Вот вопрос, на который нужно ответить, прежде чем можно будет говорить о том, что существует эмпирическое объяснение.

Ответ на этот вопрос влечет за собой рассмотрение эмпирических случаев или сравнения с типом в качестве модели. Хотя рассмотрение эмпирических случаев дает всегда только «приближение» или «отклонение» от конструированного типа, важно, чтобы сам тип был сформулирован на основе эмпирических доказательств. Атрибуты сознательно выбирают на основе эмпирических доказательств, и создается модель, которая, как надеется исследователь, будет служить *важной основой для сравнения*. При такой формулировке этот тип подразумевает объяснительную и предсказательную схему. Например, понятие «разумный человек» предполагает приспособление средств к целям. Если принять определенные цели и нормы как «данное», то проверкой разумности будет адекватность выбора доступных средств и их приспособления для достижения цели. Разумеется, ни один «реальный» человек не является разумным во всех аспектах своего поведения, и все же его поведение может быть понято в терминах разумной модели. Когда человек рассматривается, как «разумный человек», он только частично отвечает *ожиданию*. Сравнение степени, в какой реальный человек отвечает ожиданию, тем не менее служит основой для объяснения «различий» в их поведении.

Далее, любой тип, такой, как «феодалная система», «провербиальное общество», или «ученый», на основе своих критериев будет подразумевать схему предсказания. Феодалное поведение будет различным в той или иной конкретной ситуации, и все же, несмотря на эти различия, имеется «феодалное ожидание», отличающееся от всякого другого ожидания, которое помогает понять вариации внутри модели. Подобным же образом ожидание действий и характера отношений в «провербиальном обществе» отличается от ожиданий в любом другом типе общества. «Ученого» в университетах нельзя обнаружить, и тем не менее именно предсказательная схема «ученого» делает понятными эмпирические приближения (реально существующие профессора). В общем конструированный тип — это *модель*, и в качестве таковой он проливает свет на действительно существующие структуры, или виды, поведения. Этот тип концентрируется на *единообразии*, и только благодаря понятию единообразия мы можем понять вариации или отклонения. Естественно, любая вариация или отклонение должно быть вариацией или отклонением *от чего-то*. Для отождествления этого чего-то необходимо определить единообразие, представляемое типом.

Вышеизложенная трактовка типологии представляет современное логическое положение метода в этой области. Указанный метод достиг этого ясного положения благодаря упорной эмпирической и теоретической работе небольшой, но активной группы социологов. Все эти работники, конечно, в огромной степени обязаны Максус Веберу, который выполнил основную задачу определения процедуры в Германии в период, предшествующий первой мировой войне. В Соединенных Штатах Америки Беккер сыграл, несомненно, важную роль в развитии логического характера типа, а также в доказательстве его эмпирической полезности. Проследивая его работы, начатые в 1932 году, включая те части работы «Систематическая социология» («Systematic Sociology»), которые написаны непосредственно им, можно лучше всего понять развитие данной процедуры⁶¹. В отношении развития типологии за последние двадцать пять лет необходимо также упомянуть теоретическую работу Абеля, Гуда, Колба, Лазарсфельда, Лумиса, Маккинни, Парсонса. Редфильда, Роуза, Сорокина и Уинча⁶².

⁶¹ Becker, op. cit.; см. библиографию данного тома, основные ссылки на Беккера.

⁶² Theodore Abel, Systematic Sociology in Germany, New York, 1929; W. J. Goode, A Note on the Ideal Type, ASR, 12 (August, 1947), pp. 473—474; W. L. Kolb, The Peasant in Revolution: A Study in Constructive Typology (unpublished Ph. D. dissertation, University of Wisconsin, 1943); C. P. Loomis, The Nature of Rural Social Systems: A Typological Analysis, RS, 15 (June, 1950), pp. 156—174; Paul Lazarsfeld, Some Remarks on the Typological Procedures in Social Research, «Zeitschrift für Sozialforschung», 6 (1937), pp. 119—139; Parsons, The Structure of Social Action, особенно гл. 14—17; Sorokin, Social and Cultural Dynamics; Arnold Rose, A Deductive Ideal-Type Method, AJS, 56 (July, 1950), pp. 35—42; R. F. Winch, Heuristic and Empirical Typologies, ASR, 12 (February, 1947), pp. 68—75; Robert Redfield, The Folk

Имеется также значительный рост эффективной эмпирической адаптации типологии. Хьюз изучал отношение типов личности к священному и светскому аспектам разделения труда; Хиллер изучал «забастовочный цикл», в его проявлении в «моделях»; Редфилд ввел народно-городской континуум, как основу для изучения эмпирических культур; Шмид тщательно изучал юношеское движение в Германии; Беккер анализировал это движение и проследил, как оно в конечном счете было развращено гитлеризмом; Форман сообщал об образе жизни негров на Юге; Йингер анализировал социологическое значение религии в борьбе за власть; Полина Янг изучала секуляризацию, сопровождавшую окультуривание группы русских крестьян в Лос-Анжелесе; Колб — роль крестьян в революции; Мюрвар — кочевников пастухов, превратившихся в торговцев и политиков; Эйстер исследовал факторы, способствующие и поддерживающие движение Морального перевооружения; Лумис начал работать по типизации и сравнению «социальных систем», а также внес свой вклад в количественную обработку типологии⁶³.

Историческая процедура

Американская социология в общем подходила к изучению общества *антиисторически*. Она интересовалась областью «современных» событий. Этот факт является одним из наилучших отдельных показателей «культуроведческого» состояния любой исследовательской дисциплины. Американское общество само в основном антиисторическое по своим взглядам и, следовательно, безразлично относится к «мертвому прошлому». Быстрые переходы к жизни в условиях американского общества, а также резкий разрыв между ними и «старой родиной» породили безразличие к культуре или даже бессознательное отрицание исторической преемственности. Конечно, этому способствовали и многие другие факторы, но, несомненно, остается правильным, что большинство американских социологов антиисторичны и проявляют мало интереса к исторической перспективе.

Culture of Yucatan, Chicago, 1941; M c K i n n e y, The Role of Constructive Typology in Scientific Sociological Analysis, SF, 28 (March, 1950), pp. 235—240; Constructive Typology and Social Research in D o b y et al., *op. cit.*

⁶³ E. C. Hughes, Personality Types and the Division of Labour, *AJS*, 33 (March, 1928), pp. 754—768; E. T. Hiller, The Strike Cycle, Chicago, 1928; Robert Redfield, Tepetzlan: A Mexican Village, Chicago, 1930; The Folk Culture of Yucatan, Chicago, 1941; Robert Schmidt, German Youth Movements; A Typological Study (unpublished Ph. D. dissertation, University of Wisconsin, 1941); Howard, Becker, German Youth, Bond or Free, New York, 1946; P. B. Foreman, Negro Lifeways in the Rural South: A Typological Approach to Social Differentiation, *ASR*, 13 (August, 1948); Milton Yinger, Religion in the Struggle for Power, Durham, N. C., 1946; Pauline V. Young, Pilgrims of Russian Town, Chicago, 1932; Kolb, The Peasant in Revolution, *loc. cit.*, Vatro Murvar, The Balkan Vlachs: A Typological Study (unpublished Ph. D. dissertation, University of Wisconsin, 1956); A. W. Eister, Drawing-Room Conversion: A Sociological Account of the Oxford Group Movement, Durham, N. C. 1950, Loomis and Beegle, Rural Social Systems.

Социологи начала нашего столетия почти не касались исторических факторов в своих «широкомасштабных» классификациях. Социологи в период после первой мировой войны, подвергавшиеся сильному давлению достижений в экологии, демографии, изучении установок, опросе общественного мнения, статистическом методе, изучении выборочных случаев, социогграфии и прикладной социологии, едва ли имели время, не говоря уже о желании, исследовать историческую преемственность. Методы, которым они в *первую очередь* следовали, были методами, наиболее удобными для обозрения современных условий.

Ясно, что исследовательские задачи социологии и истории не похожи друг на друга как *дисциплины*, ибо их процедура соответствует целям исследования. Тем не менее, поскольку в определенном смысле все данные являются историческими, данные истории и социологии одни и те же. Логическая разница между дисциплинами заключается в том, что они делают с этими данными. Задача социолога — обобщение, задача историка — индивидуализация. Обе задачи вполне законны, и они скорее дополняют, а не противоречат друг другу.

Можно считать, что все объекты или события неповторимы во времени и пространстве. Ни один социолог не будет оспаривать эту точку зрения. Это положение не обязательно означает, что объекты или события являются *только* временными и что их можно познать *только* в своей неповторимости при ясном обозначении их временных и пространственных показателей. Наоборот, когда применяют понятия «идентичного», «повторяющегося» и «типичного», это становится возможным. Для идиографического историка история есть структура событий, а события можно рассматривать не только хронологически и индивидуально, но и как серию отношений, обладающую обязательными и достаточными антецедентами консеквентов. Такие условия и консеквенты могут быть подведены под категории и типы, а связанные с этим отношения — абстрактно выражены как общие отношения. Именно в этом и состоит различие между *перспективами* у историка и у социолога.

Историческая перспектива и технические приемы. Историк занимается процессами и структурами, неповторимыми в пространстве-времени, следовательно, он не мыслит их повторимыми, в то время как социолог держится противоположного взгляда. Социолог занимается повторяющимися и постоянными факторами или закономерностями человеческого общества. Например, задачей социолога может быть описание повторяющихся аспектов, связанных с процессом «урбанизации». Задачей же историка будет определение конкретного направления, которому следует эта урбанизация в определенном месте и в определенное время. Иначе говоря, социолог пытается выделить из явления то, что является «общим», в то время как историк пытается вскрыть важные «частности» одной из сторон данного явления. Разница между социологией и историей заключается не в данных, а в *перспективах, проблемах и технике*. При

этом для социолога вполне законно и даже необходимо интересоваться данными несомненно исторического характера. История не только дело историка, она также весьма важна и для социолога, ибо дает ему богатство материала, который должен быть объяснен в его «общих» формулировках.

Для социолога было бы нелогичным отказываться от обращения к данным только потому, что они считаются «историческими». Если его формулировки действительно общи, они должны выдержать испытание временем, и их «общность» заключается в учете не только «пространственных», но также и «временных» показателей. Для того чтобы вскрыть процессы и структуры, являющиеся не только «неповторимыми», необходимо рассматривать их в свете исторических данных. Идиографические данные, получаемые историком, и данные, получаемые описывающим (идиографическим) статистиком, обладают *той же самой функцией* для социолога. Это — *материалы*, которые надо расположить в *научной перспективе*.

Как же тогда относится историческая процедура к социологии? Ответ зависит от того, что считается процессами исторического метода. Готтшальк сообщает, что имеется поразительное единодушие между авторами, пишущими об историческом методе, в отношении этих процессов. Обычно считается, указывает он, что историческая процедура состоит в «...(1) собирании вероятных источников информации; (2) установлении истинности этих источников (полностью или частично) и (3) анализе источников или части источников, несомненность которых доказана в отношении их достоверных частных»⁶⁴. Таким способом любой полученный синтез или формулирование частных является *историографией*, в отношении которой существуют значительные разногласия. Это, однако, не имеет значения для социолога, ибо он заинтересован не в историографии, а в процедуре. Историография отражает перспективу, проблемы и исследовательские цели историка, в то время как процедура, определенная нами выше, является общей и может оказаться полезной для любой научной дисциплины.

Материалы, полученные при помощи этой процедуры, не привлекли особого внимания большинства социологов, но некоторые из них заинтересовались ими. Материалы состоят из хроник, анналов, биографий, мемуаров, дневников, генеалогий, надписей официальных документов, донесений, писем, публичных сообщений, деловых документов, газет, рассказов путешественников, народных сказок, анекдотов, баллад, картин, скульптур, архитектуры, языка, артефактов, орудий и литературы. В Америке широко распространено убеждение, что такие материалы «менее достоверны», чем материалы, собранные интервьюером, ходящим от дома к дому с расписанием в руке, механическим «регистрационным взаимодействием» или даже «наблюдателем-участником», который может близко по-

⁶⁴ Louis Gottschalk, Clyde Kluckhohn and R. C. Angell, *The Use of Personal Documents in History, Anthropology and Sociology*, New York, 1945, p. 10.

дойти к своим данным. В течение многих лет несколько социологов упорно отрицали это убеждение. Именно эти несколько лиц сохранили продуктивность исторической процедуры в социологии, хотя следует отметить, что *многие* исследования иногда обращаются к истории или используют ее имплицитно как часть исследования.

Примеры использования исторических материалов социологами. Среди американских социологов, которые интересовались методологическими выводами из исторической процедуры, Беккер был наиболее последовательным. За последние двадцать пять лет можно найти упоминание об этом в его различных трудах, а основные положения могут быть найдены в его книге «Через ценности к социальной интерпретации» («Through Values to Social Interpretation»), опубликованной в 1950 году. Элиот, писавший в 1922 году, внес несколько конкретных предложений в отношении использования исторических материалов в социологии и сделал несколько метких критических замечаний по поводу социологической практики. Герцлер внес предложение в отношении использования истории социологами в 1925 году⁶⁵. Ф. С. Теггарт в книгах «Процессы истории» («Processes of History») (1918) и «Теория истории» («Theory of History») (1925) сделал значительный вклад в методологию, которым в основном социологи пренебрегали. Его работа «Рим и Китай» («Rome and China») (1939) представляет собой интересную попытку изучения корреляции исторических событий. Несколько книг по социальным исследованиям (см., например, книгу Одума и Йохера, Элмера, Полины Янг и Ги) содержат главы об историческом методе, хотя эти главы едва ли полноценны.

В отношении основного вклада, внесенного историческим методом, возможно, грубо говоря, различить два уровня: работы «широкого масштаба» и работы, ограниченные более узкими явлениями. Сорокин, несомненно, — один из ведущих представителей этого направления в Америке⁶⁶. Он обработал действительно поражающее количество материалов, устанавливая циклы, периодичность и типы. Различные работы Барнса также можно отнести к широкомасштабным⁶⁷. Мак-Леод проделал большую работу, выводя основные формы политического общества из примитивных племен в работе «Происхождение и история политики» («Origin and History of Politics»). Работы «Культурное изменение» («Cultural Change») Чэпина и «Культурная эволюция» («Cultural Evolution») Эллвуда представляют собой попытку проследить развитие некоторых фаз культуры и ведущих социальных институтов. Несколько более узкими

⁶⁵ T. D. Eliot, *The Use of History for Research in Theoretical Sociology*, *AJS*, 27 (March, 1922), pp. 628—636; J. O. H e t z l e r, *The Sociological Uses of History*, там же, 31 (September, 1925), pp. 173—198.

⁶⁶ Наиболее выдающимся из его многочисленных трудов является «Social and Cultural Dynamics».

⁶⁷ Барнс был весьма плодовитым писателем. Его наиболее выдающаяся работа написана, вероятно, в сотрудничестве с Беккером: «Social Thought from Lore to Science», 1st ed., 1938; 2nd ed., with numerous additions by Becker, New York, 1952.

являются работа «Исследование войны» («Study of War») Райта и исследование семьи Циммерманом в работе «Семья и цивилизация» («Family and Civilization»), а также исследование социальной психологии Гертном и Миллзом в их работе «Характер и социальная структура» («Character and Social Structure»).

Другие социологи пользовались историческими материалами гораздо более ограниченно. Ниже даны наиболее типичные примеры. Изучение окультуривания групп иммигрантов в книге «Пилигримы русского города» («Pilgrims of Russian Town») Янг проведено почти в классическом экспериментальном плане «до-и-после». Беккеровское исследование движения молодежи в Германии в работе «Немецкая молодежь: связанная или свободная» («German Youth: Bond or Free») свидетельствует о его способности включить движение «малых групп» в более широкую сеть событий. «Религия и борьба за власть» («Religion in the Struggle for Power») Йингера также следует этой традиции. Элиот в изучении истории пограничных районов установила исторические корни непочтения к официальному законодательному контролю нашей культуры. Слоткин изучал развитие джаза как конкретный случай окультуривания. Кресси провел изучение китайского влияния в европейской культуре как пример диффузии. Мур и Уильямс исследовали стратификацию на старом Юге и таким образом внесли свой вклад в сравнительный анализ. Фрэйджер широко пользовался документами прошлого, для того чтобы пролить свет на современное положение негров⁶⁸.

Эти несколько примеров показывают, что, несмотря на свою подчиненную роль в прошлом американской социологии, историческая процедура сохранилась благодаря своей полезности. Ретроспективное или *ex post facto* объяснение может оказаться менее достоверным, чем перспективное объяснение, тем не менее оно остается важной частью работы социолога.

Процедура выборочных случаев

В двадцатых годах сторонники «изучения выборочных случаев» и сторонники «статистического метода» вступили в яростный спор. В наши дни спор в основном угас и обе процедуры остаются в ходу. Это можно считать доказательством того, что обе они были сочтены исследователями социологии «полезными» и с известным успехом включены в общий социологический подход.

Изучение выборочных случаев — это способ организации общественных данных с целью сохранить единый характер того, что

⁶⁸ Mabel A. Elliot, *Crime and the Frontier Mores*, ASR, 9 (April, 1944), pp. 185—192; J. S. Slotkin, *Jazz and its Forerunners as an Example of Acculturation*, там же, 8 (October, 1943), pp. 570—575; Paul Cressey, *Chinese Traits in European Civilization: A Study in Diffusion*, там же, 10 (October, 1945), pp. 594—604; W. E. Moore and R. M. Williams, *Stratification in the Anti-Bellum South*, там же, 7 (June, 1942), pp. 343—351; E. Franklin Frazier, *The Negro in the United States*, New York, 1949.

изучается, при этом просто выбирается социально определенный объект или действие и его трактуют как *целое*. Это целое составляет единицу, которая может быть на любом уровне или в основе любой абстракции. Случай может быть лицом, эпизодом в личной жизни, группой, рядом конкретных отношений, специфическим процессом, культурой общества, короче говоря, любым аспектом эмпирической реальности, определяемым как единица. Задачей изучения случая является описание единицы или случая в терминах наблюдаемых частных. Это влечет за собой тщательное рассмотрение специфических факторов данного случая.

Целостность, или единый характер, приписываемый случаю, является *конструктом*. Объекты действия могут и не иметь конкретных границ; налагаемые границы отражают взгляды и теоретический интерес наблюдателя. Например, границы определяющие индивидуума, могут «раствориться», когда его наблюдаешь с точки зрения группы. В свою очередь границы, определяющие группу, могут раствориться, когда понятия вычлняются в терминах более крупной структуры. Таким образом, все единицы являются конструктами, ограниченными в прагматических целях. Любая единица, которая была абстрагирована, может рассматриваться и описываться в своей неповторимости.

Любая абстрагированная единица ограничена пространством и временем, она обладает своим собственным историческим развитием и является неповторимой конфигурацией; ее можно описать как случай благодаря неопределенному количеству фактов, полученных из документов, биографий, от индивидуума, от членов группы, от наблюдателя-участника, а также благодаря использованию различных технических приемов, доступных социологу. Однако эти факты представляют собой только *описание*. Факты не являются *объяснением* в научном смысле, они ждут своей дальнейшей обработки.

Противоречивое использование изучения отдельных случаев. Среди социологов имеется значительное разногласие в отношении логической роли и ценности для исследования изучения отдельных случаев. Сторонники аналитической индукции вслед за Знанецким утверждают, что глубокое изучение случаев при соответствующей модификации гипотезы и ограничении вселенной дает ценное научное обобщение. К исследованиям, следующим этому направлению, относятся: изучение Анджеллом семьи в период депрессии, изучение причин преступности Сатерленда, изучение Линдсмитом наркоманов и анализ растрат рессе⁶⁹

Сторонники конструктивной типологии, возглавляемые Беккером, утверждают, что тщательное изучение отдельных случаев является важным предварительным условием для индуктивного установления типов, имеющего всеобщее применение и поддающегося теоретическому предсказанию. Наиболее полное теоретическое

⁶⁹ Для справок см. сноску 16.

изложение этой позиции находится в работе «Через ценности к социальной интерпретации» («Through Values to Social Interpretation») Беккера. Исследования, подпадающие под эту категорию, включают сравнительное изучение социальных систем Лумиса, исследования Беккером движения молодежи в Германии и его анализ беспомощного немецкого интеллигента, анализ революций Эдвардсом, проведенное Редфилдом исследование народного общества, изучение Колбом роли крестьянина в революции, работа Мюрвара о балканских кочевниках и исследование Минтцом сельских пролетарских общин в Латинской Америке⁷⁰.

Те социологи, которые отождествляли себя с идиографической традицией, утверждают, что полное описание любого случая является само по себе ценным знанием и не требует номотетического оправдания. В двадцатых годах многие из исследований, проведенных Чикагским университетом, и большинство исследований коллективов, особенно те, которые были проведены сельскими социологами, относятся к этой традиции. Типичные примеры идиографического изучения отдельных случаев включают исследование Хили патологического воровства со стороны детей, изучение Андерсоном бродяг, исследование секты джек-роллеров, осуществленное Шоу, и изучение общины Плэйнвилла Уэстом⁷¹.

Социологи, склоняющиеся к количественным методам, утверждают, что основной функцией изучения отдельных случаев является отыскание намеков, догадок и ключей. Эти сторонники индукции путем простого перечисления утверждают, что случаи не могут привести к ценным обобщениям, пока они не подверглись обоснованной процедуре выборки, определяющей вселенную, которую они представляют. Типичным примером этого может служить позиция Лундберга⁷².

Ряд социологов занимались логическими границами и применением процедуры изучения случаев, а также связи этой процедуры с другими методами. Особенно важный вклад был внесен Анджеллом, Беккером, Бёрджессом, Доллардом, Стауффером и Лазарсфельдом, а также Томасом и Знанецким⁷³.

⁷⁰ Loomis and Beegle, *Rural Social Systems*; Becker, *German Youth: Bond or Free; Propaganda and the Impotent German Intellectual*, SF, 29 (March, 1951), pp. 273—276; L. P. Edwards, *Natural History of Revolution*, Chicago, 1927; Redfield, *The Folk Culture of Yucatan*; Kolb, op. cit., Murvar, op. cit.; Stanley Mintz, *The Folk-Urban Continuum and the Rural Proletarian Community*, AJS, 59 (September, 1953), pp. 136—143.

⁷¹ William Healy, *Mental Conflict and Misconduct*, Boston, 1917; Nels Anderson, *The Hobo*, Chicago, 1923; C. R. Shaw, *The Jack-Roller*, Chicago, 1930; James West (pseud.), *Plainville*, U. S. A., New York, 1945.

⁷² Lundberg, *Social Research*, rev. ed., 1942, pp. 115, 385—387.

⁷³ Thomas and Znaniecki, op. cit.; E. W. Burgess, *Statistics and Case-Studies as Methods of Social Research*, SSR, 12 (November—December, 1927), pp. 103—120; Becker, *Culture Case-Study and Ideal*

Продолжающаяся логическая разработка изучения отдельных случаев, а также использование этой процедуры различным образом, о чем было упомянуто выше, показывают, что это полезное орудие. По-видимому, все согласны, что эта процедура имеет одно важное теоретическое преимущество: она сохраняет структурное единство того, что концептуализируется. Это, очевидно, обязательная функция исследования, учитывая тот факт, что статистический анализ есть в основном анализ «черт», или «атрибутов». Более того, даже лица, наиболее склонные к количественным методам, используют отдельные случаи в качестве источников более глубокого понимания и гипотез⁷⁴.

Некоторые из методологических вопросов, которые волновали социологию, устарели, но некоторые, лежащие в их основе споры, удивительно живучи. Эта живучесть сыграла роль в обогащении методологии социолога, ибо она постоянно подчеркивала то, что имеется много путей познания и много перспектив, с которых могут рассматриваться общественные явления. Постоянное рассмотрение предположений, характерных черт, ограничений и возможностей различных методологических точек зрения в значительной степени способствовало пониманию социологом его работы и их связи с его конечной целью.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Becker Howard, *Through Values to Social Interpretation*, Durham, N. C., Duke University Press, 1950.
- Chapin F. Stuart, *Experimental Designs in Sociological Research*, New York, Harper, 1947.
- Doby J. T. (ed.), *An Introduction to Social Research*, Harrisburg, Stackpole, 1954.
- Jahoda Marie, Morton Deutsch and Stuart Cook, *Research Methods in Social Relations*, New York, Dryden Press, 1951, 2 vols.
- Lazarsfeld Paul and Morris Rosenberg (eds.), *The Language of Social Research*, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1955.
- Lundberg G. A., *Foundations of Sociology*, New York, Macmillan, 1939.

Typical Method: With Special Reference to Max Weber, SF, 12 (March, 1934), pp. 399—405; John Dollard, *Criteria for the Life History*, New Haven, 1935; R. C. Angell, A Critical Review of the Development of the Personal Document Method in Sociology, 1920—1940, in Gottschalk et al. op. cit., pp. 175—232; Note on the Statistical Treatment of Life-History Material, SF, 9 (December, 1930), pp. 200—203; In collaboration with P. M. Hauser and S. A. Stouffer, Note on the Logic of Generalization in Family Case Studies, в их работе: «Research Memorandum on the Family in the Depression», New York, 1937, pp. 187—201.

⁷⁴ Stouffer, *Experimental Comparison of Statistical and Case History Methods in Attitude Research* (unpublished Ph. D. dissertation, University of Chicago, 1930).

- Mac Iver R. M., *Social Causation*, New York, Ginn, 1942.
- Merton R. K., *Social Theory and Social Structure*, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1949.
- Merton R. K., Paul Lazarsfeld (eds.), *Continuities in Social Research, Studies in the Scope and Method of the American Soldier*, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1950.
- Parsons Talcott, *The Structure of Social Action*, New York, McGraw-Hill, 1937.
- Riley M. W. et al., *Sociological Studies in Scale Analysis*, New Brunswick, Rutgers University Press, 1954.
- Sorokin P. A., *Sociocultural Causality, Space, Time*, Durham, N. C., Duke University Press, 1943.
- Stouffer S. A. et al., *Studies in Social Psychology in World War II*, Princeton University Press, 1949, 4 vols.
- Thomas W. I. and Florian Znaniecki, *The Polish Peasant in Europe and America*, Boston, Richard G. Badger, 1918—1921, 5 vols.
- Znaniecki Florian, *The Method of Sociology*, New York, Farrar and Rinehart, 1934.

СТРУКТУРАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Уолтер Бакли

Корни важных идей неизменно находятся в перекрещивающихся направлениях предшествующей мысли, поэтому было бы совершенно произвольным называть отдельных авторов или даты в качестве источников этих идей. Так же обстоит дело и с «функционализмом», который будет здесь произвольно ограничен Америкой периода после первой мировой войны. Но для того, чтобы ограничить предмет нашего исследования, необходимо совершить краткий экскурс назад к Герберту Спенсеру, являвшемуся родоначальником важной линии мышления в социальных науках, которая способствовала развитию функционального анализа¹.

ОСНОВЫ ФУНКЦИОНАЛИЗМА

Предшественники: Спенсер и Шеффле. Социология Спенсера насыщена терминологией современного функционализма, но она построена на совершенно отличной методологии. Широкое использование им аналогий из биологии и биологической теории показывает, что он рассматривал общество как организм почти в прямом значении этого слова. Этот взгляд был подхвачен и доведен до его логической крайности социальными теоретиками «организмической школы», среди которых был и немецкий теоретик Альберт Шеффле. В отличие от большинства своих коллег Шеффле пришел к умеренной организмической позиции, признавая аналогию за то, чем она была, и в значительной степени оговаривая ее применение к обществу². Его взгляды повлияли по крайней мере на двух важных зачинателей американской социологии. Первым был А. У. Смолл, который познакомил американскую публику со структурально-функциональным анализом Шеффле в первом американском учебнике по социологии и в первом номере «Американского социологи-

¹ О Конте см. стр. 30—33 данной книги.

² Ср. Howard Becker and H. E. Barnes, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, reissue, 1952, pp. 684—686.

ческого журнала» («American Journal of Sociology»)³. Вторым был Ч. Г. Кули, который говорит нам, что он затратил на рассмотрение работы Шеффле больше времени и энергии, чем на работу какого-либо другого автора⁴. Кули не использовал непосредственно функциональную теорию, но зародыш функционализма присутствует в его «органической» интерпретации общества, особенно в его позднейшей трактовке «тентативного социального процесса», «который действует или функционирует»⁵.

Самнер и Келлер: функциональная теория культуры. Другую важную линию развития можно провести непосредственно от Спенсера до имплицитной функциональной точки зрения У. Д. Самнера, работу которого называют «спенсерианством в американском одеянии». Теория Самнера народных обычаев как группы моделей, которая путем проб и ошибок оказалась успешно действующей или функционирующей в борьбе за выживание, была более детально разработана его учеником А. Г. Келлером, чья работа, законченная в 1928 году, предшествует работе Малиновского и выдвигает теорию культуры как адаптивной, или функциональной, подчиненной основным потребностям носителей культуры и развивающейся путем особого вида массового процесса проб и ошибок⁶.

Дюркгейм и различие между функциональным и каузальным подходом. Наконец, мы должны включить сюда идеи Дюркгейма, на которого оказал влияние, главным образом отрицательное, психологический призыв Спенсера к «потребности большего счастья», и соответствующую полезность общественных структур как объяснение и оправдание их существования. Дюркгейм настаивал на разделении этих двух методов объяснения, функционального и каузального, но он утверждал, что оба они необходимы. «Когда принимают за объяснение социального явления, нужно искать отдельно действующие причины, которые порождают его, и функцию, которую оно выполняет». Социальный факт, утверждал он, обычно не мог бы сохраниться, если бы он не был полезен, а социальная жизнь стала бы невозможной, если бы в свою очередь не было полезно большинство социальных явлений. Таким образом, чтобы достичь удовлетворительного понимания общественной жизни, «необходимо показать, как явления, ее составляющие, объединяются так, что приводят общество в гармонию с самим собой и с внешней средой». Но термин «функция» он предпочитает «цели» или «намерению» «... именно потому, что обычно социальные явления не существуют только ради тех полезных результатов, к которым они приводят. Необходимо определить, существует ли соответствие между рассматриваемым фактом и общими потребностями социаль-

³ A. W. Small and G. E. Vincent, Introduction to the Study of Society, New York, 1894; AJS, 1 (July, 1895), pp. 110—112.

⁴ C. H. Cooley, Sociological Theory and Social Research, New York, 1930, p. 6.

⁵ C. H. Cooley, Social Process, New York, 1918, p. 8.

⁶ A. G. Keller, Social Evolution, New York, 1915.

ного организма, а также из чего состоит это соответствие, не заботясь о том, преднамеренно оно или нет»⁷.

Поэтому книгу первую своего сочинения «О разделении общественного труда» он посвятил «функции разделения труда», а книгу вторую — «причинам и условиям». Разделение труда, таким образом, выступает как основа «органической» солидарности развитых, сложных и высокодифференцированных обществ. Лежащие в основе причины и условия включают рост пространственной и общественной «плотности», растущую индивидуальную дифференциацию благодаря распаду «общего сознания» и различным наследственным склонностям.

Функционализм в Германии и Англии. К моменту первой мировой войны функционализм в Америке был уже известен. Но, несмотря на усилия Смолла в конце прошлого столетия проповедовать эту идею в Америке, она оставалась там пассивной⁸, достигнув полной зрелости только спустя три десятилетия, под влиянием новых стимулов извне. Соотечественник Шеффле — Леопольд фон Визе — является единственным широко известным немецким ученым — сторонником явного функционализма. Его трактовка данного предмета, впервые появившаяся в очерках, опубликованных в 1918—1924 годах в Германии, стала известна английским читателям в 1932 году благодаря Говарду Беккеру через книгу «Систематическая социология» Визе — Беккера⁹. В Англии в начале периода после первой мировой войны, главным образом под влиянием взглядов Дюркгейма, Малиновский и Рэдклифф-Браун закладывали основы исследования, дающего совершенно новую функциональную интерпретацию антропологии культуры. Важные работы этих двух англичан¹⁰, опубликованные в двадцатых и тридцатых годах, оказались решающим толчком для повторного возникновения в Соединенных Штатах Америки серьезных мыслей структурально-функционального характера.

Скрытый функционализм в идеях Парето. Мы можем обнаружить еще один внешний стимул функционализма, хотя и менее значитель-

⁷ E m i l e D u r k h e i m, *The Rules of Sociological Method*, Chicago, 1938, pp. 95, 97.

⁸ Функционализм явился основной направляющей идеей в первом тексте, опубликованном Смоллом в 1894 году. В его книге «Общая социология» (*General Sociology*), вышедшей в 1905 году, несколько страниц посвящено функционализму Шеффле, но в книге «Источники социологии» (*Origins of Sociology*), изданной в 1924 году, функционализм уже почти не упоминается.

⁹ H o w a r d B e c k e r, *Systematic Sociology on the Basis of the «Beziehungslehre» and «Gebildelehre» of Leopold von Wiese*, New York, 1932; 2nd ed. with a new preface, Gary, Indiana, 1950. См. также стр. 212, прим. 76 в данной книге.

¹⁰ A. R. R a d c l i f f e B r o w n, *The Andaman Islanders*, Cambridge, 1922; *On the Concept of Function in Social Science*, AA (New Series), 37 (1935), pp. 394—402; B r o n i s l a w M a l i n o w s k y, *Anthropology*, «Encyclopedia Britannica», First Supplementary Volume, London, 1926; *Culture, ESS*, New York, 1936, vol. 4, pp. 621—645.

ный, в работе итальянца Вильфредо Парето. Его «Трактат по общей социологии», появившийся в 1916 году, был обработан и издан в более доступной для американских читателей, сжатой и стимулирующей мысль форме Л. Д. Гендерсоном в 1935 году. Гендерсон был особенно заинтересован в том, чтобы показать, что «логико-экспериментальный» метод Парето был построен прежде всего согласно классической механике, рассматривающей системы взаимозависимых переменных. И работа Парето лучше всего известна именно благодаря этому строго логическому методу подхода. Однако, в известной степени он пользовался также тем, что мы теперь называем функциональным методом, особенно при трактовке проблемы социальной полезности религии. Гендерсон объясняет это следующим образом: «С этой целью он принимает норму полезности, которая почти соответствует *ценности выживания* биологии и которая, к несчастью, хотя и довольно полезна, но так же неопределенна. Он отмечает, что большая часть пережитков, существующих в данном обществе... вряд ли может быть несовместимой с выживанием общества... Он далее заявляет, что этот вывод подтверждается фактами и что можно ясно наблюдать ценность выживания большей части пережитков общества... Таким образом, мораль и религия могут считаться существенными для выживания общества. В общем наблюдается, что ослабление этих сил сопровождается упадком общества»¹¹.

Биологические предрассудки раннего функционализма. Прежде чем перейти к очерку интерпретации Визе — Беккера и английских функционалистов, важно более глубоко исследовать общий характер функциональной методологии и ее значение для развития социологической теории. Начало этому может быть положено рассмотрением разницы между «организмическим» взглядом на общество Спенсера и «органическим» взглядом, который особенно подчеркивали Дюркгейм и Кули. Оба взгляда исходят главным образом из принципов биологического функционализма, согласно которому организм — это единое целое, состоящее из определенных дифференцированных органов или структур, при помощи которых характерным образом удовлетворяются определенные функциональные потребности, необходимые для выживания или эффективного действия организма¹². «Организмическая» школа, как указывалось выше, приняла аналогию с биологией в полном смысле этого слова и рассматривала общество как истинный организм, заходя настолько далеко, что ставила знак равенства между социальными структурами или институтами и такими органами, как мозг, сердце, система

¹¹ R. J. Henderson, *Pareto's General Sociology*, Cambridge, 1935, pp. 53—55. Обратите внимание на близкое соответствие его высказываний взглядам Дюркгейма.

¹² W. B. Cannon, *The Wisdom of the Body*, New York, 1932. Эта книга является излюбленным источником модели биологического функционализма. См. более детальное изложение в кн.: R. K. Merton, *Social Theory and Social Structure*, Glencoe, Illinois, 1949, pp. 47—49.

кровообращения и т. д.¹³ Короче говоря, содержание и общий метод они заимствовали из биологии и, подчеркивая первое, занимались главным образом статическим описанием, классификацией и анализом социальных структур. «Органическая» же точка зрения отвергала содержание биологической теории и ее прямое применение. Общество рассматривалось как «органическое» в том смысле, что оно состояло из дифференцированных взаимосвязанных структур, реагирующих друг на друга и составляющих нераздельное целое на *психосоциальном*, а не на биологическом уровне. Упор делался скорее на взаимосвязь или организацию, чем на структуру как таковую.

Этот упор на взаимосвязь и был подхвачен функционалистами, которые начали строить динамическую теорию общества и культуры на основе *логики*, или методологии биологии. Таким образом, мы обнаруживаем, что Смолл, Кули и Визе подчеркивали *функцию* или *процесс* как реакцию на статистическую структуральную социологию Спенсера и его последователей. Мы обнаруживаем, что Малиновский и Рэдклифф-Браун подчеркивали «функциональную интеграцию» культуры, выступая против антропологического историзма, статического описания и взглядов на культуру как состоящую из отдельных «отрывков и лоскутков».

СОВРЕМЕННЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ

Поиски связей в социо-культурной системе. Итак, значение этой новой ориентации состояло в основном в сдвиге от «структуры» к «функции» как основному орудью научного объяснения и толкования общества, функцию которого склонны были рассматривать как независимую переменную, низводя структуру до уровня производной и рассматривая ее как следствие игры и последовательности функций¹⁴.

Так, Рэдклифф-Браун во введении к своему последнему сборнику очерков¹⁵ утверждает, что его исходным пунктом является аспект социальной теории Монтескье, которая составляет то, что Конт назвал позднее первым законом социальной статики. Согласно этому закону, в конкретной форме общественной жизни среди различных ее черт имеются отношения взаимосвязи и взаимозависимости, которые объединяют эти черты в последовательное целое и объясняют существование этой формы общественной жизни. Этот закон определил для Рэдклифф-Брауна проблему социальной статики, заключающуюся в исследовании природы единства. Его исследование проводилось на основе понятий структуры и функции, двух

¹³ Более детальный анализ различия между организмическим и органическим см. Becker and Barnes, op. cit., vol. 1, pp. 677—692.

¹⁴ Cp. H. M. Kallen, Functionalism, ESS, vol. 6, 1931, pp. 523—525.

¹⁵ A. R. Radcliffe-Brown, Structure and Function in Primitive Society, London, 1952.

абстракций из общего общественного процесса. «Структура» относится к какому-то организованному порядку компонентов, или черт, культуры; «функция» относится к взаимосвязи между социальной структурой и процессом социальной жизни, к роли, которую структура играет в согласованности и сохранении социального целого. Таким образом, культурная черта или структура «объяснялась» в терминах ее функциональной связи с другими чертами или ее роли в сохранении структуральной преемственности.

Подобным же образом Малиновский придерживался схемы функциональной интеграции, но он шел дальше, прослеживая функцию компонентов культуры вплоть до той роли, которую они играют в удовлетворении индивидуальных потребностей. Для него культура была обширной инструментальной реальностью, которая существует и функционирует как реакция на основные или второстепенные человеческие потребности. Эти потребности определяют скорее функцию единиц структур, чем существование целого, как утверждал Рэдклифф-Браун.

Английским антропологом, более сознательным в методологическом отношении, возводящим свои взгляды не только к Малиновскому и Рэдклифф-Брауну, но также к Рут Бенедикт и Маргарет Мид, был Грегори Бэтсон. Признавая различие взглядов у первых двух антропологов, а также двусмысленность термина «функция», включающего как значение причинной взаимозависимости, так и адаптивное или телеологическое отношение, Бэтсон пытался внести в метод больше системы. В отличие от своих коллег функционалистов он особенно чувствителен к опасностям телеологии и пытается противодействовать экстремистам. Он, например, определяет «адаптивную функцию» следующим образом: «Когда мы говорим о какой-то части функциональной системы, что она ведет себя таким-то и таким-то образом, чтобы получить такой-то и такой-то желательный эффект в системе как целом, мы приписываем адаптивную функцию и находимся на грани телеологического заблуждения, но холодным духом будет для нас понимание того, что ни одна клетка и ни один орган ни капельки не озабочены нашим выживанием. Мы можем избежать некоторых опасностей телеологии, признавая, что нежелательные результаты довольно часто имеют место»¹⁶.

Особенно интересует нас здесь то, что из-за этих сомнений Бэтсон почти единственный, кто предпочитает использовать термин «функция» «для обозначения всей взаимосвязи между синхронными причиной и результатом внутри культуры независимо от цели или адаптации». В результате будет не вполне правильно назвать его анализ «Нейвена» чистым функционализмом. Разделяя понятие культурной «конфигурации» Бенедикта соответственно на «этос» и «эйдос», стандартизированные *аффективную* и *познавательную* характерные черты, он анализирует взаимосвязь между этосом культуры и аф-

¹⁶ Gregory Bateson, Naven, Cambridge, 1936, pp. 26, 29, 34, 281.

фективным индивидуальным поведением, а также между эйдосом культуры и познавательным поведением. Он занимается двойной идущей от Бенедикта гипотезой, согласно которой «основные характерные черты культуры не только выражают, но также и способствуют стандартизации отдельных личностей». Другими словами, его исследование относится в первую очередь к социальной психологии, поскольку оно изучает взаимоотношения причины и следствия между культурой и личностью. Оно приближается к тому, что мы считаем функциональным анализом только в его выборе отдельной категории, которую он называет «социальной функцией» и которая имеет дело с результатами элементов культуры, удовлетворяющих потребности групп.

Дальнейший интерес представляют довольно хорошо разработанные Бэтсоном положения, предвосхищающие некоторые важные аспекты современной функциональной, а также и нефункциональной социологической теории. Сюда относится не только аналитическое разделение познавательного и аффективного аспектов поведения, но также его интересное использование понятия динамического равновесия, характерного для status quo. Он определяет динамическое равновесие как «положение вещей в функциональной системе, при котором, хотя изменения и не заметны, тем не менее мы вынуждены полагать, что мелкие изменения постепенно происходят и противодействуют друг другу»¹⁷. Такой взгляд, исходящий из его признания дисфункциональных, а также и функциональных эффектов элементов культуры, привел его к анализу разрушительных процессов (схизмогенезису), который, если ему не препятствовать, мог бы в очень значительной степени модифицировать односторонние взгляды Малиновского и Рэдклифф-Брауна.

Визе—Беккер: социальный процесс и структура как функциональные системы. В 1932 году появилась первая важная со времени Смолла американская работа, приписывающая функционализму эксплицитную систематическую методологическую роль в развитии социальной теории, — «Систематическая социология» Визе—Беккера. Здесь единицей анализа является «социус», абстракция от индивидуума, тождественная фактически понятию «актера». Эти единицы ориентируются друг на друга в терминах основных процессов «социации», которые характеризуют различные модели отношений между людьми, и служат аналитическими орудиями при анализе и классификации социальных структур. Вместе с тем утверждается, что изучение таких социальных процессов просто как существующих процессов весьма ограничено и носит только предварительный характер; необходимо далее определить также функцию изучаемого процесса, исследуя вопрос о функциональной ценности процесса или отношения в сохранении структуры.

Двусмысленность значения термина «функция» признается снова как относящаяся к понятию задачи или достижения, с одной сто-

¹⁷ Bateson, Naven, pp. 175—282.

роны, или как обозначающая математическое отношение зависимости коррелятивных переменных — с другой. Первое значение, значение задачи, использовано здесь, но освобождено от его более широких телеологических выводов пониманием того, что функция или конец не то же самое, что цель в проксимальном значении. На этой основе схема Визе—Беккера должна определить функциональную взаимосвязь отдельных процессов или отношений со всем социативным процессом (социальной системой) в его конструктивном (эуфункциональном) или деструктивном (дисфункциональном) аспекте¹⁸.

Социальные структуры рассматриваются, по существу, как сети социальных процессов, функционирующие, с тем чтобы помочь людям преодолеть препятствия внешнего мира и увековечить результаты определенных видов человеческого усилия. Итак, институт определяется (несколько видоизменяя знаменитое определение Самнера) как состоящий из структуры и функции (какими их видит исследователь), сохраняющих или каким-либо другим образом обслуживающих более широкую «модель плюральности», внутри которой он действует. А тип модели плюральности, называемой «абстрактной коллективностью», представляет собой организованные попытки людей преодолеть нечеловеческие препятствия и достичь первичного удовлетворения, но при этом настаивается на необходимости методологического различия, весьма напоминающего различие, проводившееся Дюркгеймом; хотя такие анализы могут быть сосредоточены на функциональных аспектах, «нельзя забывать, что они представляют собой в то же время и явления жизни людей, становящиеся эффективными при известных условиях в результате определенных причин, и что они должны, следовательно, объясняться без ссылки на цели, которым они служат»¹⁹.

Последующий быстрый рост интереса к функциональной точке зрения подтверждается появлением в тридцатых годах нынешнего столетия нескольких других работ в Америке, в которых эта точка зрения играет более или менее важную роль. Некоторые из этих работ использовались для общей ориентировки при тщательном анализе и толковании социальных явлений, молчаливо принимая эффективность этой точки зрения как теоретической основы. Такими, например, были работа Э. Т. Хиллера «Принципы социологии» («Principles of Sociology») и Ф. С. Чэпина «Современные американские учреждения» («Contemporary American Institutions»). Другие непосредственно интересовались ее методологией. Антрополог Ралф Линтон в своей книге «Изучение человека» («Study of Man») признает общий функциональный принцип, но с существенными оговорками и с основательной критикой важных деталей. Вскоре после этого Сорокин опубликовал работу «Социальная и культурная динамика» («Social and Cultural Dynamics»), в которой проблема интеракции

¹⁸ Becker, op. cit., p. 111 и далее.

¹⁹ Becker, op. cit., p. 582.

культур и их функции является центральной. И, подобно Линтону, Сорокин принимает функциональный принцип только с важными оговорками и значительными критическими примечаниями.

КРИТИКА ФУНКЦИОНАЛИЗМА

Предрассудок функционально-интеграционной теории. По мере того как функционализм созрел и превращался в важное теоретическое направление, быстро возростала его критика. Наряду с открытыми и пространными предостережениями, исходившими от немногих из его проповедников, особенно Визе—Беккера, начались нападки на все важные стороны этой теории. Как мы видели, главными понятиями, содержащимися в ранних формулировках, были «интеграция культуры», «функция» как объяснение существования и сохранения структур, а также «выживание», или «продолжение», в качестве высшего критерия. Ниже будет дан краткий обзор критики этих понятий, а также сомнений относительно эмпирической пользы данной теории, ее телеологической слабости и идеологического предрассудка.

Линтон и Сорокин обвиняли функционалистов в том, что те не смогли проанализировать и ясно определить, что они подразумевали под «интеграцией культуры». Линтон считал, что для функционалистов интеграция — это в первую очередь вопрос взаимной адаптации и взаимозависимости моделей поведения, и в качестве такового понятие является довольно поверхностным. Возникающая в результате картина культуры представляет собой массу вращающихся и стирающих друг друга шестерен, но без определенного центра всей этой активности. Даже взаимная адаптация моделей поведения может быть объяснена без обращения к чему-либо более важному, чем процесс проб и ошибок. Согласно этому взгляду, система культуры выглядит механической и обладает двумя измерениями. Линтон считал, что мы можем обнаружить фокус культурной интеграции в понятии «основная структура личности»²⁰ Абрама Кардинера.

Сорокин делает подобное же, но несколько отличное замечание. Для него культуры «интегрируются» в четыре основных типа: 1) пространственная, или механическая, смежность; 2) ассоциация, вызываемая внешним фактором; 3) причинная, или функциональная, интеграция и 4) логико-значимое единство. Каждый представляет высший или более полный уровень, чем предшествующий тип. «Функциональный» используется здесь в своем математическом значении, синонимичном «причинному» и относящемуся к «непосредственной взаимосвязи (всесторонней или односторонней) переменных или частей друг от друга или от всей системы». Но хотя

²⁰ A b r a m K a r d i n e r, *The Individual and His Society*, New York, 1939, pp. VIII—IX.

«причинно-функциональное» единство представляет собой более высокую степень интеграции, чем первых два типа, оно не существенно и его значение было сильно преувеличено. «Высшей» формой интеграции является «логико-значимый» тип. Здесь организующим принципом служит не единообразие отношений между фрагментарными переменными, а «...тождественность значения, или логическое единство. Спрятанная за эмпирически различными, внешне не связанными фрагментами культурного комплекса, лежит тождественность значения, которая объединяет их в последовательные стили, типичные формы и значимые модели²¹. Именно этот уровень интеграции придает любой культуре ее «индивидуальность», ее «физиономию и личность».

Такие попытки характеризовать культуру как целое или реальность *suí generis* не играют особой роли в последующей функциональной теории, но более глубокое исследование понятия функциональной интеграции имело огромное значение для изменения распространенного взгляда о полном единстве культуры. По словам Визе — Беккера и Роберта Мертона, такой взгляд не только часто противоречит фактам, но обладает и сомнительной эвристической ценностью, поскольку он отвлекает внимание от дисфункциональных или дезинтегративных последствий структур. (См. у Визе — Беккера об «обществе и моделях плюральности», а также о «деструктивных процессах».)

Это одностороннее подчеркивание единства рассматривается как отражение широкого и двусмысленного применения понятия функции к элементам культуры. Исходя из антропологической точки зрения, Александр Гольденвейзер жаловался, что Малиновский приписал слишком много значения и недвусмысленного детерминизма каждой частичке культуры, отказываясь таким образом признать диффузию отдельных черт или существования «некротических пережитков» и благоприятных комплексов черт²².

Анализ Мертоном постулатов функционализма. В своем глубоком анализе Роберт Мертон подвергает критике некоторые детали различных значений термина «функция». Этот анализ завершается его хорошо известным положением, которое обличает ошибки во всех трех постулатах, наиболее часто принимаемых функционалистами. Согласно этим постулатам, *все* стандартизированные социальные единицы выполняют позитивные функции в социальной системе, и все такие единицы функционируют для всей системы *целиком* и являются, таким образом, *незаменимыми*²³. Мертон утверждал, что, наоборот, могут быть некоторые элементы, которые частично дис-

²¹ P. A. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, New York, 1937—1941, vol. 1, pp. 15, 23.

²² H. E. Barnes, Howard Becker and Frances B. Becker (eds), *Contemporary Social Theory*, New York, p. 470 ff. Ср. также с более полным изложением в кн.: Howard Becker, *Through Values to Social Interpretation*, Durham, N. C., 1950, pp. 137—140.

²³ Merton, *op. cit.*, pp. 27—28.

функциональны, или нефункциональны, и такие, которые полностью дисфункциональны и без них, следовательно, можно обойтись. Таким образом, следует остерегаться вывода, что благодаря тому, что какой-то культурный элемент, или повторяющаяся активность, органически связан с другими видами активности общества, он способствует продолжению или выживанию общества. Это требующая исследования гипотеза, а не априорное предположение.

Подобным же образом внимание было сосредоточено на отсутствии ясности в значении термина «выживание», или «продолжение», общества. Как, например, указывал Хоумэнс, история свидетельствует, что мало обществ фактически не выжило, и, поскольку общество может прийти в значительный упадок, прежде чем отомрет, понятие выживания общества в целом является слишком неопределенным, чтобы быть полезным. Необходимо проводить различие между обществом, для которого характерен специфический тип общественной организации, и обществом как общей группировкой, определяемой в основном территориально, биологически и некоторой минимальной степенью культурной преемственности. Может быть, именно выживание общества в этом втором, общем смысле должно стать высшим критерием, а не выживание более ограниченной специфической социальной системы. Социальная система Франции, например, коренным образом изменилась в период между 1780 и 1850 годами, но французская нация, или общество, как определенная общая группировка, выжила и обладает преемственностью, территориальной, биологической и во многих отношениях культурной.

Функциональная теория и проблема эмпирических изменений. Под другим углом зрения возникает вопрос: как может функционализм объяснить тот факт, что конкретные социальные системы не выживают, что изменение является таким же важным фактором, как и стабильность?²⁴ Ответ, что распад происходит благодаря тому, что перестают выполняться некоторые функции, будет естественно напрашиваться сам собой. Подобные социальные системы когда-то, должно быть, адекватно функционировали, и объяснение вступивших в действие внутренних факторов, приведших к распаду системы, потребует анализа механизмов, сил и взаимосвязей, лежащих в основе того факта, что структура перестала функционировать.

Это приводит нас к критике, подвергающей сомнению значение функциональной теории для эмпирического исследования, критике, высказанной в самом начале истории изложения этой теории. Парсонс сообщает, что Макс Вебер, например, подозрительно относился к теории, исходящей из социального «целого», а не из детального анализа индивидуальной мотивации²⁵. По-видимому, вывод

²⁴ Ср. с довольно крайними взглядами Сорокина в его кн.: «Society, Culture and Personality», New York, 1947, pp. 696—699.

²⁵ Talcott Parsons, Essays in Sociological Theory Pure and Applied, Glencoe, Illinois, 1949, p. 83.

заключается в том, что слишком легко приписать функцию какому-либо элементу просто благодаря определению, или же эта теория ничего не говорит нам о том, как это сделать (хотя она велит нам искать функцию элемента культуры и оценивать его по выживанию общества). Она не дает нам указаний или процедур для связывания понятий с эмпирическими данными и для подтверждения функциональных гипотез. Более того, некоторые функциональные отношения, «видимые» одним наблюдателем, могут остаться скрытыми для других.

Стратегия функциональной методологии и исследования. Весьма подробно Мертон перечисляет некоторые из «основных вопросов», на которые нужно ответить при рассмотрении проблемы эмпирической оценки функциональной теории. Вот некоторые из этих вопросов: 1) что должно входить в протокол наблюдения, чтобы его можно было подвергнуть систематическому функциональному анализу? 2) Что включается в процесс разработки канонов для установления чистого баланса агрегата функциональных и дисфункциональных последствий в социальной системе? 3) Что требуется для установления действительности такого возникающего переменного, как «функциональная потребность», в тех случаях, когда строгий эксперимент является непрактичным? 4) Каков список социальных механизмов, существующих в настоящее время, при помощи которых выполняются социальные функции? 5) Какие из существующих процедур позволят социологу наиболее адекватно измерить накопившееся напряжение в данной социальной системе? ²⁶

Телеологический предрассудок в функционализме. Вся эта критика может быть кратко выражена в виде традиционного спора о преимуществах телеологического или механистического объяснения. В той или иной форме этот вопрос неоднократно поднимался раньше. Мы уже видели различие, проводимое Дюркгеймом, Парето, Гендерсоном, Визе — Беккером и Бэтсоном, между каузальной связью и телеологической связью. Мы также знаем о недвусмысленном обвинении Сорокиным функционалистов в том, что они заменяют каузальную зависимость телеологической спекуляцией и склонны разрешать проблему, придумывая какое-нибудь утилитарное объяснение этой связи, согласно схеме средств и целей. Или же, как предлагает британский антрополог С. Ф. Нэйдел, следует: «...высказываться немедленно о высших функциях, обслуживаемых социальными фактами, — это значит сорвать, по существу, объяснение и низвести его до общих мест, которые, поскольку они высказаны преждевременно, не имеют особого значения» ²⁷.

Тем не менее, по-видимому, известная степень телеологии свойственна функционализму, когда он призывает не к цели, а к конеч-

²⁶ Merton, op. cit., pp. 50—54.

²⁷ Sorokin, Society, Culture and Personality, p. 15; S. F. Nadel, Foundations of Social Anthropology, Glencoe, Illinois, 1951, p. 375.

ному результату или «конечной причине». В своем недавнем очерке²⁸ относительно методологических выводов телеологии или функционализма в биологии Эрнест Нагель пытался разрешить проблему, является ли природа такой органической системой, которая требует для целей своего изучения особой автономной методологической процедуры, подобной функционализму, а не «механистического», или каузального, типа анализа, применяющегося в физических науках. Хотя Нагель и ориентируется на биологию, многие его аргументы имеют большое значение в данном случае. Его основное положение заключается в следующем: телеологические или функциональные объяснения в той форме, в какой они используются наукой сегодня, эквивалентны нетелеологическим, и, таким образом, первые могут заменяться последними без ущерба для содержания. Например, «функция религии состоит в том, чтобы уменьшать беспокойство в группе». Это не утверждает ничего нового по сравнению с высказыванием: «Беспокойство в группе уменьшается, если (или, может быть, только если) она практикует религию» или с высказыванием: «(Достаточным, необходимым или достаточным и необходимым) условием для уменьшения беспокойства в группе является исповедование религии». Последние высказывания являются явно нефункциональными. Если этот пример принимается в качестве парадигмы, то Нагелю кажется, что, когда функция приписывается одной из составных частей какого-нибудь органического целого, содержание телеологического высказывания полностью передается другим высказываниям, которые просто утверждают об условно необходимом для существования определенного признака или деятельности этого целого. Следовательно, исходя из этого положения, телеологическое объяснение констатирует *последствия* для данной системы одной из составляющих ее частей или процессов; эквивалент не телеологического объяснения устанавливает некоторые из *предшествующих условий*, при которых система сохраняет свою характерную организацию и деятельность. Различие между этими двумя типами объяснения можно сравнить с различием между высказыванием, что *В* является результатом *А*, и высказыванием, что *А* является причиной или условием *В*. Короче говоря, различие скорее заключается в акцентировании или селективном характере внимания, чем в утверждаемом содержании.

Хотя на методологическом уровне может существовать достаточно причин для того, чтобы функционалист сознательно сконцентрировал свое внимание на последствиях, целях и целых, существует еще один мотив достаточной важности, не учитываемый в аргументах Нагеля. Это нормативная озабоченность человека проблемой порядка и беспорядка в обществе, озабоченность, проявляющаяся в реформистской ориентации в социальных науках, которая превалировала с самого возникновения систематической социологии.

²⁸ Ernest Nagel, Teleological Explanation and Teleological Systems, in Herbert Feigl and May Brodbeck (eds.), Readings in the Philosophy of Science, New York, 1953, pp. 537—558.

Такая ориентация ясно, например, выступает в функционализме Рэдклифф-Брауна. Мы можем напомнить, что функциональная точка зрения означала для него то, что социальная система обладает «функциональным единством», которое он определял как «условие, при котором все части социальной системы работают вместе с достаточной степенью гармонии или внутренней последовательности, то есть не порождая постоянно конфликтов, которых нельзя разрешить или которые не могут быть урегулированы». Он обсуждает проблему определения этого условия единства, гармонии или социального порядка, рассматривая с этой целью возможности проведения аналогии с организмом. В организме мы проводим различие между «здоровьем» и «болезнью». Дюркгейм, как он указывает, пытался создать основу научной социальной патологии, основанной на морфологии и физиологии. Он искал объективных критериев для суждения о том, является ли общество в данный момент нормальным или патологическим (лишенным норм, или аномическим). Одним из этих критериев было количество самоубийц.

Такой взгляд, как это признает Рэдклифф-Браун, может быть подвергнут критике, исходя из несовершенства аналогии с организмом. В отношении организмов у нас имеются строго объективные критерии для установления различия между болезнью и здоровьем, патологическим и нормальным, ибо болезнь ведет к смерти или к нарушению деятельности, характерной для данного типа. Но поскольку общества умирают не в том смысле, как животные, мы не можем определять беспорядок или функциональное отсутствие единства как то, что ведет, если ему не препятствуют, к смерти общества или к нарушению обычной деятельности социального типа, как это пытался делать Дюркгейм. Однако Рэдклифф-Браун сам надеется, что, хотя мы, может быть, и не в состоянии найти строго объективных критериев для проведения различия между социальным заболеванием и социальным здоровьем, мы, возможно, сможем проводить различие между разными степенями здоровья или функционального единства²⁹.

Идеологический предрассудок в функционализме. Можно отметить далее тесно связанную с этим критику, направленную против раннего функционализма. Поскольку делался упор на функциональные последствия, приводящие к социальному единству, полной интеграции, стабильности и преемственности, многие полагали, что слишком легко делались выводы об идеальном состоянии общества вопреки противоположным выводам из вышеописанной дискуссии, сделанным уже давно Рэдклифф-Брауном. Судя по многим заявлениям функционалистов, по-видимому, можно заключить, что, поскольку давно существующая социальная система является функционально интегрированной или достигла состояния «равновесия», она должна была достичь идеального состояния в виде или инди-

²⁹ Radcliffe-Brown, On the Concept of Function in Social Science, loc. cit., pp. 397—398.

видуального счастья, или общего благосостояния. Такая ситуация, следовательно, считается «хорошей» и не должна подвергаться изменениям. То, что существует, есть наилучшее, и любое изменение поведет к ухудшению³⁰. Мертон обсуждает подробно это критическое замечание, считая, что идеологический предрассудок отнюдь не является свойством структурально-функционального анализа, но порождается главным образом тем, что этот анализ придерживается ложных постулатов, упомянутых выше. Он подкрепляет свой аргумент тем, что функционалистов обвиняли не только в консервативных, но и в радикальных предрассудках. Таким образом, не сам *метод* анализа, а лицо, проводящее этот анализ, может придать ему те или иные оттенки.

СОВРЕМЕННЫЙ СТРУКТУРАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Несмотря на растущую критику, структурально-функциональный анализ продолжал развиваться и в значительной степени благодаря этой критике стал весьма изощренным. Со времени второй мировой войны он приобрел множество последователей и превратился в одну из главных, если не самую главную, основ социологического мышления. Но имеется некоторая неясность относительно того, что можно и что нельзя считать функционализмом и кто является и кто не является функционалистом. Если этот ярлык означает просто то, что социальные системы рассматриваются как в известной степени интегрированные, что их можно разложить на определенные элементы, которые могут быть связаны с другими элементами, и что система в состоянии действовать как целое; в таком случае, как кто-то предположил, мы все являемся функционалистами. Но, согласно этим взглядам, мы особо обозначаем как структурально-функциональный тот взгляд, который черпает вдохновение в основном из методологии биологии; интегрированные социальные целые разлагаются на структуры и функции; термин «функция» употребляется в первую очередь в своем нематематическом значении, и в центре внимания находятся прежде всего *последствия* оперирования структур ради «выживания», или «сохранения», какого-то определенного или неопределенного состояния целого.

Парсонс и обобщенный функциональный анализ социальных систем. В основном развитие структурально-функционального анализа исходило из нескольких основных источников. Жертвуя широтой изложения ради глубины, мы ограничимся лишь наиболее систематизированными тонкостями с точки зрения Толкотта Парсонса и его последовательницы Марион Леви³¹, а также весьма конструктивной критикой Роберта Мертона, которому мы весьма обязаны.

³⁰ Cp. Gunnar Myrdal et. al., *An American Dilemma*, New York, 1944, p. 1055.

³¹ Talcott Parsons and E. A. Shils (eds.), *Toward a General Theory of Action*, Cambridge, Mass., 1951; Parsons, *The Social System*, Glencoe, Illinois, 1951; M. J. Levy, *The Structure of Society* Princeton, 1952.

Парсонс полагал, что он впервые подошел к формулировке теории социальных систем в структурально-функциональных терминах в 1941 году. Далее он полагал, что наиболее плодотворная систематическая теория должна следовать этому типу, который в свою очередь подобен типу, эффективно используемому в социологии. Только понятие актера-ситуации заменяется здесь понятием организма-среды. Это основано на следующем рассуждении. Адекватный динамический анализ социальной системы с ее комплексом многочисленных взаимосвязанных переменных требует постоянного и систематического соотнесения любой проблемы с состоянием системы как целого. Во всей истории науки мы обнаруживаем только два типа концептуальной схемы, которые логически способны выполнить эту задачу. Наиболее эффективной является аналитическая система динамически взаимосвязанных переменных, построенная согласно классической механике и выраженная в виде ряда одновременных уравнений, которые делают возможным непосредственное решение динамических проблем. Но социология при своем современном уровне развития вряд ли подготовлена к тому, чтобы принять такую систему. Другой, гораздо худшей альтернативой, но все же лучшей, чем ничего, является «обобщенная структурально-функциональная система». По существу, эта система упрощает проблему обращения с комплексом взаимосвязанных переменных тем, что удаляет целые их группы, рассматривая их как обобщенные категории и как постоянные внутри системы. Таким образом, динамические проблемы доступны обработке без сложного математического анализа.

При более подробном рассмотрении этот тип анализа требует полной системы структуральных категорий, которая может дать детерминированное описание эмпирических социальных систем. Все же эти более статичные «структуральные категории» должны быть связаны с динамически переменными элементами системы. Эта связь осуществляется через центральное понятие функции, роль которого состоит в том, чтобы «обеспечить критерии *важности* динамических факторов и процессов внутри системы». Таким образом, дополнительным требованием является ряд «динамических функциональных категорий», описывающих важные процессы, благодаря которым конкретные структуры сохраняются или разрушаются, а также связи всей системы со средой. По словам Парсонса, «функциональное значение в этом контексте типично телеологическое. Процесс, или ряд условий, либо «способствует» сохранению или развитию системы, либо является «дисфункциональным», поскольку он уводит от интеграции, эффективности (и т. д.) системы. Таким образом, функциональное соотношение всех отдельных условий и процессов к *состоянию всей системы как действующего предприятия* является логическим эквивалентом одновременных уравнений в полностью разработанной системе аналитической теории»³².

³² P a r s o n s, Essays in Sociological Theory, p. 22.

Необходимые изменения функционализма Парсонса: вклад Мертона. Прежде чем перейти к позднему развитию этой схемы, рассмотрим некоторые из наиболее конструктивных аспектов, содержащихся в критике Мертона и находящихся отчасти в тесной связи с этой схемой. Выше был отмечен ряд убедительных критических замечаний Мертона относительно различных аспектов функциональной теории. Теперь мы вкратце изложим некоторые из его предложений, направленных на устранение этих трудностей: 1) В целях борьбы с тенденцией к ограничению социологических наблюдений позитивными вкладами социальных элементов в социальную систему он предлагает понятия «дисфункция», «функциональные альтернативы» и «множественные последствия». Чтобы избежать смешения субъективной категории цели, или мотива, с объективной категорией последствий, или функции, он предлагает понятия «явная функция» (объективные последствия, предполагаемые и признаваемые участниками данной системы) и «латентные функции» (непредполагаемые и непризнаваемые). 2) Во избежание одностороннего интереса к позитивным последствиям и предрассудкам, связанного с понятием функционального единства, или интеграции, он предлагает понятие «чистый баланс совокупности последствий». 3) Отмечая крайнюю неясность и эмпирическую спорность понятия «функциональные требования», или «обязательные предварительные условия», свойственного функциональному анализу, он предлагает во что бы то ни стало связать установление ясности с трудной проблемой установления типов функциональных требований, различая при этом требования на универсальном уровне и требования на весьма специфическом уровне анализа. Он предлагает также выработку процедур для проверки предположений об этих требованиях и составление конкретного и детального описания механизмов, которые действуют при осуществлении данной функции³³.

При разработке своих теоретических положений Парсонс признавал критику Мертона и пользовался ею. Схема Парсонса, однако,— это нечто гораздо большее, чем просто структурно-функциональный метод анализа. Это «действие», построенное на структурно-функциональной основе. Практически это, по-видимому, означает, что новейшие данные о мотивационных процессах объединяются с современным мышлением в социологии и антропологии; все это формулируется, и ему придается значение на теоретическом и эмпирическом уровне в терминах структурно-функциональной связи. Структура социальной системы получает формальные категории, и эти категории дают ту «морфологическую среду», внутри которой может развиваться «физиология социальной системы». «Динамические мотивационные процессы» целенаправленных, играющих роли актеров, взаимодействующих в культурно-типовых ситуациях, которые составляют независимые изменяемые системы, помещаются в структуральную схему, и их значение заключается

³³ См. Merton, op. cit., pp. 49—55.

в их функциональной важности для сохранения или изменения этой системы³⁴.

Последующие усовершенствования: функциональные требования и равновесие. Не пытаясь углубиться в сложность этой схемы, мы постараемся в общих чертах выделить особо значимые аспекты. Может оказаться поучительным сравнить эти аспекты с приведенными выше предложениями Мертонa, с тем чтобы удостовериться, как были разрешены некоторые из первоначальных трудностей, подвергшихся критике.

Во-первых, совершенно ясно, что понятие функции теперь употребляется в более общем и нейтральном значении «последствий», которые могут или не могут быть намеренными или признанными и которые могут или не могут положительно способствовать социальной системе. Это становится более ясным у Леви, которая определяет функцию как условие или состояние дел в результате оперирования структурой во времени. «Эуфункция» и «дисфункция» являются подтипами; первый из этих терминов относится к последствиям, благоприятствующим сохранению преемственности или выживанию, а второй — к последствиям, ведущим к распаду или структурному изменению.

Дальнейшие усовершенствования включают признания относительных степеней важности структуры и функций для социальной системы. Одни функции могут представлять собой условие, имеющее только небольшое или совсем не имеющее значения для сохранения системы; другие представляют достаточные условия, а третьи — необходимые условия. Строго говоря, связь между структуральными категориями и сохранением системы осуществляется через более узкое понятие функциональных требований, предварительных условий, или «императивов»: эти условия должны быть обеспечены для того, чтобы система могла продолжать существовать. Далее признается, что различные структуры могут обслуживать одно и то же требование и различные требования — удовлетворяться одной структурой.

Во-вторых, как это утверждалось совсем недавно, схема Парсонса в качестве основного понятия включает «равновесие»³⁵. Есть тенденция заменять этим понятием более нормативно оцениваемое состояние всей системы как зафиксированный исходный пункт анализа, хотя здесь все еще существует много неясностей. Это механистическое понятие аналогично принципу гомеостазиса в биологии, поскольку оно выполняет подобную же функцию в социологии. Так же как раньше постулировалось, что социальная система имеет тенденцию сохранить состояние внутреннего единства

³⁴ P a r s o n s, The Social System, pp. 19—22.

³⁵ См. изложение использования Парето понятия равновесия в кн.: L. J. Henderson, op. cit.; G. C. Homans and C. P. Curtis, Jr. An Introduction to Pareto, New York, 1934; «Revue internationale de Sociologie», 44 (September—October, 1936), полностью посвященный «Les Equilibres sociaux».

или гармонии, так и теперь постулируется, что она имеет тенденцию сохранить равновесие, которое мы можем считать более нейтральным термином, обозначающим «чистый баланс совокупности последствий».

В-третьих, важная роль понятия функциональных требований ведет теперь к более тщательному рассмотрению его выводов, особенно для эмпирических исследований. Согласно формулировке Леви, требуется прежде всего, чтобы единица социальной системы определялась в терминах ее взаимосвязи с элементами системы и ее специфичности в отношении ее несоциального окружения, или среды. Тогда возникает вопрос: «Какие условия должны быть удовлетворены, чтобы такая система существовала или сохранялась в таком окружении?» Ответ устанавливает функциональные требования, которые могут определяться на различных уровнях обобщения. Таким образом, мы можем искать необходимые условия для *любой* системы или для *определенной* эмпирически устанавливаемой системы. Для Парсонса «функциональные императивы» *любой* системы включают адаптацию к внешней ситуации, инструментальное достижение цели, интеграцию единиц системы, сохранение латентных моделей и устранение напряжений³⁶. На *определенном* уровне господствующие структуры эмпирической системы навязывают «структурные императивы» остальной системе: при определенных центральных моделях непостоянность других моделей резко ограничена.

Применение функциональных требований в исследовании. Утверждается, что, несмотря на многие логические и эмпирические трудности, понятие функциональных требований аналитически полезно, поскольку оно привлекает внимание к основным проблемам социальной структуры и, таким образом, является пунктом отправления для поисков социальных структур и их анализа. После того как выработан список требований, можно систематическим путем установить, были ли изучены все минимально требуемые структуры в данной проблеме. Так, например, анализируя наше собственное общество, Парсонс рассматривает господствующую экономическую структуру в терминах функциональных императивов распределения и интеграции, показывая, как эти модели устанавливают границы для других моделей, таких, как родство, ухаживание и религия. Отсюда он прослеживает напряжения, или непоследовательности, которые имеют место при приближении к пределам интеграции или равновесия различных рядов моделей, и из них он выводит специальные структуры, действующие как «механизмы социального контроля» и сохраняющие систему в состоянии относительного равновесия. В тех случаях, когда эти механизмы перестают действовать, социальная система распадается или изменяет свой тип структуры.

Постоянное присутствие телеологии в функционализме. Обсуждение современного функционализма может быть достаточным для

³⁶ Talcott Parsons, Some Comments on the State of the General Theory of Action, ASR, 18 (December, 1953), pp. 624—625.

того, чтобы показать, что хотя были преодолены многие трудности раннего функционализма, но много осталось еще неопределенным. Может быть обосновано положение, что преодоление ранних трудностей фактически привело к переходу от более телеологического типа интерпретации, следующей биологическому методу, к более «механистическому», или причинному, типу анализа, следующему методике физических наук. Утверждение Нагеля о том, что в своей основе оба типа равны, по-видимому, получает здесь подтверждение на практике. Согласно этой точке зрения, неразрешенные проблемы современного функционализма могут быть частично приписаны смешению этих двух типов метода. Такое положение кажется особенно правдоподобным, учитывая тенденцию к взаимообмену важных понятий в этих двух областях. Во-первых, как это отмечалось Н. С. Тимашевым³⁷, Парсонс определяет термины «функция» и «механизм» почти одинаково, причем последний термин начинает играть все более важную роль. Во-вторых, ранние нормативные понятия «интеграция», «гармония», «целое» и т. д. начинают уступать понятию «равновесие», соотносимому с понятием порядка в его логическом значении как противоположности хаоса. Однако, как мы увидим ниже, это только тенденция, которой следуют бессознательно, причем иногда «порядку» придается нормативное значение. В-третьих, подобная же тенденция может быть обнаружена в переходе от понятия социальных «потребностей» к «требованиям» или от «предварительных условий» к «необходимым и/или достаточным условиям», причем второе является логическим понятием, совершенно явно отличным от первого.

Рассмотрим более детально употребление терминов «равновесие» и «порядок». Мы уже отмечали, что в функциональной методологии в биологии отправным пунктом, в отношении которого структурам и функциям придается значение и определяются критерии здоровья и заболевания, является нормальное состояние всего организма как структурно неизменного живого целого. В раннем социологическом функционализме аналогичным пунктом отправления было более или менее неопределенное состояние всей социальной системы как сохраняющегося целого. Мы также отмечали попытку Рэдклифф-Брауна вслед за Дюркгеймом дать более тщательное определение этого отправного пункта, несмотря на признание, что аналогия с биологией в этом случае не выдерживает критики. Именно здесь вступает в дело современный функционализм. На требование более тщательного определения идеи «выживания общества» был дан ответ в терминах определения уровня общности рассматриваемой социальной системы. Но наша проблема разрешена не полностью.

Ответ, по-видимому, заключается в понятии равновесия. Социальная система, если она на самом деле является действующей

³⁷ N. S. Timasheff, *The Basic Concepts of Sociology*, *AJS*, 58 (September, 1952), pp. 176—186.

системой, находится в состоянии равновесия, которое она стремится сохранить. Но в результате двусмысленности понятия быстро наступает неясность. Так, в одном месте Парсонс заявляет: «Наиболее общим и основным свойством системы служит взаимозависимость частей или переменных. Взаимозависимость заключается в существовании детерминированных отношений между частями или переменными в противовес случайному непостоянству. Другими словами, взаимозависимость — это *порядок* в отношениях между входящими в систему компонентами. Этот порядок должен обладать тенденцией к самоподдержанию, которое в весьма общих чертах выражается в понятии равновесия»³⁸. Нужно уяснить себе, что в этом смысле равновесие, или, точнее, порядок, в отношениях между компонентами является оценочно-нейтральным условием, то есть условием, не имеющим ничего общего с «порядком» в гоббсовском смысле и относящимся к степени конфликта, непоследовательности, разочарования или напряжения, существующих в системе. Здесь говорится лишь, что существующая система представляет собой чистый баланс совокупности взаимозависимых переменных.

Поскольку Парсонс чувствует, что мы в настоящее время не можем с какой-либо степенью точности определить переменные и установить их взаимосвязь, он обращается к функциональному принципу, вводя понятие функциональных предварительных условий в качестве приема для локализации наиболее важных переменных в социальной системе. Но в другом месте Парсонс склонен вернуться к ранней позиции, характеризуя всю систему в терминах идеально оцениваемого условия, заявляя, что «порядок — мирное сосуществование в условиях скудости — является одним из самых важных функциональных императивов социальных систем»³⁹.

Это ставит важные проблемы. Если «порядок» (а следовательно, и «равновесие») определяется в первом значении логической взаимозависимости переменных системы, тогда мы не имеем реального отправного пункта, соответствующего «нормальному» в биологии и применимому к любой социальной системе. В этом смысле если будет существовать некоторая степень порядка, то будет сохраняться и некоторый уровень равновесия, пока у нас существует *система*, о которой можно говорить. Согласно Бэтсону, любое *status quo* представляет собой условие динамического равновесия. В качестве конкретного примера мы можем привести анализ культур зуны и добу, осуществленный Бенедиктом: каждая из них представляет собой социальную систему; каждая находится в равновесии, но это равновесие существует на весьма различных уровнях: измержаемых в терминах конфликта, разочарования, напряжения и мирного сосуществования.

Пренебрежение функциональной теорией отклонениями. Если, с другой стороны, равновесие, или сохраняющийся порядок, опре-

³⁸ P a r s o n s and S h i l s, op. cit., p. 107.

³⁹ Там же, стр. 180, а также P a r s o n s, The Social System, pp. 26—27.

деляется в терминах «мирного сосуществования», тогда вступает в силу критика, изложенная раньше. Заявления, утверждающие, что *любое* общество стремится сохранить такое состояние, подозрительны в отношении своего соответствия фактам и идеологической нейтральности. Такие соображения приводят к решающему положению, тем или иным образом предложенному Мертонем, Хоумэнсом и Шелдоном, а именно что адекватная теория должна наряду с «согласованностью» допускать «отклонения» социальной структуры. Эти две категории неотличимы в отношении логического значения «порядка». Требуется значительные объяснения, если мы попытаемся примирить такое механистическое понятие, как равновесие (что подразумевает «систему Гиббса») с функциональной ориентацией (подразумевает нормативную систему).

Связанный с функционализмом порочный круг в рассуждении. Может быть, предполагалось, что оба определения «порядка» были отличными и независимыми, причем второе — порядок как мирное сосуществование — является функциональным предварительным условием, постулированным или выведенным из теоретической системы. Это ведет к вопросу о логическом в эмпирическом значении понятия функциональных предварительных условий. Мертон только один из многих, кто возражает против тенденции функционализма к простым тавтологиям, тавтологии и заявлениям *ex post facto*. Такие заявления ничего нового не говорят об обществе или конкретной социальной системе, скорее они выражают то, что мы подразумеваем под обществом или конкретной системой. На общем уровне наши заявления широки по охвату и очень далеки от конкретных структур. На низшем уровне, если мы определяем систему в терминах конкретных структур, становится довольно легко выбрать эти самые структуры как волнующие требуемые функции. Такое рассуждение будет представлять собой логический круг и никуда не ведет.

Рассмотрим, например, общие требования к любому обществу, предлагаемые Аберле и другими⁴⁰. Общество определяется как «группа людей с общей самодовлеющей системой действия, которая может существовать дольше, чем жизнь отдельного индивидуума, причем группа пополняется, по крайней мере частично, половым воспроизведением ее членов». Предварительные требования для сохранения такого общества определяются как: обеспечение адекватного отношения к среде и полового пополнения, дифференциация и распределение ролей; общение, общие познавательные ориентации, общий, ясно выраженный ряд целей, нормативная регуляция средств, регуляция аффективного выражения, социализация и эффективный контроль разрушительных форм поведения. Леви утверждает, что эти предварительные условия получены не просто путем определения, но сами они являются минимальными требованиями

⁴⁰ D. F. Aberle et al., *The Functional Prerequisites of a Society, «Ethics»*, 60 (January, 1950), pp. 100—111.

для существования общества в его среде: они отнюдь не пустые дедукции, а эмпирические отношения, которые нужно открыть⁴¹.

Некоторое представление о том, что с этим связано, можно получить из рассмотрения утверждения Эрнеста Нагеля, что функциональные заявления эквивалентны нефункциональным заявлениям того типа, которым обычно пользуются в физике. Можно спросить, каким образом понятие функциональных требований, определяемых как необходимое условие системы, может быть истолковано в свете систем физической науки. Как говорилось выше, модель теоретической системы в физике включает ряд уравнений, которые выражают отношение между несколькими переменными и определяют состояние всей системы для данных значений этих переменных. Теоретическая система является логической структурой или дедуктивной системой, из которой неизбежно вытекают определенные выводы и которые можно подвергнуть эмпирической проверке. Например, если дана теоретическая структура небесной механики, то что, собственно говоря, равнялось бы заявлению, гласящему, что, если солнечная система будет продолжать существовать, она должна удовлетворять определенным условиям? Такое заявление не имеет самостоятельного значения, если оно даже и обладает детерминированным значением. «Условия» уже определены или описаны структурой теоретической системы в терминах ряда ее уравнений. На общем уровне условия определяются уравнениями, устанавливающими связь между переменными. На частном эмпирическом уровне они определяются уравнениями, где символы заменены соответствующими числовыми значениями.

Так же обстоит дело и в социологической системе. Если мы начинаем с теории социальной системы, определяющей и связывающей все необходимые понятия, такие, как общество, ситуация, актер, взаимодействие и т. д., тогда функциональные требования, или условия, необходимые для существования такой системы (в идеале), включаются в саму систему. Такие выводы нельзя отбросить как «чистые дедукции». Эмпирическое исследование затем вступает в дело как проверка достоверности этих выводов и, таким образом, всей теоретической системы. С точки зрения теоретической системы функциональные предварительные условия являются выводами, или дедукциями. С точки же зрения процесса подтверждения они означают эмпирически отношения, которые нужно открыть.

Однако, как утверждает Парсонс, социологи еще не готовы для точной теоретической формулировки социальных систем. Но это сводится к признанию того, что они не в состоянии сделать логические выводы о существовании социальной системы из имеющейся теории; необходимые условия (функциональные предварительные условия) социальных систем на общем или частном уровне не могут быть определены. Другими словами, каким же образом понятие функции служит критерием важности социальных структур? Пред-

⁴¹ Levy, *op. cit.*, p. 40 и далее.

полагается, что это можно установить, связывая их с функциональными предварительными условиями или необходимыми условиями существования социальной системы. Но логически они являются конечным пунктом теории; они представляют собой поддающиеся проверке выводы из теории и, пока теория в основном не построена, могут быть только предметом неточной спекуляции. По-видимому, здесь будет полезным обращение к понятию функциональных предварительных условий. Это понятие не играет формализующей роли в теории, и, во всяком случае, остается открытым вопрос о том, может ли его использование придать что-нибудь, кроме иллюзии научной процедуры, тому, что в настоящее время неизбежно должно быть признанием неадекватности и наличия догадок.

С другой стороны, построение любой теории неизбежно влечет за собой значительное количество догадок; если окажется, что такое понятие, как «функциональные предварительные условия», имеет важное эвристическое значение, не может быть возражений против его использования при условии явного признания его тентативного характера. Так, С. Ф. Нэйдел, сам критически относящийся к этому понятию, тем не менее торопится заявить, что его использование может оказаться не вполне безрезультатным, хотя оно ведет только к трюизмам и тавтологии.

Попытки подтвердить теорию функциональных предварительных условий. Рассмотрим работу Аберле и других, целью которой было установить действительность вышеупомянутых функциональных предварительных условий на наиболее общем уровне для любого общества. Данная функция представляет собой необходимую принадлежность любого общества, если при ее отсутствии отношение между обществом и его средой будет таково, что можно будет доказать возникновение в результате одного условия (или некоторой их комбинации), ведущего к прекращению существования общества. Этими условиями являются: 1) биологическое уничтожение или рассеивание его членов, 2) апатия его членов (отсутствие соответствующей мотивации), 3) война всех против всех и 4) поглощение общества другим обществом. Утверждается, что это ясно можно показать в одних случаях и убедительно — в других. Авторы, однако, ничего «не показывают», а скорее призывают к существующему знанию об обществе и выводам из него, в основном интуитивным. Строгая логика проверки, конечно, потребует экспериментальных условий и техники, еще не разработанных или вообще мало правдоподобных.

Однако позволительно спросить, есть ли вообще необходимость в подтверждении таких общих требований. Большей частью они, по-видимому, будут «очевидными», то есть ясно вытекающими из определения «общества» и терминов, связанных с ним, таких, как «общий», «самодовлеющая система» и «действие». Трудность, вероятно, встретится на низших эмпирических уровнях. Именно здесь социолог встречается с наиболее интересными проблемами и именно здесь вопрос достоверности становится решающим.

ОБЩИЕ НЕДОСТАТКИ ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛИЗМА

Критика возложила на функционализм тяжелое бремя доказательства. Будет ли он играть какую-либо важную роль в построении социологической теории, — окончательно покажет только будущее. Тот факт, что он занимает сейчас центральное положение, причиняет теоретикам много беспокойства. Говоря от имени тех, кто не удовлетворен функциональным подходом, Ричард Шелдон, сам принимавший участие в разработке парсонсовской теории действия, приписывает существующие трудности недостаточному пониманию фактов, связанных с построением теории, и, таким образом, объединяет и подытоживает многие из критических замечаний, рассмотренных нами ранее. Он указывает, что в любой научной теоретической структуре имеются три основных ингредиента. Первый — это ряд понятий и постулатов, категорий и аксиом, которые представляют собой «свободные создания человеческого интеллекта», поскольку они не даны в природе, а представляют собой принципы, созданные благодаря абстракции и условности. Поскольку они не имеют обязательного или прямого отношения к наблюдаемым данным, они по своему характеру непроверяемы. Вторым ингредиентом является ряд операций, при помощи которых принципы или категории связываются с чувственными данными. С помощью этого независимо определяемого ряда положения первого ряда поддаются эмпирической проверке. Третий — не что иное, как логическая система или структура, при помощи которой делаются заключения, выражаемые в терминах иных отношений, чем те, которые были даны в первом ряде принципов.

Функционализм в том виде, как он представлен в системе Парсонса, изобилует принципами и категориями первого ряда, но ему очень не хватает двух других. «Функция» оперирует как принцип первого типа, связывающий категории этого же типа. Не существует независимых операций или логических структур, которые их связывают с чувственными данными и обеспечивают научную проверку и новые деривации⁴². Скорее отношения, по-видимому, образуются более или менее интуитивно структурой языка наблюдателя, или предполагается, что они существуют в природе. Одним словом, «...теория обладает содержанием, но не структурой. Все, что можно сделать с такой теорией, — это заполнить ее содержанием, и конечным результатом будут заявления вроде следующего: «Самоубийство является функциональным, потому что оно способствует спокойствию духа»⁴³.

⁴² Однако тесное сотрудничество за последнее время с коллегами, работающими на эмпирическом уровне (анализ процесса взаимодействия), обещает восполнить эти недостатки. Ср. Talcott Parsons, R. F. Vales and F. A. Shils, *Working Papers in the Theory of Action*, Glencoe, Illinois, 1953.

⁴³ Parsons and Shils, *op. cit.*, p. 35.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Bateson Gregory, Naven, Cambridge, Cambridge University Press, 1936.
- Becker Howard, Systematic Sociology on the Basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese, New York, John Wiley, 1932 (reissued with a new preface, Gary, Indiana, Norman Paul Press, 1950).
- Bennett J. W. and Tumin M. M., Social Life, New York, Alfred Knopf, 1948.
- Durkheim Emile, The Rules of Sociological Method, translated by S. A. Solovay and J. H. Mueller, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1938 (Э. Дюркгейм, Метод социологии, Киев — Харьков, 1899).
- Fortes Meyer (ed.), Social Structure, Studies Presented to A. R. Radcliffe-Brown, Oxford, Clarendon Press, 1949.
- Goldenweiser A. E., History, Psychology and Culture, New York, Alfred Knopf, 1933.
- Goode W. J., Religion Among the Primitives, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1951.
- Levy M. J., The Structure of Society, Princeton, Princeton University Press, 1952.
- Malinowsky Bronislaw, Argonauts of the Western Pacific, London, Routledge, 1922.
- Malinowsky, Coral Gardens and Their Magic, New York, American Book Company, 1935, 2 vols.
- Malinowsky, Magic, Science and Religion and Other Essays, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1948.
- Malinowsky, A Scientific Theory of Culture and Other Essays, Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1944.
- Merton R. K., Intermarriage and the Social Structure, Fact and Theory, «Psychiatry» (August, 1941), pp. 361—374.
- Merton R. K., Social Theory and Social Structure, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1949.
- Parsons Talcott, Essays in Sociological Theory Pure and Applied, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1949.
- Parsons Talcott, The Social System, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1951.
- Parsons Talcott, Bales R. F., Shils E. A., Working Papers in the Theory of Action, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1953.
- Radcliffe-Brown A. R., The Andaman Islanders, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1948.
- Radcliffe-Brown, Structure and Function in Primitive Society, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1952.
- Thompson Laura, Culture in Crisis, New York, Harper, 1950.
- Warner W. Lloyd, A Black Civilization, New York, Harper, 1937.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ

Алвин Босков

В социологии мало проблем, являющихся более заманчивыми, увлекательными или неуловимыми, чем проблема социального изменения. Со времени Гераклита и, вероятно, даже до него изменение было темой, в отношении которой делались широкие обобщения и которая вызывала туманную спекуляцию. Но вплоть до недавнего времени к изменению подходили с уверенностью и обоснованными идеями, служившими гарантией простоты. Современная точка зрения социологов, однако, отличается серией поучительных парадоксов, служащих ключом к нашим современным трудностям, а также и достижениям в этой важной области.

Социальные изменения: центральная проблема или мысли по размышлению. Хотя социальные изменения в той или иной форме были весьма популярной темой в течение пятидесяти лет, предшествовавших первой мировой войне, но ей уделялось удивительно мало внимания как со стороны настоящего, так и предшествующего поколения социологов. Действительно, несмотря на широкое использование этого термина, социологи склонны были заниматься *структурой, организацией и конфигурацией*. Учебники по социологии, превосходные показатели того, что думает или чему учит большинство социологов, часто относят вопрос социального изменения в заключительную главу, а иногда к небольшому разделу, идущему вслед за многочисленными главами о культуре, социализации, социальных группах и общности¹; к несчастью, обычный подход в учебнике является поверхностным и мало что говорящим и часто имеет форму обширного, но несколько запоздалого примечания к книге.

В настоящее время, как следствие упадка интереса к этому вопросу, не существует текста или специальной книги, посвященных анализу социальных изменений как определенной области социологии, за исключением книги «Проблемы социального измене-

¹ Основными исключениями в этой тенденции, по-видимому, являются R. M. MacIver, *Society*, New York, 1937 (пересмотренное издание этой работы в сотрудничестве с Чарлзом Г. Пейджем, опубликованное в 1949 году), а также Arnold Green, *Sociology*, New York, 1953.

ния» («The Problems of Social Change») Н. Л. Симса. Эта книга резко отличается от растущих как грибы сочинений о браке и семье, криминологии, социальных проблемах и дезорганизации, расовых отношениях и городской общности. Более того, трудно назвать конкретных социологов в качестве «специалистов» по социальному изменению в том смысле, как мы говорим о специалистах-криминалистах или специалистах по промышленной социологии. Другими словами, за последние годы изучение социальных изменений стало чем-то второстепенным, хотя такие ученые, как Вебер, Макивер, Сорокин, Беккер и Знанецкий, опубликовали глубокие работы по одному или нескольким аспектам этой проблемы. Основной аномалией является то, что изучение социальных изменений превратилось в специальность без специалистов.

Отсутствие организации в изучении социальных изменений. Вследствие падения интереса к этому вопросу социальное изменение остается на практике фрагментированной специальностью в зародыше, а не четкой, определенной областью исследования и мышления, взаимно обогащающих друг друга. Частично это происходит благодаря молчаливому соглашению, что социологам не хватает необходимых знаний для систематизации и оценки соответствующих понятий и теорий. Однако, как мы увидим позже, значительное и все возрастающее количество данных и теоретических исследований все больше становится доступным в таких важных областях, как общественные движения, социальная мобильность, урбанизация, специфические институциональные изменения, окультуривание, широкие исторические толкования и зарождающаяся специальность социального планирования². Фактически уже имеются некоторые доказательства, что серьезное внимание к выводам из этих исследований может привести к эффективной организации исследований по социальным изменениям, особенно необходимых в эпоху, насыщенную изменениями и связанными с ними проблемами. Пробная схема, составленная на основе анализа некоторых из этих проблем и предназначенная служить ключом к отдельным работам по социальным изменениям, дается в конце этой главы. В основном она посвящена одному виду систематизации проблем и данных о социальных изменениях и, таким образом, пытается установить действительное единство в этом аморфном разделе современной социологии.

Структура versus изменение: отклонение ложной проблемы. Может быть, основная загадка связана с поисками истинных отношений между проблемами структуры и проблемами изменений. По существу, это требует разработки и широкого применения двух дополнительных предположений. Первое связано со степенью аналитического развития между социальной структурой и социальными изменениями; второе связано с относительным приоритетом этих проблем в концептуализации и исследованиях.

² См. ниже, стр. 309—328.

Вплоть до первой мировой войны в своем мышлении и работах социологи склонны были выдвигать на первый план вопросы изменения, «динамики» и «прогресса». В известном смысле они приняли контовское отделение социальной статистики от социальной динамики, но их интерес к человеческой истории и современным социальным проблемам часто приводил их к построению «динамических социологий», в которых структура в известной степени подчинялась изменению. Это видно, например, в последних работах Конта, а также Спенсера, Уорда, Дюркгейма, Маркса, Росса, Гумпловича, Гобгауза и других³. В качестве реакции на широкие обобщения этих авторов современные социологи стали вновь подчеркивать различие между структурой и «динамикой». Далее, хотя внимание к проблемам изменения считается важным в любой уважающей себя социологии, по-видимому, повсеместно существует предположение, что анализ структуры обязательно должен предшествовать правильному пониманию изменений. Следовательно, изменения рассматриваются как *синтетическая* проблема, зависящая от «примитивных» очертаний структуры, а также — как и важная и полуавтономная область социологии⁴. В результате возникает серьезная методологическая дилемма, которой иногда, по-видимому, невозможно избежать.

Несомненно, наиболее отчетливым голосом в этих теоретических джунглях был голос Флориана Знанецкого, чье сотрудничество с У. И. Томасом было одной из счастливых случайностей современной социологии. Критикуя традиционную антитезу социальной статистики и социальной динамики, Знанецкий предложил способ избежать ложной проблемы «порядок *versus* изменение», подходя к социологическим данным с точки зрения *динамических систем*. Единственной формой стабильности (то есть структуры) в социальном мире является *относительная* организация, которая вскрывает элементы различия, беспорядка и изменения, а также тенденции.

³ Auguste Comte, *The Positive Philosophy*, translated and condensed by Harriet Martineau, London, 1896, vol. 2, Book 6; Herbert Spencer, *Principles of Sociology*, 3rd ed.; New York, 1905, Vol. I; L. F. Ward, *Pure Sociology*, New York, 1903; *Dynamic Sociology*, New York, 1883, 2 vols.; Emile Durkheim, *The Division of Labour in Society*, translated by George Simpson, Glencoe, Illinois, 1947; Karl Marx, *A Contribution to the Critique of Political Economy*, translated by N. I. Stone, New York, 1904. (См. К. Маркс, К критике политической экономии. Здесь следует заметить, что ни о каком принятии со стороны Маркса контовского отделения «социальной статистики от социальной динамики» не может идти речи: К. Маркс выдвинул материалистическое понимание истории, Конт же был социологом-идеалистом. — Ред.) E. A. Ross, *Social Control*, New York, 1901; *Foundations of Sociology*, New York, 1915; Ludwig Gumplervicz, *Outlines of Sociology*, translated by F. W. Moore, Philadelphia, 1899; L. T. Hobhouse, *Social Development*, New York, 1924; A. G. Keller, *Social Evolution*, New York, 1916; F. H. Giddings, *Studies in the Theory of Human Society*, New York, 1922.

⁴ См. противоположные взгляды на эту проблему в кн.: Talcott Parsons, *The Social System*, Glencoe, Illinois, 1951 и Florian Znaniecki, *Cultural Sciences*, Urbana, 1952, pp. 281, 392.

ведущие к ним. Таким образом, структуры изменения становятся *перекрещивающимися* и сталкивающимися проблемами. Отсюда следует, согласно Знанецкому, что социальное изменение не должно относиться в безмятежное будущее, поскольку при соответствующем изучении оно может способствовать нашему пониманию структуры таким же образом, как анализ структуральных проблем помогает понять природу изменения⁵. В настоящее время Знанецкий разрабатывает это направление в книге о «принципах», в которой социальное изменение не только упоминается в первых главах, но также и обсуждается в большинстве последующих.

Соответствующее равновесие между теорией и исследованием. Последний парадокс является результатом того, о чем уже говорилось. Проще говоря, хотя до сих пор изучение социальных изменений характеризовалось изобилием теории и недостатком исследования, мы теперь находимся перед лицом поразительного количества перепереваренных, но в различной степени важных исследований и удивительно малым количеством упорядоченной теории. До сих пор немногие социологи могли или желали прервать свой профессиональный взлет для размышления или возможной ориентировки в новом направлении.

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КАК ОПРЕДЕЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поскольку для изучения социального изменения в известной степени были характерны парадокс и сомнение, можно было бы ожидать, что трудно добиться соответствующего определения и концептуализации этой области. К несчастью, это чересчур хорошо соответствует действительности. Но не такова ли ситуация и в других проблемных областях социологии. Например, ведь все еще является фактом, что любой внимательный наблюдатель может различить многочисленные нюансы значения в употреблении таких основных терминов, как общество, социальная группа, институт и общественный класс. Все же полагают, что может быть сформулировано предварительное приемлемое определение социального изменения, определение, которое отражает лучшие мысли наших предшественников, а также современные попытки разрешить вышеуказанные парадоксы и установить ценность связанных с этим исследований.

Определение. Социальное изменение обозначает доступный пониманию процесс, при котором мы можем обнаружить значительное изменение в структуре и функционировании детерминированных социальных систем. Выводы из этого определения могут быть подвергнуты исследованию при обращении внимания на основные термины: социальная система, структура, функция и важное изменение.

⁵ Z n a n i e c k i, op. cit., pp. 281, 372. См. также Znaniecki's «Comment» in Herbert Blumer, An Appraisal of Thomas and Znaniecki's The Polish Peasant in Europe and America, New York, 1939, pp. 95—98.

Социальное и культурное. Решающей стороной этого определения является различие, проводимое между «социальным» и «культурным» и социальной и культурной системами. Это относительно недавнее различие (ему меньше пятидесяти лет), и некоторым социологам трудно его принять, главным образом потому, что социальный и культурный аспекты так явно взаимосвязаны. Но эта тесная связь не должна приводить к тому, чтобы игнорировалось определенное своеобразие каждой из этих связанных частей. Отец и сын, например, связаны физически и социально, и все же было бы заблуждением смешивать одного с другим. Этот принцип относится ко всей области человеческого поведения. Основными фактами являются взаимодействия между людьми; из этих фактов мы можем определить: 1) модели ассоциации и отношения, при помощи которых люди влияют или воздействуют друг на друга; 2) некоторые результаты этих закономерностей в виде поддающихся регистрации ценностей, норм и стандартов. Первое мы называем «социальным» аспектом, а последний — «культурным», признавая тем самым, что они не являются антитезой, а просто отражают различные, хотя и дополняющие друг друга стороны человеческого опыта⁶.

Эта абстракция, явно социального порядка, может быть возведена к Зиммелю, который утверждал, что социология в качестве специальной науки в первую очередь занимается *формами* взаимоотношений между людьми, а не *содержанием* (интересами, целями или ценностями, лежащими в основе конкретных ассоциаций), а также к Тённису, который разбил то, что мы теперь называем социальными системами, на социальные отношения, социальные круги, социальные коллективы и социальные корпорации⁷. И Дюркгейм и Вебер каждый по-своему следовали той же линии развития. в то время как Дюркгейм сосредоточил свое внимание на серийной классификации организованных групп, Вебер сосредоточился на анализе конкретных аспектов «социального» и социальной структуры (например, порядок и авторитет, иерархия, бюрократия, законность и стратификация)⁸. В 1921 году Альфред Вебер тщательно отличал *социальные* процессы от их результатов, разделяя эти ре-

⁶ Z n a n i e s k i, Cultural Sciences, pp. 336 (footnote), 396—398; P. A. S o r o k i n, Society, Culture and Personality, New York, 1947, Chap. 3; F r e d E g g a n, Social Organization of the Western Pueblos, Chicago, 1951, p. 6; M c I v e r, op. cit., p. 395; J. H. S t e v a r d, Area Research: Theory and Practice, New York, 1950, pp. 98—101; A. L. K r o e b e r, The Nature of Culture, Chicago, 1952, pp. 157, 165.

⁷ G e o r g S i m m e l, The Sociology of Georg Simmel, edited and translated by K. H. W o l f f, Glencoe, Illinois, 1950, pp. 21—23, 40—57; F e r d i n a n d T ö n n i e s, Fundamental Concepts of Sociology, translated and supplemented by C. P. L o o m i s, New York, 1940, Introduction; F e r d i n a n d T ö n n i e s, Soziologische Studien und Kritiken, Jena, 1925—1929, 3 Bd.

⁸ M a x W e b e r, The Theory of Social and Economic Organization, translated by A. M. H e n d e r s o n and T a l c o t t P a r s o n s, New York, 1947, Parts 3 and 4; F r o m M a x W e b e r, Essays in Sociology, translated by H. H. G e r t h and C. W r i g h t M i l l s, New York, 1946, Chaps. 6—10.

зультаты на *культурные* процессы и *цивилизаторские* процессы. К тридцатым годам большинство ведущих социологов признавали фундаментальное различие между обществом и культурой, хотя на практике они не всегда придерживались этого различия. Наконец в 1934 году, а также снова в своей последней работе Знанецкий обрисовал предмет социологии в виде четырех типов *социальных систем*: социальные отношения, социальные роли, социальные группы и общества⁹.

Природа социальной структуры. Каждая социальная система от самой простой до самой сложной обнаруживает определенные *закономерности* в отношениях между ее членами. В своей сумме эти закономерности составляют *структуру* социального отношения, социальной роли, социальной группы или общества. Следует, однако, помнить, что структуры в области социальной являются только относительно стабильными, что социальные системы действуют во времени и пространстве и что, следовательно, любое высказывание относительно структуры влечет за собой попытку свести эмпирические разновидности к минимуму. Социолог, однако, открыл, что структура лучше всего поддается анализу локализацией и оценкой, как качественной, так и количественной, определенных *измерений* или аспектов социальных систем. Чаше всего анализируются характерные типы взаимодействия (сотрудничества, соревнования, приспособления и т. д.); дифференциальная частотность взаимодействия между данными актерами; привлечение новых членов и уход существующих членов (текучесть персонала); распределение прав и привилегий, обязанностей и ответственности, разделение труда; форма статуса дифференциации (стратификации), система интеграции через структуры власти и авторитета, общественные потребности членов, удовлетворяемые нормальным функционированием социальной системы, и последствия относительной автономности или взаимозависимости от других социальных систем.

Функция. Функция социальной системы относится к вкладу в эту систему 1) основных и приобретенных потребностей ее членов, 2) более крупных социальных систем, в которые она может быть с основанием включена как подсистема. Поскольку, как это уже отмечалось, социальным системам свойственны созвездия взаимосвязанных характерных черт, можно проанализировать функцию любого отдельного элемента. В настоящее время обычно принято проводить различие между легко доступными (или *явными*) функциями и функциями непреднамеренными, или, о которых не подозревают участники-актеры, *скрытыми* функциями¹⁰. К несчастью, функциональный анализ, и в особенности анализ скрытой функ-

⁹ Alfred Weber, *Fundamentals of Culture Sociology*, translated by G. H. Weltner and C. F. Hershman, New York, 1939; Florian Znaniecki, *Basic Problems of Contemporary Sociology*, ASR, 19 (October, 1954), pp. 521—523; *The Method of Sociology*, New York, 1934, pp. 107—121.

¹⁰ R. K. Merton, *Social Theory and Social Structure*, Glencoe, Illinois, 1949, pp. 50—53, 60—61.

ции, еще не является достаточно точным, но совершенно очевидно, что это метод, обладающий огромными возможностями для социологии (см. гл. 8 настоящей книги).

Показательные изменения. Поскольку социальная реальность отличается текучестью, динамизмом, отклонениями и признанным отсутствием точного повторения в любой области человеческого опыта, социальные изменения превращаются в эквивалент социальной реальности, и изучающий социальные изменения благодаря своему теоретическому эмпиризму подавляется грубыми, навязчивыми фактами. Следовательно, совершенно необходимо ради сохранения достоинства социологии и душевного здоровья социологов разработать какой-то последовательный стандарт отбора. Отсюда и ключевой термин нашего определения — *показательное изменение*. Этот критерий подразумевается в большинстве тщательных исследований социального изменения, но он должен быть подробно изложен здесь в целях критической оценки. По существу, этот стандарт «показательности» с самого начала направляет внимание социологов на вариации, которые порождают *объективно различные последствия для изучаемой социальной системы*. Затем, в ходе анализа процесс, в котором возникают эти показательные изменения, может исследоваться в связи с более ранними и менее разработанными системами соответствующих данных. Преимущество этого направления заключается в том, что при его помощи социологи могут двигаться от описательного к аналитическому уровню, от «что» и «где» к «как» и «почему» социального изменения. Определение изменения, данное Лундбергом в его «Основаниях социологии», как «последующих положений социальных явлений во времени» связано с описательным уровнем, столь излюбленным бихевиористами. Может быть, это объясняет ограниченность вклада этого способного социолога в наше понимание социального изменения¹¹.

Социальное изменение и родственные термины. Обсуждение проблемы социального изменения сопровождалось таким избытком терминологии, что это часто граничило с путаницей; мы имеем, например, столь разнообразные термины, как социальное взаимодействие, социальный процесс, социальное различие, социальная эволюция, социальный прогресс и социальная динамика. Все эти термины ценны, если мы признаем, что каждый является ярлыком для определенного ряда факторов или определенного толкования. *Социальное взаимодействие* содержится в социальном изменении, как это было определено выше, но оно не является изменением. Взаимодействие относится ко всем основным фактам человеческой ассоциации, в то время как социальное изменение *охватывает определенные отклонения от обычных моделей взаимодействия*. Другими словами, социальное взаимодействие может сопровождаться небольшим или непоказательным изменением, в то время как

¹¹ G. A. Lundberg, *Foundations of Sociology*, New York, 1939, pp. 504—511.

социальное изменение всегда вытекает из процесса социального взаимодействия.

Социальный процесс является еще одним общим термином, употреблявшимся на протяжении последних тридцати или сорока лет, и, по-видимому, охватывает социальное взаимодействие и накопившиеся социально-культурные продукты взаимодействия. Ввиду этого социальное изменение может считаться частью социального процесса. (Ср. с понятием «процесса — серии» у Визе.)

Социальное развитие, социальная эволюция и социальный прогресс являются терминами, связанными со специальным толкованием или оценкой широких процессов социального изменения. Все три относятся к *направлению*, в котором идут последующие изменения, и все они, по-видимому, подразумевают какое-то суждение о желательности или неизбежности предполагаемого направления, в котором идет изменение. Наиболее нейтральным понятием в этой группе является понятие социального различия, хотя в том виде, как оно используется Гобгаузом и другими, оно определенно охватывает какое-то общее движение к большей эффективности и сложности, но с признанием сопутствующих этому проблем. Социальная эволюция, с другой стороны, разбивает длительное социальное изменение на серию градуированных стадий, или фаз, каждая из которых, как предполагают, обладает большей сложностью, большими социальными возможностями и большими этическими качествами, чем предшествующая. В понятии социального прогресса, однако, нейтральность полностью исчезает, и вместо более или менее конструированных стадий появляется понятие непрерывного развития в сторону какой-то, как предполагают, достижимой цели, как, например, счастье, братство или рациональность — неизбежное накопление желаемых социальных изменений.

Социальная динамика или *кинетика*, подобно социальному изменению, является культурно нейтральным понятием. Конечно, Конт отождествлял социальную динамику с социальным прогрессом, но за последние несколько десятилетий социальная динамика стала обозначать постоянное качество социальных явлений, а именно врожденную возможность изменения в социальных делах. Социальное изменение основано на возможностях, предоставляемых социальной динамикой, поскольку на них воздействуют явные причины, или агенты, изменения. В действительности мы выводим социальную динамику из сравнительного изучения конкретных специфических изменений.

Взаимодействие социального и культурного изменения. Хотя подчеркивался независимый концептуальный статус социального изменения, совершенно ясно, что культурное изменение часто коррелируется с социальным изменением¹². Каждый ряд изменений дает ценные данные для более полного понимания другого. Но

¹² См. общее обсуждение в Mac Iver, op. cit., pp. 443, 462, 466; Znaniecki, Cultural Sciences, p. 396; P. H. Landis, Three Iron-

важно признать также то, что любой данной социально-культурной системе, функционирующей в определенный период времени, не обязательно иметь соответствие между развитием в социальной и в культурной сферах. Каковы бы ни были основные причины и социальный и культурный аспекты свидетельствуют о степени независимости, а также и взаимозависимости. Мы можем пренебречь этим полуавтономным состоянием только за счет меньшего понимания сложных социальных явлений. Действительно, основной причиной для характерной импотентности многих социальных движений за реформы и живучести социальных проблем является полное надежд, но ошибочное предположение о том, что желаемые изменения в одной области приведут к соответствующему изменению в другой. Постоянные трудности международных организаций, например, с точки зрения социологии могут быть определены как ситуация, в которой важные социальные изменения еще не согласуются с соответствующими культурными изменениями (в направлении глобальной морали). С другой стороны, такие проблемы, как правонарушение, преступность, развод, коррумпированное правительство, отношение к группе национального меньшинства и психическое здоровье, по-видимому, не поддаются соответствующему лечению из-за неправомерного, неоправданного доверия к предпринимаемым культурным изменениям (например, законодательству) без учета изменений в социальной организации, которые соответствовали бы новой системе оценки¹³.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ

Концепция социального изменения, изложенная в предыдущем разделе, показывает общее развитие в этой проблемной области, которое в основном соответствует современному развитию самой социологии. Ни социология, ни изучение социальных явлений еще полностью не освободились от предшествующего смятения и юношеской нескромности, но можно различить ряд многообещающих тенденций в истории современного анализа социальных изменений, тенденций, которые также отражают различные течения в современной социологии. К ним относятся:

1. Важное аналитическое различие между социальным и культурным изменениями, соответствующее развитию социологии как специальной общественной науки. Это было подробно обсуждено в предыдущем разделе.

Mining Towns, Ann Arbor, 1938; W. F. Ogburn, *Social Change*, New York, 1923, pp. 58—60, S. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, New York, 1941, vol. 4, pp. 127, 377; примеры из практики см.: E. S. Goldfrank, *Changing Configurations in the Social Organization of a Blackfoot Tribe During the Reserve Period*, New York, 1945; L. A. Thompson, *Culture in Crisis*, New York, 1950; J. W. Bennett, *Culture Change and Personality in a Rural Society*, SF, 23 (December, 1944), pp. 123—132.

¹³ Znaniecki, *Cultural Sciences*, pp. 396—398.

2. Растущее признание дополнительной роли анализа социальных изменений в изучении социальной структуры, вытесняющее точку зрения, согласно которой знание изменения зависит от анализа структуры и следует за ним. Это также было изложено в предыдущем разделе.

3. Важная теоретическая и методологическая связь между социальным изменением и *социальной причинностью*.

4. Все большее подчеркивание фактического объективного изучения в противоположность спекулятивным спорам и чрезмерному теоретизированию XIX столетия.

5. Расширяющееся изучение конкретных обществ, или общностей, их составляющих, как выборочное изучение изменения, а не как традиционная попытка изучения «всего человечества» с помощью необъективного сравнительного метода.

6. Явное внимание к социальным, культурным и психологическим факторам в социальном изменении вместо избитых биологических, физических и климатических факторов.

7. Возникающая концепция социального изменения как сложного *процесса*, требующего анализа абстрагированных или типичных стадий или фаз.

8. Постоянное внимание к функции, ценности, значению и вообще к «субъективным» аспектам всего процесса социального изменения.

9. Связанное с этим, хотя и сравнительно недавнее, акцентирование роли человеческих факторов в процессе социальных изменений — основных характеристик, мотиваций, потребностей и т. д.

10. Признание наличия трудностей, проблем и неприспособленности к социальным изменениям с вытекающим отсюда уменьшением роли прогресса.

Последние семь пунктов составляют основной тип современного анализа социального изменения. Остальные наши рассуждения посвящаются подробному описанию этих черт и исследованию важности третьего пункта, которым часто пренебрегают в широких обзорах исследований, теории и методологии.

Социальное изменение и социальная причинность

В эпоху великих теоретиков, от Конта до первой мировой войны, общие теории изменения и имплицитные понятия причинности в умах таких людей, как Спенсер, Маркс, Уорд, Ратценгофер и Росс, были тесно связаны¹⁴. По мере того как социологи стали стремиться

¹⁴ Spencer, loc. cit.; Karl Marx and Friedrich Engels, The Communist Manifesto. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Избр. произв. в двух томах, т. I, Госполитиздат, М., 1955, стр. 1—39. — *Ред.*); L. F. Ward, *Psychic Factors in Civilization*, Boston, 1906; *Pure Sociology and Dynamic Sociology*; Gustav Ratzenhofer, *Soziologische Erkenntnis*, Leipzig, 1898; Ross, *Social Control*, pp. 17—19, 85, 136, 252—255, 395.

к изощренности и чистоте методологии, эта тесная связь проблем подверглась сомнению. С другой стороны, общая проблема социального изменения получила новое определение в виде серии специальных проблем исследования с все большим упором на точное *описание*. В то же самое время из-за безрассудного подражания новой физике понятие «причины» в основном заменилось понятием «связи» между «переменной» и «функцией». Эти ухищрения в общем были оправданны, но они, к несчастью, повели к недооценке как значения, так и динамических свойств всей проблемы социального изменения. Даже в наши дни позитивисты и необихевиористы среди социологов проливают исключительно мало света на социальные изменения.

Несмотря на век эмпиризма и ослабления теоретизирования, поиски понятных и важных исследований все еще продолжают, хотя этот вид исследования представлен только тонкой, но непрерывающейся нитью. Главным вдохновителем, несомненно, был Макс Вебер, чьи размышления о методе и исследовании объединили для современной социологии критические проблемы причинности и изменения. Кроме того, в тридцатых годах Знанецкий детализировал эту связь, проводя различие между «закрытыми», или «ограниченными», социальными системами, развитие которых можно было проследить или *генетически*, или *каузально*. В первом случае считалось, что социальные системы обнаруживают наличие процесса модификации, объяснимого исключительно возможностями, заложенными в составных частях таких систем. Хорошим примером этого из области биологии является «нормальный» процесс созревания всякого вида. Эти модификации «ожидаются», они внутренне свойственны системе и, следовательно, согласно Знанецкому, не представляют собой проблемы, связанной с причинностью. Таким образом, генетическая последовательность является одним типом отклонения. Принцип причинности приложим только к ситуациям «изменения», то есть ситуациям, в которых социальная система дает доказательство наличия отклонения, возводимого к внешним влияниям¹⁵.

При этом анализе и изменение и причинность являются понятиями, применяемыми к ситуациям, в которых прерывается установившаяся линия развития. Причинность, следовательно,— это создание *девиаций*, в то время как изменение охватывает накопившиеся продукты конкретного процесса причинения. Макивер впоследствии разработал формулировку Знанецкого, поместив основной элемент социальной причинности и социального изменения в рамки процесса *динамической оценки* (ср. «определение ситуации»), в котором отдельные лица и группы *интерпретируют* социальные ситуации таким образом, что они порождают различные социальные действия. Кроме того, Макивер различает три типичные

¹⁵ Z n a n i e c k i, *The Method of Sociology*, pp. 19, 293—297, *Cultural Sciences*, pp. 164, 229—231; R. M. M c I v e r, *Social Causation*, Boston, 1942, pp. 63—65, 176.

формы социальной причинности и изменения: первая — это *дистрибутивные явления* как результат независимых, но сходящихся оценок, таких, как уровень преступности, изменения в нравах, тенденции в мнениях. Второй являются похожие или сходящиеся оценки, которые ведут к объединенному социальному действию, как, например, в случае общественных движений, юридических постановлений и организационной политики. Это является важной категорией в *коллективных явлениях*. И, наконец, имеются противоположные оценки и деятельность взаимозависимых лиц и групп, которые создают непредусмотренные социальные результаты, то, что Макивер называет *сопутствующими явлениями*. Сюда можно отнести такие явления, как общественное разделение труда, деловой цикл, различные типы социальной дезорганизации и социальных проблем и даже сложное развитие основных институтов любого общества (ср. анализ Самнера)¹⁶.

Конечно, мало социологов, воспитанных вне пределов европейской традиции, которые ясно осознавали бы эту связь. Все же, если мы позволим себе заимствовать один из терминов Макивера, имеются доказательства того, что современные социологи в своем повседневном мышлении и исследованиях создают сопутствующие явления, которые, по крайней мере в выводах, приближаются к общей точке зрения Знанецкого и Макивера. Действительно, последний раздел этой главы, по-видимому, в значительной степени подтверждает эту точку зрения.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

За небольшим исключением, изучение социальных явлений стало склоняться к эмпирическому изучению конкретных аспектов изменения. Результатом явилась стратегия *кссвенного* анализа более широких проблем. Хотя это в основном и желательное явление, однако возникшая в результате специализация исследований не сопровождалась соответствующим синтезом и оценкой огромного количества работ, в значительной степени важных. Помимо того факта, что умственный труд является поистине гаргантюанским, возможно, причина, почему эта работа не была произведена, заключается в характерном нежелании воспользоваться достижениями родственных специальностей, если только ученая мода не придает им блеска и изощренности (см. резкие замечания Томаса в гл. 17 данной книги). В условиях отсутствия такой моды мы можем только наметить эти более или менее важные области специального исследования и мышления, а также, может быть, попытаться подвести предварительный итог выводов, следующих из каждой специальности и имеющих значение для более общих проблем социального изменения.

¹⁶ M c I v e r, Social Causation, pp. 298, 333, 372—388.

Исследование демографических и экологических изменений

Этим исследованиям в основном свойственна описательная количественная ориентация и проявляемый по временам интерес к родственным проблемам социальной мобильности и социальных движений. Значительным достижением исследований такого рода является неизбежное признание того, что социальные процессы зависят от состава населения и его распределения в физической среде, оцениваемой в терминах культуры¹⁷. Дюркгейм пользовался этим подходом, прослеживая развитие общественного разделения труда к росту *динамической плотности*, но результаты были неудовлетворительными. Значительно позже Парк и его последователи склонны были рассматривать демографические и экологические изменения в качестве важных индексов или даже факторов в социальных изменениях¹⁸. Однако изучение внутренней миграции обещает весьма плодотворное проникновение в социальные изменения благодаря исследованию: 1) изменяющихся социальных характеристик мигрантов; 2) меняющихся тенденций в локализации мигрантов; 3) разнообразных проблем социального приспособления, с которыми приходится встречаться мигрантам; 4) социальных последствий миграции для коллективов, откуда мигранты происходят.

Изучение урбанизации

Процесс урбанизации представляет собой второй центр данных, особенно постольку, поскольку большинство современных социальных изменений связано с преобладанием городских социальных структур. Исследование жизни городов имеет своим предметом многочисленные типы развития, но только некоторые из них исключительно важны для исследователя социальных изменений. Одна из наиболее старых проблем, связанная с каузальными факторами, ведущими к возникновению городов и влияющими на их географическое местоположение, была разрешена благодаря установлению функциональных типов городов, а также установлению ее связей с серией культурных и физиографических предпосылок. Вторая проблема, заключающаяся в попытках установить и понять характер роста городов, была источником многочисленных споров за последние двадцать пять лет. Чисто экономическое объяснение, основанное на конкуренции, было дополнено изучением более широких культурных факторов и влиянием политических факторов, причем больше внимания уделялось развитию городов за пределами Соединенных Штатов Америки¹⁹.

¹⁷ См. комментарии, обзоры и многочисленные ссылки в кн.: A. M. O. S. H a w l e y, Human Ecology, New York, 1950, Parts 2—4; J. A. Q u i n p, Human Ecology, New York, 1950, Parts 2—3.

¹⁸ D u r k h e i m, op. cit., pp. 256—262; R. F. P a r k, Succession: An Ecological Concept, ASR, 1 (April, 1936), pp. 171—179.

¹⁹ R. F. P a r k, E. W. B u r g e s s, R. D. M c K e n z i e (eds), The City, Chicago, 1925; W a l t e r F i r e y, Land Use in Central Boston, Camb-

Изучение процесса специализации городов представлено различными соответствующими видами исследования. Во-первых, существует проблема изменений или отсутствия таковых при сегрегации групп и функций в пределах города. Большинство исследований свидетельствует об определенной территориальной специализации с вытекающим из нее ограничением социального взаимодействия между социальными слоями и другими группами, особенно этническими²⁰. Во-вторых, мы имеем явление *субурбанизации* и роста городских окраин. Хотя данные этих исследований еще не являются полными, в перспективе возможно возникновение социальной системы, особенно в области семейной организации, весьма непохожей на ту, которая встречается в сельских областях или в самом городе²¹. Независимо от того, развивается ли своеобразная социальная структура в пригородах и городских окраинах, имеется веское доказательство, что сельские фермерские и сельские нефермерские районы претерпевают социальные изменения, которые полностью уничтожают крепкие, подобные отдельным народностям общности прошлого. Это, например, отражается в таких явлениях, как снижение рождаемости и увеличение преступности и самоубийств. Наконец, быстрый рост внутренне дифференцированных городских общностей, в которых господствующий центральный город объединяет специализированные функции многочисленных мелких общностей в пределах своего хинтерланда, обрабатывается в виде диаграмм. Работы Маккензи, Бога и других доказали растущую специализацию характерных черт населения и экономики, сопровождающих это явление, и мы только начинаем исследование социологических изменений в типах общностных компонентов, созданию которых способствует разделение труда²².

Некоторые выводы. В общем изучение урбанизации, по-видимому, дает четыре важных ключа к пониманию социальных изменений. Наиболее очевидным выводом является то, что городские изменения происходят бесплано и ненамеренно. (Ср. сопутствующие явления Макивера.) Таким же важным, однако часто непризнаваемым фактом является то, что явление урбанизации — это, по-видимому, резуль-

ridge, 1947; Kingsley Davis and Hilda Hertz, *The Pattern of World Urbanization*, New York, 1954; P. K. Hatt and A. J. Reiss (eds.), *Reader in Urban Sociology*, Glencoe, Illinois, 1951, parts 3 and 4.

²⁰ См. упоминания и обзоры исследований в кн.: Quinn, *op. cit.*, Chaps. 7, 15—16.

²¹ E. G. Gately Jacob and Ivan Belknap, *Is a New Form Emerging in the Urban Fringe?* ASR, 18 (October, 1953), pp. 551—557; W. T. Martin, *The Rural—Urban Fringe*, Eugene, Ore., 1953; *Some Socio-Psychological Aspects of Adjustment to Residence Location in the Urban Fringe*, ASR, 18 (June, 1953), pp. 248—253; *A Consideration of Differences in the Extent and Location of the Formal Associational Activities of Rural-Urban Fringe Residents*, ASR, 17 (December, 1955), pp. 685—694.

²² R. D. McKenzie, *The Metropolitan Community*, New York, 1933; D. J. Bogue, *The Structure of the Metropolitan Community*, Ann Arbor, 1949; W. H. Whyte, Jr., *The Transients*, in «Prize Articles of 1954», New York, 1955, pp. 39—112 (впервые в «Fortune», 1954).

тат нововведений, проводимых экономической и политической элитами, а также последующего приспособления как городских масс, так и первоначально негородских групп. Далее, процесс урбанизации происходит без применения силы или принуждения, а благодаря неуловимому косвенному давлению экономического характера. Наконец, социальные изменения, связанные с урбанизацией, по-видимому, возможны в общественных системах, которые включают в себя две культурные предпосылки: желательность материального прогресса и действительный отказ от установленных образцов, основанных исключительно на авторитете традиции.

Социальная мобильность, изменения в стратификации и динамика элиты

Великая Депрессия послужила в Соединенных Штатах Америки стимулом огромного интереса к проблемам стратификации, впрочем, европейские социологи продолжали серьезно работать над этой трудной проблемой со времени Конта. В Соединенных Штатах Америки большинство исследований по стратификации было построено таким образом, чтобы сопоставить миф о социальном равенстве с неопровержимыми фактами, и проблема вертикальной мобильности стала выдвигаться только в начале тридцатых годов. Сорокин дал превосходный обзор и толкование этих исследований в своем классическом труде «Социальная мобильность» («Social Mobility») и, помимо анализа социальных каналов вертикальной мобильности—военных, религиозных, экономических, политических, семейных, профессиональных, искал причины мобильности в таких факторах, как дифференциал населения в социальных слоях и специфические культурные и социальные изменения, требующие новых качеств в некоторых слоях. Со времени тридцатых годов исследования вертикальной мобильности сосредоточивались на степени *мобильности в занятиях* в конкретных профессиях и коллективах. В общем, исследователи мобильности в занятиях были весьма осторожны в отношении установления причин, хотя одно недавнее сообщение открыло изменение, до известной степени соответствующее экономическим периодам²³.

До самого последнего времени изменениям в системах стратификации не уделялось особого внимания. Действительно, марксистские теории последовательной смены внутренне враждебных классовых структур, вероятно в силу своей крайности, мешали предпринять более благоразумное и эмпирическое изучение классовой динамики. Однако Ландтман с успехом подверг анализу

²³ P. A. Sorokin, *Social Mobility*, New York, 1927; F. W. Tausig, and C. S. Joslyn, *American Business Leaders*, New York, 1932; W. Lloyd Warner and J. C. Abegglin, *Big Business Leaders in America*, New York, 1955; Natalie Rogoff, *Recent Trends in Urban Occupational Mobility*, in Hatt and Reiss, op. cit., pp. 406—420; Stuart Adams, *Trends in Occupational Origins of Business Leaders*, ASR, 19 (October, 1954), pp. 541—548.

общий процесс формирования классов и их прогрессивной дифференциации, базируясь на изучении этнографических материалов²⁴. В тридцатых годах, а также за последние годы основные изменения в классовой структуре, отмеченные социологами, состояли в укреплении или ослаблении классовых линий, как это показывают работы Линдса, Римера, Сорокина, Холлингхеда, Сьоберга и Гольдшмидта²⁵. В несколько ином направлении Босков пытался сопоставить специфическое развитие классовой структуры американских негров с приблизительными историческими периодами и, что более важно, с движением негров к более сложным общностям²⁶. Но, как это показали Хинкл и Босков в главе 12 этой книги, неопределенность понятий в стратификационном исследовании сильно ограничивала наши знания изменений в этой важной области социальной структуры.

За последние тридцать пять лет родственная линия анализа нашла свое отражение в сосредоточении интереса на исследовании групп элиты и их изменении с течением времени. Это, кстати, один из главных вкладов трех весьма различных исследователей-социологов — Парето (который черпал у Моска), Маннгейма и Тойнби. Следуя частично разработанным зачаткам теории Газтано Моска, Парето подытожил историческое развитие в виде «циркуляции элит», при которой лисы (специалисты по использованию обмана и «спекулятивных» мер) вытесняются или в свою очередь вытесняют львов (которые подчеркивают использование силы и крайний консерватизм в идеях и технике). Согласно Парето, этот постоянный цикл смены качеств вождей является результатом того, что каждый тип обладает *непосредственными* преимуществами, которые перестают удовлетворять вечным проблемам руководства; сохранение социального равновесия поэтому «требует» постоянного процесса замены, по мере того как перед элитой возникают повторяющиеся социальные ситуации²⁷. Для Маннгейма динамика элит заключается в некоторых формальных аспектах, которые, согласно наблюдениям, изменяются в современной истории Запада. В основном он обнаружил доказательство того, что имеет место: 1) рост количества элит

²⁴ Gunnar Landtman, *The Origin of Inequality in Social Class*, Chicago, 1938.

²⁵ R. S. Lynd and Helen M. Lynd, *Middletown in Transition*, New York, 1939; Svend Riemer, *Upward Mobility and Social Stratification*; A. B. Hollinghead, *Trends in Social Stratification. A Case Study*, ASR, 17 (December, 1952), pp. 679—686; Gideon Sjöberg, *Are Social Classes in America Becoming More Rigid?*, ASR, 16 (December, 1951), pp. 775—783; W. R. Goldschmidt, *America's Social Class — Is Equality a Myth?*, «Commentary», 10 (August, 1950), pp. 175—181; P. K. Hatt and Virginia Ktsanes, *Patterns of American Stratification, as Reflected in Selected Social Science Literature*, ASR, 17 (December, 1952), pp. 670—679.

²⁶ Alvin Boskoff, *Negro Class Structure and the Technicways*, SF, 29 (December, 1950), pp. 124—131.

²⁷ Vilfredo Pareto, *Mind and Society*, translated by A. Bongiorno and Arthur Livingston, New York, 1935, vol. 4.

с последующим отмиранием точных функций руководства; 2) уменьшение творческой способности элит, возводимой к уменьшению изоляции элиты от ее последователей; 3) увеличение отбора элит на основе происхождения и традиции; 4) растущее влияние локализма и ограниченности интересов источников и мышления современных элит. Совсем недавно Тойнби, по манере напоминающий Парето, но преследующий совершенно отличные цели, описал руководство в обществе как смену творческих меньшинств и господствующих меньшинств, причем первые разрешают общественные задачи соответствующим размышлением и рассуждением, в то время как последние, опасаясь «смены у кормила правления», удерживаются у власти благодаря силе²⁸.

Некоторые выводы. Для исследователя социальных изменений эта обширная область исследований, очерченная в общих чертах выше, является одним из основных факторов нашего растущего понимания социальной кинетики. Одним из наиболее непосредственных результатов этого является все большее понимание социальных изменений в основном как проблемы перераспределения власти и авторитета — теоретическое положение, провозглашенное Марксом* и более тщательно исследованное Максом Вебером²⁹. Но эти исследования недвусмысленно указали на важность поисков дифференцированных возможностей и препятствий, создаваемых конкретными социальными изменениями. Поэтому крайне важно рассматривать конкретные группы в терминах дифференциального влияния изменения и соответствующей реакции этих групп на ситуации изменения. Однако наиболее важным выводом, которому еще предстоит быть сделанным в Соединенных Штатах Америки, является мысль о том, что социальное изменение есть функция конкретной иерархической структуры данных обществ и что природа и направление изменения могут стать в значительной степени более ясными благодаря знанию характерных черт проблем и отношений социальных слоев. В этом, по-видимому, состоит значение исследований политической, экономической и эстетической элит и их социальных кругов.

Изучение институциональных и общественных изменений

Поскольку социология в основном занимается анализом институционального уровня человеческих явлений, связь институциональных изменений с социальными изменениями вообще не требует особого объяснения. Но что, собственно, подразумевается под «институциональным» уровнем? Хотя на этот счет у социологов нет единого определения, мы можем согласиться, что институты

²⁸ Karl Mannheim, *Man and Society in an Age of Reconstruction*, New York, 1940, pp. 81—96; Тойнби, *A Study of History*, abridged by D. C. Somervill, New York, 1944, pp. 50, 67—77, 217—246.

Здесь фактическое искажение идей К. Маркса, см. в связи с этим Послесловие к данной книге. — *Ред.*

²⁹ Max Weber, *Essays in Sociology*, Chap. 9; Max Weber, *Theory of Social and Economic Organization*, part 3.

обладают двумя связанными между собой аспектами — социальным и культурным. Культурный аспект институтов заключается в общих приобретенных ценностях, связанных с удовлетворением какой-то общепризнанной потребности, как, например, половое влечение, голод, забота о детях, защита от других групп. Этот аспект нельзя недооценивать или пренебрегать им, но социологи считают, что он недостаточен *сам по себе*. Социолог занимается дифференцированными моделями поведения, требуемого от конкретных категорий людей, и их функциональной взаимосвязью, направленной на удовлетворение данных нужд. Таким образом, под *социальными* институтами подразумевается созвездие взаимозависимых социальных ролей, относящихся к какой-то биологической и/или социальной функции. А институциональное изменение обозначает любое важное изменение во взаимоотношениях взаимозависимых социальных ролей.

В той или иной форме так много внимания уделялось институциональному изменению, что мы даже и не пытаемся дать исчерпывающее резюме всего этого богатства. В общем, однако, институциональные изменения представлены главным образом исследованиями семейных, экономических, политических и религиозных институтов, причем важное, хотя и второстепенное внимание уделялось научным, образовательным и художественным институтам. Семейные изменения стали весьма специализированной областью, в которой исследование сосредоточивалось на изменении ролей и функций членов семьи; изменениях процесса выбора супруга; изменениях в отношении ориентирующей семьи и семьи, посвящающей себя производству потомства; изменениях в преемственности семейной жизни, как, например, в исследованиях, посвященных разводу и реакциям на такие кризисные ситуации, как депрессия и разлука в военное время. Особенно примечателен сравнительно недавний интерес к классовым различиям в семейных изменениях³⁰. Социологический анализ не применялся широко к *экономическим* изменениям, хотя новая специальность, индустриальная социология, или, может быть, социология экономической организации, может в значительной степени исправить это частичное пренебрежение к крайне важным институтам. Однако, помимо отдельных социальных анализов у антропологов-культуроведов, имеется значительная литература о развитии капитализма как социального института. Наиболее типичными являются работы Макса Вебера, Зомбарта, Мертон, Веблена, Берле и Гарднера, а также Друкера³¹. Что же касается типа развития религиозных

³⁰ Тексты, относящиеся к этим аспектам, имеются в кн.: E. W. Burgess and H. J. Locke, *The Family*, New York, 1945; W. W. Waller, *The Family*, revised by Reuben Hill, New York, 1951; Ruth S. Cavan, *The American Family*, New York, 1953; Howard Becker and Reuben Hill (eds.), *Family, Marriage and Parenthood*, Boston, 1948. См. также Reuben Hill, *Families Under Stress*, New York, 1949; Mirra Komarovsky, *The Unemployed Man in the Depression*, New York, 1939.

³¹ Max Weber, *General Economic History*, translated by F. A. Knight, Glencoe, Illinois, 1950; Werner Sombart, *The Quintessence*

институтов, было мало работ, обладающих научной ценностью, пока Трёльч, стимулируемый Максом Вебером, не дал свою знаменитую концептуальную схему религиозных типов, хотя антропологи-культуроведы и ученые-классики описывали развитие магии и ритуала. После смерти Вебера в 1920 году мы имеем ряд исследований, построенных в этом духе. Среди них мы можем упомянуть труды Трёльча, Ваха, Хонигсгейма, Нибура, Беккера, Фрэнсиса и Йингера³². (См. более полный список литературы в главе 15 данной книги.)

В области политических изменений социологи сосредоточили свое внимание на пяти задачах. Чаще всего, по-видимому, они анализировали революционные явления; это будет обсуждаться в связи с изучением социальных движений. В начале этого столетия, как следствие особого внимания к «эволюции», проблема возникновения государства была источником большой притягательной силы, как, например, в работах Опленгеймера, Гобгауза, Макивера и Лауи³³. В-третьих, внимание уделялось одной из сторон политического развития, например развитию военной организации и войны или развитию политических партий. Позднее к политической динамике подходили через некоторые характерные черты политических кадров, например психологические черты, первоначальная профессия, социальное положение, как, например, в работах Лэссуэлла, Маннгейма, Герта и Абеля³⁴. Наконец, имелись попытки широких толкований политического развития в западном мире. Выдающимися авторами

ce of Capitalism, translated by M. Epstein, London, 1915; R. K. Merton, Science, Technology and Society in Seventeenth Century England, «Osiris», 4 (1938), pp. 360—597; Thorstein Veblen, The Theory of Business Enterprise, New York, 1904; A. A. Berle, Jr., and G. C. Means, The Modern Corporation and Private Property, New York, 1935; Peter Drucker, The End of Economic Man, New York, 1939; The Future of Industrial Man, New York, 1942.

³² Max Weber, Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, Tübingen, 1920—1921, 3 Bände (частичный перевод издается в кн.: «Essays in Sociology», Part 3); Ernst Troeltsch, The Social Teaching of the Christian Churches, New York, 1931; Joachim Wach, The Sociology of Religion, Chicago, 1944; H. Richard Niebuhr, The Social Sources of Denominationalism, New York, 1929; Howard Becker, Systematic Sociology on the Basis of the «Beziehungslehre» and «Gebildelehre» of Leopold von Viese, New York, 1932; reissued, with new preface, Gary, Indiana, 1950, Chap. 44; E. R. Francis, The Russian Mennonites: From Religious to Ethnic Group, AJS, 53 (September, 1948), pp. 101—107, The Adjustment of a Peasant Group to a Capitalistic Economy, RS, 17 (September, 1952), pp. 218—228; J. Milton Yinger, Religion in the Struggle of Power, Durham, N. C., 1948.

³³ Franz Oppenheimer, The State, Indianapolis, 1913; R. M. MacIver, The Modern State, London, 1926; R. H. Lowie, The Origin of the State, New York, 1927.

³⁴ H. D. Lasswell, Psychopathology and Politics, Chicago, 1930, Power and Personality, New York, 1948; Karl Mannheim, Geology and Utopia, translated by Louis Wirth and E. A. Shils, New York, 1936, part 3, section 2; Hans Gerth, The Nazi Party: Its Leadership and Composition, AJS, 45 (January, 1940), pp. 517—541; Theodore Abel, Why Hitler Came into Power, New York, 1938.

в этой области являются Макивер, Тойнби, Мерриэм, Холкомб, Барнс и Нисбет³⁵.

От институционального к общностному изменению. Институциональные изменения могут, конечно, изучаться на уровне общества или общности, но имела тенденция сосредоточить анализ на последней. Поскольку с точки зрения социолога общность является созвездием институтов, одна сложность, таким образом, подменялась другой. Если конкретные институциональные изменения на уровне общества требуют обобщения многочисленных общностей или общностных типов, изучение институционального изменения на уровне общности влечет за собой задачу координации и оценки различных степеней изменения в нескольких взаимозависимых институциональных областях. Эта задача отнюдь не так легка и обычна, как это может показаться. Поэтому мы имеем много исследований общностей и обзоров общностей, но относительно мало попыток описания и толкования изменений в общности так, как они были определены здесь. Первоначальные исследования, главным образом в Англии и Соединенных Штатах Америки, относились к сельским коллективам и небольшим городам. В двадцатых и тридцатых годах сюда были включены и более крупные единицы, как, например, знаменитые серии Миддлтауна и Янки Сити. В тот же самый период исследование жизни сельской местности, предпринятое Министерством сельского хозяйства, дало несколько прекрасных описаний коммерциализации и урбанизации фермерских общностей³⁶. Наконец, имеется несколько исследований быстрых изменений военного времени в новых или возрожденных общностях³⁷. Все же, несмотря на разнообразие местностей и населения, результаты, по существу, были единообразными. В основном экономические нововведения и расширение сети коммуникаций усилили социальную дифференциацию, секуляризацию и урбанизацию с вытекающими отсюда проблемами социального приспособления, знакомыми каждому внимательному читателю газет.

Некоторые выводы. Таким образом, изучение институциональных изменений за последние сорок лет, по-видимому, не смещивалось с вопросом социальных изменений вообще. За предшествующие

³⁵ McIver, Society, pp. 482—498; Тойнбе, op. cit., pp. 367—370; С. Е. Мерриам, Political Power, New York, 1934; Н. Е. Барнс, Sociology and Political Theory, New York, 1924; Р. А. Нисбет, The Quest for Community, New York, 1938.

³⁶ Lynd and Lynd, loc. cit., W. Lloyd Warner and P. S. Lunt, The Social Life of a Modern Community, New Haven, 1941, The Status System of a Modern Community, New Haven, 1942. Наиболее важными исследованиями Министерства сельского хозяйства являются: Е. I. Bell, Culture of a Contemporary Rural Community: Sublette, Kansas, Washington, 1942, а также Е. О. Мое and С. С. Тейлор, Culture of a Contemporary Rural Community: Irwin Iowa, Washington, 1942.

³⁷ L. J. Carr and L. E. Stermer, Wilbow Run, New York, 1952; Е. С. Банфилд, Government Project Glencoe, Illinois, 1951; Р. J. Hавигхурст, and Н. В. Морган, The Social History of a War-Boom Community, New York, 1951.

пятьдесят лет институциональные изменения изучались неотрывно от социальных изменений, хотя этим теоретическим взглядам мешал предрассудок эволюционизма. Если более поздние исследования не позволяют нам рассматривать социальные изменения как серию неизбежных стадий, какие важные теоретические выводы *можем* мы сделать из них? Во-первых, эти исследования показывают, что каждый институциональный сектор подвергается тому же самому общему *процессу* изменения во всех обществах независимо от различия темпов изменения или различных результатов изменения. (Это положение будет развито в заключительном разделе этой главы.) Во-вторых, сравнение исследований развития различных институциональных секторов показывает важность всех институциональных областей как фокусов изменения в тот или иной период времени. Следовательно, любая попытка открыть *единый* рычаг изменения в экономических, религиозных, политических, научных или семейных институтах представляет собой опасное упрощение. В-третьих, эти исследования подтверждают существование часто пренебрегаемой связи между институциональным изменением и развитием систем стратификации, о чем говорят взгляды таких непохожих друг на друга теоретиков, как Маркс и Кули³⁸. В-четвертых, мы имеем множество доказательств, несомненно подтверждающих социальные и культурные объяснения изменения и фактически дающих убедительное опровержение (в глазах каждого непредубежденного человека) теоретической достоверности физических, биологических или географических факторов. Наконец, хотя любая теория независимых (substantive) стадий в социальном изменении должна оставаться под подозрением, эти исследования действительно подсказывают *основное направление* (но не конечную цель) на *ограниченный период времени* в сторону увеличения социальной сложности вторичных социальных отношений и урбанизации. Они не подтверждают, как на этом настаивает Сорокин, *врожденную* ограниченность тенденции к изменению. Из них нельзя сделать вывод о существовании какой-либо формы неизбежности, не прибегая к насилию над фактами.

Социальные движения

Одним из наиболее богатых источников данных для исследователя социальных изменений является область социальных движений, организованных попыток добиться одного или более коренных институциональных изменений. До недавнего времени большинство исследований социальных движений состояло из подробных описаний, сделанных скорее социальными историками, чем социологами. Но недостаток концептуализации и обобщения часто компенсировался полнотой деталей и интересом к тому, что теперь некоторые социологи называют *групповой динамикой*. В настоящее

³⁸ Marx, A Contribution to the Critique of Political Economy, pp. 11—12 (К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 7—8. См. в связи с этим Послесловие к настоящей книге.—Ред.); C. H. Cooley, Social Organization, New York, 1909, p. 140; Social Process, New York, 1918, pp. 292, 302, 336.

время имеется значительное количество литературы, относящейся к политическим, экономическим, религиозным и другим типам социальных явлений. В области религии, например, мы имеем несколько анализов развития культов и сект, таких, например, как секта божественного отца и бухманизм, а в экономическом секторе следует упомянуть различные исследования рабочего движения в Европе и Америке, кампании за социальное обеспечение и развитие деловых организаций и объединений³⁹. Однако политические движения настолько захватили воображение и внимание как историков, так и социологов, что для многих людей социальные движения являются главным образом политическими явлениями. Мы можем различить два типа политических движений: мирную, конституционную разновидность и революционный, или насильственный, тип. Лучшим примером первого является исследование аграрных движений в Соединенных Штатах Америки, ККФ в Канаде прогрессистского движения и движения за запрещение спиртных напитков (prohibition)⁴⁰. Коммунизм, фашизм и нацизм — превосходные примеры революционных движений*. Революционные движения почему-то больше, чем конституционные, стимулировали исследования, и был сделан ряд попыток открыть обобщенную модель, или последовательность, революций, — попыток, которые, по-видимому, касаются фактически всех теоретических проблем социального изменения вообще⁴¹.

Социальное планирование

Хотя социальное планирование в настоящее время представляет собой теоретические дебри, его значение для изучения социальных изменений может быть в известной степени понято, если рассматривать планирование как особый случай явлений,

³⁹ См. например, A. W. E i s t e r, *Drawing-Room Conversion*, Durham, N. C., 1950; R. A. B r a d y, *Business as a System of Power*, New York, 1943; P. S. F o n e r, *History of the Labor Movement in the United States*, New York, 1947; C. W r i g h t M i l l s, *The New Men of Power*, New York, 1948; A d o l p h S t u r m t h a l, *The Pragedy of European Labor*, New York, 1944; H a d l e y C a n t r i l, *The Psychology of Social Movement*, New York, 1941, Chap. 7.

⁴⁰ S. P. B u c k, *The Agrarian Crusade*, New Haven, 1930; J. D. H i c k s, *The Populist Revolt*, Minneapolis, 1931; T h e o d o r S a l o u t o s a n d J. D. H i c k s, *Agricultural Discontent in the Middle West, 1900—1939*; Madison, 1951; A l v i n B o s k o f f, *The Farm Bloc and Agrarian Ideology*, unpublished Master's thesis, Columbia University, 1948; C. A. C h a m b e r s, *California Farm Organization*, Berkeley, 1952; S. M. L i p s e t, *Agrarian Socialism*, Berkeley, 1950; K. C. M a c K a y, *The Progressive Movement of 1924*, New York, 1947; P. H. O d e g a r d, *Pressure Politics*, New York, 1928; A. M. L e e, *Techniques of Social Reform: An Analysis of the New Prohibition Drive*, ASR, 9 (February, 1944), pp. 65—77.

* См. по этому поводу Послесловие к данной книге. — *Ред.*

⁴¹ L. P. E d w a r d s, *The Natural History of Revolutions*, Chicago, 1927; C r a n e B r i n t o n, *The Anatomy of Revolution*, New York, 1938; P. A. S o r o k i n, *The Sociology of Revolution*, Philadelphia, 1925; R. D. H o p e r, *The Revolutionary Process: A Frame of Reference for the Study of Revolutionary Movements*, SF 28 (March, 1950), pp. 270—279.

составляющих «социальные движения». Ибо, если социальные движения включают *все* организованные попытки произвести институциональное изменение, социальное планирование в значительной степени охватывает ту *рационально организованную* деятельность, которая получается из попыток предвосхитить, получить или контролировать социальные изменения на институциональном и социальном уровне. Социальное планирование тогда может рассматриваться как кристаллизация предшествующих политико-экономических движений, специальный, но редкий продукт успешных движений, лидеры которых действительно стремятся к социальным изменениям, а не просто к перемене элит. За последние десятилетия было больше споров о планировании, чем фактического планирования, и о планировании было опубликовано относительно мало социологических исследований. Английский опыт планирования городов и деревень, контроль деторождения и населения в Скандинавии, французская *planification*, огромный эксперимент Советской России по социально-экономической трансформации и различные попытки планирования в городах и районах Соединенных Штатов Америки, а также поучительные попытки планирования в период «нового курса» — все это было хорошо отражено в документах, хотя обобщающие анализы более широкого значения были сделаны только в случае ТВА, «нового курса» и планирования в Советском Союзе ⁴².

Некоторые выводы. В общем исследования социальных движений и социального планирования выявили четыре аспекта социального изменения, которые лежат в основе современного подхода к изменению. Во-первых, они неизбежно сосредоточиваются на условиях напряжения и плохого приспособления. Во-вторых, часто делаются попытки дать социальную характеристику лидеров и активных участников. В-третьих, коренная проблема власти и силы явно предстает перед нами как реальность (плохая или хорошая) при рассмотрении вопросов социального изменения. В-четвертых, широкий интерес к пониманию причин успеха или неудачи конкретных движений породил много гипотез, важных для понимания изменения.

Исследование окультуривания

Когда антропологи изучают окультуривание, или культурное изменение, как процесс контакта между различными народами, они почти неизменно дают превосходные доказательства социального изменения. Действительно, недавний интерес антропологов к окультуриванию почти полностью сломал теоретические преграды между антропологами и социологами. (См. главу 18,

⁴² A l v a M y r d a l, *Nation and Family*, New York, 1941; R. A. B r a d y, *Crisis in Britain*, Berkeley, 1959; G r e g o r y B i e n s t o c k et al., *Management in Russian Industry and Agriculture*, New York, 1944; D a v i d L i l i e n t h a l, *TVA: Democracy on the March*, New York, 1944; P h i l i p S e l z n i c k, *TVA at the Grass Roots*, Berkeley, 1949; A l v i n B o s k o f f, *Social Planning in Modern Society*, unpublished manuscript, Chaps. 1—2.

стр. 592—621.) Весьма обычны, например, доброкачественные исследования таких важных социологических явлений, как развитие межгрупповых процессов, возникновение новых группировок, социальная дистанция, отношения власти, стратификация и лидерство, а также ввиду склонности антропологов к изучению родства и семейная структура. Теперь, когда изучение окультуривания широко охватывает это явление от американских индейцев в Центральной и Южной Америке, южном и центральном районах Тихого океана и до различных областей Африки, создается общая картина окультуривания на основе ситуаций, поддающихся сравнению. Более того, этот фонд исследований, вероятно, является одним из наиболее важных источников данных и идей, относящихся к изучению социального изменения. Никакие другие данные, например, так ясно не подтверждают и не иллюстрируют *процессуальный* характер социального изменения. Но, помимо этого, указанные исследования часто дают всесторонние описания социальных и психологических напряжений и оценку конкретных нововведений, переходных социальных структур и типов защитной реакции против нововведений. Мы вернемся к этим аспектам в заключительном разделе.

Синтезы исторического изменения

Наконец, имеются классические или почти классические попытки обозреть и истолковать основной тип изменения в зарегистрированном человеческом опыте. Эти широкие теоретические экскурсы в исторический материал неизбежно ведут к смещению социологии и философии (и даже теологии), и, хотя они могут быть подвергнуты детальной критике в отношении фактов, методологии и толкования, они содержат достаточно ценные идеи, чтобы оправдать постоянные ссылки на них и их изучение. Четыре из этих панорамных теорий социального изменения мы возьмем в качестве примеров.

Брукс Адамс. Брукс Адамс, проследившая изменение от греков до современности, в 1896 году опубликовал свой знаменитый анализ в работе «Закон цивилизации и упадка» («The Law of Civilization and Decay»), но его идеи пользовались популярностью еще в двадцатых годах нашего столетия, и роскошное издание названной работы с предисловием Чарльза А. Бёрда появилось в 1943 году. Согласно Адамсу, социальное изменение циклично и проявляется в четырех одновременных процессах. Наиболее важным из них является изменение от физической разбросанности населения к его концентрации, которое совпадает с движением от «варварства» к «цивилизации» на социо-культурном уровне. Но на обществах также сказывается изменение в проявлении человеческой энергии от страха к мрачным мотивам жадности. По мере развития этих процессов господствующий социальный институт перемещается от религиозного к военному, а затем к экономическому сектору. Соответственно социальное господство переходит от служителей культа к классу военных, а затем к классу коммерсантов, представ-

ленных ростовщиком. Развитие «зрелой» цивилизации, характериземой алчностью, урбанизацией, экономическим господством и элитой коммерсантов, неизбежно влечет за собой упадок, поскольку нравственность и военное искусство падают до уровня, при котором страхи и связанные с ним факторы начинают вновь преобладать.

Шпенглер. В 1918 году неизвестный до того преподаватель средней школы в Германии Освальд Шпенглер приукрасил эту точку зрения на мир щедрыми мазками символизма и фатализма в своей книге «Закат Европы». Рассматривая наиболее крупные общества как организмические сущности, Шпенглер описал их историю в виде возникновения юношеской ранней стадии «культуры», за которой неизбежно следует зрелая «поздняя культура», которая впоследствии уступает место стадии упадка цивилизаций, подобно старости. На «культурной» стадии для общества характерны сельская разбросанная организация и господство служителей культа и дворянства (класс воинов). По мере того как культуры достигают зрелости, ясно выраженные землевладельческие группы уступают место все увеличивающейся городской классовой структуре (на городском уровне), после чего усиленная урбанизация порождает новые классы (*третье сословие* и *массы*), и в результате разрушаются традиции и социальная организация предшествующих фаз. Цивилизация является (парадоксально) и высшим развитием, и зародышем социальной дегенерации, а история — это летопись сменяющихся циклов социально-культурного развития, в которой *причина* заменена Судьбой, а социальные механизмы являются просто проявлениями расы, крови, космического начала и пола. «История насыщена роком, но свободна от законов». Социальное изменение, следовательно, — это процесс, окрашенный в траур.

Тойнби. Фатализм Шпенглера был моден в двадцатых годах и даже позднее, но страсть к объективности или по крайней мере к какому-нибудь подобию объективности породила еще две интеллектуальные попытки дать анализ социальных изменений. Попытки, содержащие интересные вариации метода и интерпретации. В конце тридцатых годов английский ученый-историк Арнолд Д. Тойнби начал публикацию своего громоздкого труда «Исследование по истории» («A Study of History»), который сейчас состоит из десяти томов. Если пренебречь его странным набором целей (теологической, философской и социологической), то его анализ возникновения, роста и упадка исторических обществ дает много пищи для размышления. Тойнби рассматривает эти общества в сравнительном плане, а также коллективно, как данные всеобъемлющего глобального процесса социального изменения, при котором «великий серийный порядок» идет от примитивных обществ (относительно неподвижных структур) к первичным цивилизациям, затем к более поздним, связанным с ними, вторичным цивилизациям и, наконец, к их специальному отпрыску — к так называемым высшим (всемирным) религиям. В противовес шпенглеровскому циклу, лишенному направления, Тойнби постулирует телеологию

ческую кумуляцию человеческих усилий, которая создает не полностью реализованную, но совершенно новую социальную единицу, которую мы могли бы назвать *развитой религиозной общиной*.

Абстракция основной социальной механики, принадлежащая Тойнби, весьма далека от биологического символизма Шпенглера. По существу, примитивные общества достигают уровня цивилизации, создавая *творческие меньшинства*, которые разрабатывают соответствующие *реакции* на последовательные *угрозы* всего их окружения. Адекватная реакция, по-видимому, возникает благодаря «уходу-и-приходу» творческих личностей, но читатель остается в неведении, *каким образом* эта временная изоляция ведет к «правильным» реакциям. По мере того как возникают и с успехом устраняются угрозы, общества все больше и больше дифференцируются и усложняются, пока творческое меньшинство неизбежно не вырождается в *господствующее меньшинство*, полагающееся скорее на силу, чем на изобретательность, чтобы сохранить свое положение. Это происходит, утверждает Тойнби, потому, что удачливый творец обнаруживает, что его успех оказывается помехой при новых, неизвестных и более трудных угрозах. Это так называемая *немезида творчества*; нелегко добиться нужного изменения в элитах, поскольку предыдущий успех не является стимулом к отречению от власти. Это «смутное время», прелюдия к распаду, при котором господствующее меньшинство в конце концов создает *универсальное государство*, для того чтобы предупредить социальный кризис, а внутренний пролетариат (главным образом городские массы) в свою очередь создает социально-культурную схизму, разрабатывая высшую религиозную систему как основу *универсальной церкви*. Для усложнения вопроса внешний пролетариат (менее развитые народы на периферии универсального государства) усиливает процесс распада, превращаясь в военную угрозу именно в тот момент, когда цивилизация является наиболее ослабленной.

Сорокин. В своем обширном обзоре социального изменения Питирим Сорокин, ведущий социолог, также обращается к крупным историческим обществам. Сорокин свел сбивающую с толку сложность мирового социального изменения к основному циклу *культурного изменения*. Вместо того чтобы заняться открытием какого-нибудь ясного направления в *социальной* динамике, он пускает в ход внушительный, но мало убедительный набор частотных распределений, чтобы подтвердить свое положение о том, что социальные процессы «в различной степени повторяются». Как бы то ни было, в социальном изменении имеются некоторые ограниченные закономерности, сопровождающие лежащий в основе процесс смены культур. Характер социальных отношений, системы авторитета и стратификации, война и революция и т. д.— все они реагируют на развитие трех относительно интегрированных систем *культурных предпосылок* о природе реальности: *идейной, чувственной и идеалистической «сверхсистем»*. Эти альтернативные предпосылки,

состоящие в том, что реальность является сверхчувственной, чувственной или смешанной, являются тремя возможными способами познания реальности, но Сорокин не говорит, почему та или иная начинает преобладать в ту или иную эпоху. Вместо этого он говорит, что чувственная и идейная сверхсистемы являются только частичными и неадекватными представлениями об истинной реальности и что, следовательно, каждая, достигнув чрезмерного развития, ведет к своему собственному вытеснению⁴³.

Хотя Сорокин легко критикует все теории социального развития, особенно те из них, которые подчеркивают последовательность или стадии развития, его взгляды не полностью исключают идеи какой-нибудь абстрактной правильности. Его принцип имманентного измерения, хотя и смягченный признанием вторичной роли внешних факторов и «принципа границ», имплицитно влечет за собой относительно определенную схему развития. Более того, он постулирует внутреннюю диалектику социально-культурных процессов: излишнее подчеркивание одного аспекта социальной системы приводит к господству его противоположности и т. д. Но Сорокин, кроме того, указывает на сходство взглядов в теориях Шпенглера, Тойнби и своей собственной. Его идейная сверхсистема соответствует фазе роста цивилизации у Тойнби, а его идеалистическая и чувственная сверхсистемы соответственно совпадают со стадиями кризиса и распада у Тойнби⁴⁴. Таким образом, хотя Сорокин уделяет больше внимания неожиданной вариации и индетерминированности, в основном его анализ не слишком отличается от апокалиптической концепции социального изменения, разработанной Адамсом, Шпенглером и Тойнби.

Некоторые выводы. Несмотря на высокий уровень обобщения, эти четыре системы толкования социального изменения придают драматический характер нескольким специфическим проблемам, являющимся решающими для изучения социального изменения. Адамс и Сорокин резко подчеркивали важность систем ценностей, а также изменений в том, что Герсковиц недавно назвал «культурным фокусом». Все четыре в различной степени признают необходимость рассматривать социальные изменения через явления стратификации, власти и принуждения, и все четыре также неоднократно показывают, что социальное изменение сопровождается напряжениями, неприспособлением и часто регрессией, хотя их толкование и имеет склонность к пессимизму. Более того, хотя любой теоретик развивает свою основную идею отличным от других способом, каждый из них определяет социальное изменение как более или менее *интеллектуальный процесс*, который может быть исследован в виде сменяющихся проблем-фаз. Тойнби, кроме того, в своем обсуждении творческих меньшинств и угрозы-и-реакции придает известное значение характеру фазы, несущей нововведения.

⁴³ Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, vol. 4.

⁴⁴ Sorokin, *Society, Culture and Personality*, pp 643—644.

ПОНИМАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

После попыток восстановить равновесие между эмпирическими исследованиями и теорией современные исследователи социального изменения не смогли, по-видимому, отказаться от конечной цели своих усилий — понимания изменения, его причин, условий и общего направления. Но после того, как эволюционный подход был заслуженно дискредитирован, продолжались упорные поиски других методов организации накопленных данных, понятий и гипотез, относящихся к этой трудной проблеме социологии. В общем статистический метод был только ограниченно полезен, особенно в исследовании специальных аспектов социального изменения, таких, как социальная мобильность, а также при организации материалов *культурного* изменения, как, например, в исследовании изобретений и их накопления с течением времени⁴⁵. Вместо этого, несмотря на заразительный пыл энтузиастов количественного метода, возникает предпочтение к двум или трем дополнительным количественным направлениям, предназначенным для получения максимума значения и порядка в бесчисленных проявлениях социального изменения.

Конструированные типы. Излюбленным приемом за последние двадцать пять лет было использование *конструированных типов* социальных и культурных систем при анализе данных социального изменения. Действительно, имеются явные доказательства их использования в трудах Тённиса (1887) и, может быть, Дюркгейма (1893), но тогда этим методом пользовались случайно, в связи с другими проблемами, теперь же он превратился в основной прием при изучении социального изменения. По существу, применение конструированных типов требует концептуализации противоположных (или сравнительно недавно градуированных) рядов социально-культурных систем, намеренно подчеркнутых и упрощенных, для того чтобы служить ясными точками отправления при анализе конкретных случаев. В то время как Тённис рассматривал изменение как замену *Gemeinschaft* на *Gesellschaft*, современные социологи разработали более сложный анализ в виде *священного и светского* типов (Парк, Хьюз, Беккер); *народного и городского* типов (Редфилд, Линтон, Майнер, Крёбер); *народного общества и государственной цивилизации* (Гиддингс, Одум); *повторяющегося и изменяющегося* типов (Огбёрн, Глюкман); *идейного, чувственного и идеалистического* типов (Сорокин), а также *случайного открытия, изобретения и планированных* типов (Маннгейм). Сравнительное описание четырех общин в Юкатане и изучение изменений в Ионии и Афинах Беккера являются, может быть, наилучшими примерами

⁴⁵ Интересное применение статистического метода в этой области см. Alice Davis, *Technicways in American Civilization*, SF, 18 (March, 1940), pp. 317—330.

этого направления⁴⁶. Но по мере расширения опыта социологи, особенно Беккер, сочли удобным сконструировать ряд промежуточных, переходных подтипов для облегчения анализа процессов социального изменения, которые раньше сваливались в одну кучу из-за использования парных дихотомных типов⁴⁷. Это усовершенствование построения и применения опорных социальных типов является многообещающим, при условии если возможности и ограниченности типов будут постоянно подвергаться переоценке на протяжении ближайших десяти лет.

Личность и изменение. Наряду с недавним взаимным благотворным влиянием дисциплин, посвященных «изучению человека», начал развиваться интересный подход к социальному изменению, объединяющий типологический подход с психологическим и культурно-антропологическим направлениями. Этот подход заключается в попытке понять систему изменения так, как она проявляется в поведении типичных лиц, структура личности которых косвенно «отражает» новые возможности, проблемы и оценки, связанные с какой-нибудь серией социальных изменений, поддающейся определению. На практике это ведет к конструированию эмпирически обоснованных типов личности, проявление и преобладание которых связывается с конкретными эпохами социо-культурных изменений. В результате этот метод дает дополнительный показатель социального изменения и позволяет исследователю проверить свое исследование на критическом институциональном уровне при помощи соответственно проанализированных данных на уровне поведения. Хьюз и Беккер первые показали возможности этого метода, выделив четыре типа личности при переходе от священной к светской социальной системе. Смело объединяя антропологические, социологические и психиатрические данные, Кардинер и Линтон с большой тщательностью и весьма искусно проанализировали некоторые изменения в «основном типе личности» простых людей, изменения,

⁴⁶ R. E. Park, *Race and Culture*, Glencoe, Illinois, 1951, pp. 12—16; Howard Becker, *Through Values to Social Interpretation*, Durham, N. C., 1950, Chap. 1; Robert Redfield, *The Folk Culture of Yucatan*, Chicago, 1941; Ralph Linton, *The Study of Man*, New York, 1936, Chap. 16; Horace Miner, *The Folk-Urban Continuum*, ASR, 17 (October, 1952), pp. 529—537; A. L. Kroeber, *Anthropology*, 2nd ed., New York, 1948, pp. 280—286; F. H. Giddings, *Civilization and Society*, New York, 1931; H. W. Odum, *Understanding Society*, New York, 1947, Chap. 12—14, 20; W. F. Ogburn, *Stationary and Changing Societies*, AJS, 42 (July, 1936), pp. 16—32; Max Gluckman, *Some Processes of Social Change Illustrated from Zululand*, «African Studies», 1 (1942), pp. 243—260; Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, vols. 1, 4; Mannheim, *Man and Society*, pp. 50—54, 369—381; Howard Becker, *Ionia and Athens: Studies in Secularization*, unpublished Ph. D. thesis, University of Chicago, 1930.

⁴⁷ Особенно см. следующие работы Говарда Беккера: «Современная теория священно-светского и ее развитие» (глава 6 настоящей книги); *Man in Reciprocity*, New York, 1956, Chaps. 10—13, *Soaking and Values and Value Systems*, in J. I. Sanders, J. R. Schvendinger, R. B. Woodburg and Howard Becker, *Societies Around the World*, one-volume abridgement, New York, 1956, pp. 318—398.

которые, как предполагалось, были связаны с предшествующими социальными и культурными нововведениями⁴⁸. В то же время с помощью тестов Роршаха и ТАТ антропологи невольно экспериментировали в том же направлении, собирая важные данные об изменениях личности, связанных с процессами окультуривания, как, например, в работах Хэллоуэлла, Эстер Голдфранк и Лауры Томпсон, а совсем недавно Дэвид Рисман и его сотрудники исследовали результаты изменения от традиционно направленного к внутренне направленному и внешне направленному характеру типов по мере их возникновения в последовательных фазах социальных и демографических структур Америки⁴⁹.

Функционально-процессуальный подход. Третий современный подход к изучению социальных изменений является, как это ни парадоксально, наиболее важным и в то же время наиболее трудным для краткого изложения. На протяжении десятилетий исследователи социального изменения имплицитно пользовались им более или менее фрагментарным образом. Он, по-видимому, возник неожиданно и в основном остался незамеченным, являясь великолепным примером *сопутствующих явлений* (выражение Макивера). Его можно предварительно назвать функционально-процессуальным подходом. Он не является порождением одного мыслителя или даже группы социологов. Это скорее конфигурация в виде полумесяца различных идей, которая, вероятно, является определенной формой исследования.

Следуя основной традиции, установленной главным образом Кули, Парком, Зиммелем, Визе и Макивером, функционально-процессуальный подход служит для сведения многообразных явлений социального изменения к удобному комплексу путем концептуализации подхода к любому социальному изменению (независимо от содержания, места или направления) как к *аналитическому процессу*, состоящему из отделимых друг от друга, но последовательных проблем исследования, или фаз. В отличие от эволюционного подхода этот метод не требует поисков неизбежных независимых «стадий», а просто рассматривает социальные изменения как состоящие в своей основе из серии проблем (но не их решений) для участвующих актеров. Эти проблемы конкретных лиц при соответствующей концептуализации превращаются в ключевые научные проблемы

⁴⁸ Becker, *Through Values to Social Interpretation*, pp. 78—90; E. C. Hughes, *Personality, Types and the Division of Labour*, *AJC*, 33 (March, 1928), pp. 754—768; Abram Kardiner, *Psychological Frontiers of Society*, New York, 1945.

⁴⁹ A. I. Hallowsell, *Aggression in Salteaux Society*, «Psychiatry», 3 (1940), pp. 395—407; The Rorschach Technique in the Study of Personality and Culture, *AA*, 47 (1945), pp. 195—210; Esther Goldfrank, *Historic Change and Social Character*, *ibid.*, 45 (January—March, 1943), pp. 67—83; Laura Thompson and Alice Joseph, *White Pressures on Indian Personality and Culture*, *AJS* (July, 1947), pp. 17—22; David Riesman, *The Lonely Crowd*, New Haven, 1950.

для исследователя социального изменения. Таким образом, широкие и часто спекулятивные проблемы социального изменения превращаются в определенные исследовательские вопросы, по которым могут быть собраны действительно сравнительные данные. Фактически это также дает логическую и практическую основу для специализации в исследованиях социального изменения.

Более того, каждая аналитическая фаза рассматривается как отдельная область исследования (исчерпывающая сама по себе), а также как продукт предшествующих фаз, так что сам процесс и преемственность не приносятся в жертву анализу. На практике каждая фаза процесса социальных изменений рассматривается как система функционально-взаимозависимых частей, например социальных групп, социальных ролей, институтов, относительное равновесие которых нарушается отклоняющим действием одной или нескольких структур-компонентов. Это, разумеется, является формой структурально-функционального подхода, который, несмотря на заслуженную суровую критику в других отношениях, по-видимому, полезен при изучении как изменения, так и порядка. По существу, следовательно, функционально-процессуальный подход дает общую *схему* дальнейшего исследования и служит руководством при детальном сличении и оценке огромной массы исследований разнообразного характера, произведенных за последние сорок лет.

Некоторые выводы на основе этих методов

Плоды этих методов весьма разнообразны и на первый взгляд кажутся, к сожалению, неприемлемыми. Однако интерес социологов к социальному изменению проявляется на двух разных уровнях. Во-первых, имеется постоянное стремление к широким обобщениям, применимым ко всему или почти ко всему периоду документированной истории. Это *макроскопический* взгляд. В то же самое время исследование было частично направлено на ограниченное социальное изменение, обнаруживаемое на протяжении кратких периодов в определенных обществах или общностях. Это *микроскопический* взгляд. Поскольку полученные данные и поставленные проблемы явно являются различными на каждом уровне, результаты не поддаются непосредственному сопоставлению. Может быть, лучше всего эту разницу можно описать как разницу в *намерении*: в то время как макроскопический взгляд ищет основные причины и направления социального изменения, микроскопический взгляд рассматривает их как конечные проблемы, которые следует отложить, пока не проведено эмпирическое обобщение в отношении конкретных фаз процесса изменения.

Причины социального изменения. На протяжении последних сорока лет, за незначительными исключениями, теоретики макроскопического социального изменения проявили поразительное единодушие в своих объяснениях этого изменения. Фактически в настоящее время нельзя обнаружить среди социологов соперничающих «школ», как это удалось двадцать пять лет назад Сорокину

при описании отнюдь не столь современных социологических теорий. Вместо этого мы обнаруживаем повсеместное подчеркивание социо-культурных факторов в изменении, хотя это и выражается по крайней мере в трех формах. Примат *экономических и технологических* факторов является основной темой в работе таких авторов, как Веблен, Келлер, Огбёрн, Чэпин, Одум, Барнс, Мёрдок и Лесли Уайт⁵⁰. Под влиянием антропологов-культуроведов, в особенности Крёбера, Гольденвейзера, Лауи и Герсковица, существовала также повсеместная тенденция объяснять социальное изменение как продукт *общих культурных процессов* вариации, диффузии и окультуривания, как это делают в своих теориях Фиркандт, Альфред Вебер, Сорокин, Макивер, Гобгауз, Гинзберг и Парсонс⁵¹. Наконец, и отнюдь не в противовес умеренным версиям предыдущих типов объяснения, существуют специфические *социальные* теории социального изменения, которые приписывают решающую роль действительным нормальным динамическим аспектам социальной структуры, таких, как системы стратификации, структура власти и институциональная конфигурация ролей. До сих пор еще не существует систематического изложения этих теоретических взглядов, но можно обнаружить некоторые указания на потенциальную ценность этого метода объяснения в трудах Макса Вебера, Теггарта, Макивера, Маннгейма, Сорокина, Редфилда, Беккера, Парето, Глюкмана, Мертона, Тойнби и Бэтсона⁵².

Направление социального изменения. Для теоретиков социального изменения оказалось чрезвычайно трудным сопротивляться искушению дополнить исследования о причинах новыми выводами, касающимися основных течений в учении о социальном изменении. Поиски господствующих *моделей* изменения, общего *направления* изменения обладают вечной привлекательностью, несмотря на огромную сложность социальных изменений и явный провал эволюционных доктрин, таких популярных перед первой мировой войной. Перед лицом этих трудностей социологи, привлекаемые

⁵⁰ Thorstein Veblen, *The Theory of the Leisure Class*, New York, 1934; Keller, *Societal Evolution*, pp. 143—149; 261; Ogburn, *Social Change*, pp. 200—211; F. S. Chapin, *Cultural Change*, New York, 1928; Odum, *op. cit.*, Chaps. 15, 19—20; H. E. Barnes, *Historical Sociology*, New York, 1948, p. 158; G. P. Murdock, *Social Structure*, New York, 1949, p. 137; L. A. White, *Energy and the Evolution of Culture*, AA (July—September, 1943), pp. 335—336.

⁵¹ Alfred Vierkandt, *Die Stetigkeit im Kulturwandel*, Leipzig, 1908; Alfred Weber, *loc. cit.*; Sорокин, *Society, Culture and Personality*, Chaps. 39, 43, 46; McIver, *Society*, pp. 443, 462—466; L. T. Hoobouse, *Social Development*; Morris Ginsberg, *Sociology*, London, 1934; Talcott Parsons, *The Social System*, Glencoe, Illinois, 1951, p. 487.

⁵² Особенно см.: Max Weber, *Theory of Social and Economic Organization*, Part 3; F. G. Teggart, *Theory and Processes of History*, Berkeley, 1941, pp. 196—197, 278—279; Mannheim, *Man and Society*, Parts 1, 2, 5; Freedom, *Power and Democratic Planning*, New York, 1950, pp. 46—56; Becker, *op. cit.*, Chaps. 2, 3; Gregory Bateson, *Naven*, Cambridge, 1936, pp. 176—194.

соблазнительным характером основной проблемы, за последнее время стали высказывать похвальную осторожность, которая направила дискуссию по двум ясно различимым направлениям. Одно значительное направление суммирует исторические тенденции объективным, но весьма общим образом, что закрывает дверь перед неизбежностью и телеологией. Хорошим примером этого является «схема социальной эволюции» Макивера, в которой уровень *общественных обычаев* (примитивный *сплав* политической, экономической, семейной и религиозной практики) вытесняется *дифференцированными общественными институтами* (определенными формами политической, экономической и других процедур) и, наконец, *дифференцированными ассоциациями* (специализированными группами, такими, как государство, корпорация и церковь, выполняющими определенные культурные функции). Этот анализ тенденций в основном приложим к конкретным народам, а с видоизменениями — и ко всей без исключения человеческой социальной организации⁵³. Кстати, схема Макивера несколько похожа на «великий серийный порядок» социального изменения у Тойнби, хотя Тойнби явно постулирует первенство духа, неприемлемое для большинства социологов.

Еще один подход к направлению социального изменения состоит в том, чтобы сосредоточить внимание на природе изменения, ограничившись рассмотрением лишь определенного отрезка человеческой истории — главным образом западной цивилизации и составляющих ее обществ в течение последнего тысячелетия. При этих взглядах социологи обычно интерпретировали основные тенденции, пользуясь сходными кое в чем рядами конструированных типов, и в результате было достигнуто удовлетворительное единогласие в отношении развития западного мира. Это общее мнение сводит тип современного изменения к упорно растущей секуляризации и к опоре на формализованные организации, так что возможность дальнейшего изменения приближается к максимуму. Такой, например, является позиция Тённиса, Макса Вебера, Макивера, Знанецкого, Парка, Одума, Редфилда, Беккера, Маннгейма, Гинзберга, Сорокина, Тойнби и Парсонса⁵⁴. Однако существует упорная «осторожная» группа, главным образом среди американских антропологов-культуроведов, которая весьма скептически настроена в отношении возможности сведения явлений изменения к какому-нибудь определенному типу. Вероятно, Альфред Вебер является главным выразителем этого взгляда, и его с успехом поддерживают Крёбер, Лауи и Герсковиц⁵⁵.

⁵³ Mc Iver, *Society*, pp. 497—498.

⁵⁴ См. ранее цитированные работы этих авторов.

⁵⁵ A. Weber, *op. cit.*, pp. 31, 47, 57—60; A. L. Kroeber, *Configurations of Culture Growth*, Berkeley, 1944; *The Nature of Culture*, pp. 157—165; R. H. Lowie, *Culture and Ethnology*, New York, 1929; M. J. Herskovits, *Man and his Works*, New York, 1947, Chaps. 34, 36.

ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ

Вряд ли можно сомневаться, что эти общие теории социального изменения были стимулирующими и ценными упражнениями в синтезе и интерпретации, но они дают довольно расплывчатые объяснения, которые только в крайне ограниченной степени могут быть применены к происходящим конкретным изменениям. К счастью, современное внимание к *процессуальному* анализу изменения обещает расширить наше понимание этого процесса, обеспечивая нас данными и рядом более скромных обобщений в отношении конкретных фаз общего процесса. Хотя этот подход находится все еще в зачаточном состоянии, тем не менее можно подытожить исследования на эту тему в виде предварительной *схемы социального изменения*, состоящей из пяти основных областей-проблем.

1. Источники социального отклонения

Практически социальное изменение представляется социологу в виде *коллективных отклонений* (deviations) *от установившихся типов*. Следовательно, часто уделяется внимание структуральному описанию предшествующих социальных систем в качестве основы плодотворного сравнения. Но главная цель анализа в этом случае состоит в том, чтобы открыть более *близкие* источники отклонения, в противовес стремлению социологов XIX века отыскать первоначальные причины, затуманенные спекуляцией и не поддающиеся проверке. Антропологические исследования диффузии, окультуривания и культурных контактов документировали явный и важный фактор отклонения. Заслуживает особого внимания то, что эти исследования дают доказательство не только культурного изменения при окультуривании, но также и *социальных* приспособлений, или, если нужно дать новый термин, — *ассоциализации*. Из этих исследований возникла теория, созданная Теггартом, Парком, Редфилдом, Беккером и другими, которая объясняет основные отклонения миграциями, вторжением, социальными коллизиями и доступностью к внешнему влиянию в течение долгого времени⁵⁶.

По мере того как наше внимание сосредоточивалось на сложных обществах, было обнаружено, что внешние источники отклонения являются недостаточным объяснением. При современном взгляде на общества как функционирующие системы оказалось, что отклонения — это относительно «нормальный» аспект конкретных обществ, и, таким образом, значительные исследования и много размышлений были посвящены вскрытию «внутренних» ситуаций, которые порождают отклонения и изменения. По существу, это привело к анализу двух типов условий: источников напряжений, самих напряжений и практических противоречий, а также возможных, но в известной

⁵⁶ Teggart, op. cit., pp. 151, 195—197, 272; Becker, op. cit., Chaps. 1—3; «Forms of Population Movement», SF, 9 (December, 1930; March, 1931), pp. 147—160, 351—361; Park, Race and Culture, pp. 10—13, 350—355; Redfield, op. cit. Chap 12.

степени бессознательных вариаций. Томас, Эллвуд, Гиллин и Хэллоуэлл отмечали постоянные, различные эффекты процесса социализации, являющегося источником, лежащим в основе малозаметного отклонения. Парсонс напоминает нам, что одобряемое поведение обычно находится в *пределах приемлемого* даже на важном институционном уровне⁵⁷. Подобным же образом, как показали Мертон и Мандельбаум, общества нормально оперируют посредством по крайней мере трех видов директив актерам: *прескриптивной*, или *инвариантной*, которая недвусмысленно настаивает только на одной форме приемлемого поведения; *предпочитаемой*, при которой моральный вес имеет одна из нескольких возможных альтернатив, и области *свободного выбора*, или *нейтральной вариации*, когда все возможные реакции считаются приемлемыми в пределах какой-то общей руководящей модели или темы⁵⁸.

В известном смысле эти универсальные черты структуры составляют субстрат отклонения, который может быть предварительно охарактеризован как имеющий потенциальное значение. За последние десятилетия все больше внимания уделялось явному и более тонкому *дисфункциональному* обществу и, таким образом, открывались новые возможности благодаря тщательному анализу напряжений, неудовлетворенностей и несоответствий, которые можно было обнаружить в определенных частях конкретных обществ или общностей. Согласно этому функциональному подходу, отклонения — это разнообразная сознательная реакция на личные и групповые трудности, испытываемые в процессе исполнения принятых социальных ролей и занятия предписанных статусных позиций. Этот функциональный источник отклонения был выражен в четырех формулировках, которые стали концептуальными опорными пунктами для современной социологии.

Конфликты ролей. Первый подход приписывает отклонение неожиданным конфликтам ролей, порождаемым «нормальной», как это предполагается, действующей социальной системой. Парсонс и Мертон разработали основную теорию этого процесса особенно четко, а Мертон дал объяснение главному типу несоответствия между целями, определяемыми культурой, и институционализированными средствами в своем часто цитируемом анализе нововведения, ритуализма и отступничества (retreatism). Антропологи-культу-

⁵⁷ W. I. Thomas, *Primitive Behavior*, New York, 1937, pp. 7, 612; John Gillin, *Parallel Cultures and the Inhibition to Acculturation in a Guatemalan Community*, SF (October, 1945), pp. 1—14; C. A. Ellwood, *The Psychology of Human Society*, New York, 1925, pp. 214—215; A. I. R. W. Hallowell, *Sociopsychological Aspects of Acculturation*, in Ralph Linton (ed.), *The Science of Man in the World Crisis*, New York, 1945, pp. 182—183; Talcott Parsons, *Essays in Sociological Theory Pure and Applied*, Glencoe, Illinois, 1949, p. 278.

⁵⁸ R. K. Merton, *Intermarriage and the Social Structure: Fact and Theory*, «Psychiatry» (August, 1941), pp. 366—368; David Mandelbaum, *Form, Variation and Meaning of a Ceremony*, in R. F. Spencer (ed.), *Method and Perspective in Anthropology*, Minneapolis, 1954, pp. 74—79; Linton, *The Study of Man*, Chap. 16.

туроведы, по-видимому, указывают на подобное же условие (обнаруженное в исследованиях по окультуриванию), когда они говорят о *доминирующем расщеплении* (Глюкман), *радикальных противоположностях* (Годфри и Моника Уилсон) и о процессе *схизмогенезиса* (Бэтсон)⁵⁹. Довольно странно, что социологи в основном пренебрегают схизмогенезисом, хотя это понятие дает наиболее общее теоретическое объяснение внутренних отклонений. В понимании Бэтсона, который дал сравнительный анализ этого процесса среди жителей Ятмула и острова Бали, схизмогенезис обозначает дифференциацию норм и ролей в результате всего взаимодействия между членами одного общества или ряда окультуривающих обществ. Дифференциация ролей является побочным продуктом при поисках максимализации таких универсальных ценностей, как престиж, уважение и безопасность. Если этому процессу не препятствуют специфические социально-культурные виды контроля (как, например, вмешательство правительства), может возникнуть конфликт между противоположными ролями (дополнительный схизмогенезис) или между подобными, но соперничающими ролями (симметрический схизмогенезис). В любом случае результат приемлемого взаимодействия определяет типы отклонений, которые порождают и выражают напряжение и несовместимость.

Блокировка типов потребностей. Поиски отклонения подчеркивают инструментальный характер социальных систем и, таким образом, приписывают отклонение неполному удовлетворению биологических и социально приобретенных потребностей. Это, конечно, является вариантом основного положения теории психоанализа, но главными представителями всеохватывающего функционального анализа являются, вероятно, Рэдклифф-Браун и Малиновский. Первый, например, объясняет всякое отклонение и изменение как адаптацию в важных случаях неудовлетворения потребностей. Малиновский, который заинтересовался в конце своей научной деятельности культурным контактом, допускает даже более широкую возможность отклонения, рассматривая создание новых потребностей независимо от их происхождения как важный источник отклонения⁶⁰. За последние годы эта общепринятая точка зрения была введена в социологию Парсонсом и его учениками, абстрагировавшими ряд «функциональных обязательных предварительных условий», относительное удовлетворение которых объясняет степени конформизма и отклонения. Интересным явлением в этой области

⁵⁹ R. K. Merton, *Social Structure and Anomie*, ASR, 3 (October, 1938), pp. 672—682; Gluckman, *op. cit.*, pp. 249—250; Godfrey Wilson and Monica Wilson, *The Analysis of Social Change*, Cambridge, 1945, pp. 125—134; Bateson, Naven, pp. 184—193; Bali, *The Value-System of a Steady State*, in M. Fortes (ed.), *Social Structure*, Cambridge, 1949.

⁶⁰ A. R. Radcliffe-Brown, *On the Concept of Function in Social Science*, AA, 37 (July—September, 1935), pp. 394—402; Kinship Terminologies in California, там же, 1935, p. 531; Bronislaw Malinovsky, *A Scientific Theory of Culture and other Essays*, Chapel Hill, N. C., 1944, p. 41; *The Dynamics of Cultural Change*, New Haven, 1945, pp. 27, 54, 71.

является попытка Джона Гиллина применить принципы теоретического изучения к процессу, в котором неудовлетворение потребностей приводит к отклонению⁶¹.

Кризис. Кризис и его различные концептуализации были извечным аналитическим орудием при поисках внутренних источников отклонения. Классическая формулировка У. И. Томаса, данная им в 1909 году, объясняла социальный порядок как повседневное удовлетворение биологических, а отсюда и социальных потребностей. Бесперебойное функционирование социальной системы требует адекватного *контроля* или удовлетворения потребностей, однако когда обычная деятельность не обеспечивает такого контроля, возникающее нарушение обычного порядка создает *кризис*, который в свою очередь пробуждает *внимание* — позицию, которая пытается манипулировать вещами, для того чтобы добиться контроля. Таким образом, внимание, возродившееся при кризисе, выражается в новом или отклоняющемся виде поведения, имеющем целью восстановить контроль. Томас не объяснял факторы кризиса, но пытался связать характер отклонения с такими факторами, как умственная способность, уровень сложности культуры и социальное по отношению к изменению. Макс Вебер, по существу, пользовался этой же схемой в своей социологии религии, особенно при анализе происхождения пророчества, рассматриваемого как отклонение в религиозных идеях. Сравнительно недавно понятие кризиса с успехом было применено к поведению, связанному с революциями и окультуриванием⁶².

Культурная интеграция. Сорокин разработал четвертый функциональный подход к отклонению. Проводя различие между логически значимыми интегрированными социальными системами, организованными на основе руководящих рядов логически последовательных ценностей, и «скоплениями» (случайным или временным противопоставлением социо-культурных систем), Сорокин связывает возможность возникновения и степень отклонения с характером этих двух типов социальной системы. Скопление представляет собой минимум значимой интеграции и, следовательно, обладает максимальной уязвимостью по отношению к внешнему влиянию; таким образом, отклонение становится неизбежным и непрерывным. Поскольку в скоплениях не существует истинного порядка, отклонение представляет собой скорее вид «порядка», а не отход от него. С другой стороны, интегрированные социо-культурные системы.

⁶¹ P a r s o n s, Essays, pp. 6, 33—36; M. J. L e v y, The Structure of Society, Princeton, 1952, pp. 43—45, 62—72, 151; J o h n G i l l i n, Acquired Drives in Cultural Contact, AA, 44 (October—December, 1942), pp. 545—554; The Way of Men, New York, 1948, Chap. 11, 25.

⁶² W e b e r, Essays, Source Book in Sociology, Part 3; W. I. T h o m a s, For Social Origins, Boston, 1909, pp. 16—21; P a u l M e a d o w s, Behavioral Bases of Social Movements, SSR, 28 (November—December, 1943), pp. 112—117; L a u r a T h o m s o n, Culture in Crisis, New York, 1953; E. N. A n d e r s o n, Process Versus Power, Lincoln, 1952, pp. 20—25; R a l p h L i n t o n (ed.), Acculturation in Seven American Indian Tribes, New York, 1940.

которые, как говорят, обладают относительным иммунитетом по отношению к внешним влияниям, дают изменения (Сорокин не называет их «отклонениями»), которые свойственны нормальному взаимосвязанному функционированию их компонентов. Источник изменения при этом подходе заключается не в трудностях приспособления или неудовлетворения потребностей, а в необъяснимом «развертывании... врожденных возможностей»⁶³. Следовательно, понятие отклонения неприемлемо, поскольку все или большинство изменений в таких системах выражают «ожидаемую» линию развития.

В своей совокупности эти четыре попытки определить источники отклонения попутно разрешают две важные проблемы, с которыми часто приходится сталкиваться в общих рассуждениях о социальном изменении. Во-первых, они показывают двусмысленный характер механизмов социального контроля; хотя мы и привыкли рассматривать социальный контроль как процесс, *тормозящий* отклонение, по крайней мере два из этих подходов вынуждают нас рассматривать социальный контроль как временами невольно вдохновляющее отклонение. Во-вторых, старый спор о диффузии или независимой вариации как факторах социального изменения весьма искусно переносится благодаря этим четырем видам анализа в область бесплодного красноречия. В основе функциональный анализ отклонения признает как внутренние, так и внешние потенциалы отклонения, но ни один источник не имеет значения, пока члены данной социальной системы не столкнутся благодаря этому с трудностями, напряжением, нежелательной непоследовательностью, которые принимаются за движущую силу отклонения. Таким образом, внешнее давление становится критическим только тогда, когда оно «интернализуется» внутри социальной системы и косвенно выражается в напряжении. Это неизбежно приводит к признанию основного теоретического сходства (поскольку это касается процесса) между имманентным изменением и явлениями завоевания и окультуривания.

2. Нововведение

Отклонения независимо от своего происхождения проявляются в процессе нововведения, или в независимом создании, или же в творческом применении какого-нибудь чуждого типа. Нововведение, разумеется, широко распространено, хотя большинство нововведений, вероятно, остаются неопознанными или же не принимаются обществом. Тем не менее только недавно социологи стали обращать пристальное внимание на нововведение как на стадию общего процесса социального изменения. В настоящее время нам не очень ясна связь между нововведением и предполагаемыми источниками отклонения, но уже нельзя с непоколебимой уверенностью торжественно провозглашать, что «необходимость—мать изобретательности». Вместо этого начинают выделяться две линии исследования, причем цель каждой, по-видимому, состоит в том, чтобы понять саму эту

⁶³ Sorokin, *Society, Culture and Personality*, pp. 332—335, Chap. 46.

фазу, прежде чем приняться за исследование ее связи с другими аналитическими стадиями процесса социального изменения.

Структурально-институциональная ориентация, применяемая главным образом социологами, подчеркивает социо-культурную матрицу нововведения и пытается определить главные институциональные области и компонентные социальные системы, из которых данные общества в основном получают свои нововведения. Одной из наиболее важных заслуг Макса Вебера является его признание ключевой роли военного и религиозного институтов, помимо экономического, при нововведениях в развитии классического и современного обществ. Парсонс также указывал на философию, теологию, право и, может быть, социальные науки как важные центры нововведений в современном обществе⁶⁴. К этому списку следует добавить физические науки и технику. Как считал Маннгейм, в этих областях важное нововведение, техническое или социальное, по-видимому, в первую очередь исходит от малых групп (как предполагается, интеллигенции), которые остаются на периферии установленной социальной структуры. Может быть, эти общие взгляды лучше всего выражаются в понятии *культурного фокуса* Герсковица, которое можно было бы с успехом переименовать в *социокультурный* или *институциональный фокус*. Согласно Герсковицу, в каждом обществе появляется ограниченная область узкого интереса, которому уделяется много внимания и много средств, — культурный или институциональный фокус. В отличие от других областей эта область не считается само собой разумеющейся и ей не придается священный, незыблемый статус. Хотя не предполагается значительного нововведения (то есть коренного изменения), интенсивный интерес приводит к экспериментальным «улучшениям» (не рассматриваемым участниками в качестве «изменения»), которые нормально приводят в результате к кумулятивным нововведениям. Как это постоянно отмечали Герсковиц и Гиллин, социально-культурный фокус может перемещаться и действительно перемещается из одного институционального сектора в другой (например, сдвиг от религиозного сектора к экономическому в развитии Соединенных Штатов Америки); однако их ссыла на исторические случайности и культурные течения кажется неудовлетворительной⁶⁵. Тем не менее этот структуральный подход ясно вскрывает наличие созданных и санкционированных процессов нововведения, которые приобретают известную независимость от предполагаемых источников отклонения (напряжение и т. д.). Он также усиленно подсказывает то, о чем давно подозревалось, а именно что нововведение само является источником напряжения, а не просто реакцией на ожидаемые трудности. Вполне возможно, что связь между напряжением и нововведением является неодинаковой в простых и сложных

⁶⁴ Parsons, Essays, pp. 296—297.

⁶⁵ Gerskovits, op. cit., Chap. 32, 34; Gillin, The Ways of Men, p. 552.

социальных структурах (по крайней мере в том виде, как они теперь разлагаются—в виде четырех конструированных типов), хотя эта проблема и не подвергалась до сих пор серьезному исследованию.

Вообще говоря, антропологи были пионерами *личного* подхода к нововведению, подхода, который сосредоточивает все внимание на дифференциальной характеристике новаторов и на том, каким образом эти лица перераспределяют или заново истолковывают социально-культурные материалы. Это все еще является неподнятой целиной, предметом продолжающихся споров, главным образом благодаря тому, что не существует адекватно разработанной классификации или типологии новаторов. Например, существует ли незначительная разница между успешным и неуспешным новатором, между социальным и техническим новатором или между случайным и профессиональным новатором? Важный ключ к решению этой проблемы заключается в понятии *ухода-и-возвращения* Тойнби, но это еще требует подтверждения. Макс Вебер подчеркивал важность *харизматических* качеств у религиозных и политических новаторов, хотя харизма может служить только для различия между успешным и неуспешным новатором. Недавно Гомер Барнетт серьезно рассматривал весь процесс культурного нововведения с точки зрения участвующих в нем лиц, а не с точки зрения самих новаторов. Хотя он не дает описания типичного новатора, у него имеется показательный список личных побуждений к нововведениям, однако он не указывает на значение перечисленных им пунктов. Кроме того, Барнетт устанавливает основные умственные процессы, которыми пользуются новаторы (дискриминация, ассимиляция, конфигурация, субституция, идентификация и рекомбинация), которые вместе со знанием социально-культурных источников, доступных для новаторов, несколько помогают понять эмпирическое разнообразие нововведений. Может быть, величайшее достижение анализов Барнетта, а также других, пользующихся личным подходом, заключается в развенчании новатора и частично самого нововведения, а также в признании решающей роли процесса принятия-отвержения в социо-культурном изменении⁶⁶.

3. Оценка нововведений

Несколько десятилетий назад упорно считали, что «требуемые» изменения будут с готовностью приняты, поскольку ход «прогресса» фактически предрешен свыше. Однако при возрастающем сомнении в значении прогресса и признании того, что критерии необходимости весьма непоследовательны, социологи и антропологи начали изучать реакцию отдельных лиц на изменения и новый опыт в качестве критической фазы в социальном и культурном изменении.

⁶⁶ Тойнбее, *op. cit.*, pp. 217—240; Barnett, *Innovation*, New York, 1953, Chaps. 4—7, 10—14.

А. Г. Келлер одним из первых в начале этого столетия предложил такой подход, но свою классическую формулировку он получил у Томаса и Знанецкого в их понятии *определения ситуации*. За последние годы Макивер вновь дал формулировку такой позиции, рассматривая изменение как результат *динамической оценки* новых ситуаций специфическими группами людей, которые последовательно приспособляют свое поведение к своим оценкам⁶⁷. Учитывая эту теоретическую оговорку, исследователи социального изменения все больше и больше ищут основную причину социального изменения в анализе факторов процесса оценки.

В основном в поисках важных факторов и плодотворных обобщений можно найти четыре фокуса сосредоточения исследований и мышления: *нововведение, новатор, агенты диффузии и оценщики*. В двадцатых и тридцатых годах много внимания уделялось самому нововведению на основе теоретически важного различия между материальными и нематериальными нововведениями. Некоторое время такие социологи и антропологи, как Огбёрн, Чэпин, Барнс, Барнетт, Линтон и Лесли Уайт, по-видимому, были уверены в своей правоте, когда утверждали, что материальные предметы принимаются с большей готовностью, чем новые системы идей. Другие, в том числе Макс Вебер, Макивер, Сорокин, Диксон и Крёбер, доказывали противоположное⁶⁸. В наши дни это спорный вопрос, но Сорокин и другие правильно указывали, что любое нововведение обладает как материальным, так и идеальным аспектами, которые можно разьединить при анализе, но не на практике. Вполне правдоподобно, что мы зашли в теоретический тупик, из которого желательно выйти возможно скорее.

С помощью второго фокуса, в котором сосредоточивался анализ, в основном возникший из исследований окультуривания в тридцатых годах, делались попытки понять процесс оценки по определенным характерным чертам новатора. Следует вспомнить, что перед первой мировой войной Макс Вебер показал важность личной харизмы, особенно у успешных религиозных новаторов. Ралф Линтон дополнил это объяснение, указав на *престиж новаторов* (особенно из других обществ) в смысле высшей силы, экономического положения, общественного класса и т. д.⁶⁹ Имеется определенная тенденция перейти от самих новаторов к третьему фокусу — агентам

⁶⁷ Keller, op. cit., pp. 51—54; W. I. Thomas and Florian Znaniecki, *The Polish Peasant in Europe and America*, Boston, 1918—1921, vol. 3, pp. 21—27, 48—49; W. I. Thomas, *The Unadjusted Girl*, London, 1923, pp. 42—43, 81—83; Znaniecki, *Cultural Sciences*, pp. 242—265; McIver, *Social Causation*, pp. 298—301.

⁶⁸ Ogburn, *Social Change*, pp. 140, 200—211; Linton, op. cit., p. 485; Max Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, translated by Talcott Parsons, London, 1930; McIver, *Society*, pp. 466, 474—478; Sорокин, *Social and Cultural Dynamics*, vol. 4, p. 377; R. B. Dixon, *The Building of Cultures*, New York, 1928, p. 147; A. L. Kroeber, *Stimulus Diffusion*, AA, 42 (January—March, 1940), pp. 1—20. Anthropology, Chap. 10.

⁶⁹ Linton, op. cit., p. 473.

диффузии, но в этом направлении была проделана совершенно незначительная работа. Однако Линтон, также черпая из материалов окультуривания, рассматривает престиж этих промежуточных групп в качестве ключевого фактора при оценке. Этот вопрос можно с успехом исследовать при соответствующем анализе таких важных агентов диффузии, как публицисты, агенты по рекламе и лоббисты нашего общества.

Со времени сороковых годов, однако, господствующей темой при изучении процесса оценки был характер оценителя и его связь с принятием или отвержением предлагаемых нововведений. Большинство исследователей — явно или скрыто, — принимая понятия динамической оценки и определения ситуации, подчеркивали роль *социально обусловленных и лично истолкованных типов потребностей* индивидуумов, сталкивающихся с нововведениями. Гиллин, например, подходит к оценке как к процессу узнавания, при котором оценитель экспериментально судит о сравнительных преимуществах или недостатках старого и нового. Согласно этой схеме, уменьшение тревоги и максимум безопасности, по-видимому, являются главными мотивами. Но Гиллин также указывает, что изменения в физическом и социальном окружении могут вызвать новые потребности, которые окажут влияние на принятие индивидуумом конкретных нововведений. Эта основная теория получила дальнейшую дополнительную формулировку, или разработку. Согласно Барнетту, для принимающих нововведение характерны личные конфликты, неудовлетворение и маргинальный статус, однако изучение изменений в Перу Ричардом Н. Адамсом показывает, что неудовлетворение и принятие коррелированы только в распадающихся обществах, а в более стабильных обществах нововведения оцениваются в терминах отраженного престижа новаторов или агентов диффузии⁷⁰. При большем подчеркивании социальной характеристики новаторов Огбёрн, Парсонс и Бернхард Стерн (вслед за Марксом) недооценили роль «капиталистических интересов» и классового положения при дифференциальной оценке изобретений. Удивительно мало было сделано в целях подтверждения этой важной гипотезы, хотя Гросс и Райэн проделали замечательную предварительную работу в своих исследованиях о диффузии сельскохозяйственных нововведений. Карл Циммерман настаивает на том, что динамическая оценка действует под влиянием основного определяющего *семейного опыта*, — позиция, по-видимому, основанная на работах Кули и Фрейда. Наконец, мы имеем сочетание психологических и социологических факторов в понятии *основной структуры личности* (выдвинутом недавно Кардинером и Линтоном).

⁷⁰ Gillin, *Parallel Cultures*, loc. cit., *Acquired Drives in Culture Contact*, loc. cit.; H. G. Barnett, *Cultural Processes*, AA, 42 (January—March, 1940), p. 29; *Personal Conflicts and Cultural Change*, SF, 20 (December, 1941), pp. 160—171; R. N. Adams, *Personnel in Cultural Change, A Test of a Hypothesis*, SF, 30 (December, 1951), pp. 185—190.

Эта структура основана на ранней социальной обусловленности и является типичной структурой потребностей, которая в значительной степени определяет реакцию на данное нововведение⁷¹.

4. Переходная фаза

Социальная оценка нововведения постоянно сопровождает изменение, но при анализе ее можно разделить на *экспериментальную* фазу и фазу *принятия решений*. Первоначальное принятие нововведений соответствует пробному периоду, который незаметно сменяется периодом социального решения, когда достаточное количество лиц путем практики и обсуждения познакомилось с возможностями какого-нибудь нововведения. В решении можно различить на практике три возможности: 1) отвержение временно принятого нововведения, как в случае, например, клана зафиманири у племени танала, который отказался от выращивания риса в воде из-за вредных социальных последствий; 2) полное принятие новых типов при соответствующем вытеснении установившихся практики и отношений и 3) непрочное следование и установленному и новому, причем в результате возникает хаос противоречивых альтернатив, который вскоре приводит к новым напряжениям и повторному социальному расщеплению (между поколениями, классами и т. д.). Судя по всем описаниям твердо установленных изменений, и особенно по исследованиям окультуривания, последняя ситуация весьма обычна и является *переходным периодом*, при котором ни традиционное, ни то, что идет на смену (а также и их приверженцы), не обладают прочным положением.

Эти явления перехода в социальном изменении признавались в течение многих лет, но они не подвергались систематическому анализу. Теггарт, Эллууд и Лауи дали первое удачное определение проблемы перехода, но только в конце тридцатых годов переходная фаза в изменениях подверглась необходимому структуральному анализу. Линтон, классифицируя степень участия в культуре, указал на значение соперничающих альтернатив в процессе изменения и даже наметил проблемы, связанные с преобладанием их типов⁷². Весьма схожим образом Одум определил переход как период, в кото-

⁷¹ Parsons, Essays, pp. 313—317; Ogburn, Social Change, pp. 167—169; B. J. Stern, Restraints on the Utilization of Inventions, «Annals», (November, 1938), p. 1331; The Frustration of Technology, Science and Society (Winter, 1937), pp. 3—28; Society and Medical Progress, Princeton, 1941; Bryce Ryan and N. C. Gross, The Diffusion of Hybrid Seed Corn in Two Iowa Communities, RS, 8 (March, 1943), pp. 15—24; Neal C. Gross, The Differential Characteristics of Acceptors and Non-Acceptors of the Approved Agricultural, Technological and Practice, RS, 14 (January, 1949), pp. 148—158; C. C. Zimmerman, The Family and Social Change, «Annals», 272 (November, 1950), pp. 22—28; Kardiner, op. cit., pp. XVIII, 34—35, 414, 433, 448—449.

⁷² Teggart, op. cit., pp. 278—290; Ellwood, op. cit., pp. 242—243; Lowie, Culture and Ethnology, pp. 80—81, Linton, The Study of Man, pp. 279, 283.

ром народные обычаи и нравы соперничают с техническим (technical ways) поведением, приспособленным к вновь принятым нововведениям. Маннгейм, характеризуя переходные фазы современного общества, отмечал в качестве характерной черты конфликт между принципами соревнования и планирования, истолковывая, таким образом, переходную фазу как конфликт различных видов *социальной техники* (практики и отношений, предназначенных формировать человеческое поведение). Его анализ в основном был принят антропологом Лауи при подходе к «переходной фазе» в дограмотных обществах, подвергающихся процессу окультуривания, а также антропологами Годфри и Моникой Уилсон в их понятии *радикальных оппозиций* (ситуаций, в которых люди начинают поддерживать противоречивые понятия и условности), а также историком Юджином Андерсоном, который своим понятием *культурного кризиса* подчеркивает конфликты между группами, поддерживающими противоречивые идеи и технику, а также стимуляцию нарушения норм и крайних тенденций в качестве значительного аспекта перехода к поведению, пренебрегающему постановлениями или умеренностью⁷³. В результате этих условий переходная фаза является фазой явного беспорядка и многочисленных напряжений, представляющих проблемы, равные или превосходящие проблемы первой фазы процесса социального изменения.

5. Институциональные проблемы и проблемы интеграции

Если основной проблемой переходной фазы является недвусмысленный выбор между альтернативами, то характерной чертой этой заключительной фазы процесса социального изменения является невольная заинтересованность двумя связанными между собой задачами: *узаконением* новых типов и интеграцией этих типов со стратегическими областями существующего социально-культурного типа. Все данные об изменении, «находящемся в процессе», свидетельствуют, что эти проблемы обычно осложняются развитием *вторичных*, или *производных*, типов, которые, по-видимому, являются экспериментальными попытками или 1) увеличить пользу принятого нововведения, или 2) помочь устранению непредусмотренных трудностей или напряжений, порожденных вновь принятыми типами. В любом случае нововведения, первоначальные или производные, требуют узаконения или институционализации, для того чтобы обеспечить постоянное и поддающееся предсказанию принятие. По существу, этот процесс ведет к некоторой реорганизации видов социального контроля, и в частности к заметной трансформации систем авторитета и власти. При достаточном времени институционализация изменения придает иное значение различным

⁷³ R. H. Lowie, *The Transition of Civilizations in Primitive Society*, *AJS*, 47 (January, 1942), pp. 527—543; O d u m, *op. cit.*, Chap. 20; M a n n h e i m, *Man and Society*, Introduction and pp. 252—259; A n d e r s o n, *op. cit.*, pp. 20—25; W i l s o n and W i l s o n, *loc. cit.*

социальным категориям и группам и, таким образом, воздействует на системы стратификации, поскольку, как это хорошо показали Кули и Макивер в своем анализе, во-первых, во всех сложных обществах системы класса и каст являются в первую очередь выражением определенных институциональных структур и, во-вторых, класс и институт являются только родственными аспектами явлений социального контроля. Эмпирическое доказательство этой связи как в исследованиях окультуривания, так и в анализе изменений в обществах Запада настолько последовательны и ясны, что мы можем теперь отважиться утверждать, что изменение в системах стратификации является *одним* из постоянных признаков и показателей действительного социально-культурного изменения.

Однако институционализация не представляет собой законченный процесс изменения, хотя она, конечно, является весьма важным моментом в этом процессе. Хотя общества и их культуры никогда не являются полностью интегрированными, социальная преемственность требует минимальной четкости и совместимости составляющих частей — стремления к последовательности, которое, кстати, обычно вызывает больше напряжения, чем сама последовательность. Таким образом, главная проблема социального изменения заключается в приспособлении различных институциональных секторов к недавно институционализированным или частично институционализированным нововведениям. Эта функциональная проблема социального изменения — неправильная институциональная интеграция — почти всегда одинаково выражается в терминах «отставания» или разрыва в развитии связанных между собой социально-культурных частей. Фиркандт, Липперт, Мюллер-Лиер и Келлер могут считаться предшественниками нашей современной концепции «культурного отставания» и ее терминологических вариантов, но, вероятно, Альфред Вебер является автором понятий и теории (основных в нашем повседневном употреблении) благодаря своему различению *культурного, цивилизаторского и социального* процессов⁷⁴.

В интерпретации Огбёрна три процесса, используемые Вебером, сведены к двум в проблеме социально-культурной интеграции. Огбёрн объединяет социальный и культурный процессы в понятие «адаптивной культуры», в то время как его термин «материальная культура» соответствует цивилизаторскому процессу. Культурное отставание происходит из предполагаемой неспособности адаптивной культуры идти в ногу с развитием материальной культуры, особенно в современных обществах. У Огбёрна, Чэпина, Барнса, Барнетта и Лесли Уайта эта теория трактует основную проблему неправильной интеграции как проблему чрезмерного развития экономи-

⁷⁴ V i e r k a n d t, loc. cit.; J u l i u s L i p p e r t, *The Evolution of Culture*, translated G. P. Murdock, New York, 1931; F r a n z M ü l l e r - L y e r, *The History of Social Development*, translated Elisabeth C. Lake and H. Lake, London, 1933; K e l l e r, op. cit., p. 149; A. W e b e r, op. cit., pp. 8—10, 25—36, 57—60.

ческого института и его подсобных секторов, науки и техники по сравнению с политическим, религиозным, семейным, образовательным и другими институтами⁷⁵. Однако другие социологи не рассматривают культурное отставание как *универсальную* форму нарушения равновесия в институтах. Одум, например, ограничивает применение понятия культурного отставания народными обществами в процессе быстрого изменения. С другой стороны, в обществах, приближающихся к государственной цивилизации, он совместно с Сорокиным отмечает, что материальная культура развивается недостаточно быстро, чтобы удовлетворить требования новых научных, этических и политических систем⁷⁶.

Понятие отставания придало драматический характер проблеме интеграции нововведений, но в своем современном употреблении не объясняет соответствующим образом условия, лежащие в основе *упорного* неправильного приспособления. Огбёрн указывает на наличие социальной гетерогенности, на различный эффект отставания в различных социальных группировках. Барнс полагает, что священный ореол, которым была определена наша материальная культура, все еще сохраняется в других институциональных областях, свидетельствуя о том, что нежелание секуляризировать адаптивную культуру сохраняется и еще больше нарушает институциональное равновесие в обществах, подвергающихся быстрому изменению. Недавно Карр разработал понятие *социального отставания* для обозначения постоянной неспособности конкретных индивидуумов или групп устранить или уменьшить культурное отставание⁷⁷.

Важность этих попыток объяснения заключается в том, что они ведут к смещению дискуссии от предполагаемых врожденных качеств различных культурных областей (например, дифференциальные темпы развития, дифференциальная диффузность) к более широкому общественному контексту, внутри которого в конечном счете достигается некоторая степень интеграции. Поэтому начались поиски специфических социальных факторов проблем интеграции. Одно теоретическое направление (представленное в работах Моска, Парето, Маннгейма и Тойнби) связывает неправильную институциональную интеграцию с медленным пополнением элиты, обладающей характерными социальными чертами, соответствующими требованиям современных, а не устарелых проблем. Другое направление этого рода пытается открыть типы нарушения равновесия, характерные для некоторых видов общественных систем, как, например,

⁷⁵ O g b u r n, Social Change, pp. 200—211. Однако вряд ли можно доказать, что Огбёрн знал о существовании работы Альфреда Вебера в тот момент, когда была сформулирована теория «культурного отставания».

⁷⁶ H. W O d u m, Notes on the Changing Structure of Contemporary Society, unpublished memorandum, November 12 (1948), p. 3; S o r o k i n, Society, Culture and Personality, pp. 659—662.

⁷⁷ O g b u r n, Social Change, pp. 257—263; B a r n e s, Historical Sociology, p. 158; C a r r and S t e r n e r, op. cit., pp. 17—18; 206—207, 321—322.

различие, проводимое Одумом, между культурным отставанием и отставанием в достижениях. В значительной степени таким же образом Босков описал предполагаемые типичные проблемы интеграции как свойственные опыту *переходного общества* (конструированный тип). Согласно определению, переходное общество отличается многочисленными нововведениями и противоречивыми оценками, которые, по-видимому, лежат в основе явлений *социальной нерешительности* — этих реакций в поведении и идеологии, которые вскрывают: 1) запоздалое признание проблем интеграции и 2) попытки применения нереальных решений, которые часто ведут к углублению социальных кризисов⁷⁸.

Социальная проблема как проблема интеграции

Весьма часто по причинам, не полностью понимаемым социологами, в процессе социального изменения возникает период отсроченной интеграции. Это период, в котором преобладают *социальные проблемы* и один социальный кризис сменяется другим. Исследователи социальных проблем обычно считают эти явления результатом драматических социальных изменений, хотя меньше чем три десятилетия тому назад наследственность, бедность, порок, умственная дефективность и климат были излюбленными «источниками социальных проблем». Социальные проблемы, по-видимому, являются относительно поздним порождением процесса социального изменения, однако благодаря неотложности, доступности и непосредственной важности этих проблем социологи уделяли им, вероятно, больше внимания, чем подготовительным фазам социального изменения. По этой причине нет необходимости останавливаться на характере социальных проблем. Вместо этого следует отметить, что неуспешная интеграция нововведений и вытекающие отсюда социальные проблемы порождают различные типы социальных движений (см., например, стр. 318—319 этой книги), роль которых в процессе социального изменения может заключаться в отчаянной попытке достичь соответствующей инкорпорации прошлых изменений, а не в смелой инициативе изменения. Поскольку социальные движения на деле лишь частично достигают этой обобщенной цели, сохраняющиеся напряжения выражаются в повторных отклонениях и, таким образом, *процесс* социального изменения вновь возвращается к обобщенному направлению, очерченному на этих страницах.

⁷⁸ Gaetano Mosca, *The Ruling Class*, translated by Hannah D. Kahn, New York, 1939, pp. 65—66, 415—460; Pareto, *op. cit.*, vol. 4, § 2485—2487; Mannheim, *Man and Society*, pp. 81—96; Toynbee, *op. cit.*, pp. 246—309.

См. анализ «переходного общества»: J. W. Bennett, *Culture, Change and Personality in a Rural Society*, SF, 23 (December, 1944), pp. 123—132; *Some Problems of Status and Solidarity in a Rural Society*, RS, 8 (December, 1943), pp. 396—408; Alvin Boskoff, *Postponement of Social Decision in Transitional Society*, SF, 31 (March, 1953), pp. 230—231, *Social Indecision in Two Classical Societies*, «Midwest Sociologist», 15 (Spring, 1953), pp. 10—17.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- arnett H. G., *Innovation*, New York, McGraw-Hill, 1953.
- ecker Howard, *Through Values to Social Interpretation*, Durham, N. C., Duke University Press, 1950, Chap. 3, «Prospects of Social Change as Viewed by Historian and Sociologists», and bibliography.
- acIver R. M., *Social Causation*, Boston, Ginn, 1942.
- acIver R. M., *Society*, New York, Farrar and Rinehart, 1937.
- annheim Karl, *Man and Society in an Age of Reconstruction*, New York, Harcourt, Brace, 1940.
- gburn William F., *Social Change*, New York, B. W. Huebsch, 1923.
- ims Newell L., *The Problem of Social Change*, New York, T. Y. Crowell, 1939.
- orokin Pitirim A., *Social and Cultural Dynamics*, New York, America Book Company, 1937—1941, 4 vols.
- orokin Pitirim A., *Social Mobility*, New York, Harper, 1927.
- eggart F. J., *Theory and Processes of History*, Berkeley, University of California Press, 1941.
- oynbee A. J., *A Study of History*, abridged by D. C. Somervell, New York, Oxford University Press, 1947.
- ilson Godfrey and Wilson Monica, *The Analysis of Social Change*, Cambridge, Cambridge University Press, 1945.
- naniecki Florian, *Cultural Sciences*, Urbana, University of Illinois Press, 1952.
- naniecki Florian, *Method of Sociology*, New York, Farrar and Rinehart, 1934.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ МАЛЫХ ГРУПП

Аллен У. Эйстер

УВЕЛИЧЕНИЕ ИНТЕРЕСА К ИССЛЕДОВАНИЮ МАЛЫХ ГРУПП

То, что сейчас называется анализом малых групп, — это направление, зачатки которого возникли несколько десятилетий назад в таких же разнообразных областях, как социология и профессиональное образование, работа с социальными группами и управление предприятиями, социальная психология, групповая психотерапия и прикладная антропология. По крайней мере до недавнего времени большинство работ в этом направлении было создано, по-видимому, при минимальном общении между различными дисциплинами, причем отсутствовало общее теоретическое направление или понятия.

Различные причины интереса к малым группам. Не только представители ряда специальностей проявляли особый интерес того или иного рода к малым группам, но и сам характер интереса значительно изменялся внутри той или иной специальности, а также и от одной специальности к другой. В то время как некоторые сосредоточивались на исследовании в целях практического применения, как, например, повышения духа в военных подразделениях, другие интересовались главным образом теоретическими проблемами и их исследованием. В некоторых случаях (как, например, в исследованиях фабричного производства, проведенных Майо) этот интерес возникал неожиданно и был случайным по отношению к исследованию, направленному на изучение совершенно других проблем; в других случаях интерес вытекал непосредственно из развития более сложных теоретических взглядов, имевших свои корни в одной или нескольких теоретических дисциплинах или заимствовавших их из родственных областей, таких, как психиатрия.

В результате этого проблемы исследования, понятия, а также экспериментальные и другие данные в этой области лишь весьма поверхностно связаны друг с другом. Вот почему возникновение и развитие интереса к малым группам и обзор достижений не должны просто ограничиваться изложением и хронологией. В одной только социологии, например, предприняты лишь первые шаги к обобщению и ясной формулировке исследовательских проблем и данных.

Тем не менее социологи и социальные ученые вообще хорошо осознают недавно возникший интерес к малым группам, особенно во время и после второй мировой войны. Более того, в социологии анализ малых групп сейчас достиг статуса «специальности». Этот факт наряду с возрастающим объемом исследований малых групп требует пересмотра некоторых источников интереса к малым группам и постоянного исследования тех направлений, в которых эти интересы, по-видимому, движутся.

Двузначность понятий малых групп. Любая попытка определить масштаб и направление исследования малых групп встречается с некоторыми трудностями, и было бы, может быть, правильно рассмотреть с самого начала по крайней мере две из них. Вероятно, наибольшая трудность заключается в неопределенности понятия самой малой группы. Исходя из существа дела, необходимо прийти к известному соглашению о том, что такое малая группа. Однако на вопросы о том, как велика может быть группа, чтобы все же считаться малой группой, и насколько ясными должны быть структурные отношения между актерами в социальной ситуации, чтобы группа могла существовать, многие социологи и социальные психологи склонны давать несколько уклончивые ответы, несмотря на их непосредственное и значительное участие в разработке теорий этого направления. Некоторые, по-видимому, исходят из предположения, что верхние границы малой группы могут или будут установлены эмпирически; другие устанавливают произвольные границы или же просто не считают, что эта проблема заслуживает немедленного рассмотрения.

Подходя к проблеме размера малой группы индуктивно, Джеймс и его сотрудники, например, обследовали 9129 групп, классифицированных как «неофициальные, псевдонеофициальные и рабочие группы». Они обнаружили, что их размер колеблется от двух до семи при модальном числе два (71% всех случаев) с резким уменьшением до 21% групп, состоящих из трех членов, 6% — из четырех, 1,5% — из пяти и менее чем 1% — из шести или семи¹. Зиммель и Визе — Беккер в своих теоретических описаниях малых групп сосредоточили свое внимание главным образом на диадах и триадах, считая, что прибавление третьего лица имело более важные последствия для взаимодействия и прочего в самой группе, чем прибавление четвертого, пятого или n -ного лица² (следует обратить внимание, однако, на трактовку Визе и Беккером групп *v* и *W*).

С другой стороны, имеются значительные основания (и твердый прецедент) для включения групп с несколько большим количеством

¹ John J. James, A Preliminary Study of the Size Determinant in Small Group Interaction, ASR, 16 (August, 1951), pp. 474—477.

² См. «The Sociology of George Simmel», translated by K. H. Wolff, Glencoe, Illinois, 1950, pp. 87—177; H o w a r d B e c k e r, Systematic Sociology on the Basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese, New York, 1932; 2nd ed. with a new preface, Gary, Indiana, 1950, pp. 488—530; Systematic Sociology and Leopold von Wiese, Sociometry and the Science of Man, «Sociometry», 18, 4 (December, 1955), pp. 262—268.

членов в малые группы. Бэйлз, например, частично следуя концепции первичной группы Кули, определяет малую группу как «...любое количество лиц, находящееся во взаимодействии друг с другом в виде одной непосредственной встречи или ряда встреч, при которых каждый член группы получает некоторое впечатление или восприятие каждого другого члена, для того чтобы он смог или в тот момент, или при позднейшем опросе как-то реагировать на каждого из других членов как отдельную личность хотя бы только для того, чтобы вспомнить, что другой также присутствовал»³. Хотя это и рабочее определение, оно оставляет открытым вопрос о понятии малой группы, поскольку не дается ответ на вопрос, сколько других лиц в данной ситуации или группе индивидум может воспринять по отношению к самому себе, а также сохранить их образы, когда налицо имеются не все актеры.

Эта концепция малой группы подобна той, которой пользуется Дженнингс, когда она говорит о «социогруппах» и о «психологических группах», или же Креч и Кречфилд, когда они говорят о «психологических группах», в отличие от того, что они называют «социальными организациями», то есть ассоциациями формальной структуры⁴. Эта концепция также, вероятно, присуща социометрической технике определения клик или других малых групп, а также теории Поля Левина и точке зрения сторонников групповой динамики.

Концепция Кули первичной группы как группы, в которой участники встречаются непосредственно, не обязательно относится к малой группе в отношении ее ограничения немногими членами. Он и другие применяли ее не только к семейному ядру или к игровым или конгениальным группам, но и к соседствам и даже целым коллективам в сельских условиях. При известных обстоятельствах села с несколькими сотнями жителей могли выступать как первичные группы, хотя и не как малые группы. По-видимому, трудность, по крайней мере частично, связана с разной степенью способности людей к взаимодействию, а также к восприятию и воспоминанию отношений в различных типах социальной ситуации, и это довольно ясно показывает, может быть, тщетность попыток дать точное определение максимального размера малой группы на психологической основе восприятия и воспоминания. Все же эти факторы обязательно действуют в любой малой группе, как и в любой социальной ситуации, и отношения, являющиеся личными и «частными» или некатегориальными, выступают вполне определенно. Отсюда вполне понятны попытки включить такие аспекты, как непосредственное взаимодействие, в понятие малой группы.

³ R. F. Bales, A Theoretical Framework for Interaction Process Analysis, in Dorwin Cartwright and Alvin Zander (eds.), Group Dynamics: Theory and Research, Evanston, Illinois, 1953, p. 30.

⁴ Helen H. Jennings, Leadership and Isolation, New York, 1943; David Krech and R. S. Crutchfield, Theory and Problems of Social Psychology, New York, 1948, p. 366 и далее.

Концептуальные разновидности в структуре малых групп. Другой аспект неопределенности понятия малой группы проявляется в различных требованиях, предъявляемых к виду и размеру структуризации отношений среди актеров. Социальные психологи, например, иногда во имя исследования малых групп проводили эксперименты, в которых они пользовались группами более или менее случайно выбранных субъектов, которым ставились задачи по соревнованию или же иные задачи и при этом сравнительно мало внимания уделялось ролям или отношениям между ролями или же чувствам и установкам субъектов по отношению друг к другу, включая осознание себя как группы. Во многих случаях до единственной экспериментальной сессии, во время которой они встречались, субъекты были совершенно незнакомы друг с другом и не собиралось никаких данных относительно создания структуры, возможного в течение эксперимента (см. гл. 7 данной книги, стр. 256—259).

Хотя некоторые социологи следовали этой процедуре в лабораторных экспериментах, внимание неизбежно концентрировалось на развивавшихся структурах и на процессах, при помощи которых это происходило. *Роль и статус*, так же как и другие структуральные понятия, в значительной степени фигурировали в социологических взглядах на малые группы, в то время как в других дисциплинах гораздо меньше внимания обращалось на структуру и структуральные факторы. Об этом будет сказано ниже.

Хотя группы в исследованиях малых групп включали спонтанные, свободно образовавшиеся группы, в которых роли не являлись официальными и в которых лишь минимально проявлялась культурная типизация, многие исследования малых групп совершенно явно включали группы с весьма высокой структурой, образовавшейся под влиянием внешних агентов. Примерами этого являются рабочие группы, созданные нанимателями, боевые единицы, созданные военным командованием, и даже некоторые виды экспериментальных групп, созданные в целях лабораторных исследований⁵. Еще одним примером этого является моногамная семья, моделируемая обычаем и законом. Эти вариации в структуре групп, определяемых как малые тем или другим исследователем, не позволяют говорить о малой группе в смысле ее происхождения.

Преобладание несовместимых исследовательских позиций. Уже упоминалось о второй основной трудности при обзоре исследований малых групп. Она проистекает из того, что большая часть проделанной до сих пор работы проводилась различными исследователями

⁵ Недавняя работа Музафера Шерифа утверждает возможность объединить преимущества естественных групп с экспериментальным контролем в полевых условиях. См. его работы «A Preliminary Experimental Study of Intergroup», in J. H. Rohrer, and Muzafer Sherif (eds.), «Social Psychology at the Crossroads», New York, 1951, pp. 388—424; «Integrating Field Work and Laboratory in Small Group Research, ASR, 19 (December, 1954), pp. 759—771.

или группами исследователей при отсутствии тесного и постоянного контакта между ними. Вследствие этого появилось изобилие различных терминов для обозначения по существу одних и тех же или подобных явлений и увеличилось количество несовместимых и не связанных между собой теоретических направлений. Имели место заимствования понятий и процедур, происхождение которых трудно проследить, особенно там, где идеи и приемы, заимствованные из одного источника, заново переформулировались и помещались в совершенно иной теоретический контекст. Более того, в пределах какой-либо данной дисциплины не видели, что целые области исследования связаны общей основой. Вероятно, можно с полной уверенностью сказать, что в социологии, например, сравнительно малая часть огромного объема исследований межличных отношений в ухаживании, браке и семье рассматривалась в терминах малых групп.

Социологический интерес к малым группам. Социологи, занимающиеся исследованием малых групп, судя по последним литературным данным, склонны были ограничить применение понятия *исследования малых групп* экспериментальными или описательными исследованиями очень небольшого числа лиц, от двух до шести или восьми, по временам вплоть до двенадцати, между которыми наблюдаются, отмечаются или каким-либо другим образом устанавливаются различные детали межличного общения. Чаще всего изучаемые группы были неофициальными группами — кликами, шайками и другими естественными малыми или же искусственными группами, организованными самим исследователем в экспериментальной ситуации. Там, где использовались семейные и подсемейные группы или другие высокоструктурные плюралии, предписанные культурой, это происходило в условиях, при которых можно было установить эти детали. Имелась также тенденция подчеркивать динамический и функциональный, а также процессуальный и структурный аспекты группы.

Однако, если слишком строго ограничивается применение термина «малая группа», это может привести нас к пренебрежению важными работами или не даст нам возможности даже коротко рассказать о том внимании, которое уделяют социологи малым группам. Вот почему, несмотря на веские аргументы, мы приведем в нашем обзоре и некоторые другие точки зрения социологов на этот предмет. Мы имеем в виду изучение первичных групп, так же как и формальное описание и даже таксономический подход к малым группам. Полезные общие обзоры работы, проделанной в этой более широкой области, имеются у Уилсона, Шилза и Фэриса; существует также обширная библиография, составленная Штротбеком и Хэрмом⁶, включающая и другие работы, помимо социологических.

⁶ Logan Wilson, *Sociography of Groups*, in Georges Gurwitsch, and W. E. Moore (eds.), *Twentieth Century Sociology*, New York, 1945, pp. 139—141; E. A. Shils, *The Present State of American Sociology*, Glencoe, Illinois,

Типы исследований малых групп

Малые группы и социальный процесс: Зиммель. В самом начале истории социологии анализ малых групп был многообещающим и даже внушительным. В общем, однако, как указывал Шилз, в конце XIX и в первые десятилетия XX столетия социологи были больше заинтересованы процессами и характерными чертами целых обществ, чем малыми группами, как таковыми. Вследствие этого не было обращено должного внимания на многообещающие выводы, сделанные в работе Ле-Плея и Дюркгейма; так, например, из социологических работ в период перед первой мировой войной довольно часто цитируются только работы Зиммеля и Кули, которые внесли значительный вклад в анализ малых групп.

Интерес Зиммеля к малым группам был в первую очередь направлен на формальные свойства диад и триад, а также на виды и последствия отношений, которые, как можно было логически ожидать, имеют место. Один из его выводов, использованных недавно, например Миллзом и Штротбеком, заключался в том, что большинство становится возможным в триаде, но не существует в диаде, и это имеет важные последствия для функционирования группы. Другой произвольно взятый вывод заключается в том, что «...чем больше группа, тем легче она образует объективную единицу, господствующую над своими членами... тем легче (участники) в данном (пара) отношении видят друг друга и в то же время не видят объективную сверхиндивидуальную структуру, которая, как они чувствуют, существует и действует сама по себе»⁷.

Хотя Зиммель писал частично как представитель традиции, которую называли «исторической», его положения сформулированы на достаточно высоком абстрактном уровне, чтобы социологи смогли применять их в различных контекстах. Те, кто особенно заинтересован динамикой взаимодействия, мотивацией актеров и функциями действий, могут встретиться с некоторой трудностью, подгоняя свое мышление к более строгим абстрактным категориям, которыми частично пользовался Зиммель. Несмотря на это, однако, интерес к мыслям Зиммеля время от времени возникал вновь.

Малые группы и личность: Кули. В отношении малых групп Кули лучше всего известен благодаря своему понятию первичной группы, хотя, как мы видели, эти два типа групп не являются точными эквивалентами. Кули проявлял интерес не столько к самим

1948, pp. 40—52; The Study of the Primary Group, in Daniel Lerner and H. D. Lasswell (eds.), The Policy Sciences, Stanford, 1951, pp. 44—69; R. E. Faris, Development of the Small-Group Research Movement, in Muzafer Sherif and M. O. Wilson (eds.), Group Relations at the Crossroads, New York, 1953, pp. 155—184; F. L. Strodbeck and A. P. Hare, Bibliography of Small-Group Research, «Sociometry», 17 (May, 1954), pp. 107—178.

⁷ T. M. Mills, Power Relations in Three-Person Groups, ASR, 18 (August, 1953), pp. 351—354; F. L. Strodbeck, The Family as a Three-Person Group, там же, 19 (February, 1954), pp. 23—29; Zimmels, op. cit., pp. 127—128, 136.

малым группам как таковым, сколько к тому значению, которое, как полагали, малые группы первичного типа имеют в формировании личности и конкретных установок и реакций, с одной стороны, а также в функционировании крупных социальных организаций или обществ — с другой. В отношении первой области ориентация Кули была в такой же степени социально-психологической, как и социологической. Хотя большое количество других социологов (как европейцев, так и американцев), писавших до первой мировой войны, уделяли особое внимание понятию группы, включая, конечно, малые группы, именно первичная группа Кули была наиболее широко принята в Соединенных Штатах Америки как классическая теоретическая основа для подхода к малым группам. Вплоть до недавнего времени американские социологи в общем удовлетворялись тем, что целиком принимали и некритически использовали положения, выдвинутые Кули. В результате стандартные учебники в этой области, имевшие дело с малыми группами, редко выходили за пределы общих и часто спекулятивных положений о социальных функциях семьи и игровой группы, соседства и т. д.

Однако после первой мировой войны было предпринято большое количество описательных исследований и понятие первичной группы было использовано в таких разных исследованиях, как исследования Томасом и Знанецким положения польских крестьян в Европе и Америке и изучение шаек Трэшера.

Малая группа в ее социальном и экологическом окружении. Основное направление работы Трэшера несколько отличалось, однако, от направления Кули и других. Здесь, как и в других исследованиях, под влиянием Парка и Бёрджесса интерес сосредоточивался на процессе социального взаимодействия — конфликте, соревновании, сотрудничестве и т. д., при помощи которых организовывались группы, а также на таких явлениях, как дух группы, или *esprit de corps*. Работа Трэшера не только сосредоточила внимание на этих процессах, но также в соответствии с особой экологической ориентацией чикагской школы в конце двадцатых годов пыталась связать образование шаек с «интерстициальными областями» и с социальными условиями, характерными для конкретных районов города. Более поздние исследования шаек в работе «Уличное общество» («Street-Corner Society») Уайта, как показывают подзаголовок и последние страницы этой книги, также подчеркивали широкую проблему социальной организации в районе трущоб большого города и отношение малых групп к более крупным социальным структурам, в данном случае к городу⁸.

Поиски аналитических свойств малых групп. В дискуссии малых групп в книге Визе—Беккера «Систематическая социология» и в работах Куна, Рут Юсим и других имеется еще одно направление. Обращаясь частично к Зиммелю, сторонники этого направ-

⁸ F. M. Thrasher, *The Gang*, Chicago, 1927; W. F. Whyte, *Street-Corner Society*, Chicago, 1948.

ления требовали тщательного рассмотрения и сравнения различных типов отношений между двумя и тремя лицами и другими видами малых групп; они опубликовали ряд исследований, предпринятых в Висконсинском университете и в других местах. В то же время было сделано или делается несколько попыток логически определить характерные черты групп различных типов, включая малые, или эмпирически описать и анализировать группы. В ряде статей в «Американском социологическом журнале» Боденхафер, например, сравнил употребление понятия группы в работе «Динамическая социология» («Dinamic Sociology») Уорда и у более поздних социологов. До 1930 года Браун, Койл и другие привлекали внимание к тем понятиям, имевшимся в то время, которые относились к изучению групп. Л. Д. Карр в своем анализе взаимодействия в работе комитетов первый пошел в направлении детального наблюдения процессов малых групп⁹. К ним присоединился ряд других исследователей, как, например, Палмер, Янг, Юбэнк, Богардус, Сандерсон, Менгер и Лундберг¹⁰, которые способствовали отысканию дополнительных аналитических понятий или методов получения данных о группах в тридцатых годах. Начиная с середины тридцатых годов в социологических работах появляются некоторые изменения в исследованиях и теоретической трактовке малых групп. Частично это было результатом большего понимания и техники, разработанной этой дисциплиной, влияния психоанализа и других психиатрических теорий, частично же — результатом введения социометрической и иной техники обработки данных о структуре и процессах малых групп, а также в известной степени — результатом распространения понятий, таких, как *роль* и *статус*.

Исследование малых групп: социометрия. Социометрические понятия и приемы, введенные Морено в 1934 году, по-видимому,

⁹ Manford Kuhn, The Engagement, in Howard Becker and Reuben Hill (eds.), *Marriage and the Family*, Boston, 1942, esp. pp. 216—218; «American Families Today: Development and Differentiation of Types», in Howard Becker and Reuben Hill (eds.), *Family, Marriage and Parenthood*, Boston, 1948, esp., pp. 134—144 (см. также стр. 246—275); Becker and Ruth Useem, *Sociological Analysis of the Dyad*, ASR, 7, 1 (February, 1942), pp. 13—26; W. B. Bodenhaf er, The Comparative Role of the Group Concept in Ward's Dynamic Sociology and Contemporary American Sociology, *AJS*, 26 (1920—1921), pp. 273—314, 425—474, 588—600, 716—743; B. W. Brown, *Social Groups*, Chicago, 1926; Grace Coyle, *Social Process in Organized Groups*, New York, 1936; L. G. Carr, *Experimental Sociology: A Preliminary Note on Theory and Method*, SF, 8 (September, 1929), pp. 63—74.

¹⁰ Vivien M. Palmer, *Field Studies in Sociology*, Chicago, 1928, pp. 102—128; Pauline V. Young, *Scientific Surveys and Social Research*, New York, 1939; E. E. Eubank, *The Concepts of Sociology*, Boston, 1932, especially pp. 116—168; E. S. Bogardus, An Introduction to Social Research, Los Angeles, 1936; Dwight Sanderson, Group Description, SF, 16 (March, 1938), pp. 304—319; A Preliminary Structural Classification Groups, там же, 17 (December, 1938), pp. 196—201; Karl Menger, An Exact Theory of Social Groups and Relations, *AGS*, 43 (March, 1938), pp. 790—798; G. A. Lundberg, Some Problems of Group Classification and Measurement, *ASR*, 5 (June, 1940), pp. 351—360.

оказали особое влияние на исследования даже за пределами самой социологии. Прием, первоначально предназначенный для отождествления дружеских кружков в ремесленной школе для девочек, был впоследствии применен в различных целях и, в частности, использовался Лундбергом, Зеленым, Чэпином и другими. Техника составления социограмм структур и групп, предложенная Морено, явилась также дополнительным стимулом к различным исследованиям явлений руководства, о которых сообщалось в это время¹¹.

Функциональные понятия в исследовании малых групп. Понятия роли и статуса, вновь открытые в работе Мида, а также заимствованные у Линтона, полностью соответствовали интересу к структуре группы, который возник в общей социологии. Психиатрические понятия, с которыми социологи познакомились благодаря работам Салливана, Хорни, Фромма и других, понятия «конфигурации» и «ситуации», внимание к рабочим определениям терминов, а также к более широкому применению математических понятий к социальным явлениям — все это, по-видимому, способствовало исследованию малых групп. Кроме того, различные приемы наблюдения и регистрирования межличного взаимодействия, применявшиеся работавшими с социальными группами, а также некоторыми социальными психологами и другими¹², оказались полезными для целей социологии.

Между тем имелись другие «внешние» явления, которые тем или иным образом способствовали изменению характера интереса социологов к малым группам. Сюда относятся работы Майо и его сотрудников относительно неофициального поведения групп в условиях производства, работы Уорнера и других о кликах и поведении клик в общностях и официальных организациях¹³, а также теоретические работы и экспериментальные исследования Левина, проведенные в университете Айовы, а позднее — в Мичиганском университете и других местах. Эта группа исследователей

¹¹ J. L. Moreno, *Who Shall Survive?*, Washington, D. C., 1934; G. A. Lundberg and M. Lawnsing, *The Sociography of Some Community Relations*, SASR 2 (June, 1937); Lundberg and M. Steele, *Social Attraction Patterns in a Village*, «Socm.», 1 (January, 1938), pp. 375—419; L. D. Zeleny, *Sociometry of Morale*, ASR, 4 (December, 1939), pp. 799—808; *Sociometry in the College Classroom*, «Socm.», 3 (January, 1940), pp. 102—104; F. Stuart Chapin, *Trends in Sociometrics and Critique*, там же, 3 (January, 1940), pp. 245—262; *Sociometric Stars as Isolates*, AGS, 56 (November, 1950), pp. 263—267; C. P. Loomis, *Informal Grouping in a Spanish American Village*, «Socm.», 4 (February, 1941), pp. 36—51.

¹² См. W. T. Newstetter, *Wawokiye Camp. A Research Project in Group Work*, Cleveland, 1930; Dorothy S. Thomas, *Some New Techniques for Studying Social Behavior*, *Child Development Monograph*, 1, 1929; Thomas et al., *Observational Studies of Social Behavior*, vol. I, *Social Behavior Patterns*, New Haven, 1933.

¹³ Особенно см. Elton Mayo, *The Human Problems of an Industrial Civilization*, New York, 1933; F. J. Roethlisberger and W. J. Dickson, *Management and the Worker*, Cambridge Massachusetts, 1939; W. Lloyd Warner and P. S. Lunt, *The Social Life of a modern Community*, New Haven, 1941, pp. 301—355.

в основном ответственна за развитие специальности, известной под названием «групповой динамики», и, как мы увидим позже, они внесли большой вклад в литературу о малых группах.

Изучение семьи как имплицитное исследование малых групп. В области самой социологии к началу сороковых годов наряду с многочисленными эмпирическими исследованиями было выдвинуто несколько идей интерпретации, наблюдения и описания групп, в некоторых случаях — малых групп в особенности¹⁴. Наибольшему изменению подвергся анализ малых групп благодаря большему вниманию, уделяемому деталям структуры статуса и внутригрупповым процессам, наблюдаемым при действии, а также динамическим внутренним процессам, действующим в личностях — членах группы по отношению друг к другу, к правилам и нормам, особенно тем, которые развились внутри самой группы. Интерес к динамике межличного поведения при ухаживании, в браке и в семье был, например, явным в конце тридцатых и в начале сороковых годов в работах Уоллера, Бёрджесса и Коттрелла, Беккера, Хилла и других¹⁵. Первые исследования касались соседства, этнических различий и других экологических факторов и факторов социальной дистанции в связи с выбором партнера в браке или же сосредоточивались на изменениях функций семьи как института и т. п. Более поздние работы больше относились к изучению межличных чувств и установок, ролей и их распределения в семье и другим темам. Многие исследования семьи и других первичных групп проводились независимо от других социологических интересов к малым группам и, следовательно, за немногими исключениями, оставались в основном за пределами систематического анализа малых групп в том виде, в каком он сложился в первые десятилетия после войны.

Внетеоретические факторы в исследовании малых групп. В период второй мировой войны социологи наряду с другими социальными учеными были привлечены к исследованию структуры и функционирования военных и гражданских организаций и проблем, связанных с их эффективным действием. Может быть, наиболее важными из этих работ были исследования в американской армии, проведенные Стауффером и его помощниками. Были также приняты другие исследования, гораздо меньшего масштаба и относящиеся к меньшим организациям¹⁶. В общем они опять подчеркнули важность неофициальных малых групп для функционирования и сохранения больших официальных организаций и самого общества.

¹⁴ Включая: Florian Znaniecki, *Social Groups as Products of Participating Individuals*, *AJS*, 44 (May, 1939), pp. 799—811; L. D. Zeleny, *Measurement of Sociation*, *ASR*, 6 (April, 1941), pp. 173—188; Becker and Useem, *op. cit.*

¹⁵ W. W. Waller, *The Family*, New York, 1938; E. W. Burgess and L. S. Cottrell, *Predicting success or Failure in Marriage*, New York, 1939; Becker and Hill, *op. cit.*

¹⁶ S. A. Stouffer et al., *The American Soldier*, Princeton, 1949, 4 vols.; G. C. Homans, *The Small Warship*, *ASR*, 11 (June, 1946), pp. 294—

Социологи, однако, участвовали в этом исследовании по договору с военными организациями в меньшей степени, чем психологи. В результате в послевоенном потоке печатных работ об исследованиях лидерства и других аспектов малых групп социологические исследования потонули в широком потоке трудов психологов. В течение некоторого времени было трудно находить различие и сходство в подходах социологии и социальной психологии к малым группам. Это являлось проблемой, особенно в отношениях, существовавших между групповой динамикой и другими социально-психологическими направлениями, а также социологическими подходами. Они стали более ясными, однако, в свете теоретических направлений социальной науки, базирующихся на перекрестках нескольких дисциплин, которые стали появляться за последнее время [см. обсуждение этих вопросов в гл. 17 работы «Социология и междисциплинарные направления» («Sociology and Interdisciplinary Developments») Адольфа Томарса, а также в гл. 19 книги «Социальная психология и социология» («Social Psychology and Sociology») Кимболла Янга и Линтона Фримэна, особенно стр. 550 и 552—556].

Все большее совпадение теоретических и экспериментальных исследований. Особенно выдающимся социологическим вкладом в анализ малых групп после 1945 года были исследования и теории Бэйлза и Хоумэнса, а сравнительно недавно — Штротдбека, Миллза и других, тем или иным образом связанных с факультетом или лабораторией социальных отношений Гарвардского университета¹⁷. Увеличению количества существенных исследований и разработке методологии во многом способствовали Джеймс, Уайт, Стефан, Адамс, Райли и другие¹⁸. В общем этот интерес к малым группам был

300; L. D. Zeleny, Selection of Compatible Flying Partners, *AJS*, 52 (March, 1947), pp. 424—431; E. A. Shils and Morris Janowitz, Cohesion Desintegration of the Wehrmacht in World War II, *POQ* 12 (June, 1948), pp. 280—315.

¹⁷ Bales, op. cit.; A Set of Categories for the Analysis of Small-Group Interpretation, *ASR*, 15 (April, 1950), pp. 257—263 (with P. L. Strodbeck, T. M. Mills, and M. E. Roseborough); Channels of Communication in Small Groups, там же, 16 (August, 1951), pp. 461—468 (with Strodbeck); Phases in Group Problem—Solving, *JASP*, 46 (October, 1951), pp. 485—495; The Equilibrium Problem in Small Groups, in Talcott Parsons et al., Working Papers in the Theory of Action, Glencoe, Illinois, 1953, pp. 111—161; G. C. Homans, A Conceptual Scheme for the Study of Social Organization, *ASR*, 12 (February, 1947), pp. 13—26; The Human Group, New York, 1950; F. L. Strodbeck, Husband-Wife Interaction over Revealed Differences, *ASR*, 16 (August, 1951), pp. 468—473; Mills, op. cit.

¹⁸ James, op. cit., Clique Organization in a Small Industrial Plant, in «Research Studies of the State College of Washington», 19 (1952), 125—130; W. F. Whyte, Small Groups and Large Organizations, in Rohver and Sherif, op. cit., pp. 297—312; F. F. Stephan, The Relative Rate of Communication Between Members of Small Groups, *ASR*, 17 (August, 1952), pp. 482—486 (with E. G. Mishler), The Distribution of Participation in Small Groups. An Exponential Approximation, там же, стр. 598—608; Stuart Adams, Status Congruency as a Variable in Small-Group Performance, *SF* 32 (October, 1953), pp. 16—22; Social Climate and Productivity in Small Mili-

большей частью экспериментальным (см. гл. I настоящей книги, стр. 256—259), основанным преимущественно на все развивающейся общей теории действия, совместно разработанной Парсонсом, Шилзом, Бэйлзом и другими, о чем будет сказано в конце этой главы.

ПРИМЕНЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛЫХ ГРУПП

Малые группы и области их применения: социальная работа. С точки зрения хронологии следующей за социологией областью, проявившей интерес к малым группам, была несколько неоднородная группа специальностей, связанных с открытием того, что можно было бы узнать относительно малых групп и что было бы полезно для улучшения процесса «демократизации», для перевоспитания правонарушителей и других в основном терапевтических и явно обладающих ценностями целей. Сюда относятся профессиональная социальная работа и ряд других областей, непосредственно связанных с практическим применением обнаруживаемых этими специальностями данных. Сюда же относятся лица, изучающие развитие ребенка и благосостояние детей, а позднее — профессиональные работники просвещения, специалисты по управлению промышленностью и другие. Многие из этих групп явно занимались улучшением состояния духа, отношений между людьми, увеличением производительности труда и т. д. Эти цели несколько отличались от целей некоторых более ранних специалистов, изучавших малые группы, чтобы получить данные, могущие помочь отдельным лицам «лучше приспособиться как в личном, так и в социальном отношении».

По меньшей мере уже в начале нынешнего столетия сотрудники исправительных и других институциональных организаций приступили к изучению и использованию малых групп в целях, носящих терапевтический характер. В более широком интересе к улучшению процесса «демократизации» в обществе в двадцатых годах Фоллетт, Линдман и некоторые другие социальные философы, например, признавали потенциальные возможности малых групп как воплощения демократического поведения и других этических целей. Частично этот интерес достаточно ясно был направлен на улучшение качества «группового мышления» в малой группе, причем некоторое внимание уделялось функциям «лидера группы» в этом процессе. Некоторые социальные психологи и профессионалы преподаватели объединились в поисках экспериментальных ответов на такие вопросы, как: «Является ли мышление групп более эффективным, чем мышление индивидуумов?»¹⁹

tary Groups, ASR, 19 (August, 1954), pp. 421—425; Matilda W. Riley et al., Sociological Studies in Scale Analysis, New Brunswick, 1954, особенно стр. 150—267; Interpersonal Orientations in Small Groups: A Consideration of the Questionnaire Approach, ASR, 19 (December, 1954), pp. 715—724.

¹⁹ Mary P. Follett, The New State, New York, 1918; E. C. Lindeman, Social Discovery, New York, 1924.; Ada D. Sheffield, Crea-

Вскоре со всех сторон стали поступать данные, касающиеся изучения малых групп, от различных благотворительных организаций. Следуя довольно близко направлению, подсказанному Парком и Бёрджессом для изучения групп, Койл дал схематическое описание «социального процесса в организованных группах» и пытался обнаружить процессы взаимодействия в неофициальных группах в общезнаниях и на спортивной площадке. Одновременно с этим, до 1930 года, Ньютеттер разрабатывал программу наблюдений за группами в лагере мальчиков, основанную на повседневном описании взаимодействия в групповых ситуациях, и внес предложение о способах их регистрации. Вслед за формальным признанием около 1935 года работы с группами как работы социальной, требующей определенных навыков и приемов, социальные работники стали уделять больше внимания тому, что было названо *групповым процессом*. Это понятие охватывает не только последовательность в деятельности и взаимодействие в данной группе, но также и шаги по направлению к организационной структуре и движение к более «зрелым» установкам и явному поведению, которое, как полагают, связано этими установками²⁰. Данное понятие не получило широкого распространения за пределами работы с группами — частично, может быть, в силу своего нечеткого, чересчур общего характера.

Малая группа и проблемы мотивации: психиатрия, психоанализ. Важным вкладом в последующий анализ малых групп явилось внимание к динамическому или мотивационному и другим эмоциональным факторам в личности членов группы и к их взаимодействию друг с другом. Хотя профессиональная социальная работа была только одним из каналов, по которым психиатрические понятия и толкования проникли в анализ малых групп, социальные работники, особенно со времени первой мировой войны, были знакомы с применением психиатрических принципов к поведению группы. На деле психиатрические теории применялись вначале почти исключительно при выборочных случаях в социальной работе, и прошло некоторое время, прежде чем они начали более широко применяться к малым группам при социальной работе с группами. Хотя работа Фрейда «Групповая психология и анализ я» (*Group Psychology and the Analysis of the Ego*) переведена на английский язык уже в 1922 году, только в конце тридцатых и начале сороковых годов после появления работ Славсона и особенно Морено²¹ групповая психотерапия, социатрия и другие подходы

tive Discussion, New York, 1927; H. S. Elliot, *The Process of Group Thinking*, New York, 1928; Ordway Tead, *The Art of Leadership*, New York, 1955; Goodwin Watson, *Do Groups Think More Effectively than Individuals JASP*, 23 (October, 1928), pp. 328—336.

²⁰ Grace Coyle (ed.), *Studies in Group Behavior*, New York, 1937; Newstetten, *op. cit.*; H. B. Trecker, *Social Group Work: Principles and Practice*, New York, 1948; G. Wilson and G. Ryland, *Social Group Work Practice*, Boston, 1949.

²¹ S. R. Slavson, *An Introduction to Group Therapy*, New York, 1943; Moreno, *op. cit.*

к групповой работе, ориентирующиеся на психиатрию, вошли у социологов в моду.

При фрейдистском подходе основное внимание уделяется почти исключительно эмоциональным и в первую очередь бессознательным элементам в процессе взаимодействия и влиянию, оказываемому семейной жизнью индивидуумов, поскольку полагалось, что эти влияния переносятся на последующие отношения в малых группах. Согласно этому взгляду, все группы, и особенно малые, рассматриваются как «символы» отношений, обнаруживаемых в семье, причем предполагается, что лидер воплощает в себе обладающую властью личность отца, а другие члены — братьев и сестер. Современными сторонниками этого направления являются Редл, Блон, Шейдлингер и другие²².

Групповая работа в различных типах групп с применением или без применения психиатрических или даже психоаналитических методов проводилась довольно широко с начала второй мировой войны. Примеры сообщений об этих исследованиях имеются у Розенталя, Шульмана, Паудермэйкера, Франка и других²³. Некоторые социологи продолжают интересоваться групповой работой и участвовать в ней или же в исследованиях, сходных с ней по характеру.

К 1950 году сотрудники Морено в Институте социометрии в Нью-Йорке пытались точно установить и провести четкое различие между групповой терапией и групповой психотерапией, предлагая последнюю для обозначения способов достигнуть «улучшения» установок, «социального приспособления», межличных отношений и т. д., которые выступают в результате сознательного профессионального руководства групповыми процессами в группах, где «терапевтическое благосостояние группы является непосредственной и единственной целью и эта цель достигается научными средствами, включая анализ, прогноз и предсказание». Термин же «групповая терапия» применяется к случаям, где желатель-

²² F. Redl, Group Emotion and Leadership, «Psychiatry», 5 (November, 1942), pp. 573—596; Group Psychological Elements in Discipline Problems, AJO, 136 (January, 1943), pp. 71—81; W. R. Bion and J. Rickman, Intra-Group Tensions in Therapy: Their Study as the Task of the Group, «Lancet», 245 (1943), pp. 678—681; Group Dynamics; A Review, JGP, 33 (1952), pp. 235—247; Saul Scheidlinger, Psychoanalysis and Group Behaviour, New York, 1953; Freudian Concepts of Group Relations, in Cartwright and Sander, op. cit., pp. 52—61.

²³ P. Rosenthal, Group Studies of Pre-Adolescent Boys, AJO, 12 (January, 1942), pp. 115—126; H. M. Schulman, Delinquency, Treatment in the Controlled Activity Group, ASR, 10 (June, 1945), pp. 405—414; J. A. Abrams and L. W. McCorkle, Group Psychotherapy of Military Offenders, AJS, 51 (March, 1946), pp. 455—464; W. W. Wattenberg and J. J. B. Alister, Gang Membership and Juvenile Misconduct, ASR, 15 (December, 1950), pp. 744—752; F. B. Powdermaker and J. D. Frank, Group Psychotherapy, Cambridge, Massachusetts, 1953; B. Kotkov, A Bibliography for the Student of Group Therapy, JCP, 6 (January, 1950), pp. 71—91.

ные изменения происходят случайно, во время игры или другой деятельности, без какого-нибудь планирования или руководства со стороны психиатра²⁴.

Промышленные исследования и малые группы: Майо и его ученики. В то же время интерес к малым группам и новым приемам их исследования в естественной среде возникал в других кругах. Не предполагая вначале изучать клики или другие малые группы, как таковые, Майо и его сотрудники, изучая факторы, связанные с производительностью, состоянием духа и т. д., на двух предприятиях — текстильной фабрике в Филадельфии и заводе электрического оборудования в Хауторне в штате Иллинойс, — в прямом смысле этого слова были вынуждены признать существование и важность неофициальных групп или клик и устанавливаемых ими норм работы в условиях предприятия, когда другие факторы не могли объяснить изменений в уровне производительности труда. По-видимому, именно те взгляды, которые возникли на месте у Майо, Рётлисбергера, Диксона и других, а не знакомство с теоретической работой или исследованиями, проводимыми в других областях, заставили администрацию и инженерно-технический состав заинтересоваться малыми неофициальными кликами среди рабочих и другими малыми группами в официальных организациях. Эти явления, изучаемые при помощи приемов наблюдения, похожи на приемы, разработанные Майо и его сотрудниками, и при помощи новых приемов, подобных тем, которые были разработаны Чэпплем, они подверглись впоследствии изучению со стороны антропологов, промышленных социологов и других²⁵. В результате появилась довольно обширная литература о рабочих группах и неофициальных группах в официальных организациях. В противовес другим подходам к изучению малых групп этот подход был склонен «обнаруживать» малые группы в более крупных организациях и в некоторых случаях привел к попыткам установить связь между отношениями, существующими вне фабрики или в какой-либо другой организации, и отношениями, существующими внутри нее.

Образование, манипуляция и изучение малых групп. Социометрические приемы и психиатрические понятия, а также некоторые другие понятия и приемы наблюдения, разработанные в этих различных областях, вызвали значительное внимание работников просвещения и вовлекли профессиональных деятелей просвещения

²⁴ «Open Letter to Research Workers and Friends of Group Psychotherapy» in «Group Psychology», «Journal of Sociopsychopathology and Society» (April, 1950).

²⁵ Mayo, op. cit., Roethlisberger and Dickson, op. cit.; см. также T. N. Whitehead, *The Industrial Worker*, Cambridge, Massachusetts, 1941; E. D. Chapple, *Measuring Human Relations. An Introduction to the Study of Interaction of Individuals*, «Genet. Psych. Monogr.», 22 (February, 1940), pp. 9—147. The Measurement of Interpersonal Behavior, «Trans. N. Y. Acad. Sci.», 4 (1942), pp. 222—223.

во все более расширяющийся круг исследователей малых групп²⁶. Подобно профессиональным социальным работникам, имеющим дело с группами, они главным образом интересовались возможностью разработки более эффективных приемов изучения индивидумов в группах, причем основное различие заключалось в степени официальности групп и целях, которые ставили перед собой исследователи в этих двух областях.

Подобным же образом руководители больниц, военных и некоторых правительственных учреждений, а также другие ответственные лица стали проявлять интерес к понятиям малой группы и результатам их исследования. Это происходило главным образом во время второй мировой войны и после нее, и во всех случаях интерес открыто связывался с пользой знания процессов в малых группах, особенно там, где явной целью являлось «улучшение отношений между людьми» и подобные же цели.

Интерес социальных психологов к малым группам. В экспериментальной социальной психологии интерес к малым группам, или, говоря точнее, к взаимодействию людей в ситуациях малой группы, является сравнительно недавним; в последнее время он сосредоточивается на таких проблемах, как руководство и использование власти, общение, групповая сплоченность, производительность труда группы, состояние духа, а также давление со стороны группы и межличное влияние. Хотя большинство экспериментальных работ, придавших содержание и направление анализу малых групп, возникло из исследований и теории Курта Левина и других лиц, сотрудничавших с ним по вопросам групповой динамики, существует немало работ о малых группах, созданных другими социальными психологами, проводившими исследования в иных направлениях и внесшими большой вклад в литературу о малых группах; помимо вопросов групповой динамики, социальных психологов интересуют другие вопросы, относящиеся к малым группам, что необходимо учитывать при любой попытке описания того, что было ими сделано, или при характеристике руководившего ими интереса.

Малые группы в виде пар или других сочетаний экспериментальных субъектов обычно использовались при исследованиях в области социальной психологии. Такие группы, например, были использованы во многих ранних работах, посвященных групповым и социальным факторам, в связи с выполнением различных задач. Современные исследования и понятия малой группы, однако, по-видимому, обязаны этим исследованиям менее, чем большому количеству наблюдений за поведением ребенка в двадцатых и тридцатых годах, когда особое внимание обращалось на взаимодействие между субъектами, а в некоторых случаях — и на их чувства

²⁶ См., например, K. D. Benne and Paul Sheats, *Functional Roles of Group Members.*, JSI, 4 (Spring, 1948), pp. 41—49; K. D. Benne and B. Muntz, *Human Relations in Curriculum Change*, New York, 1951

и отношения друг к другу. В этом смысле благодаря вниманию которое уделялось статусу поведения членов, а также некоторым, характерным чертам структуры групп эти ранние исследования предвосхитили некоторые из последующих направлений. В некоторых из этих трудов были разработаны приемы наблюдения и регистрации взаимодействия, установления и описания позиций статуса и других групповых характеристик²⁷. В теории социальных психологов о малых группах были введены некоторые понятия, относящиеся к ролям и исполнению ролей, а также динамическим процессам и элементам в межличных отношениях.

В тридцатых годах начали появляться многие работы, которые впервые стали обобщать эти, а также и другие понятия и приемы социальной психологии. Проблемы, над которыми велась работа, однако, не обязательно были проблемами малых групп, и во многих случаях используемые группы были группами в самом минимальном значении этого слова, которые иногда требовали или допускали весьма незначительную структурность или даже взаимодействие среди своих членов при единственном условии, чтобы реакция предварительно «была проверена» в экспериментальной ситуации. Даже в этих случаях сравнительно мало внимания уделялось деталям содержания, направления, процесса взаимодействия и т. д.

Динамика межличных отношений. Когда малые группы использовались в последующих исследованиях, независимо от того, были ли они просто рядами экспериментальных субъектов или группами, в которых признавалось наличие некоей структуры, упор ясно делался на самый процесс общения и на другие аспекты межличных отношений в данной ситуации, особенно на их связь с потребностями, их удовлетворением, мотивациями и т. д. субъектов. Эти интересы, а также в известной степени использование *роли, статуса, членства группы* и других понятий абстрактного отношения довольно ясно отражают развитие мышления в социологии и других социальных науках того времени, и они находятся в резком противоречии с понятиями группы, принятыми и использованными во многих более ранних исследованиях.

В общем социальных психологов скорее интересовал динамический, а не структуральный аспект и развитие социального взаимодействия. Отсюда проблема структурального определения малой группы, например в терминах функционально взаимозависимых ролей, официальных или неофициальных ролей, «символов группы» или других понятий типовых отношений, продолжала оставаться вторичной в их работе.

Внимание к эксперименту. Кроме того, можно предположить, что малые группы были включены в социально-психологические

²⁷ См., например, «The Psychology of Social Norms», New York, 1936. Более сжатое изложение этих и позднейших работ см. R. W. He y n s and R o n a l d L i p p i t t, Systematic Observational Techniques; A. L i n d z e y and E. F. B o r g a t t a, Sociometric Measurement both in L i n d z e y, op. cit., pp. 370—448.

исследования, включая групповую динамику, главным образом благодаря той легкости, с которой они поддаются обработке в экспериментальной лаборатории, или же благодаря возможности наблюдать и регистрировать общение, а также легкости получения данных о межличном статусе и т. п. скорее в малых группах, чем в больших. По-видимому, социально-психологические исследования проявляли сравнительно меньше внимания к вопросу размера и структуры самой малой группы, чем социологическое мышление и исследование, хотя, само собой разумеется, каждая работа неизменно сообщала о количестве исследуемых субъектов.

Подобным же образом, за исключением нескольких исследований лидерства, произведенных Шартлем, или межличного восприятия в группах, предпринятого Тажури²⁸, несколько меньшее внимание уделялось детальному изучению функций культурных предписаний групповых ролей, ожидания официальных ролей и осознанию ролей в малых группах.

Тем не менее социальные психологи внесли обширный и важный вклад в литературу о малых группах и, по-видимому, проделали больше экспериментальной работы в этой области, чем современные социологи. Выдающимися в этом направлении были исследования и теоретические положения Левина и его сотрудников относительно групповой динамики, хотя, как уже указывалось ранее, сюда следует включить и труды других лиц, таких, как Шериф, Стогдилл, Шартл и Кэттелл, которые не столь тесно связывали себя с групповой динамикой²⁹. Поскольку эти социально-психологические исследования значительно способствовали современному экспериментальному знанию малых групп, о них следует упомянуть более подробно, что и будет сделано в следующем разделе данной главы.

ТИПИЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛЫХ ГРУПП

Основные проблемы при исследовании малых групп. Предварительное рассмотрение литературы по исследованию малых групп показывает, что в этой области исследователи работают над следую-

²⁸ C. L. Shartle, *Studies in Naval Leadership, Part I*, in H. G. Uetzlow (ed.), *Groups, Leadership, and Men* Pittsburgh, 1951, pp. 119—133; R. Taguri, *Relational Analysis. An Extension of Sociometric Method with Emphasis upon Social Perception*, «Socm.», 15 (February, 1952), pp. 91—104.

²⁹ См., например, Kurt Lewin and Ronald Lippit, *An Experimental Approach to the Study of Autocracy and Democracy: Preliminary Note*, «Socm.», 1 (January, 1938), pp. 292—300; Lewin, *Field Theory in Social Science*, New York, 1951; *Frontiers in Group Dynamics*, HR, 1 (June and November, 1947); R. B. Cattell, *Determining Syntality Dimensions as a Basis for Morale and Leadership Measurement*, in G. Uetzlow, op. cit., pp. 16—27; *The Sociometry of Working Relationships in Formal Organizations*, «Socm.», 12 (August, 1949), pp. 276—286; M. Z. Scherif, *A Preliminary Experimental Study of Inter-Group Relations*, in R. O. H. Scherif and Scherif, op. cit., pp. 388—424.

щими проблемами: 1) как и при каких условиях образуются малые группы; 2) какие факторы определяют размеры и структуру малых групп; 3) чем определяется характер и направление взаимодействия внутри группы или с индивидуумами и группами вне ее; 4) каким образом малые группы оказывают влияние на своих членов и в каком направлении; 5) что определяет размер этого влияния; 6) как возникают групповые цели и групповые нормы; 7) какие факторы влияют на состояние духа, производительность и т. п. в группах.

Огромный объем исследований, особенно со времени второй мировой войны, главным образом благодаря работе по договору с вооруженными силами, позволяет процитировать здесь только несколько примеров, которые могут считаться типичными для того, что делается, главным образом экспериментально, в области исследований малых групп.

Исследование образования и сохранения малых групп. В общем социологи больше, чем другие исследователи, интересовались вопросом возникновения групп. Ранние социологические работы по данному предмету были насыщены спекуляциями относительно «сознания рода», инстинкта стадности и т. п. За этим последовал период эмпирических исследований социального контакта, исследований, стремящихся вскрыть значение таких факторов, как соседство, этническая принадлежность, раса, возраст, пол и другие атрибуты или переменные, и их связей при установлении контакта и выбора партнеров, друзей и других со товарищей.

Современные социологи не отказались от этой проблемы, но стали подходить к ней более умудренно. Исходя из предположения, например, что всеобщая потребность к взаимодействию с другими коренится в типах привычек индивидуумов задолго до того, как они осознают это, позднейшие исследователи стали заниматься такими вопросами, как участие в процессе культурных императивов или предписаний, например официальных социальных ролей, или пытались наблюдать взаимодействие и определить условия, при которых люди объединяются в малые группы. Для некоторых особый интерес представляет процесс или процессы, при помощи которых определяются роли, обычно *неофициальные*, и то, как они одновременно устанавливают функциональную взаимозависимость друг от друга.

Некоторые исследования, следуя методологической традиции ранних полевых исследований, применяют довольно простой индуктивный подход к проблеме и используют наблюдения на месте, дополняемые социометрическими и другими тестами, для определения условий, при которых формируются малые неофициальные группы. Сообщалось о различных факторах, таких, как физическая близость, однородность одной или более характерных черт и т. д. Как один из примеров социологического исследования в этом направлении можно привести сообщение Джеймса о сильной тенденции к однородности среди 187 клик, которые он обнаружил у 478

работающих, занятых на небольшой шерстеперерабатывающей фабрике³⁰.

Несколько исследований детских групп выявили специфические переменные, которые, по-видимому, связаны с образованием малых групп. Ф. Б. Морено, например, отмечал, что дети дошкольного возраста образуют довольно стабильные малые группы и что членам этих групп придается определенный статус, а также что группы обнаруживают тенденцию к однородности в отношении престижа, умственного развития и семейного дохода членов группы³¹.

Роль потребностей в функционировании. Социальные психологи, особенно занимающиеся групповой динамикой, обычно интересуются вопросом образования групп и все еще считают открытым вопрос о том, какие потребности двигают социальным поведением или какие потребности должны быть удовлетворены для того, чтобы привлечь людей к группе и превращать их в активных участников группы или простой социальной ситуации. В этих случаях исследователи обычно имели дело только с неофициальными (и *ad hoc*) группами, и, как мы указывали ранее, сравнительно мало внимания уделялось предписыванию ролей и другим культурным компонентам данной ситуации, включая символы, которыми могут пользоваться субъекты для отождествления самих себя и других как членов группы. В групповой динамике выражения вроде «групповое влечение» и «групповая сплоченность» — термин, который, кстати, используется Зиммелем, — обычно также довольно двусмысленно употребляются для обозначения динамических процессов, способствующих как возникновению групп, так и их развитию и сохранению. Отсюда следует, что иногда трудно определить, о каком из двух идет речь. Фактически больше внимания уделяется тому, что объединяет людей в группы, а не тому, что приводит их в первоначальный контакт друг с другом, или тому взаимодействию, которое создает группу. Поскольку те же самые потребности и их удовлетворение или по крайней мере удовлетворение некоторых из них — тех, которые объединяют людей в первом случае, как предполагается или устанавливается, продолжают действовать при последующих встречах этих же самых людей, различие становится относительно неважным и для некоторых целей исследования одинаково годится как первая, так и двадцатая встреча данной группы.

Относительное пренебрежение к происхождению малых групп. Может быть, вследствие этих или подобных им рассуждений вопрос о том, как фактически возникают группы, часто даже не поднимается при некоторых направлениях исследования, или, если он и поднимается, ответ обычно дается с точки зрения здравого смысла, а именно что группа была просто «создана» исследователем, которому удалось найти достаточно привлекательные цели и воз-

³⁰ J a m e s, *Clique Organisation in a Small Industrial Plant*, loc. cit.

³¹ F. B. M o r e n o, *Sociometric Status of Children in a Nurse-School Group*, «Socm.», 5 (November, 1942), pp. 395—411.

награждение, чтобы заставить субъектов объединиться в условиях лаборатории и следовать его инструкции. Однако имеются некоторые исключения: например, при исследовании проекта заселения домов в Уэстгэйте, проведенном Фестингером и другими, было уделено некоторое внимание образованию клик. В этом случае было обнаружено, что, хотя близость местожительства в данном районе и такие факторы, как расположение тротуаров, почтовых ящиков и лестниц, являются важными при определении лиц, с которыми дружат, привлекательность созданных групп зависит от того насколько эти группы удовлетворяют потребности своих членов. В другом случае, основывая свое сообщение на исследованиях сотрудников Национальной лаборатории по групповому развитию (National Training Laboratory for Group Development) в Бетеле, штат Мэн, Френч нашел, что выбор друзей осуществляется «главным образом на основе одинаковой профессии, личных черт и степени действительного и ожидаемого ответного выбора». Он отмечал также, что такие выборы происходят вскоре после того, как соберется все население³².

Психологические переменные в малых группах. Имеется сообщение в виде ряда экспериментальных данных о нуждах и их удовлетворении, которые объединяют и удерживают вместе индивидумов в малых группах. Исследования в этом направлении, произведенные Бовардом, Дейчем, Френчем, Левином, Тибо и другими, показывают те общие способы удовлетворения потребностей, от которых зависит «привлекательность» группы, а также по крайней мере некоторые из условий, при которых это удовлетворение является максимальным. Положение в группе, принятие другими, тип руководства в ситуации, ясность целей, возможность участия и некоторые другие факторы приводились как имеющие значение, для того чтобы группа была приведена в действие³³.

Бион и другие с сильной ориентацией на психоанализ подчеркивают эмоциональные потребности, проистекающие из характера ранних внутрисемейных отношений, и утверждают, что индивидумы удовлетворяются группами в той мере, в которой они удовлетворяют их потребности в наставлении (исходящем от лица, символизирующего отца), умеренном эротическом удовольствии и т. д. В этом случае не дается рабочих определений групповой сплочен-

³² Leon Festinger, S. Schachter, and Kurt Back, *Social Pressures in Informal Groups*, New York, 1950; J. R. P. French, Jr., *Group Productivity*, in G u e t z k o w, op.cit., pp. 44—54. См. критику некоторых сторон исследования малых групп: H o w a r d B e c k e r, *Vitalizing Sociological Theory*, ASR, 19, 4 (August, 1954), особенно стр. 383—385.

³³ См., например, L i p p i t, *Group Dynamics and Personality Dynamics*, AJO, 21 (January, 1951), pp. 18—31; L e w i n, *The Dynamics of Group Action*, «Educ. Leadership», 1 (January, 1944), pp. 195—200; F r e n c h, *The Disruption and Cohesion of Groups*, loc. cit.; M o r t o n D e u t s c h, *A Theory of Cooperation and Competition*, H. R., 2 (April, 1949), pp. 129—152; E. W. B o v a r d, Jr., *Group Structure and Perception*, JASP, 46 (July, 1951), pp. 398—405; J. W. T h i b a u t, *An Experimental Study of the Cohesiveness of Underprivileged Groups*, HR, 3 (February, 1950), pp. 251—278.

ности. Хотя Бион не пытался разработать свой случай в виде эксперимента, среди всего прочего он показал, что систематический и упорный отказ со стороны номинального лидера дать ожидаемое авторитарное указание возбуждает враждебность и неуверенность среди тех, кто ожидает твердого руководства, и, вероятно, влечет за собой глубокое неудовлетворение, пока данный член не поймет структуры своей собственной потребности, изложенной в психоаналитической терминологии.

Структура и каналы взаимодействия в малых группах. Тесно связанной с проблемой определения факторов образования и сохранения малых групп является общая проблема установления факторов, помогающих определить такие структуральные черты малых групп, как размер, иерархия положения, сложность отношений и т. д., а также тех черт, которые, по-видимому, определяют направление, степень и виды взаимодействия, которое происходит в данной ситуации.

Исследование размера групп. Размер группы, включая вопросы модального и, возможно, оптимального размера, в некоторых условиях, как считают, определяется конкретными целями группы и другими более или менее поддающимися определению факторами. В других условиях он рассматривается как данные, которые нужно определить на основе наблюдения. Примером второго направления является ранее цитированная работа Джеймса и других, в которой было установлено модальное число 2. Из этих наблюдений заключалось, что группы, для которых характерны непосредственное и спонтанное взаимодействие, имеют тенденцию к наименьшему размеру, то есть 2, или, другими словами, к наименьшему количеству отношений. Холлингсхед попутно в своем исследовании классовых факторов при образовании клик и межличного взаимодействия среди учащихся старших классов средней школы в Элмтауне обнаружил, что четыре или пять членов преобладают в кликах городских жителей, а три — у сельской молодежи, посещающей школу в городе³⁴.

К числу факторов, определяющих размер многих групп, особенно внутри официальных организаций, а также экспериментальных лабораторных групп относятся, конечно, действия обладающих властью личностей, которые благодаря административному декрету или какому-либо другому действию организуют группы и часто устанавливают некоторые из отношений, которые должны существовать между членами группы. Другим фактором, конечно, является характер культурных предписаний, включая официальные правила, как, например, законы, требующие моногамного брака, которые господствуют в данном обществе. Можно привести и другие факторы, как находящиеся внутри самих лиц, так и внешние по отношению к намерениям и желаниям участников. Шевалева-Янов-

³⁴ J a m e s, A Preliminary Study of the Size Determinant in Small Sociale Group Interactions, loc. cit.; A. B. H o l l i n g s h e a d, Youth, New York, 1949, см. также F a r i s, op. cit.

ская, Морено, Дженнингс³⁵ и другие считали, что возраст членов и /или уровень их психо-сексуального развития и другие непостоянные определяют не только размер неофициальных групп, но также и их сложность.

Изучение структурных переменных: престижа, коммуникации, власти. Имеется значительное количество данных экспериментальных исследований о факторах, относящихся к структурным моделям и типам взаимодействия в малых группах. Здесь опять можно привести только некоторые из них, для того чтобы показать направление, в котором движутся исследования этого аспекта малых групп. В этом случае к структурным переменным относятся не только количество статусов или положений в группе и отношения, в которых они находятся друг к другу, но также и степень официальности и строгости, характерная для этих отношений, помимо идиосинкразии в поведении лиц, которые «играют роли».

Строго говоря, для каждой группы имеется не одна, но несколько структур. Среди них — структура престижа, структура дружбы, или выбора, и структура власти. Работы Бэйлза и других, а также Фестингера и Тибо, Френча, Келли, Шахтера и Штротбека³⁶ показывают тесную и в общем взаимную связь между потоком коммуникаций и вышеуказанными структурами в малых группах. Наблюдалось, что направление и поток коммуникации внутри группы в некоторых случаях способствуют тому, что некоторые люди (особенно те, кто находится в центре физического местоположения ситуации в данном случае) принимают на себя ответственность за некоторые функции и им придается или же они приобретают высокий статус и, наоборот, лица, занимающие положение, связанное с престижем, сами, по крайней мере в какой-то степени, контролируют каналы и виды коммуникации. Было также обнаружено, что имеют значение средства коммуникации и среда, расположение в пространстве и локализация актеров в ситуации, по-видимому, независимо от того, являются ли они запланированными или нет. Экспериментируя с круговыми, линейными и обратными Y-типами физического расположения субъектов в «группах», состоящих из пяти членов, и позволяя субъектам общаться только письменно и только в определенных направлениях, Бавелас и его сотрудники обнаружили, что и при линейном и обратном Y-типе

³⁵ E. Chevalera-Janovskaja, Les Groupements spontanés d'enfants à l'âge presclair, AP, 20 (February, 1927), pp. 214—233; L. Moreno, Evolution of Group Organization in Eugene Hartley et al. (eds.), Outside Readings in Psychology, New York, 1950, pp. 639—648; Helen Jennings, A Sociometrie Study of Emotional and Social Expansiveness in R. G. Barker et al., Child Behavior and Development, New York, 1943, pp. 527—543.

³⁶ Festinger and Thibaut, Interpersonal Communication in Small Group, loc. cit.; H. H. Kelley, Communication in Experimental by Created Hierarchies, HR, 4 (February, 1951), pp. 39—56; French, Group Productivity, loc. cit.; Schachter, op. cit., см. работы Бэйлса, особенно «Channels of Communication in Small Groups», loc. cit.; Stroudbeck, Husband-Wife Interaction Over Revealed Differences, loc. cit.

расположения лицо, занимающее центральную позицию, всегда становится лидером, то есть обладает наибольшим влиянием в руководстве решениями группы³⁷.

Т. М. Миллз в своем исследовании отношений власти в лабораторных дискуссионных группах, состоящих из трех человек, обнаружил что, когда те, кого он называл сильными членами трио, образовывали взаимно поддерживающую друг друга пару, третье лицо твердо исключалось и возникала стабильная социальная структура, но, когда возникал конфликт между сильными членами, стабильная структура не возникала и оба члена соревновались, добиваясь расположения третьего члена³⁸.

Стратификация в малых группах. Дифференциация в статусе, особенно в тех положениях, которые определялись как положение лидера, и возникновение иерархий статуса в малых группах привлекали внимание большого количества социологов. И тотальные иерархии статуса, иногда рассматриваемые как системы связанных между собой ролей, и приписывание положения индивидуумам изучались как возможные функции таких факторов, как характер задачи, тип наблюдаемого взаимодействия в ситуации и предполагаемые потребности различных участников. В некоторых случаях формулировка проблемы подчеркивала влияние тех видов деятельности, которыми занимались, типа взаимодействия и характера поставленной задачи на размер, дифференциацию ролей, степень стратификации и другие виды структуры, сложность и стабильность отношений внутри группы и т. д. В других случаях такие факторы, как тип взаимодействия и каналы коммуникации, рассматривались как последствия размера группы, типа структуры, стиля руководства, престижа группы среди других групп и т. п. Опять-таки позиции, приписываемые конкретным индивидуумам, включая «лидеров», рассматривались с точки зрения их участия, характера их вкладов в группу и т. д., а также исходя из «потребностей» к господству — подчинению в данной ситуации. Также исследовались размер группы в отношении числа и сложности внутригрупповых отношений, степень расщепления на подгруппы и т. д.³⁹

³⁷ Alex Bavelas, Communication Patterns in Task-Oriented Groups, in Cartwright and Zander, op. cit., pp. 493—506.

³⁸ T. M. Mills, The Coalition Pattern in Three-Person Groups, ASR, 19 (December, 1954), pp. 657—667.

³⁹ E. P. Torrance, The Behavior of Small Groups Under the Stress Conditions of Survival, ASR, 19 (December, 1954), pp. 751—755; Lewin et al., Patterns of Aggressive Behavior in Experimentally Created Social Climates, JSP, 10 (May, 1939), pp. 271—299; J. I. Hurwitz et al., Some Effects of Power on the Relations of Group Members, in Cartwright and Zander, op. cit., pp. 483—492; Lippitt, Field Theory and Experiment in Social Psychology: Autocrat and Democratic Group Atmospheres, AGS, 45 (July, 1939), pp. 24—49; L. Carter et al., The Behavior of Leaders and Other Group Members, JASP, 46 (October, 1951), pp. 589—595; O. J. Harwey, An Experimental Approach to the Study of Status Relations in Informal Groups, ASR, 18 (August, 1953), pp. 351—367; Hare, Study of Interaction and Consensus in Different-Sized Groups, loc. cit.

В широком теоретическом контексте эти факторы рассматриваются как постепенно становящиеся все более взаимосвязанными, как это и предполагалось ранее социологической мыслью, но экспериментальное исследование вынуждено было двигаться очень медленным и фрагментарным образом, пытаясь обнаружить связи сперва в одном направлении, а затем в другом.

Групповое давление и межличное влияние в малых группах. В социальных науках давно уже признавалось значение малых первичных групп в развитии личности и образовании установок. Кули, Мидом, Фрейдом и другими были выдвинуты перед первой мировой войной различные гипотезы в отношении происхождения этого аспекта социализации. Значительно позже в экспериментальных исследованиях вопроса о том, как, собственно, возникают групповое давление и межличное влияние, в каких направлениях и по поводу каких конкретных вопросов, при каких условиях они успешны, или эффективны, стремились заменить или вытеснить менее ярко выраженные эмпирические подходы. В этом отношении, а также в других, которые мы уже рассмотрели, в социальных науках вообще все больше и больше применялось точное наблюдение и экспериментирование. Однако в этих случаях важные идеи относительно планирования экспериментальных исследований по общей проблеме опять-таки исходили от социальных психологов, многие из которых, несомненно, считали себя также и социологами.

С самого начала надо уяснить себе одно общее положение: дело в том, что не столько малый размер самой группы, а ее интимность, эмоционально насыщенное взаимодействие и отношения между отдельными лицами, возможные благодаря малому размеру, являются, по-видимому, наиболее желательными в этом процессе. Даже при отсутствии интимных личных отношений, как это показала групповая динамика, возможно наблюдать и проследить типы и последствия внутригрупповых давлений среди ее членов и выдвинуть гипотезы относительно них.

Что касается гипотез, Фестингер, Шахтер и Бак сформулировали общее положение следующим образом: «Степень влияния, которое группа может эффективно оказывать (добиваясь принятия групповых норм и обеспечивая однородные, соответствующие нормам реакции и т. д.)... частично зависит от привлекательности группы для ее членов и частично — от степени общения членов группы друг с другом». Вслед за этим Бак обнаружил, что в «высокосплоченных» группах, то есть наиболее привлекательных для их членов в экспериментальной серии, субъекты не только больше стараются повлиять на своих партнеров, но и партнеры охотнее соглашались с мнениями друг друга. Это, по-видимому, правильно независимо от источника привлекательности, которой обладают высокосплоченные группы для своих членов. Также предполагалось, что давления (по крайней мере в отношении однородности) неодинаковы в группах, будучи более сильными в высокосплочен-

ных группах, а также в группах, которые являются уже однородными и в других отношениях или же обладают четко определенными и широко признанными целями и нормами, причем и последствия являются разнообразными⁴⁰. Неконформисты до известной степени представляют собой объекты большего общения и давления, чем члены-конформисты. Но давления, если они являются более «сильными», чем «позитивные валентности», которые привлекают данное лицо к группе, могут привести к полному изгнанию членов из группы. В общем было установлено, что отдельные лица, обладающие высоким статусом в малых группах, подвергаются меньшему давлению определенного рода, чем другие члены. Уайт считал, однако, что лидер, для того чтобы остаться лидером, должен строже следовать нормам группы, чем другие члены, и в этом отношении он является менее «свободным», чем другие⁴¹.

Руководство и влияние в малых группах. Липпигт, Поланский и другие обнаружили, что лица, пользующиеся влиянием среди детей в летнем лагере, вследствие того, что им добровольно подражали некоторые дети, оказывали влияние на других даже тогда, когда они этого не хотели или не сознавали, что они это делают. В случае сознательных попыток лидеров «повлиять» на других в группе Престон и Хейнц обнаружили, что «участие» лидера является более эффективным для изменения в установках, чем «руководство сверху». В таких же исследованиях, напоминающих некоторые из ранних экспериментов Левина, Бовард, Левине и Батлер⁴² обнаружили, что отдельные лица более склонны к изменению своих установок и явного поведения, более склонны к изменению направления общей нормы, когда они участвуют в групповой дискуссии и других видах взаимодействия с целью принятия решения, чем когда им было сообщено, что они должны выполнить то или иное действие в виде приказа или официального наставления лидера-инструктора.

Шахтер и другие нашли, что сплоченность увеличивает склонность членов группы подвергаться влиянию других членов. Расположение одного индивидуума к другому повышает вероятность влияния. Одинаковое положение, профессия и некоторые другие атрибуты, по-видимому, также нужно учитывать при определении того, будет ли иметь место межличное влияние и в какой степени. На это также указывается в исследованиях Лазарсфельда о пове-

⁴⁰ Festinger, *Informal Communication in Small Groups*, loc. cit.; Back, *Influence Through Social Communication*, loc. cit.

⁴¹ R. M. Emerson, *Deviation Rejection: An Experimental Replication*, ASR, 19 (December, 1954), pp. 688—693; W. F. Whyte, *Corner Boys: A Study of Clique Behavior*, AJS, 46 (March, 1941), pp. 644—664; J. G. March, *Group Norms and the Active Minority*, ASR, 19 (December, 1954), pp. 733—741.

⁴² Lippitt et al., *The Dynamics of Power*, H. R., 5 (February, 1952), pp. 37—64; Preston and Heintz, op. cit.; Boward, op. cit.; J. Levine and J. Butler, *Lecture vs. Group Discussion in Changing Behavior*, JAP, 36 (February, 1952), pp. 29—33.

дении голосующих, и такие результаты наблюдались в неофициальных рабочих группах и в других контекстах Хьюзом, Ван-Зельстом, Райли и Флауермэном⁴³ и многими другими.

Батлер, Сакс и другие считают, что имеются некоторые специальные случаи, где влияние облегчается благодаря неравному статусу и отсутствию гомогенности (хотя не обязательно отсутствие *связи*). Один из них представляет собой терапевтическое отношение, существующее между пациентом и терапевтом⁴⁴, а другой — отношения в процессе обучения между учащимся и преподавателем. Расхождения в данных в нескольких исследованиях ясно показывают, что нужно различать передаваемое содержание и вид передаваемого влияния, или то, на что оказывается «влияние» в системе поведения данного лица. Кроме этого, личности самих актеров подвергаются изменению, так же как и ситуации, и эти изменения воздействуют на вид и степень возможного влияния. Эш, например, при исследовании влияния некоторых аффектов группового процесса на изменения и искажения суждений обнаружил, что лица с твердой «уверенностью» в своих собственных восприятиях противились изменению выраженных ими суждений перед лицом группового давления, направленного на то, чтобы заставить их отказаться от этих восприятий ради «неточных восприятий», сознательно сообщаемых другими, выступающими в качестве экспериментальных подставных лиц в группах⁴⁵. Он также обнаружил, что «поддержка» еще одного лица в группе часто достаточна, чтобы придать субъекту достаточную силу для сопротивления давлению и следовать своему первоначальному поведению. Данные других исследований подтверждают наблюдения, основанные на здравом смысле, а именно что в тех случаях, когда субъекты ожидают или действительно обнаруживают, что их мнение значительно отличается от господствующих мнений в группе, чтобы не подвергнуться критике или давлению, они скорее не выскажут, чем изменят, их. Горден, например, нашел, что значительная часть членов группы, состоящей из 24 человек, придерживается личных

⁴³ S. S. Schachter et al., An Experimental Study of Cohesiveness and Productivity, HR, 4 (August, 1951), pp. 229—238; Paul Lazarsfeld et al., The Peoples Choice, New York, 1944; E. C. Hughes, The Knitting of Racial Groups in Industry, ASR, 11 (October, 1946), pp. 512—519; R. H. Van Zelsst, Validation of a Sociometric Regrouping Procedure, JASP, 7 (April, 1952), pp. 299—301; Matilda Riley and Samuel Flowerman, Group Relations as A Variable in Communication Research, ASR, 16 (April, 1951), pp. 174—180.

⁴⁴ J. M. Butler, The Interaction of Client and Therapist JASP, 47 (April, 1952), pp. 366—378; E. L. Saks, Intelligence Scores as a Function of Experimentally Established Social Relationships Between Child and Examiner, там же, pp. 354—358.

⁴⁵ S. E. Asch, Effect of Group Pressure Upon the Modification and Distortion of Judgements, in Guetzkow, op. cit., pp. 177—190, см. также G. M. Hochbaum, The Relation between Group Members, Self—Conference and Their Reactions to Group Pressures to Uniformity ASR, 19 (December, 1954), pp. 678—687.

мнений, отличающихся от тех, которые они публично высказывают в группе⁴⁶.

Групповые нормы и личное влияние в малых группах. Социологи, как мы уже говорили, склонны были исследовать эту проблему в несколько иной перспективе, чем социальные психологи. Штродтбек, например, при исследовании взаимоотношений между мужем и женой в трех разных культурах пришел к выводу, что культурные нормы и ожидание ролей частично определяют вид, степень и успех влияния. Он сообщил о «наиболее успешном» влиянии жен мормонов (хотя мужа в данном случае пытались чаще и упорнее воздействовать на жен), «менее успешном» — жен техасцев и наименьшем — жен индейцев племени навахо, которые, кстати, пытались чаще, чем мужа в других категориях, добиться своего, умоляя жену согласиться, а не аргументируя или убеждая⁴⁷.

Подходя с других позиций к влиянию малой группы на поведение, Стауффер и другие, а также Шилз и Яновиц показали, что побуждения к сражению у солдат американской армии и немецкого вермахта происходили не из индивидуального принятия больших стратегических или политических целей, а из их опыта и чувства лояльности к другим в первичной военной группе. Эти данные сходятся с данными Майо, Рётлисбергера и других, изучавших промышленные и рабочие группы, где, согласно наблюдениям, мнение товарищей относительно работы данного лица больше влияет на то, как работают рабочие, чем мнение людей или лиц, находившихся за пределами непосредственной рабочей ситуации. Было сделано несколько уточнений и дополнений к этим гипотезам. Бабчук и Гуд сообщают, например, что тут имеет место нечто большее, чем простое отклонение требований администрации⁴⁸. Самый факт быть выделенным для наблюдения в одном случае, согласно сообщению из группы Майо, был достаточен, по крайней мере временно, для принуждения к выполнению работы, причем в данном случае «влияние» исходило извне.

Развитие групповых целей и норм в малых группах. По-видимому, сравнительно меньшая работа была проведена по детальному прослеживанию процессов, при помощи которых формулируются групповые цели и разрабатываются нормы действия в малых группах, чем по другим проблемам, изложенным здесь, — частично, может быть, благодаря трудностям, связанным с определением того, что подразумевается под понятием «групповая цель». Нормы обычно считаются культурными моделями, и несколько больше внимания было уделено процессам, при помощи которых они создаются в ма-

⁴⁶ R. L. Gordon, *Interaction Between Attitude and Definition of the Situation in the Expression of Opinion*, ASR, 17 (February, 1952), pp. 50—58.

⁴⁷ Strodbeck, *Husband-Wife Interaction over Revealed Differences*, loc. cit. Штродтбек также обнаружил, что в общем говорливые супруги или супруга чаще одерживали верх.

⁴⁸ Stouffer et al., op. cit.; Shils and Janowitz, op. cit.; N. Babchuck and W. G. Goode, *Work Incentives in a Self-Determined Group*, ASR, 16 (October, 1951), pp. 679—687.

лых группах. Классическое исследование Шерифа об образовании норм, цитированное выше, особенно типично, хотя в данном случае это были скорее нормы восприятия, чем нормы действия. В этом случае опять имеется различие между социальными психологами и сторонниками групповой динамики, с одной стороны, и социологами и антропологами — с другой. В то время как первые ограничиваются в основном анализом процессов, действующих в пределах отдельных сессий взаимодействующих субъектов, или кратковременных групп, вырванных из законченного социального контекста в силу причин, о которых уже упоминалось, Хоумэнс и другие социологи уделяли особое внимание проблеме образования и функций норм в малых группах. Одна гипотеза, выдвинутая Хоумэнсом, заключается в том, что большая частота взаимодействия между членами группы и видами деятельности, в которых они участвуют совместно, ведет к большей степени общности и ясности норм. Согласно другим гипотезам, члены группы часто ближе друг к другу по нормам, которых они придерживаются, чем по своему открытому поведению, то есть раз установленные нормы изменяются медленнее, чем действительное общественное поведение⁴⁹. Прогресс, который был до сих пор достигнут в прослеживании процессов создания норм в малых группах, в значительной степени зависит от теории природы языка и общения при помощи символов вообще.

Производительность, состояние духа, общее согласие и родственные переменные в малых группах. За последнее время в весьма различных условиях было проведено исследование проблем определения переменных, связанных с производительностью, общим согласием, состоянием духа и тем, что Кэттелл называет факторами *синтальности* в малых группах. В результате широкого интереса к «прикладному знанию» появилась весьма обширная литература по исследованиям в этой области. Мы опять можем дать лишь выборочные примеры.

Как можно было ожидать, имеется разное толкование полученных данных; например, Бавелас и другие предполагают, что в малых группах рабочих, собирающихся для обсуждения проблем, связанных с работой под руководством опытных лидеров, и для решения того, следует ли установить цель производительности группы и определить содержание и уровень этой цели, производительность значительно повысилась на протяжении некоторого периода времени. Бабчук и Гуд оспаривают это, доказывая, что решения «самоопределившейся» рабочей группы не обязательно ведут к высокому состоянию духа или высокой продуктивности⁵⁰. Подобным же образом, в то время как в некоторых работах гово-

⁴⁹ H o m a n s, *The Human Group*, pp. 12, 126, 362.

⁵⁰ A l e x B a v e l a s, unpublished study cited in L e w i n's, *Frontiers in Group Dynamics*, op. cit., pp. 25—26. См. также R. L. K a h n and D a n i e l K a t z, *Leadership Practices in Relation to Productivity and Morale*, in C a r t w r i g h t and Z a n d e r, op. cit., pp. 612—628; B a b c h u c h and G o o d e, op. cit.

рится о повышении производительности и состояния духа в группах, которые были образованы на основе социометрического предпочтения, или в группах высокой сплоченности, другие отрицают этот вывод или приводят значительные оговорки. Шахтер, например, считает, что сплоченность не обязательно ведет к повышению производительности; она скорее повышает чувствительность к влиянию, которое тогда может быть направлено или к понижению, или к повышению производительности⁵¹. Другие условия, такие, как престиж группы в целом, чаяния участников, фактическая власть группы выносить решения и дух сотрудничества в работе, ведут к повышению производительности, согласно другим исследованиям.

Многие исследования были посвящены другим аспектам групповой деятельности, помимо производительности. Так, например, по сообщению Бавеласа, быстрота и точность решения проблем (исследовательская проблема, часто изучаемая в социальной психологии) являются функциями существующей в группе структуры коммуникаций. Весьма показательное небольшое количество неправильных решений сложных проблем было обнаружено также в ситуациях, где члены группы, различающиеся по своему опыту, были готовы принять мнение специалиста в противовес группам, где пренебрегали экспертами⁵².

Бовард обнаружил более заметные сдвиги к общим нормам и более дружественным чувствам среди членов в группах, «центром которых являлась группа», чем в группах, «центром которых был лидер». Эти данные сходятся с данными Престона и Хейнца, Кана и Каца и других. Левин, Липпигт и Уайт в своих ранних работах по изучению поведения в «авторитарных» и «демократических» условиях ранее сообщали о более высоком состоянии духа, большем коллективном чувстве («we-feeling»), большем единстве группы и более эффективном подходе к задачам группы и т. д. при «демократической» общественной атмосфере. Майер и Солем сообщают, что группы с «опытными лидерами» по качеству своей деятельности превосходят группы, лишенные лидеров, или группы с «неопытными» лидерами, потому что опытный лидер помогает группе с успехом использовать мнение меньшинства⁵³.

Экспериментальное изучение согласованности и *esprit de corps* также имеется в литературе о малых группах. Хэр, например, сообщает, что группы из пяти членов успешнее добиваются согласованности или добиваются ее скорее, чем группы из двенадцати

⁵¹ См., например: Van Z e l s t, *op. cit.*; B. N o r f l e e t, *Interpersonal Relations and Group Productivity*, JSI, 4 (Spring, 1948), pp. 66—69; S c h a c h t e r, *An Experimental Study of Cohesiveness and Productivity*, *loc. cit.*

⁵² A l e x B a v e l a s, *Communication Patterns in Task-Oriented Groups*, in L e r n e r and L a s s w e l l, *The Policy Sciences*, pp. 193—202; F r e n c h, *Group Productivity*, *op. cit.*

⁵³ B o v a r d, *op. cit.*, P r e s t o n and H e i n t z, *op. cit.*, K a h n and L a s s w e l l, *op. cit.*, N. R. F. M a i e r and A. R. S o l e m, *The Contribution of Discussion Leader to the Quality of Group Thinking; The Effective Use of Minority Opinions*, HR, 5 (August, 1952), pp. 277—288.

членов. Он считает, что более четкая специализация функций-ролей и меньшее количество положений в малых группах, возможно, облегчают достижение согласованности, а также ослабляют явную тенденцию групп, состоящих из двенадцати человек, расколоться на фракции. Исследуя значение других факторов, Френч, например, обнаружил, что «организованные» группы обладают не только большим «коллективным чувством» и большей взаимозависимостью в условиях страха или разочарования, чем «неорганизованные» группы, но также сохраняют свою сплоченность, несмотря на частые ссоры о целях и методах их достижения,— вероятно, благодаря большему проявлению Я в группе и т. д.⁵⁴

Отношение малых групп к более крупным социальным системам. Исследование взаимосвязи между малыми группами и более крупными социальными системами, по-видимому, больше занимало многих социологов, а позднее и антропологов, чем других специалистов, которые уделяли внимание этой общей проблеме, таких, как, например, Стогдилл⁵⁵.

Как указывалось ранее, проблемы этого рода были одними из первых, поставленных социологами, применявшими понятие первичной группы. Проблема обычно рассматривалась в терминах функции первичных групп в отношении более крупных социальных систем, как результат подготовленности или неподготовленности их членов для участия в более крупных системах. Если поднимался вопрос о том, что является полноценным участием в более крупной системе, ответ обычно давался в свете господствующих ценностей организации или коллектива, а в некоторых случаях и самих исследователей. И социологические и общественные исследования шаек подростков, например, часто велись с этой точки зрения, причем социальные работники главным образом занимались формулировкой принципов, которыми могли бы руководствоваться работающие с группами и другие лица, сотрудничающие в социальных учреждениях.

В социологической литературе функции семьи, а также шаек, клик и других малых групп обычно рассматривались в связи с организацией и социальными процессами, действующими в местной общности или обществе, например в связи с экологическим типом коллектива, классовой системой, политической структурой и т. д. В исследованиях семьи процессы, устанавливающие отношения, часто рассматривались в терминах структуры личности индивидуумов; тогда они переносили с собой привычки и установки, например из малых групп в большие, и наоборот. В широком плане семья рассматривалась не только как орудие социализации, но также и как необходимое убежище, к которому индивидуумы могут перио-

⁵⁴ H a r e, op. cit., French, Organized and Unorganized Groups Under Fear and Frustration, loc. cit.

⁵⁵ S t o g d i l l, Leadership, Membership and Organization, loc. cit., The Sociometry of Working Relationships in Formal Organizations, «Socm.» 12 (August, 1949), pp. 276—286.

дически прибегать, укрываясь от личных, вторичных и категорических типов отношений, господствующих в крупных общностях определенного типа. Согласно этому взгляду, напряжения, исходящие из более крупного общества, при переносе их в семью через установки индивидуумов или иным способом истолковывались как один из главных источников трудностей при сохранении нетронутой малой семейной группы.

Примерами экспериментальных исследований для установления важности участия в первичных группах для последующего личного «приспособления» индивидуумов, а особенно в широких социальных контекстах, являются работы Манделя, Хилла, Шульмана и других, приводимые Чэпином в книге «Экспериментальные схемы для социологического исследования» («Experimental Designs for Sociological Research»).

Общественный контекст малых групп. Другое направление, проявившееся, например, в работе Уайта о шайках, собирающихся на углу улицы, пыталось показать среди прочего некоторые из последствий для социальной организации района трущоб существования уличных банд и других малых групп, которые возникают наряду или в пределах официальной политической структуры данной общности. Другие исследования, подобно сообщению Холлингсхеда о кликах школьников в небольшом городке штата Иллинойс, показали, как малые группы отражают и способствуют увечию социальной структуры общности⁵⁶. Другие исследования организации и функционирования малых групп в школах и колледжах и в таких специализированных видах общности, как тюрьмы и военные лагеря, также излагаются в литературе.

Институциональный контекст малых групп. Считается, что малые группы имеют важные функции в связи с общественными движениями, то есть религиозными, политическими, революционными, юношескими, движениями за реформу и т. д. Социологи религии, например, ясно осознавали, по крайней мере со времени Вебера, значение харизматического лидера и его группы апостолов в развитии религиозных организаций, а небольшие круги «единомыслящих» последователей часто существовали в религии. Подобным же образом отмечалось наличие *ячейки* в революционных движениях, в эскадроне, патруле и других малых группах у скаутов и в других юношеских организациях, хотя они редко изучались во всех деталях⁵⁷.

За последнее время проводилось все больше и больше социологических исследований малых групп, обычно определяемых как неофициальные группы, в условиях официальных бюрократических

⁵⁶ Whyte, Street-Corner Society; Hollingshead, Elmtown's Youth.

⁵⁷ См., например, A. W. Eister, Drawing-Room Conversion: A Sociological Account of the Oxford Group Movement, Durham, N. C., 1950, p. 101 и далее; Howard Becker, German Youth: Band on Free, New York, 1946.

организаций, таких, как промышленные предприятия, коммерческие организации и армия. В некоторых случаях сюда относились кратковременные парные отношения, как, например, между посетителем и официанткой в ресторане, в других — внимание было сосредоточено на группах, обладающих более высокой структурой, хотя в основном неофициальных. Исследование функций малых групп внутри более крупных организаций, в частности клик среди фабричных рабочих, еще не дало последовательных результатов. Гросс, например, жалуется на «злосчастную тенденцию в литературе по социологии труда рассматривать клики как безобидные игровые группы или как антитезы целям организации, проявляющиеся в ограничении производительности»; хотя такое положение существует в нескольких ситуациях, утверждает он, имеется доказательство того, что «первичный контроль поведения отнюдь не несовместим с институциональным контролем»⁵⁸.

АНАЛИЗ МАЛЫХ ГРУПП И ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Взаимосвязь социальной теории и исследования малых групп. Трудно изолировать и определить то, что может быть названо теорией малых групп в социологии. В общих схемах анализа и истолкования социальных явлений, подобно схемам Парка и Бёрджесса, Знанецкого, Визе — Беккера, Лундберга и Додда, Сорокина⁵⁹ и других, открыто и часто в деталях ссылаются на малые группы. Но то, что является теорией, подходящей для анализа малых групп, часто не вполне четко отделяется от того, что, может быть, более соответствует анализу более крупных социальных систем. За исключением тех случаев, когда отправным пунктом теоретического анализа, как, например, в некоторых разделах «Социологии» Зиммеля или «Систематической социологии» Визе — Беккера, являлся конкретный размер группы, состоящей из двух-трех или более членов, малые группы обычно объединялись с первичными группами и подвергались анализу в терминах первичных групп или же рассматривались при классификации как абстрактные категории, причем не делалось никаких дальнейших попыток построить гипотезы в отношении процессов и функций, присущих им.

Хотя, по-видимому, в общем некоторые структурально-функциональные типы теорий избежали тенденции к чисто таксономическому подходу к группам, внимание обычно концентрировалось не на

⁵⁸ W. F. Whyte, *The Social Structure of the Restaurant*, *AJS*, 54, (January, 1949), pp. 302—310; E. Gross, *Some Functional Consequences of Primary Controls in Formal Work Organizations*, *ASR*, 18 (August, 1953), pp. 368—373.

⁵⁹ R. E. Park and E. W. Burgess, *Introduction to the Science of Sociology*, Chicago, 1921; Florian Znaniecki, *The Method of Sociology*, New York, 1934; Becker, *Systematic Sociology*; G. H. Lundberg, *Foundations of Sociology*, New York, 1939; S. C. Dodd, *Dimensions of Society*, New York, 1942, pp. 389—435; P. A. Sorokin, *Society, Culture, and Personality*, New York, 1947.

малой группе, как таковой, а на функциональных взаимосвязях ролей и других общих аспектов социальных систем. Хотя некоторые из данных эмпирических исследований, проведенных Бэйлзом и его сотрудниками, привели к эмпирической недооценке вероятного значения количества актеров в ситуации как важной переменной величины, это, однако, не было тем центром, вокруг которого было организовано исследование и теория. Это скорее было условие, изменяющееся или считавшееся постоянным от одного наблюдения или эксперимента к другому. Особое внимание уделялось рассмотрению таких явлений, как процессы, в которых функционально взаимосвязанные роли и интегрированные системы ролей возникали в группах, предназначенных для решения проблемы. Более широкая и полная теория, на фоне которой рассматриваются эти данные, однако, претендует на описание процессов в социальных системах вообще, и не только в малых группах. В известном смысле малая группа является только одним из видов социальной системы, доступным для обработки в лабораторных условиях, которая делает возможным известный контроль различных факторов в ситуации, а также достаточно обоснованную детальную запись наблюдений и анализ деталей межличного взаимодействия и отношений по мере их развития. Если действительно в социальной науке существует необходимость в более широких теоретических построениях, то последние должны в конечном счете привести к более удовлетворительной организации данных исследования и облегчить установление вероятных или возможных линий схождения в различных исследованиях.

Некоторые теоретические схемы в социологии тем не менее являются весьма полезными в анализе и исследовании малых групп. К ним относятся проекты анализа малых групп Визе — Беккера, приводимые в «Систематической социологии», понятия и гипотезы в работе «Человеческая группа» («The Human Group») Хоумэнса и подход к малым группам как к социальным системам в книге «Работающие документы в теории действия» («Working Papers in the Theory of Action») Бэйлза и Парсонса, а также и другие работы. Вышеупомянутые три работы отнюдь не исчерпывают всех возможностей, но они могут послужить указателем некоторых доступных теоретических источников.

Первоначальный функциональный подход к малым группам. Самой ранней (1932) из вышеупомянутых трех формулировок является положение Визе — Беккера, отличающееся ясным изложением тесной связи, которая существует между взаимодействием и структурой на эмпирическом уровне, или, как Беккер называет их, между *моделями действия* и *моделями множественности*. Уделяет ли исследователь основное внимание «живому» социальному действию и происходящим процессам или же отношениям, которые возникли из любого последующего взаимодействия и которые в известной степени сами превращаются в каналы, является просто вопросом произвольного выбора, определяемого научными инте-

ресами исследователя. Короче говоря, это две стороны одной медали. Подобные различия иногда проводятся между «динамическим» и «статическим» или между «горизонтальным» или «поперечным» и «генетическим» или «продольным» анализом, хотя эти дихотомии обычно недостаточны для выделения из процесса тех явлений, которые в современной психологической практике считаются «динамическими». Это различие намечено, но не разработано до конца у Визе — Беккера.

Важным вкладом в уточнение понятия *группы* в трактате Визе — Беккера является перечисление характерных критериев «истинных» групп. Они предназначаются для отличия групп в специфически социологическом значении от других видов плюралностей и особенно от нечетких агрегатов, статистических категорий или классов и т. д. Истинные группы, например, должны обладать официальной или неофициальной «организацией... основанной на разделении функций ее членов»⁶⁰. Эта концепция не очень далеко отходит от той, которая рассматривает группы как системы функционально взаимосвязанных или взаимозависимых статусов ролей, особенно когда учитывают различие, проводимое Визе — Беккером, между *процессами и отношениями*.

Малая группа и ее системы; Хоумэнс и Парсонс. В трактовке Хоумэнсом групп, включая малые группы, но не ограничиваясь ими, главное внимание уделяется прослеживанию взаимодействия между «деятельностью, взаимодействием и чувствами», которые рассматриваются как явления, доступные для наблюдения и анализа на сравнительно низком уровне абстракции. Считается, что эти явления можно обнаружить во всех группах, а взаимосвязи между ними действуют и доступны для анализа *в пределах* группы, рассматриваемой более или менее изолированно, как «внутренняя система», а также в пределах группы *в связи* с факторами различного рода, которые воздействуют на нее извне («внешняя система»). Ожидалось, что полевые наблюдения и различные данные, включая запись взаимодействия на месте, интервью, ответы на анкеты и сообщения о них, дадут существенный выборочный материал, на основании которого можно будет индуктивно вывести определенные гипотезы и на основании которых другие гипотезы, полученные таким же образом в других случаях, смогут быть «проверены» в отношении их доброкачественности или недоброкачественности. Примером гипотез, выдвинутых Хоумэнсом, «чтобы процитировать только одну», является следующая: «Увеличение размера группы и специализации деятельности поведет к увеличению количества позиций в цепи взаимодействия между главным лидером и простыми членами»⁶¹.

Вероятно, наиболее честолюбивым и широким теоретическим построением в исследовании малых групп, проводимом в настоящее

⁶⁰ Becker, op. cit., p. 490 ff.

⁶¹ Homans, The Human Group, p. 406

время, является общая теория действия, разрабатываемая Парсоном, Бэйлзом, Шилзом и другими⁶². В этом случае, поскольку это касается малых групп, попытка заключается в рассмотрении явлений малых групп в свете гипотез, полученных из систематической теории, таким образом, чтобы можно было применить понятие систем социального действия к другим уровням. Утверждается, что это возможно благодаря теории, которая использует в качестве центрального понятия идею *системы* и которая «рассматривает» социальное действие как организующееся или происходящее внутри систем на различных уровнях анализа. Это понятие системы, хорошо известное в физических и биологических науках, просто говорит о том, что явления могут рассматриваться как образования созвездий взаимосвязанными единицами, подвергающимися воздействию переменных, которые исходят или из пределов самой системы, или извне таким образом, что изменение или частичное изменение в одной единице ощущается в известной степени всеми другими единицами или влияет на них. При этом виде современного мышления в социальных науках не только группы, но также отдельные люди и культуры могут исследоваться в терминах системы с использованием различных видов единиц в соответствии с уровнем, на котором производится анализ. В этой схеме системы рассматриваются как существующие *внутри* систем или как взаимопроникающие. Ограниченное количество «системных проблем» и несколько общих структуральных схем мыслятся в виде ряда нитей, пронизывающих все эти типы или уровни систем или по крайней мере те, которые обозначаются как системы *действия*.

Ожидается, что в этих условиях исследование малых групп даст сведения об образовании ролей, сериях взаимодействия, связях между ролями и закономерных, или повторных, сдвигах в их моделях и т. д. — знание, которое, как предполагают, по своему значению выйдет за пределы конкретно изучаемой группы и уровня малых групп. Хотя и не предполагается давать широкие обобщения относительно уровня систем — от микрокосмоса до макрокосмоса, и наоборот, — не учитывая различных порядков переменных, по-видимому, считается, что более детализированное знание относительно образования ролей и других процессов станет возможным благодаря анализу систем социального действия. Также полагают, что произойдет более эффективная интеграция исследований не только в социологических специальностях, но также и в дисциплинах общественной науки. Если при наблюдении и анализе малых групп можно проследить процессы, при помощи которых создаются роли, а также функциональную взаимозависимость между ними,

⁶² Talcott Parsons et al., *Toward a General Theory of Action*, Cambridge, Massachusetts, 1951. См. также R. F. Bales, *The Equilibrium Problem in Small Groups*, and Parsons et al., *Phase Movement in Relation to Motivation, Symbol Formation and Role Structure*, both in Parsons et al., *Working Papers in the Theory of Action*, Glencoe, Illinois, 1954, pp. 111—161, 162—269.

то такая информация может быть «помещена» в более широкий контекст, что приведет к большему значению и пользе теории социальных наук в более крупном и широком масштабе.

Будущее исследования малых групп

Сейчас трудно оценить то место, которое, может быть, будет занимать в общей социологии исследование и анализ малых групп. Но сказанное нами выше свидетельствует как о вполне вероятном, что такие исследования приведут к последствиям, выходящим за пределы явлений малых групп как таковых, то есть они могут послужить прогрессу теории общественных наук и социологической теории так, как того нельзя было ожидать еще три десятилетия назад. Сохранится ли существующий ныне большой интерес к малым группам и оправдает ли он возлагаемые на него надежды, будут ли разрешены концептуальные трудности и заполнены пустые места — эти и другие вопросы должны найти свои ответы в каком-либо будущем обзоре исследований и анализе малых групп.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- «American Sociological Review», «Special Issue on Small-Group Research», (with the aid of F. L. Strodbeck), 19 (December, 1954).
- Cartwright D orwin and A. F. Z ander, Group Dynamics, Evanston, Row, Peterson, 1953.
- F aris R. E. L., Development of the Small-Group Research Movement in Muzafer Sherif and M. O. Wilson (eds.), Group Relations at the Crossroads, New York, Harper, 1953.
- Lewin Kurt, Field Theory in Social Science, New York, Harper, 1951.
- M oreno J. L., Who Shall Survive?, Washington, Nervous and Mental Disease Publishing Company, 1934.
- P arsons Talcott, R. F. Bales, and E. A. Shils, Working Papers in the Theory of Action, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1953.
- S hils E. A., The Study of the Primary Group, in Daniel Lerner and H. D. Lasswell (eds.), The Policy Sciences, Stanford, Stanford University Press, 1951.
- S immel Georg, The Sociology of Georg Simmel, translated and edited by K. H. Wolff, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1951.
- S trodtbeck F. L. and A. P. H are, Bibliography of Small-Group Research, «Sociometry», 17 (May, 1954), pp. 107—178.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ: КОНФЛИКТ МЕЖДУ НОРМАТИВНЫМ И ЭМПИРИЧЕСКИМ ПОДХОДОМ

Дон Мартиндэйл

Теории, которые до сих пор выдвигались в области социальных проблем, были в течение тысячелетий по своим суждениям нормативными (в последующем тексте они просто будут называться «нормативными»). Действительно, великий хаос в этой области был порожден тенденцией выдавать нормативные социальные теории за эмпирические типы. Важно проводить различие между нормативной и эмпирической теорией, поскольку единственным типом, подходящим для изучения социальных проблем, является нормативная социальная теория.

В науке разработанная теория состоит из логически взаимосвязанной системы законов. Хотя такие законы являются решающими для научных объяснений, они не представляют собой единственное условие для научных предсказаний: необходимо также знание конкретных свойств и условий. Описание состоит в установлении «фактов» изучаемого события или событий. Двумя важными фазами описания являются: 1) установление свойств событий, 2) установление важных количественных аспектов этих свойств. *Объяснение*, поскольку оно отличается от описания, состоит в раскрытии связей между различными описанными свойствами. Имеется два важных типа объяснений: 1) объяснения, которые пытаются *обобщить* отношения между фактами, то есть установить наличие закономерностей, 2) объяснения, которые применяют установленные закономерности к ряду наблюдаемых фактов в процессе предсказания.

Обе формы объяснения часто присутствуют в одном конкретном научном исследовании.

Недавно эти различия были уточнены Фиглем, который рассматривает объяснения, по существу, как выводную процедуру. Согласно Фиглю, можно проводить различие между различными уровнями объяснения с точки зрения их обобщающего характера. Читая снизу вверх, этими различиями будут:

<i>Теории второго разряда</i>	Еще более глубокое толкование (еще более высокие построения).
<i>Теории первого разряда</i>	Ряд предположений, использующих построения высшего порядка (результаты абстракции и выводов). (Более глубокая интерпретация фактов на уровне эмпирических законов.)
<i>Эмпирические законы</i>	Функциональные отношения между сравнительно непосредственно наблюдаемыми (или измеряемыми) величинами.
<i>Описание</i>	Простой отчет об отдельных фактах или событиях (данных), более или менее непосредственно наблюдаемых ¹ .

В трактовке Фигля «закон» — это объяснение относительно низшего порядка. Он просто устанавливает закономерность в ряде конкретных фактов. Количество дедукций, которые можно вывести из него, сравнительно ограничено. Теория — это объяснение высшего порядка, которое устанавливает закономерности, абстрагированные из ряда законов; таким образом, общая масса описательного материала, которую она охватывает, несравненно больше. Согласно этому рассуждению, чем выше разряд теории, тем больше ее окончательное эмпирическое значение.

Существенные черты эмпирической теории. Результаты этого процесса установления степени закономерностей в фактах могут быть названы эмпирической теорией. У нее нет другой цели, кроме объяснения, и в стремлении к этой цели единственными высшими критериями ее приемлемости являются: 1) наивысшая возможная степень обобщения, которая дает 2) максимальную возможность объяснения. Типично, что такая теория развивается при полном пренебрежении к тому, *чему следовало бы быть*, она не антиэтическая, а неэтическая².

Природа нормативной теории. Если создание теории в общем рассматривается как сведение понятий в системы, из которых можно логически сделать выводы, тогда только один вид построения теорий служит для научного объяснения. Научное объяснение занимается фактами и отношениями, а построение теории также направлено на цели и помогает их достижению. Нет оснований для того, чтобы не придать теоретическую форму концептуализации таких желательных действий. Когда это происходит, результат может быть назван *нормативной теорией* в отличие от эмпирической теории.

¹ Herbert Feigl, Some Remarks on the Meaning of Scientific Explanation, in Herbert Feigl and Wilfrid Sellars (eds.), *Reading in Philosophical Analysis*, New York, 1949, p. 512.

² См. Howard Becker, *Through Values to Social Interpretation*, Durham N. C., 1950.

Разница между эмпирической и нормативной теорией важна. Конечным материалом эмпирической теории являются факты; конечным материалом нормативной теории являются ценностные *императивы*. Как указывалось выше, эмпирическая теория образуется из системы законов, нормативная теория превращает факты и законы в нужные средства и условия и только она одна обращена к системе целей, к которым стремится ее создатель или те, кому он служит.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ

Нормативная (догматическая) и эмпирическая теория никогда не параллельны. Ценности, которых нужно *достичь*, определяют содержание нормативной теории, и все, что способствует уяснению условий, воздействующих на ценности, становится важным. Вполне вероятно, что можно черпать данные из полудюжины эмпирических дисциплин. Однако некоторые отрасли эмпирической теории будут, естественно, ближе, чем другие, к любой данной нормативной позиции. С точки зрения нашего анализа наиболее близким эмпирическим соответствием теории социальных проблем является теория социального изменения.

Теория социального изменения пытается объяснить такие вещи, как образование и распад институтов, социальных порядков, обществ, социальных слоев, социальных ролей и т. д. Она занимается структурами и ситуациями, с которыми связаны социальные ценности человека. Никакая другая область столь упорно не поднимает так много вопросов, связанных с нормативной теорией социальных проблем. Однако не нужно смешивать эти теории; эмпирическая теория социального изменения не предписывает целей, нормативная же теория социального действия никогда не пользуется полностью или исключительно теорией социального изменения. Это не означает, конечно, что в литературе всегда проводится различие между этими двумя видами теории.

Теории социальной эволюции: Конт и Спенсер. До первой мировой войны труды Огюста Конта и Герберта Спенсера были для социологов наиболее важными источниками теорий социальных проблем. Эти труды могут также служить иллюстрацией отношений между нормативной и эмпирической теорией.

Несмотря на значительные различия в методе разработки, Конт и Спенсер придерживались одной и той же общей теории социального изменения — концепции общественной эволюции широкого масштаба. Конечно, Конт был идеалистом, а Спенсер — материалистом. Конт дал только общие наметки, Спенсер создал также теорию эволюции и отдельных институтов. Но, несмотря на многочисленные различия, между ними имеется существенное сходство: эволюция — это трансформация форм жизни всего человечества; изменения на протяжении столетий являются единственной соответ-

ствующей единицей сравнения; все общества развиваются от простого к сложному; общая форма изменения идет от военного к промышленному типу, и, наконец, прогресс может быть достигнут только через конкретную серию основных ступеней³.

Социальная эволюция и возникновение социальных проблем. Для социального эволюциониста интересен вопрос о том, как возникают социальные проблемы. Поскольку развитие общества рассматривается как естественный процесс с определенными установленными стадиями, в известном смысле проблемы должны также быть естественными. Для Конта были три стадии развития: из военно-теологической формы общество через критически-метафизическую стадию идет к промышленно-научной. Каждая стадия необходима, и, хотя каждая является наиболее совершенной формой, какая только возможна, она имеет типичные ограничения. Действительно, ограничения любой данной стадии социальной эволюции являются ее социальными проблемами.

Но что является ограничениями для любой данной стадии социальной эволюции? Вряд ли можно прочесть хотя бы одну строчку у Конта, не почувствовав присутствия основных оценок. Наиболее дорогими сердцу Конта ценностями были порядок, стабильность и превыше всего — спокойствие духа. Прогресс человечества рассматривался как рост контроля разума над чувствами. Проблемы — это неудачи контроля. Первым величайшим прогрессом человеческого ума считался контроль физического окружения. Задача в будущем состояла в контроле человеческой природы. Даже война имела свою ценность, поскольку она устанавливала порядок, а промышленность благодаря требованию полного подчинения имела даже большую ценность. Семья важна как источник стабильности в частных делах; только религия может обеспечить высшую стабильность дел общественных. В последние годы мысль Конта все больше обращалась к проекту «научной общины», в которой каждому было бы отведено соответствующее место. Место женщины — в семье, где она должна быть высшим судьей семейной морали. Общество должно опекаться социологами-священнослужителями религии Человечества; человечество рассматривается как Великое Существо, предшественник дюркгеймовского «Общества *sui generis*». Эти социологи-священнослужители должны быть воспитателями, утешителями, арбитрами при спорах, совестью народа, устанавливающими для него положение и классы, выразителями общественного мнения и цензорами мыслей и действий.

³ В обсуждении Конта и Спенсера не дается детальных аргументов, а только общие положения, ибо они предназначены в первую очередь для иллюстрации ранней формы теории социальных проблем в социологии. См. Auguste Comte, *The Positive Philosophy*, translated by Harriet Martineau, 3rd ed., London, 1893, 2 vols, *Système de politique positive*, Paris, 1851—1854, 4 vols. См. также Henri Gouhier, *La vie d'Auguste Comte*, Paris, 1931; Herbert Spencer, *The Principles of Sociology*, New York, 1896, 3 vols, *The Study of Sociology*, New York, 1897, *Man vs. State*, New York, 1908.

Герберт Спенсер придал доктринам социальной эволюции более материалистическое направление. Общество все еще движется от военно-теологического к индустриально-мирному типу. Основное различие между Спенсером и Контом, по-видимому, заключается в уровне их ценностей и в программах воплощения этих ценностей. Конт хотел порядка, стабильности и спокойствия духа, но он боялся предоставить достижение этих ценностей индивидуумам. В противоположность этому Спенсер хотел, чтобы его оставили в покое и дали ему свободу действия. Поэтому он превратился в страстного противника реформы и деятельности государства.

Важно отметить, что одна и та же общая теория социального изменения (эволюционизм) и для Спенсера и для Конта служила отправным пунктом для санкционирования желаемых целей и понятия социальной реформы. Таким образом, различие программ Конта и Спенсера заключается не в теории социального изменения. Оно заключается в той системе ценностей, которую каждый из них связывает с понятием изменения. То, что для Конта было самым дорогим — закрепление индивидуумов в системе, подобной кастам, — рассматривалось Спенсером как наихудшее зло.

Эволюционизм в американской социологии: Уорд, Самнер и Гиддингс. До первой мировой войны взгляды Конта и Спенсера представляли собой наиболее важные альтернативные точки зрения на социальные проблемы в социологии. Однако единственным крупным последователем Конта в Америке был Лестер Уорд⁴. В известном смысле Уорд был более ортодоксален, чем Конт или Спенсер. В той мере, в какой Уорд принимал цели Спенсера и программу Конта, он объединял радикализм в методах с либерализмом в ценностях. Но социология никогда не являлась рассадником радикализма, и Уорд остался без последователей. Спенсеру повезло больше. Такие выдающиеся фигуры в академическом мире, как Уильям Грэхэм Самнер и Франклин Г. Гиддингс, ввели в бой против реформаторов во имя забытого человека⁵ целые батальоны и энергично выискивали доказательства наличия подозрительных тенденций к социализму.

«Школа конфликта» в социальных проблемах. За последние годы возможным соперником эволюционизма в толковании социальных проблем был социальный дарвинизм, представленный Бэйджхотом и Гумпловичем⁶ в Европе и Смоллом в Америке⁷. Новостью в этом направлении была концепция конфликта как основного социального процесса. Гумплович, например, рассматривал обще-

⁴ См. L. F. Ward, *Applied Sociology*, New York, 1911.

⁵ W. G. Sumner, *The Forgotten Man and Other Essays*, edited by A. G. Keller, New Haven, 1919. Самнер горько сетует на печальную участь среднего класса, который подвергается наиболее тяжелому обложению налогами и получает наименьшую выгоду от законодательных постановлений.

⁶ Ludwig Gumplowicz, *Der Rassenkampf*, Innsbruck, 1909. *Soziologische Essays*, Innsbruck, 1899.

⁷ A. W. Small, *General Sociology*, Chicago, 1905; Смолл испытал на себе влияние не только Гумпловича, но, среди прочих, и Ратценгофера.

ство как продукт завоевания групп, а его более развитые структуральные формы — как продукт военной субординации. Однако эта точка зрения, по-видимому, не благоприятствовала концептуализации идеальных социальных государств, — может быть, потому, что при подходе с этой точки зрения к нравственным формулам они часто выглядели как воля завоевателя или формулы насильственного компромисса, принятого в целях сохранения мира. Как бы то ни было, что-то в этой точке зрения было отрезвляющим, препятствующим разработке нормативных теорий. Более того, формула Спенсера была слишком привлекательной, чтобы от нее отказаться; она позволяла оставаться последовательным консерватором в каждом действии и, таким образом, прийти к либеральным целям. Кто мог бы требовать большего?

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ

Урбанизация и упадок оптимизма. Целый ряд причин положил конец бодрому оптимизму прошлого столетия. Наиболее важным, общим процессом этого периода было возникновение урбанизма. Для атмосферы, господствовавшей после Гражданской войны, было характерно городское возбуждение в период бума. Все было неустойчивым и построенным на скорую руку. Но все знали, что это только временно. Почти в каждом большом городе в этот период возникало такое скопление людей, для приема которого он не был подготовлен. Случайно протоптанные дорожки превращались в поселки, состоящие из хибарок; улицы, слишком узкие и кривые, непригодные для возросшего уличного движения, приходили в полный упадок; люди так плохо понимали способы удаления отходов, что источники и водные пути стали загрязненными; ряд огромных пожаров показал неспособность населения учитывать вновь возникающие опасности. Даже в физическом смысле новый городской комплекс заставил мыслящих людей заняться переоценкой ценностей. Если индустриализация и урбанизм являются высшими продуктами эволюции общества, то изменения были отнюдь не столь благотворны⁸.

Событием, которое больше всего помогло тому, что легковесный оптимизм социологов превратился в более трезвый вид размышления, была первая мировая война. Спенсер, среди прочих, предполагал, что в период индустриальной стадии общество станет настолько сложным и взаимозависимым, что война фактически будет невозможной как естественный результат эволюционного процесса. Чтобы эволюция могла сохраниться в качестве основы концепции социальных проблем, необходимо было отбросить точку зрения Спенсера. Сама теория эволюции также подверглась критическому пересмотру. Со временем социальные проблемы подверглись

⁸ См. Howard Becker and H. E. Barnes, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, 1952, vol. 1.

концептуализации на новой основе, которая была обнаружена не в теории социального изменения, а в теории социальной структуры. Все больше и больше социальные проблемы стали рассматриваться как отрицательные или противоречивые аспекты социальной организации. Впоследствии возникли новые подходы к социальным проблемам на основе понятия *социальной дезорганизации*.

Теория дезорганизации Дюркгейма и аномия. Хотя Дюркгейм и принимал эволюционные взгляды, господствовавшие в его время, но он интересовался ими прежде всего как основой для понимания социальных фактов и обществ⁹. Социальные факты — это коллективные представления, включая такие вещи, как идеи, чувства, привычки, нормы и т. д., определяемые благодаря их всеобщему принятию и ограничениям, налагаемым ради них на действия отдельных лиц. Общества — это не просто собрания людей; им свойствен также общий образ жизни, характеризующий социальную солидарностью. В то время как в прошлом социальная солидарность человечества была чисто *механической*, основанной на родстве, дружбе и т. д., в современном мире социальная солидарность все больше становится *органической* на основе разделения труда.

И все же разделение труда ведет иногда к полной противоположности солидарности. Разделение труда порождает преступные организации, весьма сложные и эффективные. Более того, различные общественные и промышленные кризисы, как, например, классовая рознь, борьба рабочих и т. д., показывают, что дело обстоит далеко не благополучно. Но Дюркгейм был склонен видеть источник этих трудностей в коллективных чувствах — правилах, постановлениях и нормах, — которые были сущностью общества и социальной солидарности. «Если разделение труда не приводит к солидарности... это происходит из-за неурегулированных отношений организма, из-за того, что они находятся в состоянии *аномии*... поскольку система правил является той определенной формой, которую принимают с течением времени спонтанно установившиеся отношения между социальными функциями, мы можем априорно сказать, что состояние *аномии* невозможно там, где существует контакт между органами солидарности или где они достаточно прочны»¹⁰.

Одной из наиболее интересных черт мышления Дюркгейма является тенденция к все меньшему оптимизму в его формулировках. Понятие *аномии* (отсутствия норм) расширяется в его последующих работах, и ему придается даже более широкая формулировка¹¹.

Кули и рассеивание первичных групп. Второй вид теории социальной дезорганизации выступает в трудах Чарлза Хортона Кули, который подходил к центральным проблемам социологии с точки

Emile Durkheim, *The Division of Labor in Society*, translated by George Simpson, Glencoe, Illinois, 1947; *The Rules of Social Method*, translated by Sarah Solovay and J. H. Miller, Chicago, 1938.

¹⁰ Durkheim, *Division of Labor*, p. 368.

¹¹ См. Durkheim, *Le Suicide*, Paris, 1897.

зрения отношений индивидуума к группе. В общем идеи Кули весьма сходны с понятиями коллективных представлений, социальной солидарности и решающего значения регулирующих норм Дюркгейма. Новизна его трудов состоит главным образом в том, что он поместил источник норм в первичные группы; для этих норм характерны тесное сотрудничество и ассоциация, которые играют основную роль в формировании социального характера (идей) индивидуума и воплощаются в семье, игровой группе, соседнем коллективе и общине старшин. Они представляют собой источник первичных идеалов.

Более крупные общества, по крайней мере в своих наиболее приемлемых фазах, являются построениями на основе этих первичных идеалов. Демократия и христианство служат для Кули простыми первичными идеалами, широко распространенными в масштабах мировой истории. Однако воплощение идеалов первичной группы на уровне общества ведет в общем к механизации, формализму и истощению энергии природы человека. Религия становится нетерпимой, в школах возникает мертвящая рутина, университеты пропитываются ханжеством, развивается желтая пресса и привычка к поспешному, невнимательному чтению. Более подробное развитие этот взгляд получает в последующих работах, когда внимание Кули привлекается к конфликту групповых стандартов в пределах более крупного общества¹².

Личная и социальная дезорганизация: теории Томаса и Знанецкого. Томас и Знанецкий пришли к своему пониманию социальной дезорганизации на основании предпосылок, совершенно отличных от предпосылок Дюркгейма или Кули. В течение нескольких лет Томас интересовался явлением, особенно характерным для американских городов после Гражданской войны и в течение первого десятилетия XX века, — скоплением дешевого труда. Интересуясь этим вопросом, Томас начал собирать массу фактов о польских иммигрантах в Америке и во время работы встретился с блестящим молодым философом-социологом поляком Флорианом Знанецким.

Процесс, который пытались понять Томас и Знанецкий, заключался в принятии в американское общество польских крестьян-иммигрантов. Во время своего исследования им пришлось разработать 1) типологию мотивационных категорий, 2) понятие организации жизни и социальной организации, 3) типологию организации жизни индивидуума, 4) особые понятия личной и социальной дезорганизации. С нашими целями непосредственно связаны только два последних положения.

Типология организации жизни индивидуума, созданная этими авторами, представляет собой характеристику формальных различий в приспособлении к социальной организации. *Представи-*

¹² C. U. Cooley, *Human Nature and the Social Order*, New York, 1902; *Social Organization*, New York, 1909, pp. 5, 7, 9—10, 23—24, 35, 342, 347; *Social Process*, New York, 1919, p. 106.

тель богемы — это человек, который не находит стабильности в самом себе, но следует социальным формам данного момента. Он — все для всех людей, потому что он ничто для самого себя; он не следует ни одной определенной карьере, потому что не в состоянии это сделать; он плывет по течению и в конечном счете пополняет ряды бродяг. *Филистерство* — это негибкое приспособление к социальному порядку. Филистер так же не находит порядка в самом себе, как и представитель богемы; он может только фанатически цепляться за *традицию*. *Творческий* же человек находит твердую основу для развития в самом себе и может динамически приспособить свою личность.

Любой человек, обладающий средними умственными способностями, читая работы Томаса и Знанецкого, вряд ли будет считать, что богема или филистерство особенно желательны. Богема в известном смысле — это квинтэссенция индивидуальной дезорганизации. Трудность, связанная с филистерством, заключается в том, что индивидум, который не находит стабильности в самом себе, вряд ли может восстать, не впадая в богему.

На основе этих различий Томас и Знанецкий определили социальную дезорганизацию как уменьшение влияния социальных правил на поведение членов группы. Они считали, что это уменьшение влияния проявляется в различной степени — от нарушения данного конкретного правила данным конкретным индивидумом до общего упадка институтов. Они признавали, что индивидум может нарушить правила, потому что он теряет способность организовать свою жизнь так, как этого требует общество, или потому, что он отвергает правила, как помехи к достижению более совершенной организации своей жизни. Но это отнюдь не предполагает, что существует непосредственная связь между индивидумом и социальной организацией. Деморализация индивидума не эквивалентна социальной дезорганизации. Социальная дезорганизация мыслится как универсальный процесс. В эпохи социальной стабильности *зарождающаяся* дезорганизация нейтрализуется действиями, которые укрепляют социальные правила и нормы. Она становится значительной только в периоды изменения¹³

Критика теорий дезорганизации. Вся теория социальной дезорганизации подверглась энергичной критике Миллза, который считал ее упрощенным выражением «лоскутной эклектической психологии», свидетельствующей о «неспособности вследствие профессиональной подготовки подняться над серией отдельных случаев». Если бы теоретики социальной дезорганизации действительно были бы способны исследовать нормы, утверждает Миллз¹⁴, они, может быть, смогли бы понять «тотальную структуру норм» и «связать их с распределением власти».

¹³ W. T. Thomas and Florian Znaniecki, *The Polish Peasant in Europe and America*, Boston, 1919, vol. 2, p. 74.

¹⁴ C. Wright Mills, *The Professional Ideology in Social Pathologists*, *AJS*, 49 (September, 1943), pp. 165—180.

К сожалению, объективного анализа социальной организации не существует. Вирт справедливо указывал, что в концептуализации социальной организации и социальной дезорганизации имеются элементы оценки¹⁵, а Лемерт произвел тщательный и плодотворный анализ некоторых аспектов и той и другой. Но этот анализ оставляет незатронутым ряд важных проблем¹⁶.

Одно, в чем сходятся все критики от Миллза до Лемерта, а также и многие другие,— это то, что в теории социальной дезорганизации содержатся оценки. Нет никакого сомнения в том, что они правы. Однако критика часто обесценивается из-за того, что критик возражает против *конкретных* оценок, а не против смещения ценностей с фактами.

Тип анализа, предлагаемый критиками теории социальной дезорганизации,— это сравнительный анализ различных предположений защитников этой теории в отношении ценностей. Вполне правильно указывалось, что ценности Кули являются ценностями небольшого городка — дружественными чувствами, добрососедскими отношениями и т. д. Однако существует, по-видимому, упорное нежелание признать, что теоретики социальной дезорганизации оказывают предпочтение чему-либо другому. Томас и Знанецкий, вероятно, не очень печалились об упадке небольших городков. Их высшая ценность явно воплощается в их «творческом человеке». На протяжении всей их работы предполагается, что естественной средой для «творческого человека» является крупный городской центр. Более того, Томас и Знанецкий так же близки к критике провинциализма, как и Дюркгейм, хотя последний не выдвигал «творческого человека» в качестве идеала. Дюркгейм всегда предпочитал то, что он называет «органической» солидарностью, солидарности «механической», выказывая предпочтение городскому, индустриальному и научно мыслящему социальному порядку.

Эти примеры явно показывают, что различие между нормативной и эмпирической социальной теорией не исчезает, когда понятие социальных проблем генерализуется в понятие социальной дезорганизации. Однако — частично вследствие того, что это различие не проводится,— нет четкого отделения оценочных аспектов этой проблемы от эмпирических. Более того, ясно, что высшие ценности у основных авторов понятия социальной дезорганизации не являются тождественными.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРНОГО ОТСТАВАНИЯ

Хотя понятия культурного отставания часто рассматриваются как разновидность понятия социальной дезорганизации, в данной книге мы их рассматриваем отдельно. Автор считает, что социаль-

¹⁵ Louis Wirth, *Ideological Aspects of Social Desorganization*, ASR, 5; Aug., 1940, pp. 472—482.

¹⁶ E. M. L e m e r t, *Social Pathology*, New York, 1951, Chap. 1.

ная дезорганизация относится к тем подходам к социальным проблемам, которые в качестве эмпирической базы берут понятие социальной организации. Культурное отставание, с другой стороны, требует анализа социальных проблем на основе понятия социального изменения.

В новом издании работы «Социальное изменение» («Social Change») с мудростью старого человека, оглядывающегося на труд всей своей жизни, Огбёрн замечает, что в момент выхода первого издания социальная эволюция была временной путеводной звездой. Теперь, через тридцать лет, в результате долгого размышления, ему кажется, что социальная эволюция, конечно видоизмененная и отождествляемая с культурной эволюцией, дает в конце концов наилучшее объяснение социального изменения. Он считает, что социальная эволюция складывается из четырех основных процессов: 1) *изобретения*, охватывающего и материальные и социальные нововведения; продукта умственной деятельности, оперирующей на материальной базе и направленной на потребности; 2) *накопления*, которое обычно в любой данный период добавляет к культуре больше того, что утрачивается, — процесс, имеющий тенденцию к ускорению; 3) *диффузии*, распространения изобретений и процесса, при помощи которого люди извлекают выгоду из нововведений, не созданных ими самими; 4) *приспособления* одной части общества к другой, как, например, экономики к семье, семьи к образованию и т. д.¹⁷

Теория культурного отставания. Огбёрн отмечает, что культурные элементы сохраняются по крайней мере благодаря двум причинам: они могут обладать практической полезностью или удовлетворять психологическую потребность. Они могут, конечно, совпадать, но, если бы между ними нельзя было провести различия, было бы трудно объяснить, почему существуют явно бесполезные «пережитки». Превосходным примером являются магические обряды всех видов; они удовлетворяют психологические потребности и в то же самое время имеют тенденцию подавить развитие действительно полезных вещей. Подобным же образом изменения происходят в ответ на материальные и психологические потребности благодаря процессам нововведения и диффузии.

Тем не менее изменению может препятствовать ряд условий. Ему могут препятствовать законные интересы, на основе которых стремятся сохранить любой ценой status quo. Соппротивление изменению может быть вызвано также традиционной враждебностью к новому, привычкой, давлением в направлении конформизма, тенденцией забывать неприятное и страхом. Любопытство, беспокойство, страдание и честолюбие — вот некоторые из психологических сил, способствующих изменению¹⁸.

¹⁷ W. E. Ogburn, Social Change, 2nd ed., New York, 1950, pp. 369 и далее.

¹⁸ W. F. Ogburn, Social Change, pp. 170, 176, 180, 186, 190—191.

■ С этих позиций Огбёрн заложил основу для своих теорий социальных проблем. В данной книге считается, что Огбёрн выдвинул не одну, а две теории социальных проблем. Первая из них может рассматриваться под своим обычным наименованием «культурного отставания». Огбёрн утверждал, что накопление культуры происходит в постоянно нарастающем темпе. «Положение гласит, что различные части современной культуры изменяются не с одинаковой скоростью; одни части изменяются значительно быстрее других, а поскольку существует корреляция и взаимозависимость частей, быстрые изменения в одной части нашей культуры требуют приспособления через изменения различных коррелированных частей культуры»¹⁹.

В основном утверждается, что материальная культура имеет тенденцию развиваться относительно быстро, а «адаптивная» — гораздо медленнее. Поэтому разрыв между ними является источником напряжения. Примером этого может служить лесоведение и консервация. На ранней стадии истории нашей культуры имелись обширные леса, огромная потребность в лесе в качестве горючего и строительного материала, а также люди, понимавшие выгоды сложившейся ситуации. Леса были вырублены наиболее быстрым и расточительным образом. Это, а также рост населения и промышленности привели к постепенному истощению лесного богатства. Вследствие этого в ответ на изменившиеся материальные условия возникла новая «адаптивная» культурная движения «за консервацию».

Некоторыми причинами культурного отставания являются: 1) малое количество изобретений в адаптивной культуре²⁰; 2) механические препятствия адаптивным изменениям: например, законодательные органы созываются редко и на слишком короткий период, в то время как потребности возникают непрерывно и не имеют выходных дней; 3) степень контакта с материальной культурой; иногда отношение между адаптивной и материальной культурой не является непосредственным и, таким образом, требуется больше времени для установления соответствия между ними; 4) связь адаптивной культуры с другими частями культуры: например, сложившиеся способы эксплуатации ведут к большему сопротивлению консервации лесов, и, наконец, 5) оценки группы, эмоционализм групп, любовь к прошлому и т. д. могут вызывать сопротивление адаптации.

Имплицитная теория биологического отставания. Теория культурного отставания, по-видимому, рассматривается Огбёрном как объяснение только ограниченного числа социальных проблем, ибо после ее выдвижения он перешел к другой теории, которая за неимением лучшего наименования может быть названа теорией *биологического отставания*. Действительно, он пишет: «Доказано что ряд социальных проблем возникает благодаря тому, что различные части культуры изменяются с неодинаковой скоростью. В дан-

¹⁹ W. F. Ogburn, *Social Change*, pp. 200—201.

²⁰ Там же, стр. 257.

ной главе мы хотим рассмотреть некоторые из проблем, возникающих не вследствие отсутствия приспособления различных частей культуры, но вследствие недостаточного приспособления человеческой природы и культуры»²¹.

Подытоживая известные факты о физической эволюции человека, Огбёрн отмечает, что человек существует на земле несколько сотен тысяч лет или около этого и что сохранившиеся остатки скелета показывают, что его эволюция была медленной. В общем нет разногласий, что со времени последней ледниковой эпохи человек не подвергался значительной эволюции в биологическом отношении. Психологическая природа человека весьма сходна с природой антропидов. Следовательно, человеческая натура, вероятно, «гораздо ближе к пещерному человеку, чем это можно думать на основании культурных различий».

Таким образом, Огбёрн считает, что, хотя человек со времен ледникового периода и не изменился биологически, его культура подверглась глубоким изменениям. Он считает, далее, что мы, возможно, подобны группе детей кроманьонцев в современном городе. Он также считает правдоподобной гипотезой, что человек страдает от плохого пищеварения потому, что не питается пищей пещерных людей и не испытывает первобытного голода; кроме того, считает, что трудности приспособления в браке и к строгому кодексу половых отношений происходят по той же причине. «Утверждается, что большое количество социальных проблем, таких, как война, преступление, половые расстройства и болезнь, порождаются неспособностью или трудностью для первоначальной природы человека приспособиться к современным условиям и культурным стандартам. Считается также, что большая часть наших несчастий, нервозности и сумасшествия восходит к тем же общим причинам»²².

Наша биологическая природа, утверждает Огбёрн, не приспособлена к цивилизации вследствие слишком короткого промежутка времени, отведенного для такого приспособления. Мы не можем быть абсолютно уверены, в чем состоит основное несоответствие. Однако в настоящее время, вероятно, требуется гораздо больше умственной сосредоточенности, упорной мысли и внимания, чем когда-либо в прошлом. По-видимому, в наше время имеется гораздо меньше возможностей для соответствующего эмоционального опыта. Несомненно, что современный человек обладает теми же самыми инстинктами, как и его предки, точно так же как он обладает той же самой мускулатурой. Поэтому он должен по крайней мере так же сильно страдать из-за недостатка соответствующего проявления своих инстинктов, как он страдает из-за недостатка физических действий, которых требует его обезьяноподобное тело.

Огбёрн приписывает большую часть нашей нервозности и безумия напряжениям, порождаемым несоответствиями между сов-

²¹ W. F. Ogburn, Social Change, p. 283.

²² Там же, стр. 287.

ременной цивилизацией и природой древней обезьяны, биологическому отставанию. Он отмечает, что некоторые нервные заболевания вызываются несчастными случаями, физическими повреждениями или плохой наследственностью, но, помимо всего прочего, существуют такие вещи, как истерия, болезненные позывы, неврозы страха, паранойя, меланхолия и мания депрессии, при которых проблема заключается в *функционировании* структуры и которые скорее вызываются и подвергаются влиянию культурного окружения, а не физических или органических факторов.

Дальнейшими примерами проблем, связанных с несоответствием человеческой природы культуре, могут служить преступления. «В периоды экономической депрессии существует большой соблазн нарушить законы, относящиеся к собственности. Количество преступлений изменяется вместе с экономическими условиями». Таким образом, «преступление явно свидетельствует о недостаточном приспособлении человеческой природы к культуре». В области половых отношений такие вещи, как адюльтер, проституция или законные половые отношения, считаются социальными проблемами. Эти явления, а также развод и распад семьи свидетельствуют о том, что «конфликт полового кодекса и человеческой природы» является часто «причиной несчастья». Более того, человеческая природа, по-видимому, в основном эгоистична. При малейшей возможности она создает «неравное распределение богатства». Это в свою очередь способствует «бедности, болезни, высокому налогам, рабочим, правительственным проблемам, войне и многому другому»²³.

Культурное отставание versus биологическое отставание. Весьма интересной чертой обеих теорий социальных проблем Огбёрна является то, что они в известной степени противоречивы. Теория культурного отставания приписывает возникновение проблем напряжения, порождаемым несоответствием между материальной и нематериальной культурой. Теория же биологического отставания приписывает происхождение проблемы напряжения, вызываемым несоответствием между первобытной природой человека и его приобретенной природой (культурой). Вероятно, можно утверждать, что, конечно, весьма удивительно, что никто не возразил Огбёрну по этому пункту, что они являются дополняющими друг друга подходами, относящимися к различным сферам. Но если так, то это не сразу бросается в глаза. Несоответствие между эксплуатацией лесов и их сохранением было использовано для иллюстрации первой теории. Однако считается, что вспышки неограниченного эгоизма характерны и для второго типа объяснения проблем. Эксплуатация лесов легко подходит и к первой, и ко второй схеме. Это справедливо почти для каждого примера обоих типов проблемы. С небольшими изменениями любой из них подойдет к любой форме.

Невозможно не прийти к выводу, что здесь налицо уже известные нам оценочные точки зрения. Самое поразительное в доводах

²³ W. F. Ogburn, *Social Change*, pp. 33, 290, 293, 312, 332—334.

Огбёрна заключается в том, что он по очереди представляет каждую из них. Если принять теорию культурного отставания, решение проблем, по-видимому, заключается в расширении научного знания. Если принять теорию биологического отставания, то, очевидно, надо приспособить человеческую природу к культуре или культуру к человеческой природе. В первом случае проблемы возникают вследствие относительной глупости человека, а во втором человек все еще остается дикарем, а цивилизация — внешней лакировкой. Теория культурного отставания склоняется к либеральным взглядам, а теория биологического отставания — к консервативным.

Критика теорий «отставания». Обе теории ставят важные теоретические и методологические проблемы. Анализ культурного отставания, например, предполагает различия между материальной и адаптивной культурой, но ни одна из них не была соответствующим образом определена в отношении понятий или конкретного действия. Примеры настолько неопределенны, что идеи остаются неясными. Вероятно, например, существует разрыв между эксплуатацией и сохранением лесов, но почему эксплуатация лесов будет более «материальной культурой», чем сохранение? Идеи, по-видимому, не материальны, в то время как вещи материальны. Наука мыслится как материальная культура, однако она не является вещью. Вряд ли целесообразно считать науку набором материальных фактов без идей, намерений, дерзаний. Ни в одном из примеров нет ясного и недвусмысленного различия между материальной и нематериальной культурой. Почему общий налог на собственность материалов, в то время как другой какой-нибудь налог таковым не является? Материален ли инструмент? Наименее интересные свойства инструмента—это его чисто материальные свойства. Инструмент приобретает значение благодаря идее и деятельности, для которой он предназначен. Но эти последние, по-видимому, относятся к нематериальной культуре.

Оценочная основа теорий «отставания». Невозможность провести различие между нормативной и эмпирической теориями способствует большей путанице. Само понятие «отставание» подразумевает, что что-то движется «вперед». Единственная возможность ответить на вопрос о том, что же отстает,— это перечислить намерения, цели и ценности, основу суждения. Древняя пила годится в этом случае так же, как и в других; то, что здорово для одного, отравя для другого. То, что рассматривается как отставание или даже определенный регресс одним, может представлять собой продвижение или выгоду для другого.

Ясность теории культурного отставания зависит от формулировки культурных целей. А эти последние только подразумеваются в теории. Ясно, что Огбёрн стоял «за» следующее: сохранение, более соответствующая компенсация жертв несчастных случаев в промышленности, пересмотр налогообложения и организация, способствующая миру во всем мире. В такой формулировке теория культурного

отставания приобретает некоторые свойства программы политической партии, чем она, по существу, и является.

Теория биологического отставания также связана с проблемами. Наиболее важные теоретические и методологические проблемы заключаются в необходимости адекватной концептуализации и эмпирического подтверждения «первобытной человеческой природы». Интересный, но рискованный ряд предположений был сделан в отношении понятия биологического отставания. Двумя наиболее важными из них являются: 1) предположение о том, что существует первобытная человеческая природа и 2) что имеется культура, соответствующая ей. Но где же решение ряда одновременных уравнений, полностью составленных из неизвестных?

Цели, предполагаемые вторым подходом, по-видимому, прямо противоположны целям, вытекающим из первого. Теория культурного отставания, по-видимому, предполагает, что вся социальная жизнь должна быть как можно скорее приведена в соответствие с самым последним техническим усовершенствованием или сложным инструментом. Теория же биологического отставания, по-видимому, предполагает, что или человеческая природа должна быть приспособлена к культуре или же культура — к человеческой природе. Идеалом в этом случае является, очевидно, стабильность и спокойствие духа и благодаря этому — устранение большинства видов психоневроза, преступления и самоубийства. •

ОТ КОНФЛИКТА К ЭКОЛОГИИ

Уже отмечалось, что анализ социальной жизни с точки зрения, при которой конфликт принимается в качестве основного процесса, нашел своего наиболее выдающегося представителя в Америке в лице Албиона Смолла, который в Чикагском университете был первым выразителем этого взгляда в Америке. Когда он разрабатывал свою теорию, интересы, рассматриваемые как неудовлетворенные возможности, соответствующие нереализованным условиям, считались наиболее простыми видами движения в человеческих существах. Основными интересами были: здоровье, богатство, общительность, знание, красота и справедливость. Все действия, совершающиеся в обществе, состояли из движений лиц, побуждаемых различными интересами. Общество в любой данный момент — это результат суммы усилий отдельных лиц, стремящихся достичь определенного удовлетворения. *«Все социальные проблемы являются проблемами отношений личных единиц, которые имеют в себе определенную инициативу, выбор и силу. Этому личному уравнению должна быть приписана его реальная ценность, с тем чтобы достичь истинной формулы социальной реакции»*²⁴.

Роль интереса в социальных проблемах. События в жизни отдельного лица находятся в контакте с физическим миром и с другими

²⁴ S m a l l, General Sociology, pp. 426, 433, 481.

индивидуумами. В процессе создания социальных контактов происходит постоянная дифференциация интересов, ведущая к дифференциации структуры и функции. Ряд людей, отношения которых друг к другу настолько важны, что заслуживают внимания, образуют группу. Люди постоянно вступают в ассоциативные комбинации, и социальная жизнь человека — это в первую очередь жизнь группы. Социальный процесс, таким образом, — это непрерывное действие и реакция интересов отдельных индивидуумов, находящихся в контакте друг с другом. Несмотря на скрытую или явную борьбу, люди объединяются в группы. Конфликт затем продолжается на новом уровне, между группами. Хотя конфликт (согласно Ратценгоферу) является первичным и универсальным, он имеет тенденцию найти свое разрешение в сотрудничестве. Короче говоря, социализация — это превращение конфликта в сотрудничество²⁵.

С первого взгляда эта концепция конфликта представляется наиболее прямым из всех возможных подходов к анализу социальных проблем. Трудно представить себе более простой образец конфликта, чем, например, две голодные собаки и одна кость. Чем ближе собаки друг к другу по росту, силе и способности, тем интереснее будут события.

Все же характер обычного типа анализа социальных проблем нигде не выступает так ярко, как в нежелании некоторых мыслителей подходить к социальным проблемам с точки зрения конфликта. Подобная точка зрения делает весьма неуместной похвалу или порицание. Это не означает, что сам конфликт считается желательным: нежелание погрузиться в гущу дел человеческих, изрыгая моральные осуждения, отнюдь не однозначно вынесению неправильных суждений о ценностях. Однако, когда видно, что люди действуют, побуждаемые множеством интересов, ведущих к ограниченным ценностям и к стычкам, в которых ни одна сторона не может выиграть; когда сотрудничество рассматривается (что часто имеет место) как комбинация для достижения более эффективного группового конфликта; когда мирный социальный порядок считается затяжным компромиссом различных интересов, — такие представления охлаждают пыл реформаторов-сверхэнтузиастов. Это особенно правильно, когда пыл реформаторства сам часто служит орудием конфликта. По этим причинам интересно проследить переход от эмпирического рассмотрения процессов конфликта назад к нормативному рассмотрению социальных проблем.

Экологический подход к социальным проблемам. Понятие социального процесса с конфликтом в качестве основы, которое постепенно выдвигалось Смоллом на первое место, было принято Парком и Бёрджессом²⁶. Когда социальный процесс подвергся более тщательному анализу, он был разбит на четыре основных типа взаимодействия: соревнование, конфликт, приспособление и ассимиляция.

²⁵ Small, *General Sociology*, pp. 49, 491, 495, 499.

²⁶ R. F. Park and E. W. Burgess, *Introduction to the Science of Sociology*, Chicago, 1921.

Соревнование рассматривалось как человеческая форма борьбы за выживание, характерная для всей жизни. Оно не было социальным; оно было *подсоциальным*. Оно было постоянным, в значительной степени бессознательным и безличным. В экономическом плане соревнование было по своей природе экологическим. Это была сила, создающая территориальное и профессиональное распределение населения, необходимое для разделения труда и организованной экономической взаимозависимости.

Конфликт, с другой стороны, все более считался социальным по своей природе, по мере того как соревнование осознавалось и учитывались вместе с тем другие лица. Политический процесс особенно ярко показывает, как соревнование может стать осознанным и принять форму конфликта.

Приспособление — это попытка индивидуумов и групп внутренне приспособиться к ситуациям, созданным соревнованием и конфликтом. Когда это происходит, конфликт утихает. Ассимиляция завершает процесс благодаря глубокой трансформации личностей под влиянием интимных социальных контактов.

Но мостом от теории социального процесса, в которой конфликт занимал центральное место, к концептуализации города явилось понятие *соревнования* как человеческой формы всеобщей борьбы за выживание. Современный город рассматривался как система взаимодействующей жизни, сложившейся благодаря коммерческой деятельности современного человека. Экономическая деятельность — это первичная область соревнования: экономическое соревнование порождает тот вид порядка, который известен под именем *экологического*. Так же как в мире растений биологическое соревнование различных форм порождает определенный порядок, при котором различные виды сред являются естественными для данного растения, один вид может вторгнуться в область другого и растительная «общность» рассматривается как интегрированное равновесие растительных типов, так и город у людей, созданный соревнованием, имеет свою естественную среду для социальных групп, свои потенциалы для захвата пространства различными группами и типичную последовательную смену групп в данной местности²⁷

Городская матрица социальных проблем. Бёрджесс привлек внимание к порядку, который теоретически был создан действием городских экологических процессов и являлся идеализированной картиной полученных характерных зон. Зоной № 1 был центральный деловой район, в Чикаго это был Луп (Большая петля). «Вокруг

²⁷ R. E. Park, E. W. Burgess and R. D. McKenzie (eds.), *The City*, Chicago, 1925. См. предположения Парка, стр. 1—46. Источники этого подхода часто возводятся к С. J. Galpin, *The Social Anatomy of an Agricultural Community*, 1915. Между 1918 и 1920 годами Парк разрабатывал это исследование в Чикагском университете и пользовался понятиями ботаников-экологов. См. его работу «The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment», *AJS*, 20 (March, 1915), pp. 577—611; R. D. McKenzie, *The Neighborhood*, *AJS*, 27 (September and November, 1921; January, March and May, 1922).

центра обычно помещается переходный район, который захватил деловые конторы и предприятия легкой промышленности (II). В третьей зоне (III) проживают рабочие промышленных предприятий, которые убежали из зоны распада (II), но которые хотят жить недалеко от места работы. За пределами этой зоны лежит «обитаемая зона» (IV) первоклассных жилых домов или особых «запретных» районов, занимаемых жилищем одной семьи. Еще дальше за пределами города находятся пригородные зоны, пригородные районы или города-спутники на расстоянии получаса или часа езды от центрального делового района»²⁸.

Эта концепция процессов соревнования в городе, порождающих характерный экологический порядок, сделала возможным единственное в своем роде исследование социальных проблем. Стало возможным рассматривать их не только исходя из основного характера социального конфликта людей, но и с точки зрения их физического местоположения в физической структуре города. В то время как Парк и Бёрджесс разрабатывали эти положения, Бёрджесс сообщил об исследованиях, проводимых под его руководством: Nels Anderson, «The Slum, An Area of Deterioration in the Growth the City» (Нелс Андерсон, «Трущоба, область загнивания в росте сити»); Ernest R. Mowrer, «Family Disorganization in Chicago» (Эрнест Р. Маурер, «Семейная дезорганизация в Чикаго»); Walter C. Reckless, «The Natural History of Vice Areas in Chicago» (Уолтер Ч. Реклесс, «Естественная история испорченных районов Чикаго»); E. H. Shideler, «The Retail Business Organization as an Index of Business Organization» (Э. Г. Шиделер, «Организация розничного бизнеса как показатель организации бизнеса»); F. M. Thrasher, «One Thousand Boys' Gangs in Chicago, A Study of Their Organization and Habitat» (Ф. М. Трэшер, «Шайка тысячи мальчиков в Чикаго: исследование их организации и места распространения»); H. W. Zorbaugh, «The Lower North Side, A Study in Community Organization» (Г. У. Зорбоу, «Нижняя северная сторона; изучение общественной организации»)»²⁹. Почти все ведущие тогда исследования были широко опубликованы. Они были первыми ласточками целого потока подобных исследований о физическом местоположении районов высокой преступности, юношеской преступности, самоубийств, болезней и т. д., о разновидностях и различиях почти всего, что происходит во всех районах города подряд.

Переход к теории среды. По мере того как росло количество исследований местоположения районов различных видов социальных зол и социально-неприемлемого поведения, теоретические источники исследования, теория конфликта отступали на задний план. К теоретической основе перестали обращаться. Все больше и больше стали отмечать, что в конкретном районе города обнаруживаются однородные проблемы независимо от тех, кто его насе-

²⁸ Park, Burgess and McKenzie, op. cit., p. 50.

²⁹ Там же, стр. 62.

ляет. Скорее имплицитно, чем эксплицитно, начинает выдвигаться идея, что человеческие проблемы являются функцией географического положения. Таким образом, формула читается в обратном порядке: приобретают важность свойства района, а не конфликтующие интересы.

Неизбежным результатом явилась новая программа реформ, и она не заставила себя долго ждать. К 1930 году была разработана концепция, согласно которой программа реформ в данной местности является правильным путем разрешения проблем. В одном из недавних сообщений о разработке одного из проектов отмечается: «Со времени своего возникновения в 1930 году организация «План районирования Чикаго» («The Chicago Area Project»), имея в своем составе небольшой штат опытных и усердных работников, провела свои идеи и программу улучшения районов в тринадцати различных районах столицы штата, районах с различными расовыми и национальными конфликтами, населенных беднотой и обладающих сравнительно высоким уровнем преступности среди юношества»³⁰. Таким образом, теория конфликта постепенно превратилась в объяснение социальных проблем с помощью окружающей среды, давая место реформатору.

За сравнительно короткий период в течение первой мировой войны и непосредственно за нею целый ряд новых идей был направлен на решение социальных проблем. При некотором упрощении их можно свести к трем группам: а) понятия социальной дезорганизации; б) понятия культурного биологического отставания и в) объяснение социальных проблем средой. Эти главные направления в основном сложились к 1925 году.

Социальные проблемы в учебниках 1925—1945 годов. Было бы совершенно неправильно выбрать одну-единственную книгу на протяжении последующего довольно длительного периода для теоретического одобрения или порицания. Типичные тексты о социально-патологических или социальных проблемах обычно имели следующий вид: имелась глава или серия глав о «социальных проблемах», «социальной дезорганизации», «социальном изменении» или «социальной патологии»; за этим обычно следовал ряд глав о конкретных социальных проблемах, от гомосексуализма и самоубийства до войны и революции, а затем обычно шла заключительная глава, выражающая надежду на лучшее будущее.

Так называемая теоретическая фаза обычного исследования обыкновенно (и в большинстве случаев к счастью) ограничивалась вводной частью книги, представляя собой как бы некую церемонию, которую нужно соблюсти прежде, чем приняться за дело. Отмечается некоторое предпочтение той или иной теории или подходу; один предпочитает терминологию социальной дезорганизации, другой — теорию культурного отставания, а третий — ситуационный

³⁰ C. R. Shaw, The History and Basic Principles of the Chicago Area Project, mimeographed report, Chicago, 1942, and Celia Stendler (Burns), Bright Shadows in Boonzetown, Chicago, 1949, p. 10.

подход. Нередко все три вида подхода смешивают. Пренебрегают различными выводами, связанными с помещением проблем в рамки социальной структуры, их связи с изменением или же выводом из ситуационного подхода. Но, как бы усердно мы ни смешивали эти подходы, из них никак не образуется смесь.

Социальная ситуация, в которой писались эти работы, была ситуацией мировой депрессии и войны. То, что тогда требовалось, это было применение наличных теорий к социальным проблемам. Если какая-нибудь работа вносила серьезный вклад в эту область, то это было обычно в форме дополнительного знания конкретных проблем или систематизации эмпирических данных, а не в форме развития теории. По всей справедливости нужно признать, что это были труды людей доброй воли, пытавшихся выполнить свою общественную обязанность.

Преобладание социальной дезорганизации и нормативный подход. Независимо от того, что идеи различного происхождения сваливались в одну кучу, понятие социальной дезорганизации начало выступать на первый план. Даже существовала некоторая тенденция к его упрощению и кодификации. Организация все больше и больше рассматривалась как система действий в состоянии равновесия, а дезорганизация — как система в состоянии неравновесия. Но, когда таким положением пользуются как критерием для анализа конкретных проблем, быстро обнаруживается его непригодность. Преступные шайки, например, рассматриваются как образец дезорганизации. Однако они часто более «организованны», чем то общество, в котором они возникают и в котором, как это предполагается, они воплощают «дезорганизацию». Ясно, что в этих случаях нормативным суждениям придается вид суждения о фактах. Против преступных шаяк возражают не потому, что они являются примерами неравновесия, а потому, что они неприемлемы в нормативном отношении.

Вероятно, наиболее вводящим в заблуждение аспектом во всей этой области является нежелание рассмотреть то, что действительно существует и что не находится в равновесии. По временам данный автор, по-видимому, предполагает, что общество как целое — это одна большая система. Равновесие общества хорошо, его неравновесие плохо. Но это означало бы, что 1) существуют социальные целые огромного размера; 2) что некритическое определение *status quo* правильно. Однако почти все авторы, занимающиеся вопросами социальных проблем, отвергли бы первую мысль на теоретических основаниях, а вторую — на основании ценности.

ПОСЛЕДНИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Старое вино в новых мехах. Со времени второй мировой войны вновь возродился интерес к социальной дезорганизации благодаря переизданию старых книг в переработанной форме и появлению

многочисленных новых исследований. Краткий обзор ряда работ из этого числа может показать некоторые из существующих направлений. В предисловии к книге «Социальная патология»³¹ («Social Pathology»), принадлежащей Брауну, Маурер, который сам внес значительный вклад в изучение личных и семейных проблем, отмечает, что изучение социальной дезорганизации прошло две стадии и вступает в третью. В первой стадии изучающий общество, сталкиваясь с социальными проблемами, руководствовался реформой. На второй стадии возникло научное направление, и неумение приспособиться к обществу рассматривалось как патология. На третьей стадии признается необходимость гармонического научного подхода и знания в отношении индивидуумов и обществ.

Сам Браун считает социальную организацию результатом социальных процессов. Сам по себе социальный процесс не является ни нормальным, ни ненормальным. В принципе социальная дезорганизация не отличается от социальной организации. Фактически это социальная организация, не одобряемая в культурном отношении³². Вряд ли можно спорить с этими двумя основными положениями. Основной вопрос состоит в следующем: что же одобряется в культурном отношении? Вероятно, в ответ на это Браун разрабатывает свое понятие о месте идеологии в социальной дезорганизации. Идеологии возникают из человеческой природы и социального порядка, и любая идеология может проявиться в войне, религии или образовании и даже в пороке и преступлении. Действие социальных сил порождает многочисленные диффузные элементы, каждый со своей собственной идеологией³³. По-видимому, концепция социальных проблем какого-нибудь человека зависит от того, какой идеологии он придерживается. Поскольку Браун считает некоторые вещи проблемами, он, вероятно, сделал выбор среди идеологий. К несчастью, однако, он не указывает конкретно, какая «идеология» лежит в основе его трактовки.

Исследование Роберта Е. Л. Фэриса несколько ближе к строгой схеме социальной дезорганизации. Преуспевающим обществом считается общество, достигшее довольно стабильной системы, приспособленной к среде и позволяющей его членам выполнять свои общепринятые задачи. Социальная дезорганизация рассматривается как нарушение функциональных отношений в такой степени, что выполнение общегрупповых задач становится затруднительным. Имеется много симптомов дезорганизации. Наиболее важными являются: формализм, упадок священного, индивидуализм, гедонизм, взаимное недоверие и т. д.³⁴

Можно отметить, что в работах Брауна и Фэриса общество имплицитно рассматривается как какое-то органическое целое. Нет

³¹ L. G. Brown, *Social Pathology*, New York, 1946, p. VII.

³² L. G. Brown, *Social Pathology*, pp. 358—359, 365.

³³ Там же, стр. 378 и далее.

³⁴ R. E. L. Faris, *Social Disorganization*, New York, 1948, p. 419.

ясной конкретизации суждений-ценностей. Они скрыты под такими понятиями, как «принятое» поведение группы.

Возврат к культурному отставанию. А. П. Герман в своей книге «Подход к социальным проблемам» (*Approach to Social Problems*) делает серьезную попытку рассмотреть различные подходы к социальным проблемам и выделить свой собственный. Он вновь связывает социальные проблемы с понятием социального изменения. «Социальные проблемы возникают и существующие проблемы усугубляются, когда общество создает или принимает орудия изменения и в то же время не понимает, не предусматривает или не учитывает последствий этого». К тому, что создает новые проблемы или усугубляет старые, относятся: механические изобретения (радио, промышленные станки, лекарства, рентгеновские лучи, анализ почвы и т. д.), движение населения (уменьшение прироста, миграция, возрастные тенденции), изменения в естественных ресурсах (изменение в снабжении сырьем, которое можно эксплуатировать), естественные явления (наводнения, ураганы, землетрясения, появление насекомых-вредителей), физиологические изменения (болезни и другие патологические изменения организма)³⁵. Работа Германа — это попытка пересмотреть и модернизировать подход, сходный с подходом Огбёрна.

Подход с точки зрения конфликта ценностей. В 1950 году были переизданы две книги по социальным проблемам: третье издание книги Эллиотт и Меррилла «Социальная дезорганизация» (*Social Disorganization*) и второе издание книги Барнса и Руди «Американский образ жизни» (*The American Way of Life*)³⁶. Точка зрения Эллиотт и Меррилла приблизительно соответствовала ранним идеям теоретиков социальной дезорганизации, о которых достаточно уже было сказано выше. Барнс и Руди подходят к социальным проблемам исключительно с точки зрения культурного отставания: «При решении почти каждой проблемы мы найдем, что в ее основе лежит культурное отставание, неумение приспособить наши институты к изменившимся материальным условиям жизни»³⁷.

В книге «Социальные проблемы» (*Social Problems*) Уивера, которая вышла в 1954 году, социальные проблемы рассматриваются как условия, связанные с напряжением, конфликтом, разочарованиями и помехами при удовлетворении потребностей. Эта теория поверхностна, да и, по-видимому, с самого начала имелось в виду, что она будет носить такой характер. Культурное отставание и социальная дезорганизация рассматриваются как тождественные или по крайней мере друг друга дополняющие³⁸.

³⁵ A. P. H e r m a n, *An Approach to Social Problems*, New York, 1949, Chap. I and pp. 51, 57.

³⁶ M a b e l E l l i o t t and F r a n c i s M e r r i l l, *Social Disorganization*, New York, 1950; H. E. B a r n e s and I. O. R u e d i, *The American Way of Life*, New York, 1950.

³⁷ B a r n e s and R u e d i, *op. cit.*, p. 13.

³⁸ W. W a l l a c e W e a v e r, *Social Problems*, New York, 1951, pp. 3, 40 и далее.

В отношении главных работ, появившихся в 1952 году, Фелпс и Гендерсон, насколько возможно, избегали связывать себя какой-нибудь теорией. Рейнхардт и другие разработали теорию дезорганизации под новым названием «неправильного приспособления» (disadjustment), а Герберт Блох дал новую версию старой теории слияния культурного отставания и социальной дезорганизации, без сомнения, наиболее важную теоретическую работу того года³⁹.

Подобно работе Германа, работа Джесси Бернارد «Американское общественное поведение» («American Community Behavior») появилась в 1949 году. Бернارد считала, что основная проблема американского общества — это результат «разрыва между нашими признанными, официальными, документированными идеалами, иногда называемыми явными идеалами, и нашими непризнанными, неофициальными и даже отрицаемыми целями, к которым тем не менее мы на деле стремимся». Более того, она даже заявляет, что нет действительного согласия, и нам требуется множество конфликтующих вещей.

Таким образом, здесь дается действительная теория конфликтов; фактически даже реформа рассматривается как специальный случай конфликта. «Благодаря тому, что цели, к которым стремится реформа, обычно бывают спорными, реформаторская деятельность — это просто специальный случай конфликта вообще». Участниками конфликта являются те, кто пытается исправить зло, и те, кто извлекает из него пользу. Конфликтный характер планирования признается в формуле «свобода при планировании», что представляет собой или более высокую степень согласия, чем существовавшая прежде, или сглаживание некоторых основных различий в интересах. Социальное планирование рассматривается как высшая степень планирования, осуществляемого наукой. «Наука... может стать мощным орудием для контроля за общественным благосостоянием, но она не всемогуща. Она может представить нам данные, на основании которых принимаются решения, но она не может сделать выбор за нас»⁴⁰.

Кьюбер, исходя из общего описания социальных проблем как нежелательного состояния общества, показывает, что это предположение подразумевает существование предпосылок-ценностей, которые могут быть суждениями-ценностями специалиста или широкой публики. Однако, поскольку человек является только специалистом и если публика признает его таковым, все суждения-ценности в конечном счете выносятся публикой. Конфликтные ценности рас-

³⁹ H. A. Phelps and David Henderson, *Contemporary Social Problems*, New York, 1952, J. M. Reinhardt, Paul Meadows and J. M. Gillette, *Social Problems and Social Policy*, New York, 1952, p. 2 и далее, H. A. Bloch, *Disorganization Personal and Social*, New York, 1952, pp. 1—130.

⁴⁰ Jessie Bernard, *American Community Behavior*, New York, 1949, pp. 67, 609, 631.

сматриваются как *источник* социальных проблем, и теория дезорганизации отвергается⁴¹.

Эмпирический подход к социальной дезорганизации. Работа Лемерта представляет собой один из лучших анализов современных теорий социальной дезорганизации, хотя она в целом ряде отношений отличается от данной работы. А Лемерт предлагает позитивные критерии для систематической теории социальных проблем. Сюда, по его мнению, относится четкое определение области исследования и ее концептуализация в виде ограниченного ряда постулатов, логически взаимосвязанных и эмпирически соответствующих фактам, к которым они относятся. Более того, гипотезы должны являться логическим выводом из этой концептуальной структуры⁴².

Предложения Лемерта особенно интересны, поскольку он выдвигает критерий *эмпирической* теории для теории социальных проблем. Его конкретные предложения в отношении теории включают следующие идеи: 1) поведение изменчиво; 2) отклонения в поведении порождаются культурными конфликтами; 3) реакции общества на отклоняющееся поведение изменчивы; 4) социопатическое поведение осуждается; 5) нарушитель норм — это тот, на кого в основном повлияло ненормативное поведение и его последствия; 6) ограничения, налагаемые на ненормативное поведение, скорее являются исключительно социальными, чем биологическими; 7) нарушители норм отличаются по своей восприимчивости к влиянию, оказываемому общественной реакцией⁴³.

Эта общая формулировка в основе настолько близка к формулировке Томаса и Знанецкого, что, может быть, ее лучше всего рассматривать как современную версию той же самой общей точки зрения. Наиболее важной и наиболее смелой идеей является положение четвертое, гласящее, что социопатическое поведение резко осуждается. Опасность заключается в следующем: на практике это означает, что поведение составляет проблему только тогда, когда оно перестает быть проблемой, или, иначе говоря, что status quo охватывает то, что на законном основании может считаться хорошим.

Хоумэнс и групповые переменные социальной дезорганизации. Далеко не все интересные последние достижения в изучении социальных проблем можно найти в учебниках. Важный шаг был предпринят Хоумэнсом. В своей работе «Человеческая группа» («The Human Group») Хоумэнс предлагает анализировать группу в терминах таких переменных или пучков переменных, как чувства, деятельность, норма и ценность. Группа, по существу, рассматривается как система действия, находящаяся в равновесии. Фактически она рассматривается как состоящая из двух систем: 1) *внешней* системы, состоящей частично из ее официальной структуры, а частично из

⁴¹ J. F. C u b e r and R. A. H a r p e r, Problems of American Society, New York, 1951, pp. 25, 27, 446.

⁴² L e m e r t, op. cit., pp. 3—27.

⁴³ Там же стр. 22—23.

ее отношений к внешней среде; 2) *внутренней* системы, или системы деятельности членов группы по отношению друг к другу. Согласно Хоумэнсу, изменения, происходящие в одной системе, отражаются также и в сопровождающей системе.

После анализа ряда групп в терминах этой схемы Хоумэнс ставит проблему социальной дезорганизации, придавая новое направление ее концептуализации. Анализируя случай с Хиллтауном (город в Новой Англии, который пришел в серьезный упадок в конце XIX столетия и находится в этом состоянии поныне), Хоумэнс ввел особую версию теории дезорганизации. Вслед за Дюркгеймом Хоумэнс считает ситуацию, в которой группа теряет контроль над своими членами, примером «отсутствия норм», или *аномии*, когда организация разваливается, и это не следует смешивать с конфликтом, где не встречается трудностей в осуществлении контроля группы над своими членами⁴⁴. Это различие выдвигается в качестве разъяснения одного важного недоразумения в теории социальной дезорганизации.

Анализ Хоумэнса этапов социального разложения в Хиллтауне принимает следующую форму. Трудность возникает во внешней системе: 1) чувства, которые заставляют членов группы сотрудничать, слабеют и теряют силу; 2) виды деятельности, проводимой совместно членами группы, приходят в упадок; 3) реже становится взаимодействие между членами группы. Эти изменения во внешней системе воздействуют на внутреннюю систему; 4) по мере уменьшения взаимодействия во внешней системе падает взаимодействие и во внутренней системе; 5) более редкое взаимодействие ведет к ослаблению межличных чувств; 6) ослабление межличных чувств ведет к упадку норм; 7) лидеры теряют твердость; 8) таким образом ослабляется социальный контроль⁴⁵.

Остается невыясненным, в какой степени анализ Хоумэнса распространяется на все социальные проблемы. Это зависит, помимо всего прочего, от того, насколько этот анализ форм и переменных группы адекватен, и от того, в какой степени эта форма соответствует всей социальной жизни. Имеются причины для серьезного сомнения, которые невозможно рассмотреть здесь. Нельзя, однако, отрицать, что Хоумэнс предпринял шаг, который давно надо было сделать в этой области. Социальная дезорганизация пострадала из-за того, что она не была выражена в терминах конкретных переменных и не сводилась к конкретным случаям. Хоумэнс, таким образом, сделал значительный шаг вперед.

Социальные проблемы и структурные источники отклонения. Все больший интерес, проявляемый Робертом Мертоном к социальным проблемам, явствует из его анализа «социальных структур и *аномии*». Общая проблема, которую он собирается исследовать, заключается в том, каким образом социальная структура сама

⁴⁴ G. C. Homans, *The Human Group*, New York, 1950, pp. 336—337.

⁴⁵ Там же, стр. 359—360, 362—366.

может явиться источником отклоняющегося поведения. В нормальных условиях, утверждает Мертон, социальные структуры выполняют две важные задачи: 1) определение целей; 2) обеспечение путей их достижения. Однако в обществе, где придается огромное значение целям без соответствующего придания значения институциональным процедурам, порождается дюркгеймовское состояние *аномии*. По мысли Мертона, современная американская культура является особым типом, она имеет тенденцию придавать значение целям-успехам, не обращая внимания на институциональные средства. «Культура следует трем культурным аксиомам: первая — все должны стремиться к одинаково высоким целям, поскольку они доступны для всех; вторая — кажущаяся невозможность достичь их в настоящем является только остановкой на половине пути к конечному успеху; третья — действительная неудача заключается только в ослаблении честолюбия или его отсутствии»⁴⁶. В результате этого социальная структура подвергается критике тех лиц в обществе, которые не имеют свободного доступа ко всем возможностям. Это вынуждает людей судить о себе не с точки зрения лиц, им равных, но с точки зрения тех, в ряды которых они надеются вступить, а также угрожает тем, кто не имеет этого честолюбия.

В понимании Мертона в результате возникают разнообразные типичные индивидуальные адаптации: 1) *конформист* принимает как культурные цели, так и институциональные средства; 2) *новатор* принимает культурные цели, но не институциональные средства; 3) *ритуалист* принимает средства, но не цели; 4) *изолированный* отходит как от целей, так и от средств; 5) *мятежник* пребывает в нерешительности в отношении обоих.

Подобно Хоумэнсу, Мертон выдвинул новый радикальный подход к социальным проблемам, основанный на дюркгеймовской *аномии*. Неожиданное новшество идей Мертона заключается в том, что ответственность за *аномию* возлагается на саму социальную структуру!

Вторым новшеством в подходе Мертона к социальным проблемам является разработка предложенной им функционалистической теории. Функционализм — это современная версия концепции социологического организма, считающая, что части культуры могут быть адекватно анализированы только в том случае, если они рассматриваются как части органических или организмических целых, а Мертон предлагает изменить основные постулаты, которые он приписывает господствующему типу функционализма. Эти постулаты следующие: 1) социальная деятельность является функциональной для всей социальной системы; 2) любая такая деятельность выполняет социологические функции и является необходимой. Мертон же, по-видимому, убежден, что функционализм должен опериро-

⁴⁶ R. K. M e r t o n, Social Theory and Social Structure, Glencoe, Illinois, 1949, pp. 125, 128, 132—133.

вать с функциональными целыми, которые меньше, чем вся социальная система, а следовательно, и с ограниченным рядом явлений. Таким образом, он проводит различие между функциональными предпосылками и функционально необходимыми явлениями и выдвигает понятие функциональных альтернатив.

Но то, что нас интересует в анализе Мертон, — это проводимые им различия между явными и скрытыми функциями, а отсюда и его переход к теории социальной дезорганизации. «Многочисленные... социологи-наблюдатели... иногда проводили различие между категориями субъективного предрасположения («потребностями, интересами, целями») и категориями обычно не признаваемых, но объективных функциональных последствий («исключительные преимущества», «никогда не осознаваемые» последствия, «непреднамеренная услуга обществу», «функция, не ограниченная сознательной и явной целью»). Мертон настаивает, что функциональные недостатки официальной структуры ведут к образованию неофициальных структур для удовлетворения потребностей. Эти последние выполняют функции, не обеспеченные иным способом для групп, и доказывают, что устранение существующей структуры без обеспечения удовлетворения существовавших требований неизбежно ведет к неудачам. Отсюда следует, «стремиться к социальному изменению без соответствующего признания явных и скрытых функций, выполняемых социальной организацией, подвергающейся изменениям, — это значит заниматься социальным ритуалом, а не социальным построением»⁴⁷.

В этом анализе Мертон не только ввел понятие скрытой и явной функции, послужившее основой для концепции конфликта между различными аспектами данной системы и их подкрепления, но также настаивал, что требуется концепция дисфункций. «Теория функционального анализа обязательно требует спецификации социальных единиц, обслуживаемых данными социальными функциями, и «необходимо признать, что культурные явления могут иметь многочисленные последствия, некоторые из которых функциональны, а другие, может быть, дисфункциональны»⁴⁸.

Насколько можно судить, в теории Мертон, понятие дисфункции играет роль, сходную с ролью понятия дезорганизации в теории социальных проблем. *Понятие дисфункции также ставит проблемы, которые могут быть только разрешены на нормативных основах.*

Нападки на «научность». Дух доброй воли пронизывает почти все мышление о социальных проблемах. Однако не удивительно, может быть, что в этой области находит выражение и злая воля и искажение. А. Г. Гоббс недавно ожесточенно критиковал всех тех, кто считает, что наука может оказать некоторую помощь в разрешении социальных проблем. Если бы Гоббс придерживался своего

⁴⁷ R. K. Merton, *Social Theory and Social Structure*, pp. 27, 35, 63, 73, 79—80.

⁴⁸ Там же, стр. 37, 41, 51, 139.

собственного определения того, что он называет научностью («убеждение в том, что наука может дать ответы на все человеческие проблемы» — точка зрения, которая, как он говорит, «превращает науку в замену философии, религии, манер и морали»), ему не пришлось бы нападать на столько людей. Гоббс, например, обвиняет профессора Монакези и меня самого в «научности» на основе следующей цитаты: «Несмотря на многие препятствия, которые ограничивают социальное планирование в различных сферах социального поведения, планирование стало рассматриваться как наиболее эффективный способ предвидеть и разрешить социально-проблемные ситуации. Эта точка зрения неизбежна, поскольку планирование является эффективным способом разрешения предусмотренной проблемы, прежде чем сама проблема фактически возникает»⁴⁹.

Из предположения, что наука может помочь людям разрешить их проблемы, Гоббс заключает: «Поскольку сторонники научности пытаются управлять жизнью людей, они должны начать с превращения их в марионеток». Он далее утверждает, что среди ученых имеется много профессоров и докторов философии, которые, хотя формально и не являются социалистами или коммунистами, тем не менее состоят членами организации единого фронта. Следовательно, они не являются коммунистами только в том смысле, что они не члены коммунистической партии. «То, что ученые-либералы не принимают коммунизма или социализма, связанного с распространением их принципов, может быть, вызывается не их убеждениями порочности такой региментации, а тем, что у них не хватает характера для коммунистических убеждений, потому что у них вообще не хватает характера для каких бы то ни было убеждений»⁵⁰.

ПЕРСПЕКТИВЫ

В начале этой главы было дано два ряда различий. Первый сопоставлял общие перспективы в ценностях. Можно различить взаимодействие между различными подходами к социальным проблемам в любой период и между элементами, составляющими данную позицию на протяжении некоторого времени. Обе перспективы являются распределением ценностей соответственно на либеральный и консервативный тип. Может быть, наиболее новыми подходами были подходы Конта и Спенсера. Конт представлял радикализм в методе в интересах консервативных ценностей, Спенсер же представлял консерватизм метода в интересах либеральных ценностей. В теории дезорганизации Дюркгейм был сторонником консервативного типа, а Томас и Знанецкий — либерального типа; Кули являлся представителем старомодной джефферсоновской либеральной формы. В своих полевых анализах Огбёрн выдвинул сперва

⁴⁹ А. Н. H o b b s, *Social Problems and Scientism*, Harrisburg, 1953, pp. 17, 45.

⁵⁰ Там же, стр. 22, 38, 124, 170.

полулиберальный, а позднее полуконсервативный подход к социальным проблемам. Вообще единогласие в суждениях-ценностях, так часто приписываемое мыслителям, занимающимся социальными проблемами, является мифом, хотя в конечном счете начинает превалировать так называемый либеральный тип.

Второй ряд различий, изложенный в начале этой главы, заключается в контрасте между нормативной и эмпирической теорией. Эмпирическая социальная теория определяется как система гипотез, созданных для объяснения. Нормативная социальная теория определяется как систематическое исследование при помощи эмпирической теории процедур, направленных на достижение конкретной программы действия. Основные положения этого исследования следующие: 1) только нормативная социальная теория соответствует социальным проблемам; 2) каждый раз, когда ряд нормативных формулировок выдается за эмпирические, в результате наступает путаница. Это исследование неоднократно подтверждало оба этих положения. Неоднократно в той или иной форме в точках зрения, подвергшихся обзору, обнаруживались ценностные предпосылки. Наличие этих ценностных предпосылок само по себе неплохо, его следовало ожидать. Плохо то, что эти суждения-ценности выдаются за суждения о фактах.

Если эти положения принимаются и если чувствуется, что они по крайней мере в какой-то степени подтверждаются, тогда можно задать наиболее важный вопрос — что же делать исследователю социальных проблем?

По существу, он стоит перед дилеммой. Теория социальных проблем не может приобрести эффективной формы, если признать ее за то, что она есть, — за нормативную социальную теорию, основанную на суждениях. Более того, поскольку мы признаем законность альтернативных ценностных структур, мы должны признать, что не существует *одной-единственной* теории социальных проблем, а существует много *теорий*. Поскольку теории социальных проблем принадлежат скорее к нормативному, чем эмпирическому типу, они находятся за пределами компетенции ученого как такового. В качестве ученого как такового он может применять свое знание к определенному ряду целей, показывая, являются ли они достижениями, и если это так, то как их можно наиболее эффективно достигнуть и каковы будут возможные последствия тогда, когда они будут достигнуты. Однако, будучи ученым, он не может предписывать цели.

Таким образом, утверждается, что характерная незрелость данной области, ее тенденция то разгораться, то остывать, ее внезапные затруднения и пустые претензии — все это вызвано попыткой втиснуть противоречивые требования ролей в единую форму. Характерной чертой мыслителей, специализирующихся в данной области, были попытки найти единое решение социальных проблем (как будто бы такое существовало) и попытки быть научно объективными в условиях, когда это принципиально невозможно.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- B a i n R e a d, Our Schizoid Culture, SSR, 19 (1934—1935), pp. 266—276.
- B l o c h H. A. Disorganization, Personal and Social, New York, Alfred Knopf, 1952.
- F a r i s R. E. L., Social Disorganization, New York, Ronald Press, 1948.
- F r a n k L. K., Society as the Patient, New Brunswick, Rutgers University Press, 1949.
- H e r m a n A. P., An Approach to Social Problems, Boston, Ginn, 1949.
- M e r t o n R. K., Social Theory and Social Structure, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1949.
- M i l l s C. W r i g h t, The Professional Ideology of Social Pathologists, ASR, 3 (October, 1943), pp. 165—180.
- O d u m H. W., Understanding Society, New York, Macmillan, 1947, Parts IV and VI.
- O g b u r n W. F., Social Change, New York, B. W. Huebsch, 1922.
- T h o m a s W. I. and F l o r i a n Z n a n i e c k i, The Polish Peasant in Europe and America, Boston, Richard G. Badger, 1918—1921, 5 vols.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ

*Роско Ч. Хинкл мл.
и Алвин Босков*

В настоящее время интерес к проблемам стратификации настолько велик в американской социологии, что часто забываются два простых, однако знаменательных факта. Во-первых, американские социологи начали проявлять серьезный интерес к стратификации только за последнее время. Во-вторых, этому интересу значительно способствовало предыдущее развитие теории стратификации в Европе. Ниже в этой главе будет рассмотрено возникновение изучения стратификации как социологической дисциплины в Соединенных Штатах Америки. Это, однако, тесно связано с решающим вкладом, внесенным европейской социологией, а именно концептуальным различием между стратификацией вообще и социальным классом, положением и кастой.

Стратификация любого типа требует дифференцированной оценки и ранжирования лиц и групп согласно какой-то шкале ценностей. Во многих случаях стратификация отражает развитие одного критерия ранжирования, например возраста, пола, физических способностей, богатства, статуса семьи. Но эти «односторонние» типы стратификации имеют наибольшее значение для относительно простых социальных структур. По мере того как социологи стали уделять внимание более сложным обществам, было обнаружено, что системы стратификации вытекают из переменного ряда дополнительных («многосторонних»¹) критериев, которые разделяют коллективы и общества на широкие социально-культурные группировки. Это разделение соответственно нашло свое выражение в понятии *социальных слоев*, различные формы которых были названы «социальными классами», «положением» и «кастами».

В общем анализ социальных слоев европейскими теоретиками показывает, что более или менее постоянно внимание сосредоточивалось на специфических *институциональных секторах*, как контексте структуры и динамики стратификации. Действительно,

¹ См. P. A. Sorokin, *Society, Culture and Personality* New York, 1947, pp. 236—255.

это направление породило необоснованные споры об относительной важности *экономических* и *политических* институтов. В результате длительных дебатов за последние годы была внесена ясность в понятия класса и касты, так что сейчас можно ясно отличить полемические и идеологические предположения от концептуального анализа, поддающегося проверке.

РАННИЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

*Экономический подход к социальной стратификации**. Хотя легко доказать, что экономические концепции класса являются весьма древними, восходя по крайней мере к Платону, Карл Маркс был первым, кто создал и разработал всеобъемлющую теорию экономической основы класса и явлений, связанных с этим. Если Маркс и не дал определения «класса» в том виде, как это дается обычно в учебниках, он тем не менее стал классическим источником экономических толкований, который, конечно, следует подвергнуть критике, но которым нельзя пренебречь. В основном социальные слои являлись для Маркса продуктами разделения общественного труда, в котором собственность на средства производства и контроль над ними, а также владение рынками являются основным критерием для дифференциации положения. К сожалению, Маркс не проводил различия между «классом», «кастой» и «положением» или между их взаимосвязью в *процессе* стратификации. Тем не менее он утверждал, что системы социальных слоев неизбежно реагируют непосредственно или механически на изменения в способе производства благодаря влиянию последнего на отношения собственности. Предвосхищая теорию культурного отставания, Маркс подчеркивал логическое социологическое несоответствие между развитием техники и существующими системами стратификации. Таким образом, межклассовый антагонизм и борьба являлись важным проявлением «социального» отставания². Однако члены социальных слоев в различной степени осознают свою принадлежность к ним, а также потенциальные противоречия между изменением в технике и существующими типами социальной стратификации. Маркс поэтому обратился к неэкономической остаточной категории — *идеологии*, которую он безуспешно пытался связать с экономически ориентированной позицией. «Ложное сознание» (экономически необъяснимые идеи экономически дифференцированных групп) остается ахиллесовой пятой марксизма наряду со спорным предположением, что системы стратификации по своей природе не стабильны и, следовательно, угрожают как социальному порядку, так и «прогрессу»³.

* В связи с этим разделом см. Послесловие к настоящей книге.—*Ред.*

² Karl Marx, A Contribution to the Critique of Political Economy, pp. 11—12. (См. К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 7—8.—*Ред.*); K. Marx and F. Engels, The German Ideology, New York, 1939, pp. 7—9, 18—20. [См. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Введение (Соч., т. 3).—*Ред.*]

Марксистская концепция класса по-разному истолковывалась и дополнялась предполагаемыми или самозванными его последователями, но относительно мало теоретиков принимали всерьез этот чисто экономический подход. Тённис и Дюркгейм, например, уделяли некоторое внимание экономическим слоям в их анализе *Gesellschaft*'а и органической солидарности, хотя они не принимали марксистского объяснения возникновения классов и классовой борьбы⁴. Франц Оппенгеймер также не принимал технологического детерминизма Маркса. Однако Оппенгеймер детально исследовал основные формы государства в терминах чисто классовых структур, основанных на распределении собственности и доступе к рынку. Таким образом, он считал форму государства отражением отношений собственности⁵.

За последние годы такие ученые, как Зомбарт, Маннгейм, Ледерер и Ландтман, продолжали уделять внимание экономическим аспектам общественного класса. Маннгейм, однако, считал систему стратификации также функцией неэкономических факторов или «социальной техники» (то есть способов организации человеческого взаимодействия, таких, как убеждение, манипуляция и т. д.). Даже проблемы идеологии и классового антагонизма в конечном счете трактовались Маннгеймом как «маргинальные ситуации». В первом случае Маннгейм признавал, что экономическое положение является только одной из важных детерминант в создании и принятии идеологии; таким же образом классовая борьба рассматривалась как *возможный* результат, а не как неизбежное выражение отдельных антагонистических экономических интересов⁶. Ледерер, которого часто считают марксистом, рассматривал классовую структуру, основанную на экономическом разделении труда, как необходимый и нормальный компонент сложных обществ. Действительно, подобно Маннгейму, он считал, что современные трудности в обществе порождаются не классовой борьбой, а *дестратификацией*, при которой «массы» распространяются и институционализируются⁷.

Интересное исследование социальных слоев, которым несколько пренебрегают, было проведено шведским этнологом Гуннаром Ландтманом⁸. На основе сравнительного анализа современных, еще не имеющих письменности обществ он определяет классы в первую очередь как «однородные группировки, отделенные друг от друга

⁴ Ferdinand Tönnies, *Fundamental Concept of Sociology* translated and edited by C. P. Loomis, New York, 1940; Emile Durkheim, *The Division of Labor in Society*, Glencoe, Illinois, 1947, pp. 182, 374, 384.

⁵ Franz Oppenheimer, *The State*, Indianapolis, 1914. Cp. Howard Becker, *Pastoral Nomadism and Social Change*, SSR, 15, 5 (May—June, 1931), pp. 417—427; *Conquest by Pastoral Nomads*, SSR (July—August, 1931), pp. 511—526, *Man in Reciprocity*, New York, 1956, pp. 265—299.

⁶ Karl Mannheim, *Man and Society in an Age of Reconstruction*, New York, 1940, pp. 101—104, 242—252, 308, 342.

⁷ Emil Lederer, *The State of the Masses*, New York, 1940, pp. 29, 45—50, 142.

⁸ Gunnar Landtman, *The Origin of the Inequality of Social Classes*, Chicago, 1938, pp. 36, 68, 78—81.

правами и привилегиями». Ландтман приходит к заключению, что в дописьменных обществах такое разделение отражает различные профессии или занятия, взгляд, который, по существу, является марксистским, но выработанный вполне независимо. Более того, Ландтман обнаружил, что классовая дифференциация возникает всегда, когда становится возможным накопление индивидуального имущества,— условие, которое предположительно связывается с растущим разделением труда. Вытекающее отсюда неравенство во владении собственностью, поддерживаемое законами наследования, по-видимому, способствует возникновению и росту социального неравенства. Но Ландтман не проводит ясного различия между ролью богатства и ролью профессии в системах социальных слоев. В общем, однако, он склонялся к функциональному объяснению стратификации на основе специализирования занятий или ремесел и дифференцированной оценки или предпочтения, оказываемых различным «признаниям». Поскольку шкала предпочтений коренится в общих обычаях общества, чисто экономические объяснения оказываются недостаточными; Ландтман, таким образом, сдвинул стратификацию на *периферию* экономики.

Власть, политика и стратификация. В течение долгого времени главным противником экономической концепции стратификации была политическая концепция, к которой было привлечено внимание современных социологов работами Гумпловича и Ратценгофера. Согласно первоначальной формулировке этой теории, предполагалось, что первоначально стратификация была результатом военного завоевания этнически различных групп. Постепенно, как утверждал Гумплович, отношения между «классами» утратили свой первобытный принудительный характер благодаря созданию юридических норм и моральных обязательств между дифференцированными группами. Однако этот процесс *узаконения* классовых различий является отражением различий во власти, которые также определяют последующее разделение труда и распределение социальной ответственности и обязанности⁹. Хотя Ратценгофер также видел причины социальной дифференциации в завоевании, он уделял значительно больше внимания прогрессивному развитию подгрупп (классов), организованных вокруг биологических интересов индивидуумов и «конкретных интересов каждой социальной структуры». Таким образом, отношения между группами определяются однородностью или различием интересов (ценностей, идеологий, целей). В противовес Гумпловичу Ратценгофер, по-видимому, приходит к выводу, что в конечном счете дифференциация власти является последствием организации соперничающих интересов, а не предшествующая дифференциация власти определяет последующее развитие специализированных интересов¹⁰.

⁹ Ludwig Gumplowicz, *Outlines of sociology*, translated by F. W. Moorl, Philadelphia, 1898, pp. 68, 82—87, 146—149.

¹⁰ Хорошее изложение и истолкование данного вопроса можно найти в кн.: A. W. Small, *General Sociology*, Chicago, 1905, Parts 4 and 5.

Избегая вопросов о первоначальных причинах, Моска и его последователи подошли к современной стратификации как к простому различию между политически господствующими группами и массами, правящим меньшинством и политически зависимым большинством. Такое разделение рассматривается как всеобщее нормальное условие в обществах с развитыми политическими системами. В одном месте Моска доходит даже до заявления, что характер правящего класса определяет политическую структуру и уровень цивилизации данного общества¹¹. Но главный теоретический вклад таких людей, как Моска, Мичелз и Парето, заключается в их попытках определить (1) основные характерные черты доминирующих групп; (2) процесс, при помощи которого происходят изменения в классовой структуре.

Моска, может быть, был первый, кто подчеркнул необходимость анализа роста, состава и организации правящих классов. В результате сравнительных исследований он пришел к заключению, что правящее меньшинство избирается различным образом, но всегда исходя из некоторых желательных качеств или способностей. Действительно, Моска полагал, что власть правящей элиты (законный или моральный принцип, или «политическая формула») в конечном счете основана на том, в какой степени качества элиты соответствуют конкретным потребностям данной эпохи. Эти потребности в свою очередь отражают характерные изменения в религии, в политическом мышлении, научно-техническом и экономическом развитии, а также новые источники богатства. Следовательно, различия во власти и политическом авторитете, по-видимому, основаны на целом ряде социально-культурных условий («социальные силы»¹²). Согласно Моска, изменения в классовой структуре можно суммировать, отметив изменения в составе правящего меньшинства, что в свою очередь является мерилom вертикальной социальной мобильности.

И Мичелз и Парето близко придерживаются анализа стратификации Моска, хотя каждый из них подчеркивает разный аспект своей общей позиции. Мичелз, по-видимому, недооценивает *функциональную необходимость* неравномерного распределения власти (так называемый «железный закон олигархии») во всех сложных обществах и организациях, включая демократическое, социалистическое или коммунистическое¹³. Парето, с другой стороны, был убежден, что система стратификации в первую очередь основана на структуре и динамике господствующего класса.

Исходя из предпосылки, что стратификация в конечном счете зависит от биологической и социальной неоднородности, Парето анализировал политическую и экономическую элиты (уделяя несколько большее внимание первой) с точки зрения основных характерных черт и методов сохранения социального господства. Каждой

¹¹ Gaetano Mosca, *The Ruling Class*, translated by Hannah D. Kahn, New York, 1939, pp. 50—51.

¹² Там же, стр. 65—70, 244, 415, 438.

¹³ Roberto Michels, *Political Parties*, New York, 1915.

элите свойственно относительное господство двух основных «пережитков», или мотиваций: «инстинкт комбинаций», или манипулятивные тенденции (тип лисы-спекулянта) и «инстинкт сохранения группы», или упорный консерватизм (тип льва-рантье). Следовательно, каждая элита, и в первую очередь правящая элита, стоит у власти благодаря какому-то соединению силы и манипуляции, принуждения и согласия. К сожалению, Парето не определяет условий, способствующих изменению в соотношениях этих мотивов. Вместо этого он отмечает, что манипулятивные тенденции ярче проявляются в периоды экономического процветания, но он отказывался рассматривать это как отношение причины и результата. Все же Парето, по-видимому, видит кардинальную проблему стратификации в явлениях возобновления и «преемственности», «циркуляции элиты». Поскольку элита невелика по количеству и смертна, ее члены должны часто пополняться из неправящего класса. Этот процесс ведет к перераспределению пережитков между двумя классами, и результаты этого можно быстро обнаружить в малой группе¹⁴. Короче говоря, Парето подчеркивал процессуальный аспект стратификации, механизмы контроля элиты и личные характерные черты элит, соответствующие этим контрольным механизмам.

Экономическое положение и политическая власть оказались чрезмерным упрощением в стратификационном анализе. По существу, обе теории представляют собой возврат к «одностороннему» анализу того, что в основе является «многосторонним». Следовательно, за последние десятилетия этого периода (скажем, до периода между двумя мировыми войнами) теория стратификации может рассматриваться как постоянный анализ, критика и пересмотр экономических и политических теорий. Плоды этого пересмотра, подкрепленные эмпирическими сравнительными исследованиями таких лиц, как Макс Вебер и Сорокин, являются ценным наследством, еще не до конца изученным современными социологами.

Вебер и три яруса. Для Вебера основная характерная черта стратификации заключается в необходимости различения трех аналитически разделимых аспектов, или ярусов, — социального, экономического и юридического. Каждый ярус содержит характерную систему ранжированных группировок, аналитически отличную от систем других ярусов. Социальный ярус состоит из *групп статуса*, основанных на различной степени уважения, которое в свою очередь является следствием различного стиля жизни, образования, профессии и репутации семьи. Кастовые системы рассматриваются Вебером как особый тип организации статусных групп на основе предполагаемых этнических различий, политического положения или экономической ситуации. Вслед за Марксом и другими Вебер помещает «классы» в экономический ярус. Здесь различия ранга и «шансов жизни» вытекают из различий в распределении собствен-

¹⁴ Vilfredo Pareto, *Mind and Society*, translated by A. Bon-
giorno and Arthur Livingston, New York, 1935, vol. 4, §§ 2236, 2244, 2254, 2311,
2413, 2487.

ности и доходов и роли на рынке. Наконец, он связывает юридический ярус с группами, стремящимися к власти (партиями), отношение между которыми определяется интересами их соответствующего статуса и класса¹⁵.

При помощи этих различий Вебер смог дать более широко применимый анализ стратификации, годный для 1) исследования взаимозависимых критериев стратификации; 2) потенциальных или действительных конфликтов между статифицированными группами. В первом случае Вебер, по-видимому, проводит имплицитное различие между некоторыми *первоначальными* стандартами различия в положении и *современной* основой. Статусные группы, например, в конечном счете возводятся к какому-то более раннему процессу узурпации или приобретения собственности. Подобным же образом классовые группы и их соответствующее положение на рынке отражают господство специфически конгениального юридическо-го яруса¹⁶. Тем не менее в *современных* условиях система стратификации характеризуется специфической конфигурацией почетных, юридических и экономических критериев. Весьма большое значение имеет вывод Вебера о том, что господство любого яруса и его характерных критериев ранжирования значительно изменяется в терминах тотальной социально-культурной системы и, таким образом, разрушаются убедительные полустины любого монистического объяснения стратификации.

Эта концептуальная схема также проводит важное различие между объективными характеристиками и интересами (*stratum situation*) и сознательностью и организацией (*stratum action*). В результате различия в рангах нельзя рассматривать как автоматически вызывающие конфликты между слоями. Более того, Вебер был одним из первых, кто доказал, что «классовая борьба» может не только происходить между соперничающими группами экономического яруса, но часто влечет за собой борьбу за положение между классовыми группами и статусными группами, между принципами *приобретения* и *потребления*. В общем, однако, экономическая стабильность благоприятствует статусным группам, в то время как технологическое изменение обычно выдвигает на первое место классовые группы¹⁷. Концепция социальных классов Сорокина, характеризующихся многочисленными связями, — классов как полуорганизованных сборищ людей с одинаковым профессиональным, экономическим и политическим статусом — является, по существу, веберьянской, хотя Сорокин заявляет, что анализ Вебера

¹⁵ Max Weber, From Max Weber: Essays in Sociology, translated and edited by H. H. Gerth and G. Wright Mills, New York, 1946, Chap. 7; Max Weber, The Theory of Social and Economic Organisation, translated and edited by A. M. Henderson and Talcott Parsons, New York, 1947, p. 424—429.

¹⁶ Gerth and Mills, op. cit., p. 185—190. Cp. Howard Becker, In Defense of Morgan's «Grecian Gens»: Ancient Kinship and Stratification, «Southwestern Journal of Anthropology», 6, 3 (Autumn, 1950), p. 309—339.

¹⁷ Там же, стр. 184—185, 192—194.

«очень неясен», и даже относит Вебера к марксистам¹⁸. Но Сорокин присоединил к концепциям Вебера динамические проблемы Моска и Парето. В результате появилась классическая работа «Социальная мобильность», которая особенно интересна благодаря теоретическому различию, проводимому между горизонтальной и вертикальной мобильностью, и глубокому анализу основных средств, или каналов, при помощи которых индивидуумы могут достигнуть вертикальной мобильности¹⁹.

Для объяснения возникновения современного американского подхода к социальной стратификации необходимо не только подытожить его современные характерные черты, но и дать обзор связанного с этим интереса к рангу за два периода, предшествующих настоящему²⁰. Современный интерес, обсуждаемый в разделе «Область социальной стратификации (1936—1954)», своим возникновением непосредственно обязан модификациям основных предположений, делавших социальное неравенство проблематичным в период, обсуждаемый здесь в разделе «Косвенный интерес к социальной стратификации (1918—1935)». Однако нельзя понять характер этих предположений двадцатых годов, не подведя итогов характерным чертам первоначального подхода к социальной стратификации, который сосредоточивался на протяжении всего периода формирования социологии (1906—1917) на «ранге, индивидуальном таланте и прогрессе».

РАНГ, ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ И ПРОГРЕСС (1906—1917)

Интерес к социальной стратификации возник в период формирования социологии, когда она не была специализированной, не разделялась на отдельные области и была непрофессиональной и когда ее представители лично знали друг друга. Интерес к социальной стратификации непосредственно происходил из общих интеллектуальных характерных черт этой дисциплины. Следовательно, интерес к вопросам статуса и ранга был неразрывно связан с озабоченностью социологов условиями в их собственном обществе и интеллектуальными убеждениями, способствующими этому интересу.

Подобно многим другим интеллигентам данного периода, социологи видели явления централизации контроля, концентрации населения и обезличивания отношений, сопровождавшие тенденцию к урбанизации и индустриализации в период после Гражданской

¹⁸ Sorokin, op. cit., pp. 271—275.

¹⁹ Sorokin, *Social Mobility*, New York, 1927, Chap. 7—9.

²⁰ Периодизация теории социальной стратификации соответствует периодизации истории американской социологии вообще, изложенной в кн.: R. C. Hinkle, Jr. and Gisela J. Hinkle, *The Development of Modern Sociology*, Garden City, N. Y., 1954.

войны. То, что они видели, представляло собой большие социальные проблемы: бедность, безработица, зависимость, вспомоществование, детский труд, женский труд, преступность, правонарушение, нестабильность семьи, иммиграция, расовые и этнические конфликты и споры между администрацией и рабочими.

Социологи затем стали сторонниками прогресса, насильственного введения улучшений и науки. Они полагали, что социальное изменение, которое толковалось как эволюция общества, шло в направлении более приемлемого общества. Поступательное движение могло быть ускорено непосредственным вмешательством людей, вооруженных знанием социологических законов планирования, воспитания и законодательства. Эти научные законы, поискам которых посвятила себя социология, походили на неизменные законы природы, управляющие физическими и органическими явлениями.

Таковы главные положения всей дисциплины в целом, они являются источниками, из которых в основном вытекали следующие характерные черты исследований статуса и ранга²¹.

1. За исключением учебников, интерес к социальной стратификации не принял формы непосредственного, тщательного и детального анализа. До 1917 года только две из 125 работ, представленных на годовых собраниях Американского социологического общества, касались вопросов, которые главным образом, и совершенно недвусмысленно, относились к какому-нибудь аспекту ранга. Тем не менее в этих работах часто упоминались различные стороны социальной иерархии. Этот кажущийся парадокс, может быть, объясняется тем большим интересом, который американские социологи проявляли к конкретным социальным проблемам общества, в котором они жили. Упоминания о ранге в литературе касаются его более конкретных проявлений, причем ранг рассматривается как второстепенная социальная проблема и упоминается мимоходом.

2. Поскольку большинство социологов предполагало, что законы социологии, и в частности социального изменения, являются законами эволюции, они истолковывали социальную стратификацию своей эпохи в пределах схемы социальной и культурной эволюции. Эта формулировка обычно рано или поздно приводила к спорному принципу борьбы за существование, хотя большинство американских социологов отвергали крайности социального дарвинизма. Может быть, Гумплович и Ратценгофер дали наиболее широко используемую эволюционную формулировку социальной стратификации. Согласно этой формулировке, существующие в настоящее время классы являются в конечном счете результатом ряда процессов: завоевания, касты, умеренного неравенства, законодательства и государства.

²¹ Эти характерные черты заимствованы из самостоятельного исследования характера и контекста ссылок на явления социальной стратификации в «Publications of the American Sociological Society», I—XII, 1907—1918, а также в кн. С. Н. Р а g e, *Class and American Sociology*, New York, 1940.

3. Эти ранние американские социологи рассматривали класс большей частью как объединение людей с одинаковыми экономическими характерными чертами. Несмотря на важное значение, приписываемое экономическим критериям при определении класса, ни один экономист не оказал значительного влияния на концепцию класса американских социологов. Может быть, за небольшим исключением, американские социологи были знакомы и пользовались работами Торстейна Веблена. Но почти никто из них не принимал его взгляды в целом. Точно так же всеобщее признание классового контроля со стороны государства не способствовало благоприятному отношению к положениям марксизма. Наиболее общими критериями класса были отношение к системе производства, профессия, богатство, размер дохода, собственность, имущество, власть и привилегии. Тип дохода, степень квалификации и жизненный уровень реже применялись в этом отношении. Образование было наиболее важной из неэкономических характерных черт, хотя оно часто рассматривалось как результат профессии или дохода. Обычно редко упоминалось о различиях во вкусах, нравственных стандартах, целях, ценностях или культуре. Акцент на экономических критериях оттеснял вопросы групповой организации, солидарности и сознательности на второй план.

4. Все аргументы, связанные с рассмотрением ранга, по-видимому, в конечном счете сводились к вопросу, допускает ли существующая социальная иерархия возможность полного выражения индивидуальных различий в умственных способностях в целях максимального ускорения прогресса. Здесь имеются две противоположные точки зрения относительно влияния классовой иерархии на индивидуальные различия. Согласно одной точке зрения, представленной особенно Самнером и Гиддингсом, социально-классовая иерархия рассматривается как результат естественных процессов социальной эволюции, когда члены различных слоев в соответствии с их индивидуальными неравными физическими, моральными и умственными способностями стремятся к прогрессу. Социальное превосходство и вклад в прогресс считались тождественными. Индивидуумы, достигшие высшего статуса («класса» Самнера либо «естественной аристократии» или «выдающегося класса» Гиддингса), были той благоприятной биологической разновидностью, которая вносила нововведения, делала возможным прогресс и заключала в себе способы адаптации общества. Однако Гиддингс, который не являлся сторонником ни *laissez faire*, ни безоговорочного эволюционизма, был обеспокоен возможностью того, что социальный отбор может противостоять, если не противодействовать, естественному отбору. Поэтому он требовал вмешательства со стороны государства для принятия евгенических мер, при помощи которых можно было бы увеличить соотношение одаренных по сравнению с недостаточно одаренными или дефективными лицами.

Согласно другой точке зрения, представленной Уордом, Россом и Кули, классовая иерархия считается произвольной и искусствен-

ной, не соответствующей индивидуальным способностям и, таким образом, требующей равных возможностей, чтобы обеспечить рост талантов, необходимых для творческих нововведений. Социологи, придерживавшиеся этой точки зрения, принимали положение Кули, высказанное им в его работе «Гениальность, слава и сравнение рас» («Genius, Fame and Comparison of Races»), о том, что необычная способность не является монополией какого-нибудь одного социального класса и что неблагоприятное положение низших классов служит препятствием к достижению славы. Низкое классовое положение не может служить показателем малых врожденных способностей содействовать прогрессу. Хотя многие из этих социологов сомневались, что общество может обойтись без классового разделения, они с энтузиазмом поддерживали широкую демократизацию образования, как главного средства сохранения открытых классов, увеличения возможностей и выдвижения выдающихся индивидуумов.

КОСВЕННЫЙ ИНТЕРЕС К СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ (1918—1935)

На протяжении второй эры американской социологии, главной характерной чертой которой была попытка превратить эту дисциплину в научную, интерес к явлениям социальной стратификации оставался подчиненным и вторичным по отношению к другим интеллектуальным проблемам. С развитием профессионального разделения труда, с дальнейшей дифференциацией специализированных областей и усилением интереса к научному методу социальная стратификация не превратилась в отдельную и независимую область. Главными каналами для косвенного интереса к вопросам ранга были скорее области сельской социологии, волнения в рабочем движении и радикализм, особенно социальная биология и ее позднее разделение на этнические и расовые отношения, а также население и методы статистического исследования²².

То, что социальная стратификация не стала отдельной областью в двадцатых годах, явилось последствием влияния изменений в социальном контексте и во всей дисциплине на интерес к социальному неравенству в период, предшествовавший первой мировой войне. Во-первых, ориентация социологии на явления в более крупных обществах и ранняя социологическая концепция класса и этнических проблем допускали выводы о различиях в умственных способностях индивидуумов, основанные на данных опроса призывников, которые можно было истолковывать прежде всего в терминах различий расы и этнической группы и только затем — как вопрос социальной стратификации. Во-вторых, в этот период признание роста академического значения социологии нашло свое выражение

²² Более детальную трактовку этого вопроса можно найти в работе: Roscoe C. Hinkle, Jr. *Theories of Social Stratification in Recent American Sociology*, unpublished Ph. D. dissertation, University of Wisconsin, 1952, Chap. 3—4.

в учреждении самостоятельных факультетов социологии в колледжах и университетах. Эта независимость часто выражалась в ее выделении из общего факультета политэкономии. Почти полную потерю интереса социологов в середине двадцатых годов к области рабочих волнений и радикализма, интереса, который они разделяли с экономистами, можно, вероятно, объяснить интеллектуальной независимостью, сопровождавшей это выделение социологии в плане академическом. В этот период социологи энергично пытались превратить свою дисциплину в независимую, признанную общественную науку. Это имело большое влияние, выразившееся во временной потере интереса к непосредственному социологическому анализу класса, ибо классы все еще мыслились прежде всего в терминах политэкономии. В-третьих, первая мировая война, последующие попытки сделать социологию научной и контакт с культурной антропологией привели к тому, что за борт полетели «прогресс», мелиоризм и социальная эволюция, которые являлись логической основой для интереса к взаимосвязи индивидуальных различий, классовой иерархии и нововведений. Когда социологи размышляли о выводах из первой мировой войны в годы, непосредственно следующие за ней, многие из них были весьма пессимистически настроены в отношении рациональности человека и возможности прогресса. В середине двадцатых годов непосредственный контакт с антропологами-культуроведами на ежегодных собраниях Американского социологического общества, а также опубликование антропологических работ в социологических журналах вскрыли факты культурного релятивизма и усилили требование объективности.

Социальная стратификация, вероятно, нашла свое наиболее полное и признанное выражение в области рабочих волнений и радикализма. Поскольку социологи были чувствительны к конкретным условиям того общества, в котором они жили, в силу их веры в прогресс и улучшение их интерес к этой области усилился благодаря росту конфликта между рабочими и администрацией и росту профсоюзного движения, предшествовавшего первой мировой войне. Исследование экономиста по рабочему вопросу Карлтона Г. Паркера было особенно важным в привлечении внимания социологов к этим явлениям. Все же эта область никогда не стала специальной областью социологических исследований, ибо интерес к ней, по-видимому, почти совершенно иссяк в середине двадцатых годов, когда ясно стала выступать демаркация отдельных областей.

Область рабочих волнений является исключительной в том отношении, что она впервые потребовала анализа социальной стратификации на основе принципов Фрейда. Знаменательными были замечания Эрнеста У. Бёрджесса на ежегодном собрании Американского социологического общества в 1920 году, поскольку они предвосхищали последующее широкое применение понятий «подавленные инстинкты» и «репрессия»²³. Из множества социологов, которые

²³ E. W. Burgess, Discussion, PASS, 14 (1920), p. 240.

пользовались психоаналитическими понятиями для объяснения волнений рабочих, а среди них были Джером Дауд, Сибэ Элдридж и Стюарт Райс, никто не внес более обширного вклада во фрейдистскую интерпретацию в этой области, чем Ф. Стюарт Чэпин и Герберт Адольфус Миллер²⁴.

Сельская социология стала одной из главных областей интереса к социальной стратификации, потому что социологи заметили, что урбанизация, механизация, различия во владении имуществом и иммиграция в города вели к установлению иерархии в сельском обществе. Карл Тэйлор связывал «возникновение сельской проблемы» и организаций с аграрными интересами, с экономическим и социальным неравенством сельского и городского населения²⁵. Дуайт Сандерсон считал, что сельское общество стратифицируется и сегрегируется благодаря быстрым и доступным средствам передвижения, контакт между семьями определяется общностью вкусов и интересов, а принадлежность к церкви — статусом. На всем протяжении двадцатых годов и в начале тридцатых все бюллетени государственных сельскохозяйственных экспериментальных станций и отдельные публикации министерства сельского хозяйства США свидетельствуют о том, что аренда ферм рассматривалась как один из аспектов сельской стратификации²⁶.

Однако миграция из сел в города была, вероятно, главной проблемой, через которую подошли к более общему исследованию стратификации. Так же как социальные биологи-евгеники пользовались выводами социального дарвинизма для выводов о популяционной селективности в уровнях рождаемости и смертности различных социальных классов, так и исследователи сельской социологии интерпретировали миграцию в города как селективный процесс, негативно воздействующий на качество популяции в иерархическом статусе сельского общества. В 1921 году, например, Джон М. Джиллетт был убежден, что поток переселенцев из деревни в город сопровождался движением талантов в том же направлении²⁷. Считая существующий социальный статус показателем врожден-

²⁴ J. N. Bond, Discussion, PASS, 14 (1920), pp. 78—82; Seba Eldridge, Discussion, PASS, 15 (1921), pp. 170—173; Jerome Dowd, Industrial Democracy, AJS, 26 (March, 1920), pp. 581—587; S. A. Rice, Motives in Radicalism and Social Reform, AJS, 28 (March, 1923), pp. 577—585; F. S. Chapin, Democracy and Class Relations, PASS, 14 (1920), pp. 100—110; H. A. Miller, Races, Nation and Classes, Philadelphia, 1924.

²⁵ Carl Taylor, The Rise of the Rural Problem SF, 2 (1923—1924), p. 33; Organizing Farmers for Economic and Political Action, PASS, 17 (1923), pp. 194—199; Farmers Movements as Psychological Phenomena, PASS, 23 (1929), pp. 153—162.

²⁶ Dwight Sanderson, The Relation of the Farmers to Rural and Urban Groups, PASS, 22 (1928), pp. 104—106. См. неполную библиографию в работе: E. A. Schuler, The Present Social Status of American Farm Tenants, RS, 3 (1938), pp. 22—24, footnote 10.

²⁷ J. M. Gillette, Points of Contact between City and County, PASS, 16 (1922), p. 129. Однако см. видоизменения этого толкования в статье: Gillette, Urban Influence and Selection, PASS, 23 (1929), pp. 1—14.

ной способности, Джиллетт приходит к выводу, что переселение в города лиц, которые стали руководителями промышленности, торговли, финансов, техники, журналов, а также духовенства, сократило количество выдающихся индивидуумов в сельских областях.

Наиболее общей областью интереса к социальной стратификации была область социальной биологии, посвященная рассмотрению биологических качеств различных сегментов популяции. Эта область имеет больше всего значения как канал для рассмотрения статуса и ранга ввиду трех обстоятельств. Во-первых, историческая последовательность волн иммигрантов различной культуры в эту страну привела к объективизации иерархии статуса в терминах заметных этнических и иногда физических различий. Во-вторых, опыт первой мировой войны заставил многих интеллигентов, включая ряд социологов, прийти к заключению, что наличие низших слоев, частично ассимилированных европейских этнических групп, и, вероятно, не поддающихся ассимиляции восточных и негритянских расовых групп препятствует максимальной интеграции и координации национальных способностей и талантов. В-третьих, широкое опубликование данных армейских опросов рекрутов, классифицированных по расовым и национальным признакам, усилило тенденцию к интерпретации статусной субординации как расовой и этнической неполноценности. Эти данные, к которым Д. П. Лихтенбергер впервые привлек внимание социологов в своем докладе «Значение умственных уровней» («Significance of Mental Levels») на годовом собрании Американского социологического общества в 1920 году, были поспешно включены в социал-дарвинистское толкование роли наследственных индивидуальных неравенств в образовании социальной иерархии, в принадлежности к статусу, в вертикальной мобильности и в создании прогрессивных нововведений.

Вероятно, наиболее важным последствием для биологических предположений, которые приписывали теоретическое значение социальной стратификации в области социальной биологии, было вторжение идей антропологов-культуроведов, с которыми социологи все больше знакомились в середине двадцатых годов. Некоторые социологи познакомились с культурной антропологией во время своей аспирантской подготовки, как, например, Огбёрн, но, вероятно они чаще всего знакомились с этой областью благодаря личному участию Александра Гольденвейзера, Мелвилла Герсковича, Маргарет Мид и Ралфа Линтона в ежегодных собраниях Американского социологического общества, а также через статьи, опубликованные в социологических журналах. Антропологи-культуроведы на основе накопленных данных по изучению культур расовых и этнических групп и особенно на основе различия, проводимого Альфредом Крёбером между биологическими (органическими) и культурными (сверхорганическими) явлениями, предприняли наступление на положение о неравенстве умственных способностей различных рас,

при помощи которого евгеники объясняли низший статус неассимилированных расовых и этнических групп²⁸.

Область расовых и этнических отношений, первое из двух делений, полученных из социальной биологии, в частности, отождествляется с Робертом Е. Парком и его учениками. В этой области, как и в других, Парк пользовался и рекомендовал пользоваться методом изучения выборочных случаев и естественно-историческим подходом. Обширные исследования расовых и этнических проблем, которые он и его ученики проводили при помощи этой исследовательской процедуры, переполнены ссылками на социальную стратификацию, хотя только немногие из его непосредственных учеников предприняли систематическое изучение ранга²⁹.

Сквозь связанные со стратификацией понятия, используемые в этой и других областях, виден благодаря их акценту на межличностные отношения и личность упорный индивидуализм американской социологии. Статус, основное понятие Парка,— это личное положение индивидуума в группе по отношению к другим. Однако положение, или статус, отделено от другого социальной дистанцией, той степенью интимности и понимания, в которой индивидуумы чувствуют разделение своего жизненного опыта. В качестве осознания различия, порождающего скорее категориальные, нежели личные, определения людей, расовое самосознание препятствует интимности и пониманию, поддерживает дистанцию и соответственно определяет социальный статус³⁰. Работы Парка и его учеников акцентировали личные характерные черты — беспокойство, агрессивность, честолюбие, чувствительность, стесненность, эгоцентричность маргинальных лиц. Е. Б. Рейтер, Эверетт Стоунквист, Поль Кресси и особенно Уильям О. Браун исследовали борьбу за статус маргинальной личности³¹. Но обычно независимо от того, какие стороны страти-

²⁸ Margaret Mead, *The Methodology of Racial Testing: Its Significance for Sociology*, JS, 31 (1925—1926), pp. 657—667; M. J. Herskovits, *A Social Pattern: A Methodological Study*, SF, 4 (1925—1926), pp. 57—69.

²⁹ Хотя работа Зорбоу (H. W. Zorbaugh, *The Gold Coast and the Slum*, Chicago, 1929) основана главным образом на экологических положениях Парка, в ней имеется статья, посвященная осознанию ранга, стилю жизни, социальному ритуалу, официальным и неофициальным структурам, соревнованию в целях достижения престижа и стремлению пробраться в верхние слои в «обществе» Золотого Берега. Важными являются также работы: E. C. Hughes, *Institutional Office and Person*, AJS, 43 (November, 1937), pp. 404—413; *Position and Status in a Quebec Industrial Town*, ASR, 3 (October, 1938), pp. 709—717; *Dilemmas and Contradictions of Status*, AJS, 50 (1944—1945), pp. 353—359.

³⁰ R. E. Park, *Sociology and the Social Sciences* AJS, 27 (September, 1921), p. 181; *Sociology*, in Wilson Gee (ed.), *Research in the Social Sciences*, New York, 1929, p. 31; *The Concept of Position in Sociology*, PASS, 20 (1926), p. 14; см. также: Park, *Pace and Culture*, Glencoe, Illinois, 1950.

³¹ E. V. Stoenquist, *The Problem of the Marginal Man*, AJS, 41 (July, 1935), pp. 1—12; P. F. Cressy, *The Anglo-Indian: A Disorganized Marginal Group*, SF, 14 (December, 1935), pp. 263—268; W. O. Brown, *Culture Contact and Race Conflict*, in E. B. Reuter (ed.), *Race and Culture Contact*, New York, 1934, pp. 44—45.

фикации изучались, они интерпретировались в терминах личности или личных отношений. Даже явное отсутствие интереса у Парка к отношениям социальных классов, по-видимому, проистекает из его индивидуалистической концепции американского общества, в котором «различия и дистанции должны быть чисто индивидуального или личного характера» и в котором нет никаких классовых различий, ввиду чего «соответственно быстро происходят изменения в статусе»³².

Однако эта область популяции (вторая из двух областей, на которые разделяется социальная биология) обнаруживает более непосредственный и явный интерес к социальной стратификации. Вероятно, частое внимание к подробностям статистики деления на социальные классы было результатом упорного преобладания ранних положений евгенической биологии в этой области. Даже в 1933 году исследователи популяции пытались связать культурное и интеллектуальное развитие страны с главными профессиональными категориями (которые рассматривались как социальные классы) и с различной степенью их плодовитости. Таким образом, доктрина прогресса, ставшая подозрительной в социологии в середине двадцатых годов, продолжает оставаться скрытым оправданием для исследования популяции.

Область метода была последней областью, в которой проявился интерес к социальной стратификации на протяжении второй эры американской социологии. Шкала социального статуса Чэпина является особенно важной, потому что она показывает, как споры о научном методе (в частности, статистики в противовес изучению выборочных случаев и объективности в противовес субъективности), наследие прогресса и мелиоризма, а также индивидуализм — все объединилось для создания измерительного прибора. Подобно Огбёрну, Чэпин испытал на себе влияние указаний Гиддингса использовать и расширять статистические процедуры в качестве средства превратить социологию в науку. Статусная шкала Чэпина есть практическое применение этой научной концепции. И так же как ранее наука находила свое оправдание в том, что она представляет собой наиболее эффективный метод ускорения прогресса путем улучшений, так и Чэпин своей шкалой ставит себе мелиористическую цель — дать социальным исследователям «объективное средство измерения домашней среды для семей будущих приемных родителей»³³. Но этот инструмент представляется еще более важным для понятия социального статуса, на котором, как предполагается, он основан. Чэпин во время своего методологического спора с Флоридом Хаузом об объективизме и субъективизме настаивал на том,

³² P a r k, *Race and Culture*, pp. 233—258.

³³ F. S. C h a p i n, *A Quantitative Scale for Rating Home and Social Environment of Middle Class Families in an Urban Community: A First Approximation to the Measurement of Socio-Economic Status*, JEP, 19 (1928), p. 99; *A Home Rating Scale to Check Social Workers Opinion*, SSR, 14 (September—October, 1929), pp. 10—11.

что шкала жилой комнаты включает понятие социо-экономического статуса, основанного на психологическом или установочном факторе³⁴. Доход и материальная собственность, культурные приобретения и участие индивидуумов в делах коллектива в итоге являются экономическим и социальным подтверждением позиции, которая «определяет установки субординации или господства (и их варианты)».

ОБЛАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ (1936—1954)

После 1936 года исследования социальной стратификации окрепли и выделились в самостоятельную область. То, что это действительно отдельная область, подтверждается как практикой, так и общим признанием авторитетных специалистов, а также накоплением теорий, понятий, методологии приемов и эмпирических теорий. Широкое распространение функционалистской теории и интерес к приемам изучения социальной классовой стратификации в американских коллективах представляют собой характерные черты социологического исследования социальной стратификации за последнее время. Несмотря на свой быстрый рост после 1936 года, область социальной стратификации все еще несет на себе следы связи с некоторыми более ранними интересами, а также с изменениями, имевшими место в социологии вообще.

Только тогда, когда исследование ранга подверглось изменению, чтобы прийти в большее соответствие с требованиями самой дисциплины, за последние два десятилетия необычайно расцвели исследования в этой области. По-видимому, современное направление исследования стратификации потребовало два важных изменения: 1) эксплицитное возникновение более новой и более утилитарной логики, чтобы превратить вопрос ранга непосредственно в проблему; 2) создание соответствующих эмпирических приемов исследования, при помощи которых можно было бы с достоверностью изучать данные о социальном неравенстве.

Оба этих теоретических требования нашли свое выражение в двух направлениях исследования, из которых возникли современные эмпирические исследования социальных классов, а именно сельско-социологический и современный антропологический подходы к изучению американских общностей. Поскольку к старым доктринам прогресса, мелиоризма и эволюционизма повсеместно начали относиться с подозрением, они перестали служить оправданием для изучения социального неравенства, как это было в начале и в середине двадцатых годов. Сельская социология стала заниматься социальной стратификацией в американских сельских общностях в основном благодаря росту аренды ферм и упадку неболь-

³⁴ F. N. House, *Measurement in Sociology*, AJS, 40 (1934—1935), p. 8; F. S. Chapin, *op. cit.*, pp. 476—477.

ших сельских центров, что было вызвано депрессией в сельских областях, начавшейся в двадцатых годах, влиянию города и росту капиталов благодаря механизации сельского хозяйства. Многие сельские социологи были убеждены, что руководители возрождения сельской жизни подверглись влиянию классовой стратификации как в прямом, так и в косвенном смысле благодаря притоку населения в города. Серия работ о современной жизни на селе, опубликованная Бюро сельскохозяйственной экономики, а также исследования Ги, Шулера и других свидетельствуют о возникновении этого утилитарного направления³⁵. Исследование социальной стратификации в городе полосы прерий Джоном и Рут Юсим и Пьером Танжен также подтверждает постоянный интерес сельских социологов к этой области в конце тридцатых и начале сороковых годов³⁶. Социологические исследования сельских областей отмечаются в равной степени как ранними экспериментами с оценкой престижа в целях определения классов, так и классификацией членов коллектива согласно обнаруженным социальным слоям.

Сельские социологи, по-видимому, сыграли важную, хотя в целом и непризнаваемую роль в создании новой основы и новых приемов для изучения социального неравенства. Их работа, являющаяся результатом общей депрессии начала тридцатых годов и пересмотра положений европейских социальных теоретиков, создала благоприятную атмосферу для рассмотрения исследований Уорнера, которые стали предметом многих споров в этой области и которые будут детально рассмотрены ниже. Хотя Уорнер написал несколько работ до того, как были опубликованы монографии его студентов или его собственные о Юге и Янки Сити, социологи в общем, по-видимому, неясно представляли себе логику или методику его работ, пока в 1941 году не были опубликованы «Глубокий Юг» («Deep South») и «Социальная жизнь современного общества» («The Social Life of a Modern Community»). Исследования Янки Сити, которые были предприняты в целях лучшего понимания факторов низкой производительности промышленного рабочего на современной фабрике, в известной степени находят свое оправдание в их явно утилитарном характере. Данные и методы Уорнера, которым предшествовал явный интерес социологов к изучению социального ранга, основанно-

³⁵ «Bureau of Agricultural Economics, Rural Life Studies», 1—6, published from November, 1941 to January, 1943, as «Culture of a Contemporary Rural Community» (El Cerrito, New Mexico; Sublette, Kansas; Landaff, New Hampshire; the Old Order Amish of Lancaster County, Pennsylvania; Irwin, Iowa; and Harmony, Georgia). См. также: Wilson Gee, A Qualitative Study of Rural Depopulation in a Single Township, 1900—1930, *AJS*, 39 (September, 1933), pp. 210—221; Wilson Gee and Dewees Runk, Qualitative Selection in Cityward Migration, *AJS*, 37 (September, 1931), pp. 254—265; E. A. Schuler, The Present Social Status of American Farmtenants, *RS*, 3 (1938), pp. 20—33; Social and Economic Status in a Louisiana Hills Community, *RS*, 5 (1940), pp. 68—83.

³⁶ John Useem, Pierre Tangent, and Ruth Useem, Stratification in a Prairie Town, *ARS*, 7 (June, 1942), pp. 331—343.

го на данных, полученных из непосредственного наблюдения, вызвали немедленную и длительную реакцию со стороны социологов-исследователей.

Однако большая часть исследований социальной стратификации в период с 1936 по 1942 год в основном сосредоточивалась на проблемах, которые отождествлялись с более старыми областями социальной биологии, расой и этническими отношениями населения, коллективом, сельской социологией и методикой. Исследования различной интеллектуальной одаренности в профессиональных слоях (с использованием анкетных данных студентов колледжа и данных о профессии их отцов, а также данных об отметках учащихся государственных школ и изучением профессий, которыми они впоследствии занимались), биосоциальных характеристик изобретателей, профессиональной мобильности выдающихся лиц и роли классового происхождения и исторических обстоятельств для достижения славы — все эти исследования исходили из предположения или интересов, характерных для старой социальной биологии. Исследования влияния американской жизни на статус социального класса иммигрантов, влияния индустриализации на положение в этнической иерархии, роли статуса в ассимиляции расовой группы, промежуточного положения национальностей Востока в области, населенной неграми и белыми, социального статуса мигрирующих негров, ритуала и стратификации в негритянских церквях и связи расы и класса, а также касты и класса — все эти исследования исходят из предшествующего интереса к расе и этническим проблемам. Исследования селективной миграции, различия в уровне деторождения в различных профессиональных категориях и значение стратификации для демографических проблем — все это связано с областью населения. Первые исследования социальной стратификации в небольших городах рассматривались как исследования коллектива. Сельская социология представлена исследованиями ранга в сельской жизни Америки, которые были особенно важны, поскольку они свидетельствовали о раннем интересе к качеству оставшегося населения, после того как произошла миграция в сторону городов, и о новом развитии оценки престижа специалистами как метода для определения стратификации коллектива. Наконец, специалисты по статистическому методу, многие из которых являлись также сторонниками операционализма, разработали и усовершенствовали шкалы социального статуса.

Хотя предшествующий интерес и был важен для возникновения социальной стратификации как специальности, не менее важными были и изменения, имевшие место во всей американской социологии в целом. В частности, эти изменения заключались в оправдании исследований ввиду их утилитарного характера, использовании бригад для проведения исследований в крупном масштабе, большей взаимосвязи между дисциплинами и широким распространении взгляда, что прогресс науки и развитие теории взаимосвязаны. Примером таких направлений в американской социологии как целом

являются исследования Уорнера и его сотрудников. Первоначальное исследование Янки Сити, которое проводилось бригадой исследователей на основе исследований, осуществлявшихся Комиссией индустриальной психологии Гарвардского университета на заводе компании «Уэстерн электрик» в Хауторне, было одной из многих попыток внести свой вклад в разрешение проблемы недостаточной производительности рабочего в условиях современной фабрики. В опубликованной в 1949 году работе «Общественный класс в Америке» («Social Class in America») утилитаризм знания о социальных классах является более выраженным, ибо Уорнер и его коллеги специально подчеркивали важность таких сведений для преподавателей и директоров школ, начальников отделов кадров, лиц, занимающихся изучением рынка, и специалистов по рекламе.

Другие исследования социальной стратификации также свидетельствуют об этих общих тенденциях. Неизбежно приходится признать утилитарный характер финансовой помощи со стороны военно-воздушных сил проектам Стюарта Адамса и Рэймонда Мака³⁷. Также легко установить влияние смежных дисциплин и теоретическую направленность работ Толкотта Парсонса и его сотрудников. Парсонс признавал, что он во многом обязан функционалистской антропологии Малиновского, постулату о социальном действии Макса Вебера, понятию системы Вильфредо Парето и теории личности Зигмунда Фрейда. Таким образом, работа Парсонса вскрывает другую характерную черту, свойственную всей современной американской социологии, а именно включение в нее отдельных взглядов европейских теоретиков, высказанных ими за последние годы.

Подобно всей американской социологии, область социальной стратификации обычно связана с исследованием социального ранга посредством теоретической схемы. Хотя его основные постулаты никогда не подвергались систематическому культуроведческому изучению, *функционализм* стал руководящим принципом в эмпирическом исследовании и разработках теории. Таким образом, социальное неравенство в известной степени истолковывалось как функционально необходимое для сохранения общества, части которого рассматривались как объединенные и взаимозависимые в системе, находящейся в равновесии. Эта концепция общества является признанным исходным пунктом для теорий социальной стратификации как Уорнера, так и Толкотта Парсонса³⁸.

Придерживаясь этого толкования, Уорнер утверждал, что некая минимальная дифференциация структуры внутри общества предписывается приспособлением, необходимым для его существования.

³⁷ S t u a r t A d a m s, Social Climate and Productivity in Small Military Groups, ASR, 19 (August, 1954), pp. 421—425; R. W. M a c k, The Prestige System of an Air Base: Squadron Ranking and Morale, ASR, 19 (June, 1954), pp. 281—287.

³⁸ См. C. A r n o l d A n d e r s o n, The Need for a Functional Theory of Social Classes, R S, 19 (1954), pp. 152—160; M. M. T u m i n, Caste in a Peasant City, Princeton, 1952; J. W. B e n n e t t and M. M. T u m i n, Social Life, New York, 1948.

Должны развиваться три типа структур приспособления. Физическое выживание группы в естественной среде требует *технологических* навыков и орудий. Необходимость известной упорядоченности во взаимодействии отдельных лиц требует *правил социальной организации*. Наконец, наличие тех или иных неизвестных сил, не поддающихся достаточному контролю, чтобы обеспечить безопасность человека, которую последний считает обязательной, делает необходимым существование *религии* или системы священных символов.

Однако по мере усложнения общества могут потребоваться дополнительные приспособления, поскольку увеличивается количество внутренних групп и социальных отношений и расширяется социальная дифференциация в пределах всех отношений, составляющих общество. *Стратификация ранга* и является этим необходимым функциональным приспособлением в сложном обществе, «когда имеется большое количество индивидуумов, занимающихся различным образом», потому что дифференциация власти и престижа должна сопровождать координацию усилий всех членов общества ради одного общего дела, необходимого для сохранения группы. Уорнер отмечает, что «с ростом разделения труда увеличивается количество социальных единиц и их разнообразие, а также возрастает необходимость координации и объединения, что при удовлетворении позволяет более крупным группам выжить и развиваться».

Те, кто занимают координирующие позиции, приобретают власть и престиж. Это происходит потому, что их действия в известной степени контролируют поведение индивидуумов, которого ожидает от них руководство. В этом простом контроле имеется власть. Те, кто пользуются этой властью, приобретают престиж непосредственно от нее или из других источников в степени, достаточной для того, чтобы занять координирующее положение»³⁹.

Это положение подтверждает, что тип статусной системы в данном обществе функционально зависит от степени социальной сложности и социальной дифференциации. Статус — позиция, место или местоположение индивидуума, и его поведение в социальной структуре может быть отнесено к высшему или низшему рангу или может быть не ранжировано вовсе. Неранжированные статусы характерны для простых и относительно недифференцированных обществ. Эти статусы подразумевают наименьшее социальное неравенство и свидетельствуют о том, что любые социальные позиции в обществе доступны для всех членов общества одного и того же пола в какой-нибудь момент их жизни. Ранжированные статусы имеются в более сложных дифференцированных обществах и порождают социальную иерархию, приписывающую индивидууму или группам индивидуумов высшее и руководящее место, а другим индивидуумам — низшее и подчиненное место, потому что члены общества оценивают

³⁹ W. Lloyd Warner, Marchia Meeker, K. W. Eells, Social Class in America, Chicago, 1949, p. 8.

определенные социальные позиции и поведение, связанное с ними, как высшее или низшее⁴⁰.

Так же как существует функциональный вывод о том, что каждая статусная система является функциональной реакцией на частную, хотя и неопределенную степень социальной сложности, имеется и функциональный постулат, согласно которому статусы в любом типе общества взаимосвязаны и взаимозависимы. Построение Уорнером обобщенной типологии восьмидесяти девяти позиций в классовой системе Янки Сити является попыткой подтвердить верность этого постулата. Благодаря анализу видов взаимосвязей между этими позициями, рассматриваемыми как ситуации контакта, в которых статусные отношения могут быть руководящими, подчиненными или координированными, роль каждой позиции может быть описана в терминах той функции, которую она выполняет во всей позиционной системе. В своей сумме эти восемьдесят девять позиций являются взаимосвязанной и взаимозависимой системой в равновесии.

В отличие от Уорнера Парсонс считает социальную стратификацию аспектом любой социальной системы, причем исходит из действия, связанного с рядом необходимых функциональных условий, образующих необходимые условия, которые нужно удовлетворить, если данная система должна сохраниться как система. Следовательно, стратификация воплощается в системе социальных отношений, с одной стороны, благодаря ориентации актера на ситуацию, а с другой — недостаточности желаемых целей, природе человеческого организма и реальностям сосуществования. Слегка изменив кантовскую концепцию о человеческой природе, Парсонс интерпретирует любое исполнение ролей как мотивационно ориентированное на ситуацию благодаря комбинации познания катексиса и оценки⁴¹.

Парсонс выдвигает положение, что социальная стратификация в конечном счете возникает из оценки, свойственной действию или взаимодействию актеров. Согласно Парсонсу, любое действие неизбежно связано с выбором, отбором или предпочтением. То, что люди делают и как они это делают, не может быть безразлично. «Конечно, может случиться, что две или более сущности могут получить совершенно одинаковую оценку, но это особый случай оценочного суждения, а не доказательство его бесполезности». Вероятно, оценка «служит для дифференциации сущностей, согласно некоему порядку ранжирования»⁴². Таким образом, такая предпочтительная оценка связана с ранжированием единиц системы в терминах обычных ценностных ориентаций социальной системы.

⁴⁰ W. Lloyd Warner and Allison Davis, *A Comparative Study of American Caste* in E. T. Thompson (ed.), *Racial Relations and the Race Problem*, Durham, IV, C., 1939, p. 220.

⁴¹ Анализ положений Парсонса о науке, методологии, эпистемологии, действия как исходного момента и социальной системы как системы теоретической (и их интеллектуальных предшественников) см.: Hinkle, op. cit., Chap. 7.

⁴² Talcott Parsons, *A Revised Analytical Approach to a Theory of Social Stratification*, in Reinhard Bendix and Seymour Lipset (eds.), *Class, Status and Power*, Glencoe, Illinois, 1953, p. 93.

Должны существовать стандарты оценок, ибо недостаточность желаемых целей в ситуации вызовет конфликт и, таким образом, упорядоченное сосуществование станет невозможным. В силу самого определения актеры в отношении непосредственного или опосредствованного удовлетворения своих нужд и желаний мотивированы по своему отношению друг к другу в ситуации. Желаемые цели в данной ситуации могут быть физическими, культурными или социальными, например действиями или установками другого актера или актеров. Но выступают ли эти цели как *возможности*, которых желают в силу того, что они могут быть использованы для достижения чего-нибудь, или же как *вознаграждения*, которых желают в силу их непосредственного катексиса в мотивационной системе актера, — они всегда недостаточны. Следовательно, претензии на их использование, контроль или владение должны регулироваться институтами. Тот факт, что их недостаточно, также требует институционализации неравенства.

Так же как власть является следствием распределения недостаточных возможностей, так и престиж — это следствие распределения недостаточных вознаграждений. А из всех типов вознаграждений уважение является наиболее важным для возникновения обобщенной системы ранга или престижа. Уважение в том смысле, в каком Парсонс пользуется этим понятием, является сложной реакцией удовлетворения, приписываемой всей личности. Поскольку оно приписывается лицу как обобщенная сущность, оно диффузно и не может быть сведено к определенному контексту или контекстам (что может произойти с одобрением — другим типом эффективно нейтрального вознаграждения). Его диффузный обобщенный характер предполагает градицию престижа в общей иерархии престижа, поскольку функциональное условие, согласно которому социальная система должна быть интегрированной, требует институционализированной обобщенной и общепринятой оценочной шкалы, охватывающей различные типы вознаграждений как условия социальной стабильности. Таким образом, данное лицо фактически пользуется уважением, соотношенным с градуированной иерархией; его относительное уважение в упорядоченной тотальной системе дифференцированной оценки — это престиж, что означает сравнительную оценку. В свою очередь дифференцированный престиж является основой стратификации.

Помимо своего происхождения из оценки и неизбежного недостатка желаемых возможностей и вознаграждений, стратификация может быть функционально выведена из условия адекватности мотивации. Кингсли Дэвис и Уилберт Мур пользовались этим доводом⁴³

⁴³ Kingsley Davis, A Conceptual Analysis of Stratification, ASR, 7 (June, 1942), pp. 309—321; Kingsley, Davis and Wilbert Moore, Some Principles of Stratification, ASR, 10 (April, 1945), pp. 242—249; см. также Melvin Tumin, Some Principles of Stratification. A Critical Analysis, ASR, 18 (August, 1953), pp. 387—394, а также возмражения Дэвиса и Мура, стр. 394—397.

Они утверждали, что некоторые позиции в социальной системе важнее в функциональном отношении, чем другие, и требуют для своей реализации специальных умений. Однако количество индивидуумов, обладающих этими способностями и готовых принести жертву ради подготовки к этому, ограничено. Следовательно, этим позициям должен придаваться стимул в виде дифференцированного доступа к ограниченному по количеству и желаемым вознаграждениям общества, для того чтобы заставить талантливых лиц принести жертву и приобрести необходимую подготовку. Эти дифференцированные вознаграждения ведут к дифференциации престижа слоев и, следовательно, к социальной стратификации, которая в свою очередь способствует сохранению социальной системы. С точки зрения исторической перспективы исследования социальной стратификации в американской социологии положение Дэвиса и Мура заслуживает внимания, поскольку оно настойчиво повторяет волонтаристическую идею, так широко распространенную среди первых исследователей социального неравенства, а именно что дифференцированные вознаграждения (или социальные и экономические условия) являются необходимыми для сохранения общества.

Когда анализируешь действительный характер эмпирических исследований стратификации, то они, по-видимому, в основном ограничиваются исследованием классов в локальной общности. Американские социологи, которые являются наследниками старой традиции «социальных проблем», социального обзора и инструментализма, *заложенного* в доктрине прогресса и совершенствования, сосредоточили свое внимание на классе или касте-классе как наиболее подходящем обозначении иерархической системы американского общества⁴⁴. Несмотря на явную локальную ограниченность их исследований, они, по-видимому, в известной степени не сознавали, что изучали лишь американскую разновидность или разновидности классов в городах или малых городских общностях. Однако Артис, Дункан, Гросс, Хатт, Кауфман и Сьюэлл — все настаивали на том, что классовая структура является функцией ценностей как массового общества, так и локальной общности⁴⁵.

В основном ранние исследования локальных общностей, как, например, исследования Уорнера, Холлингсхеда, Кауфмана и Уилера, привели к операциональным определениям социального класса.

⁴⁴ Стоун и Форм предупреждали против исключительно иерархической концепции социальной стратификации: G. P. Stone and W. H. Form, *Instabilities in Status: The Problem of Hierarchy in the Community Study of Status Arrangements*, ASR, 18 (April, 1953), pp. 149—162.

⁴⁵ O. D. Duncan and J. W. Artis, *Social Stratification in a Pennsylvania Rural Community*, State College, Pa., 1951, Bulletin No 543; H. W. Pfautz and O. D. Duncan, *A Critical Evaluation of Warner's Work in Community Stratification*, ASR, 15 (April, 1950), pp. 205—215; H. F. Kaufman, O. D. Duncan, Neal Gross, W. H. Sewell, *Problems of Theory and Method in the Study of Social Stratification in Rural Society*, RS, 18 (March, 1953), pp. 12—24; H. F. Kaufman, *An Approach to the Study of Urban Stratification*, ASR, 17 (August, 1952), pp. 430—437; P. K. Hatt, *Stratification in the Mass Society*, ASR, 15 (April, 1950), pp. 216—227.

В исследованиях Уорнера наблюдатель-участник и / или интервью с выборочно взятыми типичными постоянными жителями явно свидетельствовали о том, что класс определяется данной общностью. Если использовались лица — оценщики престижа, как, например, у Холлингсхеда и Кауфмана, классы устанавливались на основе единогласия их суждения. Часто эти ранние исследования придерживались концепции класса, основанной на престиже, а не на власти, и рассматривали социальные слои как дискретные группировки, определяемые соучастием и культурой, скорее как реальные, а не эвристические сущности.

Эти исследования социального класса в сельских центрах, городах и маленьких городках выделяли различное количество классов. Согласно Уорнеру, Джонсвилл и Янки Сити имели соответственно пять и шесть социальных классов. Холлингсхед, который пользовался методом баллов, подтвердил наличие пяти классов в Джонсвилле (или Элмтауне). Эллисон Дэвис, Бёрли Б. и Мэри Р. Гарднеры, Мозелл Ч. Хилл и Бивоуд Ч. Макколл, Гаролд Ф. Кауфман и Мортон Рубин отметили наличие пяти классов в тех общностях, которые они изучали. Эвэн Ц. Фогт и Джеймс Уэст соответственно нашли три и четыре слоя, в то время как Уэйн Уилер и Уильям Г. Форм обнаружили семь слоев в Плэйнсе и в планированных общностях. С ростом исследований общностей возросли возможности критического анализа. Социологи начали пересматривать теорию, понятия и приемы, при помощи которых изучалась стратификация. Пфотц, например, отмечает, что весьма важно «проводить различие между задачей определения классовой структуры коллектива и задачей распределения индивидуумов внутри него, между коррелятами и показателями классового статуса и, наконец, между классовыми структурами и классификацией, которые являются функцией представления индивидуума о самом себе, аналитическими приемами исследователя и мнением общности»⁴⁶.

Поскольку исследования Уорнера и его коллег заметно выделялись в этой области, критика в основном была направлена на Уорнера⁴⁷. Немедленно после опубликования первого тома серии исследований Янки Сити и задолго до того, как Уорнер сформулировал свою технику как «оценочное участие» и «индекс статусных характерных черт», работа подверглась критике со стороны Райта Миллза, поскольку в ней используется понятие класса, которое недифференцированно включает в себя три аналитически различных аспекта стратификации, хотя фактически подчеркивается только

⁴⁶ См. резюме Пфотца: P f a u t z, *The Current Literature on Social Stratification. Critique and Bibliography*, *AJS*, 58 (1952—1953), pp. 391—418. Цитата взята со стр. 394.

⁴⁷ См. обзор критики взглядов Уорнера в работе R u t h R. K o r n h a u s e r, *The Warner Approach to Social Stratification*, in B e n d i x and L i p s e t, *op. cit.*, pp. 243—255. Ср. обзор Райта Миллза «*The Social Life of a Modern Community*», *ASR*, 7 (June, 1952), pp. 263—271.

один из них. Большинство социологов, по-видимому, согласно с Миллзом, утверждающим, что стратификация воплощает три отдельных типа переменных, различаемых Максом Вебером: законный (политическое принуждение), экономический (доступ к товарам и средствам общественного пользования) и социальный (статус престижа). Несмотря на то что они отвергали исключительное значение престижа и придерживались разностороннего взгляда на социальную стратификацию, они только приступили к исследованиям отношений между этими тремя типами переменных. Может быть, глубокие волюнтаристические убеждения американской социологии не способствовали исследованию силы и политического принуждения⁴⁸; за последние несколько лет социологи предприняли эмпирическое исследование профессионального компонента экономической переменной в стратификации⁴⁹.

Сравнительно недавно социологи подвергли сомнению концепцию американских классов как дискретных, сегрегированных категорий⁵⁰. Ленский, Кьюбер и Кенкел выдвинули концепцию слоев как континуума, утверждая, что имеется «несколько рангов привилегий, власти и статуса, более или менее непрерывных сверху донизу, без ясных линий разделения». Они утверждают, что точка зрения Уорнера является неоправданной на основании следующих аргументов: 1) количество классов, по-видимому, варьирует в зависимости от количества наблюдателей; 2) значительное число лиц не может быть отнесено к той или иной категории на основе любого критерия; 3) основания, на которых производится ранжирование, постоянно изменяются; 4) при измерении непостоянных дифференцированного статуса постоянно возникает целый ряд новых данных; 5) не обнаруживается каких-либо значительных корреляций между критериями ранга; 6) процедуры сторонников категориальной концепции классов не соответствуют «статистическим методам исследования, которые приняты повсеместно в качестве основы, если целью является достоверность»; 7) исследования, подобные исследованиям Кенкела и Ленского, при которых пользуются методами, поддающимися сравнению с методами Уорнера и его коллег, и в которых, кроме того, придерживаются принятых статистических процедур,

⁴⁸ Поэтому имеется мало статей по этому вопросу: C. C. North, *Class Structure, Class Consciousness and Party Alignment*, ASR, 2 (June, 1937), pp. 365—371; Herbert Goldhamer and E. A. Shils, *Types of Power and Status*, AJS, 45 (September, 1939), pp. 171—172; Robert Biersfeldt, *An Analysis of Social Power*, ASR, 15 (December, 1950), pp. 730—738; Reinhard Bendix, *Social Stratification and Political Power*, APSR, 46 (June, 1952), pp. 357—375; T. M. Mills, *Power Relations in Three—Person Groups*, ASR, 18 (August, 1953), pp. 351—367.

⁴⁹ См. Phautz, *op. cit.*, pp. 398—399.

⁵⁰ J. F. Cuber and W. F. Kenkel, *Social Stratification in the United States*, New York, 1954; G. F. Lenski, *American Social Classes: Statistical Strata or Social Groups?*, AJS, 58 (1952—1953), pp. 139—144; S. A. Herztler, *An Investigation of the Distinctiveness of Social Classes*, ASR, 18 (1953), pp. 493—497; A. M. Rose, *The Popular Meaning of Class Designation*, SSR, 38 (September—October, 1953), pp. 14—21.

не обнаружили того, что общество «разделяется» на классовые категории, а скорее подтверждают, что образуется континуум слоев; 8) данные социо-экономической шкалы и изучение дискретных классов фактически совпадает с теорией континуума, ибо они также имеют тенденцию принять форму континуумов⁵¹.

Тем не менее, может быть, было бы неправильным, если даже и не категорически неточным, утверждать в данный момент, что все классовые слои Соединенных Штатов Америки *или* непрерывны, *или* дискретны, вместо того чтобы утверждать, что они более или менее непрерывны и более или менее отделимы друг от друга. Имеются доказательства, что в одной и той же общности может иметь место больший разрыв между одними слоями, чем между другими. (Более того, Уорнер не утверждал, что разделение классов достигает абсолютного максимума изоляции.) При сравнении и обобщении различных систем стратификации в разных общностях необходимо гораздо строже учитывать степень сходства или различия между общностями, например в возрастном составе, географическом положении, в стабильности местного населения (иммиграции и эмиграции), а также этнические, расовые и, возможно, религиозные различия, темп и непрерывность экономического развития, природу и виды местной индустрии, размер механизации и стандартизации трудовых операций, бюрократизацию отношений между рабочими и высший источник, выносящий решения в области местной промышленности, торговли и финансов.

Интересно, что до 1949 года американские социологи не изучали систематически вертикальную мобильность, которая, вероятно, является наиболее характерной чертой классовой стратификации. Основная масса исследований за последние годы состояла в компиляции важной фактической информации в пределах отдельных общностей, в сравнении региональных вариаций и определении роли миграции при установлении социально-психологических коррелятов вертикальной мобильности⁵². Социологи склонны соглашаться, что в таких исследованиях нужно устанавливать различия между размерами вертикальной мобильности как в пределах жизни индивидуума, так и между поколениями в одном и том же или различных коллективах, а также для групп в целом. Поскольку классовый анализ является еще новым, возбуждающим многочисленные споры делом, большинство исследователей, за исключением двух учеников Уорнера, охотнее использовали *профессию*, чем *класс*, в качестве основы для иерархии восхождения и нисхождения. Рут Албрехт, которая исследовала изменения статуса в жизни пожилых людей, отмечает в своем резюме, что «восходящая мобильность в течение жизни данного лица характерна для высшего и обоих средних классов, в то время как нисходящая мобильность сосредоточена

⁵¹ C u b e r and K e n k e l, op. cit., pp. 25—26, 303—307.

⁵² См. H. W. P f a u t z, The Current Literature on Social Stratification: Critique and Bibliography, AJS, 57 (January, 1953), pp. 391—418.

в двух низших классах». Карсон Мак-Гуайр заметил, что его вывод о том, что 25 процентов какого-нибудь поколения должны обладать восходящей мобильностью, чтобы сохранить систему статуса Джонсвилла, также применим к системе стратификации в Америке. Анализируя рынок труда в Окленде (штат Калифорния), Рейнхардт Бендикс и Сеймур Липсет обнаружили, что изменения статуса на протяжении жизни большей частью происходят во время занятий физическим и нефизическим трудом, а не в промежутках между ними. Пользуясь выборочными данными, полученными от 10 000 мужчин, обратившихся за разрешением на брак в 1910 и в 1940 годах в округе Марион (штат Индиана), Наталья Рогова, вероятно, получила наиболее широкие и существенные данные по вертикальной мобильности. Ее расчеты основаны на отношении действительного к ожидаемому количеству призываемых в армию; при помощи этого отношения можно измерить во времени изменения социального происхождения в профессиональных слоях. Стюарт Адамс изучал различия в профессиональном происхождении юристов, врачей и бизнесменов. Роналд Фридман и Амос Хоули пришли к заключению, что существовала явная связь между миграцией и профессиональной мобильностью в период депрессии в Мичигане. Ричард Скаддер и Ч. Арнолд Андерсон сообщают, что их последнее исследование подтверждает такую гипотезу: «Молодые люди, эмигрировавшие из малых или небольших общностей, имеют больше шансов достичь высшего профессионального статуса, чем их родители или их братья, которые остались в родном городе».

Когда социологи изучали вертикальную мобильность, им пришлось рассмотреть исторические аспекты иерархических систем, по которым происходит увеличение или уменьшение скорости восхождения и нисхождения. Они признали, хотя, может быть, и несколько запоздало, что их исследование восходящего движения предполагают временную связь с системой, характерные черты которой нельзя признать постоянными. Понятия «дестратификации» и «рестратификации» Нелсона Фута отражают этот недавно возникший интерес к процессам и изменениям в национальной, региональной и местной системах статуса⁶³. Герцлер и Сьоберг подходили к проблеме изменений в социальной иерархии с точки зрения вертикальной мобильности. Герцлер полагал, что ограничения, жестокость и даже обратимость вертикальной мобильности уже существу-

⁶³ Nelson Foote, *Destratification and Restratification: An Editorial Foreword*, *AJS*, 58 (1953), pp. 325—326; J. O. Hertzler, *Tendencies Toward a Closed Class System in the United States*, *SF*, 30 (1952), pp. 313—323; Gideon Sjoberg, *Are Social Classes in America Becoming More Rigid?*, *ASR*, 16 (1951), pp. 775—783; C. Arnold Anderson and Mary J. Bowman, *The Vanishing Servant and the Contemporary Status System of the American South*, *AJS*, 69 (1953), pp. 215—220; A. B. Hollingshead, *Trends in Social Stratification: A Case Study*, *ASR*, 17 (1952), pp. 671—686. См. также анализ возникновения новых средних классов у Ч. Райта Миллза в его книге «*White Collar*», New York, 1951.

ют, в то время как Сьоберг утверждал, что в настоящее время «классовая система гораздо менее определена, чем пятьдесят лет назад, особенно в городских общностях...» Ч. Арнолд Андерсон и Мэри Джин Баумэн считали сокращение количества прислуги индексом изменений в системе статуса на Юге. На основании исследования в Нью-Хэйвене Холлингсхед заключает, что развитие высоко-стратифицированных параллельных социальных структур является результатом изолированности социальной жизни жителей, которая становится все строже с течением времени.

Помимо специального изучения характерных черт классов, вертикальной мобильности и изменения систем ранга в американских общностях, дифференциация в области социальной стратификации привела также к применению статусного анализа в отношении многих явлений в области более старых социальных проблем и сегментированных институциональных структур. В частности, социологи исследовали сельские общности, этнические и расовые отношения, семью и брак, организацию и дезорганизацию личности с точки зрения стратификации. Они также изучали статусные отношения в добровольных организациях, профессиях и профессиональных индустриальных системах, средних школах, колледжах, церквях и военной иерархии.

Последним важным моментом в области социальной стратификации является возникновение интереса к системам ранга в других обществах. До второй мировой войны на эту тему имелось только несколько работ по Французской Канаде, Гаити, Гавайским островам и Южной Африке. Война, по-видимому, способствовала исследованиям о характере и системах стратификации в странах Латинской Америки, таких, как Аргентина, Бразилия, Колумбия, Боливия, Коста-Рика, Сальвадор и Куба. Часто авторами этих работ являлись сельские социологи — члены миссий американского государственного департамента и министерства сельского хозяйства. Во время войны и после нее подверглись анализу системы стратификации в Германии, Югославии и Китае. Со времени войны стали доступными исследования островов Индийского и Тихого океанов, Японии, Индии, Цейлона, Израиля, Норвегии, Англии и особенно России. В исследованиях социальной стратификации других стран утилитарная логическая основа, типичная для американской социологии в целом, наиболее ясно выступает в исследованиях по Латинской Америке и России. Также примечательно, что только Баррингтон Мур, Джоэль М. Монтегю и Наталья Рогова пытались проводить сравнительное изучение социальных систем ранжирования.

Социологическое исследование социальной стратификации, по-видимому, подверглось наиболее глубоким изменениям за последний период истории американской социологии. Действительно, к середине тридцатых годов начала обрисовываться определенная область социальной стратификации со своей собственной теорией,

понятиями, методологией, приемами исследования и эмпирическими исследованиями. Меньше чем за два десятилетия эта область быстро приобрела особое положение и внутреннюю дифференциацию. Однако еще много надо сделать для сравнительного изучения статусных структур и анализа процессов изменения в системах стратификации.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- B a i l e y W. C. et al., Bibliography on Status and Stratification, New York, Social Science Research Council, 1952, mimeographed.
- B e n d i k s R e i n h a r d and S. M. L i p s e t (eds.), Class, Status and Power, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1953.
- C e n t e r s R i c h a r d, The Psychology of Social Classes, Princeton, Princeton University Press, 1949.
- C o x O. C., Caste, Class and Race, New York, Doubleday, 1948.
- C u b e r J. F. and W. F. K e n k e l, Social Stratification in the United States, New York, Appleton-Century-Crofts, 1954.
- H i l l e r E. T., Social Relations and Structures, New York, Harper, 1947.
- P f a u t z H. W., The Current Literature on Social Stratification. Critique and Bibliography, AJS, 57 (January, 1953), pp. 391—418.
- S o r o k i n P. A., Social Mobility, New York, Harper, 1927.
- W a r n e r W. L l o y d, M a r c h i a M e e k e r and K e n n e t h E e l l s, Social Class in America, Chicago, Science Research Associates, 1949.
- W a r n e r W. L l o y d and J. O. L a w, The Social System of the Factory, New Haven, Yale University Press, 1947.
- W a r n e r W. L l o y d and P. S. J u n t, The Social Life of a Modern Community, New Haven, Yale University Press, 1941.
- W a r n e r W. L l o y d and P. S. L u n d, The Status System of a Modern Community, New Haven, Yale University Press, 1942.
- W e b e r M a x, From Max Weber: Essays in Sociology, translated and edited by H. H. Gerth and C. Wright Mills, New York, Oxford University Press, 1946.

СФЕРА СОЦИОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ

Франц Адлер

К сожалению, не существует общепринятого определения области «социологии познания». Однако термин «социология» понимается обычно как относящийся к науке о социальных действиях. «Наука» включает в себя преимущественно методы наблюдения, обобщения, систематизации и проверки — такой смысл вкладывает в этот термин большинство американских социологов. Под «социальными действиями» мы подразумеваем всякое поведение, соотношенное с поведением других лиц, или же такое поведение, исходя из которого можно предсказать поведение других лиц. Главной целью социологии является, таким образом, нахождение таких обобщений, которые дают возможность предсказать поведение некоторых индивидуумов, исходя из поведения других, — иными словами, открытие *социальной* природы человеческого поведения.

Социология познания является, следовательно, отраслью науки. Она имеет дело с социально-культурными факторами, связанными с мышлением и с различными формами его выражения. Социология познания, таким образом, соприкасается с социологиями религии, искусства, литературы, политики. Связи между познанием и религией, равно как и эстетические и политические оценки, не рассматриваются в этой главе, поскольку эти вопросы обсуждаются в других разделах данного тома. Также не освещается последовательно вопрос об отношении лингвистического поведения к познавательному поведению.

РАБОТЫ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА: ДЮРКГЕЙМОВСКАЯ ШКОЛА

Одним из основных источников современной социологии познания являются взгляды французских последователей школы Дюркгейма. В соответствии с взглядами учителя в современной социологии познания наличествуют два основных направления — этнологическое и социо-психологическое. Оба течения исходят из идеи о коллективных представлениях — группового определения поня-

тий, психического склада и даже категорий перцепции у индивидуума.

Так, Марсель Гране возводит присущие китайцам представления о времени и пространстве к прежней деревенской жизни и ее циклу событий¹. В своем исследовании, посвященном обычаю преподнесения подарков, Марсель Мосс подчеркивает роль иррационального неутилитарного мышления, сопутствующего дарению в дописьменном обществе. Аналогичным стремлением подчеркнуть роль нерационального в мышлении дописьменного периода отмечены работы Леви-Брюля. В этих работах утверждается, что в основе мышления дописьменного периода лежит *закон соучастия*, а это свидетельствует о слиянии логически различных аспектов действительности в мистические целостности. Иными словами, человек дописьменного периода является «холистом», или «гештальтистом». В его представлении о причинности первоначальная причина и окончательное следствие рассматриваются как находящиеся в непосредственной связи. Промежуточные связи последовательно игнорируются. Мышление вообще является дологическим, то есть принцип противоречия не принимается во внимание². Однако подлинная природа связи между состоянием первобытным и состоянием дологическим в этих работах не определяется.

Современные антропологи, по крайней мере в нашей стране, отвергают представление о таком первобытном мышлении, которое кардинально отличается от цивилизованного мышления. Они указывают на то обстоятельство, что тот вид мышления, который Леви-Брюль считает типично первобытным, встречается в современном обществе, причем не только у необразованных, но даже и у представителей интеллектуальной верхушки, особенно у философов. Помимо сомнительного удовольствия, получаемого от ругани, ничего другого нельзя достичь, обвиняя какого-либо неотомиста или феноменологиста в примитивности на том лишь основании, что он исходит из философских предпосылок, не одобряемых Леви-Брюлем. Но это, в конце концов, единственное возражение, которое можно выдвинуть против этого описания логики людей дописьменной эпохи, как убедительно показал, например, Малиновский³.

По тому же пути, что и Дюркгейм, идет и Ганс Кельсен в своем исследовании, посвященном понятию причинности. Этот выдающийся юрист пытается показать развитие идеи причины из идеи вины в процессе перехода от мистического мышления к мышлению рациональному. По его мнению, это развитие идет параллельно обще-

¹ Marcel Granet, *La Pensée chinoise*, Paris, 1925; Marcel Mauss, *Essai sur le don, forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques*, ASo, new series, 1925, pp. 30—186.

² Lucien Lévy-Bruhl, *How Natives Think*, translated by Lilian A. Claire, London, 1923.

³ Bronislaw Malinowski, *Magic, Science, and Religion and Other Essays*, Garden City, 1954, pp. 25—36. См. также M. J. Herskovits, *Man and His Works*, New York, 1948, p. 74.

культурным направлениям развития и завершается, когда социальный монизм, рассматривающий общество и природу как единое целое, преодолен и общество и природа четко разграничиваются в умах людей⁴.

Кардинер и Линтон: слияние этнологии и психодинамики. Антропология также внесла свой вклад в социологию познания благодаря своему слиянию с фрейдистской психологией. Кардинер и Линтон изучали личность и культуру во всей совокупности их проявлений, включая и те, которые можно рассматривать как «знание», как результаты первичного институционального опыта, например существующие в данных культурах обычаи приучать детей проситься на горшок и отнимать их от груди⁵. С работами этих авторов связано и направление, которое можно было бы охарактеризовать общим термином «культура и личность» и которое различными путями стремится влиться в общую социальную психологию, причем особое внимание уделяется экзотическим иллюстрациям⁶. Социологическо-познавательные аспекты в этих работах скорее подразумеваются, нежели объясняются. В связи с этим уместно вспомнить произведенную Сьюэллом экспериментальную проверку некоторых утверждений Кардинера и Линтона, поскольку полученные им результаты не подтверждают их гипотез⁷.

Социально-психологические работы дюркгеймовской школы. Другое направление в философии познания, восходящее к Дюркгейму, применяет психологический подход. Бугле полагает, что логические категории являются производными от социальных категорий; логическое мышление изучает понятия, которые являются социальными продуктами. Логика и понятия, воплощенные в языке, таким образом, определяют характер мышления⁸. Морис Хальбвакс считает *память* ключом к пониманию процессов мышления. Изолированный индивидуум практически не имеет памяти; память развивается только в группе, с которой он чувствует себя солидарным. Индивидуальная и коллективная память взаимодействуют, причем содержанием коллективной памяти является не история, а традиция. Представления о пространстве и времени — это продукты общественных групп, приобретенные индивидуумом с помощью памяти об опытах. Индивидуум участвует во многих группах,

⁴ H a n s K e l s e n, *Society and Nature*, Chicago, 1943; ср. трактовку социального монизма в кн.: B e c k e r and B a r n e s, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, 1952, pp. 46—55; 57, 60, 99—100, et passim.

⁵ A b r a m K a r d i n e r, *The Individual and His Society*, New York, 1939; (with the collaboration of Ralph Linton, Cora DuBois, and James West), *The Psychological Frontiers of Society*, New York, 1945.

⁶ Примерами являются: R a l p h L i n t o n, *The Cultural Background of Personality*, New York, 1945; S. S. S a r g e n t and M a r i a n W. S m i t h (eds.), *Culture and Personality*, New York, 1949; J. S. S l o t k i n, *Personality Development*, New York, 1952.

⁷ W. H. S e w e l l, *Infant Training and the Personality of the Child*, *AJS*, 8 (September, 1952), pp. 150—159.

⁸ C e l e s t i n B o u g l é, *The Evolution of Values*, translated by Helen S. Sellars, New York, 1926.

образуя таким путем большое количество разнообразных представлений о времени и пространстве⁹.

Американская социальная психология. Подход дюркгеймовской школы был преимущественно спекулятивным. Американская же социальная психология, напротив, привнесла экспериментальные методы в изучение воздействия групповых ситуаций на мышление индивидуума. Здесь невозможно перечислить все исследования, показывающие фактическое воздействие групповых ситуаций на восприятие и суждение. Точно так же невозможно дать полный обзор всей области коммуникаций, пропаганды и общественного мнения; Мертон и Лазарсфельд были, пожалуй, одними из первых, кто признал важное значение этой области для социологии познания¹⁰.

МАРКИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ*

В США больше всего знают о вкладе, сделанном в социологию познания немцами, и их работы наложили свой отпечаток на всю эту область. В немецкой школе можно выделить три направления — марксистское, антимарксистское и синтезирующее, пытавшееся примирить противоположные взгляды.

Марксистская тема и вариации. Наше рассмотрение марксистской социологии будет основываться преимущественно на исследовании Эрнста Грюнвальда¹¹, который имел в своем распоряжении большое количество материалов, недоступных автору данной главы, и весьма тонко суммировал и проанализировал эти материалы. Грюнвальд различает два типа мыслителей-марксистов — «позитивисты» и «антипозитивисты». Первые, которых правильнее называть «номиналистами», исходят из трудов Маркса и Энгельса последнего периода, в то время как «антипозитивисты» руководствуются произведениями раннего марксизма. Хотя патриархи марксизма находились в юности под сильным влиянием Гегеля, они в более зрелом возрасте все больше усваивали эмпирический подход. Термин

⁹ Maurice Halbwachs, *Les Cadres sociaux de la mémoire*, Paris, 1925; *La mémoire collective chez les musiciens*, «Revue Philosophique de la France et de l'Étranger», 64 (1939), pp. 136—165, а также *La Mémoire collective*, Paris, 1950. См., кроме того, Leopold von Wiese, *Einsamkeit und Geselligkeit als Bedingungen der Mehrung des Wissens*, in Max Scheler (ed.), *Versuche zu einer Soziologie des Wissens*, Berlin und Leipzig, 1924, S. 218—229; а также Wilhelm Jerusalem, *Die soziologische Bedingtheit des Denkens und der Denkformen*, там же, S. 182—207.

¹⁰ R. K. Merton and Paul Lazarsfeld, *Studies in Radio and Film Propaganda*, in R. K. Merton, *Social Theory and Social Structure*, Glencoe, Illinois, 1949, pp. 265—285.

* В связи с этим и двумя последующими разделами см. Послесловие. Дополнительно следует заметить, что автор настоящей главы берет в основу своего изложения марксистских взглядов антимарксистский источник (Э. Грюнвальда), он, далее, совершенно необоснованно называет целый ряд ревизионистов (О. Бауэра, Д. Лукача и др.) марксистами. — *Ред.*

¹¹ Ernst Grünwald, *Das Problem der Soziologie des Wissens*, Wien, 1934.

«позитивизм», хотя он и не совсем точный, является более предпочтительным, чем оценочный термин «вульгарный марксизм», который часто употребляется гегельянствующими марксистами и прочими антиэмпиристами.

Позитивисты. Пауль Сенде полагал, что чувственный опыт сам по себе заслуживает доверия, но что *истолкование* его подвержено социальному влиянию. Эти истолкования составляют идеологию, которая маскирует действительность в интересах правящего класса. Если угнетенный класс познает эту действительность, то он не только уничтожает идеологию, навязанную правящим классом, но также и приступает к свержению этого правящего класса¹². (Согласно этому взгляду, предполагается, как указывает Грюнвальд, что действительность на самом деле дурна.)

Богданов, исходивший из позитивистско-прагматической философии Эрнста Маха, считает сознание средством приспособления в борьбе за существование. Таким образом, сознание каждого человека представляет собой конкретную копию его социального бытия. История человечества состоит из четырех эпох, в каждой из которых специфическое экономическое развитие (которое в свою очередь определяется уровнем техники) порождает определенный склад мышления; каждая эпоха имеет свое собственное представление о причинности. Вторая эпоха, например, берет за основу своей концепции патриархальную социальную организацию с ее схемой непосредственного приказа-повиновения¹³.

Отто Бауэр, наиболее выдающийся теоретик австромарксизма, делает различие между имманентной и трансцендентной интерпретацией психических продуктов. Имманентная интерпретация относится к их социальным корням, но она необходима только в том случае, если подлежащее интерпретации произведение создано в очень быстро меняющийся период истории. В такие периоды имманентное развитие прерывается внешними вмешательствами. Когда Бауэр стал применять свои взгляды к истории идей, то оказалось, что ему приходится непрерывно использовать трансцендентную интерпретацию, то есть воображаемый спокойный поток непотроженного имманентного развития либо никогда не имеет места, либо же если и имеет место, то не в состоянии породить что-либо заслуживающее внимания. Образ жизни отдельного человека является источником его взглядов на природу и мир. Представитель привилегированного класса, планирующий работу, но не выполняющий ее сам, чувствует решающую роль плана, и вследствие этого у него складывается мировоззрение в духе идеализма. У работника физического труда, напротив, вырабатывается материалистиче-

¹² Там же, стр. 118—120; Paul Szende, *Das System der Wissenschaften und die Gesellschaftsordnung*, KVS, 2 (1922), S. 12 и далее; Arthur Child, *The Theoretical Possibility of the Sociology of Knowledge*, «Ethics», 51 (July, 1941), pp. 392—418.

¹³ A. Bogdanov, *Die Entwicklungsformen der Gesellschaft und die Wissenschaft*, 1st ed., 1913, Berlin, 1924; Grünwald, op. cit., S. 120—121.

ский взгляд на вселенную как на состоящую из силы и материи; этот взгляд есть экстраполяция его производственного опыта. Эта теория, будь она истинной или ложной, может быть проверена на фактах¹⁴.

Фогараша защищал марксистов-номиналистов от нападок Карла Маннгейма, указывавшего, что не только мышление буржуазии, но и мышление пролетариата определяются их положением и что если одно является *ipso facto* ложным, то и другое также должно быть ложным (см. раздел о Маннгейме на стр. 462—463). Фогараша допускает, что пролетариат, так же как и буржуазия, имеет классово обусловленное мировоззрение; является ли оно истинным или ложным — это зависит от исторической ситуации¹⁵.

Антипозитивисты. Георга Лукача нельзя заподозрить в том, что он в какой-то мере заражен позитивизмом. Данное им изложение социологии познания представляет собой поэтическую разновидность образного исполнения желаний отчаявшихся марксистов. Его основной идеей является «классовое сознание». Подобное умонастроение не встречается у отдельных личностей, до сих пор еще не удавалось встретить его и в какой-либо другой форме. Это идеал, который должен быть достигнут в ходе истории. Иными словами, это платоновский идеал, или аристотелевская форма. Реализация пролетарского классового познания совпадает с моментом мировой революции. Единственный класс, который в состоянии адекватно осознать всю экономику, учитывая как объективные факты, так и свою собственную классовую позицию, — это пролетариат. Восприятие буржуазией экономической системы является по необходимости неадекватным как с фактической стороны, так и ситуационно. Это — результат диалектики исторического процесса, в котором буржуазия ведет отчаянную борьбу, пытаясь закрыть глаза на истину, представленную пролетариатом. Классовое сознание, включающее марксизм, «приписывается» затем пролетариату в качестве адекватной реакции на его положение. Это, совершенно очевидно, нормативное решение теоретика, декларирующего, что всякий класс должен обладать определенным комплексом убеждений. Вряд ли, однако, можно объяснить, почему ситуационно неадекватное классовое сознание должно приписываться буржуазии — разве что в целях предсказания ожидающей ее судьбы¹⁶.

Макс Адлер различает два направления в социологии познания — эпистемологическое и субстантивное, причем второе зависит

¹⁴ Otto Bauer, *Das Weltbild des Kapitalismus* in «Der lebendige Marxismus: Kautsky Festschrift», 1924; Grünwald, *op. cit.*, S. 122—124.

¹⁵ A. Fogarasi, *Die Soziologie der Intelligenz und die Intelligenz der Soziologie*, «Unter dem Banner des Marxismus», 4 (1930), S. 366; Grünwald, *op. cit.*, S. 125—127.

¹⁶ Georg Lukács, *Geschichte und Klassenbewusstsein: Studien über Marxistische Dialektik*, Berlin, 1923; Grünwald, *op. cit.*, S. 128—137; Raymond Aron, *La sociologie allemande contemporaine*, Paris, 1935, pp. 78—80; Arthur Child, *The Existential Determination of Thought*, «Ethics», 52 (January, 1942), pp. 153—185.

от первого. Он полагает, что кантовские априорные элементы восприятия — пространство, время, причинность и т. д. — недостаточны. «Социальное» также является априорным элементом восприятия. (Кант косвенно показывает, что сознает необходимость этого, и Маркс соглашается с его точкой зрения.) Всякое знание, таким образом, социально обусловлено, и эта предпосылка создает метафизическую основу для всего субстантивного исследования. Психические явления могут быть поняты только в виде стимулов, которые конкретные жизненные условия дали или не дали определенным мыслителям. Идеологии, созданные на основе связи между умственной деятельностью и системами производства и распределения, представляют собой мощные общественные силы. Следовательно, имеются две отдельные науки — буржуазная наука и пролетарская, но существует только одна истина. Оба класса, однако, принимают различные формулировки в качестве истинных. Эта ответственность науки особенно заметна в общественных науках. Пролетариат с большей вероятностью разработает истинную науку, так как интересы развития пролетариата соответствуют истинным результатам истинной социальной науки. Отрицание этой тенденции или сомнение в ней есть доказательство буржуазного мышления и в силу этого недействительно. Подтверждение истинности пролетарской науки обнаруживается в логике диалектики¹⁷.

Такая позиция не представляет особого интереса для негегельянцев и немарксистов, за исключением одной довольно важной предпосылки: принятие или отказ от какой-либо идеологии вообще есть предмет социологии познания. Возникновение какой-либо идеи у индивидуума может происходить из уникальных случаев прошлого опыта, но *принятие* какой-либо идеи большими группами населения или даже небольшим кругом специалистов свидетельствует о том, что переживания разделяются теми, кто принимает эту идею¹⁸.

Ледерер считает себя культур-социологом. Хотя «дух» какой-либо эры возникает из производственных отношений, однако невозможно вывести явления культуры (включая мышление) из производственных отношений. Можно вывести только то, что *не может*, вероятно, случиться. То, что случается, следует объяснять творческим достижением, возникающим из личной стихийности. Ледереровская философия родственна также философии Шелера (см. стр. 458 и сл.). С другой стороны, он напоминает Бауэра, подчеркивая, что идеи обладают имманентным развитием, прерываемым

¹⁷ Max Adler, *Marxismus und kantischer Kritizismus*, «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeitbewegung», 11 (1925), S. 345; *Wissenschaft und soziale Structur*, «Verhandlungen des Vierten Deutschen Soziologentages», Tübingen, 1925; *Lehrbuch der materialistischen Geschichtsauffassung*, 1930; *Kant und der Marxismus*, *Gesammelte Aufsätze zur Erkenntniskritik und Theorie des Sozialen*, Berlin, 1925.

¹⁸ Ernst Lewalter, *Wissensoziologie und Marxismus*, ASS, 64, April, 1930, S. 63—121; Grünwald, *op. cit.*, S. 152—155.

только социальными элементами в переломные моменты социального и экономического развития¹⁹.

Лернер и значение классовых идей. Если говорить о Соединенных Штатах Америки, то в социологии познания Макса Лернера проявляются черты сходства с номиналистским марксизмом. Он убежден, что открытие роли иррациональных элементов в мотивировании человеческих действий является великим достижением двадцатого столетия. Это открытие делает необходимым истолковывать историю как выражение широких классовых сил. Истолковывая мышление с точки зрения классовых интересов, следует избегать преувеличения роли разумного эгоизма. Возросшее влияние пропагандиста, популяризатора и публики часто перевешивает влияние мыслителя. Для того чтобы понять какую-либо идею, недостаточно принять ее, как таковую. «Ведь в истории идей даже их искажения являются частью их смысла — дальнейшим движением в одном из направлений, заложенных в самой идее».

Полный смысл какой-либо идеи можно вывести из четырех компонентов: 1) мыслитель и его биография; 2) интеллектуальная традиция, в которой он творил; 3) социальный контекст, в котором он обнародовал свои идеи; 4) исторические последствия его идей и последующие аудитории, которые он приобрел. Идеи не только возникают в определенных условиях, но также и *используются* в определенных условиях, не обязательно одних и тех же. Во всякой культуре они используются в качестве оружия, применяемого либо как средство для достижения определенных целей, либо для проведения определенных манипуляций. В первом случае принимается во внимание: 1) обоснованность используемой идеи; 2) социальное воздействие, которое за этим последует, и 3) умы тех, на кого оказывается влияние. В последнем же случае учитывается только конечная цель; истинность или ложность идеи не играет роли, а умы тех, на кого должно быть оказано влияние, презируются²⁰.

Некоторые эмпирические исследования исходных положений марксизма: Сентерс и Эйсенк. Сентерс в своем исследовании психологии социальных классов обнаружил, что консервативные взгляды чаще встречаются у деловых людей, чем у рабочих, причем чаще всего в тех слоях, которые могут больше всего выиграть от сохранения status quo. Радикализм и консерватизм — вот где пролегает пропасть между двумя классами, которая все увеличивается²¹.

Количественный метод Сентерса, применявшийся им при изучении классовых позиций, был расширен и усовершенствован Эйсенком в Англии. Эйсенк устанавливает два критерия вместо одного:

¹⁹ E m i l L e d e r e r, Aufgaben einer Kultursozilogie, in M e l c h i o r P a l y i (ed.), Hauptprobleme der Soziologie, Erinnerungsgabe für Max Weber, Bd. 2, 1923; G r ü n w a l d, op. cit., S. 156—158.

²⁰ M a x L e n e r, Ideas Are Weapons, New York, 1939, pp. 3—12. Цитируемое место находится на стр. 6.

²¹ R i c h a r d C e n t e r s, The Psychology of Social Classes, Princeton, 1949, pp. 55—74; см. также H. J. E y e n c k, Social Attitude and Social Class, BJS, 1 (1950), pp. 56—60.

к сентеровской переменной «радикализм-консерватизм» он добавляет еще одну, «жесткость-мягкость». Поэтому он, считая предпочтения, обусловленные партийной принадлежностью, постоянными, помещает своих индивидуумов и группы в поле, определяемое двумя координатами, вместо того чтобы просто расположить их на одной линии. Вот некоторые из тех выводов, к которым он пришел: все группы из среды рабочего класса более упорны, чем соответствующие группы из среды среднего класса; либеральные группы из среды рабочего класса более консервативны, нежели консервативные группы из среды среднего класса; социалистические группы из среды рабочего класса и либеральные группы из среды среднего класса проявляют примерно одинаковую степень радикализма; коммунисты из среды среднего класса радикальнее, нежели коммунисты из среды рабочего класса. Он обнаружил, что у представителей рабочего класса независимо от их принадлежности существует в значительной степени единство мнений по некоторым вопросам и в отношении некоторых утверждений²².

Род занятий, образование и идеология. Уильямс и Мостеллер исследовали связь между некоторыми мнениями и образованием и экономическим положением. Они различают пять образовательных уровней и пять уровней богатства или бедности, причем проанализировали следующие аспекты мнения: 1) информацию, предположения, осознание; 2) социальные стереотипы; 3) мнения относительно мира между народами; 4) вступление в войну; 5) экономические проблемы; 6) политическое одобрение. «Образование оказывается важнее в тех случаях, когда знание фактов дает возможность сделать прогноз... а также... тем, что порождает благодаря более последовательному обучению склонность больше придерживаться некоторых социальных стереотипов, как, например, тех, которые касаются закона и вознаграждения, получаемого благодаря личным качествам. Экономическое положение... определяет мнение в большей степени, чем образование, по всем вопросам... (касающимся) денежных доходов... Мнения бедняков можно в общем охарактеризовать как стремление к росту путем изменения социальной структуры; мнения высшей группы — как стремление к росту без изменения социальной структуры²³.

Гуинн Неттлер использовал методы опроса и голосования для выявления различий в характере тех предсказаний, которые делали представители десяти профессиональных групп относительно некоторых происходивших тогда важных событий. С помощью различных справочно-биографических изданий было отобрано полторы тысячи человек. Были выбраны следующие профессии: пред-

²² H. J. Eysenck, Primary Social Attitudes as Related to Social Class and Political Party, BJS, 2 (1951), pp. 198—209.

²³ Frederick Williams and Frederick Mosteller, Education and Economic Status as Determinants of Opinion, in Hadley Cantril et al., Gauging Public Opinion, Princeton, 1944, pp. 195—208. Цитата находится на стр. 207—208.

ставители деловых кругов, журналисты, политические деятели, государственеды, историки, философы, психологи, социологи и экономисты. Всех их, кроме первых трех групп, можно считать принадлежащими к интеллигенции в том смысле, в каком этот термин употребляет Маннгейм (см. стр. 463—464). В ответах не обнаружилось значительных различий между группами, за исключением одного вопроса — вопроса о том, кто будет новым президентом. Неттлер приходит к выводу, что такого рода различия в специальности не влияют на все познание. Это заставляет Неттлера предположить, что никакое социальное положение само по себе не обусловливает все познание. Следующие факторы, однако, обуславливают связь между социальным положением и познанием: 1) критерий социального положения, применяемый исследователем; 2) тип измеряемого познания и 3) время, в которое измеряется эта связь²⁴. Исследования такого рода ясно показывают, что в этой области мышления вполне возможно подвергнуть любые идеи, марксистские или еще какие-либо, эмпирической проверке.

Изучение стратификации в США. Изучение общественных классов в Америке нередко проводится как часть обследования жителей населенных пунктов. Эта традиция ведет свое начало с исследований, проводившихся супругами Линд в Миддлтауне; в этих исследованиях характеристики членов различных классов в соответствии с их действиями и идеологией являются важными слагаемыми искомым и полученных данных. Штудирование этих работ, а также и других, выдержанных в том же духе, под углом зрения проблем социологии познания — проблем, не представлявших особого интереса для тех, кто проводил эти исследования, — дает возможность извлечь некоторые эмпирические данные и подсказывает методы получения необходимых фактов²⁵.

Миллз изучал идеологии мелких дельцов и служащих в городах средней величины. Взгляды, которых они придерживаются, оказываются часто не соответствующими тем, которые выражают их классовые интересы. Аналогичным образом Анджеевский показывает, что отдельные лица зачастую соглашаются с тем, что лично им невыгодно, и общественные институты порождают идеологии, которые явно им антагонистичны²⁶.

²⁴ Gwynne Nettler, A Test for the Sociology of Knowledge, ASR, 10 (June, 1945), pp. 393—399.

²⁵ R. S. Lynd and Helen M. Lynd, Middletown, New York, 1929, а также Middletown in Transition, New York, 1937; Allison Davis, B. B. Gardner and Mary R. Gardner, Deep South, Chicago, 1941; James West (pseud.), Plainville, USA, New York, 1945; W. Lloyd Warner et al., Democracy in Jonesville, New York, 1949; W. Lloyd Warner and P. S. Lunt, The Social Life of a Modern Community, New Haven, Connecticut, 1941; W. Lloyd Warner and J. O. Low, The Social System of the Modern Factory, New Haven, Connecticut, 1947.

²⁶ C. Wright Mills, The Middle Classes in Middle-Sized Cities: The Stratification and Political Position of Small Business and White-Collar Strata, ASR, 11 (October, 1946), pp. 520—529; Stanislaw Andrzejewski, Are Ideas Social Forces? Там же, 14 (December, 1949), pp. 758—764.

Шютц различает три типа людей в соответствии с тем, какую информацию они расценивали как важную и что считали само собой разумеющимся: эксперт, первый встречный, а также хорошо информированный гражданин. Эксперты и хорошо информированные граждане являются теми, кто они есть, в силу социального одобрения, которое придает вес тому, что они знают. Гендрик де Ман, напротив, сокрушается о фактическом исчезновении хорошо информированного гражданина. Быстрота современных средств коммуникации и распространение массовых источников сведений снабжают индивидуума большим количеством информации, чем он, вероятно, в состоянии усвоить. Вследствие этого он замечает только сенсационное, упуская из виду важное. По деловым соображениям массовые источники сведений стремятся к сенсационному, на которое есть спрос, а не к важному, в чем есть нужда. Для того чтобы найти сбыт, все должно быть крайне упрощено²⁷.

Парк не разделял того интереса к классовому характеру информации, которым проникнуты работы Шютца и де Мана, а использовал более широкий подход. Его выводы, однако, подтверждают те, которые были получены ими. «Масштаб, в котором распространяется новость, определяет масштаб, в котором члены общества участвуют в политических действиях этого общества. Новость... характерным образом ограничивается событиями, вызывающими внезапные и решительные изменения. Исключительное внимание к каким-либо вещам препятствует проявлению реакций на другие, вызывая в результате ограничение сферы действия и характера новости, на которую общество откликнется коллективно или индивидуально. Функция новости в том, чтобы ориентировать человека и общество в реальном мире»²⁸.

Социализация как идеологический механизм. Социология развития и социология воспитания ребенка показывают конкретные механизмы, с помощью которых социальные и экономические факторы класса и положения претворяются через посредство методов воспитания детей и педагогических процедур в различные взгляды, виды и степени познания и в общее мировоззрение. И опять-таки специфические вопросы социологии познания разрабатывались в этой области, но большое количество материала, требующегося для ответа на них, равно как и ряд методов, необходимых для дальнейшего исследования, еще не использовано²⁹.

²⁷ Alfred Schütz, *The Well-Informed Citizen: An Essay on the Social Distribution of Knowledge*, SR, 13 (December, 1946), pp. 463—478; Hendrik de Man, *Vermassung und Kulturverfall*, 2. Ausg., Munich, 1952, S. 87—108.

²⁸ R. E. Park, *News as a Form of Knowledge: A Chapter in the Sociology of Knowledge*, AJS, 45 (March, 1940), pp. 669—686.

²⁹ J. H. Bossard, *The Sociology of Child Development*, New York, 1948, p. 283—328; W. Lloyd Warner et al., *Who Shall Be Educated?*, New York, 1944; A. B. Hollingshead, *Elmtown's Youth*, New York, 1949; Allison Davis and R. J. Havighurst, *Father of the Man*, Boston, 1947; Allison Davis, *Social Class Influences upon Learning*, Cambridge, Massachusetts, 1948.

Изучение неэкономического детерминизма. Термин «антимарксистская социология познания» можно в известном смысле считать противоречивым по своей сущности. До тех пор пока «экзистенциальная детерминация» мыслится исключительно как экономическая детерминация, отказ от экономической детерминации будет рассматриваться некоторыми как включающий в себя отказ от всей социологии познания. Но можно рассматривать другие аспекты жизни как столь же или более важные, чем экономические аспекты; или же связь между психическими и экзистенциальными элементами какой-либо культуры можно увидеть в иной связи, нежели односторонний детерминизм.

Шелер: связь между реальным фактором и идеальным фактором. Оба взгляда на социологию познания проявляются в работах Макса Шелера, подходившего к социологии познания с определенным намерением «преодолеть» как марксизм, так и позитивизм. Он выводит определенность из феноменологических допущений и из допущений, основанных на присущих организму свойствах. Общество есть подлинная и изначальная реальность; это наиболее непосредственный опыт индивидуума, известный ему не по частичной информации и наблюдению, а через непосредственную тотальную интуицию. Он также знает других членов общества, постигая их непосредственно благодаря их органической связи с ним. Всякое дальнейшее знание приобретается в социальных терминах. Однако социальные условия или *реальные факторы* не определяют ни познания, ни мышления. Они только делают это возможным; действительно приходят в голову лишь потенциальные мысли, допускаемые этими факторами. Истоки мысли следует искать в *идеальных факторах* — в царстве вечных истин, идей и ценностей, которые существуют в непреходящей собственной иерархии. Реальные факторы открывают и закрывают шлюзовые ворота, чтобы мысль могла перейти от возможности к действительности. Социология познания должна поэтому открыть «закон преемственности», в соответствии с которым реальные и идеальные факторы взаимодействуют в истории.

Согласно Шелеру, структура человеческих влечений определяет реальные факторы, доминирующие в данном обществе. Существует определенная последовательность типов интеграции; доминирование кровных и родственных уз характерно для первой стадии; преобладающее значение политической власти и власти над природой характеризует вторую стадию; третья, нынешняя стадия характеризуется возрастающей ролью экономических стимулов. Эта последовательность влечений человека восходит к своего рода «старению» человеческих обществ и соответствует изменениям, связанным с процессом старения у отдельной человеческой особи. Аналогичность этой стадии контовской стадии довольно очевидна³⁰.

³⁰ Max Scheler, «Vorrede» и «Einleitung» в его книге: «Versuche zu einer Soziologie des Wissens», а также «Die Wissensformen und die Gesell-

Хонигсгейм и значение нерациональных элементов. Хонигсгейм является автором выдающихся работ, касающихся единства стиля в экономической и духовной культуре, связи между молодежным движением и познанием, схоластики, реализма и номинализма, а также мистицизма. Единство стиля между психической и экономической жизнью обнаруживается на трех стадиях эволюционного ряда, если подходить типологически. На первой стадии магия и экономика составляют одно в недифференцированном обществе нерелефлирующей орды. Позднее как психическая, так и экономическая жизнь являются частью универсальной теократии, как в средневековой схоластике. В эпоху Возрождения наука и экономика обретают единство стиля и свободную связь друг с другом благодаря возникновению индивидуализма. Абсолютизм устанавливает господство государства как над наукой, так и над экономикой. Либерализм рассматривает государство, экономику и науку в свободном сосуществовании. В нашу эпоху психическая жизнь подчинена экономике и проявляется как выражение механизации мира. Таким образом, марксизм является истинным для своей собственной эпохи³¹.

Хонигсгейм подчеркивает, что иррациональное стремление наряду с подчинением харизматическому руководству характерно для германского молодежного движения. Он отмечает уменьшение способности наблюдать конкретные вещи, неспособность подойти к чему-либо научно, веру в то, что лишь опыт, порожденный любовью, может дать знание. Он объясняет возникновение этого движения, указывая на некоторые социальные и экономические условия, но может привести только одну причину того, почему те же самые условия не породили аналогичные движения в других странах. Этим исключительным элементом является немецкое философское умонастроение, усиленное и гиперболизированное в молодежном движении³².

schaft», Leipzig, 1926; H a n s - J o a c h i m L i e b e r, Wissen und Gesellschaft, Die Probleme der Wissenssoziologie, Tübingen, 1952; H o w a r d B e c k e r and H. O. D a h l k e, Max Scheler's Sociology of Knowledge, «Philosophy and Phenomenological Research», 2, (March, 1942), pp. 309—322; H. O. D a h l k e, The Sociology of Knowledge, in H. E. B a r n e s, H o w a r d B e c k e r, F r a n c e s B. B e c k e r (eds.), Contemporary Social Theory, New York, 1940, pp. 64—87; A r t h u r C h i l d, The Existential Determination of Thought, loc. cit., pp. 153—185; R. K. M e r t o n, The Sociology of Knowledge, «Isis», 27 (November, 1937), pp. 493—503; R. K. M e r t o n, Social Theory and Social Structure, pp. 217—245; M a u r i c e M a n d e l b a u m, The Problem of Historical Knowledge, New York, 1938, p. 147 и далее, G r ü n w a l d, op. cit., S. 158—171; G. L. D e G r é, Society and Ideology, New York, 1943, pp. 10—22.

³¹ P a u l H o n i g s h e i m, Stileinheit zwischen Wirtschaft und Geisteskultur, in M a x S c h e l e r (ed.), Versuche zu einer Soziologie des Wissens, S. 256—262.

³² P a u l H o n i g s h e i m, Jugendbewegung und Erkenntnis, там же, S. 389—406. Cp. H o w a r d B e c k e r, German Youth: Bond or Free, New York, 1946.

Мистицизм расцветает преимущественно в эпоху дологического мышления. В эпоху государств и письменных религий он расцветает всякий раз, когда государство поддерживает мистика в его сопротивлении высокоорганизованной религии. Весьма благоприятной для мистики является религиозно направленная унифицированная культура со всеохватывающей иерархией ценностей, построенной в виде пирамиды универсальной теократии. Мистицизм может быть связан с наукой, когда наука является разновидностью схоластики. Мистик утверждает, что он обладает способностью постигать непосредственно сущности и существенные связи. Таким образом, феноменологист является в известном смысле мистиком³³.

Культурно-психический детерминизм Сорокина. В самом фундаментальном труде в области социологии познания, в исследовании Питирима Сорокина, посвященном социальной и культурной динамике³⁴, рассматриваются критерии истины. По утверждению Сорокина, доминирующая культура обуславливает то, что какое-либо общество считает истинным или ложным, научным или ненаучным, справедливым или несправедливым, законным или незаконным, прекрасным или уродливым. «Природа культуры» определяется «основными предпосылками культуры» — допущениями, касающимися «природы реальности, природы потребностей и желаний, подлежащих удовлетворению, и метода удовлетворения».

Исходя из этих предпосылок, Сорокин различает три основные формы культуры. В *идеациональной* культуре реальность рассматривается как нематериальное и вечное бытие; потребности и желания являются духовными; степень их удовлетворения самая большая, и уровень самый высокий, методом же осуществления является аскетизм. *Чувственное* мышление рассматривает реальность как то, что представлено органам чувств; она мыслится как находящаяся в процессе изменения или становления; потребности являются физическими, и имеется стремление к их максимальному удовлетворению; они реализуются путем модификации и эксплуатации внешнего мира. Хотя встречаются и смешения этих двух типов, только одно из этих смешений является логически цельным — *идеалистическое* мышление. Здесь реальность имеет черты вечного Бытия, равно как и Становления, и включает в себя аспекты как духовного, так и материального порядка. Потребности и желания являются и духовными и материальными, но при их удовлетворении материальное подчинено духовному. Метод реализации потребностей включает модификацию своего «я» и внешнего мира.

Каждому из этих типов культуры-мышления при этом соответствует своя преобладающая система истины. Ниспосланная свыше

³³ Paul Honigsheim, *Soziologie der Mystik*, in Scheler, op. cit., S. 323—346.

³⁴ P. A. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, New York, 1937—1941, 4 vols. В т. 1 излагаются общие положения, в т. 2 содержится сорокинская «социология познания», а в т. 4 рассматриваются основные принципы и методы.

истина — истина веры — соответствует чисто идеациональному мышлению. «Научная» эмпирико-чувственная система истины соответствует чувственному мышлению. При наличии смешанного идеалистического мышления развивается рационализм, или непоследовательное смещение истин веры, разума и чувств. Скептицизм, убеждение в невозможности постижения неоспоримой истины, доминирует в пассивно-чувственном и циничном мышлении. Фидеизм, отчаянное желание верить, возникающее у неверующих, встречается при идеационально-упадочном мышлении. Таким образом, согласно определению, критерии истины являются частью данных типов мышления или культур.

Сорокин применял количественный метод для измерения того, что большинство исследователей до него считало неизмеримым, — флуктуаций систем истины и флуктуаций первых принципов, то есть критериев истины. Беря двадцатилетние периоды в качестве своих единиц времени, он перечислил всех известных философов, живших в каждую из этих единиц времени, и оценил их значение на основе двенадцати критериев, которые, к сожалению, не настолько четко определены, чтобы дать возможность повторить произведенную им процедуру оценивания. Затем он классифицировал их в соответствии с использованием ими той или иной системы истины и первых принципов. Таким образом, каждому двадцатилетнему периоду был придан свой цифровой эквивалент, показывающий количество и значение мыслителей, которые творили в этот период и являлись представителями одного из многих направлений философии. Эти цифры затем были расположены во временные ряды для каждого вида первого принципа и для каждого вида системы истины. При коррелировании соответствующих временных рядов были получены весьма высокие коэффициенты корреляции. Это не удивительно, если учесть, что родственные временные ряды содержат в значительной степени одних и тех же мыслителей, классифицированных с различных точек зрения, но оцененных при помощи того же эталона. Таким образом, коэффициенты измеряют в большей степени логическую последовательность чередования мыслителей на протяжении истории, нежели социологические факторы.

Сорокин не связывает критерии истины, первые принципы, ни с искусством, ни с войной, ни с какими-либо другими переменными, рассматриваемыми в его работе. К ним он применяет «культур-мыслительную» переменную, в которой, однако, содержится в значительной степени эпистемологический компонент. Он совершенно ясно дает понять, что, по его мнению, полученные данные подтверждают его точку зрения относительно того, что мышление, включая идеи о природе реальности, является определяющим фактором, а непсихические элементы — зависимыми переменными. К сожалению, его статистические материалы носят чисто описательный характер, причем не дано ни коэффициентов корреляции, ни других критериев, показывающих связи.

Две особенности придают ценность работе Сорокина: во-первых, она приближается к такой социологии познания, которая пытается показать, что психические факторы определяют экзистенциальные факторы, а не наоборот. Во-вторых, количественные методы применялись к историческим данным за длительные промежутки времени с целью получения выводов относительно общих связей. Все же сам Сорокин склонен, по-видимому, недооценивать второй аспект, так как он использует статистические данные, преимущественно желая показать, что прекрасно обошелся бы и без них, с помощью одной только логики и интуиции.

СИНТЕЗИСТЫ И ЭКЛЕКТИКИ

Карл Маннгейм и конструируемые типы. Некоторые авторы пытались объединить противоположные идеи сторонников марксистской и антимарксистской социологии познания. Выдающейся фигурой является здесь Карл Маннгейм, с именем которого американцы, как занимающиеся, так и не занимающиеся социологией, связывают социологию познания. Выдающееся положение Маннгейма в этой области частично объясняется тем, что его книга «Идеология и утопия» («Ideology and Utopia») была первой работой на английском языке, в подзаголовке которой был использован термин «социология познания»; кроме того, Вирт в своем предисловии к его книге обещал, что она явится важным вкладом в теорию, изучение и разрешение многих конкретных зол нашей эпохи³⁶, а также и потому, что некоторые американские социологи надеялись, что все эти благие последствия сыграют еще большую роль благодаря использованию методов, которые они давно отстаивали, не будучи, однако, в состоянии продемонстрировать желаемые результаты. Благодаря своему выдающемуся положению Маннгейм был мишенью многочисленных нападок и критики. И к тому же у него нашлось мало защитников. Помимо Вирта, можно назвать Пауля Кечкемети, который, однако, в ходе в общем благоприятной дискуссии защищает Маннгейма только от двух из многих выдвинутых против него обвинений. Вагнер же указывает, что обвинение в непоследовательности и смешении рушится, если понять, что сочинения Маннгейма не имеют отношения к эмпирическому анализу, «хотя бы даже того рода, к которому стремились Макс Вебер или Дьюи»³⁶.

Маннгейм в основном принимает марксистскую идею об идеологическом мышлении. *Частная идеологическая концепция возникает*

³⁶ Louis Wirth, Preface to Karl Mannheim, *Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge*, translated by Louis Wirth and E. A. Shils, New York, 1936, pp. XXIX—XXX.

³⁶ Paul Kecskemeti, Introduction to Karl Mannheim, *Essays on the Sociology of Knowledge*, translated by Paul Kecskemeti, London, 1952, pp. 1—32; H. R. Wagner, Mannheim's Historicism, SR, 9 (September, 1952), pp. 300—321.

тогда, когда о мнении противника известно, что оно искажено бессознательным и непреднамеренным воздействием его жизненной ситуации. Полная идеологическая концепция, с другой стороны, подразумевает, что вся система мышления противника неизбежно является идеологической. Первый подход основан на психологическом приписывании мотивов индивидуумам, второй — на установлении связи между системой мышления и теми условиями, при которых она, как говорят, возникает. Хотя приверженцы марксизма считают его истинным на гегелевской исторической основе, Маннгейм считает марксизм столь же «идеологическим», как и те взгляды, против которых он выступает.

Тем не менее политические идеологии являются единственным видом познания, который Маннгейм анализирует в своей фундаментальной работе. В его теоретических сочинениях понятие о «познании», хотя оно и не определено, по-видимому, настолько расширено, что включает в себя любой вид познания, веры или мышления. Маннгейм отвергает отделение ценности от факта, как отличного по своей сущности, и рассматривает «познание» и того и другого как нечто единое и неделимое. Он утверждает, однако, что формальное познание и точные науки (но отнюдь не общественные науки) не подвергаются воздействию ни общественных, ни исторических ситуаций. Отношение между условиями, которые «определяют», и мышлением, которое «определяется», не является полным причинным определением, а представляет собой некую иную неопределенную форму связи, иногда именуемую «корреспонденция». Эта неизвестная связь относится к системам мышления и к различным интеллигентам, представляющим общественные классы. Однако классы мыслятся скорее в идеальной форме, нежели как конкретные совокупности лиц. В своем фундаментальном труде Маннгейм, по-видимому, подразумевает, что принятие классовой идеологии и есть принадлежность к классу. Мировоззрение (*Weltanschauung*) класса или группы опять-таки конструируется идеально, поскольку никто из его представителей не придерживается и даже не знает точки зрения этого класса полностью. Наблюдатель формирует ее как логическое единство из отдельных проявлений мышления; это мировоззрение, которого люди *должны* придерживаться, находясь в данной позиции. Позднейшее наблюдение даст возможность обнаружить, до какой степени реализуется мировоззрение.

«Экзистенциально-определенное» мышление — например, классово направленное мышление — не является как таковое само по себе недействительным. Но система мышления какой-либо группы, меньшей, нежели общество в целом, не будет, вероятно, содержать всю истину. Целый ряд идеологий с различными перспективами сосуществует, причем каждая из них претендует на то, чтобы представлять всю истину, но в действительности содержит только часть ее. Подлинная и полная истина может быть найдена только независимыми интеллигентами, не привязанными ни к какой экзистенциальной позиции и настолько свободными, что они имеют

возможность стать — в действительности или в воображении — на любую позицию. Благодаря этому они достигают понимания всех идеологий со всех точек зрения и могут обнаружить полную и настоящую истину. Истина в этом абсолютном смысле оценивается в смысле соответствия данной исторической стадии. Взгляды, которые помогают людям приспособиться к настоящему, являются истинными; приспособление, однако, остается неопределенным. Взгляды являются истинными, если, будучи воплощенными в жизнь, они ломают существующий строй и создают новый. Интеллигент, который должен вынести суждение о наличии истины в каком-либо взгляде, должен, следовательно, иметь ясное представление о будущем ходе исторического процесса. Маннгейм не объясняет, каким образом можно приобрести это познание будущего³⁷.

Упомянем только некоторые из тех обвинений, которые были выдвинуты против Маннгейма его критиками. Арон говорит об «*un Marxism caricatural*», в котором реальность основывается, как и в марксизме, на своего рода «религиозной вере»; в том же духе выступает и Г. Отто Дальке. Вагнер перечисляет ряд важных вопросов, на которые Маннгейм не дал ответа, и обвиняет его в том, что он недостаточно придерживался историзма. Мертон находит, среди прочего, что, оставляя взаимоотношения между экзистенциальными факторами и мышлением без определения, Маннгейм, «фактически исключил возможность формулирования проблем для эмпирического изучения». Мандельбаум считает, что Маннгейму, несмотря на его усилия, не удалось избежать релятивизма. Беккер выдвигает аналогичное обвинение, а также ряд других, столь же уничтожающих³⁸.

Чайлд полемизирует с Маннгеймом относительно метода, посредством которого тот делает выводы. Он показывает, что Маннгейм определяет тотальность мышления группы или класса не только как идеальный тип, но и как воспроизведение реальности. Но где же должна существовать эта реальность, если она не существует у отдельных членов группы или класса? Маннгейм совершенно ясно дает понять, что ее не следует даже рассматривать как сумму или интеграцию мышления членов группы. Но индивидуум участвует в этой тотальности. Каким же образом, вполне справедливо спрашивает Чайлд, может член группы участвовать в такой системе мышления (и даже подвергаться ее влиянию), которая создана в уме наблюдателя?³⁹

³⁷ См. цитировавшиеся выше работы Маннгейма, а также его книгу: «*Essays in Sociology and Social Psychology*», edited by Paul Kecskemeti, New York, 1953.

³⁸ A r o n, op. cit., pp. 85—93; W a g n e r, op. cit., p. 303; R. K. M e r t o n, *Social Theory and Social Structure*, pp. 247—264; M a n d e l b a u m, op. cit., p. 82, B e c k e r and B a r n e s, op. cit., pp. 921—927; цитируемые строки содержались уже в 1-ом издании (1938).

³⁹ A r t h u r C h i l d, *The Problem of Imputation in the Sociology of Knowledge*, «*Ethics*», 51 (January, 1941), pp. 200—219.

Шельтинг и социологические выводы из типов познания. Шельтинговская социология познания представляет собой попытку синтезировать противоположные теории в соответствии с подходом к социологии Макса Вебера. Различие между «культурным» и «цивилизационным», которое делает Альфред Вебер, является основным в его мышлении, частично сформировавшемся на основе критики им взглядов Маннгейма⁴⁰. Позитивное или объективное знание, то есть цивилизационное познание, развивается в соответствии со своей имманентной структурой. Социально детерминирован только *отбор* проблем, но не их разрешение. Познание культурного типа, с другой стороны, вытекает из существования человека как мыслящего, желающего и любящего существа. Отсюда возникают идеи, которые существенно отличаются от фактического познания. В истории науки и идей познание и идеи обычно выступают в различных смещениях. Эти смещения необходимо разложить посредством применения неизменных канонов логики. Социология познания должна применяться к четырем типам различных психических явлений совершенно по-разному: 1) те, которые не имеют ценности как познание какого-либо рода; 2) познание на низшей стадии развития, неполное и несовершенное; 3) познание, которое сейчас считается вполне действительным, и 4) познание, которое будет считаться действительным всяким, кто поставит себя на место создателя этого познания. Изучая эти типы, социология познания должна сосредоточиться на социальных группировках и внеученных позициях, которые обычно, или в данной исторической ситуации, благоприятствуют или препятствуют возникновению научного мышления⁴¹.

Грюнвальд и возврат к релятивизму. Грюнвальд, однако, безжалостно критикует Шельтинга за использование веберовского различия между цивилизационным и культурным познанием. Он указывает, что фактически разделение такого рода невозможно. Тем не менее он проводит четкую грань между социологией общества и социологией культуры и включает социологию познания в последнюю. Это — общественная наука; присущим ей методом является «понимание». Она утверждает, что духовная жизнь («культура») определяется общественной; таким образом, она находится на том же уровне, что и другие виды детерминизма — расовый, характерологический, географический, glandулярный и т. п. Ни одно из этих утверждений не является безоговорочно действительным для каждого. Любая из этих теорий, включая социологию познания,

⁴⁰ Критические высказывания содержатся в следующих работах: Grünwald, op. cit., S. 186—217; Becker and Barnes, loc. cit., pp. 921—927; Dahlke, op. cit., S. 64—89, в особенности на стр. 82—85; R. K. Merton, The Sociology of Knowledge, in «Social Theory and Social Structure». Одной из попыток проверки теории Маннгейма является работа: Alvin Boskoff, The Farm Bloc and Agrarian Ideology (unpublished master's thesis, Columbia University, 1948).

⁴¹ Schelling, op. cit., pp. 65—177; Zum Streit um die Wissenssoziologie, ASS, 62 (1929); S. 1—66.

просто представляет собой одну из возможных интерпретаций. Если она избирается в качестве пути к интерпретации, то тогда мышление рассматривается как проявляющееся существование. То, что порождают здесь социальные условия, — это не суждения, а «материал суждения». Грюнвальд заявляет, что эту сущность нельзя выразить словами. В материале суждения значение присутствует как возможность; в действительных суждениях заключен имманентный смысл⁴².

Преобразование реальности мышлением: Либер. Либер, изучая историю социологии познания, приходит к некоторым выводам относительно адекватной социологии познания. Написанная им история этого предмета поистине примечательна, поскольку в ней совершенно не упоминаются работы французских исследователей, а также не приводятся никаких сведений относительно стран, говорящих на английском языке, после эпохи сэра Фрэнсиса Бэкона. Либер полагает, что всякая социология познания должна задавать два вопроса: 1) существует ли какой-либо род познания, который можно считать связанным с бытием, 2) какова природа этих связей. Либер обнаруживает единодушие среди специалистов по социологии познания относительно того, что только в общественных науках познание связано с бытием. Что же касается второго вопроса, то здесь можно занимать либо умеренную, либо радикальную позицию. Умеренная рассматривает реальные факторы, подобно тому как это делает Шелер, как единственные элементы для реализации рассудка или духа, но не как имеющие влияние на его содержание. В радикальных ответах рассудок рассматривается как функция динамизма реальности. Таким образом, рассудок сам делается историческим, вместо того чтобы оставаться выше истории или направлять ее. Связь между реальностью и рассудком может быть либо *причинной* связью, либо *связью выражения*. Принятие радикального ответа исключает всякую возможность веры в абсолютно достоверную науку. Социология познания просто дает дополнительное орудие для понимания общественных наук, которое следует рассматривать как координированное на том же уровне, что и другие аналогичные орудия. Человек всегда в состоянии с помощью мышления преодолеть узы, связывающие его с реальностью. Релятивизм не может основываться на выводах социологии познания: научное мышление, даже в общественных науках, руководствуется этосом, который гарантирует объективность, исключает влияние связей на реальные факторы и сам не обуславливается этими связями⁴³.

Европейское влияние на американских эклектиков: Дегре. С немецкими синтезистами связаны некоторые американские ученые, пытающиеся объединить взгляды различных и зачастую противоположных школ. Их подход, однако, обычно не основан на диалектической идее синтеза. Они выбирают из различных источников руко-

⁴² Grünwald, op. cit., S. 52—106, 182—183, 228—234.

⁴³ Lieber, op. cit., S. 139—146.

водящие идеи, которые используются независимо, не связаны ни с какой более широкой системой мышления или же соединены в какую-либо более или менее стройную схему. Для эклектических мыслителей характерно, что они тяготеют к европейскому мышлению; исследованиями американцев они в значительной степени пренебрегают.

Дегре является типичным представителем этой эклектической школы мышления. Его мозаика мыслей, собранных из различных противоположных теорий, обогащена ссылками на Ницше, Сореля, Парето, Знанецкого и других. С его точки зрения, субструктура человеческих действий создается объективными ситуациями. Позиционная структура человеческого фактора интерпретирует субструктуру и вызывает конкретные социальные действия, которые в своей совокупности образуют надстройку. Но социальные действия, включающие передачу «истины» от одного индивидуума к другим, представляют преимущественный интерес для социологии познания. Она изучает социологию гностика (изрекателя «истины») и те «истины», которые он сообщает. В основном следует открыть отношение идей к позиционной структуре приверженца данной идеи. Это предполагает, что конструированные типы позиционных комплексов уже имеются. Субъективно-значимые элементы или комплексы следует затем соотнести с внешней социально-исторической ситуацией, в которой они встречаются. И действительно, тогда оказывается, что метод социологии познания должен быть таким же, как и метод социологии вообще⁴⁴.

Различие между идеологическим созиданием и принятием: Шпейер. Шпейер стремится избежать опасностей социологического детерминизма. Потребности и способы их удовлетворения могут иметь или не иметь отношения к осуществлению какого-либо процесса мышления. Однако в тех случаях, когда исследование ведется из стремления к знанию, практические нужды не играют роли. Технические и пропагандистские суждения, с другой стороны, явно связаны с требованиями ситуации, и их следует изучать в этой связи. Природа связи не должна устанавливаться априори, ее необходимо открыть эмпирически. Поиски аудитории пропагандистом должны изучаться социологически, путем анализа аудитории в соответствии с ее социальным составом и этосом. Исходя из этого, следует объяснить специфический тип пропагандиста и его возникновение. Наконец, необходимо исследовать средства коммуникации. При изучении философов проблема осложняется тем, что окружение философа в отличие от окружения пропагандиста простирается через все века. Специалистам по социологии познания придется выяснить, в какой мере философ являлся пропагандистом в свою собственную эпоху и в какой мере он перешагнул потребности своей собственной эпохи и стал оказывать непреходящее влияние на этос позднейших поколений. Специалист по социологии познания

⁴⁴ De G r é, op. cit., pp. 94—111.

изучает также, в какой мере свобода или ограничение поисков истины облегчали, душили или направляли эти искания. Самый факт, что идеи используются для удовлетворения потребностей, не доказывает, что они возникли из этих потребностей. Интеллигенция, порождающая теоретическое и идеологическое мышление, не является социально отчужденной, как утверждал Маннгейм, а представляет собой привилегированный класс с определенной социальной и экономической зависимостью и связями⁴⁵

Социальная психология идеологической продукции: Чайлд. Чайлд как философ не придерживается строго социологического направления. Рассмотрев с удивительной четкостью работы многих специалистов по социологии познания, он выдвигает свою собственную теорию, которая оказывается психологической по характеру. Он создает свою собственную психологию, вводя группы «категорий», сущностей, которые формализуют намерения, и предрасположений, которые в свою очередь формируются позициями. Позиции являются социально приобретенными в духе мидовских социальных взаимодействий, но компоненты «социального» не перечисляются и не определяются. В заключительном анализе Чайлд больше говорит о событиях и связях, имеющих место в самом мыслителе, нежели об отношениях между актами мышления или познания, с одной стороны, и действиями иного характера прочих лиц — с другой⁴⁶

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ

Парадигма для социологии познания. Мертон индуктивно пришел к ряду вопросов, ответы на которые дадут законченную теорию социологии познания. Первый вопрос касается экзистенциального базиса психической продукции. Мертон различает два класса возможных ответов: либо социальные базы, такие, как класс, поколение, род занятий и т. п., либо культурные базы, такие, как ценности, этос, народный дух и т. п. Он опускает возможность того, что психическая продукция может рассматриваться как базис экзистенциального развития или что отношение можно считать взаимным. С другой стороны, он не ограничивает экзистенциальный базис непсихическими явлениями. Таким образом, социология познания, согласно его определению, могла бы являться исследованием психологии или логики.

В следующем вопросе речь идет о том, какие виды психической продукции следует анализировать. Этот вопрос влечет за собой

⁴⁵ Hans Speier, *The Social Determination of Ideas*, SR, 5 (May, 1938), pp. 182—205.

⁴⁶ См. следующие работы: Arthur Child, *The Theoretical Possibility of the Sociology of Knowledge*, «Ethics», 51 (July, 1941), pp. 392—418; *The Existential Determination of Thought*, loc. cit.; *The Problem of Imputation in the Sociology of Knowledge*, loc. cit.; *The Problem of Imputation Resolved*, «Ethics», 54 (January, 1944), pp. 96—109.

два других: какие сферы — из таких, как идеология, этика, наука, категории мышления и т. п., — следует изучать и какие их аспекты — как, например, центры внимания, уровень абстракции, способы проверки и т. п. — следует анализировать.

Третий вопрос: как различные виды психической продукции связаны со своими экзистенциальными базами? Ответ может подчеркнуть причинные и функциональные отношения; он может подчеркнуть символические, органичные, смысловые отношения или же суть может оставаться неясной или двусмысленной.

Четвертый вопрос затрагивает явные и латентные функции, присущие различным видам психической продукции; такие функции включают в себя сохранение власти, ориентации, эксплуатации и т. п. Последний вопрос касается времени, в которое складываются связи. Ответ может быть либо в историческом разрезе (ограничиваясь определенными обществами или культурами), либо в разрезе общей аналитической теории⁴⁷.

Проблемы эмпирического исследования и выводы: Дегре и Вольф. Дегре считает необходимым проведение в первую очередь монографического изучения дивергентных социальных групп и позиционных комплексов, через посредство которых интерпретируется опыт. Следует изучить ту роль, которую играют в различных обществах эмоционально насыщенные комплексы, такие, как коммунизм, фашизм, свобода и т. п. Наконец, социология познания должна обнаружить «взаимовлияние» социально-исторических условий и самой общей структуры познания на формальном уровне. Вольф согласен с Дегре в том, что имеется необходимость в более фундаментальном изучении социологии познания. Существует ли, например, такая вещь, как «центральная позиция», тотальный контекст, в котором один элемент делает понятными все остальные? Существуют ли типичные центральные позиции? Имеются ли основания говорить о магических, религиозных, артистических, философских, научных и подобных позициях? Можно ли эмпирически обосновать такие термины, как «дистанция» (интенсивность участия автора психического события в некоторых элементах события), «само собой разумеющаяся область», «остаточная область»? Темы исследования, которые перечисляет Вольф, показывают широкий круг его интересов. Вольф не ограничивается изучением исторических событий *ex post facto*, но уделяет внимание также и проблемам, целью которых является установление общих связей⁴⁸.

Программа исследований: Вагнер. Вагнер полагает, что Маннгейм и другие не уделили достаточного внимания некоторым важнейшим проблемам: социальной обусловленности человеческого познания; происхождению и распределению познания на уровне здравого смысла; формированию социальных и политических идеологий;

⁴⁷ M e r t o n, *Social Theory and Social Structure*, pp. 221—222.

⁴⁸ D e G r é, *op. cit.*, pp. 105—107; K. H. W o l f f, *The Sociology of Knowledge, Emphasis on an Empirical Attitude*, «Philosophy of Science», 10 (April, 1943), pp. 104—123.

влиянию социальных факторов на формулирование социальных теорий и на направление научных интересов; отбору определенных тем исследований для популяризации; преобразованию специализированного познания в общее на научном уровне; неизбежным ограничениям, налагаемым на процессы познания особенностями культурных ситуаций и социальных структур; скрытому воздействию, которое «тональность», «климат мнения» и «относительные природные аспекты мира» оказывают в различных социальных единицах на общие идеи и ориентацию мыслителей и исследователей, на их оперативную систему отсчета, а также на направление их анализов и на интерпретацию результатов⁴⁹

НЕКОТОРЫЕ ТАНГЕНЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социология университета и ученого. Книга Веблена «Теория праздного класса» («Theory of the Leisure Class») могла бы стать отправным пунктом для американской социологии познания, но за ней не последовало ни конкретных исследований, ни даже дальнейшего расширения работы в области спекулятивного мышления. Его книга «Высшее образование в Америке» («The Higher Learning in America») хотя и вызвала раздражение американских ученых, затронув их хронически болезненное место, тем не менее проложила путь для исследований, которые внесли важный вклад в отечественную американскую социологию познания⁵⁰.

Изучение Вильсоном «специалиста с высшим образованием», среды, из которой он вышел, и статуса; сообщение Сибли о социальном происхождении, отборе и подготовке специалистов по общественным наукам; изучение Бекон социального и экономического состава советов попечителей университетов; отдельные разделы работы Джордана, название которой звучало как вдохновляющий лозунг «К черту бизнес!», и разделы более специализированного исследования Барбера, изучавшего отношения между наукой и социальным строем, — все они являются краеугольными камнями на этом пути. Сюда примыкает также исследование Кента, посвященное мытарствам, которые приходится претерпевать иммигрантам-интеллигентам в Америке⁵¹. Уилсон, Джордан и Барбер особенно интересуются влиянием условий академической жизни, как они их описывают, на ученого. Кент в своем исследо-

⁴⁹ Wagner, loc. cit.

⁵⁰ Обратите внимание на последнее переиздание кн.: «The Higher Learning in America» с предисловием Дэвида Рисмэна (Stanford, California, 1954).

⁵¹ Logan Wilson, *The Academic Man*, New York, 1942; Elbridge Sibley, *The Recruitment, Selection and Training of Social Scientists*, New York, undated; H. P. Beck, *Men Who Control Universities*, New York, 1947; Elijah Jordan, *Business Be Damned*, New York, 1952; Bernard Barber, *Science and the Social Order*, Glencoe, Illinois, 1952; D. P. Kent, *The Refugee Intellectual*, New York, 1953.

лении настолько концентрирует внимание на «американизации» и «приспособлении», что ответ на вопрос о том, какое влияние американская академическая среда оказывает на продукцию европейского ученого, можно получить только из случайных упоминаний.

С этой тенденцией, изучением «специалиста с высшим образованием», связано исследование Знанецкого, посвященное различным типам людей науки. Он не занимается рассмотрением специфической позиции современных американских ученых внутри их академических коллективов, а задает более широкий вопрос: какую социальную функцию человек науки выполняет во всех культурах и во все времена? Используя конструированные типы, то есть плановый отбор и манипулирование культурно-историческими материалами, Знанецкий выделяет четыре типа людей науки, действующих в определенных типах культурных условий. Технологи, мудрецы, учителя и исследователи-созидатели — каждый из них служит своей эпохе определенным видом познания. Фактически работа Знанецкого более пригодна для «понимания» *ex post facto* прошлых периодов, чем для прогнозов. С развитием методов, измеряющих соответствия типам, может оказаться возможным преобразовать качественные формулировки Знанецкого в количественные, предсказывающие формулы⁵².

Типологии интеллигентов и их функции. Еще в 1926 году Пауль Хонигсгейм, обнаружив кризис в системе высшего образования в Германии, разработал типологию лиц, которые создают или приобретают составные элементы высшего образования. Типы профессоров — ученый, аристократический государственный служащий, промышленный капиталист, *litteratus*, или журналист, пророк и организатор — дискурсивно связаны с различным характерным окружением и с группами последователей. То же самое было сделано и в отношении студентов, среди которых он различал следующие категории: члены студенческих обществ, преуспевающие дельцы, филологи, правительственные служащие, занимающиеся без отрыва от работы, и участники различных молодежных движений. По его мнению, эти и другие влияния — экономические, политические и религиозные по природе — обуславливают исчезновение *Gemeinschaft* и замену его нежелательным *Gesellschaft*. В своей работе, напечатанной в том же сборнике, что и работа Хонигсгейма, Гельмут Плесснер обнаружил черты сходства в характере деятельности квалифицированного, объективного руководства предприятием и проведения квалифицированного объективного исследования в науке. В университете принципы научного исследования становятся правилами социального взаимодействия между специалистами. Таким образом, университетская организация,

⁵² Florian Znaniecki, *The Social Role of the Man of Knowledge*, New York, 1940; Israel Gerver and Joseph Bensman, *Toward a Sociology of Expertness*, SF, 32 (March), 1954, pp. 226—235. Cp. James K. Feibleman, *On Quality*, «Journal of Philosophy», 53, 21 October, 1956, pp. 625—634.

хотя она и не является гуманной, способствует научным исследованиям⁵³.

Теодор Гейгер (Дания) отверг эти проблемы почти тем же путем, что и наши американские ученые. Его исходным пунктом, однако, является отказ от концепции Карла Маннгейма относительно синтезирующей функции интеллигентов в отношении познания. Гейгер полагает, что интеллигенция имеет общественное задание. От интеллигентов ожидают, что они создадут новые культурные ценности, точно так же как от предпринимателей ожидают, что они создадут новые экономические ценности. Как носители этих ожиданий интеллигенты и предприниматели образуют две элиты современного общества. От интеллигентов, кроме того, ожидают, что они рационализируют жизнь, сделают ее эффективной. Наконец, предполагается, что они будут критиковать существующие институты и тем самым добьются умеренности в действиях власть имущих. В их функцию входит создание многочисленных противоречащих друг другу идеологий. Идеологии возникают из свехобобщения или же из подхода к метафизическому как к экзистенциальному. Существование же самих интеллигентов зависит от наличия экономических излишков и от того, насколько данная культура готова тратить эти излишки на интеллектуальную деятельность. Для того, чтобы должным образом выполнять свои функции в обществе, им необходимы два условия: во-первых, их усилия должны приниматься обществом и находить у него отклик; во-вторых, должна быть свобода производства. Гейгер устанавливает несколько типов интеллигентов в зависимости от формы той экономической поддержки, которую они получают, типов их образа жизни и связей различных типов культуры с различными предпочитаемыми типами познания. Книга основана на количественном материале, полученном при изучении элит, однако этот материал, к сожалению, не включен⁵⁴.

Социология науки. В годы депрессии, когда вклад науки подвергся обсуждению, ученые-естественники Великобритании попытались, с одной стороны, убедить широкую публику в тех преимуществах, которые можно получить благодаря непрерывному применению научного метода к все расширяющимся областям; с другой стороны, они стали проявлять беспокойство относительно самой основы своего существования в обществе. Таким образом, на свет появилась социология науки. После того как на Хиросиму

⁵³ Paul Honigsheim, Die Gegenwarts-krise der Kulturinstitute in ihrer soziologischen Bedingtheit, in Scheler (ed.), *Versuche zu einer Soziologie des Wissens*, pp. 426—450; Helmut Plessner, *Zur Soziologie der modernen Forschung und ihrer Organisation in der deutschen Universität*, in Scheler, op. cit., pp. 407—425.

⁵⁴ Theodor Geiger, *Aufgaben und Stellung der Intelligenz in der Gesellschaft*, Stuttgart, 1949. См. также: Theodor Geiger, *Den Danske Intelligenz fra Reformationen till Nutiden: En Studie i Empirisk Kultursociologi*, Aarhus, 1949; Claire Lepaie, *Recrutement et mobilité sociale des universitaires*, Louvain, 1946; Roberto Agramonte y Pichardo, *Sociologia de la Universidad*, Universidad Nacional, Mexico, 1948.

и Нагасаки были сброшены атомные бомбы, наука приобрела в Соединенных Штатах Америки широкую, но дурную популярность и американские ученые-естественники, а позднее и американские социологи осознали существование определенной проблемы. Насильственная секретность и вызовы на заседания комитета конгресса США еще больше обострили в них это чувство⁵⁵.

Вненаучные факторы в исследовании. Вопрос о плановых исследованиях изучался Джерардом Пайлом. Большие экспериментальные проекты, финансирующиеся значительными суммами общественных или частных денег, требуют для своего осуществления больших научных коллективов. При создании их способные ученые отвлекаются от тех исследований, которые они выбрали бы по собственной инициативе; это делается либо для руководства научно-техническими сотрудниками, либо же для того, чтобы эти ученые посвятили себя научным темам, которые не были выбраны ими самими. Самое главное — это направление исследования, а не то, кто выполняет работу. Преобладает забота о мелких проблемах, и противоречия смазываются. Академическая и личная свобода изгоняются. «Свобода совести, слова, печати и собраний одинаково необходимы как для прогресса науки, так и для самоуправления демократического государства... Ни один ученый не может поступиться своей свободой как гражданина, не отказавшись в то же самое время от своей независимости как ученый»⁵⁶.

Харт аналогичным образом рассматривает вненаучные факторы, влияющие на проводимые исследования. Он указывает на время, капитал, квалифицированный персонал, прихоти администраторов, *modus operandi* контролирующих учреждений, нравы и наличие ответчиков. По каким-то своим причинам он и номиналистское течение — а именно утверждение, что наука представляет собой скорее совокупность методов, нежели совокупность законов и принципов, и что целью научных проектов является установление обобщений, — также рассматривает как вненаучное⁵⁷.

Социальное происхождение науки. Более старым подходом к социологии науки являются поиски ее происхождения. В номо-

⁵⁵ В английском журнале «Наука» («Science») содержатся многочисленные статьи английских ученых-естественников и других по вопросу о взаимоотношениях между наукой и обществом. «Природа» («Nature»), другой английский журнал, посвященный естественным наукам, также обнаруживает эту тенденцию. «Бюллетень ученых-атомников» («Bulletin of the Atomic Scientists») с самого своего основания в 1945 году непрерывно занимается вопросами взаимоотношений между наукой и правительством, наукой и общественным мнением, наукой и миром или войной и т. п.

⁵⁶ Gerard Piel, *Scientists and Other Citizens*, «Scientific Monthly», 78 (March, 1954), pp. 129—133. См. также: M. S. Stahl, *Splits and Schisms: Nuclear and Social* (unpublished Ph. D. Dissertation, University of Wisconsin, 1947).

⁵⁷ Clyde W. Hart, *Some Factors Affecting the Organization and Prosecution of Given Research Projects*, ASR, 12 (October, 1947), pp. 514—519. См. также: R. A. Bauer, *The New Man in Soviet Psychology*, Cambridge, Massachusetts, 1952.

тетической дисциплине, подобной социологии, изучение уникального события (возникновения современной науки) не имеет места. Только если уникальное событие рассматривается как один из многих возможных аналогичных и сопоставимых случаев, тогда его изучение входит в социологию. Мертон прекрасно сознает это в своем исследовании о происхождении науки. Он не занимается вопросом о том, как возникла наука. Его вопрос выглядит так: почему она возникла здесь и здесь, но не здесь? Он создает гипотезы на основе изучения возникновения науки в Англии и применяет их к возникновению науки во Франции и Германии. Беда этой процедуры в том, что возникновение науки в любой из этих стран, возможно, не было изолировано от возникновения ее в других странах: их культуры не были в действительности изолированы одна от другой, по крайней мере это относится к тем слоям общества, в которых возникла наука. Возникновение науки в этих трех странах, возможно, представляет собой одно и то же явление, так что на основе только этого нельзя сделать никакого обобщения⁵⁸.

Социальные факторы в отдельных дисциплинах. Помимо социологии науки вообще, существуют, разумеется, социологии специальных дисциплин. Хасхаген обнаружил, что историки редко бывают только историками, но имеют и другие занятия. Эти занятия, равно как и классовые позиции, налагают свой отпечаток на их результаты и истолкования. Хонигсгейм, рассматривая социологию юриспруденции, по-видимому, ошибочно принял предмет права за предмет юриспруденции, вследствие чего дал нам скорее социологию первого, чем второго⁵⁹. Попытку создать социологию экономики предпринял Гуннар Мюрдаль (Швеция). Он обнаружил, что на экономическую теорию оказывают влияние политическая теория, с одной стороны, и использование традиционного языка и традиционных понятий — с другой. При политической дискуссии подразумевается наличие убеждений, касающихся экономических фактов и отношений между ними. Эти убеждения бывают ошибочными. Ранняя экономическая мысль основывалась на философии закона природы, что налагало свой отпечаток на ее язык. Чувства, присущие этой философии, все еще окрашивают понятия, применяемые современными экономистами⁶⁰.

Поиски имплицитных идеологий в социологии. Социологии социологии, строго говоря, не существует. Но отдаленное приближение к ней можно увидеть в некоторых нападках на социологию

⁵⁸ R. K. Merton, *Science, Technology, and Society in Seventeenth Century England*, «Osiris», Bruges, 1938; *Social Theory and Social Structure*, pp. 329—346 и 347—363; Paul Meadows, *Science as Experience: A Genetic and Comparative Review*, ASR, 14 (October, 1949), pp. 592—599.

⁵⁹ Justus Hahagen, *Ausserwissenschaftliche Einflüsse auf die neuere Geschichtswissenschaft*, in Scheler, op. cit., S. 233—255; Paul Honigshiem, *Soziologie der Jurisprudenz*, ibid., S. 263—272.

⁶⁰ Gunnar Myrdal, *The Political Element in Economic Theory*, translated by Paul Streeters, Cambridge, Massachusetts, 1954. Первое шведское издание вышло примерно в 1929 году.

и в защите социологии, причем в данном случае социологию часто связывают с позитивизмом, потому что автором названий обоих направлений мышления был один и тот же философ.

Энергичную атаку на позитивизм предпринял Франк Хартунг. Он обвиняет позитивистов в том, что они являются орудием реакции. Таким образом, и социология в основном реакционна и контрреволюционна. Практический позитивизм исключает демократию и в силу логической необходимости приводит к фашистской системе. Хартунг выступает в защиту интерпретационного метода, родственного тому, который применяется в германских школах⁶¹.

Взгляды Хартунга находят поддержку в статье Курта Вольфа, который открыл в социологии общую ориентацию, характеризующуюся консерватизмом, отраженным в использовании «кастового» понятия и понятий народных обычаев и нравов; отсутствие исследований, посвященных величию человека, его низости и страданиям, и вытекающее отсюда отсутствие стремления к улучшению. Эти особенности можно объяснить социально-культурной интерпретацией, в которой учитываются социальное происхождение индивидуумов, распределение власти, классы, позиции, убеждения, ценности и т. п.⁶² Вольф, по-видимому, приходит к выводу, что неоценочный, фактографический подход по необходимости влечет за собой одобрение обнаруженных фактов.

Нисбет рассматривает социологию Конта как возврат к средневековью. В эпоху Просвещения государство и индивидуумы объединили свои силы для разрушения установленных групп, семьи, церкви, цехов и т. п. Кульминационным моментом этого процесса явилась Французская революция, на которую Конт реагировал тем, что снова привлек внимание к группе. Ф. А. Гайек тоже выступает против позитивизма и позитивистской социологии. Его козырем в споре является утверждение, что позитивизм, социология и социализм происходят из одного и того же источника, а именно из парижской *Ecole Polytechnique*⁶³. Интересно было бы подвергнуть проверке утверждение Гайека, исследовав вопрос о том, поощряют ли современные инженерные вузы, в особенности технологические институты, аналогичные расхождения в характере мышления своих преподавателей и студентов, отличные от существующих в других высших учебных заведениях. Только в том случае, если дело обстоит так повсеместно, объяснение Гайека можно считать достоверным.

Бихайс Боран представлял собой редкое явление в американской литературе, будучи подлинным марксистом: «Европейская

⁶¹ F. E. H a r t u n g, *The Sociology of Positivism*, «Science and Society», 8 (Fall., 1944), pp. 328—341.

⁶² K. H. W o l f f, *Notes Toward a Sociocultural Interpretation of American Sociology*, ASR, 11 (October, 1946), pp. 545—553.

⁶³ R. A. N i s b e t, *The French Revolution and the Rise of Sociology in France*, AJS, 49 (September, 1943), pp. 156—164; F. A. H a y e k, *The Counter-revolution of Science*, Glencoe, Illinois, 1952.

социология XIX века, корнями которой являлись как марксизм, так и буржуазная идеология Конта, носила классовый характер. Американская социология с самого начала была проникнута нереалистичным, оптимистичным буржуазным духом. В начале XX столетия американская социология отказалась от философии истории и ограничилась изучением практических социальных проблем. Начиная с двадцатых годов, несмотря на революционные перемены мирового масштаба в обществе, социологи стали заниматься преимущественно вопросами метода. Лундберг говорит сейчас о вере в науку как о панацее от социальных зол; но, пока ученые занимаются пустяками, зло пышно расцветает. Линд более реалистично указывает, что центральной проблемой общественных наук является область культуры, которая сама по себе обуславливает науку»⁶⁴.

Лундберг, отвечая Борану, снова подтверждает свою убежденность в том, что политические ситуации не оказывают влияния на науку; эта убежденность, к сожалению, не вынесет бремени доказательства. Он подчеркивает, что только то является наукой, что имеет общую значимость, — это утверждение справедливо лишь в том случае, если пренебречь различиями между культурными критериями истины. Он утверждает, что сама наука есть основная часть истории и поэтому не может обуславливаться историей. Достаточно справедливо; она не может обуславливаться всей историей. Но, будучи частью истории, она прекрасно может обуславливаться другими ее частями. Наука, нормативный дезидерат, определенный Лундбергом и другими, равно как и действительное явление в различные эпохи и в различных местах, обозначенное этим термином, является наиболее переменной, вероятно, по отношению к другим переменным. Аргументы, которые более конкретно отвечают на атаки Борана и сводят их на нет, не относятся к социологии познания и поэтому не уместны здесь⁶⁵.

Хауз и Баумэн внесли некоторое успокоение в эту дискуссию. Еще в 1928 году Хауз показал, что социальное изменение вызывает изменения в общественном мышлении. В эпоху перемен неторопливое изучение уникальных событий прошлого ради их понимания менее важно, чем нахождение обобщений, являющихся бесконечно справедливыми, невзирая на изменения. Это и есть цель социологии. Баумэн указывает, что всевозможные резко выраженные трещины в обществе, политическом, национальном, религиозном и других, затрудняют развитие объективной общественной науки. Он, однако, считает, что идеологии выполняют и полезную функцию, так как могут служить материалом для научных гипотез⁶⁶.

⁶⁴ Behice Boran, *Sociology in Retrospect*, *AJS*, 52 (January, 1947), pp. 312.

⁶⁵ G. A. Lundberg, *Sociology versus Dialectical Immaterialism*, *AJS*, 53 (September, 1947), pp. 85—95.

⁶⁶ F. N. House, *Social Change and Social Science*, *SF*, 7 (September, 1928), pp. 11—17; C. C. Bawman, *Polarities and the Impairment of Science*, *ASR*, 15 (August, 1950), pp. 480—489.

Идеологическое направление в подразделах социологии. Что касается более мелких подразделов внутри социологии, то вопрос об отношении друг к другу прогрессивного и консервативного характера рассматривался Баумэном применительно к социологии семьи и Миллзом в связи с изучением социальных проблем. Баумэн обнаруживает, что социология заменила теологию в его области. В учебниках уделяется особое внимание вопросам пола, развития ребенка за счет удобств родителей, противозачаточных средств и планирования семьи, феминизма и эквалитарианизма. С другой стороны, недостаточно изучается социология пола. Традиционные убеждения относительно брака, любви и пола пропагандируются в устных и письменных выступлениях, посвященных социологии семьи⁶⁷.

Миллз, рассматривая «профессиональную идеологию социал-патолога», обнаруживает, что занимающиеся ею ученые родились в небольших городах или на фермах; участвовали в реформистских группах профессионального или делового класса; объединяются в однородные группы; имеют степени доктора философии и являются профессорами колледжей и т. п. Это сходство в их прошлом, возможно, объясняет их единодушие в истолковании фактов. Патологии определяются как отклонения от неизменных норм, считающихся стандартами общества. Организмический взгляд на общество, присущий патологам, препятствует им видеть возможность изменения. Они используют термин «социальный» как эквивалент слова «хороший», «индивидуалистский» — как эквивалент слова «дурной». Их идеальное общество — это первичная группа Кули. Цель их — сохранение ценностей и устойчивости, свойственных сельской жизни. Термин «приспособление» используется для выступления в пользу единообразия. Идеальный член общества представляется в виде независимого лица среднего класса, буквально живущего в соответствии с протестантскими идеалами в небольших городах Америки. Вследствие этого социология реакционна, поскольку большинство социологов являются, в конце концов, социал-патологами, по крайней мере по совместительству⁶⁸.

Резюме. Представляется, что социология познания в ходе своей истории превратилась из орудия политической дискуссии в эзотерическую философию истории мышления. В настоящее время она, по-видимому, переходит от второй фазы к тому, чтобы стать эмпирической отраслью научной социологии. Фундаментальные исследования отдельных проблем являются многообещающими и представляют собой желательное направление развития. Разумеется, вполне возможно, что социология познания свернет с этого

⁶⁷ C. C. Bowman, Hidden Valuations in the Interpretation of Sexual and Family Relationship, ASR, 11 (October, 1946), pp. 536—544; Cultural Ideology and Heterosexual Reality: A Preface to Sociological Research, ASR, 14 (October, 1949), pp. 624—633.

⁶⁸ C. Wright Mills, The Professional Ideology of Social Pathologists, AJS, 49 (September, 1943), pp. 165—180.

пути, еще не достигнув цели, но осмысление прежних ошибок может предотвратить дальнейшие колебания.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- C o w e l l F. R., History, Civilization and Culture; An Introduction to the Historical and Social Philosophy of Pitirim A. Sorokin, Boston, Beacon Press, 1952.
- D a h l k e H. O t t o, The Sociology of Knowledge, in H. E. B a r n e s, H o w a r d B e c k e r and F r a n c e s B. B e c k e r (eds.), Contemporary Social Theory, New York, D. Appleton-Century, 1940, Chap. 4.
- D e G r è G. L., Society and Ideology, New York, Columbia University Press, 1943.
- G r ü n w a l d E r n s t, Das Problem einer Soziologie des Wissens, Wien, Wilhelm Braumüller Universitätsverlag, 1934.
- M a n n h e i m K a r l, Essays in the Sociology of Knowledge, New York, Oxford University Press, 1952.
- M a n n h e i m K a r l, Ideology and Utopia, translated by Louis Wirth and E. A. Shils, New York, Harcourt, Brace, 1936.
- M a q u e t J. J., Sociologie de la connaissance, Louvain; Institut de Recherches Économiques et Sociales, 1949.
- M e r t o n R. K., Social Theory and Social Structure, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1949.
- S c h e l e r M a x (ed.), Versuche zu einer Soziologie des Wissens, München, Duncker und Humbolt, 1924.
- S o r o k i n P i t i r i m A., Social and Cultural Dynamics, New York, American Book Co., 1937—1941, 4 vols.
- Z n a n i e c k i F l o r i a n, The Social Role of the Man of Knowledge, New York, Columbia University Press, 1940.

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА И ЕЕ СФЕРА

Н. С. Тимашев

История социологии права после первой мировой войны характеризуется многочисленными, хотя довольно не связанными попытками создать новую дисциплину, потребность в которой ощущается многими, но относительно сферы, структуры и методов которой нет особого единодушия¹. Количество томов, посвященных исключительно социологии права, невелико; однако имеется гораздо больше книг и статей, в которых рассматриваются ее отдельные проблемы. Кроме того, идея о том, что право можно и нужно рассматривать социологически, захватила умы ряда философов-юристов, или ученых, специализирующихся по «общей теории права» (примерно соответствует «юриспруденции» в американском понимании). С другой стороны, право получило некоторое признание в социологии и культур-антропологии, в которых до недавних пор его обычно упоминали где-то на периферии — при рассмотрении народных обычаев и нравов, являвшихся предметом подлинного интереса социологов и антропологов. Но взаимодействие между общей социологией и социологией права было поверхностным и, вероятно, таким и останется до тех пор, пока социология права не выработает чего-либо ощутимого и настолько достоверного, чтобы это можно было предложить для включения в центральное ядро социологической теории.

Рассмотрим поэтому ряд исследований, основное внимание в которых уделялось следующей проблеме: как может право, которое на протяжении тысячелетий рассматривалось как система норм или идей, быть действительно интегрировано с обществом и культурой, рассматриваемыми как части биопсихической реальности? Но, разумеется, в тех случаях, когда различные труды, посвященные социологии права, выходят за пределы этой центральной проблемы, относящиеся сюда работы также будут рассмотрены.

¹ N. S. Timasheff, *An Introduction to the Sociology of Law*, Cambridge, Mass., 1939, pp. 44—63; Georges Gurvitch, *Sociology of Law*, New York, 1942, pp. 68—197.

Работы отдельных лиц можно сгруппировать в шесть крупных классов, первый из которых включает в себя труды по юриспруденции американских неореалистов.

АМЕРИКАНСКИЙ НЕОРЕАЛИЗМ

Американские неореалисты не претендуют на то, что они основали социологию права; многие из них, вероятно, никогда и не слышали о том, что создается такая дисциплина. Но эта школа смело поставила своей целью превратить науку права в подлинную науку, подходя к праву как к категории времени и места, зависящей от человеческих планов и руководства. Данная школа противопоставляла эту науку «фундаментализму», рассматривавшему право как реализацию абсолютной истины, вне изменений, времени и пространства².

В ранних работах неореалистов этот тезис ставился довольно остро. Наиболее типичной является книга Джерома Франка «Право и современное мышление» (*«Law and the Modern Mind»*) (1931). Главная задача данной работы — разоблачить «основной юридический миф», который приписывает праву «нереалистическую непреложность». Люди придерживаются мифа, потому что они еще не отказались от детской потребности в авторитетном отце и пытаются найти в праве субститут отца, — данное утверждение явно вдохновлено психоанализом.

Юридическая непреложность является мифом еще и потому, что через посредство созданного судьей закона прав и обязанности сторон могут быть определены и задним числом. Для любого конкретного лица закон, касающийся любой конкретной группы фактов, является решением суда. До тех пор, пока суд не рассмотрел эти факты, никакого закона по данному вопросу еще не существует.

Как достигаются юридические решения? Судебное рассмотрение начинается с заключения, сформулированного более или менее расплывчато. Только затем судья пытается найти предпосылки, которые обоснуют решение. При этом судья подвергается влиянию политических, экономических и моральных предрассудков, а поскольку эти предрассудки бывают у каждого лица свои, то судьи в удивительной степени отличаются своим подходом к делам аналогичного типа. Из этого совершенно ясно, что подход Франка к непосредственным причинам вынесения какого-либо судебного решения удивительно напоминает подход Парето.

Примерно в это же время другой представитель той же школы, Карл Ллуэллин, опубликовал статью³, в которой удачно резюмировал кредо неореалистов. К тезису Франка он добавил следующее: право непрерывно изменяется и представляет собой средство для

² H. E. Yntema, *Law and Learning Theory Through the Looking Glass of Legal Theory*, «Yale Law Journal», 53. (1943—1944), pp. 338—339.

³ Karl Llewellyn, *Some Realism about Realism*, «Harvard Law Review», 44 (1930—1931).

достижения социальных целей. Но общество также непрерывно изменяется, хотя и более быстрым темпом, чем право. Поэтому по необходимости существует несоответствие между правом как орудием социальной техники и социальными фактами — расхождение, которое должно преодолеваться и частично преодолевается создаваемым судьей законом, который невозможно предсказать с точки зрения исторически установленных правил.

Отход от неореализма; некоторые факты. Примечательно, что в следующее десятилетие как Франк, так и Ллуэллин отошли на гораздо более умеренные позиции. В книге, озаглавленной «Суды под судом» (*Courts on Trial*), (1949), Франк уже не утверждает, что система юридических правил является слишком расплывчатой и не дает возможности делать какие-либо предсказания относительно исхода процесса. Напротив, он соглашается, что хороший юрист обычно в состоянии дать правильный совет своему клиенту относительно шансов выиграть судебный процесс. Но он выступает против другого «мифа» — широко распространенного убеждения, что юридическое решение представляет собой результат применения установленных ранее правил к конкретным фактам. Он дает длинный и уничтожающий обзор тех препятствий, с которыми сталкиваются самые искренние попытки установления подлинных фактов; среди этих препятствий он упоминает самую организацию процесса, которая, по его мнению, есть пережиток судебного поединка. Вследствие этого юридическая неопределенность подчеркивается почти так же энергично, как и в предыдущем томе; но причина теперь представляется иной и упор делается преимущественно не на изменение методов реалистического изучения права, а на судебную реформу — проблему, которая выходит за рамки данной главы.

Чем вызван такой отход? Возможно, тем, что взгляды неореалистов в своей первоначальной форме оказались бесплодными. Никто из них не пытался и даже не предлагал метода для систематического изучения реального поведения судей. Кроме того, всем известно, что подавляющее большинство судебных дел является заурядными, решения по ним выносятся почти автоматически на основе прецедента; в действительности главным обвинением против любой юридической системы является отсутствие индивидуализации, а отнюдь не непредсказуемость. Поэтому в ранних трудах неореалистов, по-видимому, ставилась своего рода псевдопроблема.

Но эту проблему можно (что и было сделано) сформулировать иначе, чтобы она покрывала более широкую область фактов. Предполагается, что право наряду с другими факторами обуславливает человеческое поведение. Не могли ли бы мы тогда провести тщательное проконтролируемое наблюдение за изменением человеческого поведения под влиянием изменения права? Наиболее детальное исследование такого рода проведено Муром и Каллаханом⁴. Оно

⁴ Moore and Callahan, *Law and Learning Theory*, «Yale Law Journal», 53 (1943—1944), pp. 1—143.

касается влияния на поведение водителей автомашин правила, ограничивающего время стоянки в Нью-Хейвене. Наблюдения проводились до и после введения нового правила уличного движения. Как и следовало ожидать, была установлена большая разница, равно как и значительная регулярность, в поведении водителей, когда они ставят автомобили на стоянку. Аналогичные наблюдения были сделаны Фредериксоном и его сотрудниками⁵ относительно реакции автомобилистов на одно из правил уличного движения, требовавшее, чтобы они держались в ряд, и Бриттом относительно выполнения пешеходами одного из правил уличного движения, введенного в Вашингтоне, округ Колумбия⁶. Исследование Бритта представляет интерес, поскольку здесь проводится различие между абсолютным повиновением, двумя степенями частичного повиновения и абсолютным неповиновением. Было обнаружено, что повиновение в большей степени проявлялось в деловой части города, чем в пригородах, и было более выраженным в первые дни изменений правил уличного движения, чем позднее.

В связи с исследованием Мура—Каллахана другой видный представитель неореализма, Интема, опубликовал статью⁷, в которой утверждал, что на протяжении последних пятнадцати лет наблюдалось ослабление усилий, направленных к расширению сферы и к углублению прагматического научного познания юридических явлений. Кроме того, Интема поставил следующий вопрос: что преимущественно следует изучать — область поведения, не связанного с тяжбой, или же поведение, связанное с действительной или возможной тяжбой? В последнем случае следует ли начинать с клиента, адвоката, опытного свидетеля, судьи или случайного очевидца? Таким образом, была сформулирована весьма интересная и многообещающая программа исследований, но достигнуто в этом направлении было мало.

Все же относящиеся к этому вопросу замечания, хотя и не возвращенную теорию, можно найти в работе Макса Радина «Право как логика и опыт» («Law as Logic and Experience») (1940). Радин сосредоточивает свое внимание сначала на юридическом опыте неюристов, обычно не подозревающих о том, что они этим опытом обладают, так как человеческий опыт по большей части является привычным и бессознательным и вследствие этого редко определяется сознательным применением норм, и меньше всего норм юридических. Этот опыт становится подлинно юридическим, когда юристы начинают о нем говорить. Это происходит не в распространенных и обычных ситуациях, но скорее в ситуациях *крайних и исключительных*, с которыми имеет дело закон. В руках юристов закон становится частью логики, поскольку юристы, будучи весьма

⁵ N. Frederickson et al., A Study of Conformity to a Traffic Regulation, JASP, 34 (1939), pp. 118—123.

⁶ S. H. Britt, Pedestrian Conformity to a Traffic Regulation, JASP, 35 (1940), pp. 114—119.

⁷ Yntema, op. cit., pp. 340—341.

реалистичными в том, что они делают, являются концептуалистами в том, что они говорят. Юристы изучают то, что было сказано относительно старых юридических споров, и то, что было сказано относительно этих заявлений; это закон в книгах. К этому материалу они добавляют свой собственный реальный опыт, зависящий от записей и памяти. Для того чтобы разобраться в этом огромном количестве материала, они действительно нуждаются в логике и в системе нотаций, то есть в технических терминах, которые навлекают на них неприязнь непосвященных. Весь ход рассуждений юриста направлен, однако, к тому заключению, которое, как он полагает, может сделать судья. Но кто судьи? Не только лица, именуемые так официально, но также и «законотворцы», или лица, выносящие постановления, которые влекут за собой «обязанности» в той степени, в какой эти постановления рассматриваются как обязательные для себя теми, кто в действительности являются судьями.

В конце концов, пишет Радин, закон всего лишь небольшая часть механизма социального управления, тесно связанная с механизмами политической администрации. Не правосудие и не хорошее общество, а удобство в торговой практике, улаживание индивидуальных ссор и поощрение доброй воли среди конкурентов — вот цели закона, если мы рассмотрим его в действии.

Оценка неореализма. Подводя итог, можно сказать, что американские неореалисты выдвинули ряд ценных идей относительно изучения права как особого вида человеческого поведения в обществе. Но их работы не привели к появлению какого-либо осязательного комплекса знаний, и не было выдвинуто никакого удобного метода получения такого рода знаний. Количественные методы Мура и его последователей применимы, по-видимому, только к простейшим ситуациям, и эти «утонченные» методы просто лишь подтверждают, а возможно, рафинируют то, что всем известно.

МАКС ВЕБЕР И АНАЛИЗ ЛЕГИТИМНОГО ПОРЯДКА

Другой попыткой создания социологии права, совпадающей по времени с ранними произведениями американских неореалистов, была работа Макса Вебера «Хозяйство и общество» («Wirtschaft und Gesellschaft», 1922)⁸. Эта книга, явившаяся во многом плодом скрупулезных и новаторских исследований конкретных событий в данной области (например, возникновения соперничающих школ юристов), оказала влияние в одном частном отношении. Для определения права и родственных ему явлений Вебер использует вместо понятия необходимости, обычно применяемого теми, кто хочет сделать свое исследование сугубо «научным», понятие вероятности.

⁸ Разделы, посвященные социологии права, имеются теперь в прекрасном английском переводе Шилза и Рейнштейна («Max Weber on Law in Economy and Society», Cambridge, Massachusetts, 1954).

Рассмотрение Вебером права начинается, что весьма примечательно, с понятия порядка. Порядок существует, говорит Вебер, если действия направлены к более или менее определенным максимумам поведения (нормам). Но порядок является действительным, если имеется *вероятность*, что какое-либо действие будет хотя бы частично определено идеей актера о том, что порядок действителен. Различаются два основных типа порядка: *обычай* (в смысле нравов) и *закон*. Обычай представляет собой порядок, действительность которого внешне гарантируется вероятностью того, что отклонение приведет к относительно общей и практически значительной реакции неодобрения. Закон представляет собой порядок, действительность которого гарантируется *вероятностью*, что отклонение вызовет физическую или психическую санкцию со стороны некоторого «штата», специально уполномоченного на выполнение данной функции. Этот штат, очевидно, должен обладать властью, а власть определяется Вебером как *вероятность*, что какой-либо актер может навязывать в рамках данной социальной группы свою волю даже при наличии сопротивления. Таким образом, Вебер связывает вероятностное определение права с вероятностным определением власти.

Вебер применяет также понятие о вероятности к проблеме юридического изменения. По его мнению, вероятность того, что некий определенный юридический институт будет изобретен в рамках данного юридического порядка, преимущественно определяется доминирующими приемами мышления. Экономические условия не порождают автоматически новые юридические формы, но лишь увеличивают вероятность того, что какое-либо нововведение в области юридической техники, если оно будет сделано и когда оно будет сделано, будет принято.

Веберовская типология юридической деятельности и строя. Помимо этого, труд Вебера представляет важность, так же как и аналогия к судебноцентричным взглядам американских неореалистов (а также англосаксонских адвокатов и юристов вообще). Вебер утверждает, что судебноцентричное право представляет собой специфическую особенность западной цивилизации и поэтому не может быть отправной точкой для обобщений, имеющих универсальное значение. Он делает попытку сформулировать более общую теорию двух основных типов юридической деятельности — создания права и нахождения права. Эти виды деятельности можно различать идеально-типически как *рациональный* или *иррациональный*, и в каждом случае с учетом либо *формальных*, либо *субстантивных* критериев. Деятельность судей в западной цивилизации соответствует тому классу деятельности, которая является как рациональной (то есть направляемой общими правилами), так и формальной, точнее, логически формальной. Это действительно верно, так как для данной деятельности характерно использование абстрактных понятий и она мыслится как составляющая некую законченную систему. Контрастом к ней служит так называемое

правосудие кади у мусульман, которое является иррациональным (то есть не руководствуется абстрактными правилами) и субстантивным, или занимающимся индивидуальным случаем. В работе Вебера эти моменты проявляются в довольно неясной форме; но их блестяще осветил Макс Рейнштейн в своем вступлении к английскому переводу той части монументального труда Вебера, которая посвящена праву.

Однако не все определения и теоремы Макса Вебера могут быть приняты. Особенно сомнительна его попытка рассматривать как «правовые» те виды деятельности, которые не связаны с заранее установленными максимами поведения (используя терминологию Вебера). Но использование им понятия вероятности применительно к праву как к социальному факту непосредственно повлияло на дальнейшее развитие социологии права, в то время как его взгляды на «идеальные типы» действий, направленных на создание права или на нахождение права (адьюдикация), заслуживают большего внимания, чем им до сих пор уделялось.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ЮРИДИЧЕСКИМ И МОРАЛЬНЫМ ПОРЯДКАМИ

К третьей группе исследований относятся произведения тех ученых, которые работали в России незадолго до революции 1917 года и продолжили свою деятельность в различных странах Запада. Никто из этой группы не воспринял полностью идей известного русско-польского ученого Петражицкого, основные труды которого — «Введение в изучение права и нравственности» (1905) и «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907) — имеются в настоящее время в сокращенном английском переводе⁹.

Основной тезис Петражицкого заключается в отрицании реальности того, что составляет самую суть юриспруденции, а именно юридических норм, прав и обязанностей. Реальность приписывается только опытам индивидуумов, которые принимают права и обязанности и с целью объяснить и оправдать эти опыты создают нормы. Это, по-видимому, раздробляет юридический мир на индивидуальные опыты; но имеются силы, которые стремятся объединить эти опыты и превратить их в значимые целые. Петражицкий противопоставляет юридический опыт моральному. Последний является односторонним, чисто императивным, налагающим обязательства, которым не соответствуют никакие права; первый же — двусторонний, атрибутивно-императивный, налагающий обязательства и предоставляющий права. Оба класса опытов могут быть объединены в один высший класс, класс этического опыта, который отличается от всех других видов мотивирующих опытов тем, что оценивает прошлые или будущие действия сами по себе, безотноси-

⁹ Petrazhitzky, *Law and Morality*, Cambridge, Massachusetts, 1955. (Есть на русском языке. — *Ред.*)

тельно к удовольствию, страданию, полезности или красоте. Следует также отметить, что, по мнению Петражицкого, всякие атрибутивно-императивные опыты являются юридическими; ни принуждения, ни возможности принуждения не требуется. Несомненно, что этот взгляд расширяет сферу права гораздо больше, чем те концепции, которые доминируют в юриспруденции.

Сорокин: право и основные культурные сверхсистемы. Из этой группы, пожалуй, ближе всех придерживается идее учителя Питирим Сорокин. Но он все же не разделяет скептицизма Петражицкого относительно реальности права, точнее, правовых норм. Право в виде норм есть часть культуры; место права в культуре определяется Сорокиным довольно близко к идеям учителя. Согласно Сорокину, сверхсистема культуры состоит из пяти основных систем, одна из которых, этика, содержит две подсистемы — право и мораль. Сорокин сохраняет также идею, что всякая атрибутивно-императивная норма является юридической. Это допущение играет важную роль в его трактовке организованных групп, которые он определяет как группы, где взаимоотношения членов устанавливаются юридическими нормами — в том смысле, который он приписывает этому термину. Совершенно очевидно, что юридический порядок становится почти идентичным социальному порядку в его всеобщности. Однако Сорокин расходится с Петражицким в том, что для него юридические нормы подразумевают санкции¹⁰.

С другой стороны, Сорокин сделал важный вклад в самую «сущность» социологии права. В своей книге «Социальная и культурная динамика» (т. II, гл. 15) он устанавливает определенные тенденции в расширении или сужении действий, считающихся преступными различными обществами, равно как и флуктуаций в эволюции наказания. Аналогии, которые он проводит между этими движениями и основным движением культуры (от идеационального через идеалистическое к чувственному и наоборот), возможно, не вполне убедительны. Однако результаты опровергают идею, что закон зависит от прихоти законодателя и в силу этого не поддается научному изучению. Исследования, проведенные в тех направлениях, которые намечены в упомянутой главе, могут принести обильные плоды.

Гурвич: право и формы социальности. Другим членом этой группы является Жорж Гурвич; правда, его интерес к юридическим вопросам носит не столько социологический, сколько философский характер, тем не менее он один из тех немногих, кто опубликовал книгу под заглавием «Социология права» («The Sociology of Law») (французское издание—1940; английское—1942). Гурвич убежден, что определение права должно быть дано юридической науке (на различных ее уровнях) философией; а поскольку он как философ принадлежит к феноменологической школе, то его определение

¹⁰ P. A. S o r o k i n, *Society, Culture and Personality*, New York, 1947, pp. 70—85.

должно быть сформулировано в соответствии с принципами этой школы. На практике это значит не очень-то много; фактически применяемый метод, так же как и у всех феноменологов в области социологии, больше основан на наблюдении участника и эмпиризме, чем на неформальном умозаключении. Совершенно несомненно, что здесь идеи Петражицкого сыграли большую роль, так как Гурвич определяет право как попытку реализовать в каком-то данном социальном окружении идею правосудия через многостороннюю атрибутивно-императивную регуляцию, действенность которой базируется на нормативных фактах, дающих ей социальную гарантию, и может (но не должна) привести к безоговорочному и внешнему принуждению.

Три идеи, фигурирующие в этом комплексном определении, заимствованы у Петражицкого: 1) атрибутивно-императивный характер юридических норм; 2) ссылка на нормативные факты, которые в системе Петражицкого являются убедительными фактами, упоминаемыми теми, кто предписывает права или обязанности каждому, и 3) идея о том, что внешнее принуждение не является обязательной чертой права. Здесь имеется расхождение с Сорокиным, и в последующих частях работы Гурвича это расхождение оказывается губительным, так как вследствие этого сфера исследования расширяется и выходит за любые разумные пределы. Социология права, согласно Гурвичу, должна состоять из: 1) систематической части, изучающей проявления права как функцию форм «социальности»; 2) дифференциальной части, изучающей проявления права как функцию реальных коллективных единиц, и 3) генетической части, изучающей закономерности изменения, развития и упадка права в различных конкретных типах общества.

В первой, или систематической, части Гурвич проводит различие между социальным правом (которому он посвятил большую монографию на французском языке) и межличностным правом. Социальное право подразделяется на право масс, общин и сообществ; межличностное право — на право отделения, приближения и смешанное право. Затем вводятся дополнительные классификации, каждая независимо от других. В результате получается примерно 162 типа права; но относительно подавляющего большинства этих типов Гурвичу нечего добавить, кроме определений, а это — симптом научного бесплодия.

Во второй, или дифференциальной, части Гурвич заявляет, что каждая активная группа утверждает себя как некий нормативный факт, порождающий свою собственную юридическую регуляцию. Здесь, так же как и при рассмотрении Сорокиным организованных групп, юридическое стоит вместо социального. Затем следует короткий реферативный обзор юридических порядков, обнаруженных в различных типах групп; среди прочих появляется политическое, экономическое и мистико-экстатическое право. В некоторых местах делаются утверждения, присущие старомодной теории естественного права; например, автор утверждает, что международный

юридический порядок господствует над национальными порядками; это утверждение расходится с доступными наблюдению фактами. Третья, или генетическая, часть рассматривается столь коротко, что пока имеется еще слишком мало оснований для ее обсуждения.

Тимашев: право, власть и процесс обучения. Третьим членом этой группы является автор данной статьи. Однако его участие в группе ограничивается: 1) строгим следованием принципу, что эмпирическое изучение права должно представлять собой изучение фактов, а не идей; 2) принципом, что реальность права должна подтверждаться на материале биопсихических опытов человека и 3) что право и мораль образуют вместе высший класс этики.

Биопсихический опыт человека, связанный с правом, носит, однако, коллективный характер; поэтому этот опыт может и должен рассматриваться социологически. Два социальных факта рассматривались как основные для научного понимания реальности права: во-первых, наличие в каждой длительно существующей группе такого порядка, который может быть выражен в нормах и который через посредство сложных механизмов делается обязательным для членов группы, и, во-вторых, наличие социальной власти. Эти два явления следует анализировать в виде комплексных систем тенденций заученного поведения. Они могут существовать независимо друг от друга, но могут и сливаться, и в результате слияния возникает право.

Таковы основные идеи книги «Введение в социологию права» (*«Introduction to the Sociology of Law»*), появившейся в 1939 году. По поводу нее было высказано много критических замечаний, как доброжелательных, так и осуждающих. К числу наиболее резких нападок следует отнести высказывания Карла Оливекрона, примыкающего к упсальской школе (см. стр. 490—492). Оливекрон, по-видимому, не сумел распознать значительной близости между этой работой и идеями школы, к которой он принадлежит¹¹. Говоря более конкретно, Оливекрон пытался доказать, что в книге Тимашева остается объективное и потому не эмпирическое «долженствование».

В статье, озаглавленной «Социальная реальность идеальных схем»¹², Тимашев сделал два дополнения к тем взглядам, которые изложены в его книге. Во-первых, он привлек внимание к поразительному параллелизму между структурой юридической нормы и тенденцией заученного поведения. Гипотезе нормы там соответствует ситуация стимула; диспозиции — реакция, а копуле (долженствованию) — биопсихический механизм, вызывающий реакцию. Этот параллелизм может объяснить таинственную в известной мере силу чувства долга; это может также явиться вкладом в теорию интернализации культуры, в особенности ее нормативных

¹¹ T i m a s h e f f, Is Sociological Explanation of Law Possible? *«Theoria»*, 14 (1948), pp. 181 ff.

¹² T i m a s h e f f, The Social Reality of Ideal Patterns, *JLPS*, (Autumn, 1944).

элементов. Другая идея заключалась в том, что существует функциональный взаимообмен идеальных и реальных схем, в то время как оригинальные нормы (идеальные схемы) проявляются как абстракции действительного поведения, санкционированного групповым убеждением; позднее совершается открытие (независимо во многих местах и в различное время) техники законодательства (в широком смысле слова), то есть планового введения новых норм, долженствующих воплотиться в реальное поведение.

УПСАЛЬСКАЯ ШКОЛА

Четвертую группу попыток, направленных на создание социологии права, можно видеть в работах так называемой упсальской школы. Приверженцы этой школы разделяют убеждение, что подлинно научная теория права требует устранения дуализма права как факта (выраженного в доступном наблюдению человеческого поведении), и утверждают, что право, как система нормативных идей, является действительным. В эволюции этой школы можно различить два периода. В ранний период задача школы была скорее негативной — разоблачить как нереалистичные такие основные понятия юриспруденции, как право на что-либо, обязанность и норма. Упсальцы сосредоточили свои силы на этой цели, не зная, что намного раньше подобная разрушительная работа была выполнена с гораздо большей энергией Львом Петражицким.

Признанным главой упсальской школы является недавно скончавшийся А. Хегерстрём, бывший профессором истории права и философии права в Упсальском университете. Его первые работы по социологии права появились еще в 1915—1916 годах. В 1953 году в английском переводе вышел весьма полезный сборник его теоретических трудов под названием «Исследования о природе права и морали» (*Inquiries into Nature of Law and Morals*), изданный одним из его последователей Карлом Оливекроном.

Хегерстрём и неэмпирическая основа юридических прав. Рассуждения Хегерстрёма начинаются с полного отрицания реальности прав и обязанностей. «Права и обязанности,— говорит он,— представляют собой метафизические мнимые понятия; невозможно отождествить то, что мы называем правом или обязанностью, с каким-либо фактом. Эти понятия следует отбросить *en bloc*». Однако эти термины используются законодателями, частными лицами и судьями. Что же они подразумевают, употребляя их? Созная свой значительный авторитет, законодатель описывает определенные типы ожидаемых ситуаций и дает преимущества некоторым лицам, участвующим в них, что влечет соответствующие невыгоды для других. Ему известно, что в большинстве случаев первый (именуемый носителем права) получит преимущество над тем лицом, которое связано обязательством.

Частное лицо, будучи информировано об этих ожидаемых утверждениях законодателя, делает определенные «декларации

о намерении» (используя термин Хегерстрёма), веря, что они окажут приписываемое им действие через механизм права. Разумеется, данное лицо не может быть уверено, что его случай не окажется одним из исключительных случаев, в которых необходимо прибегнуть к суду. В конце концов данное лицо предполагает, что либо оно в соответствии с правом (преимуществом, обеспеченным законодателем) действительно получит свое от того, кто связан обязательством, либо же что оно (это лицо) приобретет власть (для того чтобы принудить ответчика) через правовой процесс.

В свою очередь суд понимает под правом и обязанностью те ситуации, которые соответствуют ожидаемым положениям законодателя. Судья воспринимает право как такое положение дел, которому соответствует некоторая альтернатива власти, подкрепленная принуждением. Судья делает всего-навсего следующее: он объявляет, что истец «должен» (или не должен) иметь ожидаемое преимущество.

Сложное сплетение убеждений и действий, описанных выше, может функционировать только в той мере, в какой объективно существует организованная система принуждения. В отличие от многих философов и социологов, занимающихся вопросами права, Хегерстрём полагает, что *незаконность* в большей степени, нежели право, является тем основным понятием, которое надлежит анализировать в первую очередь. Незаконность, по его словам, есть такое поведение, которое требует определенных принудительных реакций в соответствии с повсеместно применяемыми и неукоснительно выполняемыми правилами в данном человеческом сообществе. Юридическое поведение есть поведение, носящее противоположный характер. Следует отметить, что в этом пункте шведский ученый отходит от реалистического пуризма: подобно правам и обязанностям, нормы нельзя наблюдать; их можно только подразумевать.

Источники юридического поведения. Что же кроется за наличием неукоснительного принуждения? Подлинной причиной поддержания юридического порядка является стечение *imponderabilia*. Индивидуум воздерживается от незаконности в силу: 1) «социального инстинкта», с которым связана склонность следовать без раздумья некоторым общим правилам действия; 2) позитивного морального расположения, которое Хегерстрём в одном месте называет «чувством долга», приписывая тем самым долгу психологическую реальность; 3) боязни внешнего принуждения и 4) напоминания о божественной власти. Третий из этих пунктов развивается следующим образом: существуют власти, обязанные обеспечить выполнение закона. Если они не действуют в соответствии с правилами, то в свою очередь вмешиваются другие власти; вопрос об эвентуальном *regressus ad infinitum*, поставленный в этом месте Петражицким¹³, не встречается

¹³ Рассуждения Петражицкого приведены в кн.: Timasheff, *Introduction to the Sociology of Law*, p. 364. (Соответствующий абзац отсутствует в переводе, который цитировался в сноске 9.)

ся в системе Хегерстрёма. Наконец, существование юридического порядка характеризуется тем фактом, что поддерживаются определенные правила для осуществления принуждения и что исключается произвол, связанный с терроризмом.

Юридические правила в качестве идеалов поведения: Оливекрона. Здесь снова возникает проблема реальности правил, или норм. Эта проблема тем более важна, что другой представитель данной школы, Карл Оливекрона, в своей книге «Право как факт» («Law as a Fact», 1939) выступает против концепции права как совокупности правил, обязательных для членов какого-либо сообщества. Обязательная сила какого-либо юридического правила (задуманного с тем, чтобы предшествовать логически санкции, которая предположительно будет налагаться вследствие нарушения обязательного правила) не является фактом; она не имеет реального места в реальном мире времени и пространства.

Единственный путь создания реалистической теории права — это взять такие факты, которые покрываются выражением «юридические правила». Функция этих правил в том, чтобы влиять на действия людей в определенных ситуациях. Сущность правил права может быть определена как идеи воображаемых¹⁴ действий людей (в том числе и судей) в воображаемых ситуациях. Применение заключается в том, чтобы принять воображаемые действия в качестве *моделей* для реального поведения в тех случаях, когда соответствующие ситуации возникают в реальной жизни. Эта точка зрения совпадает с точкой зрения Хегерстрёма, но все же центр тяжести переносится с прав и обязанностей на правила.

Юридические правила и явления уважения и обязанности. Каким же образом происходит преобразование моделей в реальные действия? Опровергнув современные теории права, Оливекрона решительно утверждает, что юридические правила (равно как и правила морали) являются «независимыми императивами». Здесь шведский реалист, по-видимому, весьма близко подходит к позиции Кельсена и целого ряда его немецких предшественников, утверждавших, что юридические правила, будучи однажды провозглашенными, становятся независимыми от воли законодателя и приобретают силу *per se*.

Почему же эти независимые императивы оказывают свое действие и влияют на человеческое поведение? Основным фактом является *уважение*, которое испытывают в отношении конституции. Разумеется, Оливекрона имеет в виду не только официальные конституции, но также и неофициальные, приписывающие высшую власть какому-либо индивидууму или группе индивидуумов. Это уважение к конституции переносится на обычное законодательство и побуждает людей безоговорочно принимать провозглашенные должным образом законы как обязательные. В этом пункте Оливекрона

¹⁴ В данном контексте, разумеется, «воображаемое» означает не фантастическое, а предусматриваемое.

противоречит сам себе, поскольку выше он отрицал в своем трактате, что можно отождествлять обязательную силу правил с чувством обязанности.

Теперь возникает коренной вопрос: как можно объяснить уважение к конституции? По мнению Оливекрона, постоянно возникает временная группировка сил, достаточно сильная для того, чтобы создать то изменение в воззрениях граждан, которое связано с принятием какой-либо новой конституции как обязательной; здесь опять-таки Оливекрона ссылается на чувство обязанности. Однако он добавляет в согласии с Хегерстрёмом, что основным источником силы любой конституции являются социальные привычки и инстинкты людей. Точно так же в духе Хегерстрёма выражены и оливекроновские толкования прав и обязанностей. Право считается фиктивной или воображаемой властью; оно используется законом как средство для направления людских действий. Обязанности также основываются на воображении, поскольку они полностью определяются юридическими правилами. Общая юридическая техника заключается в интерполяции воображаемых прав и обязанностей из соответствующих фактов. Отсюда следует мысль, часто высказываемая социологами дюркгеймовской школы: все эти методы, основанные на воображении, тесно связаны с магией. «Мы сохранили внешнюю структуру магии в юридических вопросах, в то время как специфическая вера в сверхъестественные силы исчезла»¹⁵

Право как отражение общественной власти. Объяснив механику юридических правил уважением к конституции, которая отражает прошлую расстановку социальных сил, Оливекрона говорит: «Если закон не является обязательным в традиционном смысле, то тогда право должно быть по своей сущности организованной властью. Так оно на деле и есть»¹⁶. Право состоит преимущественно из правил относительно силы; граждане должны приспособлять к ним свое поведение. Непосредственные результаты индивидуальных санкций являются относительно малозначащими по сравнению с тем давлением, которое оказывает на умы граждан существование организованной силы. С целью избежать бремени страха человек должен исключить даже мысль о каком-либо незаконном действии. Это, однако, возможно только тогда, когда имеются какие-то общепризнанные причины, благодаря которым санкции применимы к определенным действиям; в противном случае система является скорее террористической, нежели юридической. Иными словами, власть должна быть ограниченной. Но вопрос не в том, чтобы ограничить какую-либо власть, являющуюся неограниченной *per se*. Напротив, проблема в том, чтобы создать какую-то концентрацию силы ограниченного масштаба и подчинить ее ограниченным целям.

Право как нормативная интерпретация реальности. В самый последний период своего существования улсальская школа в лице

¹⁵ Olivecrona, *Law as a Fact*, p. 115.

¹⁶ Там же, стр. 123.

своих молодых представителей внесла значительный вклад в разрешение основных проблем социологии права. Одним из этих ученых является Алф Росс, который в 1929 году в своей работе, выпущенной на немецком языке, «Теория источников права» («Theorie der Rechtsquellen»), четко сформулировал труднейшие из этих проблем. Поскольку право нельзя рассматривать просто как некий факт или как простое «долженствование», то задача заключается в том, чтобы разрешить противоречие между ними и показать, что «долженствование» не есть нечто независимое и абсолютно противоположное «сущности». В этой работе, однако, Росс не продвинулся сколько-нибудь значительно к поставленной цели.

Он достиг гораздо большего успеха в другой работе, которая появилась в 1946 году на английском языке под заглавием «К реалистической юриспруденции» («Toward a Realistic Jurisprudence»). Вслед за Хегерстрёмом (на которого он ссылается) и Оливекроной он безоговорочно утверждает, что право есть факт, а не какая-либо идеальная или логическая система. Юридические суждения не являются *действительными* суждениями; они не имеют смысла сами по себе, а являются высказываниями относительно конкретных явлений, то есть выражениями взглядов, функционирующих как части некой всеобъемлющей социальной реальности.

Тем не менее право выражается в форме нормативных суждений, которым приписывается действенность; в системе Росса действенность почти тождественна обязательной силе Оливекроны. Этот дуализм факта и действительности должен быть преодолен, но этого нельзя достичь, игнорируя действенность, как это делали старшие представители этой школы. «Действенность» есть термин, включающий в себя рационализацию субъективных опытов; когда процесс рационализации упрощен и выражения действительности взяты в соответствии с их символической ценностью, то предполагаемый дуализм между фактом и действительностью, как оказывается, отражает взаимодействие подлинных элементов юридической реальности, в то время как традиционное понятие права (подчеркивающее действенность) носит магический характер.

Слияние принуждения и обязательства: социально-юридический порядок. Устранение противоположности между правом как фактом и правом как системой действенных норм осуществляется Россом путем рассмотрения двух «чистых» систем: в одной доминирует принуждение (которое в конце концов оказывается основным ядром права как факта), вторая исходит из принятия членами группы норм, созданных какой-то признанной ими властью. Обе системы имеют тенденцию развиваться, тяготея друг к другу. В первой системе возникают коллективные обычаи, вызванные заинтересованностью в том, чтобы избежать принуждения, когда принуждение становится более редким; коллективный обычай имеет тенденцию порождать спонтанные незаинтересованные импульсы, носящие отпечаток действительности. Во второй системе власть прибегает к принуждению только в исключительных случаях, когда власти,

как таковой, недостаточно: через некоторое время принуждение укореняется как подлинное положение вещей. В действительности развитие не начинается ни с одной из этих крайностей, но существует подлинное взаимодействие и слияние между двумя факторами. Созданное таким образом явление представляет собой некий конкретный социальный порядок. (Утверждение Росса является, вероятно, *lapsus calami*; то, что возникает, представляет собой *юридический* порядок.) Рассмотрение слияния двух первоначально независимых явлений разительно напоминает взгляды Тимашева относительно слияния этического группового убеждения и власти в право.

Социальный (или юридический) порядок, продолжает Росс, должен иметь организованную процедуру для (действенного) осуществления физического принуждения (слово «действенный» употребляется здесь, разумеется, вместо опыта действенности). Кроме того, этот порядок должен содержать элемент власти для установления (обычно принудительно) правил того, что является действенным (должно восприниматься как действенное). Иными словами, право представляет собой такую социальную систему, которая включает в себя судебную и юридическую власть.

Хотя в той схематической картине возникновения права, которую дает Росс, принуждение играет большую роль (одна из двух рассматриваемых систем полностью на нем основана, а другая прибегает к нему в исключительных случаях), он отрицает возможность сведения реальности права к явному или скрытому принуждению. Некоторые правила, говорит он, черпают силу в своей собственной власти — из веры в их действенность. Он, вероятно, имел в виду тот факт, что эти правила издаются властями, и эти правила обычно облечены санкциями. Невозможно, продолжает он, отделить эти несанкционированные правила от других правил, так как все вместе они составляют связанное целое. Но Росс несколько непоследовательно склонен классифицировать международное право как часть общепринятой морали (которую он противопоставляет личной морали) с некоторыми характерными особенностями, взятыми из права.

Гейгер: право как определенный сектор социального порядка. Столь же важна работа, написанная немецким ученым Теодором Гейгером. Для его книги «Введение в социологию права» (*Vorstudien zu einer Soziologie des Rechts*) (1947) характерно широкое использование символической нотации. По его мнению, социология права должна изучать подлинные отношения. Такова позиция упсальской школы, представителем которой он себя считает; однако социологические недостатки этой школы необходимо преодолеть. Особенно необходимо заменить отрицание нормы сведением ее к реальности, то есть обнаружением действительности за нормой. Эти высказывания направлены против теорий старших представителей данной школы; работа Алфа Росса, появившаяся за год до его работы, по-видимому, осталась Гейгеру неизвестной.

В очень краткой форме идеи Гейгера можно суммировать следующим образом: социальный порядок есть координация поведения членов группы. Право есть специфическая структура порядка внутри социального конгломерата. Поэтому природу права можно лучше всего обнаружить путем изучения социального порядка вообще. Внутри социального конгломерата существует определенная связь между ситуациями и поведением; для наблюдателя эта связь отражается в социальных чаяниях. Юридический порядок является, следовательно, наблюдаемой регулярностью в жизни группы; из этой регулярности мы можем вывести правила, которые отличны от словесных норм. Эти подлинные правила могут быть привычными, но они могут также быть созданы намеренно. Норма существует (является реальной), если отношение $s-g$ обладает обязательной силой (v). Это можно выразить и иначе: норма реальна, если существует внешняя сила, которая в ситуации s толкает A к g . Реальность нормы есть, следовательно, вероятность ее эффективности; это утверждение можно возвести к Максону Веберу.

Внешнее давление может оказываться всеми членами группы коллективно, определенными сегментами группы, жертвой дурного поведения или особым учреждением, которому дана функция реагировать от имени группы в целом. Несмотря на все эти виды давления, вместо g возможно поведение $\bar{g}$, то есть его противоположность; тогда давление становится реакцией, r . В конечном счете реальность v — это ни повиновение, ни реакция, а нечто промежуточное между ними. Причиной этого явления (обязательной силы) является социальная взаимозависимость; это, возможно, означает, что v (в вышеуказанном смысле) необходимо для выживания группы.

Право представляет собой поэтому только часть социального порядка. Социальный порядок становится «юридическим», если социальный конгломерат, внутри которого он развивается, представляет собой государство. Государство есть высшая структура власти. Право возможно только в дифференцированном *milieu*, где возникла вся подавляющая центральная власть, — этот взгляд совпадает с взглядами большинства как немецких, так и американских юристов. Право, однако, никогда не является *единственным* социальным порядком; но мы никогда не знаем также, почему некоторые из систем, возникающих в данном обществе, обладают v , как не знаем и того, каков принцип отбора, который отделяет юридические правила от неюридических. В этих высказываниях Гейгер, по-видимому, сам проявляет такое же незнание социологии, которое он приписывает uppsальской школе. После Тарда была разработана довольно полная теория социальных изменений, которую вполне можно использовать для ответа на поставленные Гейгером вопросы. Кроме того, в своей книге «Общество, культура и личность» («Society, Culture and Personality») Сорокин, по крайней мере предварительно, рассмотрел проблему отбора норм, которые будут снабжены санкциями, навязанными государством.

Превращение власти в право. В противоположность Оливекроне Гейгер утверждает, что функционально власть предшествует праву. Это очевидно, так как для достижения господствующей власти, которая является неотъемлемой частью равновесия, необходимо сначала использовать природную силу. Гейгер многое может сказать относительно последствий возникновения права и обличения норм властью. Следствия первого факта: 1) реакция вместо спонтанной становится организованной; 2) возникают нормы, имеющие отношение к реакции на *g*; 3) создаются специальные учреждения для осуществления этих реакций; 4) деятельность этих учреждений регулируется; 5) создается монополия реакций в их пользу. Следствия второго факта: 1) вероятность добровольного повиновения увеличивается; 2) то, что учреждения издают юридические нормы, создает значительную вероятность формирования поведения граждан; 3) санкции, налагаемые компетентными учреждениями, регулярно осуществляются. Данные утверждения аналогичны тем, которые содержатся в книге Тимашева «Введение в социологию права». Это явный случай «параллельного изобретения», так как книга Тимашева не была известна Гейгеру.

Другие представители упсальской ориентации. К упсальской школе принадлежит и много других социологов, но здесь можно упомянуть только о двух: финский ученый О. Брусиин, автор книг «Об объективности судебных решений» («Ueber die Objektivität der Rechtssprechung», 1949) и «О юридическом мышлении» («Ueber das juristische Denken», 1951), сосредоточил свои усилия на нахождении «социологических постоянных» в праве и судах. При этом он придает особое значение самому существованию судов и стремлению судебной практики к объективности, то есть к устранению из решений всех элементов, не относящихся к делу. Чтобы аргументировать свои заключения, автор изучает ряд механизмов: структуру судов; регулирование процедуры; контролирование общественного мнения (которое, как он признает, может противодействовать объективности); налагаемую на судей обязанность мотивировать свои решения; ссылку на прецеденты; надзор со стороны министерств юстиции; санкции по отношению к возможным правонарушителям из числа судей и структуру юридического образования. Взяты вместе, эти механизмы создают поразительное единство в юридической практике в противовес паникерским заявлениям ранних американских неореалистов. Но, как соглашается и сам автор, его материал во многом нормативен и его постоянные существуют только в передовой западной цивилизации.

Подобно Брусиину, Лахтинен в своей работе «К построению правовых основ» («Zum Aufbau der rechtlichen Grundlagen», 1951) склонен рассматривать науку, включая науку о праве, как поиски постоянных. Его усилия направлены преимущественно на изучение основной юридической постоянной, обозначаемой уклончивым термином «долженствование». Он начинает с определения требования (*Forderung*). Этот термин обозначает ситуацию, в которой *A* опреде-

денными способами пытается побудить В вести себя определенным путем. Рассмотрение данной ситуации с точки зрения В показывает нечто совершенно иное: то, что скрывается под термином «долженствование», — довольно-таки сомнительное утверждение. Не слишком плодотворна и попытка Лахтинена реалистично определить право. Он, по-видимому, идет по опасному пути, разделяя нормы на сознательные и эмоциональные типы, которые, как он полагает, идентичны с «юридическими стандартами» американской юриспруденции.

Эволюцию упсальской школы можно подытожить следующим образом. От довольно негативных и иногда эклектических позиций Хегерстрёма и Оливекроны она достигла поразительного прогресса, который лучше всего представлен работами Росса и Гейгера. Эти труды показывают по крайней мере один возможный путь к разрешению основной проблемы социологии права: реалистическое объяснение содержащихся в нем нормативных элементов. Многие из их утверждений могут и должны вдохновлять исследовательские проекты, которые следует осуществить привычным для американской социологии способом — изучением конкретных случаев и исследованиями статистического типа.

ВКЛАД ФИЛОСОФОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Пятая группа попыток интегрировать право с обществом и культурой представлена работами философов юридической ориентации, более или менее затронутых возникновением социологии права. Разумеется, здесь можно рассмотреть лишь немногие труды. Одним из наиболее значительных событий в этой области явилось обращение Ганса Кельсена. В начале своей блестящей карьеры Кельсен писал, что социологическое определение права столь же невозможно, как математическое определение биологического явления или этическое определение физического явления¹⁷; через несколько лет он посвятил целую книгу опровержению самой *возможности* социологии права¹⁸. Но в тридцатые годы он начал признавать, что социологическое изучение права возможно при условии, если оно не будет вторгаться в чистую, исключительно нормативную теорию права. В одной из позднейших книг он заявил, что поскольку законы естественных наук в настоящее время формулируются как утверждения статистической возможности вместо абсолютной уверенности, то нет существенной разницы между законами природы и социальными законами¹⁹.

Кельсену никогда не удавалось избежать упоминания о праве как о факте. В соответствии с его взглядами все юридические нормы действительны, так как они были созданы в соответствии с некой

¹⁷ Hans Kelsen, *Eine Grundlegung der Rechtssoziologie*, ASS, 1915.

¹⁸ Kelsen, *Der juristische und der soziologische Staatsbegriff*, Tübingen, 1922.

¹⁹ Kelsen, *Society and Nature*, Chicago, 1943, p. 266.

«основной нормой», которая не может быть выведена из какой-либо высшей нормы. Этой основной нормой обычно является конституция: «В конечном счете, — пишет он, — мы приходим к какой-либо конституции, которая исторически является первой и которая была создана отдельным узурпатором или каким-либо собранием»²⁰. Может быть целый ряд конституций, а также бывают и революции; в последнем случае существующий строй свергается и заменяется новым таким путем, которого старый строй не предвидел. Это означает, что действенность юридических правил в конечном счете зависит от социального факта — существования политической власти, которая может и хочет поддерживать юридическую систему. Мы уже встречали аналогичные идеи, когда рассматривали работы Оливекроны; но, разумеется, безоговорочный приоритет принадлежит Кельсену.

Хорват и взаимоотношения между правом и властью. Говоря о вкладе европейских философов юридической ориентации, в первую очередь следует упомянуть о Барне Хорвате. В 1934 году он опубликовал на немецком языке книгу, озаглавленную «Социология права» («Rechtssoziologie»), которая совершенно явно насквозь проникнута философией. После подробного рассмотрения отношения социологии права к другим наукам, в особенности к юриспруденции, он сосредоточивает свое внимание на корреляции права, с одной стороны, и экономики, боя, власти, знания и процедуры — с другой. Цель весьма похвальная, поскольку существует очень мало исследований, посвященных корреляции. Но, к сожалению, философская позиция автора вынуждает его рассматривать каждую проблему с точки зрения исторической эволюции, социальной корреляции, юридическо-логической флуктуации и аксиологического ограничения.

Из этих исследований по корреляции наиболее конструктивным представляется исследование власти. С самого начала, говорит Хорват, объективная власть зависит в такой же мере от права, как право зависит от власти. Власть является орудием для права. Если мы будем отождествлять право с закономерностями, наблюдаемыми в обществе и достигаемыми с помощью сложного процедурного аппарата, то тогда право как структура также является необходимой предпосылкой социальной власти. Было бы, однако, ошибочным предполагать, что власть предваряет право. Это справедливо только в отношении высшей социальной власти. Власть есть вероятность того, что какое-то действие человека становится условием действия другого человека — утверждение, явно навеянное Вебером. В небольших группах это может осуществляться путем личного контакта. Но в «большом человеческом обществе личное обаяние не может действовать непосредственно; поэтому здесь при отсутствии права могут существовать только неустойчивые соотношения сил».

²⁰ Kelsen, *General Theory of Law*, Cambridge, Massachusetts, 1945, p. 115.

Но множественность точек зрения вынуждает автора сделать заявление, несовместимое с теми, о которых только что говорилось. Если принять во внимание все, говорит он, то право не основано на власти; для того чтобы быть действенным и эффективным, оно требует не столько власти, сколько *свободы*. Власть необходима тогда, когда встречается сопротивление. Но никакая власть не может существовать, выступая против хорошо организованного процедурного аппарата; при подобных условиях власть должна либо стать правом, либо перестать существовать. Это утверждение легко можно опровергнуть, если вспомнить о таких организациях, как Мафия и Каморра в Италии и революционные организации в Ирландии и России, которые существовали целые десятилетия, ведя борьбу против хорошо организованного аппарата государственного принуждения.

Шиндлер: право как одна из социальных постоянных. Примерно в то же время, что и Хорват, швейцарский юрист Д. Шиндлер опубликовал книгу «Конституционное право и социальная структура» («Verfassungsrecht und soziale Struktur»); в 1944 году вышло второе издание, и автор готовил третье, когда смерть прервала его работу. Его ученики посмертно издали сборник под заглавием «Право, государство, народная общность» («Recht, Staat, Volksgemeinschaft», 1948), куда вошел ряд статей и неопубликованных рукописей. Отправным пунктом анализа является для Шиндлера утверждение, что право по своей природе должно преобразовывать то, что *должно быть*, в то, что *есть*. Право не только норма, но также и факт. Это неизбежный дуализм, ставший основной проблемой упсальской школы. Шиндлер, интересующийся той же проблемой, предлагает совершенно иное решение.

Существование приблизительно всеобщей человеческой природы, говорит он, прорывается сквозь враждующие идеологии и утверждает себя в приблизительно тождественных установлениях в определенных областях, поскольку эти установления соответствуют природе вещей и человеческой природе. Несмотря на все варианты, общественная жизнь основана на *постоянных*, проявляющихся как структуры и функции. Изучение их есть одна из основных задач общественных наук.

Одной из этих структур является право. Тем видом реальности, который отличает юридическую норму от других норм, служит государство, так как отношение права к государству существенно важно. Норма становится юридической после включения ее в какую-либо государственную организацию. Даже нормы международного права связаны с государством. В противовес общему мнению Шиндлер полагает, что власть, кроющаяся за юридическими нормами, не должна быть всеподавляющей; достаточно, чтобы власть *могла* быть применена. Но это только один аспект права. Право ориентировано также и по отношению к *этике*. Позитивное право нуждается в качестве основы в чем-то его превосходящем; это — идея права. В этот момент Шиндлер, подобно многим философам, занимающимся

юридическими вопросами, по-видимому, верит в возможность создания такого мерила, которое, будучи применено к нормам, сможет определить, являются ли они юридическими. Но возникает следующая трудная проблема: государство, облеченное властью, может насильственно ввести принудительный порядок, который не соответствует идее права. Это — несправедливое право, право, которого «не должно быть». Предлагаемое Шиндлером решение гласит: *теоретически* решающим фактором является юридическая идея; но на практике окончательное решение принадлежит государству.

Хезер: инструментальная философия права. Не так давно Жан Хезер, бельгийский юрист, философ и социолог, опубликовал ряд трудов²¹, из которых можно вывести основы социологической теории права. Юристы, говорит он, согласны с тем, что существует «юридическая реальность». Что это такое? Общественный строй представляет собой функциональные отношения различных видов человеческой деятельности. Они сходятся в каком-то центре и образуют сложные целые, которые можно свести к ограниченному числу широких категорий. Системы сохраняют из этих потенциальных видов деятельности только те, которые необходимы для создания таких систем, и в зависимости от условий предоставляют им свободу развиваться дальше или сойти на нет. В юридической терминологии эти виды деятельности становятся правами и обязанностями. Это весьма напоминает американскую социологию, где подобным образом определяют происхождение статусов и ролей.

Юридическая сфера жизни, созданная таким образом, представляет собой особый способ достижения социальных целей посредством таких видов человеческой деятельности, которые считаются необходимыми теми, кто их применяет. Этот путь достижения социальных целей основан на том факте, что те, кто занят соответствующими видами деятельности, считают себя настолько связанными, что не могут поступать иначе. (В другом месте автор формулирует это утверждение несколько по-иному, заявляя, что люди, которых это касается, считают соответствующие нормы «безусловно обязательными», — утверждение в духе юридической философии Штаммлера.) Тем не менее лежащие в основе императивы считаются категорическими, хотя сама система произвольна и искусственна и не основана на естественной необходимости. В соответствии с этими императивами стороны истолковывают и осуществляют свои отношения; им представляется, что эти ситуации и отношения столь же необходимы, как и физическая каузальность. Это, следовательно, и есть критерий юридического правила.

Юридическое явление, таким образом, представляет собой *технический прием*, который должен получить одобрение со стороны общности. Оно создается коррелированными психическими установками *принуждения* и *повиновения*. Первая спонтанна; вторая

²¹ Jean Haesaert, *Essai de sociologie*, Brussels, 1946; *Théorie générale du droit*, Brussels, 1948; *Préalables du droit international public*, Brussels, 1950.

по своему происхождению связана с непосредственным насилием, но частично также восходит к религии и к появлению индивидуумов, которым приписывается компетенция творить право (идея, родственная идее Алфа Росса). В передовом обществе непосредственное принуждение заменяется условными рефлексам.

Хезер является признанным авторитетом в области международного права. Поэтому он должен связать свою общую теорию с международным правом, что он и делает следующим образом: когда государства желают связать себя безоговорочно, то в этом им ничто не мешает, но как только они решили подчинить свои отношения праву, то становятся связанными столь же безоговорочно, как если бы они были связаны природной причинностью. Здесь бельгийский ученый отходит от позиции реализма (являющейся позицией социологии права) и ищет убежища в утверждении, основанном на естественном праве, *pacta sunt servanda**

Коинг и формалистическая философия права. Значительно меньшую ценность в социологическом отношении имеет работа наиболее выдающегося из немецких послевоенных философов юридической ориентации Ф. Коинга, книга которого озаглавлена «Основные черты философии права» («Grundzüge der Rechtsphilosophie», 1950). Право — обязательный порядок человеческих отношений внутри человеческой группы, но это только одна из форм, в соответствии с которыми люди живут вместе. Юридический порядок не следует смешивать с представлениями людей о праве, так как он присутствует даже в том случае, если в данное время никто о нем не думает. Право представляет собой порядок, который является: 1) длительным; 2) абстрактным (типологическим); 3) предваряющим (образуя часть сознательного формирования жизни); 4) основанным на человеческих решениях (в которых участвуют инстинкты); 5) императивным. Оно в конечном счете основано на соответствии с моральными нормами, что, разумеется, является нереалистическим утверждением.

Паунд: незавершенные поиски функциональной философии права. Если мы обратимся к вкладу, сделанному американской юриспруденцией и юридической философией (помимо неореалистической школы, о которой уже говорилось), то нельзя не начать с упоминания о деятельности Роско Паунда, начатой еще до первой мировой войны и продолжающейся по сей день. Следует, однако, признать, что его труды остаются на периферии социологии права, поскольку они посвящены социологической юриспруденции²². В этом Паунд в основном следовал традициям немецкой *Interessenjurisprudenz*, основоположником которой был Р. Иеринг и которая лучше всего представлена Филиппом Геком²³. С самого начала Паунд подчеркивал, что юриспруденция больше должна заниматься механизмом

* *Pacta sunt servanda* (лат.) — договоры должны выполняться. — Перев.

²² Ср. Тимашев, *An Introduction to the Sociology of Law*, pp. 25—29.

²³ М. Магдалена Шох (ed.), *The Jurisprudence of Interests*, Cambridge, Massachusetts, 1948.

действия права, а не его абстрактным содержанием и уделять больше внимания социальным целям, которым право служит, а не санкциям. В своих позднейших работах он проводит различие между «правом в книгах» и «правом в жизни» и пытается различить три разные вещи в праве: юридический порядок, авторитарные методы, в которых можно найти основу судебного и административного решения, и судебный процесс. Но, оставаясь на уровне социологической юриспруденции, он никогда не пытался дать теоретических формулировок об отношении между правом в книгах и правом в жизни, или между тремя только что упомянутыми компонентами. В сороковых годах он написал главу о социологии права для сборника Гурвича и Мура «Социология двадцатого века» («Twentieth Century Sociology»). Здесь, как и в бесчисленных статьях, он продемонстрировал свою несравненную способность к систематическому рассмотрению и критическому анализу теории этого предмета. Но здесь вряд ли можно найти хоть одно утверждение, которое можно было бы охарактеризовать как паундовскую социологию права.

Кэрнс: право как система инвариантных факторов. Ближе к обычной тематике социологов права стоит книга Хантингтона Кэрнса «Теория юридической науки» («Theory of Legal Science», 1941). Подобно Хегерстрёму (с работой которого Кэрнс, вероятно, незнаком), Кэрнс считает отправным пунктом исследования не порядок, а человеческое поведение как одну из функций *беспорядка*. Но это значит не очень много, поскольку сразу же признается, что порядок есть необходимый элемент всех общественных достижений и главная цель социального контроля (к которому право явно относится). Идеалом теоретической науки о праве является формулирование утверждений, определяющих инвариантные или почти инвариантные отношения в этой области и организацию соответствующих принципов в связную систему. Точнее, теоретическая наука о праве (Кэрнс не пользуется термином «социология права») должна иметь своим предметом не само право, а человеческое поведение, на которое влияет право или которое связано с правом.

Тем не менее Кэрнс должен дать определение права, и он делает это в соответствии с общим мнением юристов: право отождествляется с порядком политически организованного общества. Это не исключает того факта, что юридическим правилам часто повинуются совершенно независимо от какой-либо мысли о судебном процессе или о принуждении; однако они отличаются от обычных правил тем, что за ними скрывается специальное учреждение политического общества для их насильственного внедрения.

В соответствии с взглядами Кэрнса на науку о праве одной из основных целей является изоляция инвариантов, или постоянных. По его мнению, во всех областях, в которых доминируют относительно гомогенные системы права, можно наблюдать следующие шесть постоянных: 1) регуляция поведения по отношению к отдельным лицам; 2) ассоциации; 3) структура общности; 4) собственность; 5) обещания (в смысле действий, подготавливающих контракты

и т. п.); 6) администрация, включая политическую систему. В соответствии с этими постоянными он пытается установить единообразие изменения — не в смысле эволюционных стадий, а как универсально возвратные механизмы. В каждом изменении он видит проявления новых отношений и пытается перечислить их физические и психические элементы. Физическими элементами являются время, пространство и взаимодействие; психические факторы — коммуникация, изоляция, ассоциация и социальная дистанция. Он надеется, что на основе этого перечня элементов сравнительное изучение шести постоянных может дать материал для количественного изучения изменения. Никакого образца подобного исследования, однако, не дается. Нельзя не испытывать скептицизма относительно исхода подобного предприятия. Как справедливо замечает Хорват²⁴, постоянные, избранные Кэрнсом, слишком уже сложны для того, чтобы служить элементами сравнительно-исторического анализа, цель которого дать теоретически плодотворные результаты.

Право как соединение формальных, ценностных и фактических аспектов. Другая работа в этой области, книга Джерома Холла «Жизненный закон демократического общества» («Living Law of Democratic Society», 1949), несколько разочаровывает социолога, занимающегося юридическими вопросами, именно потому, что в другой работе, о которой речь пойдет ниже, Холл продемонстрировал исключительную способность к изучению социологии. В книге «Жизненный закон демократического общества» Холл приходит к довольно нереалистическим заключениям. Основная цель книги — дать ответ на вопрос, что такое позитивное право. Такой вопрос не может не занимать умы социологов юридической ориентации. Исследование проводится в три стадии. Во-первых, рассматривается юридический метод и делается вывод, что позитивный закон состоит из утверждений, имеющих форму гипотетически императивных суждений, и что формальный источник и внедритель этих прав есть центр максимальной власти общества. Второй шаг исследования показывает, что праву внутренне присущ какой-то элемент *оценки*; иными словами, юридические правила представляют собой соединения идей с ценностями. Это трудно отрицать; более сомнительным, однако, является утверждение, что существует интуитивное знание ответов на моральные проблемы, так что лучшие ответы могут быть защищены. Третий шаг заключается в изучении права как культурного факта, что придает работе Холла социально-юридическое значение. Результаты совершенно незначительны. Юридические правила, говорит автор, содержат обобщения относительно фактов, но он, вероятно, намеревался сказать, что, составляя эти правила, люди исходили из многократного наблюдения фактов.

Эти три этапа затем интегрируются в утверждение, что право представляет собой определенное соединение *формы, ценности и фак-*

²⁴ Barna Horvath, *Neuere Richtungen in der Rechtsphilosophie in den Vereinigten Staaten und Skandinavien*, «Oesterreichische Zeitschrift für öffentliches Recht», 6, 1953, S. 70.

та. Ценностный элемент, как его понимает Холл, вынуждает его, однако, проводить различие между государственными нормами (термин, появляющийся в заключительных частях его книги), юридическими нормами и другими типами норм, которые он именует нормами власти, техническими государственными нормами и т. п. Очевидно все же, что суды применяют все эти типы норм без различия, что профессора в юридических учебных заведениях обучают им всех и что функционально (то есть действуя в обществе) они образуют один класс. Это показывает, что попытка Холла ограничить право тем, что соответствует нашему непогрешимому моральному суждению, не выдерживает проверки на адекватность.

Философы, занимающиеся вопросами труда, все же не полностью приняли самую идею социологии права. Во всяком случае, в одной из новейших и наиболее всеобъемлющих книг по этому вопросу, книга Джулиуса Стоуна «Область и функция права», мы видим, что эта идея отвергается, так как, по мнению автора, само различие между номотетическими и идеографическими науками устарело²⁵.

КУЛЬТУР-АНТРОПОЛОГИЯ: МАЛИНОВСКИЙ

Шестая и последняя группа исследований, которую нам надлежит рассмотреть, включает в себя труды нескольких выдающихся культур-антропологов. В этот период господствовала теория, утверждавшая существование права на самых ранних стадиях социального и культурного развития, что требовало исключения из понятия права атрибута организованного принуждения. Эта тенденция имеет, как мы видели, наглядную параллель в работах Петражицкого и некоторых из его последователей.

Наиболее характерным представителем ее был Малиновский: «Во всех обществах должен существовать класс правил слишком практических, чтобы их можно было поддерживать религиозными санкциями, слишком обременительных, чтобы их можно было предоставить просто доброй воле, слишком жизненно важных для индивидуумов, чтобы эти правила вводились в действие каким-либо абстрактным учреждением. Это — область юридических правил. Позитивное право, управляющее всеми фазами племенной жизни, состоит из комплекса непреложных обязанностей, рассматриваемых как право одной стороной и признаваемых как обязанность другой и сохраняемых в силе специальным механизмом обратного действия и рекламы, присущем структуре их общества...

...Такие правила санкционируются не просто психологическим мотивом, а определенным социальным механизмом обязательной силы, основанным на взаимозависимости»²⁶.

²⁵ Julius Stone, *The Province and Function of Law*, 2nd ed., Sydney, 1950, p. 394.

²⁶ Bronislaw Malinowski, *Crime and Custom in Savage Society*, London, 1926, pp. 55, 67—68.

Эта позиция, однако, незащитима, так как различие между юридическими и неюридическими правилами на самом деле проецируется сторонниками этой теории в первобытное общество на основе знания ими сферы права в передовом обществе. В более поздней работе «Научная теория культуры» («A Scientific Theory of Culture», 1942) Малиновский выразил в довольно туманной форме ту точку зрения, что для понимания культуры, в особенности ее нормативных элементов, необходимо прибегнуть к теории обучения современной физиологии и психологии.

Статусы как центры сосредоточения прав и обязанностей. Линтон. Ралф Линтон внес вклад совершенно иного рода. В своем труде «Изучение человека» («Study of Man», 1936) он выдвинул функциональную и реалистичную теорию «идеальных схем» — термин, который он предпочитает термину «нормы». Общество должно выработать более или менее осознанные схемы ожидаемого поведения индивидуумов в определенных положениях. Эти идеальные схемы, однако, значительно рознятся от действительного поведения. В качестве систем идей они становятся частью культуры группы и передаются от поколения к поколению. Схемы редко (или даже никогда) достигают полного выражения в поведении. Но они очень сильно влияют на поведение, так как постоянно демонстрируются индивидуумам как модели. То обстоятельство, что они разделяются многими членами общества, придает им сверхиндивидуальный характер. Они обладают значительной степенью организации и подпадают объективному изучению.

В связи с идеальными схемами или нормами Линтон предложил ввести в социологию понятия о статусе и роли, и, как хорошо известно, его предложение встретило горячий прием. Идеальные схемы, говорит Линтон, определяют взаимное поведение между индивидуумом и группами. Полярные позиции в таких схемах представляют собой *статусы*. Статус есть позиция в определенной схеме; это просто собрание прав и обязанностей. *Роль* представляет динамический аспект статуса; когда индивидуум осуществляет права и обязанности, он выполняет роль.

Следует отметить, что, как было показано в предыдущих разделах, примерно в то время, когда Линтон предложил включить юридические понятия о правах и обязанностях в общую социологию, в социологии права возникли сомнения относительно их реальности. Поэтому одна из основных проблем социологии права (об этой проблеме много говорили группа Петражицкого и упсальская школа) совпадает с одной из основных проблем общей социологии. Следует признать, что социологи права еще не сумели передать социологам широкого профиля мысли о том, что, принимая понятия о статусе и роли, они сталкиваются с новыми и трудными проблемами.

Поиски «юридических постоянных»; конфликт и санкции. Антропологические идеи в многом способствовали появлению замечательной книги, написанной Карлом Ллуэллином, выдающимся

представителем неореалистической школы, в соавторстве с этнологом Э. А. Хебелем. В этом труде, озаглавленном «Путь чейенов» («The Cheyenne Way», 1941), авторы, следуя воззрениям многих культур-антропологов, делают попытку открыть право в простых недифференцированных обществах, не имеющих никакого механизма для насильственного внедрения; а затем, сравнивая с современным американским правом, а заодно и с римским правом, пытаются найти «юридические постоянные». Результаты их исследований приблизительно следующие.

«Суть закона» получается благодаря интеграции лиц в группы и соответственного упорядочения их поведения в связи с появлением различных стремлений и претензий у членов групп. Таким образом, «суть права» неразрывно связана с конфликтными ситуациями. Но право не есть всеобщность группового порядка. Юридической является та часть общественного порядка, которая облечена санкциями, которая доминирует в конфликтах с другими частями порядка (это уж действительно весьма сомнительное утверждение) и которая имеет аспект официальности.

Однако мы не обязаны принимать гипотезу автора о том, что порядок, соответствующий вышеуказанным критериям, является юридическим; напротив, мы можем с полным основанием считать его доюридическим и использовать полученные соавторами результаты (равно как и результаты Малиновского) для построения социологической теории возникновения права.

Социальное изменение и право: изучение конкретного случая. Несколько за пределами всех этих групп исследований, направленных к построению социологии права, стоит уникальный труд Джерома Холла «Кража, право и общество» (1935), в особенности его второе издание (1952). Книга эта — в основном исследование по истории права, но это исследование, которое предпринято в связи с осознанием «потребности в научном знании интерперсонального поведения по отношению к праву»²⁷. Говоря более конкретно, автор хотел выяснить, есть ли это односторонний процесс или между экономическими институтами и правом действует нечто более сложное. В качестве своей лаборатории он избрал Англию XVIII века, поскольку социальные и юридические проблемы этого периода были явно связаны с значительными социальными изменениями.

На основе своих конкретных исследований автор сформулировал следующие обобщения: 1) деятельность судов определенно связана с соответствующими культурными потребностями; 2) хронологический порядок главных фаз юридического изменения представляет собой: а) разрыв во времени между вещественным правом и социальными нуждами, б) спонтанные стремления судей, других должностных лиц и простых смертных к успешной адаптации и в) законодательство; 3) правопроцесс, представленный в нормоориентиро-

²⁷ J e r o m e H a l l, *Theft, Law, and Society*, 2nd ed., Boston, 1952, p. V

ванном и направленном поведении значительных категорий населения, создает концептуальную основу социологии права.

Разумеется, эти обобщения не являются поразительно новыми; но можно полагать, что если несколько исследований аналогичного типа, то есть исследований по истории права с учетом проблем социологии права, будут выполнены с глубиной и проницательностью, присущими Джерому Холлу, то социология права получит ценный строительный материал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данный обзор развития социологии права после первой мировой войны, по-видимому, показывает, что прогресс не был поразительным. Два фактора явно помешали движению вперед: во-первых, нарушение связей между учеными различных национальностей, в особенности во время второй мировой войны и в первые годы после нее; во-вторых, малое число ученых, получивших подготовку как в области социологии, так и в области юриспруденции. Хотя первый из этих неблагоприятных факторов уже исчезает, второй останется надолго, в особенности в Америке, где юристов и социологов готовят на различных факультетах.

Имеются, однако, и благоприятные факторы. К ним относятся недавние успехи в общей теории общества и культуры и в теории взаимодействия между культурой и личностью, в особенности в интернализации понятий, относящихся к области культуры. Эти новые достижения, по-видимому, прокладывают путь к разрешению трудной проблемы — как «свести» нормы или идеи к социальной реальности, состоящей из человеческого поведения и позиций. В качестве побочного продукта вероятностный подход Макса Вебера может получить солидное обоснование.

Кроме того, современные воззрения на социальную систему могут дать адекватную концептуальную схему для анализа, во-первых, относительно узкой социальной системы, сосредоточенной вокруг суда (здесь следует изучить вопрос, поставленный Интемой), и, во-вторых, системы в целом в той мере, в какой на нее оказывает влияние право в качестве орудия мира, необходимого для выживания и развития общества.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Ehrlich Eugen, *Fundamental Principles of the Sociology of Law*, translated by Walter L. Moll, Cambridge, Harvard University Press, 1936.
Gurvitch Georges, *Sociology of Law*, New York, Philosophical Library, 1942.
Hoebel E. Adamson, *The Law of the Primitive Man*, Cambridge, Harvard University Press, 1955.

- P e t r a z h i t s k y L e o**, Law and Morality, Cambridge, Harvard University Press, 1954.
- S e a g l e W i l l i a m**, Sociological Trends in Modern Jurisprudence, in H. E. Barnes, Howard Becker, and Frances B. Becker, Contemporary Social Theory, New York, D. Appleton-Century, 1940. См. также библиографическое приложение, стр. 898—900.
- S i m p s o n S. P.** and **J u l i u s S t o n e**, with the collaboration of **M. M a g d a l e n a S c h o c h**, Cases and Readings on Law and Society, St. Paul, Minnesota, West Publishing Co., 1948—1949.
- T i m a s c h e f f N. S.**, An Introduction to the Sociology of Law, Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1939.
- W e b e r M a x**, Max Weber on Law in Economy and Society, translated by E. A. Shils and Max Rheinstein, Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1954.

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ

Пауль Хонигсгейм

После первой мировой войны роль и значение религии возросли, с крайней мере в некоторых странах и среди некоторых социальных групп, а соответственно этому увеличился также и интерес социологии религии. Если подходить в историческом аспекте, то следует отметить, что Фома Аквинский, францисканцы-номинисты и иезуиты-миссионеры, английские и французские просветители и немецкие романтики проявляли интерес к отношению между религией и социальной структурой. Нельзя, однако, сказать, что их работы представляют собой социологию религии, если пределять эту дисциплину как особую науку, пытающуюся создать систему утверждений об отношениях между религией и групповой жизнью. В этом смысле социология религии фактически возникла и развилась в XIX веке. Но из тех групп XIX столетия, которые проявляли интерес к религии и от которых соответственно можно было ожидать вклада в область социологии религии, мы можем раз навсегда исключить американских прагматистов, равно как и некоторых американских философов других школ, таких, как Ройс, Антаньяна и Уайтхед, которые могли бы разрабатывать эту область, но которые в действительности не дали чего-либо существенного.

Семь групп сделали весьма примечательный и важный вклад социологию до первой мировой войны. Эти группы продолжали существовать и после войны, и некоторые из их представителей выполнили исследования, которые оказали заметное влияние на социологию религии. Эти семь групп¹ следующие: 1) домарксовские социалисты и марксисты, занимающие более или менее ортодоксальную позицию; 2) дарвинисты-эволюционисты; 3) позитивисты, такие, как Огюст Конт, Эмиль Дюркгейм, и их школы; 4) католики, которые

¹ Характеристику школ, игравших более или менее важную роль перед первой мировой войной, можно найти в следующих работах: Paul Honigheim, *Romantik und neuromantische Bewegungen*, HSW (Stuttgart, 1953), *eukantianismus*, *ibid.* (выходит из печати); Howard Becker and H. E. Barnes, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, 1952, vol. 1, Chaps. 17—20, and vol. 2, Chap. 22; Howard Becker, *Through Values to Social Interpretation*, Durham, N. C., 1950, Chap. 3; H. E. Barnes (ed.), *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, 1948, Part. 3 and 4.

первыми увековечили романтизм, внеся в него платоновско-августинские элементы (представителями их можно считать Фрошаммера, Гюнтера, Кноодта, Фогельзанга и других), а затем во все большей мере стали возрождать схоластику, в особенности неотомизм; 5) психоаналитики, которые в ту эпоху все еще преимущественно интересовались чертами, якобы присущими всем людям (такими, как эдиповская ситуация), а также религиозным поведением, которое, как они полагали, связано с такими воззрениями; 6) антропологи (частично они соприкасаются с предыдущими группами), которые считали появление религиозных групп первоначально и преимущественно в Европе и в Соединенных Штатах Америки результатом независимого параллельного развития, а затем в противоположность этому взгляду, причем в первую очередь в немецкой и австрийской школах Гребнера и Вильгельма Шмидта и их латиноамериканских последователей, стали рассматривать этот вопрос в аспекте диффузии культурных ценностей, форм жизни и видов религиозных групп; 7) немецкие неокантианцы, такие, как Георг Еллинек, Эрнст Трельч и Макс Вебер. Вебер, в особенности в части, где он следует Генриху Риккерту, разработал эпистемологическую систему, на которой основывает свою религиозно-социологическую систему; она в основном изложена в посмертно опубликованных работах и получила довольно широкую популярность.

Вебер еще до первой мировой войны сформулировал следующие важные утверждения². Религиозно-этическое-политическая сфера и сфера специальных наук отличаются друг от друга; социология наряду с другими дисциплинами относится к последней сфере. Из самой социологии следует исключить суждения о ценности. Государства, церкви и прочие социологические явления должны представлять собой в уме исследователя только лишь термины, используемые в строго номиналистическом смысле для обозначения схем проводимой коллективной деятельности. Эти схемы поддаются классификации при помощи так называемых «идеальных типов», причем вполне возможно сделать утверждения о том, что последовательность этих типов, вероятно, является закономерной.

² Основные произведения Макса Вебера, посвященные вопросам эпистемологии и методологии, собраны в кн.: M a x W e b e r, *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, Tübingen, 1951; они помещены преимущественно на стр. 146—565. Некоторые его произведения собраны также в кн.: «*Schriften zur theoretischen Soziologie; zur Soziologie der Politik und Verfassung*», Frankfurt/Main, 1947. Переводы некоторых содержащихся в этих сборниках работ имеются в кн.: «*Max Weber on the Methodology of the Social Sciences*», translated and edited by E. A. Shils and H. A. Finch, Glencoe, Illinois, 1949.

С личностью ученого, а также с системой, в которую входят веберовские эпистемология и социология религии, можно ознакомиться по следующим работам: P a u l H o n i g s h e i m, *Max Weber als Soziologie, KVS*, 1 (1921); *Max Webers geistesgeschichtliche Stellung*, «*Die Volkswirte*», 5 (1930); *Max Weber as Historian of Agriculture*, «*Agriculture History*», 23 (1943); *Max Weber: His Religious and Ethical Background and Development*, «*Church History*», 19 (1950); *Weber Max, HSW* (выходит из печати); *Neukantianismus*, там же (с подробной библиографией).

КРИТЕРИИ ДЛЯ АНАЛИЗА СООТВЕТСТВУЮЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Таково в общих чертах было положение в области социологии религии к моменту начала первой мировой войны. Рассматривая социологию религии в последующий период, можно отметить несколько методов. Термин *религия* будет использоваться для обозначения любого воззрения, основанного на убеждениях (и связанного с этими убеждениями), что сверхъестественные силы существуют и что отношения с ними возможны и важны. Работы, в которых говорится исключительно или преимущественно об основанных на религии программах социальных реформ, не будут рассматриваться в данном исследовании, и автор будет стараться избежать оценок социальных или религиозных явлений, равно как и заключений, касающихся правомерности и уместности использованных методов и сделанных утверждений (за исключением нашего последнего раздела). В трех нижеследующих разделах соответствующий материал будет проанализирован в зависимости от: 1) эпистемологических и методологических концепций, которые применялись, когда речь шла о социологии религии; 2) тех вкладов, которые были сделаны в разработку социологического аспекта *особых* религиозно-культурных элементов, и 3) вкладов в *общие* концепции религиозно-социологического характера. В заключительном разделе будет дана оценка соответствия методов, а также работ, охарактеризованных в трех предыдущих разделах.

ГРАНИЦЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК В СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ

Некоторые группы социологов не будут включены в данный обзор методологии, так как они не внесли вклада в изучение эпистемологических истоков социологии религии. Сюда входят ученики довоенных социалистов, дарвинисты и позитивисты, равно как и послевоенные философы-экзистенциалисты и в известной степени теологи экзистенциалистского направления, о которых много говорят в настоящее время — Карл Барт, Рейнгольд Нибур и Альберт Швейцер. Таким образом, остаются шесть групп в качестве представителей различных типов методологии в социологии религии.

*Католики*³. После того как романтический католицизм утратил значительную долю своего влияния вследствие возвышения неосхоластики, внутри этой последней группы развился антагонизм между, с одной стороны, более старой, преимущественно доминиканской

³ Gustav Gundlach, *Zur Soziologie der Katholischen Ideenwelt und des Jesuitenordens*, Freiburg, 1927, S. 20; Alois Dempf, *Kulturphilosophie*, «Handbuch der Philosophie», München, 1932, S. 109 и далее. Die Hauptform mittelalterlicher Weltanschauung, *ibid.*, 1925, S. 67. Что касается истории этих споров, то см. E. K. Winter, *Die Sozialmetaphysik der Scholastik*, Leipzig, 1929.

концепцией, согласно которой экономические и общественные науки, включая социологию, представляют собой отрасль теологии, и, с другой стороны, концепцией, согласно которой общественные науки относительно независимы от теологии. Вторая из этих концепций представлена преимущественно отцами иезуитами, такими, как Пеш, Нелль-Брейнинг и Гундлах, которые каждый в отдельности еще больше дифференцировали эту концепцию. Гундлах, в частности, стремился к формальной (*verstehende*) социологии особого культурного элемента — католической религии. В значительной степени особняком от них стоит Алоис Демпф, который рассматривает социологию религии (так же как и социологию познания и других областей) как особый вид культур-социологии. Он использует идеи Макса Вебера и разрабатывает, помимо прочего, новую категорию *geschichtstheologische Kulturanschauungen* — концепции относительно культуры, которые сами по себе основаны на теологической концепции истории.

Современные психоаналитики. Фромм и его последователи являются наиболее выдающимися представителями этой группы⁴. Психоаналитики придают, помимо прочего, особую важность проблемам, относящимся к особым видам отношений индивидуумов в группах, в том числе и в религиозных группах, включая и группы «первобытных» народов.

Антропологи. В то время как в Европе и в Латинской Америке основной антагонизм в области антропологии существовал между эволюционно настроенными параллелистами, с одной стороны, и диффузионистами, с другой, в Соединенных Штатах Америки прежний эволюционизм в том виде, в каком он был представлен Морганом, сменился более новой исторической школой Боаса⁵. Эта школа выступала сначала против эволюционистов, отказываясь принять их, по-видимому, недоказуемые схемы регулярно и последовательно происходящих событий, а затем против европейских диффузионистов, которых они обвиняли в том, что те делали якобы необоснованные, односторонние утверждения. Были, однако, и некоторые попытки дать синтез европейского диффузионизма и американского историзма. Гольденвейзер, например, считал «диффузию, адаптацию и изобретение всеприсущими», а Крёбер утверждал, что всякая группа, включая такие несложные группы, как тасманийцы, имеет свою историю. Внутри таких групп может происходить

⁴ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, New York, 1941, pp. 10—14, 23, 248, 280, 290—293, *Psychoanalysis and Religion*, 4th ed.; New Haven, 1952, pp. 10—12, 85, 99—113; Geza Roheim, *Psychoanalysis and Anthropology*, New York, 1950.

⁵ Alexander Goldenweiser, *The Diffusion Controversy*, in Elliot Smith et al. (eds.), *Culture: The Diffusion Controversy*, New York, 1927; A. L. Kroeber, *The Nature of Culture*, Chicago, 1939, pp. 5, 61—64, 79—84; Bronislaw Malinowski, *Magic, Science, and Religion*, Garden City, N. Y., 1952, pp. 23, 145; *The Dynamics of Cultural Change*, New Haven, Connecticut, 1945, pp. 29, 34; *The Life of Culture*, in Smith, op. cit., pp. 40—42.

диффузия, но часто она представляет собой нововведение, вызванное наблюдением иностранного образца.

Эту американскую историческую школу критиковали тогда за то, что она безосновательно удовлетворялась историческим анализом особых культур в их уникальности. Эта критика в их адрес велась главным образом функционалистами, наиболее известные представители которых, Малиновский и Рэдклифф-Браун, интересовались более или менее независимо друг от друга какой-либо культурой не в ее исторически сложившейся неповторимости, но скорее стремились познать ее как «органическое целое». Они утверждали, что каждую культуру следует рассматривать «органически», если стремишься понять смысл и значение каждого ее отдельного элемента. Эти элементы затем могут быть поняты посредством изучения их функций внутри целого. Хотя упомянутые виды антагонизма продолжали существовать, делались попытки дать синтез этих гетерогенных понятий, и сам Малиновский впоследствии рассматривал историю как незаменимое дополнение функционализма.

Немецкое неокантианство после первой мировой войны. Трёльч⁶ в своей послевоенной книге «Историзм и его проблема» («Der Historismus und seine Probleme») утверждал, что историк должен подходить к религиозным явлениям преимущественно с точки зрения их уникальности и необъяснимости их чисто рационалистическими методами, признавая редкостью возникновение действительно новых явлений, имеющих важное значение в развитии западной христианской культуры. Несмотря на это ограничение, социология религии возможна, так как история создает уникальные явления из существенных элементов, лежащих в основе многих явлений и только на первый взгляд совершенно отличающихся друг от друга.

Методологисты, находящиеся под влиянием неокантианской проблематики. Главными представителями этой группы являются Вах и Беккер. Другие исследования, частично вдохновленные неокантианскими проблемами, например «Феноменология религии» Вандер-Лееуве⁷, а также социология познания Карла Маннгейма⁸ играют для нас лишь косвенную и особую роль. Иоахим Вах⁹, по происхождению немец, после установления гитлеровского режима

⁶ Ernst Troeltsch, *Gesammelte Schriften*, Tübingen, 1912—1925, Bd. 3, S. 1—11, 22—122, 164, 173, 656, 706—720 и Bd. 4, S. 7, 11—13, 25, 118—120. См. также J. Milton Yinger, *The Sociology of Religion of Ernst Troeltsch*, in Barnes, op. cit., S. 309—315; Paul Honigsheim, Troeltsch. Ernst, HSW (выходит из печати).

⁷ Gerardus van der Leeuwe, *Phänomenologie der Religion*, Tübingen, 1933, S. 223—247, 613—652.

⁸ Karl Mannheim, *Ideology and Utopia*, New York, 1936, *Essays on Sociology and Social Psychology*, New York, 1953.

⁹ Joachim Wach, *Sociology of Religion*, 2nd ed.; Chicago, 1949. *Types of Religious Experiences*, Christian and Non-Christian, Chicago, 1951, pp. 3—5, 18; Becker, *Through Values to Social Interpretation* (см. Указатель).

переехал в Соединенные Штаты Америки, где занимался преподавательской и литературной деятельностью. Он отвергает неокантианское представление о группе как о сумме индивидуумов, или как о коллективной деятельности, а также не согласен и с устранением оценки. Говард Беккер, уроженец Америки, который получил образование в США, Германии и Франции, первоначально определял историка как человека, который имеет дело с неповторимым. Однако для этого, согласно Беккеру, историк должен держать в памяти не только черты, присущие явлению, которое надлежит описать в его неповторимости, но также и те, которые присущи сравнимым явлениям. Это в обратном смысле верно и для систематизатора, который должен основывать свою работу на знании подробностей исторических явлений, для того чтобы быть в состоянии выработать «конструированные типы» общего значения. Эти типы, которые отличны от идеального типа Макса Вебера, характеризуются следующими особенностями: они должны быть в состоянии обеспечить *вероятность*, равно как и возможность, осмысленного применения к тем явлениям, которые подлежат классификации; кроме того, они не носят ни статистико-количественного, ни полностью качественного характера, и в силу их существования в качестве понятий в уме классификатора в исторической реальности обязательно должны иметь место исключения из них.

Интуитивисты, неоромантики и антиоптимисты. Следующие семь ученых являются главными представителями этой группы: 1) Освальд Шпенглер¹⁰ рассматривает историю каждой культурной единицы, включая ее в религиозную жизнь как чередование стадий, таких, как начальное развитие, климакс и неизбежный упадок, которые автоматически следуют друг за другом. 2) Арнольд Тойнби¹¹ напоминает Шпенглера своей концепцией стадий, через которые должна пройти каждая культура, включая ее религию, но он отличается от него тем, что устраняет «абортивные» и «задержавшиеся» культуры и смотрит менее пессимистично на будущность христианства. 3) Отмар Шпанн¹² и его сотрудники, Бакса, Заутер и Манфред Шрётер, отрицают необходимость и возможность устранения оценочных суждений, равно как и возможность получения знания «индивидуальным путем» при помощи аналитического метода специальных наук; они больше настаивают на восприимчивости сущностей и применяют это понятие также и к постижению религии. 4) Людвиг Клагес¹³ противопоставлял интеллект, который, по его

¹⁰ Oswald Spengler, *The Decline of the West*, authorized translation with notes by Charles Francis Atkinson, New York, 1926—1928, 2 vols. (Эта работа частично переведена на русский язык: О. Шпенглер, *Закат Европы*, т. 1: *Образ и действительность*, М.—Пр., 1923.—*Ред.*)

¹¹ A. J. Toynbee, *A Study of History*, London, 1935—1954, vols 1 and 6. См. также «*A Study of History*» (abridgement of vols 1—6), New York, 1947, pp. 153—155, 168—174, 307—338.

¹² Othmar Spann, *Der wahre Staat*, 2. Ausg., Leipzig, 1923.

¹³ Ludwig Klages, *Der Geist als Widersacher der Seele*, Leipzig, 1929—1932, 3 Bände.

мнению, является «противником жизни», эмоциональной психеи, или Seele, с ее интуитивной способностью постигать существенное; при этом он утверждал, что последний вид познания доминировал в матриархальном обществе с присущей ему религией. 5) Анри Бергсон¹⁴, хотя и не отрицал необходимость количественного аналитического исследования, подчеркивал роль интуиции, élan vital, и благодаря такому подходу в течение определенного времени оказывал значительное влияние на некоторых французских католиков, а также и на анархо-синдикалистов. 6) Макс Шелер¹⁵ последовательно прошел неохристианский католицизм, пантеизм и другие стадии и считал роль, которую отводят разуму томизм, неотомизм, кантианство и неокантианство, доказательством психического оскудения; он выдвигал Wesensschau, или «постижение сущностей», по определению Гуссерля (то есть концепцию сущности вещи в форме синопсиса, сочетающего интуицию и разум), а также, как форму такого синопсиса, и понятие о религиозной группе как об унитарной сущности, состоящей из индивидуумов и их институтов. 7) Питирим Сорокин¹⁶ отвергает веру в автоматический прогресс, будучи убежден в вечно новом подтверждении одной и той же схемы; он классифицирует культуру по трем типам: идеациональный, идеалистический и чувственный. Последний понимается как преимущественно рационалистически и аналитически настроенная культура; первый, напротив, представляет собой культуру, к которой принадлежат начатки каждой сложной религиозно-этической системы и ее основатели.

АНАЛИЗЫ КОНКРЕТНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ СИСТЕМ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Мы будем рассматривать с точки зрения социологической значимости вклад, внесенный в изучение ряда религиозных систем следующими группами: методологистами, о которых уже говорилось; социологами и специалистами в других областях, которые сделали существенный вклад, как, например, атропологи, принадлежащие к различным упоминавшимся выше школам, или следующие традиции Дюркгейма, а также специалисты по восточной, классической и прочим филологиям; католическими, протестантскими и еврейскими теологами ортодоксального или библиокритического направления, включая как миссионеров, так и уроженцев восточных стран, которые могли более или менее ассимилироваться западной куль-

¹⁴ Henri Bergson, *L'Évolution créatrice*, Paris, ряд изданий (есть русское издание: А. Бергсон, *Творческая эволюция*, М.—СПб, 1914. — *Ред.*); *Les deux sources de la morale et de la religion*, Paris, ряд изданий.

¹⁵ Max Scheler, *Vom Umsturz der Werte*, Leipzig, 1923, 2 Bände *Vom Ewigen im Menschen*, Leipzig, 1923. См. также Paul Honigsheim, *Max Scheler als Sozialphilosoph*, KVS, 8 (1929), Helmut Plessner, *Scheler, Max*, HSW, S. 115 и далее.

¹⁶ P. A. Sorokin, *Social Mobility*, New York, 1927; *Social and Cultural Dynamics*, New York, 1937—1941, 4 vols; *The Crisis of Our Age*, New York, 1941; *Man and Society in Calamity*, New York, 1942; *Society, Culture and Personality*, New York, 1947.

турой. В этом обзоре не будут учитываться утверждения относительно тех проблем, которые присущи всякой культуре (например, ваховская религиозно-социологическая классификация религиозных групп по степени пессимистического отношения к миру — об этом речь пойдет позже), или проблем, для которых рассматриваемые исследования, хотя они и важны с других точек зрения, в религиозно-социологическом аспекте не являются существенными.

Дописьменные культуры. Изучение дописменных культур включает в себя четыре основных вопроса: первый — это причинная роль коллективного сознания первобытной группы, что утверждалось дюркгеймовской школой, но отвергалось в силу своего метафизического характера Гурвичем¹⁷ и функционалистом Малиновским¹⁸. Вторым является религиозно-социологическое значение матриархального общества. Этот тип общества, как полагал Энгельс и некоторые другие марксисты, связан с коллективной собственностью. По мнению романтика Иоганна Якоба Бахофена¹⁹, а в более недавнее время Клагеса, Шрётера и других, которые имели какое-то отношение к Отмару Шпанну, матриархальное общество было связано с особым рода мистическим прозрением. Матриархальное общество стало затем играть важную роль в диффузионистской системе отца Шмидта и в социологической системе Франца Оппенгеймера. Оба они считали матриархальную структуру одним из характерных элементов такого культурного цикла, который распространяется через диффузию. Социологическую важность матриархального общества также подчеркивали некоторые психоаналитики, как, например, Георг Гроддек и функционалист Малиновский.

Третьим из этих вопросов является тотемизм²⁰. Его роль как

¹⁷ Georges Gurvitch, *Essais de sociologie*, Paris, 1938, *passim*.

¹⁸ Malinowski, *Magic, Science, and Religion*, pp. 19, 25, 34—63, 75—77, 87—88, 124, 140; *Dynamics of Cultural Change*, p. 49; *Crime and Custom in Savage Society*, New York, 1951, pp. 55, 92—94.

¹⁹ J. J. Bachofen, *Gesammelte Werke*, Basel, 1943—1945. Лучшим сборником работ Бахофена является: «Der Mythos von Orient und Occident aus den Werken von J. J. Bachofen», München, 1926. Значительную пользу может принести также анализ соответствующих теорий Уильяма Шмидта, содержащийся в кн. S. A. Sieber and F. H. Mueller, *The Social Life of Primitive Man*, St. Louis, 1941, Chaps. 17—23. Ср. также рецензию на эту книгу Пауля Хонигсрейма в ASR, 6 (1941), pp. 898—902; Franz Oppenheim, *System der Soziologie*, Jena, 1922—1924, vol. 2, pp. 187—199, and vol. 4, pp. 7—8; Georg Groddeck, *Der Symbolisierungszwang*, «Imago», 13 (1928), p. 219.

Что касается проблемы в целом, то см. следующие работы: Paul Hönigsheim, *Die geistesgeschichtliche Stellung der Anthropologie, Ethnologie Urgeschichte und ihrer Hauptrichtungen*, «Festschrift, Publication d'hommage offerte au P. W. Schmidt», Wien, 1928; Adolf Bastian und die Entwicklung der ethnologischen Soziologie, KVS, 6 (1927); Soziologische Fragestellungen in der gegenwärtigen prähistorischen und ethnologischen Literatur, там же, 7 (1928).

²⁰ Emil Durkheim, *Elementary Forms of the Religious Life*, Glencoe, Illinois, 1950, Malinowski, *Magic, Science and Religion*, pp. 44—47, Siegmund Freud, *Totem und Tabu*, Leipzig, 1913, Otto Rank,

широко распространенной и очень старой формы социологически обоснованного религиозного воззрения подчеркивалась такими учеными, стоявшими на гетерогенных исходных позициях, как французские позитивисты (в особенности Дюркгейм), их противником Бергсоном, а также психоаналитиками, как, например, Фромм-Рейхманном, Ранком, Рейком и Цуллингером. Психоаналитики использовали попытку Фрейда сопоставить эдиповскую ситуацию и тотемизм и интерпретировать религиозные явления, которые возникают в более сложных культурах.

Четвертый вопрос, входящий в изучение дописьменных культур, касается религиозно-социологического положения и функции колдуна²¹. Робертсон Смит, а в более недавнее время Люсьен Леви-Брюль рассматривают магию как начало особого вида или как особый вид первичного религиозного и дологического чувства. В противоположность этому Гурвич, так же как и Малиновский и Рут Бенедикт, утверждает, что магическое воззрение есть такое воззрение, которое социологически отличается от религии, связано с индивидуализмом и эгоизмом и, кроме того, имеет отношение к действиям особых лиц, отличных от жрецов и часто презираемых, но, по мнению Малиновского, также принадлежащих к распространителям последующего обмирщения, подготовившего путь науке.

Доколумбовские американские культуры. Различные исследователи, такие, как Боден, Беннетт-Бёрд, Кунов, Эммарт, Морли, Томпсон и другие²², указывали на некоторые факты, имевшие место в индейских религиях. У ацтеков и инков боги покоренных народов были приняты завоевателями; и действительно жрецы имели средства к жизни благодаря тому, что храмы владели землей, а колдуны пользовались большим влиянием среди низших классов.

Китай. Макс Вебер в своих посмертно изданных исследованиях описал социальное положение и образ жизни ведущей группы «аристократов-интеллигентов» Китая. Марсель Гране, французский последователь Дюркгейма, изучил этот вопрос более подробно и описал переход от небольших феодальных дворов с «мудрецами» типа Конфуция в качестве советников к огромным угнетенным

Psychoanalytische Beiträge zur Mythenforschung, Leipzig, 1924; Theodor Reik, Das Ritual, 2 Aufl., Leipzig, 1924, S. 88—101, 283—304, а также Psychoanalytische Studien zur Bibelexegese, «Imago», 5 (1917), S. 381

²¹ Lucien Lévy-Bruhl, La Mentalité primitive, Paris, 1922, (есть русский перевод: Л. Леви-Брюль, Первобытное мышление, М., 1937. — *Ред.*) а также «La Mythologie primitive», Paris, 1935, pp. 45—47, 90, 214—215; Gurvitch, loc. cit.; Malinowski, op. cit., pp. 19, 34, 75—78, а также «Coral Gardens and Their Magic», New York, 1935, 2 vols.; Ruth Benedict, Patterns of Culture, New York, 1953, pp. 131—132.

²² Louis Baudin, L'Empire socialiste des Inkas, Paris, 1928; Wendell Bennett and J. B. Bird, Andean Culture History, New York, 1949, pp. 234—237; Heinrich Cunow, Geschichte und Kultur des Inkareiches, Amsterdam, 1937, S. 21; Emily W. Emmart, The Badianus Manuscript, Baltimore, 1940, pp. 47; S. G. Morley, The Ancient Maya, Stanford, 1946, p. 50; Eric Thompson, Mexico Before Cortez, New York, 1933, p. 226.

империям с советниками, которые были знакомы с техникой управления государством. Китайский ученый Фын Ю-лань пошел еще дальше и стал утверждать, что существует взаимосвязь между различными видами общественной жизни и конкретными философскими школами, включая даосизм. Этот последний был описан Максом Вебером, который возводил его к магическим методам, имевшим целью обеспечить долгую жизнь, и считал, что из него возникло множество сект для людей более низкого социально-экономического положения. Никаких существенных дополнений к этому анализу до настоящего времени сделано не было²³.

Религии индусов. В своей посмертно опубликованной работе Вебер утверждает, что индусские философы преимущественно интересовались спасением, достигаемым с помощью созерцательности и аскетизма, и что они действительно оставляли различные сферы жизни свободными от религиозно-этических уз, как, например, политико-экономическую сферу. К этому наблюдению Беккер и Вах независимо друг от друга добавили, что различие между более или менее совершенными людьми в действительности привело к терпимости в отношении создания больших государств и даже стимулировало это, причем иногда под руководством приверженцев буддизма. (Имеется в виду история короля Ашоки.) Ряд более новых индусских сект, а также и буддизм в его видоизмененной форме за пределами Индии, изучался местными уроженцами, такими, как Чан Ли, Масахару, Сатони, Зузуки и другие, с точки зрения способности к ассимиляции²⁴.

Сикхизм. Эта религия напоминает буддизм своим отказом от кастовой системы, но в то же время она занимает довольно необычное положение в силу включения в нее некоторых элементов магометанства; она была предметом лишь немногочисленных исследований; Вебер, например, не рассматривал ее в своем незаконченном компаративном исследовании. Однако недавно она была описана Арчером, который уделил внимание ее переходу от неагрессивной к активной крестьянской (особенно воинственной) религии²⁵.

²³ Max Weber, *The Religion of China: Confucianism and Taoism*, translated and edited by H. H. Gerth, Glencoe, Illinois, 1951; Marcel Granet, *La pensée chinoise*, Paris, 1934, pp. 420—427, 554—557; *Chinese Civilization*, translated by Kathleen E. Innes and R. Brailsford, New York, 1951; *La religion des Chinois*, 2nd ed., Paris, 1951, а также *Catégories matrimoniales et relation de proximité dans la Chine ancienne*, Paris, 1939; Fung Yu-Lan, *A Short History of Chinese Philosophy*, New York, 1948, pp. 18, 37.

²⁴ Max Weber, *The Hindu Social System*, translated and edited by H. H. Gerth and Don Martindale, Minneapolis, 1950; Becker and Barnes, op. cit., vol. I, pp. 74—81; Joachim Wach, *Sociology of Religion*, pp. 74—81; Shao Ch'ang Lee, *Popular Buddhism in China*, Hawaii, 1939; Anesaki Masaharu, *History of Japanese Religions*, London, 1930, pp. 145, 260—262; Kishis Satoni, *Japanese Civilization*, New York, 1924, pp. 211, 229—231; Daisetz Teitaro Suzuki, *An Introduction to Zen Buddhism*, New York, 1948, pp. 118—127.

²⁵ J. C. Archer, *The Sikhs*, Princeton, N. J. 1946, pp. 140—141, 169—170, 196, 233—235.

Зороастризм и его продолжение в Индии; парсизм. Хотя уже в XVIII столетии, в особенности благодаря трудам Анкетилля Дюперона, заратустризм и парсизм стали привлекать внимание представителей Просвещения, эти религии изучались романтиками и филологами XIX века в меньшей степени, чем индуизм. Книги Эрнста Герцфельда и Дхаллы (Дхалла сам был парсийским первосвященником) содержат лишь немного полезных сведений относительно зороастрийских жрецов и парсийской ассимиляции²⁶.

Древний Египет. Согласно исследованиям, проводившимся Черным, Франкфортом, Мерсером, Уилсоном и другими, репутация богов, храмов и священников зависела в значительной степени от количества земли, которой они владели. Земля накапливалась благодаря подаркам от государства после покорения им других стран²⁷.

Греческая античность. Французы Жерне и Буланже, находившиеся в известной степени под влиянием Дюркгейма, утверждали, что одним из важнейших фактов был ранний переход от сельской к городской жизни, причем каждый город имел своих собственных богов, которым официально поклонялся. Но именно неофициальные мистические культы, связанные с Деметрой, Дионисом, элевсинскими мистериями и орфиками, заинтересовали в большей степени сначала романтиков Фридриха Крейцера, Отфрида Мюллера и Бахофена, о котором уже говорилось в связи с подчеркиванием им роли матриархального общества, а позднее — Альфреда Беймлера и Манфреда Шрётера, а также Гутри, Нилссона и позитивистов Жерне и Буланже. Почти все эти социологи указывали на то обстоятельство, что подобные культы отвлекали людей от религии их города-государства и от этноцентризма их собственных социальных групп²⁸.

Кельтская религия. Народы, говорящие на кельтских языках, хотя и жили около центров западной культуры, но оказались в поле зрения ученых относительно поздно, и вследствие этого о них известно немного даже сейчас. Поэтому будет уместно вкратце изложить историю пробуждения интереса к кельтским народам.

²⁶ Karl Geldner, Die altpersische Literatur, in Paul Hinneberg (ed.), Die Kultur der Gegenwart, Berlin, 1906, S. 233—234; Ernst Herzfeld, Zoroaster and His World, Princeton, N.J., 1947, p. 124; M. N. Dhalla, History of Zoroastrianism, New York, 1938, pp. 474—488.

²⁷ Jaroslav Cerny, Ancient Egyptian Religion, London, 1952, Chaps. 3 and 4; Henri Frankfort, Ancient Egyptian Religion, New York, 1948, Chap. 2; S. A. Mercer, Horus, Royal God of Egypt, Grafton, 1942, pp. 94—95.

²⁸ Louis Gernet et André Boulanger, La Génie grec dans la religion, Paris, 1932, pp. 34, 116, 131—142, 153, 318, 350; W. K. Guthrie, Orpheus and Greek Religion, 2nd ed., London, 1952, pp. 205, 238, 256, а также «The Greeks and Their Gods», Boston, 1955, Chaps. 6, 9, 11; Martin P. Nilsson, Greek Piety, translated by Herbert Jennings Rose, Oxford, 1948, pp. 46—49. Историю вопроса см. в работах: Alfred Baumeister, Einleitung, «Der Mythos von Orient und Occident», loc. cit.; Paul Honigsheim, Schelling als Sozialphilosoph, KZS, 6 (1953—1954), S. 613 ff (к статье приложена подробная библиография).

Сделанный Макферсоном перевод песен Оссиана появился в конце XVIII века, причем Джонсон и другие сочли это произведение подделкой. Многие романтики, однако, полагали, что это подлинно народное произведение (мнение Гёте и Гердера, предшественника романтиков) или же вольная переделка Макферсона, но отнюдь не подделка; этот взгляд разделяют и некоторые позднейшие исследователи.

Издание произведений древнебретонской литературы, выпущенное в 1839 году Эрсаром де ла Виллемарком, вызвало аналогичный спор. У ирландских, мэнских, уэльских, корнуэльских и шотландско-гэльских народов пробудился интерес к своему прошлому, а в Бонне, Берлине, Гейдельберге, Лейпциге, Париже, Кембридже и Мэдисоне стали изучать кельтскую филологию. Однако в течение длительного времени интерес сосредоточивался на грамматике и на истории ирландского монашества, уэльской героической литературе и на их влиянии на континент, включая влияние на вагнеровских «Лоэнгрина» и «Тристана и Изольду». Англичанин Спенс и француз Бэе занимались в большей степени кельтским культом деревьев, чем изучением жрецов и их функций; этому уделили некоторое внимание германские кельтологи, такие, как Генрих Циммер, Куно Мейер и Людвиг Христиан Штерн, а в более недавнее время — француз Анри Ибер, который в методологическом отношении тяготеет к дюркгеймовской школе. Согласно его теории, в эпоху Цезаря, а также и позднее существовала панкельтская религиозная организация, центр которой находился в Британии; в эту организацию входили друиды, зачастую королевского происхождения, выступавшие в качестве прорицателей и воспитателей, а также барды и предсказатели как менее могущественные провидцы, обслуживающие низшие классы²⁹.

Иудаизм. Что касается дохристианской эпохи³⁰, то в настоящее время среди авторов, примыкающих к различным школам, суще-

²⁹ Lewis Spence, *The History and origin of Druidism*, New York, 1949, p. 128 и далее, 141, 178 (весьма сомнительно); Albert Bayet, *La Morale des Gaulois*, Paris, 1930, pp. 17—48, 221—225; Heinrich Zimmer, *Sprache und Literatur der Kelten im Allgemeinen*, «Die Kultur der Gegenwart», Berlin, 1909; Kuno Meyer, *Die irischgaelische Literatur*, там же; Ludwig Christian Stern, *Die schottisch-gaelische und die Manx-Literatur*, а также *Die kornische und die bretonische Literatur*, там же; Henri Hubert, *The Greatness and the Decline of the Celts*, translated by M. R. Dobie, London, 1934, pp. 227—247.

³⁰ Max Weber, *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*, Tübingen, 1921, Bd. 3; Paul Honigsheim, Edward Hahn und seine Stellung in der Geschichte der Ethnologie und Soziologie, «Anthropos», 24 (1929); Leo Baeck, *The Pharisees and Other Essays*, New York, 1947, pp. 47; S. W. Baron, *A Social and Religious History of the Jews*, New York, 1952, vol. 1, pp. 26—35, 56, 61—75, 83, 89, 152; Louis Finkelstein, *The Jews, Their History, Culture and Religion*, New York, 1949, pp. 29, 49, 97, 115—117; T. Crouter Gordon, *The Rebel Prophet, Studies in the Person of Jeremiah*, New York, 1932, pp. 73—75; 103—105; William Graham, *The Prophet and Israel's Culture*, Chicago, 1934, pp. 69—71, 98; C. A. Guignebert, *The Jewish World in the Time of Jesus*, translated by H. S. Hooke.

ствуется единомыслие по девяти пунктам: 1) неприемлемость прежней панвавилонской теории в том виде, в каком она была выдвинута Гуго Винклером и Эдуардом Ганом, приписывавшими почти все важные социально-культурные явления на Ближнем Востоке Вавилону; 2) преобладание патриархальной семейной структуры в эпоху номадизма; 3) медленный упадок патриархата; 4) превосходство сельского хозяйства уроженцев Ханаана над сельским хозяйством евреев; 5) смирение хананеев после покорения; 6) роль судей как харизматических руководителей; 7) возрастающая зависимость сельского населения от городов, царей и их резиденций; 8) пророки как представители старой, номадически-сельской жизни в противоположность городским иноземным влияниям; 9) секты после вавилонского изгнания и в эпоху Иисуса в том виде, в каком они различались по своей социальной принадлежности и по своему отношению к греческому мышлению и Римской Империи. К этим всеми принятым пунктам Леонард Вули добавил замечание о том, что в эпоху патриархата какая-либо могущественная семья, имевшая своего собственного бога, могла иногда заставить поклоняться ему и многих других.

Пять аспектов эпохи после Христа разрабатывались особенно интенсивно. 1) Евреи в магометанской Испании, богатые и занимавшие высокие посты³¹, — этому вопросу уделяли большое внимание. 2) Хасидизм³², народное еврейское движение, возникшее в XVIII веке в Польше, которое сплотилось вокруг одного из харизматических руководителей, раввина Ваала Шема; в этом движении основную роль играли эмоции и непосредственные личные отношения в противоположность талмудизму и институционализации. Хотя позднее это движение стало предметом насмешек или было предано забвению, его вновь открыл Мартин Бубер, который считал его особенно характерным выражением еврейской психологии. 3) Гетто и ассимиляцию³³ изучал Луи Вирт, который анализировал жизнь в американских гетто, в особенности жизнь вновь прибывших, тех, кто обосновывался поблизости от своих собратьев по религии, не будучи знаком с языком и условиями труда. Позднее они пытались оставить гетто и осесть где-либо в другом месте с целью ассимилироваться в новом окружении. При этом они часто утрачивали контакт со своими бывшими соседями и относились к неасси-

London, 1939, pp. 94—99, 180—201, 210, 231; Elmer Leslie, *Old Testament Religion*, New York, 1939, p. 265; Sir Leonard Woolley, *Abraham: Recent Discoveries and Hebrew Origins*, New York, 1936, pp. 170—177, 197, 234—249; Becker and Barnes, *op. cit.*, vol. 1, pp. 115—130.

³¹ Valeriu Marcu, *The Expulsion of the Jews from Spain*, translated by Moray Firth, New York, 1935, pp. 41—43, 57.

³² Martin Buber, *Tales of the Hasidim*, translated by Olga Marx, New York, 1947—1948, 2 vols. См. также Paul Honigshiem, *Martin Buber 70 Jahre*, «Die Friedens-Warte», 48 (Zürich, 1949), а также Jack Lukas, *Leadership in the Religious Movement: the Hasidim of the Eighteenth Century* (unpublished master's thesis, University of Wisconsin, 1954).

³³ Louis Wirth, *The Ghetto*, Chicago, 1928, Chaps. 4, 6—7, 9—12.

милировавшимся вновь прибывшим со снисхождением и состраданием. 4) Иудаизм, капитализм и антисоциализм составили комплекс, который также привлек большое внимание³⁴. Немецкие романтики, их последователи, русские славянофилы (включая Достоевского) и ранненемецкие нерасистские антисемиты (такие, как Константин Франц, Отто Рёккель и другие) в своей борьбе за возврат к докапиталистическому обществу и против поднимающегося капитализма возлагали вину за язвы капитализма на евреев. Макс Вебер даже настаивал на существовании определенной взаимосвязи между некоторыми видами религии и капитализмом (о чем речь пойдет ниже), но одновременно он отвергал утверждение, что евреи больше всех других способствовали развитию капитализма. Однако Вернер Зомбарт, который по крайней мере некоторое время был связан с эпистемологией Вебера — Трёлча методом и проблематикой, хотя и принимал утверждение Вебера о возможности религиозного влияния на экономику, тем не менее в противоположность Веберу заявлял, что капитализм, в конце концов, еврейского происхождения.

Против этой теории выступали авторы как еврейского, так и нееврейского происхождения, в том числе Джекобс, Сакс, Сорокин, Ветген, Вирт и другие. Хотя современный антисемитизм является в меньшей степени религиозным, нежели экономическим или этническим, явление, литература, в которой рассматриваются его социально-психологические истоки, заслуживает внимания; например, работа Роберта Бирнса, который анализировал французское движение, «Исследование вопроса о предрассудке» («Studies in Prejudices»), изданное Хоркгеймером и Флауэрманом, где рассматриваются, среди прочего, новейшие движения, включая движения в Соединенных Штатах Америки. 5) Сионизм³⁵ представляет собой преимущественно реакцию как против антисемитизма, так и против ассимиляции; в нем отражена также и боязнь утратить те особенности, которые, как предполагается, носят специфически еврейский характер (и по этой причине заслуживают сохранения).

³⁴ Werner Sombart, *The Jews and Modern Capitalism*, translated by M. Epstein, with an introduction by Bert F. Hoselitz, Glencoe, Illinois, 1951; Joseph Jacobs, *Jewish Contribution to Civilization*, Philadelphia, 1919; A. S. Sachs, *World That Passed*, Philadelphia, 1928, pp. 70—75; H. J. E. Waelgen, *Das Judentum und die Anfänge der modernen Kolonisation*, Berlin, 1914; Wirth, op. cit., Chap. 4; R. F. Byrnes, *Anti-Semitism in Modern France*, New Brunswick, 1950; Max Horkheimer and S. H. Flowerman (eds), *Studies in Prejudice*, New York, 1951.

³⁵ Franz Oppenheimer, *Die Siedlungsgenossenschaft*, 3. Ausg., Jena, 1922, а также «Wege zur Gemeinschaft», München, 1924. По вопросу о сельских коллективах, организованных евреями-сионистами в Палестине, см.: Paul Honigsheim, *Rural Collectivities*, in C. P. Loomis and J. Allan Beegle, *Rural Social Systems*, New York, 1950, p. 846 и далее; см. также Martin Buber, *Kampf um Israel*, Berlin, 1933; Honigsheim, *Martin Buber 70 Jahre*, loc. cit.; Josef Patai, *Star Over Jordan*, New York, 1946; Solomon Liptzin, *Germany's Stepchildren*, Philadelphia, 1944, pp. 113—124, 255—270.

Здесь проявляются почти все существующие западные политико-социально-экономические концепции: например, экономический либерализм и социализм; программа Франца Оппенгеймера по развитию сельских коллективов, а также программа Мартина Бубера по созданию такого государства, которое было бы в основном еврейским в том, что касается формы непосредственных личных отношений (и этим отличалось бы от западных государств). Таким образом, некоторые проблемы, касающиеся взаимоотношений между еврейской религиозностью и социальной структурой, снова делаются предметом обсуждения как в литературе, выпускаемой различными сионистскими организациями, так и в литературе об этих организациях.

Ислам. Исламистская религия для христианского мира была в одно и то же время и соседом, и врагом, и стимулом. Глубокое изучение ислама никогда не прекращалось. Этому в значительной степени способствовали исследования, осуществленные одной из групп немецких романтиков, выдающимся представителем которой был Фридрих Рюккерт, затем эти труды были дополнены русскими, австрийскими, французскими и английскими работами, равно как и различными откликами на эти работы, принадлежащими перу самих местных уроженцев. Наибольший интерес для нас представляют следующие ученые: Хитти, христианин, родившийся в Ливане, который в настоящее время преподает в Соединенных Штатах Америки; различные американские, английские и французские специалисты, такие, как Арно, Гибб, Гийом, Лэндон и Массе; миссионеры Уотсон и Мотт, и в первую очередь Густав Эдмунд фон Грюнебаум. Они изучали три области, имевшие для них особую важность. 1) Официальный ислам, который принимал формы жизни покоренных народов; имманентную урбанизацию и рационализацию; тройственное социальное положение каждого мусульманина как грешника или святого, как потомка арабов или обращенных и как члена особой социальной группы внутри социальной иерархии. 2) Сектантские движения, которым присущи такие типичные черты, как неграмотность и низкое социально-экономическое положение харизматических руководителей и эмоциональность приверженцев. 3) Ассимиляцию, которая проявляется в тенденции толковать коран на современный лад и подражать западным формам национализма³⁶.

³⁶ P. K. Hitt i, *The Arabs*, Princeton, 1943; Sir Thomas Arnold and Alfred Guillaume, *The Legacy of Islam*, London, 1952, pp. 298—301; H. A. R. Gibb, *Mohammedanism; An Historical Survey*, London, 1949, pp. 13—15, 45—113, 151—162; K. P. London, *Southeast Asia: Crossroad of Religion*, Chicago, 1947, p. 47 и далее; Henri Massé, *Islam*, translated by Halid Edib, New York, 1938, pp. 79—89, 259; C. R. Watson, *What is the Moslem World?*, New York, 1933, pp. 97—118; J. R. Mott, *The Moslem World of Today*, New York, 1926, pp. 311—313; G. E. von Gruenebaum, *Medieval Islam*, Chicago, 1946, pp. 173—185, 188, 204; American Anthropological Association, «Islam, Essays in the Nature and Growth of a Culture Tradition», vol. 57 (April, 1955), Chaps. 11, 12.

Христианство. Здесь будут рассмотрены только три группы проблем: греческое православие, неокантианские теории и христианство в Соединенных Штатах Америки.

С момента раскола между восточным и западным христианством греческое православие было временами основным объектом изучения для западных ученых в силу следующих обстоятельств: бегство византийских ученых, таких, как Виссарион, в Италию после захвата Константинополя турками; интерес жителей Запада к вселенскому союзу христианских церквей³⁷, чему уделяли особое внимание Шеллинг, Ваадер и другие немецкие романтики, члены англиканской и немецкой старокатолической церкви (и те и другие подчеркивали общий епископальный элемент), а также отстаивавшие идею вселенской церкви теологи более поздней эпохи, такие, как Фридрих Гейлер, Ганс Эренберг, Эрнст Бенц и другие; интерес враждебных рационализму философов, таких, как Макс Шелер³⁸, к греческому православному интуитивизму, в особенности к Достоевскому; эмиграция после установления советской власти православных богословов, философов и социологов³⁹, таких, как Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Питирим Сорокин и Федор Степун, в Западную Европу и в Соединенные Штаты Америки; интерес независимых ученых⁴⁰ к истории византийской и русской экономики, религии и литературы начиная с Виссариона, нашедший выражение в создании специальных кафедр по византийской или славянской филологии.

Эти факторы сосредоточиваются преимущественно вокруг двух явлений. Во-первых, взаимопроникновение, скорее мистическое, нежели юридическое, государства и церкви в царской России, а до этого в Византии, сделало возможным продолжение существования неинституционализированных религиозных воззрений, таких, как воззрения столпников и гезихастов. Во-вторых, проблемы, связанные с руководством, которые возникали в сектах, равно как

³⁷ О том, как развивался интерес к греческому православию, см. E r n s t B e n z, *Die Östkirche im Lichte der protestantischen Geschichtsforschung von der Reformation bis zur Gegenwart*, Freiburg, 1952; P a u l H o n i g s h e i m, *Schelling und seine Stellung in der Geschichte der Voelkerannaeherung*, «Die Friedenswarte» (Basel, 1954), S. 249—251; F r i e d r i c h H e i l e r, *Evangelische Katholizität*, München, 1926, Bd. I, S. 304—325; S e r g e B o l s c h a k o f f, *The Doctrine of the Unity of the Church in the Works of Khomyakow and Moehler*, London, 1946, pp. 59—61, 77, 108.

³⁸ M a x S c h e l e r, *Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg*, Leipzig, 1915, S. 95, 269, 305, а также «*Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre*», Leipzig, 1923, Bd. I, S. 117, 127, 136, 169; Bd. 2, S. 95, 269, 305.

³⁹ N i c o l a i B e r d i a e v, *The Russian Idea*, New York, 1948., S. 87—123, а также «*The Origin of Russian Communism*», London, n. d., pp. 1—37.

⁴⁰ W. F. A d e n e y, *The Greek and Eastern Church*, New York, 1928, p. 442; N. H. B a y n e s, *The Byzantine Empire*, New York, 1926, p. 112; C h a r l e s D i e h l, *History of the Byzantine Empire*, translated by G. B. Ives, Princeton, N. J., 1925, p. 102; S t e v e n R u n c i m a n, *Byzantine Civilization*, New York, 1933, pp. 111—113; M a t t h e w S p i n k a, *A History of Christianity in the Balkans*, Chicago, 1933; A l e x a n d e r V a s i l i e v, *History of the Byzantine Empire*, Madison, 1929, vol. I, pp. 372, 407; G e o r g i i V e r n a d s k y, *Kievan Russia*, New Haven, 1948, p. 348.

и проблемы отношений с государством и другими институтами, были в некоторых случаях аналогичны проблемам, связанным с западными сектами.

Неокантианские теории относительно протестантизма и современного мира были сформулированы в основном Еллинеком, Вебером и Трёльчем. Основные теории были разработаны еще до начала первой мировой войны, но после войны развернулась большая полемика, которая продолжается и поныне. Для понимания ее необходимо сделать краткий обзор основных теорий. Георг Еллинек — первый из теоретиков, который попытался возвести Декларацию прав человека, провозглашенную Французской революцией, к конституциям некоторых североамериканских штатов. А эти конституции он в свою очередь возвел к декларациям, подписанным первыми протестантскими поселенцами в Новой Англии, и, наконец, к английскому кальвинизму⁴¹. Затем Вебер детально разработал наиболее дискуссионную часть этой группы теорий⁴². Среди аскетических протестантов, таких, как кальвинисты, анабаптисты, квакеры и методисты, по утверждению Вебера, систематическое занятие экономической деятельностью и получение денег считалось признаком того, что данное лицо избрано богом; такая точка зрения не была господствующей среди католиков и лютеран. Невозможность тратить деньги на светские удовольствия и настоятельная необходимость показать путь к спасению другим и себе создавали новый стимул для повторного вложения капитала. Таким образом, религиозные взгляды этой группы привели к капиталистическому мышлению, став одним из факторов в развитии капитализма.

Трёльч разработал и более общую теорию, касающуюся истории христианской социальной этики⁴³. Он утверждал, что Иисус считал экономические проблемы принадлежащими к этому миру; он заявлял также, что Павел в своей пропаганде ощущал необходимость считаться с государством и другими институтами, но оставался наивным, консервативным, антиреволюционным. Отцы церкви, по мнению Трёльча, сделали следующий шаг, устранив безразличие в отношении этого мира. Августин все еще продолжал считать Римскую Империю и культуру находящимися за пределами христианской этики и был весьма далек от концепции о христианской, подчиненной церкви — империи средних веков. Средневековье, в особенности в том виде, в каком оно представлено томистской социальной этикой (которая отличалась от этики отцов церкви), проникало во все сферы

⁴¹ Georg Jellinek, *The Declaration of the Rights of Man and of Citizens*, authorized translation by Max Farrand, New York, 1901. См. также Paul Honigshiem, Georg Jellinek, *KZS*, 3 (1950—1951).

⁴² Max Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, translated by Talcott Parsons, London, 1930.

⁴³ Ernst Troeltsch, *The Social Teaching of the Christian Churches*, translated by Olive Wyon, London, 1950; *Protestantism and Progress*, translated by W. Montgomery, London, 1912; *Protestantisches Christentum und Kirche in der Neuzeit*, in: *Wapere: H i n n e b e r g*, op. cit., Bd. I, S. 431—755; *Augustin, die christliche Antike und das Mittelalter*, München, 1915.

жизни через церковное мышление и в то же самое время отказывалось от радикализма иного мира. В противоположность этому позднейшие средневековые секты олицетворяли стремление осуществить радикальный, но не ассимилирующий христианский закон. Лютер и лютеранство сделали новую попытку вернуться к средневековому управлению церковью обществом и культуре. Анабаптистские же группы в противоположность лютеранству и кальвинизму стремились к тому, чтобы жизнь строилась в соответствии с неограниченным христианским естественным законом. Английские неконформисты, эмигрировавшие в американские колонии, представляли в большей степени анабаптистские элементы, а не кальвинизм, как полагал Еллинек.

Некоторые из вышеприведенных положений получили подтверждение или были дополнены новыми материалами и соображениями. Достаточно будет нескольких иллюстративных примеров. Более позднее появление и меньшая роль капиталистической психологии в католических странах, в особенности в некоторых немецких княжествах, были показаны католиком Вильгельмом Швером⁴⁴. Позиция английских неконформистов в отношении естественных наук, торговли и рабства была выявлена Гербертом Шёффлером и его школой в Кёльне⁴⁵. Кроме того, возникновение методизма в Англии⁴⁶ как двойственного и промежуточного явления требовало верности капиталистическому работодателю, с одной стороны, и в то же время выдвинуло руководителей кооперативов и забастовок в XIX веке (особое внимание на это обратили Беккер, Эдвардс и Уирмот).

Отвечая Еллинеку, французские ученые утверждали, что декларации эпохи Французской революции не зависели от американских деклараций, выражавших в конечном счете кальвинистские идеи⁴⁷. Этот спор, однако, уже почти замер. В связи с знаменитой веберовской полемикой были выдвинуты следующие аргументы. Католиче-

⁴⁴ Wilhelm Schwer, *Der Kapitalismus und das wirtschaftliche Schicksal der deutschen Katholiken*, in Wilhelm Schwer and Franz Mueller, *Der deutsche Katholizismus in Zeitalter des Kapitalismus*, Augsburg, 1932.

⁴⁵ Herbert Schoeffler, *Protestantismus und Literatur*, Leipzig, 1922; *Die Anfänge des Puritanismus*, Leipzig, 1933, S. 54, 175—177; E. F. Hoewel, *Die soziale Herkunft der neuzeitlichen Dialekt-literatur Englands*, Leipzig, 1929; Adolf Lotz, *Sklaverei, Staatskirche und Freikirche*, Leipzig, 1929, S. 3 и далее, 31—34, 48, 86; Albert Rosin, *Lebensversicherung und ihre geistesgeschichtlichen Grundlagen*, Leipzig, 1932, S. 67, 77—80, 102. Ср. Paul Honigsheim, *Zur Religionssoziologie des englischen Protestantismus*, KVS, 11, S. 402—411.

⁴⁶ Howard Becker, *Systematic Sociology on the Basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese*, New York, 1932; 2nd ed. with a new preface, Gary, 1950 (в дальнейшем обозначается Wiese — Becker), pp. 639—642; Maldwyn Edwards, *After Wesley*, London, 1945, pp. 21, 37, 41, 57, 91, 154; R. F. Wearmouth, *Methodism and the Working Class Movement of England, 1800—1850*, London, 1947, pp. 41—43, 143, 173, 186, 205, 222.

⁴⁷ E. G. Boutmy, *Études politiques: La Souveraineté de peuple: La déclaration de droit de l'homme et Mr. Jellinek*, Paris, 1907.

кое мышление, противопоставляемое здесь кальвинизму, является о своей структуре теоцентрическим и по этой причине не может быть понято при том образе мыслей, который свойствен Веберу по мнению иезуита отца Гундлаха)⁴⁸; по мнению Зомбарта (который в других отношениях проявлял подход, параллельный подходу Вебера), Сорокина, Тоуни и Йингера, кальвинистское мышление существовало еще до кальвинизма и вне его; сам Кальвин и первоначальный кальвинизм сохраняли средневековую психологию своих экономических идеях (Хайма, Тоуни, Йингер); вера в предазначение не являлась общей чертой различных сект и прочих группировок, на которые ссылается Вебер (Беккер, Холл, Маршалл, Наппен, Сорокин); «призвание» играло меньшую роль, чем предполагал Вебер (Робертсон, Йингер); неконформисты в Англии опросту приспособлялись к уже изменившейся ситуации, устрояя свои экономические ограничения (Робертсон, Тоуни, Рихард Платтер); отцы-пилигримы прибыли в колонии Новой Англии преимущественно не ради религиозной свободы, а ради экономических возможностей (Йингер)⁴⁹.

Трёльч подвергался нападкам⁵⁰ в связи со своими утверждениями относительно Иисуса, Павла и отцов церкви, преимущественно со стороны католиков, таких, как Франц Ксавье Кифль, который тем не менее соглашался с ним по ряду вопросов, в то время как Отто Шиллинг настаивал, что отношение отцов церкви «к миру» являлось более позитивным, и в соответствии с этим считал, что между ними и Фомой Аквинским была относительно небольшая разница. По

⁴⁸ Gustav Gundlach, *Zur Soziologie der katholischen Ideenwelt*, p. 20.

⁴⁹ Becker and Barnes, op. cit., vol. 1, p. 324—328; Wiesner, op. cit., pp. 632—634; T. C. Hall, *The Religious Background of American Culture*, Boston, 1930, pp. 210, 233; Albert Hyman, *Christianism, Capitalism, and Communism*, Ann Arbor, 1937; Marshall Knapton, *Tudor Puritanism, A Chapter in the History of Idealism*, Chicago, 1939, vol. 1, pp. 422—424; Talcott Parsons, H. M. Robertson on Max Weber and His School, «*Journal of Political Economy*», 43 (1935); H. M. Robertson, *Aspects of the Rise of Economic Individualism; A Criticism of Max Weber and His School*, Cambridge, 1933; R. B. Schlatter, *The Social Ideas of Religious Leaders 1660—1688*, Oxford, 1940, Appendix 3; Werner Sombart, *The Quintessence of Capitalism*, translated and edited by M. Epstein, London, 1915; Soroikin, *Social and Cultural Dynamics*, vol. 1, p. 500, vol. 3, p. 224 and vol. 4, pp. 123 (foot-note 25), 175, 312, 362 (foot-note 14); Society, Culture and Personality, pp. 591 (foot-note 4), 657, 672 (foot-note 30); W. W. Sweet, *Religion in Colonial America*, New York, 1942, pp. 100—101; R. H. Tawney, *Religion and the Rise of Capitalism*, New York, 1922, pp. 78, 113, 119, 226, 233; J. Milton Yinger, *Religion in the Struggle for Power*, Durham, N. C., 1946, pp. 37, 90, 111.

⁵⁰ Otto Schilling, *Die Christlichen Soziallehren*, München, 1926. Что касается нападок на Трёльча историков немецкой протестантской церкви, то см. «*Theologischer Jahresbericht*» (1906) и ответы Трёльча в его работе «*Protestantisches Christentum und Kirche in der Neuzeit*», в кн.: Hinnebert, op. cit., vol. 1, S. 745—747; Hugo Ball, *Die Flucht aus der Zeit*, München, 1927; Ernst Bloch, *Thomas Muenzer als Theologe der Revolution*, München, 1921; Heinrich Boehmer, *Gesammelte Aufsätze*, Gotha, 1927, S. 35—37, 61—65, 187—190.

вопросу о Лютере против Трёльча выступали преимущественно немецкие протестантские историки церкви, такие, как Бёмер, Бриггер, Каттенбуш и Лофс; в вопросе же о сектантах эпохи Реформации, в особенности в том, что касалось Томаса Мюнцера, Трёльча критиковали главным образом Гуго Балль и Эрнст Блох. Оба они пошли еще дальше Трёльча, рассматривая Мюнцера как подлинную вершину Реформации.

Изучение христианства в Соединенных Штатах Америки в новейшую эпоху проводилось преимущественно самими американцами и сосредоточивалось в основном на следующих семи вопросах:

1) *Американская деноминация*⁵¹. Основывая свой анализ частично на трудах Рихарда Нибура (брата Рейнгольда Нибура), Говард Беккер обрисовал деноминацию как типичную американскую секту, находящуюся на высшей стадии развития, характеризующейся уступками. Например, деноминация принимает в свою среду уже не только тех взрослых, которые доказали, что они дети господа бога.

2) *Более новые секты*⁵². Элмер Кларк описал среди прочих следующие типы: харизматические группы пятидесятницы, члены которых посещают свои собрания в надежде обрести вечное блаженство; перфекционистские секты, члены которых полагают, что они увязли в грехах, и ожидают, что будут в конце концов спасены от этого; группы, стремящиеся уйти от мира, к которым также принадлежит большое число сельских коллективов, организованных на основе особых религиозных верований; спиритуалистические группы, заинтересованные преимущественно в обеспечении продолжения жизни после смерти благодаря общению с душами умерших.

3) *Свидетели Иеговы*. Эта группа увеличилась как в Германии, так и в Соединенных Штатах Америки. Герберт Струп⁵³ утверждает, что в США к свидетелям Иеговы тяготеют преимущественно те, кто чувствует себя неуверенно, как, например, мелкие дельцы и иммигранты, испытывающие экономические или адаптационные трудности. Кроме того, отношение этой группы к браку, государству, выборам и т. п. двойственно в зависимости от близости золотого века.

4) *Религиозная жизнь негров*⁵⁴. Здесь имеются две проблемы: возможность и желательность собрания белых и негров в одной и той же церкви, в особенности на Юге, рассматривалась исторически, например, Дуайтом Калвером. Те факторы, которые могут объяснить специфический характер религиозных воззрений негров,

⁵¹ H. R i c h a r d N i e b u h r, *The Social Sources of Denominationalism*, New York, 1940; W i e s e — B e c k e r, op. cit., pp. 629—630.

⁵² E. T. C l a r k, *The Small Sects in America*, New York, 1949; C. S. B r a d e n, *These Also Believe*, New York, 1949; W. L. S p e r r y, *Religion in America*, New York, 1946.

⁵³ H. H. S t r o u p, *The Jehovah Witnesses*, New York, 1945; см. также: R o y s t o n P i k e, *Jehovah's Witnesses*, New York, 1954.

⁵⁴ D. W. C u l l e r, *Negro Segregation in the Methodist Church*, New Haven, Connecticut, 1953; A. H. F a u s e t, *Black Gods of the Metropolis, Negro Religious Cults in the Urban North*, Philadelphia, 1944.

были прослежены последователями Герсковица и восходят частично к африканскому наследию; другие, в особенности Фосе, приписывали эти воззрения тому обстоятельству, что религиозные группировки негров зачастую находятся в стадии перехода от почти исключительно религиозного института к институту, приобретающему новые социальные функции в изменившихся политико-экономических обстоятельствах.

5) *Сельские церкви*⁵⁵. Благодаря тому, что сельская социология играет значительную роль в Соединенных Штатах Америки, предметом изучения для Бигла, Бруннера, Фрая, Лумиса и др. стали члены сельских церквей, экономическое положение, отношение к иммигрантскому происхождению, образование, полученное сельскими священниками, и другие аналогичные проблемы.

6) *Католичество в Соединенных Штатах Америки*⁵⁶. Отношение католичества к обществу и его различным институтам, как оно проявляется, например, в сочинениях Грэйса, Леклера, Снелл и др., не расходится в значительной степени с общекатолической (и в особенности неотомистской) позицией. В силу этого специальный обзор этой литературы не дается.

7) *Мормоны*. Мормоны, сыгравшие особую роль в заселении Запада, приобретают все больший вес в американской жизни, и им посвящена обширная литература, заслуживающая тщательного изучения. «Книга Мормона» считается приверженцами этой секты текстом, написанным на золотых скрижалях, который был переведен Джозефом Смитом; в этой книге излагается история древних евреев, иммигрировавших в Америку (некоторые из них стали индейцами). В отношении этого текста критики оспаривали преимущественно четыре момента. Во-первых, они сомневались в его подлинности, которая, с другой стороны, была недавно вновь подтверждена мормонскими авторами Хантером и Фергусоном, ссылающимися на археологический материал и на послеколумбовские сочинения Икстрилксоцита и др. Во-вторых, имеется подозрение, что это плагиат с более ранней книги, написанной Сполдингом. Одним из первых это утверждал историк католической церкви Хергенрётер, но в настоящее время от этого утверждения уже отказались, в том числе и католические авторы, такие, как Альгермиссен. В-третьих, так называемые «реформированные египетские» буквы, якобы напи-

⁵⁵ C. L. Fry, *The New and Old Immigrant on the Land: A Study of Americanization and the Rural Church*, New York, 1922; Loomis and Beegle, op. cit., Part 4; E. de S. Brunner, *Church Life in the Rural South*, New York, 1923; *Churches of Distinction in Town and County*, New York, 1923; *Surveying Your Community: a Handbook of Method for the Rural Church*, New York, 1925; *Tested Methods in Town and County Churches*, New York, 1930; *Industrial Village Church*, New York, 1930.

⁵⁶ Frank Grace, *The Concept of Property in Modern Christian Thought*, Urbana, 1953; Joseph Lécier, *The Two Sovereignties: A Study of the Relationship between Church and State*, New York, 1952; Robert A. Snell, *The Nature of Man in St. Thomas Aquinas Compared with the Nature of Man in American Sociology*, Washington, 1942.

санные на золотых скрижалях и скопированные Джозефом Смитом, ставятся под сомнение современным филологом Антоном и большинством позднейших критиков. В-четвертых, достоверность свидетельств очевидцев, которые заявляют в «Книге Мормона» и в «Учении и заветах» о том, что они якобы видели скрижали, была недавно вновь подтверждена мормонским автором Эвансом, но Бирдсли снова стал опровергать это. «Харизматическое» руководство Смита Макс Вебер был склонен считать махинациями сознательного обманщика, а Бирдсли, Говард Беккер и другие — действиями психопатической личности.

«Второй», Брайэм Янг, был объектом многочисленных исследований в силу того, что он, человек с практическим складом ума, согласился подчиниться Смиту, обладавшему совершенно иной психической структурой; их отношения Говард Беккер сравнивал с отношением Павла к Иисусу, Абу-Бекра — к Магомету и с другими аналогичными парами. Групповая жизнь в изоляции с развитием внутригруппового чувства изучалась Эдуардом Мейером, немецким историком восточной и греческой древности, а в недавнее время Андерсоном и Кимболлом Янгом. Процесс ассимиляции особенно наглядно проявляется в отказе от «многобрачия» (то есть многоженства, что недавно описано Кимболлом Янгом), несмотря на то что оно первоначально было введено в силу якобы имевшего место откровения. Кооперативы на религиозной основе и сельский коллектив, «Объединенный орден», задуманный Смитом и позднее созданный Брайэмом Янгом, особенно подробно изучались Алленом, Андерсоном, Эвансом, Гарднером, Хантером и немецким социологом Францем Оппенгеймером.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ТЕОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К РЕЛИГИИ

Типологический подход: Вебер — Трёлч⁵⁷. Среди типов, разработанных Вебером и Трёлчем, наиболее важной особенностью является различие между церковью и сектой. Первая представляет собой группу, сильно тяготеющую к универсальности и институционализации; вторая — группа, которая смиряется с тем, что она мала, и стремится к первичным контактам и непосредственным личным отношениям. Сами секции разделяются на три подтипа: агрессивная секта возникает преимущественно в смутные времена. Члены ее убеждены не только в том, что они избранные, знающие правильный путь, но и что они уполномочены и даже обязаны прибегать к мечу. Если агрессивная секта не имеет успеха, то она может перейти во второй подтип, ассимилирующуюся секту, и при этом

⁵⁷ Макс Вебер детально разработал свою концепцию относительно религиозных групп, руководителей, мировоззрений и т. п. в посмертно опубликованной работе «Wirtschaft und Gesellschaft», Tübingen, 1922.

приближается к церковному типу. Третьей возможностью является отказ и от каких-либо уступок и от применения меча. В этом случае члены удовлетворены тем, что создают царство божие в маленькой группе, где их не преследуют. То есть группа становится допущенной сектой.

Говард Беккер ввел два новых элемента в эту типологию⁵⁸. Во-первых, он классифицировал сами общества на два типа, а именно священные и светские, тщательно оговаривая, однако, что священность включает в себя гораздо больше, нежели специфически религиозное (то есть «святое»), и что светскость может включать принципы, такие, как «природные права», строго обязательного характера. Кроме того, Беккер добавил два конструированных типа — деноминацию и культ. Деноминацию он рассматривает как секту на одной из высших стадий ее развития, которая идет на ксмпромиссы, например относительно принятия новых членов. В прстивоположном направлении по сравнению с типом секты развивается культ, обычно представляющий собой эфемерную группу, сплотившуюся вокруг какого-либо религиозного харизматического руководителя, как, например, различные католические или протестантские мистические культы. Аналогичным образом Вах различает церкви, деноминации, секты и более мелкие группы, которые нельзя считать принадлежащими к какому-либо из трех вышеуказанных типов. Наконец, Леопольд фон Визе использует термин «церковь» в несколько более универсальном смысле и указывает на дилемму, возникающую в результате того, что церковь должна сочетать два вида деятельности, существенно отличных друг от друга, а именно коллективное удовлетворение религиозных потребностей и организацию, которая обычно включает применение насилия.

Более старое эволюционное представление о существовании и восприятии некоторой автоматической и детерминистской последовательности уже не находит поддержки. С другой стороны, в отличие от многих немецких историков церкви, которые отрицали возможность установления последовательности, Макс Вебер в свои позднейшие годы все больше настаивал на правомерности заявлений относительно закономерной последовательности в предложенных им идеальных типах. Говард Беккер примерно аналогичным образом отметил возможности прийти к заключению относительно закономерной последовательности своих конструированных типов — культ → секта → деноминация или культ → секта → церковь → → деноминация и т. п.⁵⁹

⁵⁸ Wiese — Becker, op. cit., pp. 613—642; Becker, *Through Values to Social Interpretation*, pp. 114—117, 248—280; Joachim Wach, *Sociology of Religion*, pp. 47, 55—88, 114—147; *Types of Religious Experiences*, pp. 195—201.

⁵⁹ Max Weber, *The Theory of Social and Economic Organization*, translated by A. M. Henderson and Talcott Parsons, New York, 1947, pp. 109—110; Becker, *Through Values to Social Interpretation*, pp. 107—108, 121—124, 207, 215—219, 287—289.

Функция индивидуума в рамках религиозного мира. В прошлом историки, особенно немецкие, были убеждены, что история в значительной степени творится «великими людьми». Частично в противовес этому мнению марксисты и дюркгеймовская школа особенно подчеркивали роль групповой структуры и группового сознания как одного из центральных факторов исторических событий. Популярность обеих этих концепций уменьшилась, и постепенно возобладал более умеренный взгляд, в особенности среди тех, кто идет по стопам Вебера и Трёльча⁶⁰. Согласно этой концепции, религиозный индивидуум действительно является незаменимым, но тем не менее он представляет собой только один из различных факторов, вызывающих изменение.

Типы религиозного руководства. Вебер⁶¹ в основном классифицировал руководителей (хотя не исключительно по отношению к религии), а также и соответствующие формы повиновения на три типа. *Харизматический* руководитель в смутные времена стоит у колыбели революционных, религиозно-эмоциональных и сектантско-схизматических движений. Он находит приверженцев потому, что те видят в нем человека, знающего, что сейчас необходимо. *Традиционный* руководитель появляется в такой ситуации, когда авторитет опирается на многовековой обычай, связанный с определенными генеалогическими правами или с владением каким-либо особым феодальным имением. *Бюрократ* существует в ситуациях, когда одни люди слушаются других не в силу их личных заслуг или традиций, но скорее потому, что те, кто повинуются, знают, что бюрократ получил свой пост законным, или «легальным», путем.

Харизматический руководитель не раз появлялся в нашу смутную эпоху, и вследствие этого ему уделялось большое внимание в литературе⁶². Вах наряду с Демпфом описывал функцию харизматического руководителя как провидца и пророка; аналогичным образом Сорокин указал на роль харизматического руководителя при формировании новых религиозных движений. Кроме того, было показано, что харизматический руководитель действует в следующих особых культурах: дописьменные (Бергсон, Буланже, Жерне, Гурвич, Малиновский); Китай (Гране); иудаизм (Бубер, Гордон, Шолем); ислам (Гибб, Хитти, Лэндон); греческое православие (Бердяев, Бейнс, Булгаков, Рансимэн, Васильев); современная Америка (Брэден, Бирдсли, Фосе).

Вебер показал, как харизма может стать наследственной, как вследствие этого возникает одна из форм традиционализма и как группа последователей становится столь большой и при этом настолько разбросанной географически, что происходит бюрократи-

⁶⁰ Troeltsch, *Gesammelte Schriften*, Bd. 3, S. 101, 720.

⁶¹ Weber, *The Theory of Social and Economic Organization*, pp. 324—363.

⁶² Wach, *Sociology of Religion*, pp. 347—354; Aloys Dempl, *Kulturphilosophie*, S. 109—111; Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, vol. 1, pp. 277—285; *The Crisis of Our Age*, pp. 111, 134—136.

зация⁶³. Арчер, Арно. Грюнебаум и Гийом проиллюстрировали в дальнейшем эти ситуации примерами, взятыми из истории сикхов и магометан.

Примером исследований, посвященных социальной организации религиозных руководителей, может служить социологическое описание католических монашеских орденов, детально изученных Гундлахом и Кальмесом⁶⁴. Религиозные организации у китайцев, персов и кельтов описаны Гране, Герцфельдом и Ибером соответственно.

*Религиозные взгляды отдельных социальных слоев**: классификация Вебера. Вебер первым исследовал религиозные взгляды социальных слоев⁶⁵. Он пришел к следующим выводам. Крестьяне очень близки к природе и поэтому тяготеют к магии. Исключая такие случаи, крестьяне почти никогда не играют решающей роли в возникновении, сохранении и развитии какого-либо особого вида религии. Они скорее зависят от воли и интересов других групп, таких, как дворянство.

Феодалное дворянство питает отвращение к смирению и аналогичным позициям, которых требуют религии, претендующие на то, что они могут принести искупление, но принимает такие религии, если их обряды могут быть включены в характерную структуру аристократической феодальной жизни. Кроме того, феодал обычно не испытывает особого беспокойства о загробной жизни и меньше всего в том случае, если владеет не только землей, но и кораблями. Таким образом, возникает промежуточное явление между пиратством и ранней купеческой культурой, примеры чего можно найти у Гомера. Профессиональные офицеры, хотя они могут быть и дворянского происхождения, фактически с возникновением регулярных армий превращаются в специалистов; в большей или меньшей степени эта профессиональная группа настроена рационалистически и враждебно относится к эмоциональной религии, которую она одобряет только как средство для подчинения масс.

Бюрократы даже еще более враждебны по отношению к эмоциональной религии. Вот почему в Китае и в современных западных государствах бюрократы подвергали преследованию многие эмоциональные, возрожденческие и мистические движения. Капиталисты, бесспорно являющиеся одной из наиболее рационалистически настроенных групп, принадлежат либо к неэмоциональным, либо к немагическим религиям и не проявляют интереса к религии или же используют ее как средство для господства над массами. Ремесленники среднего класса принадлежат либо к весьма рационалистическим, либо же, наоборот, к эмоциональным и эсхатологическим движениям, как, например, в конце средних веков и в эпоху

⁶³ Weber, *The Theory of Social and Economic Organization*, pp. 363—392.

⁶⁴ Gustav Gundlach, *Zur Soziologie der katholischen Ideenwelt*; Michael Calmes, *Zur Soziologie des katholischen Ordensstandes*, München.

* Коротко об отношении буржуазии и рабочего класса к религии см. примечание в конце главы (стр. 542).—*Ред.*

⁶⁵ Weber, *Wirtschaft und Gesellschaft*, S. 267—296.

Возрождения, но преимущественно тогда, когда бояться утратить свое социальное положение.

Рабы никогда не являются носителями своих собственных особых религий, они либо принимают религию своих хозяев, как это имеет место в стратифицированных обществах, или же вступают в сектантские группы, открытые для гетерогенных слоев, которые могут встречаться в смутные эпохи. Пролетариат дополняет капиталистическую верхушку, с которой разделяет нерелигиозный по своей сути рационализм. Обитатели трущоб, называемые по-немецки *Lumpenproletariat* (буквально «пролетариат в лохмотьях»), принадлежали к низшим слоям среднего класса; в их число также входят те, кто спустился по социальной лестнице, эмигранты, которым не удалось ассимилироваться, и божемствующие интеллигенты. Эти группы не настроены рационалистически, и в той мере, в какой они имеют какую-либо надежду, они ожидают перемены вследствие кризиса и поэтому могут усвоить какую-либо радикальную идеологию — или какой-либо вид секулярного анархизма, или какую-либо религиозную апокалиптическую веру.

Группы париев, которые в силу этнических, национальных или религиозных причин рассматриваются окружающими их как низшие, чувствуют себя лишенными привилегий. С другой стороны, такие группы могут считать свои страдания доказательством собственного превосходства и ожидать в будущем какого-либо воздаяния или «справедливости» либо в этом мире (как в ортодоксальном иудаизме), либо в будущем мире (так поступают некоторые православные, находящиеся под нехристианским владычеством). Интеллигенты с момента возникновения письменности часто образовывали литературные гильдии, и когда какая-либо из рассматриваемых религий становится массовой религией, то гильдия отличает себя от масс как организованное священническое сословие. Интеллигенты могут также создать рационализированную религию и в значительной степени отойти от религии, или же, наконец, они могут, опустившись в социальном отношении, частично принимать мистические и эмоциональные религии, как это было, например, с русскими народниками.

Дальнейшее изучение стратификации и религиозного участия. Религия кочевников была рассмотрена Вебером в его книге о древних евреях, но она не включалась систематически в данную схему. В более позднее время Вули и другие подчеркивали роль семейного божества у кочевников. Когда некоторые роды становились могущественными, они нередко насильно заставляли другие роды поклоняться их божеству. Переход от сельской жизни к городской и влияние этого изменения на религиозную жизнь греков и мусульман детально изучались соответственно Жерне и Грюнебаумом.

Религия покоренных народов не занимает важного места в обзоре Вебера, но три типа относящихся к этому вопросу наблюдений были сделаны в последние годы. Во-первых, Грюнебаум, Хитти и Массе ссылаются на сохранение религиозной независимости у покоренного

народа, причем особое внимание уделяется христианам в исламских империях. Во-вторых, Оппенгеймером были сделаны наблюдения относительно того, как боги покоренных народов постепенно утратили свои функции и стали играть роль демонов. И, в-третьих, некоторые данные указывают на включение элементов религии покоренного народа в религиозную систему инков, о чем упоминают Боден, Беннетт и другие.

Религия низших социальных слоев, в особенности их склонность верить в харизматических пророков и ожидать возмездия, изучалась Демпфом. Наконец, переход к магическим, мистическим и эмоциональным взглядам, свойственный низшим социальным слоям, был освещен в исследованиях, посвященных первобытным группам (Гурвич), китайцам (Гране), магометанам (Гибб, Хитти, Лэндон) и современным североамериканцам (Струп).

Связь между религией и нерелигиозным миром. По мнению Вебера⁶⁶, необходимо принимать во внимание три проблемы. Первая проблема — это два пути к спасению, по-разному воздействующие на жизнь человека. Одним из этих путей являются собственные дела человека, которые могут принимать три различные формы, причем каждая видоизменяет жизнь особым образом: 1) магические средства; 2) действия социального характера, то есть случайная и неорганизованная форма раздачи милостыни или систематизированная форма благотворительности, и 3) самоосвящение с помощью мистицизма или аскетизма или же сочетания и того и другого. Как мистицизм, так и аскетизм могут относиться либо к потустороннему миру, либо к посюстороннему; необходимо отметить, что это различие решительным образом меняет их отношение к миру.

Второй способ спасения может быть достигнут благодаря поступкам других людей; при этом появляются различные типы спасителей, а также происходит процесс институционализации. Институционализация имеет место благодаря тому обстоятельству, что на основе деяний, якобы совершенных спасителем, возникает институционализированная церковь, будто бы представляющая собой «сосуд благодати».

Вторая проблема, касающаяся взаимоотношений между религией и нерелигиозным миром, — это проблема, которую Вебер называет «проблемой теодицеи»; под этим он подразумевает анализ попыток, сделанных для объяснения (возможно, для обоснования религиозно-теологическим способом) существования в мире явлений, считающихся дурными. Здесь Вебер видит два основных типа, которые постоянно повторяются. Во-первых, мессианская эсхатология, утверждающая, что великое изменение произойдет в форме возмездия здесь, на земле, и даст высокое положение и власть тем, кто занимает низкое положение и не обладает властью. Самым лучшим

⁶⁶ Weber, *Wirtschaft und Gesellschaft*, secs. 8—12, S. 296—363; частично также переведено на английский язык в кн. «From Max Weber: Essays in Sociology», translated and edited by H. H. Gerth and C. Wright Mills, New York, 1946, pp. 323—359.

примером могут служить здесь древние евреи. Вторым типом является возмездие в будущем мире, которое обещано верой в благодать божью и догмами о предназначении, перевоплощении или о метафизическом дуализме. С этим метафизическим дуализмом связана вера в то, что в конце концов добро, или бог и верующие в него, станут господствовать, что выражено ярче всего в зороастризме.

Третьей проблемой, согласно Веберу, является позиция, занятая религиозными группами в отношении преимущественно нерелигиозных сфер. По сравнению с двумя предыдущими вопросами многочисленные проблемы, возникающие в этой области, проанализированы Вебером в его посмертно опубликованном труде менее подробно. Точнее говоря, эти проблемы затронуты при рассмотрении ряда конкретных вопросов, как, например, при обсуждении вопроса о религии и проценте на капитал, а также тогда, когда дается характеристика отношения различных типов религии к различным видам государства. Напротив, Вебер больше внимания уделяет милостыне и применению насилия. Во многих обществах милостыня расценивается весьма высоко, и желательность ее раздачи зачастую используется в целях оправдания существования бедняков как прослойки государства. Только те религии, которые носят сугубо экономико-рационалистический характер (такие, как кальвинизм, считающий, что в безработице виноваты сами безработные), отвергают подавание как таковое. Что же касается применения насилия, то Вебер предложил формулу обратной пропорциональности между оптимизмом (в смысле веры в улучшение условий в *этом* мире) и верой в возможность устранения применения насилия и войны. Религия, убежденная в том, что мир можно исправить и спасти, будет подчеркивать право и даже обязанность применять меч для спасения мира, как это имело место в зороастризме, исламе и христианстве. Противоположностью этому является убежденность в коренной несправимости мира; такого убеждения придерживаются пацифистски настроенные «истинные» буддисты.

Интерес к таким формам спасения, которые связаны с социальной структурой, несколько уменьшился. Что же касается проблемы теодицеи, то Вах⁶⁷, хотя он обычно не применял этого термина, дал следующую последовательность возможностей: мир можно считать в основном хорошим (примером чего могут служить раннеиндуистские веды и Гомер), его можно очистить от грехов (как, например, в зороастрийской, магометанской и христианской религиях), или же его следует безоговорочно отвергать (как это делал сам Будда). Кроме того, Беккер приводит примеры, взятые из индуизма, а Шелер — из православной религии.

Вопросу об отношении религии к преимущественно нерелигиозным сферам жизни посвящены многочисленные исследования. Взаимосвязь между религией и экономической жизнью представляла двойной интерес. С одной стороны, экономическое положение

⁶⁷ W a c h, *Sociology of Religion*, pp. 299—313.

руководящих групп в некоторых религиозных группах (например, жизнь жрецов в Перу, Мексике, Китае и Египте, которые зависели от собственности на землю и земельной ренты или от приношений) изучалось Боденом, Беннеттом, Куновом, Франкфортом, Гране и другими. В то же время рассматривалась и обратная зависимость: влияние некоторых религиозных взглядов на экономическую жизнь. Здесь достаточно напомнить две большие дискуссии, которые велись вокруг проблемы Зомбарта, касавшейся евреев и капитализма, и вокруг веберовской полемики, касавшейся отношений между некоторыми типами протестантизма и капитализма, включая школу Шэффлера и труды Эдвардса, Уирмота и других по вопросу о методизме. В обширной новой католической литературе о религии и экономике, представленной работами Гундлаха, Франца Мюллера, Нелль-Брейнинга, Петера Тишледера и других, анализируются не реальные явления, а скорее те идеалы, которые необходимо воплотить в жизнь.

Религия и политический строй. Что же касается взаимоотношений между религией и государством, то Вах⁶⁸ предложил еще одну схему непрерывного развития, от *полной идентификации*, через *соответствие* (примером чего могут служить зороастризм и суннитская форма ислама), до *полного отделения* одной от другого. С этой схемой и с его классификацией степеней веры в спасение в этом мире связана дополнительная классификация Ваха, охватывающая возможность, способность и готовность создать государственную философию, начиная с полного отсутствия такой философии (как в первоначальном буддизме), через использование теории о существовании космических законов, оправдывающих существование светской власти (как в индуизме), до законченной социальной философии (в том виде, в каком она выражена теми религиозными концепциями, которые, в соответствии с еще одной классификацией Ваха, считают, что мир может быть спасен, например зороастризмом, исламом и христианством). К этому были добавлены Беном Кумаром Саркаром относительно государственной философии индусов (развивавшейся только в определенных границах), а также Бердяевым, Булгаковым, Дилем, Федотовым, Спинкой, Васильевым, Венанским и Зерновым относительно различных эпох в истории православной церкви. Соответствующая католическая литература, в том числе работы Иозефа Бидерлака и некоторых других авторов, упоминавшихся выше, выходит за рамки данной статьи.

Наконец, теория Вебера об обратном соотношении между оптимизмом и допустимостью (и даже обязанностью) применения насилия была значительно дополнена Вахом, а также — в том, что касается конкретных примеров, относящихся к сикхизму, православию и современным американским сектам, — Арчером, Шелером и Струпом соответственно. Взаимосвязь между религией, с одной стороны,

⁶⁸ W a c h, *Sociology of Religion*, p. 323.

и нациями, политическими партиями и профессиональными союзами — с другой, занимала значительное место в работе Вебера, но в недавнее время были сделаны некоторые дополнения. Мэттью Спинка показал на ряде примеров из истории балканских народов, что национальное чувство преобладает над чувством православия или же поглощается им. Эдвардс и Уирмот подчеркнули враждебное отношение методистов к позиции тори и продемонстрировали постепенный переход методистов от консервативного античартизма к занятию руководящих позиций в кооперативах и во время забастовок. Все это тесно связано с общей проблемой ассимиляции религии окружающим социальным миром, как это показано в одном из предыдущих разделов.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ОЦЕНКИ

До сих пор мы ограничивались перечислением фактов, причинных связей и выявлением новизны идей. Мы воздерживались от оценочных суждений как относительно религии вообще, так и конкретных религий, а также не давали оценок, относящихся к социальной структуре. Хотя мы и впредь будем воздерживаться от оценочных суждений по двум вышеупомянутым вопросам, мы попытаемся оценить достоверность утверждений и теорий, которые рассматривали. Такая оценка, сделанная на основе исторических фактов и законов логики, иногда может дать больше и показать, какие теории, вероятнее всего, окажутся продуктивными, способствуя приобретению новых знаний. В этом разделе изложение будет идти в том же порядке, что и во всей главе; когда все утверждения, сделанные в рассматриваемом разделе, соответствуют фактам, мы просто будем говорить «все упомянутые утверждения», чтобы избежать повторения. Когда же правильны лишь некоторые заключения, мы будем перечислять их все по отдельности.

Методологические предпосылки в социологии религии

Психоанализ в том виде, в каком он развился под влиянием Фромма, может сыграть важную роль, если ему удастся освободиться от односторонности раннего фрейдизма. Что же касается изучения простых культур, то при неограниченном использовании диффузионистские, функционалистские и параллелистско-эволюционные перспективы можно считать лишь рабочими гипотезами, в то время как одновременное применение всех этих методов может дать новые результаты. Неокантианство, которое ограничило социологию религии, отведя ей место особой науки, не имеющей оценочного суждения и отличной от философии, теологии и истории (хотя и основанной на последней в самом общем смысле), фактически разработало на эпистемологической основе такой социологический метод, который становится все более законченным. Преобразование «идеального типа» в «конструированный тип», сделанное Говардом Беккером, также сыграло важную роль. Напротив, оба критических замечания Ваха (против устранения оценочных суждений и против

использования понятия группы как термина, который просто обозначает совершающуюся коллективную деятельность) следует рассматривать как возврат к метафизике, что, бесспорно, явится препятствием на пути развития специальных наук на Западе.

Это в еще большей степени справедливо по отношению к некоторым авторам, упомянутым в конце первого раздела. Шпенглер, например, коренным образом ошибается, предполагая, что последующие культуры ничего не берут от своих предшественников. С другой стороны, теоретические выводы Шпенглера относительно упадка как общего закона онтологического характера являются логически правильными, если исходить из его предпосылок. Напротив Тойнби считает, что может существовать исключение из общего закона упадка; и это единственное исключение фактически делает его теорию (по-видимому носящую онтологический характер) не-онтологическим законом. Отмар Шпанн в своих воззрениях чисто метафизичен, исключая работы, написанные его учениками по вопросу об истории идей, и это также справедливо, за исключением некоторых утверждений, касающихся матриархального общества, по отношению к Клагесу.

Бергсона, Шелера и Сорокина, даже с точки зрения тех, кто не согласен с их общей философской позицией, следует считать теоретиками, выдвинувшими некоторые полезные и стимулирующие положения.

Анализы конкретных религиозных систем, относящихся к социологии

Дописьменные культуры: опровержение Гурвичем и Малиновским концепции группового сознания, которая была выдвинута дюркгеймовской школой; подчеркивание функционалистами, психоаналитиками и диффузионистами роли матриархальных и тотемистических групп с их соответствующей религией — все это приемлемо, равно как и те утверждения, которые относятся к доколумбовой Америке.

Китай: социологическая классификация интеллигенции, сделанная Фын Ю-ланем и в еще большей степени Гране, представляла шаг вперед после Вебера.

Индуизм: определение Вахом и Беккером причин различного отношения религии к светской власти также означало шаг вперед по сравнению с Вебером.

Сикхизм, зороастризм, Египет и античная Греция: все упомянувшиеся утверждения соответствуют фактам.

Кельтская религия: иберовская классификация религиозных руководителей соответствует фактам.

Иудаизм в эпоху до Иисуса: детали, подтверждающие основную концепцию Макса Вебера, равно как и дополнения, сделанные Вули и другими относительно семейных божеств могущественных семейств, являются ценными. В эпоху после Христа приемлемы следующие положения: адаптация в Испании; хасидистское сектанство (Бубер);

жизнь в гетто, бегство из гетто и ассимиляция (Вирт); опровержение Вебером, Виртом и многими другими недоказуемого утверждения, сделанного Зомбартом относительно генетически еврейского характера современного капитализма; социально-психологическая база антисемитизма, изучавшаяся Хоркгеймером и его сотрудниками; связь и антагонизм между религией и экономическими воззрениями в современном сионизме.

Ислам и православие: все упоминавшиеся утверждения, в особенности те, которые выдвигались Грюнебаумом, приемлемы.

Христианство и область, связанная с проблемой Еллинека — Вебера — Трёльча. Теория Еллинека с поправками Трёльча является общепринятой и более уже недискуссионной. Следующие критики Вебера выдвигали гипертрофированные положения: Гундлах относительно невозможности сравнения католической психологии с кальвинистской по методу Вебера; Зомбарт, Сорокин, Тоуни и Йингер относительно того, что касается капиталистической психологии в средние века; Йингер — в своей недооценке важности «призвания» и религиозных импульсов нонконформистов, прибывших в колониальную Америку. Хотя Робертсон явно разошелся во взглядах с Вебером, тем не менее очевидно, что Беккер, Холл, Кнаппен и Сорокин были правы, обращая внимание на тот факт, что предназначение не является особенностью, присущей всем группам, которые Вебер использовал в качестве примеров.

Таким образом, общий знаменатель следует преимущественно искать в общем аскетическом характере и в общей вере, что экономический успех — это доказательство того, что данный человек жил жизнью, угодной богу. Основная теория тем не менее выдержала критику, и не лишено справедливости утверждение о том, что аскетический протестантизм был одним из главных распространителей капиталистической психологии и, следовательно, капитализма как экономической системы. Что же касается теории Трёльча, то католиками были внесены некоторые вполне законные коррективы в его характеристику отцов церкви. Столь же уместны и некоторые поправки к его концепции относительно средневекового характера Лютера. Тем не менее его основные теории о месте протестантизма в истории западной культуры остаются в силе и получили дальнейшее развитие благодаря дополнениям, сделанным Эдвардсом, Шлаттером, Швером, Уирмотом и всей школой Шёффлера в целом.

Христианство в Соединенных Штатах Америки в новейшее время: за исключением некоторой гиперболизации роли африканского наследия в религии американских негров, упоминавшиеся выше утверждения можно считать плодотворными.

Основные концепции и теории в социологическом подходе к религии

Типы религиозных групп. Имеется четыре разработки несколько примитивной классификации Вебера — Трёльча, которые заслуживают упоминания. К ним относятся: 1) проводимое Беккером общее

Различие между «светскими» и «священными» обществами (с важными характерными особенностями, упомянутыми на стр. 531), равно как и добавление еще двух типов — деноминации и культа; 3) классификация Ваха в соответствии со степенью пессимизма; 4) характеристика «церкви», данная Визе; 4) данные Нибуром, Беккером, Кларком и Фосе характеристики «деноминации».

Закономерная последовательность религиозно-социологических явлений: теории Вебера с поправками, внесенными различными критиками, являются приемлемыми.

Функция индивидуума: концепция Вебера — Трёльча и их последователей соответствуют фактам.

Типы религиозного руководства: все упоминавшиеся положения являются приемлемыми.

Переход одного типа руководства к другому: все упоминавшиеся положения являются приемлемыми.

Организация религиозных руководителей: все упоминавшиеся положения являются приемлемыми.

Религиозные воззрения отдельных социальных слоев: четыре пробела в неполной схеме Вебера были заполнены упоминавшимися исследованиями.

Связь между религией и нерелигиозным миром: стимулирующие, но недоработанные утверждения Вебера относительно «теодицеи» обрели более плодотворное продолжение в соответствующих типологиях, предложенных Вахом.

Социология религии: ретроспективный взгляд и дальнейшие перспективы

В заключение мы считаем вправе отметить, что самый внушительный вклад в область социологии религии (что касается эпистемологического основания, специальных исследований, типологии и характеристики отдельных типов) был внесен неокантианской школой и ее приверженцами в Соединенных Штатах Америки. Виднейшим представителем этой школы (с прагматическими обертонами) является Говард Беккер. Главное его эпистемологическое достижение — работа о «конструированном типе», в то время как основные самостоятельные труды посвящены его религиозно-светской типологии и дополнению типов культа и деноминации к формулировке Вебера — Трёльча. Не будучи эпистемологически связанным с названными выше исследователями, Вах тем не менее должен быть упомянут здесь ввиду интереса, который он проявлял к аналогичным проблемам. В частности, важную роль играют его типология и данные им определение и характеристика особых типов.

Таким образом, Ваха наряду с Беккером и его учениками можно назвать наиболее продуктивным и богатым идеями исследователем из тех, кто изучал эти области после Макса Вебера. С этого времени ни неокантианцы, ни их последователи не дали сколько-нибудь значительных работ, посвященных менее сложным религиям. Однако весьма ценные труды по частным вопросам, касающимся

методов изучения менее сложных религий, а также труды, посвященные отдельным религиям, были созданы такими различными мыслителями, как функционалисты, французские позитивисты, католики-диффузионисты, а также враждебные диффузионистам, но тем не менее считающиеся с историей американские антропологи.

Что касается отдельных стран, то французский позитивизм вообще и дюркгеймовская школа в частности не осуществляют ни эпистемологического, ни методологического руководства. С другой стороны, Франция представлена трудами, по крайней мере в трех областях имеющими касательство к религиозно-социологическому комплексу в социологическом аспекте: работы Жерне и Буланже о Греции, Гране — о Китае и Ибера по вопросу о кельтах. Все они в той или иной степени находятся под влиянием дюркгеймовской школы.

В Соединенных Штатах Америки как коренные американцы, так и русские, немцы, венгры и другие эмигранты, помимо уроженцев восточных стран, таких, как китайцы, мусульмане и прочие, изучали в своих исследованиях четыре темы. Их работы посвящены: 1) древние и современные восточные народы (например, работы Чан-Ли, Фын Ю-ланя, Грюнебаума и других); 2) прошлое и настоящее православия; 3) проблема Вебера — Трёльча; 4) американская религиозная жизнь в том виде, в каком она проявляется во многих церквях, деноминациях, сектах и культах.

Тем не менее многочисленные религиозные группы, существующие в мире, еще не изучались в достаточной степени в религиозно-социологическом аспекте; достаточно привести лишь несколько примеров — синтоизм, среднеазиатский буддизм, манихейство, а также (среди христианских групп) армянская, коптская и эфиопская монофизитские церкви и, кроме того, американские варианты епископализма и лютеранства. Предстоит сделать еще многое, до того как удастся создать хотя бы относительно законченную социологию религии.

Примечание. В главе правильно отмечается факт различного отношения разных классов к религии. В частности, нельзя не согласиться с автором в том, что рабочий класс по существу враждебен религии или что капиталисты используют религию как средство угнетения трудящихся масс. Но дальше этой констатации авторы, придерживающиеся идеалистического взгляда на историю, пойти не смогли. Да это и естественно, ибо только материалистическое понимание истории объясняет нам, почему пролетариат атеистичен. Для того, чтобы освободиться от рабства экономического и политического, рабочий класс должен освободиться от гнета духовного.

С другой стороны авторы вопреки фактам объявляют капиталистов «рационалистами», то есть классом нерелигиозным. В действительности буржуазия во всех странах выступает ныне представителем и защитником религиозного мировоззрения, а ее идеологи — защитниками иррационалистского или интуитивистского идеализма, поскольку именно в этом она видит одно из важнейших условий сохранения капиталистического строя. Был период, когда в ряде стран буржуазия выступала под флагом просвещения и атеизма (XVII и XVIII века). Но и тогда не везде она выступала за атеизм. Достаточно вспомнить английскую буржуазную революцию, движение пуритан и Кромвеля, которые обвиняли дворян в атеизме. Но с XIX века буржуазия во всех странах

использует в своих интересах религиозную идеологию. Материалистический анализ положения классов и их борьбы дает исчерпывающий ответ, почему в Англии в XVII веке борьба против привилегированных сословий шла под флагом реформации, а во Франции в XVIII столетии—под знаменем просветительства, атеизма и даже материализма. Замечательный анализ этого вопроса дан Энгельсом в его введении к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке».—*Ред.*

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- «American Journal of Sociology», Sixtieth Anniversary Issue, on Religion, 60 (May 1955), Part II.
- Becker Howard, Systematic Sociology on the Basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese, New York, John Wiley, 1932; reissued, with a new preface, Gary, Indiana, Norman Paul Press, 1950, pp. 613—642.
- Becker Howard and H. E. Barnes, Social Thought from Lore to Science, 2nd ed., New York, Dover Publications, 1952, 2 vols.
- Durkheim Emile, Elementary Forms of the Religious Life, translated by J. W. Swain, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1947.
- Malinowsky Bronislaw, Magic, Science and Religion and Other Essays, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1948.
- Sorokin P. A., Contemporary Sociological Theories, New York, Harper, 1928, Chap. 12.
- Tawney R. H., Religion and the Rise of Capitalism, New York, Penguin Books, 1947.
- Troeltsch, The Social Teaching of the Christian Churches, translated by Olive Wyon, London, Allen and Unwin, 1950, 2 vols.
- Troeltsch, Gesammelte Schriften, Tübingen, J. C. B. Mohr, 1922—1925, Bände 1—4.
- Troeltsch, Christian Thought: Its History and Application, London, University of London Press, 1923.
- Wach Joachim, Sociology of Religion, Chicago, University of Chicago Press, 1949.
- Wach, Types of Religious Experience, Christian and Non-Christian, Chicago, University of Chicago Press, 1951.
- Weber Max, From Max Weber, Essays in Sociology, translated and edited by H. H. Gerth and C. Wright Mills, New York, Oxford University Press, 1946.
- Weber Max, Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, Tübingen, J. C. B. Mohr, 1920—1921, 3 Bände.
- Weber Max, The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism, translated by Talcott Parsons, London, Allen and Unwin, 1930.

СОЦИОЛОГИЯ ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И МУЗЫКИ: СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОПЫТА

Хью Д. Данкан

К 1914 году социологи, интересующиеся искусством, впервые были в состоянии использовать философские, социологические и психологические воззрения, дававшие возможность создать упорядоченный комплекс знаний относительно функций и структуры искусства в обществе. Дильтей снабдил социолога философскими подпорками, крайне необходимыми для теории. Маркс и Энгельс связали искусство с формами собственности и производства. Фрезер показал, как искусство организовывало первобытную жизнь. Дюркгейм и Макс Вебер, хотя они занимались преимущественно религиозным опытом, создали теоретические и методологические инструменты для анализа *всего* символического материала. Некоторые из упоминающихся у Зиммеля форм социации были выведены из анализа искусства и игры. К концу двадцатых годов герменевтика, изучение символического истолкования, стала благодаря работам Ваха и Кассирера точно определенной областью. Маркс и Вебер научили нас также, что люди используют искусство в борьбе за власть между классами. Малиновский подытожил антропологические воззрения в своей характеристике мифа как чего-то вроде социального договора. Дюркгейм и Леви-Брюль показали, как магическое искусство использовалось для создания и поддержания коллективных чувств и мыслей. Колингвуд обратил внимание на то, что искусство применяется для того, чтобы вдохновлять нас на свершение дел, необходимых для группового выживания. От Фрейда, наконец, мы узнали, как искусство устраняет напряжение благодаря фантазии, которая, подобно сну, дает нам возможность вообразать то, чего мы не можем иметь.

Искусство как коммуникация. Однако особая роль, отводимая Фрейдом подсознательным элементам в искусстве, и упор, который делал Малиновский на функцию искусства (как мифа) в создании социальных договоров, не давали искусствоведам-социологам возможности мыслить об искусстве как о коммуникации. До тех пор пока социальная теория не смогла дать понимания социации основанного на воплощении в роль через посредство символического взаимодействия (как коммуникации), искусствовед-социолог был

вынужден ограничиваться европейскими воззрениями на искусство, которые многое объясняли в искусстве, но в которых мало внимания уделялось проблеме специфического использования форм искусства в коммуникативном аспекте принятия на себя роли. Триадовый анализ знаковых ситуаций (*sign situation*), осуществленный Пирсом, а также подчеркивание им общественного характера истины дали американским социологам метод мышления, позволяющий рассматривать социальную функцию и структуру сущности, по мере того как сущность возникает в действии. Надо отметить, что книга Пирса вышла задолго до появления в начале 30-х годов широко известных работ Малиновского и Ричардса, в которых ставился вопрос о триадовых элементах в «сущности сущности».

Джордж Г. Мид и Джон Дьюи понимали важность подчеркивания Пирсом общественного характера истины для развития социальной теории. Теория Мида о социальном генезисе «я» через рефлексорный жест, принятие роли «я» и «мы» в группе («они») хотя и «выпячивала» биологический уровень символического взаимодействия, однако впервые, по-видимому, дала надежду создать теорию личности, которая одновременно освободит социологическую теорию от ограниченности марксистского материализма, крайностей дарвиновского натурализма, новогегельянского «духа» Дюркгейма в его *conscience collective** и фрейдовских генетических теорий психической причинности в архаическом наследии. Для Мида социальное было категорией, имевшей право на самостоятельное существование, категорией, которую следовало объяснять социальными аспектами принятия роли при коммуникации, а не аналогией с физической природой и биологическим окружением и не воплощением духа, бога или общества.

Подчеркивание Кули мысли о драматической репетиции в воображении как средстве, при помощи которого мы понимаем и тем самым сообщаем, явилось весьма плодотворным для развития социологии искусства и в свою очередь для создания социологической теории коммуникации. Но престиж ранней биологической психологии и удивительные открытия физиков вскоре подавили американских социологов. Монументальные фигуры Дарвина, Фрейда, Фрезера и Эйнштейна оттеснили в тень американских прагматистов Пирса, Мида и Дьюи, пытавшихся развить теорию социации, основанную на коммуникации. Следующее поколение американских социологов, считавших, что выдвинутые Мидом теории социации, возникающей в коммуникации, являются основой, на которой может быть развита здравая социологическая теория, не догадалось обратиться к опыту искусства — специфически *символическому* опыту. Только после появления работы Кеннета Берка (несоциолога) отечественная традиция Пирса, Мида и Дьюи была продолжена в ряде теоретических и методологических положений относительно функции искусства как коммуникации в обществе.

* *Conscience collective* (франц.) — коллективное сознание. — Перев.

Искусство и общество: европейская точка зрения. В Европе за ортодоксальными марксистскими анализами искусства у Плеханова, ранними работами Лукача, посвященными драме и роману, работой Антала о флорентийской живописи и исследованием Кодуэлла об истоках поэзии вскоре последовали труды, в которых хотя и не принимался Марксов «трансцендентный пролетарий», но все еще проводились марксистские теории социального класса при анализе произведений искусства. Гуцинга в своей работе «Закат средних веков» («The Waning of the Middle Ages»), так же как и Буркхардт в замечательном труде об эпохе Возрождения, использовал произведения искусства и теорию искусства для интерпретации общества¹. Очерк Макса Вебера о рациональной и социологической основе музыки, равно как и его очерк о функции китайских *literati*, показали, что во всяком случае в немецкой социологии проблема состояла уже не в том, как мыслить относительно искусства и общества, а в том, какие элементы в обществе и искусстве должны быть связаны друг с другом². В тридцатых годах появился ряд ценных исследований Мартина и Балета об искусстве; Шюккинга, Эренберга, Баба, Кон-Брамшtedта и Миша о литературе и статьи об искусстве в «*Handwörterbuch der Soziologie*», изданном Фиркандтом в 1931 году; все данные работы оправдали ранние надежды Дильтея (впоследствии это нашло отклик в философии Кассирера и Колингууда), утверждавшего, что изучение искусства следует считать изучением человеческого понимания (*understanding*)³. Преследования и убийства немецких ученых во времена гитлеровского террора замедлили эту важную работу, но она все же не прерывалась, а в недавнее время вновь появился ряд талантливых книг, таких, как «Социальная история искусства» Гаузера, «Социология музыки» Блаукopfа и исследования Хонигсхейма о социологии музыки⁴.

¹ Georg Lukács, *Die Theorie des Romans*, Berlin, 1920; *Zur Soziologie des modernen Dramas*, ASS, 38 (1914), pp. 303—345, 662—706. В настоящее время на английском языке издана книга Georg Lukács, *Studies in European Realism*, London, 1950; Frederick Antal, *Florentine Painting and its Social Background*, London, 1947; Christopher Caudwell, *Illusion and Reality*, London, 1937.

² Max Weber, *Die rationalen und soziologischen Grundlagen der Musik*, «*Wirtschaft und Gesellschaft*», 2nd ed., Tübingen, 1925; *From Max Weber: Essays in Sociology*, translated and edited by H. H. Gerth and C. Wright Mills, New York, 1946, Chap. 17.

³ Alfred von Martin, *Sociology of the Renaissance*, New York, 1944; Leo Baliet, *Die Verbürgerlichung der deutschen Kunst, Literatur und Musik in 18. Jahrhundert*, Leipzig, 1936; L. L. Schücking, *The Sociology of Literary Taste*, London, 1944; Victor Ehrenberg, *The People of Aristophanes: A Sociology of Old Attic Comedy*, Oxford, 1943; Julius Bab, *Das Theater im Lichte der Soziologie*, Leipzig, 1931; Ernst Kohn-Bramstedt, *Aristocracy and the Middle Classes in Germany*, London, 1937, в особенности введение «Социологический подход к литературе»; Georg Misch, *A History of Autobiography in Antiquity*, London, 1950, 2 Aufl.

⁴ Arnold Hauser, *The Social History of Art*, London, 1951, 3 vol.; Kurt Blaukopf, *Musiksoziologie*, Berlin, n. d. (имеется библиография).

Лало, Бальдансперже и Сурьо во Франции продолжали традицию Тэна и Гио. Так же как Дильтей, Бергсон, Маритэн и совсем недавно Мальро, они занимались проблемой значения искусства в обществе⁵. В умах французов, однако, «значение» не ограничивалось проблемой искусства как формы познания (как у Дильтея и Кассирера) или проблемой интерпретации (как у Ваха и Кассирера); сюда входило также искусство как моральная проблема.

Хотя во Франции и не возникло самостоятельной области социологии искусства, которую можно было бы сравнить с работами по религии Дюркгейма, Ибера, Мосса и Бугле, но это не было следствием отсутствия социологического подхода к литературе. Как и в Соединенных Штатах, социологическое мышление об искусстве развивалось в среде самих работников искусства. Однако вскоре социологические воззрения Дюркгейма повлияли на французское искусствознание. Работы Соссюра и Мейе по лингвистике; Гране, Шуля и Люке по истории идей; Лало о функции искусства в общественной жизни; Леви-Брюля о первобытном использовании символов; недавние работы Бельжама, Коэна и Монгредьена о литературной жизни XVII и XVIII веков, а также работы Де-Ружмана, Банда, Бриффо наряду с многочисленными дискуссиями среди французских литераторов о функции искусства (обмен письмами между Жидом и Клоделем о природе искусства и религии является лишь одним примером) свидетельствуют об интересе французов к социальной функции искусства⁶. Недавняя работа Мальро об искусстве, хотя и написанная с точки зрения художника — а не критика и не публики, — наглядно показывает, что французское искусствознание имеет сильную социологическую ориентацию.

В Англии книга Джейн Гаррисон «Фемида» («Themis») явилась описанием мифа и ритуала, основанным на исчерпывающей документации, почерпнутой из греческой трагедии. Ее «Древнее искусство и ритуал» («Ancient Art and Ritual») показывает, какое влияние на греческую графику и пластические искусства оказали магия

⁵ Charles Lalo, *Notions d'esthétique*, 3rd ed., Paris, 1948; Ferdinand Baldensperger, *La Littérature: creation, succes, durée*, Paris, 1913; E. Souriau, *L'Avenir de l'esthétique*, Paris, 1929; *Les Correspondences des arts*, Paris, 1947; Jacques Maritain, *Creative Intuition in Art and Poetry*, New York, 1953; André Malraux, *The Voices of Silence*, New York, 1953.

⁶ Ferdinand de Saussure, *Cours de linguistique générale*, Paris, 1916; Antoine Meillet, *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris, 1921—1936, 2 vol.; Marcel Granet, *Fêtes et chansons anciennes de la Chine*, Paris, 1919; *Dances et légendes de la Chine ancienne*, Paris, 1926; *La civilisation chinoise*, Paris, 1929; *La pensée chinoise*, Paris, 1934; M. Schull, *Essai sur la formation de la pensée grecque*, Paris, 1934; G. H. Luquet, *L'art primitif*, Paris, 1930; Alexandre Beljame, *Men of Letters and the English Public in the Eighteenth Century*, 1st ed., 1881, London, 1948; Gustav Cohen, *La vie littéraire en France au moyen-âge*, Paris, 1949; Georges Mongrédien, *La vie littéraire au XVIIe siècle*, Paris, 1947; Denis De Rougemont, *Passion and Society*, London, 1940; Julien Benda, *Du style d'idées*, Paris, 1948; Robert Briffault, *Les troubadours et le sentiment romanesque*, Paris, 1954.

и ритуал. В «Происхождении аттической комедии» («The Origin of Attic Comedy») Корнфорда описывается ритуальное происхождение комедии, аналогичное происхождению трагедии, выявленному Гаррисон. Разбор Уэстоном романа о Граале, исследования Мэррея о ведьмах, работа Кука о мифах о Зевсе, исследование Хокарта, посвященное королевской власти, сборник Гука о еврейско-христианском мифе в ритуале, анализ Уэлсфордом образа шута и, наконец, «Преступление Иокасты» («Jocasta's Crime») Реглена, изучавшего табу кровосмешения в мифе и ритуале, и данное им резюме ритуального метода в «Герое» («The Hero») наряду с позднейшими работами Томсона, Карпентера, Спенса и Вилльямсона показывают ценность ритуальных концепций⁷. Как только Реглен указал на общие черты всех мифов о героях и подчеркнул, что миф произошел из ритуала, миф был связан с социальным процессом и мог быть определен в зависимости от тех функций, которые он выполнял. Редклифф-Браун, Малиновский и другие распространили эти идеи на первобытные общества, проанализировав, как поддерживалась социальная связь благодаря танцу, пению, магическим заговорам, легендам, сказкам и самому мифу⁸.

Применение искусства как показателя культурного изменения у Шпенглера и других подытожено в фундаментальной работе Сорокина, который предложил абстрагировать законы культурного изменения из эволюционных процессов во взаимоотношениях между искусством и обществом⁹. Томарс использовал теории Макивера об общине для своего «Введения в социологию искусства» («Introduction to the Sociology of Art»), в то время как Мукерджи в своей «Социальной функции искусства» («The Social Function of Art») сравнивает европейское, азиатское и индийское искусство как средство создания «социальных» чувств и понимания.

Фрейдистские теории искусства. Фрейд открыл несколько путей для социолога искусства. Его эдиповская теория, например, показывает, как произведения искусства могут быть использованы с целью создания гипотез для эмпирического изучения. В «Остроумии и его отношении к бессознательному» он подчеркнул необходимость анализа

⁷ Jessie L. Weston, *From Ritual to Romance*, New York and London, 1920; Margaret A. Murray, *The Witch Cult in Western Europe*, London, 1921; A. B. Cook, *Zeus*, Cambridge, 1925; A. M. H. Cart, *Kingship*, Oxford, 1927; S. H. Hooken (ed.), *Myth and Ritual*, Oxford, 1933; E. N. D. Welsford, *The Fool*, London, 1935; Lord Raglan, *The Hero: A Study in Tradition, Myth and Drama*, New York, 1937; George Thomson, *Aeschylus and Athens*, London, 1941; Rhys Carpenter, *Folk Tale, Fiction and Sage in the Homeric Epics*, London, 1946; Lewis Spence, *Myth and Ritual in Dance, Game and Rhyme*, London, 1947; H. R. Williams, *The Arrow and the Sword*, London, 1947.

⁸ A. R. Radcliffe-Brown, *The Andaman Islander*, Cambridge, 1922; Bronislaw Malinowski, *Magic, Science and Religion and Other Essays*, Garden City, New York, 1954.

⁹ Oswald Spengler, *The Decline of the West*, New York, 1926—1928, 2 vol.; P. A. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, New York 1937—1941, 4 vol.

взаимоотношений между автором и публикой в соответствии с общественным положением, а также и сексуальными концепциями. Конкретно применяя свою теорию структуры и функции «ид», «эго» и «супер-эго» систем к реальным случаям, он показал, как риторические и драматические формы дают ключ к структуре психе. Ранк, Юнг, Рейк и Джонс дали возможность другим исследователям, таким, как Бодуэн, Крис, Сакс и Вольфенштейн, приступить к конкретному анализу того, как связаны между собой искусство и половое влечение¹⁰. Таким образом, в 1930 году ученым, интересующимся социологией искусства, уже не было необходимости обсуждать, связаны ли между собой искусство и общество. Они могли анализировать эту связь и прежде всего начать демонстрировать это на примерах формы и содержания самого произведения искусства. Было очевидно, что любая теория мотивации может быть подтверждена каким-либо видом искусства. Но едва лишь искусствоведы, которые были заинтересованы не только в использовании искусства для объяснения или иллюстрирования других социальных явлений, попытались применить идеи Фрейда, Маркса, Вебера и Зиммеля¹¹ к конкретному социологическому анализу произведений искусства, как возникли всевозможные трудности. Фрейд, Вебер и Маркс *приписывают* сексуальные или классовые особенности искусству*, а затем «выводят» их из искусства. Даже если принять сексуальные, общественные и классовые детерминанты, то социолога искусства эти отношения интересуют как *символически* созданные. Социальный класс у Маркса не тот же, что у Генри Джеймса. Один — экономической, другой — художественной характеристикой.

Социологическая схема для интерпретации искусства. Задача социологического анализа искусства была осуществлена в Америке непрофессиональными социологами. Томас и Знанецкий использовали символический материал, но, как показала критика Блума, в действительности не было метода для оценки такой работы, поскольку не существовало социологической теории коммуникации. Парк и Бёрджесс довольно подробно разобрали взаимодействие в таких категориях, как конкуренция, конфликт, аккомодация и ассимиляция, в тех формах, которые Зиммель называл формами социации¹². Как происходит социальное взаимодействие, так и не

¹⁰ O. Rank, *Art and Artist*, New York, 1932; E. Kris, *Psychoanalytic Explorations in Art*, London, 1953 (превосходная библиография); C. G. Jung, *Psychology of the Unconscious*, London, 1921; T. Reik, *The Secret Self*, New York, 1953; *The Haunting Melody*, New York, 1953; E. Jones, *Hamlet and Oedipus*, London, 1949; C. Baudouin, *Psychoanalyse de l'art*, Paris, 1929; Ed. Bergler, *The Writer and Psychoanalysis*, New York, 1950; H. Sachs, *The Creative Unconscious*, Cambridge, 1942; M. Wolfenstein, *Movies: A Psychological Study*, Glencoe, Ill., 1950.

¹¹ Georg Simmel, *Philosophische Kultur*, Leipzig, 1911.

* По этому поводу см. примечание в конце главы (стр. 561). — *Ред.*

¹² Herbert Blumer, *An Appraisal of Thomas and Znaniecki's The Polish Peasant in Europe and America*, New York, 1939; R. E. Park and E. W. Burgess, *Introduction to the Science of Sociology*, Chicago, 1921.

стало ясным. Успехи, достигнутые отдельными академическими социологами в создании теории коммуникации, были весьма незначительны, что наглядно проявляется в некритическом использовании Парсонсом и Шилзом фрейдистской концепции катексиса¹³.

Мид, хотя он (по словам его учеников) не особенно интересовался искусством, сосредоточил свое внимание в большей степени на том, как психе возникает в *функции* (то есть в коммуникации), чем на структуре самой психе. Необходимо знать, по мнению Мида, как общаются между собой «я» и «мы», если мы хотим что-либо знать о формах социации. Ведь, как утверждал Дьюи наряду с Мидом и Кули, социация существует в коммуникации и через нее; отсюда следует, что коммуникация должна быть основной, а не остаточной категорией теории¹⁴.

Концептуальная схема Берке. Хотя Берке отнюдь не являлся учеником Мида и, разумеется, не был профессиональным социологом, он также полагал, что только в той мере, в какой мы понимаем символические фазы взаимодействия, мы можем понять общество. Он утверждал, что мы рассматриваем искусство как символическое действие, как фазу акта, в котором воззрения формируются как начинающиеся *акты*, а не только как желания. В отличие от Томаса он не категоризировал желания и не «применял» их к символическому материалу, а подчеркивал необходимость развития социологических концепций функции искусства. Его первая формулировка этого положения в применении к искусству как сну, молитве и песнопению, подобно коллингвудским категориям фантазии, магии и собственно искусства¹⁵, была попыткой синтезировать ряд методов. К 1945 г. Берке был в состоянии развить дальше свой прежний синтез Маркса, Фрезера и Фрейда, превратив его во всесторонне разработанную теорию.

«В законченном утверждении относительно мотивов вы должны иметь какое-то слово, которое называет *акт* (называет то, что имело место мысленно или на деле), и другое, которое называет *сцену* (фон акта, ситуацию, в которой он произошел); вы также должны указать, какое лицо или вид лица (*агент*) выполняло акт, какие средства или орудия оно применяло (*образ действия*) и *цель*»¹⁶.

Берке, таким образом, предлагает нам специфически социологическую теорию, достаточно четко сформулированную, для того

¹³ Talcott Parsons and E. A. Shils (eds.), *Toward a General Theory of Action*, Cambridge, Mass., 1952; *The Social System*, Glencoe, Ill., 1951, Chap. 9. Макс Шелер, напротив, непосредственно подходил к проблеме коммуникации; см. Howard Becker, *Empathy, Sympathy and Scheler*, in *International Journal of Sociometry*, I, 1, Sept., 1956, pp. 15—22.

¹⁴ G. H. Mead, *The Philosophy of the Art*, Chicago, 1938, Chap. 23; John Dewey, *Art as Experience*, New York, 1934; C. H. Cooley, *The Roots of Social Knowledge*, in *Sociological Theory and Social Research*, New York, 1930.

¹⁵ R. G. Collingwood, *The Principles of Art*, Oxford, 1945.

¹⁶ Kenneth Burke, *A Grammar of Motives*, New York, 1945, p. XV.

чтобы дать возможность выработать аналитические инструменты для анализа конкретных произведений искусства. Специфической общественной функцией искусства, по его мнению, является создание и поддержание социальных иерархий путем легитимации различных властей. Точка зрения Берке представляется весьма близкой к взглядам Вебера, но Берке показывает, как легитимация происходит в символическом действии. Это достигается приданием романтической окраски символам, выходящим за пределы конфликта, путем обращения к «высшим силам», то есть к символам, которые художник и его общество окружают тем священным ореолом, каким является власть самой группы. Произведения искусства следует анализировать с учетом того, какая происходит драматическая борьба, в каких условиях, какими средствами, между какого рода действующими лицами, путем какого рода действий и для какой цели. Это достигается тем, что показывается, как в форме и содержании самого произведения искусства уничтожаются ценности, считающиеся враждебными для выживания общества, например путем символического умерщвления злодея; как ценности, считающиеся необходимыми для выживания группы, сохраняются или создаются, например, в символическом рождении, новом рождении или победе героя. Символы перехода от рождения к новому рождению, от поражения к победе, от старого «я» к новому «я» делают возможным социальное изменение. Художник сохраняет открытыми пути к перемене благодаря созданию двусмысленных, шутливых или комических символов, дающих нам возможность производить эксперименты в символическом действии с различных позиций, прежде чем нам придется реализовать их в невозвратимые моменты завершенных актов.

1.

ИСКУССТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Анализ структуры искусства как социального института с точки зрения функции самого искусства является задачей, за которую могут теперь взяться исследователи, воспитанные в социологических традициях Кули, Зиммеля и Вебера. Как только Дильтей, Кассирер, Мид, Коллингвуд и Берке дали нам теоретическую, методологическую и техническую основу для анализа функции искусства в обществе, стало возможным размышлять относительно *структуры* жизни искусства¹⁷. Институционную структуру искусства в обществе следует рассматривать с учетом взаимодействующих форм, основанных на связях между художником, критикой и публи-

¹⁷ Хорошие введения к трудам Дильтея можно найти в книгах: Н. А. Н o d g e s, *The Philosophy of Wilhelm Dilthey*, London, 1952; W i l h e l m D i l t h e y, *An Introduction*, New York, 1944; E r n s t C a s s i r e r, *An Essay on Man*, 1st ed., 1944; Garden City, New York, 1953; *The Philosophy of Symbolic Forms*, New Haven, Conn., 1953; S u s a n n e K. L a n g e r, *Philosophy in a New Key*, 1st ed., 1942; New York, 1948; *Feeling and Form*, New York, 1953.

кой¹⁸. Роль критика — решающая для социологического анализа структуры жизни искусства, поскольку он является посредником между художником и его публикой с точки зрения того, что он считает ценностями, необходимыми для выживания группы. Кто может отбирать, критиковать, судить или распределять, какого рода искусство, какими средствами, в каких случаях, каким образом и для каких целей — вот вопросы, ответы на которые характеризуют структуру искусства как социального института. Сосредоточивая внимание на критике в сложных обществах, мы избегаем явно упрощенного типа искусства, к которому относится опыт племенного искусства, являющийся отличительным признаком ритуальных подходов. В нашем обществе искусство используется для того, чтобы подчеркивать и в то же время преодолевать различия.

С социологической точки зрения то, как публика использует искусство, и взаимоотношения между этими аудиториями и их художниками, как эти отношения выражены через посредство критика, который должен выступать в качестве посредника, играет решающую роль. Но то, что говорится относительно структуры, должно говориться в соответствии с институциональной функцией, для которой предназначена структуральная теория. И, если мы не в состоянии применить наши социологические концепции к искусству, как оно воспринимается в символическом взаимодействии, мы не можем быть уверены, что вообще говорим об искусстве. Искусство следует понимать как *категорию* опыта. Художники создают и поддерживают символы, посредством которых мы общаемся; следовательно, изучение искусства становится изучением общества, а ни одна наука об обществе не может достичь вполне законченного теоретического выражения, до тех пор пока мы не создадим науку коммуникации.

Типология социальных структур искусства. В полностью развившихся институтах искусства можно ясно различить несколько элементов. Элементы эти следующие: виды выражения, которые художники и их аудитории считают искусством; эпохи и места, в которых используется искусство; типы писателей, художников, музыкантов и т. п., которых считают артистическими (равно как и те, кого не считают); способы, используемые для создания и распределения произведений искусства, а также ценности, задачи или цели искусства. При анализе подобного рода предполагается, что практика искусства в современном обществе включает в себя четыре отдельные, но тем не менее взаимозависимые функции. Функции эти следующие: 1) заинтересованность конкретной социальной проблемой; 2) создание символических форм, которые упорядочат социальный опыт с помощью определенных методов для тех, кто может использовать эти формы (как публика, так и художник); 3) создание аудиторий, использующих произведения искусства для различных видов

¹⁸ Н. Д. Дунсан, *Language and Literature in Society*, Chicago, 1953 (имеется обширная библиография).

удовлетворения, и 4) появление критиков, которые выносят суждения для своих различных аудиторий.

Социолог может выбрать для анализа любой отдельный элемент, но важнейшим элементом в структуральном анализе искусства как социального института будет *критика*. Дело в том, что факт появления критика в том виде, в каком мы его знаем в нашем обществе, то есть как человека, который выносит суждение о функции искусства для представляемой им группы, является, пожалуй, наилучшим отдельным ключом для структурального анализа институтов искусств. Критик должен мыслить с учетом того, что пытается сделать художник, и одновременно выносить суждения об использовании творчества художника различными аудиториями.

Если рассматривать материалы исторических и первобытных обществ, то сомнительно, существует ли такая ситуация, в которой аудитория не дифференцировалась бы в зависимости от возможности судить об искусстве. Как только мы познаем основы этих иерархий критики, мы сможем понять формы, принятые при вынесении суждений об искусстве. Суждение какого-либо рода всегда выносится, и это суждение в конечном счете во многом определяет искусство, поскольку оно устанавливает мерила для создания, распределения и потребления искусства. При анализе такого рода важно знать, кому предоставлено право критиковать; какие институты принимают на себя опеку над критикой; как эти институты защищают свою роль, конкурируя с другими институтами; как отбирают, готовят и поддерживают тех, кому предстоит критиковать; кому может быть сообщена критика и в каких случаях она требуется.

С социологической точки зрения критики, суждения которых основаны на эстетических канонах, представляют собой лишь один тип из многих. Церковь, государство, деловые круги, школа — каждый институт критикует искусство в соответствии с собственными потребностями. Церковь хочет, чтобы поддерживались ее догмы; государство нуждается в гражданах-патриотах, которые вступят в его армии; деловые круги нуждаются в прибыли; школа хочет иметь подходящий материал для целей обучения. Независимо от того, именуются ли такие суждения критикой, цензурой, анализом рынка или пересмотром в учебных целях, они оказывают глубокое воздействие на то, какого рода искусство будет создаваться.

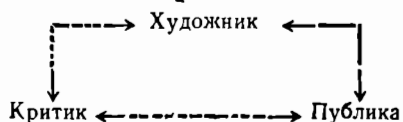
В целях анализа структуральных аспектов искусства как социального института различают три составных элемента, а именно художника, публику и критика¹⁹. Мы предположим, что каждый действует применительно к другому, но что в отношении между любыми двумя могут быть различные степени силы. Подобные различия будут сделаны в соответствии с задачами, которые возлагаются на тех, кто отвечает за художественную деятельность в их обществе,

¹⁹ Эта типология подробнее проанализирована у Данкана, *op. cit.*, Chap. 4.

и в силу того, какие средства отводятся на создание искусства. Наконец, мы предположим, что институты искусства, подобно другим институтам, стремятся достичь такой степени автономии, которая даст возможность художникам передавать свои взгляды на мир в том виде, в каком они считают необходимым.

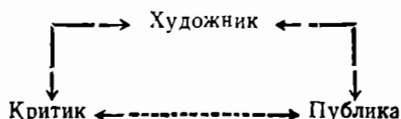
Типологию форм взаимодействия художника, критики и публики можно представить себе на замкнутой схеме начинающимися с самого прямого вида взаимоотношения между художником и публикой — взаимоотношения, в котором весьма мало дифференциации в различных предприятиях, занимающихся созданием и коммуникацией произведений искусства, — до окончательной конструкции, в которой художники, публика и критики могут действительно не знать друг друга как лиц и сообщаться лишь самым косвенным образом, и тем не менее в этой конструкции каждый принимает на себя ответственность за поддержание определенного стандарта искусства и все согласны с тем, что искусство должно быть силой в обществе и стоять на одном уровне с религией, наукой, образованием, политикой и т. п.

1. В тех случаях, когда искусство создается в небольших интимных группах, цели, для которых используется искусство, понятны любому присутствующему. Актер и зритель в драме знают реакции друг друга почти сразу же благодаря взаимным откликам, которые совершенно понятны каждому, так как они используют символы, которым вместе научились и которым придают одинаковую ценность. Актер считает себя представителем группы в целом. Любая непосредственно выраженная критика, которая может при этом встретиться, воспринимается не как специализированное утверждение, базирующееся на определенном стандарте, а просто как утверждение относительно справедливых слов, которые каждый в группе мог бы произнести. К более старым или к более опытным людям могут прислушиваться с большим вниманием, чем к другим, и тем самым они будут осуществлять своего рода критику, но в общем все же можно ясно различать только актера и его аудиторию. Прилагаемая схема иллюстрирует этот тип взаимоотношений между художником, публикой и критикой. Жирная линия показывает прочную взаимную связь между художником и публикой; пунктирные линии показывают относительно менее прочные связи между публикой и критикой и между художником и критиком.

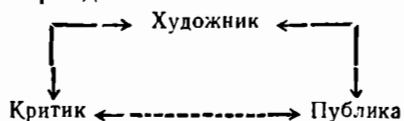
2. Когда создание искусства монополизировано каким-либо классом, строем, институтом или ремесленной группой; когда те, кто создает искусство, считают, что они пишут не для широкой публики, а для находящихся у власти, то художник соприкасается с тем, что мы считаем публикой, лишь опосредствованно — через

цензоров, судей или критиков. Клирики средних веков, китайские *literati* и придворные писатели Европы принадлежали к этому типу. На схеме жирные линии показывают прочную взаимную связь между художником и критиком; пунктирные линии — менее прочные связи между критиком и публикой и между художником и публикой.

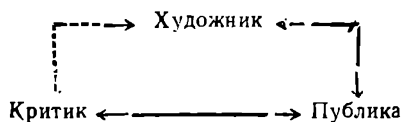
3. При третьем типе отношений художник считает себя прочно связанным с критиком и со своей публикой, но здесь нет прочной взаимной связи между критиком и публикой. Критики понимают свою роль как роль хранителей профессионального мастерства или традиций; как защитников особых социальных институтов, таких, как дворянство, знаток, салон, издатель, или — окончательный, крайне специализированный вариант этого типа — как роль «лекаря» пьесы для постановщика. Во всех этих вариантах о публике «известно», что она существует (насколько это касается критика), но критик относится к своей публике с точки зрения знатока или человека со вкусом. Широкая публика является «чернью», и считается унижительным критиковать для нее. Публикой можно маневрировать, формировать ее вкусы, или же ей можно даже разрешить подслушать, что говорит критик, но чувство прямой связи с широкой публикой отсутствует.

Художник, с другой стороны, считает, что он говорит для широкой публики и от ее имени. Он приветствует увеличение своей аудитории и принимает на себя ответственную роль, руководя ее вкусом. Он пытается связаться на самой широкой основе с максимальным количеством людей и со всех точек зрения относится к своей публике серьезно. В окончательном варианте этого типа отношений художник может считать себя обращающимся к народу как пророк, литературный жрец или руководитель. Английская и американская литературная жизнь начиная с дней Попа и на протяжении викторианской эры характеризовалась этим типом отношений между художником, публикой и критиком. Сегодня у нас имеются сценаристы, новеллистические конференции, агенты авторов, «лекари» пьес и присяжные критики различных родов, которых поддерживают непосредственно художники, издатели или постановщики. На схеме этот тип отношений показан жирными линиями между критиком и художником, а также художником и публикой, в то время как пунктирная линия между критиком и публикой показывает непрочность этой связи в триаде.

4. В четвертом конструируемом типе отношений как художник, так и критик рассматривают свои роли с учетом прочных взаимных связей с широкой публикой. У художника и критика, однако, мало взаимных связей друг с другом. Художник чувствует себя далеким от критика, редко представляет ему свои произведения на предварительное рассмотрение и встречается с ним не часто и неофициально, если вообще встречается. Критик обращается к художнику от имени публики, в то время как художник говорит только от имени народа. Он не только не обращается к критику, он может быть даже враждебен ему и глубоко негодовать против того, что критик присвоил себе власть над их общей аудиторией. Критик считает себя также специалистом в вопросах вкуса публики. Он может быть даже «нейтральным» в своем суждении о ценности этого вкуса. Обследователи всякого рода являются хорошим примером такого типа критиков. Они претендуют на то, что у них нет никаких собственных суждений, а что они просто сообщают о том, чего хотят люди. Должны ли люди желать этого, как можно побудить людей желать чего-либо лучшего, каким образом писатель может лучше общаться со своими аудиториями — тот вид заинтересованности, который критик проявляет при всяком другом типе связи между художником, публикой и критиком, — эти элементы отсутствуют.

Газетная и журнальная критика, в которой критики драмы, музыки, литературы, изобразительного искусства и кино выступают в качестве представителей публики, вкусы которой принимаются за стандарт, является наиболее известным примером этого типа отношений. «Нейтралитет» исследователей отбрасывается, и вкус публики берется под защиту. Художников даже порицают за то, что они творят без учета этого вкуса, причем критик предпринимает лишь весьма слабые попытки дать оценку, поскольку его функция в том, чтобы «отражать» вкус таким, каким он его находит. Законченным представителем такого рода критиков является тот, кто считает, что в искусстве, как и в политике, глас народа — глас божий. Следующая схема показывает прочную взаимную связь между художником и публикой, публикой и критиком (жирные линии) и менее прочную связь между художником и критиком (пунктирная линия).

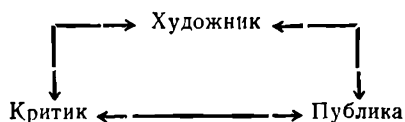

5. При пятом типе отношений художник, критик и публика принимают на себя взаимную ответственность друг за друга, будучи убеждены в том, что искусство должно иметь автономную функцию в обществе. Художник, подобно священнику, государственному

деятелю, солдату, философу, рассматривается с учетом его социальных обязанностей. Он уже не является просто шутом, чародеем, провидцем, «невротиком в периоде ясного сознания», или «безответственным», а становится творцом форм, функция которых — помочь нам сознательно исследовать (с помощью воображения, находящегося на службе разума), что могут означать определенные действия. Здесь искусство с полным правом выступает в качестве института и стремится к власти на том же уровне, как деловые круги, церковь или школа. Художники могут домогаться этой власти как союзники других институтов в тех случаях, когда они полностью согласны с целями данных институтов; но в этих случаях художники и критики полагают, что их должны включать в число тех, кто направляет дискуссию.

Другим примером искусства, принимающего форму независимого института, может служить возвышение художников до статуса корпорации, когда они организуются с целью контроля производства, распределения и потребления произведений искусства, как, например, в «Клубе книги этого месяца», который является юридическим лицом и выпускает акции. Это оформление групп современных *literati* в корпоративные организации представляет собой, однако, несколько иное выражение автономии, чем «студийная жизнь» Европы XIX века. Американские *literati*, по-видимому, отказываются от вывороченной наизнанку аристократичности богемы ради профессионализации, отражающей организационную структуру американских корпораций.

На следующей схеме жирными линиями показаны прочные взаимные связи между каждой из пар элементов триады.

Любая схема такого рода поэтому может способствовать тому, что мы меньше будем полагаться на «стили мышления», «экзистенциальные основы», «культурные основы», «органичные связи» и другие чрезвычайно общие концепции, применяемые в литературе, накапливающейся по вопросу о социологии познания. Для целей конкретного изучения произведений искусства мы нуждаемся в структуральных концепциях относительно какой-либо единицы социальной организации, которая достаточно ясна как функционирующая единица. Вопрос не столько в том, чтобы по отдельности изучать небольшие институты (как рекомендовал Кули)²⁰, сколько в том, чтобы создать какую-либо институциональную концепцию,

²⁰ Cooley, *Sociological Theory and Social Research*, New York, 1930, pp. 313—322.

которая даст нам возможность заниматься искусством с учетом структуры и функции как коммуникации.

Хотя в действительности нет способа анализировать произведение искусства, не рассматривая его как единый символический акт, социолог, подобно психоаналитику, должен отобрать некоторые основные идеи и образы. Он не может этого сделать до тех пор, пока не будет в состоянии четко изложить, какую социальную перспективу он принимает. В будущем, когда появится тщательно разработанная методика социологического анализа символических произведений, будут применяться более специализированные принципы. В настоящее время представляется, что лучше всего выделить какой-либо социологический принцип, достаточно общий для того, чтобы он давал возможность проводить социологический анализ многих типов, принцип социальной иерархии.

Символы и иерархия

В основном символ достигает максимальной эффективности только тогда, когда он отделяется от конкретной среды и становится силой сам по себе. Осуществление этой задачи является фактически одной из главных функций искусства. Ведь художник не бывает удовлетворен символами ни как знаками (как в научном трактате), ни как идеологическим оружием (как в политическом трактате), а пытается наделить их «абсолютной» эманацией, которая будет представлять «окончательную» почву для формирования воззрений, необходимых для выживания общины при любом образе действий, который он считает необходимым. В научном контексте сила символа возникает при демонстрации; в политике — благодаря убеждению; в искусстве же символы затрагивают нас благодаря процессу идентификации и, с социологической точки зрения, идентификации с группой, когда мы исполняем свои роли, будучи в специфических положениях какой-либо социальной иерархии. Идентификация появляется в формах, аналогичных тем, которые вызывает политикан, когда начинает рассказывать нам о том, что и он тоже некогда жил в нашем прелестном городе, работал, как простой рабочий, и т. п. В идентификации наличествует и бессознательный фактор. Тогда и символическая идентификация может стать крайне индивидуальной целью, как в тех случаях, когда мы действительно стремимся идентифицировать себя с какой-либо конкретной группой. Здесь мы не обязательно находимся под воздействием какого-либо сознательного внешнего фактора, но можем воздействовать на себя для достижения этой цели.

*Функция искусства (с принятой здесь социологической точки зрения) в том, чтобы сделать иерархию небесной*²¹. Те, кто находится у власти, ожидают от своих художников, что они будут представлять достойными, благородными и возвышенными их символы

²¹ См. Kenneth Burke, *Rhetoric of Motives*, New York, 1950, где эта тема освещается подробнее.

власти и с такой эманацией, что институциональные, партийные и иерархические или национальные требования сделаются индивидуальной обязанностью. Ввиду этого социологический анализ произведения искусства может быть осуществлен посредством различения иерархических терминов следующим образом: во-первых, имеются термины, приписываемые только небесному строю. Священные символы образов и идей всегда являются абсолютными терминами; форма и содержание таких терминов показывают глубочайшие верования общества. Во-вторых, есть термины, используемые только для изображения социального строя. Это преимущественно светские термины. В-третьих, существуют термины, которые как бы перекидывают мост между священным и светским царствами; это переходные термины. В-четвертых, имеются термины, кажущиеся небесными, но, по существу, являющиеся социальными. В-пятых, имеются термины, являющиеся внешне социальными, но по своей сути небесными. В-шестых, имеются термины якобы социальные, но фактически небесные. В-седьмых, имеются термины якобы небесные, но в действительности социальные. Термины с третьего типа по седьмой функционируют как переходные термины от одного социального состояния к другому и тем самым дают ключ к тому, как функционирует принцип идентификации с властью в коммуникации, считающейся общественным явлением.

Иерархические лестницы. Социальные потребности в лестницах авторитета удовлетворяются в искусстве (так же как в науке и в религии) идеями о фазах или стадиях. Действие должно развиваться надлежащим образом, процессы должны осуществляться «правильно», иначе их эффективности будет нанесен ущерб. Ректор университета приближается к трибуне определенным образом, точно так же как и короли к своим тронам или президенты к трибуне в конгрессе. Уставные процессы являются не только регулярными, но и *упорядоченными*, с канонами первого, второго, третьего и т. д. порядков: каноны охватывают все степени, начиная с самых высших в лице президентов, королей и т. п. вплоть до любого ранга, который необходим для выполнения действия на местном уровне. Колдун, выполняющий свои обряды, тронная процессия короля, военный парад — все они принимают форму, в которой переход от одной стадии к другой регулируется соображениями уместности, то есть связями между каждым шагом в эволюционной последовательности. Некоторые слова должны быть сказаны раньше других. Университетский инспектор должен идти впереди ректора, научные опыты должны делаться в определенной последовательности. Сила такого упорядоченного процесса в искусстве, выработка различных форм, таким образом, имеет свою аналогию в обществе; и искусство в свою очередь увеличивает силу этих социальных форм. Следовательно, то, как мы переходим от одного положения к другому, столь же важно, как наши пункты отправления и прибытия.

Социальное ухаживание, коммуникация между дифференцированными классами людей независимо от того, насколько эти

люди символизированы, является основным социологическим феноменом в искусстве. Произведение искусства в своих чисто социальных проявлениях выражает различия в социальных условиях, но оно одновременно преодолевает различия с помощью *символов общественной интеграции*. Различия могут носить возрастной характер, как в «Алисе в стране чудес»; половой, как в «Любовнике леди Четтерлей»; расовый, как в «Сыне Америки»; но устранение этих различий происходит с помощью символов социальной иерархии. Даже «сексуальная» драма, подобная «Любовнику леди Четтерлей», не может быть понята без учета статуса. Половая импотенция имеет место не в результате одних только биологических или физиологических факторов, но также и в силу социальных причин.

В комическом и трагическом искусстве перед нами формальное драматическое выражение проблем иерархии. Вышние должны создавать и поддерживать символы, которые увеличивают веру в их власть; низшие должны создавать и поддерживать символы, которые дают облегчение от бремени власти. Вышние должны быть величественными, низшие — лояльными. И на тех, и на других, однако, сказывается бремя власти. Высший должен быть великим, грандиозным; его грех — гордыня, и если ее не обуздать, то она будет стремиться проявить себя во все большей и большей степени. Низший должен быть смиренным и внимательным; его грех — неотесанность, отказ от полной и безграничной лояльности. И все же низший, если только он не верит действительно, что его высший обладает властью, в силу некоего, обязательного для них обоих принципа, должен негодовать на то, что он не может считать справедливым. Несмотря на самые лучшие намерения и безотносительно к наличию тщательнейшим образом сработанных символов все еще будут области, где величие и долг не соприкасаются. В случае такого фиаско необходимо призвать козла отпущения или шута. Величество должно очиститься, передав зло козлу отпущения. Смерть козла отпущения, труп злодея на сцене освобождает наше общество от его зла, и мы опять готовы следовать за нашими руководителями. Но рождение шута также является для нас облегчением, так как теперь мы знаем, что наконец можно сказать те вещи (смеясь), которые мы давно хотели, но не осмеливались сказать из опасения разгневать тех, кого обязаны любить, или тех, чье неудовольствие может причинить нам страдание.

Наши вожди также могут говорить через посредство шута такие вещи, которые нельзя было бы сказать серьезно без ущерба для их величия. Гордый вождь приказывает; он не просит. Победоносный вождь не может открыто признаться в неудаче. В смехе как вождь, так и ведомые откладывают в сторону свои торжественные маски преданности и веры, для того чтобы взять комическую маску сомнения и вопроса. Комедия раскрывает тайны, таящиеся в символах социальной связи; трагедия закутывает их. В великом комическом искусстве шут — это голос общины. Он превосходит как высшего, так и низшего, ибо может стать на точку зрения одного в отно-

шении другого, не делаясь ни слабым, ни дурным. Трагический герой, напротив, должен относиться к различию как к ереси и уничтожать его. Комический герой также убивает зло, но не с помощью ужасов политических преследований, а отдавая различия на суждение общины через посредство смеха. Когда мы вместе смеемся, мы не можем ненавидеть, так как в это время испытываем глубокое чувство братства в нашей общей беде. Смеясь, например, над чопорным джентльменом, упавшим в бассейн, когда он пятился от дамы, которой кланялся, мы чувствуем свое превосходство, так как его обязательный парадный костюм становится смешным в плавательном бассейне, а сложная церемонная пантомима, когда он приветствовал даму, закончилась неподобающим образом. Мы смеемся потому, что напряженность, вызываемая социальным положением, внезапно исчезает. Если в тот момент, когда, помогая промокшему до нитки плутократу вылезти из бассейна, мы сами тоже туда сваливаемся, то смех нарастает, невзирая на ущерб, нанесенный нашему плутократу официальному наряду, а следовательно, и на ущерб священности этого наряда. Поступая подобным образом, мы снова подтверждаем нашу совместную принадлежность к человечеству.

Будучи социологами, мы должны помнить, что на протяжении тысячелетий искусство предоставляло человечеству возможности уменьшать напряженность, вызванные социальным положением, до переносимых пропорций. Нам было бы довольно просто признать это и начать с утверждения, что все формы политического преследования (как трагические, так и комические) представляют собой лишь попытку восстановить, сохранить или создать условия, когда разделенность может быть преодолена с помощью трансцендентных символов связи. Изучение того, как великие художники достигают этого, могло бы дать социологам не меньше, чем использование Фрейдом искусства дало психоанализу.

П р и м е ч а н и е. Создавая видимость «объективности», воздавая «должное» Маркусу и Фрейду (один-де правильно отметил классовость искусства, а другой—его сексуальный характер), автор чудовищно искажает существо вопроса об отношении искусства к жизни. Во-первых. Признание классовости искусства—не единственный и не всеобщий принцип, характеризующий марксистскую теорию искусства. Она, кратко говоря, характеризуется по крайней мере следующими чертами: а) признание искусства особой формой общественного сознания, отражающего общественную жизнь в художественных образах; б) признание определяющей роли общественного бытия по отношению к искусству; в) признание сложности отражения искусством общественного бытия (опосредованный характер отражения, отражение через посредство образа и т. д.); г) указание на огромную активную роль искусства как средства познания, воспитания и действия, его обратное влияние на базис и другие стороны жизни; д) классовый характер искусства в классовом обществе; е) неразрывная связь искусства с жизнью; ж) народность подлинного искусства и т. д.

Что же касается взглядов фрейдистов на искусство, то они по всем этим пунктам прямо противоположны марксистским.—*Ред.*

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Burke Kenneth, *The Grammar of Motives*, New York, Prentice-Hall, 1945.
- Daiaches David, *The Novel in the Modern World*, Chicago, University of Chicago Press, 1939.
- Dewey John, *Art as Experience*, New York, Minton, Balch, 1934.
- Duncan H. D., *Language and Literature in Society*, Chicago, University of Chicago Press, 1953.
- Hauser Arnold, *The Social History of Art*, translated by S. Godman, London, Routledge and Kegan Paul, 1951, 3 vols.
- Johns-Heine, Patrick, H. H. Gerth, *Values in Mass Periodical Fiction, 1921—1940*, POQ, 13, Spring, 1949, pp. 105—116.
- Kohn-Bramstedt Ernst, *Aristocracy and the Middle Classes in Germany*, London, P. S. King, 1937.
- Schücking L. L., *The Sociology of Literary Taste*, London, Kegan, Paul, Trench and Trubner, 1944.
- Smith H. L., *The Economic Laws of Art Production*, Oxford, Oxford University Press, 1924.
- Sorokin P. A., *Social and Cultural Dynamics*, New York, American Book Co., 1937, vol. I.
- Tomars A. S., *Introduction to the Sociology of Art*, Mexico City, Mexico, no publisher given, 1940.
- Wolfenstein Martha, Nathan Leites, *Movies, A Psychological Study*, Glencoe, ill., The Free Press, 1950.

**КОНВЕРГЕНЦИИ
ПОГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ
С СОЦИОЛОГИЕЙ**

СОЦИОЛОГИЯ И РАЗВИТИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ОБЛАСТЕЙ НАУКИ

Адольф С. Томарс

В данной главе отнюдь не делается попытки дать официальную историю междисциплинарных движений, в которых участвовала и социология. Здесь в свете истории социологии дается лишь рассмотрение некоторых выводов на основе проявившихся междисциплинарных факторов.

Одно время социологи посвящали огромное количество энергии обсуждению сущности и целей социологии, выяснению того, чем она отличается от других дисциплин, является ли она общей или специальной наукой и т. п. Реакцией на это, в особенности в Америке, было стремление разработать науку социологии, а не дискутировать о том, что должна собой представлять социология, — пожалуй, довольно-таки характерная американская тенденция предпочитать исследование — теории и действие — размышлению. Хотя многое можно сказать в защиту этой склонности, она имеет и бесспорные недостатки. Следует признать, что наша наука добилась гораздо больших успехов в собирании эмпирических данных, чем в осмысленном упорядочении своего материала в связную структуру знания, то есть в дисциплину.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СВЕТЕ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

Независимо от чьих-либо личных склонностей периодически возникает потребность задать принципиальные вопросы относительно того, насколько направление той или иной науки соответствует ее декларируемой природе и целям, а также оценить текущую работу в свете исторических задач данной дисциплины. Избежать этого на длительный срок нельзя, какой бы упор ни делался на активизм.

Эта оценка становится особенно необходимой тогда, когда социолог занимается междисциплинарной деятельностью совместно с другими специалистами по социальным наукам. Подобное сотруд-

ничество неизбежно ставит вопрос о связи социологии с другими предметами и о природе и целях ее собственной дисциплины. Настойчиво выдвигаются также следующие вопросы. В чем специфический вклад социологии? В качестве кого сотрудничает социолог и на каких условиях? Соответствуют ли цели сотрудничества целям социологии?

Эти вопросы становятся все более неотложными, так как, к лучшему или к худшему, идея междисциплинарного сотрудничества находится на подъеме и количество и престиж междисциплинарных разработок все более и более возрастают на самых различных уровнях.

Академическое сотрудничество: интегрированный курс и комплексный факультет. Внимание в основном сосредоточивалось на таких междисциплинарных исследованиях, при которых социологи присоединяются к другим специалистам по социальным наукам для проведения совместного изучения какой-либо проблемы или цикла проблем. На другом уровне в недавние годы мы были свидетелями появления междисциплинарного курса, объединяющего несколько социальных дисциплин в «интегрированный» курс социальной науки. В отдельных случаях предпринимаются смелые попытки сочетать каким-либо путем материалы, но с сомнительным успехом. Многие из этих курсов являются междисциплинарными только в номинальном смысле, то есть несколькими дисциплинам обучают в одном курсе, возможно исходя из теории, что если четыре преподавателя, каждый из которых читает тот предмет, в котором он компетентен, не могут достичь интеграции, то, возможно, ее каким-либо образом удастся добиться одному преподавателю, ведущему четыре дисциплины, в трех из которых он некомпетентен.

Для этих курсов обеспечиваются междисциплинарные учебники. Но у нас давно есть междисциплинарный учебник в виде самой социологии. Во многих социологических учебниках содержатся огромные куски материала, взятого целиком из антропологии, социальной психологии, географии, экономики, государственоведения и т. п. Если судить по содержанию, то социология часто занимает лишь незначительное место в своих собственных учебниках. Еще много лет назад Говард Беккер охарактеризовал эту склонность как «академическую клептоманию», но это было еще до того, как термин «междисциплинарный» вошел в моду.

Существует также междисциплинарное университетское отделение, на котором социология является одной из нескольких дисциплин, составляющих отдельную педагогическую единицу, посвященную криминологии или социальному обеспечению, или проблемным исследованиям. Наконец, существует междисциплинарный факультет. В академическом отношении социология обычно выступала сначала как отделение в рамках более старого факультета, будучи младшим партнером экономики или государственоведения. В течение нескольких лет социология проявляла тенденцию выделяться в самостоятельный факультет; в последнее время снова

наметилась склоинность комплексироваться, чаще всего с антропологией. В большинстве случаев, однако, связь эта проявляется чисто административно, и каждый предмет идет своим собственным путем.

Рациональная сущность междисциплинарного движения. Имеется целый ряд самоочевидных причин нарастающей популярности идеи междисциплинарности. Наиболее часто выдвигаемые аргументы сосредоточиваются на концепциях интеграции в противоположность специализации (этой последней обычно предшествует прилагательное «узкая»), или на части против целого. Среди социальных дисциплин обособленность специализации должна быть парирована интеграцией дисциплин. Знания отдельных частей человеческого общества недостаточно; мы должны видеть единство общественной жизни и рассматривать человеческое поведение во всех его аспектах как тотальную конфигурацию.

За этими внешними причинами кроются внутренние концепции, выведенные опосредствованно из различных специальных источников или из общих ценностей, присущих атмосфере нашего мнения. Например, из прогрессивной педагогики проистекает идея, что желательно сломать перегородки между факультетами, имея в виду как конечную цель уничтожение педагогических предметов в качестве единиц обучения. Другой источник, сочетающийся с этим, берет свое начало в тенденции педагогов-администраторов, в особенности на уровне колледжей и университетов, рассматривать факультеты как окопавшихся бизнесменов, каждый из которых страшно завидует успехам другого, склонен к спорам о юрисдикции и совместно с другими сопротивляется административным поползновениям, создавая таким образом множество препятствий к педагогическим нововведениям, которые воплощены в предложениях, милых сердцу администраторов.

На языке многих администраторов слово «факультетский» стало дурным словом, а «межфакультетский» приобрело добродетельное звучание. Такое отношение легко переносится с факультета на те дисциплины, которые находятся в их ведении, и незаметно слова «дисциплинарный» и «междисциплинарный» начинают приобретать аналогичную полярность порока и добродетели. Нередко ученый, который печется о целостности и прогрессе своей дисциплины, обнаруживает, что на него с упреком смотрит административное око, считая его всего лишь отъявленным факультетским шовинистом.

Из общего этоса нашего общества проистекает представление о том, что кооперирование всегда превосходит изоляцию, а коллективная работа — единоличную; это представление легко переходит с отдельных лиц на целые дисциплины. С коллективной работой ассоциируется демократическая *camaraderie**. Индивидуальная работа несет на себе печать снобистской, аристократической исключительности. Нынешняя тенденция превозносить кооперированные

* *Camaraderie* (франц.) — товарищеские отношения. — Перев.

научно-исследовательские бригады, ставя их выше индивидуальных исследований, невольно заставляет задуматься о том, не будут ли в конце концов относиться к индивидуальному изучению какого-либо вопроса ученым, работающим в одиночку, с подозрением, как к своего рода онанизму, если не как к доказательству подрывной деятельности.

Замечательные достоинства кооперативной деятельности восхваляются столько же по причинам их эффективности, как и по причинам демократичности. Разве не гласит эгалитаристская пословица, что для любой проблемы ум хорошо, а два лучше, так что по аналогии при научных изысканиях две науки лучше, чем одна? Существуют и некоторые скрытые влияния, благодаря которым сейчас в моде идеи междисциплинарного сотрудничества, и социолог, будучи чувствительным к культурной атмосфере, не может не различать их.

Критика нынешних аргументов в пользу интеграции. Хотя некоторые из этих подразумеваемых идей в значительной степени достоверны, но остается также много места и для сомнений, например относительно весьма недостоверной процедуры, выражающейся в рассуждениях по аналогии, от людей к дисциплинам. Что же касается цели уничтожения предметов обучения, то независимо от ценности этого для начального образования распространение данного метода на высшее образование может угрожать целостности социальных наук как организованных дисциплин.

«Общее образование» стало лозунгом педагогического персонала колледжей. Здоровая реакция на бесспорную опасность сверхспециализации понятна. Но резкий переход от «изучения все большего и большего о все меньшем и меньшем» к «изучению все меньшего и меньшего относительно все большего и большего» может оказаться сомнительной мерой, создающей не менее страшные опасности. Это отнюдь не чисто педагогический вопрос, который не касается специалистов по общественным наукам. Будущих социологов в настоящее время готовят в колледжах. В науке столь юной и аморфной, как социология, будет ощущаться большая потребность в усилении ее автономной организации, а не в ослаблении ее.

Каковы бы ни были многочисленные обертоны, сущность вопроса заключается в выраженной «специализации против интеграции», или часть — целое, дихотомия в ее специальном применении к роли социологии в междисциплинарном сотрудничестве. Именно здесь мы должны поставить принципиальные вопросы о природе и целях социологии как дисциплины *vis-à-vis* к другим дисциплинам, когда они сотрудничают для достижения цели социальной интеграции и единства.

Эта цель полного охвата общественного целого часто выражается такими знакомыми фразами, как «политическое, религиозное, экономическое и социальное», для того чтобы показать широкий масштаб человеческого поведения. В этой фразе важно значение

слов «и социальное», так как оно относится к самой сущности тех вопросов, которые мы должны задать относительно междисциплинарного сотрудничества.

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ И ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ

На вопросы, касающиеся целей социологии, нет априорных ответов, они могут быть даны только в свете исторического развития дисциплины, в соответствии с тем, как она сформулировала свои цели. Здесь высказывается мысль, что социология развивалась двумя отдельными путями, один из которых можно назвать целенаправленным, а другой — случайным, и что с точки зрения каждого из этих путей междисциплинарное сотрудничество имеет разное значение и ставит разные проблемы.

Целенаправленное развитие социологии. Целенаправленная эволюционная история социологии преимущественно обнаруживается в развитии социальной теории как упорядоченного и систематического формулирования данной дисциплины. Эта история настолько хорошо известна, что можно сделать заключение в самой сжатой форме, намеренно свехупрощая ее фазы.

Социология началась с признания того, что необходимо предпринять столь же объективное изучение социального царства, как и царства природы. Это был контовский призыв к социальной физике. Социология должна была стать наукой об общественной жизни, исследованием всего, что происходит в обществе. Что касается уже существующих общественных наук (экономика, государственное устройство, лингвистика, сравнительная религия), то о них сложилось представление как о специализированных исследованиях, имеющих дело с частями общественного строя. Если бы любая мыслимая часть изучалась отдельной наукой, то коллективная совокупность специальных наук не составила бы науки об обществе. Все еще отсутствовала бы интеграция частей в органический социальный порядок. Социология должна была дать интегрированное целое. По спенсеровскому образцу социологию должны были считать синтетической наукой об обществе, цель которой — интегрировать весь корпус социальных наук в одну общую, энциклопедическую социальную науку.

На следующей фазе от этой цели отказались, как от недостижимой. Синтетическая общая наука не явилась бы подлинной наукой, она представляла бы собой невозможную свехнауку, требующую свехученых. Различные системы отсчета отдельных общественных наук не могли быть интегрированы в одну энциклопедическую единицу, по крайней мере цель была весьма преждевременной.

Цель была сформулирована заново. Социология все еще понималась как наука об обществе, но общество и социальное были определены заново как структура социальных отношений и групп.

Социология должна была заниматься не всей культурной областью всех событий социальной жизни, но лишь природой, формами и процессами межчеловеческого поведения — институтами и группами, как таковыми. Социология стала специальной наукой в своих собственных особых границах, и тем не менее она осталась общей интегрирующей наукой в том смысле, что изучаемая ею социальная структура является основной и проникающей в предметы всех других социальных наук. Не экономика qua экономика и не религия qua религия, а экономические и религиозные институты и группы как типы социальных структур находятся в центре внимания. При этом вспоминается Зиммель, который главным образом осуществил эту переформулировку.

Это не означает, что прочие общественные науки тем самым становятся отраслями социологии, но изучаемый ими материал может войти в ее сферу. Так, Макс Вебер предвидел, что, помимо общей социологии, возникнут различные специальные социологии экономики, религии или искусства, причем все эти области будут изучаться в широких концептуальных рамках социологической теории, что даст возможность связать их со всей социальной структурой и друг с другом. Такова была великая традиция систематической социальной теории, которой следуют такие современные теоретики, как Макивер, Знанецкий, Визе, Беккер, Парсонс и др.

В свете этой целенаправленной эволюционной истории междисциплинарное сотрудничество между социологией и другими социальными дисциплинами выдвигает несколько неприятных вопросов. Социолог сотрудничает с представителями других дисциплин в поисках цели интеграции, той самой цели, которая является декларируемым предметом стремлений его собственной дисциплины! Он оказывается перед странной дилеммой; согласие на сотрудничество на равных условиях, по-видимому, явится отрицанием его роли как представителя дисциплины, претендующей на то, чтобы быть наукой об обществе. В фразе «политическое, религиозное, экономическое и социальное» социолог представляет собой хвостовой придаток «и социальное». Тем не менее в его собственной дисциплине «социальное» определяется как нечто более широкое и глубокое, чем все остальное, и, главное, как охватывающее их. Что же представляет «социальное» в сотрудничестве? Можно ли совместить несовместимое?

Представляются три возможности. Может быть, социология отказалась от своей декларируемой цели и уже не считает себя занятой созданием науки об обществе. Однако не имеется явных признаков того, что социологи отказались от своей претензии изучать основные социальные структуры и процессы, участвующие в любом социальном поведении. Учебники продолжают определять социологию как науку об обществе, хотя и в различных формулировках. Например, в одном из последних учебников социология определяется как наука о человеческих группах, причем подчеркивается, что хотя прочие науки изучают отдельные типы групп,

но только социология изучает человеческие группы, как таковые¹.

Есть и другая возможность: согласившись с тем, что имеются потребности в междисциплинарном сотрудничестве для достижения интегрированной позиции, социологи тем самым признают полную неспособность социологии осуществить свою собственную декларированную цель. Социологи могут даже принижать свои достижения, но опять-таки нет никаких признаков, которые свидетельствовали бы, что, по общему мнению, мы не добились никаких успехов в разъяснении природы общества.

Остается третья возможность. Может быть, социологии просто не удалось убедить других в реальности своих целей и в своих успехах на пути к их достижению; это говорит о неудовлетворительности внешней информации. Спрятав свой свет под спудом, социолог оказывается перед дилеммой, когда ему предлагают включиться в междисциплинарную работу. Отказаться от сотрудничества, мотивируя это тем, что он уже работает ради этой цели в рамках своей собственной дисциплины, означало бы наложить на себя клеймо ученого сноба. Если же он будет диктовать условия, настаивать, что обладает широкой концептуальной системой, в рамках которой должны работать и другие, то это значило бы, что он ищет научной гегемонии, отказываясь играть, если его не сделают капитаном команды, что он грубый парень, недостойный демократического братства ученых. Поэтому он хранит молчание и кротко принимает двусмысленную роль представителя «и социального».

Но, как бы то ни было, представляется, что в свете целенаправленной эволюционной истории социологии междисциплинарное сотрудничество ставит социолога в затруднительное положение.

Случайное развитие социологии. Как же обстоит дело с данной ситуацией с точки зрения другого пути, по которому развивалась социология, того пути, который здесь назван ее случайным развитием? Этот исторический процесс можно резюмировать очень кратко.

Социология вступила на академическую сцену как выскочка среди более старых и прочно окопавшихся социальных дисциплин и вскоре проявила тенденцию присваивать и разрабатывать те проблемные участки и социальные области, на которые другие науки либо не претендовали, либо оставляли их как бы под паром. Эта тенденция нашла свое выражение в эмпирических исследованиях и курсовой специализации. Развитие является случайным в том отношении, что критерий отбора, по-видимому, сводится почти исключительно к тому факту, что какая-либо область еще не изучалась другой дисциплиной.

Действуя подобным образом, социология захватила большие области демографических исследований и социальной статистики. Изучение иммиграции и ассимиляции, распространяясь также на

¹ Ronald Freedman et al., *Principles of Sociology*, New York, 1952, pp. 2, 4.

расовые отношения и на группы меньшинств, криминологию, урбанизацию, человеческую экологию, брак и семейные отношения. Последняя из названных областей не затрагивалась в колледжах, видимо потому, что, поскольку сюда входили вопросы пола, она считалась опасной. Социологи ринулись туда, куда другие боялись ступить, и вскоре, когда атмосфера общественного мнения изменилась, в их руках оказался не только не опасный, но даже самый популярный предмет университетского курса.

ПОТРЕБНОСТЬ ВО ВНУТРЕННЕЙ ИНТЕГРАЦИИ

В силу такого исторического развития социология стала скоплением специальностей по общественным наукам, слабо связанным друг с другом, без теоретической интеграции в одну всеохватывающую дисциплину, вследствие этого она обладала весьма малой систематической внутренней организацией. В основном развитие социологии происходило именно таким путем.

Большинство этих специальностей принадлежит потенциально к тем специальным социологиям, которые предусматривал Вебер. И все же, невзирая на несколько смелых попыток, вряд ли можно сказать со всей откровенностью, что какая-либо из них освещает свои материалы в духе специфически социологической точки зрения, основанной на концептуальных формулировках, являющихся отличительными чертами отрасли социологии. Мы знакомы с книгами по вопросу о браке и семье и с курсами, которые содержат минимум социологии с большими дозами чистой психиатрии, права, демографии, психоанализа, антропологии и отечественной экономики и которые вполне законно могли бы подойти и под другие рубрики, помимо социологии. В каком смысле является это законной специализацией в рамках социологической дисциплины? Мы можем радоваться тому, что социология стала разрабатывать эту важную область, но трудно гордиться тем обстоятельством, что данная область является социологической только потому, что социолог стал заниматься ею «самым первым» и посвятил ей «самые всеобъемлющие» курсы.

В свете этого случайного исторического развития социологии междисциплинарное сотрудничество предстает в ином аспекте; трудности, о которых говорилось выше, не возникают, но тем не менее некоторые затруднения налицо. Социолога приглашают сотрудничать в качестве технического эксперта по определенному комплексу проблем, а не как представителя определенной дисциплины. Его профессиональная квалификация не обязательно связана с тем, что он является социологом. Просто он обладает информацией, которую не приобрел никто другой.

Когда фраза «политическое, религиозное, экономическое и социальное» выражает то целое, которое представляет собой цель междисциплинарного сотрудничества, то ясно, что означает «и соци-

альное» в этих условиях, поскольку данная фраза может означать лишь политическое, религиозное, экономическое и все прочее, что осталось. Подобное сотрудничество вряд ли можно считать междисциплинарным в каком-либо реальном смысле.

Возможно, что интеграция, подобно благотворительности, должна начинаться у себя «дома». Мы полагаем, что для социолога междисциплинарное сотрудничество в поисках интеграции в какой-то мере преждевременно, пока социология не достигла интеграции среди своих собственных «расползающихся» и до сих пор еще не «переваренных» специальностей. Если это не будет осуществлено, то вполне может оказаться, что междисциплинарные науки захватят некоторые из наших собственных областей специализации. Не обязательно быть циником, чтобы признать как реальный факт, что стремление других дисциплин «урвать» некоторые из наиболее популярных социологических специальностей является по крайней мере одним из стимулов, лежащих в основе отдельных междисциплинарных направлений: достаточно обратить внимание на то значительное давление, которое оказывается в тех или иных университетах с целью сделать брачные и семейные отношения междисциплинарной областью специализации, изъав их из-под чисто социологической эгиды. Мораль и предупреждение самоочевидны. Тот, кто владеет каким-либо участком по праву первопоселенца, не позаботившись даже о законном оформлении документов, может в один прекрасный день оказаться неимущим.

СОЦИОЛОГИЯ В ВЕЛИКОМ ПРОЕКТЕ ОБЪЕДИНЕННОГО ЗНАНИЯ

Нынешняя агитация в пользу междисциплинарной деятельности далеко выходит за рамки простого сотрудничества по отдельным проблемам или даже по целым комплексам проблем. Цель, к которой стремятся многие, представляет собой ни больше, ни меньше, как великий проект, в котором все науки, занимающиеся изучением человека и его деяний, объединятся в одну единую социальную науку о человеке.

Все нарастающий энтузиазм к реализации этой грандиозной задачи в качестве ближайшей цели объединенных усилий общественных наук делает тем более необходимым, чтобы предпосылки, допущения и выводы подобного проекта были рассмотрены с величайшей тщательностью. Необходимым предварительным условием для этого большого скачка, предлагаемого с таким энтузиазмом, должна быть столь же большая предусмотрительность и длительное размышление.

Мы предполагаем дать здесь краткий анализ имеющих к этому отношению нескольких вопросов и выводов в связи со скачком к синтезу общественных наук. Это будут по большей части общие соображения, столь же касающиеся социологии, как и других дисциплин, но в нашем рассуждении мы попытаемся, когда это возможно, в первую очередь учитывать специфически социологические моменты.

РАЦИОНАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ВСЕОБЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

Нынешняя агитация в пользу междисциплинарного объединения достигла своей кульминации в недавно вышедшем сборнике под редакцией Джона Гиллина, озаглавленном «За науку о социальном человеке»². Если это заглавие выражает цель, которую ставил перед собой редактор,— создание междисциплинарной интегрированной науки, то работа шестерых авторов книги лучше характеризуется подзаголовком «Конвергенции в антропологии, психологии и социологии».

По два выдающихся специалиста от каждой из этих трех дисциплин оценивают соответственно влияние одной из других двух дисциплин на их собственную, делая упор на концептуальные интерпретации и на возможности дальнейшего синтеза. Так, Говард Беккер и Толкотт Парсонс рассматривают соответственно взаимосвязь антропологии и психологии с социологией. Подобные обзоры междисциплинарного перекрестного оплодотворения весьма ценны и подчеркивают то обстоятельство, что, несмотря на отсутствие какого-либо сознательного плана или намерения, «распределение по полочкам» нескольких дисциплин никогда не мешало их постоянному взаимопроникновению независимо от того, оказывались ли такие влияния полезными или вредными. Беккер, например, делает это чрезвычайно ясным, когда искусно излагает в сжатой форме сложную историю перекрестного оплодотворения между антропологией и социологией, а также прослеживает его различные пути в четырех различных странах³.

По замыслу редактора эти исторические обзоры являются подготовительными к благородной цели создания объединенной науки о человеке, идею которой он отстаивает. Не все участники сборника настроены столь же оптимистично, как редактор, относительно подготовленности наук к интеграции, и, хотя все они предусматривают объединение как конечную цель, некоторые явно относят ее осуществление к тому весьма отдаленному времени, когда произойдет некое божественное вмешательство. Гиллин, однако, считает объединение обязательным ближайшим шагом, почва для которого должна быть подготовлена без промедления; эту точку зрения разделяют некоторые из его соавторов. Он старается «выявить известные общие моменты и конвергенции, в особенности в теории, среди этих братских дисциплин и указать на многообещающие возможности, которые будут... способствовать дальнейшему развитию науки о социальном человеке». В силу того, что книга Гиллина так хорошо резюмирует определенную интеллектуальную тенденцию, находящуюся в данный момент на подъеме, она может служить

² John Gillin (ed.), *For a Science of Social Man, Convergences in Anthropology, Psychology and Sociology*, New York, 1954.

³ Howard Becker, *Anthropology and Sociology*, in Gillin, *op. cit.*, Chap. 5.

отправным пунктом для анализа известных предпосылок, на которых эта тенденция основывается.

Можно заметить, что «основными дисциплинами», интеграция которых должна привести к великому синтезу, являются здесь социология, антропология и психология. Поскольку данная предпосылка не обсуждается, она, по-видимому, считается самоочевидной. Явно отсутствуют экономика и государственное устройство, дисциплины, которые иногда считаются играющими немаловажную роль в изучении человека.

Можно различить подразумеваемый ход рассуждений. Экономическое и политическое давно уже отделились друг от друга, а политическое в свою очередь обособилось от социального. Вследствие этого данные две дисциплины стали весьма скромными в своих притязаниях, претендуя всего лишь на некоторые области социальной жизни и ограничивая свой интерес отдельными проблемами человека.

Социология, антропология и психология притязают на большее, каждая из них претендует или претендовала на то, чтобы быть наукой о человеке. Как уже отмечалось выше, социология претендовала раньше на то, чтобы включить в себя экономику, государственное устройство и другие специализированные общественные дисциплины, и до сих пор все еще считается, что социология лежит в их основе. Антропология включает в себя все науки о культуре, рассматривая экономическое, политическое и т. п. как области культуры; психология же давно считает себя именно той наукой, задача которой — изучение человечества. Таким образом, очевидно, предполагается, что если эти три дисциплины каждая в отдельности претендовали на то, чтобы быть наукой о человеке, то тогда общая наука о человеке обязательно должна существовать где-то между всеми ними, если только их можно совместить. Дополнительным элементом здесь может быть влияние антропологии, поскольку антропология, занимаясь так много первобытными народами, не имеющими по большей части комплексной политической структуры и обладающими экономикой, которую можно рассматривать, преимущественно исходя из их техники, имела тенденцию трактовать экономику и государственное устройство как «провинциальные», «ограниченные культурой» дисциплины (то есть ограниченные нашей культурой) и поэтому не находящиеся на одном уровне с дисциплинами, обладающими компаративной перспективой и достойными причисления к наукам о человеке, как таковым. Это замечание вряд ли придется по душе социальным теоретикам, занимающимся экономической и политической социологией и помнящим о том, что интерес к экономике и юридической науке Дюркгейма, Вебера и Макивера (достаточно упомянуть только несколько имен) был настолько компаративным, что охватывал все великие цивилизации мира.

Бросается в глаза также отсутствие истории среди тех братских дисциплин, которые должны совместными усилиями достичь единства. Поскольку мать всех общественных наук вряд ли можно

исключить по причине узости специализации, приходится искать другие возможные поводы. А не потому ли это, что история является скорее идеографической дисциплиной, чем подлинно номотетической наукой? Это, однако, опровергается тем вниманием, которое уделяется этнографии при оценке значения вклада антропологии. К этому вопросу нам придется еще вернуться. Здесь достаточно отметить, что основания для включения и невключения истории не обсуждаются.

Было бы логично предположить, что в любых предложениях относительно междисциплинарной интеграции первым шагом должно было быть определение того, какие дисциплины следует интегрировать и почему, как и что каждая из них внесет в великий проект. Если рассматриваемая работа типична для междисциплинарной тенденции, а, по-видимому, это так, то вряд ли можно сказать, что данной предварительной проблеме было уделено должное внимание.

НЕКОТОРЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕГРИРОВАННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

Каковы основные предпосылки для аргументации в пользу соединенных усилий для создания всеохватывающей социальной науки? Если рассматривать книгу Гиллина как типичную, то можно обнаружить два аргумента против науки о человеке: возражение, которое гласит, что человеческое поведение не поддается научному объяснению, и возражение, сводящееся к тому, что создание координированной социальной науки хотя и желательно, но преждевременно.

Первый аргумент, по-видимому, не имеет отношения к делу, представляя собой возражение против возможности создания любой социальной науки, как отдельной, так и интегрированной. Вторым аргументом, однако, попадает прямо в цель. В общем, все согласны, что желательна эвентуальная консолидация всех социальных наук в единый комплекс знаний о человеке, а в дальнейшем конечное объединение всех имеющихся знаний. Вопрос стоит только о готовности, и возражение предостерегает от преждевременных попыток к объединению, насколько это касается социальных дисциплин, так как это привело бы скорее к компрометации, чем к освобождению.

Опровержения. Опровергая это главное возражение относительно преждевременности, Гиллин выдвигает несколько аргументов: масштабы существующей конвергенции являются показателем готовности; междисциплинарное сотрудничество необходимо, так как общественные науки должны многому научиться друг у друга, и, наконец, потребность в интеграции в единую науку настоятельно необходима с социальной точки зрения.

Первые два из этих аргументов не разработаны и до некоторой степени неубедительны. Обзоры, сделанные шестью соавторами Гиллина, хотя эти ученые и указывают на некоторые значительные конвергенции, носят в данном случае пристрастный характер, по-

сколько целью являлось выявить конвергенции, а не подчеркнуть различия. Когда центр тяжести передвигается на межнаучный уровень, то заметный недостаток интеграции между школами и фракциями внутри отдельных дисциплин делает аргументацию в пользу межнаучной интеграции гораздо менее убедительной. Это даже наводит на мысль, что следующим шагом вполне могло бы быть решительное усилие для достижения большей степени самоинтеграции, прежде чем переходить к всеобъемлющей интеграции на еще более широком и более честолюбивом уровне. Эта проблема требует дальнейшего обсуждения, и позднее мы к ней еще вернемся.

Второй аргумент, в котором подчеркивается значение перекрестного оплодотворения, является неопровержимым, хотя и не вполне относящимся к делу. Социальные дисциплины многому научились друг у друга, и им предстоит научиться еще большему. В данном аргументе, однако, не проводится четкого различия между сотрудничеством в целях взаимного обучения и плодотворным сотрудничеством для создания всеобъемлющей науки. Для выполнения этой второй задачи наукам недостаточно научиться брать друг у друга такой материал, который они могут использовать в своих собственных целях; необходимо сначала научиться языку друг друга, а затем выработать общий язык, прежде чем начать возводить общую научную систему. В противном случае эта система превратится в вавилонскую башню. Гиллип вполне осознает эту проблему и весьма критически оценивает многие случаи нынешнего научного сотрудничества, когда не происходит подлинной встречи умов и не создается настоящей интеграции. И все же он, по-видимому, считает, что если будут поддерживаться открытыми в достаточном количестве межнаучные каналы коммуникаций для встречных потоков знаний, то в конце концов будет достигнута общая интеграция.

Именно третий аргумент с точки зрения практической необходимости является тем, на котором преимущественно основана идея объединенной социальной науки. Хотя непосредственная цель Гиллина — создание единого теоретического комплекса, он прежде всего стремится к тому, чтобы такая наука о социальном человеке дала достаточный комплекс знаний для разрешения неотложных социальных проблем человечества. Необходимость слишком настоятельна, и медлить нельзя; на карту поставлено самое существование человека. Общественные науки должны достичь прочного объединения, сравнимого с тем, которое существует среди физических наук, и времени терять нельзя. Положение слишком отчаянное, чтобы можно было вступать в мелкие препирательства относительно дисциплинарных границ, когда мир нуждается в знаниях, которое он мог бы использовать. То, что эта точка зрения стала трафаретной, так как об этом что ни день твердят социологи, педагоги и публицисты, не уменьшает ее значимости. Еще давно Г. Дж. Уэллс назвал это состязанием между образованием и катастрофой. В настоящее время точнее было бы назвать это стремлением социальной науки догнать физическую науку.

Нельзя отрицать, что эти соображения являются наиболее сильными стимулами, лежащими в основе нынешнего энтузиазма к дисциплинарной интеграции. Нельзя также отрицать, что цель их благородна, а побуждения заслуживают всяческой похвалы. Действительно, специалисты по общественным наукам были бы недостойными гражданами, если бы не чувствовали себя обязанными в эти смутные времена внести более значительный вклад на благо человечества. Но остаются все же некоторые привходящие допущения, которые требуют более тщательного рассмотрения; их достоверность должна быть поставлена под вопрос, как бы похвальны ни были основанные на них чаяния.

Основным допущением здесь является то, что все наши беды происходят из-за отсутствия связного и надежного научного знания о человеке и что, когда такое знание будет приобретено, оно будет использовано на благо человека. Хотя Гиллин — слишком искушенный автор, чтобы не осознавать опасностей «фетишизации науки» и намеренно отвергает такое стремление, но тем не менее ясно, что он обращается к социальной науке ради спасения человека. Это, по его мнению, представляет собой явную и важную истину. Всеобъемлющее и достоверное знание о человеке может быть использовано в социальных целях только в том случае, если оно будет в наличии. Это, однако, лишь частичная истина, так как наличие знания не дает гарантии того, что оно будет использовано. Вполне можно было бы утверждать, что если бы хоть частица знаний, уже полученная общественными науками в отдельности или коллективно, была разумно использована, то мир не оказался бы в таком ужасном положении. Надо сказать, что Гиллин сам где-то высказывает эту точку зрения, но не делает из нее всех выводов.

Складывается впечатление, что человечество в отчаянии обращает свои взоры на специалистов по общественным наукам, полагая, что, кроме них, никто не может предотвратить катастрофу, а те под влиянием угрызений совести создают законченную науку о человеке и в последний момент спасают положение; в такой картине в значительной степени содержатся элементы как наивного оптимизма, так и бессознательного высокомерия. Это, разумеется, старая платоновская мечта об интеллигенции, утопия, в которой философы являются королями, а короли — философами (вместо «философы» читай здесь «специалисты по общественным наукам», а вместо «короли» — «государственные деятели»). И, несмотря на весь опыт, никогда не умирает убеждение в том, что если только философам удастся усовершенствовать свою философию, то они обязательно станут королями или уж по крайней мере советниками королей.

Применение научного знания. Имеется еще более фундаментальное и более вызывающее тревогу соображение, которое необходимо беспристрастно рассмотреть. На самом деле вопрос не в том, использует общество социальную науку или не использует, а в том, *как* использует. А рассмотрение целей, для которых используется наука, их мудрость или глупость приводит нас сразу же к вопросам

морали и этики, к тем областям, которые совершенно не входят в компетенцию и власть ученого.

Урок для специалистов по общественным наукам наглядный, если и не очень приятный, и его, несомненно, следует предпочесть утешительным иллюзиям. Если специалисты по ядерной физике не являются сегодня счастливейшими из людей, то отнюдь не потому, что общество не сумело использовать их знания. Давайте предположим, что единая социальная наука, к которой так пылко стремятся, возможна в ближайшем будущем и что достоверный комплекс знаний о человеке, позволяющий достичь высокой точности предсказания и управления, может быть создан, скажем, к 1984 году. В какой мере специалисты по общественным наукам могут быть уверены, что у них благодаря этому будет повод для ликования? Специалисты по общественным наукам должны быть в состоянии реалистически отнестись к такой возможности.

Если взгляд на социальную науку как на спасение складывается из высокомерия и оптимизма, то следует признать, что противоположный взгляд, выдвинутый здесь, может повлечь за собой элементы трусости, а также сострадания и легко привести к выводам столь же высокомерным и ложным. Здесь не предлагается, чтобы специалисты по общественным наукам узурпировали право выносить решения о предоставлении или непредоставлении знаний в соответствии со своими прогнозами относительно их возможного применения и своего собственного взгляда на такое применение. Наше мнение таково, что если всеобъемлющая наука о человеке не является сейчас или в ближайшем будущем реальностью, то специалисты по общественным наукам должны быть в состоянии отнестись к такому положению с терпением и спокойствием, не лишенными, пожалуй, некоторой доли облегчения. Физическая наука неслыханно расцвела, и мир поставил себя под угрозу атомной бомбы. Мы можем желать, чтобы социальная наука расцвела так же пышно, но при этом мы должны полностью и бестрепетно сознавать, что могут быть ужасы куда более худшие, чем атомная бомба.

Ученый *qua* ученый занят поисками и расширением знаний, а также сохранением условий, позволяющих и облегчающих такие поиски. В этом *его* ответственность. Как общество использует его знания — этого он не может ни контролировать, ни предвидеть и знает об этом не больше других граждан. За это он не несет ответственности, и это не входит в его компетенцию. Здесь он, как и другие, должен идти на риск, полагаясь на мудрость или безумие людей.

Эти соображения подчеркивались здесь потому, что идея о замечательной новой тотальной науке о человеке, действительно необходимой для избавления его от зол, является как прямо, так и косвенно главным стимулом, лежащим в основе все нарастающего энтузиазма к дисциплинарной интеграции. Если этот взгляд будет продолжаться существовать, то необходимо, чтобы были рассмотрены все проистекающие отсюда выводы и чтобы все те, кто придерживается этого взгляда, не имели никаких иллюзий.

ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ МНЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ИНТЕГРАЦИИ

Помимо практических поводов, имеются важные вопросы, связанные с теоретической возможностью междисциплинарной интеграции. Эти вопросы концентрируются вокруг основной проблемы готовности общественных наук к концептуальному единству и, по-видимому, недостаточно изучаются.

Одной из причин подобного положения вполне может быть то, что восторженные сторонники интеграции сумели охарактеризовать свои взгляды как «передовые», «прогрессивные» и «широкие», в то время как инакомыслящие становятся «узкими специалистами», «роботами» или «реакционерами». Это привело к заглушению скептицизма, который выражается чаще всего в молчании, осторожном согласии или минимальном энтузиазме. Тем более примечательно видеть выдающегося ученого, поднявшего свой голос для яростного протеста против модного ныне течения, а именно так поступил антрополог А. Л. Кребер в своей недавней статье⁴. Он не останавливается перед тем, чтобы указать на фетишистскую ценность, которую приобрело слово «интеграция», и напомнить нам, что, хотя признание интеграции там, где она существует, является первоочередной задачей, мы в такой же мере обязаны и признавать ее отсутствие там, где ее нет или она не обнаружена⁵.

В навязчивой тяге к интеграции как к современному лозунгу Кребер выделяет вненаучный и эмоциональный элемент, своего рода инфантильный монизм, имеющий тенденцию к простоте единства при наличии комплексного плюрализма реальности,— нечто вроде пантеистической веры в единство, которая является скорее религиозной, чем научной.

В качестве антрополога Кребер занимается тем конкретным аспектом человека, который называется культурой, и считает ее базирующейся на обществе и личности. Он не против того, чтобы приступить к осуществлению конечной цели установления связи между культурой, обществом и личностью, при условии что это не будет отвлекать или мешать дальнейшему изучению культуры. Но так как он полагает, что общественные науки только еще начинают понимать свои собственные отдельные области, то он явно боится, что произойдет такое отклонение, когда эмоциональная тяга специалистов по общественным наукам, по-видимому несущихся во весь

⁴ A. L. Kroeber. The Knowledge of Man (доклад, подготовленный к V конференции по случаю двухсотлетия Колумбийского университета. «The Unity of Knowledge», октябрь, 27—30, 1954 года). Поскольку правилами конференции запрещено цитирование неопубликованных докладов, то приходится прибегать к парафразе.

⁵ Интересно, какую поддержку получила бы книга, написанная в противовес книге Гиллина и рассматривающая разногласия, дивергенции и несопоставимости среди социальных дисциплин. Будучи негативной по своей направленности, такая работа была бы весьма ценной для тех, кто интересуется интеграцией. Одной из основных догм все еще является утверждение, что при проверке гипотез отрицательные результаты столь же важны, как и положительные.

опор к интеграции, не только не продвинет их дисциплины к подлинному концептуальному единению, но скорее окажет регрессивное и оглуляющее воздействие на все эти науки. И он снова предостерегает, напоминая, что анализ столь же важен, как и синтез, и что именно благодаря анализу настоящий синтез становится возможным и осмысленным.

Для дисциплин, находящихся на ранней стадии своего развития, характерно то, что они пытаются предпринять общую фронтальную атаку на свои явления, атаку, которая обычно бывает неэффективной из-за своего расплывчатого характера. Тогда вырабатываются отдельные методы для изучения отдельных аспектов явлений, и именно благодаря этой изоляции хаотическое единство примитивных явлений опыта распадается на дифференцированные комплексы достоверного знания. Эти комплексы затем постепенно связывают друг с другом и интегрируют при последовательно все более широких принципах организации.

Кребер прослеживает этот процесс в развитии биологической и химической наук и считает, что нынешнее состояние общественных наук можно сравнить с состоянием биологии и химии примерно в 1700 году, то есть когда они находились все еще в относительно недифференцированном состоянии, пытаясь одновременно провести тотальные фронтальные атаки на свой предмет и не имея даже основы для удовлетворительной таксономической организации своих данных. Таким образом, даже факт агитации за интеграцию в тотальную науку о человеке становится сам по себе свидетельством незрелости социальных дисциплин.

Кребер выступает в первую очередь как антрополог, и возможно, что его оценка научной незрелости менее справедлива в отношении социологии, чем антропологии. Именно для антропологии был особенно характерен тотально-фронтальный холистический подход к изучению человека. Область, на которую она претендовала, включала бы в себя все общественные и все гуманитарные науки, и все они рассматривались бы как специализированные подобласти культуры (специальная область, именуемая «социальной организацией», была отведена социологии) вместе с большими разделами биологических и географических наук в применении к человеку и его окружению, равно как и к дочеловеческим формам. Сам Кребер последовательно старался уменьшить роль биологического и естественнонаучного аспекта, с тем чтобы ограничить антропологию изучением культуры; однако для стороннего наблюдателя это ограничение выглядит так, как если бы он ограничивался тем, что привязывал свой фургон не к самой дальней звезде, а только к ближайшей. Социология, начав с почти столь же грандиозных претензий, постепенно заново определила себя в рамках более ограниченной и более четкой теоретической области.

Можно отметить, что этот сверхширокий охват не вызывал серьезных трудностей до тех пор, пока антропология сосредоточивала свое внимание на первобытных культурах. Они не только были

достаточно малы как единицы, давая возможность применять холистический, конфигурационный (configurational) подход, но, кроме того, их игнорировали прочие специалисты по общественным наукам, едва ли подозревавшие об их существовании. У антропологов не было иного выбора, как стать своими собственными историками, экономистами, государствоведами, социологами, специалистами по религии, лингвистами, экологами, анатомами и антропометристами.

Возможно, таким образом, что креберовские филиппики относительно отсутствия адекватной системы классификации касаются в меньшей степени социологии, чем антропологии. Социологическая теория достигла здесь некоторых успехов, в особенности в разработке категорий социальных групп и в различении основных социальных особенностей таких противоположных полюсов социальных структур, как те, которые существуют в простых и сложных обществах (*Gemeinschaft* — *Gesellschaft*, народно-городской, церковно-светский, коммунально-ассоциационный и т. п.).

Действительно, может показаться, что антропология оказала на социологию отрицательное влияние, поскольку неспособность антропологии разработать убедительную классификацию культур явно проистекает из того обстоятельства, что такие классификации по своему происхождению связаны со стадиями эволюции. Отбросив ранние социологическо-антропологические теории однолинейной эволюции, антропологи, по-видимому, выплеснули вместе с водой все — ребенка, таз, мыло и полотенце, например «эволюцию» как организующее понятие и систематическую попытку культурной классификации. В той мере, в какой социология прониклась таким представлением, что явно произошло, это служит примером междисциплинарного влияния, оказывающего по крайней мере сомнительное, если не пагубное, воздействие⁶.

Невзирая на относительную незрелость различных дисциплин, остается в силе то обстоятельство, что стремление к целостности, присущее по большей части тяге к интеграции, само понятие о целостной истине, одновременно социологической, психологической, экономической, культурной и т. п., представляет собой воззрение, которое является квазирелигиозным, вненаучным и даже антинаучным. Полная истина — это нечто такое, чего ожидают от богословов в церквях и от свидетелей в судах, но не в науке, где все истины являются частичными, ограниченными, относящимися к определенной системе отсчета, достигнутой в результате создания замкнутых

⁶ В целом ряде наблюдений Кребера проявляются антропологические взгляды на социологию, неприемлемые для социологов. В докладе (подготовленном для конференции в Колумбийском университете, о которой говорилось выше) под заглавием «Комментарии к докладу профессора Кребера» Толкотт Парсонс выступает против некоторых из них. Так, он показывает, что вывод Кребера о том, что и социология и психология изучают скрытое субкультурное взаимодействие, имеющее место на субчеловеческом уровне, сделал бы культуру единственной бесспорно человеческой областью, а тогда уж антропология осталась бы в качестве единственной науки о человеке как человеке.

систем, в которых то, что включено, приобретает смысл именно благодаря тому, что исключено. Ответы возможны только потому, что не разрешается задавать все вопросы сразу.

ЗРЕЛОСТЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ИНТЕГРАЦИИ

Только по мере того, как системы развиваются, они могут вступить в более близкое соприкосновение друг с другом в более широких системах, внутри которых все составляющие системы становятся на свое место как особые случаи. Там нет кратчайших путей. Проблема в том, чтобы найти различие между ранней и зрелой фазами процесса. Появление интеграции или целостности, наблюдающееся на ранних фазах, происходит в силу того обстоятельства, что дифференциация еще не произошла. Подлинная интеграция зрелой фазы является результатом дифференциации, делающей возможными органические взаимосвязи внутри более крупных структур, как, например, когда астрономия и механика интегрируются в ньютоновский синтез и подпадают под действие системы счисления общих законов движения. Переход к последовательно более широким сферам взаимосвязей отмечается творческими формулировками великих синтезирующих умов, таких, как Ньютон, Дарвин, Эйнштейн.

Почти не существует разногласий относительно того, что по сравнению с естественными науками общественные науки находятся на ранней фазе научного развития, с точки зрения систематической организации и интеграции далеко отстав от зрелого теоретического развития физической науки. Однако социальным дисциплинам нет повода этого стыдиться. Развиваясь как дисциплины преимущественно на протяжении последних шестидесяти лет или около того, в отличие от во много раз более длительного этапа развития физических наук, и имея дело с особенно сложными и неподатливыми материалами, они достигли значительных успехов, внеся некоторый порядок в сумятицу человеческих явлений.

Забавно, что некоторые из тех, кто больше всего кричит о «примитивном» и «отсталом» состоянии социальных наук по сравнению с физической наукой,— это именно те самые лица, которые хотят, чтобы социальные дисциплины взялись за всеобъемлющее объединение, для чего необходима зрелость развития, такая же, как у физических наук. Неким кратчайшим путем, именуемым междисциплинарное сотрудничество, социальные науки должны как-то умудриться поднять себя сами за «шиворот» и вступить в стадию всеобщей интеграции, лишь недавно достигнутой физической наукой и еще далеко не завершенной. Предполагается, очевидно, что посредством некоего волшебства, присущего междисциплинарной коллективной работе, социальные науки породят Эйнштейнов еще до того, как они обрели своих Ньютонов. Опасность таких кратчайших

путей не только в том, что они иллюзорны, но и в том, что попытки навязать интеграцию тем дисциплинам, которые еще к ней не готовы, вполне могут внести смятение и уничтожить их шансы на упорядоченное внутреннее развитие.

Это особенно относится к нынешнему положению в социологии. Многие современные социологи, отрицательно реагируя на ранние незрелые попытки развития социологической теории в широком масштабе и без соответствующей фактической основы, отвернулись от всякой общей социальной теории. Умышленно ограничивая себя «теориями среднего ранга» относительно низкого порядка абстракции и тщательно придерживаясь эмпирических данных, они рассчитывают, что посредством какого-то постепенного процесса накопления такие теории, возникающие из конкретных исследований, сами сгруппируются в некий комплекс социологической теории общества.

Против этих «эмпириков» выступают «теоретики», подчеркивающие значение более широкой систематической теории в качестве необходимого фундамента для направления и интеграции эмпирических исследований, которые путем создания основных гипотез и ориентирования исследований на принципиальные эксперименты воспрепятствуют фрагментации социологии на отдельные сегменты и распылению научно-исследовательской работы на относительно пустяковые проблемы. В настоящее время это расхождение во взглядах является основным предметом спора среди социологов и имеются признаки, что rapprochement* уже не за горами, причем «эмпирики» все больше осознают необходимость более широкой теории, а «теоретики» все больше сосредоточиваются на возможностях эмпирического подтверждения. Было бы весьма прискорбно, если бы как раз тогда, когда это положение стабилизируется благодаря новой попытке создать систематическую социологию, все перевернулось вверх дном вследствие значительного отвлечения сил с целью добиться еще более широкой всеобщей интеграции социологической теории со всем диапазоном социальных дисциплин. Мало вероятно, чтобы социологи захотели отвлечь свое внимание на массовое сотрудничество с другими дисциплинами для создания науки о человеке, в то время когда они начинают учиться тому, как плодотворно сотрудничать друг с другом, создавая более здоровую дисциплину социологии.

Отсутствие внутренней интеграции в специфически общественных науках. Решающим доказательством (если такое доказательство требуется) того, что общественные науки не готовы к интеграции и объединению, является отсутствие у них внутренней интеграции в систематизированные дисциплины. До тех пор пока такая самоинтеграция не продвинется гораздо дальше, пока каждая дисциплина не определит свои границы более четко, вопросы о дальнейшей междисциплинарной интеграции представляются весьма и весьма преждевременными. Общее дело создания единой науки вряд ли

* Rapprochement (франц.) — сближение. — Перев.

может быть успешным, пока каждый из участников не будет в состоянии точно определить характер своего личного вклада.

В отношении внутренней организации всех общественных наук имеется ряд непреодоленных трудностей. Несмотря на весьма серьезные проблемы такого рода, социология представляется почти единой по сравнению с предметом, находящимся в таком шизоидном состоянии, как психология, которой еще предстоит определить, является ли она биологической или общественной наукой и изучает ли она психический строй отдельно, независимо от этих двух наук.

Можно предположить, что все общественные науки в течение некоторого времени будут полностью заняты разрешением этих внутренних проблем, до тех пор пока *междисциплинарная* интеграция не продвинется настолько, чтобы оправдать междисциплинарную интеграцию. Те, кто убежден в нынешней готовности общественных наук и в неизбежной в ближайшее время их унификации, — это люди крепкие в вере, подобные первым христианам, убежденным в неизбежности второго пришествия. Следует сказать, что в данный момент верующие не должны отказываться от своей веры, им надо только переделать свое расписание.

Циник, возможно, стал бы подозревать, что частично энтузиазм к общей междисциплинарной науке проистекает из признания неудачи, а также из желания уклониться от этих проблем внутренней организации, как если бы после примирения с неудачей в определении четких границ отдельных дисциплин было сделано предложение пренебречь всеми границами и предоставить каждому бросаться куда угодно, устроив гигантскую «свалку» на всем попрание изучения человека. Вполне возможно, что здесь в какой-то мере проявляется бессознательное стремление избежать таким образом настоящей для общественных дисциплин необходимости уяснить свою собственную позицию и свое отношение друг к другу.

Междисциплинарная интеграция: связь между описательными и обобщающими концепциями. Вопрос, несомненно требующий уточнения, — это проблема отношения внутри каждой дисциплины между описательными и обобщающими аспектами. Иначе говоря, это можно сформулировать как отношение всех общественных наук к истории. Это тот вид междисциплинарного сотрудничества, который благодаря идеографическо-номотетическому отношению обязателен для всех дисциплин. Они все должны использовать в качестве сырья описание событий как прошлых, так и настоящих; сырье это составляет историю человечества и дает сведения, на основании которых можно абстрагировать и с помощью которых можно подтвердить общие положения. Тем любопытнее в таком случае то обстоятельство, о котором мы уже говорили выше, что большинство предложений относительно междисциплинарной унификации не включает в себя историческую науку и что междисциплинарное сотрудничество почти никогда не проводится при официальном участии историков, хотя именно здесь сотрудничество может оказаться наиболее плодотворным.

Это упущение, очевидно, является результатом влияния антропологии, в которой этнография играет весьма значительную роль, и поэтому антропология ставит себя в положение дисциплины, обеспечивающей описательные данные для общественных наук. Так, Мердок утверждает, что в богатствах, накопленных этнографией, антропология обладает «свидетельством относительно гораздо более широкого диапазона вариантов человеческого поведения, чем любая другая дисциплина. Она имеет доступ к тысячам экспериментов, осуществленных самой природой... экспериментов, относящихся к социальной и культурной жизни... которые невозможно воспроизвести искусственным путем. Они представляют собой идеальный окончательный испытательный полигон для теорий человеческого поведения...» Вследствие этого Мердок заявляет, что антропологии суждено «стать окончательным испытательным полигоном теории поведения в будущем... окончательным арбитром универсальности социально-научных положений»⁷

Социологам трудно согласиться с этими претензиями. Описательные богатства, накопленные антропологией, оказались весьма полезными для многих компаративистских целей. Но с точки зрения социологии они имеют лишь ограниченное применение вследствие того, что эти материалы сами по себе ограничены, так как по большей части относятся только к 1) примитивным культурам и 2) современным культурам. Положения, которыми больше всего интересуется социология, касаются преимущественно сложных обществ и требуют временного измерения истории (а писаной историей обладают только сложные общества), для того чтобы выдвигать и проверять теории причинности и изменения.

Количественное богатство примитивных обществ не делает антропологический материал менее ограниченным. Меньшее число сложных исторических обществ дает более важные ответы на вопросы, поставленные социологией, чем любое число бесписьменных обществ. Для этих социологических вопросов история является столь же необходимой, как и для большинства общественных дисциплин. Может ли каждая общественная дисциплина лучше обеспечить себя собственными описательными материалами (своей «-ографией» в дополнение к своей «-ологии») или же все они могут питаться из общего фонда, предоставляемого исторической наукой, как таковой, — этот вопрос необходимо окончательно выяснить, до того как станет возможным адекватное объяснение взаимоотношений между общественными науками.

⁷ G. P. Murdock, *Sociology and Anthropology*, in Gillin, op. cit. pp. 29—30. Вопросы, связанные с использованием антропологических методов для изучения непримитивного общества и адекватностью этнографических данных в сравнении с историческими, рассматриваются в работах: Howard Becker, *Through Values to Social Interpretation*, Durham, N. C., 1950, pp. 106—110, 141—147; Robert Bierstedt, *The Limitations of Anthropological Methods in Sociology*, *AJS*, 54 (July, 1948), pp. 22—30; A. S. Tomars, *Some Problems in the Sociologists Use of Anthropology*, *ASR*, 8 (December, 1943), pp. 625—634.

Неофициальное перекрестное оплодотворение и его преимущества. История общественных наук категорически опровергает мнение о том, что дробление на разделы изолировало их друг от друга железными занавесами специализации. Междисциплинарное перекрестно оплодотворяющее влияние происходило непрерывно и, очевидно, будет ускоряться и без того, чтобы прибегать к оранжерейной выгонке, чего насильственно добиваются энтузиасты, стремящиеся к созданию науки о человеке, которая столь же претенциозна, как и преждевременна.

Независимо от того, будем ли мы считать, что объединенная наука уже начинает развиваться, или же рассматривать ее как весьма отдаленную возможность, нормальные междисциплинарные отношения и сотрудничество будут иметь место со всеми их несомненными выгодами, хотя это и сопряжено с известными опасностями, о которых необходимо предупредить. Это не было в прошлом одной лишь благодатью, подобно многим другим вещам, приносящим большие выгоды; междисциплинарное взаимопроникновение следует использовать с разумной тщательностью и осторожностью. В заключение уместно было бы отметить известные преимущества, упомянув и о тех или иных предосторожностях, которые необходимо соблюдать, и о том, каким образом неразрывно переплелись преимущества и опасности.

Бесспорным преимуществом, которое приносит междисциплинарное «братание», является возможность избежать ненужного дублирования и повторения открытий, что, например, имеет место, когда специалисты в области одной дисциплины «открывают» принципиальные формулировки и приходят к выводам, которые уже на протяжении ряда лет известны их коллегам — специалистам, работающим в другой области. Хотя ни одна наука не обладает монополией на приоритет, социологи с простительной гордостью могут указать на свои выдающиеся заслуги в этом отношении. Так, антрополог Мердок пишет: «...многое из того, что современная антропология восприняла от функционалистов, она могла бы на несколько десятилетий раньше узнать от американской социологии, если бы пожелала прислушаться к ней... урок, полученный от функционализма, заключался в том, что культуры и подкультуры органически связаны со структурными группами и подгруппами, являющимися их носителями, что было в социологии аксиоматичным, по крайней мере со времен... Саммера»⁸.

По словам Мердока, до появления в 1936 году книги Линтона «Изучение человека» («Study of Man») ни в одной американской работе по антропологии этот факт не признавался. Аналогичным образом психолог Смит, говоря о недавних достижениях в психологии, отмечает: «Одной из наиболее обнадеживающих особенностей современного положения... является возникновение... внутреннего единодушия относительно (концептуальной) модели, отвергающей

⁸ Murdock, op. cit., pp. 19—20.

бесплодную дихотомию изолированного индивидуума по отношению к разрозненной группе. Эта модель отнюдь не новая; Кули и Дж. Г. Мид высказывали основные положения еще в начале века. Но традиция, восходящая к Миду и Кули, длительное время оставалась частной собственностью социологов... сегодня... эти положения заново открывают со всех сторон...»⁹

Ньюком, выступая в качестве социал-психолога, при рассмотрении влияния на современную психологию различных социологов и их концепций индивидуально-групповых взаимоотношений, общественного «я», позиций-ценностей, статуса, роли и т. п. отмечает: «[Ч. Г. Кули]... с его спокойным и незащитным утверждением относительно неделимости «человеческой жизни» был запоздало открыт многими как психолог... На своем собственном уровне... получая удивительно незначительную помощь от психологии, микросоциологии двадцатых годов... разработали каркас для использования многих из наблюдавшихся фактов, условий и следствий взаимодействия между людьми. [До] конца сороковых годов психологи мало использовали эти потенциальные ценности»¹⁰.

Ньюком доходит даже до следующего утверждения: «Если бы для более раннего поколения социологов оказалось возможным разработать основы теории... которая была бы и достаточно полной и внутренне последовательной, то сама социология находилась бы на столбовой дорожке к объединенной науке о человеке»¹¹.

Теоретические тупики. Хотя и справедливо, что более тесное междисциплинарное общение между общественными науками могло бы с выгодой для них уменьшить число случаев, когда заново делались бы открытия, уже имеющиеся у каждой науки, но не менее справедливо и то, что мы не можем с уверенностью утверждать, что повторное открытие всегда бесполезно. То, что представляется как недостаток из-за растраты сил, может обладать собственными достоинствами и ценностью. Здесь можно различить два вида ценностей, которые мы можем обозначить терминами «диалектическая ценность» и «конвергенционная ценность».

Под диалектической ценностью подразумевается рассмотрение какого-либо вопроса в аспекте диалектики развития внутри какой-либо дисциплины до того момента, когда какая-либо отдельная концепция или формулировка приобретает значимость *с точки зрения этой дисциплины*, если даже другая дисциплина выработала данную концепцию или формулировку ранее применительно к своим требованиям. Иными словами, это означает, что ни одна наука не в состоянии с пользой для себя усвоить концепции другой науки, до тех пор пока она не готова воспринять их. По логике развития какой-либо отдельной дисциплины такое самостоятельное повторное открытие нельзя отбрасывать, считая бесполезной тратой сил. Для психологов двадцатых годов, старавшихся выбраться из тряси-

⁹ M. B. Smith, in Gillin, op. cit., p. 64.

¹⁰ T. M. Newcomb, in Gillin, op. cit., pp. 233, 236.

¹¹ Там же, стр. 230.

ны инстинктивизма только для того, чтобы плюхнуться в болото бихевиоризма, идеи какого-нибудь Кули вряд ли могли представить интерес. Можно подумать, что науки, подобно отдельным людям, могут учиться только на собственном опыте и только на собственных ошибках.

Противоположный случай, когда концепции заимствовались из другой дисциплины, до того как имел место такой диалектический процесс, приводил обычно к страшной поверхностности. Стоит только вспомнить о непродуманном и неглубоком использовании психиатрических и психоаналитических концепций социологами и антропологами, в особенности отдельными из последних, которые применяли методы племенного исследования к современным гигантским цивилизациям и беззаботно делали обобщения относительно национального характера на основании некоторых особенностей ухода за детьми, таких, как пеленание, отнятие от груди, воспитание привычки проситься на горшок и т. п., — «пеленочный детерминизм», как его называл Беккер.

Если заимствование концепций из другой дисциплины, до того как данная наука готова воспринять их, имеет своим следствием отрицание диалектической ценности через поверхностность, то это также отрицает конвергенционную ценность через единообразие. Иначе говоря, преждевременное заимствование концепций влечет за собой опасность превращения в чистейшую имитацию. Подобное имитационное единообразие препятствует перекрестно оплодотворяющей конвергенции, которая является желательным исходом междисциплинарных влияний. Конвергенция важна именно там и только в той степени, что она приводит к одному и тому же пункту назначения различными путями. Конвергенция подтверждает достоверность и может привести к значительной интеграции; единообразие же только «любуется» собственным отражением и может создать лишь иллюзию интеграции.

Существуют сильные внешние воздействия, иногда приводящие к имитационному заимствованию концепций и методов, несовместимых с логическим развитием той дисциплины, которая их принимает. Бóльший престиж, которым обладают ранее сложившиеся науки, может нередко оказывать такое давление, что проявляется, например, в известном чувстве неполноценности у специалистов по общественным наукам, чувстве, которое они испытывают, сравнивая достижения своих собственных, более молодых дисциплин с достижениями естественных наук; это относится также и к хорошо известной истории попыток имитировать концепции и методы естественных наук, хотя применимость этих концепций и методов сомнительна. Опасность здесь заключается в непроизводительном отвлечении сил и внимания от законных интересов, на которые указывает логика общественных наук, в результате чего развитие этих наук тормозится. Возможно, что молодые науки, подобно нарождающимся отраслям промышленности, нуждаются в своего рода протекционистской пошлине, которая предохраняла бы их от давления идей извне.

Хотя социологи справедливо могут гордиться тем, что другие дисциплины лишь теперь выдвигают плодотворные социологические идеи, такие, как положение, высказанное каким-нибудь Кули, столь же справедливо и то, что эта гордость не будет лишена некоторой примеси чувства вины. Ведь нельзя сказать, что социологи когда-либо уделяли этим плодотворным идеям сколько-нибудь значительное внимание и как-то способствовали их развитию; они преимущественно оставляли их, так сказать, под паром. Вполне возможно, что через посредство других дисциплин, таких, как психология, социология заново раскроет ту важную роль, какую сыграли ее собственные пионеры. Если так, то это также придется отнести к положительным ценностям междисциплинарного влияния.

Вненаучные факторы при прежних заимствованиях. Факторы престижа и неполноценности, несомненно, оказывали свое воздействие во многих случаях, когда общественные науки отвлекались от их собственных задач благодаря тому, что чрезмерно занимались концепциями и методами друг друга. В своем коллективном чувстве неполноценности по отношению к физической науке общественные науки старались пристально наблюдать друг за другом, причем каждая из них в какой-то степени опасалась, что другая напала на богатую жилу научного золота. Несомненно, что это являлось фактором, подстегивавшим междисциплинарное любопытство. Бесспорно, что многие социологи проявили тенденцию недооценивать свои собственные достижения, заимствовать и без нужды поддаваться влиянию психологических или антропологических концепций и методов, которые якобы обладают большей достоверностью. Подозрительность, вследствие которой чужие поля кажутся более зелеными и более богатыми, является, возможно, проявлением неуверенности, а последнюю удастся преодолеть в процессе созревания и междисциплинарного общения. По крайней мере одним из положительных результатов ускоренного междисциплинарного сотрудничества может явиться устранение подобного рода беспокойства, поскольку все сотрудничающие специалисты убедятся в своем общем обнищании и им станет ясно, что с научной точки зрения никто из них еще «не напал на золотую жилу».

Эта слишком человеческая озабоченность ученых приводит к тому, что происходит неизбежное отставание во времени при заимствовании материала из других дисциплин, вследствие чего идеи, когда они заимствуются, уже становятся старомодными в тех дисциплинах, откуда они взяты. Так, в тот момент, когда бихевиоризм уже выходил из моды в психологии, некоторые социологи носились с мыслью о создании бихевиористской социологии. Циник мог бы презрительно охарактеризовать этот процесс, сказав, что дисциплины берут отбросы друг у друга.

Однако и это явление также не следует предавать осмеянию, поскольку никогда нельзя предсказать, в какой дисциплине данная концепция может оказаться наиболее плодотворной. Те идеи и методы, которые не оправдали себя в одной области, могут сыграть

большую роль в другой. Пожалуй, классическим примером может здесь служить идея повторения, являющаяся по крайней мере современницей Вико. Несмотря на непрекращающиеся усилия, так и не удалось утвердить эту идею в качестве принципа для общественного или индивидуального развития в области социальной теории, истории культуры или психологии воспитания; тем не менее эта идея нашла применение в биологии, в области эмбриологии.

Важность разнообразия. Преимущества и невыгоды междисциплинарного сотрудничества столь неразрывно связаны друг с другом, что весьма трудно решить, когда это сотрудничество способствует творческому, стимулирующему перекрестному оплодотворению, а когда оно оказывает тормозящее, отвлекающее или какое-либо иное вредное действие на те дисциплины, на которые оно распространяется. И все же разрешить этот вопрос в состоянии только специалист в области общественных наук, если вопрос этот вообще может быть кем-либо разрешен. На протяжении многих лет социологи и антропологи изучали такие процессы, как изобретение и имитация, изобретение и диффузия, параллелизм, конвергенция, окультурирование (acculturation), ассимиляция и т. п. Все они относятся к междисциплинарным влияниям, и специалисты по этим процессам были бы в состоянии многое разъяснить здесь.

Существует один принцип, лежащий в основе всякого творческого изменения и новшества, — принцип этот почти самоочевиден, — а именно что изменение происходит благодаря взаимодействию различий. Таким образом, должно существовать два условия: 1) достаточное общение, которое обеспечило бы непрерывность взаимодействия; 2) достаточная изоляция, которая обеспечила бы сохранение различий. При отсутствии должного равновесия между факторами коммуникации и изоляции перекрестное оплодотворение произойти не может. Возросшая коммуникация требует большего, а не меньшего старания к сохранению различий.

В наибольшей степени это справедливо, когда перекрестное оплодотворение происходит между дисциплинами, так как в этом случае сохранение специфики каждой дисциплины является *sine qua non* для плодотворности их контактов. Предстоящее в будущем ускорение влияний, преодолевающих границы между дисциплинами, делает тем более необходимым, чтобы сами эти границы были четко определены, а усиление междисциплинарной коммуникации может само по себе помочь этому процессу, благодаря чему дисциплины уточнят свои взаимоотношения друг с другом (то есть те особенности, которыми они отличаются друг от друга).

Необходимость более четкого определения. Таким образом, здесь делается предположение, что наиболее ценным применением междисциплинарного сотрудничества было бы не устранение или стирание дисциплинарных границ, а новое определение, новое размещение и укрепление этих границ на более логичных и более осмысленных началах, причем внимание должно быть сосредоточено на подлинных различиях, которые законно разделяют общественные науки.

Это предложение вряд ли встретит теплый прием у энтузиастов движения за немедленное слияние и объединение, но важнее то, что подлинным камнем преткновения на пути к междисциплинарной интеграции является явное отсутствие самоинтеграции — потребность в более высокой самодисциплине, без которой расплывчатые конгломераты, именуемые общественными науками, не могут стать подлинными науками, а значит, и не готовы к дальнейшей унификации. Если общественные науки и имеют какую-либо ясную и неотложную задачу, то эта задача в настоящее время отнюдь не в том, чтобы приступить к строительству огромного дворца обобщенной науки, а в том, чтобы сначала каждый привел в порядок свое собственное жилище. Судя по всему, кажется, что это вряд ли будет легким делом, тем не менее за него необходимо решительно приняться, для того чтобы науки о человеке когда-либо достигли такой зрелости, когда их с полным правом можно будет считать науками о человеке.

Одним из важных результатов такой междисциплинарной «уборки» было бы признание, что многое из того, что в настоящее время считается интеграцией, мнимо. Нередко оказывается, что большие теоретические расхождения существуют между специалистами в одной и той же области, чем между представителями различных дисциплин. Иногда это восхваляется как признак междисциплинарной интеграции; скорее это следует считать свидетельством дезорганизованного состояния этих дисциплин.

Когда социолог обнаруживает, что приближается к психологу, то еще до того, как эту конвергенцию начнут восхвалять как *garrochement*, интеграцию или унификацию, следовало бы убедиться, не означает ли это просто, что социолог обращается к своему материалу с психологическими вопросами, а не с социологическими. Никто не должен осуждать это как государственную измену, но важно признать это. Можно до того «объэнтузиаститься» по поводу пересечения границ, что забудешь и о том, что если мы не будем в состоянии определить, где находятся эти границы, то мы уже не сможем узнать, когда мы их пересекаем.

Конкретным примером является нынешнее состояние социальной психологии — области, которая разрабатывается как в социологии, так и в психологии, хотя она все в большей степени тяготеет к последней. В настоящее время существуют два вида социальной психологии: социологическая социальная психология (микросоциология, по терминологии Ньюкома) и психологическая социальная психология. Если бы первая из них вошла в социологию, а вторая — в психологию, то различить их было бы нелегко, но по крайней мере это можно было бы логически оправдать. Беда в том, что в настоящее время и ту и другую можно найти в каждой из этих дисциплин¹². Если такого рода вещи не будут проверены путем

¹² В одном из известных автору колледжей социальная психология преподается в курсе психологии. На протяжении ряда лет она читалась обоим семестрам, но двумя различными преподавателями, один из которых тяготел к социологии, а другой — к индивидуальной психологии. Их курсы не име

тщательного повторного рассмотрения и повторного размещения границ, то существует отдаленная возможность, что недисциплинарный социально-научный рост будет идти в направлении не к интеграции, а к хаосу. (См. гл. 19, «Социальная психология и социология».)

Можно ожидать, что усиливающееся междисциплинарное сотрудничество даст возможность более легко определять, к какой из дисциплин рациональнее отнести тот или иной круг вопросов, как переместить существующие пограничные линии, чтобы они имели больший смысл, и какую территорию следует включить в укрепленные границы.

Интеграция. Фактическое осуществление подобной рефокусировки дисциплин в более систематические и в более связно организованные комплексы знаний, несомненно, встретит значительные трудности, если учитывать наличие крупных капиталовложений и укоренившиеся традиции, и ни одна дисциплина не сможет избежать необходимости некоторых мучительных переоценок. Интеграция любой из основных общественных наук встретит на своем пути такие огромные трудности, что эта задача представляется столь же иллюзорной, как проект объединенной науки.

Что касается психологии, то здесь одна из основных проблем интеграции будет связана с признанием психологии как биологической и как общественной науки; другая проблема — признание психологии как теории и как техники, а обе они повлекут за собой проблему различных школ и фракций на каждом уровне. Например, многие социологи привыкли считать социальную психологию одной из прикладных областей, такой же, как педагогическая психология или промышленная психология, в то время как другие считают ее особым теоретическим комплексом, а третьи — главной теоретической основой для большей части общей психологии.

Антропология, по-видимому, относительно свободна от проблем, влекущих за собой смешение теории и техники. В данном случае проблема будет заключаться в возможности нахождения некоего интегрирующего фокуса, какого-то определенного подхода в той области, которая в настоящее время является тоталитарной в своих всеохватывающих претензиях, включая в себя все общественные науки наряду с гуманитарными и достигая биологического уровня. Даже если физическая антропология будет выделена, то проблема нахождения определенного теоретического фокуса на включающем уровне культурного будет все еще представлять значительные трудности.

Напротив, социологическая теория, по-видимому, находится в лучшем положении, поскольку она уже миновала свою стадию всеохватывающих притязаний и постепенно, в своей центральной традиции, сосредоточилась на более конкретно очерченном и более доступном участке.

ли между собой почти ничего общего, и студенты выносили совершенно различные представления об этом предмете в зависимости от того, слушали ли они его в осенний или в весенний семестр.

Специфические проблемы. Но если социология и в большей степени поддается определению, чем антропология, то это относится лишь к формальной теории. Что же касается практического уровня исследовательской и преподавательской деятельности, то положение прямо противоположное. Несмотря на свою всеядную универсальность, антропология на практике ограничила себя определенным участком, сосредоточившись на примитивах — единицах достаточно малых для того, чтобы к ним можно было подойти с тотальных позиций, и не изучавшихся ни одной из других дисциплин. Антропологам не удалось доказать существование науки о человеке, они также не смогли окончательно создать подлинную науку о культуре. Но они, вне всякого сомнения, создали определенную науку о примитивной культуре. Когда же антропологи стали заканчивать изучение примитивов и начали обращаться к изучению гигантских современных цивилизаций, они увидели, что другие дисциплины их обогнали, и перед ними встала проблема отыскать для себя определенное место на практическом уровне.

Социология, как указывалось выше, невзирая на все возрастающую теоретическую концентрацию, сделалась все более раздробленной на практическом уровне, беспорядочно проникая в щели других дисциплин, до тех пор пока социологи не стали уже буквально «кишеть повсюду», а масштабы их исследований и преподавания в чисто социологическом аспекте стали удивительно малыми. Проблема интеграции повлечет за собой переоценку многих «расползшихся» специальностей, которые сейчас включаются в данную область, так как встает вопрос, в какой степени им можно придать социологическую ориентацию и законно отнести к социологии и в какой степени их упразднение может оказаться необходимым.

Это будет осложняться еще и тем обстоятельством, что некоторые из этих специальностей считаются теоретическими, а другие техническими и, как, например, в психологии, часто нет согласия относительно того, куда их следует отнести.

Эта задача переоценки, нового рассмотрения и нового определения областей общественных наук с целью сделать их более едиными, более интегрированными и более четкими, несомненно, явится геркулесовской, но трудно себе представить, как можно продолжать от этого уклоняться. Вступив в стадию систематизации и консолидации, общественные дисциплины продемонстрируют тем самым, что они достигли «совершеннолетия» как подлинные науки. До момента достижения такой зрелости нельзя будет готовиться к дальнейшему шагу в области междисциплинарной консолидации. Возможно, что в конечном счете различные общественные науки, действуя согласованно, составят гармонический оркестр, в котором каждый исполнитель будет вносить свою лепту в великий симфонический синтез науки о человеке. Но перед этим необходимо будет убедиться, что каждый артист овладел своим инструментом, познав его природу, его возможности и его ограниченность.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- airns Huntington, Sociology and the Social Sciences, in Georges Gurvitch and W. E. Moore (eds.), Twentieth Century Sociology, New York, Philosophical Library, 1945, Chap. 1.
- illin John (ed.), For a Science of Social Man, New York, Macmillan, 1954.
- aski H. J., The Danger of Obedience and Other Essays, New York, Harper, 1930, Chap. 6.
- gburn W. F. and Goldenweiser A. E. (eds.), The Social Sciences and Their Interrelations, Boston, Houghton, Mifflin, 1927.
- arsons Talcott et al. (eds.), Toward a General Theory of Action, Cambridge, Harvard University Press, 1951.

КУЛЬТУР-АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Ч. У. М. Харт

Можно считать, что после первой мировой войны антропология достигла значительного прогресса и пышного расцвета, если судить об этом, пользуясь обычными стандартами, как-то: количество специалистов, число мест в университетах, размеры и количество профессиональных обществ и профессиональных журналов. Менее официальные критерии свидетельствуют о том же. Один антрополог был выведен в качестве главного действующего лица в одной из бродвейских пьес, а другому антропологу в одном из голливудских кинофильмов Кларк Гейбл наставил рога. Пожалуй, окончательным доказательством того, что антропология действительно появилась на свет, является тот факт, что она была выделена фондом Форда в качестве одной из избранных бихевиористских наук. Если же, однако, мы начнем выбирать из огромной массы антропологической литературы, появившейся после первой мировой войны, то, что действительно относится к социологии, мы обнаружим, что значительную часть этой литературы следует сразу же исключить. Без всякого сомнения, необходимо исключить физическую антропологию и достижения археологии, а ведь нельзя отрицать, что прогресс антропологии за последние тридцать пять лет был достигнут именно в этих областях. Действительно, если мы примем «Антропологию» («Anthropology») Кребера 1948 года в качестве достоверного резюме современных знаний, то сравнение этой книги с «Антропологией» того же автора издания 1923 года показывает, что фактически весь прогресс в период между этими двумя датами имел место в физической антропологии или в археологии, или же удалось получить лучшие и более точные ответы на те вопросы, которые обычно задаются в этих подобластях.

Когда мы категорически утверждаем, а именно так мы и делаем, что прогресс в физической антропологии и в археологии не имеет социологического значения, то тогда нам остается только культур-антропология или социал-антропология. (Весьма неприятно, когда приходится писать «культур- (или социал-)» всякий раз, когда упоминается третий сегмент предмета, но для этого имеются доста-

точные исторические основания, как это станет ясно из изложенного ниже в данной статье.) Даже в этом третьем сегменте мы испытываем искушение исключить значительную часть. За последний год наиболее выдающимися трудами по общей антропологии (за исключением учебников для высших учебных заведений), которые появились в США, являются «Древо культуры» («Tree of Culture») Линтона, «История человека» («Story of Man») Куна и «Изнанка истории» («Back of History») Хоуэллса. Имеют ли книги такого рода социологическое значение? Они все весьма похожи по своей структуре и все твердо опираются на традицию истории мировой культуры, на ту область знания, которую Рональд Б. Диксон, Кребер и большинство немецких этнологов разрабатывали задолго до первой мировой войны; это область, на которую американская социология обращала весьма мало или совсем не обращала внимания как до первой мировой войны, так и после. Если мы сравним эти три книги с работой Диксона «Как складывались культуры» («Building of Cultures», 1928), то не увидим никаких изменений в теории, никаких изменений ни в проблеме, ни в использовании данных, ни в фокусе интереса, ни в подходе. Побудительным мотивом является откровенное желание узнать, что произошло в прошлом, в особенности в те эпохи, когда еще не было письменности, и в тех краях, где нет письменности. Проблемой по-прежнему остается простая задача реконструкции (на основании любых и всех имеющихся различных свидетельств) истории культур, не обладающих историей. Единственное, что необходимо для прогресса в этой области знания, — это дополнительные и более надежные факты. В силу того, что они обладают большим количеством фактов, чем их предшественники, Линтон, Кун и Хоуэллс в состоянии дополнить работы Диксона или Кребера, относящиеся к 1923 году, или Бастиана, или Гребнера. Книга такого типа представляет собой историю культуры, а историки культуры, подобно ортодоксальным историкам, являются просто собирателями фактов, на чей неизменный вопрос «Что произошло?», даются тем лучшие ответы, чем больше фактов накапливается со временем и чем больше увеличивается количество сотрудинок¹.

Бурный расцвет истории культуры за последнее тридцатилетие, о чем свидетельствует прогресс, достигнутый за период от Диксона до Куна или Линтона, должен был бы внести некоторое смятение в умы культур-антропологов (или социал-антропологов). Возможно, что антропология культуры может развиваться дальше *только как история культуры*. Несомненно, что многочисленным критикам истории культуры из числа тех, кто работает в области антропологии, придется весьма туго, если они захотят продемонстрировать

¹ A. L. Kroeber, *Anthropology*, New York, 1923 and New York, 1948; R. B. Dixon, *The Building of Cultures*, New York, 1928; C. S. Coon, *The Story of Man*, New York, 1954; W. W. H. Wells, *Back of History*, New York, 1954; Ralph Linton, *The Tree of Culture*, New York, 1955. Подробное сравнение двух изданий (1923 и 1948 гг.) работы Кребера можно найти в рецензии Харта. См. *AJS*, 54 (1949), pp. 572—574.

столь же внушительные успехи в тех областях знания или в тех системах отсчета, которые они выдвигают в качестве замены истории культуры. Этот прогресс истории культуры как в отношении диапозона, так и в отношении достоверности свидетельствует прежде всего о том господствующем положении, которое занял Кребер в данный период. Именно Кребер всегда утверждал, что культур-антропология никогда не сможет стать чем-то большим, чем историей культуры. «Антропология — это либо история, либо ничто» — такова была его позиция в эпоху первой мировой войны, и никому не удалось поколебать его в этом убеждении. В тридцатые годы, когда многие из его коллег принялись за изучение таких вещей, которые, по-видимому, ничуть не походили на историю, Кребер попытался легализовать их особую деятельность в одной из замечательных статей², в которой он дал столь всеобъемлющее определение истории, что ему удалось включить туда даже исследование Маргарет Мид, посвященное отрочеству на островах Самоа. По мнению Кребера, так как вся антропология — это история, то все, что делают антропологи, должно быть историей, каких бы натяжек ни требовало толкование понятия «история», чтобы включить в него деятельность антропологов.

Поскольку Кребер является самым талантливым и самым влиятельным из здравствующих ныне приверженцев истории культуры, мы испытываем склонность отождествлять с ним историю культуры. Поскольку же он всегда утверждал, что история культуры — это не наука, даже не общественная наука, а просто лучшая всемирная история, чем та, которая пишется профессиональными историками, то нам остается только заключить, что креберовский тип культур-антропологии, то есть тот тип, к которому относятся недавние книги Куна, Хоуэллса и Линтона, представляет собой гуманистическую историю, и, как таковая, ничуть не претендуя на наименование общественной науки, она не в большей степени имеет социологическое значение, чем любой другой вид истории. Поэтому мы могли бы обойтись без дальнейших упоминаний об истории культуры в данной статье, если бы не то обстоятельство, что другие типы культур-антропологии и социал-антропологии, достигшие некоторых успехов после первой мировой войны, лучше всего рассматривать как откровенную реакцию на историю культуры и на креберовскую крайнюю позицию, отрицающую социальную науку. Большинство новых течений культур-антропологии на протяжении последних тридцати лет представляют собой попытки доказать, что креберовское изречение «история или ничто» ложно.

Это становится ясным из краткого, конспективного изложения того, что произошло в американской антропологии после первой мировой войны, и в особенности в богатые событиями десятилетие между 1926 и 1936 годами. Здесь повторяется знакомая история.

² Kroeber, *History and Science in Anthropology*, AA, 37 (1935), pp. 539—569.

когда в лоне официальной церкви начинают появляться недовольные, причем эти группы недовольных сами не знают точно, к чему они стремятся, но вполне сознают, против чего они выступают.

К середине двадцатых годов место официальной церкви в американской антропологии занимала школа Боаса. Нет смысла вдаваться здесь в запутанный вопрос о том, какова в действительности была позиция Боаса; ученики основателя школы до сих пор еще не перестали пререкаться по этому поводу. Для каждого здравомыслящего постороннего лица совершенно ясно, что Боас в различные эпохи проповедовал желательность различных вещей, включая желательность истории культуры. Мы имеем его собственное свидетельство (относящееся к 1935 году), что уже в 1910 году он был сыт по горло историей культуры и призывал разрабатывать вместо нее другие направления, но справедливость требует добавить, что в его произведениях, написанных в 1910 году, нет никаких признаков того, что он уже в этот ранний период отошел от истории культуры. Если ему надоела история культуры к 1910 году, то он, очевидно, помалкивал об этом, допуская, чтобы созданное им франкенштейновское чудовище беспрепятственно продвигалось вперед. А оно действительно продвигалось, в особенности в руках Висслера и Кребера; первый из них ограничился историей культуры американских индейцев, второй же проявлял более универсальный интерес. К середине 20-х гг., независимо от того, что думал или чего желал Боас, в американской культур-антропологии доминировали труды Висслера, Кребера и их сотрудников, — труды, которые фактически являлись американской культур-антропологией. Интересы не ограничивались только этим; Боас много внимания уделял лингвистике, Лоуи занимался вопросами родства, Кребер — «психологическим» периодом, но все это было подчинено основной задаче, которую Боас сформулировал как «создание хронологии для американских индейцев». Господствующая ортодоксия захлестнула даже сверхинтеллектуального Сэпира, давшего наиболее утонченную формулировку методологии движения за историю культуры³.

Истинная церковь была едина и неделима, Боас являлся ее папой, а труды Висслера и Кребера должны были служить образцами для всех молодых людей. Еретический ропот и ворчание недовольных стали слышны лишь тогда, когда двадцатые годы перешли в тридцатые. Лесли Спайер, один из ближайших приверженцев, отверг культурно-историческую методологию в 1929 году⁴. Сэпир, следующий из числа приближенных, оскорбил священную корову культуры, обозвав ее «статистической фикцией» в ряде психологических по духу статей, появившихся в 1928 году⁵. Гершкович и Маргарет

³ Edward Sapir, *Time Perspective in Aboriginal American Culture, Study in Method*, Ottawa, 1916.

⁴ Leslie Spier, *Problems Arising from the Cultural Position of the Havasupai*, AA, 31 (1929), pp. 222—232.

⁵ См. след. работы Сэпира: «The Unconscious Patterning of Behavior in Society», в кн.: C. M. Childs et al. (eds.), *The Unconscious*, New York, 1928; Cul-

Мид отправились в экспедицию в небоасовские части света в 1927—1928 годы, Гершкович — в Африку, а Мид — на Самоа; Мид по крайней мере избрала Самоа с совершенно определенной целью — не для того, чтобы изучать «культуру» этих островов, а в качестве области, где можно найти ответ на социально-психологический вопрос, вопрос о трудностях и муках отрочества. 1928 год был годом появления первой из цикла статей, написанных Рут Бенедикт; эти статьи не привлекли особого внимания в то время, но вскоре (1934) завершились написанием книги «Культурные уклады»⁶. Разумеется, не все эти работы следует истолковывать как симптомы официального бунта, но все они представляют по крайней мере поиски какого-то базиса, на котором можно строить антропологию, и все эти работы вышли из-под пера ученых, тесно связанных с Боасом. За пределами ближайшего окружения, на периферии, появлялись другие еретики — с меньшим шумом, так как они не столь тесно были связаны со священным потоком, — такие, как Редфилд с его исследованием, посвященным Тепозтлану (1930), и Халлоуэлл, который в начале 30-х годов начал свою длительную атаку на проблему личности у индейцев племени чиппева⁷.

В этих спорадических вспышках новых видов антропологической деятельности общее только то, что они свидетельствовали о наступлении эпохи перемен. Мид и Редфилд принадлежали по крайней мере к более молодому поколению, даже если сюда нельзя было отнести Спайера и Сэпира, а молодое поколение, совершенно очевидно, было не удовлетворено традиционной историей культуры. Но чем ее было заменить? Это было неясно. Одной из немногих попыток разрешить этот вопрос «в лоб» являлась статья Александра Лессера, которая, хотя и появилась только в 1939 году и, по-видимому, оказала лишь незначительное непосредственное воздействие после своего опубликования, лучше всего подытоживает разработку основной проблемы начала 30-х годов. Нападки и критика были направлены Лессером не столько против истории культуры, сколько против антикварианизма. Он критикует традицию, по которой для изучения выбираются лишь племена, до сих пор никем не изучавшиеся, или же это делается для заполнения пробелов на карте распределения, и он призывает сотрудников экспедиций вместо этого выбирать племена для изучения, исходя из тех конкретных проблем,

tural Anthropology and Psychiatry, JASP, 27 (1932), pp. 229—242; The Emergence of the Concept of Personality in a Study of Cultures, JSP, 5 (1934), pp. 408—415; The Contribution of Psychiatry to an Understanding of Behavior in Society, AJS, 42 (1937), p. 862—870; Why Cultural Anthropology Needs the Psychiatrist, «Psychiatry», I (1938), pp. 7—13.

⁶ Ruth Benedict, Psychological Types in the Cultures of the Southwest, «International Congress of Americanists», 23 (1928), pp. 572—581; Patterns of Culture, Boston, 1934; Continuities and Discontinuities in Cultural Conditioning, «Psychiatry», I (1938), pp. 161—167.

⁷ Первая статья Халлоуэлла, посвященная вопросу личности и культуры, датируется 1934 годом. Большинство его сочинений по этому вопросу (кроме статьи 1934 года) собрано в книге «Культура и опыт» (Culture and Experience, Philadelphia, 1955).

которые они надеются благодаря этому разрешить. Иными словами, Лессер хочет, чтобы антропология ставила своей задачей изучение проблем вместо изучения племен или их особенностей, но у него хватило такта не упоминать о том, что в основном ответственность за то, что антропология посвятила себя изучению племен, лежит на Боасе; он также тактично не упомянул и о том, что, сделав это, Боас оставил антропологию вообще без проблем, до тех пор пока Кребер и Висслер не поставили проблему, пытаясь включить массу племенной информации в эпохально-районную схему.

В качестве решения проблемы господствовавшего историзма и антикварианизма Лессер предлагал заменить проблемы собиранием фактов, относящихся к племенной жизни; именно так и поступила Маргарет Мид во время своей первой экспедиции, избрав Самоа в качестве района для изучения полового созревания женщин, а также позднее, когда она выбрала Манус и Верхний Сепик для изучения других проблем. Немного ранее Мид сама выступила почти с теми же предложениями, что и Лессер, хотя и несколько по-иному. Ее формулировка относительно нужд антропологии гласила, что участники экспедиций должны больше внимания уделять «неофициальным аспектам» культуры, среди которых воспитание детей выделялось как выдающийся пример. На первый взгляд ни Лессер, ни Мид, по-видимому, не выступали против истории культуры как таковой, но фактически они оба так и делали, поскольку явно напрашивался вывод, что прежняя антропология, центральным моментом которой являлось изучение племени (согласно определению Лессера), и прежний интерес преимущественно к «формальным» аспектам культуры (по определению Мид) не имели ничего общего с «проблемами» вообще, поскольку прежняя антропология Кребера и Висслера весьма много внимания уделяла развитию культур во времени, в особенности посредством таких механизмов, как культурная диффузия, и поскольку вопрос о развитии во времени вообще не мог быть «проблемой», по мнению Лессера и Мид. Призывая к изучению «проблем» как к чему-то новому, оба подразумевают, что проблемы, для того чтобы их стоило изучать, должны являться не историческими проблемами и не проблемами развития культуры. Примеры, приводимые Мид для демонстрации того, что можно сделать с результатами экспедиционной работы, проводящейся в тех направлениях, которые она предлагает, наводят на мысль, что наиболее плодотворные проблемы — социально-психологические или сравнительно-психологические. Лессер не столь детально разъясняет, к разрешению какого рода проблем он хотел бы привлечь внимание экспедиционных работников, но, по-видимому, он считал социально-психологические интересы Мид лишь одной из нескольких возможностей⁸.

⁸ Alexander Lesser, *Problems versus Subject Matter as Directives of Research*, AA, 41 (1939), pp. 573—582; Margaret Mead, *Coming of Age in Samoa*, New York, 1928; *Growing Up in New Guinea*, New York, 1930; *More Comprehensive Field Methods*, AA, 35 (1933), pp. 1—15.

В целях краткости можно использовать ярлык «неисторические» для обозначения как различных нападков на историю культуры кребер-висслеровского типа, так и движений, уходящих прочь от нее, и направлений, предлагаемых взамен. Это чересчур упрощает общую ситуацию *circa** 1930 года, но дает нам возможность сказать, что все разномыслные еретики и раскольники той эпохи единодушно считали, что культур-антропология должна стать чем-то иным, нежели историей культуры; они, однако, расходились в мнениях относительно того, чем ее заменить. Предлагавшаяся Мид социально-психологическая альтернатива являлась такой возможностью, но по крайней мере в тот период она не встретила широкого отклика. Истинная церковь антропологии довольно терпимо относилась к эксцентричности; до тех пор пока молодые люди «хорошо проводили экспедиционную работу», их поощряли к проведению экспериментов с новыми формами выражения и представления результатов. Кребер с присущим ему благодушием дал ранним работам Мид и Бенедикт свое апостольское благословение; Боас напутствовал самоанскую книгу Мид по крайней мере внешним одобрением, и только более доктринерски настроенный Лоуи стал задавать неприятные вопросы относительно того, как можно выучить туземный язык за три месяца⁹. Но даже и в этом случае Лоуи не отвергал право Мид изучать любой вид проблем, который она сочла нужным; он задавался вопросами лишь относительно того, насколько ее экспедиционная работа была «хорошей». Пройти через горнило экспедиционной работы было необходимым условием для принятия в ряды антропологов; если это испытание было успешно выдержано, то никто из власть имущих не стал бы пытаться мешать молодому экспедиционному работнику делать все что угодно со своими результатами. С другой стороны, маловероятным было и то, чтобы у новатора появилось много последователей, и на значительном протяжении времени, по крайней мере в начале ее деятельности, у Маргарет Мид было мало подражателей или последователей. Если ее влияние на читательскую аудиторию было огромным, и она одна сделала больше, чем все остальные антропологи вместе, для того чтобы культур-антропология стала ходячим словом в Соединенных Штатах, то ее влияние в рядах профессиональных антропологов было лишь частью, хотя и весьма динамической, более широкого, более рассеянного антиисторического движения, о котором мы здесь говорим¹⁰.

* *Circa* (лат.) — около. — *Перев.*

⁹ R. H. Lowie, *Queries*, AA, 35 (1933), pp. 288—293. Мид постаралась ответить на вопрос Лоуи в своей работе «Туземные языки как орудия при полевых исследованиях» («Native Languages as Field Work Tools», AA, 41 (1938), pp. 189—199). В этой статье она пыталась утверждать, что до нее и Малиновского ни один экспедиционный работник не использовал туземный язык. Эта нелепая претензия была начисто опровергнута Лоуи в одной из его самых сокрушительных статей «Туземные языки как этнографические орудия» («Native Languages as Ethnographic Tools», AA, 42 (1940), pp. 81—87).

¹⁰ В недавней статье, посвященной в значительной части той же тематике, что и данная работа, Эгган совершенно не упоминает Мид при рассмот-

В тридцатые годы наиболее значительным влиянием среди сторонников антиисторического движения пользовался англичанин Рэдклифф-Браун, и какое-то время казалось, что различные флюиды недовольства кристаллизуются вокруг его учения. Сэпир и Редфилд способствовали приглашению Рэдклиффа-Брауна в Чикагский университет в 1931 году; они, очевидно, пытались найти ответ на свой вопрос о том, что же является альтернативой истории культуры. Рэдклифф-Браун в двух статьях (одна из них была написана во время пребывания в Кейптауне, а вторая — когда он был президентом секции «Н» Британской ассоциации содействия развитию науки в 1931 году) яростно выступил против истории культуры вообще и американской истории культуры в частности, поскольку и та и другая, если и не были бесполезными, то все равно изучение их должно было ронять достоинство специалистов по общественным наукам. В качестве законченного субститута он предлагал свой собственный вариант того, что с тех пор стало называться структурно-функциональнсьй позицией¹¹.

В статье, написанной в бытность свою президентом секции Британской ассоциации содействия развитию науки, Рэдклифф-Браун пытался найти способ отличить свой тип антропологии от истории культуры. Он предложил использовать этнологию для второй из них и сравнительную социологию для первой, и это явно социологическое уподобление вполне было в духе значительных кантовских и дюркгеймовских влияний в его системе. Но поскольку он дважды прошел испытание, организовав экспедицию в две весьма примитивные области (Андаманские острова и Австралия), его нельзя было сбросить со счета, как «просто еще одного социолога», несмотря на то что он хотел называть себя этим (для американских антропологов) одиозным именем. Его критика американской культур-антропологии была критикой собрата антрополога (хотя он и был англичанином), и он являлся вполне респектабельной фигурой в качестве профессора антропологии в Чикаго, где быстро понял, что ему надо отказаться от названия «сравнительная социология» для обозначения своего типа антропологии и заменить это название ярлычком «социал-антропология», который все еще применяется на равных правах с культур-антропологией в нынешних сочинениях¹².

рени возникновения неисторической традиции в начале тридцатых годов; «Social Anthropology and the Method of Controlled Comparison», АА, 56 (1954), pp. 743—763. Это поразительный пример чикагского шовинизма, несмотря на то что в остальном подход вполне объективен. Ни антиисторизм в теории, ни модернизм в полевых исследованиях не были непорочно зачаты в лоне Чикагского университета.

¹¹ A. R. Radcliffe-Brown, The Methods of Ethnology and Social Anthropology, «South African Journal of Science», 20 (1923), pp. 124—147; The Present Position of Anthropological Studies, «Proceedings, British Association for the Advancement of Science», Section H (1931).

¹² Когда в 1930 году стало известно, что Рэдклифф-Браун (находившийся тогда в Австралии) готов принять приглашение на должность в США, эта перспектива заинтересовала как Гарвардский, так и Чикагский уни-

Во время своего пребывания в Чикаго (1931—1937) Рэдклифф-Браун организовал сборный пункт и явился источником интеллектуального руководства для некоторых антиисторических направлений в американской антропологии. Он усвоил и последовательно проводил точку зрения «все или ничего» на историю, и в течение данного периода указанная граница была незыблемой. На одной из конференций Американской антропологической ассоциации в это время в программе сообщалось об отдельных заседаниях по «социал-антропологии» и по «культур-антропологии», и когда один видный антрополог спросил, в чем же разница между двумя заседаниями, то председатель секции социал-антропологии (д-р Редфилд) вполне уместно указал ему, что «те, кто желает обсуждать историю, должны отправиться на заседание по культур-антропологии, те же, кто желает обсуждать общественную науку, должны остаться здесь». Но по ряду причин Рэдклиффу-Брауну не удалось объединить силы многочисленной оппозиции, настроенной против истории культуры. Несомненно, что одной из причин явилась его английская национальность; было в порядке вещей, когда Спайер и Сэпир или даже Мид и Редфилд критиковали американскую культур-антропологию, но совсем иное дело, когда это позволял себе англичанин с моноклем. Кроме того, осуждение им истории было слишком уж (по крайней мере в публичных выступлениях) тотальным и уничтожающим; те, кому приходилось составлять представление о его системе по его публичным выступлениям, не могли во многих случаях осознать, что там не только было место для подлинных исторических интересов и проблем, но что также и в своей исследовательской работе он постоянно стремился объединить синхронический и диахронический методы. Слишком часто создавалось впечатление, что он отвергает историю *в целом*, любой интерес к прошлому, *все* проблемы, связанные с временной последовательностью, а это было уже слишком, и многие из тех, кто был разочарован в истории культуры, не были готовы заходить так далеко.

В конечном счете, однако, неудачу Рэдклиффа-Брауна, не сумевшего создать новый тип американской антропологии, следует отнести не за счет его личности, а за счет эпохи. Его система не только являлась не гибкой и (по крайней мере внешне) фанатически антиисторичной, она была также прямолинейно социологической, а следовательно, и антипсихологической. А любая система, в которой не находилось места для «психологии», не могла рассчитывать на теплый прием в Соединенных Штатах в начале тридцатых годов. Редфилд и более молодые питомцы Чикагского университета стали «функционалистами» рэдклифф-брауновского толка в той или иной степени; но за пределами Чикаго всякое влияние, которым пользовалась функциональная система, было скорее скрытым, чем явным,

верситеты. Но «Гарвард писал, а Чикаго телеграфировал». Интересно представить себе, каковы были бы последствия для американской антропологии, если бы Гарвардский университет был лучше знаком с преимуществами современной техники.

и шло больше вширь, чем имело специфический характер. Даже Сэпир, хотя он и был виновником приглашения Рэдклиффа-Брауна в Чикаго, по-видимому, мало что нашел в учении англичанина для разрешения своих собственных интеллектуальных затруднений; Линтон же после непродолжительного медового месяца пылкого энтузиазма превратился в непримиримого критика.

Пожалуй, основной причиной переориентировки американской антропологии в тридцатые годы было относительно внезапное возникновение в американской общественной науке вообще, а фактически в более широкой области американской культуры того резко выраженного и всепоглощающего интереса к «личности» и к «индивидууму», который проявился между первой и второй мировыми войнами. Никому, по-видимому, не удалось удовлетворительно объяснить те факторы и тенденции в американской культуре, вследствие которых Америка и американская общественная наука стали столь «психологически направленными» в этот период, и здесь не место пытаться дать объяснение данного явления; мы можем только заметить, что возросшее знакомство с психоанализом в США и подъем фрейдизма были скорее результатами, чем причинами, более широкого интеллектуального течения. В свете событий в американской общественной науке после 1930 года и в особенности моды на это странное американское чудовище, социал-психологию, представляется обоснованным отнести неудачу Рэдклиффа-Брауна, не сумевшего добиться более широкой популярности в США для своей социологически направленной антропологии, за счет отсутствия в его системе какого-либо места для проблемы «личности» и «роли индивидуума» и даже отсутствия интереса к этим проблемам¹³. Его система была слишком социологической или недостаточно психологической; оба этих критических замечания означают одно и то же. Система, подход которой к «индивидууму» так сильно отдавал XIX веком и которая в конечном счете восходила к позитивизму Конта, а косвенно была связана с дюркгеймовской позицией «общество как реальность *suí generis*», не могла выдерживать конкуренции в новой, психологизированной атмосфере. Не Париж XIX века, а Вена конца XIX столетия была той Меккой, от которой американская общественная наука ожидала нового откровения. Таким образом, за пределами Чикаго функционализм Рэдклиффа-Брауна как приемлемая альтернатива истории культуры не имел особой популярности.

¹³ На самом деле в системе Рэдклиффа-Брауна есть место для «психологии», но, после того как он изучил ее возможности в книге «Жители Андаманских островов» («The Andaman Islanders»), он пренебрег ею ради проблем сравнительной социальной структуры. Великолепный пример того, как придавать психологическую размерность структуральному анализу, можно найти в рассуждениях Э. Э. Эванс-Притчарда относительно представлений о пространстве и времени у племени нуэр: «Нуэр» («The Nuer», Oxford, 1940). Полное признание этой размерности в формулировках Рэдклиффа-Брауна недавно было показано Дж. Ч. Хоменсом в его рецензии на книгу Рэдклиффа-Брауна «Структура и функция в примитивном обществе» («Structure and Function in Primitive Society», AA, 56 (1954), p. 118—120).

Вот чем объясняется внезапная популярность Рут Бенедикт и ее конфигурационного подхода как более приемлемой и более «фешенебельной» альтернативы. В роли нового мессии, которому суждено вывести антропологию из дебрей истории культуры, Бенедикт обладала серьезными недостатками, будучи женщиной и при этом поэтессой, но у нее было одно неосценимое преимущество: она являлась избранной преемницей Боаса в Колумбии. Поэтому ее ранние статьи, хотя они и казались многим более литературными, чем научными, привлекли некоторое внимание. В основном Бенедикт занималась оживлением давно известного устаревшего предмета расовой, национальной психологии, предмета, который благодаря работам Хьюстона Стюарта Чемберлена, Гобино и различных их учеников столь привлекал внимание в семидесятых и восьмидесятых годах. Но Бенедикт вновь поставила этот вопрос (во всяком случае, в начале своей работы) не в связи с опасным, как динамит, вопросом о европейских национальных психологиях, но в применении к американским индейцам (частной собственности американских антропологов), по отношению к которым антропологи претендовали на звание монопольных экспертов. Внешняя возбудимость индейцев северо-западного побережья по сравнению со сдержанностью и внешней самоуглубленностью индейцев пуэбло должна была отмечаться многими наблюдателями на протяжении ряда лет, но по канонам классической школы Боаса это не считалось достоверным антропологическим наблюдением, пока Бенедикт не выдвинула его в качестве проблемы. После постановки этой проблемы Бенедикт должна была доказать, что это достойная проблема для антропологического изучения; для этого Бенедикт необходимо было бы как-то включить ее в систему отсчета, относящуюся к культуре. Даже в том случае, если бы это наблюдение соответствовало истине, оно все еще оставалось бы *prima facie** наблюдением за контрастом между психологией индейцев северо-западного побережья и индейцев пуэбло, то есть вопросом племенной психологии. Но что «вызывает» племенную психологию? Очевидно, культура; она преобразует психологию или личность тех, кто рождается в сфере данной культуры, в типичную и стандартизированную местную форму, типа дионисоподобных квакиутлов или аполлоноподобных пуэбло. В ряде этих, возможно, правдоподобных, но логически не связанных утверждений постулируется необходимая связь между психологией и антропологией, а в орбиту культур-антропологии вводятся «психологические» вопросы, и начинается создаваться новая область «личность и культуры».

Работа «Культурные уклады», впервые опубликованная в 1934 году, является воплощением этих идей Бенедикт, и благодаря многочисленным переизданиям она стала одной из наиболее читаемых книг по общественным наукам за последние двадцать пять лет. Выдержана ли эта книга в антропологическом отношении — это

* *Prima facie* (лат.) — на первый взгляд. — Перев.

вопрос, которого многие антропологи предпочитают, если это возможно, избежать. Ни один из первоклассных антропологов не пытался воспроизвести образ действий Бенедикт, и «культурные уклады» остаются своего рода кометой на антропологическом горизонте, не имея ни предков, ни прямых последователей. Ей лучше находиться в одном ряду со Шпенглером, Тойнби и Нортрапом, чем с корпусом антропологической литературы. Кребер сравнивал ее с «Ренессансом» Буркхардта, но это сравнение пришло бы в голову немногим читателям, кроме Кребера. Влияние Бенедикт на антропологические течения в середине 30-х годов основывается не на ее книге, а на том, что она легализовала психологические интересы, добившись этого в большей степени благодаря своему профессиональному престижу, чем своими конкретными формулировками. Работы Мид, посвященные Самоа и Манусу, также носили психологический характер в несколько ином, но родственном смысле, и обе исследовательницы вместе создали одно и то же общее определение отношения культуры к личности — теорию «гаммы».

Эдвард Сэпир (в особенности после своего переезда из Чикаго в Йэл, где он стал одним из светил «Института человеческих отношений» — «Institute of Human Relations») также написал ряд статей, побудивших его студентов заняться изучением некоторых аспектов личности, не испытывая в то же время чувства, что они вследствие этого лишаются своих членских билетов антропологического профсоюза¹⁴. Позиция Сэпира, возможно, была весьма далека от позиции Бенедикт, но в истории развития антропологии чрезвычайно важным моментом является то, что Бенедикт, Мид и Сэпир — все они различными путями совершали чудо, психологически ориентируя антропологию и превращая «психологизирование» в уважаемое с антропологической точки зрения занятие; этот подвиг помог им найти пути к сотрудничеству в исследованиях и дал возможность говорить на общем языке с психологами, психиатрами и социал-психологами, а это все были дисциплины, с которыми истории культуры традиционно не имели связи. В самом деле, может быть, и справедливо, что Бенедикт, Мид и Сэпир, побудив психологию и психиатрию обратить внимание на культуру, оказали в тридцатых годах большее влияние на эти области, чем на свою собственную. Они, бесспорно, дали этим дисциплинам больше, чем культур-антропология получила в обмен.

Это краткое и чрезмерно упрощенное резюме различных направлений в американской антропологии между 1926 и 1936 годами (критический период) дает нам возможность определить три пункта интересов: традиционная история культуры в традиции Боаса — Висслера — Кребера, социологическая позиция Рэдклиффа-Брауна (так называемый британский функционализм с его прочно укрепившимся чикагским филиалом) и движение за изучение личности и культуры. Именно по отношению к этим трем центрам следует

¹⁴ См. работы, указанные в сноске 5.

рассматривать течения в американской антропологии начиная с середины тридцатых годов. Мы говорим пункты средоточия, а не школы и не секты, так как основное единство культур-антропологии было сохранено и приверженцы различных взглядов все еще удерживались вместе благодаря двум особенностям, которые придают антропологии ее определенное место среди общественных наук, а именно обязательному требованию о работе в полевых условиях и естественнонаучным традициям. К какому бы пункту средоточия ни тяготели его наставники, новичок все равно должен «отправиться в поле», и основной его задачей там является «описать культуру».

Нагляднее всего свидетельствует о естественнонаучном первородстве культур-антропологии то обстоятельство, что простое описание какого-либо природного явления или человеческого поведения, рассматриваемого как природное явление, все еще считается и основной обязанностью и проблемой самой по себе. (Это обстоятельство способствовало также тому, что культур-антропология не слишком была заражена «сумасшедшим» тяготением к статистике, вследствие которого другие общественные науки «засасываются» в трясину технического абсурда.) Если требование о проведении работы в поле выполнено, тогда система отсчета самой работы в поле, характеристика культуры и прежде всего те темы, которые экспедиционный работник выбирает для написания антропологических статей и книг на следующих этапах своей деятельности, — все это может меняться в самых широких пределах, хотя всех исследователей мы обычно в состоянии расположить по отношению к трем пунктам средоточия, как преимущественно культурно-исторических, или социологическо-функциональных, или психологических.

Различного рода компромиссы и промежуточные позиции являются, разумеется, возможными и даже обычными: Эгган, например, сочетал историческое с социологическим в своей работе «Общественная организация западных пуэбло» («Social Organization of Western Pueblos»); Маргарет Мид остается непревзойденной по своему таланту извлекать психологические результаты из функционального анализа; Линтон на протяжении своей деятельности путешествовал между всеми тремя пунктами, закончив там, где и начал — на истории культуры; а книгу Мердока «Общественная структура» («Social Structure») нельзя с достаточным основанием отнести к какой-либо из трех вех, хотя в этой книге чувствуются обертоны каждой из них, еле слышные сквозь более тяжелые наслоения социального эволюционизма XIX века. Действительно, одной из самых сильных сторон современной антропологии является то, что лишь немногие, по крайней мере из молодого поколения, усваивают позицию «все или ничего» по отношению к любому из трех господствующих направлений. Пристрастие к личности и культуре, к структурно-функциональному анализу или к истории культуры настолько отчетливо проявляется как таковое, что его можно распознать в любом исследовании. Выбирая примеры только из работ, опубликованных

за последние несколько лет и притом молодыми учеными, вполне возможно приклеить психологический ярлык к книге Шпиндлера о меномини, назвать книгу Гудинафа о траке социологическо-функциональной и привести исследование Элеонор Ликок о монтанасках¹⁵ в качестве примера работы культурно-исторического характера¹⁶. Тем не менее такая каталогизация дает весьма неполную и искаженную картину. Все три являются важными вкладами в антропологию, и любой из этих трех может быть использован для иллюстрации теоремы о том, что независимо от пристрастия автора хорошая экспедиционная работа легко распознается как хорошая антропология, по крайней мере другими антропологами. А такое распознавание путем проверки качества экспедиционной работы полностью заслоняет второстепенные различия, введенные Шпиндлером, из-за его пристрастия к проективным тестам, пристрастия Гудинафа к генеалогиям и широкого использования миссис Ликок документального материала.

Еще не улеглись брожение и споры беспокойных 30-х годов, когда началась вторая мировая война и когда незападными культурами вдруг заинтересовались многие исследователи, помимо антропологов. В результате этого с неожиданной быстротой для антропологов расширились возможности путешествовать в неизученные части света как в военной форме, так и без нее, и, само собой разумеется, эти возможности еще больше увеличились после войны. Трудно, однако, заметить, чтобы усилившаяся активность антропологов оказала весьма большое влияние на антропологическую теорию. Антропологи делали странные вещи во время войны и в первые послевоенные годы (далеко не самой странной была книга Рут Бенедикт «Хризантема и меч» — «The Chrysanthemum and the Sword»), но так тогда поступали и все другие; и, хотя можно было хорошо использовать в целях пропаганды то обстоятельство, что армии и флоты нуждались в помощи антропологов, когда приходилось иметь дело с народами Азии и Океании, достаточно только прочесть «Чайный домик Августовской луны» («The Teahouse of the August Moon»), чтобы понять, как мало использовались антропологические знания вооруженными силами в тех местах, где эти знания могли бы им помочь. В послевоенный период, и в особенности после того, как стала осуществляться программа четвертого пункта и ее алфавитные преемники и потомки, рост числа антропологических вакансий продолжался, и много странных операций выполняется в настоящее время в странных частях антропологами, находящимися под эгидой правительства США, ООН или (в более недавнее время) фонда Форда.

¹⁵ G. D. Spindler, *Sociocultural and Psychological Processes in Menominee Acculturation*, Berkeley, Cal., 1955; W. H. Goodenough, *Property, Kin and Community on Truk*, New Haven, Conn., 1951; Eleanor Leacock, *The Montagnais «Hunting Territory» and the Fur Trade*, Menasha, Wis., 1954.

Но анализ достижений антропологии, проведенный фондом Уэннера-Грена в 1952 году, показал, что общий итог, по крайней мере в культур-антропологии, оказался примерно таким же, как если бы проверка была проведена на десять лет раньше. Если бы в 1940 году существовал фонд Уэннера-Грена, который мог бы взяться за это дело, то в основном те же лица написали бы те же статьи, выдвигая те же положения и используя те же аргументы в обоснование тех же взглядов. К 1952 году разница в основном свелась к тому, что библиографии стали длиннее, а иллюстративный материал — более разнообразным. Чем большее число антропологов совершает поездки в большее число мест, проводя все более и более разнообразные экспедиционные работы, тем в большей степени корпус антропологии остается тем же самым — вот главное впечатление, которое создается при ознакомлении с разделами, посвященными культуре в «Антропологии сегодня»¹⁶. По тем требованиям, которые предъявлялись к антропологии во время войны и после нее, чувствовалось, что во многих кругах высказываются пожелания, чтобы антропология имела где-то какое-то практическое применение, и для осуществления подобных целей было создано Общество прикладной антропологии (ОПА), еще даже до Перл-Харбора. Это общество выросло и продолжает процветать, но если среди представителей антропологической профессии и существует какое-либо общепринятое мнение относительно того, что представляет собой «прикладная антропология» или к какому виду проблем антропология может быть «применена», то обнаружить это весьма трудно. Ведущие члены общества преследовали совершенно различные научные цели, и их объединяет только весьма практическое соображение, чтобы всем им цель исследований указывалась каким-либо нанимающим или финансирующим учреждением. Ценность Общества прикладной антропологии заключалась в том, что оно должно было выступать в качестве передового объединения младотурок (большинство из них теперь уже не так молодо), требующих, чтобы антропология была сделана «более практичной» или более «полезной для достижения чего-либо». Поскольку любой мало-мальски компетентный антрополог независимо от своих склонностей в состоянии произвести какую-либо прикладную операцию в существующих рамках своей обычной системы отсчета, если его к этому призывают, то в антропологической теории незаметно явных сдвигов, несмотря на брюзжание ОПА.

Особое внимание в своих теоретических взглядах руководители ОПА уделяют критике господствующей антропологической концепции культуры. Как они ни оперировали с живыми людьми, поскольку все различные «прикладные» проблемы обладают по крайней мере одной общей чертой, концепция культуры в том виде, в каком эта концепция была разработана Кребером, Боасом, Линтоном

¹⁶ A. L. Kroeber et. al., *Anthropology Today: An Encyclopedic Inventory*, Chicago, 1953.

и другими, представляется им настолько механистической и обезличенной, что ее нельзя использовать. Формулируя это с позитивной точки зрения, можно сказать, что недовольство «культурой» зародилось у них благодаря твердому убеждению в том, что человеческое поведение лучше всего можно структурно выразить в терминах взаимодействия — как происходящее *между* людьми, а не внутри индивидуумов и не между культурными категориями. Поскольку такой подход ставит этих ученых скорее на ситуационную позицию, чем на психологическую, они в результате этого (несколько парадоксально, если мы вспомним о количестве психиатрических статей в их журнале) движутся к социологической позиции Рэдклиффа-Брауна и английских функционалистов. Подлинный характер этой конвергенции, если это действительно конвергенция, хорошо показан Хоменсом в его разборе данных Ферта о тикопии, исследования Уайта «Общество на углу улицы» («Street Corner Society») и материала из помещения банка Уайринга в Хауторне, что показало наличие в основном аналогичных данных на одном и том же уровне абстракции¹⁷. Если Хоменс прав, то тогда, очевидно, любая попытка считать данные Ферта «относящимися к культуре», а два других исследования — «относящимися к социологии» становится бессмысленной.

Сторонники прикладной антропологии, однако, не одиноки в своем разочаровании нынешней теорией культуры. Другие антропологи, не обязательно состоящие в ОПА, требуют, чтобы представители их науки перестали разговаривать о культуре и стали говорить о людях, в особенности и в частности о людях-во-взаимодействии. Рэдклифф-Браун указывал, что такой сдвиг повлек бы за собой замену изучения «культур» изучением «обществ» в качестве основной операции антропологии и что такая замена уже давно принята в Англии. Подобное перемещение, разумеется, гораздо труднее было бы осуществить в Соединенных Штатах Америки, где относительный мир между антропологией и социологией поддерживается главным образом потому, что антропологам дают глотать кость с надписью «культура», в то время как социологи гложут кость с надписью «общество». Кроме того, в американской антропологии, возможно, нет необходимости подходить к данной проблеме этим же семантическим путем. Имеются симптомы того, что концепция культуры и теория культуры, вероятно, изменятся, но не в результате нападок эрудированных критиков, а благодаря некой внутренней эволюции. Если подобная внутренняя эволюция теории культуры должна произойти или уже происходит, то ее можно отнести за счет «требований внешней системы», то есть за счет новых условий полевой работы, создавшихся в послевоенном мире.

Среди этих новых условий экспедиционной работы мы можем выделить лишь два обстоятельства, которые уже оказывают и будут продолжать оказывать все возрастающее влияние на антропологию

¹⁷ G. C. Homans, The Human Group, New York, 1950.

ческую теорию. Первым обстоятельством является ослабление традиционной для антропологов тенденции сосредоточивать свои усилия на изучении самых примитивных народов, тенденции делать эскимосов, австралийцев, навахо и готтентотов баловнями антропологии. При выборе пунктов для экспедиционной работы современным антропологам приходится считаться с нынешним исключительным интересом Америки к «слаборазвитым районам», где имеются гораздо более развитые и утонченные культуры, чем те, о которых только что говорилось. Первый американский антрополог, получивший возможность провести работу в полевых условиях в Индии, весьма характерным образом выбрал в качестве объектов изучения тодов и кхотов, живущих в горах Нилгири, однако это было в 1938 году. В настоящее время американские антропологи кишмя кишат в Индии, но условия их субсидий таковы, что они избегают тодов, бхилов и гондов, как чумы, и сосредоточивают вместо этого свои усилия на изучении обычных индусских деревень. Аналогичный отход от экзотических или крайне отсталых культур к тому, что Редфилд называл культурами «с великой традицией», замечается также в таких районах, как Япония, Сиам, исламский мир и Латинская Америка. В теоретическом отношении это означает, что «племя» уже не является единицей антропологической экспедиционной работы, поскольку, как бы мы ни назвали новые народы, служащие предметом изучения, мы вряд ли можем назвать их племенными. Некоторые энтузиасты предлагают, чтобы новой единицей являлась нация, но это в значительной степени чистейшее украшательство, часть академического империализма. Тем временем, хотя еще и неясно, какой должна быть новая единица антропологического изучения, работники в новых районах явно сочли удобным изучать деревни. Антропологи вряд ли будут довольны, если их предмет определят как «изучение деревень»; подобное определение куда хуже, чем старый ярлык «люди, изучающие племена». Теория Редфилда о народно-городском континууме высосана почти досуха, лишилась всякого теоретического содержания, если она его вообще имела, а попытки Оскара Льюиса и других заменить «примитивные племена» «крестьянскими культурами» не представляются особенно обнадеживающими. Вопрос о том, во что превращается антропология, когда она перестает заниматься «примитивными народами» и начинает изучать «слаборазвитые районы», отстается открытым, но представляется несомненным, что изучение индусских, сиамских или ливанских деревень вместо обычаев эскимосов, арунта или навахо должно в корне изменить все представление об общественной и культурной структуре, поскольку если в свое время было правомерно рассматривать наиболее отсталые культуры как хорошо объединенные, гомогенные и автономные системы, то бесспорно, что неправильно и даже абсурдно относиться аналогичным образом к обществам слаборазвитых районов.

Наличие новых возможностей экспедиционной работы в слаборазвитых районах имело еще одно последствие, которое в свое

время неизбежно скажется на антропологической теории. Послевоенная тенденция, заставив антропологов отойти от весьма примитивных и отсталых народов и работать вместо этого с национальностями или с крестьянами, или с населением слаборазвитых районов, уничтожила монополию антропологов. Было время, когда эскимосы, арунта, тода и прочие являлись исключительно частной собственностью антропологов. Но слаборазвитые районы не представляют собой чей-либо монопольный объект. Когда антрополог пытается проводить исследование в таких районах, то ему приходится выдерживать конкуренцию со стороны экономистов, государствоведов, социологов и членов различных разношерстных «миссий», причем все они в качестве самозащиты стараются поставить под вопрос, если не оспаривать, применимость антропологии к основным проблемам политического, экономического и социального развития, которыми занимается большинство из них. Оказавшись в таком переплете, антрополог бывает вынужден отодвигать на задний план свою статическую теорию культуры и вносить вместо этого какие-либо полезные предложения относительно социальных и культурных изменений; по этому вопросу в антропологической литературе имеется масса материала в виде отдельных частных исследований, но крайне недостает обобщений среднего диапазона.

В антропологических кругах широко распространено убеждение, что вновь возникший интерес к изменению вместо прежней концентрации на социальной статике окажет оздоровляющее влияние на антропологическое мышление. Но это не является обязательным следствием. Просто признать изменение важной проблемой — еще недостаточно; Висслер по крайней мере, а возможно, также и Кребер не изучали почти ничего, кроме изменения на протяжении своей научной деятельности, точно так же как и все специалисты, работавшие в рамках комплекса «эпоха — район». Специалистам по общественным наукам, по-видимому, до невозможности трудно сформулировать удовлетворительные теоретические предпосылки для изучения социального и (или) культурного изменения, хотя частные исследования конкретных меняющихся ситуаций провести относительно легко. Антропологи же всегда были сильны в изучении частных случаев преимущественно потому, как указывалось выше, что они считают простое описание проблемой, требующей напряженной работы и не разрешимой электронно-счетными машинами IBM.

Поэтому, предоставив экономистам, а также государствоведам и прочим «миссиям» проводить свою деятельность в национальных столицах слаборазвитых районов, те антропологи, которые работают в слаборазвитых районах, сугубо ограничиваются деревнями; их положение превосходно, так как дается возможность уклониться от насущно необходимой потребности в новых теоретических идеях и сосредоточить вместо этого свои усилия на бесконечном изучении отдельных азиатских деревень, посвятив свои исследова-

ния либо деталям местной культуры, либо деталям изменения на местном уровне¹⁸.

Если новые экспедиционные работники будут идти этим путем (а совершенно беспланные и случайные исследовательские операции фонда Форда в Индии и на Ближнем Востоке являются, по-видимому, прямым поощрением этого), то результатом будет продолжение и умножение на материале слабо развитых районов литературы в том же самом духе и непрерывно будут появляться частные монографии, статьи и сообщения того же типа, что школа Боаса дала по вопросу об американских индейцах. Школа Боаса всегда спасалась от необходимости теоретизировать о чем-либо (включая изменение) благодаря наличию длинного ряда больших и малых племен, все еще требующих изучения в полевых условиях. Вот почему неблагоприятная и трудная задача оценки и осмысления фактов могла постоянно передаваться «антропологам будущего» ради собирания все большего количества фактов относительно все большего количества племен, прежде чем «туземные культуры все вымрут». Замена племени американских индейцев азиатской деревней, бесспорно, может продлить этот процесс до бесконечности; в одной только Индии имеется несчетное число деревень, и, хотя вероятность вымирания азиатских народов минимальна, неотложность операций в полевых условиях всегда может быть оправдана заменой столь же страшной угрозой быстрого «озападнивания».

Таким образом, главным результатом послевоенной потребности в услугах антропологов явилось возникновение еще одного, четвертого, пункта средоточия интересов, а именно «изменения на местном уровне», — дополнительно к тем трем, которые появились в тридцатых годах. Этот новый пункт средоточия интересов не находится в серьезном конфликте с тремя остальными, поскольку он может входить во всевозможные сочетания с каждым из них и со всеми ними. Проективные тесты могут быть, например, использованы в качестве показателей культурного изменения, как это делали Халлоуэлл и Шпиндлер, соединяя тем самым психологическое с интересом к изменению; или же сельскую реорганизацию в Индии можно связать через посредство деревенского фракционализма с системой родства, присоединив тем самым пункт изменения к структурному пункту. Более того, можно подумать, что выдвижение на первый план изменения в качестве главной темы всех нынешних исследовательских проектов разрешит все антропологические трудности. Такой образ действий приносит бесчисленные выгоды: проекты оказываются на хорошем счету у фондов; антропологи получают возможность чаще выезжать в экспедиции в слабо развитые районы и начинают пользоваться хоть каким-то признанием со

¹⁸ Cp. C. W. Stillman, *Academic Imperialism and Its Resolutions: The Case of Economics and Anthropology*, «American Scientist», 43 (1955), pp. 77—88.

стороны своих коллег, специалистов по другим дисциплинам, работающих в тех же районах; антропологи избавляются от обвинений в антикварианизме и в том, что они придерживаются статического взгляда на культуру; они получают массу «хлопотной работы», не испытывая в то же время необходимости в каком-либо коренном изменении нынешних теоретических навыков своего мышления; а интерес к изменению легко сочетать с каким-либо другим интересом или склонностью, которые могут иметься у данного антрополога. Наконец, это можно использовать для того, чтобы придать «проблемное значение» позднейшим повторным исследованиям какой-либо культуры, уже изученной несколько лет назад либо тем же антропологом (как, например, изучение Мид племени манус в 1930 и в 1953 годах), либо другим экспедиционным работником (как, например, два исследования, проведенные в Тепозтлане Редфилдом и Льюисом)¹⁹

Этот краткий перечень событий, происшедших после первой мировой войны, наводит, по-видимому, на мысль, что истинная церковь американской культур-антропологии (или социал-антропологии) прожила последние 35 лет удивительно хорошо и с удивительно незначительным изменением в ее основной идеологии. Сомнения и потенциальные расколы тридцатых годов, раздробленность периода второй мировой войны и антропологическое процветание в послевоенный период имели многочисленные последствия и вызвали всякого рода отклики, но все это носило скорее надстроечный, а не фундаментальный характер. В основном конфигурационный облик культур-антропологии продолжает оставаться таким же, каким он был со времен Бастиана и Тейлора: в сущности, это естественноисторический подход к человеческому многообразию. Когда естественноисторические музеи XIX века были разделены на отделы и зоологи получили чучела птиц и коллекции жуков, а геологи взяли себе камни и метеориты, то антропология организовалась вокруг остатков, состоявших из человеческих костей, орудий и «нецивилизованных» людских обычаев. И под обаянием этого она находится до сих пор. То, благодаря чему эти явно различные объекты изучения рассматривались как единство на протяжении почти столетия, объяснялось характером мышления — характером мышления специалиста XIX века по естественной истории. (Каким еще образом мы можем объяснить то удивительное обстоятельство, что социал-антропологи и культур-антропологи ладили с археологами как с коллегами антропологами в течение столь длительного времени и наоборот?) «Антропология» Кребера 1948 года «Древо культуры» Линтона или труды совещания, организованного фондом Уэннера-Грена, которые опубликованы в «Антропологии сегодня», свидетельствуют о том же подходе, как и у Тейлора или Бастиана. Многообразие человеческих обычаев является частью удивительного многообразия

¹⁹ Robert Redfield, Tepoztlan, Chicago, 1930; Oscar Lewis, Life in a Mexican Village, Tepoztlan Restudied, Urbana, ill., 1951

и сложности природы, а типичный культур-антрополог как в эпоху Тейлора, так и в наши дни столь же волнуется, обнаружив новый обычай или новое изменение в старом обычае, как волнуется энтомолог, обнаружив новую бабочку, или орнитолог, обнаружив новый вид зяблика.

Беннетт²⁰ недавно опросил нескольких социологов о том, как представляют они себе антропологию и антропологов. Один из опрошенных, ответ которого он приводит, сказал лаконично: «Любители природы». Это, несомненно, должно было означать сарказм, и Беннетт по крайней мере, видимо, огорчен этим. Но в этом суждении проявляется глубокое проникновение в сущность антропологии, и самое лучшее доказательство принципиальной правильности этого можно найти в истории антропологии, включая и ее новейшую историю. Культурно-историческое движение было непосредственным продолжением естественноисторического движения XIX века. А культурно-историческое движение было американской антропологией *примерно* до 1930 года. Начиная с 1930 года история культуры подвергалась яростным нападкам со стороны представителей всех новомодных течений — со стороны тех, кто, подобно Рэдклиффу-Брауну, отстаивал систематическую общественную науку, со стороны тех, кто, подобно Малиновскому, называл ее антикварианизмом; со стороны тех, кто, подобно сторонникам прикладной антропологии, хотел, чтобы она была более полезной для чего-либо; со стороны многочисленных сектантов, которые хотели сделать ее придатком к психологии и психиатрии, и, наконец, начиная со второй мировой войны — со стороны тех, кто полагает, что она должна иметь большее касательство к проблеме индустриализации неиндустриальных районов современного мира. Но, невзирая на все эти нападки и невзирая на различные нововведения в полевой работе и в составлении проектов исследований, преимущественно естественноисторический подход антропологии и ее проблемы остаются неизменными.

Кребер и Клакхон разыскали и опубликовали 257 различных определений культуры (центрального понятия антропологии), причем все эти определения различны и в большинстве противоречивы, и никто из антропологов этим особенно не огорчен и даже не особенно заинтересован. Культур-антропологов мало волнует вопрос о том, что же такое «в действительности» культура, так же как и натуралистов, работающих в поле, мало волнует вопрос о том, что же такое «в действительности» род. Культуры являются теми вещами, которые вы находите в поле, а не в определениях.

Американская антропологическая ассоциация на своем ежегодном собрании в 1954 году в Детройте наметила 22 различных заседания на протяжении трех дней работы, но только одно заседание

²⁰ J. W. Bennett, K. H. Wolff, Towards Communication Between Sociology and Anthropology, «Yearbook of Anthropology», 1 (1955), pp. 329—351.

было озаглавлено «Теория», и на нем была такая мешанина из различных докладов, что совершенно ясно, что Оргкомитет использовал «Теоретическое» заседание как мусорную корзину. Остальное 21 заседание было так или иначе посвящено либо эмпирическим данным, либо же вопросам, возникающим из эмпирических данных и основанным на эмпирических данных. Девяносто процентов докладов представляли собой исследования по частным вопросам — по вопросу о структуре или изменении, или функциональной интеграции, или контакте, или сравнении, или даже объяснения, но все были посвящены частным вопросам, прочно локализованным во времени и пространстве независимо от характера проблемы. В качестве узких исследований доклады на ежегодном заседании 1954 года неизмеримо превосходили доклады, представленные на ежегодном собрании двадцать лет назад, но их застывший, приземленный эмпиризм ничуть не изменился. «Вот что происходит в стране Бинго-бинго (или в такой-то индийской деревне, или в таком-то районе Сиам), и таковы факторы, которые я, экспедиционный работник, считаю причиной того, что это происходит данным образом». Антропологические доклады на совещаниях не изменились; в них просто лучше излагаются те вещи, которые всегда в них излагались. Характеристику первых американских археологов, сделанную Кребером, можно фактически применить ко всем антропологам любой эпохи, включая нынешнюю: «Им нравится странствовать; им нравится находить вещи; ...и чем дольше это длилось, тем большее удовольствие они получали». Социолог, ответивший на вопрос Беннетта, был бы еще ближе к истине, если бы он сказал «бичкомеры», а берега, на которых археологи любят заниматься собирательством, представляют собой общество и культуру незападного мира.

То, что подобное умонастроение не является чисто американским наследием, полученным от Боаса, а характерно для всякой культур- или социал-антропологии, можно продемонстрировать путем беглого сравнения с той деятельностью, которая проводится сейчас в этой области в Англии. На первый взгляд может показаться, что внушительные достижения английских функционалистов после первой мировой войны свидетельствуют об иной интеллектуальной атмосфере, но при ближайшем рассмотрении выясняется, что различие сводится преимущественно к типу монографий, которые они выпускают о работах в поле, а не к чему-либо принципиально новому. Подобно своим американским коллегам, они проявляют мало интереса к своему собственному обществу или культуре, невзирая на то огромное преимущество, которое они имеют перед этими коллегами ввиду отсутствия конкуренции со стороны социологов. Они в несравненно большей степени предпочитают Африку, Азию или Тихий океан в качестве места для проведения полевых исследований. Подобно своим американским коллегам, они больше предпочитают нагромождать монографии по частным вопросам, чем заниматься «теориями» в общем плане; единственным исключением,

подтверждающим правило, является Надель²¹. Несмотря на свой призыв к систематическим поискам закона, Рэдклифф-Браун стоит в одном ряду с Линтоном или Кребером по своей энциклопедической эрудиции в отношении этнографических данных, а на практике он никогда не проявлял ничего похожего на тот неустанный энтузиазм в разработке своих систематических законов, который был у него при собирании и анализе систем родства во всем мире. Эванс-Питчард безоговорочно отвергает всякое утверждение о том, что антропологию можно превратить в общественную науку, и довольствуется тем, если антропологов признают просто «региональными специалистами». (Снова явная параллель с естественной историей; подобно тому, как натуралисты охотно делятся на специалистов по птицам, жукам и т. п., точно так же и антропологи с готовностью становятся африканистами, индианистами и т. д.) Лич, одна из молодых восходящих звезд в английской антропологии, заявляет, что, для того чтобы иметь соответствующую базу для изучения социальных изменений, мы должны вернуться к основам и проанализировать заново, из чего именно состоит та вещь, которую мы называем социальной системой. А как это сделать? Отнюдь не в спекулятивной манере какого-нибудь Толкотта Парсонса, но путем тщательного, скрупулезного анализа бесконечных подробностей образа жизни качинских племен, живущих в горах Бирмы²².

Англичане — преимущественно благодаря тому, что они отделили общественную структуру от остальной культуры и отвели ей первое место в описательной интеграции, — запатентовали такой тип монографии, который обладает большим единством, большей увязкой деталей и вследствие этого большей глубиной социального понимания, чем большинство американских монографий; но, подобно своим американским коллегам, англичане все еще остаются по преимуществу авторами монографий, занимающимися описанием отдельных обществ в том виде, в каком они есть, не пытаясь доказать что-либо еще, за исключением того, как функционирует данный конкретный образец человеческого многообразия²³. То место,

²¹ S. F. Nadel, *The Foundations of Social Anthropology*, Glencoe, Ill., 1951.

²² E. R. Leach, *Political Systems of Highland Burma*, London, 1954. Подробное рассмотрение метода Парсонса в сравнении с обычным антропологическим подходом к теории см. в рецензии Харта на работу Толкотта Парсонса «Социальная система» («The Social System»), AA, 56 (1954), pp. 118—120).

²³ Превосходное техническое качество английских монографий так ошеломило Мердока, что он может объяснить это лишь тем, что они не имеют никакого отношения к антропологии, при этом он называет их «социологическими»; очевидно, теперь это является ругательством в университете Уильяма Грейма Самнера. См. Мердок, *Английская социальная антропология* (G. P. Murdock, *British Social Anthropology*, AA, 53 (1951), pp. 465—473). Кребер, напротив, пользуется английскими монографиями в качестве стандарта высокого качества и по этому стандарту измеряет американские монографические достижения. См. его комментарий к статье Мандельбаума «Критическое резюме и комментарий» («Critical Summary

которое Боас занимает в США, в Англии занимает А. Ч. Хэддон, а Хэддон и Боас оба были полевыми натуралистами XIX века, причем имеются поразительные параллели между формулировками того и другого о том, чем должны заниматься антропологи и чем должна быть антропология²⁴. И в наши дни общая натуралистская традиция по-прежнему существует. В то время как внуки Хэддона «занимаются собирательством» среди африканских племен, а не на Меланезийских островах, внуки Боаса «занимаются собирательством» в деревнях Восточной Индии, а не среди эскимосов, квакиутлей и черноногих, «и, чем дольше это длится, тем большее удовольствие они получают».

Итак, мы наконец возвращаемся к основному вопросу данной статьи: что среди всех этих направлений в антропологии начиная с первой мировой войны имеет отношение к социологии? И мы немедленно вспоминаем, что перед Тейлором стоял тот же самый вопрос почти сто лет назад. После выпуска первого издания книги «Первобытная культура» в 1871 году возник вопрос о том, какое отношение эта работа имеет к трудам г-на Спенсера, великого социолога той эпохи. Очевидно, что вопрос этот задавался столь настойчиво, что Тейлор был вынужден признать его существование. И он действительно признал существование этого вопроса в предисловии ко второму изданию. Но он не мог на него ответить. Его ответ представляется слабым, но тем не менее является сокрушительным. «В данной работе не делается особых ссылок (на Спенсера), поскольку она имеет свою собственную структуру и почти ни в чем не касается с произведениями... видного философа»²⁵. «Данная работа... имеет свою собственную структуру» — вот та основа, из которой исходил Тейлор, утверждая целостность и автономию антропологии, и это та основа, на которой следует по-прежнему говорить об отношении антропологии к социологии. Антропология в пятидесятых годах, как и во времена Тейлора, не является ничьей служанкой и ничьим придатком. Это дисциплина, имеющая свою собственную структуру. Формула Тейлора, слабая на первый взгляд, представляется все более удачной, по мере того как мы над ней размышляем. А наиболее постоянная нить в этой структуре — непрестанное изучение социального и культурного многообразия. Социологи, несомненно, будут жаловаться на то, что культурное многообразие и культурный релятивизм не нуждаются в дальнейших доказательствах, так как все это уже настолько доказано, что дальше некуда, и любой начальный учебник социологии посвящает одну или две из первых глав культурному непостоянству. Но антрополог, будучи

and Commentary», в книге Р. Ф. Спенсер (ред.), *Методы и перспективы в антропологии* (R. F. Spencer (ed.), *Method and Perspective in Anthropology*, Minneapolis, 1954, p. 291).

²⁴ Ср. A. H. Quiggan, Haddon, *The Head-Hunter*, Cambridge, 1942; Franz Boas, *Race, Language and Culture*, New York, 1948.

²⁵ E. B. Tylor, *Primitive Culture*, 1st ed., 1871; 2nd ed., London 1873, preface.

исего лишь натуралистом, изучающим человека, не интересуется доказательством чего-либо. Он удовлетворяется тем, что узнает все больше и больше о бесконечном количестве вариантов, которых достиг человек в своих усилиях разрешить всеобщие проблемы жизни в группах. Такая скромная цель оставляет культур- и социал-антропологии лишь две проблемы (помимо проблемы чистого описания), и именно этими проблемами занимались все новые течения и направления начиная с первой мировой войны. Одной из проблем является вопрос, как улучшить полевые наблюдения, а другая проблема — как лучше истолковывать полевые наблюдения, чтобы ответить на вопрос: «Почему эти люди совершают такие поступки, которые я наблюдал?»

Это дает нам по крайней мере самое краткое описание того, что делала антропология после первой мировой войны. Если социологи считают, что антропология в том виде, как она описана, представляет ценность для их области, то отсюда вытекает, что вся культур- и социал-антропологическая литература за последние тридцать пять лет должна иметь отношение к социологии*. И, наоборот, если те многообразные способы, с помощью которых группы людей во всем мире приспосабливались к природе и друг к другу, не представляют интереса для социологов, то тогда ничто в антропологии после первой мировой войны не может иметь отношения к социологии. Однако если вторая альтернатива правильна, то тогда большинство антропологов находится в полном недоумении, не зная, что им делать, для того чтобы их работа имела отношение к социологии, разве что изменить свои методы работы и свою психологию столь радикально, что результаты этого уже совсем не будут похожи на антропологию.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Barnett H. G. *Innovation*, New York, McGraw-Hill, 1953.

Becker, Howard, *Field Work among Scottish Shepherds and German Peasants: «Wholes and Their Handicaps»*, *Social Forces*, 35, 1, Oct 1956, pp. 10—15.

Bierstedt Robert, *The Limitations of Anthropological Methods in Sociology*, *AJS*, 54 (July, 1948), pp. 22—30.

* Редакторы данной работы считают, что антропология имеет социологическую ценность. На них, однако, влияет крайне ограниченное количество упоминаний о культур-антропологии и социал-антропологии в социологических учебниках, даже в работах, которые явно должны превосходить уровень учебников. Фамилии самое большее десяти американцев, двух-трех англичан и единичные упоминания о французских и немецких антропологах исчерпывают перечень. Не являлась ли антропология слишком частной, узкотехнической или самодовольно-эзотеричной? Или же социология была нетерпелива, слишком подвергалась влиянию антропологии типа той, которая фигурировала в «Женском журнале для домашнего очага» («*Ladies Home Journal*»), или же опасалась незнакомого? Во всяком случае, коммуникационные линии работали плохо.

- Hallowell A. Irving, *Culture and Experience*, Philadelphia, Anthropological Society Publications, 1955.
- Kardiner Abram, *The Individual and His Society*, New York, Columbia University Press, 1939.
- Kardiner Abram, *Psychological Frontiers of Society*, New York, Columbia University Press, 1945.
- Kroeber A. L., *The Nature of Culture*, Chicago, University of Chicago Press, 1952.
- Linton Ralph, *The Study of Man*, New York, D. Appleton-Century, 1936.
- Lowie R. H. *The History of Ethnological Theory*, New York, Farrar and Rinehart, 1937.
- Malinowski Bronislaw, *A Scientific Theory of Culture and Other Essays*, Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1944.
- Radcliffe-Brown A. R., *On the Concept of Function in Social Science*, AA, 37 (July — September, 1935), pp. 394—402.
- Redfield Robert, *The Folk Culture of Yucatan*, Chicago, University of Chicago Press, 1941.
- Redfield Robert, *The Primitive World and Its Transformation*, Ithaca, Cornell University Press, 1953.
- Tomars A. S., *Some Problems in the Sociologists Use of Anthropology*, ASR, 8 (December, 1943), pp. 625—634.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ*

Кимболл Янг
и Линтон Фримен

Концепция взаимодействия всегда рассматривалась как центральная и в социальной психологии, и в социологии. С момента рождения выживание человеческого существа зависит от заступничества другого индивидуума, обычно матери или заменяющего ее лица. По мере того как человек становится старше, он живет в социальном взаимодействии с другими членами своей семьи, а позже с индивидуумами в других первичных ассоциациях; наконец он переходит в мир специализированных вторичных и сегментированных группировок. Таким образом, с момента рождения он является неотъемлемой частью ряда взаимосвязанных, взаимодействующих единиц, моделью которых является диадитическое взаимоотношение родитель — ребенок, ребенок — ребенок и взаимоотношения между взрослыми.

ТИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Первые социологи и социал-психологи занимались различными формами взаимодействия. Это совершенно ясно видно в произведениях Уорда, Смолла и Гиддингса, если назвать только трех первых

* Социальная психология, как она понимается в данной главе, по мнению редакторов, включает в себя большое количество таких предметов, которые в значительной части традиционно изучаются и другими дисциплинами. Широкий диапазон рассматриваемых здесь понятий, например группа, общественные процессы (кооперация и т. п.), указывает на понимание социальной психологии как своего рода империалистической общественной науки; эта тенденция направлена против плодотворного разделения труда между несколькими общественными науками. Тем не менее следует признать, что эта энциклопедическая точка зрения имеет многочисленных приверженцев среди современных социал-психологов, поэтому ее необходимо тщательно рассматривать. Для более узкого ограничения области социальной психологии читателю рекомендуется сравнить данную главу с другой, в написании которой участвовал тот же старший автор: Кимболл Янг и Дуглас У. Обердорфер, «Психологическое изучение общественных процессов» («Psychological Studies of Social Processes»), в книге Н. Е. Варнес, Howard Becker, and Frances B. Becker (eds.), *Contemporary Social Theory*, New York, 1940, Chap. 12.

американских авторов. Тем не менее дать нам более систематическое описание общественных процессов выпало на долю Парка и Берджесса в их «Введении в науку социологии» («Introduction to the Science of Sociology», 1921). Заимствуя многое у немецкого философа и социолога Зиммеля, они расширили анализ и стимулировали различные исследования, в которых применялись такие понятия¹.

Конкуренция и кооперация как формы взаимодействия. Более организованное изучение концепций противодействия и кооперации стимулировалось в 20-х годах некоторыми комитетами Научно-исследовательского совета по общественной науке, проявившими интерес к возникающей области личности и культуры. Маргарет Мид составила под своей редакцией сборник, озаглавленный «Кооперация и конкуренция у примитивных народов» («Cooperation and Competition among Primitive People», 1937); этот сборник состоял из глав, посвященных отдельным не имеющим письменности народностям, с целью иллюстрации модельных типов кооперации, конкуренции и индивидуалистического предприятия. Второй публикацией явилась брошюра Мей и Дуба, в которой рассматривались различные концепции, изложенные в работах, посвященных конкуренции и кооперации².

Язык как взаимодействие. Язык, представляющий собой систему фонетических символов, является главным средством общения и вследствие этого центральной проблемой социальной психологии. Однако значительная часть ранних лингвистических работ имела этноцентрический уклон. Это можно видеть на примере старого утверждения о том, что в свое время существовал основной язык, или Ursprache (праязык. — нем.); эта идея связана с некоторыми расистскими догмами в Германии и в других странах. Точно такое же предубеждение чувствуется и в обобщениях, касающихся роста словарного запаса; эти выводы опираются на исследования, в подавляющей части которых данные взяты из семейств среднего класса, обычно интеллигенции. Однако по мере расширения интереса к неевропейским обществам и их культурам эта ограниченность в значительной части исчезла. Сошел со сцены не только прежний этноцентризм; теперь уже лингвистов не особенно интересуют и прежние споры о происхождении языка, теория междометий и теория звукоподражания, равно как и попытки строгой классификации языков в зависимости от формы³.

¹ См. N. J. S p r u k s h a n, The Social Theory of Georg Simmel, Chicago, 1925; The Sociology of Georg Simmel, translated by K. H. Wolff, Glencoe, Ill., 1950. В качестве одного из примеров исследований, проведенных в Чикаго, см. F. M. T h r a s h e r, The Gang, Chicago, 1927.

² M. A. M a y and L. W. D o o b, Competition and Cooperation, New York, 1937. Разбор исследований такого типа можно найти в работе G a r d n e r M u r p h y et al., Experimental Social Psychology, 2nd ed., New York, 1937.

³ Следующие работы могут послужить введением в обширную лингвистическую литературу: E d w a r d S a p i r, Language, New York, 1921; O t t o J e s p e r s e n, Language, New York, 1922; L e o n a r d B l o o m-

Язык играет значительную роль в социализации. Овладение языком само по себе необходимо для большей части последующего обучения. Кроме того, наряду с использованием орудий язык является *sine qua non* культуры. Он основной носитель культуры, и рост словаря человека является показателем повышения его культурности. Психологи разработали стадии лингвистического развития для детей в нашем западном обществе, но неизвестно, будут ли аналогичные стадии обнаружены во всех обществах. Во всяком случае, совершенно очевидно, что при изучении любого языка индивидум использует лишь незначительную часть потенциальных фонетических элементов, возможных в человеческой речи. Хотя многие психологи не согласятся с Уотсоном в том, что мышление представляет собой в основном субвокальную речь, никто не сомневается, что язык и мышление тесно связаны между собой. Кроме того, язык необходим для развития социального «я», как это убедительно показал Джордж Г. Мид⁴. В связи с этим речь играет центральную роль в моральном воспитании ребенка и, таким образом, становится важной особенностью социального контроля. Наконец, речь и лингвистические вокализмы представляют собой средство выражения индивидуальности. Все общества и их культуры допускают в известном масштабе идиосинкратические вербальные привычки, служащие для выявления индивидуальной вариации⁵.

Статус и роль в процессах взаимодействия. Межличностные отношения индивидумов, составляющих группу, анализировались со все возрастающей тонкостью в виде ролей и статусов. Все же некоторые важные теоретические соображения по этим вопросам были получены от культур-антропологии, а не от психологии или социологии. Рассмотрение Линтоном статуса и роли стало своего рода вехой в литературе⁶. Появилось несколько трансверсальных исследований, где личность рассматривается в аспекте культуры; в этих исследованиях использовалась формула роль — статус (см. стр. 638—639). В связи с этим Линтон разработал свое понятие статусной личности (*status personality*). В основном он пытался показать, что «основная личность» во многом бессознательна. Однако другие аспекты

field, *Language*, New York, 1933; B. Bloch and G. Trager, *Outline of Linguistic Analysis*, Baltimore, 1942; Z. S. Harris, *Methods in Structural Linguistics*, Chicago, 1951.

⁴ G. H. Mead, *Mind, Self, and Society*, Chicago, 1934. См. также J. F. Markey, *The Symbolic Process*, New York, 1928; K. M. Young, *Personality and Problems of Adjustment*, 2nd ed., New York, 1952. У обоих этих авторов значительные заимствования у Мид. В хорошо написанной работе Брама «Язык и общество» (Joseph B. Brame, *Language and Society*, New York, 1952) дается краткое рассмотрение взаимосвязей между обществом, культурой и языком.

⁵ Sapir, *Speech as a Personality Trait*, *AJS*, 27 (1927), pp. 892—905.

⁶ Линтон впервые обратился к вопросу о роли и статусе в своей работе «Изучение человека» (*Study of Man*, New York, 1936). Более новая и несколько расширенная трактовка содержится в книге «Культурные основы личности» (*The Cultural Background of Personality*, New York, 1945). См. также W. F. Ogburn, *Social Change*, New York, 1922.

личности на более сознательном уровне возвращаются вокруг некоторых известных статусных позиций и связанных с ними ролей и функционируют в зависимости от них. Из этих ролей, как он отмечает, занятие является одной из важнейших⁷.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ГРУППОВАЯ ДИНАМИКА

Если подходить к этому вопросу более широко, то следует отметить, что так называемая «теория роли» заняла весьма важное место в социальной психологии⁸. Частично это является результатом того, что она стала тесно соприкасаться с другой, новой областью, известной как «групповая динамика». И как теория, и как методология групповая динамика обязана своим происхождением Левину. В начале своей профессиональной деятельности Левин в большей или меньшей степени следовал гештальтистской психологической школе; но позднее он разработал свою собственную «теорию поля» («field theory»). К сожалению, усвоение его новой теории специалистами, занимающимися социальной психологией, было в это время затруднено, так как Левин изобрел ряд новых терминов вместо старых и всеми признанных обозначений различных видов группового поведения.

Не удовлетвоствовавшись одной только теоретической формулировкой, Левин и его студенты поставили эксперимент для проверки его утверждения. Целью главного эксперимента было изучение вариаций продуктивности и типов взаимодействия среди групп различных лиц — учеников начальной и средней школы, — работающих над определенными заданиями при наличии трех разных условий: 1) контроль «авторитарного» типа, когда указания и советы давались заранее назначенным руководителем; 2) «демократический» тип, когда участники эксперимента обсуждали проект заранее, соглашались о каком-то разделении труда и искали совета у руководителя на факультативном уровне, и 3) рабочие условия, именовавшиеся «laissez faire»*, когда имелось только несколько общих указаний и почти или совсем отсутствовали планирование и надзор⁹.

Это исследование ясно показало, что группы можно изучать в сравнительно хорошо контролируемых условиях. К сожалению,

⁷ См. Linton, Problems of Status Personality, in S. S. Sargent and M. W. Smith (eds.), Culture and Personality, New York, 1949.

⁸ См., например, T. R. Sarbin, Role Theory, in Gardner Lindzey (ed.), Handbook of Social Psychology, Cambridge, Mass., 1954, vol. I.

* Laissez faire (франц.) — здесь: «Пусть делают что угодно». — Прим. перев.

⁹ См. Kurt Lewin, Ronald Lippitt and R. K. White, Patterns of Aggressive Behavior in Experimentally Created Social Climates, JSP, 10 (1939), pp. 271—299; Ronald Lippitt, An Experimental Study of Authoritarian and Democratic Group Atmospheres, University of Iowa Studies, 16 (1940), pp. 43—198. Детальный обзор и библиографию см. в работе Morton Deutsch, Field Theory in Social Psychology, in книге Lindzey, op. cit., vol. I.

на основании этого исследования было сделано много далеко идущих нежелательных обобщений относительно преимуществ «демократии» над «тоталитаризмом». Такое расширенное толкование ставит более широкую проблему применимости результатов исследований, проведенных над небольшими группами, к более широким и более институционализированным. Критики также указывали, что лица, являющиеся объектами исследования в Айове, принадлежали к семьям среднего класса, где делается упор на воспитание духа конкуренции и соответствующих привычек. Дети из такой культурной среды, где придается особое внимание сильному авторитарному контролю, могли бы показать совершенно иные результаты.

Этот тип исследований быстро распространился. В 1945 году Массачусетский технологический институт создал Научно-исследовательский центр по групповой динамике. В 1948 году, после смерти Левина, центр был перенесен в Мичиганский университет. Точно так же как это имело место и в отношении социометрии, был создан своего рода культ применительно ко всей этой программе, но, к счастью, некоторые культовые особенности были изжиты¹⁰

Мы зашли бы слишком далеко, если бы попытались перечислить, не говоря уже о том, чтобы кратко изложить, различные аспекты социального поведения, которые изучались под рубрикой групповой динамики. Но некоторые из наиболее важных и перспективных тем можно упомянуть. Левин уделял большое внимание вопросу о внутригрупповом конфликте, в особенности из-за его связи с предрассудками. Одно из исследований было посвящено относительной эффективности при разрешении проблем членов группы, работающих в условиях кооперации или конкуренции. В других рассматривался вопрос о вынесении группой решения, об условиях, которые способствовали объединению группы или ее разделению, о появлении и роли руководителей и о месте изолированного или периферийного члена¹¹.

Группа. Термин «группа» применяется для концептуализации основного процесса взаимодействия, то есть диадической $A \rightarrow B$ единицы взаимной стимуляции и реакции. В этом родовом смысле в качестве существительного данный термин является синонимом понятия *общества*. Говорить или писать о «групповых последствиях» — то же самое, что утверждать относительно «социальных последствий». Разумеется, термины «общество» и «группа» относятся

¹⁰ Необходимо отметить то обстоятельство, что значительная доля исследований, ведущихся под эгидой Тейвистокского института в Лондоне (Англия), следует традиции Левина. Центр в Мичигане и Тейвистокский институт выпускают совместно журнал «Человеческие отношения» («Human Relations»), уделяющий много места публикациям в данной области.

¹¹ Сообщения о некоторых из этих исследований помещены в книге D o r w i n C a r t w r i g h t and A l v i n Z a n d e r (eds.), *Group Dynamics, Research and Theory*, Evanston, Ill., 1953; см. также F. L. S t r o d t b e c k (ed.), *Special Issue on Small Group Research*, ASR, 19 (Dec., 1954).

также к специфическому расположению и функционированию индивидуумов по отношению к некой определенной цели и к типам взаимодействия, связанным с этим. Однако в таком контексте обычно принято понимать общество как более крупное и более сложное объединение индивидуумов, а группу — как подэлемент большего общества.

Первичная группа и ее значение. Два из ранних исследований типового поведения группы являются выдающимися: исследование Самнера и исследование Кули. В «Народных обычаях» («Folkways», 1901) Самнер провел основное функциональное различие между внутренней группой, или «мы»-группой, и внешней группой. Теория Кули относительно первичной узкой группы была подробно изложена в его работе «Социальная организация, изучение большего разума» («Social Organization, A Study of Larger Mind», 1909), хотя она уже была намечена в его более ранней работе «Человеческая природа и социальный порядок» («Human Nature and the Social Order», 1902), где он рассматривал развитие личности внутри семейной матрицы. Семья в той или иной форме, представляет собой универсальную первичную группу, и ее можно обнаружить во всех обществах. Группы совместно играющих детей и небольшие деревни являются другими примерами универсальной или почти универсальной первичной ассоциации. Несомненно, что семья — первый человеческий коллектив, с которым ребенок входит в контакт и у которого учится основным воззрениям, ценностям и привычкам своего общества¹².

Противоположностью первичной группы является вторичная, или специализированная, группа. Хотя Кули не разработал сколько-нибудь подробно роль вторичной группы и даже не упоминал о ней, как о таковой, его рассуждения о расширении общественного порядка касаются многих из ее важных особенностей. Вторичная группа характеризуется мотивацией с ограниченным интересом, то есть тем обстоятельством, что она касается только специализированного сектора общественного поведения.

Прощание с теорией группового разума. Хотя теория группового разума уже и не представляет собой предмета серьезных дискуссий, но ни одна серьезная история социальной психологии не может ее полностью игнорировать. Прежнее представление о групповом разуме имеет обыкновение все вновь и вновь появляться в различных обликах. Как указал Дж. У. Оллпорт, основная проблема некой единицы, большей, чем индивидуум, или находящейся над ним и выше него, являлась камнем преткновения для философов и психологов на протяжении веков. Он отмечает древнюю аналогию между человеческим обществом и сочетанием отдельных людей,

¹² Обзоры и комментарии к обширной литературе можно найти в работах Harold Orlansky, *Infant Care and Personality*, PB, 46 (1949), pp. 1—48; Clyde Kluckhohn, *Culture and Behavior*, in Lindzey, op. cit. Относительно проблем методологии в этой области см. также J. W. M. Whiting, *The Cross-Cultural Method*, там же.

действующих как сверхразум и сверхчеловек¹³. В этом главным образом и заключалась идея, выраженная Томасом Гоббсом в его «Левиафане» (1651). Затем появилась идея о некоем *коллективном, бессознательном*, большем, чем сознательные или бессознательные части индивидуального разума. Юнговское «расовое бессознательное» может служить современным примером этого¹⁴.

Дж. У. Оллпорт пытался разрешить периодически возникающую проблему связи индивидуума с группой в форме того, что он именует теорией «общих и взаимных сегментов поведения». Для него группы, институты, типы культуры и т. п. являются абстракциями высокого уровня или, пожалуй, проекциями «некоторых взглядов и верований из личной духовной жизни индивидуумов». Индивидуумы имеют друг с другом «общие сегменты», то есть имеют взгляды и привычки, аналогичные взглядам и привычкам своих собратий по отношению к данным институтам и группам. Индивидуумы, кроме того, находятся в определенных «взаимных отношениях» друг с другом. Это значит, что внутри схемы взаимодействия находятся в действии определенные взаимные роли¹⁵.

Социальная группа и социальный контроль. Другая вечная тема касается функции группы как носителя и внедрителя социальных норм. В прошлом имела тенденция рассматривать нормы и их влияние на поведение личности в аспекте социального контроля — тема, представляющая непреходящий интерес для социологов. Классическим в этой области является труд Росса «Социальный контроль» («Social Control», 1901), который на протяжении почти четверти столетия считался образцовым. Если рассматривать его в свете тогдашней психологии и социологии, то нужно признать, что он сыграл важную роль в понимании того, каким образом нормы — и официальные, и неофициальные — воздействовали на индивидуумы и группы, с тем чтобы заставить их придерживаться основных ценностей данного общества. Книга Томаса и Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и в Америке» внесла в изучение социального контроля весьма важный трансверсально-культурный метод. До этого Томас разработал свою теорию «четырёх желаний», а позднее связал их с социальным контролем посредством своей концепции «определения ситуации»¹⁶. В этом исследовании, посвященном проблемам приспособления крестьянина Старого света к городской индустриализированной Америке, авторы наглядно показали трудности, связанные с отказом от одного комплекса норм для восприятия нового комплекса. Независимо от той критики, которой впоследствии подвергалось это исследование¹⁷, оно пред-

¹³ G. W. Allport, The Historical Background of Modern Social Psychology, в книге Lindzey, op. cit.

¹⁴ C. G. Jung, Collected Papers on Analytical Psychology, 2nd ed., London, 1922.

¹⁵ Allport, там же, стр. 39—40.

¹⁶ W. I. Thomas, The Unadjusted Girl, Boston, 1923.

¹⁷ Herbert Blumer, An Appraisal of Thomas and Znaniecki's The Polish Peasant in Europe and America, New York, 1939.

ставляет собой важный этап в изучении распада старых норм и принятия новых.

Возникновение групповых норм. Изучение норм на протяжении двадцатых годов происходило преимущественно в духе социологической традиции социальной психологии. Но в середине тридцатых годов началось серьезное изучение небольших групп, и среди первых (и все еще классических) исследований была работа Шерифа, посвященная процессу, с помощью которого возникают и функционируют групповые нормы. С точки зрения индивидуума, норма представляет собой некое предписание роли, особый вид ожидания, который зачастую навязывается носителями власти и авторитета в данной группе или поселении. Позднее Шериф стал применять результаты своих исследований к рассмотрению материала о стереотипах, модах и других социальных явлениях, показывая, как нормы являются системой отсчета при восприятии, истолковании и контролировании социальных событий¹⁸. Был проведен также ряд эмпирических исследований того, каким образом нормы, уже существующие длительное время в данной культуре или же установленные с помощью экспериментальной ситуации, действуют по отношению к индивидууму¹⁹.

Коллективное поведение: толпы. Понятие «коллективное поведение» обычно применяется в социальной психологии и социологии для обозначения относительно неструктурной деятельности конгломератов, таких, как толпы, сборища, аудитории, последователи моды и бодельщики, а также те или иные виды публики.

Опираясь на психоанализ, Мартин указал на подавленные и бессознательные формулировки, лежащие в основе мышления и действий толпы. Он утверждает, что толпа большей частью преисполнена эгоизма, ненависти и чувства абсолютной правоты, характерной для параноика. Хотя его метод анализа толпы поучителен, в нем не признается, что культура имеет отношение к этим проявлениям, а кроме того, он игнорирует факторы, относящиеся к взаимодействию²⁰.

Идеи Фрейда о групповом и коллективном поведении стали широко доступны говорящему по-английски миру после выхода в 1921 году его «Групповой психологии и анализа эго». Хотя он

¹⁸ Muzafér Sherif, *A Study of Some Social Factors in Perception*, AP, 187 (1935); *The Psychology of Social Norms*, New York, 1936.

¹⁹ См. H. H. Kelley, *Attitudes and Judgments as Influenced by Reference Groups*, in G. E. Swanson, T. M. Newcomb, and E. L. Hartley (eds.), *Readings in Social Psychology*, rev. ed., New York, 1952; P. F. Lazarsfeld and R. K. Merton, *Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action*, in Wilbur Schramm (ed.), *Mass Communications; A Book of Readings*, Urbana, Ill., 1949, pp. 459—480; Morton Deutsch and M. E. Collins, *Interracial Housing, A Psychological Evaluation of a Social Experiment*, Minneapolis, 1951. Обзор научно-исследовательской работы в этой области дается в статье J. Harding, B. Kutner, H. Proshansky and I. Chein, *Prejudice and Ethnic Relations*, in Lindzey, op. cit., vol. 2.

²⁰ E. D. Martin, *The Behavior of the Crowds*, New York, 1920.

рассматривал институционализированные группы, его тезис гласит, что такие механизмы, как идентификация, проекция и рационализация, могут использоваться для анализа поведения толпы. Для Фрейда руководитель (либо некой формальной группы, либо некой толпы) является своего рода изображением отца.

С весьма незначительными уточнениями и изменениями основные идеи Фрейда, Мартина и Ф. Г. Оллпорта о поведении толпы были повсеместно приняты в двадцатых и тридцатых годах. В 1941 году Миллер и Доллард, исходившие при написании своей работы преимущественно из бихевиористской позиции Халла, пересмотрели некоторые прежние формулировки, с тем чтобы сделать их основной формой социального обучения²¹. На основе своей трактовки они дали анализ поведения толпы линчевателей и других форм коллективного поведения. Это явилось определенным отходом от эклектизма двух предшествующих десятилетий, когда пытались в какой-то мере примирить бихевиоризм и фрейдистскую психологию. Время от времени делались усилия для обнаружения причинных факторов, лежащих в основе более буйного поведения, такого, которое появляется при конфликтах между неграми и белыми в нашей стране. В общем, дававшиеся объяснения имеют довольно широкий диапазон: от утверждений, что основной фактор является экономическим — либо низкий уровень жизни и безработица, либо ожесточенная конкуренция между белыми и неграми, — до утверждений социально-психологического характера. Ряд исследований был посвящен экономическим предпосылкам²², и делались попытки перцептивного анализа социально-психологических и культурных факторов, действующих во время таких проявлений насилия²³. Хотя может показаться почти невозможным поставить удовлетворительные эксперименты для изучения поведения толпы, имеются сведения о некоторых таких попытках. Точно так же и панику приходится изучать *ex post facto*²⁴.

²¹ N. E. Miller and John Dollard, *Social Learning and imitation*, New Haven, Conn., 1941.

²² Обобщающий обзор важнейшей дискуссии в данной области исследований см. в статье R. W. Brown, *Mass Phenomena*, in Lindzey, *op. cit.*, vol. 2.

²³ См., например, K. B. Clark, *Group Violence, A Preliminary Study of the Attitudinal Pattern of Its Acceptance and Rejection, A Study of the 1943 Harlem Riot*, JASP, 40 (1944), pp. 143—148; H. O. Dahlske, *Race and Minority Riots, A Study in the Typology of Violence*, SF, 30 (1952), pp. 419—425; Durward Pruden, *A Sociological Study of a Texas Lynching*, Southern Methodist University Studies in Sociology, 1 (1936), pp. 3—9.

²⁴ N. C. Meier et al., *An Experimental Approach to the Study of Mob Behavior*, JASP, 36 (1941), pp. 506—524; D. Grosser et al., *Laboratory Study of Behavioral Contagion*, HR, 4 (1951), pp. 115—142; R. T. La Pierre, *Collective Behavior*, New York, 1938; L. L. Janis, *Air War and Emotional Stress*, New York, 1951; Hadley Cantril, *The Invasion from Mars*, Princeton, N. J. 1940; S. H. Britt, *Selected Readings in Social Psychology*, New York, 1950; A. Mintz, *Non-Adaptive Group Behavior*, JASP, 46 (1951), pp. 150—159.

Мода и ее отличие от поведения толпы. Мода представляет собой фазу коллективного поведения, имеющего много общего с поведением толпы. Здесь большую роль играет физическое соприкосновение, но в наши дни распространение и устойчивость моды зависят от быстроты работы средств связи и транспорта. Следовательно, она связана с поведением публики, так же как и с поведением толпы. Моды не основаны на нравах; они представляют собой одну из фаз неморальных народных обычаев. В современном западном обществе с его быстрыми переменами и повышенной интенсивностью жизни, с его подвижностью и быстрой связью моды быстро меняются, и подобные изменения являются в действительности частью социального церемониала. Кроме того, моды двигаются циклами и некоторые моды доходят до крайностей. Увлечение, пристрастие, прихоти и «психические эпидемии» — точно так же проявления различных особенностей эмоционального поведения толпы²⁵.

Аудитория и публика. Хотя *аудитории* различаются по степени структурной и культурной дефиниции, по большей части как ситуация, так и условности имеют тенденцию их контролировать. В историческом отношении следует сказать, что было проведено довольно ограниченное количество исследований поведения аудитории. В 1916 году Бентли говорил о необходимости провести изучение ряда проблем социальной психологии, включая аудиторию. Один из его учеников, Вулберт, последовал этому призыву, дав теоретический анализ аудитории с несколькими конкретными примерами. Бентли и Вулберт изучали более официальные аудитории, которые Браун считает скорее намеренными, чем случайными. Официальные или намеренные аудитории были подразделены на группы, ищущие информации, и на группы, ищущие развлечений²⁶.

Публика представляет собой слабо связанную вторичную группировку, не обязательно зависящую от какого-либо физического соприкосновения участников. Она зависит от общего интереса членов, но часто является преходящей и лишь в незначительной степени структурной. В нашем сложном мире имеется не одна публика, а скорее целый ряд публик. Они объединяются вокруг

²⁵ Относительно циклов изменений моды см. J. Richardson and A. L. Kroeber, *Three Centuries of Woman's Dress Fashions; A Quantitative Analysis*, «Anthropological Record», 5 (1940), pp. 112—150. Психоаналитическую интерпретацию одежды и мод см. в книге J. C. Flugel, *The Psychology of Clothes*, New York, 1930. См. также Kimball Young, *Social Psychology*, 3rd ed., New York, 1955; Hadley Cantrell, *The Psychology of Social Movements*, New York, 1941. Вопрос этот рассматривается и в статье Брауна (Brown, in Lindzey, op. cit.), где приводится также библиография.

²⁶ См. M. Bentley, *A Preface to Social Psychology*, in Bentley (ed.), *Studies in Social and General Psychology from the University of Illinois*, «Psychological Monographs», 21 (1916), pp. 1—25; C. H. Woolbert, *The Audience*, *ibid.*, p. 37—54. Разбор многих более ранних исследований можно найти в книгах: H. L. Hollingsworth, *Psychology of the Audience*, New York, 1928; Young, *Social Psychology*, 2nd ed., New York, 1944. См. также LaPiere, *loc. cit.*

интересов или потребностей, таких, как политические, экономические, образовательные, религиозные, гражданские, развлекательные и эстетические потребности, представляющие собой некоторые из наиболее важных источников публики.

Термин «мнение» означает верование или убеждение, или представление, относящееся к какой-либо ситуации, событию или вопросу. Таким образом, термин «общественное мнение» (мнение публики) относится к убеждению применительно к какой-либо проблеме или предмету, который считается представляющим широкий общественный интерес. Когда верование или убеждение являются сравнительно стабильными, то мы можем сказать, что общественное мнение поддерживает ту или иную точку зрения. Когда убеждения людей носят различный характер, как это может быть в отношении общественных проблем, то мы можем сказать, что общественное мнение неустойчиво или находится в процессе становления. Первые исследователи процесса создания общественного мнения приняли более старую теорию рационального обсуждения осознанных вопросов или разногласий. Хотя обсуждение остается основным механизмом, нам теперь известно, что иррациональные и эмоциональные элементы наряду с рациональными действуют во многих общественных дискуссиях.

Важными этапами в переходе от прежних рационалистических воззрений к более современным явились работы Уолласа «Человеческая природа и политика» («Human Nature and Politics», 1908), где много было заимствовано из теории инстинкта Мак-Дугалла, и его «Великое общество» («Great Society», 1914), где было наглядно показано, как западные народы перешли от локализма к заинтересованности общемировыми проблемами. Затем появилась блестящая и содержательная книга Липпмана «Общественное мнение» («Public Opinion», 1922), в которой он с помощью введенного им понятия о стереотипе и используя исторические примеры возникновения юмора и игры, мифа и легенды выявил, что эмоциональные и иррациональные факторы оказывают большое воздействие на формирование мнения. В другой книге, «Призрачная публика» («Phantom Public», 1928), Липпман показывает ограниченность общественного обсуждения вопросов ввиду наличия этих сил, возникших в нашем сложном индустриальном мире²⁷.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И АППАРАТ УБЕЖДЕНИЯ

Лишь в последнее время стали осознавать важность недавно созданных средств массового воздействия — кино, радио, телевиде-

²⁷ Материалы относительно общественного мнения и его интерпретации за период от первой мировой войны до 1930 года можно найти в книгах Young, Source Book for Social Psychology, New York, 1927; Social Psychology, New York, 1930. Более полный общий обзор и итоги исследований и дискуссий вплоть до 1939 года см. в книге J. W. Allport, Public Opinion, New York, 1939.

ния и комиксов — в качестве строительных блоков, составляющих систему убеждений человека. Весьма мало известно относительно возможных результатов массового внушения и массовой имитации. Мы только едва-едва стали понимать психологические потребности и удовлетворения тех лиц, которые бывают эмоционально «захвачены» при посещении кино, во время слушания «мыльных опер», при просмотре и слушании телевизионных передач или зачитавшись комиксами²⁸.

Пропаганда. Пропаганда в качестве средства для изменения взглядов людей столь же стара, как писаная история. В своем нынешнем смысле этот термин впервые вошел в широкое употребление во время первой мировой войны. Книга Джорджа Крила «Как мы рекламировали Америку» («How We Advertised America», 1920) была неофициальным отчетом о пропагандистских операциях Комитета по общественной информации в 1917—1919 годах²⁹. Вскоре после прекращения военных действий стали появляться статьи и книги, посвященные пропаганде военного времени. Наиболее полный отчет за этот период содержится в книге Г. Д. Лэссуэлла «Техника пропаганды в мировую войну» («Propaganda Technique in the World War», 1927).

Другим последствием первой мировой войны явилась попытка со стороны кое-кого пересмотреть причины возникновения войны, с тем чтобы постараться возложить вину на кого-либо другого вместо Германии. К этому также примыкает попытка «представить в истинном свете» пропаганду, связанную с войной³⁰.

Ранние исследования носили в основном исторический и аналитический характер. Но начиная с тридцатых годов появились сообщения об экспериментальных исследованиях, целью которых было выявить более точно, в какой мере пропаганда влияет на взгляды и позиции отдельных лиц³¹. Примерно ко времени возникнове-

²⁸ Hilda Herzog, What Do We Really Know About Daytime-Serial Listener? in P. F. Lazarsfeld and F. N. Stanton (eds.), Radio Research, 1942—1943, New York, 1944. См. также Rudolph Arpheim, The World of the Daytime Serial, ibid. Более ранние исследования по вопросу о возможном влиянии кино на идеи и поведение можно найти в книге Herbert Blumer, Movies and Conduct, New York, 1933. О влиянии комиксов на детей см. K. M. Wolff and M. Fiske, The Children Talk About Comics, in P. K. Lazarsfeld and F. N. Stanton (eds.), Communications Research, 1948—1949, New York, 1949.

²⁹ См. J. R. Mock and C. Larson, Words That Won the War: The Story of the Committee on Public Information, 1917—1919, Princeton, New York, 1939.

³⁰ См. H. E. Barnes, The Genesis of the World War, 3rd ed., New York, 1926; A. W. H. Ponsonby, Falsehood in Wartime, Containing an Assortment of Lies Circulated Throughout the Nations During the Great War, New York, 1928.

³¹ A. D. Annis and N. C. Meier, Induction of Opinion Through Suggestion by Means of Planted Contents, JSP, 5 (1934), pp. 68—81; W. H. Wilke, An Experimental Comparison of the Speech, the Radio, and the Printed Page as Propaganda Devices, AP, 169 (1934); S. P. Rosenthal, Change of Socio-Economic Attitudes under Radical Motion Picture Propaganda, там же, 166 (1934). См. также Cantrell and Allport, loc. cit.

ния второй мировой войны слово «пропаганда» стало заменяться понятием «психологическая война». Тем не менее приемы оставались в основном теми же. Существует обширная литература о нацистско-фашистской пропаганде, и мы можем лишь упомянуть о наиболее доступной библиографии³².

Быстрый рост интереса к пропаганде и к ее связи с общественным мнением проявился также в 1937 г., когда был организован Институт анализа пропаганды, который стал выпускать издание «Анализ пропаганды: ежемесячное письмо с целью помочь интеллигентному гражданину обнаруживать и анализировать пропаганду». Этот журнал, основное внимание в котором уделялось нацистской пропаганде, добровольно прекратил свое издание в декабре 1941 г. Другим проявлением возросшего внимания к средствам коммуникации, включая пропаганду, явился выпуск в 1937 г. «Квартального журнала общественного мнения» под эгидой факультета общественных отношений Принстонского университета. Пропаганда во время второй мировой войны имела широкий масштаб и была тщательно продумана. Одно из самых поразительных отличий в содержании пропаганды во время двух мировых войн выявлено Крисом и Лейтесом, указавшими, что в первую мировую войну пропаганда была крайне эмоциональной (о чем говорят рассказы о зверствах), морализирующей и зачастую занимавшейся прямой фальсификацией. Хотя воюющие стороны не обошлись без рассказов о зверствах во время второй мировой войны, тем не менее пропаганда обеих сторон по большей части стремилась больше основываться на фактах, быть более трезвой и неморализирующей³³.

После окончания второй мировой войны появился ряд работ, в которых описывалось использование пропаганды в военное время. Но, пожалуй, наиболее важным было продолжение экспериментальных исследований в этой области, посвященных средствам, содержанию и формам подачи материала³⁴.

³² Комитет национальной морали выпустил две книги под редакцией Фараго (L. Farago), *German Psychological Warfare: A Critical, Annotated and Comprehensive Survey and Bibliography*, New York, 1941; *The Axis Grand Strategy: Blueprints for Total War*, New York, 1942. Подробные перечни литературы по вопросам пропаганды, как отечественной, так и пропаганды военного времени, см. в книге H. D. Lasswell, R. D. Casey, and B. L. Smith (eds.), *Propaganda, Communication, and Public Opinion*, Princeton, New York, 1946.

³³ Ernst Kris and Nathan Leites, *Trends in Twentieth-Century Propaganda*, «Psychoanalysis and the Social Sciences», 1 (1947), pp. 393—409; P. M. A. Linebarger, *Psychological Warfare*, Washington, 1948; Howard Becker, *The Nature and Consequences of Black Propaganda*, ASR, 14, 2 (April, 1949), pp. 221—235.

³⁴ Наряду с прочими работами см. R. E. Summers (ed.), *America's Weapons of Psychological Warfare*, «The Reference Shelf», 23 (1951); C. I. Hovland, I. L. Janis and H. H. Kelley, *Communication and Persuasion*, New Haven, 1953; P. F. Lazarsfeld and F. N. Stanton (eds.), *Communication Research, 1948—1949*, New York, 1949. Более новые обзоры значительной части литературы по данному вопросу см. в работах C. I. Hovland, *Effects of the Mass Media of Communication*, in Lind-

Систематическое наблюдение за возникновением и функциями руководства среди детей началось с момента создания современной детской психологии, но более тщательно протестированные исследования были проведены в нашей стране после первой мировой войны, когда был организован ряд институтов, для того чтобы облегчить изучение поведения детей³⁵. Хотя схемы господства и покорности появляются в новых и неструктурных группах, культура вскоре подготавливает сцену для соответствующих ролей. Кроме того, когда дело касается взрослых, исследователи социального поведения обычно проводят различие между *добровольным руководством*, как, например, при выборе на высокий пост другими членами группы, и главенством, когда речь идет о должности, связанной с каким-либо институциональным приписыванием роли.

Для изучения руководства применялись различные психологические методы. В некоторых из них упор делался на какую-либо отдельную черту или на комплекс черт как на детерминанту господства. Другие придавали основное значение какой-либо форме типологии, как, например, это имело место при прежнем различии между руководством в действии и руководством в мыслях³⁶. Третьи рассматривали как базу взаимодействующие факторы. Эта последняя позиция наглядно проявляется у последователей Левина и в его теории поля³⁷. Исследования Морено, посвященные группам и руководствам, хотя и представляют не столь крайние взгляды, тоже, говоря в общем, скорее относятся к этой третьей категории. Изучение групп, не имеющих руководителей, вдохновителями которого были преимущественно Левин и Морено, во многом способствовало пониманию того, как возникает господство во вновь образовавшихся группах³⁸. Способ наблюдения за поведением в таких условиях был использован наряду с другими при подборе оператив-

zey, op. cit., L. Lowenthal (ed.), Special Issue on International Communications Research, POQ, 16 (1952—1953), pp. 481—708.

³⁵ Важнейшие из более ранних работ, посвященных изучению руководства в детских группах, обобщены в книге: W. I. Thomas and Dorothy S. Thomas, *The Child in America*, New York, 1928.

³⁶ Для того чтобы составить общее представление о более ранней литературе по вопросу о характерных чертах руководителей, см. S. H. Britt, *Social Psychology of Modern Life*, rev. ed., New York, 1949; C. A. Gibb, *Leadership*, in Lindzey, op. cit.; O. L. Schwarz, *General Types of Superior Men*, Boston, 1916; E. B. Gowin, *The Executive and His Control of Men*, New York, 1915.

³⁷ Левинская точка зрения иллюстрируется в следующих книгах: David Krech and R. S. Crutchfield, *Theory and Problems of Social Psychology*, New York, 1948; S. E. Asch, *Social Psychology*, New York, 1952 (отдельной главы по вопросу о руководстве нет), а также во многих статьях в сборнике Cartwright and Zander, loc. cit.

³⁸ J. L. Moreno, *Who Shall Survive?*, Washington, 1934; Gibb, *ibid.*; Cartwright and Zander, op. cit. В последних двух книгах содержатся подробные перечни работ в данной области.

ных работников для Управления стратегических служб (УСС) во время второй мировой войны³⁹

Рассмотрение обширной литературы по вопросу о так называемых характерных особенностях руководства показывает, что, хотя члены группы часто считают какие-либо определенные сочетания особенностей присущими тому лицу, которое они рассматривают как руководителя, в то же время не существует общего единства мнений относительно того, какой комплекс, если вообще какой-либо, всегда присущ руководству. С другой стороны, вряд ли стоит заниматься явлениями господства, не обращая никакого внимания на личные факторы⁴⁰. Одним из наиболее содержательных исследований, посвященных личности и руководству, где этот вопрос рассматривается преимущественно в аспекте типологии, является работа Адорно и его сотрудников, проводивших сравнения между так называемыми «авторитарными» и «демократическими» личностями. Сэнфорд, находившийся под влиянием этой работы и использовавший шкалу авторитарно-эквалитарных позиций, отметил, что «авторитаряницы» и «эквалитаряницы» отличаются друг от друга тем, что предпочитают различные типы господства и по-разному реагируют на руководство⁴¹.

ДИВЕРГЕНТНЫЕ ПОДХОДЫ К ЛИЧНОСТИ

В начале нынешнего столетия большинство социал-психологов занималось вопросами коллективного поведения. Американские ученые, такие, как Эллвуд и Росс, исходившие преимущественно из идей французской школы групповой психологии, изучили психоструктуру толпы, но лишь после того, как в 1928 году была опубликована работа Мак-Дугалла «Введение в социальную психологию» («An Introduction to Social Psychology»), внимание американ-

³⁹ OSS assesment staff, Assesment of Men, New York, 1948.

⁴⁰ Энергичную поддержку такой точки зрения можно найти в работах R. B. Cattel, Concepts and Methods in the Measurement of Group Syntality, «Psychological Review», 55 (1948), pp. 48—63; L. Carter, Leadership and Small-Group Behavior, in Muzafer Sherif and M. O. Wilson (eds.), Group Relations at the Crossroads, New York, 1953.

⁴¹ F. H. Sanford, Research on Military Leadership, in J. C. Flanagan (ed.), Current Trends — Psychology in the World Emergency, Pittsburgh, 1952. См. также T. W. Adorno et al., The Authoritarian Personality, New York, 1950, а кроме того, R. Christie and Marie Jahoda (eds.), Studies in the Scope and Method of the Authoritarian Personality, Glencoe, Ill., 1954; S. A. Stouffer et al., Studies in Social Psychology in World War II, Princeton, New York, 1949, vol. 1; C. L. Sharttle and R. M. Stogdill, Studies in Naval Leadership, Ohio State Research Foundation, 1952; J. K. Hemphill, Situational Factors in Leadership, Ohio State University Personnel Research Board, 1949; Melvin Seeman and R. T. Morris, A Status-Factor Approach to Leadership, Ohio State University Research Foundation, 1950; Gibb, loc. cit., дает хороший обзор исследований, проведенных в Огайском университете.

ской социальной социологии переключилось на систематическое изучение личности.

Центральное место в системе Мак-Дугалла в том виде, в каком она была первоначально изложена, занимает систематическая и определенная связь между инстинктами и эмоциями. Он перечислил семь парных инстинктов и эмоций и добавил несколько «менее хорошо определяемых» импульсов и эмоций, таких, как инстинкт воспроизведения (с которым связана сексуальная ревность и женская робость), стадный инстинкт, а также инстинкты приобретения и строительства. Через посредство опыта различные эмоции объединяются в более сложные формы. Когда комплексные эмоции имеют относительно стабильный объект, вокруг которого они организованы, то зарождается чувство, а на основе комплексных эмоций и чувств возникает «я». Та конкретная форма, которую оно примет, будет в значительной мере зависеть от социального фона. Характер устойчивого типа порождается благодаря связыванию инстинктов, эмоций и возникших из них привычек с какой-либо целью или идеалом.

Бихевиоризм возник преимущественно благодаря трудам русского физиолога Павлова, метод которого был введен в нашей стране Уотсоном. По мнению бихевиористов, решающую роль в определении поведения играли внешние, а не врожденные факторы, и эта позиция привела к ожесточенным нападкам на теорию инстинктов Мак-Дугалла и его последователей. В основном критика сводилась к тому, что гипотеза инстинктов является наивным и частным объяснением сложностей человеческого поведения. Вся дискуссия удачно подытожена в книге Бернарда «Инстинкт: исследование по социальной психологии» (*Instinct: A Study in Social Psychology*), 1924).

«Социальная психология» (*Social Psychology*) Ф. Г. Оллпорта (1924) представляет собой последовательное рассмотрение предмета социальной психологии, основанное на гипотезе рефлексов бихевиористов; книга эта вскоре приобрела широкую популярность. Ее основной тезис состоит в том, что «человек унаследовал ряд могущественных рефлексов, которые являются основополагающими не только благодаря своей первоначальной мощи, но благодаря тому контролю, который они осуществляют над образованием привычек на протяжении всей жизни. В конечном счете, а также в генетическом отношении они могущественны». Оллпорт выделяет шесть важных классов могущественных рефлексов человека: начало и прекращение, отказ, борьба, реакции голода, реакции чувствительных зон и половые реакции. На этих основах базируется все социальное поведение.

Для сторонников теории рефлекса человеческая группа — это просто конгломерат индивидуумов. Хотя отдельные привычки могут быть общими для всех или для нескольких из них, каждый индивидуум имеет свои собственные привычки и характерные способы действия. Для объяснения того, как индивидуум вырабатывает

свое поведение в связи с другими людьми, используется механизм условного рефлекса. Посредством таких ассоциаций ребенок изучает язык и приобретает привычки и характерные манеры поведения своей группы. Это поведение представляет собой ответ на чувственную стимуляцию; оно заучивается благодаря процессу подкрепления, когда приемлемые действия вознаграждаются, а неприемлемые наказываются. Подобным образом индивидуум развивает свою личность.

Эта схема рефлекса, или подкрепления, хотя она и подвергалась непрерывным нападкам социал-психологов социологического толка⁴², постепенно получила признание, достигнув своего апогея как раз перед началом второй мировой войны в трудах Халла. Халл переработал теорию подкрепления в гипотетико-дедуктивную общую теорию поведения. Используя выживание в качестве определяющего понятия, он пришел к выводу, что организм приспосабливается путем снижения требований. Миллер и Доллард сделали попытку применить в больших масштабах теорию Халла к социальной психологии. Но эта попытка носила несколько спорный характер. Они изложили свои результаты в книге «Социальное обучение и имитация» («Social Learning and Imitation», 1941). После этой работы появился ряд эмпирических исследований⁴³, вызвавших в свою очередь волну критики.

Работы Кули и Мид. Противоположностью этому подходу к изучению развития личности является подход школы символического взаимодействия. Главной целью этой группы было описание и истолкование способа, посредством которого возникает «я», или личность, и функционирует в социальном взаимодействии. Фундамент школы символического взаимодействия был заложен Джемсом, Болдуином, Дьюи и Кули. Главные работы Кули, посвященные теории личности и ее связи с обществом, опубликованы в трех книгах: «Человеческая природа и социальный порядок» («Human Nature and the Social Order»), «Общественная организация, изучение большего разума» («Social Organization, A Study of Larger Mind», 1909) и «Социальный процесс» («Social Process», 1918). Его основной тезис заключается в утверждении о неразрывной связи между личностью и обществом. Представление ребенка о самом себе является отражением тех, кто его окружает.

Следуя основным положениям Болдуина и Кули, а также находясь под сильным влиянием функционалистских и бихевиористских тенденций в психологии, Мид дал натуралистическое и более или

⁴² См. Herbert Blumer, Social Psychology, in E. P. Schmidt (ed.), Man and Society, New York, 1937.

⁴³ C. L. Hull, Principles of Behavior, New York, 1943; W. W. Lambert, Stimulus-Response Contiguity and Reinforcement Theory in Social Psychology, in Lindzey, op. cit.; Dorrian Apple, Learning Theory and Socialization, ASR, 16 (1951), pp. 23—27; A. R. Lindesmith and A. L. Strauss, Comparative Psychology and Social Psychology, AJS, 58 (1952), pp. 272—279.

менее объективное описание и анализ процессов, участвующих в возникновении «я». Мид сам опубликовал всего лишь одну статью, но черновики его лекций и другие неопубликованные произведения были изданы посмертно; его теория «я» более детально разработана в книге «Разум, «я» и общество» («Mind, Self, and Society», 1934). Как утверждает Мид: «Я» возникает в поведении, когда индивидуум становится социальным объектом, познавая это сам на опыте... Ребенок постепенно становится общественным существом на основании собственного опыта и действует по отношению к себе аналогично тому, как он действует применительно к другим».

Теория роли и личность. Из всех понятий, предложенных сторонниками школы символического взаимодействия, термин «роль» привлек, пожалуй, больше всего внимания. Он использовался как социологами, включая Коттрелла, Мертона, Хьюза, Куна, Уоллера, Парсонса и Кимболла Янга, так и психологами, например Камероном, Ньюкомом, Сарбином и Сарджентом⁴⁴. В то время как ранние работы носили преимущественно оценочный и анекдотичный характер, в литературе, опубликованной в недавнее время, содержится все большее количество эмпирических исследований, посвященных социальным ролям и развитию «я». Существует тенденция к объяснению и эмпирическому установлению этих понятий; вполне возможно, что у них и в будущем найдутся приверженцы.

Личность с точки зрения Фрейда и ревизионистов. Другая важная и влиятельная теория человеческой личности — это теория, разработанная Фрейдом, основателем психоанализа. Предметом психоанализа является «человеческое поведение, рассматриваемое как конфликт»⁴⁵. Считается, что индивидуум находится в более или менее постоянном состоянии стремления к удовлетворению или борьбы за него, а враждебное окружение, в особенности социальный мир, имеет тенденцию перенаправить, ограничить и зачастую полностью лишить индивидуума этого удовлетворения. Теория Фрейда представляет собой преимущественно эволюционную историю этого конфликта. (См. гл. 20 «Социология и психоанализ», написанную Гизелой Дж. Хинкле.)

По мере того как практика психоанализа выходила за пределы своего первоначального центра в Вене, неизбежно должны были возникнуть отклонения от собственных взглядов Фрейда. Двое из первых дезертиров сгруппировались вокруг Юнга, подчеркивавшего значение архаического эго и разработавшего теорию о взаимодействующих типах личности, и вокруг Адлера, считавшего,

⁴⁴ См. T. R. Sarbin, Role Theory, in Lindzey, op. cit., vol. I

⁴⁵ Различные точки зрения на фрейдовскую теорию личности можно найти в работах: Kimball Young, Personality and Problems of Adjustment, 2nd ed., New York, 1952; C. S. Hall and G. Lindzey, Psychoanalytic Theory and Its Applications in the Social Sciences, in Lindzey, op. cit., vol. I.

что жизнь характеризуется основным, изначально присущим, намеренным стремлением к какой-либо заранее поставленной цели идеального характера. Имеются также многочисленные течения, сторонники которых неполомностью отвергают работы Фрейда. Из этих ученых Хорни, Фромм и Салливен пользовались значительной популярностью, в особенности среди некоторых специалистов по общественным наукам в США. Согласно основному утверждению Хорни, Фрейд переоценивает важность инстинктов и органического развития путем перехода через неизбежные стадии от рождения к зрелости. Фромм подходит к вопросу о личности не как аналитик-профессионал, а как социал-психолог, проявляющий значительный интерес к истории и культур-антропологии. Он, подобно Хорни, утверждает, что удовлетворение инстинкта — не главная задача индивидуума; этой задачей скорее является приспособление или обучение, соответствующее социально-культурным требованиям времени и места. Салливена, который был психиатром, можно было бы назвать квазифрейдистом. На основе своих клинических наблюдений он создал «теорию междуличностных отношений», или «теорию системы собственного «я»⁴⁶.

Социальная перцепция и личность. Перцепция является основным процессом, связывающим индивидуум с его окружением, как физическим, так и социальным. В историческом отношении психолого-экспериментатор занимался преимущественно более простыми перцептуальными суждениями о восприятии, такими, которые можно обнаружить в феномене Вебера—Фехнера. Вопрос о возможных социально-культурных влияниях на перцепцию его не интересовал. Точно так же и социал-психолог в течение длительного времени считал перцепцию само собой разумеющейся и уделял внимание мотивировке, эмоции и социальному взаимодействию. Однако в последнее время под рубрикой «социальная перцепция» стал проявляться все больший интерес к изучению социально-культурных факторов в этом важном адаптивном процессе⁴⁷. Ввиду наличия тесной связи между перцепцией и потребностями процессы перцепции стали определяющими, приводящими переменными для этой теории личности, и, наоборот, процессы, происходящие в психологии личности, являются решающими для определения перцепций.

Культура и личность. Постепенно социал-психологи стали замечать результаты, достигнутые культур-антропологией. На то, что люди воспринимают, оказывает влияние (в процессе обучения)

⁴⁶ C. C. Jung, *Psychological Types*, New York, 1922; Alfred Adler, *The Neurotic Constitution*, New York, 1916; Karen Horney, *The Neurotic Personality of Our Time*, New York, 1937; Erich Fromm, *Escape from Freedom*, New York, 1941; H. S. Sullivan, *Conceptions of Modern Psychiatry*, Washington, 1947.

⁴⁷ См. J. S. Bruner and Leo Postman, *Personality Dynamics and the Process of Perceiving*, in R. R. Blake and G. V. Ransney (eds.), *Perception, An Approach to Personality*, New York, 1951.

содержание того, что приобретается, а подавляющая часть этого будет прямо или косвенно иметь корни, уходящие в культуру данной эпохи и данного места. Интерес к этим факторам все увеличивался, чему способствовало также и появление работы Клайнберга, где описывалась интерпретация жестов китайцами. Адамс показал место культурной стилизации в проведенном им сравнении эмоциональной выразительности японцев, живущих в сельских местностях, с эмоциональной выразительностью японо-американцев на Гавайских островах. Ла-Барр сопоставил большое количество примеров, чтобы продемонстрировать отклонения в эмоциональном выражении, а исследование Эфрона, посвященное сравнению жестов иммигрантов из Восточной Европы, недавно прибывших в США, с жестикულიцией второго и последующих поколений тех же групп дало нам подробную документацию по этому общему вопросу⁴⁸.

В историческом аспекте подход с точки зрения «культуры и личности» был порожден преимущественно попытками Фрейда объяснить культурные и социальные явления, исходя из своей психоаналитической теории. Концепции Фрейда были преимущественно биологическими, и он стремился рассматривать индивидуум как продукт роста и зрелости в соответствии с биологическими законами, модифицированными или перенаправленными под воздействием социальных или культурных сил. Неофрейдисты придают меньшее значение биологическим факторам, уделяя больше внимания культурным факторам в своем истолковании динамики развития и функции личности.

С этих позиций культур-антропологи, социал-психологи и прочие пытались изучать воздействие культуры на развитие личности. Во многих случаях их материалы носили преимущественно описательный или исторический характер, присущий культур-антропологии. Раннее исследование Бенедикт и более недавние работы Маргарет Мид, Горера и других могут служить примерами такой трактовки⁴⁹. Однако другие, в особенности Кардинер и Линтон, Халлоуэлл и Дю-Бойс, пытались дать динамическую картину культурного обучения⁵⁰.

⁴⁸ См. Otto Klineberg, *Social Psychology*, 2nd ed., New York, 1954; Romano Adams, *Interracial Marriage in Hawaii: A Study of the Mutually Conditioned Processes of Acculturation and Amalgamation*, New York, 1937; Weston La Barre, *The Cultural Basis of Emotions and Gestures*, JP, 16 (1947), p. 49—68.

⁴⁹ Ruth Benedict, *Patterns of Culture*, Boston, 1934; Geoffrey Gorer, *The American People*, New York, 1948.

⁵⁰ Эти методы подытожены в книге: Alex Inkeles and D. J. Levinson, *National Character: The Study of Modal Personality and Socio-Cultural Systems*, in Lindzey, op. cit. Интерес к междисциплинарной трактовке социальной психологии проявляется в сборнике J. E. Hulett, Jr. and Ross Stagner (eds.), *Problems in Social Psychology, An Interdisciplinary Inquiry*, Urbana, Ill., 1952.

МЕТОДОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

После первой мировой войны социальная психология достигла феноменальных успехов, важнейшими из которых являются успехи в области методологии*. В то время как первые социал-психологи создавали свои теоретические системы на основе скудных сведений, собранных неофициальным путем, исследования последних лет тяготеют к ограниченным обобщениям на основе систематического, контролируемого изучения. В то время как прежние отчеты содержат в себе оценочные анекдоты, а позднее более широкие и официальные исследования частных случаев, в современных работах основное внимание уделяется собиранию, обработке и истолкованию массовых данных. Статистические методы были усовершенствованы, а область их применения была расширена. Техника наблюдения стала более строгой, интервью — более продуманными, а опыты — более контролируемыми. Кроме того, был выработан ряд специальных исследовательских методов, обогативших арсенал социал-психологов. В области социальной психологии из года в год ведутся дебаты по вопросу об относительной важности теории и данных. Для понимания этого конфликта мы должны ознакомиться с причинами его возникновения.

В свое время начатки социальной психологии возникли из предшествующей традиции социальной психологии. Сперва разрыв выразился в том, что стал проявляться повышенный интерес к эмпирическим данным. Тем не менее первые социал-психологи пытались сконструировать универсальные энциклопедические схемы, имевшие много общего с социальной философией той эпохи. Спенсер, Тейлор, Дюркгейм и Ле-Бон являются примером этих теоретиков-энциклопедистов⁵¹. Нельзя отрицать роль, сыгранную этими учеными в закладке фундамента научной социальной психологии, но тем не менее многие из их теорий не выдержали проверки временем.

Бихевиоризм. После первой мировой войны бихевиоризм занял в психологии господствующее положение, а вскоре у него нашлись приверженцы и среди специалистов по социальной психологии в лице Ф. Г. Оллпорта и Кимболла Янга⁵². Эти бихевиористы стали насаждать сугубый эмпиризм, что, возможно, являлось своего рода реакцией на грандиозные обобщения их предшественников. Они избегали теории и рассматривали науку преимущественно как процесс собирания данных. В ту эпоху специалист, который открыто признавался в интересе к теории, рисковал вызвать со-

* Редакторы данной работы не пытались унифицировать терминологию этого «методологического» раздела с терминологией гл. 7, где этот вопрос рассматривается более подробно. — Г. Б. и А. Б.

⁵¹ Рассмотрение взглядов этих авторов см. в книге Howard Becker and H. E. Barnes, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, 1952, vol. 1.

⁵² F. H. Allport, *Social Psychology*, Boston, 1924; Юппг, *Social Psychology*, 1st ed., New York, 1930.

мнения в своей личной компетенции, в наличии у него профессиональной этики или и в том и в другом.

Тем не менее теория незримо присутствовала в работах даже самых непреклонных из этих эмпирически мыслящих ученых. В наши дни большинство социал-психологов требуют интеграции теории и данных, но многие вопросы остаются все еще не решенными и продолжают вызывать дискуссии. Сейчас подавляются все попытки перебросить мост между теорией и данными, так как возникает вопрос относительно того уровня, на который должна быть поставлена теория. Должна ли теория быть широкой или узкой? Хотя и есть место как для широкой, так и для узкой теории, последняя, несомненно, встречается в наши дни гораздо чаще и, очевидно, будет господствовать на протяжении некоторого времени.

Помимо того, что сравнительно большее внимание уделялось то теории, то данным, имеется еще и второе течение. Социал-психологи перешли от описательного изложения данных к аналитическому, или объясняющему. Описательная наука занимается преимущественно классификацией данных. Ее обобщения являются числовыми, приводящими скорее к конгломератам фактов, нежели к системам познания. Объясняющая наука, напротив, подчеркивает важность поисков систематических взаимосвязей между опытами. Она создает обобщения относительно ковариантности и причины.

Изучение отдельных случаев и статистика: прекращение одного спора. После первой мировой войны большинство социал-психологов могло согласиться, что цель их исследований была научной — предсказать и контролировать социальное взаимодействие. Не хватало, однако, единомыслия относительно наилучшего способа получения таких прогнозов. Начинался большой спор о том, что дает больше — изучение отдельных случаев или статистический метод, и сторонники каждого из этих взглядов предъявляли преувеличенные претензии.

Формальные методы изучения конкретных случаев с использованием биографий и других личных документов были введены в социальную психологию Томасом и Знанецким в их монументальном труде «Польский крестьянин в Европе и в Америке» (1918—1920). Здесь авторы попытались показать важность изучения конкретных случаев для создания научных обобщений. Их метод быстро получил популярность, и был опубликован целый ряд аналогичных исследований⁵³. В недавнее время этот метод был применен в модифицированной форме Энджеллом при изучении того, как семьи реагируют на депрессию, Линдесмитом при

⁵³ См. William Healy and Augusta Bronner, *New Light on Delinquency and Its Treatment*, New Haven, 1936; Thrasher, *op. cit.*; Shaw, *op. cit.*; H. W. Zorbaugh, *The Gold Coast and the Slum*, Chicago, 1929; H. D. Lasswell, *Psychopathology and Politics*, Chicago, 1930; Nels Anderson, *The Hobo*, Chicago, 1931.

обследовании опиоманов и Кресси в его работах, посвященных финансовым злоупотреблениям⁵⁴.

Относительно плодотворности метода изучения конкретных случаев велись длительные споры, и мы должны признать, что в настоящее время этот метод уже не занимает той центральной позиции в социальной психологии, которая некогда ему принадлежала. Все же будет уместно привести высказывание Берджесса: «Почти все социологи единодушно признают полезность изучения конкретных случаев для разработки проблемы, для обнаружения ведущих направлений, для угадывания намеков и для постановки вопросов и выдвижения гипотез»⁵⁵.

Упор на количество: тесты, шкалы и анализ факторов. В настоящее время наблюдается тенденция к статистической обработке массовых данных для проверки гипотез. Среди первых американских специалистов по общественным наукам, которые стали использовать эти новые статистические методы, были специалисты по педагогической психологии. Как выдающихся следует назвать Кэттелла, Торндайка, Термена и Терстона⁵⁶. Эти исследователи разработали тесты и мерил для значительного числа человеческих атрибутов, но главным образом они старались использовать статистику для проверки умственного развития. Первым опытом массового применения психологических тестов в какой-либо стране было проведение в вооруженных силах во время первой мировой войны теста для оценки умственного развития. После успеха специалистов по оценке умственного развития в школах и в армии социал-психологи быстро усвоили статистические методы. Поскольку мнения и позиции представляют собой один из главных составных элементов в данной области, то конструирование инструментов для их измерений стало чрезвычайно важным. Наиболее поразительным достижением явилось использование шкал, а также анализа факторов. Использование шкал в социальной психологии возводят к применению оценочных схем, разработанных Торндайком для измерения быстроты чтения и т. п. Впоследствии, в середине двадцатых годов, Богардус изобрел также свой тест социальной дистанции⁵⁷. Одной из ранних попыток решить проблему измерения более точным способом была шкала Терстона. Он разработал ее, применяя метод едва заметных различий, причем на этой шкале

⁵⁴ R. C. Angell, *The Family Encounters the Depression*, New York, 1936; A. R. Lindesmith, *Opiate Addiction*, Bloomington, Ind., 1947; D. R. Cressey, *Other People's Money*, Glencoe, Ill., 1953.

⁵⁵ E. W. Burgess, *Research Methods in Sociology*, in Georges Gurvitch and W. E. Moore (eds.), *Twentieth Century Sociology*, New York, 1945.

⁵⁶ См. R. S. Woodworth et al., *The Psychological Researches of James McKeen Cattell*, AP, No 30 (1914); E. L. Thorndike, *Educational Psychology*, New York, 1913, 3 vol.; L. M. Terman, *The Measurement of Intelligence*, Boston, 1916; L. L. Thurstone, *Attitudes Can be Measured*, AJS, 33 (1928), pp. 529—554.

⁵⁷ E. S. Bogardus, *Measuring Social Distance*, JAP, 9 (1925), pp. 299—308.

было одиннадцать равно удаленных единиц. Этот способ был применен при создании шкал для измерения широкого диапазона социально-психологических явлений: консерватизм — радикализм, предубежденность — терпимость и т. д. Во время второй мировой войны Гуттман стал анализировать ответы на вопросники, собранные научно-исследовательским сектором Отдела информации и образования войск обслуживания; Гуттман имел в виду разработать комплекс шкал одномерности⁵⁸.

Анализ факторов возник на основе теории Спирмена об общем и специфическом факторе, являющемся объяснением природы и функционирования разума. С помощью матричной алгебры Терстон попытался создать методы для обработки результатов большого количества разнообразных тестов, с тем чтобы показать, что ответы на тесты можно истолковывать как зависящие от одного или от многих факторов. В недавнее время Эйсенк, Стивенсон и Р. Б. Кэттелл разработали более совершенные, сопровождающиеся теоретическими формулировками методы, которые дали им возможность изучать широкий диапазон явлений, начиная от личных особенностей характера до содержания совершенно различных культурных систем⁵⁹.

Исследователи социальной психологии давно хотели иметь какой-либо метод, позволяющий разрабатывать качественные данные, выражая их в более объективных, желательных статистических терминах. Разработанный недавно «латентно-структурный метод», в котором применяется анализ факторов, в руках Лазарсфельда, Стауффера и других может явиться началом работы в этом направлении⁶⁰.

Проблемы отбора. Отбор всегда являлся трудной проблемой для социальной психологии. Это особенно справедливо в отношении оценки общественного мнения путем голосования, где основное — собирание массовых данных. Когда еще только начали применять метод определения общественного мнения путем голосования, то уделялось мало внимания отбору опрашиваемых. Этот метод сложился на основе попыток «опрашивающих репортеров», пытавшихся проводить «пробное голосование» перед выборами. Их попытки привлекли к себе интерес общественности, и в 1916 году журнал «Литерари дайджест» начал регулярно печатать прогнозы национальных выборов. «Литерари дайджест» занимал господ-

⁵⁸ См. S. A. Stouffer et al., *Studies in Social Psychology in World War II*, Princeton, New York, 1950, vol. 4.

⁵⁹ C. E. Spearman, *General Intelligence Objectively Determined and Measured*, «American Journal of Psychology», 15 (1940), pp. 201—293; L. L. Thurston, *Multiple Factor Analysis*, Chicago, 1947; H. J. Eysenck, *Dimensions of Personality*, London, 1947; W. Stephenson, *The Study of Behavior*, Chicago, 1953; R. B. Cattell, *Factor Analysis*, New York, 1952.

⁶⁰ S. A. Stouffer, *Scaling Concepts and Scaling Theory*, in Marie Jahoda et al. (eds.), *Research Methods in Social Relations*, New York, 1951, vol. 2; Stouffer et al., *op. cit.*, vol. 4.

ствующее положение в этой области до 1936 года, когда он совершил грубый промах, ошибочно предсказав результаты президентских выборов, так как мнение группы опрошенных было предвзятым. Это побудило специалистов пересмотреть свои методы отбора.

Вскоре получили популярность «Опрос Голлапа», обзор Роппера в журнале «Форчун» и «Опрос Кросли», и их методы порайонного отбора опрашиваемых, по-видимому, оказались успешными. Однако в 1948 году предсказания, сделанные на основе этих предварительных голосований, снова оказались ложными. Стало очевидным, что во всех предвыборных голосованиях наличествовала какая-то серьезная ошибка, и снова произошла переоценка ценностей. Сразу же возник спор по поводу относительной эффективности отбора путем квот или пучков по сравнению с вероятностным отбором⁶¹.

Наблюдение участника и интервью. Методы наблюдения являются основным орудием социальной психологии. Современные методы выросли из несистематизированных наблюдений тех ранних социал-психологов, о которых мы говорили выше. В первой четверти нынешнего столетия Парк и его ученики внесли некоторые усовершенствования и сделали попытки контролировать эти наблюдения. Они оформили свою процедуру в виде техники наблюдения участника, но так и не разработали никакого систематического способа для устранения предвзятости и обеспечения надежности своих данных. Первые попытки систематической разработки этих проблем были сделаны Бюлер и Томасом⁶². Техника наблюдения привлекала все большее внимание в последние годы. Наблюдалась тенденция не к регистрированию взаимодействия в целом, а лишь к записи специфически предопределенных аспектов поведения. Были разработаны комплексы категорий и шкалы оценок для спецификации тех явлений, которые будут наблюдаться. Помимо спецификации наблюдений, за последнее время в работу по наблюдению были введены элементы контроля путем применения различных механических записывающих устройств⁶³.

Интервью в той или иной форме являются одним из основных орудий социальной психологии. Они бывают самыми разнообраз-

⁶¹ Frederick Mosteller et al., *The Pre-Election Polls of 1948*, New York, 1949; F. F. Stephan, *Sampling in Studies of Opinions, Attitudes, and Consumer Wants*, «Proceedings of the American Philosophical Society», 92 (1948), pp. 387—398; Harry Alpert, *Some Observations on the Sociology of Sampling*, SF, 31 (1952), pp. 30—33.

⁶² W. F. Whyte, *Observational Fieldwork Methods*, in Jahoda et al., *op. cit.*, vol. 2; Charlotte Bühler and H. Hertz, *Testing Children's Developments from Birth to School Age*, New York, 1935; Dorothy S. Thomas et al., *Observational Studies of Social Behavior*, New Haven, Conn., 1933, vol. 1.

⁶³ Обзор развития этих методов см. в работах: R. W. Heyns and A. F. Zander, *Observation of Group Behavior*, in Festinger and Katz, *op. cit.*; R. W. Heyns and Ronald Lippitt, *Systematic Observational Techniques*, in Lindzey, *op. cit.*, vol. 1.

ными, начиная от глубоко личных свободных ассоциаций психоанализа до коротких вопросников, рассылаемых по почте представителями фирм, занимающихся вопросами голосования с коммерческой целью. Неофициальное глубокое интервью применяется преимущественно при различных методах психотерапии. Оно было впервые разработано Фрейдом и его последователями, а в недавнее время адаптировано Роджерсом и терапевтами его школы, уделяющими главное внимание клиенту⁶⁴.

Экспериментальный метод. Как указывают Мерфи, Мерфи и Ньюком, систематическое изучение Брейдом внушения в период между 1841 и 1860 годами представляет собой начало применения экспериментов в социальной психологии. С тех пор психологическая литература кишит сообщениями об экспериментальных исследованиях в этой области. После первой мировой войны Меде и Ф. Г. Олпорт сформулировали свои требования о том, чтобы социальная психология была поставлена на экспериментальную основу⁶⁵. Начиная с этого времени эксперименты стали применяться все чаще и чаще, и сейчас применение их является одним из наших основных методов. Хотя, как об этом свидетельствуют вышеприведенные утверждения, участвовавшее применение экспериментальных научно-исследовательских проектов представляло собой основную тенденцию в социальной психологии, но производились также и модификации экспериментальной модели. Большинство этих модификаций делалось с целью улучшения контроля и устранения предупреждения. Одна из школ пришла к более усложненным проектам — это было следствием добавления дополнительных экспериментальных и контрольных групп, — кульминацией чего явился, наконец, четырехгруппный проект — схема Соломона. Другая традиция, восходящая к статистику и биологу Фишеру, свела к минимуму применение контрольных групп в эксперименте, используя вместо них статистические элементы контроля⁶⁶. Здесь упор делается на случайный отбор и на более изящные статистические приемы, такие, как анализ расхождения (см. гл. 7).

В заключение этого рассмотрения методов необходимо упомянуть также несколько разных специальных видов техники научного исследования, которые применялись в этой области.

Проективная техника. Использование проективной техники приобрело все большее значение. Эти методы представляют собой сочетание количественной оценки с качественным анализом, причем основную роль играет последний. Считается, что проективные

⁶⁴ C. R. Rogers, *Counseling and Psychotherapy*, Boston, 1941.

⁶⁵ Gardner Murphy, Lois B. Murphy and T. M. Newcomb, *Experimental Social Psychology*, 2nd ed., New York, 1937; W. Moede, *Experimentelle Massenpsychologie*, Leipzig, 1920; F. H. Allport, *Social Psychology*, Boston, 1924.

⁶⁶ R. L. Solomon, *An Extension of Control-Group Design*, PB, 46 (1949), pp. 137—150; R. A. Fisher, *The Design of Experiments*, Edinburgh, 1935.

тесты могут глубже раскрыть личность, чем приемы, разработанные Терстоном, Лайкертом, Гуттманом и др. Истолкование основано на смысловом содержании, на эмоциональном выражении, сопровождающем ответы, на жестах, колебаниях и других экспрессивных движениях мысли, которые считаются показательными для бессознательных черт личности. Проективные тесты основаны на предположении, что вызванные свободно текущие ассоциации исходят из бессознательных и динамических основ личности⁶⁷.

Социометрическая техника. Социометрию можно определить как изучение отношений между личностями, причем особое внимание уделяется определению притяжений и отталкиваний внутри групповой структуры. Главный пропагандист этой теории Морено — написал естественную историю формирования групп, используя как статистический, так и геометрический способ подачи для обозначения динамики отношений между личностями. В настоящее время социометрические измерения пользуются всеобщим вниманием и модифицируются путем разработки более утонченной статистической техники⁶⁸.

Анализ содержания возник в качестве приема определения специфических или общих тем в различных формах словесного материала — романах, очерках, публичных выступлениях, сообщениях о происшествиях, передовых статьях и т. п. Обнаружение, табуляция и анализ таких тем представляют собой средства описания изменений во времени в политической пропаганде, в политике партий и в международных отношениях — мы отметим лишь несколько применений. Берельсон полагает, что рассмотрение изменения содержания во времени может дать нам возможность предсказывать будущие тенденции⁶⁹.

Транскультурный метод. В строгом смысле слова трансверсальное изучение культур является не одним из видов исследовательской техники, а способом собирания данных. Однако его применение дает существенные преимущества социальным психологам, так как позволяет создавать обобщения, не ограничивающиеся одной какой-то культурой. Первые исследования были проведены Тейлором и Хобхаузом, Уилером и Гинзбергом, использовавшими транскультурные сравнения для проверки эволюционных гипотез. Но лишь в последнее десятилетие транскультурный метод был применен для проверки социально-психологических гипотез⁷⁰.

⁶⁷ См. J. E. Bell, *Projective Techniques*, New York, 1948.

⁶⁸ Moreno, op. cit.; Gardner Lindzey and E. F. Borgatta, *Sociometric Measurement*, in Lindzey op. cit., vol. I.

⁶⁹ Bernard Berelson, *Content-Analysis in Communication Research*, Glencoe, Ill., 1952.

⁷⁰ E. B. Tylor, *On the Method of Investigating the Development of Institutions, Applied to the Laws of Marriage and Descent*; J. Royal, *Anthropological Institute*, 18 (1889), pp. 245—269; L. T. Hobhouse, G. C. Wheeler and Morris Ginsberg, *The Material Culture and Institutions of the Simpler Peoples*, London, 1915; J. W. M. Whiting, *The Cross Cultural Method*, in Lindzey, op. cit., vol. I.

- artwright, Dorwin and A. F. Zander, Group Dynamics, Evanston, Ill., Row, Peterson, 1953.
- ennis, Wayne (ed.), Current Trends in Social Psychology, Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 1948.
- ullett J. E., Jr. and Ross Stagner (eds.), Problems in Social Psychology, Urbana, Ill., University of Illinois Press, 1952.
- arpf F. B., American Social Psychology, New York, McGraw-Hill, 1932.
- luckholm, Clyde and H. A. Murrey (eds.), Personality in Nature, Society, and Culture, New York, Alfred Knopf, rev. ed., 1953.
- indzey, Gardner (ed.), Handbook of Social Psychology, Cambridge, Mass: Addison-Wesley, 1954, 2 vols.
- urchison, Carl (ed.), A Handbook of Social Psychology, Worcester, Mass: Clark University Press, 1935.
- wanson G. E., T. M. Newcomb and E. L. Hartley (eds.), Readings in Social Psychology, rev. ed., New York, Henry Holt, 1952.
- oung, Kimball and D. W. Oberdorfer, Psychological Studies of Social Processes, in H. E. Barnes, Howard Becker, and Frances B. Becker (eds.), Contemporary Social Theory, New York, D. Appleton Century, 1940, Chap. 12.
- oodard J. W., Social Psychology, in Georges Gurvitch and Wilbert E. Moore, Twentieth Century Sociology, New York: Philosophical Library, 1945, Chap. 19.

СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОАНАЛИЗ

Гизела Дж. Хинкле

Теории Зигмунда Фрейда были усвоены американской психологией в середине XX века и тогда же проникли и в современную американскую социологию. Многие социологи применяют различные переработанные варианты психоаналитического метода, сегменты его теорий, а также и такие отдельные понятия, как латентные качества, очевидные качества, подавление, рационализация, проекция, сублимация, идентификация, разочарование, агрессия, суррогат родителей, супер-эго, чувство вины, отход, перемещение, чувство безопасности и чувство неуверенности. Фрейдистские и неофрейдистские идеи проникли также во многие специализированные области социологии, где их применяют, иногда не отдавая себе отчета в их интеллектуальных истоках. Они как бы «растворены», для того чтобы войти в социологические рамки социальной психологии: коллективное поведение, общественное мнение и коммуникация, социология семьи, расовые и этнические отношения, социальная стратификация, бюрократия, социальная дезорганизация, социальная психиатрия и социологическая теория¹. «Фрейдизм», таким образом, в американской социологии, можно сказать, повлек за собой сознательное и бессознательное, чистое и растворенное, а также правильное и неправильное применение психоаналитических идей.

Двойственное отношение к психоаналитической теории. Тем не менее социологи резко и глубоко критиковали психоанализ. Иногда непринятие фрейдизма категорически обосновывается тем, что фрейдизм придает чрезмерное значение полу, использует теорию повторения, теорию тотема и табу, а также применяет биологические, инстинктивные детерминанты поведения. Большинство социологических оценок представляет собой, по сути дела, критику процедуры и техники. Социологи критикуют психоаналитиков за то, что те зачастую пользуются недостаточными, неправильно

¹ Франц Александер истолковывает «растворение» психоанализа в американской социальной науке как свидетельство его принятия. См. Franz Alexander and Helen Ross (eds.), *Twenty Years of Psychoanalysis*, New York, 1953, p. 18.

отобранными и не относящимися к делу данными; за сверхобобщения, основанные на таких фактах; за тавтологически определенные и неточные понятия; за склонность наклеивать ярлычки на поведение, вместо того чтобы объяснять его, и за пренебрежение фактами культурного родства при разработке всеобщей теории мотивов и развития личности².

Это парадоксальное принятие психоанализа и отказ от него делают оправданным подробное рассмотрение вопроса о том, почему социологи стали широко использовать данные идеи. Такая история психоанализа в американской социологии может быть лучше всего изложена, если подразделить американскую социологию на три основных периода³.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД: 1905—1918 годы

Первоначальные колебания: принять или не принять фрейдистскую теорию? Влияние психоанализа на американскую социальную мысль начинается с 1909 года, когда Фрейд прочел пять лекций о происхождении и развитии своих теорий на праздновании двадцатой годовщины университета Кларка⁴. Он обрисовал в общих чертах принцип психического детерминизма и, используя историю болезни одной девушки (случай, изучавшийся им и Брейером), показал, что истерия возникает в результате действия активно конфликтующих психических сил, а не вследствие врожденной дегенеративности. Он также объяснил понятие «сопротивления», природу «желания» и его проявления в снах и юморе, детскую сексуальность, Эдипов комплекс, а также функцию сублимации в развитии современной цивилизации. Благодаря тому что на этих заседаниях присутствовали многие американские и иностранные ученые, теории Фрейда приобрели широкую популярность. Следует сказать, что Дж. Стэнли Холл, бывший тогда ректором университета Кларка, утверждал, что эти заседания явились первым толчком, положившим начало распространению фрейдизма в Соединенных Штатах⁵.

² См. A. R. Lindesmith and A. L. Strauss, *A Critique of Culture-Personality Writings*, ASR, 15 (October, 1950), pp. 587—600.

³ Историю американской социологии для удобства можно разделить на следующие три периода: 1905—1918, 1918—1935 и 1935—1955 годы; см. R. C. Hinkle, Jr. and Gisela J. Hinkle, *The Development of Modern Sociology*, Garden City, New York, 1954. История психоанализа примерно совпадает с этими же тремя периодами, однако конец первого периода в истории влияния психоанализа на социологию лучше датировать 1920 годом, так как психоанализ впервые официально был признан социологами в этом году.

⁴ Sigmund Freud, *The Origin and Development of Psychoanalysis, Lectures and Addresses Delivered Before the Department of Psychology and Pedagogy in Celebration of the Twentieth Anniversary of the Opening of Clark University*, Part I, Lecture before the Department of Psychology, Worcester, Mass., 1910, pp. 1—30.

⁵ G. Stanley Hall, *Life and Confessions of a Psychologist*, New York, 1923, p. 332.

Высказывание Холла скорее относится к американской литературе, философии, педагогике и психологии, чем к социологии⁶. Поскольку кадры социологов пополнялись преимущественно за счет выходцев из протестантской среды, характерной особенностью которой была строгая нравственность, они избегали детального обсуждения психоанализа. С их точки зрения фрейдизм был синонимичен полу, а общая проблема пола не входила в сферу их изучения. До первой мировой войны социологи были знакомы только с работой У. И. Томаса «Пол и общество» («Sex and Society», 1907) и с «Исследованиями в области психологии пола» («Studies in the Psychology of Sex», 1898) Хэблока Эллиса. Хотя они не решались или не хотели публично рассмотреть и оценить теории Фрейда, но по цитатам в работах первых социологов и по обзорам психоаналитической литературы можно сделать вывод о том, что они достаточно были знакомы с этими идеями. Тем не менее молчаливое нежелание обсуждать фрейдизм дает нам право охарактеризовать самую раннюю фазу психоанализа в американской социологии, с 1909 по 1920 год, как фазу «благоразумного выжидания».

Некоторые параллели между американской психологией и теорией Фрейда. Первая фаза психоанализа совпадает с периодом формирования американской социологии, когда социологи пытались открыть законы, управляющие социальной жизнью, чтобы помочь разрешить социальные проблемы, связанные с индустриализацией и урбанизацией. Следовательно, основные интересы и допущения ранней социологии носили такой характер, что это было равносильно принятию фрейдистской психологии. Пытаясь объяснить проблемы пауперизации, преступления, безумия, самоубийства и незаконнорожденности, социологи исходили из четырех основных допущений, соответствующих тем, которых придерживались психоаналитики: 1) социологи принимали на себя задачу поисков универсальных научных законов человеческого поведения, напоминающих неизменные естественные законы, управляющие физическими и органическими явлениями; 2) они определяли социальное изменение как социальную эволюцию и истолковывали его как прогресс на пути к лучшему обществу; 3) они считали, что такое поступательное развитие человечества может быть ускорено путем непосредственного вмешательства людей с целью усовершенствования этого процесса, для чего используется знание социологических законов; 4) они полагали, что социальное поведение и общество определяются индивидуальным поведением, и при-

⁶ Gisela J. Hinkle, *The Role of Freudianism in American Sociology* (неопубликованная диссертация на соискание степени доктора философии, Висконсинский университет, 1951); E. W. Burgess, *The Influence of Sigmund Freud upon Sociology in the United States*, *AJS*, 45 (November, 1939), pp. 356—374; C. S. Hall and Gardner Lindzey, *Psychoanalytical Theory and Its Application in the Social Sciences*, in Gardner Lindzey (ed.), *Handbook of Social Psychology*, Cambridge, Mass., 1954, vol. 1, pp. 143—180.

давали особое значение мотивировке у индивидуумов с помощью ассоциации.

Положительной оценке фрейдизма способствует приверженность к индивидуалистической концепции общества, которая сохранялась на протяжении последних пятидесяти лет существования этой дисциплины и которую можно кратко охарактеризовать как *волюнтаристский номинализм*⁷. Альбион У Смолл, говоря о тех пунктах, в отношении которых существует согласие среди социологов, писал в 1906 году, что «нет ничего социального, что не являлось бы психическим», и что для социологов «характерным центром внимания и... принципом синтеза является личность»⁸. Хотя первоначальным объектом исследования для них служат индивидуумы в ассоциации, социологи должны проявлять особый интерес к элементам внимания, оценки и желания, участвующим в динамике социального действия.

Особое внимание, уделяемое психической природе человека как основному источнику социальных явлений, наглядно выражается в теориях социальных сил; теории эти можно найти в работах всех крупных социологов первого периода. Лестер Ф. Уорд выдвинул теорию социальных сил, в которой особое внимание уделялось эмоциям. Уильям Дж. Самнер верил, что человеком движут инстинкты голода, половой любви, тщеславия и боязни духов. Альбион У Смолл полагал, что шесть интересов — здоровье, богатство, общительность, знание, красота и праведность — побуждают человека к действию. А Эдвард А. Росс, написавший первый американский учебник по социальной психологии, соединил теорию Уорда о социальных силах с теорией Смолла об интересах.

Исходя из принципа *волюнтаристского номинализма*, социологи обычно рассматривали социальные проблемы как результат неспособности индивидуумов к сложности современной цивилизации. Эта индивидуальная неспособность считалась непосредственным продуктом психологического и психического склада человека. В связи с этим общим интересом к социальным проблемам социологи стали применять отдельные фрейдистские понятия, как, например, понятия «желание», «подавление» и «сублимация». Встает вопрос о том, как могло произойти, что эти и другие фрейдистские идеи инкорпорировались в социологических исследованиях, предметом которых являлось изучение преступности, социального изменения и брожения среди рабочих. Это мы теперь и рассмотрим.

Пропандисты теории Фрейда: Холл и Гровс. Дж. Стэнли Холл был первым, кто описал потенциальные последствия открытий

⁷ Hinkle and Hinkle, op. cit., p. VII: «Этот термин означает допущение, что структура всех социальных групп есть следствие конгломерации отдельных входящих в нее индивидуумов и что социальные явления в конечном счете возникают из мотивировок этих знающих, чувствующих и желающих индивидуумов».

⁸ A. W. Small, Points of Agreement Among Sociologists, PASS, 1 (1907), p. 67.

Фрейда для социологии⁹. Обратившись сам к проблеме преступления, он указал, что психический процесс, связанный с преступностью, включает в себя бунт индивидуумов против тех социальных институтов, которые навязывают единообразие, препятствуют реализации «я» и ограничивают возможность выражать чувство справедливости. Преступники восстают против различных видов социального давления, так как в избытке обладают некоторыми элементарными качествами.

В последующие пять лет после выхода статьи Холла никаких упоминаний о психоанализе нельзя было найти в официальных отчетах Американского социологического общества. Однако начиная с 1917 года был опубликован ряд статей, рецензий и рефератов, относящихся к фрейдизму. Эрнест Р. Гровс написал первую обширную рецензию в 1918 году. Роберт Голт опубликовал лекцию, прочитанную им в марте 1917 года в Северо-западном университете¹⁰. Заново интерпретируя фрейдовскую теорию бессознательного, Голт утверждал, что существуют два вида бессознательного — основанное на инстинкте и приобретенное — и что знания относительно этого последнего и контроль над ним могли бы быть использованы для создания большего национального единства.

Единичные упоминания о психоанализе появились в нескольких статьях. Роберт Э. Парк выдвинул в 1919 году гипотезу, что поведение негров можно рассматривать как выражение их расового характера, точно так же как сны представляют собой проявления глубоко скрытых желаний. Улисс Дж. Уэтерли предложил, чтобы те, кто определяет социальную политику, ознакомились с научной психологией и с ролью бессознательных и подавленных желаний в человеческом поведении, поскольку «сознательное желание зачастую отнюдь не является подлинным желанием». Ф. Стюарт Чэпин считал доминирующие социально-классовые перевороты, беспорядки в промышленности и радикализм результатом подавления основных импульсов, в особенности мощного стремления к самореализации, и действия перемещения, проекции, символизма, компенсации и рационализации¹¹.

Одним из наиболее последовательных толкователей психоанализа в этот ранний период был Э. Р. Гровс. Он являлся не только автором чуть ли не первых статей о психоанализе, но и наиболее

⁹ G. Stanley Hall, *Social Phases of Psychology*, PASS, 7 (1913), pp. 38—46.

¹⁰ E. R. Groves, review of W. A. White's «Principles of Mental Hygiene», *AJS*, 23 (May, 1918), p. 841; Robert Gault, *Psychology in Social Relations*, там же, 22 (May, 1917), pp. 734—748.

¹¹ R. E. Park, *Education in Its Relation to the Conflict and Fusion of Cultures, With Special Reference to the Problems of the Immigrant, the Negro, and Missions*, PASS, 13 (1919), pp. 38—63; U. G. Weatherly, *Democracy and Our Political System*, там же, 14 (1920), pp. 23—25; F. S. Chapin, *Democracy and Class Relations*, там же, 14 (1920), pp. 101—110.

частым рецензентом книг по этому вопросу¹². Коротко охарактеризовав значение основных трудов Фрейда, Адлера и Юнга, он перечисляет три следующих психоаналитических открытия, сыгравших важную роль в социологии¹³. Показав, что психические атрибуты душевнобольного — более интенсивные варианты атрибутов, имеющих у нормальных людей, Фрейд, во-первых, открыл теорию психической жизни, теорию, которая является универсальной и поддается количественной оценке. Во-вторых, он расширил границы психологии за пределы физиологии вплоть до изучения психических процессов умственной деятельности. И, наконец, он открыл «желание», представляющее собой ключ к человеческой душе. Гровс первым из социологов увидел сходство между фрейдовской теорией сублимации «желания» и социологической теорией психической причинности человеческого поведения. Предвосхищая последние теоретические определения личности, Гровс писал: «Человеческое общество стало возможным благодаря этой сублимации, и каждый, кто становится членом социальной группы, должен испытать конфликт между внутренними инстинктивными импульсами, жаждущими удовлетворения, и давлением со стороны внешней социальной среды, которая требует от индивидуума того, что представляется лучшим для группы в целом»¹⁴.

В декабре 1920 года, будучи одним из председателей на конференции круглого стола, где обсуждалось «Социальное значение психоаналитической психологии», Гровс сделал обзор нескольких докладов и снова подтвердил свои более ранние наблюдения¹⁵. Для разрешения проблем преступности и волнений среди рабочих требуется иметь больше знаний об «инстинктивных элементах контроля». Поскольку стремления человека к половому удовлетворению, самоутверждению, голоду, страху и стадности являются всеобщими, то социологи должны изучать социально приемлемые формы, в которых эти стремления выражаются в различных культурах. И, прежде чем вводить изменения в выражение этих инстинктов в американском обществе, социологи должны изучить и понять, как различные виды социального давления формируют личность на протяжении первых лет детства.

Хили и его «анализ душевного состояния» при социальном отклонении. Другим важным вкладом, способствовавшим распростра-

¹² E. R. Groves, review of W. A. White's «Principles of Mental Hygiene», *AJS*, 23 (May, 1918), p. 841; review of S. E. Jelliffe's «The Technique of Psychoanalysis», *AJS*, 25 (July, 1919), pp. 100—101; review of W. Lay's, «The Child's Unconscious Mind», там же (November, 1919), pp. 367—368; review of W. A. White's «Thoughts of a Psychiatrist on the War and After», *AJS*, 26 (September, 1920), p. 239; review of W. S. Swisher's «Religion and the New Psychology», там же (November, 1920), p. 376.

¹³ E. R. Groves, *Sociology and Psycho-Analytic Psychology*, *An Interpretation of the Freudian Hypothesis*, *AJS*, 23 (July, 1917), pp. 107—116.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *PASS*, 15 (1921), pp. 203—216. В число участников входили: Сполдинг, Уайт, Бланчард, Робинсон и Питерс.

ние на желание и применил «четыре желания» к анализу неприспособившихся личностей, причем применил таким способом, который в какой-то мере был аналогичен фрейдистскому анализу»¹⁹

Эта косвенная связь говорит об аналогичности теоретических формулировок. Анализ показывает, что как Томас, так и Фрейд придерживались внутренней диалектической теории изменения, помещая динамику и направление человеческого поведения внутри самого человека. Несмотря на свой терминологический сдвиг, Томас, постоянно утверждал, что человек стремится к поискам удовлетворения и что эти стремления — или желания — находятся в непрерывном диалектическом конфликте друг с другом и с окружающей средой. Желания, как настойчиво утверждал Томас являются универсальными. Некоторые желания (подобные желанию безопасности и нового опыта) относятся к индивидуальной стороне личной эволюции; другие же (подобно желаниям реакции и признания) — к *социальной* стороне эволюции личности. Индивидуальные и социальные силы личности ведут конкурентную борьбу за господство внутри личности и в то же время борются ради получения удовлетворения от внешнего мира. В конце концов в каждом индивидууме устанавливается некое равновесие между этими силами, хотя внезапные изменения социальной ситуации требуют новых видов приспособления и нового равновесия. В недавнее время в своей книге «Примитивное поведение» («Primitive Behavior», 1937) Томас показал, что такое приспособительное поведение всегда содержит в себе эмоциональный элемент. Таким образом, томасовское представление о желании напоминает фрейдистское представление, так как: 1) желания — это универсальные человеческие стремления к поискам цели; 2) желания находятся в постоянном конфликте друг с другом и с внешним миром; 3) приспособительное поведение включает в себя эмоциональный фактор и 4) постоянная борьба является источником эволюции личности и социального изменения.

Этими чертами сходства частично объясняется соседствование ссылок на томасовскую теорию поведения и на фрейдизм в социологической литературе. Говоря о роли социальных сил в поведении, Роберт Э. Парк и Э. У. Берджесс в своем «Введении в науку социологии» («Introduction to the Science of Sociology», 1921) переработали томасовские четыре желания в теорию развития личности; теория эта напоминает фрейдистскую идею эволюции либидо. Более того, они непосредственно упоминали об использовании «желания» в психоанализе. Томас сам объяснял преступность среди девушек путем сочетания теории Хили о психическом конфликте с понятием о заблокированном осуществлении желания. Отвергая представление о главенствующей роли пола, Хили одновременно присоединялся к фрейдистам в подчеркивании роли желания и делал вывод, что неудовлетворение желания быть признанным

¹⁹ Личное письмо к автору от 3 апреля 1950 года.

порождает те же самые психические состояния, которые Фрейд приписывал неудовлетворению сексуальных влечений²⁰. Это аналогичное употребление двух в остальном различных понятий можно отнести за счет их общего интеллектуального предшественника, ницшеанской «воли к власти».

Огберн и Паркер: психоаналитический подход к истории, экономическим отношениям и социальным проблемам. Во многих отношениях Уильям Ф. Огберн сыграл важную роль в истории фрейдизма в ранней американской социологии. Объяснения, которые он давал многим социальным проблемам, основываются на психоанализе; источник его знакомства с открытиями Фрейда можно непосредственно проследить — это были лекции в университете Кларка, а его работы побудили других специалистов по социальным наукам попытаться использовать возможности психоанализа.

Будучи студентом Колумбийского университета в 1910 году, Огберн впервые услышал о теориях Фрейда на одном из семинаров, на котором выступал Франц Боас, присутствовавший на лекциях в университете Кларка. В это время он также присутствовал на дискуссиях в доме Александра Гольденвейзера, где однажды Луис Лорвин сделал изложение работы Фрейда «Три статьи по теории пола». Заинтересовавшись связью между психическими явлениями и физическими состояниями, Огберн затем прочел «Психологию безумия» («Psychology of Insanity») Бернарда Харта, «Болезненные страхи и навязчивые состояния» («Morbid Fears and Compulsion») В. У. Фринка, «Психопатологию» («Psychopathology») Эдварда Дж. Кемпфа и «Толкование сновидений», «Психопатологию обыденной жизни» и «Общее введение в психоанализ» Зигмунда Фрейда²¹. Наконец, в 1918 году Огберн подвергся дидактическому психоанализу, который был проведен Тригантом Берроу.

Усиленно занимаясь изучением психоанализа с 1910 года по 1918 год, Огберн в то же время стал близким другом специалиста по экономике труда Карлтона Г. Паркера. Паркер особенно интересовался брожением в рабочей среде на Западном побережье и под влиянием Огберна стал читать психоаналитическую литературу. Паркер всегда считал, что забастовки враждебны социальному прогрессу, и критиковал представителей классической экономики за их неумение предвидеть или разрешать проблемы труда. Паркер осознал существование иррациональных сил, вызывавших беспокойство среди рабочих, когда писал свои первые статьи, где описывались бунты и забастовки; вследствие этого он настойчиво отрицал утверждение экономистов о разумном человеке. В 1915 году в Беркли Огберн познакомил Паркера с работами Фрейда. С тех пор Паркер в своих исследованиях, включая доклад, прочитанный в Американском социологическом обществе в декабре 1917 года, стал применять выводы Фрейда о характере действий

²⁰ W. I. Thomas, *The Unadjusted Girl*, Boston, 1923, p. 32.

²¹ Личное письмо У. Ф. Огберна к автору от 5 мая 1950 года.

Соединенные Штаты как благоприятная почва для фрейдистских теорий. На историю психоанализа во второй период американской социологии, с 1920 по 1935 год, повлияли как изменения в мышлении американской интеллигенции и народа после первой мировой войны, так и развитие социологии, превратившейся в научную дисциплину. Дешевые журналы способствовали пробуждению интереса к любовной и половой жизни частных лиц. По-видимому, издатели журналов нанимали специальных сотрудников, для того чтобы давать «советы неудачникам в любви» и переписывать или редактировать личные исповеди, присылаемые читающей публикой во время широко разрекламированных конкурсов. «Мак-Фадден компани» заняла ведущее место в публикации этой альковной литературы, создав специальный «Журнал подлинных историй». Другие компании последовали ее примеру, приступив к изданию «Подлинной исповеди», «Мира грез», «Дневника амура», «Истории любви», «Я исповедуюсь», «Подлинного романа» и «Моей истории»²⁶. По мере того как повторение этой темы любви и пола ослабляло мораль общества, возросло число научных дискуссий по сексуальным вопросам. Чувствуя этот новый интерес к проблемам личной жизни, поощряя его и наживаясь на нем, американские издатели сняли свое эмбарго на печатание английских переводов основных сочинений Фрейда и выпустили в значительных тиражах девять переводов за непродолжительный период с 1917 по 1923 год²⁷.

Одновременно повысился интерес публики к вопросам психического здоровья. Движение за психогигиену, официально признанное в 1910 году путем организации «Национального комитета по психогигиене», еще более укрепилось благодаря развитию психиатрии во время первой мировой войны. Получив признание со стороны представителей медицинской профессии²⁸, психиатрия сама начала признавать психоанализ. Кульминационным моментом этого движения явилось объединенное заседание «Американской психиатрической ассоциации» и «Американской психоаналитической ассоциации», на котором Уильям А. Уайт — сторонник психоанализа — был в 1926 году избран председателем.

По мере того как возрастал интерес публики к вопросам пола и психического здоровья, социологи постепенно изменили свою позицию и уже не отказывались обсуждать идеи Фрейда. В начале

²⁶ E. T. Krueger, *Autobiographical Documents and Personality* (неопубликованная диссертация на соискание степени доктора философии, Чикагский университет, 1925).

²⁷ «The History of Psychoanalytic Movement», 1917; «Wit and Its Relations to the Unconscious», 1917; «Totem and Taboo», 1919; «Thoughts for the Times on War and Death», 1918; «Selected Papers on Hysteria and Other Psychoneuroses», 1920; «Dream Psychology, Psychoanalysis for Beginners», 1921; «Beyond the Pleasure Principle», 1922; «Group Psychology and the Analysis of the Ego», 1922; «Introductory Lectures on Psychoanalysis», 1923.

²⁸ «American Psychiatric Association» (ed.), *One Hundred Years of American Psychiatry*, New York, 1944.

двадцатых годов, например, «Американский социологический журнал» все еще рецензировал преимущественно второстепенные психоаналитические работы. В рецензии Роберта Э. Парка на книгу Фрейда о групповой психологии отразился социологический скептицизм: «Соображения Зигмунда Фрейда относительно любого аспекта человеческой жизни и поведения всегда интересны, даже если и не всегда убедительны. Это приходится сказать даже о его очерке, посвященном групповой психологии»²⁹. Фактическое использование психоанализа социологами следует оценивать с учетом развития социологии, ее специализации, ее кооперирования с другими социальными науками и социальными технологиями и ее возрастающего внимания к научному методу.

Факторы, способствовавшие более широкому принятию фрейдистской теории. Социология в двадцатые годы, пожалуй, изменялась более быстро и более радикально, чем в какой-либо предшествующий или последующий период. Это преимущественно было результатом общего увеличения числа студентов в вузах, молодых специалистов и обладателей степени доктора философии, а также аналогичного роста числа членов Американского социологического общества. Более важным, однако, чем численный прирост социологов, была замена предвоенного (имеется в виду первая мировая война) поколения социологов более молодыми людьми. Так как руководство социологией постепенно переходило к представителям учебных заведений Среднего Запада, то группа молодых социологов со Среднего Запада сыграла особенно важную роль в определении значения фрейдизма во второй период американской социологии. Другие изменения в социологии заключались в дифференциации областей, основанной преимущественно на социальных проблемах, изучавшихся в эру формирования. Среди областей, имевших принципиально проблемное значение, и областей теоретической, методологической или технической важности фрейдизм особенно был связан с методом изучения биографий, социальной психологией, урбанистско-сельскими условиями, криминологией и семейными отношениями.

Использование социологами психоанализа, что само по себе представляет один из видов трансдисциплинарной деятельности, было связано с общим расширением междисциплинарного сотрудничества в отношении официально организованных дискуссий, публикаций, исследований и академических межфакультетских организаций. Одной из самых ранних попыток создания межфакультетского учреждения явился Йелский институт человеческих отношений, организованный в 1929 году с целью объединить биологические науки, социальные науки и юриспруденцию для изучения человека. Первым научно-исследовательским проектом нового института было исследование семьи и преступности, проведен-

²⁹ R. E. Park, Review of Sigmund Freud's Group Psychology and the Analysis of the Ego, AJS, 30 (January, 1925), pp. 485—486.

ное Уильямом Хили и Августой Ф. Броннер, «Новые данные о преступности» («New Light on Delinquency», 1936), а впоследствии этот институт осуществлял руководство исследованиями по вопросу о культуре и личности. Эта работа проводилась Эдвардом, Сэпиром, Джоном Доллардом и другими.

В конце концов социологи пересмотрели свои взгляды на прогресс, рационализм и науку и заново сформулировали основное содержание своей дисциплины. После первой мировой войны они утратили веру в неизбежность прогресса, который раньше рассматривался как продукт все более рационального мышления человека. Многие социологи присоединились к мнению тех ученых, которые считали, что война продемонстрировала иррациональную сущность человеческой природы. Следует сказать, что, по мнению социологов, современный человек столь же примитивно эмоционален, как и в доисторические времена. Вследствие этого прогресс социологии и разрешение социальных проблем делают необходимым открытие законов, управляющих человеческой иррациональностью. Таким образом, существовала благоприятная обстановка для включения в социологию теорий, объясняющих механизм действия человеческих эмоций и развитие личности.

Социологическая критика фрейдизма: преувеличение роли полового инстинкта. Тем не менее социологи приняли теорию Фрейда не без оговорок. Стараясь сделать свою дисциплину научной, они оценивали теории относительно человеческой иррациональности и формирования личности в соответствии с критериями науки. Отвергнув различные виды философии истории как импрессионистские и умозрительные заключения, социологи стали придавать особое значение индукции и эмпиризму, считая их главными показателями научности.

Некоторые основные фрейдистские теории они отвергали. Одним из первых понятий, подвергшихся критике, было понятие полового инстинкта. Хотя Фрейд истолковывал пол в широком смысле, включая в это понятие многие из специфических инстинктов, которыми обычно оперировали другие специалисты по общественным наукам, он видел источник всего человеческого поведения во врожденном стремлении к удовлетворению сексуальной энергии. В послевоенные годы социологи, психологи и философы пересмотрели все учение об инстинктах. Элсуэрт Фарис объяснял неправильное употребление понятия инстинкта «ошибочным предположением, что гипотезы представляют собой факты», а также невниманием к описанию поведения нецивилизованных народов³⁰. Л. Л. Бернард писал в своей книге «Инстинкт: исследование по социальной психологии» («Instinct: A Study in Social Psychology», 1924), что он обнаружил в литературе упоминание о 15 789 различных инстинктах и, по-видимому, авторы, определяя их, руковод-

³⁰ Ellsworth Faris, Are Instincts Data or Hypotheses?, AJS, 27 (September, 1921), pp. 184—196; Ethnological Lights on Psychological Problems, PASS, 16 (1922), pp. 113—120.

ствовались личной прихотью. Даже когда он сгруппировал эти инстинкты в 6131 тип, то все равно употребление инстинктов было слишком неточным, непоследовательным и некритичным, в силу чего эти понятия не могли быть научно приемлемыми и полезными. Бернард показал также, что большинство инстинктов появляется в результате воздействия окружающей среды. Так как «психоаналитики разделяют общее заблуждение относительно того, что инстинкты управляют человеческими действиями»³¹, та же самая критика должна быть высказана и в их адрес: пристрастие к биологическому детерминизму, отсутствие точности, а также отношение к инстинктам как к реальным фактам. Этот гипотетический характер полового инстинкта способствовал второму критическому возращению против психоанализа, поскольку Фрейд исходил из реальности инстинктов в своем объяснении происхождения Эдипова комплекса и тотемизма. Социологи согласились с критикой Кребера относительно того, что научное объяснение тотемизма, обычая не убивать свое тотемное животное и запрещения половых сношений с членами своей тотемической группы, не может быть основано на гипотетических инстинктах и на событии, которое никогда не имело места. «История старика», которую использовал Фрейд для объяснения происхождения тотемизма, представляла собой просто воображаемую ситуацию³². Работа Бронислава Малиновского «Пол и подавление у диких народов» (*Sex and Repression in Savage Society*, 1927) часто упоминается социологами как дополнительное эмпирическое свидетельство, опровергающее универсальность Эдипова комплекса.

Во-вторых, социологи выступали против теорий Фрейда, считая их научно необоснованными, поскольку эти теории носили частный характер и нарушали гипотезу множественной причинности социального поведения. То, что социальные явления и человеческое поведение возникают в результате действия многих факторов и условий, рассматривалось социологами как бесспорный эмпирический факт. В соответствии с этим все объяснения, основанные только на одной причине, такой, как пол, считались необъективными и научно недостоверными.

Проблема достоверности в теории Фрейда. В основе третьего критического замечания, высказываемого социологами относительно психоанализа, лежит их соперничество с количественными методами естественных наук. Исходя из этого, социологи, склонные к бихевиоризму и количественным оценкам, рассматривали психоанализ как одну из форм биографического метода, на которую распространяются те же критические обвинения в субъективизме

³¹ L. L. Bernard, *Instincts and the Psychoanalysis*, JASP (January—March, 1923), p. 350.

³² A. L. Kroeber, *Totem and Taboo, An Ethnologic Psychoanalysis*, AA (new series), 22 (January—March, 1920), pp. 48—55; Howard Becker and D. K. Bruner, *Some Aspects of Taboo and Totemism*, *Journal of Social Psychology*, 3, 3 (August, 1932), pp. 337—353.

и неизмеримости. Манипуляции Фрейда не могут привести к доказуемым выводам, поскольку они основываются на реконструкции пациентом своих переживаний и на субъективном истолковании аналитика. Таким образом, психоанализ часто рассматривался как искусство, а не как наука.

Как ни странно, психоанализ предлагался в качестве средства для достижения большей объективности в социально-научных исследованиях³³. В докладе, прочитанном на годовичном собрании социологов в 1922 году, Уильям Ф. Огберн выступил с утверждением, что предвзятость в научном исследовании представляет собой один из видов предубеждения, то есть отношения, для которого характерны эмоция и игнорирование фактов. Эмоциональный фактор является наиболее важным, поскольку он «стремится оставить нас в неведении и помешать нам ознакомиться с фактами». Эмоция в форме желания побуждает людей видеть то, что они хотят видеть, или же искажать факты в соответствии со своими желаниями. Огберн настойчиво утверждал, что предвзятость, которая обычно наличествует в исследованиях, посвященных таким эмоционально насыщенным темам, как семья, пол, религия, доход, отношения в промышленности и политика, можно устранить или свести до минимума, если деятельность в области социологии будет научной. Социологи должны научиться понимать взаимоотношения между желанием и мыслью так, как они описаны психоаналитиками, показавшими, что эмоция, испытанная во время действия, определяет, как люди вновь вызывают в своей памяти идеи и как они воспринимают реальный мир. Так как те идеи, которые преодолевают время и пространство, особенно подвержены эмоциональной ассоциации, то социологам следует пересмотреть свой метод использования логического и рефлексивного мышления, обычно применяющийся в социологической теории. Социальное теоретизирование являлось в значительной мере своего рода грезами наяву, а, как показал Фрейд, сны вызываются бессознательными, эмоциональными силами, выражающими себя во время отдыха. Огберн пришел к выводу, что случайностей такого рода в научной деятельности можно было бы избежать, если бы социологи использовали психоанализ и научились понимать свои собственные желания и склонности и если бы они всякий раз, когда это возможно, выражали количественно свои наблюдения и толкования.

Биографический метод в социологических исследованиях. Однако чаще психоанализ применялся в форме биографического метода. Уже в 1921 году социологи объединили «биографию и психоанализ» в самостоятельный тематический раздел социологии³⁴. Одним из первых сторонников биографического метода был Уильям Хили. На годовичном собрании социологов в 1923 году он охарактеризовал

³³ W. F. O g b u r n, Bias, Psycho-Analysis, and the Subjective in Relation to the Social Sciences, PASS, 18 (1923), pp. 62—74.

³⁴ «A Tentative Scheme for the Classification of the Literature of Sociology and the Social Sciences», AJS, 27 (July, 1921), pp. 128—129.

преимущества этого метода для социологических исследований. Биографический метод является лучшим способом, посредством которого социологи могут восполнить поразительную недостаточность своих знаний о человеческом поведении, психической жизни, а также о тех обстоятельствах, которые их обуславливают, — наследственность, физическое воспитание, первые психические переживания, образование, семейная жизнь, образ жизни и социальные контакты. Помимо знания внешних условий, необходимо также выявить те механизмы, посредством которых поведение в свою очередь влияет на действующее лицо.

О всеобщем признании, которое получил биографический метод в социологических исследованиях, свидетельствует специальная дискуссия круглого стола на годичных собраниях социологов в 1927 году. Под председательством Стюарта Куина участники дискуссий обсудили характер, применение, результаты и надежность метода изучения отдельных случаев в социологических исследованиях. В следующем году Рут Шонле Каван сделала исчерпывающий обзор литературы, включив в него книги, а также статьи из семи журналов (преимущественно по социологии и социальной деятельности) с 1920 по 1929 г.³⁵ На основании 75 источников она определила биографию как «сообщение о жизни какого-либо лица, изложенное в таком виде, чтобы можно было проследить развитие привычек и взглядов. Данный термин подразумевает полное описание всех фаз жизни». Каждая профессия выдвигает какой-либо свой аспект на первый план: социологи подчеркивают роль конфликта культур; социал-психологи изучают интеграцию взглядов и привычек; лица, занимающиеся социальной деятельностью, придают особое значение гибкости человеческой натуры, а психоаналитики и психиатры концентрируют свое внимание на случаях невроза и психопатии. Так как данный метод является общим для многих дисциплин, то он дает основу для плодотворного междисциплинарного сотрудничества в изучении, анализе и разрешении социальных и личных проблем.

Фактически применение биографических описаний началось еще в эру формирования социологии. Хили при изучении неправильного поведения молодежи использовал сведения, сообщенные о себе отдельными лицами, в качестве основы для анализа душевного состояния. Томас и Знанецкий применили эту технику в своем исследовании, посвященном польскому крестьянину, в особенности в третьем томе «История жизни иммигранта». Несколькими годами позже Томас отметил важную роль биографии в формировании индивидуальности человека, на которую влияют не столько социальные институты, сколько восприятие индивидуумами переломных моментов жизни и тяжелых переживаний. Впечатления, как это бесспорно доказано изучением психоневротиков, могут иметь

³⁵ Ruth S. Cavan, *Topical Summaries of Current Literature, Interviewing for Life-History Material*, AJS, 25 (July, 1929), pp. 100—115.

совершенно различное значение для отдельных лиц. Кроме того, эти значения во многом определяют структуру институтов и нравов общества. Таким образом, если социологи рассчитывают объяснить эти общественные феномены, то они должны рассматривать их с точки зрения желаний человека и развития личности в той мере, в какой это раскрывается в личных документах и в биографии³⁶.

В двадцатых годах Э. Т. Крейгер изучал значение автобиографического мотива для реорганизации дезорганизованных личностей. Он собрал личные документы, классифицировал их как эгоистические, наивные, научные или носящие характер исповеди и на основании этого сделал вывод, что наиболее подробные жизнеописания удастся получить при применении метода исповеди. В основе письменной исповеди лежит механизм катарсиса, или разрядки от напряжений, созданных психическими конфликтами. Печаль, боязнь, страх, беспокойство, депрессия, капризность, утрата веры в себя, различные виды чувства неполноценности — все это симптомы существования таких конфликтов. Принимая теорию Томаса о четырех желаниях, Крейгер утверждал, что подобные конфликты возникают в результате поражения или неудачи при реализации желаний, психической аккумуляции запретных переживаний или же при нарушении новыми социальными условиями глубоко укоренившихся привычек и чувств. Письменная исповедь дает выход бессознательным, вытесненным или подавленным идеям и удовлетворяет желание признания, так как читатели документа рассматриваются как благожелательно настроенная аудитория. Подобно психоаналитическим интервью, письменная исповедь, следовательно, представляет собой средство для распутывания переживаний и событий при психических нарушениях. Приведенные Крейгером случаи подтверждают взгляды фрейдистов на то, что переживания, приведшие к конфликту, зачастую вызваны давно забытыми событиями детства. Таким образом, хотя Крейгер соглашался с взглядами сторонников теории социального взаимодействия по вопросу о формировании личности, его исследования обнаружили аналогии между природой и выводами психоаналитического интервью и написанием исповеди³⁷.

Это сходство между психоаналитическим и биографическим методами было снова отмечено в 1939 году Гарольдом Д. Лэссуэлом³⁸. Следует сказать, что Лэссуэлл применял поочередно оба этих понятия и отметил, что большинство наиболее плодотворных исследований в области социологии было создано в результате

³⁶ W. I. Thomas, The Problem of Personality in the Urban Environment, *PASS*, 20 (1926), pp. 30—39.

³⁷ Kreuger, *op. cit.* См. также: E. T. Kreuger, Technique of Securing Life History Documents, *Journal of Applied Sociology*, 9 (March—April, 1925), pp. 290—298.

³⁸ H. D. Lasswell, The Contribution of Freud's Insight to Interview to the Social Sciences, *AJS*, 45 (November, 1939), pp. 375—390.

применения биографического метода учениками Парка, Берджесса и Фариса. То, что социологи Чикагского университета, являвшиеся сторонниками социальной психологии в духе теории социального взаимодействия, нередко одновременно применяли биографический метод и психоанализ, говорит о более глубоком сродстве.

Фрейд и Кули: основные черты сходства. К числу первых приверженцев социальной психологии в духе теории социального взаимодействия принадлежали Чарлз Хортон Кули, подчеркивавший роль первичных групп и развития «я»; Джордж Герберт Мид, сформулировавший различие между «я» и «мной» и отметивший значение языка в развитии личности; а также У. И. Томас, выдвинувший представления о четырех желаниях, или побуждениях, и о ценностях. К числу сторонников этого направления относились также Фарис, Парк, Берджесс, Блумер и их многочисленные ученики. Хотя эти ученые изучали различные аспекты психической жизни человека, они все придерживались следующей теории развития личности:

«Ребенок не рождается ни человеком, ни общественным существом; при рождении он является просто животным организмом, принадлежащим к определенному биологическому виду. Обычно он рождается в небольшой сплоченной социальной группе — семье, где испытывает социальное взаимодействие с родителями, братьями и сестрами и другими лицами, а также учится языку, стандартам поведения и приобретает знакомство с ценностями и целями своего общества и принимает их. Наряду с приобщением к культуре своей группы у него вырабатывается представление о себе как о «я», или эго, что делает его еще более человеческим и социальным, так как он теперь непосредственно откликается на ожидания других и на интернализированный моральный кодекс группы. Ребенок, таким образом, приобретает самосознание и играет социальные роли в соответствии с ожиданиями других, для того чтобы заслужить их уважение и принятие. По мере того как индивидум становится более зрелым, он видоизменяет и приспосабливает свою личность, выработанную в детстве, путем распространения воззрений и ценностей, приобретенных в первичных группах, на прочие социальные институты»³⁹.

Невзирая на наличие явных расхождений, при тщательном анализе работ большинства сторонников теории взаимодействия обнаруживаются аналогии с фрейдовским объяснением формирования личности. Социологи отличаются друг от друга постольку, поскольку они подчеркивают роль языка, отвергают ведущую, по мнению фрейдистов, роль пола или же неточно определяют отношения между членами семьи, например отношения между матерью и сыном.

Черты сходства успешно можно продемонстрировать, проанализировав работы Кули, созданные независимо от Фрейда. Отвергая артезианский дуализм духа и материи, или «я» и общества, Кули

³⁹ Hinkle and Hinkle, op. cit., p. 30.

сосредоточил свое внимание на роли взаимодействия человека и окружающей среды в развитии личности. Формирование личности начинается с унаследованных инстинктов гнева, страха, любви и самоутверждения. «Эти инстинктивные эмоции предопределяют, но не специфические действия, а в известной мере ту энергию, которая вливается в действия, имеющие определенную функцию по отношению к окружающей нас среде». В течение первых пяти лет жизни через посредство «инстинкта самоощущения»⁴⁰ «я» развивается в первичных группах, таких, как семья, и принимает на себя задачу посредничать между требованиями биологических и моральных сил, воздействующих на человека в повседневной жизни. Взаимодействие с другими людьми в первичных группах учит детей контролировать и подчинять свои страсти — похоть, жадность, мстительность, гордость, властность и т. п. (которые являются пережитками их животной природы) — требованиям общества в том виде, в каком эти требования выражены в первичных идеалах. Хотя первичные идеалы бывают различного вида в том или ином обществе — в американском обществе в их число входят любовь, свобода, справедливость и мораль, — они существуют в какой-то форме повсюду и всегда являются интернализованными силами у зрелых личностей.

Фрейдовское представление об ид мало чем отличается от инстинктивных эмоций Кули, поскольку ид «содержит все, что унаследовано... [и] зафиксировано в конституции, и, следовательно, прежде всего те инстинкты, которые возникают в соматической организации и находят свое первое психическое выражение в ид в неизвестных нам нормах». «Под влиянием реального внешнего мира» из ид возникает эго и принимает на себя функцию посредника между требованиями ид и внешнего мира. Как бы в качестве параллели к концепции Кули о первичных идеалах Фрейд выдвинул идею о том, что супер-эго интернализует наставления родителей или другие моральные предписания общества. Одной из функций супер-эго является судебная функция, и в этом случае человек знает супер-эго как свою совесть⁴¹.

Хотя Фрейд и Кули расходились по вопросу о роли пола и отличались друг от друга по степени разработанности тех или иных аспектов своих теорий, они оба подчеркивали значение биологического наследия, которое связывает человека через эволюцию с низшими животными формами. Эта биологическая сила взаимодействует с окружающей средой и порождает эго, или «я». Наконец, моральные догмы общества интернализуются благодаря участию в семье и начинают управлять индивидуальным поведением посредством супер-эго или интернализованных первичных идеалов. Эти три силы — биологическая, индивидуальная и общественная —

⁴⁰ C. H. Cooley, *Human Nature and the Social Order*, New York, 1902, pp. 26, 168—210.

⁴¹ Sigmund Freud, *An Outline of Psychoanalysis*, New York, 1949, pp. 14—15, 43, 121.

находятся в постоянном конфликте и создают «динамическое равновесие», которое в основном представляет собой личность. Это, или «я», является окончательным арбитром во всех спорах и организующей силой в каждом человеке.

Вследствие этого теории Фрейда и Кули о неприспособленности личности и о социальной неприспособленности также напоминают друг друга. Социальная дезорганизация — результат личной дезорганизации, а эта последняя возникает из нарушения равновесия между органическими силами, это и интернализированными социальными силами. Неприспособленность существует тогда, когда нормальный ход развития личности нарушается, задерживается или искажается какой-то внешней силой или вследствие ослабления эго, которое вследствие этого капитулирует либо перед эго, либо перед биологическими стремлениями, либо перед супер-эго, либо перед моральными стандартами. Таким образом, социальная реконструкция в конечном счете влечет за собой новое приспособление отдельных личностей путем перестройки их психического равновесия.

Применение концепций Фрейда к изучению социальных типов. Благодаря использованию автобиографий приверженцами социальной психологии в духе теории социального взаимодействия отдельные термины или положения фрейдизма проникли в социальные исследования, посвященные типам личности. Парк проявлял значительный интерес к становлению типов личности. Некоторые из его учеников сочетали биографический метод с теорией Фрейда и с теорией социального взаимодействия с целью определения типичных личностей для естественных районов в городском поселении. Критерии для этих типов обычно включали в себя допущение, что нормальной личностью является та, которая развивается от рождения до смерти таким образом, что четыре желания, сформулированные Томасом, постоянно гармонично удовлетворяются. Эти исследования обычно были посвящены неприспособленным личностям, например обитателям меблированных комнат, постояльцам гостиниц, а также преступникам и правонарушителям.

Гарви Зорбо применил биографический метод для изучения приспособления одиноких мужчин и женщин к жизни в проезжем районе меблированных комнат в Чикаго⁴². Он обнаружил, что эти люди относятся к определенным социальным типам, для которых характерны комплексы воззрений, связанные с той социальной ситуацией, в которой они живут. Социальные типы возникают в результате влияния меняющихся факторов — взглядов людей и их социального положения — и одной неизменной силы, желаний индивидуума. Обитатели меблированных комнат являются социально изолированными, беспокойными, одинокими в мире, который «калечит» их стремления к безопасности, отзывчивости и признанию.

⁴² H. W. Zorbaugh, *The Dwellers in Furnished Rooms, An Urban Type*, PASS, 20 (1926), pp. 83—89.

Возникающее в результате психическое напряжение выражается уходом в форме самоубийства, подавлением реальности и жизнью в мире грез, путем замещения или же, наконец, путем действий, диктуемых скорее импульсами, чем культурными условностями.

Аналогичным образом Норман Хейнер изучал жизнь в гостиницах и обнаружил четыре типа личностей⁴³. Для одних лиц характерными были беспокойство, одиночество и печальное настроение. Эти люди приспосабливаются с трудом, а удовлетворение желаний невозможно для них в этой анонимной, безличной атмосфере. Другие дают полную свободу своим импульсам и приобретают индивидуальные черты, когда устраняются обычные социальные ограничения. Третья группа отражает чрезмерно стимулированные желания и старается показать свою пресыщенность. Наконец, некоторые лица привыкают к жизни в гостинице и воспринимают гостиницы как свой «настоящий дом».

Анализируя автобиографии правонарушителей и преступников, Клиффорд Шоу показал, как институты и нравы в некоторых естественных районах связаны с внутренним, личным миром «субъекта, его воззрениями и желаниями, с истолкованием им ситуации и с его представлениями о себе»⁴⁴. В отличие от Шоу, Хейнера, Зорбо и других, изучавших личную и социальную неприспособленность, Гарольд Д. Лэссуэлл применял биографический метод к нормальным людям. Еще в 1927 году он попытался определить политические типы, расположив личные особенности в диапазоне от невротического состояния до нормальности⁴⁵. Принимая парковский метод естественной истории, Лэссуэлл проанализировал политическое действие по четырем фазам: беспокойство, общественное мнение, вступление в силу и обязательное введение. Хотя возможны различные варианты этой темы, он пришел к выводу, что всегда имеется три типа личностей: агитаторы, хозяева и ответственные руководители. В своей книге «Психопатология и политика» (*Psychopathology and Politics*, 1930) Лэссуэлл более широко использует психоанализ для обнаружения важных событий и кризисов в типичных процессах формирования личности, относящихся к категориям политических агитаторов и политических администраторов. Лэссуэлл надеялся, что знание этих этиологических процессов можно будет применить для того, чтобы личные предубеждения политиков и их психические конфликты не оказывали больше влияния на важнейшие политические решения.

Психоаналитическая теория и социология семьи. Наконец, благодаря междисциплинарным экспериментам психоанализ привлёк внимание исследователей семьи. Начиная с ежегодного съезда Американского социологического общества в декабре 1925 года

⁴³ N. S. H e y n e r, *Hotel Life and Personality*, *AJS*, 33 (March, 1928), pp. 784—795.

⁴⁴ C. R. S h a w, *Delinquency Areas*, Chicago, 1929, p. 8.

⁴⁵ H. D. L a s s w e l l, *Types of Political Personalities*, *PASS*, 22 (1928), pp. 159—168.

проблемы семейной жизни стали постоянными темами дискуссий за круглым столом среди тех социальных деятелей, психиатров и социологов, которые тяготели к психоанализу, например Э. У. Бёрджесс, Э. Р. Морер, Гарриетт Моурер, Кимболл Янг, Гровс, Л. Гай Браун, Томас Д. Эллиот, Ф. Д. Фрезер и Мейер Нимков. Работы Бёрджесса представляют особый интерес, поскольку некоторые из его учеников в недавнее время стали широко применять психоанализ.

По мнению Бёрджесса, семья как «единство взаимодействующих личностей» представляет собой социальную ситуацию, в которой индивидуумы приобретают свою личность; она отражает также относительное состояние социальной организации и социальной дезорганизации большого общества. Поскольку развитие личности хорошо приспособленных людей требует здорового выражения и удовлетворения желаний, то характер социальных ограничений в отношении исполнения желаний в семье и в других местах играет важную роль. В периоды быстрого социального изменения и социального переворота прямые или суррогатные выходы для исполнения желаний становятся неэффективными и поведение делается неорганизованным. Вот почему современное городское общество порождает значительное беспокойство среди молодежи, преступность несовершеннолетних, цинизм, пессимизм и *tedium vitae**. Говоря более конкретно, Бёрджесс видел причину этой личной дезорганизации в неправильных отношениях между родителями и детьми⁴⁶. Во время процесса социализации в семье дети приобретают «социальные образы», которые зачастую не реализуются в дальнейшей жизни, так как сама семья не находится в состоянии равновесия. Возникает психический конфликт, порождающий проблемное поведение. Когда американское общество закончит свой нынешний период социального изменения, то внутренние и внешние функции семьи снова стабилизируются и исчезнут несоответствия между приобретением и реализацией социальных образов. Тем временем социальная дезорганизация может быть облегчена посредством использования автобиографий для определения этиологических процессов, участвующих в личной дезорганизации, и путем нового приспособления отдельных личностей.

Некоторые психоаналитические предубеждения в социальной психиатрии. Психоанализ, по-видимому, оказал значительное воздействие на социологию скорее посредством изучения конкретных проблем, чем через специально выделенную область «социальной психиатрии». Исследователи, изучавшие этот подраздел, который пользовался популярностью в 30-х годах, исходили из существова-

* *Tedium vitae* (лат.). — отвращение к жизни. — *Перев.*

⁴⁶ E. W. Burgess, *The Family as a Unity of Interacting Personalities*, «The Family», 7 (March, 1926), pp. 3—9; «The Trend of Sociological Research», JAP, 8 (January—February, 1924), p. 137; *The Sources and Methods of Family Study*, in L. L. Bernard (ed.), *The Fields and Methods of Sociology*, New York, 1934, pp. 447—448.

ния непосредственной связи между личной и социальной дезорганизацией. В конце концов они возвели социальную дезорганизацию к невротическим тенденциям внутри индивидуумов. Они обычно рассматривали социальную дезорганизацию как продолжение личной дезорганизации, которую истолковывали психоаналитически, или же рассуждали по аналогии, считая, что одни и те же психические механизмы действуют как у невротиков, так и в дезорганизованных обществах. Хотя многие социологи писали статьи по социальной психиатрии, например Бейн, Бёрджесс, Доллард, Эллиот, Гровс, Янг, Парк, Данэм, Сэпир (антрополог) и другие, психиатры в большей степени связаны с этой областью. Выдающимися среди них являются Франц Александер, Тригант Берроу, Лоренс К. Фрэнк, Бен Карпман, Гарри Стэк Салливен, Уильям А. Уайт и Джеймс Планта.

Одной из самых ранних работ по социальной психиатрии, на которую чаще всего ссылаются, была статья Бейна «Наша шизоидная культура»⁴⁷. Дав краткий анализ основных конфликтов в главнейших американских социальных институтах, Бейн пришел к выводу, что культурные противоречия, безрассудство и иррациональность представляют собой нормальные аспекты американского общества, и притом аспекты, необходимые для динамического социального изменения. Культурная интеграция, временное (и, возможно, нежелательное) явление, означает отсутствие творящих культуру индивидуумов и предвещает культурный упадок. В качестве умозрительного допущения он предупреждал, что устранение культурных противоречий с помощью одной из естественных наук, социологии, может уничтожить нашу культуру.

Прочие сторонники социальной психиатрии были зачастую настроены столь же философски. Выступая в качестве участника симпозиума, материалы которого были помещены в «Американском журнале социологии» в 1937 году, Блумер дал сводку тех пунктов, относительно которых среди социал-психиатров существовало единство мнений. Они обычно рассматривают социальную дезорганизацию как проекцию дезорганизации индивидуальной; по их мнению, социальное взаимодействие в дезорганизованных социальных системах управляется аутичными или иллюзорными образами, маскирующими вытесненные, бессознательные мотивы; они относят генезис личной дезорганизации ко времени детских переживаний в семье, и, наконец, они ратуют за усовершенствование воспитания и образования детей как за лучшее средство социального переустройства⁴⁸.

В 1948 году Г. Уоррен Данэм, изучив роль социальной психиатрии в американской социологии, пришел к выводу, что «вопрос

⁴⁷ Read Bain, Our Schizoid Culture, SSR, 19 (January — February, 1935), pp. 266—276.

⁴⁸ Недавно Дэвид Рисмен изложил ряд весьма сходных мыслей в своем исследовании, посвященном меняющемуся американскому характеру, «Одинокие» («The Lonely Crowd», New Haven, 1950).

о том, создана ли новая область в социальной психиатрии, несомненно, весьма спорен⁴⁹. Такое понимание является в основном правильным. С одной стороны, социологи скептически относятся к выводам социал-психиатров, поскольку известно о существовании великолепной личной организации в некоторых социально дезорганизованных районах. С другой стороны, абстрактный и спекулятивный характер многих статей, касающихся этой области, ограничивает их применение к конкретным исследовательским проблемам. Тем не менее в нынешних формулировках теорий социальной дезорганизации заметно влияние социальной психиатрии.

Значительная интеграция психоаналитического и социологического направлений. Таким образом, можно сказать, что влияние психоанализа на американскую социологию во второй период не прекращалось, хотя и не было ярко выражено. Постепенно происходило усвоение фрейдистских идей отчасти вследствие ослабления полового табу во всех слоях американского общества, а также отчасти благодаря стремлению социологов к научным целям и появлению у них интересов к человеческой иррациональности. Социологи, подчеркивавшие в своих собственных исследованиях важность научного подхода, критиковали психоанализ за его биологизм, партикуляризм и субъективизм. Все же они признавали идею психического детерминизма, ведущую роль детских переживаний и теорию исполнений желаний в человеческом поведении. Следует сказать, что фрейдистская теория формирования личности близка к теории сторонников социального взаимодействия, которая широко применялась при эмпирическом изучении развития личности и приспособления. Вследствие этого отдельные психоаналитические механизмы часто использовались для объяснения неприспособленности личности. Господство биографического метода также способствовало тому, что социологи использовали в переработанном виде отдельные положения фрейдизма, который являлся удобной шкалой для истолкования данных, содержащихся в личных документах. Кроме того, междисциплинарное сотрудничество социологии и психиатрии все расширялось, и кульминационным моментом этого было признание социальной психиатрии как особого подраздела социологии.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД: 1935—1955 ГОДЫ

Факторы, способствовавшие новому признанию значения психоанализа. Развитие психоаналитических тенденций в американской социологии с середины тридцатых годов отражает и частично является ответом на новые направления в социологии, течения в других науках о поведении, а также на главнейшие социальные и политические события, связанные со второй мировой войной.

⁴⁹ Н. Warren Dunham, *Social Psychiatry*, ASR, 13 (April, 1948), pp. 183—197.

Выдвигая на первый план предсказание и контроль и изучая явления, относящиеся к благосостоянию нации, социологи как внутренне, так и внешне безоговорочно приняли утилитаризм. Они стремились сделать свои знания полезными и потому признавали необходимость теоретических формулировок и теоретической интеграции. Психоанализ родствен указанным течениям и в том и в другом отношениях, поскольку он вполне наглядно продемонстрировал свои терапевтические возможности и был представлен как интегрированная система отсчета.

Кроме того, во всех социальных науках усилилась междисциплинарная деятельность, принимавшая формы исследований широкого масштаба, академической интеграции и совместной литературной продукции. Отдельные крупные научно-исследовательские проекты, в которых применялась психоаналитическая теория, осуществлялись людьми, получившими подготовку по нескольким дисциплинам. Хотя их нельзя связывать с одной лишь социологией, но исследования Долларда, Оллисона Дэвиса, Лэссуэлла, Хэвигхерста и других считаются важным вкладом в американскую социологию. По мере того как расширялось сотрудничество между социологами, антропологами, общественными деятелями и психиатрами психоаналитического толка, фрейдистские догматы все больше проникали в социологию.

Точно так же прогресс, достигнутый в других дисциплинах, способствовал распространению психоаналитических идей. Американские антропологи уже не занимаются, как прежде, в первую очередь исчерпывающими описаниями дописменных культур, но все более широко изучают развитие личности, типы личности и отклонения личности. Психоанализ достиг положения самостоятельной зрелой дисциплины, в области которой работало большое количество специально подготовленных людей, причем многие из них эмигрировали из Европы во время политических и социальных переворотов тридцатых годов и впоследствии внесли вклад в американскую психоаналитическую школу. По мере развития психоанализа быстро происходила специализация и модификация взглядов, и генезис человека как общественного существа стал важной проблемой. Неофрейдистская литература (в особенности работы Карен Хорни и Эриха Фромма, посвященная социальной природе человека, была благосклонно принята в социологических кругах.

Участвуя в осуществлении правительственных проектов во время второй мировой войны, многие социологи ознакомились с другими науками о поведении. Они занимались междисциплинарным изучением таких связанных с войной проблем, как армейская жизнь, немецкий национальный характер, руководство, война, моральный уровень, пропаганда и связь. Нередко для описания и истолкования этих вопросов вводились психоаналитические понятия и теории.

Начиная с середины тридцатых годов неоднократно признавалась важность психоанализа для социологии. Большинство новых

публикаций, принадлежащих перу ортодоксальных или неофрейдистских авторов, регулярно рецензируется в социологических журналах. В ноябре 1930 года «Американский журнал социологии» издал специальный выпуск, посвященный вкладу Фрейда в общественные науки. Бейном, Бернсом, Данэмом, Янгом и Гринном были написаны статьи о связи между психоанализом и социологией. Гольденвейзер, Шилз, Парсонс, Симпсон и супруги Хинкле⁵⁰ включили специальные разделы о фрейдистской психологии в общие обзоры направлений в американской социологии. Во всех этих статьях, по-видимому, наблюдается единомыслие относительно того, что влияние психоанализа на социологию выразилось в основном в принятии и приспособлении понятий. Второстепенное место обычно отводится фрейдовской детерминистической теории личности как средству интеграции социологии и психологии.

Психоаналитические течения в социологических специальностях. Можно продемонстрировать наличие психоаналитических элементов в трех группах разделов современной социологии. Имеются специальности, которые приняли и непрерывно используют психоанализ еще с двадцатых годов: социология семьи, социальная и личная дезорганизация, а также другие комплексы социальных проблем. В число областей, которые начали подвергаться влиянию психоанализа в средний период, но связаны в первую очередь с недавней эрой американской социологии, входят: культура и личность, политическая социология, общественное мнение и расовые отношения. Наконец, есть относительно новые или вторично возникшие социологические интересы и социальные проблемы, такие, как социология войны, социальная стратификация, бюрократия и систематическая социологическая теория, которые заимствовали фрейдистские идеи в последнее время. Применение психоанализа особенно заметно в шести областях: социальная дезорганизация, культура и личность, политическая социология, расовые отношения, социология семьи и социологическая теория.

Социальные проблемы и социальная дезорганизация. Социальную дезорганизацию в наше время обычно рассматривают как теоретическую основу самых разнообразных социальных проблем, изучавшихся социологами на протяжении почти 50 лет. Хотя социологи не принимают единой интегрированной теоретической структуры

⁵⁰ Read Bain, *Sociology and Psychoanalysis*, ASR, 1 April, 1936, pp. 203—220; Dunham, op. cit.; Kimball Young, *The Impact of Freudian Psychology on Sociology*, *American Journal of Orthopsychiatry*, 10 (October, 1940), pp. 869—876; A. W. Green, *Sociological Analysis of Horney and Fromm*, *AJS*, 51 (May, 1946), pp. 533—540; Alexander Goldenweiser, *Some Contributions of Psychoanalysis to the Interpretation of Social Facts*, in H. E. Barnes, Howard Becker and Frances B. Becker (eds.), *Contemporary Social Theory*, New York, 1940, pp. 391—430; Edward Shils, *The Present State of American Sociology*, Glencoe, Ill., 1948; Talcott Parsons and Bernard Barber, «Sociology, 1941—1946», *AJS*, 52 (January, 1948), pp. 245—257; George Simpson, *Man in Society*, Garden City, New York, 1954, pp. 39—45; Hinkle and Hinkle, op. cit., p. 52.

и их теоретические формулировки зачастую недостаточно связаны с подлинными дискуссиями по социальным проблемам (это вполне наглядно показывают учебники, вышедшие за последнее время), тем не менее они обычно единодушны относительно некоторых утверждений, касающихся природы и причин социальной дезорганизации. Частично эти допущения унаследованы от социал-психиатрического движения тридцатых годов.

Личная и социальная дезорганизация представляются как взаимозависимые, поскольку первая из них является индивидуальным, поведенческим проявлением конфликтов внутри культуры. Несогласованные элементы в обществе обычно рассматриваются как неизбежные последствия социального изменения и отставания культуры. Утверждается, что нынешние мировые кризисы, противоречия в институциональных структурах и поведении и особенно конфликты в ценностях и идеях приводят к тому, что современный человек охвачен страхом, находится в постоянном напряжении, испытывает разочарование, неуверенность и тревогу. Таким образом, современный ребенок, растущий в обстановке шизоидной культуры, вряд ли сможет развиться в устойчивую интегрированную личность. И так как плохо организованным личностям трудно приспособиться к сложности современной жизни, то они часто совершают преступления, становятся алкоголиками и предаются половым порокам и другим видам нежелательного поведения. В особо тяжелых случаях они становятся невротиками или психопатами.

Высокий процент больных неврозом (что социологи включают в число основных социальных проблем) в конечном счете приписывается конфликтным культурным условиям. В подтверждение этого социологи ссылаются на работы Карен Хорни и Эриха Фромма. Фромму принадлежит заслуга обнаружения исторических предшественников у различных типов американской культуры; что же касается Хорни, то считается, что она объяснила, как всемерное поощрение — типичное для Америки — индивидуализма, конкуренции и успеха порождает беспокойство, зависть и враждебность, приводящие к навязчивому поведению и невротизму.

Фрейдистская литература не только подтвердила общее предположение относительно социальной дезорганизации, но и явилась источником гипотез о связи между социальными условиями и неврозом. Социологи все шире изучают связь между неврозом, или тяжелой личной неприспособленностью, и специфическими социальными условиями, такими, как возраст, пол, проживание в городе или в сельской местности, жизнь в учебном заведении, общественный класс, этническое происхождение и жизнь военнослужащих. Арнольд Грин, например, описал, как некоторые социальные условия, присущие среднему классу, участвуют в процессе социализации и predisполагают ребенка к неврозу⁵¹. Фарис и Данэм иссле-

⁵¹ A. W. Green, *The Middle-Class Male Child and Neurosis*, ASR, 11, 1946, pp. 31—41.

довали, хотя и не прибегая к психоанализу, экологическое распределение невроза на основе предположения, что социальные условия в тех или иных районах города приводят к различным процентам психических отклонений. Генри Элкин изучал агрессивное поведение военнослужащих⁵², а Доллард, Олиссон Дэвис, Уорнер и другие пытались выяснить воздействие «кастового» статуса на психическое приспособление американских негров.

Уникальная и притом тщательная интеграция психоаналитической теории и социальной дезорганизации была произведена Гербертом А. Блохом в его недавно опубликованной книге «Дезорганизация: личная и общественная» (*Disorganization: Personal and Social*), (1952). Исходя из основных психоаналитических теорий, он полагает, что все индивидуумы должны приспособиться к своим социальным условиям в раннем детстве, для того чтобы удовлетворить основные потребности. Приспособившись, индивидуумы неохотно меняют свои основные привычки и взгляды, если даже социальные условия изменились. Эти схемы поведения, которые становятся неэффективными при столкновении с доминирующими социальными реальностями, Блох именует «латентностями». Когда латентности существуют у большого числа индивидуумов, то налицо социальная дезорганизация.

С областью социальной и личной дезорганизации связана психотерапия, которую в известных кругах по-прежнему считают законной частью социологии. Однако рассмотрение вопроса о значительном влиянии психоанализа на терапевтическую практику по праву относится к истории социальной деятельности в США.

Культура и личность: психоанализ и социализация. Рубрика «культура и личность» появилась преимущественно в результате антропологических исследований, хотя начатки ее, по-видимому, лежат в социологии⁵³. После опубликования работ Кардинера, Линтона, Мида, Бенедикт, Клакхона, Лейтона, Халлоуэлла и других в конце тридцатых и в начале сороковых годов данная область в основном приобрела психоаналитический уклон. Здесь используется фрейдистская психология в качестве системы отсчета для определения основных структур личности целых обществ и для изучения развития личности и отклонения личности в различных культурах. Эмпирические исследования, посвященные этим вопросам, регулярно рецензируются в социологических журналах. Информация, касающаяся специфики вскармливания, отношений

⁵² R. E. L. Faris and H. Warren Dunham, *Mental Disorders in Urban Areas*, Chicago, 1939; Henry Elkin, *Aggressive and Erotic Tendencies in Army Life*, *AJS*, 51, March, 1946, pp. 408—413.

⁵³ К числу тех, кто одним из первых использовал фразу «личность и культура», относится Блумер, который в 1930 году употребил это выражение как синоним выражения «личная жизнь и социальный строй». См. его рецензию на книгу: Wilson Gee, *Research in the Social Sciences*, *AJS*, 35 (May, 1930), pp. 1101—1111. Элсуэрт Фарис затем описал «Культуру и личность лесных банту» (*Culture and Personality of the Forest Banti*), *PASS*, 28 (May, 1934), pp. 3—11).

между матерью и ребенком, отнятия от груди, приучения ребенка проситься на горшок, жизненных кризисов, мастурбации и суровой, либеральной или двойственной дисциплины, повсеместно принята как часть социологической литературы социализации. В качестве метода или системы отсчета для изучения формирования личности социологи использовали понятие «культура-личность», чтобы уяснить развитие личности в американских подкультурах⁵⁴.

Психоаналитические понятия в исследованиях, посвященных изучению общественного мнения. При анализе областей коммуникации и общественного мнения также обнаруживается значительное влияние психоанализа. Во многом этот уклон возник благодаря исследованиям и статьям Лэссуэлла, подвергшегося влиянию психоанализа в начале своей деятельности, когда он изучал личность у политических деятелей. Лэссуэлл и его сотрудники использовали психоаналитические интервью для разработки классификационной схемы, которая затем применялась как «анализ содержания» для анализа идей, содержащихся в средствах массовой коммуникации и пропаганды. Другие социологи также применяли психоаналитические понятия при изучении общественного мнения. Гольдгамер, например, изучал вопрос о применимости понятий отхода и смещения к формированию общественного мнения⁵⁵. Он пришел к выводу, что влияние отхода на определение интереса к общественным делам не доказано, но что понятие о смещении имеет потенциальную ценность. Однако необходимо провести исследования для изучения природы общественных вопросов и тех процессов, посредством которых они становятся объектами смещения.

Расовые отношения и психоаналитические теории предрассудка. Область расовых и этнических отношений является третьим разделом, в котором в недавнее время произошла конвергенция междисциплинарных видов деятельности и психоаналитических влияний. Впервые тенденция применять фрейдистские теории при изучении расовых предрассудков и развития личности у членов расовых и этнических групп проявилась при проведении Американским советом по просвещению обследования негритянской молодежи, а затем она прочно укоренилась. Предрассудок обычно рассматривают как функцию страха, чувства вины и враждебности, приобретенные во время социализации. Наиболее известной является теория разочарования-агрессии, разрабатывавшаяся Доллардом, Дэвисом и другими, которые неоднократно заявляли, что они в долгу перед психоанализом. Они обрисовывают американского негра как человека, цели и чаяния которого (хотя они и исходят из американской культуры) постоянно ограничиваются, блокируются и разрушаются его «кастовым» статусом. Вследствие этого

⁵⁴ Специалисты по сельской социологии недавно использовали этот метод. См. W. H. Sewell, *Infant Training and the Personality of the Child*, *AJS*, 58 (September, 1952), pp. 150—159.

⁵⁵ Herbert Goldhamer, *Public Opinion and Personality*, *AJS*, 55 (January, 1950), pp. 346—354.

для личности негра характерен психический конфликт, и независимо от того, смиряются негры или бунтуют, их поведение истолковывается как агрессия. Хотя многие специалисты по расовым отношениям не согласны с тем, что существует универсальная прямая связь между разочарованием и агрессией, большинство авторов в общем признает эту теорию. В числе других психоаналитических понятий, часто встречающихся в литературе по вопросу о психологии предрассудков, можно назвать смещение, проекцию, рационализацию и беспокойство. Следует сказать, что Арнольд и Каролайн Роз утверждают, что из всех современных школ психологии «только психоанализ оказался хоть чем-то полезным»⁵⁶ при анализе предрассудков.

Социология семьи: эмоциональное воздействие и институциональная структура. На протяжении всех трех периодов американской социологии специалисты по социологии семьи интересовались психоанализом и находились под его влиянием. Благодаря расцвету литературы, посвященной социологии семьи, после второй мировой войны и растущему интересу к анализу небольших групп эта тенденция сделалась еще более заметной, а некоторые из наиболее радикальных случаев теоретической интеграции психоаналитической психиатрии имели место в психологии семьи, так как в этой области был принят тезис о том, что решающую роль в заключении счастливых браков играют счастливые переживания в детстве и восприятие понятий о ролях в семье.

Хотя Гровс первым из многих специалистов по социологии семьи благосклонно отнесся к психоанализу, новейшие достижения связывают преимущественно с именем Бёрджесса и его учеников. В своем последнем произведении «Семья» («The Family», 1953) Бёрджесс в соавторстве с Гарви Дж. Локком отводит свыше ста страниц на рассуждения о формировании личности в семье. Делая большие заимствования из психоаналитических теорий Фрейда, Адлера, Юнга и Ранка, Бёрджесс считает, что всеми индивидуумами движут внутренние импульсы. Он истолковывает функциональное значение этих импульсов с социологической точки зрения, переводя их в томасовскую схему четырех желаний: безопасности, нового переживания, реакции и признания. Исполнение желаний и роль желаний в реальном поведении объясняются затем путем использования фрейдистских механизмов сублимации, доминирования и разочарования. Эти и другие «психогенные процессы» — идентификация, дифференциация, чрезмерная опека, проекция, самовыражение, сдерживание и компенсация — используются для описания эмоционального взаимодействия внутри семьи, то есть «семейной психодрамы».

Уинч дал еще более всеобъемлющую теоретическую формулировку психоанализа и семейной жизни. В работе «Современная

⁵⁶ Arnold Rose and Caroline Rose, *America Divided* New York, 1950, p. 305.

семья» («The Modern Family», 1952) Уинч пытается создать интегрированную социальную психологию личности, основанную на социальном бихевиоризме Мида, неосоциальном бихевиоризме Долларда, Миллера, О. Г. Моурера и Сирса, а также ортодоксальном фрейдизме и неофрейдизме. Согласно Уинчу, семья является основным социальным институтом, так как эмоциональные схемы личности, имеющие значение для заключения счастливого брака, вперые, и притом фундаментально, закладываются именно в ней. Подробно анализируя переживания в младенчестве и в детстве, которые он считает критическими, Уинч многое заимствует у психоанализа. В младенчестве деятельность проходит в основном на биофизическом уровне разрядки напряжения посредством удовлетворения, что вызывает у младенца любовь к матери, а также влечет за собой у ребенка разочарование, беспокойство и подавление, тогда как родители испытывают двойственное чувство. Благодаря последующему обучению ребенок приобретает социальные потребности и интернализует ценности, нормы и цели, господствующие в группе. Таким образом, с теоретической точки зрения семья становится осевой социальной ситуацией, скрепляющей частные, индивидуалистические аспекты личности с культурными схемами общества.

Функционализм, психоаналитическая теория и семья. В недавнее время тот же самый осевой характер семьи был признан Толкоттом Парсонсом, что побудило его заимствовать многие психоаналитические понятия для своей систематической социологической теории. Парсонс считает, что система отсчета, применяемая в теории социального действия, позволяет рассматривать семью как одну из социальных систем, в которой новый организм устанавливает связи с окружающей средой.

Утверждается, что эта связь развивается благодаря действию механизмов социализации и мотивировки⁵⁷. Хотя законы мотивировки являются универсальными, механизмы ее относительно, и их следует интерпретировать, исходя из личности как системы и из механизмов личности. Существуют три основных механизма личности, посредством которых осуществляется ее рост и развитие. Первый и основной механизм представляет собой механизм изучения новых познавательных, оценочных и выразительных элементов направленности действия через взаимодействие с другими лицами. Затем изучаются остальные механизмы социализации. Вторым является механизм защиты, выносящий решения в случае конфликта между потребностями; он тесно связан с третьим механизмом, механизмом приспособления, который сублимирует конфликты, связанные с внешними объектами. Такое приспособление влечет за собой интернализацию элементов социального контроля, его можно сравнить с супер-эго

Talcott Parsons, The Social System, Glencoe, Ill., 1951, в особенности гл. 6.

Социализация происходит благодаря катектически-оценочным, познавательным и ценностно-приобретательным механизмам. Катектически-оценочный механизм включает в себя подкрепление-угасание, основанное на принципе удовольствия-страдания в виде награды и наказаний; торможение, которое сравнимо с фрейдовской концепцией вытеснения, и субституцию, которая раздваивается на перенос и смещение. Двумя познавательными механизмами являются имитация и идентификация, основанные на чувстве уважения или любви. Идентификация, требующая определенного отношения альтера к эго, создает привязанность к другим людям, так что эту ценностную направленность альтеров можно интернализировать. Пользуясь фрейдовской терминологией, индивидуум интернализует наставления родителей и приобретает супер-эго.

Как система личность непрерывно меняется благодаря механизму обучения. Тем не менее она остается в равновесии с помощью механизмов приспособления и защиты, которые контролируют эти факторы как изнутри, так и вне индивидуума, тяготеющего к неравновесию. Такая концепция личности, развивающейся благодаря взаимодействию с окружающей средой и контролируемой психическими механизмами, аналогична психоаналитическому представлению о диалектическом формировании личности.

Другие примеры использования Парсонсом фрейдовских идей для своей теории личности можно найти в ряде его недавно опубликованных монографий и статей. Например, Парсонс рассматривает отнятие ребенка от груди как разочарование, поскольку ребенка принуждают отказаться от старых, знакомых, находящихся в его распоряжении необходимых объектов ради новых, незнакомых; Парсонс считает, что эротическое удовлетворение в младенчестве играет решающую роль для развития личности; он возводит межличностные привязанности к раннему аффективному отношению между матерью и ребенком; он требует, чтобы нормальное развитие личности было непрерывным и «не замерзло» ни на одной точке, то есть не характеризовалось бы фиксацией или регрессией; он также принимает существование эгоцентричных половых привязанностей в семье и связывает их с табу инцеста.

В одной из своих последних работ Парсонс связывает социальную систему и систему личности, выдвигая на первый план роль символического процесса⁵⁸. Он считает, что этот процесс можно сравнить с развитием супер-эго, и категорически утверждает, что благодаря этому система личности приобретает и интернализует моральные ценности, определяет цели, делает выбор и, таким образом, организует свои мотивировки в осмысленные системы. Установление эдиповских взаимоотношений между родителями и детьми требует действия того же самого символического процесса. Эдипово отношение само по себе является средством, благодаря

⁵⁸ Talcott Parsons, *Psychoanalysis and Social Science*, in Alexander and Ross, op. cit., pp. 186—215.

которому ребенок постигает представления о дифференцированных ролях. Хотя мотивировки младенца направляются беспокойством о безопасности — стремление ощущать себя любимым, Парсонс утверждает, что ребенком по достижении стадии Эдипова комплекса движет беспокойство о выполнении: сможет ли он ответить взаимностью на любовь родителей. Благодаря этому ребенок приобретает представление о дифференцированных ролях, являющихся элементами социальной системы. Социологическое значение этого процесса дифференциации ролей, происходящего в семье, основано на том, что оно генерическое и существует в других социальных системах, как это показывает Парсонс, анализируя отношения между пациентом и терапевтом.

Психоаналитические представления и общая социологическая теория. Хотя другие теоретики социологии изучали возможности, заложенные в психоаналитических представлениях и идеях, — например, Роберт Мертон применял латентные и явные функции, а Луис Шнейдер дал сравнительный анализ Веблена и Фрейда, — тем не менее в этой области наиболее значительными являются работы Толкотта Парсонса. Особую важность имеет его попытка использовать Эдипов комплекс для установления взаимосвязи между личностью и социальной системой, которые аналитически обособлены и самостоятельны. Поскольку органичные и культурные силы не обязательно являются дополнительными, то Парсонс утверждает, что индивидум в конечном итоге хочет принять культурные схемы, которые соответствующим образом ограничат его поведение. Таким образом, Парсонс выражает устойчивую волюнтаристскую тему американской социологии.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Alexander Franz and Helen Ross (eds.), *Twenty Years of Psychoanalysis*, New York, W W Norton, 1953.
- Dunham H. Warren, *Social Psychiatry*, ASR, 13, April, 1948, p. 183—197.
- Goldenweiser A. E., *History, Psychology, Culture*, New York, Alfred Knopf, 1933.
- Goldenweiser A. E., *Some Contributions of Psychoanalysis to the Interpretation of Social Facts*, in H. E. Barnes, Howard Becker, and Frances B. Becker (eds.), *Contemporary Social Theory*, New York, D. Appleton-Century, 1940, p. 391—430.
- Hall C. S. and Gardner Lindzey, *Psychoanalytical Theory and Its Application in the Social Sciences*, in Gardner Lindzey (ed.), *Handbook of Social Psychology*, Cambridge, Mass: Addison-Wesley, 1954, vol. 1, p. 143—180.
- Kardiner Abram, *The Individual and His Society*, New York, Columbia University Press, 1939.
- Kardiner Abram, *Psychological Frontiers of Society*, New York, Columbia University Press, 1945.
- Parsons Talcott, *The Social System*, Glencoe, Ill., The Free Press, 1951.

Ч А С Т Ь V

**ОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ТЕОРИИ ЗА РУБЕЖОМ**

СОЦИОЛОГИЯ В АНГЛИИ: ОСНОВНАЯ ТЕМАТИКА

У. Дж. Г. Спротт

Здесь не место обсуждать определение социологии, но, пожалуй, было бы удобно провести различие между социологами, интересующимися общими проблемами социальных явлений (такими, как природа общества, смысл социального действия, социальный контроль, а также связь между социальной структурой и убеждениями), и теми, кто хотя и именуется «социологами», но интересуется преимущественно изучением специфических социальных проблем (например, планирование городов) с социологической точки зрения. Данное различие нечетко — да и мало различий подобного рода являются вообще четкими, — и могут найтись такие произведения, которые трудно классифицировать; но я полагаю, что поскольку речь идет об английской социологии, то необходимо определить различие главных интересов. Для того чтобы дать какие-то ярлычки, разрешите мне назвать первую группу «социологами-теоретиками», а вторую — «специалистами по прикладной социологии». Второй ярлычок не вполне удовлетворителен, потому что данная группа располагает довольно скромным «социологическим багажом», который можно было бы использовать «в прикладных целях». Однако эти ярлычки могут пригодиться, для того чтобы указывать то различие, которое я имел в виду.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В АНГЛИИ

Как известно, социальные исследования любого рода представляют собой часть социального процесса, и один из разделов социологии познания будет, без сомнения, содержать главу о социологии. Во Франции, например, те социологи, которые находились под влиянием L'Ecole Polytechnique, старались, как только могли, чтобы «оправдать» революционное столкновение мнений путем применения научных принципов к социальной машине¹.

¹ Ср. F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science*, Glencoe, Ill., 1952.

В Англии дело обстояло иначе. Правда, Спенсер полагал, что общества могут быть поняты как любые другие организмы, однако всякое вмешательство в благотворительный эволюционный процесс природы категорически исключалось. О специалистах по планированию он писал: «Муха, сидящая на поверхности тела, имеет примерно такое же представление о его внутренней структуре, какое любой из этих прожекторов имеет об окружающей его социальной организации».

Милл полагал, что наука об обществе станет возможной тогда, когда мы настолько изучим психологию, что будем в состоянии соотнести весь психологический комплекс какой-либо эпохи с теми социальными результатами, к которым он мог бы привести. Милл в большей степени стремился понять, чем изучить. Во всяком случае, никто из этих выдающихся викторианцев не был ученым академического типа. Что еще хуже, они переставали быть «логичными», когда дело доходило до религии. Смешно было бы утверждать, что Спенсер и Милл не оказали влияния на английскую социальную мысль вообще, но они, бесспорно, не основали социологических школ; они даже не сделали социологию «предметом».

Тем не менее в ранневикторианской Англии ощущалось значительное социальное беспокойство, и носы богачей вдруг почувствовали вонь бедности. Нет необходимости говорить о знаменитой книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»; мы, пожалуй, могли бы упомянуть о докладах Чэдвика 1833—1844 годов. Но не одни только носы оказались чувствительными. Сердца были тронуты, и филантропические леди и джентльмены поспешно стали заботиться об одеялах для бедных. «Но,— как было сказано в решении «Общества благотворительных организаций»,— мы не должны изнеживать бедняков. Мы должны помогать достойным помочь самим себе». А затем Чарлз Бут, судовладелец, спросил: «Кто такие бедняки? И насколько они бедны?» Не получив удовлетворительного ответа, он начал действовать: он действительно отправился к беднякам, чтобы лично получить необходимые сведения. Результатом явилась его «Жизнь и труды лондонцев» («Life and Labours of the People of London», 1891—1903), работа, которая в тридцатых годах XX века была прорецензирована Лондонским институтом экономики под названием «Новый обзор жизни и трудов лондонцев». Она представляет собой не только веху в истории социальных обзоров в Англии (я полагаю, что мы должны считать в числе предшественников «Обзор Лондона» («Survey of London»), сделанный Стоу), но и символический показатель того направления, которое приняли социальные исследования в нашей стране. В результате сложился следующий подход: не будем исходить из поверхностных явлений, давайте найдем факты. Это и есть подход английской социологии — поиски фактов².

Важность отыскания фактов убедительно отстаивает Барбара Буттен (Barbara Bootten, Testament for Social Science, London, 1950).

Бунт против эмпиризма: Гобхауз и Гинсберг. Два деятеля, и, по-моему, только два, стоят особняком. Это Л. Т. Гобхауз и Моррис Гинсберг; оба они занимали единственную кафедру социологии в Великобритании, кафедру социологии имени Мартина Уайта в Лондонском институте экономики. Гобхауз обладал широкими интересами, значительной эрудицией и большими интеллектуальными способностями. Он интересовался сравнительной психологией, сравнительной антропологией и хорошо разбирался в истории цивилизации. Ознакомившись с вопросом, он увидел эволюционную схему. Он решил, что существуют тенденция к гармоническому сочетанию желаний и потребностей в индивидууме и тенденция к гармоническому сочетанию стремлений всех индивидуумов в обществах, которые они составляют. Он искал доказательств путем сравнительного изучения институтов и моральных систем. Он не гнался за легкими ответами. И, принимаясь за чтение его гладкой прозы, чувствуешь себя так, как будто едешь в экипаже на рессорах в обществе благородного и проницательного мыслителя. И тем не менее все это представляется каким-то старомодным. Это, несомненно, прискорбно, но мы все чересчур заняты практическими проблемами, для того чтобы обращать должное внимание на простирающиеся перед нами необъятные просторы.

Преемник его, Моррис Гинсберг, унаследовал философские интересы Гобхауза и его беспристрастный метод. Он не создал никакого *magnum opus**, но его статьи, собранные в книгах «Исследования по социологии» («Studies in Sociology», 1932) и «Рассудок и безрассудство в обществе» («Reason and Unreason in Society», 1947), являются в своем роде шедеврами. Во второй из этих книг выделяются статьи «Национальный характер» и «Причина войны и морального прогресса»; на том же уровне находится и сделанный им в его «Психологии общества» («Psychology of Society», 1938) анализ понятия о групповом разуме. Он сохранил «гобхаузовскую традицию», которая сочетает в себе беспристрастный анализ социальных явлений с философской осмысленностью как в отношении грубых ошибок, так и легкомысленной поверхностности.

Вслед за Гинсбергом необходимо упомянуть Т. Б. Маршалла, весьма тонкого мыслителя. Маршалл тоже написал немного, но, всякий раз когда он берется за перо, появляется какой-либо утонченный анализ, написанный образцовым языком. Его работа «Гражданство и социальный класс» («Citizenship and Social Class», 1950), о которой будет говориться ниже, содержит одно из лучших введений в проблему классов из написанных на английском языке. Произведения Гинсберга, как правило, коротки, и его недавно опубликованная работа «Идеи прогресса: переоценка» («Ideas of Progress, A Revaluation») представляют собой не более чем расширенную лекцию. Литературная продукция Маршалла также обычно блечена в форму статей. Имеются всего лишь два введения в социо-

* *Magnum opus* (лат.) — великое произведение. — Перев.

логию, одно, написанное Гинсбергом, а другое — мной³, и оба они также представляют собой небольшие томики. Мы не охотники ни до крупных теоретических работ, ни до больших, всеобъемлющих учебников; в этом отношении мы надеемся на Соединенные Штаты. Теория и энциклопедизм в настоящее время не в моде. Исключение, пожалуй, стоит сделать только для Арнольда Дж. Тойнби. Лишь немногие не согласятся применить прилагательные «теоретическая» и «энциклопедическая» к его замечательной работе «Опыт изучения истории» («A Study of History»). Социологами эта книга была принята без особого энтузиазма. Частично это, несомненно, объясняется тем, что можно назвать ее главным недостатком: выбранная схема развития — творческое меньшинство, консолидация в мировое государство, рост внешнего и внутреннего пролетариата, крах — подходит к Римской империи, а между тем путем искусственных исторических построений доказывается применимость этой схемы и ко всем другим случаям. Это также вполне может объясняться и той нерешительностью, которую мы испытываем, когда речь заходит о принятии догмата искупления из исторических циклов, если мы принимаем христианство. Можно сказать, что мы следуем не столько «гобхаузовской традиции», сколько бутовской традиции отыскания фактов. Научно-исследовательской работой занимаются специалисты по прикладной социологии, а не теоретики.

Нынешнее пренебрежение теорией. Что же касается тех теоретиков, которые у нас есть, то мы склонны игнорировать их: их имена известны и упоминаются, но их идеи не используются в качестве основы для исследования. Специалистов же по прикладной психологии, которые были в прошлом, мы склонны забывать полностью. Такова была участь двух социологов, Патрика Геддеса и Виктора Брэнфорда. Геддес был по профессии биологом и старался применить социологическую концепцию биологин к обществу. Проведенное им в Эдинбурге социальное обследование (1911) представляло собой одну из самых ранних попыток такого рода; кроме этого, он произвел обследование городов Индии, куда его назначили профессором гражданского права и социологии в 1920 году. Мы, разумеется, помним о его интересе к эмпирическим исследованиям, но он был также и систематизатором, составителем диаграмм, а это зачастую оказывается, увы, смертельным для любой репутации. Огромные пачки его неопубликованных рукописей все еще собирают эдинбургскую пыль. Весьма вероятно, что его предназначение было в том, чтобы оказаться темой для диссертации на соискание степени доктора философии в 1980-х годах.

Брэнфорд, являвшийся финансистом, был учеником Геддеса. О нем вспоминают, если вспоминают вообще, как о главном инициаторе создания Социологического общества в 1903 году и журнала

³ Morris Ginsberg, *Sociology*, London, 1934; W J H. Sprott, *Sociology*, London, n. d.

этого общества «Социологический журнал», который выпускается теперь Университетским колледжем Северного Стаффордшира. Он и Геддес были в известном смысле учениками Ле-Плея, и резиденция общества была известна как Дом Ле-Плея. Из этого центра осуществлялось руководство рядом социальных обследований, но следует признать, что эти работы не вошли в комплекс научных знаний, которыми снабжают современных студентов.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Является неоспоримым фактом, что те исследования, которые проводятся (а проводится их довольно много), направлены к разрешению социальных проблем — направлены, можно было бы сказать, к реформе. Темы диктуются нашими первоочередными интересами. Ниже я постараюсь показать, каковы эти основные интересы, и упомянуть о некоторых исследованиях, возникших благодаря им. Этот очерк не претендует на полноту, и по большей части речь будет идти только о книгах.

Проблема населения: возрастное распределение и стабильность семьи. Мы были обеспокоены уменьшением численности нашего населения, по крайней мере некоторые из нас были обеспокоены, так как Дж. Ч. Флюгель⁴ сообщил нам, что наша тревога вызвана просто боязнью импотенций, в то время как покойный Ч. М. Джоад утверждал, что чем меньше народу на нашем острове, тем просторней. Наши страхи несколько улеглись после предварительных сообщений об итогах переписи 1951 года. Была создана Королевская комиссия по населению, представившая свой отчет в 1949 году. Особый интерес представляют меморандумы, поступившие в Комиссию, в частности том V, где имеется раздел об «Отношении между интеллигентностью и плодовитостью» (в составлении его участвовали физиологи сэр Готфри Томсон и сэр Сирил Берт), и том I, о «Семейных ограничениях».

Том V посвящен преимущественно качеству, а не количеству населения. Нас предупреждали, что уровень интеллигентности нации снижается, так как неспособные бедняки размножаются быстрее, чем умные богачи. В результате этого были проведены различные исследования, например исследование Грея «Интеллигентность нации» («The Nation's Intelligence», 1936), и возник конфликт между приверженцами теории решающей роли среды, в числе которых находился Джулиан Блэкберн⁵, и сторонниками теории врожденных способностей; представителем этих последних был сэр Сирил Берт. Вопрос представляет интерес по преимуществу для психологов, занимающихся проблемами образования,

⁴ J. C. Flugel, *Population, Psychology and Peace*, London, 1947.

⁵ Julian Blackburn, *Framework of Human Behavior*, London, 1947.

но вскоре был обнаружен еще один аспект, связанный с интеллектуальным уровнем: отрицательное соотношение между размерами семьи и умственными способностями. Имелись некоторые данные, говорящие о том, что это не зависит от социального класса, но Блэкберн⁶ снова стал отстаивать решающую роль факторов окружающей среды. Во всяком случае, если бы отрицательное соотношение было таким, каким предполагалось, то оно к настоящему времени, несомненно, было бы выявлено простодушными школьными учителями. Но когда в 1947 году было в большом масштабе проведено повторное обследование интеллектуального уровня шотландских детей, то не было обнаружено значительного снижения по сравнению с 1932 годом. Мы снова вздохнули, хотя и с некоторым беспокойством. Во всяком случае, мы считаем, что необходимо наилучшим образом использовать те головы, которые у нас есть. К этому вопросу мы еще вернемся.

Второй том докладов, представленных Королевской комиссией, подтверждает результаты обследования, проведенного Советом Королевского колледжа акушеров и гинекологов с целью изучения общей проблемы влияния ограничения размера семьи за последние пятьдесят лет.

Снижение рождаемости началось, как известно, в XIX веке, и Дж. А. Бэнкс⁷ изучил условия жизни викторианских средних классов. Он собрал данные из книг по домоводству, написанных для просвещения нуворишей, из каталогов мебели и из других источников, чтобы показать, как честолюбивые устремления средних классов наносили серьезный ущерб их доходу и ограничивали количество детей, которое они намеревались иметь.

Проблема населения не сводится к одним только цифрам; она касается и возрастного распределения. В не столь отдаленном будущем окажется слишком много престарелых и слишком мало молодых, которые смогли бы за ними ухаживать. Интерес к старости становится для нас обязательным не только потому, что мы все к этому придем, не только из-за гуманных соображений, но и потому, что старость проявляется столь наглядно. Поэтому мы хотели бы сохранить стариков трудоспособными как можно дольше, и в настоящее время проводятся исследования для изучения того, какого рода работы они могут выполнять. Инициатором этих исследований стал фонд Наффилда⁸, являющийся также и пионером в изучении специфических потребностей престарелых и необходимых для них жилищных условий⁹.

С проблемой населения тесно связана проблема семейной жизни. Якобы имеющий место распад семейной жизни является ходячей темой для публицистов и для журналистов, вещающих подобно Кассандре. Однако Элиот Слейтер и Мойя Вудсайд провели серьез-

⁶ Julian Blackburn, in «Population Studies», I, 1947, p. 165.

⁷ J. A. Banks, Prosperity and Parenthood, London, 1954.

⁸ B. Seebohm Rowntree, Old People, Oxford, 1947.

⁹ A. T. Welford et al., Skill and Age, Oxford, 1951.

ное изучение этого вопроса¹⁰. Они сравнили брачный опыт двух групп: группы из 100 военнослужащих, госпитализированных на почве невроза, и аналогичной группы больных, госпитализированных в хирургическом и терапевтическом отделениях. На основании собранных данных они выявили те особенности неудачной брачной жизни, которые связаны с наличием невротических симптомов. Данная книга касается в основном отношений между мужем и женой. Джон Боулби, обнаруживший, что разлучение ребенка с матерью в раннем возрасте является фактором, способствующим формированию преступного характера, «которому чужды привязанности»¹¹, дал обзор литературы в работе «Материнский уход и душевное здоровье» («Maternal Care and Mental Health», 1951) для Всемирной Организации Здравоохранения. Оказывается, мы давно преодолели невидимый барьер, отделяющий социологию от психологии.

Планирование городского и сельского строительства: экономические и психологические аспекты. Само собой разумеется, что население распределяется по стране неравномерно. Города расползаются и поглощают землю, пригодную для ведения сельского хозяйства. Кроме того, города зачастую бывают отвратительными и неудобными. Это обстоятельство вызвало появление большого количества социальных обзоров, к которым Ф. А. Уэллсом было написано полезное краткое вступление¹², теперь уже несколько устаревшее. Кроме того, недавно вышла общая история запутанного вопроса о городском планировании, написанная Уильямом Эшунтом¹³. Из важнейших обзоров здесь можно указать: «Город в Мидленде» («Midland City», Вулвергемптон) Тома Бреннана (1948); «Обзор Мерсисайда» («Survey of Merseyside») Карадога Джонса (1934); «Работа и благосостояние в современном порту» («Work and Wealth in a Modern Port», Саутгемптон) П. Форда (1934); «Конурбация» («Conurbation», Бермингем и Черная область), книга, написанная западно-мидлендской группой (1948), и «Английское графство» («English County», Гирфорд), работа, написанная той же группой (1946).

Целью этих, а также и некоторых других обзоров являются поиски фактов, и в данных работах содержится информация о расположении промышленных предприятий, о жилых районах и о коммунальных службах. Несколько большее внимание жизни горожан уделено в книге «Социальный фон одного плана» («The Social Background of a Plan», 1948), вышедшей под редакцией Рут Гласс. В этой книге, помимо других вопросов, затрагивается и проблема рацио-

¹⁰ Eliot Slater and Moya Woodside, *Pattern of Marriage*, London, 1951.

¹¹ John Bowlby, *Forty-four Juvenile Thieves*, London, 1946.

¹² F. A. Wells, *The Local Social Security in Great Britain*, London, 1935.

¹³ William Ashwith, *Genesis of Modern British Town Planning*, London, 1954.

нального размещения предприятий коммунального обслуживания. Еще одним фактором, имеющим значение при планировании городов, является то расстояние, которое людям приходится проезжать, чтобы попасть на работу. Этой теме посвящена книга Кейт Липманн «Поездка на работу» («Journey to Work», 1945). В последние годы стала звучать новая нота. Города должны иметь улицы, дома, школы, магазины и т. п. Первый вопрос: где они должны быть расположены для удобства жителей? Недавно, однако, стали часто звучать высказывания, что городская жизнь в известной степени неудовлетворительна. По мнению тех, кто придерживается этого взгляда, мы одиноки. Поль Хэлмос в своей книге «Одиночество и уединение» («Solitude and Privacy») сообщает нам, что культ уединения в настоящее время устарел и его придерживаются только невротические, ушедшие в себя личности. Вследствие этого рекомендуется селиться группами. Дж. Моджи в неопубликованном экспериментальном обзоре Оксфорда сравнивает общение соседей между собой в одном из беднейших районов Оксфорда с тем общением, которое имеют друг с другом жильцы одного из новых жилых массивов. Тот же самый интерес к общению соседей друг с другом в одном из новых жилых массивов послужил центральной темой для работы миссис Дюрант, посвященной «Уотлингу» («Watling», 1939). В Ковентри этот вопрос изучался Лео Купером¹⁴. Он обнаружил, что для масштабов социального общения, в котором вы участвуете, далеко не безразлично, живете ли вы на углу какого-нибудь тупика или на одной из его сторон. Он также обнаружил (хотя это далеко не было неожиданностью), что некоторым людям нет никакого дела до их соседей. Дебаты по вопросу о поселениях группами весьма характерны для нынешней английской социологии. У нас имеется теория, что люди должны лучше относиться к своим соседям, и для обеспечения этого мы разрабатываем планы на бумаге, а затем отправляемся посмотреть, что же в действительности происходит. Беспокойство о том, что люди в городах одиноки,— вот что служит началом этой истории. Строятся различные предположения, предпринимаются действия, а затем на сцене появляетсяследователь.

Обзоры, посвященные изучению бедности и социальных служб. Помимо общих описаний городов, есть и такие исследования, в которых жизнь горожан рассматривается в ином аспекте. Том Бреннан написал работу (неопубликованную) по материалам обследования, проведенного им в Суонси. В этой работе он показал, как изменилась роль церкви и ее служителей. Раунтри неоднократно обследовал положение бедняков в Йорке и показал изменяющиеся условия жизни трудящихся классов¹⁵.

Мы давно уже заметили существование бедняков. Обследования, проведенные Бутом и Раунтри, а также установление «границ

¹⁴ Leo Kuper (ed.), *Living in Towns*, London, 1953.

¹⁵ B. Seebohm Rowntree, *Poverty: A Study of Town Life*, London, 1902; *Progress and Poverty*, London, 1941.

цы бедности» привлекли наше внимание к этому вопросу. С течением времени мы все больше становились «классово сознательными» в том смысле, что стали уделять большое внимание всему вопросу о классе. Гражданство, согласно тому определению, которое дает Т. Г. Маршалл в своей работе «Гражданство и общественный класс» (об этой работе уже говорилось выше), складывается из трех элементов: свобода речи и свобода от произвольного ареста; право на участие в создании тех законов, которым граждане должны повиноваться, а также право на такие условия жизни и развития, которые исключали бы возможность дискриминации кого-либо вследствие простой случайности рождения. Первая категория прав была завоевана в XVII и XVIII веках, вторая — в XIX веке, а третья только еще начинает осуществляться в том столетии, в котором мы живем.

Другим важным моментом являются социальные службы. Они описаны Пенелопой Холл в ее работе «Социальные службы в современной Англии» («Social Services in Modern England», 1952). Отчет о состоянии психиатрических социальных служб был составлен Маргарет Эшдаун и С. Клементом Брауном и приведен в их работе «Социальная служба и душевное здоровье» («Social Service and Mental Health», 1953). Очерк деятельности социальных служб во время кризиса второй мировой войны дан Р. М. Титмусом в его книге «Проблемы социальной политики» («Problems of Social Policy», 1950). Общая схема предполагаемой координации благотворительной помощи была изложена лордом Бевериджем в знаменитом «Докладе Бевериджа», после чего вышла его книга о последствиях полной занятости¹⁶. В этой книге в соответствии с ее заглавием полная занятость рассматривается как одно из условий эффективного обеспечения благосостояния. Благосостояние стоит денег, и этому вопросу посвящена работа Гертруды Уильямс «Цена социального страхования» («Price of Social Security», 1944). Но существующих официальных служб недостаточно. Ощущается необходимость в добровольных службах, так как имеются случаи, которыми бюрократия не занимается. Эта проблема обсуждается в ряде исследований: лорд Беверидж (ред.) «Добровольные действия» («Voluntary Actions», 1943) и его же «Данные о необходимости добровольных действий» («Evidence for Voluntary Actions», Лондон, 1949); Констанс Брейтуэйт «Гражданин доброволец» («The Voluntary Citizen»), а также работа Месса и др. «Добровольные социальные службы после 1918 года» («Voluntary Social Services Since 1918», London, 1947).

Целью социальных служб является повышение уровня жизни групп с низкими доходами, и был проведен ряд исследований для изучения жизни, которую они ведут. Два живо написанных очерка, обрисовывающих их уклад жизни, были опубликованы Ф. Цвей-

¹⁶ William Beveridge, *Full Employment in a Free Society*, London, 1944.

гом¹⁷, который написал также исследование о шахтерах¹⁸. Эти книги напоминают репортаж, но они хорошо написаны и содержат много полезных сведений. То же самое можно сказать и о работе Марка Бенни «Улица благотворительности» («Charity Main») — исследовании, посвященном шахтерскому поселку. Необходимо упомянуть также об отчете Пилигрим-треста, озаглавленном «Люди без работы» («Men Without Work», 1938). Это сравнительное исследование безработицы в различных культурных условиях — Дептфорд, Лестер, Ливерпуль, Блекберн, Крук (графство Дарем) и Ронда (Южный Уэльс).

Можно назвать также еще три исследования. Первое, работа Б. М. Спили «Обездоленные и привилегированные» («Deprived and Privileged», 1953), представляет собой сравнение методов воспитания детей в одном из трущобных районов с теми методами, воздействию которых подвергаются группы мальчиков, принадлежащих к среднему классу. Работа была предпринята для уяснения культурных различий между двумя классами. Вторым является вскоре выходящее из печати исследование Робба в его книге «Антисемитизм в одном из английских городов» («Anti-Semitism in an English Town»). Исследование посвящено жизни в Бетнал-Грин. Вывод, к которому приходит автор, гласит, что антисемитизм представляет собой функцию неуравновешенности личности; эта неуравновешенность является в свою очередь функцией культурных давлений, которым подвергаются индивидуумы. В качестве предпосылки к своему исследованию Робб, таким образом, должен был войти в жизнь Бетнал-Грин, где детей закармливают, когда они малы, чтобы они не шумели и дали «старикам» поспать. Но их выставляют играть на улицу, как только они подрастают, так как подкуп их в этом возрасте обходится слишком дорого. Третье — это исследование, проводимое Ноттингемским университетом для определения различных культурных уровней, существующих в рабочих районах одного из соседних городов.

Статус средних классов. Бедняки, в общем, доступны и разговорчивы. Изучать средние классы в нашей стране куда труднее. Образцовой работой о представителях различных интеллектуальных профессий все еще может служить книга А. М. Карп-Сондерса и П. Уилсона¹⁹, однако Т. Г. Маршалл рассматривает распространение «профессионализма» в новых видах деятельности в своей книге «Гражданство и общественный класс». Изучение гражданской службы проводилось Г. Э. Дейлом и Г. Р. Дж. Гривсом²⁰, а несколько раздраженное описание их социальных затруднений

¹⁷ F. Zweig, *The British Worker*, London, 1952; *Labour, Life, and Poverty*, London, 1949.

¹⁸ F. Zweig, *Men in the Pits*, London, 1948.

¹⁹ A. M. Carr-Saunders and P. Wilson, *The Profession*, Oxford, 1933.

²⁰ H. E. Dale, *The Higher Civil Service of Great Britain*, London, 1941; H. R. G. Greaves, *The Civil Service in the Changing State*, London, 1947.

в изменяющемся мире было дано Р. Льюисом и А. Модом²¹, причем следует сказать, что данная ими характеристика тяжелой участи средних классов²² является почти столь же мрачной. Издаются результаты обследования кадров гражданской службы, проведенного Г. К. Келсоллом.

Каналы вертикальной социальной мобильности. Как бы то ни было, люди не остаются в рядах того общественного класса, к которому они принадлежат по рождению; они обладают в ограниченной степени мобильностью. Впервые изучение вертикальной социальной мобильности было проведено Моррисом Гинзбергом в 1927 году²³. В обследованной им группе преобладали студенты и учителя, а результаты были лишь предварительными. Однако выяснилось, что существует ограниченная возможность мобильности из класса работников физического труда в верхние области и что эта мобильность увеличилась в том поколении, которое он изучал, по сравнению с предыдущим поколением. Позднее Лондонским институтом экономики под руководством Д. В. Гласса, нашего самого видного демографа, было организовано более широкое обследование, охватившее Англию, Уэльс и Шотландию. Контингент обследованных является более удовлетворительным и с географической точки зрения, и по подбору профессий. Результаты выражены как в общих цифрах, показывающих процент сыновей, занимающихся той же профессией, что и их отцы, поднимающихся выше этой профессии или опускающихся ниже ее, так и путем использования понятия об «идеальной мобильности». При втором методе вычисления оказывается, что «индекс ассоциации», то есть количество случаев, когда дети остаются в том же классе, что и их родители, гораздо выше в высших классах, чем в низших, за исключением максимально низкого уровня профессий. Это исследование по социальной мобильности было недавно опубликовано Кеганом Полем в «Международной библиотеке социологии социального переустройства».

Среди работ, связанных с изучением социальной мобильности, можно называть исследования о шансах на получение образования у различных классов общества. «Закон 1944 года», направленный на то, чтобы предоставить всем детям более широкие возможности получения образования, чем в прошлом, является кульминационным событием долгих лет разработки общей проблемы образования. Невозможно подытожить всю новейшую историю образования в Англии, доклады о средних школах, о «публичных» школах и т. п. Будет упомянуто лишь несколько недавно вышедших книг. Исследования, о которых говорилось выше и которые собраны в сборнике под редакцией Д. В. Гласса «Социальная мобильность в Англии» («Social Mobility in Britain», Glencoe, 1954), показывают,

²¹ R. Lewis and A. Maude, *Professional People*, London, 1952.

²² R. Lewis and A. Maude, *The English Middle Classes*, London, 1949.

²³ Morris Ginsberg, *Studies in Sociology*, London, 1932, Chap. 9

какой узкой была образовательная лестница до Закона 1944 года. Роль среднего образования рассматривается Г. С. Дентом в его книге «Среднее образование для всех» («Secondary Education for All», 1949). После этого он описал переход, происходящий в настоящее время, в своей работе «Образование в переходный период» («Education in Transition», 1952), где показано воздействие войны на систему образования в Англии. Продолжением этой книги служит «Развитие образования в Англии» («Growth in English Education», 1954), в котором изложение доводится вплоть до 1952 года. Недавно появилась более общая работа по социологии образования²⁴.

Проблемы официального образования. Постоянным предметом споров является продолжающееся существование независимых «публичных» школ, странная роль которых описана Дж. П. Вулфенденом в его работе «Публичные школы сегодня» («Public Schools Today», 1948). Но, когда речь идет об обеспечении возможности получения образования, нас заботит не только мысль о среднем образовании: существуют и университеты. Провинциальные университеты получили краткую критическую характеристику от автора, подлинная личность которого тщательно хранится в секрете и который скрывается под псевдонимом Брус Траскот²⁵. В этих книгах, эрудиция которых вызывает тревогу, описывается жизнь и работа в университетах, но не в таких, как Оксфорд и Кембридж. Кроме того, дает о себе знать еще одна настоятельная потребность. Если мы будем иметь соответствующие условия в «грамматических школах» и право на перевод в эти школы мальчиков и девочек, интеллектуальные способности которых развиваются позже, сможем ли мы тогда сделать правильный отбор учащихся для продолжения образования в университетах? Очевидно, нет, по мнению Р. Р. Дейла²⁶.

Возможность получить образование, естественно, представляет собой лишь одну из тех забот, которые беспокоят нас везде, где имеется молодежь. Тем же, кто не будет охвачен более высокими формами образования, предстоит поступление на промышленные предприятия. В этой области интересное исследование было проведено в Глазго²⁷.

Исследования, посвященные преступности. Но молодые люди, как нам всем известно, не обязательно спокойно поступают на промышленные предприятия или в высшие учебные заведения. Они иногда поступают в Особые школы, в учреждения для малолетних преступников, а когда достаточно подрастут, то попадают и в тюрьмы. Здесь опять-таки не может быть и речи о составлении библиографии английских книг о преступности, но можно

²⁴ A. K. C. Ottawa y, Education and Society, London, 1953.

²⁵ Bruce Truscot (pseud.), Redbrick University, Harmondsworth. 1943; Redbrick Revisited, Harmondsworth, 1951.

²⁶ R. R. Dale, From School to University, London, 1954.

²⁷ T Ferguson and J Connison, The Young Wage Earner. Oxford, 1951.

отобрать несколько книг, носящих скорее социологический, чем психологический характер. Выдающейся фигурой в области изучения преступности в нашей стране является Герман Маннгейм. Название его основного произведения достаточно ясно показывает характер наших проблем. В 1940 году, вскоре после начала второй мировой войны, он опубликовал работу «Социальные аспекты преступности в Англии между войнами» («Social Aspects of Crime in England Between the Wars»), на следующий год вышла его книга «Война и преступность» («War and Crime»). Лондонский институт экономики был эвакуирован в Кембридж, где исследование «Малолетние правонарушители» («Young Offenders») было выполнено Маннгеймом, Карп-Сондерсом и Э. Ч. Родсом, после чего вышел более общий обзор преступности в Кембридже под несколько дезориентирующим заглавием «Преступность среди несовершеннолетних в одном из городов Средней Англии» («Juvenile Delinquency in an English Middletown») ²⁸. Этой книге предшествовала более общая работа об «Уголовном судопроизводстве и социальном переустройстве» («Criminal Justice and Social Reconstruction»), опубликованная в 1946 году. В настоящее время Маннгейм читает лекции и руководит научно-исследовательской работой в Лондонском институте экономики. Ливерпульский университет также проводил исследования в этой области, о чем свидетельствует книга Дж. Г. Багота «Преступность среди несовершеннолетних» («Juvenile Delinquency») и его же работа «Арест как наказание» («Punitive Detention», 1944). Бристольский университет в настоящее время осуществляет долгосрочный научно-исследовательский проект под руководством Джона Спенсера, работа которого «Преступность и вооруженные силы» («Crime and the Services», 1954) представляет собой ценное исследование о влиянии службы в армии на преступность и наоборот. К этому можно добавить «Общество и его преступники» («Society and Its Criminals», 1949), сборник статей Норвуда Иста, являвшегося в свое время начальником тюремной медицинской службы.

Что касается обращения с преступниками, то следует сказать, что председатель Тюремной комиссии обновил и довел до сегодняшнего дня свой отчет о Борстальской и тюремной системах ²⁹, где дается исчерпывающее описание тюремной системы с ее новой классификацией открытых тюрем и тюрем для рецидивистов. Методы обращения, носящие более экспериментальный характер, рассмотрены другими авторами. Джозеф Тренамен, например, описывает один из экспериментов по перевоспитанию плохих солдат с помощью методов, которые должны с большей вероятностью вызывать реакцию, чем те, которые обычно связывают со «стеклянным домом». Дэвид Уиллс, идя по стопам венского ученого Айхор-

²⁸ Hermann Mannheim, *Juvenile Delinquency in an English Middletown*, London, 1948.

²⁹ Lionel Fox, *The English Prison and Borstal System*, London, 1952.

на, производил опыты с «дисциплиной» свободы, разрешая своим подопечным делать именно то, что им нравилось (за исключением убийства и самоубийства), до тех пор пока им это не приедалось. Он описал свои опыты в книгах «Хоксперский эксперимент» («Hawkspur Experiment», 1941) и «Борнский эксперимент» («Borncs Experiment», 1945). Весьма мало известно о влиянии субкультурного фона на преступность, хотя мы знаем, что преступность, вызванная «хорошей семьей», то есть «респектабельной», стремящейся улучшить свое социальное положение семьей, имела бы иную причину, чем та, которая вызывается (что, по-видимому, имеет место в большинстве случаев) несколько менее «респектабельным» домом, где к чужой собственности относятся более великодушно. Мы надеемся, что исследования, проведенные в Бристоле и Ноттингеме, прольют свет на этот аспект криминологии.

Расовые отношения. Следующей проблемой является та, с которой Соединенные Штаты Америки слишком уж хорошо знакомы, но которая лишь сравнительно недавно стала вызывать беспокойство, — проблема цвета кожи. В наших местах всегда имелись поселения цветных, но мы никогда не проявляли какого-либо «научного» интереса к их отношениям с белым населением. Возникший у нас интерес частично был вызван возросшим числом цветных иммигрантов, а частично тем, что мы все больше стали стыдиться «инцидентов», происходящих время от времени и показывающих наличие расовой дискриминации в некоторых кругах. Первое серьезное исследование было проведено К. Л. Литтлом, антропологом, обследовавшим Тайгер-бей, одно из негритянских поселений в Кардиффе³⁰. Более новой является работа А. Г. Ричмонда «Расовые предрассудки в Англии» («Color Prejudice in Britain»), исследование, посвященное жизни негров-техников в Ливерпуле. По этому вопросу существует также много неопубликованных диссертаций, таких, как исследование М. П. Бартона, посвященное положению негров в Степни; исследование о жизни негров в Манчестере, автор которого Эго Барси Ндем — сам уроженец Нигерии, а также исследование, посвященное жизни мусульманских и негритянских поселений в Тайнсайде, написанное С. Ф. Колинсом.

Производственные отношения. В промышленности существуют свои социально-психологические проблемы. Общая структура промышленных отношений недавно была описана в учебнике Дж. Генри Ричардсона³¹, который демонстрирует технику переговоров на уровне цехов путем совместных консультаций, путем переговоров с профсоюзом и арбитража. Структура и проблемы национализированных отраслей промышленности изучались Трестом общества Актон, а сложная структура тред-юнионизма была проанализирована членами замечательной организации, именуемой Политиче-

³⁰ К. Л. Little, *Negroes in Britain*, London, 1948.

³¹ J. Henry Richardson, *Introduction to the Study of Industrial Relations*, London, 1954.

ское и экономическое планирование (ПЭП)³²; эта организация неперiodически выпускает также бюллетени по социальным вопросам. Этой тематике недавно была посвящена книга Дж. Голдстейна, озаглавленная «Управление английскими тред-юнионами» («The Government of British Trade Unions», 1952). Традиции, укоренившиеся в общей структуре тред-юнионов, столь разнообразны и столь сложны, что необходим специальный путеводитель. Перечисленные выше работы носят преимущественно описательный характер. Примером иного подхода к производственным отношениям может служить работа Тавистокского института социальных отношений. В своей консультативной работе и в своих исследованиях сотрудники этого института стремятся проанализировать неосознанную напряженность, нарушающую хорошие отношения. В книге «Меняющаяся культура одной фабрики» («The Changing Culture of a Factory», 1951) Эллиот Жак описывает скрытые мотивы, препятствующие преобразованию фабрики с более или менее традиционной структурой в более интегрированную организацию, в которой рабочие играли бы более ответственную роль в принятии решений. Неосознанное раздражение, боязнь ответственности и невыраженное чувство пренебрежения, видимо, постоянно отвлекают внимание от болезненных вопросов и переключают его на безобидные темы. Совместные консультации, в которых участвуют две враждебные стороны, оказались своего рода капиталовложением для обоих лагерей, так как эти консультации выполняют функции козла отпущения. Другая работа подобного типа была опубликована в различных томах «Человеческих отношений» («Human Relations»), журнала, выпускаемого Тавистокским институтом и научно-исследовательским центром по изучению групповой динамики в Анн-Арбор, Мичиган.

Досуг. Вполне понятно, что вопрос о том, как другие люди проводят свой досуг, является вечной обузой. В 1950 году профессорско-преподавательский состав и студенты Уэстхиллского подготовительного колледжа в Бирмингеме опубликовали результаты изучения того, как живут «80 000 подростков» («80 000 Adolescents») и как некоторые из них проводят свое свободное время. В этом же году издательство Халтон-Пресс выпустило книгу «Уклады английской жизни» («Patterns of British Life»), а в 1951 году появилось исследование Б. Сибомы Раунтри и Дж. Лэвера, озаглавленное «Жизнь и досуг англичан» («English Life and Leisure»). Группа подвергавшихся обследованию лиц была такова, что даже недружелюбно настроенного читателя можно было бы извинить, если бы он счел ее по меньшей мере несколько странной. В общем говоря, создается впечатление, что другие растрачивают зря больше времени, чем авторы данной работы. Возможно, что так оно и есть.

³² P. E. P., British Trade Unionism (1947); Trade Unionism in Britain (1950).

Широкий подход к юридическим проблемам. В заключение я хотел бы упомянуть об одной теме, которая не представляет в отличие от других первоочередного интереса, но тем не менее, по моему мнению, заслуживает внимания. Роско Паунд написал главу о социологии юриспруденции для книги Гурвича и Мура «Социология двадцатого века» («*Twentieth Century Sociology*», 1945). Мне представляется, что для выдающегося английского юриста немыслимо было бы написать статью под таким заглавием для какого-либо английского сборника подобного рода, если вообще можно вообразить себе подобную вещь. И все же социологические идеи проникли в королевские суды. Между прочим, именно нынешний хранитель архива заставил меня прочесть книгу Кардозо «Природа судебного процесса». В книге выдвигается тезис, что закон, закрепленный в решениях и кодексах, отстаёт от быстрых социальных изменений и что толкование буквы зачастую противоречит духу. Разумеется, есть юристы, настаивающие на соблюдении буквы, до тех пор пока законодательство ее не изменит, но имеются также и такие юристы, как Кардозо, которые признают важность толкования. Было бы дерзостью со стороны неюриста, в особенности в нашей стране, осмелиться высказать свое мнение, но на основании тех решений, которые были вынесены верховным судьей Деннингом, можно заключить, что он принадлежит ко второй группе, и его книга «Изменяющийся закон» («*Changing Law*», 1953) это подтверждает. Влияние изменяющегося общественного мнения и меняющихся социальных ситуаций на юридическое мышление и высказывания является предметом книги У Фридмана «Закон и социальное изменение в современной Англии» («*Law and Social Change in Contemporary Britain*», 1951). Общему влиянию на экономическое развитие и право посвящена работа А. С. Даймонда «Эволюция права и порядка» («*Evolution of Law and Order*», 1951).

СУБСИДИРОВАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

Научно-исследовательская работа в области социальных проблем финансируется в Великобритании различными организациями. Определенную часть расходов несет правительство, отпускающее средства через свое собственное научно-исследовательское учреждение по социальным проблемам, отдел социальных обзоров, через Департамент научных и промышленных исследований, который теперь начинает обращать внимание на «человеческие факторы» в промышленности, а также свои различные государственные учреждения. Фонды представляются также мощными частными организациями как в нашей стране, так и в Америке, например фонды Рокфеллера, фонд Наффилда, Пилгрим-трест, Трест Карнеги и т. п. Кроме того, между 1948 и 1952 годами университетам выделялись специальные субсидии на организацию факульте-

тов «социальных наук». Это ассигнование известно в профессиональных кругах как «клапхэмовские деньги», так как оно было выделено в осуществление рекомендаций, данных Комитетом по ассигнованиям на социальные и экономические исследования (1946), который заседал под председательством Джона Клапхэма.

В настоящее время существует единодушие по вопросу о том, что социальные исследования в нашей стране должны проводиться преимущественно университетами и университетскими колледжами, и упоминание о клапхэмовских деньгах не является неуместным. Во-первых, данное целевое ассигнование, выделяемое каждый год во все больших размерах и достигшее суммы 400 000 фунтов стерлингов в 1951—1952 годах, было рекомендовано в тот период, когда социальные службы расширялись, и таким образом ставилась задача обеспечить лучшую базу для планирования. Во-вторых, необходимо отметить, что экономика была включена в число социальных наук, так же как и политика. Разумеется, теперь, когда можно получить деньги, к ним будут тянуться руки, и решение о том, кто получит деньги, будет частично определяться существующими в университетах факультетами и наличием там выдающихся и сильных личностей.

Анализируя распределение, ПЭП³³ отметил, что новые назначения с момента выделения ассигнований производились преимущественно на «факультетах экономики, политики и смежных дисциплин, а остальное приходилось на долю демографии и всех дисциплин, которые включались в общую рубрику «социология». При этом значительная часть этой последней суммы была израсходована на обучение социальных деятелей. Беда в том, если это «беда», что, помимо Лондонского института экономики, нигде не имелось факультетов социологии. Однако, бесспорно, кое-что было сделано. В Ливерпуле был расширен факультет социальной науки, а в Бирмингеме — факультет коммерции и социальной науки. В Эдинбурге и Глазго стали проводиться социальные исследования, но это преимущественно было сделано для изучения местных и шотландских проблем. Значительная часть ассигнований была выделена Лондонскому институту экономики, обладающему весьма обширным факультетом социологических и демографических исследований. Вся эта правительственная помощь дополнялась субсидиями от научно-исследовательских фондов; в особенности это относится к Лондонскому институту экономики и Оксфорду, где был создан колледж Наффилда для поощрения научно-исследовательской работы в области социальных наук. В результате всего этого та часть целевого ассигнования (включенного теперь в общие ассигнования на университеты), которая осталась, после того как экономисты и специалисты по государственному управлению получили свою долю, была обращена на подготовку социальных

³³ P. E. P., Government Aid for the Social Sciences, 1950, Planning Vol., No. 321.

работников и на фиансирование научно-исследовательской деятельности с помощью частных фондов, а также на социальные проблемы, носившие местный или неизбежно национальный характер. Социология как *теоретическая наука* почти ничем не «пожилась».

Общая картина этих работ дается в брошюре ЮНЕСКО, посвященной «Изучению социальных наук в Соединенном королевстве» («Teaching of Social Sciences in the United Kingdom», 1953). В Кембридже существует кафедра социальной антропологии, и университет зашел настолько далеко, что, порвав со своими старинными традициями, пригласил одного из американских профессоров социологии Толкотта Парсонса прочесть курс лекций в 1953—1954 годах. В Оксфорде социология преподается студентам, а также слушателям курсов социальных наук. Говард Беккер читал в Бирмингеме лекции на протяжении всего весеннего семестра 1951 года, и в университете есть штатный профессор социальной науки; такое же положение в Ливерпуле и в Ноттингеме. Преподаватели социологии имеются в Эксетере, Гулле, Лестере, Оксфорде и в Саутгемптоне. Только в двух университетах, в Лондонском и в Ноттингемском, можно получить почетную степень по социологии, и по-прежнему существует всего лишь одна кафедра социологии, так называемая кафедра Мартина Уайта, о которой уже упоминалось.

Многообразие научно-исследовательской работы в английских университетах. Не следует думать, что вследствие столь скудных фондов и штатов не проводится научно-исследовательской работы. Из «Указателя тематики научно-исследовательских работ в области социальных наук», выпускаемого ежегодно издательством Кембриджского университета, мы можем почерпнуть совсем иные сведения. Активную деятельность проводит Лондонский институт экономики, занимающийся исследованиями в области демографии и криминалистики, а также отделение криминологии в Кембридже. Бирмингем, Бристоль, Дарем, Эдинбург, Глазго, Оксфорд и Лондон — все они изучают районы, в которых они расположены. Активный центр социальных исследований имеется в Эдинбурге, а кроме того, аналогичные центры существуют в Шеффилде и Бристоле, причем Бристольский центр входит в Институт педагогики. В Ливерпуле областью исследования является район реки Мерси, где изучаются докеры, а также госпитализированные больные. Было бы слишком утомительно повторять перечень, приведенный в «Указателе»; я упомянул только несколько тем, которые, возможно, производят довольно бледное впечатление по сравнению с размахом деятельности в Соединенных Штатах. Для нас такой масштаб тоже ничтожен, но мы стараемся успокоить себя, не впадая, разумеется, в самодовольство, тем соображением, что для нас это все еще так ново. Вспоминая положение, которое существовало в 20-х и 30-х годах, нельзя не сказать, что хотя тогда и велись кое-какие специальные исследования, но если вы сами в них не уча-

ствовали, то вы о них ничего и не слышали. В настоящее же время этим занимаются все университеты и университетские колледжи в стране, хотя кое-где, несомненно, на эту работу и косятся. Во всех университетах, кроме Кембриджа, считается само собой разумеющимся, что «наука об обществе», или социология, должна обязательно являться частью курса.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ В АНГЛИИ

Будущее предсказывать нелегко. Те, кто заведовал кафедрой Мартина Уайта, и тот, кто станет в будущем ее заведующим, внесли и внесут свой вклад в социологическую теорию. Кроме этих лиц, у нас имеется Вестермарк и Карл Маннгейм, специалисты, много сделавшие для разработки общесоциологических проблем, причем оба они, что следует отметить, переселились в нашу страну с континента. В настоящее время, если исключить работу Лео Зильбермана «Анализ общества» (*Analysis of Society*, 1951) и мою собственную «Науку и социальное действие» (*Science and Social Action*, 1954), то следует сказать, что публикуется весьма мало книг (если вообще публикуется), посвященных общим проблемам социологии как науки. Как я уже говорил, социология в Англии является прикладной наукой, связанной с текущими событиями. Нельзя сказать, сохранится ли всегда такое положение дел. На одной из конференций в Лондоне в 1953 году, организованной Британской социологической ассоциацией, вступительную речь произнес Гуннар Мюрдаль, обратившийся от имени по крайней мере нескольких социологов с призывом воздерживаться от прямого участия в практических заданиях. В отчете об этой конференции Т. Г. Маршалл поставил вопрос, не должны ли мы заняться чем-либо большим, чем «раскапывать факты, в которых нуждаются политические деятели и администраторы»³⁴. Я лично полагаю, что изучение социологической теории — важное дело и что этим в нашей стране пренебрегают. Для развития социологии необходимо, чтобы в университетах были созданы руководящие должности для тех социологов, которые намереваются проводить научные исследования с целью разработки своих теорий, а не слоняться вокруг да около, стараясь быть полезными. Потороплюсь добавить, что таково мнение меньшинства. Сердца моих коллег обуреваемы Реформой и Служением; для большинства из них мой интерес к социологической теории является столь же греховным, как интерес Нерона к музыке.

Социология, во всяком случае в своей прикладной форме, бесспорно, существует. С 1950 года стал выходить «Британский социологический журнал»; «Социологическое обозрение», которое чуть не «скончалось», — хотя оно и во время своей «болезни» все еще

³⁴ Т. Н. Marshall, in BJS, 4, 1953, p. 206.

печатали интересные материалы — «выздоровело» и в настоящее время выпускается в университетском колледже Северного Стаффордшира. В 1951 году была создана «Британская социологическая ассоциация». Ведется огромное количество научных исследований, большинство из которых, увы, погребено в виде диссертаций в университетских библиотеках. Я лично надеюсь, что среди все возрастающего числа студентов, изучающих данный предмет, появятся и такие, которые будут одарены научным воображением и не станут стучать в двери и раздавать вопросники, прежде чем не сформулируют какую-либо теоретически важную гипотезу, нуждающуюся в подтверждении.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Becker Howard and H. E. Barnes, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, Dover Publications, 1952, vol. 2, Chap. 21.
- Ginsberg Morris, *Sociology*, London, Thornton, Butterworth, 1934.
- Ginsberg, *Studies in Sociology*, London, Methuen, 1932.
- Glass D. J. V. (ed.), *Social Mobility in Britain*, Glencoe, Ill., The Free Press, 1954.
- Marshall T. H., *Citizenship and Social Class*, Cambridge, Cambridge University Press, 1950.
- Rumney Jay, *British Sociology*, in Georges Gurvitch and W. E. Moore (eds.), *Twentieth Century Sociology*, New York, Philosophical Library, 1945, p. 562—585.

СОЦИОЛОГИЯ ВО ФРАНЦИИ: МНЕНИЕ ЭМПИРИКА

Жан Стетцель

Французская социология претерпела ряд весьма важных изменений на протяжении последних тридцати пяти или сорока лет. В некоторых предыдущих обзорах отражено положение, существовавшее в различные периоды, в особенности в обзорах Дави, Эссертье, Бугле, Арона и других, Леви Страуса и Жирара¹. Знакомство с этими работами необходимо для понимания современной французской социологии. Однако с тех пор прошло уже довольно много лет и необходимо сделать новый анализ — не только потому, что появился ряд важных трудов в этой области, но и потому, что наша точка зрения меняется со временем.

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛОГИИ:
1918—1954 ГОДЫ

Самое общее рассмотрение работ, осуществленных за разбираемый период в целом, разделенный на пятилетия (за исключением первого, шестилетнего, с 1919 по 1924 год), дает нам возможность выделить группу довольно четко очерченных особенностей, которые помогут провести грани между различными периодами².

¹ Georges Davy, *La Sociologie française de 1918 à 1925*, в его книге «Sociologues d'hier et d'aujourd'hui», Paris, 1931, pp. 1—23 (впервые опубликовано в журнале «Monist» в 1926 году); Daniel Essertier, *Sociologie*, Paris, 1930; Celestin Bouglé, *Bilan de la sociologie française contemporaine*, Paris, 1935; Raymond Aron et al., *Sciences sociales en France: enseignement et recherche*, Paris, 1937; Claude Lévi-Strauss, *French Sociology*, in Georges Gurwitsch et al. (eds.), *Twentieth Century Sociology*, New York, 1945; Jean Girard, *Travaux récents de sociologie en France*, *Population*, 1952, pp. 109—126.

² Данный обзор основан примерно на 800 книгах и статьях, которые дают относящимися к социологии; обычно при отборе этих статей мы руководствовались рецензиями в одном из ведущих французских социологических журналов. Мы добавили также ряд работ, преимущественно статей, которые были прорецензированы, но, несомненно, относятся к области социологии. неизбежно внесло некоторые субъективные элементы, поскольку одна и та же работа зачастую относится к нескольким дисциплинам. Большую помощь в составлении данного обзора оказали гг. Буррико, Мандра, Повермфор.

1. За исключением периода войны и оккупации, продукция возрастала ускоряющимся темпом. Если начальный период принять за 100, то индекс продукции достиг почти 300 накануне второй мировой войны и приближается к 900 в последний пятилетний период (см. табл. 1).

Таблица 1

Индексы социологической продуктивности во Франции
по пятилетним периодам
(Начальный период = 100)

Пятилетние периоды	1919—1924	1925—1929	1930—1934	1935—1939	1940—1944	1945—1949	1950—1954
Индекс	100	102	150	285	99	700	860

2. Характер и методы социологической работы претерпели глубокие изменения. В то время как философский, или рефлексивный, метод и научный подход были характерны для трех четвертей работ, проведенных на первом этапе, в настоящее время на их долю приходится только одна четверть. Это изменение произошло сравнительно постепенно; однако оно стало уже совершенно очевидным главным образом после 1930 года. Необходимо отметить, что эти изменения следует понимать в чисто относительном смысле. Наряду с значительным увеличением продукции за этот период абсолютное число социологических работ философского направления возросло более чем в четыре раза в период между 1919—1924 и 1950—1954 годами. Мы не должны поэтому полагать, что философская тенденция в современной французской социологии полностью исчезла; если она и проявляется теперь в меньшей степени, то лишь относительно.

Это относительное уменьшение сопровождалось увеличением — как относительным, так и абсолютным — числа работ, основанных на фактах. При этом мы должны проводить различие между работами, которые базируются на уже имеющихся данных (количественных или качественных), и между теми, которые основаны на личных исследованиях автора. Научно-исследовательская работа в относительном смысле достигла своего зенита в период 1930—1934 годов в результате преимущественно достижений этнографии. После этого научно-исследовательская работа получила значительное развитие в абсолютном смысле в других социологических специальностях, и особенно в политической социологии и демографии. Работы, основанные на документах и на статистических данных, напротив, стали занимать более важное место несколько позже, главным образом после 1944 года.

Остальная часть социологической продукции представляет собой описания и критический анализ авторов и теорий, обследования и методологические дискуссии, работы, написанные с целью популяризации, или же статьи другого типа (например, теоретические исчисления школьных нужд). Подобные работы тяготели к стабильности, относительно на первых двух этапах и абсолютно — на последних двух. Изменения в подходе и методе подытожены в табл. 2.

Таблица 2

Изменения в направлении и методе социологической деятельности во Франции

Пятилетние периоды	1919— 1924	1925— 1929	1930— 1934	1935— 1939	1940— 1944	1945— 1949	1950— 1954
Философия	41	29	20	22	12	21	20
Теоретизирование	33	37	14	12	6	9	2
Научные исследования	0	11	32	28	32	21	30
Документация	7	3	18	16	21	21	23
Статистические	0	0	4	6	6	16	9
Критические	7	6	6	2	6	5	5
Методологические	0	3	2	2	3	4	7
Популяризация	7	11	4	7	6	2	2
Прочие	5	0	0	5	6	1	2
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Изменения в подходе и методе между 1918 и 1954 годами характеризуются преимущественно ослаблением (которое становится явным с 1930 года) философских и теоретических тенденций, иными словами, рационалистическим гуманистическим подходом, а также сильным уклоном в сторону исследовательских и эмпирических работ (количественно или качественно); этот уклон проявился в тот же период, усилился после 1940 года и в особенности после 1945 года, так как продукция была особенно незначительной между 1940 и 1945 годами.

3. Изменения в содержании социологической работы на протяжении всего периода также характеризуются специфическими особенностями. В первую очередь бросается в глаза уменьшение роли работ по общей социологии и моральной социологии, процветавших в первый период. Снижение в первой категории является лишь относительным, поскольку количество книг и статей по общей социологии в четыре раза превышало в 1950—1954 годы то, которое появилось в 1919—1924 годы. Но работы по социологии морали

полностью исчезли после 1940 года. Напротив, в конце этого периода мы можем отметить значительное увеличение количества работ по политической социологии и демографии.

В промежуточный период, между 1930 и 1945 годами, социология права, социология экономики, этнография и география народонаселения занимали важные позиции. Ниже мы разберем более подробно вопрос об этом вторжении в социологию социологически родственных дисциплин, которые, пожалуй, имеют больше права находиться на ее периферии — на ее орбите, если угодно, — чем, собственно говоря, в ее центре.

Социальная психология, коллективная психология и социология религии, если перебирать названия для каждого из разделов социологии, по-видимому, были в упадке. В действительности мы имеем дело с двойственным явлением: психосоциология и религиозная социология на первых этапах пользовались почти исключительно гуманистическим подходом, и в данной категории эти две дисциплины стали исчезать. В то же время они снова появились в эмпирической форме, не достигнув полного развития, которое, по-видимому, им было суждено во Франции.

Следует отметить также, что категория «прочие» имеет тенденцию к значительному возрастанию. Таблица показывает возникновение или развитие таких дисциплин, как социология миграций, аккультурации, классов и возрастных групп, причем эти дисциплины фактически не существовали до 1930 года. В то же время такие дисциплины, как социология искусства и социология языка, начинают сдавать свои позиции, а это означает, что специальности, связанные с гуманистическим подходом, столь характерным для первого этапа, разделили его судьбу и также пришли в упадок.

В табл. 3 приводятся статистические данные, подтверждающие вышеприведенные заключения. Мы должны повторить, что это неизбежно вносит некоторые сомнительные и субъективные элементы в классификацию и что, с другой стороны, здесь не принимаются во внимание перекрывающиеся друг друга категории. Поэтому данной таблицей следует пользоваться весьма осторожно.

Короче говоря, оказывается, что не так уж произвольно устанавливать три периода в французской социологии между 1918 и 1954 годами. С 1919 по 1924 год основным было направление философского размышления и теоретизирования; общая социология и социология морали пышно расцвели, а социология религии и психосоциология также играли весьма важную роль, будучи проникнуты тем же гуманистическим духом. Между 1930 и 1944 годами эти особенности исчезают и количество исследований такого типа заметно уменьшается. Социология права, экономическая социология, география народонаселения и этнография выдвигаются на первый план. Наступает господство эмпиризма; индивидуальные исследования расширяются, но главными дисциплинами социо-

Таблица 3

**Изменения в распределении различных специальностей
социологической деятельности во Франции**
(в процентах к общей продукции)

Пятилетние периоды	1919— 1924	1925— 1929	1930— 1934	1935— 1939	1940— 1944	1945— 1949	1950— 1954
Общая социология	11	17	8	7	3	5	6
Социология морали	13	3	2	3	0	0	0
Социология права	8	3	12	11	6	4	1
Политическая социология	8	6	2	6	6	5	20
Социология религии	13	17	6	11	6	5	4
Социология семьи	5	9	0	2	0	4	5
Социология экономики	2	13	16	0	12	13	7
Индустриальная социоло- гия	0	0	0	1	3	8	3
Урбанистская социология	0	3	2	3	6	4	5
Социология сельских рай- онов	0	0	6	9	0	6	3
География народонаселе- ния	0	0	0	5	12	7	2
Этнография	2	11	16	16	22	6	4
Демография	0	0	2	6	3	12	13
Социальная и коллектив- ная психология	23	9	0	4	15	5	6
Описательные работы	5	3	8	3	0	2	2
Прочие	10	6	20	13	6	14	19
Всего	100	100	100	100	100	100	100

логии в какой-то мере пренебрегают. После 1945 года эмпирическое направление продолжало развиваться, захватывая те области социологий, которые до сих пор изучались с несколько созерцательных позиций,— такие, как социология религии, политическая социология и социальная психология,— и создавая новые дисциплины.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД: 1918—1929 ГОДЫ

Совершенно очевидно, что нет никакой необходимости вспоминать о том, что французская социология к 1918 году, к концу первой мировой войны, потерпела двойной ущерб. С одной стороны, она понесла тяжелые потери вследствие самой войны. Среди социологов, павших на поле брани, лишь один успел уже опубликовать несколько талантливых работ; это — Робер Герц (1882—1915). Другие пошли по стопам своих учителей: Максим Давид, Антуан Бьянкони, Жан Ренье, Р. Желли, Андре Дюркгейм (См. «Социологи-

ческий ежегодник», новая серия, 1925, стр. 19—29). С другой стороны, глава самой знаменитой школы французской социологии Эмиль Дюркгейм только что скончался в возрасте пятидесяти девяти лет (ноябрь 1917 года). Авторитетнейший из французских социологических журналов, «Социологический ежегодник», 12-й том которого появился в 1913 году, перестал выходить с этой даты. На протяжении одиннадцатилетнего периода, с конца войны до тридцатых годов, социологи весьма остро ощущали последствия такого положения.

Для данного периода характерна — среди социологов, связанных с «Социологическим ежегодником», — попытка заново организовать свою группу, с тем чтобы оживить ее дух и тем самым возобновить продуктивную деятельность, прерванную войной. Эта попытка нашла свое отражение, главным образом благодаря преданной заботе учеников Дюркгейма, в публикации ряда рукописей учителя: в 1920 году «Философское обозрение» опубликовало «Введение и мораль» (*Introduction à la morale*), через год в нем появилась (в виде двух статей, озаглавленных «Супружеская семья» — *The Conjugal Family*) заключительная часть излюбленных лекций Дюркгейма о семье; к этим лекциям в 1888 году в «Трудах филологического факультета Бордо» (*Annales de faculté de lettres de Bordeaux*) было опубликовано введение («Введение в социологию семьи» — *Introduction à la sociologie de la famille*). В 1922 году Алякан опубликовал томик «Воспитание и философия» (*Education et philosophie*), вслед за которым в 1924 году вышла «Социология и философия» (*Sociologie et philosophie*), сборник ранее опубликованных статей. Наконец, в 1925 году вышло «Моральное воспитание» (*L'Education morale*) и в 1928 году — «Социализм» (*Le Socialisme*). К концу этого первого периода житница разбросанных или неопубликованных работ Дюркгейма почти опустела. Только в 1937 году в «Обзрении метафизики и морали» были опубликованы три лекции о «профессиональной морали», прочитанные в 1898—1900 годах, и гораздо позднее, в 1950 году благодаря стараниям турецкого социолога Г. Наила Кубали, вышли «Уроки социологии: физика нравов и права» (*Les Leçon de sociologie: Physique des mœurs et du droit*) с предисловием Ж. Дави³.

С другой стороны, связь с предшествующим периодом была установлена с большей легкостью, поскольку многие исследования, полностью прекращенные в 1914 году, не могли появиться в условиях военного времени и даже те, которые уже подходили к концу, должны были ожидать прекращения военных действий, чтобы достичь полной зрелости. Это относится также и к диссертации Поля Фококке «Ответственность» (*La Responsabilité*), в которой развиваются идеи, высказанные Дюркгеймом в его четырех

³ Благодаря таким же самоотверженным усилиям был опубликован сборник работ Робера Герца, убитого в 1915 году, «Вопросы социологии религии и фольклора» (*Mélanges de sociologie religieuse et de folklore*, Париж, 1928).

лекциях из курса о теории санкций (курс был прочитан в Бордо в 1894 году). Эта работа, законченная в 1914 году, вышла из печати только в 1920 году. В таком же положении оказался и Жорж Дави, обе работы которого, «Юридическая вера» («La Foi jurée») и «Право, идеализм и опыт» («Le Droit, l'idéalisme et l'expérience»), вышли в 1922 году. Точно так же важны социологические разделы в «Трактате по психологии» («Traité de psychologie» под редакцией Теодора Рибо) и «Социология» Дави, а также «Желания» и «Личность» Шарля Блонделя, вышедшие в 1924 году. Теми же обстоятельствами объясняется и последующая публикация в этот период большого количества работ Марселя Гране. Гране, почти ничего не опубликовавший до 1914 года и весьма мало опубликовавший после 1930 года, был тем не менее в состоянии готовности. Он дал большое количество работ, которые, с одной стороны, были сугубо социологическими и в то же время во многом вдохновлены идеями Дюркгейма, причем к идеям Дюркгейма он обращался бессознательно⁴.

Стремление продолжить великую дюркгеймовскую традицию проявилось в возобновлении издания «Социологического ежегодника» (1924) и в создании в 1925 году Французского института социологии, во главе которого был поставлен племянник Дюркгейма Марсель Мосс. Следует отметить, однако, что эта группа, по-видимому, питала довольно оптимистические иллюзии относительно своих возможностей; хотя Французскому институту социологии удалось выжить, журнал, издание которого являлось одной из его основных целей, был вынужден прекратить свое существование после выхода второго тома (1926)⁵.

Позднее у нас будет возможность обрисовать характерные особенности следующего периода и проанализировать при этом причины, вызывавшие эти трудности. Вполне возможно, что они носили не только финансовый характер. Во всяком случае, бесспорно, что группа, сформировавшаяся вокруг «Социологического ежегодника», не была единственной, которая в этот период активно вела работу в области социологии. Вскоре стали высказываться различные неортодоксальные взгляды. В 1920 году во «Введении

⁴ «Quelques particularités de la langue de la pensée chinoise», «Revue Philosophique», 1920; «La vie et la mort: Croyance et doctrines de l'antiquité chinoise», «Annales de l'École des hautes études», 1920—1921; «Le dépôt de l'enfant sur le sol: Rites anciens et ordalies mythiques», «Rev. Archeol.», 1922; «Le langage de la douleur d'après le rituel funéraire de la Chine classique», JPs, 1922; «La Religion des Chinois», Paris, 1922; «L'esprit de la religion chinoise», «Scientia», 1929; «Remarques sur le Taoïsme ancien», «Asia Major», 1925; «Danses et légendes de la Chine ancienne», Paris, 1926, 2 vols.; «La Civilisation chinoise», Paris, 1929; «La Pensée chinoise», Paris, 1934.

⁵ Интересно перечислить последовательно редакторов Французского института социологии: Марсель Мосс (1924—1927); Люсьен Левн-Брюль (1927—1930); Франсуа Симиан (1930—1933); Марсель Гране (1933—1934); Поль Фоконне (1934—1939); Морис Хальбвакс (1939—1944); Жорж Буржен (1945—1946); Анри Левн-Брюль (1947—1948); Жорж Дави (1948—1950); Луи Жерне (1950—1952); Морис Леенхардт (1952—1953); Жорж Гурвич (1953).

в социологию» («Метафизическое и моральное обозрение») Жозеф Вильбуа подчеркнул важность представления о тотальности общества; это была ведущая идея «Школы социальной науки» («École de la science sociale») — заклятого врага «Социологического ежегодника» во времена Дюркгейма. Но самое важное то, что Поль Бюро, опубликовавший в том же году свое произведение «Распушенность нравов» («L'Indiscipline des mœurs»), не постеснялся в своей работе «Наука о нравах: введение в социологический метод» («La Science de mœurs: Introduction à la methode sociologique», 1923) воспользоваться отсутствием своего знаменитого противника: «Кроме того, — пишет он в своем предисловии, — момент представляется благоприятным; недавняя кончина бесспорного главы французской социологической школы повергла в некоторое замешательство эту группу... Неизбежно должен был наступить день, когда чарующий талант и пророческое воздействие несравненного диалектика Эмиля Дюркгейма уже не в состоянии будут скрыть самонадеянную непогрешимость его выводов, основанных преимущественно на априорной философской системе, а не на методичном анализе фактов». Затем Бюро пытается найти общий язык «в несомненно вежливых, но четких и откровенных выражениях» со своими коллегами дюркгеймианцами. Он критикует их «социологический материализм» и наглядно сопоставляет его с монографическим методом Ле-Плея, опирающимся на статистику и историю, а также на характерную для него концепцию социальных факторов, основную триаду — место, работа и народ.

«Наука о нравах» была последней книгой Бюро; он скончался в том же самом году, когда она была опубликована (1923). Несмотря на этот манифест, «Школа социальных наук» дала мало примечательного за короткий период своего существования (впрочем, мы могли бы упомянуть о работе М. Декана «Экспериментальная социология» («La Sociologie experimentale», 1934), хотя она и относится к следующему периоду). Но работа Бюро показывает, что оппозиция к «Социологическому ежегоднику» не исчезла; следует сказать, что многие другие критики также принадлежали к этой оппозиции: Рене Вормс, основатель Международного института социологии, сотрудник журнала «Международное обозрение социологии», опубликовавший также работу «Социология: ее природа, содержание, смежные области» («La Sociologie: Sa nature son contenu, ses attaches», 1921); Гастон Ришар, преемник Вормса (скончавшегося в 1926 году) в Международном институте социологии, автор «Эволюции нравов» («L'Évolution de mœurs», 1924); Рауль Алье, направлявший свои стрелы преимущественно против Леви-Брюля, автор «Психологии обращения в новую веру у нецивилизованных народов» («La psychologie de la conversion chez les peuples non-civilisés», 2 тт., Париж, 1925) и «Нецивилизованный и мы» («Le non-civilisé et nous», Париж, 1928); Даниэль Эсстертье, автор «Низших форм экспликации» и «Психологии и социологии» («Psychologie et sociologie», Париж, 1927).

С другой стороны, мы увидим позднее, насколько живучими и плодотворными оказались методологические идеи Ле-Плея, усвоенные такими авторами, как Бюро и Декан. Правда, они в конце концов утрачивают свою силу как доктрина, и притом в такой степени, что уже не возникает вопрос о раскрытии сущности социальных фактов и о противопоставлении идеализма и материализма, социологических и психологических взглядов, тотальности и специфичности. Напротив, дело дошло до того, что школа Ле-Плея занимается исключительно описанием социальных фактов, а при случае — и их перечислением, питая искреннее убеждение, что факты неизвестны, и точно так же пытается объяснить их, исходя из убеждения, что они нуждаются в объяснении, — вот в каких масштабах эти авторы применяют монографический метод наряду с теми, кто продолжает представлять традицию «Социологического ежегодника».

Однако мы должны признать, что между 1919 и 1930 годами наиболее важные работы были созданы социологами, группировавшимися вокруг «Социологического ежегодника». Многие из этих произведений до сих пор считаются классическими в французской социологии. Мы можем даже утверждать, что, не говоря уже о работах Дюркгейма, период между 1919 и 1930 годами с полным основанием можно рассматривать как наиболее плодотворный для приверженцев «Социологического ежегодника», а кроме того, среди членов этого «коллектива» именно в этот период появилась яркая личность.

К 1919 году Жорж Дави, нынешний ректор Сорбонны и глава французской социологии, опубликовал всего лишь один том избранных отрывков из сочинений Дюркгейма (этому изданию, однако, предшествовало тщательно продуманное введение): «Дюркгейм, избранные тексты» («Durkheim, Choix de textes», Париж, 1911). Но он уже нашел себя: в 1919—1920 годах он поместил две важные статьи в «Обзрении метафизики и морали»: «Эмиль Дюркгейм как человек и ученый» («Émile Durkheim, l'homme et l'œuvre»), а в 1922 году появилась его диссертация «Юридическая вера» и глубокое критическое исследование основных концепций современных теоретиков юриспруденции, Дюки и Ориу, «Право, идеализм и опыт» («Le Droit, l'idéalisme et l'expérience»). На следующий год (1923) он совместно с Александром Море опубликовал книгу «От кланов к империям; социальное устройство у первобытных народов и на древнем Востоке» («De Clans aux empires: L'Organisation sociale chez les primitifs et dans l'Orient ancien») в серии «Эволюции человечества», где дал краткий синтез этнографических фактов, относящихся к самому раннему историческому периоду. Его глава о «Социологии» в «Трактате по психологии» («Traité de psychologie») была опубликована в 1924 году. В этом же году вышли его «Элементы социологии в применении к морали и воспитанию» («Éléments de sociologie appliquée à la morale et à l'éducation»). Не следует также забывать о том, что почти все главы его книги

«Социологи вчерашнего и сегодняшнего дня» (*Sociologues d'hier et d'aujourd'hui*», 1931) были опубликованы по отдельности в этот период⁶. Суровая четкость мысли и стиля, в котором те или иные авторы отмечают «решимость, вступающую иногда в конфликт с доктриной» (Эссертье, стр. 179), в сочетании с богатством непогрешимой информации позволяют считать Дави выдающимся, а возможно, и наиболее характерным представителем дюркгеймовской группы.

И все же в эту эпоху был еще один первоклассный автор — Марсель Мосс (1872—1950). Будучи на 12 лет старше Дави и являясь, как и он, обладателем ученой степени по философии, Мосс во многих отношениях очень отличается от Дави⁷. Он был племянником Дюркгейма и с 1899 года непрерывно сотрудничал в «Социологическом ежегоднике», а также и в различных других научных журналах. Он уже обладал внушительным списком статей и книг. В 1909 году Мосс собрал в один том три исследования, выполненные в сотрудничестве с Анри Ибером; сборник называется «Вопросы истории религий» (*Mélange d'histoire de religions*). В течение девятнадцати лет он руководил в Школе высших исследований изучением истории религии у дописменных народов. Затем он возобновил чтение лекций и публикацию работ — и те и другие отличались высоким научным уровнем и увлекательностью — и вплоть до 1930 года почти ежегодно выпускал одну, а то и две работы; они обычно были небольшими, но в то же время оригинальными и глубокими⁸. Кроме того, после 1923 года он был вдохновителем и руководителем возобновленного «Социологического ежегодника» и являлся первым ректором Французского института социологии.

Однако Мосс не сумел стать наследником Дюркгейма в области преподавания. Им был скорее соавтор статьи-манифеста, помещенной в Энциклопедии, Поль Фоконне, который впоследствии с благодарностью упомянет имя Мосса в предисловии к своей диссертации. Будучи профессором в Тулузе с 1907 года, Фоконне в 1921 году был приглашен в Сорбонну на кафедру «науки воспитания и социологии». Фоконне написал очень мало, и его диссертация об «Ответственности» (*Responsabilité*) была закончена в 1914 году.

⁶ «L'oeuvre d'Espinas», *Revue Philosophique*, 1923; «La psychologie sociale de McDougall et la sociologie durkheimienne», *JPs*, 1923; «La famille et la parenté d'après Durkheim», *Revue Philosophique*, 1925; «La sociologie française de 1918 à 1925», *Monist*, 1926. Только лишь последняя глава «Психология примитивных народов, как ее себе представляет Леви-Брюль» вышла в 1930 году (опубликована в *JPs*).

⁷ См. Essertier, *op. cit.*, pp. 116—122; Claude Lévi-Strauss, «Introduction à l'oeuvre de Marcel Mauss», in Marcel Mauss, *Sociologie et anthropologie*, 1950; посмертно pp. ix—lii; Henri Lévy-Bruhl, «In Memoriam Marcel Mauss», *ASo*, 1951, pp. 1—4.

⁸ Помимо работ социально-психологического и этнографического характера, наиболее выдающимися трудами Мосса являются: «К вопросу о дарении как арханческой форме обмена» (*Essai sur le don: Forme archaïque de l'échange*, 1925); «Разделы в социологии и их удельный вес» (*Division et proportions des divisions de la sociologie*, там же, 2, 1927).

Однако он занимает центральное место в рассматриваемый период, и не столько благодаря «Ответственности», появившейся в 1920 году, сколько вследствие того, что он заведовал кафедрой в университете с 1921 года и его работы и тот дух, которым они были проникнуты, оказывали очень большое влияние на студентов-философов. По справедливому замечанию Бугле в его «Балансе современной французской социологии» (*Bilan de la sociologie française contemporaine*, 1935), «весьма длительно обсуждавшееся понятие об ответственности» благодаря Фоконне наконец появилось в виде соответствующего определения и с тех пор стало использоваться не только в философском анализе, но и при изучении фактов в этнографических и исторических исследованиях.

Еще одной центральной фигурой является Селестен Бугле, опубликовавший в 1922 году свои «Уроки социологии относительно эволюции ценностей» (*Leçons de sociologie sur l'évolution des valeurs*). С 1907 года Бугле занимал кафедру в Сорбонне (истории социальной экономики). Впоследствии, в 1927 году, он стал заместителем директора Высшей нормальной школы. К этому времени уже была опубликована значительная часть его трудов. Под его влиянием, в особенности под влиянием книги об эволюции ценностей, Дави в 1926 году начал писать свой обзор о достижениях дюркгеймовской школы. Эта «небольшая, проникновенная и блестящая книжка, — пишет Дави («Социология вчерашнего и сегодняшнего дня», стр. 12), — представляет собой итог современной социологии». В своем докладе «Суждения о ценности и суждения о реальности» (*Jugements de valeur et jugements de réalité*) на Международном конгрессе в Болонье в 1911 году⁹ Дюркгейм утверждал, что ценности суть порождения социальной сознательности и что их объективность основана на этом социальном характере. Сфера идеала не является трансцендентной, «она в природе и от природы».

Бугле воспринял эти идеи и распространял их на различные порядки ценностей, в особенности на экономику, к которой Дюркгейм всегда испытывал отвращение. Экономические ценности — это вопрос восприятия, но восприятия (как отражения ценностей) даются «в соответствии со структурой общества». Ценности в таком понимании, добавляет он, «представляют собой неотъемлемую часть социологии». Книга Бугле, разумеется, только очерк и не может быть подвергнута эмпирической проверке. Но это увлекательное и многогранное произведение обратило внимание французских социологов на проблему ценностей¹⁰. Тем не менее влияние Бугле стало сказываться преимущественно в следующем периоде.

⁹ Бугле сам написал предисловие при переиздании этого очерка в 1924 году в сборнике, озаглавленном «Социология и философия» (*Sociologie et philosophie*).

¹⁰ М. Деа также написал диссертацию о социологии ценностей. «Понимание ценностей» (*La Compréhension des valeurs*, Париж, 1935) Р. Полена посвящено памяти Бугле.

Мы уже указывали на широкий диапазон творчества Гране между 1919 и 1934 годами. Его работы, высоко ценимые синологами, в настоящее время снова пользуются популярностью среди социологов; этим объясняется недавнее переиздание статей и докладов Гране в сборнике «Социологические этюды о Китае» (*Études sociologiques sur la Chine*, Париж, 1953).

Также следует снова обратить внимание на работу Альбера Байе «Самоубийство и мораль» (*La Suicide et la morale*, 1923). Автор, профессор литературоведения (в недавнее время профессор социологии) в Сорбонне, посредством тщательного анализа классической литературы показывает, что общество, помимо простой морали, относящейся к широким массам, обладает также и иной моралью, родственной элите. Это был вклад в науку о морали, и на основе данной работы Байе написал впоследствии свою «Историю морали во Франции» (*Histoire de la morale en France*, Paris, 1930—1931, 2v.). Но одновременно это был и вклад в методологию, все значение которого стало ясным через два года в «Науке о моральных фактах» (*La Science des faits moraux*, 1925).

Морис Хальбвакс опубликовал три работы в период между 1919—1930 годами: «Происхождение религиозного чувства согласно учению Дюркгейма» (*Les Origines du sentiments religieux d'après Durkheim*, 1924), «Социальные кадры памяти» (*Les Cadres sociaux de la mémoire*, 1925) и «Население и уличные маршруты в Париже на протяжении ста лет» (*La Population et le tracé de voies à Paris depuis 100 ans*, 1928), не говоря уже о «Общедоступном исчислении вероятностей» (*Calcul des probabilités à la portée de tous*, 1923), написанном в соавторстве с математиком Фреше. Это совершенно различные произведения, не имеющие ничего общего с его диссертацией 1913 года, отличные по содержанию, методу и основному тезису. Они свидетельствуют о широте интересов и многообразии таланта и методов Хальбвакса. Это станет еще более ясным в следующий период, когда мы дадим полный обзор его деятельности. В настоящее время мы остановимся на «Социальных кадрах памяти».

Интерес к психологии был новым для Хальбвакса, но он сохранился и впоследствии. Это видно из того, что Хальбвакс часто говорил на эту тему со своими друзьями, а в его архиве (он умер в немецком концлагере в 1945 году) имелась рукопись о «Коллективной памяти» (*Mémoire collective*), опубликованная посмертно в «Социологическом ежегоднике», 50, 1949, стр. 11—177. Хальбвакс намеревался доказать, что память, которую считают одной из психофизиологических функций, является в действительности психо-социальной функцией. Люди не вспоминают в своих снах в полном смысле слова; память относится только к общественной жизни, дающей критерии и категории, в которых хранятся воспоминания. Таким образом, форма и даже содержание памяти какого-либо индивидуума зависит, по крайней мере частично, от социальной группы, к которой он принадлежит, и в особенности от его социального класса.

Эта теория была в ту эпоху совершенно новой. Правда, надо сказать, что она была больше связана с тогдашними тенденциями, с индивидуальным психологическим анализом или же скорее всего с литературными соображениями, а не с лабораторными исследованиями или полевыми изысканиями. Она навлекла на себя значительную критику, но в то же время эта теория тесно связана с психосоциальным направлением, весьма сильным и многообразным, которое пользовалось большой популярностью среди сторонников «Социологического ежегодника». Дюркгейм в своих работах неоднократно отвергал возможность создания основ какой-либо социальной психологии не только как теории, но даже как метода анализа и как конечной цели социологии. Невольно задаешься вопросом, не покажет ли современный анализ его творчества, самым слабым местом которого было рассмотрение социальной структуры, что оно, это творчество, носило преимущественно психосоциальный характер. На этих принципах, видимо, построены работы Дави и Блонделя, опубликованные в «Трактате по психологии», о котором говорилось выше. Кроме того, весьма многозначительным является частое присутствие Гране и Мосса на заседаниях Психологического общества; ведь философы социологического толка не только утверждают, что психологическая деятельность проявляется в социальных ситуациях и находится под сильным влиянием этих ситуаций; они, кроме того, признают наличие элементов таких ситуаций даже в продуктах индивидуальных психологических явлений, а также и в механизмах подобных явлений. Следует сказать, что Мосс и Гране (один из них был этнологом, а другой синологом) представили конкретные и многообразные обоснования для такого рода общих теорий. Хотя они избегали употреблять термин *этнографическая* психология, это понятие хорошо выражает специфику их мышления. Мы можем распространить данную формулировку на психологические явления вообще, не рискуя ее исказить¹¹.

Социальная психология или скорее этнографическая психология в том виде, в каком она разрабатывалась школой «Социологического ежегодника», явно нашла свое завершение в трудах Люсье—Леву-Брюля¹². Его основным тезисом было положение, что на

¹¹ Перечислим основные труды обоих авторов по вопросам социальной психологии. Мосс: «L'expression obligatoire des sentiments» JPs, 1921, pp. 425—434; «Salutations par le rire et l'arnes», там же, 1922; «Rapports réels et pratiques de la psychologie et de la sociologie», там же, 1924; «Effet physique chez l'individu de l'idée de mort suggérée par la collectivité», ibid, 1926; «Les techniques du corps», там же, 1936; «Une catégorie de l'esprit humain: la notion de personne, celle de moi». Journal of the Royal Anthropological Institute, 1938. Гране: «Le langage de la douleur d'après le rituel funéraire de la Chine classique», JPs, 1922; La Pensée chinoise, Paris, 1934.

¹² В число его основных работ входят: La Morale et la science des moeurs, 1893; Les Fonctions mentales dans les sociétés inférieures, 1910; La Mentalité primitive, 1922; L'Âme primitive, 1927; Le Surnaturel et la nature dans la mentalité primitive, 1931; La Mythologie primitive, 1935; L'Expérience mysti-

роды, не имеющие письменности, обладают психической структурой, отличной от нашей; первая является дологической и мистической, характеризующейся безразличием к принципам идентичности и причинности, а также приверженностью к закону участия и мистического опыта. Информационная база и проблемы одни и те же в обоих случаях; разница только в точке зрения.

Леви-Брюль во введении к своей последней книге заявлял: «В данной работе, представляющей собой естественное продолжение предыдущей, я не могу отойти ни от способа формулирования вопросов, ни от общего метода, применявшихся мной до сих пор». Нам следовало бы, возможно, оценить то обстоятельство, что если первый и второй тома были посвящены общей специфике первобытной психологии, как категорически заявлял автор, — первый том в аспекте принципа идентичности, а второй в аспекте причинности, — то после 1927 года Леви-Брюль изучал эту специфику в применении к более узким областям: душа, сверхъестественное и природа, мифы, мистические и символические опыты. Нам следовало бы, пожалуй, обратить также внимание на то, что терминология становится нечеткой, что он все больше и больше пишет о «функциях» и меньше — о «структурах» и что «законы мышления» постепенно уступают место «психическим навыкам». Но сомнительно, много ли нового в основных идеях этого хорошо написанного и продуманного произведения.

Однако это впечатление не вполне обоснованно, так как мышление Леви-Брюля подвергалось эволюции. Постепенно его мысли развивались, и он сам с безжалостной откровенностью писал в своих «Записных книжках» («Carnets»): «Я начал с утверждения, что первобытная психология отличается от нашей... и оказалось, что мне трудно объяснить черты сходства между этой психологией и нашей... В конце концов, я лишь обнаружил параллели... Эту позицию я никогда не был в состоянии отстоять, она в конечном счете оказалась незащитимой. Ограничив себя рассмотрением навыков мышления, я стал искать спасения в круговой позиции. Но тезис, приукрашенный подобным образом, уже невозможно отстоять» (стр. 131). В действительности у него не было достаточной ясности в мыслях; он не заметил значительной доли истины: «Я всегда чувствовал, что имеется нечто недостаточно ясное в моем описании мифологического мира (стр. 80)... Однако я никогда не видел, когда говорил об участии в психических функциях, того, что это участие тесно связано с представлением о мифологическом мире (стр. 157)... Со строго логической точки зрения не установлено существенной разницы между первобытным мышлением и нашим» (стр. 70).

que et les symboles chez les primitifs, 1938. В 1949 году, через десять лет после его смерти, был опубликован его личный дневник «Записные книжки», где содержались размышления на научные темы. Дневник был подготовлен к печати Морисом Ленаром (см. C.I.S, 6, 1949).

Следует отметить, что Леенхардт первым обратил внимание на тот абзац, в котором (согласно Леви-Брюлю) всю проблему следует пересмотреть: вопрос должен заключаться не в том, как объясняется участие, но, напротив, как разум освободился от суждения обо всем с точки зрения участия. Таким образом, наиболее резкая критика Леви-Брюля была дана им самим.

Но то, что сегодня совершенно очевидно, не выглядело таким между 1919 и 1930 годами. В 1930 году Эссертье мог писать: «Значение теории зависит от потоков вызываемых ею идей и от тех работ, которые она вдохновляет. В этом отношении теории Леви-Брюля занимают первое место в современном мышлении» (стр. 60). Эти строки, бесспорно, справедливы: Леви-Брюль больше, чем любой другой автор, оказал влияние на философов, психологов и вообще на образованных людей, заставив их сомневаться в универсальности человеческого разума и тем самым выдвинув проблемы социальной психологии.

Предшествующий обзор ограничивался только ведущими деятелями; однако он вполне соответствует результатам нашего первичного количественного анализа. Для этого первого периода характерны не только гуманистические черты (то есть философские или теоретические); он также характеризуется тем, что большинство вышедших за это время публикаций принадлежало перу этих ведущих деятелей. После первой мировой войны французская социология перестроила ряды уцелевших ученых. Но в их ряды влилось мало новых исследователей. Мы можем даже утверждать, что не упоминалось почти ни одного имени, которое бы уже не фигурировало в предшествующем библиографическом перечне. Бесспорно, несмотря на потери, вызванные войной, данный период был для социологии плодотворным. Но социология не была достаточно подготовлена для будущего. Начиная с 1930 года мы ощущаем отсутствие школы, которая воспитывала бы новые кадры социологов. Особенности следующего периода, который мы с полным правом можем назвать переходным, будут во многом объясняться этой ситуацией.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: 1930—1944 ГОДЫ

Второй период французской социологии начался в неблагоприятной обстановке. Положение в 1918 году было трудным: многие ученые погибли, научные учреждения были либо дезорганизованы, либо уничтожены. Но по крайней мере вернулись уцелевшие; они возобновили свою деятельность, закончили незавершенные работы и подготовили к печати свои залежавшиеся публикации. Даже мертвые оставили наследство; особенно значительным было наследие Дюркгейма, во многом способствовавшее продуктивности следующего десятилетия.

В 1930 году положение было куда более серьезным. «Социологический ежегодник» вторично прекратил свое существование. Многие

из видных деятелей, являвшиеся украшением предшествующего периода, замедлили или временно прекратили свою деятельность. Дави, например, начал заниматься внедрением курса философии в средние школы — в качестве главного инспектора. Фоконне готовился к уходу на пенсию, не публикуя больше ничего. Мосс и Гране уменьшили количество своих публикаций до трети того, что было в предшествовавший период. Если сделать исключение для Бугле и Хальбвакса, работы которых имели свои особенности, к чему мы еще вернемся, то мы увидим, что почти никто, за исключением Леви-Брюля, не продолжал свою деятельность с прежним размахом. Он же не только не приостановил, но даже был склонен ускорить темпы издания своего монументального труда. Но в этой работе не чувствовалось прежней убежденности, ее подтачивали изнутри те сомнения, о которых он довел до всеобщего сведения в своих «Записных книжках». Всякому, кто знакомился с положением дел в французской социологии примерно в 1930 году (здесь мы можем сослаться на личные воспоминания), казалось — по контрасту с тем энтузиазмом, который воодушевлял молодых социологов примерно в 1900 году, или с атмосферой изобилия, которая ощущалась примерно в 1920 году, — что он слышит тяжкие вздохи усталости, если не изнеможения.

Но мы можем сделать более серьезный упрек этим руководящим деятелям, первое поколение студентов которых понесло тяжелые потери вследствие войны, в том, что они, эти руководители, не попытались подготовить новые кадры, или, во всяком случае, в том, что они не смогли это сделать, если даже и пытались, а также и в том, что они больше занимались написанием своих работ, чем подготовкой новых кадров. Весьма мало подготавливалось специалистов высшей квалификации по социологии. Бесспорно, что в том, что касается первичного обучения, или, точнее, подготовки учителей для средней школы, Дюркгейм и его коллеги осуществили важную образовательную реформу, введя преподавание основ социологии. Между 1920 и 1930 годами был настоящий урожай на учебники, о чем не без гордости говорит Дави в своей статье в «Монисте» (ср. «Социология вчерашнего и сегодняшнего дня», стр. 23), а также Бугле в «Общественных науках во Франции: преподавание и научно-исследовательская работа» («Les Sciences sociales en France: Enseignement et recherches», 1937), стр. 19, сноска 2¹³. Но в курсе средней школы социологии уделялось смехотворно мало времени: она являлась факультативным предметом, на который полагалось не больше шести лекций на последнем году обучения. В университетском курсе социология занимала весьма ограниченное место

¹³ Противники Дюркгейма, в особенности католики, считали, что эта реформа была продиктована политическими соображениями. Бугле приводит высказывание одного из них: «Обязательное изучение социологии г-на Дюркгейма в двухстах нормальных школах Франции представляет собой самую ужасную национальную опасность для нашей страны, когда-либо возникавшую за длительный период».

в программе для студентов философского факультета; она была — непонятно почему — связана с этикой, и при соискании диплома с отличием принималась во внимание только общая оценка. К тому же такой диплом выдавался только в весьма небольшом числе университетов¹⁴. Что же касается организации научно-исследовательской работы, то ее попросту не было. Французский институт социологии представлял собой лишь своего рода академию; там не было ни одной научно-исследовательской лаборатории¹⁵.

Вследствие этого в начале, а также и на протяжении значительной части переходного периода 1930—1944 годов никто во Франции, буквально никто, не заменил руководителей предшествующей эры. Единственной новой фигурой был иностранный философ Жорж Гурвич, прибывший с целым рядом значительных работ, посвященных этическим, юридическим и политическим теориям. Его написанные по-французски работы¹⁶ были сдержанно приняты теоретиками права, связанными с «Социологическим ежегодником». Эта группа, относительно недоступная для посторонних, явно чинила препятствия всяким попыткам возрождения. Тем не менее Гурвич был назначен руководителем программы по социологии на филологическом факультете в Страсбурге и опубликовал несколько важных работ до второй мировой войны¹⁷.

Мы вправе удивляться, как французская социологическая школа смогла пережить этот период. Это во многом объясняется внешними условиями, а также возмставшей ролью смежных дисциплин. Именно они во многом помогли «спотыкавшейся» социологии просуществовать на протяжении переходного периода.

Следует подчеркнуть, что сотрудничество между науками о человеке, наглядно проявившееся после 1930 года, не было чем-то новым. Напротив, это было характерно для социальных наук во Франции. Дюркгейм и его группа фактически всегда полагали, что социология не является обособленной наукой, что социальные

¹⁴ Арон в своей главе о «Социологии» в «Общественных науках во Франции» («Les Sciences sociales en France», стр. 27—28) также указывает на низкое качество преподавания этого предмета.

¹⁵ Вследствие этого студенты редко занимались научно-исследовательской работой. В 1937 году Арон мог указать только два случая, когда дипломы с отличием были выданы за эмпирические исследования: Полен, «Кооперативы в Чехословакии» («Les Cooperatives en Tchécoslovaquie», Paris, 1934), и Стетцель, «Реклама» («La Publicité») (не опубликовано). См. Агон, *op. cit.*, p. 29 и сноска 1.

¹⁶ См. его работы: *L'Idée du droit social: Notion et système du droit social, histoire doctrinale du 17e jusqu'à la fin du 19e siècle*, Paris, 1931; *Le Temps présent et l'idée du droit social*, Paris, 1931; *Droit naturel ou droit positif intuitif*, Paris, 1933; *L'Expérience juridique et la philosophie pluraliste du droit*, Paris, 1935. Критику некоторых его работ см. в рецензиях Рене Монье (René Maunier) на книгу «Идея социального права», AS, 1935, pp. 102—105) и Ж. Рея (J. Ray) на книгу «Юридический опыт», там же, 1937, стр. 67.

¹⁷ В их число входят: *Morale théorique et science des mœurs*, Paris, 1937; «Essai d'une classification pluraliste des formes de sociabilité», AS, 1938, pp. 1—48; *Essai de sociologie*, Paris, 1938; *Eléments de philosophie juridique*, Paris, 1940.

науки представляют собой семейство, многочисленные члены которого взаимно дополняют друг друга. Этими идеями была проникнута статья «Социология и социальные науки» (*«Sociologie et sciences sociales»*), которую он написал в 1904 году вместе с Фоконне для «Философского обозрения». Их можно также обнаружить в трактате Мосса «Разделы в социологии и их удельный вес», появившемся в «Социологическом ежегоднике» (1927). В 1930 году Эссертье, говоря о французской социологии, посвятил четверть своей книги «психологическим наукам». Он рассмотрел вклад в социологию, сделанный лингвистами, географами, историками, теоретиками права и экономистами, не упоминая из-за недостатка места, как он объяснил, об этнографах, историках религии, литературы и искусства, техниках, фольклористах и т. п. В своем «Балансе» (1937) и в двух сборниках, вышедших под его редакцией в том же году, Бугле также тесно связывает социологию с различными дисциплинами, традиционно составлявшими семейство психологических наук во Франции.

Примером вклада такого рода, о котором говорилось выше, может служить творчество Франсуа Симиана. В рассматриваемый период он находился в расцвете своего таланта, выпустив монументальный труд «Заработная плата: социальная эволюция и деньги» (*«Le Salaire: L'Évolution sociale et la monnaie»*, 1932, 3 т.). Симиан (1873—1935) был доцентом философии, он довольно рано стал тяготеть к экономике, а с давних пор сотрудничал в «Социологическом ежегоднике» и неоднократно выступал в защиту своих друзей социологов, в особенности отражая нападки историков исторической школы¹⁸. Его ранние произведения «Исследования о цене угля во Франции в XIX веке» (*«Études sur le prix du charbon en France au XIXe siècle»*), «Социологический ежегодник», 5, 1902) и «Заработная плата рабочих угольных копей во Франции» (*«Le Salaire des ouvriers dans les mines de charbon en France»*, 1907) являлись образцами эмпирического анализа, всецело основанными на статическом материале, причем в этом материале неуклонно проводилось различие между хитроумными априорными гипотезами предшествовавших экономистов; те гипотезы, которые получали подтверждение, отделялись от тех, которые оказались лишь вероятными.

Благодаря тому же методу скрупулезного анализа почти через тридцать лет исследовательской работы появился труд «Заработная плата: социальная эволюция и деньги». Об общем направлении этого исследования нам может дать представление часто цитируемый отрывок из начальной части этой работы, отрывок, производящий большое впечатление: «Повышение заработной платы в XIX и XX веках, а в более широком плане также и вообще благоприятное отношение к экономическому развитию в целом не вызвано ни структурой экономической системы, ни экономической свободой, ни техно-

¹⁸ Cp. еrо «Méthode historique et science sociale», *Revue de synthèse historique*, 1903; «La causalité en histoire», *Bulletin de la société française de philosophie*, 1907.

логическими изменениями, ни капитализмом, ни социализмом; причиной этого является открытие и эксплуатация золотых рудников в Калифорнии, Трансваале и Клондайке. А кроме того, в начале XIX века, равно как во втором и третьем десятилетиях XX века, причиной было то явление, которое мы обычно называем денежной инфляцией».

Выступления Симиана против экономистов, делавших априорные выводы, и против нормативных истолкователей (либеральных или социалистических) экономической эволюции не вызывали неудовольствия социологов. Они ценили и тех ученых, теории которых о социологическом релятивизме были противоположны рационалистическому абсолютизму, как, например, демонстрация Симианом того, что закон спроса и предложения действует только в социально определенных условиях и в рамках четкой юридической структуры. В конце концов они признали достойным членом своей группы автора трактата «Деньги: социальная реальность» («La Monnaie: Réalité sociale», «Социологический ежегодник», 1934, стр. 1—86), в котором это средство обмена рассматривается как нечто такое, что намного превосходит простой условный стандарт ценностей, как «кредо» некоей группы, выражение некоего ожидания, некоей надежды, разделяемого доверия, которое никоим образом не является результатом тщательно разработанного соглашения или действий какого-либо конкретного индивидуума¹⁹.

Тот же дух социологического релятивизма, то же стремление брать явления в их социологическом контексте мы встречаем в этот период у ряда теоретиков права²⁰.

В кратком обзоре, цель которого — полный охват работ, имеющих отношение к социологии, хотя и не являющихся чисто социологическими, но благосклонно принятых французскими социологами в период 1930—1940 годов, значительное место должно быть отведено этнографии, а также географии народонаселения. Мы, несомненно, должны включить такие работы, как работы Робера Монтана, Лабуре и других²¹. Бесспорно, во многих отношениях этнологи и географы представляли собой стабилизирующую силу:

¹⁹ Ср. интерпретацию Бугле: *Bilan de la sociologie française contemporaine*, pp. 127—133, 141—150, а также статьи в *AS* (1934), pp. 83—89, 1936, pp. 5—28.

²⁰ Emmanuel Lévy, *Le Fondement du droit*, 1935; «Notes rétrospectives», *AS*, 1937, pp. 1—5; Jean Ray, *Essai sur la structure logique du code civil*, 1926; «La communauté internationale d'après les traités du 16e siècle à nos jours», *AS*, 1938, pp. 14—49; Henri Lévy-Bruhl, *Quelques problèmes du très ancien droit romain*, Paris, 1934; *Aspects sociologiques du droit*, Paris, 1955; René Maunier, *Loi française et coutume indigène en Algérie*, Paris, 1932; *Essai sur les groupements sociaux*, Paris, 1929.

²¹ Robert Montagne, *Les Berbères et la Maghzen dans le sud du Maroc*, Paris, 1930; Henri Labouret, *Paysans d'Afrique occidentale*, Paris, 1941; Maurice Leenhardt, *Gens de la Grande Terre*, Paris, 1937; Do Komo: *La personne et le mythe dans le monde mélanésien*, Paris, 1947; Pierre Gourou, *Les Paysans du delta tonkinois*, Paris, 1936 и др.

в критический период, который переживала «истощенная» социология. Они затрагивали проблемы религиозной социологии, политической социологии, социологии семьи, социологии городских и сельских районов и демографии. Они работали в полевых условиях, проводя исследования, за которые социологи в узком смысле слова все еще боялись браться. Их пример и их интерес к социологии в конечном счете побудили всех представителей этой дисциплины обратить внимание на полевые исследования. Весьма знаменательно, что в 1936 году кабинетный этнолог Леви-Брюль, которому было тогда 78 лет, нанес как-то утром визит Морису Леенхардту и выразил желание сесть на корабль, отплывающий в Океанию.

Но с тех пор среди французских социологов стали заметны также и другие симптомы реконструкции метода (и даже оживления интересов). В 1934 году начал выходить новый журнал «Социологические анналы»; успело выйти 16 томов до того момента, как издание прекратилось в 1942 году; в данном журнале одна группа статей и основная часть библиографических обзоров должны были подчеркивать более чем когда-либо единство социальных наук. В 1931 году Габриэль Ле-Бра опубликовал в «Обзоре истории церкви во Франции» («Revue d'histoire de l'église de France») заметки о статистике и истории религии, причем к этой заметке был приложен вопросник, который предлагалось заполнить священникам, дав сведения о своих приходах. Ле-Бра, о котором сначала мало что было слышно, впоследствии способствовал проведению значительного количества социологических исследований, по крайней мере в области религиозной социологии.

С другой стороны, Бугле, работавший с 1927 года в Высшей нормальной школе в качестве заместителя директора, быстро создал центр социальной документации. У этого центра было много функций; кроме того, впервые была собрана значительная библиотека из книг и журналов по вопросам социологии (как французских, так и иностранных). Конференции, организовывавшиеся социологами, привлекали каждый семестр студентов самых различных специальностей. Выпускались различные публикации: серия о «социальных реформаторах», серия о конференциях 1935, 1936 и 1938 годов под названием «Оценки» («Évaluations»), а также различные другие произведения. Особенно Бугле поощрял активную научно-исследовательскую деятельность как во Франции, так и за ее пределами. Наличие небольших денежных фондов на научно-исследовательские работы позволяло оказывать поддержку нескольким исследователям. Вследствие этого будущие социологи имели возможность путешествовать во время прохождения ими учебного курса. Таким образом, в качестве библиографов или ассистентов Центра социальной документации Жорж Фридман, Реймон Арон, Робер Маржолен, Реймон Полен, Жан Стетцель и другие, будучи временно освобождены от преподавательской работы, имели возможность проводить исследования в индивидуальном порядке.

Арон отправился в Германию, Полен — в Чехословакию, Шаррон — в Румынию, Маржолен и Стетцель — в Соединенные Штаты, Су-стель — в Мексику, Ле-Кер — в Марокко.

В результате этой экспериментальной программы, проводившейся в Высшей нормальной школе и группой студентов Бугле в Сорбонне, появился целый цикл исследований и законченных работ, причем в основном вдохновителем и руководителем был сам Бугле²².

В тот же период, с 1930 по 1940 год, под руководством Бугле было подготовлено несколько диссертаций по социологии²³. Анализ этих работ (некоторые из них отличались выдающимися достоинствами) показал бы, насколько уже ожила французская социология накануне второй мировой войны. Молодые авторы, упоминаемые в сноске 22, пожалуй, забыли многое из того, что было достигнуто Дюркгеймом. Их основные интересы, ставившиеся ими проблемы, применявшиеся ими методы, даже стиль — фразеология, если угодно, — все свидетельствовало о резком разрыве с периодом 1919—1929 годов, периодом, когда стремились ни на йоту не отступать от принесших успех традиций первого «Социологического ежегодника».

Поразительнее всего, пожалуй, то, что, будучи представителями одного и того же поколения (причем почти все они были одноклассниками, обучавшимися в весьма трудно доступном учебном заведении, поступлению в которое предшествовали годы упорного штудирования фундаментального гуманитарного курса), социологи нового поколения 1930—1940 годов представляли собой как бы единую группу и тем не менее совершенно не обладали теми характерными особенностями, которые столь часто подчеркивали и они сами, и их противники — авторы, печатавшиеся в «Социологическом ежегоднике». Ученые нового поколения решили выбрать каждый сам для себя свои собственные цели и не отягощать себя какой-либо доктриной или традицией. Таким образом, наставники предшествующего периода исчезли со сцены или же значительно снизили свою продуктивность; многие сочувствующие, хотя их ряды и пополнялись за счет представителей различных дисциплин, взяли на себя задачу продолжить направление, возглавлявшееся Дюркгеймом, в особенности в «Социологических анналах». Молодое поколение чуралось такого источника вдохновения, который представлялся им весьма обветшалым.

²² Например, René Mauduit, *La Réclame*, Paris, 1933; J. Chargon, *La coopération agricole en Roumanie*, Paris, 1934; Raymond Aron, *La Sociologie allemande contemporaine*, Paris, 1935; Robert Marjolin, *L'Évolution du syndicalisme aux États-Unis*, Paris, 1936; Jacques Le Coeur, *La Rite et l'outil*, Paris, 1939; Jean Stoetzel, *La psychologie sociale et la théorie des attitudes*, AS (1941) (выпуск в свет этой работы задержался из-за войны).

²³ Raymond Polin, *Les classes moyennes en Belgique*, Inventaires, 3 (1939), pp. 159—189; Henri Mougin, *Un projet d'enquête sur les classes moyennes en France*, там же, 1939, стр. 287—342 и др.

Однако у этой школы все же нашелся один продолжатель — Морис Хальбвакс, и мы можем сказать, что он был доминирующей личностью в этот период. Будучи профессором Страсбургского университета на протяжении одиннадцати лет и получив приглашение в Чикагский университет, Хальбвакс в 1930 году уже выпустил ряд выдающихся трудов²⁴. Что же касается методов, то Хальбвакс всегда тяготел к двум тенденциям, если не к двум искушениям. От общения с Бергсоном, который был его учителем в лицее Генриха IV и которым он всегда восхищался, он сохранил вкус к рефлексивному анализу — иногда интроспективному, иногда основанному на объективном факте, но всегда носящему качественный характер²⁵.

Но в произведениях Хальбвакса наличествует и еще одна методологическая тенденция: количественный эмпирический метод, основанный на цифровых данных, содержащихся в статистике и подвергнутых тщательному анализу. Дело в том, что Хальбвакс, давний друг Симиана, символически унаследовал вычислительную машину Симиана. Он был также школьным товарищем, а кроме того, и коллегой по Страсбургскому и Парижскому университетам математика и статистика Мориса Фреше, совместно с которым опубликовал в 1924 году «Общедоступное исчисление вероятностей». Этот метод преобладал уже в его диссертации на юридическую тему о цене земли в Париже (1909) и явился также основой историко-критического анализа другой диссертации — «Теория среднего человека: очерк о Кетле и моральной статистике» («*La Théorie de l'homme moyen: Essai sur Quetelet et la statistique morale*»). Благодаря этому методу были получены основные выводы его крупной работы «Рабочий класс и уровни жизни» («*La Classe ouvrière et les niveaux de vie*»), которую он впоследствии дополнил и переработал, выпустив в 1933 году под заглавием «Эволюция потребностей трудящихся классов» («*L'Évolution des besoins dans les classes ouvrières*»). Статистический метод побудил Хальбвакса, которого поразили несовершенные средства, имевшиеся в распоряжении Дюркгейма в 1897 году, когда тот изучал вопрос о самоубийстве, пересмотреть в 1930 году работу Дюркгейма. Также под влиянием этого метода он принялся начиная с 1933 года за демографические иссле-

²⁴ «*Les Expropriations et le prix des terrains à Paris, de 1860 à 1900*», Paris, 1909; «*La Classe ouvrière et les niveaux de vie*», Paris, 1913; «*Les Cardes sociaux de la mémoire*», 1925; «*Les Causes de suicide*», Paris, 1930. Разбор трудов Хальбвакса см. в работах: Essertier, *La Sociologie*, pp. 159—162; Jeanne Alexandre, Maurice Halbwachs, ASO (1949), pp. 3—10, а также предисловие Жоржа Фридмана к книге Хальбвакса «Очерк психологии социальных классов» («*Esquisse d'une psychologie des classes sociales*», Paris, 1955, pp. 9—23). В этой последней работе дана довольно полная библиография на стр. 25—28.

²⁵ Ср. его работы «*Les Cardes sociaux de la mémoire*», «*La psychologie collective du raisonnement*», «*Zeitschrift für Sozialforschung*» (1938), pp. 357—375, а также «Память и общество» («*Mémoire et société*») в посмертно опубликованной книге «Коллективная память» («*La Mémoire collective*», Paris, 1950).

дования, и одним из результатов этого была «Социальная морфология» (*Morphologie sociale*), 1938) — весьма ценное, но незаслуженно преданное забвению произведение²⁶. Кстати сказать, Хальб-вакс сделал демографию подлинной областью социологии.

Но если в произведениях Хальбвакса, по-видимому, наличествует двойственность метода — неспособность или нежелание сделать выбор между бергсоновским вдохновением и симиановской статистикой, — то его теория является интегральной; это — теория Дюркгейма и его группы, преданным членом которой он, кстати говоря, был. С 1903—1904 годов он помещал рецензии в «Социологическом ежегоднике». С начала и до конца Хальбвакс оставался верен себе; данные, относящиеся к людям, независимо от того, какая именно наука собирает такие данные, объяснялись им только в их социальных контекстах.

Но оригинальность Хальбвакса не только в тех методах, которые он, как ему казалось, применял, развивая какую-либо столь известную доктрину, что она уже выглядела банальной. Он умел придать такой доктрине новую форму, не только блестящую, но и полезную. В будущем мы сможем лучше оценить его подлинную роль в социальной психологии, чем сейчас. Даже название его самого фундаментального труда обманчиво: «Социальные кадры памяти». Несомненно, лучше было бы назвать это произведение «Социальные контексты памяти». Дело в том, что даже абстрактные экономические законы, такие, как известный закон спроса и предложения, действуют только в определенных конкретных исторических, юридических и культурных условиях. Даже психологические явления (память, суждение и т. п.) связаны с весьма конкретными социальными условиями. И эти социальные условия создают, если угодно, структуры, но такие структуры, которые, с одной стороны, различны в различных обществах, группах, классах, а с другой — показательны для каждого общества, группы и класса. Вследствие этого они представляют собой системы отсчета, контексты, даже содержание. Во временной размерности эти контексты являются историей, или, скорее, коллективной памятью; следует сказать, что существует множество различных видов коллективной памяти, присущих различным классам, нациям и религиям. Каждый сохраняет то, что ему подходит: «События, которые являются уроками» (ср. «Топография легенд» (*La Topographie Légendaire*)), стр. 190, 205). В сфере экономики эти контексты представляют собой потребности. Следовательно, мы можем заключить, что работы Хальбвакса дают конкретную реинтерпретацию (и, что следует подчеркнуть, вполне аполитичную) социологии познания.

²⁶ В дополнение упомянем «Recherches statistiques sur la détermination du sexe à la naissance», *Journ. Société de Stat. de Paris* (1933); «La nuptialité en France, pendant et depuis la guerre», *AS* (1935), pp. 1—46; «La population de la terre et des continents», Paris, 1937; «Sociologie économique et démographie», Paris, 1940.

Таким образом, благодаря Хальбваксу данный период является не только переходным, не просто промежуток между двумя творчески активными и плодотворными эрами; он имел еще одну положительную особенность, которая со временем будет играть все большую роль. Умирая в концлагере в Бухенвальде в 1945 году, Хальбвакс, который перед этим перешел из Сорбонны в Коллеж де Франс, завещал французской социологии великие, но незаконченные эксперименты (см. Г о в а р д Б е к к е р, Морис Хальбвакс, ASR, 11 (апрель, 1946), стр. 233—235).

ПЕРИОД ЭМПИРИЗМА: 1945—1954 ГОДЫ

Мы не будем долго задерживаться на периоде оккупации (1940—1944 годы): продукция тогда была весьма незначительной. Наконец вышло небольшое количество работ, публикация которых задержалась из-за начала военных действий в 1939 году. Но развертыванию научной деятельности в значительной мере мешала политическая ситуация и вынужденная изоляция страны. Условия для преподавательской деятельности были очень тяжелыми. Некоторым социологам пришлось искать убежища за границей или уйти в подполье. Другие жили в непрестанной тревоге, подвергаясь большой опасности; так, Морис Хальбвакс был в конце концов арестован в июле 1944 года и отправлен в концлагерь. С 1942 года прекратилось издание «Социологических анналов». Французский институт социологии погрузился в спячку. Центр социальной документации был ликвидирован, а его библиотека вывезена из Высшей нормальной школы.

Окончание военных действий не восстановило прежнего положения. Ле-Кер был убит во время боев в Италии. Анри Мужен был увезен немцами и скончался в освобожденной Франции вскоре после репатриации. Ряд социологов после возвращения во Францию занялся другими видами деятельности, преимущественно политической и административной работой в национальном и международном масштабе. Короче говоря, возможно, что испытания этой войны оказались более пагубными для французской социологии, чем испытания первой мировой войны: пережитые потрясения были более глубокими.

Мы подчеркивали выше преемственность, характерную для возрождения 1919 года. Возобновление социологической деятельности в 1945 году уместнее было бы назвать разрывом с прошлым. Бесспорно, не все было новым в этот третий период; не были новыми ни кадры, ни учреждения. Так, Жорж Дави, ставший преемником Хальбвакса, как мы видели, играл выдающуюся роль на протяжении более двадцати лет. Альбер Байе, вышедший из подполья после освобождения, возобновил преподавание в Сорбонне. Жорж Гурвич, его преемник в 1948 году, завоевал себе имя во Франции еще в 1930 году, не говоря уже о том, что он преподавал также в Страс-

бургском университете перед войной. Жорж Фридман, который, несомненно, занял бы видное место в индустриальной социологии, стал специализироваться в области психологических проблем труда в Центре социальной документации. Снова начал выходить «Социологический ежегодник», в котором фигурировали многие из имен, раньше украшавших «Социологические анналы». Французский институт социологии опять стал проводить свои ежемесячные заседания, на которых первоначально присутствовали те же члены, что и в 1939 году. Однако мы быстро заметили появление многих новых лиц, новых журналов и новых учреждений. Особенно важно отметить следующее: независимо от того, являлись ли штаты и учреждения новыми или старыми, концепции и дух социологических исследований значительно изменились.

Одну из характерных особенностей французской социологии после 1945 года, как мы уже отмечали, представляет собой эмпирический уклон, преимущественное внимание к фактам. Разумеется, великая гуманистическая философская традиция не умерла; количественно она проявляется во многих работах, а в качественном отношении лучшие из этих работ выдерживают сравнение с работами предшествующего периода, но, как показывает библиографический анализ, наибольшая активность проявляется в другом направлении. Эмпирическая тенденция, разумеется, не является совершенно новой, — напротив. Сегодня она порождает уже не одни только бессистемные иллюстративные или второстепенные произведения. После 1945 года анализ количественного материала, индивидуальных полевых исследований и групповых исследований во все большей степени начал становиться правилом и фактически стандартом социологической деятельности. Эта тенденция настолько внутренне присуща духу новой французской социологии, что она не только навязывается сверху, но даже более активно проявляется среди студентов, чем среди преподавателей. Мы, однако, не должны полагать (а такому искушению можно поддасться), что это является результатом импорта из-за границы. В действительности это кульминационная точка развития одного из течений в национальной социологии, течения, которое на протяжении длительного времени было подавленным, или, лучше сказать, подспудным, и которое наконец прорвалось и расцвело во всей красе: здесь сказалось влияние монографий Ле-Плея.

Второй особенностью является то, что социологическая деятельность во все возрастающей степени начинает проводиться коллективно. В период гуманистической социологии группы исследователей, связанных узами дружбы, например группа «Социологический ежегодник» или группа «Социальной науки», были в состоянии сформулировать какую-либо общую теорию о природе социальных фактов, для чего эти исследователи в известной степени должны были опираться на сходные методы. Для обозначения таких групп используется выражение «коллектив». Но следует избегать возможного смешения идей; эти коллективы никогда в действитель-

ности не проводили «коллективных научных исследований». Сотрудничество, когда оно имело место, как это было при создании великолепной работы Дави и Море («От кланов к империи»), сводилось лишь к литературному сотрудничеству. Каждый соавтор давал свой собственный оригинальный материал, который мы легко можем отличить от коллективной работы. В лучшем случае, если пользоваться термином Бугле, речь идет о конвергенции индивидуальных оригинальных работ. Совсем иное положение в эмпирической социологии: здесь коллективная работа и возможна и необходима; возможна потому, что если теоретические работы являются по необходимости систематическими, создаваемыми творческим разумом выдающихся личностей, то эмпирические исследования, напротив, по своей основе аддитивны и безличны; необходима, с другой стороны, потому, что в противоположность философским и даже теоретическим работам масштаб эмпирической работы — даже на весьма узкую тему — бесконечно превосходит физические возможности или особые способности какого-либо отдельного индивидуума²⁷. Эта вторая особенность французской социологии в период после 1945 года есть, таким образом, следствие первой; идя по пути эмпирических исследований, французские социологи в силу этого вынуждены уже не случайно, а постоянно работать коллективами.

Аналогичным образом мы можем сделать вывод, что третья характерная черта этого периода проистекает из второй. Коллективное исследование требует определенного минимума организации. За последние десять лет мы обнаруживаем в французской социологии явную тенденцию к институционализации. Эта особенность также создает контраст между нынешней ситуацией и прежним периодом. До самого недавнего времени Франция не могла похвалиться наличием учреждения, занимающегося социальными исследованиями. Даже сама идея такого учреждения была абсолютно чужда французским социологам. Французский институт социологии, как мы видели, был основан в 1924 году в качестве академического учреждения. Различные руководства, выпущенные для студентов высших учебных заведений или для широкой публики, только отсылали в своих заголовках к «центрам документации» (библиотекам) или к учебным заведениям²⁸. После войны, напротив, во Франции появились различные учреждения, как общественные, так и частные, занимающиеся социологическими исследованиями, а это, несомненно, является весьма важным фактором в развитии данной науки.

²⁷ Примером тому могут служить два тома, выпущенные Национальным институтом демографических исследований, «Интеллектуальный уровень детей школьного возраста» (*Le Niveau intellectuel des enfants d'âge scolaire*, Paris, 1950, 1954).

²⁸ См. Celestin Bouglé et Marcel Deat, *Le Guide de l'étudiant en sociologie*, 3 ed., Paris, 1931; Raymond Aron et al., *Les Sciences sociales en France*; D. Victoroff et B. Gilles, *Nouveau guide de l'étudiant en sociologie et en morale*, Paris, 1949.

Центр социальной документации Высшей нормальной школы, безжалостно уничтоженный вишистским правительством во время немецкой оккупации, не был восстановлен. Для удовлетворения тех нужд, которым служил этот центр, в Париже в 1946 году был создан Центр социологических исследований под эгидой Национального центра научных исследований. Эта организация, обладающая великолепной библиотекой, организует научные конференции и симпозиумы, наиболее важные труды которых были опубликованы в сборниках: «Индустриализация и технократия» («Industriatisation et technocratie», 1949, под редакцией Гурвича); «Города и села» («Villes et campagnes», 1953, под редакцией Фридмана). Кроме того, Центр принимает участие, оказывая поддержку или осуществляя руководство, в ряде научных исследований, выполняемых различными коллективами²⁹.

Другой новой организацией, занимающейся социальными проблемами, является Национальный институт демографических исследований; он был создан в 1945 году в качестве общественного учреждения, находящегося в ведении министерства здравоохранения и населения. Во главе института стоит демограф-экономист Альфред Сови. Институт располагает прекрасным оборудованием, достаточным количеством денежных средств, и работа в нем организована хорошо. Там имеется семь научно-исследовательских секторов, в которых работают известные специалисты, каждый по своей специальности — математики и статистики, биологи, социологи, психологи, историки, экономисты и пр. Деятельность института постоянно носит междисциплинарный характер, изучаются все демографические проблемы (в широком смысле), касавшиеся как метрополии, Франции, и Французского Союза, так и иностранных государств. Особое внимание уделяется первоочередным конкретным проблемам. Институт выпускает выходящий раз в квартал журнал «Население» («Population»), а также ряд научных изданий (с 1945 по 1954 год вышло 23 выпуска)³⁰.

Создание Французского института общественного мнения относится к 1938 году. Деятельность его была прервана войной в 1939 году и возобновлена после освобождения Парижа (август 1944 года). Руководителем Института является Жан Стетцель, профессор социальной науки в Бордосском университете. Институт специализируется на проведении полевых исследований, но сфера его деятельности не ограничена ни политическими вопросами, ни даже мнениями и взглядами. Она охватывает весь диапазон социальных явлений, связанных с определенным предметом эмпирического изучения (например, в 1948 году был выполнен ряд обзоров по вопросу об участии в соблюдении праздников). Институт выпускает еже-

²⁹ См. Charles Bettelheim et Suzanne Frère, *Une Ville française moyenne: Auxerre en 1950*, 1950; P. H. Chambart de Lauze (с 22 соавторами), *Paris et l'agglomération parisienne*, Paris, 1952, 2 vols.

³⁰ См. André Mayer, «Cinq ans de travail», *Population*, 6, 1951, pp. 5—26.

квартальное обозрение «Зондажи: обзор французского общественного мнения» (*Sondages: Revue française de l'opinion publique*).

Из организаций, проводящих социальные исследования, мы должны упомянуть Музей человека Института этнологии, начавший свою деятельность задолго до войны 1939—1945 годов, и Музей искусств и народных традиций. В 1950 году в Практической школе высших исследований двумя историками, Люсьеном Фебром и Фернаном Броделем, был создан шестой отдел для информации о современном состоянии социальных исследований и для содействия интеграции различных дисциплин. В 1952 году был организован Институт социальных наук о труде, входящий в систему министерства труда. Социологические исследования на французских территориях, находящихся за пределами континента, проводились Управлением научных исследований на заморских территориях для всего Французского Союза; Французским институтом Черной Африки — для Французской Западной Африки и для Камеруна; Институтом центральноафриканских исследований — для Французской Экваториальной Африки. Научные интересы этих трех организаций затрагивают все области науки, не ограничиваясь социологией и включая в себя все разделы этнографических и психологических исследований.

Помимо этих хорошо организованных как в административном, так и в материальном отношении учреждений, мы можем упомянуть другие группы, весьма активные и имеющие большой опыт в проведении коллективных исследований. При Национальном фонде политических наук, например, имеются группа «электоральной социологии», руководимая Андре Зигфридом и Франсуа Гогелем, Французская ассоциация политической науки, группа «религиозной социологии», руководимая Габриэлем Ле-Бра. Все они активно ведут исследовательскую работу, организуют симпозиумы и выпускают ряд изданий. Католическая группа журнала «Экономика и гуманизм» (*Économie et humanisme*), созданная в 1942 году П.Л.Ж. Ле-Бре, также дала ряд выдающихся работ в области социологических полевых исследований. Можно упомянуть еще ряд частных организаций: Общество по генерализованному применению методов анализа; Центр информации и исследований в области человеческой экономики в Лотарингии; Французское общество экономики сельского хозяйства; Общество социальных североафриканских исследований. Все они занимаются специфически социологическими исследованиями. Их методика обычно восходит к Ле-Плею, и фактически они являются его потомками³¹.

³¹ Параллельно этим событиям происходило создание или возобновление многих существовавших ранее журналов: третьей серии «Социологического ежегодника» в пяти томах (1949—1953); с 1946 года — «Международных тетрадей по социологии» (*Cahiers internationaux de sociologie*), а также «Населения»; «Зондажей» с 1939 года, хотя их издание было прервано войной; «Французского обозрения политической науки» (*La revue française de science politique*) с 1951 года; «Обозрения географии народонаселения и этнографии» (*Revue de géographie humaine et d'ethnographie*), просущест-

После 1945 года новые тенденции (их основные особенности и организационные формы были уже проанализированы, а их результаты предстоит еще охарактеризовать), однако, не устранили и даже не нанесли ущерба тому философскому, гуманистическому и теоретическому направлению, которое остается выражением величайшей французской социологической традиции.

Так, труды великих социальных мыслителей прошлого, представляющие собой сокровищницу идей и теорий, продолжают переиздаваться и являются предметом критической и комментаторской работы. Гоббс, Руссо, Маркс и Прудон, например, по-прежнему представляют интерес для многочисленных авторов³². Новые издания, переводы и сборники свидетельствуют об устойчивости этого теоретического интереса³³. Кроме того, этой тенденции сопутствует необычное оживление интереса к утопиям³⁴.

Помимо этих критических исследований, мы отмечаем большое количество обзоров и «систематических» произведений. Анализ отношений между социологией и другими социальными науками непрерывно порождает новые наблюдения и размышления³⁵. Истолкование настоящего в свете социологических концепций, зачастую

ствовавшего недавно; «Бюллетеня Французского института Черной Африки» («Bulletin de l'institut français d'Afrique noire»), «Бюллетеня Института центральноафриканских исследований, населения и техники» («Bulletin de l'institut d'études centrafricaines, hommes et techniques») с 1945 года; «Искусства и народных традиций» («Arts et traditions populaires»); «Экономики и гуманизма», «Журнала заморских территорий» («Cahiers d'outre-mer», Бордосский университет).

Из серий социологических работ мы можем упомянуть «Библиотеку современной социологии» («La Bibliothèque de sociologie contemporaine»), «Исследования в области наук о человеке» («Recherches en sciences humaines»), «Международную социологическую библиотечку» («La Petite bibliothèque sociologique internationale») и «Тетради Национального фонда политических наук» («Cahiers de la fondation nationale des sciences politiques»).

³² Например, Georges Davy, Thomas Hobbes et J. J. Rousseau, Oxford, 1953; R. Polin, Politique et philosophie chez Thomas Hobbes, Paris, 1953; George Gurvitch, Le Concept de classes sociale de Marx à nos jours, Paris, 1954; J. J. Chevalier, Les Grandes oeuvres politiques de Machiavel à nos jours, Paris, 1949; Dolléans, Proudhon, Paris, 1948.

³³ Помимо многих других, ср.: M. Rubel, Karl Marx: Pages choisies pour une éthique socialiste, Paris, 1948; Campa nella, La Cité du soleil, trad. de A. Zévaès, Paris, 1950; R. H. Tawney, La Religion et l'essor du capitalisme, trad. de O. Merlat, Paris, 1951.

³⁴ R. Ruyer, L'Utopie et les utopies, Paris, 1950; G. Duveau, Introduction à la sociologie de l'utopie, CîS, 9 (1950), p. 17—41; H. Bergues, La Population vue par les utopistes, «Population», 6 (1951), p. 261—286.

³⁵ M. Merleau-Ponty, La Philosophie et la sociologie, CîS, 10 (1951), p. 50—69; M. Dufrenne, Existentialisme et sociologie, там же, 1 (1946), p. 161—171; Roger Bastide, Sociologie et psychoanalyse, Paris, 1950; A. Cuvillier, Sociologie de la connaissance et idéologie économique, CîS, 11 (1951), p. 80—111; R. Mehl, Le Dialogue de l'histoire de la sociologie, там же, 3 (1947), стр. 137—157; A. Cholleу, Géographie et sociologie, там же, 5 (1948), p. 3—20.

являющихся более претенциозными и остроумными, чем подлинно научными, также увлекло целый ряд авторов³⁶.

Но особенно наглядно современное философское направление проявляется в области общей социологии, где наиболее выдающимися считаются работы Жоржа Гурвича³⁷. Первоначально, как мы помним, Гурвич занимался социологическо-юридическими исследованиями³⁸. Но его «Очерк социологии» (*«Essai de sociologie»*) включал в себя раздел «Формы общения» (*«Les Formes de sociabilité»*), перекликавшийся с ранее опубликованной работой, озаглавленной «Опыт плюралистической классификации форм общения» (*«Essai d'une classification pluraliste des formes de sociabilité»*); «Социологические анналы» (1938). Для Гурвича это был переход к другой социологической тематике в сторону изучения основных понятий и методов, и с тех пор он не отклонялся существенно от этого пути.

Согласно концепции Гурвича, социология представляет собой «культурационный пункт» науки о человеке. Она изучает социальную реальность в полном объеме, во всех ее многогранных измерениях, с точки зрения структуры и динамики. Ее метод — «гиперэмпирическая диалектика», диалектика, имеющая тенденцию к непрерывной перестройке систем с целью постоянно возобновляющегося углубления проблем; эмпиризм необходим потому, что: 1) познать факты можно только путем возобновляемого опыта и 2) необходимо выбирать между различными логическими процедурами исследования³⁹.

Результаты такого подхода даны в виде сложной типологии, построенной в нескольких измерениях. Социальный плюрализм, или разнообразие, проявляется горизонтально в различных формах общения, а вертикально — социальными слоями или уровнями (*paliers*). Социальная реальность состоит из десяти таких измерений: морфологическая и экологическая внешняя форма; установившиеся надстройки; социальные модели или идеалы; одобренное коллективное проведение; социальные роли; коллективные взгляды; социальные символы; творческое поведение; коллективные ценности и идеи; коллективные обстоятельства и действия. Формы социальнойности представляют собой в действительности первый из трех

³⁶ J. Monnerot, *Sociologie du communisme*, Paris, 1949; Charles Morazé, *Essai sur la civilisation d'occident*, Paris, 1950; Raymond Aron, *Les Guerres en chaîne*, Paris, 1951; *L'Opium des intellectuels*, Paris, 1955.

³⁷ Однако имеются и другие значительные работы в этой области. Ср. J. Monnerot, *Les Faits sociaux ne sont pas des choses*, Paris, 1946, где используются идеи, выдвинутые Ароном в его диссертации 1938 года; Roger Caillouis, *Quatre essais de sociologie contemporaine*, Paris, 1951.

³⁸ Этот интерес сохранился у него и впоследствии. См. его работы: «Éléments de sociologie juridique», Paris, 1940; «Sociology of Law», New York, 1942; «La Déclaration des droits sociaux», а также «La Magie et le droit», in «Essai de sociologie», Paris, 1938.

³⁹ Ср. его «Microsociologie et sociometrie», *CIS*, 3 (1947), pp. 24—67; «L'Hyperempirisme dialectique: Ses applications en sociologie», там же, 15 (1953), pp. 3—33; «La Vocation actuelle de la sociologie», Paris, 1950.

различных видов социальных типов. Первый тип является абстрактным, фактически микросоциологическим, а поскольку он основан на восьми критериях (таких, как неформальный или формальный характер общения, факты его происхождения из частичного слияния или частичной противоположности и т. п.), мы можем составить весьма сложную таблицу форм социальности, что неоднократно делал Гурвич. С другой стороны, мы должны признать существование двух других социальных типов: группировок, различаемых посредством пятнадцати критериев, и глобальных структур, типология которых является следствием восьми критериев.

В более недавнее время (1955 год) этот великий эксперимент в области таксономии дал наконец некоторые результаты, опубликованные под заглавием «Социальный детерминизм и свободный арбитр» («Déterminisme social et libre arbitre»). Работа эта относится к 1938 году, и наброски ее появились в 1951 году в виде «Степеней человеческой свободы» («Les Degrés de la liberté humaine» — «Международные тетради по социологии», 1951, стр. 3—20). Это выдающееся обобщающее произведение вышло в окончательном виде под заглавием «Социальный детерминизм и человеческая свобода» («Déterminisme social et la liberté humaine», Paris, 1955). Здесь Гурвич впервые пытается дать анализ исторических обществ путем изучения форм и возможностей человеческой свободы в отдельных широких социальных структурах различного типа.

Помимо общей социологии, философское, гуманистическое и теоретическое направление представлено в различных формах, в которых зачастую снова проявляются методы и традиционная тематика довоенной французской социологии: социология воспитания, социология семьи, социология права, криминология, социология языка, социология искусства и социология международных отношений⁴⁰. Но следует отметить, что в этих же самых областях некоторые ученые уже отходят от абстрактного философствования и библиотечных изысканий, заменяя их более конкретными исследованиями, иногда даже работами в полевых условиях.

Из всех специфических черт современной французской социологии, для которой, как мы уже говорили, характерны эмпиризм, коллективные исследования и институциональная организация, наиболее типичной чертой является, пожалуй, та, которая способствовала бурному расцвету исследований в области социологии

⁴⁰ René Hubert, Histoire de la pédagogie, Paris, 1949; H. Margon, Histoire de l'éducation dans l'antiquité, Paris, 1948; Jean Bourgeois, Le Mariage, coutume saisonnière, «Population», 1 (1946), p. 623—642; Jacques Desforges, Le Divorce en France, Paris, 1947; J. C. Laurent, Quelques réflexions sur les causes de divorce, Paris, 1949; Robert Progent, Evolution des idées sur la famille, «Population», 7, 1952, p. 395—404; R. Savatier, Les Métamorphoses économiques et sociales du droit civil d'aujourd'hui, Paris, 1948; Henri Lévy-Bruhl, Esquisse d'une théorie des sources du droit, ASO (1953), p. 3—33; J. Chazal, L'Enfance délinquante, Paris, 1953; Gaston Bouthoul, Les Guerres: Éléments de poléologie, Paris, 1951.

городских и сельских районов. Что касается социологии городских районов, то здесь наиболее важны исследования, осуществленные группой под руководством П. А. Шомбатт-де-Лове на материале города Парижа: «Париж и парижская агломерация» (de Lauwé et al. Paris et l'agglomération parisienne, 1952, 2 тома). Задача первого тома — описание, анализ и объяснение «социального пространства большого города», то есть отношения между земельной площадью и расположением различных социальных, экономических, демографических и культурных явлений. Во втором томе рассматриваются различные методы исследования, в особенности статистический и картографический типы⁴¹.

Для историка французской социологии такие исследования, посвященные городским районам, особенно интересны. Как и аналогичные исследования по социологии сельских районов, а также некоторые исследования по социологии религии, они представляют собой конвергенцию направлений и влияний, являющуюся сугубо национальной, несмотря на отдельные ссылки на иностранные школы: описательный метод Ле-Плея, интересы французской географической школы, заимствование технических приемов этнографии. Следует указать, что почти ни один из упоминавшихся авторов не может быть отнесен к какой-либо «классической» социологической группе (то есть связанной с философией). Иногда это исследователи, прошедшие подготовку в Музее человека, иногда географы или же в большей или меньшей степени последователи (ученики) «социально-научной» школы.

Но этими монографиями, посвященными городским районам, не исчерпывается перечень новейших работ по социологии города во Франции. При более тщательном рассмотрении оказывается, что эта область чрезвычайно многообразна. Имеются, например, многочисленные исследования, посвященные образу жизни в городах, расселению представителей интеллигентных профессий, религиозной сегрегации⁴². Станислав Кожыбский, цитирующий Симиана и Хальбвакса, специализировался на статистическо-математическом изучении городского населения. Специфический смысл понятия «городская агломерация» послужил стимулом для появления ряда работ, написанных статистиками⁴³. Географы и историки, со своей

⁴¹ В число других работ входят: Charles Bettelheim et Suzanne Frère, Une Ville française moyenne: Auxerre en 1950, Paris, 1950; J. Laurent, Grenoble d'hier et d'aujourd'hui, Grenoble, 1948; Jean Gouhier, Le Mans au milieu du 20e siècle, 1953.

⁴² J. Stoetzel, Une étude des budgets-temps de la femme dans les agglomérations urbaines, «Population», 3 (1948), pp. 47—62; J. Daric, La localisation de quelques professions libérales dans Paris et le département de la Seine, там же, 8 (1953), стр. 555—578; Michel Roblin, Les Juifs de Paris: démographie, économie, culture, Paris, 1952.

⁴³ K o r z y b s k i, Le Peuplement des grandes agglomérations urbaines: Londres et Paris aux 19e et 20e siècles, «Population», 7 (1952), p. 485—520; E d o u a r d B e n a r d, Contribution à l'étude des agglomérations françaises, там же, 1952, pp. 95—108; P a u l V i n c e n t, Liste des aggloméra-

стороны, внесли важный вклад в социологию города в своих собственных сферах⁴⁴. Благодаря такому количеству исследований современная французская социология города представляет собой комплексную и развивающуюся область науки.

В не меньшей степени расцвела после войны и социология сельских районов; там мы находим ту же самую конвергенцию этнографических, географических и монографических направлений (в стиле Ле-Плея) в области полевых исследований. Некоторые работы являются чисто географическими или этнографическими; другие — историческими или даже демографическими; некоторые — технологическими, в них анализируются экономические и политические аспекты сельской жизни и связанных с ней социальных проблем⁴⁵. Конференция, организованная Жоржем Фридманом в Центре социологических исследований в 1951 году, результатом которой явился важный труд «Города и села: городская и сельская цивилизация во Франции», (*Villes et campagnes: Civilisation urbaine et civilisation rurale en France*), Париж, 1943), свидетельствует об исключительном интересе, проявляемом представителями различных областей социальных наук к проблемам социологии города и села в последние десять лет.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что это не единственные области, в которых мы можем наблюдать плодотворное сотрудничество между социологией и другими дисциплинами во Франции. Бесспорно, что многие работы, официально именуемые иначе, вполне можно было бы отнести к социологии. Это особенно справедливо в отношении географии народонаселения, на что уже обращал внимание Бугле в 1935 году в своем «Балансе» (гл. 3, стр. 61). Правда, он выступал за сохранение самостоятельности двух наук; этого же мнения упорно придерживаются и некоторые географы, говорившие об «опасности», которую таит для них социология⁴⁶. Если же, однако, пренебречь всеми учеными рассуждениями, то мы можем показать, что многие географические исследования легко

tions française de plus de 5000 habitants par ordre d'importance décroissante», там же, 1952, стр. 531—536.

⁴⁴ G. Chabot, *Les Villes*, Paris, 1948; P. George, *La Ville: Le fait urbain à travers le monde* (Paris, 1952); Pierre Lavedan, *Histoire de l'urbanisme*, 1941; Louis Chevalier, *La Formation de la population parisienne au 19e siècle*, Paris, 1949.

⁴⁵ L. Bernot et R. Blancart, *Nouvelle: Un Village français*, 1948; J. Garavel, *Les Paysans de Morette*, Paris, 1948; Daniel Faucher, *Géographie agraire*, in A. Cholley (ed.), *Géographie économique et sociale*, Paris, 1949; A. Dauzat, *La Vie rurale en France*, Paris, 1950; I.N.E.D., *Dépeuplement rural et peuplement rationnel: Six enquêtes locales*, Paris, 1949; André Ramus, *Vie paysanne et technique agricole*, Paris, 1952; Angellarrie, *Situation de l'agriculture française: 1930—1939*, 2 ed., Paris, 1945; Louis Chevalier, *Les Paysans*, Paris, 1947; Henri Lefebvre, *Problèmes de sociologie rurale*, C.I.S., 6 (1949), pp. 78—100; «Les Classes sociales dans les campagnes», там же, 10, 1951, стр. 70—93.

⁴⁶ Cp. Maurice LeLannou, *La Géographie humaine*, Paris, 1949, p. 25.

попадают в библиографию по социологии и принимаются социологами⁴⁷.

Еще более тесно, если это возможно, с социологией связана этнология. Такие работы, как работа Леви-Штрауса «Элементарные структуры родства» («Les Structures élémentaires de la parenté» Париж, 1949), например, представляют собой не что иное, как общую социологическую теорию брака. «Этнология Французского Союза» («Ethnologie de l'union française»), написанная А. Леруа-Гураном и Ж. Пуарье, является обобщением наших знаний о туземных обществах в французских заморских владениях. Социология прежде всего претендовала бы на последние работы безвременно скончавшегося М. Леенхардта, в особенности на «До Камо: личность и миф в меланезийском мире» («Do Kamo: La Personne et le mythe dans le monde mélanésien», Париж, 1947), так же как и на исследования Марселя Гроля, посвященные мышлению и тайнам догонов Французского Судана. Эти работы в полном смысле слова возродили во Франции важные концепции космогонии и метафизики «примитивных народов»⁴⁸.

Разумеется, этим не исчерпывается перечень тех недавних работ в области этнологии, которые являются вкладом в социологию. В частности, мы могли бы вкратце упомянуть о многочисленных работах сотрудников миссий Музея человека в Париже, Института высших марокканских исследований в Рабате, Института Французской Черной Африки, Института Центральноеафриканских исследований в Бразавилле, а также об исследователях, не состоящих в штате какой-либо организации. Их труды посвящены различным этническим группам, демографии, социологии города и села и политической социологии. В отдельных случаях в них имеются общие описания цивилизаций, причем все большее внимание уделяется взаимосвязям между культурами⁴⁹. Наконец, мы должны подчеркнуть возрождение интереса к исследованиям в области фольклора, тяготеющим к весьма общей филосо-

⁴⁷ Совершенно необходимо упомянуть монументальный труд Макса Сорра «Основы географии народонаселения» (Max Sorre, Les Fondements de la géographie humaine, 2 ed., Paris, 1947, 1948—1952, 3 vols.), а также многочисленные работы в «Сборнике по вопросам географии народонаселения» («Collection de géographie humaine»), издаваемом П. Деффонтемом (P. Deffontaines), и книгу Жана Готтмана «Политика государств и их география» (Jean Gottmann, La Politique des états et leur géographie, Paris, 1952).

⁴⁸ См., в частности, M. Griaule, Dieu d'eau, Paris, 1948.

⁴⁹ I. Dugast, Inventaire ethnique du sud-Cameroun, Mémoire de l'IFAN, Douala, 1949; Marcel Soret, Démographie et problèmes urbains en A.E.F. Brazzaville, 1954; P. Mercier et al., L'Agglomération dakeroise, Dakar, 1954; R. Delarozière, Les Institutions politiques et sociales des populations dites Bamiléké, Douala, 1950; D. Paulme, Les Gens du Riz: Kissi de Haute-Guinée, Paris, 1954; M. Cardaire, Contribution à l'étude de l'Islam noir, Douala, 1949; P. Mercier, L'Affaiblissement des processus d'intégration dans les sociétés en changement», Bulletin IFAN, 16, 1954, pp. 143—166.

фии цивилизации и одновременно к метропольной этнографии. Эти работы проводились под руководством таких лиц, как Жорж-Анри Ривьер, Андре Вараньяк и М. Маже⁵⁰. Они нашли для себя новую трибуну в ежеквартальном обозрении «Французские искусства и традиции» (*Arts et traditions français*, выходит с 1953 года).

Мы не можем закончить этот раздел, не отметив как философское, так и методологическое воздействие этой эволюции на изучение городских и сельских районов в современной французской социологии. Это показывает, что социологи, хотя еще и смутно, сознают важность понятия «ситуация» для интерпретации и даже описания социальных явлений. Вследствие этого мы можем видеть связь этих исследований со все возрастающим количеством работ, рассматривающих ситуации, которые включают в себя факторы возраста и пола⁵¹. Хотя, может быть, еще и преждевременно говорить о самостоятельных областях, именуемых «социология возраста» и «социология пола», все же не будет опрометчиво предвидеть создание этих двух новых дисциплин в французской социологии.

Некоторые разделы социологии стали после войны развиваться в ином направлении, что обеспечивает их подлинное возрождение. Это уже заметно в определенных аспектах экономической социологии. Бесспорно, что разрыв с традицией не является полным; начнем с того, что классики политической экономии продолжают интересовать социологов и их работы получают благоприятные рецензии в социологических журналах. Другим свидетельством преемственной связи с предыдущими периодами служит непреходящий интерес к Франсуа Симиану⁵².

И тем не менее наибольших успехов экономическая социология во Франции достигла в изучении производства и труда. Одна из важнейших фаз исследований касается техники. Интерес к технике не является новым во Франции; он восходит к Альфреду Эспинасу, который одним из первых определил социологию как науку и как идеологию (см. «Происхождение техники» — *Les Origines de la*

⁵⁰ André Varagnac, *Civilisation traditionnelle et genres de vies* Paris, 1948; De la Préhistoire au monde moderne, Paris, 1954; M. Maget *Guide d'étude directe des comportements culturels*, Paris, 1953.

⁵¹ Jean Daric, *Vieillessement de la population, besoins et niveau de vie des personnes âgées*, «Population», 7 (1952), pp. 27—48; E. Peritz, *La Jeunesse dans la population active de la France*, там же, 1953, pp. 527—554; Jean Stoetzel, *La Sociologie des âges* (лекции, прочитанные в Бордосском университете в 1946—1947 годах); Jean Daric, *L'Activité professionnelle des femmes en France*, Paris, 1947; Institut français d'opinion publique, «La Psychologie politique des femmes», «Sondages» (1952); Maurice Duverger, *La Participation des femmes à la vie politique*, Paris, 1955.

⁵² Jean Marchal, *Cours d'économie politique*, Paris, 1950; Robert Mosse, *La Monnaie*, Paris, 1950; Robert Marjolin, *Prix, monnaie et production*, Paris, 1941; J. Aubert, *La Courbe d'offre*, Paris, 1949; B. V Damalas, *L'Oeuvre scientifique de François Simiand*, 2 ed., Paris, 1947; Charles Morazé, *Essai sur la méthode de François Simiand*, in «Mélanges d'histoire sociale», 1942, pp. 5—24; pp. 22—42 (1943).

technologie», 1897). Но работы последнего времени гораздо более точны и специализированны, причем особое внимание уделяется агротехнике и животноводству, а также физическим и промышленным методам на Западе и среди дописменных народов⁵³. Дополнительный аспект технологии — социальная организация человеческих факторов в процессе производства. Социология труда и профессий была темой многочисленных исследований⁵⁴. Мы можем сюда логически включить работы по социологии социальных классов (столь тесно связанные с профессиональной дифференциацией, по крайней мере на Западе) и смежные проблемы социальной мобильности⁵⁵.

Большой интерес во Франции вызывает одна специфическая отрасль социологии — та, которую обычно называют «индустриальная социология». Сюда входят, с одной стороны, историческое, географическое и монографическое описания; с другой стороны, проблемы организации и техники⁵⁶. Однако наибольшую роль сыграло проведение теоретических и практических исследований, посвященных отношениям между людьми на промышленных предприятиях и в индустриальном обществе вообще. Здесь трудно переоценить деятельность Жоржа Фридмана на протяжении последних двадцати лет. Труд на производстве, который традиционно считается техническим моментом, включает в себя в действительности, как мы недавно обнаружили, психологические аспекты, определяющиеся в свою очередь социологическими факторами. Современная индустрия отражает новую по сравнению с индустриальной цивилизацией среду, и эту среду мы можем назвать «естественное окружение». Она имеет свои нормы, но эти нормы не могут быть вполне внешними и объективными по отношению к си-

⁵³ A. L. Guyot, *Origine des plantes cultivées*, Paris, 1942; René Thevenin, *Origine des animaux domestiques*, Paris, 1947; Pierre Ducassé, *Histoire des techniques*, Paris, 1945; Henri Janné, *Notes critiques relatives à la sociologie de la technique*, «Revue de l'institut de sociologie», 1952, Brussels, pp. 532—652; André Leroi-Gourhan, *L'Homme et la matière*, Paris, 1943, *Milieu et techniques*, Paris, 1945.

⁵⁴ Guy Chaumel, *Histoire des cheminotes et de leurs syndicats*, Paris, 1948; Raymond Gaudriault, *L'Organisation des travaux administratifs*, Paris, 1949; Pierre Naville, *La Vie de travail et ses problèmes*, Paris, 1954; Michèle Aumont, *Femmes en usine: Les Ouvrières de la métallurgie Parisienne*, Paris, 1953.

⁵⁵ A. Touraine, «Classe sociale et statut socio-économique», *CIS*, 11, 1951, pp. 155—176; R. Montagne (ed.), *Naissance du prolétariat marocain*, Paris, 1952; Françoise Bouriez-Cregg, *Les Classes sociales aux États Unis*, Paris, 1954; M. Bresard, «Mobilité sociale et dimension de la famille», *Population*, 5, 1950, pp. 533—566; Maurice Halbwachs *Esquisse d'une psychologie des classes sociales*, Paris, 1955.

⁵⁶ B. Gilles, *Les Origines de la grande industrie métallurgique en France*, Paris, 1948; Charles Leger, *La Démocratie industrielle et les comités d'entreprise en Suède*, Paris, 1950; Georges Brunerie, *Organisation et réorganisation des entreprises*, Paris, 1947; J. P. Palewski, *L'Organisation scientifique du travail*, Paris, 1948; Georges Gurvitch (ed.), *Industrialisation et technocratie*, Paris, 1949.

туациям, в которых они применяются⁵⁷. Вот почему работа Фридмана в весьма конкретной и тем не менее философской форме приводит к области ценностей⁵⁸.

В не меньшей степени развивалась и изменялась политическая социология. Мы уже отмечали устойчивый интерес французских социологов к идеологическим проблемам, которые либо рассматриваются ими в историческом аспекте, либо объясняются. Особо, однако, мы должны упомянуть Раймона Арона, как потому, что его деятельность в области политической философии была плодотворной и темпераментной⁵⁹, так и ввиду того признания, которое он получил, что выразилось в его недавнем избрании в Сорбонну (1955). Что касается конституционного права, то специалисты, работающие в этой области проявляют большую активность, давая значительную продукцию; здесь вполне естественно доминируют исследования, посвященные политическим институтам и их деятельности в различные исторические периоды⁶⁰.

Если мы все же говорим о возрождении политической социологии во Франции (официально озаглавленном, так сказать, созданием Французской ассоциации политической науки и появлением в 1951 году «Французского обозрения политической науки», предшественником которого до 1947 года были «Тетради Национального фонда политических наук»), то делаем это в силу трех обстоятельств. Во-первых, многие авторы проявляют сознательный интерес (причем многие из них были первоначально юристами-теоретиками) к самостоятельной дисциплине, проблемы которой следует изучать в большей степени в полевых условиях, а не на основании юридических текстов или исторических документов. Это, разумеется, политическая наука. Даже название работы М. Дюверже, опубликованной в 1948 году, звучит как манифест. Перевод в 1951 году «Политических наук» («The Policy Sciences») Лэссуэлла и Лернера был особенно знаменателен, так как позволил дать более отточенные формулировки в этой области. Самая идея «политической науки» продолжает стимулировать теорию и критику (ср. статью

⁵⁷ Ср. Georges Friedmann, *Problèmes humains du machinisme industriel*, Paris, 1946; *De quelques incidences psychologiques, sociales et morales dans l'évolution contemporaine des métiers industriels*, ASO (1949), pp. 529—577.

⁵⁸ Ср. статью, которую философ Кангилем посвятил работе Фридмана: Georges Canguilhem, *Milieu et normes de l'homme au travail*, CIS, 3 (1947), pp. 120—136.

⁵⁹ Raymond Aron, *L'Homme contre les tyrans*, New York, 1944; *De l'Armistice à l'insurrection nationale*, Paris, 1945; *Le Grande schisme*, Paris, 1948; *Les Guerres en chaîne*, Paris, 1951; *L'Opium des intellectuels*, Paris, 1955.

⁶⁰ Maurice Duverger, *Manuel de droit constitutionnel et de science politique*, Paris, 1948; G. Burdeau, *Traité de science politique*, Paris, 1949—1952, 4 vols., B. Chapman, *L'Administration locale en France*, Paris, 1954; André Mathiot, *Le Régime politique Britannique*, Paris, 1955; Jean Gottmann, *La Politique des états et leur géographie*, Paris, 1952; Pierre Duclos, *L'Évolution des rapports politiques depuis 1750*, Paris, 1950.

П. Дюкло «Величие, слабости и чаяния «политической науки»» («Grandeur, faiblesses, aspiration de la political science»), «Французское обозрение политической науки», 1954, стр. 156—184). Следует отметить, что в этой области недавно наблюдалось оживление, в особенности благодаря усилиям Мориса Дюверже, его друзей и учеников, выразившееся в появлении такого количества работ⁶¹, которого достаточно, чтобы политическая социология прочно утвердилась во Франции в семействе социальных наук.

Вторым обстоятельством, способствовавшим развитию политической социологии, явилось внезапное увлечение электоральной географией, понимавшейся иногда как изучение электоральной социологии. Андре Зигфрид начиная с 1913 года буквально в одиночку прокладывал путь этому направлению. В своих публикациях и в особенности в своих неизданных лекциях в Коллеж де Франс он неустанно иллюстрировал возможности прецизионного метода, основанного исключительно на анализе результатов голосования на местах⁶². Специалисты не скупилась на похвалы изобретательности и трудолюбию Зигфрида и признавали ценность его заключений. Казалось, однако, что его дело не будет иметь продолжателей. Только с 1947 года Франсуа Гогель, привлеченный к себе внимание благодаря выдающейся работе в области политической истории, обратился к электоральной «географии» и с помощью группы из нескольких сотрудников и студентов создал одну из самых оригинальных работ в области политической социологии⁶³.

Было бы, однако, несправедливо пренебречь третьим благоприятным фактором: той ролью, которую сыграли в нынешнем расцвете политической социологии обзоры общественного мнения в политической области. Эти обзоры помогли понять, что политическая жизнь не статична, а проблемы политического поведения не сводятся к одному только акту голосования⁶⁴. Прежде чем закончить этот краткий обзор французской политической социологии, мы можем добавить, что международные отношения, которые еще

⁶¹ Maurice Duverger et al., *L'Influence des systèmes électoraux sur la vie politique*, Paris, 1950; *Les Partis politiques*, Paris, 1951; *Partis politiques et classes sociales*, Paris, 1955; M. Dogan et J. Narbonne, *Le Français face à la politique*, Paris, 1955; Raymond Fusilier, *Le Parti socialiste suédois*, Paris, 1954.

⁶² André Siegfried, *Tableau politique de la France de l'Ouest sous la IIIe République*, Paris, 1913; *Une Géographie de l'opinion politique est-elle possible?*, Paris, 1937; *Géographie électorale de l'ardèche sous la IIIe République*, Paris, 1949.

⁶³ François Goguel, *La Politique des partis sous la IIIe République*, Paris, 1946, 2 vols.; Charles Morazé et al., *Études de sociologie électorale*, Paris, 1948; André Siegfried, *Colloque de sociologie électorale*, Paris, 1948; Jacques Fauvet, *Les Forces politiques en France: Étude et géographie des divers partis*, Paris, 1951; Jacques Gouault, *Comment la France est devenue républicaine*, Paris, 1954.

⁶⁴ Pouillon, *Les sondages et la science politique*, «Rev. franc. de sc. polit.», 1 (1951), pp. 83—106; IFOP, *À la recherche de la «gauche»*, «Les Temps Modernes», 10 (1955), pp. 1576—1625; Jean Stoetzel, *Voting Behavior in France*, BJS, 6 (1955), pp. 104—122.

недавно изучались лишь с точки зрения дипломатической истории, начинают становиться областью, подвергающейся аналитическому наблюдению. Ведущей фигурой здесь является Ж. Б. Дюрозелль⁶⁵.

Примерно так же обстоит дело и с социологией религии. Исторические и теоретические работы, этнографические исследования и претенциозные обзоры связывают нынешнюю деятельность с деятельностью в предшествующие периоды, способствуя в то же время расширению наших знаний и разработке теории⁶⁶. Но оригинальность новейшей французской социологии не в этом; она скорее в социографическом подходе, в стремлении избегать абстрактного упоминания о религиозных явлениях и уделять больше внимания тщательному описанию существующих видов деятельности с цифровой точностью. Пионером здесь был Габриэль Ле-Бра, о первых работах которого мы уже говорили. Декларации и исследования Ле-Бра наконец возымели свое действие, чему способствовала работа некоего священника, каноника Буляра⁶⁷. Ле-Бра действительно создал школу, и монографии по социологии религии являются теперь образцом как для монографий по социологии города и села, так и для монографий по электоральной социологии⁶⁸.

Значение демографии, как мы помним, признавалось уже Дюркгеймом и Моссом в самый ранний период французской социологии. Но если мы исключим работы Хальбвакса, то увидим, что эта вакансия оставалась незаполненной из-за отсутствия подходящей кандидатуры. С тех пор как более десяти лет назад приступил к работе Альфред Сови с группой своих сотрудников, демографические исследования стали важным разделом социологии. Сочетая технические приемы и специфические темы различных специальностей, как указывалось выше, Национальный институт демографических исследований расширил и развил область, а также диапазон различных классических разделов демографии и действительно интегрировал их с социологией. Таким образом, вопросы населения стали изучаться в своем многообразии и комплексности; оценка

⁶⁵ J. B. Duroselle (ed.), *La Politique étrangère et ses fondements*, Paris, 1954; Raymond Aron, *Enquête d'une philosophie de la politique étrangère*, «Rev. franc. de sc. polit.», 3 (1953), pp. 69—91.

⁶⁶ Charles Picard, *Les Religions préhelléniques* Paris, 1948; G. Bardy, *La Conversion au christianisme durant les premiers siècles*, Paris, 1949; Prosper Alfaric, *Les Origines sociales du christianisme*, Paris, 1947; G. Dietertlen, *Essai sur la religion Bambara*, Paris, 1951; Mircea Eliade, *Traité d'histoire des religions*, Paris, 1949.

⁶⁷ G. Le Bras, *Introduction à l'histoire de la pratique religieuse en France*, Paris, 1942, 1945, 2 vols., *Études de sociologie religieuse*, Paris, 1955 (имеется библиография работ Ле-Бра по социологии религии, стр. XI—XIX); F. Boulaud, *Problèmes missionnaires de la France rurale*, Paris, 1945, 2 vols., *Essor ou déclin du clergé français*, Paris, 1950.

⁶⁸ Mgr. Lucien Gros, *La Pratique religieuse dans le diocèse de Marseille*, Paris, 1945; Paul Schmitt-Eglin, *Le Mécanisme de la déchristianisation*, Paris, 1952; Mme. Jean Perrot, *Grenoble: Essai de sociologie religieuse*, Grenoble, 1953; Robert Anachel, *Les Juifs en France*, Paris, 1946; E. G. Leonard, *Le Protestant français*, Paris, 1953.

таких групп населения, которые недостаточно известны и которые трудно перечислить, прирост населения и депопуляция, демографические аспекты и особенности народонаселения в прошлом, население стран, континентов и мира⁶⁹, естественный прирост, рождаемость, смертность и количество браков — все это рассматривалось не как простые статистические факты, а как социологические явления, которые необходимо описать и точно определить⁷⁰. Они изучаются как социальные факты, имеющие причины и оказывающие воздействие, например миграции и их последствия, то есть явления иммиграции⁷¹.

В заключение одно замечание о состоянии социальной психологии. Здесь встает вечный вопрос о том, где законное место этой дисциплины — в психологии или в социологии. Историческим фактом является то, что во Франции она сначала развивалась под эгидой социологии. Тематика новейших работ, в которых мы видим ту же тенденцию отдавать предпочтение эмпирическим изысканиям (хотя философский метод не оставлен полностью), отнюдь не противоречит этой тенденции⁷². Более того, курс социальной психологии, недавно созданный на филологическом факультете Парижского университета, поручен социологу.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Becker Howard and H. E. Barnes, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, Dover Publications, 1952, Chap. 22; *Sociology in the French Language*, 1; *France and French Switzerland*, sections by Émile Benoit-Smullyan (см. оглавление).
- Bastide Roger, *Sociologie et psychoanalyse*, Paris, Presses Universitaires de France, 1950.

⁶⁹ P. George, *Introduction à l'étude géographique de la population du monde*, Paris, 1951; L. Chevalier, *Le Problème démographique nord-africain*, Paris, 1947; M. Reinhard, *Histoire de la population mondiale de 1700 à 1948*, Paris, 1949.

⁷⁰ Jean Bourgeois-Pichat, *Mesure de la fécondité des populations*, Paris, 1950; S. Ledermann, *La Mortalité des adultes en France*, «Population», 1 (1946), pp. 663—680; P. Vincent, *Vieillesse de la population*, «Population», 1 (1946), pp. 213—244; L. Henry, *Mesure de la fréquence des divorces*, там же, 7 (1952), pp. 267—282.

⁷¹ A. Sauvy, *Besoins et possibilités de l'immigration française*, «Population», 5, 1950, pp. 209—228, 417—435; X. Lannes, *L'Immigration en France depuis 1945*, 1953; J. Vernant, *Les Réfugiés dans l'après-guerre*, Monaco, 1954; F. Nourrissier et A. Pillepich, *Enracinement des immigrés*, 1951; A. Girard et Jean Stoetzel, *Français et immigrés*, Paris, 1953—1954, 2 vols.

⁷² Jean Stoetzel, *Une Étude des budgets-temps de la femme dans les agglomérations urbaines*, «Population», 3 (1948), pp. 47—62; G. Vedel, *Le Rôle des croyances économiques dans la vie politique*, «Rev. franc. de sc. polit.», 1 (1951), pp. 40—55; Jean Maisonneuve, *Psychologie sociale*, 1951; Mikel Dufrenne, *La Personnalité de base*, Paris, 1953; Jean Stoetzel, *Jeunesse sans chrysanthème ni sabre*, Paris, 1954.

o i t-S m u l l y a n É m i l e, The Sociologism of Émile Durkheim and His School, in H. E. B a r n e s (ed.), An Introduction to the History of Sociology, Chicago, University of Chicago Press, 1948, pp. 499—537.
 g l é C e l e s t i n, Bilan de la sociologie française contemporaine, Paris, Alcan, 1935.
 v i t c h G e o r g e s, Essais de sociologie, Paris, Sirey, 1938.
 b w a c h s M a u r i c e, Les Cardes sociaux de la mémoire, Paris, Alcan, 1925; Les Causes de la suicide, Paris, Alcan, 1930.
 i-S t r a u s s C l a u d e, French Sociology, in G e o r g e s G u r-
 v i t c h and W. E. M o o r e (eds.), Twentieth Century Sociology, New York, Philosophical Library, 1945, pp. 503—537.

СОЦИОЛОГИЯ В ГЕРМАНИИ: НОВАЯ РАССТАНОВКА СИЛ

В. Э. Мильман

Подробного исторического обзора немецкой социологии с 1918 года до настоящего времени еще не существует. В то же время имеется ряд публикаций, цели которых или более ограничены, или более широки, чем наши, но которые могут принести пользу при критическом подходе. В работе Теодора Абеля «Систематическая социология в Германии» (*«Systematic Sociology in Germany»*) рассматриваются лишь социологические системы (системы Зиммеля, Фиркандта, Визе и Макса Вебера), причем охвачен период только до середины двадцатых годов¹. «Современная немецкая социология» (*«Die deutsche Soziologie der Gegenwart»*) Раймона Арона не оправдывает своего названия, поскольку и здесь также исследуются лишь социологические системы прошлого². Изложение немецкой социологии, сделанное Залоном для коллективного труда «Социология в XX веке» (*«Die Soziologie im 20. Jahrhundert»*), также не беспристрастно. Не говоря уже о том, что там не освещены современные работы, немецкая социология представлена чересчур односторонне, как продолжение спора, за и против, о Гегеле и Марксе³. Во всех этих сочинениях слишком большое внимание уделяется интеллектуально-историческим и систематическим связям, а в то же время результаты социологических исследований почти или совсем не принимаются во внимание. Библиографии по социологии, в которых учитывается подавляющая часть немецкой литературы такого рода, составлены Г Маузом и Г Шеком⁴.

¹ Theodore Abel, *Systematic Sociology in Germany*, New York, 1929. Критический разбор см. в статье Леопольда фон Визе (KVS, 8, 1930, pp. 141—164).

² Raymond Aron, *Die deutsche Soziologie der Gegenwart*, перевод на немецкий язык Ирвинга Фечера (Irving Fetscher, Stuttgart, 1953).

³ Albert Salomon, *German Sociology*; Georges Gurvitch and W. E. Moore (eds.), *Twentieth Century Sociology*, New York, 1945, pp. 586—614. Та же ошибка содержится и в работе Франца Оппенгеймера: Franz Oppenheimer, *Tendencies in Recent German Sociology*, «*Soziological Review*» (British), 24 (1932), pp. 1—13, 125—137, 249—260.

⁴ Heinz Maus, *Soziologie*, Universitas Litterarum, Handbuch der Wissenschaftskunde, Berlin, 1955, p. 328; Helmut Schoeck, *Soziolo-*

Культурная сфера немецкой социологии. Попытка дать обзор развития немецкой социологии после первой мировой войны осложняется трудностью установления точных границ. Политические границы не всегда могут играть решающую роль, так как не совпадают с культурными областями. Вот почему труды австрийских ученых упоминаются во многих случаях — не потому, что Австрия была аннексирована в 1938 году и включена в «великогерманский рейх», а потому, что между Германией и Австрией никогда не существовало ни культурной, ни научной границы. Немецкие профессора нередко преподавали в Австрии, а австрийские — в Германии, а труды и тех и других вполне могли печататься как в Берлине и Лейпциге, так и в Вене. Многие центральноевропейские авторы предпочитали публиковать свои произведения на немецком языке; так преимущественно поступал выдающийся голландский социолог С. Ф. Стейнмец. Таким путем он на протяжении десятилетий участвовал в немецких социологических дискуссиях. Хотя и нельзя пренебречь его влиянием на немецкую социологию, я все же в основном удержался от искушения упомянуть о его работах. С Робертом Михельсом (1876—1936), который по рождению был немцем, но впоследствии принял итальянское гражданство (он преподавал в Турине, Перуджии и Риме), дело обстоит иначе: важнейшие его работы опубликованы на немецком языке и столь явно связаны с событиями в Германии, сыграв значительную роль в немецких академических дискуссиях, что Михельса в равной мере следует отнести как к немецкой, так и к итальянской социологии.

Немецкие политические эмигранты представляют особую проблему. В большинстве случаев они были потеряны для немецкой социологии после 1933 года. Однако некоторые ученые лишь временно, пока не кончился период нацизма, не принимали участия в дискуссиях в Германии. Так было с Теодором Гейгером (1891—1952), одним из наиболее способных немецких социологов догитлеровской эпохи. Он эмигрировал в Данию и стал профессором в Архусе, где проводил важные исследования по изучению социальной мобильности. Однако вскоре после окончания второй мировой войны он снова стал публиковать работы на немецком языке (частично печатавшиеся в Германии), вновь посвященные тем проблемам, которыми он занимался в начале тридцатых годов в Германии.

Попытка определения вкладов в социологию в соответствии со странами и национальными границами является, однако, вообще проблематичной. Бесспорно, что этноцентризм, регионализм и провинциализм явственно ощущаются в научных исследованиях (за исключением физических наук) и что специалистам в области социальных наук трудно усвоить космополитическое мировоззрение,

gie: Geschichte ihrer Probleme, Freiburg, 1952, pp. 353—398. Кроме того, имеется работа: Hans Proesler (ed.), Literatur zur Soziologie, 2 Aufl., Nürnberg, 1951, но она является далеко не полной. В ежегоднике «Jahrbuch für Sozialwissenschaft» начиная с 1950 года дается библиография литературы по вопросам социальных наук.

даже если бы они и захотели. Кроме того, многие социологические проблемы имеют чисто практическое значение, регионально или национально ограниченное; теоретический интерес того или иного ученого зачастую не простирается дальше практического значения той проблемы, которую он изучает. В этом отношении весьма примечательно, что немецкая социология до 1933 года обладала сравнительно широким горизонтом. Так, многие американские социологи помещали статьи в немецких периодических изданиях (например, Г. Э. Барнес, Говард Беккер, Р. М. Макивер, У. Ф. Огберн, Р. Э. Парк, П. А. Сорокин и др.); одна из ранних статей Сорокина — об экспериментах в альтруизме — была опубликована в 1928 году в «Журнале психологии народов и социологии» («Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie», т. IV, стр. 1—10). Когда Рихард Турнвальд в этом же журнале организовал симпозиум на тему «Социология сегодня» («Soziologie von heute»; отдельное издание, Лейпциг, 1932), то в нем приняли участие пять немецких социологов (Й. Пленге, А. Вальтер, Г. Фрейер, Ф. Тённис и сам Турнвальд) и пять иностранцев (Сорокин, Огберн и Макивер из Америки, Гинзберг из Англии и Стейнмец из Голландии). Но когда Турнвальд в 1932 году приступил к реорганизации своего журнала в двуязычный германо-американский орган и в качестве редактора поместил статьи о жизни американского фермера и об американских статистических методах, то в ту эпоху для большинства немецких социологов это оказалось чрезмерным «американизмом»; это был преждевременный эксперимент. Существуют проблемы в области социальных наук, дискуссии по которым достигают довольно быстро международного уровня, — это прежде всего проблемы, относящиеся в большей степени к области социальной истории, как, например, связи между кальвинизмом и капитализмом, впервые рассмотренные Максом Вебером (см. работы Й. Б. Крауса, Г. М. Робертсона, Р. Г. Тауни и др.). Но есть и другие проблемы, считающиеся национальными на протяжении длительного времени, пока не становится ясно, что они представляют собой по крайней мере общие проблемы западных обществ. Таковы, например, проблемы семьи, социальной мобильности, социально-классовой структуры, индустрии, массовых средств связи, ассимиляции чужестранцев и многие другие.

ПЕРИОД ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: 1919—1933 ГОДЫ

Конструирование социологических систем. Эпоха Веймарской республики была «золотым веком» социологии в Германии. Ее можно охарактеризовать как период, когда доминировали теоретическое мышление и тяготение к конструированию всеобъемлющих социологических систем. Это была одновременно эпоха замечательных деятелей, которые создали философские школы и влияние которых продолжалось на протяжении долгого времени. Даже

сейчас в Германии еще много социологов, называющих себя с известной гордостью учениками, например, Фиркандта или Визе; и такое заявление придает определенный харизматический ореол.

Значение работ Вебера. Первым из этих выдающихся деятелей был, бесспорно, Макс Вебер. Хотя этот удивительный человек скончался в 1920 г., его влияние начало сказываться в основном в нашу эпоху; оно продолжается и по сей день и не скоро кончится. Его работы по социологии религии, по социальной и экономической истории, общей социологии, социальной политике и теориям науки впервые были опубликованы в виде сборника после 1920 г. под редакцией его вдовы Марианны Вебер, написавшей также и его биографию⁵. Недавно было объявлено о предстоящем выходе нового издания посмертно опубликованной работы Вебера «Хозяйство и общество» («Wirtschaft und Gesellschaft», под редакцией Йоганнеса Винкельмана). Винкельман сумел доказать, что великое произведение Вебера до сих пор еще не было издано в его аутентичной форме, и попытался восстановить его в подлинном виде.

Целый легион авторов старался индивидуально анализировать творчество Макса Вебера. Самые ценные работы этого рода принадлежат А. Вальтеру и А. фон Шельтингу⁶. Две статьи Вебера, в которых он наиболее наглядно продемонстрировал результаты применения своего метода, появились еще при его жизни: «Наука как призвание» («Wissenschaft als Beruf») и «Политика как призвание» («Politik als Beruf», 1919). В первой из них он, как и в более ранних работах, проводил тезис о «неоценочных суждениях» (Wertfreiheit) в науке, тезис, который сегодня столь же актуален, как и тогда, хотя многие ученые, видимо, не в состоянии по-прежнему придерживаться этого взгляда. Вторую статью можно рассматривать как начало политической социологии в Германии. Хотя Макс Вебер и сам был политическим деятелем, но он полагал, что преподаватель не должен заниматься политикой в аудитории; эта точка зрения все еще (или опять) доминирует.

Тённис: основные понятия в социологическом анализе. После Макса Вебера следует упомянуть Фердинанда Тённиса (1856—1936); он был профессором в Киле и на протяжении длительного времени — президентом Германского социологического общества. Основной труд Тённиса «Община и общество» («Gemeinschaft und Gesellschaft») вышел первым изданием еще в 1887 году, но глубокое впечатление произвели лишь последующие его издания; самое последнее (восьмое) появилось в 1935 году⁷. Мало таких немецких социоло-

⁵ Marianne Weber, Max Weber, Ein Lebensbild, новое издание, Heidelberg, 1950.

⁶ Andreas Walther, Max Weber als Soziologie, JS, 2, 1926, pp. 1—65; Alexander von Schelting, Max Weber's Wissenschaftslehre, Tübingen, 1934.

⁷ Ср. также краткое и четкое изложение этой проблемы Тённисом «Gemeinschaft und Gesellschaft», in Vierkandt's HS, Stuttgart, 1931, pp. 180—191; см., кроме того: Victor Lee mans, F. Tönnies et la sociologie contemporaine en Allemagne, Paris, 1933.

логов, на которых не оказали бы влияния дихотомированные понятия *Gemeinschaft* (община) и *Gesellschaft* (общество). Понятия эти повлияли даже на иностранных социологов, хотя и не поддаются терминологическому переводу. Они отражают лишь специфическую немецкую точку зрения на проблемы, возникшие после XIX века в связи с превращением старого сословного общества в современное индустриальное или классовое общество. «Община» связывается с семьей, сельской жизнью, согласием, обычаем, религией, домашним хозяйством, земледелием и искусством: «общество» — с большим городом, нацией, условностью, политикой, общественным мнением, деловыми операциями, промышленностью и наукой. В своем социально-психологическом аспекте «сущностная воля» (*Wesenwille*) соответствует общине, «сознательная избирательная воля» (*Kürwille*) обществу.

Несомненно, что простота этой антитезы, равно как и ее эмоционализированная оценочная побочная сторона, облегчили ее распространение в Германии наряду с дихотомированными понятиями «культура и цивилизация» и «чувство и интеллект». У нас, немцев, есть едва скрываемое тяготение к романтическому увлечению понятием «община» (культура, чувство), противопоставляемым «обществу» (цивилизация, интеллект). Но я отнюдь не хочу сказать, что различие, проведенное Тённисом, является ложным или ничего не стоящим; оно относится к одному из структурных различий в том единстве, которое существует между людьми; но мы должны постараться сделать различие более точным и выразить его международно-понятным языком⁸. Сам Тённис в душе стоял на стороне «общины»; он был сыном шлезвигского крестьянина, глубоко вросшим в сельскую среду. В своей последней работе он попытался сделать менее непримиримой антитезу «община» и «общество» путем введения новых понятий, но без особого успеха⁹.

Применение этих понятий в его великом произведении «Критика общественного мнения» (*Kritik der öffentlichen Meinung*, Berlin, 1922) было более плодотворным. Общественное мнение, согласно Тённису, это одна из форм социальной воли, та форма, которая названа им «сознательной избирательной волей». Оно носит тот же волюнтаристский характер, что и религия, также представляющая собой одну из форм социальной воли (но «сущностной воли»). И для той и для другой общим является «внутренне объединяющая сила и обязывающая воля, часто выражающиеся как моральное негодование и нетерпимость по отношению ко взглядам инакомыслящих».

⁸ Cp. Theodor Geiger, *Die Gruppe und die Kategorien Gemeinschaft und Gesellschaft*, ASS, 58 (1927). Однако следует отметить, что Geiger с тех пор отказался от такого истолкования идей Тённиса; см. «*Ideologie und Wahrheit*», Stuttgart, 1953, pp. 105—106.

⁹ Ferdinand Tönnies, *Einführung in die Soziologie*, Stuttgart, 1931. Ср. великолепный критический разбор, написанный Жоржем Гурвичем (Georges Gurwitsch, *La vocation actuelle de la sociologie*, Paris, 1950, pp. 214—215).

На квазирелигиозный характер общественного мнения до сих пор не обращалось особого внимания, поскольку оно редко достигает конденсированного состояния более прочных «доктрин»; обычно оно остается в более «текучем» или «воздухоподобном» состоянии. Тённис подробно анализирует движущие силы общественного мнения и его роль в гражданской жизни Соединенных Штатов Америки, Франции, Англии и Германии. При этом анализе он проявляет себя не только как творец понятий, но и как тонкий мыслитель. То же самое можно сказать и относительно его эмпирических социографических работ, посвященных проблеме социальной патологии, причем их ценность совершенно не зависит от теоретических формулировок понятий, даваемых Тённисом¹⁰.

Фиркандт и Зиммель: интеллектуальные наследники Тённиса. Влияние Тённиса можно также проследить в теориях Альфреда Фиркандта (1867—1953), профессора Берлинского университета. Однако Фиркандт сделал менее непримиримой антитезу «община» и «общество», проводя различие между теми человеческими отношениями, которые ближе к отношениям «общины», и теми, которые от них дальше. Помимо Тённиса, сильное влияние на Фиркандта оказал также Георг Зиммель (1858—1918). Хотя Зиммель скончался до наступления того периода, который мы сейчас рассматриваем, его влияние на немецкую социологию ощущалось в течение длительного периода¹¹. Метод Зиммеля был чисто дедуктивным, но тем не менее этот ученый остается непревзойденным в психологическом описании социальной атмосферы человеческих отношений, в описании политической «партии», суперординации и субординации, баланса сил, отношения к чужакам и т. п.

Фиркандт многим обязан этой «атмосферной» социальной психологии Зиммеля, но его мышление претерпело глубокие изменения — и в этом он отличается от Тённиса, — связанные с неприятием им позитивизма¹². Это неприятие было следствием влияния феноменологической философии, в особенности в том виде, в каком она излагалась Теодором Литтом в книге «Индивидуум и община» (*Individuum und Gemeinschaft*), изд. 3, Лейпциг, 1926), а также, как мне представляется, и Максом Шелером, хотя Фиркандт ссылается на него гораздо реже. Происшедшая перемена сказалась во втором

¹⁰ Cp. Ferdinand Tönnies, *Der Selbstmord von Männern in Preussen 1884—1914*, «Mensch en Maatschappij», 9 (1932), pp. 234—254; *Der Selbstmord in Schleswig-Holstein*, «Veröffentlichungen der Schleswig-Holsteinischen Universitäts-Gesellschaft», 9, Breslau (1927); Tönnies und E. Jurek a t, *Die schwere Kriminalität von Männern Schleswig-Holstein in den Jahren 1899—1914*, ZVS, 5, (1929), pp. 26—39. Ряд работ Тённиса меньшего объема опубликован в сборнике («Soziologische Studien und Kritiken», Jena, 1925, 1926, 1929, 3 vol.

¹¹ Georg Simmel, *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*, 1. Aufl., 1908, München, 1922; *Grundfragen der Soziologie*, Berlin, 1917. Cp. M. Steinhoff, *Die Form als soziologische Grundkategorie bei Georg Simmel*, KVS, 4 (1925), pp. 215—259.

¹² Alfred Vierkandt, *Die Überwindung des Positivismus in der deutschen Soziologie der Gegenwart*, JS, 2 (1926), pp. 66—90.

издании работы «Учение об обществе» («Gesellschaftslehre», 1928), где сущность групповой жизни ищется уже не во «взаимодействии индивидуумов», а в некоем «внутреннем единстве». В психологическом отношении Фиркандт присоединился к Уильяму Мак-Дугаллу, у которого заимствовал дифференциацию многочисленных социальных «инстинктов». Таким образом, социология Фиркандта представляет собой не столько оригинальное творчество, сколько импрессионистичный синкретизм, возникший под влиянием различных современных течений. Тем не менее Фиркандт был трезвым, пессимистичным и не питавшим никаких иллюзий мыслителем, глубокое влияние на которого оказала преобладающая тривиальность мотивов людских поступков. В качестве преподавателя он был более либерален, чем это нужно для создания собственной школы; однажды ему все же удалось организовать издание сборника «Словарь по социологии» («Handwörterbuch der Soziologie», Stuttgart, 1931). Эта книга дает очень хорошее представление о состоянии немецкой социологии накануне нацистского периода.

Визе и систематическая теория социации. Гораздо более энергичным, менее переменчивым и более напористым был Леопольд фон Визе (род. в 1876 году, профессор в Кёльне), придерживавшийся основных положений своей социологической системы — «теории социальных отношений» — с неизменной верностью. Он разработал эту систему в двадцатых годах¹³. Основные его понятия — это «социальные отношения», «социальная дистанция», «позиция» и «ситуация». Все человеческие отношения можно свести к процессам ассоциации и диссоциации. Это звучит схематически, и поэтому все зависит от того, может ли эта схема быть применена при социологическом исследовании в эмпирическом мире. То, что это действительно возможно, показали дискуссии о теории социальных отношений, имевшие место в начале тридцатых годов в «Кёльнском журнале социологии» («Kölner Zeitschrift für Soziologie»), издававшемся Визе¹⁴. Впоследствии нам придется разобрать его деятельность более подробно.

Фрейер и историческое течение. Лейпцигский ученый, специалист по философии культуры и социолог Ганс Фрейер (род. в 1887 году) создал скорее весьма примечательную программу, чем законченную систему социологии. Он был учеником Вильгельма Дильтея, эписте-

¹³ Leopold von Wiese, System der allgemeinen Soziologie als Lehre von den sozialen Prozessen und den sozialen Gebilden der Menschen. (Beziehungslehre): I. Teil. Beziehungslehre, München, 1924, 2. Aufl., 1933; II. Teil: Gebildelehre, München, 1929. В США расширенное изложение дал Говард Беккер (Howard Becker, Systematic Sociology on the Basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese, New York, 1932; 2nd ed.; with a new preface, Gary, Indiana, 1950). Имеется бесконечное количество работ, в которых Визе детализировал, резюмировал и дополнял свою систему.

¹⁴ Я упомяну лишь о работах Йоганна Пленге (Johann Plenge, Zum Ausbau der Beziehungslehre, KVS, 9 (1931), pp. 271—288, 448—493; Die Philosophie des 'Wir' als Tiefenbegründung der Soziologie, KVS, 11 (1932), pp. 135—138).

молога в немецкой филологии и социальных науках, и с самого начала (как и теперь) больше тяготел к теории истории, чем к социологии¹⁵. Даже сегодня он с равной гордостью называет себя и историком и социологом. Тем не менее это не влечет за собой пагубного смешения обеих наук и скорее приводит к интеллектуальному сосуществованию на двух уровнях и к непрерывному диалектическому обмену.

В своей работе «Социология как наука о действительности» («Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft») Фрейер выступил против «формальной социологии», к представителям которой он относит не только Зиммеля, но и Визе. Аргументацию Фрейера лучше всего изложить его собственными словами: «Явление, именуемое «общество», изучаемое социологией, не есть множественность родственных и структурных форм, которые идентично повторяются и которые поэтому можно было бы рассматривать вне конкретных исторических ситуаций и подвергнуть систематизации в качестве чистых форм. Явление «общество» скорее представляет собой необратимую последовательность тотальных ситуаций, через которые движется поток исторической жизни»¹⁶. В этом аргументе Фрейер упускает одно обстоятельство, которое, правда, лишь недавно было обнаружено этнологами путем сравнения культур различных обществ: а именно, что существуют типичные формы временных процессов, повторяющиеся независимо от какого-либо определенного места и от какой-либо определенной эпохи. Таким образом, временная последовательность не обязательно является уникальной исторической последовательностью и необратимость представляет собой не историческое, а эволюционное понятие¹⁷. Поэтому точка зрения Фрейера, согласно которой даже наиболее абстрактные категории социологии должны быть в известной степени «историзированы», еще не может быть убедительно обоснована¹⁸. Историзирующая позиция Фрейера выражается также в его концепции самой социологии как исторического феномена, порожденного «чувством ситуации», испытываемым буржуазным обществом. В социологии «диалектическое событие становится научным самосознанием». Подлинные изменения и кризисы всякий раз создают новую фазу социально-

¹⁵ H a n s F r e y e r, *Theorie des objektiven Geistes: Eine Einleitung in die Kulturphilosophie*, Leipzig, 1923, 3. Aufl., 1934; *Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft: Logische Grundlegung des Systems der Soziologie*, Leipzig, 1930; *Einleitung in die Soziologie*, Leipzig, 1930. Фрейер опубликовал также ряд примечательных работ по теории государства: «Die politische Insel [eine Geschichte der Utopien von Platon hin zur Gegenwart]», Leipzig, 1936; «Machiavelli», Leipzig, 1938.

¹⁶ H a n s F r e y e r, *Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft*, p. 67

¹⁷ Ср., кроме того, W. E. M ü h l m a n n, *Ethnologie und Geschichte*, «Studium Generale», 7, (1954), pp. 165—177; Gibt es 'Rückentwicklung'?

«Forschungen und Fortschritte», 26, 1950, pp. 71—74.

¹⁸ Ср. критику у Визе (W i e s e, *System der Soziologie*, 1933, p. 77—78), а также у Андреаса Вальтера (A n d r e a s W a l t h e r, *Das Problem einer 'deutschen' Soziologie*, KVS, 9 (1931), pp. 513—530).

научного мышления¹⁹. Но если дело обстоит так, то тогда возможно, например, что фашистское чувство ситуации в какую-либо эпоху порождает или отражает фашистскую социологию. Сам Фрейер не пришел к этому релятивистскому заключению, но другие сделали этот вывод, успешно совместив оппортунизм, идеологию и социологию.

Неудачные социологические системы: Оппенгеймер и прочие. Системы или зачатки систем Макса Вебера, Тённиса, Фиркандта, Визе и Фрейера, бесспорно, являются наиболее значительными в рассматриваемые эпохи. Другие системы оказали лишь непродолжительное влияние, как, например, система Франца Оппенгеймера (1864—1943), представлявшая в действительности особый взгляд на социальную историю²⁰, или же система Отмара Шпанна (род. в 1878 году) — социальная философия, навеянная Адамом Мюллером, которая какое-то время оказывала известное идеологическое влияние на романтическую программу создания органического сословного общества в Германии²¹. Ввиду наличия десятков социологических «систем», появившихся в Германии в эту эпоху, Андреас Вальтер (профессор в Гамбурге) выразил энергичный протест против «непрерывного перепроизводства, создаваемого прожектерами, ничего не знающими о своих предшественниках»²². Их солипсические системы также не оказали никакого влияния на реально проводившиеся исследования.

Организация социологии. Поскольку социология в Германии в данный период не представляла собой еще консолидированного комплекса координированной деятельности, то ее историю можно лишь отрывочно воспроизвести, перечисляя профессорские кафедры, институты, периодические издания, серийные публикации и т. п. Достаточно будет коротко упомянуть о важнейших из них.

Социология преподавалась во всех немецких университетах и в некоторых технических институтах в двадцатых годах и до 1933 года, хотя постоянные профессорские кафедры существовали лишь в немногих высших учебных заведениях, а факультеты и семинары имелись в еще меньшем количестве. (Так, в университете германской столицы, в Берлине, где Фиркандт занимал кафедру, не было ни факультета, ни семинара по социологии.)

Немецкие социологи были организованы в Немецкое общество социологии, основанное в 1910 году, которое провело пять съездов

¹⁹ Hans Freyer, *Einleitung in die Soziologie*, p. 32.

²⁰ Franz Oppenheimer, *System der Soziologie*, Jena, 1922—1929, 4 vol.

²¹ Othmar Spann, *Gesellschaftslehre*, 3. Aufl., Leipzig, 1930.

²² Andreas Walter, *Zur neueren Entwicklung der deutschen Soziologie*, ZS, 91 (1931), p. 348. Стоит упомянуть о «системах», изложенных в работах Карла Дункмана (в соавторстве с Герхардом Леманом и Гейнцем Зауэрманом) и Макса Зольмса (Karl Dunkmann, Gerhard Lehmann und Heinz Sauer mann, *Lehrbuch der Soziologie und Sozialphilosophie*, Berlin, 1931; Max Graf zu Solms, *Bau und Gliederung der Menschengruppen*, Karlsruhe, 1929; Leipzig, 1932).

между 1922 и 1930 годами. Тематика этих съездов касалась природы революции (Йена, 1922); социологии и социальной политики, науки и социальной структуры (Гейдельберг, 1924); демократии, законов природы, теории социальных отношений (Вена, 1926); конкуренции, изменения, понимания, начатков искусства (Цюрих, 1928); прессы и общественного мнения, создания понятий в социологии, социологии искусства, а также германских этнических подразделов (Берлин, 1930)²³.

Три периодических издания были посвящены исключительно социологии:

1. «Кёльнский кварталный журнал социальной науки» («Kölner Vierteljahrshefte für Sozialwissenschaft»), выходивший под редакцией Христиана Эккерта, Гуго Линдемана, Макса Шелера и Леопольда фон Визе; 12 томов, 1921—1933. Начиная с третьего года издания журнал стал называться «Кёльнский кварталный журнал социологии» («Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie») и Визе фактически являлся единственным редактором.

2. «Журнал психологии народов и социологии» («Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie»), выходивший под редакцией Рихарда Турнвальда, 9 томов, 1925—1933. Начиная с 8-го тома журнал имел основное заглавие «Социолог» («Soziologus») и выходил в качестве двуязычного германо-американского органа.

Оба журнала были космополитичными по своей ориентации. В первом номере 1-го тома кёльнского издания была помещена обзорная работа по американской социологии, а затем регулярно помещались статьи о социологии во Франции, Англии, Бельгии, Италии, Индии, Югославии и др. С самого начала в журналах имелся также раздел «Теория социальных отношений», которым руководил Леопольд фон Визе. Руководство носило, пожалуй, еще более ярко выраженный международный характер; имелось несколько иностранных соредакторов (Б. Малиновский, У. Ф. Огберн, П. А. Сорокин и С. Р. Стейнмец, к которым в 1932 году присоединились еще Л. Л. Бернارد и Эдуард Сэпир). Турнвальд был представителем эмпирической и функциональной социологии и социальной психологии и, как известно, тяготел к американской социологии. Тяготение это усилилось еще больше благодаря многократным поездкам в Соединенные Штаты Америки, хотя полемическое осуждение Турнвальдом «спекулятивной» и «философствующей» немецкой социологии отнюдь не всегда было вызвано безоговорочным принятием американской разновидности социологии²⁴. Из-за смешения социологии и этнологии и ошибочной — если вообще какая-либо присутствовала — систематической классификации дисциплин журнал не имел успеха. Кроме того, Турнвальд был редактором серийного издания «Исследования по психологии народов и социологии»

²³ «Труды» первых восьми немецких социологических съездов были опубликованы в восьми томах (Штутгарт, 1911—1948).

²⁴ Richard Thurnwald, *Sociologie in America: Impressions of a Visitor*, SF. 11 (1932), pp. 161—175.

(«Forschungen zur Völkerpsychologie und Soziologie» 14 томов, 1925—1935), в котором рассматривались такие вопросы, как социология и психология животных, национальная психология, социальная психология, политическая социология, этнология и т. п.

3. «Архив прикладной социологии» («Archiv für angewandte Soziologie»), выходящий под редакцией Карла Дункмана; 5 томов, Берлин, 1928—1933. Карл Дункман (1868—1932) первоначально был протестантским теологом и преподавал социологию в Высшем техническом училище в Берлине²⁵. Прикладную социологию он понимал преимущественно как социальную педагогику.

Перечисление этих периодических изданий не дает, однако, полной картины. Целый ряд социологических работ появлялся в других журналах (экономических, социально-исторических, юридических и пр.), из которых важнейшими являются «Архив социальной науки и социальной политики» («Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik»), «Ежегодник Шмоллера» («Schmollers Jahrbuch») и «Журнал социальных исследований» («Zeitschrift für Sozialforschung», Лейпциг, 1932—1933), издававшихся Институтом социальных исследований во Франкфурте-на-Майне; последний журнал выходил сначала в Германии, затем в Париже, а позднее в Нью-Йорке.

Необходимо также упомянуть о сыгравшем большую роль «Ежегоднике по социологии: международный сборник» («Jahrbuch für Soziologie: Eine internationale Sammlung»), выходящем под редакцией Готтфрида Заломона (3 тома, Карлсруэ, 1925—1927); в этом издании было помещено много ценных работ.

Эмпирическая социология. Эмпирические социологические исследования дали наибольшие результаты в области изучения социальной мобильности и социальной стратификации — причем особое внимание уделялось проблеме социальных классов, — в то время как в некоторых других областях (индустриальная социология, этнологическая и историческая социология и др.) были достигнуты отдельные замечательные результаты.

Проблемы мобильности и классовой стратификации. Эти проблемы вызвали в Германии особый интерес, поскольку там существовали традиции социализма (в том числе и «научного социализма») и рабочего движения, в силу чего многие социологи тяготели к марксизму или по крайней мере находились под его влиянием. (Примечательно, что некоторые видные исследователи начали свою деятельность как пылкие социалисты, а впоследствии столь же рьяно отвергли социализм: Зомбарт, Михельс и Гейгер.) Специалисты по политической экономии, истории экономики и истории социальных отношений стали анализировать те исторические основы, которые делают возможным понимание нашего современного индустриального капиталистического общества.

²⁵ Cp. Heinz Sauer mann (ed.), Probleme deutscher Soziologie: Gedächtnisgabe für Karl Dunkmann, Berlin, 1933.

Наибольшее влияние в этом отношении оказал Вернер Зомбарт (1863—1941), являвшийся также автором социологических работ в более узком смысле слова и игравший важную роль в Немецком обществе социологии. Его главнейшие труды в области истории и социологии капитализма, хотя и были созданы в период до первой мировой войны, оказали большое влияние²⁶ даже в позднейшую эпоху. В подаче и направленности материала были объединены историческая и систематическо-социологическая точки зрения. Во всяком случае, цель, к которой он стремился, не была ни устаревшей, ни исторической, а являлась желанием понять настоящее и найти руководящие указания для социально-политической деятельности.

Непосредственное изучение социального положения промышленного пролетариата началось еще до первой мировой войны. Из этих исследований я упомяну только то, которое было проведено Союзом социальной политики и касалось отбора и адаптации промышленных рабочих. В связи с этим следует также вспомнить методологическое введение Макса Вебера к этим исследованиям, а также его работу «К психофизике индустриального труда» (*Zur Psychophysik der industriellen Arbeit*, 1908—1909)²⁷. Таким образом, была хорошо подготовлена почва для дальнейшего изучения социального положения и экономической среды промышленного рабочего²⁸.

Новый средний класс. Тем временем на первый план выдвинулась еще одна проблема. Оказалось, что не только промышленный пролетариат, уровень жизни которого повышался, стал все более подпадать под влияние «мелкой буржуазии» и ее идеологии, что наносило ущерб революционному социалистическому порыву пролетариата и дискредитировало социалистические прогнозы²⁹, но, кроме того,

²⁶ Werner Sombart, *Der moderne Kapitalismus: Historisch-systematische Darstellung des gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart* (исправленное издание), München, 1916—1927, 4 Aufl., 1921—1927, 3 vol.; *Der Bourgeois: Zur Geistesgeschichte der modernen Wirtschaftsmenschen*, München, 1913; *Luxus und Kapitalismus* (изд. 2), München, 1922; *Die Juden und das Wirtschaftsleben*, München, 1928. В «Словаре по социологии», изданном Фиркандтом (Alfred Vierkandt), («Handwörterbuch der Soziologie, Stuttgart, 1931), Зомбартом написаны статьи: «Рабочий», «Профессия», «Основные формы групповой жизни людей», «Капитализм», «Городские поселения» и «Экономика».

²⁷ Перепечатано в «Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik», Tübingen, 1924.

²⁸ См., в частности: Goetz Briefs, *Das gewerbliche Proletariat*, GSO, 9, Tübingen, (1926), Teil 1, S. 142—240; *Betriebssoziologie*, HS, Stuttgart, 1931, S. 31—32. Кроме того, имеются работы: L. H. A. Geck, *Die sozialen Arbeitsverhältnisse im Wandel der Zeit*, Berlin, 1930; Walter Jost, *Das Sozialleben des industriellen Betriebs*, Berlin, 1932; H. Lechlaape, *Soziale Prozesse im industriellen Betrieb*, KVS, 8 (1929—1930), S. 293—301; Richard Woldt, *Die wirtschaftliche Organisationsumwelt des Arbeiters*, *Sammelbericht*, ZVS, 2 (1926), S. 187—194; *Die Lebenswelt des Industriearbeiters*, Leipzig, 1926; *Die Fabrik als Umwelt des Arbeiters*, ZVS, 4 (1928), S. 161—181.

²⁹ Paul Kirsche, *Die Krise des Sozialismus*, ZVS, 7 (1931), S. 279—305, 420—441.

наблюдалось также возникновение нового среднего класса, состоявшего в основном из служащих (*Angestellten*). Можно было доказать, что этот новый «класс» рос статистически быстрее, чем промышленный пролетариат, и что он должен был решительно изменить социальную структуру немецкого общества. (Однако уже в то время было признано, что данное явление носит международный характер.) С начала двадцатых годов этому новому среднему классу был посвящен ряд исследований, и он вскоре был назван «новым средним сословием» (после того, как «старое среднее сословие» было уничтожено или деклассировалось вследствие инфляции)³⁰.

При проведении большинства из этих исследований вызывало затруднение определение этого «класса» (или «некласса») в социологическом отношении, выявление его социального положения и сравнение этого положения с его взглядами на престиж и с его весьма энергичной идеологией социального возвышения. В то же время во всех этих исследованиях отмечался тревожный симптом одного явления, не соответствовавшего социалистическим прогнозам и будущее развитие которого, по-видимому, никоим образом невозможно было предсказать. Ледерер и Маршак говорят о «новом среднем сословии», которое в ту эпоху (1926) все еще было лабильным («между классами»), но которое в будущем, возможно, должно было слиться с рабочим классом. Другие исследователи, такие, как Шумпетер, считали, что «пролетарии в белом воротничке» выработают свое собственное классовое сознание. Оба альтернативных прогноза оказались ложными, но нижеследующее заявление Шумпетера все еще заслуживает внимания: «Независимо от того, какое положение займет этот класс будущего, он, во всяком случае, будет оказывать все более и более сильное воздействие на интеллект немцев, устанавливая различие между оплачиваемыми фаворитом, с одной стороны, и экспертом-специалистом — с другой; мир будущего, несомненно, явится миром бюрократии».

Сразу же после опубликования результатов переписи профессий в 1925 году началось более тщательное изучение проблем стратификации и социальной лабильности³¹. В методологическом отношении

³⁰ Emil Lederer und Jakob Marschak, *Der neue Mittelstand, Grundriss der Sozialökonomik*, 9, Tübingen (1926), Teil 1, S. 120—141; Paul Kirsche, *Die soziale Schichtung der Erwerbstätigen im Zeitalter der Dampfmaschine und in dem der Elektrizität*, ZVS, 4 (1928), S. 11—18; Siegfried Kracauer, *Die Angestellten*, Frankfurt/Main, 1930; Carl Dreyfuss, *Beruf und Ideologie der Angestellten*, München, 1933; Svend Riemer, *Sozialer Aufstieg und Klassenschichtung*, ASS, 67 (1932), S. 531—660; Hans Tobis, *Das Mittelstandsproblem der Nachkriegszeit und seine statistische Erfassung. Unter gleichzeitiger Berücksichtigung der französischen Verhältnisse*, Grimmen, 1930; Emil Grünberg, *Der Mittelstand in der kapitalistischen Gesellschaft; Eine ökonomische und soziologische Untersuchung*, Leipzig, 1932.

³¹ J. Nothaaß, *Sozialer Auf- und Abstieg im deutschen Volk: Statistische Methoden und Ergebnisse, «Beiträge zur Statistik Bayerns», № 117*, München (1930); *Sozialer Auf und Abstieg im deutschen Volke*, KVS, 9 (1930), S. 61—81.

наибольшую ценность представляют исследования Теодора Гейгера³². Одним из важнейших его открытий было то, что мышление и идеология не обязательно совпадают с социальным положением и что они во многих случаях «чужды системе». Анализируя результаты выборов в рейхстаг, Гейгер, кроме того, показал, что существует возможная связь между лабильным слоем «нового среднего сословия», требовавшим престижа и социального обеспечения, и нацистским движением. «Национал-социализм», по-видимому, отвечал социальному положению нового среднего класса. Это было совершенно новым и неожиданным аспектом проблемы среднего класса. В то же время это являлось вкладом в социологию нацистского движения — и притом почти единственным, который был сделан в этот период.

Различия между «классом» и «сословием». Однако проблема «нового среднего сословия» не могла быть полностью разрешена без выяснения его отношения к «старому среднему сословию» (буржуазии) и к идеальным схемам этого последнего, схемам, которые передавались и принимались, хотя и не были полностью ассимилированы и не были реализованы социально. Эта проблема включала в себя взаимоотношения между «классом» и «сословием». В начале тридцатых годов мы видим только попытки к ее разрешению. В то время как Шумпетер вообще стремится избежать терминологического различия между «классом» и «сословием», соответствующего англо-американскому словоупотреблению, большинство авторов было убеждено в необходимости такого различия (Ф. Тённис, Г. Митгау, Т. Гейгер и др.)³³. В этом они более или менее следуют Макс Веберу, который также различал «сословную ситуацию» и «классовую ситуацию». Фактически специфику лабильного положения «нового среднего сословия» нельзя понять, не осознав последствий восприятия схем, восходивших к старым сословно-буржуазным традициям. Совершенно неверно было бы считать, что классовое общество просто заменило, нарушив преемственность, старое сословное общество XIX века. Напротив, сословное общество было включено (вместе с целым рядом пережитков) в новую классовую структуру и продолжает существовать благодаря этому наследию. Таким образом, мы сказали бы сегодня, что «новое среднее сословие» действительно в известном смысле все еще является (но лишь идеологически и субъективно) «сословием», для которого характерна тщетная попытка скопировать и сохранить устаревшие сословные схемы, хотя его подлинное положение — это положение класса, находящегося «на плаву». Будучи затронутым «ложным сознанием», новое среднее сословие представляет собой «мнимую социальную форма-

³² Theodor Geiger, Die soziale Schichtung des deutschen Volkes: Soziographischer Versuch auf statistischer Grundlage, Stuttgart, 1932.

³³ Joseph Schumpeter, Die sozialen Klassen im ethnisch-homogenen Milieu, ASS, 57, 1927, S. 1—57 (непечатано в «Aufsätze zur Soziologie», Tübingen, 1953, S. 147—213); Ferdinand Tönnies, Stande und Klassen, HS, Stuttgart, 1931, S. 617—638.

цию». Вышеуказанные соображения в ту эпоху не были сформулированы в таком виде, но они представляют собой выводы, которые мы можем сделать сегодня, читая работы той эпохи и рассматривая их в современном аспекте.

Гейгер, кроме того, подчеркивал роль воздействия сословных обычаев и концепций жизни. Он характеризовал взаимопроникновение старой (сословной) и новой (классовой) структур как «социально-историческую складчатость» — это геологическая метафора, применимая к данной ситуации и показывающая, что структурные особенности, как правило, следуют исторически друг за другом, но тем не менее могут одновременно наличествовать в настоящем. Герман Митгау особенно подчеркивал то, что сословные ценности и взгляды были связаны преимущественно с семьей (то есть с некоторыми семьями), через которую они должны были передаваться как одобренные стили жизни; это особенность, полностью отсутствующая у социального класса как такового. Для изучения вертикальной мобильности (социального возвышения и падения) Митгау справедливо рекомендовал и применял генеалогический метод³⁴.

Политическая социология. Проблемы мобильности и социальной стратификации затрагивают и политическую социологию, как только мы начинаем рассматривать отношения между доминирующими и зависимыми слоями, их конфликты и их организации, возникающие в связи с исходом такого конфликта («классового конфликта»). Изучением этой области занимался Роберт Михельс. В своей «Психологии антикапиталистических массовых движений» («Psychologie der antikapitalistischen Massenbewegungen») он рассматривал организационные формы пролетариата, а в позднейшей работе — проблему циркуляции правящих классов (после первой мировой войны)³⁵. Не следует забывать, что Михельс затрагивал при этом и проблему «циркуляции элиты» (Парето) — и при этом, бесспорно, весьма удивительным образом. Он вернулся также к своему раннему тезису о том, что тенденция к олигархии имеется также в демократических странах и в их политических партиях. Помимо того, его особенно интересовала политическая роль интеллигенции³⁶. О работе Тённиса об «общественном мнении» уже говорилось (см. стр. 752—753).

³⁴ Max Weber, *Wirtschaft und Gesellschaft*, 3 Aufl., Tübingen, 1947, S. 177—180; Hermann Mitgau, *Familenschicksal und soziale Rangordnung: Untersuchungen über sozialen Aufstieg und Abstieg*, Leipzig, 1928; *Grundlagen des sozialen Aufstieges, Soziologische Studien*, Alfred Weber gewidmet, Potsdam, 1930, S. 278—298.

³⁵ Robert Michels, *Psychologie der antikapitalistischen Massenbewegungen*, GSO, 9 Tübingen (1926), Teil I, S. 241—359; *Umschichtungen in den herrschenden Klassen nach dem Kriege*, Stuttgart, 1934.

³⁶ Robert Michels, *Historisch-kritische Untersuchungen zum politischen Verhalten der Intellektuellen*, SJ, 57 (1933). Относительно природы политической партии см. также: Herbert Sultan, *Zur Soziologie des modernen Parteiensystems*, ASS, 55 (1926), S. 91—140; M. Jaffe, *Demokratie und Partei*, ASS, 65 (1931), S. 101—127; Walter Sulzbach, *Politische Parteien*, HS, Stuttgart, 1931, S. 425—436. Кроме того, см. статьи в сборнике

Психологический анализ политических вопросов. Что касается политической психологии, то в эту эпоху появился ряд работ удивительно высокого качества³⁷. Вальтер Зулльбах уже в 1923 году выдвинул вполне современную точку зрения, что антипатии в отношении других рас основаны не на «инстинктах», а на «предрассудках»³⁸. Никакая политическая социология невозможна без обсуждения проблем «масс»; в конце двадцатых и начале тридцатых годов этим проблемам была посвящена чрезвычайно интересная и поучительная дискуссия, в которой следует особо отметить участие Гейгера, Влейгельса, Визе и Кольма³⁹. Происходила упорная борьба мнений, и не было достигнуто даже соглашения относительно понятия «массы». Однако в 1933 году дискуссия прекратилась: «массы» «нового среднего сословия» начали маршировать и не желали ни выносить объективные суждения, ни быть объектом исследования.

Целый ряд работ в двадцатых годах и в начале тридцатых годов был посвящен также следующим темам: нация, национальное чувство и сознание, национализм, патриотизм, колониализм и империализм. Многие ученые Центральной Европы после всего пережитого за время первой мировой войны и порожденного ею разочарования хотели заняться трезвым и беспристрастным изучением этих вопросов, воздействие которых они почувствовали непосредственно на себе. Здесь первыми были два не немецких социолога, опубликовавшие многие из своих работ в Германии: С. Р. Стейнмец и Роберт Михельс. Для работ и того и другого характерны богатство эрудиции, ясность изложения, многосторонность подхода и глубокий анализ действующих факторов, в том числе и психических⁴⁰. Заслу-

под редакцией Турнвальда (Richard Thurnwald (ed.), *Partei und Klasse im Lebenspsychologie und Soziologie, Forschungen zur Völkerpsychologie und Soziologie*, Bd. 2, Leipzig, 1926).

³⁷ Gaston Roffenstein, *Das Problem der Ideologie in der materialistischen Geschichtsauffassung und das moderne Parteiwesen*, in «Partei und Klasse», loc. cit., а также «Zur Psychologie der politischen Meinung», ZVS, 3 (1927), S. 385—412; Gustav Ichheiser, *Die Antimonie zwischen Politik und Moral nach Machiavelli: Ein Beitrag zu einer «Soziologie des Erfolges»*, ZVS, 3 (1927), S. 294—309; Richard Behrendt, *Politischer Aktivismus: Ein Versuch zur Soziologie und Psychologie der Politik*, Leipzig, 1932.

³⁸ Walter Sulzbach, *Vorteile und Instinkte*, Berlin, 1923.

³⁹ Wilhelm Vleugels, *Neuere massenpsychologische Literatur*, KVS, 2, 1922, S. 79—82; *Zur Diskussion über die Massentheorie le Bons*, ibid., 6 (1927), S. 168—185; *Die Masse: Ein Beitrag zur Lehre von den sozialen Gebilden*, München, 1920; Theodor Geiger, *Die Masse und ihre Aktion: Ein Beitrag zur Soziologie der Revolutionen*, Stuttgart, 1926; *Revolution*, HS, Stuttgart (1931), S. 511—518; Gerhard Colms, «Masse», ibid., S. 353—360; Wilhelm Vleugels, *Zur Massentheorie*, KVS, 10, 1932, S. 387—399. Точка зрения Визе изложена в издании 1933 года его работы «Всеобщая социология» («Allgemeine Soziologie»). S. 405—446.

⁴⁰ S. R. Steinmetz, *De nationaliteiten in Europa, eine sociographische en politieke Studie*, Amsterdam, 1920; *Die Nationalität und ihr Wille, «Gesammelte kleinere Schriften zur Ethnologie und Soziologie»*, 3, Groningen, 1935, S. 251—285; Robert Michels, *Elemente zu einer Soziologie des Nationalliedes*, ASS, 55 (1926), S. 317—361; *Vaterlandsliebe und Heimat*

живают упоминания труды Шелера, Герца, Мичерлиха и Циглера⁴¹. В работах Ганса Кона рассматривались также проблематичные аспекты национализма применительно к Ближнему Востоку⁴². Кроме того, был выполнен ряд великолепных исследований, посвященных империализму⁴³. Накануне установления нацистской диктатуры среди немецких социологов царил единодушный относительно того, что «нации» представляют собой исторические структуры, а не продукты «природы».

Культур-социология и смежные области. Термин «культур-социология» в отличие от «чистой социологии» был создан Максом Шелером⁴⁴. Подлинная социология, согласно Шелеру, должна иметь дело с реальными факторами; она основывается на теории человеческой мотивации и представляет собой социологию субструктуры содержания человеческой жизни. Культур-социология же занимается идеальными факторами, основывается на теории человеческого интеллекта и представляет собой социологию надстройки содержания человеческой жизни. Пожалуй, можно было бы сказать более четко, что подлинная социология должна затрагивать фактическое поведение людей, а культур-социология — идеальные схемы, согласно которым люди стремятся действовать и которые, естественно, бывают различными в различных культурах. Хотя термин «культур-социология» не особенно удобен, он, пожалуй, еще годится для обозначения тех исследований, которые посвящены различным по культуре тенденциям или фону человеческих действий — «типическим возможностям» действия, говоря словами Макса Вебера.

Gefühl, KVS, 6 (1927), S. 219—231; Prolegomena zur Analyse des nationalen Elitgedankens, JS, 3 (1927), S. 184—199; Über den amerikanischen Nationalitätsbegriff, «Weltwirtschaftliches Archiv», 28 (1928), S. 257—299; Der Patriotismus: Prolegomena zu einer soziologischen Analyse, München, 1929; K. Stavenhagen, Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft und die nationalsoziologischen Probleme, «Nation und Staat», 5 (1931), S. 78—98.

⁴¹ Max Scheler, Nation und Weltanschauung, Leipzig, 1923; Friedrich Hertz, Die allgemeinen Theorien über den Nationalcharakter, ASS, 54 (1926), S. 1—35, 657—715; Zur Soziologie der Nationalbewusstseins, ASS, 65 (1931), S. 1—60; Waldemar Mitscherlich, Nationalismus: Die Geschichte einer Idee, 2 Aufl., Leipzig, 1929; Heinz O. Ziegler, Die moderne Nation: Ein Beitrag zur politischen Soziologie, Tübingen, 1931.

⁴² Hans Kohn, Der Nationalismus in der Sowjet-Union, Frankfurt/Main, 1932; Nationalismus und Imperialismus im Vorderen Orient, Frankfurt/Main, 1932.

⁴³ Joseph Schumpeter, Zur Soziologie der Imperialismen, ASS, 46 (1919), S. 1—39, 275—310 (непечатано в его книге «Imperialism and Social Classes», New York, 1951, pp. 3—130); Heinrich Schnee, Nationalismus und Imperialismus, Berlin, 1928; Christian Eckert, Alter und neuer Imperialismus, Jena, 1932; Albert Lauterbach, Zur Problemstellung des Imperialismus, ASS, 65 (1931), S. 580—599; Arthur Salz, Das Wesen des Imperialismus: Umriss einer Theorie, Leipzig, 1931; Walther Sulzbach, Imperialismus, HS, Stuttgart, 1931, S. 253—258; Robert Michels, Die Theorien des Kolonialismus, ASS, 67 (1932), S. 693—710.

⁴⁴ Max Scheler, Die Wissenformen und die Gesellschaft, Leipzig, 1926, S. 1—20.

Это означает необходимость сравнительного изучения различных культур и эпох, для чего требуется располагать подробными техническими данными, имеющимися у историков, филологов, юристов, специалистов по политэкономии, теологов, этнографов и пр. Работа такого рода, как правило, выполняется не профессиональными социологами, а представителями других дисциплин, усвоившими социологическую точку зрения; или же самим социологам приходится проводить тщательные исторические и смежные исследования. На практике все это сводится к одному и тому же.

Сравнительный метод: Вебер и Турнвальд. В этом смысле самыми ранними работами в области культур-социологии в Германии являются исследования Макса Вебера, посвященные социологии религии. В этих исследованиях тщательно выделяются типические вероятности или ориентационные схемы, представленные различными религиозными системами (протестантские секты, конфуцианство, индуизм, магометанство и иудейство). Хотя Макс Вебер первоначально занимался вероятностями экономического действия, фактически он внес большой вклад в изучение социального действия вообще. К концу своей жизни Вебер стал интересоваться также этнологическими данными; проживи он дольше, он, вероятно, попытался бы систематически использовать этот материал. Совершенно очевидно, что если мы не будем располагать подробными сведениями о так называемых примитивных культурах или о незападных культурах вообще, то наши познания останутся удивительно ограниченными в отношении вероятностей действия и их вариантов, которые, будучи культурно возможными во времени и пространстве, развивались и реализовывались. Социология, рассматривающая лишь явления современного западного мира, дает ложную антропологическую перспективу.

Именно по этой причине Рихард Турнвальд (1869—1954) на протяжении десятилетий энергично и упорно отстаивал ту точку зрения, что социология должна в своих обобщениях исходить из всех социальных фактов, относящихся ко всему человечеству во все эпохи и повсюду, а не только из небольшого территориального и исторического сектора «западного мира». (Эта точка зрения диаметрально противоположна мнению Фрейера, для которого социология отражает концентрированное самосознание нашего современного индустриального общества.) Вот почему программа Турнвальда требует интеграции большого количества этнографическо-исторического (и даже доисторического) материала социологии. Это — логическое продолжение идей Макса Вебера. Результаты программы Турнвальда можно найти в его пятитомном сочинении «Человеческое общество в его этно-социологических основах» (*Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen*), Berlin, 1931—1935)⁴⁵. Работа такого рода могла быть выполнена

⁴⁵ Новейшую библиографию работ Турнвальда см. в «Beiträge zur Gesellschafts- und Völkerwissenschaft», Richard Thurnwald zu seinem 80. Geburtstag gewidmet, Berlin, 1950, S. 469—476.

лишь исследователем, который в совершенстве овладел своей профессией во время проведения этнографических полевых работ в Южных морях и в Австралии и который, кроме того, полностью усвоил важнейшую литературу по этнографии и сумел передать социально-психологическую атмосферу своих собственных экспедиционных впечатлений.

Хотя это произведение и не *литературный* шедевр, оно написано мастером. Турнвальд обладал огромными знаниями в области этнографии, но он не был ученым энциклопедического типа; скорее можно сказать, что он наглядно раскрывал *связи*. Будучи человеком чрезвычайно широкой эмпирической эрудиции, он всегда скептически относился к «теоретическим принципам», хотя в четвертом томе указанной работы содержится тонкий теоретический анализ действия социальных, культурных и цивилизирующих процессов. Турнвальд также одним из первых начал систематически изучать изменения в примитивных культурах под влиянием западной цивилизации⁴⁶. Он внес важный вклад в социологию колониализма. К сожалению, он был не особенно хорошим доцентом и преподавателем, и ему редко удавалось донести свои мысли до аудитории. Поскольку он никогда не заботился о систематической демаркации между социологией, этнологией и психологией (хотя и брал материал преимущественно из своих этнографических наблюдений), большинство его студентов посвятило себя этнологии и лишь немногие — социологии.

Трагедия научной деятельности Турнвальда в том, что он сохранил то космополитическое настроение, которое доминировало в Германии в эпоху империи и которое гораздо реже можно было наблюдать после 1918 года. Космополитическая перспектива была связана в нашей стране с колониальной эпохой. Когда же Германию лишили колоний после первой мировой войны, то это не только привело к понижению интереса к этнологии, чужим странам и народам вообще, но также, в конечном счете, благоприятствовало развитию эгоцентричного провинциализма. Противодействовать этому могла бы только целая армия Турнвальдов. Бесспорно, кое-где сохранился интерес к сведениям о культуре чужих, далеких стран и народов, но, поскольку социологи не обладали этнографическим и социографическим опытом, попытки использования этнографических данных в социологическом аспекте оказались более или менее субъективными и дилетантскими. Факты подбирались и интерпретировались более или менее произвольно и включались в давно уже разработанные «принципы».

Упадок сравнительного метода. Сказанное выше справедливо также и в отношении социологической системы Франца Оппенгеймера, в особенности его взглядов на происхождение государства. Мнение Оппенгеймера о том, что государство возникло благодаря насилию и эксплуатации, в особенности благодаря «монополии

⁴⁶ Richard Thurnwald, *Koloniale Gestaltung: Methoden und Probleme überseeischer Ausdehnung*, Hamburg, 1939; *Black and White in East Africa*, London, 1935.

на землю» (Bodensperre), можно отнести за счет односторонней и неполной интерпретации этнологических фактов, чего он мог бы избежать лишь при более широком знакомстве с материалами и при тщательной критике и анализе источников. Антитеза между «кооперативной» и «иерархической» организационными формами, которую можно найти и у Фиркандта и которая все еще встречается в современных публикациях, также недоказуема⁴⁷.

Контраст между «интуитивной» интерпретацией культуры и анализом факторов, основанным на этнографии, становится особенно очевидным, если сравнить, скажем, заявления Альфреда Вебера относительно «культуры и цивилизации» с высказываниями Турнвальда на ту же тему⁴⁸. Возможно, что в настоящее время обе точки зрения удастся синтезировать в новой плоскости. В ту же эпоху многих этнологов отталкивал субъективный и недостаточный анализ социологами культурных данных, не способствовавший дальнейшему развитию ни в какой области и не ведущий к разрешению научных проблем. К сожалению, количество сочинений, в которых под маской «социологии» или «интеллектуальной истории» распространялись нереалистические концепции незападного человека, достаточно велико. Уклончивый подход к западным данным — невзирая на примеры Макса Вебера и Турнвальда — также является источником непреходящих ошибок почти во всех специальных социологиях экономики, государства и права, написанных в ту эпоху.

Культурная история европейских социальных слоев. Стоило культур-социологии перейти на твердую почву европейской истории, как она дала результаты гораздо более высокого качества. Ввиду наличия социологических тенденций здесь вполне уместно упомянуть о работах специалиста в области историко-социальных отношений и культуры Эберхарда Готтхейна (1853—1924). Готтхейн в течение длительного времени принадлежал к гейдельбергскому кружку, группировавшемуся вокруг Макса Вебера⁴⁹. Эта традиция, заметная, например, в работе Эрнста Трельча «Социальные учения христианских церквей и групп» («Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen», 1912), интеллектуально объединяет также и ряд других культур-социологических исследований (Гретхейзена и Мартина) о некоторых фазах европейской истории; работы эти имеют большое значение, в особенности те, которые посвящены происхождению буржуазного общества. Недостатки этой концен-

⁴⁷ Frans Oppenheimer, *The State*, Indianapolis, 1923; Alfred Vierkandt, *Gesellschaftslehre*, 2 Aufl., Stuttgart, 1931, S. 285—286.

⁴⁸ Alfred Weber, *Ideen zur Staats- und Kultursoziologie*, in Alfred Weber (ed.), *Probleme der Staats- und Kultursoziologie*, Karlsruhe, 1927; Richard Thurnwald, *Contributions towards an Analysis of the Mechanisms of Culture*, ASR, 1 (1936), pp. 387—395, 604—613, а также 2 (1937), pp. 26—42.

⁴⁹ Eberhard Gothein, *Schriften zur Kulturgeschichte der Renaissance, Reformation und Gegenreformationen*, München, 1924, 2 Bde. См также его работы «Über einige soziologische Grundfragen», «Erinnerungsgabe für Max Weber», 1 (1923), S. 193—234.

трации на буржуазном обществе компенсируются социологическими работами по фольклору Макса Румпфа, обратившего внимание на социальную и культурную жизнь «простонародья», то есть нижних социальных слоев⁶⁰.

Социология познания: Маннгейм и критики. В более широком смысле так называемую социологию познания можно рассматривать и как часть культур-социологии; первоначально она была создана Максом Шелером, но впервые ее стал разрабатывать как предмет интенсивного изучения его ученик Карл Маннгейм (1893—1947)⁶¹. Эта отрасль социологии изучала в первую очередь тот простой факт, что даже формы «познания» определяются образом жизни, идеологическими соображениями и более или менее сознательными и завуалированными интересами отдельных личностей или групп, в особенности «классов». Маннгейм дополнил эту здравую идею тезисом, что всякое мышление обязательно связано с «бытием» или существованием. Возникающую вследствие этого относительность понятия «истина» он попытался преодолеть с помощью понятия «реляционизм» (relationism).

В возникшей затем по этим вопросам дискуссии у Маннгейма оказались как сторонники, так и противники⁶². Некоторые авторы упрекали Маннгейма в «социологизме» и даже в «нигилизме» (Юлиус Крафт, Эрнст Роберт Курциус, А. фон Мартин и А. фон Шельтинг). Фиркандт отступил к «перспективизму»: объективность все же будет возможной; «мы должны преобразовать понятие истины или познания так, чтобы оно охватывало ту точку зрения, которую наблюдатель включает в свое решение относительно конечных ценностей»⁶³. (Но разве заключения наблюдателя о конечных ценностях не относятся в действительности к области субъективного?) Спор о социологии познания, однако, вскоре угас. Причина этого была не просто в том, что большинство протагонистов, равно как и их противников, эмигрировало. Вся дискуссия отражала растерянность поколения, которое оказалось интеллектуально несостоятельным, имея дело с заваской, оставленной Ницше, Фрейдом и Шпенглером.

⁶⁰ См., в частности, Bernhard Groethuysen, *Die Entstehung der bürgerlichen Welt- und Lebensanschauung in Frankreich*, Halle, 1927, 1930, 2 Bde; A. von Martin, *Soziologie der Renaissance*, 2 Aufl., Frankfurt/Main, 1949; Max Rumpf, *Soziale Lebenslehre, ihr System und ihr wissenschaftlicher Ort*, Nürnberg, 1931; *Religiöse Volkskunde*, Stuttgart, 1933.

⁶¹ Max Scheler, *Die Formen des Wissens und der Bildung*, Bonn, 1925; *Die Wissensformen und die Gesellschaft*, Leipzig, 1926; Karl Mannheim, *Ideologische und soziologische Betrachtung der geistigen Gebilde*, JS, 2 (1926), S. 424—440; *Ideology and Utopia*, translated by Louis Wirth and Edward Shils, New York, 1936.

⁶² См. Karl Mannheim, *Wissenssoziologie*, HS, Stuttgart, 1931, S. 659—680. Из более поздних работ важными являются: Alexander von Schelling, *Max Webers Wissenschaftslehre*, Tübingen, 1934; Ernst Grünwald, *Das Problem der Soziologie des Wissens*, Wien, 1934.

⁶³ Alfred Vierkandt, «Was die Wissenssoziologie uns lehrt», *Pädagogische Werte*, No. 9, 1932.

Анализ успеха и гения. Особая отрасль культур-социологии изучает область норм успеха и его механизмов, облегчающих или затрудняющих одобрение некоторых произведений культуры (отдельными лицами или группами, соответственно, которые их порождают). Механизмы эти, естественно, бывают различными в различных культурах и в различные эпохи, и на них может повлиять даже изменение моды или стиля. В Германии в этой области было создано удивительно мало, и, например, в сфере литературной продукции выдающаяся работа Левина Л. Шюккинга до сих пор находится в полном одиночестве⁵⁴.

С другой стороны, прелиминарные проблемы успеха в их социально-психологическом аспекте были очень хорошо разработаны венским психологом Иххейзером⁵⁵. В то время, когда наивное сведение «успеха» к критериям достижения и биологически унаследованного «превосходства» начало становиться официально одобренной догмой натуралистических настроенных социал-биологов, Иххейзер показал, что существует несоответствие между идеально уважаемыми схемами поведения в нашем обществе («честность — лучшая политика», «успех сопутствует способному» и т. п.) и фактическими механизмами успеха. Иххейзер даже полагает, что здесь наличествует антинония, интерпретация, которую можно поставить под вопрос. Вот почему механизмы, используемые для достижения целей, должны изучаться независимо от словесно выраженных норм и ценностей.

Психиатр Вильгельм Ланге-Эйхбаум в своей работе «Гений, безумие и слава» (*Genie, Irrsinn und Ruhm*)⁵⁶ исходит из того же основного методологического принципа; этим он отличается от своих предполагаемых предшественников, таких, как Ломброзо. Для Ланге-Эйхбаума «гений» — не эманация особо одаренной личности (как это было для Фрэнсиса Гальтона и его «Наследственности гения»), а результат зачастую весьма длительного, неясного (как по результатам, так и по своему характеру) социально-психического процесса образования ценности. Происхождение мифа о гении лучше всего можно понять с помощью психологии религии, изучающей действие «нуменальных» или религиозно-харизматических качеств. Обычно отношение к гению (против чего возражает Ланге-Эйхбаум) определяется оценочными суждениями, порождаемыми поклоняющейся гению общиной. Мы можем преодолеть эти оценочные суждения только в том случае, если социологически проанализируем сам процесс образования ценности (см. гл. 6).

Гений, таким образом, не является наследственным качеством; это — «миф». Это — не личность, а нимб. Ценности, которые гений

⁵⁴ Levin L. Schücking, *Soziologie der literarischen Geschmacksbildung*, 2. Aufl., Berlin, 1931.

⁵⁵ Gustav Ichheiser, *Kritik des Erfolges: Eine soziologische Untersuchung*, FVS, 9, Leipzig (1930); *Einige typische Deutungen von Erfolgstatsachen*, KVS, 10 (1931), S. 51—66; *Erfolgsnormen und Erfolgsgesetze*, ASS, 68 (1932), S. 61—74.

⁵⁶ См. также Wilhelm Lange-Eschbaum, *Das Genie — Problem*, München, 1931, изд. 2, под заглавием «Das Genie als Problem», 1943.

дает общине, проецируются обратно на него и истолковываются как «талант, данный свыше». Этот фундаментальный методологический тезис отстаивается Ланге-Эйхбаумом с привлечением несметного психологически интерпретированного материала. Он изучил также «кривые славы» некоторых талантливых людей и показал, как эти кривые колеблются от эпохи к эпохе, от апофеоза до полной безвестности. Но не только репутация знаменитых людей подвергается количественным колебаниям, они также значат нечто качественно иное для каждого культурного периода (Шюккинг подчеркивал это же обстоятельство ранее).

Утверждение о том, что существует обязательная связь между гением и психозом, недоказуемо. Имеются, однако, психологические личные особенности, облегчающие возникновение мифа о гении. В психологическом и социологическом аспекте книга Ланге-Эйхбаума подытоживает некоторые основные тенденции, проявившиеся у немецких мыслителей в ту эпоху. На эту работу психологическое воздействие оказали исследования, посвященные мышлению «примитивных» народов, а также социальная психология Фиркандта, в то время как в своей социологической перспективе эта работа близка «реляционизму» Маннгейма. Весьма странно, что такая книга, насыщенная конкретными психологическими примерами, связанными с событиями настоящего, и интерпретировавшая «гений» как «нимб», могла выйти третьим изданием в Германии в 1942 году.

ПЕРИОД 1933—1945 ГОДОВ

Господство идеологии. Во время господства нацизма социология уже не играла в Германии никакой роли. Резкий переход к идеологии как к новому «абсолютному» базису, осуществленный вполне сознательно многими интеллигентами, занял место социологического «релятивизма», и сознательная субъективность сменила объективность. «Народная» позиция германской нации и «героническая» раса были сделаны абсолютными. Это была довольно-таки отчаянная психологическая операция самонасилия, поскольку основное чувство нигилизма было при этом сохранено, хотя зачастую и скрывалось под маской цинизма.

В результате политических мер были уничтожены организационные формы немецкой социологии. Издание визевского «Кёльнского квартального журнала социологии» и турнвальдовского «Социолога» было прекращено в 1933—1934 годах, равно как издание «Архива социальной науки и социальной политики» и ряда других важных журналов. Немецкое общество социологии было распущено. Состоялось одно собрание немецких социологов в Йене 5—7 января 1934 года, проходившее под руководством политического философа нацистского движения Эрнста Крика и протагониста нордического расизма Ганса Ф. К. Гюнтера (который сам не принадлежал к типу политических активистов, а был немецким преподавателем идеали-

Этического, «эскапистского» толка), но это собрание не имело никаких последствий. Многие немецкие и (после 1938 года) австрийские социологи и специалисты в области социальных наук эмигрировали: П. Хонигсхайм, Г. Плесснер, А. фон Шельтинг, К. Маннгейм, Р. Хеберле, Ф. К. Манн, Й. Шумпетер, Э. Ледерер, Г. Брифс, Э. Фегелин, Г. Иххейзер, Ф. Герц, М. Хоркхеймер, Т. В. Адорно, Т. Гейгер и ряд других. Многие из оставшихся в Германии «эмигрировали» в нейтральные области (этнологию, фольклор, географию народонаселения и т. п.), где политический контроль был не столь суров.

Возведение на трон политической евгеники. Судьба Теодора Гейгера особенно интересна ввиду предпринятой им попытки критически проанализировать национал-социалистскую программу улучшения человеческой расы («евгеника», или «расовая гигиена»). Евгеническая программа в Германии имела долгую и отнюдь не только дилетантскую традицию, восходящую к социал-дарвинизму конца XIX века и к социальной биологии начала XX века. Работы Аммона, Шалльмайера, Плёца и других пользовались большой популярностью. Такие социологи, как Турнвальд и Фиркаидт, сотрудничали в «Архиве биологии расы и общества» (*Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie*), основанном Альфредом Плёмом в 1904 году; Макс Вебер дискутировал с Плёмом (1910), а Тённис вел спор с Шалльмайером⁵⁷ по данным вопросам. Голландский социолог Стейнмец также усиленно занимался социально биологическими и евгеническими проблемами.

Но с течением времени связь между социологией и евгеникой ослабла. Упоминавшийся выше «Архив» все больше и больше уделял места, с одной стороны, проблемам наследственности человека, с другой же — программам повышения плодovitости «одаренных» и снижения плодovitости менее ценных, в то время как необходимым социологическим рассмотрением этих проблем пренебрегали. Вина за это падает на обе стороны: специалисты по генетике человека и евгенисты, являвшиеся преимущественно медиками и специалистами по физическим наукам, считали социологов недостаточно квалифицированными для обсуждения этой проблемы ввиду незнания ими основных биологических фактов; социологи же презирали евгенистов как идеологов и утопистов. Когда Гейгер в 1933 году попытался снова связать разорванные нити, было слишком поздно, поскольку политический активизм уже почти присвоил себе эту проблему⁵⁸. Разъяснениями Гейгера, который продемонстрировал дилетантизм евгенистов в трактовке проблемы социальной страти-

⁵⁷ W. E. Mühlmann, *Geschichte der Anthropologie* Bonn, 1948, S. 124—128, 198—199; Max Weber, *Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik*, Tübingen, 1924, S. 456—472; Ferdinand Tönnies, *Soziologische Studien und Kritiken*, Jena, 1925, Bd. 1, Kap. 9—14, 16.

⁵⁸ Theodor Geiger, *Soziologische Kritik der eugenischen Bewegung*, Berlin, 1933; Erbpflüge, *Grundlagen, Planung, Grenzen*, Stuttgart, 1934.

фикации, наивность отождествления генетического качества и социального положения, а также указал на непрестанный взаимообмен биологических и социально измеряющих приспособлений, пренебрегли. Они никого не интересовали, поскольку деятели нацистского государства были твердо уверены, что знают больше, чем профессора.

«Раса» и «народ»: идеология сельского прошлого. Вместо понятия «общество» на первый план выступило понятие «община» — не совсем в том смысле, какой вкладывал в эти понятия Тённис, а как лозунг, обесцененный инфляционистскими пропагандистскими методами. Кроме того, «раса», естественно, играла определенную роль, и можно угадать попытки проведения научной работы в области таких «дисциплин», которые носили названия «изучение народа», «фольклористика» и т. п., в то время как *Völkerkunde* (народоведение) не одобрялось, поскольку его явная множественность противоречила идеологическому солипсизму. Термин «народ» (*Volk*) вызывал определенные мистические ассоциации, восходящие к немецкому романтизму начала XIX века. В этом отношении в западноевропейской традиции нет аналогичного понятия, поскольку «нация» означает нечто иное⁵⁹. Именно по этой причине прилагательное «народный» означает что-то отличное от «национальный»: под словом «народ» подразумевается тесная связь с расой и землей («*Blut und Boden*»), а именно это большая часть немецкого населения утратила вследствие урбанизации.

Этой своей связью с сельской жизнью и протестом против урбанизации понятие народа несколько напоминает понятия Роберта Редфилда о полярности — «народное общество» и «городское общество». Однако для немецких пропагандистов идеи «народа» все прочно укладывалось в романтические схемы. Ганс Ф. К. Гюнтер, занимавший одно время профессорскую кафедру социальной антропологии и сельской социологии в Берлине, был вдохновлен идеалом ре-рурализации и новой сельской жизни, благодаря которой будет культивироваться новая «элита»⁶⁰. Митгау опубликовал очень интересное исследование, посвященное урбанизации, которое было проведено с помощью генеалогических методов. Гюнтер Ипзен наметил программы социологического изучения немецкого народа, и в особенности его сельского населения; хотя эти программы и были хорошими, но осуществить их не удалось. Другие авторы, не затрудняя себя идеологическими соображениями, занимались также изучением ненавистой метрополии⁶¹.

⁵⁹ W. E. Mühlmann, *L'Idée nationale allemande et l'idée nationale française*, «Revue de Psychologie des Peuples», 7 (1952), pp. 348—362.

⁶⁰ Hans F. K. Günther, *Die Verstädterung*, Leipzig, 1934, 2 Aufl., 1936; *Das Bauertum als Lebens- und Gemeinschaftsform*, Leipzig, 1939; Cp. Peter Quante, *Die Flucht aus der Landwirtschaft*, Berlin, 1933.

⁶¹ Hermann Mitgau, *Verstädterung und Großstadtschicksal*; «Archiv für Bevölkerungswissenschaft», 1941, S. 339—364; Günther Ipsen, *Programm einer Soziologie des deutschen Volkstums*, Berlin, 1933; *Das Landvolk, Ein soziologischer Versuch*, Hamburg, 1933; Willy Hellpach, *Mensch und Volk der Großstadt*, Stuttgart, 1939; 2 Aufl., 1952;

Несколько лучей света, пробившихся сквозь идеологический занавес. Зачастую можно было проводить замечательную работу, используя названия «биология населения», «социальная антропология» и т. п., то есть в областях, периферийных к социологии. Вышел также ряд примечательных работ по фольклору, в которых доминировали социологические взгляды. Обсуждение расовых вопросов было делом более трудным, поскольку официальная доктрина была прочнее связана со словом «раса», чем со словом «народ». Тем не менее я подготовил работу, в которой подчеркивалась важность взаимосвязей между расовой биологией, социальной биологией, социологией и этнологией, а также давалось объективное рассмотрение факторов, изучаемых этими дисциплинами. Работа была космополитической по своей направленности, и в ней указывалось на роль физического, социального и культурно-исторического окружения, процессов мобильности и культурной диффузии, а также социально-психологических аспектов современных групп и культурных контактов. «Раса» в биологическом смысле слова понималась не как культурно-продуктивный фактор, а как комплекс биологических задатков, могущих развиться или не развиться под воздействием внешней среды⁶².

В середине тридцатых годов появился ряд новых журналов, посвященных проблемам населения, этнических групп (национальных меньшинств), этнических границ и т. п.⁶³ В них печатались работы о населении и социальной истории, исторической географии, культурной географии, фольклоре и статистике, причем многие из этих работ представляли собой социографическую ценность. Интерес был сосредоточен, естественно, на культурной роли немецких меньшинств в иностранных государствах, но содержалось также много материала и о других национальностях в восточной части Центральной Европы, Юго-Восточной и Восточной Европы. Можно обнаружить также специальные исследования о меньшинствах в Соединенных Штатах⁶⁴.

Изучение ассимиляции. Наконец, особое социологическое значение имеют исследования, посвященные «этнической транспозиции» (Umvolkung), то есть изменению национальности у различных групп: например, немцы, приобретающие особенности поляков и чехословаков, и, наоборот, немцы и словаки, приобретающие черты венгров

Bevölkerungsbiologie der Großstadt, «Zeitschrift für Rassenkunde und die gesamte Forschung am Menschen», 12 (1941).

⁶² W. E. Mühlmann, Rassen- und Völkerkunde; Lebensprobleme der Rassen, Gesellschaften und Völker, Braunschweig, 1936. Cp. также: Erich Voegelin, Rasse und Staat, Tübingen, 1933; Die Rassenidee in der Geistesgeschichte, Berlin, 1933.

⁶³ Например, «Auslandsdeutsche Volksforschung»; начиная с 3-го тома выходит под заглавием «Volksforschung», 6 Bde, 1937—1943.

⁶⁴ См., в частности, Helmut Klocke, Landvolk und Dorf in madjarischer und rumänischer Sicht, DALV, 1 (1937), S. 990—1023; Hubert Penzl, Das gesellschaftliche Gefüge des Landvolks im deutsch-madjarischen Grenzraum östlich des Neusiedler Sees, ibid, 2 (1938), S. 800—835; Heinrich Rieger, Das Rassenrecht in den Vereinigten Staaten, Berlin, 1936.

и т. д. Было обнаружено, что такие процессы играют значительную роль как в исторические эпохи, так и в наше время, и эти процессы стали изучать в их социальных, политических и психологических аспектах. Но вряд ли было понятным, что допущение возможности фактического изменения национальности противоречило тезису о «расовом» детерминизме национального характера. Роберт Бекк ввел понятие «неустойчивая национальность» для обозначения такой фазы какой-либо ситуации, когда намерения являются лабильными и когда отдельные личности или группы в процессе этнической транспозиции сами не уверены в своей этнической принадлежности. К. В. Мюллер показал в исследованиях, которые удалось опубликовать только после войны, что ассимиляция между немцами и чехами в Чехии была взаимной на протяжении поколений и что между этими национальностями не существует разницы в антропологическом типе. Под влиянием исследований такого рода я изучил этнографический материал и обнаружил, что этническая транспозиция играла значительную роль также у «примитивных» и незападных народов, что в этих процессах проявляются типичные закономерности и что они имеют фундаментальное значение для понимания видов этнического развития⁶⁵.

ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ: С 1945 ГОДА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Реорганизация социологии и «великие старцы». В развитии социологии в Германии после катастрофы второй мировой войны можно обнаружить восстановительные и прогрессивные тенденции. То, что вначале доминировал восстановительный аспект, совершенно очевидно, так как в 1945 году ничего организационного в области социологии больше не существовало, и приходилось опираться на опыт «великих старцев». В частности, Леопольд фон Визе воссоздал Немецкое общество социологии, которое снова разместилось в Бад-Годесберге 5—6 апреля 1946 года. С тех пор оно провело пять конгрессов (8-я, 9-я, 10-я, 11-я и 12-я сессии); даты, место проведения и основные темы приводятся ниже.

8-я сессия (Франкфурт-на-Майне, 1946). Доклады и дискуссии на темы «О современном положении с социологической точки зрения» (Визе), теория ассоциаций, циркуляция социальных классов, политическая экономия и проблема монополий, естественный и национальный закон и немецкие профсоюзы.

⁶⁵ Robert Beck, *Schwebendes Volkstum im Gesinnungswandel*, Stuttgart, 1938; K. V. Müller, *Volksbiologische Beziehungen zwischen Tschechen und Deutschen*, in Helmut Preidel (ed.), *Die Deutschen in Böhmen und Mähren*, Gräfelfing, 1950, S. 291—303. См., кроме того, журнал «Auslandsdeutsche Volksforschung», No 4, 1 (1937) (весь том посвящен проблеме «этнической транспозиции»); W. E. Mühlmann, *Assimilation, Umvolkung, Volkwerdung: Ein globaler Überblick und ein Programm*, Praha, 1944. (Эти исследования были продолжены после войны.)

9-я сессия (Вормс, 1948). Доклады и дискуссии о проблемах немецкой молодежи, о превращении политики в науку, о терроре и о развитии социологических исследований за пределами Германии.

10-я сессия (Детмольд, 1950). Доклады и сообщения на темы: «Родина и «чужбина» («Heimat und Fremde») и «Бюрократизация».

11-я сессия (Вейнгейм, 1952). Доклады и дискуссии на темы: «Современное государство и интересы различных групп» и «Клетки и клики».

12-я сессия (Гейдельберг, 1954). Доклады и дискуссии на темы: «Проблема идеологии» и «Свободные профессии».

Кроме того, Визе совместно с другими учеными организовал три «антропологическо-социологических конференции» для разбора некоторых сложных проблем с самых различных точек зрения. Термин «антропология» в данном случае понимался весьма широко, и в качестве участников конференций фигурировали психологи, педагоги, биологи, медики, этнологи, юристы, философы, теологи и др. Состоялись следующие конференции:

1-я конференция (Майнц, 1949). Темы: «Индивидуум и коллективность» и «Социальные и культурные последствия огромного прироста населения в XIX веке».

2-я конференция (Майнц, 1951). Темы: «Вырастание, созревание и умирание» и «Европеец».

3-я конференция (Гейдельберг, 1954). Тема: «Ребенок».

Немецкое общество социологии является главной, но не единственной организацией немецких социологов. Существует, кроме того, Общество эмпирической социологии, возглавляемое Карлом Валентином Мюллером (Нюрнберг), а также целый ряд менее формально организованных рабочих кружков при некоторых институтах и учреждениях.

Возрождение социологических журналов. Имеется также социологическая периодика. Визе стал издавать свой собственный журнал, который первоначально назывался «Кёльнский журнал социологии» («Kölner Zeitschrift für Soziologie») (6 томов, 1948—1954). Начиная с седьмого тома он стал называться «Кёльнский журнал социологии и социал-психологии» (Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie) и выходит в настоящее время под редакцией Рене Кёнига. Рихард Турнвальд возобновил издание своего «Социолога», который был посвящен преимущественно этнологии, но после смерти Турнвальда в 1954 году этот журнал прекратил свое существование. С 1950 года выходит журнал «Социальный мир» («Soziale Welt»), посвященный проблемам эмпирической и прикладной социологии и выпускаемый Управлением социальных исследований в Дортмунде. В 1953 году был основан «Журнал аграрной истории и аграрной социологии» («Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie»), выходящий под редакцией Гюнтера Франца. Но издания, в заглавиях которых фигурирует слово «социология», не дают, как и до 1933 года, полного представления о социологиче-

ской деятельности в Германии. Сейчас, как и прежде, целый ряд важных работ публикуется в других органах социальных наук. «Ежегодник социальной науки» («Jahrbuch für Sozialwissenschaft»), выходящий с 1950 года, публикует как социологические статьи, так и пространные библиографии. А после 1952 года появился один из многих ожидаемых томов «Словаря социальной науки» («Handwörterbuch der Sozialwissenschaftler») под редакцией Г. Йехта и Р. Шедера, в котором содержится ряд социологических статей.

Необходимо иметь в виду, что все сказанное здесь об организации социологии, равно как и последующие утверждения, относится исключительно к Федеративной Республике Германии (и к Западному Берлину). В Германской Демократической Республике научно-исследовательская работа в области социологии, равно как и преподавание этого предмета, в нашем смысле слова не проводится. В настоящее время не существует таких оживленных связей с австрийскими и другими центральноевропейскими учеными, как в прежние времена. Разделение бывшего германского рейха и превращение его в «урезанную Германию» означает для Западной Германии не только уменьшение населения, но и сужение географического и интеллектуального горизонта.

Роль Визе и Бринкмана. Восстановление немецкой социологии после войны произошло прежде всего благодаря усилиям «великих старцев». Леопольд фон Визе работал без устали. Непрестанная организационная деятельность не мешала ему постоянно излагать, популяризировать и обосновывать свои личные, систематическо-социологические взгляды, что он делал с неослабевающей преданностью своим убеждениям. Если «теория социальных отношений», изложенная в его ранних работах, представлялась слишком прямолинейной и формальной, то его «Этика» («Ethik»), опубликованная после войны, может дать возможность лучше понять личные и человеческие предпосылки этой теории. Сборник «Зависимость и самостоятельность в социальной жизни», изданный Визе, как можно полагать, также должен был бы основываться на категориях социальных отношений; и все же участники этого сборника в известной степени отходят от концепций Визе⁶⁶.

Карл Бринкман (1885—1954), известный в прежние десятилетия преимущественно как специалист по истории экономики, выступил также в качестве редактора коллективного труда «Социология и жизнь». Его основная теоретическая предпосылка совершенно иная, чем у Визе. Он считает социологию не столько некой специальной наукой, сколько неким «новым взглядом на миры восприятия вообще», взглядом, который все больше и больше доминирует.

⁶⁶ Leopold von Wiese, *Ethik in der Schauweise der Wissenschaft vom Menschen und von der Gesellschaft*, Bern, 1947; Leopold von Wiese (ed.), *Abhängigkeit und Selbstständigkeit im sozialen Leben*, Köln, 1951. Есть еще одна работа, инициатором и редактором которой был Визе: «Die Entwicklung der Kriegswaffe und ihr Zusammenhang mit der Sozialordnung» (при участии Мюльмана, Штоттена и Фолькмана, Кёльн, 1953).

Бринкман, кроме того, написал интересную, но трудно читаемую книгу о «революции». Незадолго до смерти он работал над немецким переводом и отбором материала из книги Парето «Трактат по социологии» («Trattato di sociologia», Tübingen, 1955)⁶⁷. Фактически социология Бринкмана, которая в своих последних фазах, к сожалению, не была связно изложена, близка теории Парето о «деривациях» и «реликтах».

Философия истории: Альфред Вебер и Ганс Фрейер. Альфред Вебер (род. в 1868 году) в своих послевоенных произведениях все больше и больше приближается к универсальной философии истории, в которой многие современные социологи могут лишь с большим трудом найти хоть какой-то социологический аспект⁶⁸. Вебер придерживается той же общей исторической тенденции, что и Ганс Фрейер (род. в 1887 году), но сходство это лишь поверхностное, поскольку Фрейеру никогда не пришлось бы в голову изучать историю как социологию. Кроме того, Фрейер настолько переключился на историю (о чем было заявлено в 1930 году), что в настоящее время он даже именуется «историком» (разумеется, однако, всегда в качестве социолога).

Фрейер, которому пришлось оставить свою профессорскую кафедру в Лейпциге в 1948 году и который затем преподавал в Мюнстере, в Вестфалии и в Анкаре (Турция), написал во время войны «Мировую историю Европы» («Weltgeschichte Europas», изд. 2, Штутгарт, 1955) — произведение, которое следует рассматривать как философию истории, хотя оно, бесспорно, является творчеством философствующего социолога.

Эмпирическая социология. Несмотря на роль вышеупомянутых ученых, основные тенденции современной немецкой социологии идут в совершенно ином направлении. Данное направление можно определить как «эмпирическую социологию», или «социографию», с явным тяготением к «прикладной социологии». Это вызвано двумя основными факторами: 1) практическая необходимость восстановления опустошенных городов после катастрофы второй мировой войны, реорганизация экономики и социальной структуры, а также приспособление и ассимиляция миллионов перемещенных людей в Западную Германию; 2) создание новых методов эмпирической работы, в чем определенно сказалось влияние американской социологии и «американизма»⁶⁹. Оба фактора взаимосвязаны.

⁶⁷ Carl Brinkmann (ed.), *Soziologie und Leben*, Tübingen, 1952. Ср. статью Бринкмана в этом сборнике: «Die soziologische Dimension in den Fachwissenschaften», S. 9—27, а также «Soziologische Theorie der Revolution», Göttingen, 1948.

⁶⁸ Alfred Weber, *Kulturgeschichte als Kultursoziologie*, 2 Aufl., München, 1950; *Prinzipien der Geschichts- und Kultursoziologie*, München, 1951; *Der dritte oder der vierte Mensch? Vom Sinn des geschichtlichen Daseins*, München, 1953.

⁶⁹ Книга Андреаса Вальтера «Социология и социальные науки в Америке» («Soziologie und Sozialwissenschaften in America»), проложив-

Социография и статистика. В данной области «социография» явно доминирует. Термин «социография», созданный Робертом Михельсом в 1908 году, а позднее усвоенный С. Р. Стейнмецом и Теннисом, означает всего лишь эмпирическое раскрытие и максимально полное описание элементарных данных о каком-либо определенном (и обычно регионально ограниченном) проблемном комплексе, а также систематизацию фактов, определенных таким образом с помощью количественных методов⁷⁰. Когда же социография выходит за пределы этой проблемы, например истолковывая связи, она становится социологией. Фактически многие социографические работы уже не укладываются в узкие рамки описания и содержат социологические элементы.

Применению статистических методов в значительной мере способствовал пример американской социологии. Однако в этом отношении существует и немецкая традиция. Книга Георга фон Майера «Статистика и общество» («Statistik und Gesellschaft», Tübingen, 1914—1922, 3 Bd.) была классическим произведением. Если сравнить 2-й том этой работы (2-е изд.) с «Учением о населении» («Bevölkerungslehre», 1953) Герхарда Маккенрота (1903—1955), то бросается в глаза удивительный прогресс. Хотя автор относит свою работу к социографии (в данном случае к демографии), он фактически излагает в ней социологическую теорию населения. Ни в одной другой области социологии после 1945 года не было достигнуто таких наглядных успехов в создании теории.

Социальная экология. Поскольку социография рассматривает элементарные факты социальной жизни, она также тесно связана с проблемами пространственного окружения, в котором живут человек и группы людей. В связи с этим социальная экология, по-видимому, образует в настоящее время особую отрасль социологии. Она имеет три источника. В качестве первого можно назвать некоторые работы, вышедшие около 1930 года; из них наиболее выдающейся является книга Адольфа Гюнтера «Общество Альпийской области» («Alpenländische Gesellschaft», Jena, 1930). В ней было показано, что центральноевропейская альпийская среда обладает неким общим специфическим значением, далеко выходящим за пределы политико-территориальных, религиозных и прочих границ. Вторым источником были предположения, основанные на биологическом и антропологическом изучении «среды»⁷¹. Третьим источником явились исследования, посвященные американским населенным пунктам.

шая уже много лет назад путь для понимания американской социологии, давно устарела.

⁷⁰ Roberto Michels, *Il proletariato e la borghesia nel movimento socialista italiano: Saggi di scienza sociografica — politica*, Torino, 1908; Rudolf Heberle, *Soziographie*, HS, Stuttgart, 1931, S. 564—568.

⁷¹ Cp. W. E. Mühlmann, *Das Problem der Umwelt beim Menschen* «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», 44 (1952), S. 153—181.

■ *Методы в социальной психологии.* В качестве других методов (или скорее технических приемов) использовались вопросник и интервью. Оба этих метода часто сочетаются, и, хотя их все время подвергают критике, они приобретают все большую популярность и непрестанно совершенствуются⁷². Социально-психологические методы также были значительно усовершенствованы, что во многом является заслугой Петера Р. Гофштеттера⁷³. Но, тем не менее, эти методы еще не применялись к проблемам немецкого общества.

Проблема перемещенных лиц. Особенно неотложной практической проблемой в последние годы являлась проблема перемещенных лиц. Количество «изгнанных» или Heimatvertriebene (как гласит официальное определение, данное в Федеративной Республике Германии), которые в соответствии с условиями Потсдамского соглашения должны были быть перемещены из восточных провинций Германии, Чехословакии и южноевропейских стран, оценивается примерно в 14 миллионов. На 31 декабря 1953 года в Федеративной Республике Германии было 8 450 000 таких лиц.

Неотложными практическими проблемами было размещение перемещенных лиц в различных провинциях Федеративной Республики Германии, их профессиональная и социальная ассимиляция с местным населением, преодоление социальной дистанции (зачастую имевшейся и нередко подчеркиваемой) между двумя группами населения, устранение «ностальгического комплекса» и поощрение браков между двумя группами.

Карл Валентин Мюллер собрал большое количество ценных сведений в этой области и с помощью своих сотрудников выполнил множество исследований, в особенности посвященных эмигрантской молодежи в Нижней Саксонии, Шлезвиг-Гольштейне и в Баварии. Он, кроме того, установил путем тщательного изучения (результаты которого методически проверялись снова и снова), которое продолжалось на протяжении ряда лет, что школьные успехи и социальный прогресс детей из семей перемещенных лиц были не ниже, а типично несколько выше по сравнению с детьми местного коренного населения.

В целом тяга новых граждан к «успеху» и «социальному восхождению» очень велика, даже больше, чем у семейств старожилов. Мюллер уделяет особое внимание корреляции между социальными и интеллектуальными достижениями, с одной стороны, и социальным положением — с другой. Что касается брака между двумя группами, то «брачный индекс» повысился в среднем с 70% в 1950 году

⁷² René König et al., *Das Interview: Formen, Technik, Auswertung*, Dortmund, 1953; Ludwig von Friedeburg, *Die Umfrage in der Intimsphäre, «Beiträge zur Sexualforschung»*, 4, Stuttgart (1953).

⁷³ Peter R. Hofstätter, *Einführung in die quantitativen Methoden der Psychologie*, München, 1953; *Die Psychologie der öffentlichen Meinung*, Wien, 1949; *Einführung in die Sozialpsychologie*, Stuttgart, 1954.

до почти 100% в 1955 году, что является весьма хорошим показателем ассимиляции молодого поколения⁷⁴

Социология большого города. Второй неотложной практической задачей была реконструкция немецких городов. То, что это ставило не только технические и организационные, но также и социологические проблемы, было впервые подчеркнуто Элизабет Пфейль после войны. В этом отношении она могла опираться не только на образец американской «городской социологии», но и на примечательную немецкую традицию (Георг Ханзен, Рихард Турнвальд, Макс Вебер, Вилли Хелльпах и др.). Бесспорно, что новая немецкая социология города впервые нашла применение в строительстве. По сравнению с городской социологией, сельская социология отстает. Исследование Кёттера показывает, что социальный и культурный градиент в настоящее время совершенно определенно проходит от города к деревне⁷⁵.

Индустриальная социология, или социология фабрики. Давно было известно, что проблемы «индустриального рабочего мира» относятся к определенному аспекту социологии народа. Перед индустриальной социологией (или социологией производства — Betriebssoziologie, как она обычно именуется в Германии) стоят сегодня в Западной Германии новые проблемы, тесно связанные с положением рабочего класса, с отношениями между социальными партнерами (труд и управление) и с политическим влиянием союзов. Естественно, что существует также взаимосвязь с проблемами перемещенных лиц и семьи. В духе ранних работ Вольдта и других в настоящее время проводятся исследования для изучения социальной и основной среды «индустриального человека»⁷⁶.

Положение предпринимателя значительно изменилось по сравнению с прежними временами, и прежний анализ управления, сделанный Шумпетером и др., уже не соответствует нынешнему положению дел. Несмотря на появление выдающейся книги Зауэр-

⁷⁴ Из многочисленных опубликованных работ К. В. Мюллера (K. V. Müller) мы укажем лишь следующие: «Die Begabung in der sozialen Wirklichkeit» (Göttingen, 1951); «Die Eingliederung der Heimatvertriebenen als soziologischer Vorgang», München, 1953. В более широком социально-историческом аспекте этот вопрос рассматривает Бренполь (Wilhelm Brenpohl, Der Aufbau des Ruhrvolkes im Zuge der Ost-West-Wanderung: Beiträge zur deutschen Sozialgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts, Recklinghausen, 1948).

⁷⁵ Elisabeth Pfeil, Großstadtforschung, «Raumforschung und Landesplanung», 19, Bremen (1950); Die Wohnwünsche der Bergarbeiter: Soziologische Erhebung, Deutung und Kritik der Wohnvorstellung eines Berufes, Tübingen, 1954; Martin Rumpf, Die Großstadt als Lebensform in ihrer sozialen Prägenkraft, KVS, 10 (1931), S. 200—219; Willy Hellpach, Mensch und Volk der Großstadt, 2 Aufl., Stuttgart, 1952; Herbert Kötter, Struktur und Funktion von Landgemeinden im Einflussbereich einer deutschen Mittelstadt (Darmstadt), Darmstadt, 1952.

⁷⁶ Ernst Michel, Sozialgeschichte der industriellen Arbeitswelt, ihrer Krisenformen und Gestaltungsversuche, 3 Aufl., Frankfurt/Main, 1953; Walther Hoffmann (ed.), Beiträge zur Soziologie der industriellen Gesellschaft, Dortmund, 1952; Theo Pirker et al., Arbeiter, Management, Mitbestimmung: Industriesoziologische Untersuchung, Stuttgart, 1955.

мана⁷⁷, в этой области не было достигнуто особых успехов. Хотя в некоторых семинарах и институтах изучалась роль руководства и власти на производстве, эта тема, по-видимому, все еще затрагивает особую черту в нашей национальной психологии — то, что мы лишь с большим трудом можем достичь компромисса в виде ответственного и контролируемого руководства между крайностями абсолютного господства и абсолютной свободы.

«Управленческая революция» Бернхейма была переведена на немецкий язык. Шельский недавно подчеркнул то обстоятельство, что наши образовательные учреждения не обеспечивают в достаточной степени подготовку экономических руководителей дальновидного и гуманного типа, которые необходимы сегодня. Хотя у нас де-факто существует режим управляющих, у нас нет управленческой элиты; и общая ориентация нашего общества никак не обеспечивает образования такой элиты⁷⁸.

Социология семьи. Работа в этой области еще только начиналась перед 1933 годом в Германии⁷⁹. Так называемое поощрение семьи нацистским режимом имело в основе демографическо-политические цели, выходявшие за пределы семьи как социальной структуры. Вследствие этого в настоящее время в Федеративной Республике Германии имеется тенденция отождествлять «здоровую» и «социально нетронутую» семью с «многодетной семьей» и тем самым подменять социологический аспект демографическо-политическим. Тем не менее в Западной Германии уже существует научная социология семьи.

Влияние войны и послевоенных событий на семью, дезорганизация, вызванная гибелью и бедствиями перемещенных лиц, а также социальное деклассирование многих семейств вследствие мероприятий по денацификации являлись и в этом случае практическими отправными точками для социологических исследований. Работы Рене Кёнига, опубликованные в Швейцарии, впервые после войны познакомили немецких социологов с американской социологией семьи. Роль дезорганизации также рассматривалась в криминологическо-социологических исследованиях Бадера. Затем появилась замечательная работа Хильды Турнвальд о берлинских семьях, вслед за которой вышли исследования Шельского и Вурцбахера⁸⁰.

⁷⁷ Heinz Sauermann, *Die Gestalt des Unternehmers*, Berlin, 1937. См. также Wolfgang Kellner, *Die Wirtschaftsführung als menschliche Leistung*, Braunschweig, 1949.

⁷⁸ Helmut Schelsky, *Industrie- und Betriebssoziologie*, in Arnold Gehlen und Helmut Schelsky (eds.), *Soziologie*, Düsseldorf, 1955, S. 157—197.

⁷⁹ Ср. доклады в Soc., 8 (1932), pp. 228—229; 472—475, а также Ferdinand Tönnies, *Die moderne Familie*, HS (Stuttgart, 1931), S. 122—131.

⁸⁰ René König, *Materialien zur Soziologie der Familie*, Bern 1946; Hilde Thurnwald, *Gegenwartsprobleme Berliner Familien. Eine soziologische Untersuchung an 498 Familien*, Berlin, 1948; Helmut Schelsky, *Wandlungen der deutschen Familie in der Gegenwart*, 3 Aufl., Stuttgart, 1955; Gerhard Wurzbacher, *Leitbilder gegenwärtigen deu-*

Из указанных работ, по-видимому, можно сделать вывод, что семья как социальная единица выдержала лучше, чем можно было бы ожидать, те испытания, которым она подверглась. Невзирая на требования производства, публики и политики, современная немецкая семья представляет собой своего рода убежище (пожалуй, единственное), где интимность, чувство и социализация путем первичных человеческих отношений все еще могут иметь место без каких-либо ограничений. Несомненно, что связанное с этим чувство «принадлежности к группе» имеет также и свои сомнительные аспекты. Тем не менее, когда Шельский подытоживает примерно таким образом результаты своих исследований, то такая интерпретация вызывает резкую критику со стороны других социологов. До настоящего времени сфера исследований такого рода не затрагивала вопроса о том, достаточно ли того, что современная семья имеет «характер приюта», чтобы она снова могла стать эффективным организующим центром в большом обществе. Создание министерства семьи в федеральном правительстве в Бонне показывает, насколько сильны эти «патриархальные» реликты. Есть еще целый ряд проблем, связанных с теми проблемами брака и семьи, которые касаются сексуальной психологии, педагогики и морали. Эта область до сих пор еще недостаточно исследована, хотя «Критика моральной статистики» Михеля давно проложила путь для беспристрастного рассмотрения реальных фактов⁸¹.

Стратификация и структура большего общества. Однако нельзя ничего сказать о будущности семьи, не располагая более точными сведениями о степени и виде ее определения бóльшим обществом. Но что нам известно о самом этом большом обществе?

Если в последних работах Гейгера, написанных до 1933 года и посвященных социальной стратификации немецкого народа, уже был ясен проблематичный характер понятия класса, то для эволюции в последнее десятилетие характерны формальная редукция понятия и даже известное пренебрежение к понятию «социальная стратификация». Гейгер, фактически являвшийся ведущим специалистом по проблеме стратификации на европейском континенте, на основе проведенного им изучения социальной стратификации в Дании критиковал понятие класса в его классической марксистской форме. Марксова теория классов никогда не была правильной в смысле некоего универсально действительного эмпирического закона¹. Ограниченная во времени фаза общества, для которой эта теория оказалась в известной степени применимой, уже прошла. Совершенно ложны, например, «теория воз-

tschen Familienlebens, 2 Aufl., Stuttgart, 1954. Cp. Howard Becker, German Families Today, Chap. 2 in symposium ed. by H. J. Morgenthau, Germany and the Future of Europe, Chicago, 1951.

⁸¹ Robert Michels, Sittlichkeit in Ziffern? Kritik der Moralstatistik, München, 1928.

* Здесь и ниже очередные заблуждения буржуазных социологов. См. по этому вопросу послесловие (стр. 828—865).—Ред.

растающего обнищания» и положение о некоем «подлинном классовом интересе»; столь же ложен и прогноз Маркса об исчезновении средних классов. Стратификация, основанная преимущественно на доходе, сломала прежние классовые границы, и большинство рабочих поднялось до уровня мелкой буржуазии. Более того, теперь уже повсеместно стало ясно, что «героический век» рабочего движения прошёл. Это означает, что возможности подлинного «пролетарского» стиля жизни уже, пожалуй, не могут быть реализованы⁸².

С другой стороны, Гейгер полагает, что ему удалось показать (на основе датского материала), что профессиональные слои становятся все более ригидными за последние 70 лет. Поэтому широко распространенное утверждение о том, что классовое общество является «открытым» в противоположность «замкнутому сословному обществу», ложно или, по крайней мере, преувеличено. Открытость классовых границ была характерна лишь в непродолжительный период перехода от высокоинтегрированного сословного общества в эпоху раннего капитализма к нынешнему классовому обществу. Я даже полагаю, что «сословные» элементы никогда не были полностью утрачены даже в классовом обществе и что они снова приобрели силу после выступления против сословных привилегий вслед за уничтожением этих привилегий. Митгау недавно указал на многочисленные сословные «реликты» в нашей секуляризированной культуре⁸³, которыми она столь значительно отличается, например, от американского общества.

Я отнюдь не утверждаю, однако, будто эти реликты отомрут просто потому, что либералы считают их «феодальными пережитками». Пожалуй, прогноз для либерализма неблагоприятен. Исследование, проведенное Маккенротом, показало, что различный социальный престиж профессий в сочетании с представлениями об успехе и интеллектуальной квалификации является наиболее высокоочтимым критерием для табеля о профессиях в широких кругах населения совершенно независимо от «классового положения»⁸⁴.

Гейгер взялся также за старую тему Михельса о функции «интеллигенции», показав, что эту группу нельзя определять ни клас-

⁸² Theodor Geiger, *Die Klassengesellschaft im Schmelztiegel*, Köln, 1949; Gerhard Weisser, *Freiheitlich-sozialistische Stilelemente im Leben der Arbeiterschaft*, Göttingen, 1948.

⁸³ Theodor Geiger, *Umschichtungen in einer dänischen Mittelstadt*, «Acta jutlandica, Aarsskrift for Århus Universitet», 23 (Århus and Copenhagen, 1951); Hermann Mitgau, *Ständische Daseinsformen genealogisch gesehen: Untersuchungen über das Generationsschicksal im Gesellschaftsaufbau*, Göttingen, 1953. Cp. Howard Becker, *Changes in the Social Stratification of Contemporary Germany*, ASR, 15, 3 (June, 1950), pp. 333—342.

⁸⁴ Gerhard Mackenroth and K. M. Bolte, *A report on the research plan used*, in «Wandlungen der deutschen Sozialstruktur», «Transactions of the Second World Congress of Sociology», 2, London, 1954, pp. 91—102.

совым положением и классовым сознанием, ни сословным положением⁸⁵.

Процесс дестратификации. В наши дни можно поставить вопрос о том, наступил ли момент, когда традиционные понятия о «вертикальной мобильности», «социальном восхождении и падении» и о «социальном положении» стали лишь словечками, уже не оказывающими влияния на решающие события в обществе. Исходя из этого беглого очерка, современные процессы можно охарактеризовать как выравнивание, или дестратификацию, хотя сомнительно, раскрывают ли такие термины сущность этих процессов. При здравом рассмотрении оказывается: 1) Прежние классовые напряжения все в большей и большей степени заменяются в Западной Германии напряжениями, пересекающими прежние классовые границы. Противоположность между, с одной стороны, солидарностью интересов при производстве товаров (предприниматель и рабочий) и остальным обществом, в особенности теми, кто только потребляет, с другой, является самым важным моментом (Гейгер). Кроме того, имеется большее количество напряжений второй или третьей степени важности между местным населением и перемещенными лицами, между религиозными группами и т. п. 2) Вследствие перепроизводства существует широко распространенное стремление к повышению уровня жизни⁸⁶, причем оно вызвано не столько желанием походить на «более высокие» социальные слои, сколько притягательностью самого предложения и жадной «оглядкой» на стиль жизни своего соседа, находящегося на том же социальном уровне. Поскольку данная тенденция почти универсальна, она в силу этого не носит специфически классового характера и ее не следует смешивать с тягой к социальному восхождению, хотя это последнее и может являться дополнительным фактором.

Политическая социология. Предпринятая под американским влиянием попытка добиться более почетного места для науки о государственном устройстве в программах высших учебных заведений Федеративной Республики Германии, чем это было в период до 1933 года, имеет касательство к социологии в различных аспектах, хотя, естественно, не всякая наука о государстве — политическая социология. Среди дискуссий, имеющих социологическую направленность, особенно выделяются те, в которых участвовали Флехтгейм и Грабовский. Последний попытался также сформулировать теорию «масс». Штаммер и Габленц — бесспорные представители политической социологии⁸⁷. Такие темы, как международные

⁸⁵ Theodor Geiger, Aufgaben und Stellung der Intelligenz in der Gesellschaft, Stuttgart, 1949. Cp. Josef Dobretsberger, Krise der Intelligenz, ZS, 107 (1951), S. 1—35.

⁸⁶ Гелен говорит о «безграничной плеонексии», модифицируя один из терминов Шелера; Arnold Gehlen, Sozialpsychologische Probleme der industriellen Gesellschaft, Tübingen, 1949.

⁸⁷ Ossip K. Flechtheim, Politik als Wissenschaft, Berlin, 1953; Adolf Grabowsky, Politik im Grunriss, Freiburg, 1952; Otto Stammer, Herrschaftordnung und Gesellschaftsstruktur; Erkenntnisobjekt und

отношения, колониализм, империализм, национальные идеи и национализм, все еще редко рассматриваются в социологическом аспекте. Имеется, однако, незначительное число хороших работ, посвященных европейскому национализму, которые написаны историками и которыми социологи не могут пренебречь⁸⁸.

Из работ, принадлежащих школе Турнвальда, можно упомянуть об одном социально-психологическом исследовании по вопросу о национальных предрассудках⁸⁹. Детальное социологическо-функциональное изучение проблем управления и конституций, а также сравнительная социология демократических и авторитарных государственных систем все еще находятся на ранних стадиях. Обнадеживающее начало было сделано в изучении внешней и внутренней организации и функции политических партий, ячеек и различных заинтересованных групп. Флехтгейм дал социологический анализ деятельности Коммунистической партии Германии в эпоху Веймарской республики. Книга Боркенау о коммунизме и прежние работы Гурьяна носят более исторический характер⁹⁰. Им не хватает блестящего социологического прозрения, которым отличаются книги французского ученого Моннеро на ту же тематику, но тем не менее в них содержится большое количество достоверного фактического материала.

Власть, пропаганда и политическое влияние. В области политической пропаганды мы в настоящее время располагаем большим материалом, чем прежде, но нам не хватает человека такого масштаба, как покойный Рoffенштейн, который бы дал тщательный психологический анализ этого богатства фактов⁹¹.

Aufgaben der politischen Soziologie, SJ, 71 (1951), S. 257—296; O. H. von der Gabeln z, Politische Parteien als Ausdruck gesellschaftlicher Kräfte, Berlin, 1952.

⁸⁸ Eugen Lemberg, Geschichte des Nationalismus in Europa, Stuttgart, 1950; Alexander von Schelling, Russland und Europa im russischen Geschichtsdenken, Bern, 1948; Reinhard Wittram, Das Nationale als europäisches Problem, Göttingen, 1954.

⁸⁹ K. S. Sodhi und R. Bergius, Nationale Vorurteile; Eine sozialpsychologische Untersuchung von 881 Personen, Berlin, 1953.

⁹⁰ См. Adolf Grabovsky, Demokratie und Diktatur, Zürich, 1949; Ossip K. Flechtheim, Die KPD in der Weimarer Republik, Offenbach, 1948; Franz Borkenau, Der europäische Kommunismus; Seine Geschichte von 1917 bis zur Gegenwart, München, 1952; Waldemar Gurian, Der Bolschewismus; Einführung in Geschichte und Lehre, Freiburg, 1931; R. M. MacIver, The Web of Government, New York, 1947 (эта работа была переведена на немецкий язык под названием «Macht und Autorität», Frankfurt/Main, 1953).

⁹¹ Walther Hagemann, Publizistik im Dritten Reich, Hamburg, 1949; Vom Mythos der Masse; Ein Beitrag zur Psychologie der Öffentlichkeit, Heidelberg, 1951. Cp. Howard Becker, The Regimented Man, Interviews with German Officials under the Nazis, SF, 28, 1, (October, 1949), pp. 19—24; Intellectuals, Concentration Camps, and Black Propaganda, AJES, 10, 2 (January 1951), pp. 139—144; Propaganda and the Impotent German Intellectual, SF, 39, 3 (March, 1951), p. 273—276; Max Weber, Assassination, and German Guilt, AJES, 10, 4 (July, 1951), p. 401—406.

Существует комплекс проблем, особенно привлекательных для историков, социологов и этических философов,— это власть, господство и насилие; Макс Вебер уже рассматривал этот комплекс, проявив большую проницательность. Мюльман, например, изучал отношение теории и практики ненасильственного сопротивления, применявшегося Ганди в индийской революции. В более широком аспекте связь между политикой и этикой рассматривается в книге чикагского специалиста по государственному устройству Людвига Фрейнда, опубликованной недавно в Германии, и об этой книге здесь необходимо упомянуть, поскольку она тесно связана с немецкой философской традицией, а в социологическом отношении многим обязана Зиммелю и Максус Веберу⁹². Эти влияния, однако, сочетаются с американским реализмом.

Большое внимание уделяется также изучению проблемы политического руководства, политической селекции и формирования элиты в их историческом, социологическом и практическом аспектах. Здесь совершенно явно ощущается влияние итальянской политической социологии (Парето, Моска и Михельс)⁹³.

Нынешнее положение немецкой социологии: разрыв с прошлым. Деятельность в области культур-социологии и сравнительной социологии в последние годы вообще отошла на задний план по сравнению с той работой, которая развернулась в области социологии а в недавнее время и в области политической социологии.

Этнографической социологии занимаются лишь от случая к случаю⁹⁴; большинство немецких этнографов мало интересуется социологией. К сожалению, все увеличивающийся разрыв между социологией и этнологией достиг таких масштабов, что теоретическое использование этнографических данных (в тех случаях, когда это независимо пытаются сделать социологи) неизменно оказывается некритическим и дилетантским. Под американским влиянием многие охотно говорят о «культур-антропологии»; однако нередко за этим претенциозным наименованием скрываются дилетантские поползновения.

⁹² См. Gerhard Ritter, *Vom sittlichen Problem der Macht*, Bern, 1948; W. E. Mühlmann, *Aspekte einer Soziologie der Macht*, ARS, 40 (1952), S. 84—114; Arnold Gehlen, *Macht, einmal anders gesehen*, Zürich, 1954; W. E. Mühlmann, *Mahatma Gandhi; Der Mann, sein Werk und seine Wirkung*, Tübingen, 1950; Ludwig Freund, *Politik und Ethik*, Frankfurt/Main, 1955.

⁹³ См. Theodor Geiger, *Führung*, HS, Stuttgart (1931), S. 136—141; Max Graf zu Solms, *Führerbestellung*, Leipzig, 1932; W. E. Mühlmann, *Zur Theorie der sozialen Siebung*, «Jahrbuch für Sozialwissenschaft», I, 1950, S. 197—212; Otto Stammer, *Das Elitenproblem in der Demokratie*, SJ (1951), S. 1—28.

⁹⁴ W. E. Mühlmann, *Abhängigkeit und Selbstständigkeit bei den Naturvölkern in ihrem Verhältnis zur Zivilisation*, in Leopold von Wiese (ed.), *Abhängigkeit und Selbstständigkeit im sozialen Leben*, Köln, 1951, S. 82—110; Ilse Schwedetzky, *Das Problem des Völkertodes*, Stuttgart, 1954.

Сомнительно, имеет ли будущность социология познания, несмотря на то, что дискуссии по этому вопросу возобновились. Те большие обещания, которые сопровождали появление на свет этой специальной дисциплины, по-видимому, не оправдываются результатами. Совершенно иначе обстоит дело с проблемой идеологии, но и здесь мало что сделано в отношении изучения ее политических следствий, хотя и вышла оригинальная книга Гейгера, изданная посмертно⁹⁵.

Появляется большое количество работ, претендующих на то, чтобы дать полную социологическую интерпретацию нынешнего положения человечества, по крайней мере западного человека. Сочинения такого рода выступают в виде критики культуры (или цивилизации) и содержат социологические элементы, хотя заметно вторгаются в философию истории. Подобные произведения, которые можно узнать по их похожим названиям, уже имели традицию в Германии. Образцом являются труды Ницше и Шпенглера. В 1931 году вышла «Духовная ситуация эпохи» («Die geistige Situation der Zeit»), написанная философом Карлом Ясперсом, учеником Макса Вебера. Карл Маннгейм выпустил в эмиграции «Диагноз нашего времени» («Diagnosis of Our Time»); Макс Хоркхеймер и Теодор В. Адорно также задумали свою глубоко пессимистическую «Диалектику просвещения» («Dialektik der Aufklärung») в период эмиграции. После войны в Германии вышли работы Альфреда Вебера, Альфреда Мюллера-Армака и Александра Рюстова⁹⁶. В первой из них главным злом считается секуляризация, а в остальных протоисторическое порабощение этнических групп завоевателями, вследствие чего на свет появилась пагуба правящей тирании.

Хотя в настоящее время такие работы воспринимаются как кладёз премудрости или как концентрированная философия какого-либо «великого старца», среди младшего поколения социологов вряд ли существует склонность превозносить их. Теоретические и систематическо-социологические замыслы вообще стали крайне редки⁹⁷. Когда же попытки такого рода предпринимаются, то авторы обычно не обладают ни упорством, ни интеллектуальным багажом прежних немецких социологов. В свое время мы имели в социологии господствующие фигуры, выдвигавшие собственные идеи, и, если

⁹⁵ Egon Tuchfeldt, Zur heutigen Problemstellung der Wissenssoziologie, ZS, 107, (1951), S. 723—731; Hans Joachim Lieber, Wissen und Gesellschaft: Die Probleme der Wissenssoziologie, Tübingen, 1952; Theodor Geiger, Ideologie und Wahrheit; Eine soziologische Kritik des Denkens, Stuttgart, 1953.

⁹⁶ Alfred Weber, Abschied von der bisherigen Geschichte, Hamburg, 1946; Alfred Müller-Armack, Das Jahrhundert ohne Gott: Zur Kultursociologie unserer Zeit, Münster, 1945; Alexander Rüstow, Ortsbestimmung der Gegenwart, Erlenbach — Zürich, 1950, 1952, 2 Bde.

⁹⁷ Например, Max Graf zu Solms, Gesellschaftslehre, Verhandlungen des 8. Deutschen Soziologentages 1946, Tübingen, 1948, S. 57—91; Gerhard Mackenroth, Sinn und Ausdruck in der sozialen Formenwelt, Meisenheim, 1952.

счастье им благоприятствовало, они проводили также и эмпирические наблюдения. Ныне же у нас есть группы научно-исследовательских работников, специалистов, объединенных в коллективы, изучающие определенные социальные проблемы; иногда у них могут быть также и идеи. Преимущество этого способа — в новизне подхода, технических знаниях и методологической уверенности, с которыми рассматриваются социальные проблемы. Недостатки те же, что и в других странах: провинциализм, а иногда субъективизм и дилетантство. Эпоха мнимо великих, дефинитивных социологических систем и всеобъемлющих теорий, по-видимому, уже закончилась, по крайней мере на данный момент. Наступит ли она вновь когда-нибудь, никто не может сказать⁹⁸.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Aron Raymond, *La Sociologie allemande contemporaine*, Paris, Presses Universitaires de France, 1936.
- Barnes H. E. (ed.), *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, University of Chicago Press, 1948, chapt. 10—20.
- Becker, Howard and Barnes H. E., *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, Dover Publications, 1952, chapt. 23 «Sociology in the Germanic Languages», I., «Germany and Austria», p. 878—933.
- Gehlen, Arnold and Helmut Schelsky (eds.), *Soziologie*, Düsseldorf, E. Diederich, 1955.
- Horkheimer Max, *Survey of the Social Sciences in Western Germany*, Washington, Library of Congress, 1952.
- Salomon Albert, *German Sociology*, in Georges Gurvitch and Wilbert E. Moore (eds.), *Twentieth Century Sociology*, New York, Philosophical Library, 1945, chapt. 20.
- Wiese Leopold von, *Soziologie: Geschichte und Hauptprobleme*, Berlin, Walter de Gruyter, 1950.
- Ziegenfuss Werner, *Handbuch der Soziologie, Erste Hälfte*, Stuttgart, Ferdinand Enke Verlag, 1955, в особенности гл. 1 и 2.

⁹⁸ В качестве примера коллективных исследований можно назвать: Wilhelm Bernsdorf und Friedrich Bülow (eds.), *Wörterbuch der Soziologie*, Stuttgart, 1955; Arnold Gehlen und Helmut Schelsky (eds.), *Soziologie; Lehr- und Handbuch zur modernen Gesellschaftskunde*, Düsseldorf, 1955; Werner Ziegenfuss (ed.), *Handbuch der Soziologie*, 2 Bde, Stuttgart, 1955—1956.

СОЦИОЛОГИЯ В ИТАЛИИ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

117
111

Франко Ферраротти

Цель настоящего очерка — сообщить несколько наблюдений относительно судеб и нынешнего состояния социологических исследований в Италии, в особенности после первой мировой войны. Поэтому здесь не будет ни всеохватывающего анализа, ни критического рассмотрения опубликованных работ, которые справедливо или несправедливо считаются особенно важными для культурной деятельности Италии в области социологии. Мы хотим лишь заново открыть дискуссию по нескольким фундаментальным проблемам, с которыми социология при нынешней ситуации в области культуры в Италии должна считаться в первую очередь, если она действительно намеревается устранить со своего пути ряд препятствий, даже теперь серьезно тормозящих ее развитие.

ЗФЕМЕРНЫЙ ХАРАКТЕР ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Изучение социологии в Италии по-прежнему находится в жалком положении. Правда, появляются кое-какие признаки пробуждающегося интереса, за которым иногда кроется энтузиазм повторного открытия. Тем не менее остается фактом, что на общем фоне современной итальянской культуры подлинные и оригинальные социологические работы появляются лишь от случая к случаю, обычно в результате вдохновения и усилий отдельных лиц. Лишь в исключительных случаях им удастся дать своим исследованиям органическую основу и связанное единство, могущее спасти их от нежелательной фрагментарной дисперсии¹.

В современном понимании социология — индуктивное исследование, не слишком стремящееся найти для себя место в какой-либо универсальной метафизической системе. Кроме того, она представляет собой дескриптивный анализ человеческих коллективов и их

¹ См. библиографический очерк Филиппо Барбано в «Il Politico» (декабрь 1954). Несмотря на сомнительные исходные позиции, эта статья является особенно важной, если ее рассматривать как первый шаг к тому органическому единству, которого, к сожалению, не хватает итальянским социологическим исследованиям.

различных взаимозависящих схем поведения, поскольку эти схемы являются единообразными, повторяющимися, а значит — уместно тут добавить — и предсказуемыми. Можно утверждать, не боясь впасть в противоречие, что социологии как таковой в настоящее время в Италии почти не существует. Подобное утверждение может показаться полемически окрашенным и неоправданным, в особенности если вспомнить о количестве «социологических» заглавий и фраз в нашей стране [Италии], где, по-видимому, каждый интересуется — в различной степени — социальными проблемами. Но в большинстве случаев это всего лишь фразы, а не исследования, для которых характерны четкие границы и последовательность рабочих гипотез и метода. Это все в большей или меньшей степени утопические и неоправданные проекты, в которых характерно наличествует — можно сказать, изначально присуще им — смешение между эмпирическим познанием и основополагающими понятиями. Социологические же исследования в точном смысле слова встречаются в действительности крайне редко.

ПАГУБНОСТЬ КРОЧЕАНСКОГО ИДЕАЛИЗМА

В соответствии с довольно широко распространенной точкой зрения вина за такое положение — то есть за трудности и, в конечном счете, банкротство и почти полное отсутствие социологии в современной Италии — падает в основном на философов-идеалистов неогегельянского толка (Кроче и Джентиле). В этом, бесспорно, есть значительная доля истины, хотя легко было бы, рассматривая это положение исключительно в данном аспекте, прийти к механическому заключению, сформулированному в таких выражениях, как «или-или», и пренебречь рассмотрением и оценкой всех переменных. Как я уже имел случай упомянуть в другом месте, нельзя сомневаться в том, что длительное, решающее влияние неоидализма на развитие нашей культурной жизни, на ее интересы и важнейшие направления научных исследований препятствовало и все еще в значительной степени продолжает препятствовать критическому пересмотру тех традиций, на которые непременно должны опираться социологические исследования в Италии. Является неоспоримым фактом, что на протяжении последних сорока лет неоидализм оказывал пагубное влияние на социологию, причем это влияние и сейчас еще не полностью прекратилось. Отрицательная позиция Кроче все еще дает себя знать, даже в дискуссиях в различных областях за пределами чисто академического мира специалистов, и притом в такой степени, что иногда становится предметом журналистских споров².

² См., например, ожесточенную полемику, происходившую несколько лет назад между Карло Антонио, Камилло Пеллици и Либертио Ленти

В этом нет ничего особенно удивительного. Влияние неоидеализма, в особенности философии Кроче (Джентиле, по-видимому, всегда был лишь «талантливый популяризатор»)³, на культурную жизнь Италии было столь значительным и всепроникающим, что оно уже не замечается. Удивительно то, что отрицательное отношение Кроче к возможностям социологии как науки до сих пор продолжают бездумно копировать, как если бы это была священная формула. Не делается никаких попыток глубже рассмотреть вопрос с тем, чтобы исследовать все логические варианты. Тот факт, что такое глубокое критическое изучение позиций Кроче не было проведено и что не осознается неотложная необходимость такой переоценки, свидетельствует весьма наглядно о постоянном присутствии и принятии *en bloc** фундаментальных элементов крочеанской философии во всех областях нашей традиционной культурной деятельности⁴. Его вето, по-прежнему, сохраняет свою силу и все еще не критически воспринимается и пережевывается в различных формах как некий философский *ne plus ultra***.

Популярность философии Кроче и ее удивительная способность к проникновению были фактически связаны с подлинными трудностями в положении нации, которые Кроче пытался разрешить, дав философскую основу для первой попытки синтеза и интеллектуальной реорганизации. Как писал Грамши: «Хотя и справедливо, что Кроче всегда держится как некий мировой вождь, а это заставляет его принимать уравновешенные, олимпийские позиции, не компрометируя себя обязательствами светского или преходящего характера, но столь же справедливо и то, что он сам проводил принцип, гласящий, что в Италии — при наличии желания депроvincialизировать культуру и нравы (а провинциализм все еще остается как пережиток политического и морального партикуляризма прошлого) — необходимо поднять уровень интеллектуальной жизни посредством контакта и обмена идеями с целым миром... Вследствие этого его позиции и деятельности свойствен один из существенных националистических принципов. Роль Кроче можно сравнить с ролью римского папы»⁵.

о факультетах государственного управления, серьезно скомпрометировавших себя в период фашизма: C. Antonio, La Facoltà degli spostati, «Il Mondo» (July 23, 1949); C. Pellizzi, La Facoltà degli spostati, «La Fiera Letteraria» (July 24, 1949); L. Lenti, La Cultura dei diciottisti, «Il Mondo» (agosto 6, 1949); C. Antonio, La Facoltà della seconda laurea, «Il Mondo» (agosto 13, 1949).

³ См. Franco Lombardi, Nascita del mondo moderno, «Asti» (1953), p. 145.

* *En bloc* (франц.) — целиком. — *Перев.*

⁴ Антонио Грамши дал, пожалуй, наиболее точное научное объяснение социально-культурной интерпретации, которой суждено было возникнуть и укорениться в качестве подлинной «культурной диктатуры» с Кроче как своего рода светским папой. См., в особенности, его «Il materialismo storico et la filosofia di Benedetto Croce», Torino, 1948.

** *Ne plus ultra* (лат.) — здесь — предел. — *Прим. перев.*

⁵ Il materialismo storico et la filosofia di Benedetto Croce, pp. 246—247.

Независимо от того, приемлемо ли сравнение Кроче с папой, сделанное Грамши, или же оно представляется не относящимся к делу и даже оскорбительным, несомненно, что Кроче, так же как и Джентиле, прекрасно умел пользоваться ферулой. Оба они, но в особенности неутомимый Кроче, могут считаться хорошими образцами «организаторов» культуры. Еще в первое десятилетие нашего века Кроче — который с 1903 года издавал журнал «Критика» («La Critica») и уже тогда был известен как своими критическими исследованиями в области истории литературы, так и своей переоценкой марксизма и гегельянства, — был готов взять на себя роль интеллектуального руководителя. Он был главной движущей силой в процессе обновления итальянской культуры в антипозитивистском смысле. Это обновление, основанное на широком научном разъяснении доктрины, имевшем серьезные последствия, тем не менее было выражено в весьма незамысловатом и почти журналистском выступлении. Все основные трудности хорошо скрыты в легко читающемся простом тексте.

Цена, которую итальянской культуре пришлось заплатить за это «разъяснение», была довольно высока. Хотя, с одной стороны, при этом, к счастью, были обузданы некоторые механистические эксцессы старого позитивизма, с другой стороны, выдвигалась новая концепция естественных наук и математики, свидетельствующая в действительности об обнищании и упразднении целого ряда научных дисциплин. По справедливому замечанию Ремо Кантони, «стало необходимо презирать любую классификацию, независимо от того, носила ли она прагматический, эмпирический, натуралистический или социальный характер. Вся наука была отброшена как форма познания, направляемая практическими — не спекулятивными — требованиями. Идеализм повсюду открывал «псевдопонятия»⁶.

Фактически математике вернули чисто абстрагирующую функцию, в то время как всякая познавательная ценность естественных наук и социологии отрицалась. Их роль сводилась в основном только к удобным видам классификации. Столь же неверно утверждать, как это часто делают ученики Кроче и их преемники, что Кроче не обесценил науку, низведя ее от логики к практике, поскольку его философская теория и практика находились в такой взаимосвязи, для которой не было логически возможным установить какую-либо иерархию ценностей. Истина заключается в том, что, отрицая всякую познавательную ценность науки и сводя ее лишь к удобной классификации, Кроче положил начало расхождению между философией и наукой. Философия не только стала реже приходить на помощь научным исследованиям, в особенности в тех случаях, когда дело касалось фундаментальной систематической методологии и рабочих гипотез, но вместо того, чтобы обога-

⁶ См. Remo Cantoni, *La Dittatura dell'Idealismo*, «Il Politecnico», 38 (November, 1947).

щаться новыми идеями, она сама постепенно была низведена до уровня «солиста», к философствованию понятиями, являвшимися «чистыми», то есть бессодержательными и само собой разумеющимися.

Те, кто придерживается широко распространенного мнения, согласно которому диктатура идеализма — основная причина прогрессивного обнищания и окончательного исчезновения некогда мощных итальянских социологических направлений, бесспорно, в известной степени правы. Здесь учитывается ряд обстоятельств, сыгравших весьма заметную роль в общей культурной панораме Италии в первую половину XX века. Однако такой взгляд стал уже традиционным, и с каждым днем все больше возрастает опасность, что он превратится в пошлость и предрассудок. В действительности гораздо интереснее задать вопрос, почему те, кто занимался эмпирическими социальными исследованиями, оказались не в состоянии противостоять идеалистической «диктатуре». Их неумение вести борьбу с учениями последователей Кроче и Джентиле прямо-таки удивляет.

Иными словами, несомненно, что нужно рассмотреть критику идеалистов в адрес социологии и науки вообще. Частично по крайней мере это уже сделано⁷. Но еще более важным является рассмотрение внутренних причин слабости — с точки зрения методологии и содержания — большинства видных итальянских социологов за последние 50 лет, этих «изолированных» в эпоху Кроче, деятельность которых составляет одну из глав в истории итальянской культуры, главу, не написанную еще полностью.

ВЛИЯНИЕ КОНТА

В библиографическом обзоре Дж. М. Робертсона отмечается, что «лишь в немногих странах масштабы деятельности в области социологии были больше, чем в Италии»⁸. Но для того чтобы избежать грубых ошибок, необходимо с самого же начала сделать несколько разъяснений. Лишь в редких случаях деятелям итальянской социологии, которых одно время был легион, удавалось освободиться от чар философии Конта. Они находили у Конта сочетание тезиса о важности эмпирических исследований и необходимости органической систематической структуры с мистическим духом реформы, что удивительно совпадало с традициями социальных исследований в Италии. В этой традиции социологическое как особая область дескриптивного анализа и социальное как правило поведения или как утопический план реформы часто фигурировали в неразрывной связи. Основу, приданную Контом социологическим исследованиям, можно с известным основанием назвать «империалистической», поскольку он считал социологию вершиной и итогом всех прочих

⁷ См. Franco Ferrarotti, *Sociologia — saggi e ricerche*, «Asti» 55), pp. 30—33.

⁸ J. M. Robertson, *Courses of Study*, 3rd ed., London, 1932, p. 217.

наук, которые вследствие этого должны были найти в ней свое оправдание. В действительности же социология — понимаемая в соответствии с концепцией Конта — не представляется достаточно четкой и бесспорной в том, что касается конкретного предмета исследования, именно в силу ее обобщающих тенденций. Можно найти конкретное подтверждение такого отсутствия методологии — помимо критики Кроче, максимально использовавшего этот крупный пробел, — в продукции итальянских социологов, и в особенности в гетерогенном и сумбурном характере, которым она, за немногими исключениями, отличается.

Неспособность философски определить и обосновать конкретный предмет социологических исследований становится совершенно очевидной даже при просмотре объемистых указателей к «Обзору социологии» (*«Rivista di Sociologia»*), выходящему с 1897 года. В этом журнале мы можем под прикрытием обескураживающего эклектизма найти статьи на самую разнообразную тематику, равно как и исследования, не имеющие ничего общего с подлинной методологией⁹.

Такой методологический хаос, а точнее почти полное отсутствие четко определенных и ясно сформулированных рабочих гипотез, могущих направлять исследования и дать возможность избежать ловушек в виде ложных проблем и неправильных целей, характерен для этих работ, в результате чего многие из них обесцениваются. Сюда следует, по-видимому, отнести: «Основные направления критической программы социологии» (*«Prime linee di un program critico di sociologia»*, Perugia, 1888) Чилио Ванно; «Социологические доктрины» (*«Dottrine sociologiche»*, Verona, 1901) Акилле Лория; «Очерки социологии» (*«Saggi di sociologia»*, Milano, 1902), а также многочисленные другие работы Алессандро Гроппали.

Во всей этой литературной продукции почти нет ничего ценного. Хотя она и посвящена вопросам социологического характера, но в действительности полностью дезориентирована в выборе тем и в значительной степени насыщена механистическими концепциями, стремящимися применить внешние законы к миру людей, законы, считаемые натуралистически достоверными в соответствии с методологическими постулатами спенсеровской органической теории. Однако следует отметить — благодаря четкому построению и правильному пониманию границ социологии как науки по отношению к другим наукам — небольшую книгу Эмилио Морселли, озаглавленную «Элементы общей социологии» (Милан, 1898). Эта работа представляет собой как бы вступительный очерк, написанный с целью популяризации. Прежде всего, бросается в глаза как ее самое положительное качество (в такую эпоху и в такой культурной атмосфере, когда социология в целом все еще рассматри-

⁹ В этой связи см. острую критику Константина Пануидио (*Constantine Panunzio*, *Italian Sociology*, in *Georges Gurvitch and W. E. Moore* (eds.), *Twentieth Century Sociology*, New York, 1945, pp. 650—651).

валась преимущественно как «наука о человечестве», использующая прочие науки в качестве подчиненных дисциплин для разработки в максимальной степени некой монистской, социоцентрической системы, которая приняла форму своего рода светской «религии») ясное понимание того, что «социология — это наука, все еще находящаяся в процессе формирования, вследствие чего она не может давать догматические, стабильные понятия, подобно тому как это делается в трактатах по математике или физике»¹⁰.

МИХЕЛЬС: КОНФЛИКТ МЕЖДУ ИСТОРИЗМОМ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ АНАЛИЗОМ

В социологических работах Роберто Михельса можно, пожалуй, обнаружить механистическую и не историческую в своей основе направленность. Михельса справедливо помнят за его исследования, посвященные олигархическим тенденциям политических партий, и в особенности за его работу о социологии политической партии в современной демократии¹¹. Свои исследования Михельс проводил, с одной стороны, в соответствии с установками, данными Вильфредо Парето, а с другой — в соответствии с понятием «политический класс», сформулированным Гаэтано Моска.

Наблюдения Михельса и проведенные им исследования — во многом являвшиеся результатом его непосредственного знакомства с внутренней жизнью Итальянской социалистической партии и Социал-демократической партии Германии, о которых он часто упоминает в своих работах¹², — побудили его сформулировать то, что он определяет как «железный закон олигархических тенденций». Согласно этому закону, установление и фактическая практическая деятельность демократии как политического строя, а вследствие этого также и как организационной структуры, по-видимому, строго ограничиваются «необходимостью организации». Организации же, чтобы сохранить свое существование и достичь известной

¹⁰ Emilio Morselli, *Elementi di sociologia generale*, Milan, 1898, p. XI.

¹¹ Roberto Michels, *La Sociologia del partito politico nella democrazia moderna*, Turin, 1912.

¹² В библиографию работ Роберто Михельса, хотя бы краткую, должны войти следующие произведения: «Il Proletariato e la borghesia nel movimento socialista italiano—saggi di scienza sociografico-politica», Turin, 1908; «I limiti della morale sessuale», Turin, 1912; «Saggi economico — statistici sulle classi popolari», Milan, 1914; «Problemi di sociologia applicata», Turin, 1919; «Corso di sociologia politica», Milan, 1927; «La teoria di Carlo Marx sulla miseria crescente e le sue origini», Turin, 1922; «Sunto di storia economica germanica», Bari, 1930; «Der Patriotismus — Prolegomena zu seiner soziologischen Analyse», Leipzig, 1929; «Studi sulla democrazia e sull'autorità», Florence, 1933; «Il boicottaggio — saggio su un aspetto delle crisi», Turin, 1934; «Nuovi studi sulla classe politica — saggio sugli spostamenti sociali e intellettuali nel dopoguerra», Milan, 1936.

степени безопасности и стабильности, связаны по большей части с «активным меньшинством», на которое необходимо опираться и которому неизбежно приходится себя доверять ввиду «механической и технической невозможности прямого контроля со стороны масс». Исследования Михельса, посвященные демократии и власти, и его наблюдения за внутренней динамикой и организационной структурой современной политической партии даже и в наши дни читаются с большим интересом — настолько, что его работа о социологии политической партии была впервые переведена в США в 1915 году и переиздана в 1951 году¹³.

Тем не менее трудно не заметить в социологических анализах Михельса искусственный характер аналогичных типологий и бедность отдельных парадигм, редко подкрепляемых такой исторической перспективой, которая была бы органической и в то же время критически обоснованной — то есть связанной со строгой методологией. Вследствие этих недостатков исследования Михельса — несмотря на многочисленные документы, на которые он неоднократно ссылается, — иногда опускаются до уровня исторического анекдота и антикварной эрудиции, причем зачастую им присуща расплывчатость, лишающая их научной точности. Именно так обстоит дело с его критической историей итальянского социалистического движения¹⁴, в которой отсутствие четкого органического плана вполне компенсируется обильным количеством интересных цитат. Весьма полезными и заслуживающими упоминания являются также попытки охарактеризовать на основе эмпирических исследований то, что происходит в повседневной жизни социалистического движения (в особенности Итальянской социалистической партии), которое обычно изучается лишь с исторической и идеологической точек зрения.

В работах Михельса эти фотографические описания фигурируют как необходимые дополнения чисто генетического или исторического повествования, и их вполне можно рассматривать как подлинные и уместные дискрептивные виды социологического анализа. В связи с этим можно сослаться на страницы, посвященные «почтанию руководителей партии»¹⁵ или же интересному разбору причин слабой активности и неэффективной деятельности социалистических депутатов парламента¹⁶. Столь же поучительными являются абзацы, где рассматривается «установление вождизма (*Führertum*) в демократических организациях». Здесь Михельс показывает, что «политически необходимый принцип организации, хотя он и дает возможность избежать разобщенности масс, столь выгодной их

¹³ См. *Michels, Political Parties*, New York, 1915, Glencoe, Illinois, 1951.

¹⁴ См. *Michels, Storia critica del movimento socialista italiano*, Florence, 1926.

¹⁵ *Michels, Storia critica del movimento socialista italiano*, p. 196.

¹⁶ Там же, стр. 279.

противникам, таит в себе иные опасности, и, таким образом, мы убегаем от Сциллы лишь для того, чтобы попасть к Харибде»¹⁷.

Несмотря на то, что в адрес Михельса со многих сторон высказывались иногда резкие критические замечания¹⁸, аналитические описания такого рода, бесспорно, являются вкладом в изучение данного вопроса или скорее освещают тот фон, на котором происходят события и который способствует их оценке. По этой причине, даже если с методологической точки зрения Михельсу кое-чего и не хватает, а в некоторых исследованиях он привлекает без разбора различные данные, его работы в известной степени все еще представляют ценность и интерес.

ПАРЕТО И ПОЗИТИВИЗМ

Приверженцы Кроче вместе со всеми теми высокообразованными людьми, которые с первых лет нашего столетия восприняли его неогегельянские предпосылки, все-таки недурно проводили время, нападая на теории самого известного из итальянских социологов Вильфредо Парето¹⁹ с философской, а точнее, с методологической точки зрения. Задача этих критиков, бесспорно, облегчалась упорным отказом Парето от каких-либо попыток доказать точность и автономию социологических исследований на уровне их философской основы. «Давайте забудем о названиях,— пишет он,— и посмотрим на вещи... у нас есть дела поважнее, чем терять время на попытки определить, является ли социология автономной наукой, представляет ли она собой что-либо иное, кроме философии истории под другим названием, или вести длительные споры о методах, которые должны применяться при ее изучении»²⁰. Хотя Парето и начинает свою работу с этой декларации, которая может показаться лишенной прагматизма, в действительности он пытается — а это претенциозная задача ввиду ее широты и огромности плана — сделать из социологии точную науку, в особенности в трех больших томах своего трактата по общей социологии.

В отличие от социологических исследований, вдохновленных философией Конта — исследований, тяготевших к метафизике, несмотря на все протесты «позитивизма», — Парето применяет логико-экспериментальный метод; иными словами, он заявляет,

¹⁷ См. Michels, *La sociologia del partito politico nella democrazia*, p. 21 и далее.

¹⁸ См., помимо других, Antonio Gramsci, *Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo stato moderno*, Turin, 1949, pp. 95—100.

¹⁹ Среди работ Вильфредо Парето особенно примечательны следующие: «Les systèmes socialistes», Paris, 1902; итальянский перевод: «I sistemi socialisti», Turin, 1951; «Manuale di economia politica», Milan, 1906; «Il mito virтуista e la letteratura immorale», 2 ed., Rome, 1914; «Trattato di sociologia generale», Florence, 1916—1923; «Transformazione della democrazia», Milan, 1921; «Fatti e teorie», Florence, 1920.

²⁰ P a r e t o, *Trattato di sociologia generale*, vol. 1, p. 1.

что его исследования основаны исключительно на опыте и наблюдении. То отвращение, которое вызывали у него догматические или априорные социологи, выразилось в следующих ядовитых словах: «Мы имеем в изобилии «гуманитарные» социологии, так как все те, которые сейчас публикуются, относятся именно к этому сорту; у нас нет недостатка в метафизических социологиях, и к их числу следует отнести все те, которые являются «позитивистскими» и гуманитарными; у нас есть небольшое количество христианских социологий, католических и прочих; так давайте же согласимся без какого-либо желания умалить все эти социологии, что мы здесь заняты разработкой такого рода социологии, которая является исключительно экспериментальной, подобно химии, физике и другим аналогичным наукам»²¹. Руководствуясь этим методом и этими критериями, Парето дает анализ огромного гетерогенного собрания доказательств, куда, помимо прочего, входят целые исторические периоды, возникновение и упадок культур и наций, а также классические описания «циркуляции элит». Основная цель этого длинного тяжеловесного исследования и его конечное оправдание, вероятно, заключается в попытке индуктивно доказать закон «социального равновесия», который Парето формулирует (в соответствии со своими собственными методологическими предпосылками) в механистических терминах и который он поэтому может выразить на математическом языке посредством системы уравнений.

Помимо ограничений, внутренне присущих его «социальному равновесию», относительно которого даже недавно выдвигались серьезные сомнения²², а также традиционного ряда возражений, которые могут быть выставлены против чисто математического метода, когда тот применяется к дескриптивному анализу мира людей с его многочисленными и многогранными взаимоотношениями, слабость монументального социологического труда Парето, по-видимому, заключается, с точки зрения последних достижений в области социальных наук, в его макросоциологическом характере. Это особенно справедливо в период, когда социология все более решительно отрекается от честолюбивых помыслов, типичных для «империализма» или энциклопедизма Конта, ради изучения совершенно определенных социальных явлений, таких, как первичная группа и община. Социология, видимо, все больше сознает необходимость выйти за рамки преимущественно механистической организации, которая присуща учению Спенсера. Мы фактически переходим от макросоциологии, или общей энциклопедической социологии, характерной для прошлого столетия, к такой социологии, которая и весьма осторожна в определении области своих собственных специфических исследований и в то же время в философском отношении более утонченна и лучше вооружена. Это можно выразить остро-

²¹ P a r e t o, Trattato die soziologia generale, vol. I, p. 4.

²² См. D a v i d E a s t o n, Limits of the Equilibrium Model in Social Research, Profits and Problems of Homeostatic Models in the Behavioral Sciences, Chicago, 1953, pp. 26—40.

умной фразой Гурвича, сказавшего, что мы разрабатываем социологию *en profondeur*²³, которая сознает свою обязанность — на определенной стадии развития — принять во внимание как психологию, так и историю.

Всего этого, разумеется, недостаточно для оправдания критического сокрушения Парето неоиdealистическими последователями Кроче и Джентиле, в особенности Гвидо де Руджьеро, писавшего буквально следующее: «Я не стану заниматься плеядой второстепенных авторов и ограничусь тем, что обращаю внимание, в качестве весьма наглядного и свежего примера, на человека, которого обычно считают в Италии великим ученым, — я имею в виду Вильфредо Парето. Читая его трактат по общей социологии, я испытывал глубокую скорбь. Этому автору, обладающему огромной исторической эрудицией, острым политическим чутьем и удивительной научной сдержанностью, удалось растратить впустую свои выдающиеся качества, создав работу, построенную абстрактно и механически»²⁴.

Мнение де Руджьеро, удачно сформулировавшего отношение более зрелой крочеанской философии к социологии, обвиняемой в том, что она погребла «законы (мышления) под хаотической массой фактов»²⁵, нашло последователей и часто развивается в работах последнего времени²⁶. Парето упрекают прежде всего за схематический характер его теоретического анализа, в результате чего возникает знаменитая дихотомия реликтов (или части, являющейся постоянной, инстинктивной, не логической), с одной стороны, и дериваций (или части, являющейся переменной и дедуктивной, стремящейся объяснить и оправдать реликты) — с другой. Другим объектом упреков и критики служат необоснованные, путанные и, несомненно, сложные подразделы, возникающие благодаря этой дихотомии. Парето разделяет реликты на шесть классов: 1) реликты комбинационного инстинкта; 2) реликты постоянства составных частей; 3) реликты (или потребности) проявления чувств через непосредственные действия; 4) реликты общительности; 5) реликты целостности индивидуумов; 6) сексуальные реликты. Кроме того, он различает четыре класса дериваций — масок, посредством которых рационализируются факты: 1) простые утверждения; 2) утверждения, подкрепленные каким-либо авторитетом; 3) утверждения, соответствующие чувствам или принципам; 4) утверждения, зависящие исключительно от словесных доказательств. Каждый класс реликтов образуется из многих элементов, а четыре класса дериваций состоят из семнадцати различных форм. Пятьдесят два

²³ Georges Gurvitch, *La Vocation actuelle de la sociologie*, Paris, 1950, p. 49.

²⁴ Guido de Ruggiero, *La Filosofia contemporanea*, Bari, 1941, II, pp. 230—231.

²⁵ Там же, стр. 231.

²⁶ Так обстоит дело с Джузеппе Ла-Ферла (Giuseppe La Ferla, *Vilfredo Pareto, filosofo volteriano*, Florence, 1954).

реликта (Парето перечислил именно столько) могут вступать в различные сочетания друг с другом и с семнадцатью формами дериваций. Таким образом, легко можно видеть, что некоторые упреки были до известной степени справедливы и что в пылу полемики в адрес Парето высказывалась всякого рода критика.

Каково бы ни было наше общее мнение о научной правомерности социологических работ Парето, бесспорно, что труды этого ученого, которого неоднократно сравнивали с Вольтером и даже с аббатом Галиани, а североамериканские специалисты — с Торстейном Вебленом²⁷, были весьма многочисленны и сыграли огромную роль. Говоря о его заслугах, достаточно упомянуть определение им логико-экспериментального метода, применявшегося к общественным наукам, различие между логическими и нерациональными элементами в человеческом поведении, признание, что верования, мифы и сны являются весьма реальными «фактами» для специалистов по общественным наукам, теорию реликтов и дериваций (какой бы искусственной и сложной она ни казалась), понятие элиты и, наконец, концепцию социальной причинности как процесса, в котором могут функционально взаимодействовать многочисленные переменные.

МОСКА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

В общем критика крочанцев в адрес Газтано Моски, одного из наиболее известных и одаренных итальянских специалистов в области общественных наук, была менее острой²⁸. Возможно, это происходит потому, что Газтано Моска, в отличие от других видных итальянских специалистов по общественным наукам (таких, как Роберто Михельс, Вильфредо Парето и Акилле Лориа), применяет полностью со всеми вытекающими отсюда последствиями исторический метод, отвергая «заблуждение о единственном факторе», которое, по его мнению, сводится к «упрощенческим формулам, претендующим на объяснение весьма сложного явления с помощью одной-единственной причины»²⁹. Тот же самый Бенедето Кроче в рецензии на работу Моски об элементах политической науки, писал: «Основная концепция этой книги теперь уже хорошо известна, так как она связана с именем Моски: это идея политического или правящего класса, в котором в действительности сосредоточена политическая жизнь государства; этот класс в количественном отношении являет-

²⁷ W. Rex Crawford, *Representative Italian Contributions to Sociology*, in H. E. Barnes (ed.), *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, 1948, p. 555.

²⁸ Из работ Моски особо следует упомянуть: «*Teoria dei governi e governo parlamentare*», 2 ed., Milan, 1925; «*Elementi di scienza politica*», 2 ed., Turin, 1923, 2 vol.; «*Il principio aristocratico e il democratico nel passato e nell'avvenire*», Turin, 1903; «*Cenni storici e critici sulle dottrine razziste*», Rome, 1933; «*Storia delle dottrine politiche*», Rome, 1933; 6 ed., Bari, 1951.

²⁹ См. Моска, *Elementi di scienza politica*, 5 ed., Bari, 1953, 1, p. 19.

ся меньшинством, но в качественном представляет собой большинство, так как обладает сознательностью и возможностями к действию. Эта концепция весьма важна для объяснения политической истории, объяснения, которого тщетно ищут в таких внешних причинах, как климат, этническое положение и т. п., или в каких-либо других внешних факторах, то есть в политических формах, рассматриваемых как ценности в себе, иными словами, как абстрактные и пустые, такие, как монархия, республика и прочее»³⁰.

Несмотря на это явное признание правомерности методологической основы исследования Моски, исторический метод, на который Моска, как он сам утверждает, претендует, является, несомненно, сугубо индуктивным и вследствие этого поддается сравнению с эмпирическим методом естественных наук. В качестве такового Кроче не может его принять. Однако, не желая быть обвиненным в педантизме, Кроче воздерживается от критики, которая могла бы показаться чисто формалистической. Он пишет: «Хотя Моска возвещает и демонстрирует истину, совершенно очевидно, что он философствует, и притом философствует хорошо», даже если было бы легко показать, что Моска «достигает этих истин с помощью метода, который отличен от индуктивного натуралистического метода»³¹.

Помимо того, что Моска точно сформулировал понятие о «правящем классе», ему особенно удаются те абзацы, где он выступает против банальностей и ложных проблем, которые в его время все еще считались общепринятыми истинами. Так, указывая на различные предубеждения и предрассудки, против которых Спенсер предостерегал ученых, изучающих социальные явления (сюда относятся национальные, религиозные или политические предрассудки и т. п.), Моска отмечает, что «подлинная гарантия против ошибок такого рода в том, чтобы знать, как поднять саму критику над уровнем тех верований и мнений, которые являются всеобщими в нашу эпоху или в конкретном социальном или национальном окружении, куда мы входим как часть»³². Далее, при рассмотрении этого вопроса он пользуется случаем опровергнуть миф о предполагаемом антагонизме или противоречии между государством и обществом, о чем так много было написано.

Исходя фактически из своего основного допущения, что «во всех обществах... существуют два класса людей, управляющие и управляемые»³³, Моска утверждает: «антагонизм между государством и обществом не может существовать, поскольку государство допустимо рассматривать как такую часть общества, которая выполняет его политическую функцию. Таким образом, все вопросы, относящиеся

³⁰ См. Benedetto Croce, in *Critica*, XXI, November, 1923, pp. 374—378, перепечатано в качестве вступления к кн. Mosca, *Elementi di scienza politica*, 5 ed., Bari, 1953, p. VIII.

³¹ Croce, op. cit., p. IX.

³² Mosca, op. cit., p. 73.

³³ Там же, стр. 78.

к вмешательству государства, будут рассматриваться в новом свете. Вместо того чтобы изучать, каковы должны быть границы действия государства, следует попытаться установить, какой тип политической организации лучше — то есть тот, который дает возможность всем элементам, обладающим какой-либо данной политической ценностью в каком-либо данном обществе использоваться и развиваться, лучше подвергаться взаимному контролю и соблюсти принцип индивидуальной ответственности за действия, которые они выполняют при осуществлении присущих им функций»³⁴.

Позиция Гаэтано Моски представляется особенно убедительной, когда он критикует понятие «социальный закон» — в том виде в каком оно было выработано Огюстом Контом, — как упрощенческое и схематическое. Он довольно справедливо указывает, что знаменитый контовский «закон трех стадий» не может логически дать основу для «установления четкого и точного хронологического различия между теми или иными человеческими обществами путем отнесения их к одному из трех периодов, названных Контом, то есть к теологическому, метафизическому и позитивному»³⁵. Он заключает, что «в этом случае, как и во многих других, упрощение не особенно подходит к тем наукам, которые должны изучать психологию человека, весьма сложного животного, полного противоречий и не всегда заботящегося о том, чтобы быть логичным и последовательным»³⁶.

Столь же остра и справедлива критика Москвой спенсерианского различия между военными государствами, основанными на принуждении, которое правящий класс осуществляет в отношении управляемых, и индустриальными государствами, основанными, напротив, на договоре, то есть на свободном согласии тех, из кого состоит государство. Опровергая тезис Спенсера, Моска показывает, что «любая политическая организация... является одновременно и добровольной и принудительной; добровольной, так как она исходит из природы человека, что было замечено еще Аристотелем, и в то же время принудительной, поскольку это необходимое условие, так как человек не в состоянии жить иначе»³⁷.

Кроме того, идеи Моски, подобно идеям Парето и Михельса, в этом отношении оказались — в области политики — пригодными для оправдания фашизма (или по крайней мере для оправдания принципа «харизматического руководителя» — принципа, который напоминал веберовский принцип и в ту эпоху олицетворялся Муссолини) независимо от личных политических позиций этих авторов. С другой стороны, по иронии судьбы с приходом к власти фашизма исчезла возможность проведения свободных исследований в области социальных наук и в университетах кафедры социологии и политической науки стали кафедрами «фашистской доктрины».

³⁴ Моска, *op. cit.*, p. 212.

³⁵ Там же, стр. 218.

³⁶ Там же, стр. 221.

³⁷ Там же, стр. 230.

Наиболее интересной особенностью нынешнего положения области социологических исследований в Италии — главным образом в связи с критической переоценкой традиций социальных исследований дофашистского периода — является, по-видимому, не столько упорное противодействие со стороны тех, кого относят к последователям Кроче³⁸, сколько позиция, занятая интеллигентами-марксистами. Мы уже упоминали о критике в адрес социальных наук, и особенно социологии, со стороны итальянских неогегельянцев. Такие критические выступления слишком хорошо известны. Следует также помнить, что в той части, которая касается философских и методологических основ, эти критические выступления встречают лишь случайный и недостаточный отпор.

Это настолько очевидно, что некоторые итальянские социологи спасаются, лишь укрывшись за рамки четко ограниченных специальностей. Так, по-видимому, обстоит дело с Корrado Джини³⁹, известным всему миру статистиком и автором ряда ценных исследований по демографии, который предпринял — помимо прочего — попытку дать биологическую интерпретацию истории и общества⁴⁰, названную им «демографический метаболизм». Здесь он, по-видимому, следует спенсеризанской традиции, добавив в то же время огромную надстройку, заимствованную из философии Конта.

Что касается социологических исследований и их нынешних перспектив, весьма далеких от тех, которые вытекали из позиций Конта и Спенсера, то здесь именно марксисты в настоящее время выступают в Италии в роли главных противников социологов. Недавняя резолюция сектора культуры при Центральном Комитете Итальянской коммунистической партии, озаглавленная «Против идеологии монополий»⁴¹, не удивила тех, кто следит за перипетиями внутренней идеологической дискуссии и «культурной политики», провозглашенной коммунистами. В этом документе, бесспорно представляющем интерес, четко сформулирована позиция итальянских коммунистов-интеллигентов, равно как и те точки зрения, которые отрывочно выражались в печатных органах партии.

К социологии вышеупомянутая резолюция относится весьма критически. Мы читаем в ней, например, что «идеологическое воздей-

³⁸ См., например, дискуссию между учеником Кроче, Карло Антонио «Il Mondo» (November, 17, 1951), p. 6 и Никола Аббаньяно в «Quaderni di Sociologia», зима, 1952, p. 137.

³⁹ Библиографию многочисленных работ Корrado Джини можно найти в библиографическом приложении к его книге «Patologia economica», 5 ed., Turin, 1954. Особого внимания заслуживают: «I fattori demografici dell'evoluzione delle nazioni», Turin, 1912; «Le rilevazioni statistiche tra le popolazioni primitive», Rome, 1942; «Il neo-organicismo», Catania, 1927.

⁴⁰ См., в частности, Corrado Gini, Nascita, evoluzione e morte delle nazioni — La teoria ciclica della popolazione e i vari sistemi di politica demografica, Rome, 1930.

⁴¹ См. «Унита» от 2 августа 1955 года, стр. 3.

ствие монополий не ограничивается сферой производства. Оно имеет своей целью пропагандировать и распространять такие теории, которые скрывают эксплуатацию и монополистические сверхприбыли. Усилению этого идеологического воздействия монополий на интеллигенцию, несомненно, способствует все большее проникновение в итальянскую культуру новейших неопозитивистских и социологических теорий». В этом заявлении, несмотря на его уклончивые выражения, роль социологических дисциплин сводится, по-видимому, к защите частных интересов или же к роли простых орудий в руках промышленных монополий, и оно может в глазах некоторых комментаторов послужить основанием для обвинения современного итальянского марксизма в присущем ему экономическом детерминизме.

Фактически итальянские сторонники марксизма открыто признают, что «в действительности некоторые технические достижения [американских социологических течений] объективно связаны с расширением наших знаний о том, что реально существует, и с развитием производительных сил» (см. «Резолюцию»). Тем не менее они упрекают представителей этих направлений за «отказ от исторического и диалектического взгляда на мир, как он есть». Здесь, очевидно, имеет место серьезное недоразумение. Это недоразумение весьма мешает развитию эмпирических исследований в Италии и — насколько это касается современных итальянских марксистов, — по-видимому, довольно явно выдает, что они исходят не столько из Кроче, сколько из джентилеанской диалектики, то есть являются последователями Джованни Джентиле. Во всяком случае, они — «марксисты, не чуждые идеализма», как признавал даже один из них⁴².

Действительно, упрекать современную социологию за отказ от эволюционного всеобъемлющего представления о действительности и от изучения ее внутреннего динамизма, выраженного в традиционных исторических терминах, — это попросту означает заменять методологической путаницей то опровержение, с которым новая социология убедительно выступает против марксистов. Их обязательные историко-эволюционные предвзятые представления, по-видимому, не позволяют им вести необходимые подлинно индуктивные исследования, начиная с того момента, когда их диалектическая линия становится столь жесткой, что не выносит исключений. Поэтому все результаты, которые они получают, следует считать недостоверными. Подобное положение свидетельствует также о непонимании того, что социология является не столько «пророчеством» или «воинствующей философией», сколько дескриптивным анализом, не обязательно статичным, всех видов человеческих группировок в их различных интерперсональных проявлениях. В то время как диалектические материалисты преимущественно интересуются проблемами изменения и проводят свой конкретный анализ таким образом, чтобы иметь возможность выдвинуть историко-эволюционные гипотезы, социологи же, напротив, по-видимому, стремятся тщательно

⁴² См. еженедельник «Il Contemporaneo», II, No 32, p. 11.

идентифицировать и описать переменные элементы какой-либо определенной социальной трансверсальной группы (института или структуры), не поддаваясь — и даже выступая против — искушениям футуристических грез, догматического абсолютизма идеологий или формального совершенства юридических формул.

Легко понять, что подобный косвенный анализ, к которому прибегают социологи, может иногда показаться нудным, в особенности когда встает вопрос о «воинствующей философии», а строго говоря, не может быть таких марксистских философий, которые не являлись бы воинствующими. Воинствующая философия представляет собой не более, чем политику в ином плане. Политика же — это прежде всего действие, а не комментарий и не описание; определение, а не объективное исследование. Но именно потому, что социологический анализ опровергает такое направление социального развития, которое понимается в соответствии со своего рода естественным законом, подлинным *Naturgesetz**, вследствие чего легко можно очутиться на старых метафизических позициях (что в действительности все время и происходит с марксистами-механистами, экономистами, мессианистами и пр.), — именно потому этот анализ может принести большую практическую или политическую пользу. В конечном счете, он вносит весьма существенный вклад, помогая уничтожить мифы и идеологические предубеждения, а также устанавливая жизненный процесс общества на основе автономного исследования.

БЕЗРАДОСТНАЯ БУДУЩНОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Трудности, препятствующие развитию эмпирических социальных исследований в Италии, по-видимому, вызваны тем, что в создавшейся в Италии ситуации доминируют идеологические конфликты, причем в такой степени, что невозможно — или по крайней мере трудно — проводить такие исследования, которые были бы действительно независимыми, то есть не связанными с идеологическими предвзятыми воззрениями чисто фидеистского или доктринерского характера. Возьмем, например, тот случай, когда возник вопрос о проведении обследования положения рабочих в Италии, обследования, недавно одобренного парламентом. В то время как некоторые марксисты преподносят это как «великий обвинительный акт» против индустриального среднего класса, предвосхищая результаты еще не проведенного исследования, представители правых кругов, а также более искушенные консерваторы пытаются с помощью обследования представить неопровержимое «научное» алиби своего предпринимательского патернализма. В настоящее время ясно, что подобное обследование будет бесполезным — или, что еще хуже, вредным, — если его не удастся освободить от бесплодной диалектики застывших противоположных идеологий и если оно не будет выполнено в точном соответствии с принципами сугубо независимого научного исследо-

* *Naturgesetz* (нем.) — закон природы. — *Перев.*

вания. Это, разумеется, не означает, что обследование должно превратиться в своего рода академический *tour de force** дескриптивного анализа, являющегося самоцелью. Совершенно очевидно, что результаты обследования, каковы бы они ни были, дадут материал для проведения определенных мероприятий, направленных на улучшение положения рабочих в различных отраслях производства. Но в данной обстановке и во время систематического собирания сведений обследование должно быть строго автономным и не зависящим ни от каких идеологических или доктринерских предвзятых мнений.

Мало имеется ученых, которые при ситуации, создавшейся в настоящее время в итальянской культуре, сознают, насколько социологические исследования — для того чтобы быть действительно научными и надежными — нуждаются в четко сформулированных рабочих гипотезах. Между тем социология должна одновременно утвердить свою собственную независимость от замкнутых идеологических систем, являющихся ловушками, а не образцами для исследований⁴³. Проблемы, стоящие перед социологией в Италии, различны, и корни их глубоко уходят в итальянскую культурную традицию. Эта традиция особенно тяготеет к грандиозным философским системам и, к прискорбию, не сознает необходимости детальных, конкретных исследований; это традиция, богатая утопическими планами и благородными попытками социального переустройства, но она нередко колеблется между идеологическими предвзятыми мнениями и эмпирическим дескриптивным анализом.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Becker Howard and Barnes H. E., *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, Dover Publications, 1952, chap. 25.
- Grawford W. Rex, *Representative Italian Contributions to Sociology*, in H. E. Barnes (ed.), *An Introduction to the History of Sociology*, Chicago, University of Chicago Press, 1948, chap. 29.
- Mosca Gaetano, *The Ruling Class*, translated by Hannah D. Kahn, New York, McGraw-Hill, 1939.
- Panunzio Constantine, *Italian Sociology*, in Georges Gurwitsch and W. E. Moore (eds.), *Twentieth Century Sociology*, New York, Philosophical Library, 1945, chap. 22.
- Pareto Vilfredo, *Mind and Society*, translated by Andrew Bongiorno and Arthur Livingston, New York, Harcourt, Brace, 1935, 4 vol.

* *Tour de force* (франц.) — ловкий трюк. — Перев.

⁴³ Мы хотели бы упомянуть здесь группу, сосредоточившуюся вокруг журналов «Comunità», Milan, «Via Manzoni», 12 и «Il Politico», Pavia. Журнал «Quaderni di Sociologia», Turin, Via Voleggio, 26, особенно заслуживает упоминания, так как он специально посвящен социологическим проблемам и поощряет исследования, а также иснующую «работу в полевых условиях». Он начал выходить в 1951 году со смелой и детальной рабочей программой, предусматривающей рассмотрение проблем, от разрешения которых зависит будущность социологических исследований в Италии.

СОЦИОЛОГИЯ В ЯПОНИИ: АККОМОДАЦИЯ ЗАПАДНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ

Кунио Одака

Многие из читателей этого тома, возможно, полагают, что социология в Японии в общем развилась лишь недавно. Хотя это справедливо в том смысле, что данная наука стала вызывать к себе интерес широкой публики лишь в недавнее время, но это неверно, если говорить с историческим аспектом. Уже в 1893 году, или около 60 лет назад, первая кафедра, или профессура, по социологии была создана в бывшем Токийском императорском университете, ныне Токийском университете. Эта дата примерно совпадает с датой организации курса социологии в Чикагском университете—первом университете, в котором был создан самостоятельный факультет социологии в Соединенных Штатах Америки. Помимо этого, социология уже преподавалась в Японии раньше. Поэтому можно сказать, что социология Японии имеет не менее длительную историю, чем американская социология.

Следует также отметить, что количество японских учебных заведений, в которых преподается социология, весьма велико по сравнению с числом их в большинстве других стран. Это особенно справедливо в отношении послевоенного периода. По нашим подсчетам, основанным на недавнем обследовании, в Японии имеется около 140 университетов и колледжей, в каждом из которых либо существуют самостоятельные факультеты, либо читаются один или несколько курсов социологии. Число лиц, преподающих социологию в этих учебных заведениях, составляет около 340. Не удивительно поэтому, что Японское социологическое общество — всеяпонское объединение социологов — также имеет довольно большое число членов по сравнению с аналогичными объединениями в других странах. В настоящее время Японское социологическое общество насчитывает около 800 членов. Хотя среди них довольно много экономистов, эта цифра тем не менее не низкая, даже по сравнению с числом членов Американского социологического общества — самого большого социологического объединения в мире, — в котором состоит около 4500 человек. В этом смысле мы, очевидно, могли бы сказать, что после Соединенных

Штатов Америки Япония обладает самыми сильными социологическими кадрами в мире, по крайней мере в количественном отношении.

Историю социологии в Японии можно разделить примерно на следующие четыре периода:

I. Начальный период — с семидесятых годов девятнадцатого века и до первой мировой войны.

II. Институционализация — период от первой мировой войны до начала тридцатых годов двадцатого века.

III. Встречные течения — с начала тридцатых годов двадцатого века до конца второй мировой войны.

IV. Послевоенное развитие — период после окончания второй мировой войны.

В данной статье два последних из этих четырех периодов будут рассмотрены более подробно, чем два первых, поскольку, несмотря на свое раннее возникновение, только с конца тридцатых годов XX века японская социология сформировалась как эмпирическая наука. Прежде чем перейти к рассмотрению более новых направлений, начиная с третьего периода, возможно, все же понадобится краткий исторический очерк о возникновении и начальном развитии японской социологии, то есть развитии на протяжении двух первых периодов¹.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЕЕ РАЗВИТИЕ

Первые шаги: господство социальной философии. Первый период, продолжавшийся около сорока лет, можно назвать также «предысторией» японской социологии. Если мы будем употреблять термин «социология» в точном смысле, то работы ведущих ученых этого периода, такие, как «Социология» («Shakaigaku») Harao Аруга² или «Общие принципы теоретической социологии» («Kiron Futsû Shakai-gaku») Тонго Такебе³, можно скорее отнести к социальной философии, чем к социологии. Хотя их конечные цели были различными, между этими учеными существовало сходство, поскольку они пытались рационалистически объяснить некоторые социальные идеалы

¹ Относительно развития японской социологии вплоть до конца 1930 года см.: Teizô Toda, *The Social Sciences as Disciplines: Japan*, ESS, vol. 1, New York, 1930, pp. 321—323; Jesse F. Steiner, *The Development and Present Status of Sociology in Japanese Universities*, AJS, 41 (May, 1936), pp. 707—722; Howard Becker, *Sociology in Japan*, ASR, 1 (June, 1936), pp. 455—471; или см. главу (29, 3) под тем же названием в кн.: Howard Becker and H. E. Barnes, *Social Thought from Lore to Science*, 2nd ed., New York, 1952; Japanese Sociological Society (ed.), «Sociology, Past and Present, in Japan», Tokyo, 1937; Earle Eubank, *Sociology, Past and Present, in Japan*, SSR, 22 (March—April, 1938), pp. 347—356. Описание событий, происшедших в более недавнее время, можно найти в работах: John C. Pelzel, *Japanese Ethnological and Sociological Research*, AA, 50 (January—March, 1948), pp. 54—72; Kunio Odaka, *Japanese Sociology, Past and Present*, SF, 28 (May, 1950), pp. 400—409.

² Nagaô Aruga, *Sociology*, Tokyo, 1883—1884, 3 vol.

³ Tongo Takebe, *General Principles of Theoretical Sociology*, Tokyo, 1905—1918, 4 vol.

или политические воззрения. Их социологические теории или системы стали средством этого рационалистического объяснения. Западные мыслители XIX века также были социальными философами, как, например, Огюст Конт и Герберт Спенсер.

В 1875 году впервые было создано слово *shakai*, означающее «общество» в западном смысле, а четыре года спустя в печати впервые появилось слово *shakaigaku*, или «социология». Первоначально социология, или социальная философия, была в Японии, как и многие другие науки, импортированным с Запада продуктом. В первой части этого периода, то есть с его начала и до первых лет XX века, особенно большую роль играли переводы и изложения произведений Спенсера. Если считать только те, которые выходили в виде книг, то появилось тридцать переводов его различных работ. Его «Социальная статика» была переведена на японский язык в 1881 году, «Принципы социологии» — в 1882 году. Такая популярность произведений Спенсера, возможно, объясняется тем, что они давали убедительные аргументы для так называемой *jiyūminken-gon*, или «либерально-демократической мысли», которая доминировала в те дни. Эрнест Феноллоса, американский философ и первый лектор по социологии в японском университете, также использовал произведения Спенсера как учебники. Он приехал в Японию в 1878 году в качестве профессора бывшего Токийского императорского университета и, помимо чтения лекций по философии, государствоведению и финансам, преподавал также и социологию как один из элементов государствоведения. Первая кафедра социологии, как уже говорилось, была создана в Токийском императорском университете в 1893 году. Заведовал кафедрой профессор Соити Тояма, тогдашний декан филологического факультета. Он также использовал в качестве учебников произведения Спенсера. Более того, вышеупоминавшаяся «Социология», написанная Аруга, — пожалуй, важнейшее произведение первой части этого периода — была целиком основана на идеях Спенсера.

Заключительная часть первого периода занимает около пятнадцати лет, начинаясь с первых лет XX века. В это время японская нация стала приобретать престиж за рубежом в результате побед как в китайско-японской, так и в русско-японской войне. Одновременно, по мере того как японский народ стал сознавать свою силу, начало господствовать консервативное националистическое направление в противоположность прежним либерально-демократическим взглядам. Одним из ведущих представителей этого нового течения был Тонго Такебе, заведовавший тогда кафедрой социологии в Токийском императорском университете. В 1903 году в этом университете был организован семинар по социологии, и Такебе, используя его в качестве своей опоры, возглавил социологический кружок в Японии. Он попытался сочетать довольно консервативную социальную философию Конта с конфуцианским политическим идеалом искусства управления государством. Считается, что его консервативная ориентация дала возможность защитить социологию от нараставшего ультранационализма. Он также основал в 1913 году *Nihon*:

Shakaigaku-In, или Японский институт социологии. Институт проводил ежегодные конференции и издавал в качестве своего органа «Ежегодник Японского института социологии» («Nihon Shakaigaku-In Nemurô»); к 1922 году вышло десять томов. Хотя Такебе как наставник обладал очень большим влиянием, лишь немногие из его бывших студентов поддерживали или развивали дальше его организационную теорию общества.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АКЦЕНТ

С этого времени социологию в Японии стали признавать независимой, вполне специализировавшейся областью науки, и в 1919 году в Токийском императорском университете был создан самостоятельный факультет социологии. Характерным для этого периода было появление и распространение психологической социологии в ее более широком смысле, включая формальную социологию Зиммеля и Визе, постигающую социологию (*verstehende Soziologie*) Макса Вебера, феноменологическую социологию Фиркандта, Литта и Макса Шелера, французскую психологическую социологию, в особенности социологию Тарда, и американские психологические социологии Смолла, Гиддингса, Росса и Эллвуда. В частности, теоретические аргументы немецких социологов, такие, как зиммелевское разделение «формы» и «содержания» социального взаимодействия, концепции «идеального типа», *Verstehen* (постижение) и «свободы от оценочных суждений», выдвигавшиеся Максом Вебером, концепции Тённиса об «общине» и «обществе», а также ряд других оказали большое влияние на японскую социологию этого периода.

Еще до начала этого периода, в первых годах нашего столетия, курс социологии был введен в императорском Киотском университете, ныне Киотском университете, Сотаро Йонедэ. Йонедэ был преимущественно философом, но он проявлял значительный интерес к различным направлениям социальной теории Запада и стал первым сторонником психологической социологии в Японии. На Йонедэ особенно значительное влияние оказали такие западные социологи, как Тард и Гиддингс. Хотя он и не создал собственной теории, но воспитал ряд способных ученых, среди которых наиболее выдающимся был Ясума Такада. Такада, являющийся сейчас одним из виднейших специалистов по политической экономике в Японии, преподавал также и социологию как в университете Кюсю, так и в императорском Киотском университете. Его «Принципы социологии» («Shakaigaku Genryû») — объемистый труд, насчитывающий свыше тысячи страниц, — и «Общую социологию» («Shakaigaku Gaigon») а также его основную работу по социологии⁴ можно считать поворотным пунктом в японской социологии. С этого момента социология

⁴ Yasuma Takada, *Principles of Sociology*, Tokyo, 1919; *General Sociology*, Tokyo, 1923.

в Японии уже перестала быть синтетической философией общества в духе Конта или Спенсера и достигла уровня специализированной науки. Такада утверждал, что социология является «простолудинном», а не «царственной особой» в сфере социальных наук, и создал собственную теоретическую систему, применяя как воззрения Зиммеля в области формальной социологии, так и психологическую социологию Гиддинга. Он был в то же время основателем так называемой «Киотской школы», которая благодаря своему теоретическому, или, скорее, философскому характеру, являлась противоположностью более эмпирической «Токийской школы». Тенденцию, подобную тем, которые проявлялись у Такада, можно было видеть также у Кадзута Кураути — нынешнего декана филологического факультета Осацкого университета⁵ и Дзисо Усуи — нынешнего профессора социологии в Киотском университете и президента Японского социологического общества. Взгляды обоих этих современных представителей теоретической группы района Кансаи (местность вокруг Киото и Осака) можно охарактеризовать как смесь формальной и феноменологической социологии.

В 1923 году было основано Nihon Shakaigaku-Kai, или Японское социологическое общество, сменившее прежний Nihon Shakaigaku-In. Это — всеяпонское объединение, насчитывающее в настоящее время 800 членов. Оно организует ежегодные съезды, где делаются сообщения о результатах новейших исследований его членов. За последние годы посещаемость этих ежегодных съездов заметно возросла. Например, на двадцать пятом ежегодном собрании, проводившемся в Токио осенью 1952 года, присутствовало около 500 человек и было представлено свыше 80 докладов. До 1943 года общество выпускало в качестве своего органа «Журнал социологии» («Shakaigaku Zasshi»)⁶ и «Ежегодник Японского социологического общества» («Nempō Shakaigaku»)⁷. После окончания второй мировой войны название журнала было изменено на «Японское социологическое обозрение» («Shakaigaku Hyoron»)⁸. В настоящее время общество имеет три филиала — Kanto (район вокруг Токио), Kansai и Seibu (Кюсю) Shakaigaku-Kai, каждый из которых самостоятельно проводит свои ежегодные собрания.

ПЕРИОД ВСТРЕЧНЫХ ТЕЧЕНИЙ

Третий период в истории японской социологии характеризуется явлением, которое мы будем называть встречными течениями,

⁵ Kazuta Kurachi, Shakaigaku Gairon («Общая социология»), Токио, 1953.

⁶ Выходил ежемесячно с 1924 по 1930 год включительно.

⁷ Выходил с 1933 по 1944 год включительно. В промежутке между выходом этих двух изданий, с 1931 по 1932 год выходил «Социологический трехмесячник» («Kikan Shakaigaku»).

⁸ Выходит ежеквартально с 1950 года. До этого с 1947 по 1948 год выпускался журнал «Социологические исследования» («Shakaigaku Kenkyū»).

длился с начала тридцатых годов до конца второй мировой войны. Для этого периода была в основном характерна реакция на предшествующий период с его психологическими и более аналитическими устремлениями. Одновременно тематика социологических исследований стала более разнообразной. Все же некоторое влияние немецкой науки, доминировавшей в предыдущий период, сохранилось. Однако в этот период больше внимания стали уделять не формальной и не феноменологической социологии, а культур-социологии Альфреда Вебера и социологии познания Карла Маннгейма и Макса Шелера (все эти ученые были немцами). В то же время постепенно стали усваиваться взгляды французской дюркгеймовской школы, равно как и современная социальная антропология Англии и Соединенных Штатов Америки. Более заметным стало также влияние марксистской теории, по крайней мере в первой части данного периода. В этом смысле, как указал Джон С. Пелзел⁹, для этого периода характерно смешение теоретических и методологических встречных течений. Все же в целом для него характерен скорее более широкий синтетический — «макроскопический» — подход к социальной жизни, чем предшествовавший психологический, и более аналитический — «микроскопический» — подход. Кроме того, вследствие заметного воздействия марксистской теории на социологию и возрастающего влияния консервативных ультранационалистических идеологий японские власти стали подозрительно относиться к социологии. Или, пожалуй, правильнее было бы сказать, что к социологии стали относиться с большим подозрением, поскольку даже в предшествующие периоды ее нередко смешивали с социализмом, и поэтому она страдала от неоправданных подозрений и преследований как со стороны правительства, так и со стороны публики. Однако примерно с середины тридцатых годов были заимствованы такие социологические теории, как теории Ганса Фрейера, идеологические истоки которых были тесно связаны с тоталитарной идеологией нацистов.

Вышеупомянутый более широкий, синтетический подход к общественной жизни был, по крайней мере с теоретической точки зрения, наиболее четко охарактеризован в работах Масамити Симмеи, являющегося ныне профессором социологии в университете Тохоку. Примерно с 1935 года Симмеи стал придерживаться взглядов, близких к взглядам Дюркгейма, Гинзберга или Сорокина, критикуя аналитический метод формальной и психологической социологии как абстрактный и бесплодный. В этом мнении его, по-видимому, больше всего утвердили синтетические идеи покойного Карла Маннгейма; изложенные в «Современных задачах социологии»¹⁰. По мнению Симмеи, социология не просто специальная наука, обладающая ограниченной сферой и точно определенным предметом, а скорее синтезирующая наука, в задачу которой входит изучение взаимосвязи

⁹ Pelzel, op. cit., p. 60.

¹⁰ Karl Mannheim, *Die Gegenwartsaufgaben der Soziologie*, Tübingen, 1932.

различных областей социальной жизни (например, политической, экономической, религиозной, моральной или идеологической), и в процессе этого изучения она должна способствовать интеграции других социальных наук, изучающих эти области независимо¹¹. Аналогичные взгляды на роль социологии как специальной науки излагались также в работах Уити Ивасаки, нынешнего ректора университета Кансай в Осаке¹², и покойного Дзунитиро Мацумото, бывшего профессора социологии в университете Хосеи в Токио, хотя их воззрения и отличаются несколько от воззрений Симмеи. Мацумото, писавший в середине тридцатых годов, пытался создать всеобъемлющую систему социологии, напоминавшую так называемую *vollständige Soziologie* (идеальная социология) немецкого ученого Андреаса Вальтера¹³.

Эмпиризм и полевые исследования. Однако наиболее примечательным в этот период было первое появление социологических исследований эмпирического, или «позитивистского», характера. Главной целью этих исследований было описание семьи и структуры сельского населения. Зачинателем этого нового течения в Японии был мой учитель Теидзо Тода, бывший профессор социологии в Токийском императорском университете. Он изучал социологию в Чикаго примерно в 1920 году и по возвращении в Японию всячески пытался насадить методы социальных исследований, популярные тогда в Соединенных Штатах Америки. Поскольку даже слово «социальные исследования» звучало в ту эпоху довольно странно для большинства японских ученых, он выпустил в 1933 году справочник «Социальные исследования» («Shakai-Chōsa»), ставший обязательным руководством по научно-исследовательским методам¹⁴. Тода читал лекции и проводил семинары по социальным исследованиям, используя такие американские работы, как «Работа в полевых условиях и социальные исследования» Ф. Стюарта Чепина¹⁵.

¹¹ См. Masamichi Shimmei, *Shakaigaku Yōkō* («Основы социологии»), Tokyo, 1935; *Shakaigaku Jiten* («Социологический словарь»), Tokyo, 1943; статьи «Системы социологии» и «Синтетическая социология»; *Shakaigaku* по Tachiba («Положение социологии»), Tokyo, 1948.

¹² Uichi Iwasaki, *Shakaigaku Gairon* («Общая социология»), Kyoto, 1952.

¹³ Cp. Andreas Walther, *Zur Verwirklichung einer vollständigen Soziologie*, Richard Thurnwald (ed.), *Soziologie von Heute*, Leipzig, 1932, S. 5 и далее. Система Мацумото развита в его трилогии «Shakaigaku Genron» («Основы социологии»), Tokyo, 1935; «Shūdan Shakaigaku Genri» («Принципы социологии группы»), Tokyo, 1938; «Bunka Shakaigaku Genri» («Принципы социологии культуры»), Tokyo, 1938.

¹⁴ Недавно было выпущено новое издание этого справочника под заглавием «Методы социальных исследований». В 1952 году Эитаро Судзуки и Сеинти Китано также выпустили руководство для проведения полевых исследований по социологии сельских районов. См. Suzuki and Kitano, *Nōson Shakai-Chōsa* («Социальные исследования сельских населенных пунктов»), Tokyo, 1952.

¹⁵ F. Stuart Chapin, *Field Work and Social Research*, Chicago, 1920.

и «Полевые исследования в социологии» Вивьен Палмер¹⁶. Сам Тода, виднейший специалист по изучению семьи в Японии, посвятил большую часть своих исследований детальному изучению формальной структуры семьи как социальной группы, применяя статистические методы. Его основная тема касалась количественного определения таких факторов, как размеры семейств и степени родства, а также корреляции этих факторов с местностью, экономическим положением или занятием¹⁷. Эти тенденции, основоположником которых был Тода, то есть тенденции предпочитать в качестве объекта изучения семью или другие родственные группы и придавать больше значения статистическим исследованиям широкого типа, — господствовали в течение столь долгого времени, что социальные исследования появлялись исключительно в виде работ по статистическому изучению семьи или родственных отношений. Поэтому вполне понятно, что большинство социологов, находившихся под влиянием Тода, посвятили себя изучению семьи и что в большинстве их исследований до настоящего времени уделялось мало внимания внутренней структуре семьи и психологическим отношениям среди ее членов. Однако в целом стремления Тода перенести в японскую социологию эмпирический подход американской социологии оказались успешными. В качестве руководителя факультета социологии Токийского императорского университета с 1922 по 1947 год он подготовил несколько способных социологов, которых, в отличие от «Киотской школы», часто называют «Токийской школой». На протяжении всего времени пребывания в этой должности он подчеркивал важность эмпирических исследований, и нет ничего удивительного, что «Токийская школа» проявляла тенденцию игнорировать роль теории и необходимость наличия основной концептуальной схемы в исследовании.

Примерно с конца тридцатых годов стали появляться работы нового типа по социологии сельской местности, которые напоминали социально-антропологические исследования, проводившиеся в Англии и в Соединенных Штатах Америки. Хотя развитие социологии сельской местности в Японии началось раньше, но только с этого времени социологи осознали те возможности, которые представляют методы интенсивного анализа для их исследований, посвященных сельскому населению. В тот же самый период в Японии были заимствованы методы и взгляды современной американской социологии сельской местности. Пионером этого был Эитаро Судзуки, ныне профессор социологии в университете Хоккайдо. Помимо первых опытов проведения исследований американского типа в этой области и их популяризации, ему принадлежит всеобъемлющий анализ современных сельских населенных пунктов Японии¹⁸. Двумя другими представителями исследователей нового типа в той же области являются Сеинти Китано, ныне профессор социологии в уни-

¹⁶ Vivien Palmer, *Field Studies in Sociology*, Chicago, 1928.

¹⁷ См. Teizō Toda, *Kazoku Kōsei* («Структура семьи»), Tokyo, 1937.

¹⁸ Eitaro Suzuki, *Nihon Nōson Shakaigaku Genri* («Принципы сельской социологии в Японии»), Tokyo, 1940.

верситете Кюсю, и Кидзаэмон Арига, ныне профессор социологии в Токийском педагогическом университете. Оба ученых, основываясь на тщательных полевых исследованиях различных деревень Японии, создали теории структуры и функции семьи и родства в сельских населенных пунктах. В особенности Арига, так как он был и эмпириком и теоретиком, оказал значительное влияние на студенческую молодежь своей теорией *dōzoku-dan*, или расширенной семейной группы, в Японии¹⁹. Однако в этих работах, как и в произведениях «Токийской школы», не обращается внимания на внутреннюю и психологическую структуру группы.

Социологическая специализация до второй мировой войны. Другой характерной особенностью этого периода было появление специализированных исследований. Мы уже говорили об интересе к семье и сельской жизни²⁰. Кроме того, проявлялся интерес к таким областям, как социология познания, социология языка, социология религии, этносоциология, политическая социология, экономическая социология, городская социология, изучение населения, изучение классов и др.²¹. В конце тридцатых годов автор данной статьи начал

¹⁹ См. K i z a э м о н А р и г а, *Nihon Kazoku Seido to Kosaku Seido* («Семейная и арендная система в Японии»), Tokyo, 1943. В 1948 году Арига опубликовал сборник *Sonraku Seikatsu* («Сельская жизнь»), посвященный той же теме. Он также разрабатывает свою теорию *dōzoku-dan* в недавней работе *Nihon no Ie* («Японская семья») и в *Minkan Denshō* («Фольклор») — специальным выпуске, посвященном японской нации (апрель, 1949). Отношения между системой *dōzoku-dan* и так называемым «феодальным» характером японского общества рассматриваются Китао в его недавней статье *Dōzoku-dan to Hōken Isei* («Расширенная семейная группа и семейные пережитки») в *Nihon Jimbun Kagaku-Kai* («Японское общество культурной науки», ed.) и в *Hōken Isei* («Феодальные пережитки»), Tokyo, 1951.

На английском языке вопрос о системе *dōzoku-dan* рассматривается в работе Michio Nagai and John W. Bennett, *Dōzoku: A Preliminary Study of the Japanese «Extended Family» Group and Its Social and Economic Functions*, Ohio State University Research Foundation Report, No 7, September, 1953.

²⁰ Из работ, посвященных изучению семьи и сельской социологии, помимо тех, которые уже упоминались, можно назвать следующие, являющиеся наиболее характерными для данного периода: M o r i m i t s u S h i m i z u, *Shina Kazoku no Kōzō* («Структура китайской семьи»), Tokyo, 1941; T a t s u m i M a k i n o, *Shina Kazoku Kenkyū* («Очерки по китайской семье»), Tokyo, 1944; T a d a s h i F u k u t a k e, *Chūgoku Nōson Shakai no Kōzō* («Структура китайского сельского общества»), Kyoto, 1946.

²¹ Можно отметить следующие работы. В области социологии познания: публикации «Shakaigaku Kenkyukai» (Общество социологических исследований), такие, как «Ideologie-Ron» («Теории идеологии»), Tokyo, 1931; «Chishiki Shakaigaku» («Социология познания»), Tokyo, 1932; M a s a m i c h i S h i m m e i, *Chishiki Shakaigaku no Shoso* («Аспекты социологии познания»), Tokyo, 1932. В области социологии языка: H i s a t o s h i T a n a b e, *Gengo Shakaigaku* («Социология языка»), Tokyo, 1936. В области социологии религии: K i y o t o F u g u n o, *Shūkyō Shakaigaku* («Социология религии»), Tokyo, 1938. В области этносоциологии и социологии примитивной культуры: T a k a s h i A k i b a, *Mam-Mō no Minzoku to Shūkyō* («Раса и религия монголов и маньчжуров»), Osaka, 1940; K e n t a r o K o m a t s u, *Minzoku no Riron* («Теория нации»), Tokyo, 1941; E i z ō K o y a m a, *Minzoku to Jinkō no Riron* («Теория нации и насе-

разрабатывать новую область социологии профессий²². Все эти направления были, однако, незначительно развиты по сравнению с течениями, изучающими семью и сельские местности. Особенно плохо обстояло дело с городской социологией и с изучением классов. К тому же большинство работ в области социологии познания, социологии религии, политической социологии и экономической социологии носило преимущественно концептуальный или методологический характер или же сводилось к популяризации и толкованию западных теорий.

Заключительные годы этого периода совпали со второй мировой войной, во время которой деятельность наших социологов почти полностью прекратилась. Как уже отмечалось, социологические исследования в этот период подавлялись консервативными националистическими элементами и самим правительством, причем эта тенденция стала гораздо более отчетливой во время войны. Нет сомнения, что известная часть членов социологического кружка находилась под значительным влиянием немецкой национал-социалистской идеологии, и столь же уверенно можно сказать, что отдельные ученые положительно относились к ультранационалистской политике. Но, говоря в общем, японские социологи в годы войны находились в спячке.

ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Поиски центра. После окончания второй мировой войны произошли значительные изменения. Сейчас можно даже сказать, что в целом японская социология наконец вступила в период роста и расцвета. Среди прочих факторов этому способствовали: крах ультранационалистских тенденций, восстановление научных связей

ления»), Tokyo, 1942; Yuzuru Okada, Mikai Shakai ni okeru Kazoku («Семья в первобытных обществах»), Tokyo, 1942; Yuzuru Okada and Kuni Oda, Kainanto Reizoku no Shakai Soahiki to Keizai Shishiki («Социальные и экономические организации племен на Хайнанских островах»), Tokyo, 1944. Вторая половина этой монографии была затем переведена на английский язык и опубликована (напечатана на mimeографе) в сборнике Йелского университета, посвященном изучению Юго-Восточной Азии, в 1950 году. В области политической социологии: Tomoo Okada, Kokka Kôzô-Ron («Социальная структура государства»), Tokyo, 1936; Uchii Iwasaki, Kokka Honshitsu-Ron Kenkyû («Исследование природы государства»), Kyoto, 1942. В области экономической социологии: Zenta Takashima, Keizai Shakaigaku no Kompon Mondai («Основные проблемы экономической социологии»), Tokyo, 1942. В области городской социологии: Matatago Okui, Gendai Daitoshi-Ron («Современные метрополии»), Tokyo, 1940. В области изучения населения: Megumi Hayashi, Nôka Jinkô no Kenkyû («Исследования населения сельских семей»), Tokyo, 1940. В области изучения классов: Yasuma Takada, Kokka to Kaikyû («Государство и общественный класс»), Tokyo, 1934.

²² См. Kuni Oda, Shokugyô Shakaigaku («Социология профессий»), Tokyo, 1941; rev. ed., vol. I and II, Tokyo, 1953.

с западными странами, в особенности с Соединенными Штатами Америки, и введение новой системы высшего образования.

Однако для третьего периода истории японской социологии характерно то, что мы будем называть «состоянием всеобщего смятения и разброда». А смятение и разброд стали еще более выраженными в настоящий период вследствие восстановления научных связей с западными странами. В этом смысле пышный расцвет в последующие годы таил в себе опасность. Как мы уже видели в предыдущих разделах, японская социология во втором периоде была специальной наукой, обладавшей ограниченной сферой и определенным предметом изучения, независимыми от других социальных наук. Однако, поскольку такой подход к социологии оказался абстрактным и бесплодным, в третий период проявилась реакция, и на этот раз возникло чересчур всеохватывающее направление, приведшее к значительному смятению и разброду. Социологию на этой стадии можно назвать «социологией синкретизма». Вот почему в настоящее время японской социологии настоятельно необходимо свести воедино ее многочисленные и противоположные тенденции и создать цельную дисциплину. Это совпадает с поучительным советом Парсонса американским социологам²³. Таким образом, как в Америке, так и в Японии наука социологии переживает сейчас критический момент²⁴.

Мы можем теперь рассмотреть некоторые из новых основных тенденций в японской социологии после конца второй мировой войны. Эти новые тенденции можно коротко сформулировать в виде следующих шести положений: 1) возросшая роль высшего образования; 2) большее внимание к эмпирическим исследованиям; 3) растущая популярность статистических методов; 4) развитие новых областей эмпирических исследований; 5) более тесная связь со смежными науками; 6) установление международного сотрудничества.

Возрастание роли социологии в высшем образовании. Одновременно с крахом ультранационалистических тенденций увеличился интерес к социологии и потребность в ней. К тому же благодаря введению новой системы высшего образования, поощрявшейся аме-

²³ Cp. Talcott Parsons and Bernard Barber, *Sociology, 1941—1946*, AJS, 53 (January, 1948), p. 246.

²⁴ По этому вопросу см. O d a k a, Shakaigaku no Honshitsu to Kadai («Социология. Ее характер и темы»), т. 1, Токио, 1949. По мнению автора, нынешнее состояние социологии можно кратко охарактеризовать следующими четырьмя основными группами противоположных взглядов: 1) противоположные взгляды на ее сферу, то есть вопрос о том, является ли социология синтетической или специальной наукой; 2) три антагонистических взгляда на ее предмет, иначе говоря, вопрос о том, является ли социология наукой о группе, о действии или о культуре; 3) противоположные взгляды на проблему теории и исследования, иными словами, вопрос о том, является ли социология теоретической («систематической») или эмпирической («позитивистской») наукой, или же вопрос о том, что важнее для социологии; создание общей теории или эмпирические исследования и 4) противоречащие друг другу взгляды на проблему теории и практики, то есть вопрос о том, является ли социология теоретической («чистой») или практической («реалистической»).

риканскими оккупационными властями, по всей стране было организовано большое количество курсов по социологии в университетах и колледжах. До войны количество учебных заведений, в которых преподавалась социология, составляло менее 30, причем только в Токийском императорском университете имелся самостоятельный факультет социологии. В противоположность этому, как уже отмечалось, в настоящее время в 22 университетах имеются самостоятельные факультеты социологии, а кроме того, примерно в 120 университетах и колледжах читается по крайней мере один курс социологии, что составляет около 140 учебных заведений. Из этих 140 учебных заведений 58 являются национальными университетами, 9 — общественными и около 75 — частными. Хотя в большинстве этих учебных заведений такие курсы не относятся к профилирующим дисциплинам, в 20 из них существует специализация по социологии в соответствии с новой системой высшего образования²⁵. Число студентов, специализирующихся по социологии в тех университетах, где существуют самостоятельные факультеты социологии, составляет примерно 3200 человек. Кроме того, еще большее число студентов либо специализируется по социологии, либо по крайней мере слушает курсы по социологии в других университетах и колледжах²⁶. Профессорско-преподавательский состав в 140 учебных заведениях насчитывает, как уже говорилось, около 340 человек, из которых 138 читают лекции в национальных и общественных университетах. Эти цифры наглядно показывают замечательный прогресс японской социологии за послевоенные годы. Кроме Соединенных Штатов Америки, вряд ли в какой-либо другой стране столь большое количество специалистов занимается социологией, как в Японии.

Это отнюдь не означает, что социология заняла подобающее ей место после войны. Социологии в Японии уделяется значительно меньше внимания как со стороны правительства, так и со стороны общественности, чем другим социальным наукам, в особенности праву или экономике. Например, в Японии в большинстве университетов имеются юридические факультеты, а в большинстве крупных университетов есть также и факультеты экономики, в то время как лишь в одном университете существует самостоятельный факультет социологии, а именно в университете Хитоцубаси в Токио²⁷.

²⁵ В противоположность большому числу курсов по социологии имеется весьма мало курсов, посвященных социальной антропологии и социальной психологии. В настоящее время только в двух университетах есть самостоятельные факультеты социальной антропологии и нет ни одного университета с отдельным факультетом социальной психологии.

²⁶ В связи с увеличением числа студентов, специализирующихся по социологии, после войны был опубликован целый ряд учебников по социологии. Число учебников или работ, озаглавленных «Общая социология» или «Введение в социологию», опубликованных в период с 1948 по 1953 год, составляет около 30.

²⁷ Хотя он официально именуется «факультет социологии», там имеются лишь две кафедры социологии; нынешний штат состоит из одного профессора и одного преподавателя. С другой стороны, на том же факультете имеются

В большинстве случаев для социологии предоставляется лишь одна или две кафедры, входящие в филологический факультет. Поскольку на каждой кафедре полагается, как правило, один профессор и, возможно, один доцент, то число профессоров, читающих социологию, составляет в большинстве университетов от одного до четырех. Даже в Токийском университете, вероятно крупнейшем университете на Востоке, имеются лишь четыре кафедры социологии: две на филологическом факультете, одна — в колледже общего образования и еще одна — на педагогическом факультете. Таким образом, нынешний штат состоит из четырех профессоров, четырех доцентов и трех преподавателей. С другой стороны, в том же университете юридический факультет имеет 38 кафедр, а экономический факультет — 23. Кроме того, эта диспропорция между социологией и правом или экономикой в структуре факультетов и отделений университетов отражается и в классификации наук, принятых Nihon Gakujutsu Kaigi (Японским научным советом) — высшим органом, содействующим проведению научных исследований. В соответствии с нынешним уставом Совета социология имеет в 16 раз меньше представителей, чем право, и в 10 раз меньше, чем экономика²⁸. И опять-таки в связи с этой недооценкой социология не получает такой финансовой поддержки от правительства, как право или экономика²⁹. Здесь можно было бы указать на то обстоятельство, что в Японии в отличие от Соединенных Штатов Америки нельзя успешно проводить научную работу без правительственных субсидий. В Японии нет Рокфеллеровских фондов. Вследствие этого даже в последние годы, когда стали появляться эмпирические исследования, представляющие некоторую ценность, их объем и достоверность ограничивались малым количеством данных. Возможно, что одной из причин преобладания в прошлом в японской социологии теоретических исследований является то, что они обходятся дешевле, чем эмпирические полевые исследования.

Возросшая роль эмпирических исследований. После окончания второй мировой войны эмпирическое изучение практических проблем

кафедры литературы, языковедения, философии, этики, религии, психологии, педагогики и др.

²⁸ Японский научный совет, учрежденный в 1949 году, разделяет науки на семь отделов: первый отдел включает литературу в широком смысле, второй — право, третий — экономику; отделы с четвертого по седьмой отведены различным естественным наукам. Уставом предусмотрено, что каждый отдел имеет 30 представителей, причем каждый из этих семи отделов обладает одинаковыми правами. Первый отдел (литература в широком смысле) разделяется на собственно литературу, историю и философию. Область философии разделяется далее по крайней мере на восемь категорий: философия в узком смысле, педагогика, психология, социология, религия, этика, эстетика и т. д.

²⁹ В соответствии с перечнем научно-исследовательских проектов, выполняемых на дотации на фундаментальные научные исследования в 1954 году, фонды, выделенные на 29 тем научных исследований, относящихся к области социологии, составляют 2 290 000 иен, или около $\frac{1}{3}$ ассигнований на 56 тем отдела права и около $\frac{1}{5}$ того, что выделено на 92 темы отдела экономики. См. «Japanese Scientific Monthly», 7 (July, 1954).

стало занимать более важное место в японской социологии. Прежде, даже после того как в Японию в середине тридцатых годов были перенесены методы американских социальных исследований, преобладало на немецкий манер влияние теории. Но в последние годы эта тенденция, по-видимому, вытесняется эмпирическим подходом американской социологии, и даже те ученые, которые раньше считались ведущими представителями теоретического направления, были обращены в эмпирическую веру. Эдвард Шилз в своей интересной книге «Нынешнее состояние американской социологии» указал, что в американской социологии теперь появляются симптомы перехода от недавней «атеоретической предыстории» к более усложненной стадии³⁰. Напротив, о японской социологии мы можем сказать, что она сейчас переходит от своей чересчур теоретической предыстории к более эмпирической стадии.

В связи с этим среди стоящих перед нами проблем одной из самых серьезных является ликвидация разрыва между существующими социологическими теориями и нарастающей тенденцией к эмпирическим социальным исследованиям. Хотя преобладание теоретических исследований было одной из основных особенностей японской социологии, этим исследованиям не хватало теории в полном смысле слова, то есть такой теории, которая основывается на эмпирическом изучении и которая одновременно указывает путь к дальнейшим исследованиям. То, что подразумевается под словом «теория», было до сих пор в японской социологии методологическим отображением природы социологии, или попыткой дать определения и классификацию некоторых основных понятий, или даже проявлением метафизической доктрины, лишенной всякой эмпирической основы. Вследствие этого социологические исследования в Японии до недавнего времени зачастую были «исследованиями ради самих исследований», то есть исследованиями, которые не направлялись никакой теорией и задачей которых не являлось создание какой-либо теории в полном смысле слова. Вот почему для будущности японской социологии столь же необходимо разработать некоторую общую теорию социальной жизни, как и содействовать сборанию социальных фактов. Возможно, что неслучайно в последние годы некоторые молодые японские теоретики стали изучать работы Парсонса и его коллег. Rigo Shakaigaku-Kai (Ассоциация социальных теоретиков), основанную в 1953 году, можно также рассматривать как еще одно проявление растущего интереса к развитию социологической теории³¹.

Увеличивающаяся популярность статистических методов. При проведении социологических исследований стал более широко применяться целый ряд статистических методов, разработанных в послед-

³⁰ Edward Shils, *The Present State of American Sociology*, Glencoe, Illinois, 1948, p. 55.

³¹ Членами этой Ассоциации преимущественно являются социологи, принадлежащие к так называемой «Киотской школе». Недавно было принято решение об объединении этой Ассоциации с Kansai Shakaigaku-Kai (филиалом в Кансаи Японского социологического общества).

ние годы. Однако это не обязательно означает, что статистические методы, или приемы измерения, вообще игнорировались японскими социологами в предшествующие периоды. Большая часть работ Тоды представляла, например, статистические исследования, посвященные структуре японской семьи. Точно так же были хорошо известны, по крайней мере среди социологов «Токийской школы», методы определения взглядов, применявшиеся Терстоном, Ликертом и Богардусом. Тем не менее было весьма мало исследований, если они вообще были, в которых эти методы действительно применялись. Иногда в предшествующие периоды какая-либо группа социологов действительно проводила выборочное обследование, используя ряд методов — отбор, скалирование, проверка и т. п., — которые в настоящее время считаются обязательными в Соединенных Штатах Америки. До второй мировой войны чаще всего применялся тот тип исследования, который называют обследованием жителей населенного пункта; этот метод включает в себя более или менее импрессионистический подход, наблюдения участников, личные интервью, у которых нет строгого плана, и т. п. Хотя некоторые социологи до сих пор предпочитают этот тип исследований, в особенности те, кто интересуется сельской культурой, общая тенденция свидетельствует о возрастающей популярности различных приемов измерения, недавно разработанных как в Соединенных Штатах Америки, так и в Японии, а также о более широком использовании их социологами при эмпирическом изучении. Это особенно справедливо в отношении периода после 1950 года³². Можно даже сказать, что применение новейших методов измерения стало модой среди молодых японских социологов. Вследствие этого в некоторых университетах все чаще можно наблюдать, что старшие и младшие члены отделений социологии в различной степени знакомы с количественными процедурами и по-разному к ним относятся.

Развитие новых областей эмпирических исследований. Интерес к эмпирическим исследованиям распространился и на целый ряд новых отраслей, таких, как промышленная социология, городская социология, социология воспитания и изучение общественного мнения. Как уже отмечалось, до конца третьего периода подавляющая часть эмпирических исследований проводилась по традиции в области сельской социологии, причем основное внимание уделялось семье или другим родственным группировкам среди сельского населения. Эта тенденция по-прежнему проявляется и в послевоенные годы³³, и,

³² Наглядным примером может служить выборочное обследование социальной стратификации и социальной мобильности в шести крупнейших городах Японии, проведенное Научно-исследовательским комитетом Японского социологического общества в 1952 году. Недавно группа молодых японских социологов выпустила руководство к проведению научных исследований; в нем описываются некоторые недавно разработанные методы и средства социальных исследований. См. Tada shi Fukuta ke (ed.), *Shakai-Chōsa no Hōhō* («Методы социальных исследований»), Tokyo, 1954.

³³ В конце 1952 года было создано *Sonpaku Shakai Kenkyūkai* (Общество социального изучения сельских районов) с целью содействовать объединению

как можно видеть из приведенной ниже таблицы, социология сельских районов занимает в числовом отношении первое место среди 19 областей социологических исследований. Хотя исследовательские методы, традиционно применяемые в этой области, иногда бывали несколько примитивными, в последние годы среди молодых исследователей наблюдается новая тенденция — использовать более «корректные» приемы, разработанные в Соединенных Штатах Америки³⁴.

Однако самое примечательное явление за последние годы — это возникновение и развитие новых областей научных исследований. Наибольших успехов, пожалуй, достигла промышленная социология, что справедливо также и в отношении Соединенных Штатов Америки. До второй мировой войны лишь немногие японские социологи специализировались в этой области. Даже после окончания войны на протяжении нескольких лет вплоть до 1950 года в этой области работала лишь горсточка социологов³⁵. С 1947 года по 1950 год

и сотрудничеству лиц, интересующихся изучением сельской культуры. Хотя в соответствии с уставом в общество могут вступать и специалисты по другим социальным наукам, нынешние члены — преимущественно специалисты по социологии сельских районов. В настоящее время в обществе состоит около 180 членов. Общество начиная с 1953 года проводит ежегодные конференции, а в 1954 году выпустило свой первый ежегодный отчет «Sonraku Kenkyū no Seika to Kadaï» («Социальное изучение сельских районов: темы и результаты недавних исследований»).

³⁴ Можно упомянуть некоторые работы, опубликованные в последнее время молодыми специалистами в этой области: Tetsundo Tsukamoto, Dōzoku Soshiki no Ichi Kōsatsu («Изучение расширенной семейной системы»); Shakaigaku Hyōron («Японское социологическое обозрение»), 2 (Май, 1951); Tadashi Fukutake, Nihon no Nōson Shakai («Японское сельское общество»), Fukutake and Tsukamoto, Nihon Nōmin no Shakaiteki Seikaku («Социальные черты японских крестьян»), Tokyo, 1954. В 1953—1954 году проводилось интенсивное изучение конкретных случаев социальной стратификации в трех деревнях в районах Кюсю, Кансай и Канто. Работа велась группой специалистов по социологии сельской местности в следующем составе: Сеити Китано и Кандзи Наито из университета Кюсю, Такаси Кояма и Кадзуэ Кода из университета Осаки и Кидзаэмон Арида и Кийоми Мориока из Токийского педагогического университета. Применялись некоторые новейшие способы измерения. Основной целью этих исследований было выявление некоторых основных критериев для измерения социальной стратификации в сельских населенных пунктах Японии.

³⁵ В начале 1947 года в районе Токио некоторыми сотрудниками отделения социологии Токийского университета было предпринято изучение взглядов промышленных рабочих в различных отраслях промышленности (девять машиностроительных предприятий, пять транспортных, три горных и т. п.). См. Shizuo Matsushima, Rōdō Shakaigaku Josetsu («Введение в социологию труда»), Tokyo, 1951; Kunio Odaka (ed.), Rōdō Shakaigaku («Социология труда»), Tokyo, 1952. В том же году несколькими членами Shakai-Kagaku Kenkyūjo (Институт социальной науки Токийского университета) было предпринято тщательное изучение существующей структуры и функций профсоюзов по всей стране. См. University of Tokyo, Institute for Social Science (ed.), Sengo Rōdō-Kumiai no Jittai («Условия существования профсоюзов в послевоенные годы»), Tokyo, 1950; Kazuo Okuchi (ed.), Nihon Rōdō-Kumiai—Ron («Теория японских профсоюзов»), Tokyo, 1954. Последнее исследование проводилось, однако, в основном в аспекте экономики труда.

проводилось длительное изучение человеческих отношений и взглядов на труд литейщиков в городе Кавагути, около Токио. Исследование велось автором данной главы и несколькими членами факультета социологии Токийского университета и может считаться характерным образцом работ в этой области в период до 1950 года³⁶. В последние годы, однако, в большинстве крупных университетов по крайней мере один социолог занимался изучением таких проблем, как человеческие отношения и моральный уровень служащих, продуктивность и методы надзора, положение и роль десятников, а также структура руководства и процесс принятия решений в местных союзах³⁷. По нашим подсчетам, основанным на недавнем обследовании, эта область уступает только социологии сельских местностей по количеству научно-исследовательских проектов, что также показано на приведенной ниже таблице. Автор данной главы в сотрудничестве с несколькими молодыми социологами из Токийского университета и Токийского педагогического университета проводил в 1952 году на крупном сталелитейном заводе около Йокогамы и на одной из угольных шахт в префектуре Ямагути детальное изучение отношения японских промышленных рабочих к их союзам и к руководству. Эту работу можно рассматривать как пример новейших исследований в данной области³⁸.

³⁶ K u n i o O d a k a (ed.), Imono no Machi: Sangyō Shakaigakuteki Kenkyū («Город литейщиков, очерк индустриальной социологии»), Tokyo, 1955.

³⁷ См. «Shakaigaku Hyōron» («Японское социологическое обозрение»), специальный выпуск, посвященный проблемам человеческих отношений в промышленности, 2 (январь, 1952); Микно Сэзуга, из Института промышленной физиологии и психологии, опубликовал несколько работ, посвященных аналогичным проблемам. См. его работу «Sangyō ni okeru Ningen Kankei no Shikenteki Sōkutei» («Опыт измерения человеческих отношений в промышленности»), «Japanese Sociological Review», 3 (October, 1952). Юси́ро То́мита, из Технологического института в Нагоя, недавно опубликовал работу «Kōjō no Shakaigaku» («Социология фабрик»), Tokyo, 1953. В 1952 году было проведено выборочное обследование мнений и взглядов работников 550 местных союзов по всей стране в соответствии с обследованием социальных напряжений, которое осуществлялось группой социологов под руководством автора данной главы. См. A k i r a T a k a h a s h i, Rōdō-Kumiai o megeru Shakaiteki Kinchō («Социальная напряженность в профсоюзах и вне их»), Nichirōken Shiryō (Японский институт материалов по изучению труда), № 248 и 249, ноябрь, 1953. С конца 1954 года группа социологов и социал-психологов из недавно созданного Shimbu Kenkyūjo (Институт журналистики Токийского университета) проводит углубленное изучение политических взглядов промышленных рабочих на крупном сталелитейном заводе около Йокогамы.

³⁸ См. K u n i o O d a k a, Sangyō ni okeru Ningen Kankei no Kagaku («Наука человеческих отношений в промышленности»), Tokyo, 1953, p. 311 и далее. Отчет об этом исследовании был первоначально написан на английском языке для доклада на Втором международном конгрессе по социологии, происходившем в Льеже (Бельгия) летом 1953 года. Немецкий перевод появился в специальном выпуске, озаглавленном «Социология производства — международная задача для изучения и преподавания» в «Soziale Welt», официальном органе Института социального изучения рабочего коллектива, 5, 1954.

Хотя в других областях успехи не были столь разительными по сравнению с прогрессом промышленной социологии, тем не менее значительные достижения имелись также в городской социологии³⁹, социальной психологии⁴⁰, изучении общественного мнения⁴¹, этносоциологии⁴², социологии воспитания⁴³ и др.

³⁹ Например, Эити Исомура, из Токийского муниципального университета, недавно опубликовал две работы популярного характера: «Toshi Shakaigaku» («Городская социология»), Tokyo, 1953 и «Shakai Byōrigaku» («Социальная патология»), Tokyo, 1954. В то же время расширенные семейные системы, встречающиеся в городских районах Японии, изучались Арига, Такаси Накано и др. См. N a k a n o, Toshi ni okeru Dōzoku to Shinzoku («Расширенные семьи и родственные отношения в городском округе»), в «Gendai Shakaigaku no Shomondai» («Современные проблемы социологии») — сборнике, изданном к 61-й годовщине со дня рождения д-ра Теидзо Тоды, Токио, 1949. В связи с возросшим интересом к изучению городской культуры в 1953 году была основана Nihon Toshigaku-Kai (Японская ассоциация муниципальных исследований).

⁴⁰ После окончания второй мировой войны были опубликованы две работы популярного характера по социальной психологии. См. Hirishi Minami, Shakai Shinrigaku («Социальная психология»), Tokyo, 1947 и Ikutane Shimizu, Shakai Shinrigaku («Социальная психология»), Tokyo, 1951. Сравнительное изучение процессов массовой коммуникации в городских и сельских населенных пунктах Японии проводилось несколькими членами Института журналистики Токийского университета начиная с 1951 года. См. N a j i m e I k e u c h i, Aru Nōson ni okeru, Mass Communication no Jittai («Процессы массовой коммуникации в сельской общине»), Shimbun Kenkūjō Kiyō (Бюллетень Института журналистики), No 2, 1952; Rokurō Hidaka, Akira Takahashi, Kōtarō Kido and Jōji Watanuki, Mass Communication to Kaikyū Ishiki («Массовая коммуникация и классовое сознание»), там же, No 4, 1954.

⁴¹ После окончания войны был создан ряд институтов и обществ для изучения общественного мнения, включая Kokuritsu Yoron Chōsajo (Институт изучения национального мнения) при канцелярии премьер-министра, основанный в 1948 году и недавно переданный одной частной организации. В этих институтах работает несколько социологов.

⁴² До войны сфера японских этносоциологических исследований ограничивалась районами Востока и Японией; но в последние годы стал проявляться все больший интерес к изучению таких районов, как Латинская Америка и Африка. См., например, Seiichi Izumi and Hiroshi Saitō, Amazon: Sono Fūdo to Nihonjin («Амазонка: ее природная среда и японская эмиграция»), Tokyo, 1954. Кроме того, было проведено всестороннее изучение айну и их культуры группой этнологов и социологов начиная с 1950 года. См. «Minzokugaku Kenkyū» («Японский журнал этнологии»), специальный выпуск, посвященный совместному обследованию сару айну, 16 (март, 1952).

⁴³ В соответствии с новой системой образования в большинстве университетов были организованы отделения и курсы, посвященные социологии воспитания. Наряду с этим в 1949 году было основано Nihon Kyōiku Shakaigaku-Kai (Японское общество социологии воспитания). В настоящее время оно насчитывает около 450 членов. Начиная с 1950 года общество проводит ежегодные съезды и с 1951 года ежегодно выпускает в качестве своего органа «Kyōiku Shakaigaku Kenkyū» («Исследования в области социологии воспитания»). Кроме того, под руководством Японской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО непрерывно ведется изучение взглядов японской молодежи на международные связи. Работа осуществляется рядом социологов, психологов и социал-антропологов с 1953 года.

Помещенная ниже таблица основана на данных переписи осуществляемых научно-исследовательских проектов, проведенной Японским социологическим обществом в октябре 1952 года, а также на научных докладах, сделанных на ежегодных собраниях Японского социологического общества с 1950 по 1952 год включительно, и на перечне тем научных исследований, субсидируемых правительством, в период с 1950 по 1952 год включительно. Она может дать некоторое представление о том, как распределяются сейчас социологические исследования по различным областям.

Распределение научно-исследовательских проектов по 19 областям, 1950—1952 годы

Область	Количество проектов			Всего
	1950	1951	1952	
Социология сельских районов	16	15	16	47
Промышленная социология	12	11	17	40
Теория и история	8	12	11	31
Изучение семьи	11	9	10	30
Методология	9	11	5	25
Исследования по социальной стратификации	5	3	7	15
Криминалистическая социология	6	6	2	14
Городская социология	3	5	5	13
Социальная психология	4	3	6	13
Изучение общественного мнения	4	4	5	13
Социология религии	4	5	2	11
Изучение населения	2	4	4	10
Этносоциология	5	3	1	9
Социология воспитания	3	3	2	8
Социология познания	3	3	2	8
Социология права	5	2	1	8
Социология экономики	4	3	0	7
Социология морали	2	2	2	6
Социальная деятельность	5	1	0	6
Прочие	5	3	3	11
Итого:	116	108	101	325

Более тесная связь со смежными науками. Теперь в японской социологии стала проявляться тенденция вступать в сотрудничество с пограничными науками. Одним из проявлений этой тенденции являются совместные научные конференции Kyū Gakukai Rengō, или Девяти ассоциаций социальных наук, проводимые ежегодно с 1948 года. На этих конференциях собирается ряд специалистов по каждой из девяти дисциплин, включая археологию, антропологию, географию народонаселения, науку о религии, психологию и социологию, которые сообщают о результатах своих исследований⁴⁴.

⁴⁴ Порайонное изучение острова Цусима (префектура Нагасаки) и полуострова Ното (префектура Исикава) проводилось членами Девяти ассоци-

Здесь следует упомянуть также об Обследованиях по изучению социальных напряжений, которые непрерывно проводятся Nihon Jimbun-Kagaku-Kai (Японское общество культурной науки) с 1951 года, поскольку это, пожалуй, самый выдающийся пример попытки междисциплинарных исследований, когда-либо предпринимавшейся японскими специалистами по социальным наукам, и поскольку социологи играли ведущую роль на протяжении всех четырех лет осуществления этой программы. Первоначально это обследование было предпринято в связи с одним из научно-исследовательских проектов ЮНЕСКО и проводилось для изучения различных видов напряженных отношений, существующих в японском обществе. Около 80 специалистов по социальным наукам, разбившихся примерно на 10 секций в соответствии с тем видом напряжений, который они должны были изучать, участвовали каждый год в этом обследовании⁴⁵.

Кроме того, стало очевидным, что некоторые ученые, специальностью которых является в первую очередь право или экономика, начали проявлять большой интерес к социологии. К тому же среди психологов и социологов существует тенденция к взаимному сближению при разработке научно-исследовательских проблем, причем в особенности среди тех, кто интересуется изучением небольших групп. Одновременно наблюдается большее общение и сотрудничество в сфере самой социологии.

Начало международного сотрудничества. В заключение следует отметить, что японские социологи начали теперь привыкать к выступлениям на международной научной арене. Говоря в общем, они до сих пор работали в узких национальных границах, поэтому лишь немногие монографии были действительно полноценными с точки зрения западных теоретических и методологических воззрений. Но в последние годы у японских социологов, несомненно, стала проявляться тяга к международному сотрудничеству. Когда в 1950 году под эгидой ЮНЕСКО была создана Международная социологическая ассоциация, то Японское социологическое общество сразу же в нее вступило, и автор данной главы был тогда избран членом Исполнительного комитета этой ассоциации. С этого момента Японское социологическое общество регулярно посылает своих представителей для участия в мероприятиях Ассоциации, а также для сообщения о результатах последних исследований своих членов на каждом съезде Ассоциации, происходящем раз в три года.

Тем не менее более наглядным проявлением этой тенденции можно считать выборочное обследование социальной стратификации и соци-

ций в 1950 и 1952 годах. См. Kyû Gakukai Rengô («Девять ассоциаций социальных наук») (ed.), Tsushima no Shizen to Bunpa («Естественная среда и культура острова Цусимы»), Tokyo, 1954.

⁴⁵ См. Nihon Jimbun-Kagaku-Kai (Японское общество культурной науки) (ed.), Shakaiteki Kinchô no Kenkyû («Исследования социальной напряженности»), Tokyo, 1953. Сокращенный отчет на английском языке о результатах первого года осуществления программы был опубликован Японской национальной комиссией по делам ЮНЕСКО в 1953 году.

альной мобильности в шести крупнейших городах Японии, проводившееся в 1952 году Научно-исследовательским комитетом Японского социологического общества. Это обследование было предпринято в порядке осуществления межнациональной научно-исследовательской программы Международной социологической ассоциации, и результаты его были доложены на Втором Международном конгрессе ассоциации в Льеже (Бельгия) летом 1953 года. Основные задачи обследования сводились к тому, чтобы определить в шести крупнейших городах: 1) долю населения в каждом слое; 2) самоопределение членов каждого слоя в отношении принадлежности к какому-либо слою; 3) соотношение между принадлежностью к определенному слою и классовой сознательностью и 4) мобильность социального положения внутри определенного поколения и между поколениями. Стандартные методы собеседования, кодирования, табулирования на электронно-счетных машинах IBM и анализа были применены к стратифицированной выбранной наудачу группе примерно в 2000 человек из населения шести городов. В этом обследовании приняло участие около 50 социологов, представлявших 18 учреждений страны⁴⁶. Хотя это обследование имело некоторые недостатки, оно явилось буквально эпохальным событием в истории японской социологии, по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, это было крупнейшее коллективное исследование, когда-либо проводившееся в истории Японского социологического общества; во-вторых, это было первым опытом (не только для японских социологов, но и для всех японских специалистов по социальным наукам) проведения такого рода международной коллективной научно-исследовательской работы. Автор данной главы искренне надеется, что проведение подобных международных мероприятий в будущем станет традицией японской социологии.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Becker Howard, *Sociology in Japan*, ASR, 1 (June, 1936), pp. 455—471.
 Eubank Earle E., *Sociology, Past and Present in Japan*, SSR, 22 (March—April, 1938), pp. 347—356.
 Odaka Kunio, *Japanese Sociology, Past and Present*, SF, 28 (May, 1950), pp. 400—409.
 Pelzel John C., *Japanese Ethnological and Sociological Research*, AA, 50 (January — March, 1948), pp. 54—72.
 Steiner Jesse F., *The Development and Present Status of Sociology in Japanese Universities*, AJS, 41 (6 May, 1936), pp. 707—722.

⁴⁶ См. Kunio Odaka and Shigeki Nishihira, *Waga Kuni Roku Daitoshi no Shakaiteki Seiso to Idô* («Социальная стратификация и социальная мобильность в шести крупнейших городах Японии»), *Japanese Sociological Review*, 3 (September, 1953), pp. 2—51. Сокращенный отчет об этом исследовании, подготовленный на английском языке автором данной главы, вошел в «Труды Второго международного конгресса по социологии», изданные в 1955 году Международной социологической ассоциацией.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(ПОСЛЕСЛОВИЕ)

Коллективная работа американских социологов «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» представляет собой попытку дать общую характеристику современной профессиональной буржуазной социологии. Эта характеристика дается в обычном для идеалистической социологии описательном буржуазно-объективистском плане. Редакторы и авторы сборника рассматривают представителей идеалистической социологии как своих коллег по профессии, хотя и впадающих временами в крайности, но делающих одно общее дело. Они скрупулезно выискивают то «ценное», что, по их мнению, имеется во всех направлениях, пытаясь соединить элементы различных точек зрения воедино. Строго говоря, составители книги имели основание рассматривать буржуазную социологию как единое целостное направление, ибо по своим методологическим принципам все течения внутри буржуазной социологии тождественны. И если бы авторы имели в виду это тождество принципов, с ними можно было согласиться, не упрекая их в эклектике. Но авторы книги механически соединяют воедино разные течения, выражающие разные стороны буржуазного мировоззрения. При этом они усиленно подчеркивают свою мнимую «беспристрастность» и «объективность». Какова действительная «объективность» авторов, подробнее будет сказано несколько ниже.

Поскольку в книге освещены в сущности все проблемы, которые волнуют представителей современной буржуазной социологии, в одной статье нет возможности дать им критическую оценку. Поэтому мы остановимся на наиболее существенном. Начнем с предмета социологии и ее отношения к другим общественным наукам. 1

1. БЕССИЛИЕ БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ И ЕЕ НЕСПОСОБНОСТЬ РЕШИТЬ ВОПРОС О ПРЕДМЕТЕ СОЦИОЛОГИИ

Предмет социологии в книге определяется в разных разделах, причем каждый раз упор делается на том аспекте, которым занимается автор и данная отрасль социологии. Так, например, в разделе о социальной психологии социология трактуется прежде всего как наука о поведении людей. В разделах о структуре и функциях (действиях) общественных органов социология соответственно определяется как анализ общественной структуры и функциональной

зависимости общественных органов. При сопоставлении социологии с историей подчеркивается, что первая в противоположность истории дает обобщение рассмотренных явлений. Во многих местах книги социология определяется как наука о взаимодействии людей, общественных групп, факторов и сторон общественной жизни. Иногда социология определяется как грамматика социальных наук и т. д. Неопределенность предмета социологии и противоречивость отдельных определений социологии друг другу авторы книги объясняют незрелостью социологии, которая якобы является совсем молодой наукой, возникшей лишь в XX веке. Это утверждение, находящееся в вопиющем противоречии с фактами развития общественной науки, буржуазные социологи пытаются обосновать, противопоставляя социологию как эмпирическую науку социальной философии, которая имеет-де многовековую давность.

Социология, по их мнению, есть завершение развития социальной теории, резко отличающейся от социальной философии. Вот как они формулируют различие между социальной теорией и социальной философией: «То, что мы теперь называем социологией, развилось невероятно поздно, если подходить с трезвой и всеохватывающей исторической точки зрения» (см. стр. 15).

«Социальная теория возникает как вспомогательная область общественной мысли, когда социальные явления рассматриваются с какой-то степенью объективности и когда мыслители и философы занимаются обобщенным описанием и объяснением социальных явлений *так, как они на самом деле происходят*, а не так, как им «следовало бы быть». В этом смысле социальная теория преследует научные цели, в то время как социальная философия оценивает и указывает пути социального поведения в будущем» (стр. 16—17). Справедливости ради следует заметить, что проблемски социальной теории буржуазные социологи находят и в прежние исторические эпохи, начиная по крайней мере с древних греков. Но, по их мнению, на всем протяжении исторического развития, вплоть до XIX века, господствовала социальная философия. Лишь во второй трети XIX столетия «социальные теории начинают лихорадочно расти и впервые превращаются в серьезный вызов социальной философии благодаря временному союзу с развивающимися физическими и биологическими науками» (стр. 17).

Подобные социальные теории (авторы имеют в виду работы Конта, Спенсера, Дюркгейма, Тарда, Уорда и других социологов XIX века) послужили переходной фазой к современной социологической теории, явились, так сказать, «прасоциологией» буржуазной социологии XX века. Можно ли противопоставлять социальные теории, «указывающие пути социального поведения в будущем» (социальную философию), объяснению социальных явлений «так, как они происходят», как это делают все буржуазные социологи и в данном случае авторы настоящей книги? Конечно нет! Такое противопоставление прежде всего противоречит фактам. Демокрит, Платон и Аристотель имели свои социальные идеалы, учили тому,

как будут люди вести себя в будущем. Но при этом они исходили из анализа современного им общества и умели делать это не хуже, если не лучше, современной буржуазной социологии со всеми ее приемами и методиками. Что же касается их идеалов, то и они были не чем иным, как идеализацией современного им общественного строя. Это относится не только к «Афинской политике» Аристотеля, но и к «Государству» Платона. Иными словами, великие мыслители древности рассматривали явления «так, как они происходят» и определяли, «какими им следовало быть». Их выводы о будущем вытекали из анализа настоящего. То же самое можно сказать об английских эмпириках-материалистах и французских материалистах и просветителях XVIII столетия, о немецких идеалистах XIX века и Л. Фейербахе. Великие социалисты-утописты, рисовавшие картины будущего, исходили из современной им действительности и умели давать ей необычайно глубокий анализ. Т. Кампанелла, Т. Мор, Сен-Симон и Р. Оуэн дали очень глубокий для своего времени анализ общества и его противоречий и сделали совершенно правильные выводы о неизбежности его гибели. Их поиски идеала общества вытекали из их изучения современного общественного строя.

В истории «социальной мысли» нельзя назвать ни одного имени, указать ни одного исследователя, который бы занимался современностью, не пытаясь заглянуть в будущее, или, напротив, составляя бы планы общественного переустройства, не объясняя общественные явления «так, как они происходят». Да и сами современные буржуазные социологи, которые возвели в теорию требование объяснять «то, что происходит» и не заглядывать в будущее, вопреки этому требованию говорят о типичности некоторых сторон общественного развития и о практической пользе известных выводов для поведения в будущем. Правда, при этом они *необходимость* определенных событий и действий подменяют *вероятностью*, и это понятно, так как им чуждо признание закономерности общественного процесса.

Вероятность событий и действий в будущем буржуазные социологи признают; следовательно, обсуждают не только «то, что происходит», но и «то, что будет происходить».

Это означает, что ни факты из истории социальной мысли, ни положение в современной буржуазной социологии не свидетельствуют в пользу надуманного противопоставления социальной философии и социологии по тому признаку, что первая конструирует картины и модели будущего общественного устройства, а вторая занимается только настоящим. Это во-первых. Во-вторых, научное познание стремится постигнуть настоящее для того, чтобы предвидеть будущее и действовать в соответствии с тенденциями и законами развития событий. В противном случае изучение действительности теряет для человека всякий практический смысл. В самом деле, изучая свойства электрических явлений, их закономерности в данных условиях, мы знаем, что эти свойства и законы

повторяются в аналогичных условиях. Поэтому, сталкиваясь с подобными условиями, мы заранее знаем, какие свойства электричества проявятся, и получаем возможность использовать их для нужд человека. Если бы дело обстояло иначе, если бы изучение свойств и законов электрических явлений в данных условиях ничего не давало бы для понимания их свойств в другое время и в другом месте при наличии аналогичных условий, тогда бесцельно было бы изучать электрические процессы в данных условиях, в данное время и в данном месте. Или другой пример. Представим себе врача, который, занимаясь изучением лечения болезни — например, чумы, — заявил бы, что его выводы имеют значение лишь для этого больного и только в данный момент, а в случае повторного заболевания надо начинать все заново, ибо научно судить о будущем не дано. От услуг такого врача любой больной откажется немедленно. А разве не то же самое мы имеем в общественной науке? Какой практический результат может иметь наука, если она заранее ограничивает себя рассмотрением настоящего, не делая выводов на будущее? Она не может служить руководством к практическому действию даже в ближайшем будущем. Тем не менее именно современные буржуазные социологи кичатся своим «практическим и конкретным» подходом к жизни, восхваляют эмпиризм и практицизм (прагматизм) своих теорий, их «полезность». Здесь буржуазные социологи явно не сводят концы с концами.

Безосновательно противопоставляя «социальную теорию» «социальной философии», авторы книги высказывают неудовлетворенность и самой социальной теорией. Последняя, по их мнению, страдает одним важным недостатком. Она конструируется на базе выводов других наук, пытаясь выработать общую теорию исторического процесса, но не обладает достаточной доказательностью. Именно поэтому она является «прасоциологией», переходной фазой к современной (читай: буржуазной) социологии, являющейся не только эмпирической, но и в известном отношении экспериментальной наукой. Они так и пишут: «Различие между «общественной мыслью» и «социологией» является важным. Под общественной мыслью подразумевается любая система идей об отношениях человека с его ближними. Эти идеи, хотя они более или менее систематизированы, в большинстве случаев не подвергаются своими сторонниками строгой эмпирической проверке. Социология, с другой стороны, — это наука о взаимоотношениях людей, которая пытается открыть систематические доказательства существования детерминированных отношений между различными видами социальных фактов с целью разработки обобщений, являющихся истинными при определенных условиях. Поскольку эти обобщения или гипотезы образуют логическую независимую систему, социология является наукой зрелой» (стр. 79). Мы еще коснемся того, что представляет собой «точное наблюдение» и «эмпирическая проверка» современной буржуазной социологии. Здесь ограничимся пока констатацией «эмпирической проверки» как существенной черты современной

буржуазной социологии, отличающей ее от предшествующих социальных теорий общественного развития, а также отметим упорное игнорирование закономерности общественного развития, подмену законов науки обобщениями и гипотезами. Авторы сами не замечают логического противоречия в своих позициях: ратуя за «точность наблюдения» и эмпирическую проверку, они сразу же подчеркивают, что их «научный» метод не идет дальше предположений и гипотез, а также обобщений, имеющих ограниченное значение. Неприкрытый агностицизм авторов книги лишний раз свидетельствует о фальши противопоставления социальной философии и социальной теории, социальной теории и социологии.

Лишь в одном отношении противопоставление современной социологии предшествующим буржуазным и добуржуазным социальным теориям содержит в себе известный рациональный смысл. Философы прошлого, занимавшиеся проблемами социологии, и буржуазные социологи XVIII и XIX веков в подавляющем большинстве подходили к обществу как к единому целому и стремились рассмотреть общие принципы, начала, или законы, лежащие в основе его функционирования и развития. Социально-исторические условия их деятельности и классовая ограниченность не позволяла им найти *действительную* основу общественного развития и раскрыть его законы, но они исходили из признания единства общественных процессов и единства принципов, определяющих общественную жизнь. Современная буржуазная философия, особенно после первой мировой войны, отказалась от попыток понять общественную жизнь в целом, а сосредоточила свое внимание на отдельных сторонах, явлениях, фактах и фактиках общественной жизни. Общей теорией общественного развития современные социологи почти не занимаются. Каждый из них концентрирует свое внимание на частном круге вопросов. Одни исследуют жизнь сельского населения, другие — городского, третьи — явления преступности, четвертые занимаются вопросами семьи, пятые — ролью общественного мнения, шестые — разделением труда и т. д.

В соответствии с этим социология фактически распалась на ряд дисциплин: «промышленную социологию», «социологию сельского хозяйства», «социологию семьи», «социологию познания», «социологию элиты» (правящей группы), «социологию малых групп» и т. д. Каждый социолог в своей области исследует очень узкий круг вопросов и явлений, как правило, вне связи с процессами и событиями, протекающими в других сферах общественной жизни. Обширное поле социальной науки оказалось разбитым на мелкие клочки, и никто не осмеливается обозреть все поле. Общее у различных социологов состоит лишь в технических приемах и процедуре исследования (анкеты, тесты, опросы-интервью, описание событий, выборочное обследование и т. д.). Эта тенденция буржуазной социологии, по мнению ее последователей, должна шириться и расти. Лишь с появлением подобной узкой специализации социология стала-де наукой.

Нет слов, прогресс любой науки связан с дифференциацией подробной разработкой ее разделов. Но это не означает, что наука аспадется на ряд частных разделов, слабо между собой связанных. Чем более нельзя представлять социологию как науку об обществе в целом, конечно, отличающуюся от конкретных и частных общественных наук), как механический конгломерат частных выводов. Но, в чем современные буржуазные теоретики усматривают прогресс социальной науки, на деле является выражением их глубочайшего бессилия, неумения выявить и объяснить общие законы развития общества. Буржуазная социология отказалась от рассмотрения общества в целом и ограничила себя рассмотрением частных. За деревьями она не видит леса. Буржуазные социологи ограничиваются эмпирическими наблюдениями и, подобно всем позитивистам, опыты раскрыть общие законы развития общества именуют метафизикой» и «спекуляцией». Это неизбежно приводит буржуазных социологов к абстрактности, внеисторическому подходу к общественным явлениям. «Конкретная» по форме, кичащаяся «преклонением» перед фактами, прокламирующая «объективные» методы исследования, современная буржуазная социология на деле оказывается абстрактной, субъективистской по методологии концепцией.

Поражает крайняя неопределенность понятий, которыми оперируют буржуазные социологи. Например, термин «общество» употребляется как синоним человечества, как название племени или нации, сельской или городской общности. Современные социологи каждое подобное «общество» рассматривают как общество вообще». Поэтому группировки общественных типов они производят, не считаясь с действительным ходом исторического развития. Для них ничего не стоит отнести к одному типу общества как некоторые древние государства, так и современные, ибо в основе своей классификации они кладут не объективные действительные критерии, а второстепенные моменты, являющиеся производными от определяющих, главных, конструирующих тип общества.

Возьмем другой пример. В каждом антагонистическом обществе имеются свои типы классов и общественных групп: при рабстве — рабы и рабовладельцы, патриции и плебеи, свободные крестьяне и ремесленники, торговцы и т. д. При феодализме — дворяне и крестьяне, мастера и подмастерья, торговцы. При капитализме — буржуа и рабочие, крестьяне (фермеры) и помещики, интеллигенция, служащие и другие. Научный анализ требует исторического подхода к классовой структуре, выделения основных классов и рассмотрения места и роли неосновных классов, а также отдельных социальных групп. Это и есть конкретно-исторический подход к проблеме. Буржуазная социология поступает как раз наоборот. Она не делает различия между историческими эпохами. Буржуазные социологи, занимающиеся расчленением общества на группы, не видят существенной разницы между современным буржуазным обществом и какой-либо отсталой колонией или докапиталистическим обществом. В лучшем случае они видят между ними количественную разни-

цу. Отдельные буржуазные социологи охотно анализируют полуродовые отношения в колониальных странах, надеясь получить выводы, объясняющие дифференциацию развитого капиталистического общества.

Но самое главное заключается в том, что буржуазные социологи (в этом сказывается их классовая природа) отвергают теорию классовой борьбы, затушевывают антагонизм противоположных классов. С этой целью основные классы современного общества — пролетариат и буржуазию — они разбивают на ряд особых «слоев», стремясь образовать единую лестницу, по ступенькам которой располагаются все общественные группы. Количество ступеней устанавливается по произволу социолога, занимающегося этим вопросом: одни насчитывают пять, другие — семь, третьи — еще большее количество «страт», или слоев (отсюда и название соответствующей отрасли социологии, занимающейся вопросами общественной дифференциации — стратификация). Основные и неосновные классы, общественные слои и группы сваливаются в одну кучу, сами классы произвольно разбиваются на слои, и все это именуется «конкретно-социологическим анализом социальных слоев». По существу же налицо абстрактно-субъективная схема, искажающая действительную картину классового общества, призванная умалить, точнее, свести на нет роль классовой борьбы в современном обществе. Если к этому добавить тот факт, что теория «стратификации» смешивает классовые различия, обусловленные различным отношением людей к средствам производства, с различиями физиологическими, этническими, профессиональными, культурными, национальными и религиозными, то станет понятным, какой тощей абстракцией является понятие слоя в буржуазной стратификации. Понятие «страта», заменившее у большинства социологов научное понятие «класса», является предельно абстрактным, неопределенным и произвольно устанавливаемым.

Или возьмем социологию малых групп. Эта отрасль социологии, которую превозносят авторы книги, до сих пор не может определить, что такое «малая группа», то есть что за объект она изучает. Они сами заявляют, что наибольшая трудность заключается «в неопределенности понятия самой малой группы». Одни социологи дают «уклончивые ответы», другие предлагают «эмпирически устанавливать границы», третьи устанавливают их «произвольно». «Малая группа» — произвольно конструируемое объединение людей. В ней может быть растворено любое конкретное явление: семья, толпа зевак на улице и т. п. Это предельно тощая абстракция, предоставляющая полную свободу «научного» творчества социологам-позитивистам.

Отказавшись от «энциклопедичности», от рассмотрения общества в целом, буржуазная социология не только не перестала быть абстрактно-умозрительной по своему характеру, но и окончательно погрязла в болоте агностицизма, субъективизма и абстрактности.

Тупик, в который все больше и больше заходит буржуазная социология, проявляется также и в ее неспособности определить свое отношение к другим общественным наукам.

Совершенно невозможно отличить «социологию государства и права» от «теории государства и права», от правовой науки вообще, «социологию культуры» от «теории и истории культуры» и т. д. Иначе и не могло быть, если социология как наука об общих законах развития общества превращается в исследования частных, отдельных общественных явлений.

2. ОТКАЗ БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ ОТ ЗАКОНОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Отношение социологии к другим общественным наукам можно понять лишь при научном подходе к обществу, обеспечивающем раскрытие законов истории, признание специфичности законов каждой общественно-экономической формации, единства общих и специфических законов исторического развития. Диалектика общего и единичного, понимание единства общих и специфических законов общественного развития недоступны современным буржуазным социологам прежде всего потому, что им чуждо понятие закона, *объективного* характера законов общественного развития. Буржуазные социологи ограничивают себя констатацией эмпирических фактов, их описанием, обобщением сходных фактов по заранее составленным, произвольно сконструированным схемам. Поэтому вместо единства общественных процессов они видят скопление фактов, вместо закономерности — случайность, вместо поступательного прогрессивного развития — «изменение вообще».

Временами в работах современных социологов встречаются упоминания о причинности в социологических исследованиях. Но под причинностью они имеют в виду не объективные типы связей, которые должна открыть и отразить наука, а тип обобщения, правомерный для данных чувственного опыта. Как система организации опыта и форма обобщения причинность имеет лишь *субъективное* значение. Она есть один из методов обобщения материала, столь же правомерный, как и всякий другой. Но даже и в таком, субъективистском понимании причинность не устраивает современных социологов. Они критикуют неопозитивистов даже за признание причинности как субъективной категории. Они рекомендуют вообще изъять из употребления категорию причинности. Так, в разделе книги «Методология процедуры и техника социологии», написанном Джоном Ч. Маккини, подчеркивается, что «одним из основных объектов нападок» социологов на неопозитивистов «было понятие причинности». Нейрат критикует понятие причинности и приводит основания для того, чтобы избегать его. Лундберг упоминает о причинности как об «анимистической, теологической точке зрения». Доуд вносит радикальное предложение заменить причинность кор-

реляцией. Франк утверждает, что в социальных науках нельзя достигнуть действительного прогресса, признавая идею причинности. Возражение против этой крайней точки зрения лучше всего выражено у Макивера, который детально обосновывает необходимость понятия причинности в социологии.

В результате этого спора произошло фактическое устранение понятия «причины как силы» и замена его весьма широкой версией причинности: «Социологи в наши дни обычно предпочитают придавать однообразие своим заявлениям, связывая событие с условиями, при которых оно совершается. Поскольку это единство является эмпирическим, оно может быть выражено в терминах вероятности. Следовательно, заявление о вероятности отношений в виде эмпирического обобщения имеет тенденцию заменить причинность в традиционном смысле. Эта методологическая модификация в значительной степени является результатом влияния неопозитивизма» (стр. 227). Итак, причинность заменяется «вероятностью отношений в виде эмпирического обобщения».

Авторы и редакторы-составители книги последовательно (в этом им надо отдать справедливость) придерживаются этой точки зрения. И если у них иногда и проскальзывает слово «причинность», то оно употребляется не в обычном, «традиционном», то есть материалистическом, смысле слова, а в позитивистском, идеалистическом смысле, как синоним «эмпирического обобщения», позволяющего предполагать некую степень «вероятности» событий.

Итак, объективной причинности и, следовательно, закономерности современные буржуазные социологи не признают, да и не могут признать, так как они игнорируют основу общественно-исторических закономерностей — общественное материальное производство. Во всех своих рассуждениях о поведении людей и их отношениях (в чем они прежде всего усматривают предмет социологии) они не идут дальше моральных, идейных побуждений людей или иррациональных, инстинктивных влечений, вытекающих из биологической природы человека. «Социальное», «культурное» — для них синонимы духовного. Не случайно, подробно развивая значение понятия ценностей в социологии, позволяющего отбирать социологу то, что нужно, современные социологи подчеркивают, что центром теории ценностей является область нормативного, то есть сфера политических, правовых, моральных и других норм. Уильям Л. Колб в разделе книги, озаглавленном «Изменение значения понятия ценностей в современной социологической теории», пишет: «Почти все написанное о ценностях, представляющих интерес для социолога, относится к природе и функции нормативных правил и основных нормативных убеждений в анализе социального порядка, социальной интеграции и социальных изменений. Реалист и номиналист, волюнтарист и позитивист, историк-теоретик и функциональный теоретик — все имеют дело с нормами и ценностями или в качестве способов объяснения, или же в качестве вещей, требующих объяснения» (стр. 113).

Идеализм и субъективизм современной буржуазной социологии здесь выступает со всей очевидностью. Нормы и убеждения рассматриваются как «объекты», как нечто первично данное, а не как гражение производственных отношений (в антагонистическом обществе прежде всего классовых отношений). Подобный идеалистический подход закрывает социологам путь к открытию закономерностей. Для того чтобы понять закономерный характер общественного развития, установить повторяемость общественных явлений, необходимо по крайней мере три условия: во-первых, надо отказаться от абстрактного подхода к обществу, перестать говорить об обществе вообще, а исходить из специфичности реально существующих и сменяющих друг друга общественно-экономических формаций; во-вторых, понять реальное различие материальных и идеологических общественных отношений, понять, что первые лежат основе вторых; в-третьих, научиться понимать зависимость материальных общественных отношений (то есть производственных отношений) от определенного уровня развития производительных сил. Иными словами, нужно стать на позиции материалистического понимания истории, рассматривающего развитие общества как естественноисторический процесс. Это имел в виду Ленин, когда подчеркнул, что лишь материалистическое понимание истории впервые создало «возможность научной социологии, что только ведение общественных отношений к производственным и этим последним к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественноисторическим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть и общественной науки. (Субъективисты, например, признавая законосообразность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию, как на естественноисторический процесс, — и именно потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям.)»¹

Ленин критиковал сторонников субъективного метода в социологии, которые, как и современные буржуазные социологи, были критикантами и эмпириками. Но в отличие от современных социологов они еще признавали законосообразность и эволюцию общества, говорили за прогресс общества, понимаемый, правда, утопически идеалистически. Современные буржуазные социологи, в большинстве случаев, по-видимому, и не слышавшие о Михайловском (для них величайшим социологом является натурализовавшийся в США Питирим Сорокин), стоят примерно на тех же социологических позициях, на которых стояли русские народники 90-х годов XIX века. Справедливости ради следует признать, что в известном отношении они ушли от Михайловского. Но уйти можно в двух направлениях — вперед и назад. Буржуазные социологи ушли назад. Они отказались от понятия причинности, от понятия эволюции общества

¹ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 123.

и его прогресса. Все это они выбросили за борт буржуазной социологической науки, считая последним словом новейшей социологической науки голое признание эмпирических наблюдений и изменения наблюдаемых фактов. Закономерное прогрессивное развитие общества заменено «изменчивостью» общества.

Социологи твердят, что от понятия прогресса они отказались в целях «объективности». Понятие прогресса требует субъективной оценки, требует признания того, что одно лучше другого, учит не ограничиваться тем, «что есть», но требует сказать, «как должно быть». А они, видите ли, не вносят субъективных оценок, они констатируют, как происходит событие, и этим ограничиваются. Но эти рассуждения фальшивы от начала и до конца. Как раз того, что происходит в действительности, они не показывают, поскольку не видят действительных законов истории. От объективного критерия повторяемости (выделение производственных отношений как основы всех других) они отказались, равно как отказались от объективного критерия прогресса, каковым является развитие производительных сил, тип производственных отношений и объективные условия, определяющие степень свободы личности.

Неопределенный термин «изменение», которым буржуазные социологи заменили научные понятия закономерного развития и общественного прогресса, призван прикрыть бессилие и бессодержательность взглядов буржуазных социологов на развитие общества. Для них развитие общества не основной принцип общественной жизни, а частный случай состояния общества. Общество — сумма социальных взаимодействий, «в то время как социальное изменение охватывает определенные отклонения от обычных моделей взаимодействия». Буржуазные социологи по преимуществу занимаются «структурой», «организацией» и «конфигурацией». «Учебники по социологии, являющиеся превосходным показателем того, что думает или чему учит большинство социологов, часто относят вопрос социального изменения в заключительную главу, а иногда к небольшому разделу, помещенному вслед за многочисленными главами о культуре, социализации, социальных группах и общности» (стр. 298). Несколько ниже авторы сокрушенно замечают, что «изучение социальных изменений превратилось в специальность без специалистов» (стр. 299).

Сводя изменение к частному, временному состоянию общества, буржуазные социологи не только умаляют роль движения и развития общества, но и с особой настойчивостью подчеркивают отсутствие восходящего процесса развития. Эволюционизм, признание стадий общественного развития себя скомпрометировали, безапелляционно заявляют они, хотя скомпрометировали себя лишь старые, вульгарные примитивные эволюционистские буржуазные концепции, которые так же беспомощны при объяснении действительного процесса истории, как и современные идеалистические теории «социального изменения». Служебная роль «социального изменения», заменившего вульгарные концепции эволюции, состоит в попытке

опровергнуть научное обоснование неизбежности гибели капитализма и утверждения социализма.

Что же касается причин социальных изменений, то и здесь современная социология не блещет оригинальностью. Она подчеркивает, что «любая попытка открыть единый рычаг изменения в экономических, религиозных, политических, научных или семейных институтах представляет собой опасное упрощение». Налицо знакомая «теория факторов», еще в XIX веке раскритикованная более или менее вдумчивыми мыслителями, стремившимися к цельной, стройной концепции. При этом «экономический фактор» рассматривается буржуазными социологами как один из факторов наряду с многочисленными духовными факторами и совершенно тонет в них. По существу, «теория факторов» при объяснении социальных изменений исходит из совокупности условных факторов. Идеализм буржуазных социологов выступает и здесь со всей очевидностью.

Правда, некоторые из буржуазных социологов — Огбёрн, А. Вебер — пытаются объяснить изменения в обществе теорией культурного отставания. Огбёрн объединяет социальный и культурный процессы в понятии «адаптивной культуры», в то время как его термин «материальная культура» соответствует «цивилизаторскому процессу». Иными словами, рост цивилизации, в частности техники и науки, происходит быстрее, чем развитие политических, семейных, религиозных, образовательных и других институтов, которые отстают от «материальной культуры». Нетрудно заметить, что и здесь изменения и несоответствия происходят в пределах духовной культуры. То, что Огбёрн называет «материальной культурой», или «цивилизацией», при ближайшем рассмотрении оказывается технической возможностью общества удовлетворять потребности людей. Эта техническая сторона изменяется с развитием познания, развитием техники. Источником ее изменения является, следовательно, прежде всего познавательная деятельность людей. И эта познавательная деятельность развивается быстрее, чем политические, семейные и другие институты, социальная жизнь людей вообще. Другие социологи, так же как Одум или Сорокин, ограничивают понятие культурного отставания догосударственными обществами. В обществах же, приближающихся к государственной организации, «материальная культура» развивается недостаточно быстро для того, чтобы удовлетворить требованиям «адаптивной культуры» этических и политических систем.

Но все социологи более или менее сходятся на признании неравномерности развития техники и «культуры». Чем же все-таки объясняется подобная неравномерность, в частности «культурное отставание»? Вразумительного ответа на этот вопрос социологи не могут дать. Запутавшись в анализе общественных отношений, некоторые из них апеллируют к биологической природе человека. Так, Огбёрн пишет: «Доказано, что ряд социальных проблем возникает благодаря тому, что различные части культуры изменяются с неодинаковой скоростью. В данной главе мы хотим рассмотреть некоторые из

проблем, возникающих не вследствие отсутствия приспособления различных частей культуры, но вследствие недостаточного приспособления человеческой природы и культуры» (стр. 397—398). В то время как культура со времен пещерных людей существенно изменилась, биологическая и психологическая природа человека в основном осталась прежней. Человек перестал питаться тем, чем питался кроманьонец, — отсюда болезни желудка. Он переселился в города — отсюда неврозы, сумасшествия и т. д. «Утверждается, что большое количество социальных проблем, таких, как война, преступления, половые расстройства и болезни, порождается неспособностью или трудностью для первоначальной природы человека приспособиться к современным условиям и культурным стандартам. Считается также, что большая часть наших несчастий, нервности и сумасшествия восходит к тем же общим причинам» (стр. 398). Огбёрн апеллирует к «инстинктам и влечениям» первобытного человека, к его «эгоистической природе» для того, чтобы объяснить накопление богатств, налоги, войны, преступления, проституцию и т. д.

Редакторы-составители и авторы книги не могли не заметить, что в подобных рассуждениях, теория культурного отставания, которая ничего не объяснила, фактически заменяется теорией биологического отставания, которая еще меньше может дать для объяснения общественных изменений. И вот с таких или подобных им позиций стремится буржуазная социология объяснить изменения, протекающие в обществе. Конечно, при этом не только ценных, но и даже ясных выводов, которые хотя бы формально не противоречили друг другу, они получить не могут. Возьмем для примера три вида изменений из числа тех, о которых они говорят в своей книге. Одним из них они считают социальные движения. В прошлом буржуазные исследователи не сомневались в классовой основе подобных движений. Современные же социологи социальные движения рассматривают вне их классовой основы. Какая получается при этом путаница, видно хотя бы из того, что авторы считают, что «коммунизм, фашизм и нацизм — превосходные примеры революционных движений». Здесь смешано все: пролетарское и буржуазное, революция и контрреволюция, тактика (мирное или немирное развитие событий) и цель движения. И это называется «объективным», «конкретным» подходом к общественному явлению!

Не лучше обстоит дело и при попытке анализировать такое общественное явление, как планирование. Вот все, что, по существу, говорится о планировании в этой объемистой книге: «За последние десятилетия было больше споров о планировании, чем фактического планирования, и о планировании было опубликовано относительно мало социологических исследований. Английский опыт планирования городов и деревень, контроль деторождения и населения в Скандинавии... огромный эксперимент Советской России по социально-экономической трансформации и различные попытки планирования в городах и районах Соединенных Штатов Америки, а также поучительные попытки планирования в период «нового курса» —

все это было хорошо отражено в документах, хотя обобщающие анализы более широкого значения были сделаны только в случае ТВА, «нового курса» и планирования в Советском Союзе» (стр. 320). Вот пример и цена мнимой объективности и беспристрастности авторов. Да, они упомянули об «огромном эксперименте Советской России» наряду с «планированием» в Англии, США и Скандинавии. Они только «забыли» добавить, что планирование в Советском Союзе охватывает все стороны жизни общества, что это не эксперимент, а закономерность советского общества, обеспечивающая невиданные темпы развития и неуклонное движение к коммунизму. Они «забыли» добавить, что планирование в СССР стало возможным благодаря победе Октябрьской революции и построению социализма. Они «забыли» добавить, что аналогичный «эксперимент» осуществили все страны, ставшие на социалистический путь развития. Наконец, они «забыли» добавить, что все попытки планирования в капиталистических странах потерпели крах. И все общество в целом и города и деревни капиталистических стран продолжают развиваться стихийно, неорганизованно, углубляя противоречия капиталистического общества. И уж совсем смешными выглядят попытки буржуазии выдать ограничения рождаемости детей в некоторых буржуазных странах за «социальное планирование».

Следовательно, и здесь вместо вдумчивого анализа мы сталкиваемся с абстрактными рассуждениями, запутывающими вопрос и искажающими действительность. Аналогичная картина наблюдается и при трактовке проблемы «дезорганизации» общества. Показательно, что буржуазные социологи проблему революционного перехода от одной формации к другой, более совершенной, называют «дезорганизацией», отклонением от нормы. В этом сказывается страх буржуазии перед социальной революцией, которую она считает нарушением порядка, равновесия, нормы общественной жизни. В действительности революция всегда знаменовала переход от организации *нижнего* порядка к организации *более высокого* порядка во всех сферах экономической, социальной, политической и духовной жизни общества. С другой стороны, термин «социальная дезорганизация» позволяет растворить понятие революции в более широком круге явлений, поскольку к социальной дезорганизации социологи относят, помимо революции, контрреволюционные перевороты различного рода, экономические кризисы, стачки рабочих, войны и т. д. Причина социальной дезорганизации, по мнению буржуазных социологов, та же, что и причина социальных изменений вообще: культурное и биологическое отставание, уменьшение влияния социальных правил на поведение членов группы, нарушение равновесия в результате неравномерного развития частей общества и т. д.

Включив в понятие дезорганизации разнородные социальные явления — революции и войны, кризисы и международные конфликты, стачки и контрреволюционные перевороты, — социологи закрыли себе доступ к научному, конкретному рассмотрению каждого из

них, выхолостили содержание важнейшего закона общественного развития — закона социальной революции. Они не видят коренной причины всех социальных конфликтов и революций — частной собственности на средства производства и классовой борьбы.

Беспомощность буржуазной социологии при трактовке процессов изменения общества настолько очевидна, что они сами говорят о «неразработанности» этого раздела социологии и даже о невозможности научной разработки социальных проблем. «Поскольку, — пишут авторы, — теории социальных проблем принадлежат скорее к нормативному, чем к эмпирическому типу, они находятся за пределами компетенции ученого...» (стр. 415). И ниже: «Характерной чертой мыслителей, специализирующихся в данной области, были попытки найти единое решение социальных проблем (как будто бы такое существовало) и попытки быть научно объективными в условиях, когда это принципиально невозможно (стр. 415). Итак, после рассмотрения вопроса изменчивости, дезорганизации и т. д. социологи приходят к выводу, что научно объективное изучение этих проблем невозможно, а следует лишь ограничиться эмпирической констанцией того, что происходит. По-русски это называется начать за здравие, а кончить за упокой!

3. ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ И ЕЕ СВЯЗЬ С БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИКОЙ

Рассмотрев важнейшие особенности буржуазной социологии, остановимся на ее отношении к философии. Социологи постоянно подчеркивают, что они не философы и даже не социальные философы, а представители «опытной», «конкретной», «позитивной» науки. Они постоянно указывают на свою «нейтральность» по отношению к борющимся направлениям в философии, свой будто бы «объективный» подход к ним.

Посмотрим, так ли уж безразличны современные социологи к основным философским направлениям, как они об этом говорят. Известно, что важнейшее место в современной буржуазной философии занимают неопозитивизм, прагматизм, интуитивизм и другие идеалистические течения субъективистского толка. По всем основным позициям буржуазные социологи соглашаются с этими течениями идеалистической мысли: ими игнорируется объективная, материальная основа общественной жизни — материальное производство — и одновременно отрицается объективный характер законов. В основу всего кладется опыт, эмпирически наблюдаемые события. Не объективная правильность вывода, а его «полезность» или то, что он «работает» в условиях данной ситуации, считается критерием научности — такова точка зрения всех буржуазных социологов, как горячих приверженцев позитивизма, так и его противников. Споры с позитивизмом (там, где они ведутся социологами) касаются

частностей. По коренным вопросам у социологов, с одной стороны, прагматистов и позитивистов — с другой, господствует трогательное единство. Ползучий эмпиризм, субъективизм и идеализм составляют общую мировоззренческую основу современной социологии. Редакторы-составители и авторы на всем протяжении книги говорят о положительном влиянии позитивизма на социологию. Что же касается прагматизма, то они прямо утверждают: «прагматизм как теория — это не что иное, как выражение научного метода в том виде, в каком он оказался эффективным в прошлом.... Прагматическое направление в социологии отождествляет себя с использованием научных методов, поскольку эти методы влекут за собой постоянный анализ проблематичных ситуаций, выдвижение и рассмотрение различных гипотез, связанных с этими проблемами и их проверку опытом». Американская социология, ее методология, признают авторы, «пронизана прагматическими взглядами», что характерно для работ как «признанных эмпириков», так и «выдающихся теоретиков».

Не меньшее сочувствие у редакторов-составителей и авторов книги находят другие идеалистические воззрения — интуитивизм, фрейдизм, экзистенциализм. Не только в социальной психологии, которую они рассматривают то как раздел, то как «окраину» социологии, но и во многих других разделах социологии они признают огромную важность подобных идеалистических школ. Особенно подчеркивается «положительный вклад» в социологию интуитивистов и фрейдистов, выдвинувших концепцию «влечений» как мощного стимула и источника поведения людей. В книге две трети раздела о социальной психологии посвящены Фрейду и его влиянию на американскую социологию. Поскольку же психологизм наряду с эмпиризмом составляет характерную особенность всей американской социологии, постольку Фрейду уделяется большое внимание на всем протяжении книги. Ведь социология своим предметом имеет, по признанию авторов, «некоторые аспекты взаимодействия людей», а мотивы поступков последних свое основание, по их мнению, находят в иррациональных влечениях, о которых говорят Бергсон и Фрейд.

Следовательно, сочувствие редакторов-составителей и авторов книги целиком и полностью на стороне идеалистических школ. Мировоззрение, философская основа их социологических построений насквозь идеалистичны. Это находит свое выражение в отказе современных социологов анализировать материальное производство и экономические отношения, им порожденные. Даже тогда, когда социологи касаются производственных процессов или экономических отношений, они не рассматривают их по существу, а скользят по поверхности явлений и в силу этого не способны оценить их действительную роль в жизни общества. Так, например, «промышленная социология» вместо анализа существа капиталистического промышленного производства в отличие от ремесленного производства феодального общества и социалистического производ-

ства в СССР и странах народной демократии занимается некоторыми техническими и психологическими вопросами. Она пытается исследовать, как профессиональные различия влияют на поведение людей, какие факторы влияют благотворно на повышение производительности труда и т. д. Главные вопросы — эксплуатация рабочих капиталистами и вытекающая отсюда борьба классов — ею не исследуются. К антагонизмам между рабочими и предпринимателями промышленные социологи подходят со своих психологических и идеалистических позиций. Поведение рабочих, их участие в стачках они объясняют «инстинктивными влечениями», сохранившимися у людей от глубокой древности, неравномерностью социального развития и другими факторами биологического или психологического порядка. Главное — антагонистический характер капиталистического производства — оставляется ими вне поля исследования.

Что же говорить о других «социологиях» и отраслях социальной науки — социальной стратификации, социологии познания, социальной психологии, социологии изменения и дезорганизации, социологии малых групп и т. д., предметы исследования которых интерпретируются прежде всего как «нормативные», «культурные» явления и процессы, связанные с определенными нормативными ценностями, общественно-политическими учреждениями, психологическими мотивами поведения и взаимодействия людей. Здесь прямо и открыто применяется психологический анализ, а каждое социальное явление рассматривается в качестве следствия поступков людей, обусловленных «влечениями» и идейными мотивами. Таким образом, не только сочувствие идеализму, но и последовательное отстаивание идеалистических воззрений характерно для современной буржуазной социологии, на словах выступающей в качестве нефилософской, опытной науки.

Кстати, следует заметить, что некоторые социологи, выступающие в этой книге, склонны считать свои позиции чуть ли не материалистическими. Ведь они в основу кладут опыт, исходят из опыта и проверяют свои выводы опытным путем. Позитивистов и прагматистов, от Конта до Дьюи, они относят к материалистам. Но хорошо известно, что опыт может быть истолкован материалистически и идеалистически. Если опыт берется как нечто первично данное, если не признается объективного мира, существующего до человека и независимо от опыта людей, то он понимается идеалистически. И, наоборот, если источником ощущений признается объективный мир, если опыт (ощущения, наблюдения, практика человека) связывает человека с внешним миром и отражает его, то такое толкование опыта является материалистическим. Современные буржуазные социологи — сторонники первого, то есть идеалистического понимания опыта. Их позитивизм представляет собой одну из разновидностей идеализма.

Идеализм и субъективизм современной социологии отчетливо выступает и в применяемых в ней способах и приемах исследования

определенных явлений. Разработку приемов исследования представители современной буржуазной социологии считают одним из важнейших достижений социологии. Многие из них занимаются исключительно методологией, процедурой и техникой исследования. Необходимо отметить, что методологию социологии понимают «как принципы организации исследований, нормы, при помощи которых выбираются и оформляются процедура и техника»; процедуру — «как общую форму или систему действия при исследовании» и технику — «как специальную операцию установления фактов или манипулирования с ними, выделенную из основной процедуры». Основными методологическими проблемами эти социологи считают соотношение эмпиризма — рационализма, неопозитивизма — антипозитивизма, индукции — дедукции, количественного — качественного и номотетического — идиографического. Что касается процедуры, то обычно отмечается пять ее типов: статистическая, экспериментальная, номологическая, историческая и выборочная. Технические приемы настолько пестры и многообразны, что их невозможно перечислить. Для примера укажем на различного рода шкалы, анкеты, свободное интервью, систему «наблюдатель — участник». Сами социологи признают, что за короткую историю современной эмпирической социологии многократно менялись, разрабатывались и забывались различные типы процедур, «шкалы» и другие технические приемы, причем они не сомневаются, что все это сменится еще бесчисленное количество раз. Многие из этих процедур и приемов устаревают, не успев появиться.

Конечно, процедура и техника исследования очень разнообразны, и они должны меняться с прогрессом общественных наук. Такие приемы, как выборочное обследование, сбор анкетных данных, статистические приемы, могут дать положительный результат, если они правильно используются. Кстати, эти приемы были известны задолго до появления современной буржуазной социологии статистическим органам царской России и западноевропейских стран, и в их появлении нет никакой заслуги буржуазной социологии. Все дело в том, как применяются эти приемы: с учетом объективных особенностей процессов или нет, с учетом того, что они могут дать для познания объекта исследования, или без такого учета.

Наконец, дело в том, чтобы не применялись такие произвольно разработанные приемы, которые заведомо ведут к неправильным выводам. Главная беда современной буржуазной социологии состоит в том, что она изучает не действительные законы общественной жизни, а произвольно сконструированные «объекты» исследования, вроде «малых групп», «страт», или слоев, функциональных связей вообще, структуры общества вообще, дезорганизации общества и т. д. Частные вопросы и проблемы, действительно имеющие место в обществе (разделение труда, семья, государство и т. д.), не исследуются конкретно-исторически, по их действительным типам, в их конкретной обстановке. Наибольшее же количество объектов исследования в буржуазной социологии относится к таким, которые не

имеют никакого социологического значения — отдельным, не связанным друг с другом историческим фактом и событием. Такой ненаучный подход к объектам исследования приводит к неправильному использованию процедуры и техники исследования. Произвольно сконструированному объекту исследования соответствует субъективистский прием анализа, при котором отыскиваются не коренные причины события, а психологические мотивы поведения людей; упор делается не на главное, закономерное, а на случайное, десятистепенное. Естественно, что при таком подходе выводы так же походят на действительность, как созвездия Большого или Малого Пса походят на собаку. Насколько далеки от действительности и беспредметны выводы, получаемые социологами при изучении конкретных вопросов, иллюстрирует следующий факт. Хонигсгейм, анализируя систему высшего образования, сделал выводы о типах лиц. Типы профессоров оказались следующие: ученый, аристократический государственный служащий, промышленный капиталист, журналист, пророк и организатор. Среди студентов он установил следующие категории: члены студенческих обществ, преуспевающие дельцы, филологи, занимающиеся без отрыва от работы, участники различных молодежных движений, правительственные служащие. Нет смысла критиковать подобный анализ, его до смешного наивный и путанный характер. Разные моменты — нахождение на государственной службе, политические взгляды, специальность, работа на производстве, организаторские способности — превращены в основание для различения типов людей, в данном случае профессоров и студентов. Ничем не лучше большинство других эмпирических социологических исследований буржуазной социологии наших дней.

Итак, идеализм и субъективизм в трактовке предмета исследования сочетается у буржуазных социологов с субъективистским, произвольным использованием способов исследования и конструированием таких приемов, которые заведомо уводят от истины (определение отношения человека к общественным классам по тому, куда они сами себя причисляют; применение произвольных шкал и тестов для определения одаренности людей и т. д.). Идеалистический подход к общественным явлениям в целом сказывается на методологии и методике исследования, насквозь проникнутых субъективизмом.

При таких исходных позициях, разумеется, нельзя ни понять развитие процессов в настоящем, ни тем более предвидеть его в будущем. Пессимизм в оценке усилий современных социологов, который проскальзывает у авторов книги, жалобы на хаос и неразбериху в их науке вполне оправданны. Каждый из них у преддверия нового социологического исследования вполне может применить к себе известные слова Козьмы Пруtkова:

Все стою на камне,
Дей-ка брошусь в море,
Что пошлет судьба мне,
Радость или горе?

Может, озадачит,
Может, не обидит,
Ведь кузничек скачет,
А куда — не видит.

Таким образом, признавать обособленность современной буржуазной социологии от философии нет никаких оснований. Сам позитивизм социологии, ее отказ от общей теории общественного развития уже является философией, и притом философией, типичной для буржуазии эпохи империализма.

Нераздельность буржуазной социологии с буржуазной философией сочетается с нераздельностью социологии с буржуазной политикой. *На словах* буржуазные социологи вступают за отделение социологии от политики. Они заявляют, что их наука и их метод по-настоящему «объективны», чужды политических целей. Посмотрим, как обстоит дело в действительности. Буржуазная социология несет на себе основной порок буржуазной идеологии — отрыв теории от практики. Она уходит и уводит читателя от самых важных, самых насущных вопросов общественной жизни. Такими вопросами для современности являются вопросы войны и мира, колониализма и освободительной борьбы народов за независимость, сосуществование и соревнование социалистической и капиталистической систем, освобождение трудящихся от гнета капитализма. В буржуазной социологии такие проблемы, как война и мир, колониализм и крах колониальной системы, социализм и капитализм, проблемы, кровно затрагивающие интересы всех людей, даже не поставлены. Буржуазные социологи уходят от этих вопросов. Если же иногда они касаются таких широких проблем, то обязательно в связи с практической потребностью господствующих классов.

Изучая «трудовые конфликты», они интересовались не тем, как ликвидировать эксплуатацию, а тем, как ослабить эти конфликты на основе сохранения капиталистических отношений. Это, разумеется, политика, и политика буржуазная. В целом же подобные проблемы буржуазные социологи не рассматривают. Они объявляют их политическими, то есть стоящими за пределами социологического анализа. Отношения двух племен они считают социологической проблемой, а отношение империалистических стран к колониям или взаимоотношения капиталистических стран с социалистическими — «политической», не заслуживающей внимания социологии. Не трудно заметить, что в подобных рассуждениях нет ни грана элементарной логики. Буржуазные социологи правы лишь в одном: все коренные вопросы классового общества являются также и политическими вопросами. Это относится не только к коренным, общим проблемам общественной жизни, но и к отдельным проблемам, в том числе и к тем, которыми занимается современная социология (общественное мнение, семья, религия, разделение труда и т. д.). От политики социолог уйти не может, он должен социологически объяснить все общественные проблемы, включая и проблемы политические.}

Уход от политики и есть форма ухода от острейших вопросов жизни. Но так и поступают современные социологи. Их отказ от целостного рассмотрения общественного развития, сосредоточение на частностях десятистепенной важности призваны содействовать подобному уходу от главных, животрепещущих вопросов общественной жизни. *Это тоже политика*, старая буржуазная политика отвлечения внимания людей от злободневных вопросов, от острых противоречий капитализма. Той же цели отвлечения людей от актуальных проблем служит абстрактный подход буржуазных социологов ко всем общественным явлениям. Подмена анализа буржуазной семьи со всеми ее противоречиями мнимо научными исследованиями семьи вообще, подмена анализа противоречий, которые несет капиталистическая индустриализация, рост капиталистических городов, отвлеченными рассуждениями об урбанизации вообще, и т. д. — типичный прием буржуазной социологии. Но он-то и ведет к маскировке противоречий и уродств капиталистического строя, к апологетике этого строя. А что сие означает, как не рассмотрение вопросов с позиций буржуазной *политики*? Наконец, все буржуазные социологи рассматривают капиталистический строй как нечто само собой разумеющееся, исходят из того, что его основные черты будто бы существовали во все исторические эпохи, считают возможным лишь количественные, но отнюдь не коренные, качественные изменения в нем, отвергают прогресс как неизбежный переход от капитализма к более совершенному общественному строю. Говорят ли буржуазные социологи об отношении людей и общественных групп друг к другу, рассматривают ли они структуру общества и функции его органов, занимаются ли они вопросами социальной психологии или социологии познания, они всегда стоят на почве современного капиталистического общества не как объекта познания (здесь социологи охотно уходят в глубь веков), а как само собой разумеющейся основы, избираемой для понимания всех общественных явлений. Во всех своих аспектах буржуазная социология служит обоснованию и защите капитализма, его апологетике, защите интересов империалистической буржуазии. Буржуазная социология непосредственно смыкается, в известном отношении сливается с буржуазной политикой. Это свидетельствует, что социология в классовом обществе не может быть вне жизни и политики. Попытки представить дело иначе являются ложью и лицемерием.

Мы не хотим сказать, что *все* буржуазные социологи *сознательные* лжецы и лицемеры. Многие из них искренне верят в «объективизм» своих позиций, в возможность внеклассовой и надклассовой социологии. Более того, некоторым из них капитализм, как царство наживы, глумления над личностью, безраздельного господства капитала, не нравится. В капиталистическом обществе интеллигенция давно превратилась из небольшого привилегированного слоя, непосредственно примыкающего к эксплуататорам, в многочисленную общественную группу, значительная часть которой страдает от

империализма наряду с другими группами трудящихся. Это не могут не чувствовать на себе и некоторые социологи-профессионалы, принадлежащие к интеллигенции. Поэтому у ряда социологов можно встретить нотки критики в адрес капитализма. Давление монополий и бизнесменов на исследователей настолько грубо и цинично, что отдельные социологи выступают с открытым протестом против прямого вмешательства монополий в науку. Джордан озаглавил свою работу «К черту Бизнес!». Джерард Пейл жалуется на то, что при создании финансируемых коллективов финансисты целиком направляют ход исследования. В исследованиях довлеет забота о мелких проблемах, противоречия смазываются. Академическая и научная свобода изгоняются. «Свобода совести, слова, печати и собраний одинаково необходима как для прогресса науки, так и для самоуправления демократического государства... Ни один ученый не может поступиться своей свободой как гражданин, не отказавшись в то же самое время от своей независимости как ученый».

Подобные голоса еще не часто звучат среди социологов, но нет сомнения, что в будущем они станут многочисленнее и зазвучат громче. Мы не сомневаемся в том, что среди горячих приверженцев мира и прогресса мы увидим многих деятелей современной социологии, если даже в теории они будут заниматься сугубо частными вопросами и по-прежнему станут заявлять, что социология и политика несовместимы. Такой «разрыв» между их теоретическими воззрениями и практической деятельностью можно только приветствовать.

Приведенные примеры говорят о том, что всех буржуазных социологов нельзя упрекать в сознательной фальсификации фактов и выводов в интересах защиты капитализма. Но если они в большинстве своем субъективно не ставят такой задачи, то *объективно их теоретические позиции и выводы служат этой цели*. Называя современную социологию буржуазной, мы не хотим обидеть социологов, а даем научную характеристику ее, исходя из ее содержания и ее объективной роли в общественной жизни. Итак, требование буржуазных социологов стоять вне политики, не преследовать политических целей в процессе исследований оказывается не выполненным ими самими. Очень часто, не ставя перед собой *сознательной* цели служить капитализму, они *на деле* благодаря характеру своих социологических воззрений служат ему верой и правдой. Поскольку же многие профессионалы социологи, если не большинство их, участвуют в исследованиях, финансируемых корпорациями или государством, они непосредственно реализуют те политические цели, которые им диктуют. Тем самым объективистская по форме буржуазная социология оказывается классовой, партийной, буржуазной по своему содержанию.

Мы рассмотрели важнейшие особенности буржуазной социологии, насколько они выражены в материале настоящей книги. Разбор основных положений буржуазной социологии убеждает нас

в том, что она в своем развитии зашла в безвыходный тупик. Не удовлетворяясь общими социологическими теориями прошлого, построенными обычно на ложной основе, современная социология занялась изучением частных фактов, стала разрабатывать методику таких исследований. Она погрузилась (это вынуждены признать авторы книги) в ползучий эмпиризм и оказалась неспособной выявить даже частные закономерности жизни общества. Она провозгласила отказ от законов, прогресса и все более и более превращается в описательную дисциплину. Тем самым она поставила себя под угрозу уничтожения как науки. Медленное отрезвление, охватывающее многих социологов, побуждает их требовать теоретического анализа наблюдаемых фактов. Жажда теории становится все более жгучей. Авторы книги обещают, что в конце концов будет создана социология общества в целом как теоретическая наука. Надо только сначала дать социологию фактов, отдельных явлений, а потом уже переходить к общей теории. Но как структуру здания, его архитектуру нельзя познать, изучая кирпичи и балки, из которых оно построено, так из отдельных фактов не создается наука. Связь фактов, причинно обусловленные отношения, законы, лежащие в основе явлений, — вот что является предметом науки. Но именно законов буржуазные социологи и не признают. Поэтому все их рассуждения о теоретическом подходе остаются беспредметными. Они мечутся между своим преклонением перед эмпиризмом и своим стремлением к теоретическому анализу.

Свою методологию социологи считают в основном индуктивной. Но, субъективистски толкуя опыт и произвольно применяя методику исследований, они также произвольно конструируют гипотезы, под которые подгоняют факты, именуя подобную процедуру «проверкой». Иными словами, они мечутся между индукцией и дедукцией, эклектически их соединяют, не видя того, что индукция и дедукция правильно применяются лишь тогда, когда выступают моментами единого научного метода. Для буржуазной социологии характерно также перескакивание от чисто количественных методов исследования к чисто качественным и т. д. На путях идеализма, метафизики нет выхода из подобных противоречий. Поэтому кризис буржуазной социологии ширится и углубляется с каждым днем.

4. ФАЛЬСИФИКАЦИЯ БУРЖУАЗНЫМИ СОЦИОЛОГАМИ МАРКСИЗМА И НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИХ «КРИТИКИ». ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ — ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО-НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Как ни стараются буржуазные социологи увести человека от острых проблем современности, от борьбы социализма с капитализмом, они не могут совершенно замолчать марксизм. На всем протяжении книги в той или иной связи они упоминают имя К. Маркса, говорят о марксизме, но при этом дают совершенно извращенное

представление о марксистской теории общественного развития. Вслед за всякими другими буржуазными интерпретаторами и критиками марксизма они указывают на мнимую «противоречивость» и «неясность» его определений и формулировок, будто бы обусловленные «деятельностью Маркса в качестве экономиста, пропагандиста и революционера».

Переходя к изложению сущности марксистской теории, авторы книги ставят знак равенства между «экономической интерпретацией истории» и историческим материализмом. Сводя исторический материализм к вульгарному экономическому материализму, буржуазные социологи дают совершенно превратное представление о материальном производстве и его законах. Марксистское положение о производительных силах и производственных отношениях, об их единстве и взаимодействии они толкуют очень странно. К. Маркс определял общество как совокупность производственных отношений, сводя последние к определенному уровню в развитии производительных сил. Авторы книги приписывают Марксу определение общества как совокупности социальных отношений, понимаемых как «ассоциации для сотрудничества или связи между людьми», безотносительно к производству материальных благ. Затем делается логический скачок и Марксу приписывается утверждение, будто общество есть «совокупность производительных сил». Попутно Маркса упрекают в мнимой неясности термина «производительные силы».

Правильно приводя слова Маркса об определяющей роли способа производства, авторы книги подменяют понятие способа производства понятием технического способа производства, приписывая все это, разумеется, Марксу. Они упрекают, далее, Маркса в том, что он не был сторонником чисто экономического объяснения истории, а, как диалектик, учитывал сложность и взаимозависимость всех сторон общественной жизни. Они пишут: «Если структура общества определяется способом производства, то социальные изменения должны основываться на развитии способа производства. Тем не менее Маркс вынужден был подойти к социальному изменению гораздо более сложным способом, чем предполагается этой логической дедукцией. (Логической дедукцией авторы книги, не признающие, как и все позитивисты, объективных законов развития общества, называют открытые Марксом законы развития материального производства.— Д. Ч.) Можно было бы ожидать тщательного анализа факторов материальных и технических нововведений, но, будучи левым гегельянцем, Маркс пренебрег этой проблемой и сразу перешел к весьма спорному изложению социальных изменений как *диалектического социального процесса*... Маркс допускал, что каждая социальная система содержит противоречие (отставание?) между экономической и другими сферами, и все же он настаивал (это «и все же» — перл пустоты, бездоказательности и фальсификации в критике марксизма.— Д. Ч.), что эти противоречия вызывают классовую борьбу и что, следовательно, социальные изменения являются дедукцией *социальной революции*» (стр. 23). Здесь что ни

слово, то передержка или подтасовка, обусловленная или полным невежеством авторов, или сознательной фальсификацией марксистских взглядов. В самом деле, как можно упрекать Маркса в том, что он будто бы пренебрег проблемой «тщательного анализа факторов материальных и технических нововведений» (так вычурно называют авторы изменения способа производства.— Д. Ч.), когда в «Капитале» — работе, являющейся делом всей жизни Маркса, всесторонне исследованы все элементы материального производства, особенно капиталистического производства, показано взаимодействие производительных сил и производственных отношений, раскрыты законы капиталистического производства, показано отражение материальных общественных отношений в отношениях и взглядах политических, нравственных, в духовной жизни общества вообще.

Великий научный подвиг Маркса, показавшего на примере капиталистического общества, как капиталистический способ производства определяет собой все стороны социальной, политической и духовной жизни вообще, как противоречия этого способа производства, находящие одно из своих выражений в классовой борьбе, ведут к революционной замене капитализма коммунизмом, явился примером материалистического понимания истории. Не заметить или пройти мимо этого могут либо невежды, не затрудняющие себя знакомством с работами Маркса или не способные их понять, либо сознательные фальсификаторы.

Далее. Как можно подменять противоречие между производительными силами и производственными отношениями и выражение этого противоречия в борьбе классов противоречием между экономическими отношениями (экономическим базисом, говоря словами Маркса) и надстроечными формами — политическими и правовыми учреждениями, общественным сознанием людей и т. д.? Ведь именно такую передержку и допускают авторы книги в данном случае. Они дают понять, будто марксизм как социологическое учение — область прошлого. Он имел-де какое-то значение в предистории социологии, при переходе от социальной философии к социальной теории. Маркс стоит в рассматриваемой книге между Контом и Спенсером, а затем следует бесчисленное множество других имен буржуазных социологов, которые удостоиваются чести быть названы в качестве родоначальников социологии. Ученики Маркса, сыгравшие огромную роль в пропаганде исторического материализма и применении его принципов к анализу разных сторон общественной жизни, такие, как Плеханов, Лафарг, Мering, Бебель, даже не упоминаются. Упорно замалчивается Ленин, своей деятельностью открывший новый этап в развитии марксизма. Не упоминаются имена марксистов-коммунистов наших дней. Буржуазные социологи хотят представить дело так, будто коммунисты наших дней не имеют отношения к социологии по той причине, что они имеют отношение к политике. Мы уже видели, что сами буржуазные социологи не стоят вне политики. Они говорят о взглядах Г. Лукача, который запятнал себя самой грязной политикой соучастия в венгерской

контрреволюции 1956 года. Исключение они делают лишь для коммунистов. Таков «объективизм» авторов книги¹.

Руководствуясь таким подходом, авторы говорят лишь о тех «марксистах», которые порвали с марксизмом и о которых еще Маркс говорил, что «если они марксисты, то я не марксист»². Этих «марксистов» они делят на две группы: позитивистов и антипозитивистов. К позитивистам они относят махистов — Богданова и О. Бауэра, к антипозитивистам — гегельянца Г. Лукача и неокантианца Макса Адлера. Вот единственные «марксисты», удостоенные упоминания в обширном трактате по социологии. Из этого ясно, что к названию «марксист», которое авторы книги дают некоторым социологам, надо относиться с осторожностью. Они его применяют не к последователям Маркса и Ленина, а к социологам, у которых встречается признание важной роли экономических отношений, идея той или иной зависимости взглядов и теорий от социальных, классовых условий, безотносительно к тому, какова действительная концепция того или иного социолога.

Таким образом, все упоминания о Марксе и марксизме, а также попытки изложения марксистских воззрений представляют собой вопиющее искажение марксистской социологии — теории исторического материализма. Попытаемся противопоставить искажениям и фальсификации марксизма краткое изложение действительного существа марксистской социологии, имея в виду прежде всего тот круг вопросов, который выявляет безысходный тупик и неразрешимые противоречия современной буржуазной социологии.

Марксизм впервые в истории общественной науки дал научное определение общества и установил закономерности его развития. Это ему удалось сделать потому, что он открыл роль общественного материального производства в жизни общества. Люди, прежде чем вступать в отношения с другими людьми, заниматься политикой или социологией, должны жить, а для того, чтобы жить, они вынуждены производить материальные блага. Производство материальных благ, если не считать природы, есть первое условие жизни и развития общества. Открытие Маркса позволило установить основу специфичности общества и его законов. Оно позволило выделить производственные отношения как основу всех других отношений и тем самым установить повторяемость, закономерность общественной жизни. Оно позволило поставить на научную почву анализ классовой структуры общества, поскольку установило связь классов с исторически определенными способами производства, и открыть законы классовой борьбы. Оно позволило перейти от абстрактных

¹ Единственно, о ком они упоминают, это об итальянских коммунистах, и то для того, чтобы дезавуировать их позиции на том основании, что они «приносят» политические цели в социологические исследования.

² Кстати, и здесь авторы книги не обошлись без передержек. Высказывание Маркса, направленное против оппортунистов, они стараются обратить против последователей Маркса, творчески развивших его теорию.

социологических рассуждений об обществе вообще к анализу конкретных этапов человеческой истории, положив в основу периодизации общества понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, соответствующих определенному этапу в развитии производительных сил. Благодаря всему этому была получена возможность научного рассмотрения развития общества как естественноисторического процесса. Ленин, сопоставляя великий научный подвиг Маркса с открытием Дарвином эволюции видов, писал: «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними,—так и Маркс положил конец воззрению на общество как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установил понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественноисторический процесс»¹.

Материалистическое понимание истории положило начало научной социологии и подняло на уровень науки политическую экономию, историю, правоведение, этику, эстетику и другие дисциплины, изучающие общественную жизнь. Возможность научного подхода определялась прежде всего тем, что материалистическое понимание истории позволило установить закономерный характер общественного развития и открыть важнейшие законы истории: определяющую роль материального производства и народных масс в общественной жизни и истории; закон классовой борьбы и закон социальной революции и другие. При этом впервые было установлено различие между социологическими законами, действующими на протяжении многих общественно-экономических формаций, и специфическими законами каждой формации в отдельности. К первым относятся закон единства производительных сил и производственных отношений, закон соответствия производственных отношений производительным силам, закон социальной революции, закон классовой борьбы, действующий на протяжении трех общественно-экономических формаций (рабства, феодализма и капитализма) и другие. Эти общие социологические законы в каждой общественной формации, разумеется, проявляются по-своему (например, конфликт между производительными силами и производственными отношениями при капитализме и неантагонистический характер противоречия между ними при социализме). Кроме общих социологических законов, есть специфические законы, действующие лишь на протяжении одной формации; так, например, такие экономические законы, как

¹ В. И. Ленин Соч., т. 1, стр. 124—125.

закон анархии производства, прибавочной стоимости, присущи только капиталистическому обществу. Равно как закон максимального удовлетворения непрерывно растущих материальных и духовных потребностей людей на основе непрерывного совершенствования и развития материально-технической базы общества, закон планомерного и пропорционального развития народного хозяйства, закон распределения по труду присущи только социализму.

Помимо общих законов, определяющих функционирование общества в целом на всем протяжении его истории или по крайней мере в условиях антагонистических формаций, а также конкретно-исторических законов каждой формации в отдельности, есть специфические законы, определяющие функционирование и развитие отдельных общественных явлений. Например, язык — особое, специфическое явление, выступающее орудием или средством связи между людьми. Как и всякое другое явление, он имеет свои специфические законы развития.

Язык развивается на протяжении многих формаций, изменяется по мере развития и смены способов производства и, следовательно, свое объяснение в конечном счете находит в действии социологических законов и тех специфических, прежде всего экономических, законов, которые характеризуют данную общественную формацию. Но в то же время он, как сказано выше, имеет свои специфические законы функционирования и развития, определяющие преемственность данного явления и его отличие от других общественных явлений. Что касается языка, то такие законы, как известно, изучает языкознание.

Что же изучает научная социология, какие законы из только что перечисленных являются ее предметом? Разумеется, прежде всего она изучает общие, социологические законы, определяющие функционирование и смену общественно-экономических формаций, рисующих эту смену как естественноисторический процесс. Значит ли это, что научная социология проходит мимо специфических законов каждой формации и частных законов, характеризующих природу и особенности развития отдельных крупных общественных явлений? Конечно, нет. Задачи социологии по отношению к этим явлениям состоят в следующем: социология устанавливает единство, соотношение общих и специфических законов в рамках каждой формации, определяет место, которое занимает каждое крупное специфическое явление в жизни общества, дает научную характеристику общества в единстве и взаимодействии всех его законов и составных частей. Итак, предметом научной социологии является изучение общих, социологических законов общественного развития, выявление специфики всех важнейших составных частей общества, рассмотрение общества во взаимодействии *всех* его частей и законов. Такой научной социологией является теория исторического материализма, созданная Марксом и Энгельсом и развитая Лениным, КПСС и коммунистическими партиями всех стран. Нашу социологию мы называем историческим материализмом потому, что хотим

отличить научный, материалистический подход к общественным явлениям от ненаучного, идеалистического, конкретный исторический подход к каждому обществу — от буржуазно-социологических рассуждений об обществе вообще, наконец, диалектический подход к обществу как к единому целостному общественному организму в его историческом развитии, связи и преемственности этапов прогрессивного развития — от метафизического подхода к обществу как находящемуся в состоянии покоя или количественного изменения, раздробленному на самодовлеющие общественные явления.

Из этого определения следует, что научная социология — исторический материализм — является философской наукой. Исторический материализм, основывающийся на научных положениях диалектического материализма — марксистской-ленинской философии, — позволяет решать коренные проблемы общественной жизни. Основной вопрос философии — это вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе. Что является первичным, сознание или бытие? Диалектический материализм учит, что природа, бытие определяет сознание. Исторический материализм, применяя это научное решение к сложным явлениям общественной жизни, приходит к выводу: общественное бытие (материальные общественные отношения, экономический базис общества) определяет общественное сознание людей (их политические, философские, религиозные и другие взгляды).

Диалектический материализм рассматривает природу в ее изменении и развитии, показывает, что основным источником развития являются внутренние противоречия, содержащиеся в вещах и явлениях. Исторический материализм, применяя научные положения диалектического материализма к сложным явлениям общественной жизни, рассматривает общество во взаимодействии его частей, в изменении и развитии. Он выявляет внутренние источники развития общества: противоречия между производительными силами и производственными отношениями, приводящие к смене одного способа производства другим, а соответственно и к переходу от одной общественной формации к другой. Он показывает роль классовой борьбы в развитии общества и неизбежность социальной революции при переходе от одного общественного строя к другому и т. д.

Таким образом, исторический материализм есть наука, изучающая социологические законы общественного развития, взаимодействие всех законов и сторон общественной жизни на основе определяющей роли способа производства. При этом исторический материализм учитывает, что общество всегда выступает как конкретное общество, стоящее на определенной ступени своего развития. Каждая такая ступень в развитии общества, или, как говорил Маркс, каждая общественно-экономическая формация, имеет свои особые законы возникновения, развития и превращения в другой, более сложный социально-производственный организм. Развитие общества

выступает, таким образом, как естественноисторический процесс закономерного восхождения от низших форм к высшим. Законы этого изменения и развития и раскрывает исторический материализм. Если же иметь в виду его отношения к диалектическому материализму, общеполитической теории марксизма, то надо признать, что исторический материализм есть распространение диалектического материализма на познание общественных явлений. Он вместе с диалектическим материализмом образует единое научное философское мировоззрение. Говоря научным языком современной буржуазной философии, он является и социальной философией и социальной теорией.

Таково отношение научной социологии к научной философии. Перейдем теперь к отношению исторического материализма к другим общественным наукам.

Великое значение материалистического понимания истории состоит не только в том, что оно привело к созданию научной социологии, но и в том, что оно произвело полный переворот во всей общественной науке, превратило ее из социальных теорий, ищущих в потемках истину, в научную теорию, вооруженную могучим орудием познания общества. При этом впервые предмет научной социологии был четко определен и отделен от предмета других общественных наук. В то время как исторический материализм рассматривает все общество в целом, сосредоточивая свое внимание на общих социологических условиях развития общества, каждая из других общественных наук всесторонне изучает свой особый круг общественных явлений со всеми их специфическими особенностями и закономерностями. Так, законы развития всех типов материальных производственных отношений изучает политическая экономия, закономерность смены и законы функционирования государственно-правовых форм изучает история и теория государства и права, нравственные отношения и взгляды людей — этика, литературу, и искусства — эстетика и т. д.

Таким образом, в основу классификации наук кладется реальное различие общественных явлений и специфичность законов, определяющих их функционирование, изменение и связь с другими явлениями. Правильно понять специфику явления и его связь с другими общественными явлениями нельзя, игнорируя общие законы исторического развития, взаимодействие всех составляющих его частей. Но это означает, что другие общественные науки не могут обойтись без научной социологии, без исторического материализма. Исторический материализм не только учит материалистическому подходу к явлениям общественной жизни, но и раскрывает весь «механизм» общества и роль каждого круга явлений в его жизни. Тем самым теория, наука исторического материализма, является методом всех других общественных наук, всех теоретических и практических исследований общественных явлений. В свою очередь исторический материализм нуждается в других науках и их выводах для разработки общих проблем общественного развития, анали-

за общих связей и законов общества. Без данных и выводов частных наук он не сможет правильно решить вопрос о месте каждого явления в обществе и о взаимодействии явлений, превратится в бесплодное повторение известных истин или, что еще хуже, станет на путь домысла вместо научного анализа.

Связь исторического материализма с жизнью одним из своих каналов имеет связь с другими общественными науками. Но это, разумеется, не единственный путь связи с жизнью. Социолог должен непосредственно изучать явления жизни и активно участвовать в общественных событиях. Буржуазные социологи на словах тоже ратуют за непосредственное и, как они говорят, «объективное» изучение жизни. Кабинетная, теоретическая работа, говорят они, недостаточна. Своим величайшим достижением они считают то, что все свое внимание сосредоточили на частных явлениях. Однако наше понимание связи с жизнью не только отлично от буржуазно-прагматистского, но и прямо противоположно ему. Буржуазные социологи хотят быть беспристрастными регистраторами событий, констатировать факты, предоставляя читателю делать выводы. Мы уже видели, что в самой этой «беспристрастности» есть своя партийная пристрастность, связанная с оправданием, апологетикой капитализма. Но по форме они за «объективность» рассмотрения. Быть пропагандистом определенных взглядов, а тем более революционером — значит нарушать «беспристрастность» научного анализа, говорят они. Здесь мы снова подходим к вопросу об отношении философии и социологии к политике и тем самым — к жизни. Как же решается эта проблема подлинно научной социологией — историческим материализмом?

Исторический материализм последовательно отстаивает принципы партийности социологии, общественной науки вообще. Каждый класс имеет свои социологические, экономические, философские и другие теории, хотя идеологи, выразители этих взглядов, сами могут этого и не сознавать, а, напротив, будут считать себя беспристрастными учеными, стоящими вне партийных политических споров. Это имел в виду Энгельс, когда говорил, что «идеология это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но сознанием ложным», ибо ему неизвестны *побудительные причины*, которые заставляют его думать так, а не иначе. При этом, как не раз отмечали Маркс и Ленин, не всегда идеолог класса является *обязательно* выходцем из того класса, чью идеологию он выражает. Для того чтобы выражать идеологию лавочников, совсем не обязательно самому быть лавочником, писал Маркс. Так же, как, скажем, для того, чтобы защищать буржуазную идеологию, не обязательно самому быть крупным буржуа. Для этого достаточно быть, например, просто буржуазным журналистом или профессором. Могут быть отдельные примеры, когда выходцы из рабочего класса, попадая в условия, формирующие буржуазную идеологию (например, некоторые профсоюзные и социалистические лидеры не прямо, так косвенно покупаются буржуазией), подпадают под влияние

буржуазной идеологии и становятся ее пропагандистами. И, наоборот, наиболее честные и мыслящие представители буржуазной идеологии, покоренные великой правдой освободительной борьбы рабочего класса и его идеологии, становятся на его сторону. Все это естественно, так как классы и общественные группы не изолированы друг от друга, а влияют друг на друга экономически, политически и духовно. Поэтому по отношению к отдельным лицам может и не быть соответствия между классовым содержанием мировоззрения и классовым происхождением или даже положением. Но если иметь в виду *общественно-политические течения в целом*, то такого несоответствия быть не может. Члены буржуазных партий, буржуазная интеллигенция, выражающие идеологию буржуазии, в своей массе принадлежат к буржуазии или примыкают к ней. Хотя и здесь, поскольку буржуазная идеология господствует в обществе и для своего распространения имеет больше возможностей, чем пролетарская, она подчиняет своему влиянию значительные слои мелкой буржуазии, служащих, мелкобуржуазной интеллигенции и даже некоторую часть рабочих, которых тоже можно встретить в буржуазных, а тем более в правосоциалистических партиях.

Коммунистическая идеология пролетариата, ее носители — марксистско-ленинские партии, не только выражают коренные интересы рабочего класса и трудящихся масс, но и по своему составу являются по преимуществу рабоче-крестьянскими, а также включают в себя трудовую интеллигенцию.

Итак, разным классам соответствует разное сознание, разное мировоззрение, разная социология. Как современная, по преимуществу эмпирическая, позитивистская социология выражает коренные интересы буржуазии, так исторический материализм выражает коренные интересы рабочего класса и трудящихся масс. Только партийная буржуазная социология маскирует свою классовую сущность, выступает в форме «надклассовой» науки, в форме объективизма, а партийная социология пролетариата выступает открыто как классовая наука, выражающая интересы народных масс. С другой стороны, поскольку буржуазия является умиравшим классом, она органически не способна как класс принять и понять прогрессивные законы общественного развития, ведущие ее к гибели, поэтому она отвергает их и в современных условиях обычно отрицает закономерность общественного развития, подменяя ее неопределенной функциональной зависимостью, изменчивостью, дезорганизацией общественного процесса и т. д.

Следовательно, партийная по существу, буржуазная социология не способна понять действительность, она сознательно, а чаще бессознательно искажает действительность, фальсифицирует ее. Напротив, рабочий класс является восходящей силой, призванной осуществить закономерный переход от капитализма к социализму. Он заинтересован в наиболее полном и правдивом отражении законов, ведущих к торжеству коммунизма, поэтому его теория, его социология правдиво отражает действительность, является после-

довательно научной. Теория исторического материализма всесильна, потому что она верна. Материалистическое понимание истории представляет не просто одно из социологических направлений, даже не преимущественно научное объяснение истории, а, как говорил Ленин, «единственно научное понимание ее», оно есть «синоним общественной науки». Поэтому наиболее глубокое понимание жизни, ее всестороннее изучение в целях разумного преобразования общества, погружение в политику и активная революционно-практическая деятельность не только не мешают подлинному ученому, но составляют неперемненное условие научности разрабатываемых им теорий. Единство социологии с жизнью и политикой — главное условие ее научности. То, что Маркс и Ленин являются не только учеными, но и великими политиками и революционерами, составляет не их слабость, как утверждают буржуазные социологи, а их непреодолимую силу.

Социологи-марксисты, следуя примеру Маркса и Ленина, занимаясь историческим материализмом, стремятся прежде всего изучить жизнь. Для этого они обобщают данные всех других общественных наук, как исторических, так и прикладных, всесторонне изучают процессы, протекающие в капиталистическом обществе, рост его противоречий, стремятся обобщить опыт освободительной борьбы рабочего класса и всех трудящихся, опыт социалистического и коммунистического строительства, изучают теоретическую и практическую деятельность коммунистических партий по руководству освободительным движением трудящихся, строительством социализма и коммунизма, борьбой за мир между народами, сами активно участвуют в борьбе за мир, демократию и социализм. Только в таком широком плане, а не в узкоприкладном, буржуазно-позитивистском надо понимать связь научной социологии с жизнью. В связи с этим следует рассмотреть отношение исторического материализма к так называемым «конкретно-социологическим исследованиям», в которые погрузилась буржуазная социология, и к применяемым ею методическим примерам. Некоторые философы-марксисты иногда так ставят вопрос: теоретическая буржуазная социология несостоятельна, но практическая, прикладная, конкретная социология, как средство изучения конкретных явлений, и разработанная с помощью их методика полезны и должны быть нами использованы. Эти товарищи предлагают даже создать дисциплину «конкретная социология» наряду с историческим материализмом, иметь специальные кафедры по этой дисциплине на философских факультетах. Другие, напротив, исходя из позитивистского и субъективистского толкования социологических проблем и способов исследования отдельных явлений, считают необходимым с порога отвергнуть «конкретно-социологическую» работу буржуазных социологов. Кто же из них прав? Нам представляется, что доля истины есть в обоих утверждениях, но лишь доля истины, причем во втором больше, чем в первом. Конечно, современная буржуазная социология, занимающаяся главным образом рассмотрением лишь отдельных фактов и яв-

лений и возведшая ползучий эмпиризм в добродетель, отказавшаяся от законов и преклоняющаяся перед позитивистски понимаемыми фактами, для нас совершенно неприемлема. В этом, безусловно, правы товарищи, критикующие мнимо конкретный характер буржуазной социологии, ее ненаучность. Но даже руководствуясь неправильной теорией и в большинстве случаев неправильными фактическими материалами, имеющие известную ценность. И эта ценность работ тем больше, чем меньше сделано обобщений на основе неправильной методики, чем ближе это социологическое исследование к простому описанию фактов. Такие работы могут принести известную пользу, а некоторые технические приемы могут быть использованы марксистами при проведении отдельных исследований.

Ну, а мы, марксисты, должны ли мы сами на основании своей заново разработанной методики применительно к объектам исследования проводить подобное изучение отдельных фактов и явлений? Не противоречит ли это предмету исторического материализма, изучающему основные, общие законы, определяющие общественную жизнь в целом? Нет, не противоречит, если правильно ставить и оценивать место подобного изучения, и мы должны им заниматься. Для этого необходимо прежде всего не считать себя монополистом подобных исследований, как это делает буржуазная социология, окончательно запутавшая вопрос о соотношении социологии и частных наук, наук теоретических и прикладных. В основном сбором материала и его первичной обработки должны заниматься прикладные науки (разделы конкретной экономики, статистики и т. д.). Далее, исследованием отдельных объектов и процессов по сферам общественной жизни с учетом специфичности законов развития этих сфер должны заниматься другие общественные науки: в области экономической — теоретическая политическая экономия, в сфере права — юридические науки, в сфере литературы — теория литературы и критика и т. д. Исторический материализм не может подменять эти науки и за них вести конкретные исследования их сфер. Он должен опираться на данные всех этих наук, теоретических и прикладных, и обобщать их выводы. Наконец, работники в области исторического материализма должны и сами проводить подобные исследования, особенно на границах сфер общественной жизни или внутри известной сферы, когда процессы, в ней протекающие, оказывают непосредственное влияние на процессы, протекающие в других сферах. Например, прогресс с его технической стороны должны изучать инженеры и инженеры-экономисты. Вопросы организации труда в связи с техническим прогрессом на опыте отдельных предприятий следует изучать экономистам. И в том и в другом случае эту работу социолог проделает хуже, чем они. Но все вопросы, связанные с *социальными последствиями* технического процесса — постепенное преобразование социалистических отношений в коммунистические и роль в этом процессе бригад

коммунистического труда, всестороннее воспитание личности, пути стирания существенных различий между умственным и физическим трудом, пути перерастания государственности в общественное коммунистическое самоуправление, и все это на примере отдельных предприятий,—должны решать прежде всего социологи, научные работники в области исторического материализма. Для получения наилучших результатов желательно подобные исследования проводить совместно с экономистами, юристами, представителями других общественных наук.

Такие исследования являются одним из важных источников получения материалов и выводов, необходимых для широких обобщений, и служат одним из важных средств укрепления связи науки с жизнью. Но это не единственный и не принадлежащий исключительно социологам путь укрепления науки с жизнью. Главное состоит в том, чтобы постоянно и систематически изучать огромный опыт партии по руководству социалистическим строительством, изучать его не только в частностях, но и в целом,—опыт всех общественных организаций, опыт трудящихся по строительству социализма и коммунизма и самим активно участвовать в этом строительстве. При проведении исследований на отдельных предприятиях, в колхозах и совхозах нужно разрабатывать методику применительно к особенностям объекта и, имея в виду цель исследования, делать упор на собирание опыта, уже накопленного первичными парторганизациями и всем коллективом работников, всю работу проводить совместно с ними и вместе с ними формулировать выводы и рекомендации. Самым опасным для науки было бы стремление анализировать то и другое явление «со стороны», не становясь его участником, во имя фальшивой буржуазной объективности отгораживаясь от общественности предприятий и колхозов, прежде всего заинтересованных в правильном изучении протекающих на них процессов.

Из всего сказанного следует, что исторический материализм признает целесообразность и необходимость конкретного изучения отдельных общественных явлений. Это изучение должно проводиться всеми общественными науками как отдельно, так и совместно. При этом следует помнить, что подобное изучение всех объектов и каждого из них в отдельности проводит вся партия, все общественные организации, весь народ, и социолог свои частные наблюдения должен сопоставлять с всенародным и общепартийным опытом и в последнем видеть наиболее глубокий источник знаний о жизни.

Из сказанного следует, что развитие исторического материализма опирается не только и не столько на изучение отдельных фактов жизни самими социологами, сколько на изучение всех сторон общественной жизни всеми общественными науками, всей партией, всем народом. В этом главное. Поэтому мы не можем принять буржуазного деления на социологов-теоретиков и социологов-практиков, делить социологию на теоретическую и прикладную. Исторический

материализм есть целостная наука, опирающаяся на единство теории и практики. Каждый философ-марксист обязан повседневно и во всех формах, в том числе и в форме изучения процессов на отдельных предприятиях, в семье и т. д., изучать жизнь. Только при этом условии он может творчески обогащать теорию исторического материализма, как науки о самых общих законах развития общественной жизни, во всех его разделах. Предложение о разделении научной социологии на теоретическую и прикладную есть нечто иное, как дань буржуазной моде, требующей отделения теории от практики, фактически растворяющей теорию в ползучем эмпиризме.

Единство теории и практики определяет творческий характер марксизма-ленинизма в целом, исторического материализма в частности. Положения исторического материализма, разработанные Марксом и Энгельсом, получили дальнейшее развитие в работах Ленина, в решениях КПСС и других коммунистических партий. В. И. Ленин, анализируя особенности империализма как новой, высшей фазы развития капитализма и закономерности революционного преобразования капиталистического общества в коммунистическое, разработал вопрос о взаимодействии производительных сил и производственных отношений в эпоху империализма и в период строительства социализма, развил далее теорию классовой борьбы и особенно учение о гегемонии рабочего класса, о партии, стратегии и тактике классовой борьбы пролетариата. В трудах Ленина всесторонне разработана теория социалистической революции и диктатуры пролетариата, раскрыты пути строительства социализма и коммунизма в одной стране и в мировой социалистической системе и т. д. Труды В. И. Ленина составили новый этап в развитии марксизма в целом и в развитии исторического материализма в частности. Все сторонники научного коммунизма по праву называют себя марксистами-ленинцами.

Под руководством В. И. Ленина и опираясь на его учение, коммунистическая партия и трудящиеся царской России осуществили социалистическую революцию и утвердили диктатуру пролетариата, открыв тем самым новую эпоху всемирной истории — эпоху перехода от капитализма к коммунизму. Под руководством коммунистической партии, следуя учению Ленина и его заветам, народы Советского Союза построили социализм, а теперь успешно строят коммунизм. Трудящиеся ряда стран Европы и Азии, возглавляемые своими марксистско-ленинскими партиями, вооруженные самой передовой и революционной теорией, взяли власть в свои руки и пошли по пути, указанному В. И. Лениным.

Марксизм-ленинизм, исторический материализм непрерывно развиваются и совершенствуются Коммунистической партией Советского Союза, коммунистическими и рабочими партиями всех стран. Достаточно напомнить, какой неоценимый вклад внесли в сокровищницу марксизма-ленинизма XX и XXI съезды КПСС, Московская декларация коммунистических и рабочих партий 1957 года

и Заявление совещания коммунистических и рабочих партий, принятое в декабре 1960 года. В этих документах научно обоснованы важнейшие особенности и закономерности мирового развития: вопрос о мирном сосуществовании и возможности предотвращения мировой войны, о характере современной исторической эпохи, об общих законах социалистической революции и социалистического строительства и национальных специфических особенностях проявления этих закономерностей, о полной и окончательной победе социализма, о закономерностях перехода от социализма к коммунизму, о перерастании государственности в общественное коммунистическое самоуправление, о распаде мировой колониальной системы, о путях развития освобождающихся от колониализма и империализма народов, о новом этапе общего кризиса мировой капиталистической системы и многие другие. В то время как буржуазная социология беспомощно барахтается в системе произвольных конструкций и сама признает свою неспособность ответить ни на один животрепещущий вопрос современности, исторический материализм одерживает одну победу за другой и сам непрерывно обогащается и совершенствуется. Неуклонно развиваясь по мере накопления опыта социалистического и коммунистического строительства, исторический материализм, раскрывая законы общественного развития, позволяет не только понимать то, что происходит сейчас, но и видеть перспективы событий, научно предвидеть будущее и, как и марксизм в целом, освещает дорогу практикам, учит тому, как надо использовать законы общественной жизни для построения коммунизма. Исторический материализм является руководством к действию, направленному на революционное преобразование капиталистического общества в коммунистическое. Он выступает не только как *наука* об основных законах общественного развития, как *метод* познания для всех других наук, но и как *руководство* для революционного действия.

Сила исторического материализма в его научности, правдивости. Как мы проверяем правильность наших выводов в области самого исторического материализма и выводов, получаемых на его основе в теории и на практике?

Современные буржуазные социологи много говорят о том, что наблюдения, проведенные по заранее и, как правило, произвольно составленной процедуре, повторяются и, конечно, независимо от того, правильно она была составлена или нет, но если эти наблюдения ей соответствуют, то они *повторяют* вывод, предписанный процедурой. Но как только подобные выводы сопоставляют не с процедурой, а с жизнью, они сразу оказываются несостоятельными. Они опровергаются жизнью, дальнейшим развитием событий. Поэтому-то социологи и предупреждают, что они «не пророки», что будущим они не занимаются.

Субъективистски понимаемым наблюдениям и субъективистским методам проверки исторический материализм противопоставляет совершенно безупречный, объективный способ проверки — обще-

ственно-историческую практику. Прошло свыше ста лет после появления марксизма, исторического материализма, и ни один из его выводов не был опровергнут. Напротив, все они и прежде всего главный из них — неизбежность гибели капитализма и победы коммунизма — получили дальнейшее подтверждение.

Весь производственный, социальный и революционный критический опыт рабочего класса, трудящихся масс, всего человечества подтверждает жизненность и научность марксизма-ленинизма, правильность его выводов. История, лучший судья, свидетельствует о неуклонно прогрессирующем упадке капитализма и расцвете социализма. Теперь на социалистический путь вступила уже треть человечества. Недалек день, когда на этот путь вступит весь мир. Победа социализма во всемирном масштабе будет означать полное торжество исторического материализма и окончательный крах буржуазной социологии.

Д. Чесноков

БИБЛИОГРАФИЯ РЕДАКТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ*

I

Говард Беккер

Висконсинский университет

- «Future of Man» (trans. of art. by Max Scheler), *The Monthly Criterion*, London, February, 1928, pp. 100—119.
- «Sargasso Iceberg, A Study in Cultural Lag and Institutional Disintegration» (study of German [Hunsrück in the Palatinate] peasant village), *American Journal of Sociology*, **34**, (3 November, 1928), pp. 492—506.
- «Distribution of Space in the American Journal of Sociology, 1895—1927», *American Journal of Sociology*, **36** (November, 1930), pp. 461—466. (Анализ содержания; графики и комментарий.)
- «Forms of Population Movement», part I, *Social Forces*, **9**, 2 (December, 1930), pp. 147—160; part II, там же **(3, March, 1931)**, pp. 351—361.
- «Some Forms of Sympathy, A Phenomenological Analysis», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, **26**, 1 (April — June, 1931).
- «Pastoral Nomadism and Social Change», *Sociology and Social Research*, **15**, 5 (May — June), 1931, pp. 417—427.
- «Conquest by Pastoral Nomads», *Sociology and Social Research*, **15**, 6 (July — August, 1931), pp. 511—526.
- «Systematic Sociology on the Basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese», New York, Wiley, 1932, pp. XXI+772. Переиздано с предисловием 1950 года, Norman Paul Press, 1148 St. Joseph St., Gary, Indiana, 1950. (Это не перевод как таковой; см. предисловие 1932 года. Говардом Беккером полностью или частично написаны разделы об оценочных суждениях, конструированных типах, миграции и изменении личности, действиях и структуре толпы, социологии религии и пр.)
- «Space Apportioned Forty-eight Topics in the American Journal of Sociology», **38**, 1 (July 1932), pp. 71—78. (Анализ содержания, графики и комментарий.)
- «Process of Secularization, An Ideal-typical Analysis with Special Reference to Personality Change as Affected by Population Movement», part I, *Sociological Review (British)*, (April — July, 1932), pp. 135—154; part II, *ibid.* (October, 1932), pp. 266—286.
- «Some Aspects of Taboo and Totemism» (with D. K. Bruner), *Journal of Social Psychology*, **3**, 3 (August 1932), pp. 337—353. (Критика фрейдистских филогенетических положений и выдвижение альтернатив.)
- «Ionia and Athens: Studies in Secularization», abstract of dissertation, The University of Chicago Abstract Series, 1933.

* Сюда входят только работы, относящиеся к темам данного сборника.

- «The Sorrow of Bereavement», *«Journal of Abnormal and Social Psychology»*, 27, 4 (January — March, 1933), pp. 391—410.
- «Vicinal Isolation and Mental Immobility», *«Social Forces»*, 11, 1 (March, 1933), pp. 326—334.
- «Fields and Problems of Sociology», L. L. Bernard (ed.), New York, Ray Long and R. R. Smith, 1933; Chapt. II, «Historical Sociology».
- «Mental Mobility and Secularization in Hellenic History: a Study of Some Effects of Migration and Culture Contact», *«Revista di Sociologia»*, 7, 1 (January—March, 1934), pp. 14—30.
- «Culture Case Study and Ideal-Typical Method, with Special Reference to Max Weber», *«Social Forces»*, 12, 3 (March, 1934), pp. 399—405.
- «A New Classification of Culture» (discussion of paper by James W. Woodard), *«American Sociological Review»*, 1, 1 (February, 1936), pp. 102—104.
- «Social Thought From Lore to Science», 2 vol., I, «A History and Interpretation of Man's Ideas about Life with His Fellows»; II, «Sociological Trends throughout the World», with Harry Elmer Barnes, Boston, D. C., Heath & Co., 1938, 193 pages, preface, notes etc. plus 1178 text. Второе издание 1952 года, с новой вступительной статьей, предисловием 1951 года, комментарием о системе ценностей, а также приложением за 1937—1950 годы — около 125 дополнительных страниц текста. (New York, Dover Publications, 1956). Работа переведена на португальский и испанский языки.
- «Contemporary Social Theory, New York, Appleton—Century, 1940, symposium edited with Frances Bennett Becker and Harry Elmer Barnes. Гл. 2 и 25 написаны Говардом Беккером pp. XX+947.
- «The Limits of Sociological Positivism», *«Journal of Social Philosophy»*, 6 (4 July, 1941), pp. 362—370.
- «Max Scheler's Sociology of Knowledge», *«Philosophy and Phenomenological Research»*, 2, 3 (March, 1942), pp. 309—322. With Helmut Otto Dahlke.
- «Sociology in 1941», *«Encyclopaedia Britannica Yearbook for 1942»*. Затем в последующих ежегодниках до настоящего времени (1957 год), описаны события 1956 года — всего пока 15 статей.
- «Peoples of Germany», chap. 16 in symposium, *Problems of the Post-war World*, T. C. McCormick, ed., New York, McGraw-Hill, 1945, pp. 342—390. (Описание и анализ «личности и культуры» 15 областей Германии до второй мировой войны.)
- «German Youth, Bond or Free, London, Routledge Kegan Paul, 1946; New York, Oxford University Press, 1947; Wiesbaden, Germany, Verlag Der Greif, 1949 (последующее издание в Германии под новым заглавием, «Vom Barette Schwankt die Feder», добавлено две главы). Pp. XV+286, 31 illustrations. Английское издание перепечатано американскими издателями; 1950, 1954 и 1956 (последняя публикация, «The Humanities Press», 55 E. 11th St., New York).
- «Sociology and Related Social Sciences, 1937—1946», art. in *Ten Eventful Years*, special volume issued by the *Encyclopaedia Britannica*, 1947.
- «Defense of Morgan's 'Grecian Genesis': Ancient Kinship and Stratification», *«Southwestern Journal of Anthropology»*, 6, 3 (Autumn, 1950), pp. 309—339.

- Through Values to Social Interpretation: Essays on Social Contexts, Actions, Types, and Prospects (Durham, N.C., Duke University Press, 1950), pp. XVIII+341. Полный текст (с исправлениями) шести статей и др. работ, ранее публиковавшихся в сокращенном виде. Добавлена обширная библиография, составленная Гопкинсом Миллсом.
- «Science, Culture, and Society», *Philosophy of Science*, 19, 4 (October, 1952), pp. 273—287.
- «Anthropology and Sociology», Chap. 5 in John Gillin (ed.), *For a Science of Social Man, Convergences in Anthropology, Sociology, and Psychology*, New York, Macmillan, 1954.
- «Vitalizing Sociological Theory», *American Sociological Review*, 19, 4 (August, 1954), pp. 377—388.
- Man in Reciprocity*, New York, Frederick A. Praeger, Inc., 1956, pp. XX+459.
- «Systematic Sociology and Leopold von Wiese», in J. L. Moore, ed., *Sociometry and the Science of Man*, New York, Beacon House, 1956, pp. 262—268. Напечатано также в «Sociometry», 18, 4, pp. 518—524.
- «Church and State in the Cosmos of Crete», «International Journal of Social History», 1, 2 (Autumn, 1956), p. 253—295.
- «Field Work among Scottish Shepherds and German Peasants, «Wholes» and their Handicaps», «Social Forces», 35, 1 (October, 1956), pp. 10—15.
- «Empathy, Sympathy, and Scheler», «International Journal of Sociometry», 1, 1 (September, 1956), pp. 15—22.

II

Алвин Босков

Колледж Уильяма и Мэри
(Норфолк, Вирджиния)

- «An Ecological Approach to Rural Society», «Rural Sociology», 14 (December, 1949). Перепечатано в кн.: A. N. Desai, *Introduction to Rural Sociology in India*, Bombay, 1951.
- «Structure, Function, and Folk Society», «American Sociological Review», 14 (December, 1949).
- «The Systematic Sociology of Talcott Parsons», «Social Forces», 28 (May, 1950).
- «Negro Class Structure and the Technicways», «Social Forces», 29 (December, 1950).
- «Postponement of Social Decision in Transitional Society», «Social Forces», 31 (March, 1953).
- «Social Indecision in Two Classical Societies», «Midwest Sociologist», 15 (Spring, 1953).

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ ЖУРНАЛОВ

- AA — American Anthropologist
ACSR — American Catholic Sociological Review
AJES — American Journal of Economics and Sociology
AJO — American Journal of Orthopsychiatry
AJS — American Journal of Sociology
AP — Archives of Psychology
APSR — American Political Science Review
ARS — Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie
AS — Annales Sociologiques
ASo — Année Sociologique
ASR — American Sociological Review
ASS — Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik
BJS — British Journal of Sociology
CIS — Cahiers Internationaux de Sociologie
DALV — Deutsches Archiv für Zandes- und Volksforschung
ESS — Encyclopedia of the Social Sciences
FVS — Forschungen zur Völkerpsychologie und Soziologie
GSO — Grundriss der Sozialökonomik
HR — Human Relations
HS — Handwörterbuch der Soziologie
HSW — Handwörterbuch der Sozialwissenschaft
IJP — International Journal of Psychoanalysis
JAP — Journal of Applied Psychology
JAS — Journal of Applied Sociology
JASP — Journal of Abnormal and Social Psychology
JCP — Journal of Clinical Psychology
JEP — Journal of Educational Psychology
JES — Journal of Educational Sociology
JLPS — Journal of Legal and Political Sociology
JP — Journal of Personality

JPs	— Journal de Psychologie
JS	— Jahrbuch für Soziologie
JSI	— Journal of Social Issues
JSP	— Journal of Social Psychology
KVS	— Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie
KVSo	— Kölner Vierteljahrshefte für Sozialwissenschaften
KZS	— Kölner Zeitschrift für Soziologie
PASS	— Publications of the American Sociological Society
PB	— Psychological Bulletin
POQ	— Public Opinion Quarterly
RP	— Revue de Philosophie
RS	— Rural Sociology
SF	— Social Forces
SJ	— Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft
Soc	— Sociologus
Socm	— Sociometry
SR	— Social Research
SSR	— Sociology and Social Research
ZS	— Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft

У К А З А Т Е Л Ь

- Аббаньяно Н.—803.
 Абегглин Дж. К.—312.
 Абель Т.—84, 93, 262, 316, 748.
 Аберле Д. Г.—293, 295.
 Абрахамс Дж.—362.
 Абстрактные коллективы—171.
 Аграмонте и Пичардо Р.—472.
 Адамс Б.—321, 324.
 Адамс Р.—641.
 Адамс Р. Н.—339.
 Адамс С.—312, 359, 436, 444.
 Адени У. Ф.—524.
 Адлер А.—639, 655, 681.
 Адлер М.—452.
 Адлер Ф.—121, 122, 241.
 Адорно Т. В.—636, 771, 787.
 Айхорн А.—699—700.
 Аквинский Фома—509, 527.
 Акиба Т.—815.
 Акков Р. Л.—246, 251.
 Александер Ф.—650, 674, 683.
 Александра Й.—728.
 Алперт Г.—93, 241, 646.
 Алфарик П.—745.
 Альбиг Дж. У.—632.
 Алье Р.—714.
 Аммон О.—771.
 Аналитическая индукция —110, 231, 239, 268, 643.
 Аналогия организмическая — см. Функционализм.
 Андерсон Н.—81, 269, 404, 643.
 Андерсон Ч. А.—436, 444.
 Андерсон Ю.—334, 341.
 Аиджеевский С.—456.
 Анджелл Р. К.—231, 235, 265, 268—269, 643.
 Аннис А. Д.—633.
 Аномическое общество — см. Про-аномическое общество.
 Аномия (отсутствие норм) —36, 93, 129, 152—153, 188—189, 200—204, 392, 412—413.
 Антале Ф.—546.
 Антонио К.—791, 803.
 Антропология —512, 515—518, 596—620;
 прикладная а. —610—614.
 Анчел Р.—745.
 Аренсберг К. М.—216.
 Арига К.—815, 822, 824.
 Аригейм Р.—633.
 Арно А.—523, 533.
 Арнольд Т.—523.
 Арон Р.—83, 94, 452, 464, 707, 723, 726, 732, 736, 743—745, 748, 788.
 Артис Дж. У.—440.
 Аруга Н.—808.
 Арчер Дж. К.—518, 533, 537.
 Асколи М.—91.
 Аткинсон Ч. Ф.—514.
 Аумонт М.—742.
 Ашвит В.—693.
 Баадер Ф.—524.
 Баб Ю.—546.
 Бабчук Н.—376—377.
 Бавелас А.—371—372, 377—378.
 Багот Дж. Г.—699.
 Бадер К. С.—781.
 Баек Л.—520.
 Беймлер А.—519.
 Бак К.—369, 373.
 Бак С. П.—319.
 Бакли У.—213.
 Бакс Дж.—62, 514.
 Балет Л.—546.
 Балистьеры Дж. Дж.—362.
 Балль Г.—528.
 Бальдансперже Ф.—547.
 Бандэ Ю.—547.
 Баифилд Э. К.—317.
 Барбано Ф.—789.
 Барбер В.—470, 677, 817.
 Баркер Р. Г.—371.
 Барнетт Г. Дж.—337—339, 342, 345, 620.

- Барнс Г. Э.—16, 17, 21, 25, 47, 52, 53, 65, 66, 67, 77, 80, 85—87, 90, 93—96, 98, 114, 128, 131—132, 148, 170, 266, 272, 276, 281, 317, 329, 338, 342, 391, 408, 449, 459, 464, 465, 478, 508, 509, 513, 518, 521, 527, 542, 622, 633, 642, 649, 677, 684, 706, 746, 750, 778, 800, 806, 808.
- Барон С. У.—520.
- Барт К.—62, 511.
- Бартон М. П.—700.
- Бастайд Р.—735, 746.
- Бастиан А.—516, 597, 615.
- Батлер Дж. М.—374—375.
- Баумэн К. К.—476—477.
- Баумэн М. Дж.—445.
- Бауэр О.—451, 453.
- Бауэр Р. А.—473.
- Бахофен И. Я.—516, 518.
- Беверидж В.—695.
- Безразличие, священно-светский центр б.—181—182.
- Бейнс Н. Г.—524.
- Бек Г. П.—470.
- Бекк Р.—774.
- Беккер Г. П.—16—17, 21, 25, 47, 52—53, 61, 65—69, 77, 85, 87, 88, 91, 93—94, 96—102, 105, 106—111, 114, 128, 131—132, 148—156, 160, 165, 170—171, 176, 209—210, 212—213, 215, 224—225, 228, 235, 260, 262—263, 266—270, 272—276, 278—281, 283, 297, 299, 315—316, 325—327, 329, 331, 345, 350, 355—356, 358, 369, 380—383, 387, 391, 419, 423, 449, 459, 464, 465, 478, 508, 509, 513, 518, 521, 526—531, 536, 538, 542, 550, 566, 570, 574, 586, 589, 620, 622, 634, 642, 649, 665, 677, 684, 704, 706, 730, 746, 750, 754, 782, 783, 785, 788, 806, 808, 827, 828—830.
- Беккер Ф. Б.—87, 88, 96, 281, 459, 478, 508, 622, 649, 677, 684.
- Белкнап И.—311.
- Белл Дж. Е.—648.
- Белл Е. Т.—236, 317.
- Белов Г.—62.
- Бельжам А.—547.
- Бендикс Р.—94, 438, 441, 442, 444—446.
- Бенедикт Р.—277, 292, 600, 602, 606—609, 641, 679.
- Бенне К. Д.—364.
- Беннетт В.—517, 535, 537.
- Беннетт Дж. В.—297, 306, 344, 436, 616—617, 815.
- Бенни М.—696.
- Бенсмэн Ж.—471.
- Бентам И.—64.
- Бентли А. Ф.—80.
- Бентли М.—631.
- Бенуа-Смудльян Э.—93, 128, 747.
- Бенц Э.—524.
- Бергиус Р.—785.
- Бергсон А.—515, 517, 532, 539, 547, 728.
- Бердяев Н.—524, 532, 537.
- Берельсон В.—648.
- Берке К.—545, 550—551, 558, 561.
- Берле А. А.—315.
- Бернар Э.—738.
- Бернард Дж.—85, 409.
- Бернард Л. Л.—85, 87, 96, 637, 664—665, 673, 757.
- Бернот Л.—739.
- Бернсдорф В.—788.
- Бернхем Дж.—781.
- Берр Г.—212.
- Берроу Т.—659, 674.
- Беттелгейм Ч.—733, 738.
- Бёмер Г.—528.
- Бёнсток Г.—320.
- Бёрд Дж. Б.—517.
- Бёрд Ч. А.—321.
- Бёрджес Г.—735.
- Бёрджесс Э. У.—92, 99, 100, 102, 117, 211, 255, 269, 310, 315, 355, 358, 361, 381, 402—404, 428, 549, 623, 644, 652, 658, 669, 673, 677, 681.
- Бигл Дж. А.—229, 263, 269, 522, 529.
- Бидерлак И.—537.
- Биологическое отставание — см. Отставание биологическое.
- Бион В. Р.—362, 369—370.
- Бирдсли Г. М.—530, 532.
- Бирнс Р. Ф.—522.
- Бирстедт Р.—222—224, 441, 586, 620.
- Бихевиоризм—105, 226, 239, 637, 642—643; см. также Неопозитивизм.
- Бич В. Г.—52.
- Бланчард Ф.—655.
- Блаукopf К.—546.
- Блондель Ш.—212, 713, 719.
- Блох В.—624.
- Блох Г. А.—409, 416, 679.
- Блох Э.—528.
- Блумер Г.—31, 86, 109, 110, 224, 228, 235, 241, 301, 549, 628, 633, 638, 669, 674, 679.
- Блумфилд Л.—623—624.
- Блэк Р. Р.—640.
- Блэкбёрн Дж.—691—692.
- Блэнкарт Р.—739.
- Боас Ф.—238, 512, 599—602, 606, 610, 614, 617—619, 659.
- Бовард Э. В.—369, 374, 378.

- Бог Д. Дж.—311.
 Богардус Э. С.—51, 52, 59, 61, 71, 77, 80, 244, 252, 356, 644, 821.
 Богданов А.—451.
 Боден Л.—517, 535, 537.
 Боденхафер В. Б.—356.
 Бодуэн К.—549.
 Болдуин Дж. М.—26, 30, 638.
 Болл Э. Г.—176.
 Болът К. М.—783.
 Большаков С.—524.
 Бонд Дж. Г.—429.
 Боран Б.—475—476.
 Боргатта Э. Ф.—365, 648.
 Борице—Грег. Ф.—742.
 Боркенау Ф.—91, 785.
 Босков А.—108, 216, 313, 319—320, 344, 465, 830.
 Боссард Дж. Г. С.—176, 457.
 Босуэлл Дж.—77.
 Бауэн Г. Р.—57.
 Боулби Дж.—693.
 Боурджойс Й.—737.
 Брэйлсфорд Р.—518.
 Брайсон Г.—54, 55.
 Брам Дж.—624.
 Браун Б. В.—356.
 Браун Л. Г.—407, 673.
 Браун Р. У.—630.
 Браун С. К.—695.
 Браун У. О.—431.
 Брейд Дж.—647.
 Брейер Г.—651.
 Брейс Э.—213.
 Брейтуэйт К.—695.
 Бреннан Т.—693—694.
 Бреполь В.—780.
 Бресард М.—742.
 Брестед Дж.—66.
 Бригер Т.—528.
 Бриджмен П. У.—241.
 Бринкманн К.—61—62, 776.
 Бринтон К.—91, 319.
 Брирли Г. К.—258.
 Бритт С. Г.—484, 630, 635.
 Брифс Г.—759, 771.
 Бриффо Р.—547.
 Бродель Ф.—734.
 Броннер А. Ф.—643, 664.
 Брунер Д. К.—665.
 Брунер Дж. С.—640.
 Брунери Г.—742.
 Бруннер Э. С.—529.
 Брусини О.—496.
 Брэйден К. С.—528, 532.
 Брэйди Р. А.—319—320.
 Брэнфорд В.—690.
 Бубер М.—521, 523, 532, 539.
 Бугле К.—83, 449, 547, 707, 717, 722, 724—727, 732, 739, 747.
 Буланже А.—519, 532, 542.
 Булгаков С.—524, 532, 537.
 Буляр Ф.—745.
 Бурджи Г.—743.
 Буркхардт Дж.—546, 607.
 Буррико М.—708.
 Бут Ч.—688, 690, 694.
 Бутми Э. Дж.—526.
 Бутул Г.—737.
 Бушнелл К. Дж.—220.
 Бэйджхот В.—390.
 Бэйе А.—520, 718, 730.
 Бэйли В. К.—446.
 Бэкон Ф.—466.
 Бэйлз Р. Ф.—296—297, 351, 359, 371, 382, 384—385.
 Бэйн Р.—81, 85, 235, 240, 416, 674, 677.
 Бэнкс Дж. А.—692.
 Бэрди Г.—745.
 Бэрт С.—691.
 Бэтсон Г.—277, 278, 283, 292, 297, 329, 333.
 Бюлов Ф.—788.
 Бюро П.—714—715.
 Бюрократия —532—533.
 Бьянконни А.—711.
 Вагнер Г. Р.—462, 464, 469.
 Вагнер Р.—520.
 Вальтер А.—750, 751, 756, 777, 813.
 Ван-Зельст Р. Г.—375, 378.
 Ванно Ч.—794.
 Вараньяк А.—741.
 Васильев А.—524, 532, 537.
 Ватануки Д.—824.
 Ваттенберг В. В.—362.
 Вах И.—316, 513, 516, 518, 531, 532, 536, 537—544, 547.
 Вебер Макс —39—44, 62, 66, 82—84, 87, 91, 94—95, 98, 100, 103—108, 112, 128, 129, 144—146, 150, 152, 156, 209, 212, 215, 228, 262, 282, 299, 302, 308, 314, 315—316, 329—330, 334, 336—338, 380, 422—424, 436, 442, 446, 454, 462, 465, 483—485, 495, 498, 507—508, 510, 512—514, 517—518, 520, 525—527, 530—533, 534—543, 546, 549—551, 570, 572, 575, 748, 750—751, 756, 759, 761, 764—767, 771, 780, 785—787, 802, 810.
 Вебер А.—84, 302, 329—330, 342, 465, 767, 777, 787, 812.
 Вебер Марианна—751.
 Веблен Т.—315, 329, 470, 684, 800.
 Ведель Г.—746.
 Вейдеманис Дж.—213.
 Вейнрейх М.—80.

- Вейссер Г.—783.
Вернадский Г.—524.
Вернант Дж.—746.
Verstehen (локализация значения) — см. Социологии интерпретация.
Вестермарк Э.—86, 705.
Ветген Г. Г. И. Э.—522.
Взаимосвязь потребностей и ценностей—159—167.
«Взятие», их природа — 159—167.
Визе Л.—29, 47, 62, 83—84, 90, 94, 98, 100—102, 104—107, 111, 171, 219, 211—212, 224, 274—276, 278—280, 283, 299, 305, 316, 327, 350, 355, 381—383, 450, 526—527, 531, 541, 542, 570, 748, 751, 754—757, 763, 770, 774—776, 788, 810.
Вико Дж.—53, 591.
Викс Г. А.—254.
Викторов Д.—735.
Виллемарк Г.—520.
Вильбуа Ж.—714.
Вильямсон Г. Р.—548.
Виндельбанд В.—228, 237
Винкельман Й.—751.
Винклер Г.—521.
Винтер Э. К.—511.
Винцент Г. Э.—273.
Винцент П.—738, 746.
Вирт Л.—94, 95, 224, 235, 395, 462, 521, 540, 768.
Виттрам Р.—785.
Власть—314, 372, 420 и далее, 437, 785—786.
Влейгельс В.—763.
Волд Г. Б.—255.
Вольдт Р.—759, 780.
Вольф К. Г.—55, 469, 475, 616.
Вольф К. М.—633.
Вольфенштейн М.—549, 562.
Волюнтаристический номинализм — 103, 653 и далее.
Вормс Р.—83, 714.
Вудар Дж. В.—88, 201, 649.
Вудвортс Р. С.—644.
Вудсайд М.—692.
Вулберт К. Ф.—631.
Вули Л.—521, 539.
Вулфенден Дж. П.—698.
Вурцбахер Г.—781.
Вуттен Б.—688.
Выборка—248—249, 645—646
Габленц О. Х.—784.
Гайек Ф. А.—475, 687
Гальтон Ф.—769.
Ган Э.—521.
Гаравел Дж.—739.
Гарвей О. Дж.—372.
Гарднер Б. Б.—441, 545.
Гарднер М. Р.—441, 546.
Гаррис Ц. С.—624.
Гаррисон Дж.—176, 547
Гартли Э. Л.—371, 629, 649.
Гегель—748.
Геддес П.—690—691.
Гейгер Т.—94, 472, 494—497, 749, 752, 758, 761—763, 771, 782—783, 786.
Гейлер Ф.—524.
Гек Л. Г. А.—759.
Гек П.—501.
Гелен А.—781, 784—786, 788.
Гельднер К.—519.
Гельке К. Э.—93.
Гендерсон А. М.—157, 423, 531.
Гендерсон Д.—409.
Гендерсон Л. Дж.—91, 275, 283, 289.
Георге П.—739, 746.
Гераклит—161, 298.
Гервер И.—471.
Гердер И. Г.—520.
Герман А. П.—408—409, 416.
Герменевтика —544;
см. также Социологии интерпретация.
Герскович М. Дж.—238, 324, 329—330, 336, 430, 448, 529, 600.
Герт Г. Г.—42, 95, 316, 423, 446, 518, 535, 543, 546, 561.
Герт Г. И.—95.
Герц Р.—711, 712.
Герц Ф.—764, 771
Герц Х.—311.
Герцлер Дж. О.—16, 53, 59, 61, 65, 77, 266, 444.
Герцфельд Э.—519, 533.
Гете И. В.—502.
Гецков Г.—366, 375.
Гибб Г. А. Р.—523, 532, 535.
Гибб К. А.—635.
Ги В.—245, 266, 431, 434, 679.
Гиддингс Ф. Г.—30—31, 34, 97, 300, 325, 390, 426, 432, 622, 810—811.
Гийом А.—523, 533.
Гиллин Дж. П.—87, 88, 110, 128, 211, 213, 332, 334, 336, 339, 574—578, 586, 588, 595.
Гиллис М. Б.—257—258.
Гинзберг М.—91, 329, 330, 648, 689, 697, 706, 750, 812.
Гино Дж. М.—547.
Гирсик М. А.—233.
Гиттлер Дж. Б.—53, 58, 61, 69.
Гласс Д. В.—697, 706.
Гласс Р.—693.
Глюкман М.—325, 329, 333.
Гоббс А. Г.—413—414.

- Гоббс Т.—628, 735.
 Гобгауз Л. Т.—300, 305, 316, 329, 648, 689.
 Гобино А.—606.
 Гогель Ф.—734, 744.
 Голдстейн Дж.—701.
 Голт Р.—654.
 Гольдгаммер Г.—442, 680.
 Гольденвейзер А. Э.—70, 281, 297, 329, 430, 512, 595, 659, 677, 684.
 Гольдфранк Э.—306, 327.
 Гольдшмидт В. А.—147, 313.
 Горден Р. Л.—375.
 Гордон Т. К.—520, 532.
 Горер Г.—641.
 Городская социология—201—203, 210—212, 738—739, 780.
 Госнелл Г.—257—258.
 Готтман Й.—740, 743.
 Готтшальк Л.—265, 270.
 Готтхейн Э.—62, 767.
 Гоуаулт Я.—744.
 Гоувин Э. Б.—635.
 Гоудриалт Р.—742.
 Гоуроу П.—725.
 Гоухиер Й.—738.
 Гофманн В.—780.
 Гофштеттер П. Р.—779.
 Грабовский А.—784.
 Грамши А.—791, 997.
 Гране М.—66, 177, 198, 212, 448, 517, 533, 535—537, 539, 542, 547, 713, 718—719, 722.
 Граф цу Солмс М.—756, 786.
 Гребнер Ф.—510, 597.
 Грей Дж. Л.—691.
 Гретхейзен Б.—767—768.
 Греческое православие—524—525.
 Грин А.—298, 677—678.
 Гринвуд Э. А.—257, 259.
 Гровс Э. Р.—653—655, 673—674, 681.
 Гроддек Г.—516.
 Гроль М.—740.
 Гроппали А.—794.
 Грос Л.—745.
 Гросс Н. К.—339, 440.
 Гросс Э.—381.
 Гроссер Д.—630.
 Групповая динамика—316—317, 358, 368, 373, 625—627.
 Грэйс Ф.—529.
 Грэхэм У.—520.
 Грюнберг Э.—760.
 Грюнвальд Э.—450—454, 458, 465—466, 478, 768.
 Грюнебаум Г. Э.—523, 533, 534, 540, 542.
 Гуд В. Дж.—170, 246, 252, 262, 297, 376—377.
 Гудман С.—561.
 Гудинаф У. Г.—609.
 Гуингеберт К. А.—520.
 Гуйе А.—380.
 Гуйот А. Л.—742.
 Гумплович Л.—25—27, 32, 300, 390, 420.
 Гундлах Г.—511—512, 527, 533, 537, 540.
 Гурвич Г.—87, 94, 96, 100, 353, 486—487, 502, 507, 516—517, 532, 535, 539, 595, 644, 649, 702, 706—707, 723, 730, 733, 735—737, 742, 747, 748, 752, 788, 794, 799, 806.
 Гурвич Дж. И.—372.
 Гурьян В.—785.
 Гуссерль Э.—515.
 Гутри В. К.—519.
 Гуттман Л.—224, 225, 235, 236, 255, 256, 645, 647.
 Гуттмана шкала—255—256, 645; см. также «Шкалограммный анализ».
 Гуцинга Дж.—546.
 Гэлпин К. Дж.—249, 403.
 Гюнтер Адольф—778.
 Гюнтер Антон—510.
 Гюнтер Ганс Ф. К.—770, 772.
 Дави Ж.—66, 83, 707, 712, 713, 715—719, 722, 730, 732, 735.
 Давид М.—711.
 Давидсон Р. Ф.—208.
 Дайамонда А. С.—702.
 Дальке Г. О.—459, 464—465, 478, 630.
 Дамалс Б. В.—741.
 Даккан Х. Д.—552—553, 561.
 «Данные», их природа—159—167.
 Данэм Г. У.—674—675, 677—679, 684.
 Дарвин Ч.—545, 583.
 Дарик Ж.—738, 741.
 Дауд Дж.—429.
 Дауэат А.—739.
 Деа М.—717, 732.
 Девиация (отклонение) и социальное изменение—184—206, 308; см. также Аномия.
 Дегранж М. К.—20, 21, 89.
 Дегре Г. Л.—459, 466, 469, 478.
 Дедукия—232—234.
 Дейл Г. Э.—696.
 Дейл Р. Р.—698.
 Дейч М.—246, 270, 369, 625, 629.
 Декан М.—714—715.
 Декарт Р.—55.
 Деларозьер Р.—740.
 Демография—310, 691—692, 728, 732—733, 745—746.

Демпф А.—512, 532, 535.
 Деннис В.—649.
 Деноминация—528, 531, 541.
 Дент Г. С.—698.
 Десфорж Ж.—737.
 Деффонтен П.—740.
 Джако Э. Г.—311.
 Джеймс Дж.—350, 359, 367, 370, 638.
 Джейн Г.—176, 742.
 Джекобс Дж.—522.
 Джелифф С. Э.—655.
 Дженнингс Г. Г.—252, 351, 371.
 Дженсен Г. Э.—163.
 Джентиле Дж.—790—793, 799, 804.
 Джессон Р. Дж.—249.
 Джилс Б.—732, 742.
 Джиллетт Дж. М.—409, 429—430.
 Джини К.—803.
 Джоад Ч. М.—691.
 Джонс К.—698.
 Джонс Э.—549.
 Джонс-Гейне П.—561.
 Джордан Э.—470.
 Джослин К. С.—312.
 Джост В.—759.
 Диада—350—353, 355—356, 381—382, 626.
 Диль Ч.—524, 537.
 Дильтей В.—228, 544, 547, 551, 754.
 Диксон В. Дж.—357, 363.
 Диксон Р. Б.—338, 597.
 Динамическая оценка — см. Ситуационные определения.
 Динамическая плотность—35, 129, 310.
 Дисфункция—278, 281—282, 288—289, 332; см. также Функционализм и Аномия.
 Дитерлеи Дж.—745.
 Доби Дж. Т.—161, 246, 259, 263, 270.
 Доби М. Р.—520.
 Добрецберггер Ж.—784.
 Додд С. Ч.—106, 224, 227, 235, 236, 241, 257—258, 381.
 Доган М.—744.
 Доестественное—148—149, 204—205.
 Доллард Дж.—269, 630, 638, 674, 676, 679, 680, 682.
 Доллеанс—735.
 Доул Р.—213.
 Дромепа—176.
 Друкер П.—315.
 Дуб Л. В.—623.
 Дункан О. Д.—440.
 Дункман К.—756—758.
 Дхалла М. Н.—519.
 Дьюи Дж.—30, 242, 462, 545, 550, 561, 638.
 Дэвис А.—284.
 Дэвис К.—120, 136—140, 311, 439.

Дэвис Э.—441, 456—457, 676, 679,
 Дэйви М. Р.—37, 85.
 680.
 Дюбуа К.—449, 641.
 Дюверже М.—741, 743.
 Дювье Г.—735.
 Дюгаст И.—740.
 Дюкассе П.—742.
 Дюки Л.—715.
 Дюкло П.—473—474.
 Дюперрон А.—519.
 Дюркгейм А.—711.
 Дюркгейм Э.—20, 30, 34—36, 38, 43—44, 54, 66, 71, 74—76, 79—80, 83—84, 86—87, 90—91, 93, 95, 98, 100, 102—103, 108, 111, 127—134, 170, 212—213, 273—275, 279, 283—285, 291, 297, 300, 302, 310, 324, 354, 389, 392—393, 395, 411—412, 414, 419, 447—449, 492, 510, 515—517, 519, 532, 539, 542, 544, 547, 575, 605, 642, 711—718, 721—724, 727—729, 745—747, 812.
 Дюрзелль Ж. Б.—745.
 Дюфренне М.—735, 746.

Ego, alter — см. Социальное взаимодействие, Социальное действие и Социация.
 Еллинек Г.—510, 525—527, 540.

Жак Э.—701.
 Жафф М.—762.
 Желли Р.—711.
 Жерне Дж.—519.
 Жерне Л.—519, 532, 534, 542.
 Жирар А.—707, 746.
 Жозеф А.—327.

«Закон трех стадий»—21, 802.
 Зальц А.—764.
 Зандер А.—351, 372, 377, 385, 626, 635, 646, 649.
 Заутер Дж.—514.
 Зауэрман Г.—756, 758, 780—781.
 Зеленый Л. Д.—253, 357, 358.
 Зелигман Э. Р. А.—52.
 Зернов Н.—537.
 Зибер С. А.—516.
 Зигфрид А.—734, 744.
 Зильберман Л.—705.
 Зиммель Г.—29, 30, 34, 39—43, 71, 80, 84, 92—93, 100, 101, 107, 112, 208, 212, 302, 327, 350, 354—355, 381, 385, 544, 549—551, 570, 623, 748, 753—755, 786, 810—811.
 Зингер К.—78.

- Знапекский Ф.—29, 31, 87, 90, 91, 100, 104, 106—109, 112, 114—118, 124—127, 133, 157, 159, 214—215, 221, 224, 226, 228, 230, 235, 237, 239, 245, 268—271, 299—303, 305—306, 308—309, 330, 338, 345, 355, 358, 381, 393—395, 410, 414, 416, 467, 471, 478, 549, 570, 628, 643, 657, 667.
- Знание — желание нормирования—159—167.
- Зомбарт В.—61, 315, 419, 522, 527, 537, 540, 758—759.
- Зорбоу Г. У.—404, 431, 643, 671—672.
- Зузуки Д. Т.—518.
- Зульцбах В.—763, 764.
- Зухман Э. А.—235, 255.
- Ибер А.—520, 533, 539, 542, 547, 716.
- Ивасаки У.—813, 816.
- Идеальные типы — см. Конструированные типы.
- Идеологии—23, 407 и далее; 418—419, 474—477;
классовая идеология—450 и далее, 453—457;
и интеллигенция—708 и далее;
общие и частные концепции и — 463 и далее, 472, 770 и далее.
- Идиографические дисциплины—237—239, 263—264, 268—269, 504, 585—586.
- Иеговы свидетели—528.
- Изменение, готовность к и. — см. Социальное изменение.
- Изоляция и доступность—139—195;
умственные—194—200.
- Изучение семьи—358, 672—673, 681—683, 781—782.
- Иммобильность умственная—211.
- Имплицитная (скрытая) система ценностей в пробериальных обществах—179—181.
- Индуизм—518.
- Индукция—229—232;
см. также Аналитическая индукция и Индукция путем простого перечисления.
- Индукция путем простого перечисления—230, 268—269.
- Инкельс А.—641.
- Иинес К. Э.—518.
- Инструментализм—241.
- Интеграция культурная—334—335, 674.
- Интема Г. Э.—480, 482, 507.
- Интимная священность—172;
см. также Первичные группы.
- Ипзен Г.—772.
- Исследование отдельных культур — 43, 53, 66, 71—72, 213, 268—269.
- Ист Н.—699.
- Истмэн М.—175.
- Истон Д.—798.
- Историзм—754, 756, 795—797.
- Историческая процедура—263—267, 800.
- Историческая социология—69—70, 266—267, 737.
- История культуры—597—602, 616, 767 и далее.
- Иххейзер Г.—769, 771.
- Иэринг Р.—501.
- Йерусалем В.—450.
- Йехт Г.—776.
- Йингер Дж. М.—263, 267, 316, 513, 527, 540.
- Йонедэ С.—810.
- Йохер К.—245, 258, 266.
- Каволис В.—213.
- Кайллоа Р.—736.
- Калвер Д.—528.
- Каллен Г. М.—276.
- Кальвинизм—524—542.
- Кальмес М.—533.
- Камерон Н.—639.
- Камю А.—156.
- Кон Р. Л.—377—378.
- Кангилем Г.—743.
- Кант И.—453.
- Кантони Р.—792.
- Кантор Л.—238.
- Кантрил Х.—319, 455, 630—631, 663.
capta («взятые», «захваченные» и т. д.), природа с —163—166.
- Кардер М.—740.
- Кардинер А.—39, 280, 326—327, 339—340, 449, 621, 641, 679, 684.
- Кардозо В.—702.
- Карпентер Р.—548.
- Карпман Б.—674.
- Карпф Ф. Б.—649.
- Карр Л. Д.—317, 343, 356.
- Карр-Сондерс А. М.—696—699.
- Картер Л.—372, 636.
- Картрайт Д.—351, 362, 372, 377, 385, 626, 635, 649.
- Кассирер Э.—544, 546—547, 551.
- Катексис—164.
- Каттенбуш Ф.—528.

- Кауфман Г. Ф.—440.
 Кауэлл Ф. Р.—478.
 Кац Д.—246, 377—378, 646.
 Келлер А. Г.—44, 52, 53, 273, 300, 329, 337, 342, 390.
 Келли Г. Г.—371, 629, 634.
 Келсолл Г. К.—697.
 Кельнер В.—781.
 Кельсен Г.—448—449, 491, 497—498.
 Кельты—519—520.
 Кемпф Э. Дж.—659.
 Кенкел У. Ф.—442—443, 446.
 Кент Д. П.—470.
 Кечкеметн П.—462—464.
 Кёниг Р.—775, 779, 781.
 Кёртис К. П.—80, 91, 289.
 Кёттер Г.—780.
 Кибали Г. Н.—712.
 Кидо К.—824.
 Кильзер Э. Ф.—52.
 Кинг А. Дж.—249.
 Китано С.—813—815, 822.
 Кифль Ф. К.—527.
 Клагес Л.—514, 516, 539.
 Клайнберг О.—641.
 Клакхон К.—265, 616, 627, 649, 679.
 Клапхэм Дж.—703.
 Кларк К. Б.—630.
 Кларк Э.—528, 541.
 Клоок Г.—773.
 Кнаппен М.—527, 540.
 Кноодт Ф. П.—510.
 Кода К.—822.
 Кодификация в прескриптивных (предписывающих) обществах — 181—182.
 Кодуэлл К.—546.
 Коинг Ф.—501.
 Койл Г.—356, 361.
 Кокс О. К.—446.
 Колб В. Л.—192, 262, 263, 269.
 Колингвуд Р. Г.—544, 546, 550.
 Коллективные явления—309, 629—632.
 Коллективы абстрактные—171.
 Коллинз М. Э.—629.
 Коллинз С. Ф.—700.
 Кольт Г.—763.
 Комаровская М.—315.
 Коматсу К.—815.
 Кон Г.—764.
 Конация—159—167.
 Кон-Брамштедт Э.—546, 561.
 Коннисон Дж.—698.
 Конт О.—19—25, 30, 32, 39, 44—45, 51—54, 77, 79, 83, 89, 90, 93—95, 133, 134, 272, 276, 300, 305, 307, 312, 388—390, 414, 459, 475, 510, 605, 793, 797—798, 802, 803, 809—811.
 Конструированные типы—41, 66—67, 99, 101, 103, 107, 150, 159—165, 220, 225, 228, 231—234, 259—263, 268—269, 321—326, 330, 471, 484, 514, 530—532, 541, 553—558, 736.
 Контроль и предсказание—159—165.
 Конфликт—25—27, 135, 390, 402—403.
 Коржибский С.—738.
 Корнхаузер Р. Р.—441.
 Котков Б.—362.
 Коттрелл Л. С.—226, 255, 358, 639.
 Коэн Г.—547.
 Кояма Т.—822.
 Кояма Э.—816.
 Красауер З.—760.
 Краус Й. Б.—570.
 Крафт Ю.—768.
 Крачфилд Р. С.—351, 635.
 Крейсер Ф.—519.
 Кресси Д. Р.—231, 268, 644.
 Кресси П.—267, 431.
 Креч Д.—351, 635.
 Крёбер А. Л.—302, 325, 329—330, 338, 430, 512, 580—582, 596—602, 607, 610, 613—618, 621, 631, 665.
 Кригер Г.—773.
 Кризис—334, 341.
 Крик Э.—770.
 Крил Г.—66, 633.
 Крис Э.—549, 634.
 Кристи Р.—636.
 Кроуфорд В. Р.—92, 800, 806.
 Крише Р.—759—760.
 Кроче Б.—790, 794, 797—799, 800—804.
 Крюгер Э. Т.—662, 668.
 Куанте П.—772.
 Кунггэн А. Г.—619.
 Кунн С. А.—667.
 Куини Дж. А.—310.
 Кук А. Б.—548.
 Кук С.—246, 270.
 Куландж Ф.—211.
 Кули Ч. Г.—27, 30, 33, 39, 43—45, 81, 90, 171, 208, 273, 275—276, 318, 327, 339, 342, 351, 354—355, 373, 392—395, 414, 426, 477, 545, 550—551, 557, 588—590, 627, 638, 669—671.
 Культ — 531.
 Культура
 определение к. — 15, 177, 610—613, 616;
 неофициальный аспект к. — 601.
 психологическая направленность в к. — 605—609.
 Культурная интеграция—334, 674.

- Культурная история —596—602, 616,
 767 и далее.
 Культурное отставание—342—344,
 395—398, 400—401, 408—410, 418,
 433, 678.
 Культурный фокус—324, 336.
 Кун К. С.—597—598.
 Кун М.—355—356, 639.
 Кунов Г.—517, 537.
 Купер Л.—694.
 Кураути К.—811.
 Курциус Э. Р.—768.
 Кутнер Б.—629.
 Кьюбер Дж. Ф.—409—410, 442—
 443, 446.
 Кцейнс В.—313.
 Кэвэн Р. Ш.—85, 315, 667.
 Кэйси Р. Д.—634.
 Кэннон У. Б.—66, 275.
 Кэрнс Х.—502—503, 597.
 Кэттелл Р. Б.—366, 377, 636, 645.
 Кювилье А.—735.

 Ла-Барр В.—641.
 Лабуре Г.—725.
 Лавдон Р.—739.
 Лазарфельд П.—224, 225, 233, 236,
 242, 246, 256, 262, 269, 270, 374,
 450, 629, 633, 634, 645.
 Лайтес Н.—562, 634.
 Ланге-Ейхбаум В.—769—770.
 Лангер С. К.—551.
 Лан-Глойс У. Г.—789.
 Лало К.—547.
 Ламберт В. В.—638.
 Ландтман Г.—312, 419—420.
 Ланнес И.—746.
 Лапьер Р. Т.—630.
 Ларсен О. Н.—110.
 Ларсон К.—633.
 Ласки Г. Дж.—595.
 Латентности —679.
 Лаузинг М.—357.
 Лауи Р. Г.—77, 238, 316, 329, 330,
 340, 599, 602, 621.
 Лаурент Дж. К.—737.
 Лаутербах А.—764.
 Ла-Ферла Дж.—799.
 Ле-Бон Г.—81, 642.
 Ле-Бра Г.—726, 734, 745.
 Ле-Бре П. Л. Ж.—734.
 Левальтер Э.—453.
 Леви М. Дж.—286, 289—290, 293,
 297, 334.
 Леви Э.—725.
 Леви-Брюль Л.—83, 448, 517, 544,
 547, 714—716, 719, 722, 725, 737.
 Леви-Страус К.—707, 716, 740, 747.
 Левин К.—257, 351, 357, 364, 366,
 369, 372, 374, 377—378, 385, 625—
 626, 635.
 Левине Дж.—374.
 Левинсон Д. Дж.—641.
 Легер Ч.—742.
 Ледерер Э.—419, 453—454, 760, 771.
 Ледерман С.—746.
 Леенхардт М.—720, 726, 740.
 Лееуве Д.—513.
 Лей В. А.—655.
 Лейтон А.—679.
 Лейхи А. М.—254.
 Леклер Дж.—529.
 Леман Г.—756.
 Леман В. К.—89.
 Лемберг Э.—785.
 Лемерт Э. М.—395, 410.
 Лендл Г.—773.
 Ленский Г. Э.—442.
 Лентти Л.—791.
 Леонард Э. Г.—745.
 Лепле К.—472.
 Ле-Плей Ф.—83, 354, 691, 714, 734,
 738.
 Лернер Д.—233, 354, 378, 743.
 Лернер М.—454.
 Леруа-Гуран А.—740, 742.
 Лесли Э.—521.
 Лессер А.—600—601.
 Лефевр А.—739.
 Лехтар Г.—759.
 Ли А. М.—319.
 Ли Ч. Ч.—518, 542.
 Либер Г. И.—459, 466, 787.
 Ликерт Р.—254, 647, 821.
 Линкок Э.—609.
 Линлиенталь Д.—320.
 Лиманс В.—751.
 Линдберггер П. М. А.—634.
 Линд Г. М.—313, 317, 456.
 Линд Р. С.—238, 313, 317, 456.
 Линдеман Г.—757.
 Линдеман Э. К.—360.
 Линдси Г.—365, 625—632, 634—635,
 638—639, 641, 646, 648—649, 652,
 684.
 Линдсмит А. Р.—120—121, 231, 268,
 638, 651.
 Линтон Р.—39, 279, 280, 325—327,
 332—334, 338—340, 357, 430, 449,
 505, 587, 597, 598, 605, 610, 615,
 618, 621, 624, 641, 679.
 Липманн К.—694.
 Липпигт Р.—257, 258, 365, 366, 369,
 372, 374, 738, 625, 646.
 Липпман В.—632.
 Липсет С. М.—319, 438, 441, 446.
 Липцин С.—522.
 Литт Т.—753, 810.

- Литтл К. Л.—700.
 Лихтенбергер Дж. П.—52, 59, 61, 80, 430.
 Лич Э. Р.—618.
 Личностей типы и социальное изменение—107—108, 262—263, 326—327, 393—395, 672.
 Личность и культура—640—641, 648, 679—680, 682—684.
 Ллуэллин К.—480, 481, 505.
 Ложное сознание—23, 418, 454.
 Локк Г. Дж.—54, 315, 618.
 Ломбарди Ф.—791.
 Ломброзо К.—769.
 Лорвин Л.—659.
 Лориа А.—794, 800.
 Лоу Дж. О.—446, 456.
 Лофс Ф.—528.
 Лоц А.—526.
 Лоуэнтал Л.—635.
 Лояльно-священное—171—172.
 Лукас Дж.—213, 521.
 Лукач Г.—452, 546.
 Луке Г. Г.—547.
 Лумис К. П.—94, 112, 224, 226, 228, 235, 253, 262, 263, 269, 302, 357, 419, 522, 529.
 Лундберг Дж. А.—81, 99, 105—106, 109—110, 226, 227, 234, 235, 241, 245, 269, 270, 304, 356, 357, 381, 476.
 Лунт П. С.—317, 357, 446, 456.
 Льюис О.—612, 615.
 Льюис Р.—697.
 Лэвер Дж.—701.
 Лэндис П. Г.—313.
 Лэндон К. П.—523, 532, 535.
 Лэссуэлл Г. Д.—233, 316, 354, 378, 633, 643, 668, 672, 676, 680, 743.
 Лютеранство—210, 525—528, 533.
 Маис М.—741.
 Майер А.—733.
 Майер Г.—778.
 Майнер Г.—325.
 Майо Э.—257, 258, 349, 357, 363, 376.
 Майрес Дж. О.—66, 177.
 Мак-Гиннис Р. Б.—169.
 Мак-Гуайр К.—444.
 Мак-Дугалл В.—632, 636, 637, 716, 754.
 Макнавелли Н.—17, 73, 755.
 Макивер Р. М.—29, 61, 90, 99, 106, 109, 111, 224, 227, 228, 235, 271, 302, 305, 308, 309, 311, 316, 317, 327, 329, 330, 338, 442, 445, 548, 570, 575, 750, 785.
 Макино Т.—815.
 Мак-Кензи Р. Д.—117, 311, 403.
 Маккенрот Г.—778, 783.
 Маккинни Д. Ч.—161, 192, 260, 262.
 Макколл Б. Ч.—441.
 Мак-Кормик Т. К.—215, 245, 248.
 Мак-Коркл Л. В.—362.
 Мак-Кэй К. Ч.—319.
 Мак-Леод В. К.—266.
 Мак Р. В.—436.
 Макферсон Дж.—520.
 Макье Дж. Дж.—71, 478.
 Малиновский Б.—208, 273, 274, 276—278, 281, 297, 333, 436, 448, 504—506, 512, 513, 516, 517, 532, 539, 542—545, 548, 602, 616, 665, 757.
 Малые группы, определение их—349—353;
 и более крупные социальные системы—379 и далее;
 и нововведение—336;
 образование и сохранение м. г.—367—370, 373;
 развитие норм в м. г.—376 и далее, 629; руководство в м. г.—374 и далее; 635—636;
 и социальные процессы—354—355, 360—361;
 структурные факторы в м. г.—370—372, 375—376.
 Мальро А.—547.
 Ман Г.—457.
 Мандель Н. Г.—380.
 Мандельбаум Д.—332, 618—619.
 Мандельбаум М.—71, 459, 464.
 Манн Ф. К.—771.
 Манингем Г.—699.
 Манингем К.—72—74, 82, 313, 316, 325, 329, 330, 336, 341, 343—345, 419, 452, 456, 462—465, 469, 472, 478, 513, 705, 768, 770, 787, 812.
 Маржолен Р.—93, 726, 741.
 Маркей Дж. Ф.—624.
 Маркс О.—521.
 Маркс К.—22—25, 32, 64, 92, 300, 307, 314, 318, 339, 418, 419, 422, 450, 453, 544, 545, 549, 550, 735, 748, 768, 782.
 Марку В.—521.
 Марроу Г.—737.
 Мартин А.—546, 767—768.
 Мартин В. Т.—311.
 Мартин Э. Д.—629—630.
 Мартиндэйл Д.—518.
 Мартини Г.—20.
 Марч Дж. Г.—374.
 Марчал Дж.—741.
 Маршак Я.—760.

- Маршалл А.—89.
 Маршалл Т. Г.—689, 695, 696, 705.
 Масахару А.—518.
 Массе Г.—523, 534.
 Матизен Т.—213.
 Матю А.—743.
 Маудунт Р.—727.
 Мауз Г.—748.
 Мауниер Р.—725.
 Мах Э.—451.
 Мацумото Дз.—813.
 Маусима Ш.—822.
 Меде В.—647.
 Междисциплинарная интеграция—584—587, 591—594.
 Междисциплинарная социальная наука — 565 и далее, 574 и далее, 587—588;
 критика *м. н.*—569—573, 576—583, 589;
 во Франции — 722 и далее.
 Мейзоннив Ж.—746.
 Мей М. А.—623.
 Мейе А.—547.
 Мейер К.—520.
 Мейер Н. К.—630, 633.
 Мейнонг А.—159.
 Мел Р.—735.
 Менгер К.—356.
 Мендра М.—708.
 Менефи С. К.—257, 258.
 Менцель А.—61.
 Мердок Г. П.—88, 110, 329, 586, 587, 608, 618.
 Мерсье П.—740.
 Мерло-Понти М.—735.
 Меррей Г. А.—649.
 Меррей М. А.—548.
 Меррилл Ф.—408.
 Мерриэм К. Э.—317.
 Мерсер С. А.—519.
 Мертон Р. К.—87, 94, 97, 99, 108—111, 223—226, 228, 235, 242, 271, 275, 281, 286—289, 293, 297, 303, 315, 329, 332, 411—413, 416, 450, 459, 464—465, 468, 474, 478, 629, 639, 684.
 Мерчизон К.—649.
 Местный аспект изоляции и доступности—193—198.
 Методизм—204.
 Методология, определение—218—219;
 в социальной психологии — 642—648.
 Мёрфи А. Б.—647.
 Мёрфи Г.—254, 623, 647.
 Мид Дж. Г.—27, 80, 107, 118 — 120, 131, 165, 226, 240, 241, 357, 373, 545, 550, 551, 588, 624, 638, 639, 669, 682.
 Мид М.—277, 430, 598, 604, 607, 608, 615, 623, 641, 679.
 Мидоуз П.—324, 409, 474.
 Микер М.—437, 446.
 Миллз К. Р.—42, 95, 319, 394, 395, 416, 423, 441, 442, 444, 446, 456, 477, 535, 543, 546.
 Миллз Т. М.—354, 359, 427, 441, 442.
 Милл Дж. С.—688.
 Миллер Г. А.—429.
 Миллер Н. Э.—630, 638, 682.
 Минами Г.—824.
 Минс Г. К.—316.
 Минц С.—269.
 Минц А.—630.
 Митгау Г.—761, 772, 783.
 Митчелл Э. Г.—238.
 Миханович К. С.—52.
 Мичелз Р.—421, 749, 758, 762—763, 778, 782—783, 786, 795—797, 800—802.
 Мичерлих В.—764.
 Мишель Э.—780.
 Миш Г.—546.
 Мобильность умственная — 211.
 Моджи Дж.—694.
 Мод А.—697.
 Мок Ж. Р.—633.
 Моль Р.—62.
 Моисевиц Э. Д.—255, 414.
 Монгрёвье К.—547.
 Монизм социальный—449.
 Монографический метод—715, 731;
 см. также Исследование отдельных культур.
 Моннеро Дж.—736, 785.
 Монтан Р.—725, 742.
 Монтгомери У.—525.
 Монтегю Дж. М.—445.
 Монтеские —276.
 Моразе Ч.—736, 741, 744.
 Моралистическая священность—173—174.
 Морган Г. Б.—317.
 Морган Л. Г.—21, 512.
 Моргентау Г. Дж.—782.
 Море А.—66, 715, 732.
 Морено Дж. Л.—226, 252, 356, 357, 361, 362, 371, 385, 635, 648.
 Морено Ф. Б.—368.
 Мориока К.—822.
 Морли С. Г.—517.
 Моррис Р. Т.—636.
 Морселли Э.—794—795.
 Мормоны—529—530.
 Моска Г.—92, 313, 343, 421, 424, 786, 800—802, 806.

- Мосс М.—82, 83, 448, 547, 713, 716, 719, 722, 724, 745.
 Моссе Р.—741.
 Мостеллер Ф.—455, 646.
 Мотт Дж. Р.—523.
 Моурер Г.—673.
 Моурер О. Г.—682.
 Моурер Э. Р.—404, 673.
 Мужен А.—727, 730.
 Мунтян Б.—364.
 Мур Б.—445.
 Мур Б. М.—91.
 Мур У. Э.—87, 90, 91, 94, 96, 100, 269, 353, 439, 502, 595, 644, 649, 702, 706, 707, 747, 748, 794, 806.
 Мурвар В.—213.
 Мусульмане—523.
 Мэйс Ч. Р.—158.
 Мюллер А.—756.
 Мюллер-Армак А.—787.
 Мюллер-Лайер Ф.—342.
 Мюллер К. В.—774—775, 779—780.
 Мюллер О.—519.
 Мюллер Ф. Г.—516, 526, 537.
 Мюльман В. Э.—755, 771, 772, 773—774, 776, 778, 786.
 Мюнцер Т.—528.
 Мюрдаль А.—320.
 Мюрдаль Г.—90, 286, 474, 705.

 Наган М.—815.
 Нагель Э.—284, 291, 294.
 Наито К.—822.
 Нейрат О.—227.
 Накано Т.—824.
 Нарбонн Дж.—744.
 Народная психология — см. Этнографическая психология и Культура.
 Народное общество — см. Провербальное общество.
 Научная процедура—218—219.
 Научная техника—219—220.
 Научное суждение ценности, высшее—166—167.
 Ндем Э. Б.—700.
 Нелль-Брейнинг О.—512, 537.
 Неоидеализм—790—794.
 Неопозитивизм—105—106, 226—228; 234—237;
 и социология познания—450—451, 474;
 и ценности теория—121—122.
 Неореализм юридический—480—484.
 Нерациональность утешительная и возбуждающая—188—190;
 традиционная—181.
 Неттлер Г.—456.

 Нибур Г. Р.—528, 541.
 Нибур Р.—154, 316, 511, 528.
 Нидхэм Ж.—208.
 Нилссон М. Б.—519.
 Нимков М.—673.
 Нисбет Р. А.—317, 475.
 Нисихира С.—827.
 Ницше Ф.—467, 659, 768, 787.
 Нововведение—183—206, 335—340.
 Номотетические дисциплины (науки)—237, 504, 585—586.
 Нормативная реакция на аномию—203—205.
 Нормативная социальная теория—15—25, 39, 166—167, 386—388, 405—406, 408—410, 415, 417.
 «Нормирование» как эквивалент оценки в ограниченном смысле—165—166.
 Норт К. К.—442.
 Нортрап Ф. С. К.—71, 607.
 Норфлит Б.—378.
 Нотаас Дж.—760.
 Ноуриссиер Ф.—746.
 Ноутестейн Р.—213.
 Ньюком Т. М.—88, 588, 592, 629, 639, 647, 649.
 Ньюстеттер В. Л.—257, 258, 357.
 Ньютон И.—583.
 Нэвилл П.—742.
 Нэйдел С. Ф.—283, 295, 618.

 Обердорфер Д. У.—622, 649.
 Оберт Дж.—741.
 Общая социология—97—98, 166—204, 272—279, 687, 705, 736, 750—756;
 см. также Систематическая социология.
 Общественная (социальная) мысль—15—16, 58—59, 79.
 Общественное мнение—44, 632—634, 644, 680, 734, 752—753.
 Общество как функциональная система—20—22, 25, 31, 42—43, 102, 134;
 как процесс «становления»—39;
 типологический подход к обществу—34, 143—148.
 Объект как ценность—159—167.
 Огбёрн У. Ф.—235, 306, 325, 329, 338, 339, 342, 343, 345, 396—400, 408, 414, 416, 430, 432, 595, 624, 659—661, 666, 750, 757.
 Одака К.—808, 816, 817, 822—823, 827.
 Одака Т.—816.
 Одегард П. Г.—319.

- Одум Г. В.—53, 69, 84, 85, 96, 98—100, 245, 258, 266, 325, 329, 330, 340, 343, 416.
- Оливекрона К.—488—493, 496—498.
- Оллпорт Дж. У.—627—628.
- Оллпорт Ф. Г.—257—258, 630, 633, 637, 642, 647.
- Окада Ю.—816.
- Окочи К.—822.
- Окуи М.—816.
- Окультуривание —320—321, 331, 333—335, 338—339;
см. также Социализация (Обобществление).
- Операционализм —106, 241—242;
см. также Неопозитивизм.
- Оппенгеймер Ф.—62, 316, 419, 516, 522, 523, 530, 535, 748, 756, 766.
- Организмическая аналогия —24, 272, 275;
см. также Функционализм.
- Ориу М.—715.
- Орланский Г.—627.
- Основной тип личности —326—327, 339, 340—341, 624, 679; биологический подход—636—637;
и культура —606—607;
психоаналитический подход —639—640, 653—659;
символического взаимодействия подход —638—639.
- Отставание биологическое —397—401;
культурное —341—344, 395—398, 400—401, 408—410, 418, 660—661, 678.
- Отставание в достижениях —343.
- Оттаваи А. К. Ч.—698.
- Отто Р.—170, 208.
- Оценка —159—169.
- Ощутительные понятия отличаются от определительных понятий —109—110.
- Пайл Дж.—473.
- Пайк Р.—528.
- Палевский Дж. П.—742.
- Палмер В. М.—244, 356, 425, 814.
- Панунцио К.—794, 806.
- Парк Р. Э.—29, 71—72, 92, 99—100, 107, 117, 133—135, 210—211, 214, 248, 259, 310, 326, 327, 330—331, 355, 361, 381, 402—404, 431—432, 456, 549, 623, 646, 654, 658, 663, 669, 672—674, 750.
- Паркер К. Г.—428, 659—661.
- Паркер К. С.—660.
- Парето В.—71, 80, 87, 91—92, 98, 100, 102, 108, 111, 274—275, 283, 289, 313—314, 329, 343, 421, 424, 436, 467, 480, 762, 777, 795, 797—800, 802, 816.
- Парсонс Т.—25, 35, 47, 86—88, 91, 93—94, 96—100, 106—108, 112, 128—133, 136—154, 156, 215, 224—226, 228, 233, 235, 236, 242—243, 262, 271, 282, 286—292, 294, 296—297, 300, 329—334, 336, 339, 359—360, 382—385, 436—439, 505, 527, 531, 570, 574, 582, 594, 618, 639, 677, 682—684, 704, 817, 820.
- Патаи Дж.—522.
- Паунд Р.—501, 702.
- Паудермэйкер Ф. Б.—362.
- Паульм Д.—740.
- Пейдж Ч. Г.—111, 298.
- Пеллнци К.—791.
- Пельзел Дж. К.—808, 812, 827.
- Первичные группы —44, 350—351, 354—355, 379—382, 392—393, 627.
- Переходные периоды —340—341.
- Периц Э.—741.
- Перри Р. Б.—159.
- Перро Дж.—745.
- Петражницкий Л.—485—490, 504—505, 508.
- Пеш К.—512.
- Пиаже Дж.—120—121.
- Пикард Ч.—745.
- Пиллеппик А.—746.
- Пиркер Т.—780.
- Пирс К.—545.
- Питерс И. Л.—655.
- Плант Дж.—674.
- Платон —52, 53, 61, 64, 65, 69, 90, 418.
- Пленге И.—750, 754.
- Плесснер Г.—471, 515, 771.
- Плеханов Г. В.—546.
- Плёт А.—771.
- Плюральности (множественности) типы (модели) —105, 279, 382—383;
см. также Социальная структура.
- Повер М.—708.
- Повторение и события —160—165.
- Подражание —29—30.
- Познание —159—167.
- Познания теории —158—167, 221—229.
- Поиллон Дж.—744.
- Поланский Н. А.—374.
- Полен Р.—717, 723, 726—727.
- Политическое общество —20.
- Поминовенне усопших —208.

- Понсонби А. В. Г.—633.
 Поппер К.—183.
 Портерфилд А. Л.—247.
 Последовательная целесообразность—185—187.
 Постман Л.—640.
 Потребности и ценности —159—167.
 Право, социология п.—479—507.
 Прагматизм —242—244.
 Прайс Д. О.—250.
 Предназначение —540;
 см. также Кальвинизм.
 Предсказание —159—167, 216, 229—238, 258—263.
 Прейдел Г.—774.
 Прескриптивное (предписывающее) общество —152—153, 182, 195.
 Престон М. Г.—374, 378.
 Прёслер Г.—749.
 Приличная (пристойная) священность —174.
 Принципиальное общество —153—154, 183—184, 198—200.
 Проаномическое общество —200—203;
 см. также Аномия.
 Провербиально-прескриптивное общество —155—156.
 Провербиальное общество —151—152, 180—181, 195, 212—213.
 Прогент Р.—737.
 Промышленная (индустриальная) социология —363—364, 700—701, 742, 780, 821—824.
 Пророчество—42, 145—146, 324, 530—533.
 Протестантизм —524—542.
 Проханский Г.—629.
 Пруден Д.—630.
 Прудон П. Ж.—735.
 Психоанализ, его подобие социологическому интересу —666—677;
 и социальные явления —654—658.
 социологическая критика п.—650—651, 664—667.
 Психология социальная, энциклопедизм ее —622—648.
 Пуарье Ж.—740.
 Пфейл Э.—780.
 Пфотц Г. В.—440—443, 446.
 Рабы и другие социальные слои людей —533—535.
 Радикальные оппозиции —333, 341.
 Радин М.—482.
 Радии П.—68, 172.
 Разделение труда —20, 26, 35—36, 38, 128—129, 134, 392.
 Райлэнд Г.—361.
 Райлы М. В.—226, 234, 255, 271, 359, 375.
 Райс С. А.—20, 81, 82, 91, 96, 245, 429.
 Райт К.—267.
 Райэн Б.—339.
 Ромни Дж.—80, 706.
 Ранк Д.—434.
 Рамсей Г. В.—640.
 Рамус А.—739.
 Ранк О.—516—517, 549, 681.
 Рансимэн С.—524, 532.
 Рапопорт А.—67.
 Ратцел Ф.—193.
 Ратценгофер Г.—27, 80, 307, 390, 402, 420, 425.
 Раунтри Б. С.—692, 694, 701.
 Рациональность —см. Светскость.
 Рациональность целенаправленная, последовательная —185—187.
 Реглен Лорд —548.
 Редл Ф.—362.
 Редфилд Р.—208, 211, 228, 260, 262, 269, 326, 329—331, 600, 603, 604, 612, 615, 621, 772.
 Рей Ж.—723, 725.
 Рейнгард М.—746.
 Рейк Т.—517, 549.
 Рейнштейн М.—485.
 Рейнхардт Дж. М.—409.
 Рейсс А. Дж.—311, 312.
 Рейтер Е. Б.—135—136, 431.
 Реккель О.—522.
 Реклесс У. Ч.—404.
 Религия —см. Святая священность.
 Религия кочевников —534.
 Ренье Ж.—711.
 Рётлисбергер Ф. Дж.—357, 363, 376.
 Рибо Т.—713.
 Ривьер Ж. А.—741.
 Риккерт Г.—228, 510.
 Ример С.—313, 760.
 Римский католицизм —213, 534—542.
 Рисман Д.—156, 327, 470, 674.
 Риттер Г.—786.
 Ритуал —см. Церемониал.
 Ричардс О.—545.
 Ричардсон Дж. Г.—631, 700.
 Ричмонд А. Д.—700.
 Ришар Г.—714.
 Робб Дж. Г.—696.
 Робертсон Г. М.—527, 540, 750, 793.
 Робинсон К. К.—655.
 Робинсон У. С.—231.
 Роблин М.—738.
 Рогейм Г.—512.
 Рогова Н.—312, 444—445.
 Роджерс К. Р.—647.
 Родс Э. Ч.—699.

- Роз К.—681.
 Розенберг М.—246, 270.
 Розенталь П.—362.
 Розенталь С. П.—633.
 Ройс Г. Дж.—519.
 Ройс Дж.—509.
 Ромфорт М.—708.
 Рорер Дж. Г.—352, 359, 366.
 Россин А.—526.
 Росс А.—493—494, 497, 501.
 Росс Г.—650, 683, 684.
 Росс Е. Ж.—52.
 Росс Э. А.—30, 38—39, 95, 300, 307, 426, 628, 636, 653, 810.
 Роуз А.—262, 442, 681.
 Роффенштейн Г.—763, 785.
 Рубел М.—735.
 Рубин М.—441.
 Ружман Д.—547.
 Руджьеро Г.—799.
 Руди О.—408.
 Руйер Р.—735.
 Руководство —635;
 см. также Харизма.
 Румпф Макс —768.
 Румпф Мартин —780.
 Рундквист Э. А.—254.
 Руссо Ж. Ж.—735.
 Редклифф-Браун А. Р.—212, 274, 276—278, 285, 291, 297, 333, 513, 548, 603—605, 607, 611, 616, 618, 621.
 Рюккерт Ф.—523.
 Рюстов А.—787.

 Саватье Р.—737.
 Саито Х.—824.
 Сакрализация —204—207;
 см. также Священное общество.
 Сакс А. С.—522.
 Сакс Г.—549.
 Сакс Э. Л.—375.
 Салливен Г. С.—357, 640, 674.
 Саломон А.—94, 748, 788.
 Саломон Г.—758.
 Салоутос Т.—319.
 Сальвемини Г.—65.
 Саммерс Р. Э.—634.
 Самнер У. Г.—26, 36—38, 90, 95, 134, 156, 170, 273, 279, 309, 390, 426, 618, 627, 653.
 Сандерсон Д.—356, 429.
 Санкционированная рациональность—см. Прескриптивное (предписывающее) общество.
 Сарбин Т. Р.—625, 639.
 Сарджент С. С.—449, 625, 639.
 Саркар Б. К.—537.

 Сартон Г.—78.
 Сатерленд Э. Г. 231, 268.
 Сатони К.—518.
 Саэгуза М.—823.
 Свенсон Р. Дж.—245.
 Сверхъестественная ориентация —
 см. Святая священность.
 Светское общество —152—155, 167—168, 182—207.
 Светскость —184—188.
 Светскость как утешение—188.
 Свишер В. С.—655.
 Святая священность —132, 148, 153—154, 169, 207—208, 210, 212.
 Священное общество —166—181.
 Священно-светская типология —107, 149—156, 159, 167, 210—211;
 и социальное изменение —107—108, 149—156, 167, 326—328;
 социальная (общественная) мысль —65 и далее;
 социология религии —530—532, 541—542.
 Секта —526—528, 530—533, 540—541.
 Секуляризация —см. Светское общество.
 Семейная ассоциация —20;
 см. Интимная священность.
 Семпл Е. Ч.—193.
 Сенде П.—451.
 Сентерс Р.—446, 454.
 Сибли Э.—470.
 Сигл У.—508.
 Сикхизм —518.
 Симан М.—636.
 Симпан Ф.—82, 724, 725, 728, 738, 741.
 Симицу И.—824.
 Симицу М.—815.
 Симмеи М.—812—813.
 Симпсон Г.—677.
 Симпсон С. Р.—508.
 Симс Н. Л.—299, 345.
 Сирс Р. П.—682.
 Систелль М.—727.
 Систематическая социология —92, 750—756.
 Системы ценностей — см. Прескриптивное общество; Принципиальное общество; Промышленное общество; Провербиальное общество; Светское общество и Священное общество.
 Ситуационные определения —29, 124 и далее, 308—309, 338 и далее, 629.
 Ситуация, изоляция и доступность как с —193—195.
 Скаддер Р.—444.

- Сквиллейс Ф.—62.
 Славсон С. Р.—361.
 Слейтер Э.—692.
 Слетто Р.—254.
 Слоткин Дж. С.—267, 449.
 «Смена у кормила правления» —314, 337.
 Смит А.—56, 89.
 Смит Б. Л.—634.
 Смит Г. Л.—561.
 Смит Дж.—529—530.
 Смит Дж. М. Р.—66.
 Смит М. Б.—88, 587—588.
 Смит М. Г.—254.
 Смит М. У.—449, 625.
 Смит Р.—517.
 Смит Э.—512.
 Смолл А. У.—27—28, 51, 53—56, 61, 77, 80, 84, 89, 272—274, 276, 278, 390, 401—402, 420, 622, 653, 810.
 Снелл Р.—529.
 Событие и повторение —160—166.
 Сови А.—733, 745.
 Соди К. С.—785.
 Содем А. Р.—378.
 Соломон Р. Л.—647.
 Сорель Г.—467.
 Сорет М.—740.
 Сорокин П. А.—17, 32, 47, 55—56, 63, 69, 77, 82, 83, 85, 86, 90—94, 96, 99, 211, 224, 226, 228—229, 235, 236, 262, 266, 271, 279—283, 299, 302, 306, 312, 319, 323—325, 328—330, 334, 338, 343, 345, 381, 417, 422—424, 446, 460—462, 478, 486—487, 495, 515, 524, 527, 532, 539, 540, 543, 548, 562, 750, 757, 812.
 Сорре М.—740.
 Сосюр Ф.—547.
 Социализация —27, 29—30, 44, 177, 457, 682—684.
 Социализирующие силы, их отличие от социальных сил —31.
 Социальная дезорганизация —391—395, 406 и далее, 410, 413, 673 и далее, 677—679;
 см. также Дисфункция и Социальные проблемы.
 Социальная динамика — см. Социальная кинетика.
 Социальная кинетика—20, 28, 31, 299—300, 305.
 Социальная нерешительность—344.
 Социальная причинность—22, 24, 226—228, 437—440.
 Социальная психология, энциклопедизм в ней—622—648.
 Социальная сплоченность —32—34, 36—37, 368, 373, 378, 392—393.
 Социальная статика —20, 31, 276, 300, 613.
 Социальная структура—276—277, 299—303, 336, 411—412;
 см. также Плюральность типов и Социальные системы (модели).
 Социальная теория, определение —16—17;
 как протосоциология—18—19, 51—52;
 типы—17—18.
 Социальная философия—16, 54, 808—810.
 Социальная эволюция—305, 330, 388, 390, 396 и далее, 425—426, 688 и далее.
 Социального явления природа—25.
 Социальное взаимодействие—138, 304, 332, 370, 623.
 символическая природа с.в.—549 и далее, 623—624.
 см. также Социальное действие и Социация.
 Социальное действие и установки—125;
 малые группы—382—385;
 определение—103—104;
 социальное изменение—107;
 как теоретический фокус —106 и далее, 136—139, 437—440;
 см. также Социация.
 Социальное изменение и культурное изменение—301—303, 305—306, 320—321, 328 и далее;
 и готовность к изменению—167—206;
 нежелание—167—206;
 священно-светская типология 149—156;
 социальная причинность—24, 43, 307—310;
 социальная революция—23, 316, 319, 324;
 социальная структура—291—301;
 социального действия теория—106 и далее;
 социальные проблемы—388—391;
 урбанизация—310 и далее;
 как диалектический процесс—23, 323—324;
 и законность—42, 313—314, 341—344;
 неспособленность—24, 332—333, 339—342;
 определение—301—303;

- отличие от прогресса—21, 304—305;
пути и циклы в *с.и.* и *к.и.*—71, 321—324, 329, 531, 690;
см. также Социальная кинетика;
функциональный подход к *с.и.* и *к.и.*—282—283, 303—304, 327—328.
- Социальное планирование—319—320, 413—414.
- Социальное развитие—305.
- Социальной мобильности каналы—424, 697 и далее;
и социальное изменение—309—312, 761—762, 826 и далее;
функции *с.м.*—35, 442—446.
- Социальные группы, типология—26—27, 29—30, 101, 626—629;
см. также Малые группы и Плюральности типы (модель).
- Социальные движения—318—319, 344, 380.
- Социальные институты—23—25, 42—44;
и социальное изменение—314—318, 335—336, 341 и далее.
- Социальные классы—21, 26—27, 417—424, 696—699, 742, 758 и далее, 782 и далее.
и идеологии—450—457, 717 и далее, 760—761, 783—784;
религиозные взгляды—533—535;
социальный контроль—44;
см. также Стратификация.
- Социальные отношения — см. Социация.
- Социальные проблемы—344, 388—390, 397—403, 407—410, 415, 653, 661, 677—679, 687, 698—702;
см. также Социальная дезорганизация.
- Социальные роли—137, 332—333, 352, 357, 367, 382—383, 624—625, 639;
см. также Социация; Социальное действие и Социальное взаимодействие.
- Социальные силы—28—32, 653.
- Социальные системы—136—137, 224—226, 276, 278—279; 286—290, 303, 381, 411—413;
типы—20—21, 303.
- Социальные факты—102—103, 392.
- Социальный дарвинизм—26, 390, 425, 429—430.
- Социальный контроль—36—38, 167—207;
типы *с.к.*—38, 334, 628 и далее.
- Социальный процесс—25—29, 31—32, 100, 105, 304—305, 401—403, 773—774.
- Социальный статус—352, 357, 371, 505, 624—625;
и стратификация—424—427, 431—432, 436—438.
- Социация—40, 278, 627, 754.
- Социологии интерпретация—40—42, 121—122, 128.
- Социология искусства, основные категории—549—551;
как социология института—552—558;
социальный символизм—558—561;
типологический подход—553—558.
- Социология познания и классовая ориентация—450—457, 461, 729;
и неэкономические факторы—458—462, 469—470, 484—485;
общественное мнение—450, 466;
определение—447, 466, 468, 729, 768;
социальная (общественная) мысль—63—67, 71, 74 и далее, 98—99;
социология—687;
типы познания—466, 472—474.
- Социология религии, обзор—511—512, 538—539, 765;
типологический подход к религии—530—537;
эмпирическое исследование в религии—527—530, 745, 765.
- Социометрия—252—253, 356—357, 648.
- Спайкман Н. Дж.—40, 80, 92, 112, 623.
- Спар В. Э.—245.
- Спасение—535—537.
- Спенс Л.—520, 548.
- Спенсер Г.—21, 24—25, 30, 32, 39, 45, 79, 80, 83, 90, 95, 134, 135, 176, 200, 272, 273, 276, 300, 307, 388—391, 414, 619, 642, 688, 798, 801—803, 809, 811.
- Спенсер Дж.—699.
- Спенсер Р. Ф.—332, 619.
- Сперри В. Л.—528.
- Специальная социология—97
- Спили Б. М.—696.
- Спинка М.—524, 537—538.
- Спир Л.—599, 600, 604.
- Спирмен К. Э.—645.
- Сполдинг Э. Р.—655.
- Срастание священное—179—182.
- Стагнер Р.—641, 649.

- Стауффер С. А.—225, 226, 234, 242, 255, 256, 259, 269, 271, 358, 376, 636.
 Сталь М. С.—473.
 Стантон Ф. Н.—633, 634.
 Статистическая процедура—246—256, 643—645, 724, 820—821.
 Стейнмец С. Р.—749, 750, 757, 763, 771, 778.
 Степун Ф.—524.
 Стерн Б. Дж.—339.
 Стетцель Ж.—726—727, 733, 738, 741, 744, 746.
 Стефан Ф. Ф.—248, 359, 646.
 Стефеисон В.—645.
 Стил М.—357.
 Стиллман К. В.—614.
 Стогдилл Р. М.—366, 379, 633.
 Стоун Г. П.—440.
 Стоун Дж.—504, 508.
 Стоунквист Э.—431.
 Стратификация—24, 417, 420—421, 425—427;
 дестратификация—419, 444, 783 и далее;
 значение с.—24, 417, 420—421, 425—427;
 и общность—434—435, 439—442, 445;
 в малых группах—372—373;
 символическое взаимодействие (связь)—560—561;
 и социальные изменения—312—314, 321—322, 329—339, 341, 344;
 творческое меньшинство—223;
 и функционализм—436—441;
 и экономические системы—418—419, 422, 426, 467 и далее, 482;
 ярусы с.—422—423, 436—437, 441—442;
 см. также Социальные классы.
 Структурально-функциональный подход—224, 274—275, 286—296, 381—382;
 см. также Организмическая аналогия.
 Струп Г.—528, 535, 537.
 Стюард Дж. Г.—302.
 Судзуки Э.—813, 814.
 Суждение ценности — см. Нормативная социальная теория.
 Султан Г.—762.
 Сурио Э.—547.
 Схизмогенезис—278, 333.
 Сьюберг Г.—313, 444—445.
 Сьюэлл В. Г.—254, 440, 449, 680.
 Сэндерс И.—214, 216.
 Сэнфорд Ф. Г.—636.
 Сэпир Э.—599—600, 603—604, 607, 623, 664, 674, 757.
 Тажури Р.—366.
 Тайлор Э. Б.—170, 615, 616, 619, 642, 648.
 Такада Я.—810—811, 816.
 Такасима З.—815.
 Такахаси А.—823.
 Такебе Т.—808.
 Танабе Х.—815.
 Танжен П.—434.
 Гард Г.—29—30, 38, 81, 83, 212, 495, 810.
 Тевенин Р.—742.
 Теггарт Ф. Дж.—204, 266, 329, 340, 345.
 Тед О.—361.
 Теодиици проблема—535—537.
 Термен Л. М.—644.
 Теннис Ф.—20, 30, 32—34, 36, 41, 62, 84, 94, 95, 98, 100, 101, 112, 212, 302, 325, 330, 419, 750—753, 756, 761—762, 771, 778, 781, 810.
 Тёрнер Р. Дж.—231.
 Тёрстоун Л. Л.—235, 253—256, 644—645, 647, 821.
 Тибо Дж. В.—369.
 Тимашев Н. С.—47, 69, 77, 105, 107, 238, 291, 479, 488, 490, 494, 496, 501, 508.
 Типовые переменные—142—147.
 Типологическая процедура — см. Конструированные типы.
 Типы конструированные — см. Конструированные типы.
 Титмус Р. М.—695.
 Тишледер П.—535.
 Тобис Г.—760.
 Тода Т.—808, 813—814, 821, 824.
 Тойнби А. Дж.—61, 69, 86, 204, 313, 317, 322—324, 330, 337, 343, 345, 514, 539, 607, 690.
 Томарс А. С.—309, 359, 548, 562, 568, 621.
 Томас Д. С.—235, 247, 357, 635, 646.
 Томас У. И.—29, 42, 87, 99, 107, 114—118, 133, 156, 220, 221, 269, 271, 300, 332, 334, 337—338, 355, 393—395, 410, 414—416, 549—550, 628, 635, 643, 652, 657—659, 667—669, 672, 681.
 Томпсон Л.—297, 306, 327, 334.
 Томпсон Э.—517.
 Томпсон Э. Т.—437.
 Томсон Георг —548.
 Томсон Готфри —691.
 750.
 Торндайк Э. Л.—255, 644.
 Торранс Э. П.—372.
 Тотемизм—516—517.
 Тоуни Р. Г.—94, 527, 540, 543, 735, Тоуссиг Ф. В.—312.

- Тояма С.—809.
 Трагер Г.—624.
 Традиционализм — см. Проверби-
 альное общество.
 Траскот Б.—698.
 Тревер А. А.—66.
 Трекер Г. Б.—361.
 Тренамен Дж.—699.
 Трёльч Э.—209, 316, 510, 513, 525,
 528, 530—532, 540—543, 767
 Триада—350—353, 355—356, 381—
 382.
 Трэшер Ф. М.—355, 404, 623, 643.
 Турен А.—742.
 Турнвальд Р.—750, 757, 763, 765—
 767, 771, 775, 780, 781, 813.
 Турнвальд Х.—781.
 Тушфельд Э.—787.
 Тэйвс М. Дж.—251.
 Тэйлор К. К.—249, 317, 429.
 Тэн И.—547.
 Тюмин М. М.—297, 436, 439.

 Уайон О.—525.
 Уайт В. Г. Дж.—311.
 Уайт В. Ф.—355, 359, 374, 380, 611,
 646.
 Уайт Л. А.—329, 338, 342.
 Уайт Р. К.—378, 625.
 Уайт У. А.—654—655, 662, 774.
 Уайтинг Дж. У. М.—627, 648.
 Уайтхед А. Н.—509.
 Уайтхед Т. Н.—363.
 Уивер В. В.—408.
 Уилер Г. К.—648.
 Уилер У.—440—441.
 Уйлк У. Г.—633.
 Уилли М.—238.
 Уиллс Д.—699.
 Уилсон Гертруда—361.
 Уилсон Годфри—333, 341, 345.
 Уилсон Л.—88, 353, 470.
 Уилсон М.—333, 341, 345.
 Уилсон М. О.—354, 385, 636
 Уилсон П.—696.
 Уильямс Г.—695.
 Уильямс Р. М.—267
 Уильямс Ф.—455.
 Уинч Р. Ф.—262, 681—682.
 Уирмот Р. Ф.—526, 538, 540.
 Уисслер К.—238, 599—602, 613.
 Умственная изоляция и доступ-
 ность—194—200.
 Уникальность (неповторимость), не-
 посредственное наблюдение у. —
 161.
 Уничтожение как священно-светский
 критерий оценок—169—192.
 Уоллас Г.—632.

 Уоллер В. В.—235, 315, 358, 639.
 Уоллин П.—255.
 Уорд Л. Ф.—22, 28—30, 32, 36, 39,
 80, 95, 300, 307, 356, 390, 426, 622,
 653.
 Уорнер В. Л.—297, 312, 317, 357,
 434—438, 440—443, 446, 456—457,
 679.
 Усуи Д.—811.
 Уотсон Г.—361.
 Уотсон Дж. Б.—239, 637.
 Уотсон К. Р.—523.
 Установки как ситуационные опреде-
 ления —124;
 типы —124;
 и ценности —114, 117.
 Уэйер Э. М.—185.
 Уэллс Ф. А.—693.
 Уэлсфорд Э.—548.
 Уэлфорд А. Т.—692.
 Уэст Дж.—269, 441, 449, 456.
 Уэстон И. А.—548.
 Уэтерли У. Дж.—654.

 Файри В.—310.
 Фараго Л.—634.
 Фаувет Я.—744.
 Фаучер Д.—739.
 Фебр Л.—734.
 Фегелин Э.—771, 773.
 Федотов Г. П.—537.
 Фейблмэн Дж. К.—471.
 Феллс Г. А.—409.
 Фенолоса Э.—809.
 Феноменология —210, 753.
 Фергусон А.—89.
 Ферраротти Ф.—793.
 Фёрт М.—521.
 Фёрт Р.—611.
 Фёрфи П. Г.—52, 65, 77, 224, 246,
 248.
 Фестингер Л.—246, 371, 373, 646,
 Фигль Г.—284, 386—387.
 Финкельстайн Л.—520.
 Фиркандт А.—84, 86, 329, 342, 546,
 748, 751, 753, 756, 759, 767, 768,
 770—771, 810.
 Фиске М.—633.
 Фиш М. Г.—53.
 Фишер Р. А.—251, 647
 Фишоф Э.—94.
 Фланеган Дж. К.—636.
 Флауэрмэн С.—522.
 Флехтгейм О. К.—784—785.
 Флинт Дж.—213.
 Флугель Дж. К.—631.
 Фогараши А.—452.
 Фогельзанг К.—510.
 Фогт Э. Ц.—441.

- Фоконне П. — 712, 716—717, 722—723.
 Фокс Л. — 699.
 Фоллетт М. Р. — 360.
 Фолькарт Э. Г. — 86—87
 Фолькман Дж. — 776.
 Фонер П. С. — 319.
 Форд П. — 693.
 Фореман П. Б. — 263.
 Форм У. Г. — 440.
 Фортес М. — 297, 333.
 Фосе А. Г. — 529, 532, 541.
 Фрай К. Л. — 529.
 Франк Дж. Д. — 362, 480—481.
 Франк Л. К. — 297, 416, 674.
 Франкфорт Г. — 519, 537.
 Франц Г. — 775.
 Франц К. — 522.
 Фредериксон Н. — 482.
 Фрезер Дж. Г. — 544—545, 550.
 Фрезер Ф. Д. — 673.
 Фрейд З. — 88, 92, 130—131, 339, 361, 373, 436, 517, 544—545, 548, 549, 561, 629, 639—640, 647, 651—652, 655, 657—666, 669—671, 677, 681—684, 768.
 Фрейер Г. — 62, 92, 750, 754—756, 765, 777, 812.
 Фрейнд Л. — 786.
 Френч Дж. Р. П. — 369—371, 378.
 Фрер С. — 733, 738.
 Фреше М. — 718, 728.
 Фридман Ж. — 726—727, 731, 733, 739, 742.
 Фридман У. — 702.
 Фридман Р. — 79, 444, 571.
 Фриедбург Л. — 779.
 Фринк Г. В. — 659.
 Фромм Э. — 357, 512, 517, 538, 640, 676—678.
 Фромм-Рейхманн — 517.
 Фрошаммер Дж. — 510.
 Фрэнсис Р. Г. — 259.
 Фрэнсис Э. К. — 316.
 Фузилиер Р. — 744.
 Фукутаке Т. — 815, 821.
 Функционализм — 212, 272—289;
 биологическая основа ф. — 275—276;
 критика ф. — 280—284, 290—296, 512—513;
 и культура — 276—279, 603—605;
 ранний анализ ф. — 212;
 и социальная дезорганизация — 411;
 и социальное изменение — 282—283, 326—327, 331—334;
 и социальные классы — 420—421, 436—441;
 и теория ценности — 139—141.
 Функционально-процессуальный подход — 212, 327—328, 331 и далее.
 Фуикциональной взаимозависимости принцип — 125, 276—277, 292—293.
 Функциональные требования — 289—291, 293—295, 333—334.
 Функция — 28, 155—156, 273, 276—279, 281, 284—285, 288, 303;
 адаптивная — 277;
 и структура — 212;
 явная и латентная функции — 288, 303, 412—413, 469.
 Фуруно К. — 815.
 Фут Н. — 444.
 Фэрис Р. Э. Л. — 99, 353, 385, 407, 416.
 Фэрис Э. — 91, 99, 118—120, 131, 664, 669, 678—679.
 Фэррэнд М. — 525.
 Фын Ю-лань — 518, 539, 542.
 Хагеман В. — 785.
 Хайма А. — 527.
 Халл К. Л. — 630, 638.
 Хальбвакс М. — 82, 86, 212, 449, 718, 722, 728—730, 738, 742, 745—747.
 Хаммурапи — 53, 77.
 Хандмэн М. С. — 91.
 Ханзен Г. — 780.
 Хардинг Дж. — 629.
 Харизма — 42, 141, 148, 153—156, 205, 209, 337—338, 380, 459, 532.
 Харпер Р. А. — 410.
 Харт Б. — 659.
 Харт Х. — 241.
 Харт Ч. У. М. — 66, 135—136, 204, 473, 597, 618.
 Хартунг Ф. — 475.
 Хасхаген Дж. — 474.
 Хатт П. К. — 246, 252, 311, 312, 440.
 Хауз Ф. Н. — 47, 52, 54, 69, 77, 80, 82, 432—433, 476.
 Хаузер А. С. — 546, 561.
 Хаусер П. М. — 270.
 Хаяши М. — 816.
 Хебель Э. А. — 506, 507.
 Хеберле Р. — 94, 771, 778.
 Хевель Э. Ф. — 526.
 Хегерстрём А. — 489, 493, 497, 502.
 Хезер Дж. — 500—501.
 Хейнер Н. С. — 672.
 Хейнс Р. В. — 365, 646.
 Хейнц Э. Ф. — 374, 378.
 Хелльпах В. — 772, 780.
 Хемфилл Дж. К. — 636.
 Херцог Г. — 633.
 Хетцер Г. — 646.
 Хетцлер С. А. — 442.

Хиберт Р.—737.
 Хидака Р.—824.
 Хикс Дж. Д.—319.
 Хили У.—269, 643, 655—656, 664, 666—667.
 Хилл М. Ч.—441.
 Хилл Р.—176, 213, 315, 356, 358, 380.
 Хиллер Э. Т.—224, 263, 279, 446.
 Хинкл Г. Дж.—96, 102, 106, 424, 639, 651—652, 657, 669, 677.
 Хинкл Р. К.—96, 102, 106, 313, 424, 651—652, 669, 677.
 Хиннеберг П.—519, 525, 527.
 Хитти П. К.—523, 532, 534.
 Ховланд К. И.—634.
 Ходжес Г. А.—551.
 Хокарт А. М.—548.
 Холкомб А. Н.—317.
 Холл Дж.—503—504, 506—507.
 Холл Дж. С.—651—654.
 Холл К. С.—639, 652, 684.
 Холл П.—695.
 Холл Т. К.—467, 479.
 Холлингсворт Г. Л.—631.
 Холлингсхед А. Б.—313, 370, 380, 440—441, 445, 457.
 Холт Э. Б.—657.
 Хонигсгейм П.—197, 316, 459, 471—472, 474, 509—510, 513, 515, 516, 519—526, 546, 771.
 Хоплер Р. Д.—319.
 Хорват В.—498—499, 503.
 Хоркгеймер М.—522, 540, 771, 787, 788.
 Хорни К.—357, 640, 676.
 Хоули А.—135, 310, 444.
 Хоумэнс Г. К.—80, 91, 282, 289, 293, 358, 377, 382—383, 410—412, 605, 611.
 Хоуэллс В. В.—597—598.
 Хохбаум Г. М.—375.
 Христианство —524—529.
 Хук Г. С.—520.
 Хук С. Ф.—548.
 Хьюз Э. Ч.—211, 224, 228, 235, 260, 263, 325—326, 375, 431, 639.
 Хьюлетт Дж. Э.—641, 649.
 Хэвигхерст Р. Дж.—317, 457, 676.
 Хэгуд М. Дж.—245, 247, 250.
 Хэддон А. Ч.—619.
 Хэллоуэлл А. И.—88, 327, 332, 600, 614, 621, 641, 679.
 Хэлмос П.—694.
 Хэнкинс Ф. Г.—61.
 Хэр А. П.—353—354, 372, 378, 385.

Цвейг Ф.—695—696.

Целенаправленная рациональность—184—185.

Ценности и установки —114, 117, 717;

определение —114, 159, 165—169;

как результат конкуренции —135 и далее;

правила —114 и далее, 130;

религиозные аспекты ц. и у.—131—133;

и социальное изменение —149—156, 158—207;

солидарность —35, 128, 133;

и типовые переменные —142—149;

личность —118—119;

как трансцендентные реальности —120, 140 и далее;

как элементы ориентации —115—117, 124, 717;

объекты —159—167;

связь с потребностями —159—167

Церемониал повсеместный —175—176.

Церемониалы-воспоминания юбилейные —176—178.

Церковь —524—526, 529—533, 537

Цигенфис В.—788.

Циглер Г. О.—764.

Циммер Г.—520.

Циммерман К. К.—249, 267, 340.

Циркуляция элиты —102, 313—314, 422, 762.

Цукамото Т.—822.

Чабот Г.—739.

Чазал Дж.—737

Чайлд А.—451—452, 459, 464, 468.

Чайлд И. Л.—648.

Чамберс К. Л.—319.

Чамблесс Р.—53, 77.

Чапмэн Б.—743.

Чаумен Г.—742.

Чейн И.—629.

Чемпион С. Г.—180.

Чемберлен Х. С.—606.

Чилдс К. М.—599.

Чэппл Э. Д.—363.

Шаллмайер Ф. Г.—771.

Шайнес Э.—226, 241.

Шаррон Дж.—727.

Шартл К. Л.—366, 636.

Шахтер С.—369—371, 373—374, 378.

Швансон Г. Э.—629, 649.

- Шварц О. Л.—635.
 Шведетский И.—786.
 Швейцер А.—511.
 Швер В.—526, 540.
 Шевалева-Яновская Е.—370—371.
 Шевалье Дж. Дж.—735.
 Шевалье Л.—739, 746.
 Шедер Р.—776.
 Шейдлингер С.—362.
 Шек Г.—748—749.
 Шелдон Р.—293, 296.
 Шелер М.—21, 209, 210, 450, 453, 458—459, 466, 472, 478, 515, 524, 536, 537, 539, 550, 753, 757, 764, 768, 784, 810, 812, 830.
 Шеллинг Дж.—524.
 Шельский Г.—781—782, 788.
 Шельтинг А.—94, 465, 751, 768, 771, 785.
 Шериф М.—121, 352, 359, 366, 377, 385, 629, 636.
 Шеффилд А. Д.—360.
 Шеффе А.—272—274.
 Шёте П.—364.
 Шёфлер Г.—526, 537, 540.
 Шиделер Э. Г.—404.
 Шилз Э. А.—137, 139, 142, 286, 292, 296—297, 353, 354, 359—360, 376, 384—385, 442, 550, 677, 768, 820.
 Шиллинг О.—527.
 Шиндлер Д.—499—500.
 Шкала —169, 251—256.
 «Шкалограммный анализ»—255; см. также Гуттмана шкала.
 Шлаттер Р.—527, 540.
 Шмид К. В.—255.
 Шмидт В.—510, 516.
 Шмидт Р.—263.
 Шмидт Э. П.—638.
 Шмитт-Эглин П.—745.
 Шнее Г.—764.
 Шнейдер Л.—684.
 Шолем А.—532.
 Шолли П.—735, 739.
 Шомбатт-де-Лавуе П. А.—733, 738.
 Шоу К. Р.—269, 405, 643, 672.
 Шох М. М.—501, 508.
 Шпанн О.—61, 514, 516, 539, 756.
 Шпейер Г.—86, 467.
 Шпенглер О.—62, 69, 322—324, 514, 539, 548, 607, 768, 787.
 Шпиндлер Г. Д.—609, 614.
 Шпротт В. Дж. Г.—690.
 Шраг К. К.—110.
 Шрамм В.—629.
 Шрётер М.—514, 516, 519.
 Штавенхаген К.—764.
 Штаммер О.—784—786.
 Штаммлер Р.—500.
 Штейн Л.—62.
 Штейнгофф М.—753.
 Штейнер Дж. Ф.—808, 827.
 Штермер Дж. Э.—317, 343.
 Штерн Л. Х.—520.
 Шоттен Дж.—776.
 Штраус А. Л.—121, 255, 638, 651.
 Штродтбек Ф. Л.—353, 354, 359, 371, 376, 385, 626.
 Штурмхал А.—319.
 Шулер Э. А.—429, 434.
 Шумпетер Й.—760—761, 764, 771, 780.
 Шуль М.—547.
 Шульман Г. М.—362, 380.
 Шюккинг Л. Л.—546, 561, 770.
 Шюсслер К.—255.
 Шютц А.—457.
 Эванс-Притчард Э. Э.—605, 618.
 Эгган Ф.—302, 608.
 Эдвардс Л. П.—269, 319.
 Эдвардс М.—526, 538, 540.
 Эдиб Х.—523.
 Эйнштейн А.—545, 583.
 Эйсенк Г. Дж.—454—455, 646.
 Эйстер А. В.—263, 319, 380.
 Эккерт Х.—751, 764.
 Экономическая интерпретация истории—22.
 Экспериментальная процедура—256—259, 647 и далее.
 Элдрндж С.—429.
 Элиаде М.—748.
 Элиот Т. Д.—266, 673.
 Элита, циркуляция э.—102, 331, 421—422, 762.
 Элкин Г.—679.
 Эллвуд Ч. А.—52, 60, 64, 77, 80, 266, 332, 340, 636, 810.
 Эллиот М. А.—267, 408.
 Эллиотт Х. С.—360—361.
 Эллис Х.—652.
 Элмер М. К.—245, 266.
 Эмерсон Р. М.—374.
 Эммарт Э. В.—517.
 Эмпиризм —222—225, 728, 733—734, 777—778, 813, 819—825.
 Энгельманн Г.—64.
 Энгельс Ф.—23, 307, 318, 418, 450, 516, 544, 688.
 Энциклопедия в социальной психологии—622—648.
 Энциклопедическая социология—79, 98.
 Эпистемология — см. Познание, теория л.
 Эпштейн М.—522, 527.
 Эренберг В.—546.
 Эренберг Г.—524.

Эрлих Э.—507.
Эрроу К. Дж.—233.
Эспинас А.—652, 741.
Эссертье Д.—81, 707, 714—716, 721, 724.
Этическая священность —173—174.
Этнографическая психология —718 и далее.
Эфрон Д.—641.
Эшдаун М.—695.

Юбэнк Э. Э.—356, 808, 827.
Юнг К. Г.—549, 628, 639, 655, 681.
Юношеское движение —208.
Юркат Э.—753.

Юсим Дж.—434.
Юсим Р. Г.—355, 356, 358, 434.

Ягода М.—246, 270, 636, 645—646.
Я-и-другой — см. Социальное взаимодействие; Социальное действие и Социация.
Янг Б.—530.
Янг К.—530, 622, 624, 631, 632, 639, 642, 649, 673, 674, 677.
Янг П. В.—245, 263, 266—267, 356.
Янис И. Л.—630, 634.
Ясперс К.—787.
Ясперсон О.—623.
Яши О.—63—65.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	5
Предисловие редакторов-составителей	7

ЧАСТЬ I. ВВЕДЕНИЕ

Глава 1. От общественной мысли к социологической теории (<i>Алвин Босков</i>)	15

ЧАСТЬ II. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Глава 2. Развитие анализа социальной мысли (<i>Говард Дженсен</i>)	51
Глава 3. Анализ социологических теорий недавнего прошлого (<i>Ричард А. Шермерхорн и Алвин Босков</i>)	78
Глава 4. Общие современные социологические теории (<i>Престон Вэлиен и Бонита Вэлиен</i>)	97
Глава 5. Изменение значения понятия ценностей в современной социологической теории (<i>Уильям Л. Колб</i>)	113
Глава 6. Современная теория священного и светского и ее развитие (<i>Говард Беккер</i>)	158
Глава 7. Методология, процедуры и техника социологии (<i>Джон Ч. Маккинни</i>)	218
Глава 8. Структурально-функциональный анализ в современной социологии (<i>Уолтер Бакли</i>)	272
Глава 9. Социальные изменения: основные проблемы возникновения теоретических и исследовательских центров (<i>Алвин Босков</i>)	298

ЧАСТЬ III. НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Глава 10. Основные направления в изучении малых групп. (<i>Аллен У. Эйстер</i>)	349
Глава 11. Социальная дезорганизация: конфликт между нормативным и эмпирическим подходом (<i>Дон Мартиндэйл</i>)	386
Глава 12. Социальная стратификация в перспективе (<i>Роско Ч. Хинкл мл. и Алвин Босков</i>)	417
Глава 13. Сфера социологии познания (<i>Франц Адлер</i>)	447

Глава 14. Развитие социологии права и ее сфера (<i>Н. С. Тимашев</i>)	479
Глава 15. Социология религии: дополнительный анализ религиозных институтов (<i>Пауль Хонигсгейм</i>)	509
Глава 16. Социология искусства, литературы и музыки: социальные контексты символического опыта (<i>Хью Д. Данкан</i>)	544

ЧАСТЬ IV. КОНВЕРГЕНЦИИ ПОГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ С СОЦИОЛОГИЕЙ

Глава 17. Социология и развитие междисциплинарных областей науки (<i>Адольф С. Томарс</i>)	565
Глава 18. Культур-антропология и социология (<i>Ч. У. М. Харт</i>)	596
Глава 19. Социальная психология и социология (<i>Кимболл Янг и Линтон Фримен</i>)	622
Глава 20. Социология и психоанализ (<i>Гизела Дж. Хинкле</i>)	650

ЧАСТЬ V. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕОРИИ ЗА РУБЕЖОМ

Глава 21. Социология в Англии: основная тематика (<i>У. Дж. Г. Спротт</i>)	687
Глава 22. Социология во Франции: мнение эмпирика (<i>Жан Стетцель</i>)	707
Глава 23. Социология в Германии: новая расстановка сил (<i>В. Э. Мильман</i>)	748
Глава 24. Социология в Италии: проблемы и перспективы (<i>Франко Ферраретти</i>)	789
Глава 25. Социология в Японии: аккомодация западных воззрений (<i>Кунио Одака</i>)	807
Исторический материализм и современная буржуазная социология (Послесловие)	828
Библиография редакторов-составителей	866
Список сокращенных названий журналов	869
Указатель	871

Говард Беккер
и Алвин Босков

СОВРЕМЕННАЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
В ЕЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
И ИЗМЕНЕНИИ

Художник *Ю. В. Самсонов*
Художественный редактор *Б. И. Астафьев*
Технический редактор *Ф. Х. Джатиева*

Сдано в производство 21/XII 1960 г.
Подписано к печати 24/IV 1961 г.
Бумага 60×92¹/₁₆=28 бум. л.
Печ. л. 56.
Уч.-изд. л. 61,9 Изд. № 9/5303
Цена 3 руб. 91 коп. Зак. 745

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Московская типография № 5
Мосгорсовнархоза.
Москва, Трехпрудный пер., 9